НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 12 ДНЕЙ ЛОРЫ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 12 ДНЕЙ ЛОРЫ

М. Горький

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 12

Серия основана в 1989 году

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М.ГОРЬКОГО

Горький. Неизвестные страницы истории

(МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ)

ВЫПУСК 12

Москва
ИМЛИ РАН
2014

Scan by Com Plus

ББК 83.3

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), исследовательский проект № 10-04-00257а, издательский проект 14-04-16029д

Редакционная коллегия:
Спиридонова Л.А. (ответственный редактор), Примочкина Н.Н., Семашкина М.А.

Ответственные секретари: *Егорова Ю.М., Шуган О.В., Плотникова А.Г.*

Рецензенты:
доктор филологических наук *Терехина В.Н.*
кандидат филологических наук *Матевосян Е.Р.*

Горький. Неизвестные страницы истории (материалы и исследования).
Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 12. М.: ИМЛИ РАН, 2014. — 728 с.

Коллективный труд ученых Отдела изучения и издания творчества М. Горького составлен из впервые публикуемых материалов, которые сопровождают вступительные статьи и научный комментарий к текстам. Учитывая потребности времени, авторы выбрали для публикации те материалы, которые более полно освещают трагическую эпоху 1930-х годов и роль М. Горького в ней.

В 12 выпуске серии «М. Горький. Материалы и исследования» представлены неизвестные воспоминания чекиста И.М. Кошенкова, директора издательства «Художественная литература» Н.Н. Накорякова, переписка М. Горького с М.М. Пришвиным, М.Е. Лёвберг, Н.К. Крупской и М.И. и А.И. Ульяновыми, М.П. Томским, В.Я. Зазубриным, письма А.Н. Тихонова и Е.Д. Кусковой, И.С. Шкапы, статьи, а также малоизученные факты биографии писателя, его встречи и контакты с людьми, имена которых были вычеркнуты из истории

© ИМЛИ РАН, 2014
© Отдел изучения и издания творчества М. Горького ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2014

ISBN 978-5-9208-0444-0

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 7

«ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ГОРЬКОМ»
И.М. КОШЕНКОВА
Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л.А. Спиридоновой 15

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО С Н.К. КРУПСКОЙ, М.И. УЛЬЯНОВОЙ И А.И. ЕЛИЗАРОВОЙ-УЛЬЯНОВОЙ
Вступительная статья, подготовка текста и примечания О.В. Быстровой 53

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО С М.П. ТОМСКИМ
Вступительная статья Ю.У. Каскиной, подготовка текста писем А.Г. Плотниковой и О.В. Шуган, примечания Ю.У. Каскиной, А.Г. Плотниковой 137

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО С Е.Д. КУСКОВОЙ (1921–1930 гг.)
Вступительная статья, подготовка текста и примечания И.А. Бочаровой 198

ПИСЬМА А.Н. ТИХОНОВА М. ГОРЬКОМУ 1923–1925 гг. (ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ СОВРЕМЕННИК»)
Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н.Н. Примочкиной 266

«ПИСАТЕЛЬСТВО – ТРУДНОЕ И ОТВЕТСТВЕННОЕ ДЕЛО». ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО С М. ПРИШВИНЫМ
Вступительная статья, подготовка текста и примечания Е.Н. Никитина 338

«...ПРИХОДИТСЯ ПИСАТЬ ПОД ДАВЛЕНИЕМ... СОРОКА АТМОСФЕР». НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО И В.Я. ЗАЗУБРИНА
Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л.В. Суматохиной 426

ПИСЬМА М.Е. ЛЁВБЕРГ М. ГОРЬКОМУ
Вступительная статья, подготовка текста и примечания М.А. Семашкиной 523

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ» (НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА И.С. ШКАПЫ М. ГОРЬКОМУ)
Вступительная статья, подготовка текста и примечания О.В.Шуган 552

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ Н.Н. НАКОРЯКОВА О ВСТРЕЧЕ М. ГОРЬКОГО С Р. РОЛЛАНОМ
Вступительная статья, подготовка текста и примечания Т.Р. Гавриш 627

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАМЫСЛА ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «МАТЬ» (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕИЗВЕСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ)
Статья и примечания Ю.М. Егоровой 642

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ А.М. ГОРЬКОГО
Статья и примечания С.М. Демкиной 656

Фотоприложение 693
Список иллюстраций 706
Условные сокращения 707
Указатель имен 710

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый коллективный труд ученых Отдела изучения и издания творчества М. Горького составлен из впервые публикуемых материалов, которые сопровождают вступительные статьи и научный комментарий к текстам. Учитывая потребности времени, авторы выбрали для публикации те материалы, которые более полно освещают трагическую эпоху 1930-х годов и роль Горького в ней.

В книге развенчивается миф о том, что писатель или не знал, или старался не видеть того, что происходило в стране. В годы перестройки его упорно именовали верным исполнителем воли И.В. Сталина, «другом кровавых чекистов» и их руководителя Г.Г. Ягоды, приспособленцем и лжецом. На самом деле все было значительно сложнее. Горький, как и многие советские писатели, был сыном своего трудного и трагического времени, что объясняет противоречивость его поведения. Тем не менее, находясь в гуще событий и имея недоступную другим информацию о происходящем, он оставался гуманистом, упорно защищая, как и в 1918–1920-х годах, всех, кто подвергался политическим гонениям. Эта роль писателя стала известна только после публикации его переписки с Г.Г. Ягодой, Л.Б. Каменевым, Н.И. Бухариным, Р. Ролланом, П.П. Крючковым и др.

Продолжая эту традицию, авторы предлагаемого труда включили в книгу неизвестные воспоминания о Горьком коменданта дома на Малой Никитской, 6, чекиста И.М. Кошенкова, который рассказывает о том, как готовили дом к приезду писателя, как проходили там многолюдные встречи с деятелями культуры и науки, как складывались отношения семьи Горького с охранниками. Одна из глав воспоминаний повествует об аресте одного из ближайших помощников писателя И.С. Шкапы и даже повара. Во многом проясняется тайна гибели сына Горького — М.А. Пешкова, а также роль секретаря П.П. Крючкова и его жены Е.З. Крючковой в жизни горьковской семьи. Учитывая судьбу записей И.М. Кошенкова, который вел их систематически

с 1931 по 1936 г. и судьбу самого автора, можно сказать, что эти письменные свидетельства гораздо весомее официальных документов, публиковавшихся в советской печати, поскольку правдиво и беспристрастно рассказывают о советской истории тех лет.

Этот материал логически продолжает впервые публикуемая переписка Горького и М.П. Томского. Судьба этого видного политического деятеля трагична: он покончил с собой, чтобы не оказаться на скамье подсудимых на процессе 1938 г. Защищая членов правой и левой оппозиции от преследований, Горький не раз помогал Н.И. Бухарину, А.И. Рыкову, М.П. Томскому, Л.Б. Каменеву и др. Назначение Томского на пост руководителя Госиздата, а Каменева — главой издательства «Academia» было сделано по просьбе Горького, согласовавшего кадровые вопросы с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. Показательно, что при жизни писателя ни один из оппозиционеров не был расстрелян. Добиваясь их примирения со Сталиным, он рекомендовал их на ответственные посты в государстве. Переписка с Томским позволяет увидеть, как внимательно относился писатель к становлению советского книгоиздательства, как он вникал во все насущные проблемы, вплоть до реорганизации полиграфической промышленности.

Взаимоотношения Горького и Томского до настоящего времени не были темой отдельного исследования. С 1918 до 1929 г. Томский возглавлял советские профессиональные союзы. Вместе с Н.И. Бухариным и А.И. Рыковым он в конце 1920-х годов входил в так называемый «право-троцкистский центр», выступал против сталинской политики раскулачивания. Будучи членом оппозиции, обнаружил смелость и принципиальность, которые мало кому удалось сохранить под давлением Сталина.

Уволенный с поста председателя ВЦСПС, Томский был переведен на издательскую работу в ОГИЗ (Объединенное государственное издательство). Впервые окунувшись в издательскую деятельность, Томский нуждался в поддержке и профессиональных советах Горького. Переписываясь, они обсуждали разные вопросы: проекты «Истории Гражданской войны» и «Истории Фабрик и Заводов», договоры с «Международной книгой», вопросы идеологии и практические дела, связанные с бумажным кризисом в стране. В письмах Горький перечислял конкретные книги для юношества, которые в первую очередь требовали переиздания, просил оказать материальную помощь забытому автору задачника по физике. Томский, в свою очередь, сожалел о форсированном — иногда в ущерб качеству — издании школьных учебников, сетовал на «слабую и серую» выпускаемую литературу, иногда жаловался на здоровье.

Во время работы в ОГИЗе Томского не раз безосновательно обвиняли в том, что он «закупал идеологически невыдержанные рукописи» и пропускал «идеологический брак».

Немалый интерес не только для горьковедов, но и для широкого круга читателей представляет публикация переписки Горького с родными В.И. Ленина: Н.К. Крупской, М.И. Ульяновой и А.И. Елизаровой. Впервые публикуемые документы проясняют конфликтную ситуацию в отношениях власти с Н.К. Крупской и роль Горького в работе центральных органов советской печати. В письмах (всего их 35) по-новому освещаются темы в современной лениниане. Так, письма Н.К. Крупской, рассказывающие о последних днях Ленина, подтверждают, что публикации отрывков из писем Крупской Горькому в журнале «Октябрь» (1941) носили отрывочный характер. Прежде всего, это относилось к любому (даже самому незначительному) упоминанию о последних днях и минутах жизни Ленина. Привлечение современных исторических и мемуарных источников позволяет устранить этот пробел.

В переписке раскрывается деятельность Н.К. Крупской в Наркомате просвещения, ее работа над биографией Ленина; в тексте публикации освещается работа М.И. Ульяновой в «Правде»; работа А.И. Ульяновой-Елизаровой над книгой о казанских событиях, в которых участвовал старший брат Ленина («Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» (М.; Л.: ГИЗ, 1927)); воспоминания самого писателя об Г. Алексинском, М. Вилонове, М. Козыреве и др. в 1910–1912 гг. Благодаря переписке проясняются «белые» пятна в научной биографии писателя, связанные со спасением научного и культурного наследия России.

Примечания к письмам Горького выявляют и уточняют некоторые позиции во взаимоотношениях Горького и Ленина, относящиеся к 1910–1912 гг., что отчасти подтверждается письмами ученых Института Ленина (впоследствии ИМЭЛ) к Горькому, которые серьезно и много работали над историей РСДРП и биографией Ленина. Особый интерес в письмах и примечаниях к ним представляет реакция на смерть В.И. Ленина в советском обществе.

В настоящем труде впервые печатаются письма писателя и публициста И. Шкапы Горькому, повествующие об их совместной работе в журнале «Наши достижения» и других горьковских начинаниях. В качестве заведующего редакцией, а впоследствии члена редколлегии, Шкапа принимал активное участие в становлении этого издания, сохраняя горьковские идейные установки и принципы. Наставничество Горького сыграло важную роль в судьбе начинающего писателя и выковало из него настоящего мастера художественного слова.

В письмах отражена также история еще одного горьковского начинания — «История Гражданской войны», к которому Шкапа был привлечен в 1933 г. Молодой литератор сотрудничал и в других изданиях, писал книгу о Н.В. Гоголе, занимался составлением словаря синонимов и словаря эсперанто, однако работу над этими проектами оборвал его арест в октябре 1935 г.

После 20-летней ссылки Шкапа вернулся к литературной деятельности и написал книгу «Семь лет с Горьким» (1964, переиздана в 1966 и 1990), имевшую большой успех у читателя.

В книге впервые используются материалы Архива И.С. Шкапы, хранящегося в Литературно-мемориальном музее А.М. Горького в Казани.

Эпоха 1930-х годов раскрывается также в неизвестных воспоминаниях Н.Н. Накорякова о встрече Горького с Р. Ролланом летом 1935 г. Будучи заочно знакомыми по переписке, которая началась в 1916 г., писатели встретились лишь за год до смерти Горького. Воспоминания дополняют рассказ об их встрече, содержащийся в «Московском дневнике» Р. Роллана и переписке писателей.

Знакомство Горького с Накоряковым произошло на V (1907) съезде РСДРП, куда Накоряков приехал в качестве делегата. Об этой встрече подробно рассказано в воспоминаниях «На пятом партийном съезде». С 1922 г. Накоряков работал в Госиздате и постоянно пользовался советами и рекомендациями Горького. Воспоминания Н.Н. Накорякова о встрече М. Горького с Р. Ролланом в Горках в июле 1935 г. раскрывают неизвестную страницу культурной жизни СССР и биографии писателей. Об этом событии он рассказал много позже, в феврале 1966 г. на встрече с горьковедами ИМЛИ.

Считая развитие советской литературы своим главным делом, Горький тщательно следил за творчеством коллег-писателей, как начинающих, так и маститых. Об этом свидетельствует неизвестная переписка М. Пришвина и Горького. Из нее становится ясно, что первое Собрание сочинений Пришвина вышло в Госиздате при прямой поддержке Горького, который высоко ценил его творчество. Несмотря на различие жизненных позиций и творческих принципов, оба писателя находили много точек соприкосновения в оценке событий эпохи.

В основе взаимоотношений лежала огромная любовь каждого из писателей к литературе и ответственное отношение к своему делу, высокая оценка литературных способностей друг друга. Это связывало двух литераторов. Но было и то, что разъединяло. Горький активно занимался общественной работой. Пришвин предпочитал уединение. Наибольший диссонанс в отношения писателей внесла проводившаяся с конца 1920-х годов коллективизация, одобренная Горьким и с болью наблюдавшаяся Пришвиным.

Эта переписка позволяет лучше понять непростые отношения, существовавшие между М. Горьким и М. Пришвиным.

Трогательное внимание Горький проявлял к судьбе своего постоянного помощника — писателя и издательского работника А.Н. Тихонова: благодаря его хлопотам Тихонова после четырехмесячного пребывания в заключении 15 мая 1925 г. выпустили из тюрьмы. Горький помог ему вновь устроиться

на работу, привлек к созданию серии книг «История Гражданской войны», «История Фабрик и Заводов» и др. Письма Тихонова Горькому (их 19), публикуемые впервые, показывают размах замыслов и свершений Горького в 1923–1925 гг.

Из обширной коллекции писем Тихонова Горькому, насчитывающей более 100 единиц, для печати выбраны те, которые рассказывают об истории создания, жизни и гибели одного из немногих частных, непартийных журналов Советской России — журнала «Русский современник». Во вступительной статье раскрываются личные и литературные взаимоотношения Горького и Тихонова, анализируется степень участия и роль Горького в этом журнале, указываются причины, приведшие к его закрытию властями после выхода четырех книг журнала. Все 19 впервые публикуемых писем Тихонова сопровождаются подробными историко-литературными примечаниями. Данные письма проясняют многие недостаточно изученные моменты биографии Горького 1920-х гг., периода, который В.Ф. Ходасевич очень метко назвал «потаенной эпохой горьковской жизни».

В настоящий труд впервые включены письма Горького 1928–1936 гг. сибирскому писателю В.Я. Зазубрину. Особенности этого периода сказались на судьбе Зазубрина, которого с 1917 г. обвиняли в провокаторстве, в связи с чем он неоднократно подвергался суду и партийной «чистке». Начиная с 1928 г. Горький пытался помочь Зазубрину восстановить доброе имя и писательскую репутацию. Именно поэтому в переписке и примечаниях неоднократно возникают имена И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, Л.М. Кагановича, А.А. Сольца, Ем. Ярославского и других партийных деятелей.

Другой блок писем, в советское время не допущенный к публикации, связан с непростой издательской судьбой романов Зазубрина «Два мира» и «Горы». Первый посвящен гражданской войне в Сибири, второй был задуман как роман о коллективизации. Романы Зазубрина с трудом проходили через цензурные препятствия. Помощь Горького здесь была огромна. Он привлек Зазубрина к работе над «Историей Гражданской войны» и к редактированию литературного отдела журнала «Колхозник» — оба проекта были ориентированы, прежде всего, на деревню, заказал Зазубрину очерк о ВИЭМ для журнала «Наши достижения».

В переписке чисто литературные, на первый взгляд, проблемы при ближайшем рассмотрении почти всегда оказываются неразрывно связанными с текущей политикой: устранение Зазубрина из журнала «Сибирские огни» и его травля — с ужесточением политики по отношению к деревне, распоряжение о конфискации девятого издания романа «Два мира» — с запретом «одиозного имени» Троцкого, «Открытое письмо» Ф. Панферова — с борьбой за власть в Союзе писателей и стремлением партийного руководства установить жесткий идейный контроль над литературой.

При подготовке труда впервые введены в научный оборот новые архивные материалы: неизвестное письмо Горькому писателя Б. Шергина, о судьбе которого просил позаботиться Зазубрин; неопубликованные письма Л. Сейфуллиной, В. Итина Горькому, непосредственно связанные с судьбой Зазубрина; письмо сибирского писателя А. Коптелова Зазубрину о положении сибирской деревни в 1928 г., переданное Горькому; выписка из протокола заседания ЦКК, посвященного «делу» Зазубрина; «Открытое письмо» Зазубрина Ф. Панферову и др. материалы.

С работой Горького над задуманной им серией «История Фабрик и Заводов» связана его переписка с М.Е. Лёвберг. Все письма писателя свидетельствуют о глубоком интересе к творчеству молодой талантливой писательницы-драматурга, поэтессы.

В 1919–1920 гг. она была привлечена Горьким к сотрудничеству в издательстве «Всемирная литература» в отделе французской литературы в качестве переводчицы. В личной библиотеке Горького собраны все книги ее переводов — Гюго, Стендаля, Майн Рида, Муссинака и др.

Творческое наставничество, дружеское участие Горького помогли ей выжить в трагические для нее дни 1926–1929 гг. В 1930-е гг. он поддерживает Лёвберг материально — для работы над историческим романом «Дантон», привлекает ее к созданию «Истории Фабрик и Заводов», не дает чувствовать себя «кустарем одиночкой».

На Первом съезде советских писателей (1934) Горький отметил труд М.Е. Лёвберг по созданию истории завода «Красный путиловец». Она скончалась 12 сентября того же года, так и не успев его завершить.

В настоящем труде продолжается переписка 1921–1930-х гг. Горького с известной общественной деятельницей и писательницей Е.Д. Кусковой. Они познакомились летом 1893 г. в Нижнем Новгороде, куда Кускова была выслана за «неблагонадежность». Их биографии тесно связаны с историей русской социал-демократии. Письма Кусковой к Горькому периода Февральской революции 1916–1917 гг. напечатаны в кн.: *Горький в зеркале эпохи.* С. 425–461. В предлагаемой переписке идет обсуждение всех исторических событий первых лет Советской власти: НЭП, Помгол, коллективизация. Начавшиеся политические репрессии послужили разрывом их отношений в 1930 г. Переписка представляет общественно-политический интерес, значима как для изучения личности обоих корреспондентов, так и определенного отрезка нашей русской истории.

В статье Ю.М. Егоровой повествуется об истории замысла повести Горького «Мать», которая мыслилась ему как дилогия о росте нового революционного сознания в массе русского народа. Продолжением известной повести «Мать» должна была стать повесть «Сын», о которой писатель рассказал в письмах, некоторые из них публикуются впервые (И.П. Ла-

дыжникову, В.Л. Львову-Рогачевскому, Р.П. Аврамову, К.П. Пятницкому, А.В. Луначарскому и мн. др.) Рассматривались и другие варианты названия повести — «Павел Власов», «Герой». Письмо Горького В.А. Десницкому от начала апреля 1933 г. свидетельствует, что наброскими к «Сыну» стали рассказы «Лето», «Мордовка», «Романтик», «Сашка» («Легкий человек»).

В данной работе раскрывается творческая история повести, её замысел, представлены прототипы главных и второстепенных персонажей, а также описание отдельных сцен повести, в основу которых легли реальные события, происходившие в Нижнем Новгороде в начале XX века.

Труд завершается публикацией дарственных надписей на книгах, подаренных Горькому и хранящихся в его личной библиотеке. Они принадлежат не только выдающимся писателям (Л. Андреев, А. Блок, А. Куприн), но и начинающим авторам, учившимся у Горького мастерству слова. Приводимые впервые с примечаниями, в которых рассказана история их взаимоотношений с писателем, они дают в целом впечатляющую картину оценки роли Горького в историко-культурном процессе первой половины XX века.

Личная библиотека Горького (*ЛБГ*), хранящаяся в музее-квартире писателя на М. Никитской, 6 — важнейшая часть его мемориального наследия. Последняя библиотека Горького (12 тыс. томов), занимая почетное место среди известных библиотек А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, А.А. Блока, уступает по своим размерам лишь яснополянскому собранию Л.Н. Толстого.

Огромный интерес для горьковедов и специалистов-филологов представляют сохранившиеся дарственные надписи, в том числе автографы людей, во многом сформировавших отечественную литературу двадцатого века: А.П. Чехова, В.В. Розанова, В.Г. Короленко, А.А. Блока, И.А. Бунина, Л.А. Андреева, Б.Л. Пастернака, А.И. и М.И. Цветаевых, Н.С. Гумилева и др.

За посвящениями Горькому — череда общественно-значимых явлений: искания рубежа веков, первая русская революция, октябрьские события, послереволюционные годы; галерея лиц, в разное время влиявших на судьбы страны. В этом многообразии фигура Горького воспринимается как ключевая, связывающая царскую Россию и Советский Союз: Чехова и Короленко с Маяковским и Зощенко. Исчерпывающим и часто цитируемым впоследствии стал автограф Бориса Пастернака на издании «Девятьсот пятый год» (М.; Л.: Госиздат, 1927) — «Алексею Максимовичу Горькому, величайшему выраженью и оправданью эпохи с почтительной и глубокой любовью *Б. Пастернак*. 20 / IX — 27. Москва».

В целом предлагаемая книга, основанная на достоверных документах того времени, даёт возможность по-новому оценить роль и значение Горь-

кого в общественно-политической и литературной жизни России. Живые страницы подлинных документов, публикуемые впервые, свидетельствуют о научной новизне труда. Его актуальность бесспорна, так как книга проясняет некоторые остающиеся до сих пор темными страницы истории. Написанная для современников, а не только специалистов-литературоведов, она без сомнения будет интересна широкому кругу читателей.

«ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ГОРЬКОМ» И.М. КОШЕНКОВА

Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л.А. Спиридоновой

Иван Маркович Кошенков (1897–1960) — чекист, комендант дома на Малой Никитской, 6, где Горький с семьей провел последние пять с половиной лет — с 1931 по 1936 гг. Это был самый трагический период жизни писателя, проходивший под неусыпным контролем ОГПУ–НКВД, который возглавлял в те годы Г.Г. Ягода, часто заходивший в дом на Малой Никитской. Одно это дало повод упрекать Горького в связях с «кровавыми чекистами». В годы перестройки его не раз критиковали за «подстрекательство к террору, насилию и убийству», называя певцом «колоний, лагерей, товарищем шефа ОГПУ — НКВД — зловещего Ягоды и других охранников, обосновавшихся в его доме»[1]. Теперь, когда опубликована переписка Горького с Ягодой и объемистый том документов «Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности» (Казань, 1997), становится ясно, каковы были их взаимоотношения, и что за «охранники» обосновались в горьковском доме. Воспоминания Кошенкова, раскрывая неизвестные факты жизни писателя в 1929–1936 гг., добавляют новые штрихи к этой теме.

И.М. Кошенков (Маркыч) окончил три класса сельской школы в Подмосковье, работал селькором в родном селе Рахманово Павлово-Посадского района, затем был принят на работу в Госиздат, а с марта 1929 г. возглавил отдел рабселькоров в журнале «Наши достижения». Судя по его воспоминаниям, их первая встреча с Горьким произошла в сентябре 1929 г. на даче в Краскове[2]. Сотрудники журнала «Наши достижения» не раз приезжали к писателю, проводя там редакционные совещания. Молодой селькор заинтересовал Горького своими рассказами о жизни в родной деревне Рахманово, где уже началась коллективизация. Кошенков рассказал о борьбе женщин с пьянством мужей, «о роли селькора на селе, о сельском учителе, о матерщине, об отдельных крестьянских активистах». Выслушав его, Горький заметил: «Село старое, а люди иные»[3]. Он посоветовал Кошенкову чаще давать материал для журнала «Наши достижения».

Около 20 октября 1929 г. перед отъездом в Сорренто писатель пригласил к себе на квартиру в Машковом переулке сотрудников журнала И.С. Шкапу, Н.П. Баркова и И.М. Кошенкова. Вспоминая об этой встрече, И.С. Шкапа пишет: «Ивану Марковичу Кошенкову едва исполнилось тридцать лет. Житель Подмосковья, он стал писать в "Наши достижения" с первого номера. Голубоглазый, с черными кудрями и статной фигурой, Кошенков очень понравился Горькому. Его корреспонденцию "Старое название — село новое", помещенную в № 4 журнала Алексей Максимович правил сам и назвал "показательной". За месяц до встречи, побеседовав с Кошенковым, Горький настоял, чтобы он был включен в штат редакции "по работе с рабселькорами"»[4]. Столь же настойчиво писатель уговаривал Кошенкова писать для «Наших достижений» не только корреспонденции, но очерки о деревне и присылать их ему в Сорренто. На сей раз в Италии он пробыл с 23 октября 1929 г. до 14 мая 1931 г.

О Кошенкове вспомнили весной 1931 г., когда, готовясь к приезду Горького, в ОГПУ задумались о необходимости назначить коменданта дома, в который советское правительство решило поселить писателя с семьей. Сталина и его ближайшее окружение беспокоило, что Горький не приехал на родину в 1930 г., ссылаясь на плохое самочувствие и срочную работу. Судя по письмам, вождь проявлял озабоченность состоянием здоровья писателя. «Берегите здоровье, ради всего святого», — писал он Горькому 18 марта 1931 г.[5] В дружеском тоне он сообщал ему о процессе над меньшевиками, о пленуме ЦК ВКП(б), на котором решался вопрос об отставке А.И. Рыкова и назначении В.М. Молотова, о встрече с Е.П. Пешковой и даже утверждал: «Социализм непобедим. Не будет больше "убогой" России. Кончено!»[6].

Чтобы убедить писателя вернуться на родину окончательно, ему готовили поистине щедрые подарки: уникальный дом на Малой Никитской, 6, более похожий на дворец, и дачу в подмосковных Горках-10, по соседству с дачей В.В. Куйбышева. Узнав об этом, Горький написал своему секретарю П.П. Крючкову 1 марта 1931 г.: «Дорогой Петр Петрович — приехала Милиция и сообщила, что для Горького ремонтируется какой-то дворец или Храм Христа на берегу Москвы-реки, точно она — не знает. Но я совершенно точно знаю, что мое поселение во дворце или во храме произведет справедливо отвратительное впечатление на людей, которые, адски работая, обитают в хлевах. Это будет нехорошо не только лично для меня. По сей причине я убедительно прошу: вопроса о вселении моем во дворцы не решать до моего приезда»[7].

Тем не менее к просьбе Горького не прислушались. В Москве уже все было решено: 17 марта 1931 г. П.П. Крючков вызвал Кошенкова и предложил ему перейти на работу комендантом дома на Малой Никитской. Прежде всего ему предстояло заняться ремонтом и подготовить все к приезду писателя.

Его поселили в маленькой комнате у самого входа в дом, чтобы мимо него никто не мог пройти незамеченным. Рядом была комната его непосредственного начальника П.П. Крючкова, соединенная прямым проводом с Г.Г. Ягодой, а в случае необходимости и со Сталиным. Так была обустроена постоянная жизнь Горького на родине, напоминавшая существование пленника в золотой клетке. Уникальный особняк на Малой Никитской, как и дача в Горках-10, в 50 км на запад от Москвы, а впоследствии и дача в Тессели в Крыму были наполнены чужими людьми. Штат сотрудников, обслуживающих писателя и его семью, был специально подобран Крючковым, исполнявшим распоряжения Ягоды. Им же были назначены комендант в Горках Н.И. Новиков, повар, горничные, сторожа, шоферы и другой персонал. Горькому внушали, что все это необходимо для его безопасности, что «агенты мирового империализма» активно охотятся за советскими лидерами, в том числе и за ним. И он, и его сын с трудом мирились с постоянным наблюдением в доме. Уже 17 июня 1931 г. Горький возмутился, что по дому постоянно ходят посторонние, то к Крючкову, то к коменданту. «Им было твердо сказано: "Нетерпимо. У нас семья"»[8].

Впрочем, немало посетителей шло и к Горькому: в день не менее 30 человек. Чтобы дать возможность писателю работать и отдыхать, Кошенков по приказу Крючкова старался ограничивать людской поток. Поначалу в этом не было ничего плохого, т.к. оба они руководствовались лишь заботой о горьковской семье и здоровье писателя. Часто встречавшийся с Горьким И. Шкапа вспоминает, как строго относился Крючков к распорядку дня в доме, следя, чтобы писатель поменьше курил и не утомлял себя длительными вечерними беседами. Но со временем Крючков начал превращаться в негласного соглядатая всех дел и замыслов писателя, контролера его переписки, непосредственно связанного с Ягодой. Кошенкову же предназначалась роль его первого помощника. Однако в намеченный сверху сценарий то и дело вмешивался сын Горького, который с первого дня подружился с комендантом.

Кошенков вспоминал, как Максим сказал ему: «В редакцию "Наши достижения" Вы не вернетесь. В работе у Вас должна быть только честность. Вам доверяем многое. Ваша честность в работе — это лучший контроль». Предложив тост «за честность и дружбу», он добавил: «Именем Алексея Максимовича Вы можете и будете доставать книги, билеты по театрам. Это мелочи. Живые люди будут у папаши, с ними и к ним тоже нужна честность!» Кошенков пишет: «Максим вынул 20 рублей, казначейский знак, он его сложил и ровными долями его разделил, одну часть дал мне, вторую оставил у себя. "Я — сын Алексея Максимовича, Вы — сотрудник. Будем друзьями, честными к папаше"»[9]. Многократно повторяемое слово «честность» имело в данном случае весьма широкое значение: забота о Горьком и его семье, порядочность в отношении к людям и даже нарушение служебного долга, если по-

требуется. Ровесник Кошенкова, Максим Пешков сделал все, чтобы комендант стал своим человеком в доме. Он рассказал ему об отце, его привычках, режиме дня, о работе и жизни в Сорренто. В 1932 г. Кошенков записал слова М.А. Пешкова: «У папаши всю жизнь были враги, и будут. Мы около Алексея Максимовича должны быть честными. Тогда меня Максим просил: "Снимите защитную форму, брюки и гимнастерку, а из кармана выложите револьвер. Папаше это не нравится". На второй день он возобновил этот разговор: "Прошу не держать при себе оружие. У нас частная квартира Пешкова"»[10].

Частым гостем в доме на Никитской и на даче в Горках-10 был Ягода. Он изо всех сил пытался стать другом Горького и его близких, особенно невестки Надежды Алексеевны. И всюду было заметно присутствие его людей. На рыбной ловле в Горках, устроенной Генрихом Григорьевичем как «сюрприз» для Алексея Максимовича, помимо приглашенных были четыре незнакомых человека. В Москве, в Горках, в Тессели, даже на корабле во время плавания по Волге писатель был под постоянным надзором. Из воспоминаний личного шофера Горького чекиста Г.А. Пеширова, опубликованных в сборнике «Вокруг смерти Горького» (М., 2001), стало известно, что даже камни в саду на даче в Тессели откалывал для писателя именно он, скрывая это от Горького, которому уже трудно было работать.

И.М. Кошенков оказался одним из самых необходимых людей в доме Пешковых. Человек добросовестный, честный, исполнительный и добрый, он вскоре искренне привязался к Горькому и членам его семьи. Более того, он начал защищать их не только от "внешних врагов", но и от самого Крючкова, а особенно от его жены, Елизаветы Захаровны (в семье Пешковых ее звали Це-Це), претендовавшей на исключительную роль и на Малой Никитской, и в редакции журнала «Наши достижения». Осенью 1932 г., когда все уехали в Сорренто, в доме всю зиму жили Крючков с женой, а весной 1933 г. — одна Елизавета Захаровна. Кошенков записывает: «...она уже стала не только хозяйкой вещей и комнат, она даже требовала, чтобы пришедшую почту на имя Алексея Максимовича давать ей. Здесь мне помогала ложь. Я крепко врал: на ее вопросы о письмах отвечал: "не было", а сам всю почту прятал в сундук на кухне»[11].

Вскоре разразился скандал: Елизавета Захаровна написала в Италию мужу и Надежде Алексеевне Пешковой, требуя убрать Кошенкова из дома. Приехавшая из Сорренто Е.П. Пешкова защитила коменданта, сказав: «Вам привет от Пешковых. Решали на семейном совете, не волнуйтесь, как работали, так и работайте, Вам привет от Максима»[12]. А Горький, вернувшись, обнял и расцеловал Кошенкова. Эти записи заставляют предположить, что к 1933 г. Кошенков уже не был безропотным исполнителем воли Крючкова, а осмеливался иметь свое мнение. Не случайно Петр Петрович в открытке выразил недовольство поведением коменданта. В мае 1933 г. он писал ему:

«Вы хороший работник, работать любите и можете. Однако, для семьи Алексея Максимовича вы грубы»[13]. По-видимому, Кошенкова спасла не только защита Пешковых, но и то, что он был, действительно, хорошим работником. В маленькой комнате около входа в дом на Малой Никитской, где неотлучно находился комендант, сходились все нити управления хозяйством, сюда поступала корреспонденция, потоком шли посетители. Иногда Кошенков даже брал на себя ответственность решать, кого пропускать, кого нет. В «Дневниковых записях об А.М. Горьком» (1934–1936) он рассказывает, как после возвращения Горького в 1933 г. из Италии он старался вместе с О.Д. Чертковой максимально «создавать А.М. условия в его работе, в быту». Кошенков пишет: «Нам с ней не раз приходилось становиться в оппозицию Крючкову. Нам не раз приходилось задерживать Авербаха и тащить его обратно через кабинет Крючкова. Это для того, чтобы в часы отдыха А<лексея> М<аксимовича> Леопольд не ворвался и не тревожил А.М. Также было с Н.И. Бухариным. Наши слова, убеждения не достигали цели. Тогда просто мы шли силой, брали, как могли, и тихо выпроваживали. Конечно, мы достигали основной цели: создавали покой А.М., но сами после мы теряли равновесие, мучились, так ли надо было поступать»[14].

В семье Пешковых Кошенков к этому времени стал своим человеком, не простолюдином из обслуживающего персонала и не штатным соглядатаем. Судя по воспоминаниям И. Шкапы в книге «Семь лет с Горьким», Горький пытался увидеть в коменданте того нового человека, которого воспитала советская власть. Кошенков был для него источником сведений о новой деревне, в которой он так и не побывал после официальных поездок по Союзу Советов в 1929 г. Более того, писатель ценил Кошенкова за искренность, любознательность и правдолюбие, которые никак не вязались с его служебным долгом.

Примечательна сцена, которую вспоминает Шкапа в главе под названием «Что есть истина?». В 1934 г. горьковская семья, в которую уже прочно вписался Кошенков, посетила Третьяковскую галерею. Горький поинтересовался, какие картины кому из них понравились. Максим назвал картину Репина «Иван Грозный убивает сына», а Кошенков, покраснев, как на экзамене, сказал: «Ничего, кроме одной картины “Что есть истина?”». Разгорелся спор не только о картине Ге, но и о правде-истине, которая для Горького всегда была трудно постижимым философским вопросом. Признав, что в картине заложена большая мысль, писатель согласился с комендантом, который горячо защищал свою точку зрения: «К тому же, как говорят мужики, у всякого Павла своя правда. Правда твоя, правда и моя, а где она? Правда — у Бога, неправда у порога? Хочешь — верь, хочешь — беги за дверь...»[15].

Можно сказать, что к 1934 г. Кошенков уже не просто фиксировал события в доме Пешковых, а пытался самостоятельно разобраться в происходя-

щем. Все серьезные вопросы решал Крючков в непосредственном контакте с Ягодой. Кошенков же четко выполнял разного рода поручения, легко управлялся со всеми многочисленными делами и отвечал на телефонные звонки. Между делами он успевал вести «Дневники», куда записывались не только факты, но порой его собственные мнения о событиях. Эти записи при всей их специфичности являются бесценными документальными свидетельствами подлинной жизни Горького в 1931–1936 гг. Не той, которая запечатлелась на кино- и фотодокументах официальной советской историографии, отразилась в его статьях, приветствиях и очерках «По Союзу Советов», а глубоко скрытой от посторонних глаз, трагической и пока еще непрочитанной истории последних лет жизни писателя.

Горький, действительно, был изолирован от внешнего мира. Даже близкие друзья, видные политические деятели, писатели и ученые не могли проникнуть к нему без предварительной договоренности. Однажды Н.И. Бухарин с мальчишеской ловкостью перепрыгнул через ограду, окружавшую дом на Малой Никитской, и тут же был схвачен истопником Левкиным. Н.Е. Буренин, которого нежно любил Горький, никак не мог с ним повидаться. Писатель не раз просил Кошенкова пропускать его друзей, но они почему-то «не приходили». Впрочем, и Мария Федоровна Андреева, и Н.Е. Буренин сами частенько поворачивали назад, завидев у дома длинную черную машину, на которой ездил Ягода.

Далеко не вся корреспонденция попадала к Горькому: ее просеивали через частое сито крючковского кабинета. Не исключено, что даже письма Андрея Платонова, которые он приносил собственноручно, не доходили до адресата. Судя по пометам Крючкова, ни письмо Г. Зиновьева, ни письмо Л. Каменева с просьбой о помощи, посланные из тюрьмы, так и не были переданы Горькому. Чем больше раскручивался маховик политических репрессий, тем строже охраняли писателя от «ненужных» встреч и «нежелательных» новостей. А главное, чем дальше, тем больше осложнялись отношения между М.А. Пешковым и горьковскими охранниками, сгущалась тяжелая атмосфера в доме. Смерть Максима, неожиданная и нелепая, заставила даже Кошенкова подозревать, что тут не обошлось без вмешательства Крючкова и «фармацевта» Ягоды. Комендант удивлялся, почему к лечению не подключают виэмовцев и, прежде всего, А.Д. Сперанского, почему доктор А. Виноградов применяет какой-то новый метод лечения. Крючков что-то скрывал. Кошенков пишет: «Блокада новокаином — это метод лечения при крупозном воспалении легких, но чей метод, об этом Крючков молчал, а Ладыжников мне ответил: "В медицине мы мало компетентны"»[16].

Максим явно мешал охранникам: он сам старался принимать почту от почтальона, протестовал против попыток изолировать Горького от окружающего мира и старых друзей. Незадолго до смерти он сказал комендан-

ту: «Окружили папашу мерзавцы»[17]. Эту фразу подтверждают показания арестованного Ягоды, данные на следствии по его делу. Он признался, что с момента приезда Горького на родину окружил его сетью информаторов и сотрудников ОГПУ: «В первую очередь это относится к дому Горького. Общеизвестна роль Горького, его близость к Сталину и другим членам Политбюро, авторитет, которым он пользовался. В доме Горького бывали руководители правительства. Поэтому на окружение Горького своими людьми я обратил особое внимание. Началось с моего сближения с П. Крючковым, секретарем Горького, прямым его подкупом деньгами. Крючков выполнял у меня роль агента при Горьком. От него я узнавал, кто бывает у Горького, что говорят именно обо мне с ним члены правительства, о чем они вообще беседуют с Горьким. Через Крючкова же я добивался отстранения от Горького лиц, которые могут влиять отрицательно на его отношение ко мне. Затем я подвел к Горькому группу писателей: Авербаха, Киршона и Афиногенова. С ними же бывали Фирин и Погребинский. Это были мои люди, купленные денежными подачками, связанные антипартийными настроениями (Фирин и Погребинский — участники заговора), игравшие роль моих трубадуров не только у Горького, но и вообще в среде интеллигенции»[18].

Речь идет о заговоре против Сталина и его единомышленников, который готовила объединенная оппозиция и которую тайно поддерживал Ягода, надеясь втянуть в него Горького. Однако писатель, сохраняя добрые отношения с вождем, изо всех сил пытался примирить его с членами как «левой» (Л.Б. Каменев), так и «правой» (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский) оппозиции. Из разговоров с Кошенковым, которые записывал комендант в свои блокноты, ясно, что писатель все-таки узнавал о разногласиях в Политбюро, о существовании «продовольственных затруднений» в стране и трагедии в деревне. После того как Горький, обратившись к В.М. Молотову, помог достать машину-полуторку для колхоза в родном селе Кошенкова Рахманове, писатель все чаще интересовался жизнью в деревне и собирался сам поехать туда. Но поездка так и не состоялась, не только из-за болезни Горького. В Рахманове он мог бы узнать, что у крестьянина нет ни гвоздей, ни ухватов, а поле в 75 га испортили так, что теперь нельзя ни косить, ни пахать. Пытаясь быть «честным», Кошенков все чаще навлекал на себя гнев непосредственного начальника и его жены. Не случайно те страницы воспоминаний, где говорится о проделках Це-Це, были использованы впоследствии для обвинения арестованной Е.З. Крючковой, о чем свидетельствует помета: «Взято в личное дело»[19].

Кошенков вспоминает о состоянии Горького в день похорон Максима: «Рука Алексея Максимовича и моя рука. Обычное приветствие, но его рука слаба, она отвисала. Присел на стул молча. Посидел, снял пальто и прошел в рабочий кабинет. Три дня был на Никитской бодрым, кислороду принимал

мало, врачей нет. Есть около него всегда озабоченная, всегда преданная Липа. Жизнь пошла по-старому. К Алексею Максимовичу опять народ, опять звонки, идеи, рукописи. Все как прежде. Только нет Максима». Кошенков сетует: «Не нашли для сына Горького врачей и лекарств»[20]. Как стало известно много лет спустя, лечивший Максима врач А. Виноградов, арестованный по делу правотроцкистского блока, не дожил до судебного процесса 1938 г., т.к. скончался в тюрьме.

Горький старался не показывать своего горя посторонним. Однако судя по записям Кошенкова, писатель подозревал, что сына погубили: напоили до бесчувствия в компании Юдина и Крючкова, а потом бросили на весенней холодной земле. Чья-то злая воля то и дело чувствовалась в событиях, происходивших вокруг Горького. На процессе 1938 г. Крючков признался, что Ягода всячески настраивал его против Максима, уверяя, что после смерти писателя тот станет полноправным наследником и не даст ему самовольно распоряжаться в делах. По заданию Ягоды он спаивал Максима, зная, что алкоголь действует на него губительно. Как свидетельствует Кошенков, именно это очень беспокоило Екатерину Павловну и Надежду Алексеевну Пешковых. Екатерина Павловна даже запретила ему привозить вино в дом, но, как выяснилось, бутылки прятал в шкафу с секретной литературой сам Крючков. Можно сказать, что в показаниях Крючкова и Ягоды, признавших себя виновниками смерти М. Пешкова, данных на закрытом заседании судебного процесса в 1938 г., многое было правдой.

Застолья в доме на Малой Никитской действительно бывали частыми и многолюдными. Именно здесь проходили встречи членов правительства с писателями накануне Первого съезда советских писателей, здесь Горького посещали делегации ученых, художников, архитекторов, скульпторов, деятелей культуры, спортсменов. Именно здесь Сталин произнес знаменитые слова о том, что писатели должны быть «инженерами человеческих душ». Сюда приезжали колхозники и летчики, челюскинцы и артисты, журналисты и политические деятели, даже дети из колоний для правонарушителей. Горький относился к застольям отрицательно, но встречи с людьми всегда его радовали. Он с юности мечтал о создании нового человека высшего типа, «полугероя, полусвятого» (термин Ф. Ницше), который сделает жизнь справедливой и счастливой. Вернувшись в СССР, писатель хотел убедиться, что главным достижением советской власти стало воспитание именно такого человека.

В обязанности Кошенкова входило обеспечение многолюдных встреч в доме. Первая из них состоялась 30 мая 1931 г.: более ста человек присутствовало на совместном совещании руководителей РАППа с группой «попутчиков». Речь шла о главных задачах литературы, о воспитании нового читателя, о необходимости объединения всех советских писателей в борьбе за создание нового общества. Кошенков пишет: «Сегодня у меня был первый вечер.

Гостей было много. Мимолетом слышал горячие речи А. Толстого, Олеши, Леонова и других. Прошло хорошо»[21]. Иногда комендант записывал обрывки речей: «На Никитской вечер. Из столовой вышли в соседнюю комнату А.Д. Сперанский, М. Шолохов, Москвин И.М. и Алексей Н. Толстой, распивая нарзан. Москвин говорил Толстому:

— Алешка, Алексей Максимович — творец. Вам так не создавать.

Толстой, перебив Москвина:

— Пусть нам скажет профессор.

Сперанский заходил взад и вперед по комнате и редко, слово за словом произнес, что нет написанной ни одной строки у Горького, чтоб он не видел. Все замолчали, и Сперанский еще добавил: "Для этого нужно родиться гением"»[22].

Атмосферу вечеров в доме Горького передает широко известная история сказки «Девушка и Смерть». 11 октября 1931 г., когда на Малой Никитской были в гостях Сталин и Ворошилов, Горький прочитал им стихотворную сказку, написанную в молодости. Он вообще любил читать свои стихи в непринужденной домашней обстановке, хотя и смущался, понимая их несовершенство. На сей раз выбор произведения был, видимо, не случайным. Настроение у гостей было неважное. На недавно закончившемся Пленуме ЦК ВКП(б) говорилось о трудностях при проведении коллективизации, о серьезных недостатках в работе железнодорожного транспорта, критическом положении городского хозяйства в СССР. Эмигрантские и буржуазные газеты прямо писали о провале пятилетки и кризисе генеральной линии партии. Сталина упрекали в том, что все неудачи он пытается объяснить действиями «вредителей» и оппозиции.

Громкие политические процессы 1928–1931 гг., впоследствии признанные фальсифицированными (Шахтинский, Промпартии, Трудовой крестьянской партии, Союзного меньшевистского бюро), создавали напряженную обстановку в стране. Поэтому у Горького были основания сравнивать Сталина с деспотом-царем, а Ворошилова — с послушным его воле «царским конюхом». Сказка «Девушка и Смерть» имела особый смысл: в аллегорической форме в ней утверждалась победа духа и подвиг самопожертвования *одного* человека над силами зла и коварства. Особенно выразителен был портрет злого Царя, наказывающего Девушку за собственные неудачи. Однако сказка понравилась гостям, не уловившим в ней никакого подтекста. После этого вечера партийные идеологи и литературоведы начали творить легенду о любви Горького к Сталину, их духовной близости и тесном сотрудничестве. А писатель стал защищать всех, кого преследовала «свита» всесильного вождя, еще не осознавая, что поистине играет со Смертью.

Период с 1931 по 1937 г., насыщенный драматическими событиями в стране и мире, только в конце XX века стал по-новому освещаться в истории.

Ожесточенная борьба за власть, разногласия в Политбюро, заговоры против Сталина, выступления Т.В. Сапронова и В.М. Смирнова, С.И. Сырцова и В.В. Ломинадзе, дело М. Рютина, самоубийства М. Томского, Н. Скрыпника, Я. Гамарника, М. Погребинского, М. Хвылевого и других, загадочные смерти Н. Аллилуевой, С. Орджоникидзе, В. Куйбышева, обстоятельства убийства С. Кирова, наконец, странные, необъяснимые на первый взгляд, взлеты и падения членов правой и левой оппозиции, — все это позволяет по-новому взглянуть на роль Горького в общественной и литературной борьбе этих лет.

Судя по письмам и вновь опубликованным документам, он был неплохо осведомлен об истинном положении дел в стране и часто пытался удержать Сталина от «чрезвычайных мер». Вплоть до конца 1934 г. писатель верил, что можно смягчить политику вождя и не допустить перерождения советского государства в тоталитарную диктатуру. Этим объясняется его тайная и явная защита членов оппозиции, которым после исключения из партии вновь поручали ответственные посты. Именно Горький уговорил Сталина назначить Л. Каменева директором издательства «Academia», а впоследствии — директором Института Мировой литературы, Н. Бухарина — главным редактором газеты «Известия», К. Радека — заместителем главного редактора журнала «За рубежом», М.П. Томского — директором Госиздата. Именно он настоял, чтобы докладчиками на Первом съезде советских писателей были утверждены опальные уже Н. Бухарин и К. Радек, а главный доклад предлагал поручить Л. Каменеву.

Можно сказать, что постоянные встречи с Ягодой (а он действительно стал «своим человеком» в доме Горького на Малой Никитской и в Горках в 1931–1936 гг.) не были безрезультатными. Вот лишь несколько примеров того, что удалось сделать Горькому: прислать комиссию в Соловецкий лагерь, перевести на материк из Соловков несовершеннолетних заключенных, освободить из заключения академика Е.В. Тарле и Ю. Данзас, защитить Л. Каменева, А. Рыкова, Н. Бухарина и других оппозиционеров. Ведь при жизни Горького ни один из них не был расстрелян. Судя по переписке с Ягодой, контакты со всесильным шефом ОГПУ были нужны писателю, чтобы получать секретную информацию обо всем, происходящем в стране, и попытаться вовремя помочь преследуемым. Горький просит «амнистировать» писателя В. Бианки, сосланного в Уральск, хлопочет за сотрудника Пушкинского Дома П.М. Устимовича, за наркома финансов Якутской АССР А.А. Семенова и его жену, лишенных избирательных прав, за украинского писателя М.М. Могилянского, за научного сотрудника А.А. Золотарева, за итальянского анархиста Ф. Гэцци, за французского писателя В. Сержа (Кибальчича), обвиняемого в троцкизме[23]. Трудно перечислить всех, кому писатель помог выехать из страны на время или на постоянное жительство (Е.И. Замятин,

П.Д. и А.Д. Корины, Л.Л. Авербах, А.В. Афиногенов, Л. Леонов, Вс. Иванов, К.А. Тренев с сыном, А. Веселый и мн. др.). Не будем повторять хорошо известные истории о спасении от травли М.А. Булгакова, М.А. Шолохова, Б.А. Пильняка, Д.Д. Шостаковича, К.И. Чуковского. Если прибавить к этому поистине героическую гражданскую деятельность Е.П. Пешковой в Политическом Красном Кресте, которую она вела с ведома или по поручению Горького, станут понятными масштабы, которые приобрела в 1930-е годы скрытая от глаз гуманная деятельность писателя. Дорога большому террору открылась только после его смерти.

Однако с конца 1934 г. вокруг самого Горького начала сгущаться атмосфера недоброжелательности. 18 мая 1935 г. в небе над Москвой при весьма странных, так и не проясненных до конца обстоятельствах, разбился гигантский многомоторный самолет «Максим Горький». По городу поползли слухи, что летчик Н. Благин, врезавшийся в него, сделал это сознательно. Для Горького катастрофа самолета была как дурное предзнаменование. Не успел писатель оправиться от смерти сына, как его громом ударила весть об убийстве Кирова. Кошенков вспоминает, что в доме сразу же появился комиссар по особым поручениям ОГПУ П.П. Пакалн и начал упрекать коменданта в плохой организации охраны: «Охрана Алексея Максимовича с Вашей стороны слаба, у Вас даже нет оружия»[24].

Наиболее значительна и интересна та часть записей Кошенкова, которая озаглавлена «В дни болезни Алексея Максимовича». Неотлучно находясь в доме на Малой Никитской, он старательно записывал все, что происходило в трагические дни с 1 до 18 июня 1936 г. Будучи связным между Горками, где умирал писатель, и всем остальным миром, комендант фиксировал не только факты, но и детали весьма специфической атмосферы, которая окружала семью Пешковых. Это была, прежде всего, атмосфера «клетки», в которой под постоянным наблюдением никто не чувствовал себя свободно. Горький, как Гулливер, был опутан тысячью незримых, но весьма прочных нитей, ведущих куда-то наверх. Кто управлял событиями за кулисами, Кошенков и окружавшие его люди, не знали, но безошибочно чувствовали присутствие чьей-то злой воли. Комендант записывает разговоры, которые ведут между собой врачи и шоферы, постоянно курсирующие между Москвой и Горками, слова коменданта Горок, служащих в доме, истопника и др. Все они, искренне переживая за Горького, подозревают недоброе, опасаются повторения истории болезни Максима. Тем более, что на даче в Горках, где умирал писатель, один за другим заболевали служащие: повар, комендант, жена коменданта, горничные, — всего семь человек. Только после того, как Кошенков поднял по этому поводу тревогу, их вывезли в Москву с одинаковым диагнозом «ангина», а шоферу велели после них продезинфицировать сиденья машины.

В своих записях Кошенков зафиксировал еще несколько фактов, вызывающих по меньшей мере недоумение: почему 3 июня, когда еще не было ничего угрожающего жизни Горького, его архив по распоряжению Ягоды вывезли из дома, отключив телефон, по которому комендант мог бы связаться с Горками, а с 6 июня в «Правде» стали ежедневно печатать бюллетени об угрожающем состоянии здоровья писателя, что от него тщательно скрывали (для него специально печатали несколько номеров газеты без бюллетеней). Почему 7 и 8 июня на Никитскую поступали телефонные звонки и телеграммы с соболезнованием по поводу его смерти. (Горький умер 18 июня). Наконец, комендант так и не смог разгадать смысл странного звонка, раздавшегося по кремлевской «вертушке»: «Что достигаете желанного, подлецы?»[25].

В воспоминаниях отчетливо вырисовываются два лагеря, противостоящие друг другу: мир простых людей, которые звонят, приходят на Никитскую, предлагают свою помощь. Вся страна с замиранием сердца следит за ходом болезни Горького. Рабочие, школьники, студенты, красноармейцы, учителя, не говоря уже о друзьях писателя, не довольствуются сухими сообщениями о состоянии его здоровья, а требуют правды. В их числе оказывается и Кошенков, которому по долгу службы никак не полагалось выражать свои эмоции в служебных записках. Это свидетельствует о том, что Горький в последние годы жизни стал для него не объектом наблюдения, а близким человеком, за жизнь которого он искренне волновался. Именно поэтому он вольно или невольно подмечал все, что казалось ему подозрительным и странным.

Второй лагерь скрывался за неприязненными репликами чиновников из Лечсанупра Кремля и гаража ЦИК, где отказались дать машину, чтобы привезти кислород умирающему, ретивого администратора, который пришел занимать дом на Малой Никитской при живом писателе. Кремлевский Лечсанупр не раз возникает в записях Кошенкова, вызывая у коменданта неприязнь: отказались выдать простоквашу для Горького, не хотели лечить заболевших в Горках, потом стали уверять, что у всех обычная ангина, но бюллетень не выписывали, а держали их в изоляторе ОГПУ. Не свидетельствует ли это о том, что «тяжелая инфекция», которой заболел писатель, распространялась именно оттуда. Ведь в секретной лаборатории ОГПУ имелись не только яды, но и бациллы заразных болезней (ангопневмонии, скарлатины, дифтерита и др.). Не слишком опасные для молодых здоровых людей, они были смертельны для старческого организма писателя, разрушенного многолетним туберкулезом.

В «Воспоминаниях» Кошенкова есть запись о странной болезни С.Я. Маршака в апреле 1936 г. А.Д. Сперанский поставил ему диагноз «дифтерит», чем очень разозлил Крючкова, заявившего коменданту:

«Дифтерит — болезнь детская, болеют дети до 8 лет. Вам кто-то морочит голову»[26]. Больного Маршака поместили на квартире Крючкова и только после того, как Л.Г. Левин сообщил Горькому о его болезни, отправили в Кремлевскую больницу. Кошенков пишет: «Все хорошо. Одно непонятно, почему так сухи и враждебны врачи кремлевской лечебницы к А.Д. Сперанскому. Маршак болен, но понимает и чувствует эту враждебность»[27]. Вскоре заболели внучки Горького той самой «тяжелой инфекцией», которой заразился от них приехавший из Тессели писатель. Младшая Дарья продолжала болеть на даче в Горках, где тоже распространялась таинственная болезнь.

Воспоминания И.М. Кошенкова охватывают период с 1929 по 1936 г. Они представляют собой разрозненные записи, которые называются по-разному: «Дневник», «Воспоминания об А.М. Горьком», «Воспоминания», «Дневниковые записи об А.М. Горьком», «Максим Пешков», «Личное дело», «В дни болезни Алексея Максимовича» и др. Как правило, воспоминания имеют тематические заголовки разделов: «Первая встреча», «Рахмановский колхоз», «Болезнь Макса», «Страничка прошлого», «Пленум Союза писателей», «Дети и Горький» и др. «Дневники» имеют точные даты, свидетельствующие о том, что Кошенков вел их регулярно. Не все записи сохранились: после смерти Горького Крючков потребовал отдать их в НКВД, но комендант отказался, заявив, что все блокноты (а их было 103) он сжег. На самом деле, наиболее важные записи остались. В *АГ* хранятся четыре дневника и десять разного рода «воспоминаний». Все их Кошенков увез в родную деревню Рахманово.

Среди последних записей выделяется одна, сделанная в Тессели 18 ноября 1935 г.: «Алексей Максимович сидел на глыбе камня. В двух шагах перед ним горел костер. Не выгибаясь, он с камня шевелил костер палкой. К костру мы подошли вдвоем с художником К<ориным>. Море было тихое. Художник присел и сказал:

— Хорошо поработал.

Алексей Максимович спросил:

— Любовно? Все, что человек создает с любовью, все хорошо.

Художник перешел от живописи на литературу и тут же привел примером книгу автора-современника. "Не могу прочитать. Читаешь, как дикое яблоко глотаешь. В горле оно стоит". Алексей Максимович, обращаясь к нему, ответил:

— Глотайте. Человек разума создан небрежно, грубо. Это еще раз доказывает: талантливость без труда, учебы не существует и не будет существовать. Пришел неграмотный рабочий, обучился, стал создавать схему станка. А потом станок. Без учебы неграмотный рабочий — <никто>»[28]. Речь идет о беседе Горького с художником П.Д. Кориным, работавшим над пейзажными

видами Тессели. Как известно, в 1932 г. он создал один из лучших портретов писателя.

Последняя запись в «Дневниковых записях об А.М. Горьком» сделана 1 октября 1936 г. Кошенков, который после смерти Горького заболел нервным расстройством, размышляет: поддаться ли ему на уговоры и угрозы начальства и отдать все материалы (ему предложили взамен должность начальника строительства) или покончить жизнь самоубийством, «довести дело до конца или уйти молча и без протеста». Самоубийством он, действительно, пытался покончить, сказав Т. Мошковой: «Танюша, скажи, кто меня окружает?»[29]. Но, выжив, сжег большинство блокнотов и последовал совету Горького, сказавшего ему: «Вот закончу свое жизненное шествие, сердечно советую — идите к колхозникам»[30]. После того, как коменданта уволили из НКВД, он жил в селе Рахманово. Когда немцы подходили к Москве, он закопал рукописи в саду и с осени 1941 г. до весны 1942 г. они лежали в земле.

Кошенков пишет: «Много моих записей попортилось от сырости, что было написано химическим карандашом, все расплылось, и когда я извлек из земли, то просушил на солнце, после чего все стало рассыпаться. Запись "18 дней болезни" была сохранена в клеенке, обернута брезентом и трубкой вставлена в самоварную часть трубы, концы были промазаны глиной. Скоро тринадцать лет, и эти записи я брал в руки, но читать не мог. Собирался переписать, не мог, думал поделиться об этих записях, было мне тяжело, и только в 1949 г., в декабре месяце, я переписал, сохранив все, за исключением только своих переживаний...»[31].

Переписывая текст, Кошенков мог кое-что напутать в датах, но в целом факты, о которых он пишет, подтверждаются другими источниками: «Летописью жизни и творчества А.М. Горького», воспоминаниями И. Шкапы «Семь лет с Горьким», в которых часто упоминается Кошенков и говорится о тех же событиях. В большинстве случаев точно датированы документы, которые приводит Кошенков: письма в Италию и ответы писателя, записи посещений, бесед и пр. В воспоминаниях Кошенкова очень глухо, иногда намеками, говорится об обстановке в стране и событиях в семье Горького: о гибели Максима, противостоянии его и секретаря писателя П.П. Крючкова, действовавшего по прямой указке Г.Г. Ягоды, о нарастании противоречий в Политбюро, о жертвах коллективизации и др. В примечаниях многие из этих намеков раскрываются, комментируются малоизвестные или совсем неизвестные фамилии, становится яснее роль многих писателей и общественных деятелей, посещавших Горького в последние годы его жизни. Все это позволяет по-новому представить обстановку жизни Горького в 1930-х годах и его роль в литературной, общественно-политической и культурной жизни страны.

Горький так и не приспособился к жизни в «нелепом доме»: его раздражали пышные застолья и пиршества. Чувствуя постоянную слежку, он бунтовал

и ругался, как герой его пьесы «Егор Булычов и другие», законченной в особняке на Малой Никитской. На его письменном столе в этом доме, ставшем теперь мемориальным Музеем А.М. Горького, до сих пор стоит маленькая костяная фигурка — нэцке. Три обезьяны сидят, тесно прижавшись спинами друг к другу. Одна закрыла глаза, другая заткнула уши, третья — замкнула рот: они не видят и не слышат зла, не говорят о нем. Так они защищаются от страшной действительности. Именно так представлял Горький собственную жизнь в роскошном особняке, где каждый его шаг — от столовой до спальни — находился под неусыпным контролем.

Воспоминания Кошенкова «В дни болезни Алексея Максимовича» напечатаны в книге «Вокруг смерти Горького. Документы, факты, версии» (М., 2001. С. 109–156). В настоящем издании мы публикуем законченный отрывок «Из воспоминаний о Горьком», охватывающий период с 1931 по 1935 гг., который автор подготовил для Архива А.М. Горького в 1950-е гг. Он выразительно рисует картины подлинной жизни писателя в «золотой клетке» — доме, построенном архитектором Ф. Шехтелем для миллионера С.П. Рябушинского. Для комментирования были привлечены материалы из *АГ* и сборника «Генрих Ягода. Нарком внутренних дел, Генеральный комиссар госбезопасности» (Казань, 1997), где впервые публикуются документы из архива НКВД-ОГПУ. В комментариях к главе «Личное дело» использован неопубликованный архив И.С. Шкапы, хранящийся в казанском Музее А.М. Горького. Главы «Из воспоминаний о Горьком» И.М. Кошенкова печатаются *впервые* по авторизованной машинописной копии, хранящейся в *АГ* (*АГ*. МоГ-7-14-13).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Московская правда. 1990. 3 авг.

[2] Кошенков относит их первую встречу к периоду жизни Горького на даче в Красково, где писатель почти постоянно находился с 15 июля до 20 августа, но бывал и после 10 сентября 1929 г., когда вернулся из поездки по югу СССР. И. Шкапа вспоминает: «На эту дачу он все же часто выезжал из пыльной Москвы, и мы, сотрудники журнала несколько раз бывали у него в гостях» (*Шкапа И.* Семь лет с Горьким. М.: Советский писатель, 1990. С. 81). Шкапа датирует одну из встреч с сотрудниками «Наших достижений» 14 сентября 1929 г. По-видимому, на одном из заседаний редколлегии журнала присутствовал и Кошенков.

[3] *АГ*. МоГ-7-14-1.

[4] *Шкапа И.* Семь лет с Горьким. С. 113.

[5] *АГ*. КГ-од-2-64-6.

[6] *АГ*. КГ-од-2-64-4.

[7] *Архив Г. 14.* С. 496. Милиция — возможно, воспитательница внучек Горького Мелида Карловна Станчик: которую в семье шутливо называли «Милиция». Не исключена и другая расшифровка: М.С. Погребинский, приезжавший в Сорренто инкогнито.

[8] *АГ.* МоГ-7-14-6.

[9] *АГ.* МоГ-7-14-8.

[10] *АГ.* МоГ-7-14-5.

[11] *АГ.* МоГ-7-14-8.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] *АГ.* МоГ-7-14-11.

[15] *Шкапа И.* Семь лет с Горьким. С. 217.

[16] *АГ.* МоГ-7-14-14.

[17] *АГ.* МоГ-7-14-13.

[18] Генрих Ягода. Нарком внутренних дел, Генеральный комиссар государственной безопасности: Сб. документов. Казань, 1997. С. 146.

[19] *АГ.* МоГ-7-14-8.

[20] *АГ.* МоГ-7-14-5. Липа — О.Д. Черткова, медицинский работник, близкий друг Горького.

[21] *АГ.* МоГ-7-14-10.

[22] *АГ.* МоГ-7-14-8.

[23] Переписка Горького с Г.Г. Ягодой опубликована в кн.: *Неизвестный Горький.* Вып. 3. С. 162–206.

[24] *Вокруг смерти Горького.* С. 97.

[25] Там же. С. 147.

[26] *АГ.* МоГ-7-14-4.

[27] Там же.

[28] *АГ.* МоГ-7-14-9.

[29] *АГ.* МоГ-7-14-11.

[30] *АГ.* МоГ-7-14-6.

[31] *Вокруг смерти Горького.* С. 106.

И.М. Кошенков

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ГОРЬКОМ

17 марта 1931 года.

Сегодня я был вызван секретарем А.М. Горького для беседы, где он сделал мне предложение.

— Думаю Вас устроить на другую работу. Из «Н<аших> Д<остижений>»[1] Вы перейдете на работу комендантом дома, где будет проживать Алексей Максимович и его семья. Крючков говорил, а мне казалось все загадочным, и я молчал, но Крючков мне напоминал: возражений нет, взять только нужно Ваше согласие. Прежде чем говорить о согласии, я поставил перед ним вопросы:

— Какого дома, где, почему меня? Я как-то по-глупому ссылался на свое сельское образование, указывал еще, что беспартийный. На все поставленные вопросы он ответил мне:

— В семье Пешковых решался вопрос о Вашей кандидатуре на должность коменданта[2]. Подумайте и давайте ответ.

После беседы, когда я нахожусь один, передо мною встали нерешенные вопросы. Какие обязанности коменданта, в чем сущность всей работы, ведь Петр Петрович, он даже не намекал об обязанностях, правда он ободрял меня словами:

— Вас знают[3], справиться с работой Вы сумеете.

— Но ведь это слова.

22 марта 1931 года.

Сегодня с Крючковым день провели на М<алой> Никитской[4]. Двухэтажный дом — это будущая квартира, где будет проживать Горький. Дом частично освобожден, частично занят упакованными книгами ВОКСа[5]. После освобождения ВОКСом дома, он по документации будет закреплен за ВЦИКом.

В центре дома, с первого этажа на второй идет мраморная лестница, она изящна, но мне она показалась ползущей сметаной, пролитой где-то на втором этаже, это, видимо, для выдержки какого-то стиля. На лестнице фонарь-спрут[6], — понимаю так, что банкир Рябушинский этим спрутом показывал силу своего могущества и непобедимости[7].

Из орехового дерева двери. Сработаны, бесспорно, мастерами-умельцами. Они массивны и хороши. Вторично с Крючковым делаем обход по комнатам. Петр Петрович вдумчиво планирует, иногда обращается ко мне, спрашивает, как лучше.

На полу валяются окурки, клочки бумаги. ВОКС хорошо сохранил дерево, мрамор, стекло, но безжалостно отнесся к стенам; они измазаны чернилами, истыканы костылями и гвоздями.

Крючков диктует, а я делаю в блокноте записи: парадный ход с Никитской закрыть для избежания уличного шума, ненужных встреч с людьми. Ход будет со двора, со Спиридоновского переулка.

Первая комната для посетителей и коменданта. Соседняя за капитальной стеной с одним большим окном, выходящим на территорию будущего сада, — под общую столовую.

В этой комнате долго задержались. Меня поражал камин с каким-то ангельским лицом амура[8]. Я ставил себе вопрос: в чем наслаждение? Крючков с разных сторон заходил, осматривал, что-то с собой говорил. Потом встал и сказал: «Алексей Максимович будет недоволен вот этим сооружением, — он показал рукой на камин. — Это — глыба камня, в камне — камин!» От камина шла дубовая панель, и все это сделано так, что свет, идущий через красивое большое окно, пропадает, и когда нет солнечного ясного дня, в комнате делается тоскливо, а когда будет летнее солнце, оно беспощадно будет изгонять всех из столовой.

Кабинет секретаря — угловая к улице Спиридоновской[9], стена в ней обита шелком желтого цвета. В большое окно мартовское солнце много излучает тепла.

Через вестибюль от парадного хода, угловая по Никитской к соседнему дому — кабинет Алексея Максимовича. Камин прост, удобен, панель черного дуба красивая, стена обита черным шелком, на фоне черной обивки — стального цвета шашки режут глаза[10]. По соседству с кабинетом А.М. — комната для Крючкова, угловая с окном, выходящим к стене соседнего дома № 4. Под библиотеку для книг сделаны стеллажи.

Второй этаж: две комнаты с выходящими окнами на Спиридоновку — для Алексея Максимовича. Комната с балконом — под спальную[11]. Соседняя, угловая, с выходящим окном на Никитскую — для Максима и четыре комнаты к стене дома № 4 — для детей Тимоши[12].

После распределения комнат Крючков просит записать: «Ремонт сделать легкий», куда входит покраска, побелка. Никаких капитальных изменений дома ни в большом, ни в малом не делать. Когда были записаны: тонна красок, люстры, плафоны, Крючков сел на ящик, стоявший у входа и сказал мне:

— Вот все, что нужно сделать. Срок — к 25 апреля. Следи за качеством работ. Меньше своих сомнений. Доверяю Вам большое дело. Этими словами Крючков закрепил меня представителем дома, где будет проживать Алексей Максимович Горький.

26-го марта перед отъездом Крючкова в Италию[13] он заехал на Никитскую, познакомил меня со штатом рабочих, которые будут обслуживать дом: Таня Мошкова будет прислугой в семье А.М., она проживает в подвале этого дома; истопник Левкин из штата ВОКС переходит к нам. В дворники наметили взять Кутинова, и мне поручено оформление[14].

25-го апреля.

Штукатуры, маляры, краснодеревщики, рабочие по паркету — прекрасные люди. Они вложили много любовного труда. У них вся цель, все стремление было одно: суметь <сделать> лучше, изящнее, основательно, крепко! Я полюбил этот коллектив рабочих. Мне с ними жилось бодро, я забыл семью, целый месяц не был у себя на квартире. Как много они меня учили! В малой мере, но давали познать мне все процессы строительно-отделочных работ. Шуткой учили: «Ремесло на плечах не носить». Они рано утром приходили, поздно вечером уходили, но я стен дома не покидал. Мой сон был коротким, но он был крепким, особенно в дубовой сухой стружке. Я всегда вставал бодрым, а днем был весел; не раз себя убеждал: вот что значит рабочая среда!

Прощаясь с рабочими, мы крепко жали руки, обнимались. Это было для нас тяжело и радостно, ибо они знали, что в стены этого дома вернется из Италии А.М. Горький. Часть строителей осталась ремонтировать помещения во дворе для редакции журналов «Н<аши> Д<остижения>» и «СССР на стройке»[15]. Мне много легче.

Кутинова, Левкина, Мошкову Таню изводит двор. С 13-го апреля мы каждый день произносили слово: «Кабуки, Кабуки»[16]. Самая тяжелая и мучительная для нас работа — это дворовая площадь. Двор был проходной, все загажено, между особняком и Спиридоновской улицей стоит каменная треугольная стена, к ней приделан тесовый забор. Все это было покрыто глубоким снегом. Мартовское и апрельское солнце согнало снег, и в этих стенах открылась свалка.

При раскопках этой свалки по бумагам мы определили: идет слой свалей ОГИЗа[17]; по детским кроваткам определили, что здесь был детсад; а по частям сопревшего киоска мы догадывались, что здесь где-то торговали рабочей газетой. Вся свалка была прикрыта декорациями японского театра «Кабуки».

За девять дней и девять ночей, бессонных ночей, 90 автомашин накопленного груза прежними хозяевами, отправили на свалку. Взял на учет все деревья на территории дома № 6. Имеется один большой тополь по забору Спиридоновской, два каштановых дерева к стене дома № 4, угол кабинета А.М. Впервые увидал и познал всю красоту чудесного дерева для нашего края. Под окном библиотеки по стене дома №4 — 2 липы. У черного хода со двора, по левой стороне — 2 каштана, справа — 2 лиственницы, одна хилая, сильно больная, погнувшаяся, решили ее оставить, может после уборки свалки оживет, выправится. Один тополь около лиственницы мало жизненный, это его угробила свалка. Небольшой куст сирени под окном коридора черного хода. Вдвоем с Кутиновым решили закрепиться здесь. Для закрепления купили десять штук клену и лип. Сами посадили по стене забора Никитской и Спиридоновской.

26 апреля.

Сегодня привезли кровати, матрасы, все закуплено в комиссионных магазинах. На вид все изящно, отполировано. Представители коммерческого дела ласково объясняют мне стиль вещей. В познании стиля я плохо разбираюсь, а вот по жизненному опыту дома в Кожевниках, где моя квартирная комната, я сразу усмотрел, что в матрасах живет клоп. Когда я пересмотрел матрацы, сразу обнаружил сухих клопов. Тут я дал волю своему стилю. Аж горло надсадил. Лишь после того, как рубанул с плеча и ушел, кровати забрали.

28 апреля 1931 года.

Солнечные дни, ночью крепкие морозы нам помогают в уборке усадьбы около дома. Вода вымерзает, солнце сушит желтый песок (грехи театра «Кабуки»), краска исчезает, в дом грязь уже не таскается. Мошкова Таня в ночь накрыла все постели. Нашему коллективу чертовски везет. Таня навела в доме порядок с расстановкой мебели, Кутинов в ночь натер паркетные полы, и без всяких предупреждений наш дом начали посещать гости — начальство, работники ЦИКа, Халатов[18] и страж революции Г. Ягода[19]. Все комнаты осматривались, вещи некоторые прощупывались, и за все посещения никто не указал недостатка. Обходя комнаты, они вели частный обмен мнениями между собой, но в их словах не было порицаний. Конечно, этому радуемся все, но как будет? — вот это волнует Кутинова, также и Левкина. Я бы сказал: при разговорах о приезде А.М. на Никитскую у них появлялись — робость, боязнь, а у Тани была дрожь, когда я ей говорил: «Тебе придется кормить с дороги Алексея Максимовича».

В моем личном деле можно сказать о своем родном отце. Старик был трудолюбив, человека любил, к нам, детям, он был ласков и радушен. Но того тепла у него не было, какое было у А.М. в день первой моей встречи. Первая встреча незабываема.

29 апреля 1931 года.

Подошли условленные дни нашей готовности принимать А.М., Крючков, уезжая в Италию, сказал: «Можете до 29-го все приготовлять, но с 29-го ждите телеграмму о приезде»[20].

На кухне медные черепушки, кастрюли, все обжаривается, обваривается. Завез частично продовольствие, закупленное в магазине Инснаба. Сегодня будем питаться за счет А.М. Десятый раз читаем список хозяйственных вещей: соль, спички, чай. «Свечи?» — спрашивает Кутинов. «Погаснет электричество, свечку зажигай», — объясняет Левкин и тут же добавляет: «Раз свечи завели — и подсвечники покупай».

13 мая 1931 года. Приезд А.М. Горького[21].

Сам спокоен, но сна нет. Ночь прошла, а я глаз не сомкнул. Наступило утро того дня, когда у меня с Алексеем Максимовичем будет вторая встреча[22]. Против моей воли, я сегодня особенно подвижный, радостный, как хмель, ожидание туманит голову!

Во всем ощущаешь какую-то силу, хочется чего-то еще делать, работать, только не стоять и не говорить себе: сейчас подъедут.

Помнится шум машин, открытая дверка, Алексей Максимович протянул руку, он крепко жмет мою руку и спрашивает:

— Как здоровье? Заждались? Иду к дому, открываю дверь идущему следом за мной Алексею Максимовичу, и когда были пройдены ступени коридорной лестницы, я слышу голос Алексея Максимовича:

— Вот и дома!

Алексей Максимович вошел в стены дома, того дома, где мне довелось вложить свою часть скромного труда. Где бы ни пришлось мне быть, но этот день — незабываемый день второй встречи.

В доме началась жизнь, чай, завтрак, за столом Пешковы, Крючков, Ладыжников[23], Халатов, Екатерина Павловна[24] и другие, которых не знаю.

Крючков знакомит с сыном <Горького> Максимом и его женой Надеждой Алексеевной (Тимошей). Все это по-простому. Просят указать, где кому располагаться.

После завтрака и чая Алексей Максимович пошел знакомиться с расположением дома. Я не понимал сказанных слов Алексеем Мак-

симовичем о стиле дома[25], но я хорошо понял то, что было сказано в адрес бывших владельцев дома Рябушинских[26].

— Дурашливо, ухлопали много денег, а толку нет! — Алексей Максимович немного задумался, и у меня создалось такое мнение, что он скажет плохо, но он сказал:

— Велико, громоздко! Уж очень скучно. Говоря правду, все давит своей массивностью, улыбнуться не на что.

Когда спускались на кухню, на лестнице произошла встреча с Таней Мошковой. Она смутилась, щеки зарделись краснотой, в глазах заблестели, потом появились капельки слез,

— Это зачем? — спрашивал Алексей Максимович. Крючков знакомил:

— Жена молодого инженера-партийца Таня! Алексей Максимович жал ее руку.

— Очень хорошо, очень хорошо.

Видеть это знакомство без слез было невозможно. И все, кто наблюдал, были поражены непостижимой теплотой человека к человеку. О такой встрече, которая была широка и радостна, писать невозможно.

В конце дня Алексей Максимович задержал меня в столовой, забрал мои руки в свои и, потрясая ими, говорил: «Благодарю! Благодарю!»

Эту благодарность я принял за то, что рабочие хорошо работали, вложили свой труд, и за их труд мне награда.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

13 октября 1935 года.

Это личное дело необходимо записать. Сотрудники журнала «Н<аши>Д<остижения>» принесли новость: ночью арестовали Илью Шкапу[27]. Днем они покидали помещение редакции, пересекали территорию двора, заходили к секретарю А<лексея> М<аксимовича> Крючкову[28]. Проходя мой кабинет, они полушепотом спрашивали: «Что слышно об аресте Шкапы, что говорит Крючков?» Как комендант дома Горького, я воздерживался от бесед, но как сотрудника журнала «Наших Достижений» арест Шкапы меня взволновал.

Совместная работа по журналу в какой-то мере сближала нас, и судьба Шкапы нас интересовала всех. Бобрышев[29], Барков[30], я много строили догадок — найти причину его ареста, но у нас не находилось оснований, мы были ошеломлены тем, что в годы его работы в «Истории Гражданской войны»[31] и над словарем «Синонимов»[32] его нет. Бобрышев долго сидел у Крючкова, они сидели при закрытых дверях,

а когда Бобрышев уходил из кабинета Крючкова, лицо его было красное, сам возбужден. Меня поразило его лицо: он прошел мимо меня молча. Прежде, посещая наш дом, у него вошло в привычку присесть у меня в кабинете, перекурить со словесным пересыпом, и когда он вышел во двор, я сказал:

– Хорошо, что ушел!

Слова Крючкова лежат тяжелым камнем. Я знаю, что придет жена Шкапы[33], и когда она будет просить свидания с Крючковым, мне придется говорить только ложь, а если бы пришел Бобрышев, я тоже бы сказал ему ложь. Основания для лжи у меня есть. Утром Крючков осторожно сказал:

– Не наше дело сообщать Алексею Максимовичу об аресте Шкапы. Алексей Максимович человек чувствительный, не нужны лишние волнения.

Этих слов я не передавал никому, они были для меня законом, но меня не покидала одна мысль: мы не скажем, так сам А.М. спросит. Мне неизвестно, чем вызвано было, что А.М. вспоминал Сергея Маркова[34] и спрашивал:

– Вернулся Марков? Что пишет?

Сергей Марков – это очеркист «Н.Д.», был выслан, и Алексей Максимович интересовался его судьбой.

Илья Шкапа Алексею Максимовичу хорошо известен, он не раз говорил после его ухода из дома:

«Хороший редактор, способный организатор, не плохой собеседник, любит литературу и будет не плохим писателем»[35].

Меня поражает хладнокровие Крючкова, и я в недоумении: за несколько лет совместной работы у Крючкова и Шкапы имелось несчетное количество бесед, где обсуждали планы работ. Совместные беседы за чашкой чая – Крючков, Шкапа, Алексей Максимович, десятки писем от Алексея Максимовича на имя Шкапы[36]. Хладнокровие Петра Петровича меня приводит к раздумью, и я должен понять и осознать, что наш дом принимать участие в судьбе арестованного Шкапы не будет.

Несколько лет совместной работы мне дают право сказать: Илья Самсонович Шкапа – хороший товарищ, организатор нашего рабочего времени по журналу «Н.Д.». Мне лично, имеющему 3 класса сельской школы, – учитель, толкач на литературную работу по очерку. Но я его хорошо знал, когда он был начинен злом против курильщиков, он изгонял нас из помещения.

– Не травите с утра здоровую мысль, идиоты! – скажет зло, но мягкую улыбку не скроет, улыбается и полным голосом вызовет

смех. Мы его уважали по работе. Он мог быть хорошим товарищем и в будущем. Вернется Шкапа или не вернется, но для меня понятно: его имя я не должен произносить.

В 10 часов из Горок позвонили на Никитскую и предложили мне:

— Приезжайте в Горки обязательно, приезжайте!

Осенним вечером приехал к чаю, после чего играли в карты. Закончив игру, Алексей Максимович встал и попросил: «Зайдите в кабинет».

Зашли, Алексей Максимович только что сел, как открылась дверь, и к нам вошел П.М. Тотавников[37].

Молча Алексей Максимович встал, поднял голову и резко пошел к выходу, сказав:

— Отложим собеседование.

Получилось глупо, мучительно, не ясно. Спросить П.М. о его визите в кабинет А.М. я не мог; он был комендант дачи Горок-10 и сюда направлен Пакалном <из> хозяйственного отдела ГПУ[38]. Взаимоотношения наши официально хорошие, но как товарищи... Они, присланные, на меня смотрели головой выше. Меня это не волновало. Но бесстеснительные приходы, и они в какой-то доле — оставляют след настороженности, поэтому невольно спрашиваешь: что нужно?

Рано утром, до чая, бродили по коридору, и мне резко бросилось, что прислуга чем-то встревожена, шепчется. Повстречавшись с Максимом, я заметил, что у него нет утренней шутливой улыбки, он был встревожен и резко спросил:

— Встал Крючков?

Придя на кухню, мне тоже шепотом сообщили: «Ночью приехали из органов милиции, арестовали повара и увезли». Крючков в ранге секретаря А.М. доказывал сыну Горького — Максиму: «Арестовали за то, что он состоял в крупной вредительской организации»[39]. Мы слушали и поверили. Все верили. Решено было, что Алексею Максимовичу сообщит Петр Петрович.

Максим был возмущен, почему приезжают на дачу ночью? Неужели нет других методов изъять человека, чтоб не тревожить папашу? Когда и как заинтересовался судьбой арестованного повара Алексей Максимович, мне неизвестно.

Позднее все узнали, что повар нигде никогда не вредил, а когда он вернулся к нам на работу, была создана кем-то версия, что Якова Васильевича не арестовали, а взяли органы ГПУ на работу в санаторий, и этому мы поверили. А главное, когда он приступил к работе, мы никто не моргнул глазом, что мы в день ареста отреклись от него.

Эта история нашего дома никакого отношения к личному делу не имеет, но ведь повар Яков Васильевич Говошвили сейчас находится в Тессели и обслуживает Алексея Максимовича[40].

Сопоставив жизненные факты, я почувствовал, что стал равнодушным. Потребовалось всего два дня, чтоб потерять интерес к судьбе человека, сидящего за решеткой.

И все же каким-то образом А.М. узнал, что Шкапа арестован. Несколько раз он меня спрашивал:

— Что же слышно о Шкапе? Где он, что с ним?

Я отмалчивался, ссылался на П.П. Крючкова, говорил, что он наверняка знает, где И.С. Шкапа.

— Да, — говорил А.М. Горький, — он скоро вернется, ничего за ним нет[41].

Я ничего не говорил, видел: надо молчать...

КОНФЛИКТЫ С ЦЕ-ЦЕ[42]

О моем пребывании на работе в должности коменданта дома Алексея Максимовича ставился вопрос два раза.

Оба обсуждения происходили на семейном совете, в Италии. Мне предъявлялось основное обвинение: грубость! После решения по первому обвинению, я 1-го мая 1932 года получил из Италии от Крючкова открытку следующего содержания:

«Иван Маркович? Работать Вы можете, считаю Вас хорошим работником, однако, Ваша грубость к отдельным членам семьи недопустима». Далее шла приписка:

«Задержусь в Италии. Работайте спокойно. О выезде будет телеграмма. Крючков»[43].

Когда вернулась семья Пешкова из Италии[44], на второй день пребывания на Никитской, Максим рассказывал мне:

— Разбирали жалобу на коменданта дома. Обсудив, решили, что это личный каприз.

Он мне крепко жал руку и добавил:

— Учтите в будущем, что Це-Це — это злая муха! Годом позже по письму Крючковой[45] в Италию также велось суждение о моем поведении и пребывании на должности коменданта. Дело было так: осенью 1932 года семья Пешковых уехала в Италию. Крючков и его жена остались на Никитской. Позднее Крючков тоже выехал. Уезжая, говорил:

— Вернусь весной вместе с Алексеем Максимовичем.

Жена Крючкова, Елизавета Захаровна, осталась как член семьи, и мы, штатом, признавали ее хозяйкой. За короткий срок у нас с ней

создалась нетерпимая обстановка. Она обвиняла одну: «готовить не может», другую: «ведет уборку дома не чисто». Получилось так: одна просится — увольняй, другая заявляет — убегу. Я прибегал и учил их пользоваться могучим средством: «молчать».

Но разгул Це-Це заходил далеко. Она стала не только хозяйкой вещам, комнатам Пешковых, но все чаще требовала от меня приходящую почту на имя Алексея Максимовича вручать ей. Сперва я отговаривался, помня слова Крючкова, который перед отъездом сказал мне:

— Всю поступающую почту храните у себя. Вы отвечаете за нее. Я сказал об этом Це-Це. Это не помогало. Тогда я сказал словами Максима:

— Комендант принимает почту и сдает мне и Петру Петровичу. Здесь ответственен только ты.

Когда мои ссылки на эти слова не помогали, я прибегал к обману. Зная часы прихода почтальона, выходил во двор, забирал почту и прятал на кухне в сундук. А на вопрос, где почта, — отвечал: не было. В этом деле ложь помогала, из-за почты больше у меня с Це-Це не было конфликтов.

В мартовский солнечный день она с утра завилась, накрасила губы, разоделась чисто, спускаясь со 2-го этажа, заходила в мой кабинет веселая. По дому разговаривала и ласково спрашивала, в чем нуждается моя семья?

Я, как пупырь на чистом теле, сидел в кабинете за столом, молча. Вторая половина дня была более оживленной; она чаще бегала на кухню к Даше. К вечеру она попросила Дашу накрыть стол на два прибора в кабинете Алексея Максимовича (с кабинетом рядом была спальная А.М., которая за время отсутствия его сохранялась в неизменном виде).

Стол накрыт с закусками и вином. Це-Це, увидав меня, очень ласково, даже вежливо, просила ключ от спальни.

Я ей не ответил. В дом вошел Костя Ухан[46]. Он поднялся наверх, в комнату к Це-Це и, не получив от меня ответа, она поднялась наверх.

Не раздумывая ни минуты, запираю на ключ накрытый стол в кабинете Алексея Максимовича. Быстро проверил все комнаты Пешковых, те, которые были не закрыты, закрыл, спустился на кухню и сказал Даше:

— Вали все на меня!

Даша заколебалась, но я еще раз сказал:

— Отвечу!

Вышел во двор, со двора на улицу, завернул на Никитской за угол в ресторанчик, где я до глубокой ночи с ключами слушал хор цыган.

Утром следующего дня сидел в кабинете, три раза говорил «здравствуйте», — но Елизавета Захаровна на мое приветствие не отвечала.

Во вторую половину дня мирная жизнь была нарушена. Ко мне подошла Це-Це. У ней в руках оцинкованное ведро, она, протягивая ведро, ставила на стол.

— Смотрите, грязь, и это Вы терпите в доме, где проживает Алексей Максимович!

Ведро гремело под носом, дном стучало по письменному столу. Я молчал, а Це-Це кипела. Шум дошел до кухни. Истопник Левкин поднялся наверх, вошел в кабинет, извинился и заговорил:

— Завезли уголек не особо хороший, прошу, дойди в котельную: не горит, пралик его расшиби.

Когда мы спустились в котельную, Левкин присел, заговорил:

— Ну и бабенка! Собирать тебе манатки, не даст она тебе жизни. Нам где ни работать, — все работать. Только срочные письма полетели в Италию. Утром я секретно отправил. Наказывала не говорить тебе. Не унывай. Максим узнает, в обиду не даст.

Слова Левкина внесли успокоение.

В первый раз Крючков действовал не по своей воле, пусть и второй раз действует, но я все беру на себя: нельзя же терять своего рассудка. Личных переживаний много. Я ждал телеграммы об увольнении. Да, у меня в руках была телеграмма из Италии. Содержание было следующее: «Встречайте Е.П. Пешкову. *Крючков*».

В день встречи особенно волновался. Но когда подошел поезд к перрону, Пешкова Е.П. поздоровалась и сказала:

— Привет Вам от Пешковых, — и одновременно спросила:

— Как Ваши дела в работе?

Я ей сказал: хорошо, а сам намекнул, что будет, когда вернутся. Тогда она мне сказала:

— Решали на семейном совете о Вашем поступке. Даже был вовлечен Алексей Максимович. Он был возмущен и сказал Петру Петровичу:

— Почему жалобы только от Крючковой?

На пути к дому она говорила мне:

— Найдите в себе мужество сознавать, что Вы работаете у Алексея Максимовича. Приедет Максим, расскажите ему обстоятельно.

Эти слова придали мне бодрости, вселили веру, но ведь это было в 1933 году, а сейчас осень 1935 г., Максима нет...

За пять лет своей работы я встречал тысячи людей. Они шли к Алексею Максимовичу, каждый нес свое: одни — проекты, другие — свое творчество; были такие, которые покидали места заклю-

чения. Мне, беспартийному, рассказывали партийные, что их неправильно исключали из рядов ВКП(б). Среди них, возможно, есть недовольные мною. Я лично своими встречами, вопросами в беседах и в ответах на вопрос посетителя мог быть нечутким, чрезмерно резким в слове. Но у меня всегда было стремление со всеми быть открытым. К этому меня обязывали слова Максима, когда в 1931 году мы сидели вдвоем, он мне говорил:

— Работать Вам придется у нас. В журнал «Н<аши> Д<остижения>» Вы не вернетесь. Доверим Вам многое. А главное — к папаше будут <ходить> люди; к ним нужно внимание и честность[47].

Мне было 34 года, и мы с ним сидели запросто.

Сын Алексея Максимовича, равный мне по годам, но не равный по развитию, мышлению, он впервые дал мне понять всю глубину жизни со стороны честного отношения человека к человеку.

Я не знаю, почему у меня всегда тревожно в груди, когда я говорю неправду. Мне хотелось спросить Максима:

Почему я готов наброситься на тех, кто говорит ложь. Потом сам привык говорить неправду. Может, этого вопроса я бы не поставил, но меня преследует мысль: за сказанную мною ложь и неправду преследуют меня как зверя, несущего в своем теле пулю... Так жить нельзя.

Вот мне претит в личных записях делать ссылку на людей. Если не сослаться на художника и скульптора Мухину[48], то записи будут неправдоподобными.

В.И. Мухина создает памятник Максиму Алексеевичу. У нас в гараже рабочие высекают из камня во весь рост фигуру Максима. Для обработки нужны доски. Втроем — Мухина, Крючков и я — имели беседу и договорились: в назначенные дни 19–20 обеспечить объект работ досками. Для меня ясно, но получилось путано и тревожно. В первой половине дня Крючков находился в доме один. У него дорожные сборы в Тессели к А.М. К 2 часам подъехал П.П. Пакалн. Обедали втроем. После обеда перешли в кабинет секретаря Крючкова. Оба Петра Петровича просили меня:

— Освободишься, зайди!

Когда я вошел в кабинет, Пакалн сидел в кожаном кресле против Крючкова. Пакалн первый задал мне вопрос:

— Почему не завезены доски? Вы сорвали чрезвычайную работу у Мухиной! Разболтался! — Эти слова Пакалн подкрепил ударом руки по столу.

Крючков курил. Ошеломленный я стоял, в ушах звенело, губы пересохли, по спине ходила дрожь! Крючков не сводил очков с меня; он смотрел, чуть приподняв голову. Я молча смотрел в его лицо.

— Забываете, у кого работаете!

Слова Пакална укрепили меня. Я подошел к столу, взял из коробки Крючкова папиросу, закурил и обратился к нему:

— Держать человека с такой аттестацией около Алексея Максимовича это, Петр Петрович, на Вашей совести! Работу я не сорвал. Вам известен срок завоза досок.

Мои слова не тронули Крючкова, а Пакалн добавил:

— Вы своей болтливостью Максиму создали плохую славу!

Как хорошо, что Пакалн встал и ушел в столовую. Мне сдержать себя было тяжело, у меня была уже мысль, я ее хотел превратить в гневные слова, но молчание Крючкова породило другую мысль. Я его хотел просить:

— Увольте сейчас под любым предлогом, чтоб я не служил источником лжи и грязи <вокруг> имени Максима.

Крючков, выйдя из-за стола, на ходу сказал:

— Вас учат, а Вы грубите!

Эти слова были началом моего волнения, я не сдержал себя и сказал ему:

— Обо мне сказана ложь. Вы знаете, что ложь! Я мал рангом, чтоб возражать, но Вы могли сказать Пакалну!

Крючков с высоко поднятой головой смотрел на меня.

— Вы молчали, — сказал я.

— Идите! — сказал Крючков.

Я вышел из кабинета, закрыл дверь, сел и написал:

«Из этого дома исходит источник света, тепла, радость к жизни и труду. Мы — жалкие люди, находящиеся в орбите Алексея Максимовича, пресыщенные благами жизни, имеем жадность к большему пресыщению. Забываем имя человека, пригреваем у себя ложь, дерзость. Но она уже сейчас обнажает свою наготу, начинает тревожиться. Пусть мое малодушие поможет мне, чтоб не быть здесь».

При выходе из большого дома, на коридорной лестнице, встретила меня прислуга дома Даша, она спросила меня:

— Что с Вами? Лица нет на Вас!

На дворе был осенний вечер. Мне было жарко. Зайдя к себе на квартиру, мною было сказано:

— Как хорошо, что дочка с женой в деревне...

17/X-35.

РАЗГОВОР С МАКСОМ.

Я верю, что рука историка возьмет перо, и в процессе его труда будет вскрываться лицо каждого человека, приближенного к Алек-

сею Максимовичу. Мое имя и другие, не носящие фамилии Пешкова, не избежат оценки, так как мы были ответственные за свои действия около Алексея Максимовича. Вскрыть лицо каждого будет трудно, так как мы в личном все лукавы; у меня нет свидетелей и нет в живых собеседника Максима, но есть страничка из личного дела, которая хранится в деревне у моей матери в щели старого дома со двора от июня 1933 года. Сказано там так:

«В комендатуре с Максимом сидим вдвоем. Он спрашивает:

— Какое имеешь образование?

— Сельское.

Максим:

— Допусти, что нет Крючкова, — справимся вдвоем с работой секретариата?

Я молчу.

Максим:

— Вам не приходилось замечать, что действия Крючкова иногда не в пользу Алексея Максимовича?

— Не замечал и не могу замечать, ведь П.П. — доверенное лицо твоего папаши, и его действия это — действия с ведома папаши.

Максим:

— Вы хотите сказать, что <это> действия Алексея Максимовича?

Молчу.

Максим:

— Плохой Вы комендант, когда Вы не слышите и не видите, как доверенное лицо Горького уполномочивает свою жену создавать сыну Алексея Максимовича "авторитет" бездельника и кой-что еще похуже. С Вами говорю откровенно, и Вы будьте откровенны. На эти слова я ответил Максиму:

— Понимаю, но ведь я между двух огней.

Телефонный звонок нарушил нашу беседу. Она была коротка, до боли мучительна. Передо мною был Максим, который мучился вопросом взаимоотношений Крючкова в ранге секретаря, и Максим — сын Горького».

Пусть историк знает, что во время беседы я больше молчал, уклонялся от ответов и от постановки вопросов. Это порождено было личной боязнью, как бы не оступиться между сильных. Эта боязнь — тоже лукавство. Надо было бы сказать Максиму о своих наблюдениях и противоречивых сомнениях; было бы спокойней.

Но в 1934 году в другой раз мне пришлось слушать слова Максима. Слова были гневные, он обзывал меня: стерва, мерзавец, а потом говорил, что я предался вместе с Крючковым гепеушникам. «Окружили

папашу мерзавцы»[49]. С моей стороны не было произнесено ни одного слова. Я не мог понять смысла этих слов. Спросить Дашу я не решался. Но потом подумал и разобрался в обстановке. Я понял, что Крючков и его жена всячески чернят сына Горького, оттирают его от отца, стараясь овладеть всеми позициями возле Горького. И я понял, что Максим ищет себе союзника для борьбы с замашками Крючкова. А этот — последний — все понял, обо всем «догадался» и сделал свои выводы.

Екатерину Павловну я знаю всегда собранной, сосредоточенной, подвижной, всегда общительной и человеколюбивой женщиной. С первых дней моей работы у Алексея Максимовича мне казалось, она строга, но ее доверие требовало от меня честного, правдивого отношения к семье Пешковых. Иногда мне казалось, что вопрос поставлен остро, требовательно, но он решался без конфликтов.

В этом требовалось одно: говорить правду. Екатерина Павловна ценила и умела отгадывать налеты неискренности. Мне внутренне хочется себя разрядить и сослаться на 1933 год. Этот год был годом нарастающих противоречий[50]. Очень резко нарастали вечера с заездом гостей. Оговорюсь, что вечера были двух видов: сбор писателей, врачей, артистов — это с участием Алексея Максимовича, другие вечера были без участия А.М. (Такие вечера нам не нравились. Мы с Олимпиадой Дмитриевной мучились[51]. Но оба не могли сказать.) Последние послужили к следующей беседе.

Екатерина Павловна в присутствии Липы (О.Д.) спросила меня:

— Кем решается вопрос приобретения закусок, вин?

Липа подтвердила, что заказы на продукты питания составляются мною, вина согласуются с Петром Петровичем, после чего делается заказ. После объяснения Екатерина Павловна просила меня и Липу сократить до минимума закупки вин.

— Требование Екатерины Павловны было учтено и закупка вин через мои заказы была прекращена[52].

Однако, находясь в вечном движении, нам с Липой было невдомек проследить: а какие итоги нашего отказа приобретать вина за отсутствием хозяйского глаза. Мне пришлось выслушать от Екатерины Павловны следующее:

— Еду в Горки. Приготовьте, что нужно для Горок. — И тут же добавила:

— Пройдемте в столовую!

Спокойно, выдержанно она мне говорила за столом:

— Иван Маркович, мы с Тимошей просили Вас. Мы имели на Вас надежду, что Вы не будете приобретать вина. Своего обещания не сдержали. Многое берете на себя. Забыли ответственность перед А.М.

Слушал молча, в глазах появились круги. Мысленно хотелось встать, принести копии заказов, но Екатерина Павловна спрашивала:

— Вы что не видите: в доме, где проживает Алексей Максимович, сидят Стец<кий>[53], Ник<улин>[54], Бол<отников>[55]. Сегодня вынуждена говорить А.М. ...

Нужно было спокойствие выслушать и решить, как дать ответ. И я его дал:

Все вина идут транзитом. Я не закупаю! — Эти слова были неубедительны. В свое оправдание и доказать свою правоту я был вынужден просить Екатерину Павловну разрешения в присутствии ее открыть шкафы, которые мне было не дозволено открывать, так как там лежали белогвардейские газеты, информационный пакет ТАСС.

Когда было открыто недозволенное, Е.П. была убеждена, а я был поражен количеством свертков О.С.[56], здесь непроизвольно себя спросил:

— Когда завезли?

В дни, когда А.М. находился в Горках, распорядок дня был таков: к 10 часам из Горок приезжает Крючков, приходит Ладыжников чаще всего, а к 6 часам вечера они покидают Никитскую.

Для меня закон: после их отъезда не покидать Никитскую до 9–10 часов вечера. Когда в кабинете остаешься один, то все действия своего дня подытоживаешь. Вот и сегодня после приезда Е.П. записываю: «Одно доказал, другое нарушил». Всего четыре слова, а они определяют недозволенное открыть. Это значит отступить от тех требований, которые на меня возложил секретарь А.М.

Когда я доказываю свою невиновность этим поступком, я думал, что будет, если о том узнает П.П. Крючков? Он, возможно, узнал, но ничем не выразил своего отношения. Он умел молчать и чаще всего отмалчивался, говоря свое неизменное: «гм, гм!».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Наши достижения» — журнал, издававшийся по инициативе и под редакцией М. Горького с января 1929 г. по 1936 г., с 1930 г. — ежемесячно. По мысли писателя, журнал должен был давать представление об итогах наиболее важных работ, осуществляемых на всем огромном пространстве СССР. Горький писал: «Журнал ставит себе целью давать именно такие подсчеты, итоги, обзоры, но не в сухих цифрах, а в живых фактах, изложенных простым языком, вполне доступным пониманию массового работника» (*Г-30*. Т. 24. С. 386). В статье «О журнале “Наши достижения”» он пояснил: «Пред массовым, партийным и беспартийным работником необходимо развернуть

широкую и полную картину всей текущей государственной работы в Союзе Советов, всех начинаний, опытов, успехов и достижений в области науки, техники, сельского хозяйства, изобретательства, кустарных промыслов и так далее. Знание этого неизбежно должно повысить еще более энергию работников и дать им прекрасный материал для просвещения масс» (Там же. С. 410). Со временем в «Наших достижениях» стали делать тематические номера, посвященные наиболее важным темам социалистического строительства. Редакция журнала находилась во флигеле рядом с домом на Малой Никитской, д. 6, где в мае 1931 г. поселили Горького с семьей.

[2] Кандидатура И.М. Кошенкова, по-видимому, была согласована П.П. Крючковым с Горьким и его сыном.

[3] Кошенков И.М. впервые встретился с Горьким в сентябре 1929 г. (см. об этом во вступительной статье).

[4] Дом № 6 на Малой Никитской улице построен архитектором Ф.О. Шехтелем для известного промышленника, ученого и мецената С.П. Рябушинского в стиле модерн (строился с 1900 по 1902 гг.). Великолепная архитектура и изысканное убранство дома сделали его одним из уникальных памятников русского искусства. Описание дома и его интерьера см. в кн.: *Пэнежко Н.Л., Чернухина В.Н., Марченков А.М.* Шехтель, Рябушинский, Горький (Дом на Малой Никитской, 6). М., 1997. С. 25–41 и *Быковцева Л.П.* «Нелепый дом, но работать можно...». М., 1999. 14 мая 1931 г. Горького, его сына с женой и двумя детьми поселили в этом доме. Кошенков указывает дату 13 мая.

[5] Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), образованное в 1925 г., до конца 1930 г. занимало помещение в доме по Малой Никитской, 6. Общество ставило своей целью развитие контактов между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными деятелями СССР и зарубежных стран. За пять лет существования Общество наладило культурные связи с 77 странами. Все это время при ВОКСе работало Бюро книгообмена и издавался «Информационный бюллетень ВОКС», выходивший раз в две недели на английском, немецком и французском языках. Общество систематически получало около 150 зарубежных периодических изданий на разных языках. Эту печатную продукцию еще не успели вывезти из дома в начале 1931 г.

[6] Одним из главных украшений здания, построенного Ф. Шехтелем, является мраморная лестница в холле, напоминающая волну, низвергающуюся с высоты более 10 метров. Лестница выполнена из серо-зеленого вазелемского мрамора в мастерской М.Д. Кутырина. Она заканчивается стилизованной люстрой-медузой, которую можно принять и за спрута. Сверху она напоминает морскую черепаху.

[7] Степан Павлович Рябушинский, четвертый сын богатой семьи предпринимателей, банкиров и меценатов, возглавлял торговую часть фамильного хлопчатобумажного производства и владел многочисленными предприятиями фирмы. Вместе с братом Сергеем он стал основателем первого в России автомобильного завода АМО (в СССР — ЗИС, завод имени Сталина, позднее ЗИЛ, завод им. Лихачева). В 1919 г.

С.П. Рябушинский с семьей эмигрировал сначала в Италию, потом во Францию. Скончался в 1942 г.

[8] По правую сторону от двери в гостиной особняка находился камин, облицованный белоснежным каррарским мрамором, в центре которого был горельеф в виде женщины-бабочки («баттерфляй»). В 1932 г. камин был разобран и напротив него сооружен массивный буфет. Горький в это время был в Сорренто.

[9] Угловая комната, выходящая на улицу Спиридоновка, служила кабинетом для секретаря М. Горького П.П. Крючкова. Она была соединена прямым проводом с телефоном Г.Г. Ягоды.

[10] Большой и малый кабинеты были декорированы строго и торжественно: подвесной деревянный потолок и мозаика из черного мореного дуба на полу придавали им спокойный и деловой вид. Во время жизни Горького в доме было поставлено много книжных шкафов, где разместилась его огромная библиотека.

[11] Спальня по замыслу архитектора была оклеена золотыми рельефными обоями, напоминающими ткань, и украшена позолоченными металлическими частями декора. На дверях была латунная инкрустация в виде солнца. При Горьком интерьер изменился: на стенах появились любимые картины, у изголовья кровати стоял портрет сына, а после его смерти — фотография старшей внучки Марфы.

[12] В доме вместе с Горьким жили сын Максим Алексеевич Пешков (1897–1934), его жена Надежда Алексеевна Пешкова (урожд. Введенская, домашнее прозвище Тимоша, 1900–1971) и две внучки Марфа (род. 1925) и Дарья (род. 1927).

[13] П.П. Крючков уехал в Италию, чтобы подготовить отъезд Горького в СССР.

[14] Татьяна Мошкова (Машкова), горничная в доме на Малой Никитской, 6, А.С. Левкин — истопник, А.Е. Кутинов — дворник и сторож.

[15] Напротив горьковского дома во дворе находились редакции журналов «Наши достижения» и «СССР на стройке» (1930–1941, возобновлен в 1950 г. под названием «Советский Союз»), Горький был членом его редколлегии.

[16] Остатки декораций японского театра «Кабуки», приезжавшего на гастроли в Москву.

[17] Государственное издательство РСФСР (Госиздат, впоследствии ОГИЗ) разместилось в особняке Ф. Шехтеля в июле 1919 г. и покинуло его в январе 1923 г. Издательство выпускало учебные пособия и научные книги, а также имело право на печатание художественной и агитационно-пропагандистской литературы. С годами объем его работы все увеличивался, возникли отделы: научный, научно-популярный, агитационно-пропагандистский, педагогический, детский, литературно-художественный и др.

[18] Халатов Артемий (Арташес) Багратович (1896–1937), председатель правления ОГИЗа в 1927–1932 гг.

[19] Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), нарком внутренних дел, глава ОГПУ–НКВД в 1934–1936 гг., Генеральный комиссар государственной безопасности.

[20] Телеграмма не разыскана.

[21] Горький приехал в Москву 14 мая 1931 г.

[22] Первая встреча Кошенкова с Горьким состоялась в сентябре 1929 г. (см. примеч. 3).

[23] Ладыжников Иван Павлович (1874–1945), партийный и издательский работник, друг М. Горького.

[24] Пешкова Екатерина Павловна (урожд. Волжина, 1876–1965), жена М. Горького.

[25] Поселившись против своей воли в особняке на Малой Никитской, Горький сказал: «Нелепый дом, но работать можно» (*Быковцева Л.П.* «Нелепый дом, но работать можно...». М., 1999).

[26] Основателем династии Рябушинских был крестьянин-старообрядец Михаил Яковлевич Рябушинский, открывший несколько небольших ткацких фабрик. Его старший сын Павел Михайлович Рябушинский стал уже создателем «Торгово-промышленного дела Рябушинских». Братья Рябушинские — Павел, Сергей, Владимир, Степан и Михаил — модернизировали и расширили наследственное дело, создав банкирский дом Рябушинских, Московский коммерческий банк и Харьковский земельный банк. В 1916 г. они начали строить в Москве автозавод, который в 1924 г. превратился в крупнейшее советское предприятие. Накануне революции они занимались также разработкой добычи нефти на месторождениях Ухты. Младшие сыновья — Николай, Дмитрий и Федор — занимались наукой и литературой, прославившись как меценаты. В 1918 г. Горький спас одного из них, Дмитрия Павловича Рябушинского, освободив его из тюрьмы. Об истории династии Рябушинских подробнее расказано в экспозиции Музея А.М. Горького в Москве (Малая Никитская, дом 6).

[27] Шкапа Илья Самсонович (псевд. Гриневский, 1898–1993), писатель и очеркист, в 1925–1928 гг. литературный редактор «Крестьянской газеты» (орган ЦК ВКП(б)), с 1928 по 1935 г. заведующий редакцией и член редколлегии журнала «Наши достижения». В эти годы постоянно общался с Горьким, т.к. работал также редактором-консультантом в издательстве «История Гражданской войны». В 1931 г. по рекомендации Горького был включен в число 300 ударников труда, совершивших на теплоходе «Украина» круиз по странам Европы. (См. об этом в кн.: *Шкапа И.С.* Своими глазами // *Шкапа И.С.* Семь лет с Горьким. М.: Советский писатель, 1964.) 5 октября 1935 г. был репрессирован и сослан, после освобождения в 1955 г. вернулся к литературной работе, написал воспоминания о встречах с писателем.

[28] Крючков Петр Петрович (1889–1938), издательский работник, секретарь М. Горького, был обвинен в убийстве писателя на процессе «право-троцкистского блока» в 1938 г. и расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

[29] Бобрышев Василий Тихонович (1900–1941), журналист, сотрудник журнала «Наши достижения».

[30] Барков Николай Петрович, сотрудник и секретарь журнала «Наши достижения».

[31] «История Гражданской войны» — коллективная работа по созданию многотомной «Истории Гражданской войны» началась в 1931 г. по инициативе и под руководством М. Горького (см. его ст.: «Народ должен знать свою историю!» и «Участникам гражданской войны» (*Г-30.* Т. 25. С. 272–277; Т. 26. С. 116–119)). При жизни Горького

вышел только первый том. (Подробнее см. об этом в кн.: *Спиридонова Л.А.* М. Горький: диалог с историей. М., 1994. С. 260–266).

[32] «Словарь синонимов», работа над которым шла в 1930-х гг., должен был сопровождать «Словарь русского языка», издаваемый Комиссией по русскому языку АН СССР в 1932–1933 гг. (Л.: изд. АН СССР, вышли т.т. 1–6 и 8). И. Шкапа вспоминал: «По совету Горького мы с Бобрышевым задумали составить словарь синонимов русского языка. Была создана бригада из пяти человек. Со словарным издательством ОГИЗа заключили договор на пятьдесят листов. Был дан редактор словаря. Бригада деятельно трудилась, провела огромную работу по разработке синонимических гнезд в соответствии с инструкцией, утвержденной издательством, накопила большую картотеку примеров, иллюстрирующих употребление синонимов в русской литературе. Но словарное издательство явно затягивало издание книги» (*Шкапа И.С.* Семь лет с Горьким. С. 193).

[33] Жена И.С. Шкапы Татьяна Шкапа (урожд. Бережецкая) дважды обращалась к Горькому с просьбой помочь арестованному мужу. 22 декабря 1935 г. она писала: «... я знаю и могу ручаться чем угодно, что ни в каком антисоветском деле он никогда не участвовал и участвовать не мог благодаря своим четким убеждениям, которые он формулировал как — беспартийный большевик». Она предположила, что причиной ареста мог стать донос соседа по лестничной клетке, который хотел расширить свою жилплощадь, переехав в квартиру Шкапы. Т. Шкапа просила защитить ее семью, т.к. обращение к П.П. Крючкову не дало никаких результатов: «Тогда я решила писать Вам, дорогой Алексей Максимович. Я не боюсь, что Вы не поймете меня. Я считаю, что великие писатели потому и великие, чувствуют, видят неизмеримо дольше, чем обыкновенные люди» (*АГ.* КГ-рл-29-108-1).

22 марта 1936 г. она вновь обратилась к Горькому, сообщив, что И. Шкапу «обвиняют за сомнения, которые он высказывал в 29–30 году по крестьянскому вопросу. Да, он тогда болел, сомневался, но это так давно прошло, что у меня и мысль к этому не вернулась, когда его взяли. К тому же надо знать, что его сомнения не перешли ни разу в активную форму, что когда он увидел, что его сомнения и тревоги были напрасны, он радовался детской радостью, потому что счастье, успех своей страны он всегда ставил и ставит выше своих личных интересов» (*АГ.* КГ-рл-29-108-2).

Следствие над И. Шкапой продолжалось пять месяцев, и за это время был составлен только один протокол, который ему так и не дали прочитать. Видимо, его обвиняли в неправильных суждениях по поводу принудительной коллективизации. Будучи активным публицистом, всерьез занимавшимся сельским хозяйством, он выражал собственные взгляды на события, происходившие в деревне в 1929–30 гг. (См. его ст. «О расслоении деревни», хранящуюся в Казанском Музее Горького — НВ–5887, 5888.). Горький не смог помочь И. Шкапе: тот был осужден и сослан на 20 лет. После освобождения в 1955 г. вернулся к литературной работе и написал воспоминания о своих встречах с писателем «Семь лет с Горьким» (М.: Советский писатель, 1964).

[34] Марков Сергей Николаевич (1906–1979), сибирский писатель и краевед, сотрудник журнала «Сибирские огни», был арестован и сослан в Архангельск, в

1935 г. вернулся в Москву. Горький пытался привлечь его к созданию «Истории деревни».

[35] Горький был знаком с книгой И.С. Шкапы (Гриневского) и Я. Селиха, «Крестьяне о Советской власти. (Письма крестьян к 10-летию Октябрьской революции)» (М., 1931), а также с книгами «Железо и хлеб» (М., 1932), «Лицом к лицу» (М., 1934).

[36] Переписка Горького с И.С. Шкапой, насчитывающая более 20 документов, хранится в *АГ*. Опубликована частично в *Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 161–175.

[37] Тотавников П.М., чекист, комендант на подмосковной даче Горького в Горках-10.

[38] Пакалн Петр Петрович (1886–1937), генерал ОГПУ, комиссар по особым поручениям.

[39] Арест повара Якова Васильевича Говошвили, не состоявшего ни в каких «вредительских организациях», свидетельствует о нагнетании нездоровой обстановки в доме Горького в последние годы его жизни.

[40] На даче в Крыму (Тессели) Горький жил с конца сентября 1934 г., а также весной и осенью 1935 г. и весной 1936 г. (до 27 мая). В Италию (Сорренто) его больше не выпускали.

[41] Уверенность Горького, что Шкапа не виноват в преступлениях против Советской власти, основывалась на личных впечатлениях от общения с ним и на письмах его жены.

[42] Це-Це — ядовитая муха; прозвище жены П.П. Крючкова Елизаветы Захаровны (урожд. Медведовской, 1899–1938) в семье Горького. Она работала ответственным секретарем журнала «Колхозник», созданного по инициативе Горького, в 1937 г. была арестована и приговорена к смертной казни.

[43] Конфликты между И.М. Кошенковым и Е.З. Крючковой возникали постоянно, т.к. она претендовала на главную роль не только в доме Горького, когда семья уезжала в Италию, но и в редакции «Наших достижений». От увольнения Кошенкова постоянно защищал М.А. Пешков, который поддерживал с комендантом дружеские взаимоотношения. Узнав о проделках Крючковой, он сказал коменданту: «Вы работаете не на Крючкова, интимные проделки каждого из нас не для Алексея Максимовича» и добавил: «Штучки Це-Це, конечно, осуждены» (*АГ*. МоГ-7-14-8).

[44] Горький с семьей вернулись из Сорренто в Москву 19 мая 1933 г.

[45] Речь идет о жалобах Е.З. Крючковой в письмах мужу и Н.А. Пешковой, посланных в Сорренто. Она требовала уволить Кошенкова.

[46] Уханов Константин Васильевич (1891–1937), партийный деятель, председатель Моссовета, заместитель наркома по снабжению.

[47] См. вступит. статью.

[48] Мухина Вера Игнатьевна (1889–1953), известный скульптор, автор памятника М.А. Пешкову на Новодевичьем кладбище.

[49] 13 мая 1937 г. на допросе Г.Г. Ягода признался, что окружил Горького своими людьми и вел за ним постоянное наблюдение. В числе этих людей он назвал П.П. Крючкова (*Вокруг смерти Горького*. С. 258).

[50] В 1933 г., вернувшись из Сорренто, Горький активно включился в работу по подготовке Первого съезда советских писателей, который перенесли на 1934 г. 15 августа 1933 г. его избрали председателем Всесоюзного комитета, поэтому в доме на Малой Никитской часто проходили встречи с писателями. Наиболее известны две встречи в 1932 г. и одна — в сентябре 1933 г. В том же доме Горький встречался с художниками и скульпторами, деятелями науки, авторскими коллективами «Истории Фабрик и Заводов» и др.

[51] Черткова Олимпиада Дмитриевна (Липа, Лапа, 1878–1951), медицинский работник, близкий друг Горького в последние годы жизни.

[52] Е.П. Пешкова и Н.А. Пешкова опасались за здоровье М.А. Пешкова, которого спаивали П.П. Крючков и его окружение. На процессе 1938 г. Крючков признался, что это делалось по прямому приказу Г.Г. Ягоды. Он привел его слова: «... ваша задача очень проста, начните спаивать Максима. Я разговаривал с доктором Виноградовым и знаю, как губительно действует на организм Максима вино. <...> Я принял поручение и приступил к подготовке убийства Максима Пешкова. Я начал спаивать его, причем вино получал непосредственно от Ягоды в довольно большом количестве» (*Вокруг смерти Горького*. С. 219).

[53] Стецкий Александр Иванович (1893–1939), партийный деятель, заведующий отделом пропаганды и агитации в ЦК ВКП(б).

[54] Никулин Лев Вениаминович (1891–1967), писатель.

[55] Болотников Александр Александрович, журналист, редактор «Литературной газеты». Расшифровка всех трех фамилий, написанных неразборчиво, дается предположительно.

[56] Свертки «О<собого> С<набжения>» доставлялись в дом по прямому приказу Г.Г. Ягоды. Впоследствии он упрекнул писателя в неблагодарности, т.к. обслуживание дома на Малой Никитской, дач под Москвой и в Крыму финансировалось из средств ОГПУ. Подробнее об этом см.: *Спиридонова Л.А.* М. Горький: новый взгляд. М., 2004. С. 160.

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО С Н.К. КРУПСКОЙ, М.И. УЛЬЯНОВОЙ И А.И. ЕЛИЗАРОВОЙ-УЛЬЯНОВОЙ

Вступительная статья, подготовка текста и примечания О.В. Быстровой

Последняя треть XX века, равно как и начало XXI, обогатили и без того обширную мемуарную лениниану. Публикуемая переписка Горького с женой и сестрами В.И. Ленина открывает новую страницу в истории XX века и дает возможность проследить, как жили близкие Ленина после его смерти, как они вписывались в окружающую обстановку в стране победившего социализма.

Главной темой этой переписки, несомненно, является фигура Ленина. Познакомившись с Лениным 27 ноября 1905 г. на заседании ЦК РСДРП, проходившем на квартире директора-распорядителя издательства «Знание» К.П. Пятницкого, Горький испытывал к нему симпатии, как к человеку другой формации. Это отношение в разные годы было разным, но писатель всегда видел глубину истока: «Он — политик. Он в совершенстве обладал тою четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия»[1]. М.Ф. Андреева в письме, написанном сразу после смерти Ленина, напомнила Горькому, как именно он охарактеризовал будущего вождя пролетариата: «Ты когда-то в Москве, на собрании, говорил, мне сказали, что Владимир Ильич представляется тебе Человеком, который взял землю в руки, как глобус, и ворочает ее — как хочет»[2].

После кончины Ленина встал вопрос о подготовке и издании сборников, дающих всестороннюю информацию о жизни, болезни и смерти Владимира Ильича. 28 января 1924 г. Комиссия ЦИК СССР по организации похорон В.И. Ульянова (Ленина) обсудила этот вопрос и единогласно вынесла его на рассмотрение в Политбюро ЦК РКП(б); 29 января 1924 г. на Пленуме ЦК РКП(б) предложение Комиссии озвучил Ф.Э. Дзержинский. Получив согласие Пленума, 30 января 1924 г. Комиссия поручила Н.И. Бухарину, А.С. Енукидзе и В.М. Молотову организовать эту работу. В первую очередь, члены Комиссии обратились к Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой, которые в последние годы были постоянно с Лениным.

Крупская написала воспоминания о последних месяцах жизни Ленина «Последние полгода жизни Владимира Ильича» 3 февраля 1924 г.[3] Эти воспоминания публиковались, но всегда со значительными сокращениями, особенно, в той их части, которая касалась болезни и тяжелых нервных припадков Ленина. И только в письмах к Горькому она частично повторяет эти страшные для нее подробности: «Хотя с марта последнего года он потерял речь, возможность писать и читать вслух, но у него была богатейшая интонация и мимика, и понимание полное чужой речи — про себя он мог тоже читать» (см. п. 4). Сестра Ленина, М.И. Ульянова, написала свои воспоминания в начале 1930-х гг., посвятив их болезни Ленина в период с мая 1922 по март 1923 г.; однако они не были опубликованы[4].

В свою очередь, Горький стал писать о Ленине, как только узнал о его кончине. 4 февраля 1924 г. он сообщал Андреевой о том, что его работа закончена: «Я написал воспоминания о нем, говорят — не плохо <...> Писал и — обливался слезами. Так я не горевал даже о Толстом. И сейчас вот — пишу, а рука дрожит <...> На душе — тяжело. Рулевой ушел с корабля»[5]. Впервые в отрывках очерк Горького «В.И. Ленин» был опубликован в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» (1924. № 84. 11 апр.); полностью — в журнале «Русский современник» (1924. № 1). Знал ли Горький о решении Комиссии, — думается, нет. Знала ли Крупская об этом решении — стоит ответить положительно. Но воспоминания Крупской и Горького стали первым шагом в освещении жизни Ленина, равно как и всей ленинской мемуаристики.

Однако Горький не был удовлетворен первой редакцией своего очерка о Ленине. Он сообщал М.Л. Павловичу 29 декабря 1925 г.: «...написал о Вл. Ильиче плохо. Был слишком подавлен его смертью и слишком поторопился выкричать мою личную боль об утрате человека, которого я любил очень»[6].

Долгое время поводом для возвращения Горького к очерку «В.И. Ленин» считались обращения сотрудников Госиздата, готовивших новое собрание сочинений писателя. От их имени 27 марта 1930 г. к писателю обратился А.Б. Халатов: «Вашей статьей о Ленине мы очень дорожим. Но мы просим Вас ее пересмотреть и проредактировать, учтя наши замечания. Вы знаете, как осторожно мы относимся к каждому слову о Ленине, и Вы не осудите нас за то, что мы вынуждены обратиться к Вам с этой настоятельной просьбой»[7].

Еще в 1927 г. член редколлегии газеты «Правда» М.И. Ульянова попросила Горького написать статью о Ленине. В конце декабря 1927 г. Горький в ответном письме обещал ей написать о Владимире Ильиче (см. п. 9). Однако в следующем письме от 8 января 1928 г. сообщил о некоторых затруднениях в работе над статьей: «...основой моей статьи о Владимире Ильиче должны были послужить письма А.А. Богданова ко мне; помню, что в некоторых [по<ложениях?>] этих писем были интересные суждения Богданова о

личности В.И.» (п. 10). Просьбы Крупской и Ульяновой — уточнить то или иное событие — буквально заставляли Горького вспоминать о встречах и разговорах с Лениным: «Дорогой Алексей Максимович <...> Владимир Ильич в одном из писем к Вам от 10-го года пишет, что летом Вы видались с ним. Я забыла, где Вы виделись. На Капри он ездил как будто только в 1908 году. Но, может, я забыла. Если не затруднит, черкните, когда и где Вы видались с ним в 10-м году. Также, виделись ли Вы с ним впервые на Лондонском съезде или встречались и раньше» (п. 15; от 16 февраля 1929 г.); «Дорогой Алексей Максимыч! Не поможете ли Вы мне восстановить в памяти следующее обстоятельство. Осенью 1916 года мы с Вами вели разговоры о международных работах Ильича. Была, м. пр., речь и об "Агр. вопросе"» (п. 17; от 11 октября 1929 г.); «Когда Вы уехали в Россию? В 1914 году туда ездили или когда?» (п. 21; от 16 сентября 1930 г.) и т.д.

Погруженный в работу над третьей частью «Жизни Клима Самгина», Горький смог обратиться к редактированию своего очерка о Ленине только во второй половине 1930 г. И для этой работы ему были необходимы воспоминания соратников Ленина. 16 мая 1930 г. он писал Крупской: «...сейчас кончил читать Ваши воспоминания о Вл. Ильиче, — такая простая, милая и грустная книга. Захотелось отсюда, издали пожать Вам руку и, — уж право, не знаю, — сказать Вам спасибо, что ли, за эту книгу? Вообще — сказать что-то, поделиться волнением, которое вызвали Ваши воспоминания»[8]. В записях сотрудницы Наркомпроса А.И. Радченко, работавшей вместе с Н.К. Крупской, есть строки о том, как отнеслась Крупская к отзыву Горького: «4/VII.30 г. Горький так отозвался о моих "Воспоминаниях": — Ильич там дан прямо, как живой, а по прочтении книжки остается тяжелая грусть на душе: — Вот уж не думала, что книжка так может подействовать!»[9].

Предположительно, в середине сентября 1930 г. Крупская прочитала верстку очерка Горького «В.И. Ленин», подготовленную Госиздатом для юбилейного собрания сочинений писателя; 16 сентября 1930 г. она писала: «Сегодня получила Ваши воспоминания об Ильиче — хорошие. Живой у Вас Ильич» (п. 21).

Переписка с Горьким давала возможность Ульяновой и Крупской вспомнить время, когда дорогой им человек был рядом с ними, и понять, что вся эта ключом кипящая жизнь прочно «переплетается с воспоминаниями об Ильиче», потому что всегда хочется представить, «как бы он реагировал на тот или иной факт, как бы посмотрел, что бы сказал» (п. 21). Впрочем и сам Горький считал: «...прошло семь лет с той поры, как ушел В. Ильич. Какие битвы разыгрались за это время и сколько сделано. А все же — поторопился он уйти» (п. 23).

Воспоминания о Ленине были не единственной темой этой переписки. Горькому писали женщины, которые несли на своих плечах бремя власти,

решали определенные вопросы, поставленные временем и государством. Перед страной и перед ними стояла одна из главных задач — создать историю новейшего времени. Для этой цели была создана Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), которая занималась собиранием, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции; другое название комиссии — Истпарт. 21 сентября 1920 г. Совнарком принял постановление, подписанное В.И. Лениным, об учреждении Истпарта при Наркомпросе; но уже 1 декабря 1921 г. он перешел на правах самостоятельного отдела в ЦК РКП(б). Руководство его работой осуществлял Президиум, в который входили председатель (М.С. Ольминский), его заместитель (М.Н. Покровский) и секретарь (В.В. Адоратский). Одним из инициаторов создания и сотрудником Истпарта была А.И. Елизарова-Ульянова[10].

В революционное движение старшая сестра Ленина Анна Ильинична вошла в 1883 г.; по делу брата Александра Ульянова о покушении 1 марта 1887 г. на императора Александра III она была арестована и осуждена на пять лет ссылки, которую отбывала в с. Кокушкино. В 1896 г., будучи в Петербурге, организовывала связь арестованного Ленина с Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». С 1898 г. была избрана членом первого Московского комитета РСДРП. В 1903–1904 гг. участвовала в партийной работе в Киеве и Петербурге. Именно к концу 1904 г. относится знакомство Анны Ильиничны с Горьким. После 17 декабря 1904 г., когда вместе с С.И. Гусевым, А.А. Богдановым, В.А. Десницким, А.Ф. Войткевичем и другими она пришла к писателю с просьбой о помощи, тот предоставил свою квартиру для проведения партийного собрания. По воспоминаниям одного из членов того собрания, на нем «обсуждался вопрос ряда изданий, как легального, так и нелегального характера»[11].

Сведения о первом обмене письмами Горького и Анны Ильиничны относятся к 1908 г., когда она пыталась издать книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в России. 1 ноября 1908 г. К.П. Пятницкий телеграфировал Горькому: «Сестра Ленина предлагает его книгу, новую. Степанов, Базаров, Бонч советуют принять. Телеграфируйте, прошу, решение»[12]. Речь шла о только что законченной книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии». 2 ноября 1908 г. Елизарова-Ульянова писала брату, что И.И. Скворцов-Степанов посоветовал обращаться непосредственно к Горькому, минуя Пятницкого. «Я поколебалась, — писала она, — не зная, будет ли это удобно при сложившихся отношениях, но все же решила запросить, чтобы положить конец волоките. Указываю на 2-месячную, почти, оттяжку Пятницкого и прошу ответить не позже 1 декабря, да или нет»[13]. Ленин одобрил этот запрос: «Ты великолепно сделала, что просила узнать телеграммой ответ»[14]. Ответная телеграмма

Горького Елизаровой не разыскана; равно как и ее телеграмма Горькому. Стоит добавить, что книга Ленина в «Знании» не издавалась; она вышла в мае 1909 г. в московском издательстве «Звено»[15].

После Февральской революции 1917 г. Елизарова-Ульянова была избрана членом Бюро ЦК РСДРП; участвовала в подготовке Октябрьской революции 1917 г. С 1918 по 1921 г. была заведующей Отделом охраны детства в Наркомпросе. С 1921 по 1932 г. сотрудница Истпарта.

Будучи сотрудницей Истпарта, в 1927 г., к годовщине «Второго 1 марта», Анна Ильинична готовила сборник о судебном процессе над членами «Террористической фракции» партии «Народная воля» А.И. Ульяновым, П.Я. Шевыревым, П.И. Андреюшкиным, В.Д. Генераловым, В.С. Осипановым и др. Сборник «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» (М.; Л.: ГИЗ, 1927) с дарственной надписью был отправлен в Сорренто. Горькому сборник понравился, о чем он и сообщил редактору книги. В ответ получил искренний привет и пожелание «увидеть Вас скорее в России и читать Ваши отображения послереволюц<ионной>, поистине очень интересной России» (п. 8).

13 июля 1931 г. на заседании ВЦИК СССР под председательством М.И. Калинина было решено начать строительные работы Дворца Советов, площадкой для которого был избран храм Христа Спасителя, который необходимо было снести. 15 июля 1931 г. Елизарова-Ульянова обратилась к Горькому, требуя помощи в сохранении этого культурного памятника, наивно надеясь, что «нашего первого, истинного пролетарского художника и писателя, послушают, конечно, скорее, чем кого-либо иного» (п. 24). Ответное письмо не разыскано; 5 декабря 1931 г. храм был разрушен.

Младшая сестра Анны Ильиничны, Мария Ильинична[16], о смешении которых в сознании Горького тактично написала Елизарова («Письмо... было послано ею, — мною только сборник, — а Вы, вероятно, смешали нас обеих в одно лицо» (п. 8)), в отличие от старшей, — встречалась с Горьким в конце 1890-х гг. в Нижнем Новгороде, в который была выслана под надзор полиции. Она сама вспоминала: «В конце 90-х годов я лишь мельком встречалась с Алексеем Максимовичем в Нижнем Новгороде... Ближе как человека я узнала его в Петрограде перед революцией. Наши свидания происходили у него на квартире на Петербургской стороне[17], куда я приходила к нему с письмами и поручениями от Ленина»[18].

После Октябрьской революции М.И. Ульянова активно работала в советской журналистике: с марта 1917 до 1929 г. она член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда»[19]. Говоря о сотрудничестве Горького с этой газетой в первые послеоктябрьские годы, следует упомянуть, что единственным публицистическим произведением писателя стала его статья «Путь к счастью» (1920. № 93. 1 мая)[20]. Это был отклик писателя на призыв

IX съезда РКП(б): «Превратить международный пролетарский праздник 1 Мая, выпадающий в этом году на субботу, в грандиозный Всероссийский субботник»[21].

В апреле 1921 г. Горький обратился к Ульяновой, надеясь на ее помощь знакомым врачам А.Н. Алексину и Д.Д. Плетневу, которых выселяли из квартир и отбирали всю мебель[22] (см. п. 3). Это одно из многих писем, которые Горький написал в эти годы, адресуя их представителям органов Советской власти в Петрограде, Москве и других городах с просьбами помочь ученым, врачам[23].

В 1927 г. советское правительство серьезно озаботилось возвращением Горького в СССР. Для разрешения этой задачи 17 ноября 1927 г. было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Об образовании комиссии по организации празднования 40-летия литературной деятельности А.М. Горького. В состав комиссии вошли А.В. Луначарский, А.Б. Халатов, И.И. Скворцов-Степанов, Н.И. Бухарин, М.П. Томский, С.Н. Смидович, М.Н. Покровский и Я.С. Ганецкий. В постановлении, однако, было указано: «Считать, что комиссия должна быть организована в порядке общественной инициативы Госиздатом, редакцией "Правды" и редакцией "Известий"»[24].

1927 г. был важен для страны — это был год десятилетия Октября[25]. Все чаще и чаще Горькому задавали один и тот же вопрос: когда писатель Горький вернется на родину? Горького звали в СССР К.А. Федин, М.М. Пришвин, А.Б. Халатов и многие другие[26]. К их просьбам присоединялись и А.И. Елизарова-Ульянова («с пожеланием увидеть Вас скорее в России» (п. 8)), и Крупская («Ждем Вас весной» (п. 15)).

Редакция «Правды» активно включилась в работу вновь созданной комиссии. Именно в 1927 г. начинается плодотворное сотрудничество с газетой. Горький прислал для номера свои воспоминания «Михаил Вилонов». В ответном письме 24 апреля 1927 г. Ульянова благодарила за этот материал и просила впредь не оставлять газету вниманием: «Вещь очень хорошая и так кстати: ведь такие-то люди, как Вилонов, и строили и нашу партию, и "Правду". Были бы очень рады, если бы Вы и впредь писали что-нибудь для нас» (п. 6).

Свою задачу по возвращению Горького в страну редколлегия «Правды» видела не только в том, чтобы Горький сотрудничал в газете. Было важно показать ему огромные достижения страны, из которой он уехал и в которую он должен вернуться. В *АГ* сохранилось письмо А.Б. Халатова от 30 мая 1928 г., адресованное Ульяновой: «Согласно телефонных переговоров с Вами, — посылаю Вам — ориентировочный план вечеров и посещений А.М. Горьким разных организаций и учреждений, выработанный Общественным комитетом по организации юбилея М. Горького»[27]. Несмотря на то, что этот «ориентировочный план» не сохранился, газета с момента приезда Горького в страну

(27 мая 1928 г.) давала своим читателям полный отчет о пребывании писателя в стране[28], не забыв в редакционной статье уточнить: «Горький приезжает к нам не как гость. Он нам нужен как работник, и не за прошлые только заслуги его чествует рабочий класс»[29].

Несомненно, Горький увидел очень много нового в стране, однако он и сам осознавал, что ему показывают парадную сторону страны, которая выстраивает новые отношения с миром. Это же понимали и его адресаты; Крупская писала о впечатлениях Горького: «13/VI.28. Вчера вечером видели и слышали Горького на расширенном пленуме Центрального Бюро краеведов. Он производит впечатление тяжело больного человека: худ до-нельзя, говорит еле слышно. Умилен до крайности всем, что у нас делается и то и дело растроганно утирает слезы. Боюсь, что в весьма многом он скоро разочаруется»[30]. Но это произойдет чуть позже...

Ульянова как организатор рабкоровского движения в стране всегда отдавала должное одной особенности Горького: «Необычайно велика роль Горького как воспитателя молодых начинающих литераторов. Надо было поражаться, как успевал он прочитывать то огромное количество писем, которое направлялось ему в Италию с просьбой помочь, посоветовать, прочесть ту или иную вещь и т.п. Некоторые из них проходили через меня, когда я работала в "Правде", и, вероятно, ни один из этих запросов не оставался без ответа»[31]. Не только не оставался без ответа, но и в определенных ситуациях Горькому приходилось буквально защищать молодых писателей.

Одна из многих аналогичных история отражена в переписке с ответственным секретарем газеты. 20 октября 1928 г. Ульянова отправила в Сорренто «письмо Буденного, присланное в "Правду"» с просьбой «получить Ваш ответ на него» (п. 13).

Предыстория письма Буденного такова: 30 сентября 1928 г. «Правда» опубликовала статью М. Горького «Как я учился писать» (№ 266), в которой автор упомянул «Конармию» И. Бабеля как одно из лучших произведений советской литературы. В ответ последовало «Открытое письмо Горькому» военкома С.М. Буденного. В письме Буденный дал свою оценку этому произведению: «...его попытка изобразить быт, уклад и традиции I-ой Конной армии получилась в карикатурно-пасквильном виде, и вся его повесть пронизана мещанско-обывательской точкой зрения с чистейшей мелко-буржуазной психологией <...> Работу Бабеля мы давно осудили, расценивая ее как пасквиль...»[32]. Горький откликнулся и отправил свой ответ 2 ноября 1928 г. (см. п. 14). Горьковский «Ответ С. Буденному» редакция опубликовала 27 ноября 1928 г. Писатель был категорически не согласен с мнением высшего военного оппонента: «Читатель внимательный, я не нахожу в книге Бабеля ничего "карикатурно-пасквильного", наоборот: его книга возбудила

у меня к бойцам "Конармии" и любовь и уважение, показав мне их действительно героями, — бесстрашные, они глубоко чувствуют величие своей борьбы...»[33]. Благодаря поддержке Горького книга И. Бабеля «Конармия» вышла в 1928 г. третьим, дополненным, изданием[34].

В 1929 г. Ульянова перешла на работу в Институт В.И. Ленина, где активно работала над подготовкой к публикации писем брата к родным, своими воспоминаниями о нем, а также сборниками материалов о заграничных рефератах Ленина. Ее уход из газеты был связан с тем, что главного редактора газеты Н.И. Бухарина Апрельский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. объявил лидером «правого уклона» и сместил его с должности главного редактора. Все сторонники Бухарина, среди которых числилась и М.И. Ульянова, были удалены из газеты.

В 1932 г. она была избрана членом Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР; заведовала Объединенным бюро жалоб НК РКИ СССР и РСФСР. И на этой должности она пыталась заинтересовать Горького работой своего подразделения: «Направляю Вам некоторые материалы о работе ОБЖ, как мы уговорились по телефону. Если Вас заинтересует эта область работы, могла бы дать Вам лично некоторые дополнения», не забыв напомнить писателю, что «Ваше словечко о нашей работе в печати было бы нам оч<ень> важно» (п. 29).

Горький к тому времени уже работал над другими проектами, вовлечен во многие общественные организации. Но самое поразительное состояло в том, что ему писали многие, знакомые и незнакомые, его просили помочь — и он помогал; а в ряде случаев его помощь была действеннее, нежели чем работа Бюро жалоб. Именно эту особенность когда-то отметила сама Ульянова.

С Н.К. Крупской[35] Горький познакомился, предположительно, в 1911 г., когда приезжал в Париж к Ленину: «...я увидел его в Париже, в студенческой квартирке из двух комнат — студенческой она была только по размерам, но не по чистоте и строгому порядку в ней. Надежда Константиновна, сделав нам чай, куда-то ушла, мы остались вдвоем»[36]. Впрочем, сама Крупская, вспоминая о Горьком, всегда связывала его с Ильичем, не уточняя свое знакомство с писателем: «Я мало видела Ильича вместе с Горьким. На Лондонском съезде я не была, на Капри не ездила, а в Париже, Москве, в Горках, когда к нам приезжал Алексей Максимович, я всегда старалась смыться, чтобы дать им поговорить по душам, с глазу на глаз»[37]. Хотя она сама признавалась, что любила произведения писателя Горького, и однажды в 1900–1901 г., когда «отбывала ссылку в Уфе, прочла я начало Ваших "Троих" и как это меня захватило, что я в Самарскую газету даже что-то написала, хотя тогда я была еще совсем непишучая» (п. 28). Стоит добавить, что Крупская хорошо была осведомлена обо всех поступлениях денег от «Буквы» (так называли писателя в своей переписке большевики в целях конспирации) для нужд партии.

Первое письмо Крупской Горькому было отправлено 17 февраля 1913 г. и явилось началом вовлечения Горького в партийное движение[38]: «Вы писали Ильичу, чб. он осведомлял Вас, что Вам важно. Буду Вам посылать некоторые письма товарищей» (п. 1). Вслед за этим последовало письмо Крупской с просьбой помочь опубликовать ее брошюру «Народное образование и демократия».

После Октябрьской революции 1917 г. Крупская избирает своей деятельностью педагогическую: с 1918 по 1929 г. она — член коллегии Наркомпроса РСФСР; затем с 1929 по 1939 г. — заместитель наркома просвещения РСФСР. Одновременно с этим: в 1917–1920 гг. — заведующая Внешкольным отделом (позже влившимся в структуру Наркомпроса РСФСР); с 1921 по 1933 г. — председатель научно-методической секции Государственного ученого совета (ГУС) при Наркомпросе РСФСР.

С ноября 1920 г. (вплоть до 1930 г.) Крупская была председателем Главполитпросвета при Наркомпросе РСФСР. В 1923 г. именно Главполитпросвет выступил инициатором так называемой библиотечной цензуры 1920-х годов: была выпущена брошюра «Всем губ. и Уполитпросветам, Облитам, Гублитам и Отделам ГПУ. Инструкция о пересмотре книжного состава библиотек и изъятия контрреволюционной и антихудожественной литератур» (М.: Красная новь, 1923). В брошюру вошли собственно Инструкция, подписанная председателем Главполитпросвета Крупской и заместителем заведующего Главлитом М. Сперанским, и приложенный «Указатель об изъятии антихудожественной и контрреволюционной литературы из библиотек, обслуживающих массового читателя»[39]. Эту брошюру во Фрейбург Горькому привезла М.И. Будберг. Горький буквально был в ярости, он писал В.Ф. Ходасевичу: «Из новостей, ошеломляющих разум, могу сообщить <...> в России Надеждою Крупской и каким-то М. Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Рёскин, Нитчше, Л. Толстой, Лесков, Ясинский (!) и еще многие подобные еретики <...> Все сие — будто бы отнюдь не анекдот, а напечатано в книге, именуемой: "Указатель об изъятии антихудожественной и контрреволюционной литературы из библиотек, обслуживающих массового читателя" <...> я еще не могу заставить себя поверить в этот духовный вампиризм»[40]. Впечатление Горького от этого указателя было таково, что он «начал писать заявление в Москву о выходе моем из русского подданства»[41]. Одновременно с письмом Ходасевичу Горький написал об этой «трагической пошлости» Р. Роллану, но не отослал письмо, не желая вводить своего адресата «в хаос возмущения моего»[42]. В письме от 15 января 1924 г., отправленном Роллану из Мариенбада, он вновь пишет и о своем возмущении этим фактом, и о предпринятых им действиях: «Дело в том, что жена Ленина, человек по природе неумный, страдающий базедовой болезнью и, значит, едва ли нормальный психически, составила

индекс контрреволюционных книг и приказала изъять их из библиотек. Старуха считает такими книгами труды Платона, Декарта, Канта, Шопенгауэра, Спенсера, Маха, Евангелие, Талмуд, Коран, книги Ипполита Тэна, В. Джемса, Гефдинга, Карлейля, Метерлинка, Нитчше, О. Мирбо, Л. Толстого и еще несколько десятков таких же "контрреволюционных" сочинений.

Лично для меня, человека, который всем лучшим своим обязан книгам и который любит их едва ли не больше, чем людей, для меня — это хуже всего, что я испытал в жизни, и позорнее всего, испытанного когда-либо Россией. Несколько дней я прожил в состоянии человека, готового верить тем, кто утверждает, что мы возвращаемся к мрачнейшим годам средневековья. У меня возникло желание отказаться от русского подданства, заявив Москве, что я не могу быть гражданином страны, где законодательствуют сумасшедшие бабы. Вероятно, это было бы встречено смехом и, конечно, ничего не поправило бы. Я написал трем "вельможам" <т.е. А.И. Рыкову, Н.И. Бухарину, Л.Б. Каменеву. — *Ред.*> резкие письма, но до сего дня не имею ответов от вельмож»[43].

21 января 1924 г. в России умер Ленин. Это событие больно ударило Горького, и его гнев сменился состраданием. Он признавался Р. Роллану: «... смерть Ленина лично для меня — тяжелый удар, не говоря о том, что для России это огромная, незаменимая утрата <...> Я его любил и — люблю. Любил с гневом. Говорил с ним резко, не щадя его. С ним можно было говорить так, как ни с кем иным — он понимал то, что лежит за нашими словами, каковы бы они ни были. Я особенно нежно и глубоко любил его за ненависть к страданию, за его неукротимую вражду ко всему, что искажает человека. Он был очень большой русский человек»[44]. Получив письмо от Крупской (см. п. 4), он откликнулся и написал ей ответ. 11 марта 1924 г. он просил П.П. Крючкова: «Дорогой Петр Петрович, пожалуйста, пошлите прилагаемое письмо Крупской через представительство; я получил от нее письмо о последних днях Ильича, хорошее»[45].

Однако в 1928 г. они вновь «столкнулись»: сначала на страницах газеты «Правда», затем при встрече на заседании редсовета Госиздата.

1 февраля 1928 г. «Правда» опубликовала резкую рецензию Крупской на работы К.И. Чуковского; по ее мнению, в статье «Жизнь Некрасова» «прорывается ярко выраженная ненависть к Некрасову», а в детской книжке «Крокодил» вместо рассказа о жизни крокодила дети «услышат о ней невероятную галиматью». Свою рецензию Крупская заключила резкой фразой: «Я думаю, что "Крокодил" ребятам нашим давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть»[46]. Статья председателя Главполитпросвета стала сигналом для немедленного запрещения сказок Чуковского. Чуковский в своем дневнике 3 февраля описал свое состояние после этой рецензии: «Только что сообщили мне про статью Крупской. Бедный я, бедный, неужели опять нищета? Пишу Крупской ответ, а руки дрожат, не

могу сидеть на стуле, должен лечь»[47]. Ответ Чуковского Крупской был опубликован 60 лет спустя[48].

14 марта 1928 г. «Правда» опубликовала горьковское «Письмо в редакцию», в котором писатель выразил свое несогласие со «странной и очень несправедливой рецензией». Он посчитал, что «критика слишком субъективна, а потому несправедлива». Опубликованное письмо Горького приостановило начавшуюся травлю книг Чуковского[49]. Однако Крупская так и не изменила своего отношения к произведениям Чуковского, о чем свидетельствует ее письмо Горькому: «Вы, вот, очень любите Чуковского, он веселит интеллигентских ребят, а деревенские его не понимают. "Чудно что-то, непонятно", говорят ребята» (п. 27)[50].

Приехав в мае 1928 г. в СССР, уже в сентябре 1928 г. Горький снова стал оппонентом Крупской. В первой половине сентября 1928 г. Госиздат представил на обсуждение пятилетний перспективный план по изданию классиков. Крупская предлагала дополнительно включить в план произведения «Чернышевского, Рылеева, Плещеева, Надсона, Вагнера, Омулевского, Серошевского, Скитальца, Михайлова-Шеллера, Мицкевича, Ожешко» и считала нецелесообразным издавать «Сологуба, Фета, Лескова, Достоевского и др.»[51]. 21 сентября 1928 г. Горький написал свои замечания о перспективном плане ГИЗа[52]. Тем не менее, и замечания Горького, и обсуждение на редсовете не смогли разубедить Крупскую; А.И. Радченко сделала запись об этом дне: «30/IX.28 г. Н.К. рассказывает, как она "резалась" с Халатовым и с Горьким по пятилетнему плану ГИЗа. Не понимают они, как важно было бы переиздавать многое из прежней агитационной беллетристики вместо современной, часто художественно малоценной»[53]. Здесь можно только констатировать — у них были разные литературные вкусы.

По воспоминаниям сотрудника Наркомпроса П.В. Руднева, так сложились обстоятельства, что «в 1934–1937 гг. помимо воли Н.К. значительно суживался круг ее обязанностей в Наркомпросе: в ее ведении как заместителя наркома оставались только управления школ взрослых, дошкольное, библиотечное и управление домов культур»[54]. Еще ранее, практически сразу после смерти М.Н. Покровского, был упразднен и ГУС, и его научно-педагогическая секция, которой руководила Крупская. Письма Крупской, адресованные Горькому в 1934–1935 гг., свидетельствуют, что за библиотечное дело она взялась с энтузиазмом и искала в писателе поддержку: «Как Вы относитесь к тому, чтобы начать биться по-настоящему — всей советской массой — за то, чтобы сделать Горьковский край в культурном отношении образцовым. Там есть хорошие опорные пункты, хорошие узлы, много можно сделать <...> При Советской власти не сделать! На все звенушки будем нажимать» (п. 31); «Библиотеки нужны до зарезу. Хочется литературу художественную, марксистскую книжку продвинуть в колхозные массы, необходимо

это <...> Вот и хочется мне Вас в это дело втянуть. Напишите немного по этому делу. Будет это иметь громадное значение» (п. 32); «у нас идет конкурс на лучшую сельскую библиотеку <...> Конкурс кончается к 1-му января, но надо закрепить сделанное, и Ваше письмо имело бы исключительно большое значение» (п. 33). Ответы Горького на эти письма не разысканы; может быть, они не были написаны. Однако, проблемы, о которых писала Крупская Горькому, были близки писателю, любившему книги, создававшему книги, щедро дарившему их. Что же касается библиотек Горьковского края — то одна из них не только носит его имя, но и в своих фондах хранит книги, «прочитанные А.М. Горьким с карандашом в руках»[55].

Крупская пережила и Горького, и М.И. Ульянову, и А.И. Елизарову-Ульянову. Все меньше и меньше оставалось вокруг нее соратников Ильича; возможно, она припоминала слова Горького: «Грустно стало. Много больших людей теряем. И — все преждевременно» (п. 23). Думается, она сама осознавала, как близка к той черте, когда она из жены вождя может вдруг стать врагом народа. Слишком много было за ней «грехов». Достаточно указать на события, которые ей не могли простить.

1922 г. — конфликты Крупской и Сталина по вопросам больничного режима Ленина[56].

1925 г. — издана книга американского журналиста Макса Истмена «С тех пор, как умер Ленин», в которой были опубликованы документы о смерти Ленина, справки, черновики статей Ленина (в том числе и его «Письмо к съезду»), а также письмо Троцкого и ответ на него Крупской. Крупская была вынуждена объясняться на Политбюро[57].

1925 г. — на XIV съезде ВКП(б) она примкнула к «новой оппозиции»; в 1927 вынуждена выступить с публичной критикой положений «новой оппозиции» и заявлением об отречении от нее (см.: Правда. 1927. № 121. 27 мая)[58].

1926 г. — 16 февраля в бюллетене «Не для печати» опубликовано сообщение из Лондона о прениях в Палате общин по вопросу о ходатайстве Крупской относительно разрешения эмигрировать в Англию. 4 марта 1926 г. Крупская давала свои объяснения на заседании Политбюро.

Но, пожалуй, самым страшным для нее стал 1938 год. Писательница М. Шагинян закончила работу над первой частью романа «Билет по истории» — «Семья Ульяновых». 5 августа 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление о романе Шагинян. Книжка Шагинян была признана «политически вредным, идеологически враждебным произведением»; было решено: во-первых, «осудить поведение т. Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но наоборот всячески поощряла Шагинян, давала о рукописи положительные отзывы и консультировала Шагинян по фактической стороне жизни семьи Ульяновых»; во вторых, «Считать поведение т. Крупской тем

более недопустимым и бестактным, что т. Крупская делала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело — составление произведений о Ленине — в частное и семейное дело и выступая в роли монопольного истолкователя обстоятельств общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал»[59]. Согласно постановлению, редактора журнала «Красная новь» В. Ермилова, разрешившего печатать роман, сняли с поста редактора; книгу Шагинян из употребления изъяли и предложили Правлению Союза советских писателей объявить ей выговор; указали т. Крупской на допущенные ею ошибки. Но самым главным было запрещение «изданий произведений о Ленине без ведома и согласия ЦК ВКП(б)»[60].

Фактически у нее отняли последнее — память о Ленине, теперь «без ведома», без согласия ЦК ВКП(б) она не могла вспоминать о своем муже.

В сентябре 1952 г. аналогичную попытку предприняли в отношении горьковского очерка «В.И. Ленин», в котором неправильно освещались обстоятельства жизни вождя мировой революции. 6 сентября 1952 г. в ЦК КПСС поступило письмо старого большевика В.Н. Шульгина, в котором указывалось: «...есть в воспоминаниях Горького такие слова о Ленине, которые извращают образ Ленина. Толкают на неверное понимание его» (см. Приложение 1); Секретариат ЦК КПСС, рассматривая возможность переиздания очерка в семнадцатом томе второго издания Собрания сочинений Горького, после прочтения и обсуждения принял решение не переиздавать этот том. Горький, Ленин, их близкие — все они стали частью государственного мифа, и никому не дозволялось быть «монопольным истолкователем» истории, даже тому, кто ушел из жизни 18 июня 1936 г.

В настоящем издании представлены письма Горького А.И. Елизаровой-Ульяновой, Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой и ответные, которые печатаются по автографам и машинописным копиям, хранящимся в *АГ* и *РГАСПИ*.

Письмо Горького Ульяновой, а также письмо Горького Елизаровой-Ульяновой были напечатаны в кн.: *Горький. Письма. Т. 16* (С. 298; 326–327).

Два письма Горького Крупской (от 16 мая 1930 г.; от 27 февраля 1934 г.) были напечатаны в *Г-30* (с. 167–169; 333–334); письма Горького Крупской (№№ 16, 20), а также письма Крупской Горького (№ 4, 15, 19, 21, 27, 28, 31, 32) были опубликованы с купюрами в журн. «Октябрь» (1941. № 6). В данном издании они впервые печатаются полностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Горький. Сочинения. Т. 20.* С. 27.

[2] *Андреева.* С. 354.

[3] Впервые опубликованы: *Крупская Н.К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 169–175.

[4] Впервые: *Ульянова М.И.* О Владимире Ильиче (Последние годы жизни) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1–6. Некоторые фрагменты ее воспоминаний были восстановлены в книге «О В.И. Ленине и семье Ульяновых», вышедшей в 1989 г. (М.: Политиздат).

Стоит добавить, что и М.Ф. Андреева в августе 1938 г. писала Н.Е. Буренину, работавшему над воспоминаниями о Ленине и часто обращавшемуся к Андреевой для уточнения тех или иных событий: «Иногда мне начинает казаться, что я-то сама так больше ничего и не сделаю, как эти заметки к Вашей работе...» (*Андреева*. С. 427).

[5] *Горький. Письма. Т. 14*, п. 389 и примеч.

[6] Там же. Т. 15, п. 356 и примеч.

[7] Цит. по изд.: *Горький. Сочинения. Т. 20.* С. 530–531.

[8] *Г-30.* Т. 30. С. 167.

[9] *Радченко А.И.* Н.К. Крупская о Горьком: Из дружеских бесед с А.И. Радченко (*АГ.* МоГ-11-9-1).

[10] Елизарова-Ульянова Анна Ильинична (1864–1935), вышла замуж за Елизарова Марка Тимофеевича (1863–1919), соратника по революционной работе; после Октября 1917 г. был первым наркомом путей сообщения. Умер от сыпного тифа.

[11] *Войткевич А.Ф.* Из встреч с М. Горьким // *ВС.* Т. 1. С. 139.

[12] Цит. по изд.: *Горький. Письма. Т. 7.* С. 289.

[13] *Ленин В.И.* Письма к родным: 1894–1919. М., 1934. С. 321.

[14] Там же. С. 325.

[15] Подробнее о причинах отказа в издании книги В.И. Ленину см.: *Горький. Письма. Т. 7*, п. 46.

[16] Ульянова Мария Ильинична (1878–1937), с 1889 г. профессиональный революционер.

[17] Речь идет о доме Горького по адресу: Кронверкский проспект, д. 23.

[18] *Ульянова М.И.* Ленин и Горький (Из воспоминаний) // *ВС.* Т. 2. С. 10. Узнав ближе М.И. Ульянову, Горький изменил свое отношение к ней, и у него пропал тот осадок, который был связан с ее именем в период разрыва с «впередовцами». 27 сентября 1910 г. А.А. Богданов писал Горькому: «Елена Конст. Малиновская — человек, насколько я знаю, серьезный и честный — пишет после свидания с сестрой Ленина — которую я также привык считать человеком порядочным и ко лжи неспособным: "Сестра Ленина вчера привезла известие, что Алексей Макс. окончательно порвал с Вашей группой".

Если бы дело шло о самом Ленине, я, конечно, не стал бы даже писать Вам об этом — решил бы, что это одна из его — теперь вполне уже для него привычных — грязных сплетен. Ибо по существу неправдоподобно, чтобы при политическом или идейном разрыве человек, себя уважающий, начал с извещения об этом не тех, с кем порывает, а людей, заведомо им враждебных, и заведомо нечестными методами ведущих с ними борьбу. Но дело идет не об одном Ленине, а об его сестре. Заранее извиняюсь,

если Елена Конст. введена в заблуждение, и мое письмо — результат недоразумения. Но времена такие странные, что и невозможное с первого взгляда игнорировать нельзя» (см.: *Горький в зеркале эпохи*. С. 85).

Е.К. Малиновская была знакома с младшей сестрой Ленина по работе в Московском комитете РСДРП. Зная о способности Елены Константиновны преувеличивать малое, Горький 24 октября 1910 г. написал ей: «Мы с Вами — старые знакомцы, Е.К., я имею много оснований считать Вас добрым товарищем, и поэтому буду просить Вас: когда услышите про меня что-либо интересное для Вас, — спросите прежде всех лично меня: так ли это? Не стоит распространять обо мне слухи, не имеющие никакого отношения к серьезному и, вероятно, одинаково дорогому для нас делу.

И особенно не стоило сообщать об этом А.А. <...> И не сочтите слова эти упреком, не обижайтесь за них на меня, они диктованы искренним желанием добра Вам. А относительно меня можете быть уверены, что я знаю цену хороших принципов и хороших людей и не склонен "играть в политику", как это принято многими» (см.: *Горький. Письма. Т. 8*. С. 156).

[19] Подробнее об этом см.: М.И. Ульянова — секретарь «Правды». М., 1974.

[20] Можно упомянуть еще и статью-письмо о сложностях издательства З.И. Гржебина «Странное недоразумение» (Правда. 1919. № 270. 2 дек. С. 2), написанное Горьким в соавторстве с З.И. Гржебиным, А.П. Пинкевичем и В.А. Строевым-Десницким (подробнее см.: *Горький. Письма. Т. 13*, п. 55 и примеч.). Стоит уточнить, что в это время Горький жил в Петрограде и сотрудничал, в основном, с петроградскими изданиями: «Петроградская правда», «Коммунистический Интернационал» и др.

[21] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9, доп. и испр. М., 1983. Т. 2. С. 254.

[22] Эти и аналогичные действия предпринимала «Комиссия по улучшению быта рабочих», созданная 20 октября 1920 г. Постановлением Совнаркома об улучшении жилищных условий рабочих заводов и фабрик (подробнее см.: Декреты Советской власти: В 14 т. М., 1983. Т. 11. С. 140–142).

[23] ПетроКУБУ, созданная по инициативе Горького, приняла специальное постановление — оградить квартиры ученых «от вселения в целях уплотнения» (*АГ*. БИО-15-49); подробнее об этом см.: *Горький. Письма. Т. 13* (См., например, письмо Ленину от начала октября 1920 г.).

[24] Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 79.

[25] Об этом писала Горькому М.И. Будберг 1 апреля 1926 г.: «Видела М.Ф. <Андрееву. — *Ред.*>, она выглядит хорошо, интересно рассказывала о своем разговоре с Алексеем Ивановичем <...> М.Ф. возвращается скоро обратно — говорит, что Вас собираются звать осенью на юбилей» (*Архив Г. 16*. С. 137).

[26] Подробнее об этом см.: *Спиридонова Л.А.* М. Горький: Новый взгляд. М., 2004. – Глава «К истории возвращения Горького на родину».

[27] *АГ*. КГ-изд-8-52-1.

[28] Об этом см.: *Балухатый С.Д.* Критика о Горьком. Библиография статей и книг 1893–1932 гг. Л.: ГИХЛ, 1934. — Раздел «1928 год».

[29] Правда. 1928. № 122. 27 мая.

[30] *Радченко А.И.* Н.К. Крупская о Горьком: Из дружеских бесед с А.И. Радченко (*АГ.* МоГ-11-9-1).

[31] *Ульянова М.И.* Ленин и Горький (Из воспоминаний) // *ВС.* Т. 2. С. 11.

[32] Правда. 1928. № 250. 26 окт.

[33] Правда. 1928. № 275. 27 нояб.

[34] *Бабель И.Э.* Конармия. Рассказы. М.; Л.: Госиздат, 1928. Кстати, в период до 1933 г. книга Бабеля выходила еще четыре раза. В *ЛБГ* хранится 5–6-е изд. этой книги (*ОЛБГ. 727*).

[35] Крупская Надежда Константиновна (1869–1939), в революционном движении с 1898 г.

[36] *Горький. Сочинения. Т. 20.* С. 19.

[37] *Крупская Н.К.* Ленин и Горький // *ВС.* Т. 2. С. 9. Об этом же она говорила и своей сотруднице по Наркомпросу: «27/IX. 32. Зашла речь о Горьком. Н.К.: "Да, он теперь стал таким большим человеком, что к нему и не подступишься <...> Ведь я лично с ним собственно очень мало встречалась. Ильич его очень ценил, как-то особенно хорошо, по-человечески хорошо относился к нему, всегда был рад побеседовать с ним, — ну, я и не хотела мешать своим присутствием им быть вполне самими собой друг с другом — смывалась под тем или иным предлогом. Таким образом, я из их разговоров, несомненно, очень интересных и содержательных, знаю только то немногое, что В.И. мне случайно сообщал. А хотелось бы знать все..."» (*Радченко А.И.* Н.К. Крупская о Горьком: Из дружеских бесед с А.И. Радченко (*АГ.* МоГ 11-9-1)).

[38] М.М. Литвинов, занимавшийся транспортировкой нелегальной литературы в Россию, писал Ленину и Крупской: «Высылайте все в нескольких экземплярах. Один буду давать Г<орькому>, чрезвычайно интересующемуся нашей литературой. Чрезвычайно важно» (см.: Пролетарская революция. 1925. № 2. С. 81); см. также п. 1, примеч. 11.

[39] Стоит заметить, что первоначальный список был признан недостаточным, и осенью 1923 г. был предложен новый список книг, подлежащих изъятию из библиотек, в котором значилось более двухсот произведений художественной литературы. Работа по расширению этого списка изъятий была продолжена в 1924 г., когда за подписями Крупской, П. Лебедева-Полянского и М. Смушковой появился «Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален и книжного рынка», где только по разделу «Беллетристика» имелось 992 позиции (подробнее об этом см.: Из истории советской цензуры / Публ. А.Н. Николюкина // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 251–277).

[40] *Горький. Письма. Т. 14.* С. 266.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 286.

[43] Там же.

[44] Там же. С. 308.

[45] Там же. С. 312. Письмо Горького Крупской не разыскано.

[46] Правда. 1928. № 27. 1 февр.

[47] *Чуковский К.И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 12. С. 358.

[48] Об этом см.: Детская литература. 1988. № 5. С. 32.

[49] Чуковский оставил запись в своем дневнике 14 марта 1928 г.: «Сегодня позвонили из РОСТА. "К.И., сейчас нам передали по телефону письмо Горького о вас — против Крупской, — о 'Крокодиле' и 'Некрасове'". Я писал письмо и, услышав эти слова, не мог больше ни строки написать, пошел к Маше в обморочном состоянии. И не то чтобы гора с плеч свалилась, а как будто новая навалилась — гора невыносимого счастья. Бывает же такое ощущение» (*Чуковский К.И.* Указ. соч. С. 361).

[50] Впечатления Крупской о съезде писателей также подтверждают неизменность ее пристрастий: «20/VIII. 34 г. Н.К.: "Была я два раза на писательском съезде, и весьма жалею о потраченном там времени. Была на докладе Горького — лучше было бы его прочесть в виде статьи! Голос его еле слышен, а тут еще публика писательская такая бесцеремонная — не то, что рабочие, которые *хотят* и *умеют* слушать всякого серьезного оратора. А тут шум, разговоры, хождения... А кроме Горького некого и слушать — неужто какого-то Маршака, всех этих его крокодилов и мойдодыров, дезориентирующих ребят и портящих их художественный вкус"» (*Радченко А.И.* Н.К. Крупская о Горьком: Из дружеских бесед с А.И. Радченко (*АГ.* МоГ 11-9-1)).

[51] *Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 290. Стоит заметить, что Н.К. Пиксанов в своей записке в Литературно-художественный отдел Госиздата доводил до сведения, что «большинство возражений Н.К. Крупской вызвано досадным недоразумением, созданным просто отсутствием примечания к пятилетнему плану: в план не включались такие произведения, которые уже изданы Гизом или другими издательствами, или печатаются, или подготавливаются к печати в настоящее время» (*АГ.* ПлГ-1-71-1).

[52] Подробнее об этом см.: *Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 289–291.

[53] *Радченко А.И.* «Н.К. Крупская о Горьком: Из дружеских бесед с А.И. Радченко (*АГ.* МоГ 11-9-1).

[54] *Руднев П.В.* Образ нового человека // Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской / Под ред. А.М. Арсеньева, В.С. Дридзо, А.Г. Кравченко. М., 1966. С. 233.

[55] См.: *Балика Д.А.* Личная библиотека А.М. Горького нижегородских лет. Горький, 1948. С. 3.

[56] Подробнее об этом см.: К вопросу об отношении В.И. Ленина к И.В. Сталину в последний период жизни Владимира Ильича / Публикацию подготовили Ю. Мурин и В. Степанов // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 189–201. Стоит отметить, что Ленин в своем «Письме к съезду» (декабрь 1922) дал характеристику ряду членов ЦК, в том числе и И.В. Сталину. Считая его одним из выдающихся деятелей партии, Ленин вместе с тем писал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользо-

ваться этой властью» (*Ленин. ПСС. Т. 45.* С. 345). В добавление к своему письму Ленин 4 января 1923 г. писал: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.» (Там же. С. 346). По решению ЦК РКП(б) с ленинским письмом были ознакомлены все делегаты 13-го съезда РКП(б), проходившего в мае 1924. Однако учитывая обстановку в стране в период борьбы с троцкизмом, было признано целесообразным оставить Сталина на посту Генерального секретаря ЦК.

[57] Подробнее об этом см.: *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. М.: Наука, 1994. С. 74–80.

[58] Может быть, отчасти этим объясняется состояние Н.И. Бухарина, которого тоже «зазывали» в оппозицию, по словам М.И. Ульяновой: «Н.И. совсем заработался и его узнать нельзя: стал измученным, нервным» (п. 7). Бухарин и Ульянова прилагали усилия, чтобы не допустить участие Крупской в оппозиции (см. *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. М.: Наука, 1994. С. 120–123).

[59] Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 414.

[60] Там же.

1. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ

17 февраля 1913, Краков

17/II-

Дорогой Алексей Максимыч,

Вы писали Ильичу, ч<то>б он осведомлял Вас, что Вам это важно[1]. Буду Вам посылать некоторые письма товарищей. Сначала хотела послать Вам копии — Ильич говорит, что Вы читать химию не станете[2], но написано разборчиво, а переписывать жалко; у писем в самом облике их есть своя индивидуальность. Может, это мне так кажется, но я как-то особенно дорожу этими безграмотными по форме письмами*

(*Письма по прочтении верните).

Если, правда, читать химию неудобно, напишите и дальнейшие письма буду посылать Вам тогда в более удобочитаемом виде.

На этот раз посылаю письмо 1) одного депутата (ну, и депутаты у нас на этот раз[3]! Я четырех видела: пока один мне меньше понравился, хоть и нагружен он очень, и делу предан, но шаблонный очень, зато трое других — такая уж публика великолепная, вся душа у них в деле и искренности, убежденности уйма. Остальных двух тоже хвалят, особенно иваново-вознесенца[4]. Связаны они со своими избирателями крепко и их интересами живут. Малиновский[5] к Вам все стремился, да время не вышло, должен был к своим москвичам ехать).

2) одного московского выборщика[6], того, который получил на собрании уполномоченных больше всех голосов. Все, кто видел его, хвалят, что больно человек хороший и б<ольшеви>к ярый, слесарь он.

В первое письмо подпустил торжествен<ности?>

3) письмо одного рабочего, работающего в области, — да Вы его знаете, Аля это[7]. Он все время хорошо работает.

4) Еще письмо Фомы Питерского[8], про которого Вы спрашивали[9].

5) Еще письмо Моисеева (Зефира)[10]. Начало письма не посылаю, там о всяких связях и пр., а вторая часть письма — он о себе пишет. Он долго очень в тюрьме сидел и приехал каким-то законсервированным, теперь отходит. Да и поселенец он, его отправлять надо в хороших условиях.

6) И еще письмо одосковских <от московских?> рабочих.

Напишите, что Вам надо знать теперь о партийной работе и пр., я напишу подробно. Связи растут за последнее время страшно. Интеллигентов нигде нет, разве какой из нелегалов, ну, публика хорошая пошла.

Вот когда было совещание[11] — мы как пьяные от радости ходили, потому что из докладов выяснилось, что ничего даром не пропало,

что рабочая масса против пятого года подросла, что в самых глухих местах есть свои с.-д. рабочие организации, хоть и не связанные с партийными центрами, но по духу партийные, все время вели работу. Выборы сыграли очень большую роль.

Пропало то чувство оторванности, которое угнетало так раньше рабочих. Организация пошла теперь во всю. Кажись, теперь только стала складываться настоящая рабочая партия[12].

Так Вы напишите, о чем Вам писать.

Н.К.

А с нижне-илимцами мы списались[13], я им тогда подробно на 19-ти стр. написала, но на <1 нрзб.> мартыновское письмо ответила[14]. У них там теперь партийная группа из шести человек.

2. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ

Декабрь 1915, Краков

Многоуважаемый Ал. М.!

Мне хочется написать Вам несколько слов по поводу посылаемой брошюры[1].

Поскольку мне приходится беседовать на затрагиваемые в брошюре темы с рабочей публикой, я всегда встречала с их стороны большой интерес к этим вопросам. С другой стороны, в нашей среде приходилось до сих пор наталкиваться на полное равнодушие к этим вопросам, даже то, что говорил по этому вопросу Маркс как-то слишком мало известно[2], даже соответствующий пункт программы сформулирован неверно и небрежно.

Конечно, такое отношение обуславливалось пережитым периодом, когда внимание было обращено на другие более животрепещущие вопросы. Поле всецело было предоставлено кадетской и народнической братии. Только в их освещении знакомились с этими вопросами рабочая и учительская публика. Между тем в Европе, под влиянием необычайного технического прогресса, вопрос о народном образовании превратился в один из самых животрепещущих. Сейчас, во время войны, напр., в Германии идет лихорадочная перестройка школ, приспособление их к потребностям быстро развивающейся жизни, к превращению их из книжной школы в школу труда[3]. Несомненно, что и у нас скоро этот вопрос встанет на очередь, об этом позаботится конкуренция на мировом рынке. И нельзя, чтобы демократия, которой этот вопрос касается ближе всего, безучастно, бессознательно отнеслась к этому делу.

В других областях есть традиции, в этой области еще нет, к сожалению.

В первой посылаемой части брошюры разобран только основной вопрос, вопрос о школе труда. Вторая часть имеет в виду разобрать роль демократии в строительстве этой школы. Посылаю приблизительный конспект этой второй части. Она, пожалуй, интереснее первой, но первая является ее необходимой предпосылкой. По соображениям объема, времени и пр., эти части удобнее разделить.

Ну, вот. Сердечный привет.

Н. Крупская

3. ГОРЬКИЙ — М.И. УЛЬЯНОВОЙ

4 апреля 1921, Москва

Дорогая Мария Ильинишна!

Вы знаете доктора Александра Никол<аевича> Алексина[1].

Его выселяют из квартиры — в доме № 9 по Мыльникову переулку — и отбирают у него всю мебель.

Он хороший доктор, честный работник.

Прошу Вас помочь ему, немедля дать ему квартиру и не отбирать у него мебель.

Вообще трудно понять, зачем снова выбивать докторов из рабочей колеи? Выселили Плетнева, лучшего специалиста по сердечным заболеваниям[2], выселяют множество других.

Не предложите ли Вы Вл<адимиру> Ил<ьичу> провести такой декрет:

В каждом городском районе должен быть дом докторов, где бы их уже не трогали[3].

Привет.

М. Горький

4.IV.21.

4. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ

28 января 1924, Москва

28/I.1924 г.

Дорогой Алексей Максимыч, похоронили мы вчера Владимира Ильича[1].

Хотя с марта последнего года он потерял речь, возможность писать и читать вслух[2], но у него была богатейшая интонация и мимика, и понимание полное чужой речи — про себя он мог тоже чи-

тать. Он был до самой смерти таким, каким и раньше, — человеком громадной воли, владевшим собой, смеявшимся и шутившим еще накануне смерти, нежно заботившимся о других. Например, в воскресенье вечером у В.И. был глазной врач, проф. Авербах[3]. Уже попрощавшись, он через некоторое время опять пришел посмотреть, кормят ли его.

Около газеты, которую мы читали кажд[ую]*ый* день[4], у нас шла беседа.

Раз он очень взволновался, когда прочитал в газете о том, что Вы больны. Все спрашивал взволнованно: «что, что?».

По вечерам я читала ему книги, которые он отбирал из пачек, приходивших из города. Он отобрал Вашу книжку «Мои университеты»[5]. Сначала он попросил прочесть ему о Короленко[6], а потом «Мои университеты».

И еще. В книжке Гильбо[7] он нашел ссылку на Вашу статью о Ленине от 18-го года, помещенную в Коммунистическом Интернационале[8] и попросил перечесть ему эту статью. Когда я читала ему ее — он слушал ее с глубоким вниманием.

Крепко обнимаю Вас, Алексей Максимыч, желаю сил и здоровья. Прошу беречь себя.

Н. Крупская

5. ГОРЬКИЙ — М.И. УЛЬЯНОВОЙ

4 апреля 1927, Сорренто

Дорогая Мария Ильинишна —

посылаю для юбилейного № «Правды» прилагаемый очерк[1], годится?

Сердечно поздравляю Вас, Николая Ивановича и всю редакцию сотрудников[2]. В этом году я получаю «Правду» и довольно аккуратно. Вижу, какое огромное дело неутомимо делает «Правда» и как хорошо она его делает. От души желаю всем ее работникам здоровья и бодрости духа[3].

К десятилетию Октября напишу статью полубеллетристического характера о том, как в моих глазах выросла Советская Русь за пять лет жизни моей вдали от нее[4].

Огорчил меня слух, что Воронский уходит из «Красной Нови»[5]. Он — талантливый журналист, хорошо поставил журнал, а его ошибки, отмеченные Николаем Ивановичем[6], не так уж велики, как ошибки «Нового мира» с рассказом Пильняка и — памфлетом — Никандрова[7].

Крепко жму Вашу руку, привет Николаю Ивановичу. Екатерина Павловна[8] говорит, что он не очень здоров — правда?

Всего доброго!

А. Пешков

4.IV. 27.

6. М.И. УЛЬЯНОВА — ГОРЬКОМУ

24 апреля 1927, Москва

24/IV

Дорогой А. М.!

Простите, что задержалась с ответом на Ваше письмо: была сильно больна сестра[1].

Спасибо за теплое письмо и за то, что написали для п<р>аздничного №-ра «Правды»[2]. Вещь очень хорошая и так кстати: ведь такие-то люди, как Вилонов[3], и строили и нашу партию, и «Правду».

Были бы очень рады, если бы Вы и впредь писали что-нибудь для нас.

Воронский все же, видимо, останется в «Кр<асной> Н<ови>», как ни сильно было у некоторых желание его сместить[4]. Думаю, что другого такого человека очень трудно найти и с его уходом журналу вообще грозила бы опасность развалиться

Н.И.[5] совсем заработался и его узнать нельзя: стал измученным, нервным. Вообще партийные работники изнашиваются прямо на глазах. Зато массы растут необычайно и это, пожалуй, самое значительное, что Вы увидите, когда вернетесь в Россию. Только вот жить стало очень скучно с тех пор, как нет Ильича...

Посылаю книгу, что сестра просила передать Вам[6].

С искренним приветом.

М. Ульянова

7. ГОРЬКИЙ — А.И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

6 мая 1927, Сорренто

Дорогая Анна Ильинична!

сердечно благодарю Вас за присланный сборник[1]; на мой взгляд, он издан очень хорошо и дает вполне определенное представление об Александре Ильиче[2]. Несколько удивило меня лишь то, что отчет о суде и речь А.И. даны не полностью, а в выдержках[3]. Но — хороший сборник.

Если Осипанов[4] был среднего роста, рябоват и светловолос, так — мне кажется, я не редко видел его в 86 г. в Казани, где он был

несколько причастен к булочной Деренкова[5], и вместе с приятелем моим Гурием Плетневым[6], пытался завязать отношения с рабочими фабрики Алафузова[7].

Может быть, человек этот не Осипанов, но, что это был человек очень серьезно скомпрометированный чем-то в начале 87 г. — на это указывает тот факт, что, не имея по Казани, — особенных оснований сажать Плетнева на год в «Кресты»[8], начальство долго маяло его в Казанской тюрьме, а затем — суровый приговор. Тогда говорили, что Плетнев был в связи с «Питером»[9]. Рябоватый человек исчез из Казани поздней осенью 86 г. или в январе 87.

Хорошо помню, что март 87 вызвал в студенческих кружках Казани большие тревоги[10].

Странно, что нет мемуаров Михаила Егоровича Березина[11] — тов<арища> председ<ателя> 2-й Думы, — он, вероятно, многое знает о кружке Федосьева[12], да и всех Каз<анских> делах, начиная с 85 года; он и Михаил Григорьев[13].

Очень хорошо понимаю, что без В. Ильича жить стало скучновато, но, знаете, все-таки поражает меня быстрый политический рост рабочей и крестьянской массы. С каждым годом это все ярче видишь. Я сказал, поражает, но не скажу, что всегда радует, ибо часто чувствуешь, что отношения новых коммунистов к «старой гвардии» слишком придирчиво, а придирчивость плохо обоснована[14]. М<ожет> б<ыть>, я ошибаюсь?

Еще раз спасибо за книгу и за подпись на ней[15].

Передайте Н.И. мой искренний привет[16].

Всего лучшего

А. Пешков

6.V.27.
Sorrento

P.S. Эмигрантская печать сообщает так много дрянной и глупой лжи[17], что мне кажется — следовало бы давать, время от времени, обзор и сводку этого хулиганства. Конечно — не в «Правде», а в «Известиях». Кольцов[18] или Зорич[19] отлично делали бы такие обзоры. Серьезного значения прессе эмигрантов я не придаю, но высмеивать ея глупости и злость — следовало бы.

А.П.

8. А.И. ЕЛИЗАРОВА-УЛЬЯНОВА — ГОРЬКОМУ
26 мая 1927, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Получила Ваше письмо. Отзыв Ваш о составленном мною сборнике для меня очень ценен. Особенно приятно мне было прочесть, что он дает, по-Вашему, вполне определенное представление об Александре Ильиче. Я, главным образом, боялась, что этого представления у лиц, не знавших брата, не получится. Отчет о суде я дала не полностью, а в сжатом пересказе, ибо в целом виде он загромоздил бы сборник. К тому же полную перепечатку стенографического отчета судопроизводства дал Центрархив в сборнике, озаглавленном «Первое марта 1887 г.», выпущенном тоже к 40-летию[1].

Что же касается до речи А.И., то я привела ее из этого отчета полностью. Вероятно, Вам показалось, что даны выдержки, потому что председатель прерывал постоянно его речь, да и записана она стенографически чрезвычайно небрежно, — прямые несуразности есть.

Осипанов, очевидно, тот самый, которого Вы знали в Казани. Я его никогда не видала, так что не могу сказать, как он выглядел; но снимок с его фотографии дан был в № «Правды» от 15 апреля за этот год, в «Рабочей газете» от 20 мая[2], в воспоминаниях С. Гукашевича[3] и др. изд. Лицо широкое, скуластое, несколько инородческого типа.

По остальным вопросам, затронутым в Вашем письме, в связи с «Правдой» я ответить не могу. С ними надо обращаться к сестре моей, Марии Ильиничне, секретарю редакции. Письмо по этим вопросам было послано ею, — мною только сборник, — а Вы, вероятно, смешали нас обеих в одно лицо.

С искренним приветом и с пожеланием увидеть Вас скорее в России и читать Ваши отображения послереволюц<ионной>, поистине очень интересной России.

А. Ульянова-Елизарова

26.V.27.

9. ГОРЬКИЙ — М.И. УЛЬЯНОВОЙ
Конец октября — начало ноября 1927, Сорренто

Дорогая Мария Ильинишна —

посылаю статью[1]. Вялая. Но я очень устал и не важно чувствую себя. Да и работы у меня — гора.

К 22 января напишу о Владимире Ильиче[2].

Почему Вы не организуете «Литературную страницу» при «Правде»?

Сердечный привет Вам и Н.К.[3]

А. Пешков

Если нужно — исправьте статью.

10. ГОРЬКИЙ — М.И. УЛЬЯНОВОЙ

8 января 1928, Сорренто

Дорогая Мария Ильинишна, —

[в] основой моей статьи о Владимире Ильиче должны были послужить письма А.А. Богданова[1] ко мне; помню, что в некоторых [по<ложениях>] этих писем были интересные суждения Богданова о личности В.И.[2]

Я просил поискать эти письма в Финляндии среди моих вещей — но там их не оказалось. Вероятно, они в Берлине, в моем архиве, откуда я их не могу достать ранее весны, когда поеду в Москву. Писать же не имея в руках писем этих, значило бы повторить уже сказанное мною[3]. Не ловко это и не интересно было бы.

Будьте здоровы.

Поздравляю с Новым годом.

А. Пешков

8. I. 28.

11. Н.К. КРУПСКАЯ — М. ГОРЬКОМУ

29 марта 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

сегодня празднуют Ваш юбилей[1]. Я ничего не написала в газеты, но мне захотелось написать Вам.

Я не помню, видел ли Вас Владимир Ильич до Лондонского съезда[2], но только на Лондонском съезде он поближе узнал Вас, и с тех пор, каждый раз, когда он говорил о Вас, лицо его светлело, и глаза загорались мягким светом. Он не раз говорил о Вас. Я впитывала то, что он говорил о Вас, но доподлинных слов я мало помню, больше помню, *как* это говорилось, чем то, что говорилось. Говорил не раз: «Горький — он хороший парень».

Ильич, как все наше поколение, т.е. не все, конечно, а многие из него, пережил в свое время борьбу с мещанством окружающей среды, пережил стремление вырваться из засасывающих условностей обыденной жизни — это у него в самарский период[3] было, главным

образом, — и хоть шло у него это по другой линии, но это сделало то, что очень созвучно с пережитым им были многие произведения Ваши.

И еще вот, что хотелось сказать. Часто бывает, что человек хоть сам не пишет, но воспринимает <жизнь> все же так, как воспринимает ее художник, во всей ее глубине и многогранности. И тогда ему иногда страстно мечтается о том, чтобы любимый писатель все это рассказал, вылил в живые образы. Мне кажется, что Ильич воспринимал жизнь именно как художник, ужасно любил ее, любил и умел на основании отдельных штрихов, отдельных мелких черточек воссоздавать картину целого. И вот ему часто хотелось, чтобы именно Вы написали об этом. Увидит какой-нибудь яркий кусок жизни, и по высказанной, не осознанной даже, интонации, заговорит о Вас.

Жизнь теперь такая интересная, хоть и тяжелая подчас, что хотелось бы, чтобы Вы, любимый Ильичем, поближе увидели ее.

Простите, Алексей Максимыч, может, я опять расстроила Вас, но мне иногда так хочется поговорить с Вами об Ильиче.

Жму руку.

Н. Крупская

29/III — 1928 г.

12. М.И.УЛЬЯНОВА — ГОРЬКОМУ
30 марта 1928, Москва

Москва, 30 марта 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

«Правда» приступает к изданию еженедельной «Литературной страницы». В ней будут помещаться рассказы, стихи, статьи литературно-критические и информационный материал литературной жизни СССР и за границей.

Редакция обращается к Вам за поддержкой этого начинания[1]. Мы убедительно просим Вас прислать для первого номера рассказ или статью и в дальнейшем регулярно снабжать нас Вашими рукописями.

Первый номер предполагается выпустить 15 апреля[2].

Жму руку.

М. Ульянова

13. М.И. УЛЬЯНОВА — ГОРЬКОМУ
20 октября 1928, Москва

20.X.1928 г.

Дорогой А.М.!

Посылаю Вам письмо Буденного, присланное в «Правду»[1]. Хотелось бы получить Ваш ответ на него — думаете ли дать его?

Шлю Вам свой привет и пожелание здоровья.

Вспоминайте нас иногда!

М. Ульянова

14. ГОРЬКИЙ — М.И. УЛЬЯНОВОЙ
2 ноября 1928, Сорренто

Дорогая Мария Ильинишна —

Посылаю ответ т. Буденному[1]. Крючков[2] привезет «Еще о механических гражданах»[3] — ответ на письма, полученные мною после первой статьи[4]. Ответ вызван, конечно, не их письмами, а требованием т.т. рабочих, рабкоров, требования эти хорошо характеризуются словами одного из них: «Бейте тревогу т. Горький — ужи ползут»[5].

Я — «всегда готов» и понимаю, что «тревогу» бить нужно.

Очень рекомендую Вам книжку Л. Копыловой «Химеры», изд. «Федерации», особенно — рассказ «Богатый источник»[6]. Мне кажется, что в лице Копыловой советская литература приобрела отличную и талантливую писательницу. Страшно рад.

Крепко жму руку

А. Пешков

2. X. 28.

15. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ
16 февраля 1929, Москва

16/II.29.

Дорогой Алексей Максимович,

часто думается о Вас, и не раз хотелось написать Вам, да как было писать без дела.

Сейчас у меня такое дело[1]. Владимир Ильич в одном из писем к Вам от 10-го года пишет, что летом Вы видались с ним[2]. Я забыла, где Вы виделись. На Капри он ездил как будто только в 1908 году[3]. Но, может, я забыла. Если не затруднит, черкните, когда и где Вы ви-

дались с ним в 10-м году. Также, виделись ли Вы с ним впервые на Лондонском съезде[4] или встречались и раньше.

Ждем Вас [зимой] весной. Зима трудная была. С одной стороны, много хорошего. Громадный культурный рост масс. Но с хозяйственной стороны, трудностей не мало, да и, кроме того, много тяжелого. Ну, это уж всегда так — и хорошее и худое все вместе смешано.

Хорошее — это [пожалуй, больше всего] рост активности на культурном фронте, рост организованности масс, а потом — коммуны. Тяга к коммунам в целом ряде областей (Урал, Северный Кавказ, Ц.Ч.О) громадная. А там зарождается новая жизнь. Знаете, в «Наши Достижения»[5] надо бы поместить описание Апушкинской коммуны Рязанск<ой> Губ<ернии>[6]. Существуют коммуны многие с 1919 г., никто на них не обращал внимания, а сейчас они в центре внимания деревни. И ростков нового много в них. Отношение к ребятам. Кое-где и новые отношения к женщине складываются[7]. Много нового. Настроить публику на быт коммун, обратить внимание. Все больше на хозяйственную сторону дела обращают внимание, а ростков новых людских взаимоотношений не видят. У нас проходят курсы коммунаров с очень большим подъемом. Такое приподнятое настроение бывает у курсантов, точно мы в разгаре революции стоим. Вообще уж очень занятно процессы в низах идут.

Ну, всего хорошего.

Крепко жму руку.

Н. Крупская

16. ГОРЬКИЙ — Н.К. КРУПСКОЙ

11 марта 1929, Сорренто

Дорогая Надежда Константиновна, —

с Владимиром Ильичем я виделся в 10 году в Париже, — кажется, на улице Сен-Жак[1]; впервые видел и Вас там, но Вы скоро ушли. Через день или два мы с ним встретились в Фонтенэ-о-Роз, в ресторане, потом гуляли. Приехал я тогда в Париж с предложением достать денег, но В.И. от моего предложения решительно отказался и не советовал мне принимать участие в этом деле, затеянном, кстати сказать, не мною[2]. Вы знаете, как бережливо относился он ко мне. В этот приезд он мне не советовал посещать ряд лиц, с которыми я хотел повидаться просто из любопытства.

Ваши указания «Нашим Достижениям» относительно коммуны немедля сообщу редколлегии[3].

Примите мое, хоть и запоздалое, но искреннейшее поздравление с юбилеем[4]. Прожить 60 лет, так как Вы прожили, это великий подвиг, Надежда Константиновна!

Крепко жму Вашу руку. Был очень обрадован Вашим письмом[5].

Привет.

А. Пешков

11/III.29.

17. М.И. УЛЬЯНОВА — ГОРЬКОМУ

11 октября 1929, Москва

11/X – 29.

Дорогой Алексей Максимыч!

Не поможете ли Вы мне восстановить в памяти следующее обстоятельство. Осенью 1916 года мы с Вами вели разговоры о международных работах Ильича[1]. Была, м.пр., речь и об «Агр. вопросе»[2]. В письме В.И. ко мне от 22/X.16 г. (эти письма подготовляются теперь к печати) имеется такое место: «Ты пишешь, что "Аграрный вопрос" издатель хотел бы выпустить книгой, а не брошюрой. Я понимаю это так, что я должен прислать продолжение (т.е. в дополнение к написанному об Америке, написать обещанное о Германии). Засяду за эту работу, к<а>к только покончу с тем, что я должен написать в оплату аванса у старого издателя. Итак, значит, считаю, что новый издатель *заказал* мне продолжение об аграрном вопросе. При случае это ему напомни»[3].

У меня совершенно вылетело из памяти — имел ли разговор об «Агр. вопросе» какое-либо продолжение и пр., а к указанному месту письма В.И. надо бы сделать разъяснение.

Не откажите черкануть об этом.

Говорят, Вы скоро уезжаете[4]? Как чувствуете себя теперь?

Шлю привет и лучшие пожелания.

М. Ульянова

18. ГОРЬКИЙ — М.И. УЛЬЯНОВОЙ

16 октября 1929, Москва

Дорогая Мария Ильинишна, —

мне кажется, что «Летопись»[1] и «Парус»[2] были закрыты цензурой раньше, чем вопрос об «Аграрном»[3] и о рукописи Надежды Константиновны на тему о народном образовании[4] был решен.

Однако я не уверен в этом. Думаю, что все это лучше меня помнит Александр Николаевич Тихонов[5], он сейчас в Гаграх.

М.б., Вы напишите ему?

Я уже ухитрился простудиться, схватил бронхит, но Левин[6] и А.Ю. Копель[7] вылечили. Все-таки на днях уезжаю. Очень размотал нервы. Тревожно тут, у Вас, уезжать — не хочется, но жить на инвалидном положении — тоже тоска.

Крепко жму Вашу руку, сердечный привет Надежде Константиновне.

А. Пешков

16.X.29.

19. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ
25 мая 1930, Москва

25/V. 30 г.

Дорогой Алексей Максимович,

не могу Вам сказать, как рада была Вашему письму. Знаете, Владимир Ильич очень любил Вас и потому мне Ваш отзыв особенно дорог. У меня странное чувство бывает, когда я пишу свои воспоминания. С одной стороны, мне кажется, что я должна рассказать рабочим, молодежи все, что помню об Ильиче, а иногда у меня шевелится такое чувство, что Ильич, может быть, был бы недоволен моими воспоминаниями, он так мало говорил о себе.

Когда Вы приехали[1], мне ужасно хотелось поговорить с Вами об Ильиче, попросту, по-бабьи пореветь в Вашем присутствии, в присутствии человека, с которым Ильич говорил о себе больше, чем с кем-либо. Да постеснялась, по правде сказать, да и показалось мне, что чего-то Вам во мне не понравилось. И вот, читая Ваше письмо, я чувствовала, что у меня камень какой-то с души свалился. Особенно рада была тому, что мои воспоминания вызвали у Вас ряд Ваших воспоминаний об Ильиче. Я их много раз перечитывала. И все вспоминалось мне, — я раз уже писала Вам об этом, — как Ильич в последний месяц своей жизни отыскал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслух читать Вашу статью, стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то вдаль — итоги жизни подводил и о Вас думал[2].

Посылаю Вам книжку, которую я писала эту зиму «Что говорил Ленин о колхозах»[3], — я много раз ее переделывала, посылала на проработку в одну коммуну Рязанской губернии, в женактив в одну деревню Калужского Округа, а сейчас не имею мужества ее перечесть: может, что не так написала. Ну, вот.

Как ваше здоровье, Алексей Максимович?

Крепко, крепко жму Вам руку, желаю здоровья и сил. М.И.[4] Вам шлет привет, она хворает порядком, работает очень много в Институте Ленина[5]. Может, черкнете мне как-нибудь, когда будет времечко.

Н. Крупская

20. ГОРЬКИЙ — Н.К. КРУПСКОЙ

13 июня 1930, Сорренто

Дорогая Надежда Константиновна, —

в письме Вашем есть такие слова «хотелось поговорить с Вами об Ильиче попросту. Да постеснялась и показалось мне, что что-то Вам во мне не понравилось». Что Вы «постеснялись», это — мне понятно; у нас и между нами, к сожалению, — не принято говорить «попросту», я тоже, каждый раз, когда хочется *так* поговорить, — стесняюсь и сдерживаю себя.

А по поводу того, что мне «что-то не понравилось» — говорю Вам со всей искренностью: это — не верно. В те дни я был настроен несколько ошеломленно и, может быть, это настроение сказалось во время беседы с Вами и М.И.[1] если помните, говорил я о некоторых внутрипартийных отношениях, о «нажиме» на партийную интеллигенцию[2]. Здесь, кстати сказать, что и это явление было предугадано В. Ильичем; о неизбежности его он говорил еще на Капри по поводу Богданова, Базарова, Луначарского[3] и в 20-м или 21-м году по поводу «Комитета Прокукиш» — Прокоповича-Кусковой-Кишкина[4].

Вы, конечно, знаете, что он при каждом удобном случае, уговаривал меня не очень «ходатайствовать» и не редко высмеивал мои попытки «защищать гонимых»[5]. По существу я понял «гонимых» только здесь, за рубежом Союза Советов[6].

Нет, дорогая Н.К., вы не могли «не понравиться» мне, потому что у меня есть к Вам совершенно определенное чувство искреннего уважения и симпатии. Таких, как Вы, стойких людей — не много. Ну что ж я буду говорить Вам лестные слова, Вы и сами хорошо знаете, как труден и великолепен был путь Ваш, как много потрудились Вы в деле революции.

Очень сожалею, что не в силах поехать к вам[7], — устал, раскис и нервничаю, все не ладится у меня с журналами[8], а я придаю большое значение им и, кажется, не ошибаюсь, если судить по отзывам читателей.

Как Ваше здоровье? Надеюсь, лето Вы будете жить не в городе?

Крепко жму руку.

А. Пешков

Привет сердечный М.И.[9]

13.VI. 30.

21. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ
16 сентября 1930, Москва

16/IX.30 г.

Дорогой Алексей Максимович,

после Вашего письма о моих воспоминаниях об Ильиче потянуло меня продолжать их[1], но в сутолоке повседневной работы трудно это делать. Работы невообразимая уйма, людей до черта не хватает, все аппараты у нас стоят дыбом, нервничают все здорово, снизу насчет всякой учебы напирают до невероятности, интересных вещей без конца, — и ни на минуту не удается оторваться от жизни. Знаете, было такое стихотворение «в устах живых ищу уста давно немые, в глазах — огонь давно угаснувших очей»[2]. И вот вся эта ключом кипящая жизнь для меня переплетается с воспоминаниями об Ильиче, все себе представляю, как бы он реагировал на тот или иной факт, как бы посмотрел, что бы сказал. Зашла как-то делегация рабочих из Ивановской области — ко мне часто приходят рабочие — так поговорить просто о чем-нибудь, посоветоваться, о чем-нибудь рассказать — и хорошо мы с ними разговорились. Уходя, прощаются, один из них говорит: «Давно хотелось нам с тобой поговорить, только никак не могли мы думать, что у нас с тобой такой рабочий разговор выйдет». И вот я вижу, как это рассказала бы Ильичу, и как он был бы рад. И вспоминается последний год жизни Ильича[3], когда он не мог уже говорить. Везут его на кресле — маляр крышу красит, быстро здоровой рукой снимает Ильич фуражку, здоровается с маляром. Приезжает Розанов[4] — доктор вместе с сапожником, который протезы был должен делать — и Ильич не знает, как сапожника угостить, пододвигает ему хлеб, масло, улыбается ему. Приехала к нему делегация рабочих — какие-то карты привезла, Ильич весь меняется как-то, идет к ним, опираясь на поддерживающего его санитара и так выразительна была вся его мимика, жесты, интонация, что не заметили рабочие, что не может Ильич говорить, и на другой день в газетах передавали содержание разговора с Ильичем, что Ильич им говорил. Вот и все так. Все настоящее переплетено с воспоминаниями об Ильиче.

Свой отпуск использую так, забралась в Горки и пишу о второй эмиграции[5], как в Париже <в> годы реакции жили, как потом, когда рабочее движение на подъем пошло, и мы перебрались в Краков[6], как там связи с Россией росли и работа стала русская, потом о годах эмиграции во время войны. Начерно еще написала, надо будет еще с целым рядом товарищей поговорить, проверить себя, и многое дополнить надо. Так, скелет еще только написан, много ненужного тоже есть, кажись. Но все же уж скоро будет готово. Только память у меня плохая, слишком уж много впечатлений жизненных было, переживалось многое очень остро, да и не столько об Ильиче я пишу, сколько об обстановке, его окружавшей. Это тоже надо, но Вы правы — Ильич был, как рыба в чешуе, весь в словах. Сегодня получила Ваши воспоминания об Ильиче — хорошие. Живой у Вас Ильич. О Лондонском съезде[7] очень хорошо. Правда все. Каждая фраза ваших воспоминаний вызывает ряд аналогичных. И потом Вы любили Ильича. Кто не любил бы, тот не мог бы так написать. Живой весь Ильич. Ну, ладно. Вот и не могу сегодня ничего делать, захотелось Вам написать.

Кстати. Когда Вы уехали в Россию? В 1914 году туда ездили или когда?

Крепко жму руку.

Н. Крупская

22. ГОРЬКИЙ — Н.К. КРУПСКОЙ

30 октября 1930, Сорренто

Дорогая Надежда Константиновна,

Вы спрашиваете: когда я уехал с Капри в Россию?

В начале декабря 913 года. До весны жил в Финляндии, в Мустомяках, затем ездил в разные места, осенью перебрался в Ленинград, где и прожил до отъезда в Италию в октябре 21-го года.

Вспомнил я вот что: у рабочего Михаила Вилонова[1] было два очень больших письма В. Ильича о Каприйской школе[2], письма серьезнейшего значения, Вилонов читал их мне. Он — помер в Давосе, в 12 году[3].

Найдены ли и опубликованы ли эти письма[4]? У меня «Собрание сочинений» В. Ильича не полное, всего 5 томов и в них писем этого периода — нет[5].

Очень хорошо написали Вы о Ваших беседах с рабочими.

Крепко жму руку.

А. Пешков

30.X.30.

23. ГОРЬКИЙ — Н.К. КРУПСКОЙ
29 января 1931, Сорренто

Дорогая Надежда Константиновна —

не найдется ли у Вас кусок свободного времени для того, чтоб прочитать «роман» Ольховского и Евстафьева «Последняя гимназия», изданный «Прибоем»[1]?

«Роман» этот, как справедливо указано в малограмотном предисловии к нему, «является фактическим продолжением книги "Республика Шкид" Пантелеева и Белых»[2]. Еще более справедливо автор предисловия говорит, что «Последняя гимназия» — роман «характерный подчеркнутым сгущением красок». Вот это «сгущение красок» очень смутило меня и заставляет обратиться к Вашей педагогической компетенции с вопросом: допустимо ли нарочитое сгущение красок в изображении столь серьезного и ответственного дела, каково воспитание молодежи?

«Республика Шкид» — хорошая, серьезно сделанная книга, весьма объективно изобразила жизнь школы «трудно воспитуемых». Издана в 26 г., выдержала 2 или 3 издания[3], кажется — переведена на иностранные языки. В 30-ом г. появляется книга о той же школе и резко противоречит показаниям первой. Мальчиков, которые в первой книге вели себя сравнительно прилично, учились не плохо и выделили из своей среды — кроме авторов «Республики Шкид» — несколько очень талантливых фигур[4], — вторая книга изображает сплошь хулиганами, садистами, ворами. Одна книга рисует книгу — республикой, другая «деспотической монархией». Противоречие крайне странное[5]. Его, несомненно, используют наши враги.

Если Вы, дорогая Н.К., ознакомясь с этой [кни] «Последней гимназией», получите впечатление сродное полученному мною — может быть Вы найдете нужным высказаться в печати по поводу издания плохих и даже вредных книг[6]? Я — бы тоже сделал это[7], одновременно с Вами. Большая и тяжелая анархия у нас в издательском деле, и тут следовало бы что-то сделать. Артем Халатов[8], кажется, скоро покроет Гизом все издательства[9] и это будет очень хорошо! Но и Гизу нужны грамотные редактора!

Вот уже прошло семь лет с той поры, как ушел В. Ильич[10]. Какие битвы разыгрались за это время и сколько сделано. А все же — поторопился он уйти.

Получил письмо от М.Н. Покровского[11], жалуется на здоровье, очень жалуется. Грустно стало. Много больших людей теряем. И — все преждевременно.

Крепко, сердечно жму Вашу руку.

А. Пешков

29. I. 31

24. А.И. ЕЛИЗАРОВА-УЛЬЯНОВА — ГОРЬКОМУ
15 июля 1931, Москва

Горки.
15.VII.1931.

Уважаемый Алексей Максимович!

Хотелось мне лично поговорить с Вами, но ввиду неизвестности того, где и когда могу повидать Вас, решила написать. В Горках[1], где я нахожусь сейчас, грозой испорчены все телефоны, так что и этот способ снестись отсутствует.

А поговорить мне хотелось вот о чем. — Говорят, что у нас намереваются разрушить или разобрать Храм Спасителя[2] для водружения на месте его плюс 4-х окружающих садиков грандиозного здания правительства для съездов Советов и т.п.

Но ведь это такой культурный памятник, какого, вероятно, не только в Москве, но и во всем СССР, другого не найдется: скульптура на нем, как живая[3], и дает художественное наслаждение массе публики, являющейся подышать лучшим воздухом из перегруженных московских квартир в этот культурный уголок на берегу Москвы-реки с цветами и зеленью. И теперь, когда радуется глаз на каждый садик, вырастающий на пыльных и грязных прежде Хитровке или Таганке[4], обидно становится, как подумаешь, что такой культурный уголок будет уничтожен. Небогаты мы ими. И я уверена, что Вы, умеющий ценить памятники искусства и культуры и имевший случай убедиться на Западе в облагораживающем влиянии их, будете стоять за то, чтобы такое влияние испытывал и наш народ, чтобы в том громадном росте, которым все мы гордимся, не заглушались бы ростки художественности и стремления к более светлым и радостным бытовым условиям.

А Вас, как нашего первого, истинного пролетарского художника и писателя, послушают, конечно, скорее, чем кого-либо иного. Вот почему мне захотелось написать Вам.

В здании этом мог бы, ведь, быть устроен музей, как в Иса<а>киевском соборе в Ленинграде[5], а просторные садики вокруг него давали бы трудящимся такой отдых, как какой-ниб<удь> Люксембург в Париже[6].

И будучи уверена, что Вы разделите, хотя бы, в общем, мою точку зрения, я надеюсь, что Вы захотите и проявиться в этом в той форме,

к<ото>рую найдете удобнее. И, конечно, Ваше обращение будет иметь успех, и мотивировать его вы сможете гораздо лучше, чем я в этих, с трудом начертанных моей больной рукой, общих мыслях.

Вперед признательная Вам, остаюсь с уважением и коммунистическим приветом.

А. Ульянова-Елизарова

P.S. А ведь для здания правительства, сколько найдется в Москве мест[7] незастроенных или старых, подлежащих к сносу зданий, — не правда ли?

25. ГОРЬКИЙ — Н.К. КРУПСКОЙ
7 июня 1932, Москва

Дорогая Надежда Константиновна —

Вместо сценария Лойтера[1], Вы мне дали рукопись Вашей статьи[2]; спешу возвратить ее Вам.

Если сценарий «М. Горький»[3] у Вас, — очень прошу: пришлите мне!

Привет.

А. Пешков

7.VI.32.

26. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ
После 7 июня 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

У меня нет сейчас плана сценария Лойтера[1]. Это работник из Межрабпомфильм[2]. Мы с ним как-то разговаривали, и я ему сказала, что ему надо согласовать фильму с Вами. То, что у меня было, было напечатано на пропускной бумаге, у Лойтера, очевидно, много есть экземпляров. Пусть кто-нибудь позвонит Лойтеру. Статья моя попала к Вам не совсем случайно. Из Вашего письма в комиссию тов. Стецкого[3] видно было, что Вас заботит, чтобы каждый попадал на то место, где он может максимум дать и где может найти удовлетворение в работе. Поэтому я подумала, что Вам, м.б., будет интересно посмотреть, как этот вопрос трактуется в нашей школе.

С комм<унистическим> приветом

Н. Крупская

27. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ
17 июля 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

прочла Вашу записку о детской литературе[1].

Я совершенно согласна, что трафареты и схемы — пагуба для детской литературы, но тут, пожалуй, больше, чем «прожектеры от педагогики», виноваты всякие чинуши и администраторы, которые боятся «как бы чего не вышло». Педагоги и «прожектеры» и не прожектеры, а рядовые практики говорят очень много интересного о детской книжке, также детские библиотекари. Очень интересны отзывы ребят разных слоев населения. Но очень многих из патентованных детских писателей больше всего интересуют требования издателей детских книг.

Однако, по отношению к детской книжке нужна большая бдительность. Нельзя кормить советских ребят, хотя и забавными, занимательными книжками, насквозь проникнутыми сволочной буржуазной психологией, которая тем опаснее, что все сие дается в прикрытой форме, часто замаскировано в хорошие советские слова.

Наша детская литература до ужаса убога. В этом Вы совершенно правы. Масса есть интереснейшей иностранной литературы, которую надо бы поскорее перевести, снабдив кое-что простой, понятной ребятам критикой. В Англии, например, масса книжек «Романтика химии», «Романтика мореплавания», «Романтика воздухоплавания» и пр. По моей просьбе они были выписаны Госиздатом, но угроблены им и не переведены на русский язык. Очень легко переделать бы Жюль Верна[2], выпустив кой-какие буржуазные рассуждения (Майн Рид[3] настолько пропитан буржуазно-колониальным духом, что с ним ничего не поделаешь, конечно). У нас очень подделываются под ребят, выхолащивая все содержание. А между тем необходимо ширить ребячий горизонт. Очень многое из литературы для взрослых интересно и доступно для ребят, надо только снабжать интересными для ребят предисловиями. Нужно создать особую серьезную, но простую и современную детскую критику, которая помогла бы ребятам разбираться в читаемом.

Очень нужны детские энциклопедии[4]. Я сговорилась с одной американской коммунисткой, Холтман[5], что она закупит в Америке наиболее интересные детские энциклопедии и привезет нам. Одно время «Молодая Гвардия» стала работать над изданием такой энциклопедии[6]. Когда об этом распространился слух, один рабочий, работавший раньше в Америке, прислал вывезенную им оттуда детскую

энциклопедию по технике. Очень интересная вещь. Я передала ее в «Молодую Гвардию». Дело с детской энциклопедией затихло, комнату редакции заперли на ключ. Ужасно жаль, ребята страшно интересуются энциклопедиями.

Переключить внимание на сказки вряд ли стоит. Есть очень много интересных сказок, которые ценны особенно тем, что учат разбираться в людях, разбираться в характерах, бывают сказки — просто художественный прием, помогающий лучше выявлять жизнь, но есть сказки, полные мистики, треплющие нервы, запугивающие, извращающие действительность, внушающие отжившую мораль, разжигающие шовинистические настроения. Сказка сказке рознь. Тут нужна большая осторожность.

Фантастические повести могут писаться лишь очень талантливыми людьми, а то выйдет — дошкольники ездили на луну, где их поили необычайно вкусным пивом... Была у нас такая сказка.

Сказка, помогающая понять жизнь — да. Я всячески за нее.

Мистические сказки и повести — ни под каким видом.

Больше всего хотелось бы, чтобы детская литература помогла бы получше понять реальную жизнь, реальную борьбу, живых людей, ту жизнь и борьбу, которая в миллион раз интереснее всякой сказки.

Мне кажется, что надо создавать новые кадры детских писателей. Вы, вот, очень любите Чуковского[7], он веселит интеллигентских ребят, а деревенские его не понимают. «Чудно что-то, непонятно», говорят ребята.

У нас много молодежи сейчас, которая могла бы писать, которая знает жизнь, которая знает ребят. Вот вожатые, например. Многие рабочие, работницы охотно бы взялись за это. Недавно я читала книжку одного нашего комсомольца, Бурмистрова[8], где он описывает свое детство и юность (он сын рабочего). Книжка давно лежит в издательстве — парень в начале 1917 г. был анархистом, теперь член партии — и ее берут посему под сомнение. Когда я читала ее, думала, что начало ее надо бы непременно издать для ребят. Это такой простой, понятный, захватывающий кусок недавней жизни.

Насчет составителей плана — не членов Коллегии и Госиздата туда надо, — а побольше молодежи, детских библиотекарей, низовых педагогов.

Кстати, о детских библиотеках. У нас теперь решила Коллегия все детские библиотеки передать в Школьный Сектор. Уже часть общих детских библиотек переводится в школьные, разбазаривается по школам. Школьная библиотека — палка о двух концах, там, как правило, очень большая опека над детским чтением. Весна — так читай

непременно о весенней посевной кампании, те книги читай, которые полагаются по программе — прежде чем сон Обломова не прочитал[9], про акулу прочитать нельзя. Мука для ребят. Заступитесь за детские библиотеки. Нельзя их отрывать от общей системы библиотечной и передавать всецело школам.

Привет.

Н. Крупская

17/VII. 32 г.

28. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ
30 сентября 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

горячо все Вас приветствовали эти дни[1], ну и я была мысленно с ними. Я не горазд<а> умею говорить великоторжественные слова, но руку пожать Вам искренне очень хочется.

Строить социализм — это значит не только гигантские заводы и зерновые фабрики строить — это условие необходимое, но недостаточное для строительства социализма. Расти люди должны и умом, и сердцем, и на базе этого индивидуального роста каждого в наших условиях сложится, в конце концов, какой-то новый по типу мощный социалистически коллектив, где «я» и «мы» будет сливаться в неразрывное целое. Вырасти такой коллектив сможет лишь на основе глубокого идейного сплочения и столь же глубокого эмоционального сближения, взаимопонимания.

И тут искусство, и литература, в частности, могут сыграть совершенно исключительную роль. У Маркса в Капитале есть чудесная глава[2], которую мне хочется все перевести на самый простой, понятный для малограмотного даже, язык — глава о кооперировании, где он пишет, как коллектив рождает новую силу. Непросто это сумма людей, не слагаемое их сил, а совершенно новая, гораздо более мощная сила. Маркс пишет в главе о кооперировании о новой материальной силе. Но когда на этой базе вырастает единство сознания и воли, это уже ничем непобедимая сила. Мы порядком продвинулись за годы революции и за 15 лет советской власти по этому пути, но само собой это не делается, ведь, тем более, что жизнь в противоречиях развивается. Вот почему в наше время литература имеет совсем особое значение. Ведь вопрос в том, какая.

Вы жили все время и сейчас живете тем, чем живет рабочий класс, вместе с ним шли и росли, вместе с ним отражать умели его жизнь

замечательно в литературе и потому Вы особенно много сделали для сплочения воли рабочего класса.

Сейчас рамки рабочего класса и функции его расширяются с каждым днем. Новые массы все время включаются в поле его непосредственного влияния — и тут такая сила, как Ваша, особенно нужна. От этого к Вам так и тянутся все. Ближе плечом к плечу хочется сейчас стоять. Ну, вот. Все это Вы и без меня знаете.

Вспомнилось, как в 1900–1901 г., когда я отбывала ссылку в Уфе[3], прочла я начало Ваших «Троих»[4] и как это меня захватило, что я в Самарскую газету даже что-то написала[5], хотя тогда я была еще совсем непишучая. Несуразное, вероятно, что-нибудь написала. Литературу тогда ужасно любила, читала — все на свете забывала.

Ну, еще раз крепко жму Вашу руку.

Н. Крупская

30 /IX. 32 г.

29. М.И. УЛЬЯНОВА — ГОРЬКОМУ
20 июля 1933, Москва

20.VII.1933 г.

Дорогой А. М.!

Направляю Вам некоторые материалы о работе ОБЖ[1], как мы уговорились по телефону. Если Вас заинтересует эта область работы, могла бы дать Вам лично некоторые дополнения. Кроме того, Вы, м.б., не отказались бы поговорить с 2–3 из наших добровольцев-рабочих. Они могли бы рассказать Вам много интересного. Ваше словечко о нашей работе в печати было бы нам оч<ень> важно.

В б-це им. Кащенко[2] Вас очень ждут. Была там вчера — очень интересное учреждение.

И еще просьба — принять, когда будет возможно т. Фельдман[3] — Крючков скажет Вам о ней.

Жму руку.

Ульянова

30. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ
Между 26 и 28 ноября 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимыч,

я к Вам за помощью. Приставлена я сейчас глядеть за библиотечным делом[1], и занимаюсь этим с «великоторжественным манерлом», как выразилась однажды одна работница. Приходится мне вникать

в постановку дела в детских библиотеках. Были у нас тут совещания детских библиотекарей гор. Москвы, потом Московской области, теперь идет Республиканское совещание[2]. Вскрывается такая картина. Ряд педагогов и детских библиотекарей [выразил] считает, что надо ставить знак равенства между школой и библиотекой, заставлять ребят читать лишь «по предметам», лишь в помощь программам, вместо руководства чтением организуется свирепая опека над чтением. Ребята должны в каждой интересующей их книжке выделить «основную мысль», должны вести дневники, которые потом показывать библиотекарю. «Посещают» ребят на дому, беседуют с родителями о том, как контролировать детское чтение, возмущаются, что дети прекрасно знают [поняли] часто содержание книжки, но не обращают другой раз внимание на то, кто автор книжки, устраивают бесконечные беседы и индивидуальные, и групповые, борются с излишним увлечением ребят [книжки] чтением книжек. А потом удивляются, что ребята месяцами не возвращают [книжки] навязанных им книжек, [что реб<ята>] которые им читать не охота, что сильно развито «подпольное» чтение таких книг, как Майн Рид[3], Чарская[4], устраивают «общественные суды» над героями этих произведений и т.д. Конечно, умелые, талантливые библиотекари делают все это потоньше, соблюдают известные грани, педагогически обставляют весь этот «зажим» самостоятельного развития, но несомненно он имеется налицо. У тех библиотекарей, которые менее искусны, эта опека принимает формы погрубее. Я считаю, такое направление библиотечной работы неправильным и буду воевать с ними. Самостоятельное чтение играет громадную роль в развитии человека, человеческой личности, поддержит рычаг роста [здоровых интересов, талантов] Я за руководство, но против опеки.

Я помню, как мы вместе с Ильичем читали Ваши воспоминания о том, как Вы читали подростком[5]. Очень много есть товарищей, большинство таких, которым чтение, именно самостоятельное, давало страшно много.

В наших руках издательства, в наших руках пресса, снабжение библиотек, в наших руках — детские журналы — у нас тысячи путей влиять на детское чтение, а мы идем по пути «педагогического зажима».

Думаю, что Ваша статья о значении самостоятельного чтения ребят, имела бы громадное значение.

Крепко жму руку.

Н. Крупская

31. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ
8 июня 1934, Москва

Дорогой Алексей Максимыч,

хоть и не вижу я Вас никогда, но никогда не смогу забыть, как любил Вас Владимир Ильич.

Последние дни вот о чем все думалось.

Получила я письмо от работников хлебозавода из Кулебак[1]. В городе Кулебаки городской библиотеки нет. Есть там механический завод[2], у него своя хорошая библиотека, но закрытая. Рядом хлебзавод, пекаря там. И вот им отказывают в выдаче книг. Ваш союз-де денег на библиотеку не внес, ну, и катитесь.

Цеховой, формальный, бюрократический подход. Дело мы уладим, конечно. Книжки пекаря хлебзавода № 8 иметь будут. Но я озлилась на бюрократический подход. Вспоминался мне все Ваш рассказ «26 и одна»[3] — один из моих любимых Ваших рассказов и захотелось кусаться.

А тут еще ликбез. Неграмотных по Горьковскому краю[4] пруд пруди. На 1934 г. намечено было обучить 200 тыс<яч>, обучили только половину. Знаю я трудности Горьковского края — каждого б<ывшего? ольшого?> уезда, но нельзя же продолжать биться в мохнатых лапах прошлого.

Как Вы относитесь к тому, чтобы начать биться по-настоящему — всей советской массой — за то, чтобы сделать Горьковский край в культурном отношении образцовым. Там есть хорошие опорные пункты, хорошие узлы, много можно сделать. Мне говорят: «Ну, выдумали, Горьковский край!». Что же, что трудно. При советской власти не сделать! На все звенушки будем нажимать.

Конечно, принципиально, что же можно иметь против, но хотелось бы, когда начнем разворачивать дело, Вашей моральной небольшой поддержки.

Дорогой Алексей Максимыч, крепко жму Вашу руку, желаю здоровья и сил.

Н. Крупская

8 / VI. 34 г.

32. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ
Вторая половина июля 1935, Москва

Дорогой Алексей Максимыч,

большая у меня к Вам просьба. Намечаем мы сегодня укрепить библиотечное дело на селе. Не хватает книг, не хватает людей и еще

больше не хватает внимания к этому делу со стороны партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций. Оргбюро утвердило конкурс на укрепление сельских библиотек в районах[1]. Большое это дело. И меня заботит, сумеем ли мы развернуть его по-настоящему. Колхозы, колхозная молодежь, колхозницы болезненно прямо тянутся к знанию. Библиотеки нужны до зарезу. Хочется литературу художественную, марксистскую книжку продвинуть в колхозные массы, необходимо это. Популярная книжка нужна, учебники нужны. Ну, не мне Вам об этом говорить. Запросов у колхозников, у колхозниц уйма.

Вот и хочется мне Вас в это дело втянуть. Напишите немного по этому делу. Будет это иметь громадное значение. Одни литераторы тут дел наделать могут уйму. Начинаем с трех областей — Ленинградской[2], Московской[3] и Горьковского края[4]. После 1-го сентября развернем работу в более широких масштабах.

Ну, вот. О многом бы хотелось поговорить с Вами, да, поди, некогда Вам.

Крепко жму руку, желаю сил и здоровья.

Н. Крупская

33. Н.К. КРУПСКАЯ — ГОРЬКОМУ

10 декабря 1935, Москва

10 декабря 1935 г.

Дорогой Алексей Максимыч,

у нас идет конкурс на лучшую сельскую библиотеку[1].

Когда конкурс начинался, я написала Вам письмишко с просьбой написать немного по этому поводу.

Этот конкурс имеет целью поднять общее внимание к библиотечному делу, [поднять] на селе, организовать активность колхозников и колхозниц, и, опираясь на библиотеки, поднять всю культуру села на более высокий уровень.

Дело пошло и очень много интересного приходится наблюдать. Условия теперь такие, что сделать можно уйму. Конкурс кончается к 1-му января, но надо закрепить [уже работу] сделанное, и Ваше письмо имело бы исключительно большое значение.

Посылаю кой-какой материал[2] и крепко жму руку.

Н. Крупская

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *ФК* (*АГ*. КГ-ОД-2-1-1), впервые. Подлинник-автограф хранится в *РГАСПИ*.

Год уточняется по сопоставлению с письмом В.И. Ленина Горькому, написанному не позднее 6 марта 1913 г., в котором он интересовался: «Получили ли письмо Н.К. с материалами?» (см.: *Ленин и Горький*. С. 112).

[1] Письмо Горького не разыскано; однако Ленин, в ответ на его просьбу, писал: «Вы просите информировать почаще. С удовольствием — только откликайтесь» (*Ленин. ПСС. Т. 48*. С. 155).

[2] Речь идет о шифрованных письмах, которые использовали большевики. Между строк в письме писался текст молоком; при обычном чтении текст был не виден, он проявлялся, если письмо держали над свечой или лампой.

[3] Речь идет о депутатах IV Государственной думы — членах большевистской фракции, избранных в сентябре — октябре 1912 г. по рабочей курии; организационно оформилась 27 октября 1913 г. В состав фракции входили: А.Е. Бадаев (от Петербургской губернии), Г.И. Петровский (от Екатеринославской), М.К. Муранов (от Харьковской), Н.Р. Шагов (от Костромской), Ф.Н. Самойлов (от Владимирской), Р.В. Малиновский (от Московской). Наряду с официальной деятельностью большевистская фракция вела нелегальную работу, осуществляя связь между партийными организациями на местах. За участие в конференции большевиков в Озерках 2–4 ноября 1914 г. члены фракции были арестованы; суд над ними состоялся 10–13 февраля 1915 г. Все пять депутатов были признаны виновными в участии в организации, ставящей задачей свержение действующего режима, и приговорены к ссылке на поселение в Восточную Сибирь (Туруханский край), откуда вернулись после Февральской революции 1917 г. (подробнее об этом см.: *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе: Воспоминания. М., 1927).

[4] Самойлов Федор Никитич (1882–1952), рабочий, один из руководителей Иваново-Вознесенской стачки 1905 г. В 1906–1908 гг. председатель профсоюза ситцепечатников. В 1912 г. избран депутатом IV Государственной думы от рабочих Владимирской губернии. После Февральской революции председатель Иваново-Вознесенского совета. В 1918 г. секретарь Иваново-Вознесенского комитета РСДРП(б), председатель губернского ревтрибунала. С 1919 г. заместитель наркома труда Украины; в 1920–1921 заместитель наркома труда Украинской ССР. С 1922 г. заместитель заведующего Истпартом ЦК РКП(б), с 1928 г. — заведующий Истпартом МК ВКП(б). В 1932–1935 гг. заместитель председателя Всесоюзного общества старых большевиков; с 1937 г. директор Государственного музея Революции. Автор воспоминаний о Ленине (см.: *Самойлов Ф.Н.* Воспоминания большевика — депутата IV Думы о тов. Ленине. (1914–1917) // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 174–182.

[5] Малиновский Роман Вацлавович (1876–1918), рабочий-металлист; тайный агент Охранного отделения в социал-демократическом движении. В 1906–1910 гг. секретарь правления Союза металлистов. На 6-й (Пражской) конференции РСДРП в 1912 г. избран членом ЦК партии. В этом же году избран депутатом IV Государственной думы от рабочей курии Московской губернии, с 1913 г. — председатель думской фракции большевиков. В 1914 г. скрылся за границу; тогда же был исключен из партии по обвинению в связях с охранкой. В 1918 г. он вернулся в РСФСР, был осужден и расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦПК от 5 ноября 1918 г.

[6] О ком идет речь, выяснить не удалось.

[7] Аля Алексинский, партийная кличка Романова Андрея Степановича (1881–1917), типографский рабочий, слушатель «Высшей с.-д. пропагандистско-агитаторской школы для рабочих». Позже был завербован охранкой (о нем см.: *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. Вып. II. М.: Соцэкгиз, 1931. С. 69; а также: *Горький. Письма. Т. 7*, п. 163).

[8] Партийная кличка Смирнова Александра Петровича (1877–1938), участник социал-демократического движения. С 1904 г. член комитета РСДРП(б) в Твери, с 1905 г. заместитель председателя Совета. Делегат IV (1906) и V (1907) съездов РСДРП. На Шестой (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912) заочно избран кандидатом в члены ЦК. В 1917 г. председатель Совета в Богородске (Ногинск), член Президиума Московского губернского совета. После Октябрьской революции заместитель наркома внутренних дел. В 1923–1928 гг. нарком земледелия РСФСР; одновременно генеральный секретарь Крестьянского интернационала. С 1924 г. член Оргбюро ЦК ВКП(б); с 1930 г. член Президиума ВСНХ.

[9] Письмо Горького Ленину с просьбой не разыскано; но в ответном письме, написанном между 15 и 25 февраля 1913 г., Ленин сообщал: «Мы знаем Фому-питерца. Он теперь в Нарыме... На съезде 1907 г. был Фома-питерец» (*Ленин. ПСС. Т. 48.* С. 163).

[10] Моисеев (парт. кличка Зефир) Сергей И. (1879–1951), профессиональный революционер; член РСДРП с 1902 г. Один из организаторов демонстрации 7 ноября 1901 г. на вокзале в Нижнем Новгороде, в момент высылки Горького из города. В 1912 г. эмигрировал во Францию, где пробыл до 1917 г. После Октябрьской революции работал в аппарате Коминтерна; с 1930 г. — в Наркомате внешней торговли.

[11] Краковское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, состоялось 26 декабря 1912 г. (8 января 1913 г.) — 1 (14) января 1913 г.; для конспирации было названо «Февральским». В его работе участвовали члены ЦК РСДРП В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, Р.В. Малиновский; большевики — депутаты IV Государственной думы Г.И. Петровский, А.Е. Бадаев, Н.Р. Шагов; Н.К. Крупская, Л.Б. Каменев, В.Н. Лобова, Е.Ф. Розмирович, А.А. Трояновский, С.П. Медведев и др., представлявшие организации Петербурга, Москвы, Юга, Урала, Кавказа. Созванное по инициативе Ленина совещание обсудило вопросы: 1) О задачах партии в условиях революционного подъема в стране; 2) О строительстве нелегальной организации; 3) О думской социал-демократической фракции; 4) О партийной прессе; 5) О страховой кампании; 6) О единстве партии и отношении к ликвидаторству; 7) О национальных социал-демократических организациях.

Материалы Краковского совещания Ленин послал Горькому в январе 1913 г.: «Посылаю (пока под секретом) резолюции нашего недавнего совещания (которое, по-моему, очень удалось и сыграет роль)» (*Ленин. ПСС. Т. 48.* С. 155).

[12] Решения Краковского совещания определили задачи партии в условиях нового революционного подъема, т.к. совещание поставило задачу объединить местные группы, путем создания на фабриках и заводах партийных нелегальных комитетов, а также образовывать руководящие центры на основе сочетания принципа выборности от районных ячеек с кооптацией (по образцу Петербургского комитета). Для установления постоянной связи ЦК и местных социал-демократических групп учреждался институт доверенных лиц из числа рабочих — руководителей местных организаций.

[13] О ком идет речь, не выяснено.

[14] Предположительно, речь идет о Мартынове (наст. фам. Пикер) Александре Самойловиче (1864–1935), участнике революционного движения.

2.

Печатается по *МК* (*РГАСПИ.* Ф. 12. Оп. 1. Ед. 776. Л. 61–62). Впервые: Учительская газета. 1961. № 72. 17 июня. С. 4, в статье Г. Менделевич «М. Горький и Н.К. Крупская».

Датируется декабрем 1915 г. по сопоставлению с письмом Крупской М.И. Ульяновой: «Я в последнее время очень много занималась педагогикой вообще и историей педагогики в частности, так что подкована в этой области недурно. Написала даже целую брошюру: "Народная школа и демократия"... Вот я и хотела попросить тебя поискать издателя» (*Ленин. ПСС. Т. 55.* С. 454).

[1] Речь идет о первой части «Роль производительного труда в деле народного образования» брошюры «Народное образование и демократия». Брошюра Крупской была издана в 1917 г. в книгоиздательстве «Жизнь и знание».

[2] В своей книге Крупская приводит примеры из произведений К. Маркса: «Капитал» (первая глава), «Критика Готской программы», а также «Коммунистического манифеста», написанного в соавторстве с Ф. Энгельсом; подробнее см.: *Крупская Н.К.* Народное образование и демократия. Пг.: Жизнь и знание, 1917. С. 59–68 (глава «Взгляд рабочей демократии на роль производительного труда в деле народного образования»).

[3] Эту тему Крупская развивает в главе «Превращение школы учебы в школу труда. Неизбежность этого» (см.: Там же. С. 89–103); также см.: *Крупская Н.К.* Вопрос о трудовой школе на Берлинском конгрессе немецких учителей // *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: В 6 т. М.: Педагогика, 1978. Т. 1. С. 94–104.

3.

Печатается по *А* (*РГАСПИ.* Ф. 14. Оп. 1. Ед. 407), впервые.

Ответ М.И. Ульяновой не разыскан.

[1] Алексин Александр Николаевич (1863–1923), врач; специалист по туберкулезу, лечивший Горького.

[2] Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1872–1941), врач, с 1917 г. директор клиник 1-го МГУ (подробнее о нем см.: *Вокруг смерти Горького*. С. 45–46, 51–52).

[3] Аналогичное Горький предлагал и Ленину: «В.И.: не будет ли лучше сделать так: *отвести в каждом городском районе дом для докторов* в полное их распоряжение? Это и докторов устроит, и для населения района удобно — каждый будет знать, где ему найти хирурга, акушера и т.д. А так, как это делается сейчас, мы ничего, кроме излишнего раздражения одних и разврата других — не создадим. Говоря о разврате, я имею в виду воровство обстановки из квартир» (*Горький. Письма. Т. 13*. С. 133).

4.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-ОД-2-1-2). Впервые с купюрой: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 20. Из письма было исключено предложение: «Хотя с марта последнего года он потерял речь, возможность писать и читать вслух, но у него была богатейшая интонация и мимика, и понимание полное чужой речи — про себя он мог тоже читать».

На конверте рукой Н.К. Крупской сделана запись: «Берлин — Полпред для передачи М. Горькому от Н. Крупской-Ульяновой».

Ответ Горького не разыскан.

[1] Похороны Ленина состоялись 27 января 1924 г. в 4 часа дня. На следующий день после похорон Крупская написала письмо Инне Арманд: «Милая, родная моя Инночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго в последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но я теперь твердо знаю, что доктора ничего не понимают. Вскрытие обнаружило колоссальный склероз. Могло быть много хуже, могли быть новые параличи. Каждый новый припадок заставлял холодеть...» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 4. С. 339).

[2] В своих воспоминаниях о последних дня мужа Н.К. Крупская писала: «Последняя болезнь Владимира Ильича разразилась с 9-го марта 1923 года, она выразилась в потере речи, в усилении паралича правой руки и ноги, захватила отчасти и левую сторону — Владимир Ильич долгое время не мог правильно направлять действия левой руки» (*Крупская Н.К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 169).

[3] Авербах Михаил Иосифович (1872–1944), профессор медицины, офтальмолог; специалист по проблемам офтальмохирургии, один из организаторов Офтальмологического института имени Гельмгольца.

По воспоминаниям Крупской, Ленин в субботу 19-го января стал жаловаться санитару Н.С. Попову, что он плохо видит. В ответ «Николай Семенович посмотрел его глаза, сказал ему, что у него конъюнктивит... В воскресенье пригласили профессора

Авербаха» (Там же. С. 174). Авербах приехал 20 января 1924 г. Позже он вспоминал: «Приехал я в Горки в 10-м часу вечера. Владимир Ильич был предупрежден о моем приезде, принял меня в своем кабинете чрезвычайно радушно и проявлял большую заботливость обо мне. Надо сказать, что меня прямо поразил его вид, — до того он выглядел бодро, охотно отвечал на все вопросы, связанные с исследованием его глаз. Я убедился, что никаких изменений с этой стороны у него не произошло... Я пробыл у Ильича ¾ часа. Затем, попрощавшись с ним, я прошел в столовую, где пил чай в обществе его жены и сестры. Спустя некоторое время отворилась дверь и вошел тов. Ленин. Он чувствовал себя очень бодро, побеседовал и ушел. И через полчаса он снова вошел, причем живо интересовался, накормили ли меня, согрелся ли я после мороза... Надо сказать, что эти прогулки из кабинета в столовую он делал, минуя несколько комнат, что указывает на то, что он физически окреп и чувствовал себя хорошо... Ничто не предвещало того рокового конца, который случился меньше чем через сутки спустя» (*Нелидов Н.* Болезнь, смерть и похороны тов. Ленина // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 19).

[4] Крупская, вспоминая о последних днях Ленина, писала о его болезни: «Та форма болезни, которая была у Владимира Ильича, допускала восстановление речи... У Владимира Ильича была та форма потери речи, при которой сохранено полное понимание чужой речи, понимание читаемого про себя, но утрачена способность говорить, читать вслух и писать» (*Крупская Н.К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 172).

[5] Речь идет о книге: *Горький М.* Мои университеты. Берлин: Книга, 1923. Книга хранится в личной библиотеке Ленина (см.: Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1961. № 6049); также см.: *Горький. Сочинения. Т. 16.* С. 7–137.

[6] Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель. В берлинское издание книги Горького «Мои университеты» были включены и очерки, в том числе «Время Короленко» и «В.Г. Короленко»; также см.: *Горький. Сочинения. Т. 16.* С. 167–195, 240–259.

[7] Гильбо (Guilbeaux) Анри (1885–1938), французский поэт, публицист, один из основателей Французской коммунистической партии наряду с М. Кашеном и П. Вайян-Кутюрье. В данном случае речь идет о книге: *Гильбо А.* Владимир Ильич Ленин: описание его жизни. Л.: Прибой, 1924.

[8] Речь идет о статье: *Горький М.* Владимир Ильич Ленин // Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. 20 июля. Стлб. 1927–1936. Подробнее о публикации и истории этой статьи см.: *Смирнова Л.Н.* Горький в журнале «Коммунистический Интернационал» // *Публицистика Горького.* С. 374–379, 392–397.

5.

Печатается по *А* (*РГАСПИ.* Ф. 14. Оп. 1. Ед. 407), впервые. Впервые: *Горький. Письма. Т. 16.* С. 298.

[1] Речь идет об очерке: *Горький М.* Михаил Вилонов // Правда. 1927. № 99. 5 мая. С. 2.

[2] Редакция газеты «Правда» отмечала свое 15-летие; первый номер газеты вышел 22 апреля (5 мая) 1912 г. С 1914 г. этот день стал праздником рабочей печати. Бухарин Николай Иванович (1888–1938), в это время ответственный редактор «Правды»; снят с поста в ноябре 1929 г.

[3] Отрывок из письма, начинающийся этими словами: «В этом году я получаю "Правду"...» и оканчивающийся словами: «...здоровья и бодрости духа», был опубликован на страницах «Правды» как телеграмма-приветствие к юбилею газеты (см.: Правда. 1927. № 99. 5 мая. С. 5).

[4] Речь идет о статье «Мой привет», опубликованной в газете 6 ноября 1927 г.; позже вошло в виде второй части к статье «Десять лет» в сборнике Горького «Публицистические статьи» (М., 1931. С. 9–13).

[5] Воронский Александр Константинович (1884–1937), литературный критик; с июня 1918 г. редактор газеты «Рабочий край». С февраля 1921 г. сотрудник Главполитпросвета, редактор журнала «Красная новь».

10 марта 1927 г. писатель Ф. Гладков написал Горькому о возможном снятии Воронского и назначении новой редколлегии журнала «Красная новь»: «Известно ли Вам, что Воронского снимают с "Крас. нови"?... В редколлегию "Кр. н." назначают Керженцева, Ермилова (из "Мол. гв") — очень юного парня, и Гусева из отд. печати?» (*ЛН. Т. 70.* С. 90). Горький в письме Воронскому высказал свое мнение о достоверности этих слухов: «...дней десять тому назад я получил письмо от Керженцева, который, между прочим, сообщил, что ему предлагают редактировать "большой художественный журнал". Я подумал о "Новом мире"... Но вслед за письмом К. получилось письмо Гладкова, сей, несколько ослепленный успехом "Цемента", пишет, что Керженцев вступает на Ваше место. Если это правда — это очень грустно и более, чем грустно. Это свидетельствует, что у нас все еще не научились ценить работников по их заслугам и работу по достоинству ее... Вас я уже привык уважать как руководителя журнала» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 50). В письме от 29 апреля 1927 г. Горький вновь вернулся к этой теме, сообщив Воронскому: «По поводу "Кр. нови" я писал М. Ильиничне Ульяновой, указывая, что Бухарину в "Злых заметках" следовало бы обратить внимание больше на "Н. мир"; ошибки этого журнала значительнее ошибок "Кр. нови"...» (Там же. С. 54).

[6] Речь идет о цикле статей: *Бухарин Н.И.* Злые заметки // Правда. 1927. № 9. 12 янв.; позже вошли в его книгу «Этюды» (М.; Л., 1932); также см. п. 7. примеч. 5.

[7] Речь идет о произведениях: *Пильняк Б.А.* Повесть непогашенной луны // Новый мир. 1926. № 5; *Никандров Н.Н.* Знакомые и незнакомые // Новый мир. 1927. № 2.

[8] Пешкова (урожд. Волжина) Екатерина Павловна (1876–1965), первая жена Горького.

6.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-ОД 2-7-1), впервые.

[1] А.И. Елизарова-Ульянова.

[2] Об этом см. п. 5. примеч. 1.

[3] Вилонов Никифор Ефремович (парт. кличка Михаил; 1883–1910), рабочий; с 1902 г. член РСДРП, с 1906 г. входил в состав МК РСДРП. Один из организаторов первой «Высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы для рабочих» на Капри.

[4] Действительно, острота вопроса в апреле 1927 г. была снята, и сам Воронский 16 июня 1927 г. сообщал Горькому: «Мне дали новую редколлегию: Раскольников, Фриче, Васильевский и я, причем без ответственного редактора» (Там же. С. 55). Однако в августе 1927 г. В.М. Фриче писал в Сорренто: «К сожалению, А.К. Воронский не обнаруживает большого желания работать рука об руку с новой редколлегией и, вероятно, выйдет из ее состава» (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 59). Воронский был отстранен от работы в журнале в январе 1928 г. Подробнее об этом см.: *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001.

[5] Бухарин Николай Иванович (1888–1938), партийный деятель; в 1918–1929 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б), ответственный редактор газеты «Правда». С 1924 по 1929 г. редактор журнала «Большевик». В 1924 г. был противником исключения Троцкого из партии, однако в 1926 г. отверг его предложение присоединиться к оппозиции.

[6] Речь идет о сборнике «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» (М.; Л.: ГИЗ, 1927).

7.

Печатается по *А* (*РГАСПИ*. Ф. 13. Оп. 1. Ед. 474). Впервые: *Горький. Письма. Т. 16*. С. 326–327.

[1] Сборник «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» составлен А.И. Ульяновой-Елизаровой; также см. п. 6.

[2] Ульянов Александр Ильич (1866–1887), старший брат В.И. Ленина; студент естественного факультета Санкт-Петербургского университета. В конце 1886 г. стал членом «Террористической фракции» партии «Народная воля»; один из авторов ее программы, в которой утверждалось, что инициативу борьбы с самодержавием должна взять на себя революционная интеллигенция и основным методом борьбы признавался террор. Вместе с товарищами готовил покушение на императора Александра III. 1 марта 1887 г. они были арестованы; на суде выступил с политической речью; был приговорен к смертной казни и повешен.

[3] Об этом см. п. 8.

[4] Осипанов Василий Степанович (1861–1887), в 1881–1886 гг. студент Казанского университета, с 1886 г. Петербургского университета. В конце 1886 г. примкнул к

«Террористической фракции» партии «Народная воля»; возглавлял группу бомбометальщиков. 1 марта 1887 г. арестован; казнен в Шлиссельбургской крепости.

[5] Деренков Алексей Степанович (1855–1953), владелец булочной в Казани, в которой была устроена библиотека запрещенных и редких книг социально-политической направленности; об этом см.: *Горький М.* Мои университеты (*Горький. Сочинения. Т. 16.* С. 29–30).

[6] Плетнев Гурий Александрович (1864–1923 (1924?)), сын банковского служащего, друг юности Горького; студент-медик; участник революционного движения. В 1906–1907 гг. привлекался к суду как ответственный редактор газеты «Волжский курьер». После Октябрьской революции работал в Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) (подробнее о нем см.: *Горький М.* Мои университеты (Там же. С. 16–17)).

[7] Речь идет о льнопрядильной фабрике Алафузовых, крупнейшем промышленном предприятии Казани, созданном в 1860 г.

[8] Следственный изолятор, построенный в 1868 г. по проекту архитектора В.П. Львова для краткосрочного содержания арестантов. В 1892 г. был достроен по проекту А.О. Томилина комплекс, в который входили два пятиэтажных крестообразных корпуса; их форма определила название тюрьмы (об этом подробнее см.: *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. С. 377, 381–382),

[9] За участие в студенческих волнениях в декабре 1887 г. Г.А. Плетнев был исключен из университета, арестован 18 февраля 1888 г., но 13 марта был выпущен на поруки. Вторично арестован в сентябре 1888 г. и с сентября 1888 по сентябрь 1889 г. находился в тюрьмах, сначала Казани, затем в Петербурга (см.: *Горький. Письма. Т. 1.* Указатель).

[10] Март 1887 г. вызвал волнения студентов в Казани; подробнее об этом см.: *Шестаков П.Д.* Студенческие волнения в Казани в 1887 г.: Посмертные записки бывшего попечителя Казанского учебного округа // Русская старина. 1892. Т. 74. № 6. С. 489–539.

[11] Березин Михаил Егорович (1864–1933), статистик, один из руководителей народнических кружков в Казани. В 1907 г. товарищ председателя II Государственной думы. Горький познакомился с Березиным в 1884 г., когда посещал руководимый им кружок «самообразования». Свои воспоминания о жизни народнических кружков в Казани Березин опубликовал в журнале «Каторга и ссылка» (1930. Кн. 10 (71). С. 111–136).

[12] Федосеев Николай Евграфович (1871–1898), один из первых пропагандистов марксизма в России. В 1888 г. организатор и руководитель марксистского кружка в Казани, основная деятельность которого развернулась в 1888–1889 гг. Летом 1889 г. кружок был разгромлен, Федосеев арестован и позже осужден на год и три месяца тюремного заключения в петербургской тюрьме «Кресты» (см.: *Сергиевский Н.Л.* Федосеевский кружок. 1888–1889 // Красная летопись. 1923. № 7). В октябре 1889 г. в связи со следствием по делу Федосеева, в Нижнем Новгороде был впервые арестован Горький.

[13] Григорьев Михаил Григорьевич (1872–1934), сотрудник газеты «Самарский вестник», участник марксистского кружка, организованного Федосеевым. Свои воспоминания о Федосеевском кружке в Казани периода 1888–1889 гг. опубликовал в журнале «Прошлое России» (1923. № 8 (20). С. 55–60).

[14] Вероятно, речь идет о проходивших внутрипартийных дискуссиях, связанных с оппозицией Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева, и о партийных решениях против оппозиционеров. Так, в марте 1926 г. в Политбюро решался вопрос о замене Зиновьева на посту председателя Исполкома ленинградского городского и губернского советов; в том же году Зиновьев лишился поста Председателя Коминтерна.

[15] Книга с дарственной надписью А.И. Елизаровой-Ульяновой Горькому не разыскана.

[16] Н.И. Бухарин.

[17] Характеризуя авторов этой «дрянной и глупой лжи», Горький характеризовал их как людей, «которым для наслаждения жизнью необходимо увидеть ее грязной» и только при этом условии «публицисты и фельетонисты эмиграции, смачивая слюною злорадства, пережевывают с маниакальным сластолюбием это свинство и отрыгают свинство снова в жизнь». По его мнению, «они — просто люди забракованные историей, осужденные на горестную жизнь в муках бессильной злобы. Кричат они и плюются только потому, что больше им нечего делать» (см.: *Г-30*. Т. 24. С. 293, 292, 293).

[18] Кольцов (наст. фам. Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1942), писатель, журналист, член-корреспондент АН СССР (1938). С 1922 г. постоянный фельетонист и очеркист «Правды». Кольцов был основателем и редактором журналов «Огонек», «Чудак», «Крокодил» и др.; возглавлял Журнально-газетное объединение (Жургаз).

[19] Зорич А. (наст. фам. и имя Локоть Василий Тимофеевич; 1899–1937), писатель, фельетонист. Сотрудничал в «Правде», затем в «Известиях».

8.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-ОД 2-8-1), впервые.

[1] Речь идет о книге: Первое марта 1887 г.: Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л.: Центроархив, 1927.

[2] Указанные публикации не разысканы.

[3] Ошибка А.И. Елизаровой-Ульяновой; речь идет о соратнике А.И. Ульянова — Лукашевиче. Лукашевич (Łukaszewicz) Юзеф (Иосиф Дементьевич) (1863–1928), польский геолог; один из организаторов «Террористической фракции партии "Народная воля"». На процессе по делу 1 марта 1887 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой; отбывал в Шлиссельбургской крепости. Был освобожден в 1905 г.; в дальнейшем от политической деятельности отстранился. Автор «Воспоминаний о деле 1 марта 1887» (1917).

9.

Печатается по *А* (*РГАСПИ*. Ф. 14. Оп. 1. Ед. 407), впервые.

Датируется по дате публикации статьи Горького в газ. «Правда» 6 ноября 1927 г. (см. ниже), а также по сопоставлению с п. 10.

[1] Речь идет о статье: *Горький М.* Мой привет // Правда. 1927. № 255. 6 нояб.

[2] Об этом см. п. 10.

[3] Крупская Н.К.

10.

Печатается по *А* (*РГАСПИ*. Ф. 14. Оп. 1. Ед. 407), впервые.

[1] Богданов (наст. фам. Малиновский) Александр Александрович (1873–1928), ученый, публицист, автор научно-фантастических романов. В начале 1900-х гг. ближайший соратник В.И. Ленина. В 1905–1907 гг. участвовал в организации большевистских газет «Вперед», «Новая жизнь», «Пролетарий». Философские и тактические разногласия привели Богданова к разрыву с Лениным: в 1909 г. он был выведен из редакции «Пролетария», из Большевистского Центра и исключен из партии. Он создал социал-демократическую фракционную группу «Вперед»; но в 1911 г. разошелся и с нею. После Октябрьской революции стал одним из идеологов и организаторов Пролеткульта (идеи пролетарской культуры он разрабатывал еще в начале века), членом Комакадемии. С 1926 г. возглавил основанный им Институт переливания крови. Тесные отношения Горького с Богдановым установились после встреч на V (Лондонском) съезде РСДРП. В период с конца 1907 г. до конца 1910 г. они оживленно переписывались, встречались на Капри, куда Богданов приезжал по партийным делам (в апреле 1908 г., с августа по декабрь 1909 г.). Горький проявлял интерес к философским взглядам Богданова; оба участвовали в организации и работе партийной школы на Капри в 1909 г.

[2] Подробнее об этом см.: М. Горький и А. Богданов. (Неизвестная переписка 1908–1910 гг.) / Вступ. статья Л.А. Спиридоновой; подготовка писем Е.Н. Никитина, Л.А. Спиридоновой // Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка). Вып. 10. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 9–160. Стоит отметить, что письма Богданова Горькому хранятся в фондах *АГ*; *РЦХИДНИ* (Москва), итальянского архива Лелио-Лисли Бассо Иссоко (Рим).

[3] После публикации полностью первой редакции очерка «В.И. Ленин» в книге Горького «Воспоминания. Рассказы. Заметки» (Berlin: «Kniga», 1927. С. 5–26) только в 1931 г. вышло отдельное издание очерка «В.И. Ленин» (М.; Л.: ГИХЛ, 1931) со вставками и в окончательной редакции; подробнее об этом см.: Горький. *Сочинения*. Т. 20. С. 7–49, 527–552; также *Иокар Л.* К истории публикации первого варианта очерка «В.И. Ленин» // *Неизвестный Горький*. С. 86–90; *Бочарова И.* К истории создания второй редакции очерка М. Горького «В.И. Ленин» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопр. текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 135–147.

11.

Печатается по *А* (*РГАСПИ*. Ф. 12. Оп. 2. Ед. 271. Л. 1–1об), впервые.

[1] Речь идет о праздновании 35-летия литературной деятельности Горького и 60-летия со дня его рождения (в 1928 г. день рождения писателя ошибочно отмечался 29 марта).

[2] V съезд РСДРП, проходивший в Лондоне с 30 апреля (13 мая) по 19 мая (1 июня) 1907 г.; подготовка к съезду проходила в борьбе между большевиками и меньшевиками, формально объединенными в одну партию, но выступавшими с различными тактическими платформами. Созыв экстренного съезда РСДРП был необходим для выработки единой общепартийной тактики. На съезде присутствовали 303 делегата с решающим и 39 делегатов с совещательным голосом от 150 тыс. членов партии из 145 партийных организаций. На повестке дня стояли вопросы отчета ЦК и отчета думской фракции; отношение к буржуазным партиям; отношение к Государственной думе; вопросы рабочего съезда и беспартийных рабочих организаций; взаимоотношения профсоюзов и партии и др. Съезд принял Организационный устав партии, который четко определил функции ЦК и его взаимоотношения с другими центральными учреждениями партии (т.е. на съезде выбирался только ЦК, а он уже назначал редакцию ЦО, работающего под его контролем). В избранном на съезде ЦК РСДРП сторонники ленинской линии получили большинство: членами избраны 5 большевиков (Валентин (И.П. Гольденберг); Вячеслав (Н.А. Рожков); Иннокентий (И.Ф. Дубровинский); Панов (И.А. Теодорович), Вершинин (В.П. Ногин)), 4 меньшевика (Мартынов (А.С. Пикер); Костров (Н.Н. Жордания); Никифор (?); Михаил (И.А. Исув)), 2 представителя от польской социал-демократии (Адольф (А.С. Варский), Доманский (Ф.Э. Дзержинский)) и 1 представитель от социал-демократии Латышского края (Герман (К.Х. Данишевский)); кандидатами в члены ЦК – 10 большевиков (В.И. Ленин; Рядовой (А.А. Богданов); Григорий (Г.Е. Зиновьев); Никитич (Л.Б. Красин); Любич (И.А. Саммер); Алексей (А.И. Рыков); Марат (В.Л. Шанцер); Линдов (Г.Д. Лейтейзен); Виктор (В.К. Таратута); Вадим (?)), 8 меньшевиков (Игорь (Б.И. Горев [Гольдман]); Агапов (?); Петр Тифлисский (Н.В. Рамишвили); Ангарский (Даринский?); Яков (М.И. Бройдо); Фридрих (А.А. Шнеерсон); Роман (К.М. Ермолаев); Чацкий (П.А. Бронштейн), 4 представителя от польской социал-демократии (Куявский (Ю.Ю. Мархлевский); А.М. Малецкий; Тышка (Л. Иогихес); Николай (Я.С. Ганецкий)) и 2 представителя от латышской социал-демократии (Рыбак (А. Бушевиц); Клейн (К.Я. Шульц)). Учитывая неоднородный состав нового ЦК, наличие в нем колеблющихся элементов, большевики на своем совещании создали Большевистский центр (БЦ) во главе с Лениным (подробнее см.: Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель – май 1907 года. Протоколы. М.: Политиздат, 1963).

Первая встреча Горького с Лениным состоялась 27 ноября (10 декабря) 1905 г. на заседании ЦК РСДРП, которое проходило в петербургской квартире писателя и К.П. Пятницкого по адресу: Знаменская, 20, кв. 29 (подробнее об этом см.: *Десницкий В.А.* А.М. Горький: Очерки жизни и творчества. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1959. С. 190–192).

[3] В мае 1889 г. семья Ульяновых уехала в Самарскую губернию, на хутор Алакаевка. 5 (17) сентября 1889 г. они переехали в Самару, где поселились в доме Кулагина

на Полицейской площади. 23 августа (14 сентября) 1893 г. Ленин уехал в Петербург (подробнее об этом см.: В.И. Ленин и Самара. Куйбышев, 1968).

12.

Печатается по *АМ* на бланке редакции газеты «Правда» (*АГ*. КГ-ОД 2-7-3), впервые.

[1] В ответ на просьбу М.И. Ульяновой в апреле 1928 г. Горький написал специально для «Правды» статью-очерк «Первая маевка»; но случайно вместе с ненужными бумагами сжег рукопись. Эту потерю писатель компенсировал другим материалом; подробнее см.: *Пельт В.Д.* М. Горький — журналист. М.: МГУ, 1968. С. 85.

[2] Замысел реализован не был; однако 15 апреля 1928 г. «Правда» опубликовала фельетон Горького «О музыке толстых» (1928. № 90. С. 2).

13.

Печатается по *А* на личном бланке М.И. Ульяновой (*АГ*. КГ-ОД 2-7-4), впервые.

[1] 26 октября 1928 г. «Правда» (№ 250) опубликовала «Открытое письмо Горькому» С.М. Буденного, в котором давалась отрицательная оценка произведения И.Э. Бабеля «Конармия».

14.

Печатается по *А* (*РГАСПИ*. Ф. 14. Оп. 1. Ед. 407), впервые.

Датируется по сопоставлению с письмом Ульяновой от 20 октября 1928 г. и публикацией 27 ноября 1928 г. «Ответа С. Буденному» в газете «Правда».

В авторской дате описка.

[1] Горький написал «Ответ С. Буденному», который редакция опубликовала 27 ноября 1928 г. (№ 275. С. 5).

[2] Крючков Петр Петрович (1889–1938), в 1920-е гг. уполномоченный советского торгпредства в Берлине по делам торгового и издательского общества «Книга», с 1924 г. работал в акционерном обществе «Международная книга», занимаясь изданием произведений Горького, позже был переведен в Госиздат. На протяжении многих лет Крючков был секретарем Горького, занимаясь организацией издания его произведений в СССР и за рубежом, налаживая связи с различными организациями и людьми. Горький высоко ценил его деловые качества, умение организовывать работу и порядок в ней. В 1937 г. Крючков был арестован, проходил обвиняемым по процессу «Антисоветского право-троцкистского блока», расстрелян; в 1988 г. реабилитирован.

[3] Статья «Еще о “механических гражданах”» была опубликована одновременно в «Правде» (1928. № 275. 27 нояб.) и в «Известиях» (1928. № 275. 27 нояб.); подробнее см.: *Публицистика Горького*. С. 432–463.

[4] Статья «"Механическим гражданам" СССР (Ответ корреспондентам)» была опубликована одновременно в «Правде» (1928. № 234. 7 окт.) и «Известиях» (1928. № 234. 7 окт.). Обе горьковские статьи (первая и вторая) явились ответом на многочисленные послания к нему «граждан противосоветского умонастроения». «Механическим гражданином» Горький образно назвал обывателя, «который механически стал гражданином СССР». Характеризуя это сообщество людей, Горький указал на объединяющий их фактор: «...их особенно злобно раздражают именно достижения Советской власти и рабочего класса — наличность достижений весьма единодушно и свирепо отрицается» (подробнее см.: *Публицистика Горького*. С. 432–463).

[5] Намек на образ ползущего по земле Ужа — символ мещанства и обывательства — из поэмы Горького «Песня о Соколе» (1894; подробнее см.: *Горький. Сочинения. Т. 2*. С. 586–592). Горького волновала проблема мещанства, о чем свидетельствует его письмо Л.Л. Авербаху, написанное 17 ноября 1928 г.: «...в городах среди рабочих быстро растет склонность к устройству личного благополучия, что мещанство, видя это, поднимает голову и шипит все более злорадно.

«"Т. Горький, надо бить тревогу — ужи ползут", — пишет мне один т<оварищ> с Урала. Я — не "паникер", в тревожное время я чувствую себя более полезным человеком, ужей считаю безвредными гадами, даже когда они в массе, но рабочий, который приглашает "бить тревогу" — не один, он выражает настроение многих селькоров, рабкоров маленьких заводов где-нибудь в глуши — на Выксе, в Ундоле и т.д. — настроение партийцев в укомах Мурома, Шенкурска и вообще — работников, одиноко заброшенных в медвежьи берлоги и болота полудикой нашей страны. Жизнь этих людей становится все более тяжелой, трагической, а работа все менее продуктивной, это они сами сознают и говорят» (*Горький и корреспонденты*. С. 582).

[6] Копылова Любовь Федоровна (1885–1936), педагог, писатель. Речь идет о книге: *Копылова Л.* Химеры: Рассказы. М.: Федерация, 1928. Об этом рассказе Горький 29 ноября 1928 г. писал А.Б. Халатову: «...рассказ Копыловой правдиво и художественно говорит о конфликте матери и детей. Очень рекомендую Вам лично... — испытаете наслаждение...» (*Архив Г. 10*. Кн. 1. С. 130).

15.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-ОД 2-1-3). Впервые: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 21.

[1] Крупская в это время работала над книгой «Воспоминания о Ленине» (первый выпуск вышел в 1930 г. (М.: Соцэкгиз); второй — в 1931 г. (М.: Соцэкгиз)), книга хранится в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 5892*) с пометами Горького.

[2] Речь идет о письме Ленина Горькому от 14 ноября 1910 г., где упоминалось: «Выходит ли что с журналом, о котором говорили летом?» (*Ленин. ПСС. Т. 48*. С. 2). Относительно встреч Ленина и Горького Крупская писала в статье «Горький и Ленин»: «Я мало видела Ильича с Горьким... когда к нам приезжал Алексей Максимович, я всегда старалась смыться, чтобы дать им поговорить по душам, с глазу на глаз» (см.:

Ленинградская правда. 1932. № 224. 24 сент.; см. также в кн.: *Крупская Н.К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1983).

[3] Ленин приезжал к Горькому на Капри дважды: в первый раз в апреле 1908 г. (с 10 (23) по 17 (30) апреля); второй раз в 1910 г., где пробыл с 18 по 30 июня (с 1 по 13 июля). Подробнее об этом см.: *Нинов А.* Каприйские встречи: (Ленин и Горький в 1908–1910 годах) // Вопр. литературы. 1965. № 7. С. 3–26.

[4] Об этом см. п. 11, примеч. 2.

[5] «Наши достижения», журнал художественно-документального очерка (М., 1929–1937); отв. редактор М. Горький; подробнее см.: *Хайлов А.И.* «Наши достижения» // Очерки истории русской советской журналистики. 1933–1945. М.: Наука, 1968. С. 127–151; а также наст. изд. С. 550–624 (публикация О.В. Шуган).

[6] Статья, посвященная Апушкинской коммуне Рязанской губернии, в журнале помещена не была.

[7] О формировании нового отношения к женщине как равноправному и деятельному гражданину социалистического общества см.: *Крупская Н.К.* Женщина-работница. М.; Л., 1926; *Крупская Н.К.* Заветы Ленина о раскрепощении женщины: Сб. статей. М.: Партиздат, 1933. Книга хранится в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 3996*); *Крупская Н.К.* Женщина Страны советов — равноправный гражданин. М., 1938.

16.

Печатается по *А* (*АГ.* ПГ-рл-21-13-2). Впервые частично: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 21.

На конверте рукой Горького: «Надежде Константиновне Крупской. Лично. От М. Горького». Рукой Крупской: «29-й и 34-й год. Юбилейные».

[1] Указанная в письме Горького дата встречи с Лениным в Париже является ошибочной. Рядом свидетельств и фактов подтверждено, что Горький был в Париже в 1911 и 1912 гг.; в памяти Горького недостаточно точно сохранилось место встречи в Париже в 1911 г. В 1909–1912 гг. Ленин и Крупская жили на улице Мари-Роз, где и был Горький (см.: *Горький. Сочинения. Т. 20.* С. 19). Название Фонтеней-о-Роз Горькому могло запомниться в связи с тем, что там жили большевики-эмигранты и это название упоминалось в воспоминаниях Крупской.

[2] В очерке «В.И. Ленин» Горький писал об этом так: «...я увидел его в Париже, в студенческой квартирке из двух комнат, — студенческой она была только по размерам, но не по чистоте и строгому порядку в ней. Надежда Константиновна, сделав нам чай, куда-то ушла, мы остались вдвоем. Тогда разваливалось "Знание", и я приехал поговорить с Владимиром Ильичем об организации нового издательства, которое объединяло бы, по возможности всех наших литераторов. Редактуру издательства за границей я предлагал Владимиру Ильичу, В.В. Воровскому и еще кому-то, а в России представлял бы их В.А. Десницкий-Строев» (см.: *Горький. Сочинения. Т. 20.* С. 19). Воспоминания Горького, вероятно, вобрали в себя и содержание бесед во время каприйской встречи 1910 г., и последующую переписку с Лениным, и содержание бесед

во время встречи в Париже в 1911 г. В это время для них было принципиально важно решение некоторых общих проблем: создание издательства для большевистской партии, отношение большевиков к другим течениям социал-демократии — ликвидаторам, впередовцам. В письмах Ленина 1910–1911 гг. главным являлось разъяснение идейных позиций и тактики большевиков, их противостояние отклонениям «влево» и «вправо». Ленин писал об уроках раскола с махистами-отзовистами, о неуместности сотрудничества Горького в журнале «Современник» (об этом см.: *Горький. Письма. Т. 9*, п. 372 и примеч.)

[3] В журнале «Наши достижения» периодически публиковались материалы о коммунах, рождении нового быта в деревне. Почти в каждой книге журнала давалась специальная подборка «По коммуне», в которой публиковались очерки о коммунах разных областей: так были даны очерки о коммуне «Герольд» Московской губернии и коммуне «Новый путь» Нолинского уезда Вятской губернии (1929. № 4).

[4] Крупская отмечала 60-летие 14 февраля 1929 г.; 11 марта 1929 г. в связи с этим юбилеем она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

[5] См. п. 15.

17.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-ОД-2-7-5), впервые.

[1] Осенью 1916 г. Горький встречался с М.И. Ульяновой, которая писала об этом: «Ближе, как человека я узнала его в Петрограде перед революцией. Наши свидания происходили у него на квартире на Петербургской стороне, куда я приходила к нему с письмами и поручениями от Ленина. Ильичу нужен был заработок, дороговизна в связи с империалистической войной нарастала с каждым днем <...> одно время невозможность найти литературную работу и "пристроить" свои книги сказалась особенно остро. Алексей Максимович выручал» (*Ленин и Горький*. С. 398).

[2] Речь идет о работе В.И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки». Ленин предполагал написать и издать следующие выпуски: о Германии и Австрии. Однако 7 августа 1914 г. во время обыска в Поронине у него были отобраны три тетради со статистическими выкладками, касавшимися аграрного строя Германии, Австрии, Венгрии. Намерение Ленина написать второй выпуск о Германии не было выполнено.

[3] Цитируемое письмо Ленина М.И. Ульяновой от 22 октября 1916 г. опубликовано: *Ленин. ПСС. Т. 55*. С. 365.

[4] Горький уехал в Сорренто 23 октября 1929 г. (см.: [Б.п.] Отъезд Горького // Известия. 1929. № 247. 25 окт.).

18.

Печатается по *А* (*РГАСПИ*. Ф. 14. Оп. 1. Д. 407), впервые.

[1] «Летопись», ежемесячный литературный, научный и политический журнал (Пг., 1915–1917); редактор А.Ф. Радзишевский, издатель А.Н. Тихонов.

[2] Правильно: Торговый дом А.Н. Тихонова и книгоиздательство «Парус», торговая фирма для распространения литературы и книгоиздательство, основанные в 1915 г. в Петербурге. Официальным директором-распорядителем стал А.Н. Тихонов. Горький, задумывая создать «широкое демократическое издательство», стремился соединить в «Парусе» наряду с известными писателями-демократами пролетарских писателей, малоизвестных провинциальных авторов, писателей национальных меньшинств. Издательство прекратило свое существование в 1918 г.

[3] Об этом см. п. 17, примеч. 2.

[4] Об этом см. п. 2, примеч. 1.

[5] Тихонов Александр Николаевич (1880–1956), писатель, общественный деятель, издательский работник, хороший знакомый Горького. Тихонов был активным помощником и исполнителем многих литературно-издательских предприятий, задуманных Горьким, таких как журнала «Летопись», газеты «Новая жизнь», серийных изданий издательства «Всемирная литература» и др.

[6] Левин Лев Григорьевич (1870–1938), врач, в 1920-е гг. был направлен Советским правительством в Сорренто для лечения Горького (подробнее о нем см.: *Вокруг смерти Горького*. С. 46–47, 53–54).

[7] Правильно: Канель Александра Юлиановна (1876–1936), главный врач Кремлевской больницы.

19.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-ОД-2-1-5). Впервые: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 22.

На письме Горький красным карандашом подчеркнул фразу в письме: «...и показалось мне, что чего-то Вам во мне не понравилось» и поставил около нее вопросительный знак.

[1] В 1930 г. Горький не приезжал в СССР; в данном случае речь идет о его приезде в страну 30 мая 1929 г. (в Сорренто уехал 23 октября 1929 г.).

[2] Об этом см. п. 4.

[3] Речь идет о работе: *Крупская Н.К.* Что говорил Ленин о колхозах и о мелком крестьянском хозяйстве. М.; Л., 1930.

[4] Ульянова М.И.

[5] Речь идет о центральном партийном, научно-исследовательском учреждении, в котором собираются и хранятся документы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, а также документы о выдающихся деятелях партии и материалы по истории партии. В ноябре 1919 г. в составе Социалистической академии общественных наук был создан кабинет теории, истории и практики марксизма. 8 декабря 1920 г. пленум ЦК РКП(б) по предложению Ленина поставил задачу создания «первого в мире музея по марксизму». По решению Оргбюро ЦК РКП(б) от 11 января 1921 г. созданный музей был преобра-

зован в научно-исследовательский Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) на базе кабинета теории, истории и практики марксизма (с 1921 по 1931 г. директор Рязанов (наст. фам. Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938)). 31 марта 1923 г. пленум МК РКП(б) принял решение о создании Института В.И. Ленина, который с 28 сентября 1923 г. перешел в ведение ЦК РКП(б) на правах отдела (в 1923–1926 гг. председателем Дирекции института был Каменев (наст. фам. Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936)). Постановлениями ЦК ВКП(б) 10 мая и 20 августа 1928 г. институт был объединен с Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт). 3-го ноября 1931 г. решением Президиума ЦИК СССР Институт В.И. Ленина был объединен с Институтом Маркса и Энгельса и создан Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ). С 28 марта 1956 г. стал называться Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ).

М.И. Ульянова работала в Институте В.И. Ленина с 1929 г., где готовила к публикации письма Ленина к родным, а также сборники материалов о заграничных рефератах Ленина.

20.

Печатается по *А* (*АГ*. ПГ-рл-21-13-4). Впервые, частично: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 10; полностью: *Ленин и Горький*. С. 365–366.

[1] Когда именно состоялась встреча Горького с Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой, выяснить не удалось, можно предположить, что она состоялась в конце мая — начале апреля 1929 г. В записях сотрудницы Наркомпроса РСФСР А.И. Радченко есть упоминание об этой встрече, сделанное со слов Крупской: «7/VI.29 г. <...> Рассказывает, что недавно Горький сделал визит ей и Марии Ильиничне» (*АГ*. МоГ-11-9-1)

[2] Предположительно, речь идет о беспокойстве Горького в отношении внутрипартийных трений, а также перехлестах в области «самокритики». Так, в статье «О наших достижениях» он писал: «...есть немало людей, которых я назвал бы профессиональными зрителями, — они воспринимают жизнь только глазами, для них она только зрелище, а не творчество; к людям такого типа я отношу литераторов — "бытовиков", которые более или менее любовно и усердно изображают, как непобедим старенький быт и как его болото засасывает человека <...> Эти люди, среди которых немало мещан, временно загримированных под "коммунистов" — эти люди, тоже усердно подчеркивая неустройство и непорядок бурно текущей жизни, засоряют светлый трудовой день хламом критических словечек, тревожными воплями, паническим шепотом. Все это еще более сгущает тучу дрянненькой житейской пыли, ослепляя строителей нового.

Сюда же необходимо присоединить и оглушающую метелицу самокритики. Разумеется, самокритика необходима, но не до истерики, не до покаянного тона интеллигенции семидесятых годов прошлого столетия. Порой кажется, что "самокритика" затеяна не ради успеха дела, не из чувства уверенности в его величии, а из сомнения в правильности самого существа дела — на радость господ эмигрантов и других врагов

Союза. Тоном своим "самокритика" зачастую совершенно сливается с критикой злейших врагов наших» (*Г-30*. Т. 24. С. 384–385).

[3] 15 сентября 1919 г. Ленин писал Горькому: «Не раз и на Капри и после я Вам говорил: Вы даете себя окружить именно худшим элементам буржуазной интеллигенции и поддаетесь на ее хныканье» (*Ленин и Горький*. С. 159). Рассказ о пребывании Ленина на Капри в 1908 г., о беседах с ним по вопросу о расколе в партии, о его непримиримости к критикам марксизма (А.А. Богданову, В.А. Базарову, А.В. Луначарскому и др.) был включен Горьким в очерк «В.И. Ленин», дополнением и существенной переработкой которого он занимался в апреле–июне 1930 г. (см.: *Горький. Сочинения. Т. 20*. С. 530–533); см. также письма Горького Ленину 1908–1909 гг. и примечания, посвященные вопросам философии марксизма и тактики революционной социал-демократии против фракционной группы «Вперед» (*Горький. Письма. Т. 7*).

[4] Ироническое наименование «Всероссийского комитета помощи голодающим», созданное по первым слогам фамилий: Прокоповича Сергея Николаевича, экономиста; Кусковой Екатерины Дмитриевны, публициста; Кишкина Николая Михайловича, врача. Другое название Всероссийского комитета помощи голодающим Помгол (т.е. помощь голодающим). 28 августа 1921 г. Постановлением ВЦИК деятельность Всероссийского Помгола была ликвидирована (подробнее об этом см.: *Горький. Письма. Т. 13*).

[5] О своем расхождении с большевиками по вопросу оценки роли интеллигенции во время революции Горький писал в 1924 г. в очерке «В.И. Ленин», однако в редакции 1930 г. писатель назвал свою позицию тех лет ошибочной. В 1919 г. Ленин в своих письмах к писателю указывал на его ошибки: «Когда я читаю Ваше откровенное мнение по этому поводу, я вспоминаю особенно мне запавшую в голову при наших разговорах (в Лондоне, на Капри и после) Вашу фразу: "Мы, художники, невменяемые люди". Вот именно! Невероятно сердитые слова говорите Вы по какому поводу? По поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околокадетских господчиков посидят несколько дней в тюрьме *для предупреждения заговоров вроде сдачи Красной Горки*, заговоров, грозящих гибелью *десяткам* тысяч рабочих и крестьян <...> "Интеллектуальные силы" народа смешивать с "силами" буржуазных интеллигентов неправильно <...> Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мыслящих себя мозгом нации <...> Вопль сотен интеллигентов по поводу "ужасного" ареста на несколько недель Вы слышите и слушаете, а голоса массы, миллионов, рабочих и крестьян, коим угрожает Деникин, Колчак, Лианозов, Родзянко, красногорские (и другие *кадетские*) заговорщики, этого голоса Вы не слышите и не слушаете» (*Ленин. ПСС. Т. 51*. С. 47–49). Ленин хотел, чтобы писатель поскорее вырвался из «обстановки буржуазных интеллигентов», предупреждая, что тратить «себя на хныканье сгнивших интеллигентов и не писать — для художника разве не гибель» (Там же. С. 49).

[6] Свою оценку русской эмиграции Горький дал в публицистических статьях «Анонимам и псевдонимам» (1927), «О белоэмигрантской литературе (Послесловие

к книге Д. Горбова)» (1928) и др., а также в письмах к многочисленным адресатам этих лет.

[7] Горький в мае 1930 г. заболел, и на беспокойство своего адресата И.А. Груздева отвечал в письме от 16 мая 1930 г.: «Слух о нездоровье моем близко соседствует с правдой. "Печали и болезни вон полезли", как сказано у Помяловского. Я имею право на титул "сердечного" человека — патологическое право, разумеется» (*Архив Г. 11.* С. 226).

[8] Предположительно, речь идет о журналах «За рубежом» и «Литературная учеба». Именно об этих изданиях беспокоился А.Б. Халатов, рекомендовавший Горькому: «Видимо, Алексей Максимович, Вам придется неослабно наблюдать за редакциями журналов "За рубежом" и "Литучеба", а то опасаешься — как бы чего не вышло...» (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 213). В этом же письме Халатов указывал на еще одну причину, из-за которой следовало бы беспокоиться за журналы: «Из-за бумажного кризиса мы вынуждены были сократить листаж по всем издаваемым журналам на один номер (фактически сократить количество книг каждого журнала на одну). Неприятно, но ничего не поделаешь» (*Там же.* С. 13). Подробнее об изданиях см.: *Максимова В.А.* «Литературная учеба» // Очерки истории русской советской журналистики. 1933–1945 / Отв. ред. А.Г. Дементьев. М.: Наука, 1968. С. 170–199; *Скороходов Г.А.* «За рубежом» // Очерки истории русской советской журналистики. 1933–1945 / Отв. ред. А.Г. Дементьев. М.: Наука, 1968. С. 200–217.

[9] Ульянова М.И.

21.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-ОД-2-1-4). Впервые, с купюрой: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 23–24. Из письма был изъят текст от слов: «И вспоминается последний год жизни Ильича...» до слов: «...настоящее переплетено с воспоминаниями об Ильиче».

[1] Речь идет о продолжении работы Н.К. Крупской над воспоминаниями о Ленине, которые были изданы в 1931 г.; см.: *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. Вып. 2. [Л.]: Соцэкгиз, 1931. (Ин-т Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б); № 8323). В *ЛБГ* хранится экземпляр воспоминаний с пометами Горького (*ОЛБГ. 5892*).

[2] Цитата стихотворения М.Ю. Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (1841).

[3] Об этом см. п. 4 и примеч.

[4] Розанов Владимир Николаевич (1872–1934), хирург, Герой Труда (1923). В 1910 г. организовал и возглавил хирургическое отделение в Солдатенковской больнице в Москве (ныне больница им. С.П. Боткина). С 1929 г. заведующий хирургическим отделением Кремлевской больницы. 23 апреля 1922 г. оперировал Ленина, извлек пули, оставшиеся после покушения на его жизнь.

[5] В предисловии ко второму выпуску своих воспоминаний Крупская писала: «Второй выпуск воспоминаний будет касаться второй эмиграции (с 1908 до 1914 г.), эпохи империалистической войны и периода после возвращения из эмиграции в апреле

1917 года» (*Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. Вып. 2. Л.: Соцэкгиз, 1931. С. 3). Ленин и Крупская жили в Париже с декабря 1909 г. по июнь 1912 г.; также см.: примеч. 6.

[6] Ленин и Крупская переехали из Парижа в Краков 2 июля 1912 г., где жили до августа 1914 г. О своем изменившемся адресе Ленин сообщал Горькому в начале октября 1912 г.: «Адрес мой не Париж, а Краков, Ulica Lubomirskiego. 47. Krakau» (*Ленин. ПСС. Т. 48.* С. 97).

[7] Об этом см. п. 11 и прим. 2.

22.

Печатается по *А* (*АГ.* ПГ-рл-21-13-5), впервые, не полностью: *Ленин и Горький.* С. 367.

[1] О нем см. п. 6.

[2] Предположительно, речь идет о письмах Ленина, отправленных ученикам Каприйской школы и датируемых 30 августа 1909 г. (см.: *Ленин. ПСС. Т. 47.* С. 194–202), октябрем 1909 г. (см.: Там же. С. 214–216). Подробнее об участии Вилонова в Каприйской школе см.: *Нинов А.* Каприйские встречи: (Ленин и Горький в 1908–1910 годах) // Вопр. литерат. 1965. № 7. С. 16–19, а также: *Горький. Письма.* Т. 7.

[3] Вилонов Н.Е. умер от туберкулеза в Давосе в 1910 г.; его архив хранится в *РГАСПИ* (Ф. 455).

[4] *Ленин В.И.* Ученикам Каприйской школы. 30 августа 1909 г. / Публ. Н.А. Семашко // Пролетарская революция. 1926. № 2. С. 177–184; *Ленин В.И.* Ученикам Каприйской школы. Октябрь 1909 г. // Ленинский сборник XXV. М., 1933. С. 45–49.

[5] 26 ноября 1930 г. А.Б. Халатов в письме запрашивал Горького: «Н.К. Крупская както мне говорила о том, что Вы нерегулярно получаете С<обрание> с<очинений> Ленина. Так ли это? Прошу Вас написать об этом и недостающие тома немедленно Вам будут высланы» (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 223). В ответном письме Горький отказался от присылки книг, мотивируя это скорым отъездом из Италии (см.: *Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 224).

23.

Печатается по *А* (*АГ.* ПГ-рл-21-13-1). Впервые, не полностью: *Ленин и Горький.* С. 368.

[1] Евстафьев Константин (1907(?)–1933(?)), писатель; Ольховский Павел Григорьевич (1907–1983), военный инженер, писатель. В данном случае речь идет о книге: *Евстафьев К., Ольховский П.* Последняя гимназия: Роман / Предисл. А. Горелова. [Л.:] ЛАПП; Прибой, 1930.

[2] Белых Григорий Георгиевич (1906–1938), писатель; Пантелеев Л. (наст. фам. и имя Еремеев Алексей Иванович; 1908–1987), писатель. В данном случае речь идет о книге: *Белых Г., Пантелеев Л.* Республика Шкид. М.: Гиз, 1927. Горький давал свою оценку книге, рекомендуя ее С.Н. Сергееву-Ценскому в письме от 17 марта 1927 г.: «Не попадет ли в руки Вам книга "Республика шкид" — прочитайте! "Шкид" — "Школа имени Достоевского" для трудновоспитуемых — в Петербурге. Авторы книги — вос-

питанники этой школы, бывшие воришки, одному — 18, другому — 19 лет. Но это — не вундеркинды, а удивительные ребята, сумевшие написать преоригинальную книгу, живую, веселую, жуткую. Фигуру заведующего школой они изобразили монументально. Не преувеличиваю» (см.: *Г-30*. Т. 30. С. 13).

[3] К началу 1932 г. повесть Г. Белых и Л. Пантелеева выдержала пять изданий.

[4] В 1929 г. Л.И. Пантелеев по просьбе Горького написал для журнала «Наши достижения» статью «Герои "Республики Шкид"» (1929. № 3. С. 154–157), в которой рассказывалось о дальнейшей судьбе воспитанников школы им. Достоевского.

[5] Это противоречие объяснялось отчасти тем, что авторы двух книг рисовали хотя и одну школу, но в разные моменты ее развития. ШКИД первоначально была рассчитана на способных детей; ее директор В.Н. Сорока-Росинский (Викниксор) искал по всем распределителям города именно таких ребят и забирал их в свою школу. После первого выпуска в этой школе, в который попали Л. Пантелеев и Г. Белых, Шкида была «уплотнена» и в ней оказалось «обычное ребячье сырье». Этот этап и описывается в романе «Последняя гимназия»: «... здешнее образование их <т.е. детей. — *Ред.*> совсем не захватывало, только вгоняло в тоску. А никакого труда и ремесла в школе не полагалось» (*Евстафьев К., Ольховский П.* Последняя гимназия. С. 88). Нарочитость «сгущения красок» была связана с позицией авторов, их огульной отрицательной оценкой, в частности, гуманитарного образования по сравнению с трудовым воспитанием: «Шкида, построенная по буржуазным канонам и приемам буржуазной школы, не в силах была переродиться <...> После ухода Викниксора в Шкиде была произведена коренная ломка всего уклада. Одна за другой открывались мастерские» (Там же. С. 254–255).

Авторы повествования настаивали: «Но и теперь не надо преувеличивать трудностей, не надо закрывать глаза на недостатки. Их много, очень много в системе воспитания и в новой Шкиде <...> еще много трудностей надо преодолеть в борьбе за подлинно-трудовое социальное воспитание. Но путь выбран правильный и он приведет к верной цели. А в детдом старого шкидского типа надо забить крепкий осиновый клин, и чем скорее это сделать — тем лучше» (Там же. С. 255).

Однако автор предисловия к роману «Последняя гимназия» А.Е. Горелов указывал на крайность суждений авторов: «Т.т. Ольховский и Евстафьев несколько недооценили факта создания в Республике Советов в период голода и разрухи школы, рассчитанной на перевоспитание беспризорников <...> Авторы склонны несправедливо отрицать то положительное, что дала школа им. Достоевского, несмотря на все свои огромнейшие недостатки» (Там же. С. 4, 6).

[6] Отчасти ответом Крупской можно считать ее выступление на I Всероссийской конференции по детской литературе, которая открыла свою работу 2 февраля 1931 г. в Москве. Крупская выступила с докладом, который был опубликован под названием «Дать детям советскую коммунистическую книжку» (об этом подробнее см.: *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: В 6 т. М.: Педагогика, 1980. С. 9–12). Стоит отметить, что Крупская была невысокого мнения о колонии Макаренко; в записях сотрудницы по Наркомпросу сохранились об этом сведения: «3/VI. 28. ... потом придется его

немного разочаровать, напр. насчет колонии им. Горького (зав. Макаренко), где ребят порют... Я: — Странно, ездил туда недавно Ингулов и ничего возмутительного там не находит. — Презрительно пожимает плечами» (*Радченко А.И.* Н.К. Крупская о Горьком: Из дружеских бесед с А.И. Радченко (*АГ.* МоГ-11-9-1)).

[7] Проблеме издания литературы для детей посвящены статьи Горького «Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» (1931), «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной» (1931) и др.

[8] Халатов Артемий (Аташес) Багратович (Багирович) (1896–1938), издательский работник. С начала 1918 г. комиссар Москвы по продовольствию и транспорту; с ноября 1919 г. начальник Главного управления по снабжению продовольствием Красной армии и флота. С осени 1921 по 1931 г. председатель Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ). С 1927–1932 гг. член коллегии Наркомпроса, председатель правления Госиздата и ОГИЗ. В 1932–1935 гг. член коллегии Наркомата путей сообщения.

[9] Государственное издательство РСФСР, образовано постановлением ВЦИК от 20 мая 1919 г. в Москве путем слияния издательств ВЦИК, Московского совета, Петроградского совета, литературно-издательского отдела Наркомпроса РСФСР и др. Своей деятельностью Госиздат преследовал централизацию и регламентацию издательского дела в стране, а также контроль над другими издательствами; также см.: Переписка Горького с М.П. Томским (наст. изд. С. 135–195).

[10] Об этом писал Горький в статье «О наших достижениях», подчеркивая умения руководителя страны: «...надобно помнить, что очень трудно объединять гармонически в одном лице и критика и творца, силу действующую и противодействующую. Только мозг Владимира Ленина умел гармонически объединить эти две силы, заставить их работать параллельно в направлении к цели. У него и надо бы учиться этому искусству нарушения законов физики, да и вообще всяких законов старины» (*Г-30.* Т. 24. С. 385).

[11] Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), ученый, историк; с мая 1918 г. заместитель наркома просвещения РСФСР. В данном случае, речь идет о письме Покровского от 14 января 1931 г., в котором он писал: «...не стану ссылаться на обуревающие меня многочисленные недуги — разваливаюсь я понемногу, дорогой Алексей Максимович, своими глазами я это вижу, как ни стараются утешать меня врачи (особенно московские — берлинские откровеннее)» (*Архив Г. 14.* С. 159).

24.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-ОД-2-8-2), впервые.

[1] Горки, поселок Ленинского района Московской области, расположен в 35 км. к юго-востоку от Москвы на берегу р. Пахра. До Октябрьской революции имение Горки принадлежало московскому градоначальнику А.А. Рейнботу (Резвому). В конце сентября 1918 г. сюда впервые приехал Ленин, чтобы восстановить здоровье после покушения 30 августа 1918 г.; с 15 мая 1923 г. он жил здесь постоянно. Сначала Ленин с семьей

поселился в Северном флигеле на 2-м этаже. С лета 1921 г. семья Ленина расположилась в Большом доме. После смерти Ленина в Горки часто приезжали Н.К. Крупская, М.И. Ульянова, Д.И. Ульянов и А.И. Елизарова-Ульянова. По решению ЦК КПСС в январе 1949 г. в Горках открыт мемориальный Дом-музей В.И. Ленина.

[2] Храм Христа Спасителя, кафедральный собор Русской Православной Церкви; был воздвигнут в память о победе русских войск над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г. по проекту архитектора Тона Константина Андреевича (1794–1883). Храм был заложен 23 сентября 1839 г.; освящен 26 мая 1883 г.

13 июля 1931 г. на заседании ВЦИК СССР под председательством М.И. Калинина было решено избрать местом для будущего Дворца Советов храм Христа Спасителя со сносом храма. 5 декабря 1931 г. храм был разрушен. Заново храм отстроен на прежнем месте в 1994–1997 гг.

[3] Автором статуй и рельефов храма Христа Спасителя был скульптор Логановский Александр Васильевич (1810–1855).

[4] Хитровка, исторический район Москвы, известный своими воровскими притонами; Таганка, историческое название местности Москвы между Москвой-рекой и Яузой в окрестностях Таганской площади, где в 1804 г. на улице Малые Каменщики была выстроена Таганская тюрьма. Подробнее об истории этих районов см.: *Гиляровский В.М.* Москва и москвичи. М., 1926.

[5] Исаакиевский собор, главный храм Петербурга; заложен в честь Петра I и назван по имени святого Исаакия Далматского, день которого (30 мая ст. ст.) совпал с датой рождения императора. В 1768–1802 гг. на городской площади (в настоящее время Исаакиевская) был сооружен первый собор (проект архитектора Антонио Ринальди (1710–1794), строил архитектор Бренна Викентий Францевич (1745–1820). Однако недостроенный собор (незакончена колокольня) дисгармонировал с торжественной застройкой центра города, и поэтому в 1810-х гг. состоялся конкурс на проект нового собора. В 1818 г. собор начали строить по проекту Анри Луи Огюста Рикар де Монферана (1786–1858). Работы были завершены в 1858 г. С 1931 г. Исаакиевский собор открыт для обозрения как музей. Подробнее см.: *Колотов М.Г.* Исаакиевский собор. 5-е изд., испр. и доп. Л., 1966.

[6] Самый известный парк в Париже; в 1612 г. по приказу Марии Медичи на месте бывшей гостиницы герцога Люксембурга был разбит небольшой парк; в 1615 г. было начато строительство дворца Малый Люксембург по проекту архитектора С. де Броса.

[7] Речь идет о проекте Дворца Советов, который должен был стать центром так наз. «новой Москвы»; высота здания, которое венчала грандиозная фигура Ленина, должна была составить 420 м. Архитектором проекта был Иофан Борис Михайлович (1891–1976). Строительные работы начались в 1932 г. и были прекращены в 1937 г. В качестве варианта для этого проекта рассматривалась площадка на Воробьевых горах, на которой позже было построено здание МГУ.

25.

Печатается по *А* (*АГ.* ПГ-рл-21-13-8), впервые.

[1] Лойтер Наум Борисович (Нухим Борухович; 1890–1966), драматург, режиссер; в 1942 г. поставил пьесу Горького «Егор Булычов и другие».

[2] О какой статье идет речь, не выяснено.

[3] Речь идет о материалах для сценария звукового фильма о Максиме Горьком. Хранится в *АГ* (Рав-пГ-28-1-1). Однако Горький не дал согласия на экранизацию сценария.

26.

Печатается по *А* на личном бланке Н.К. Крупской (*АГ*. КГ-ОД-2-1-6), впервые.

Датируется по сопоставлению с письмом Горького от 7 июня 1932 г.

[1] Отзыв Н.К. Крупской на сценарий Н.Б. Лойтера хранится в *РГАЛИ* (Ф. 2626).

[2] «Межрабпомфильм», киноорганизация, пайщиком которой с 1924 г. выступала Международная рабочая помощь (Межрабпом), основанная в сентябре 1921 г. на проходившей в Берлине Международной конференции комитетов помощи населению голодающих районов Советской России. Организация просуществовала до середины 1936 г.

[3] Стецкий Алексей Иванович (1896–1938), участник революционного движения с 1915 г. Во время Февральской революции 1917 г. агитатор Петербургского комитета РСДРП(б). Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и подавления контрреволюционного мятежа Керенского–Краснова. С 1923 г. работал в органах ЦКК. В 1926–1930 гг. заведующий Отделом печати и агитпропом Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского губкома ВКП(б). С 1930 г. заведующий агитпропом ЦК ВКП(б). Стецкий возглавил комиссию по созданию Детиздата; также см. п. 27 примеч. 1.

27.

Печатается по *АМ* (*АГ*. КГ-ОД-2-1-7). Впервые с купюрой: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 24–25; в письмо не вошли абзацы конца письма, начинающиеся словами: «Недавно я читала книжку одного нашего комсомольца...».

[1] Речь идет о докладной записке, написанной Горьким в соавторстве с группой писателей как отклик на недостаточное выполнение решений Постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931) (см. Приложение 2).

[2] Верн (Verne) Жюль (1828–1905), французский писатель; один из создателей жанра научно-фантастического романа.

[3] Рид (Reid) Томас Майн (1818–1883), английский писатель, автор авантюрно-приключенческих романов, сюжетно связанных с темой борьбы угнетенных народов Америки.

[4] Предположительно, речь идет о научно-популярной энциклопедии, в которой сочетался систематический и алфавитно-словарный принцип подачи материала, — «Оксфордская юношеская энциклопедия» (подробнее см.: «Oxford junior encyclopaedia». Oxford, 1964. V. 1–13).

Крупская не раз в своих работах обращалась к теме издания научно-популярной энциклопедии для детей; см. об этом: *Крупская Н.К.* Об учебнике и детской книге для I ступени (Речь на I Всероссийской конференции по учебной и детской литературе) // *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: В 6 т. М.: Педагогика, 1979. Т. 3. С. 71–87; *Крупская Н.К.* О детских энциклопедиях // *Крупская Н.К.* Там же. Т. 5. С. 185–186.

[5] О ком идет речь, не выяснено.

[6] В 1930-е гг. в издательстве «Молодая гвардия» справочная литература такого рода не выходила. В СССР выпуск первой систематической «Детской энциклопедии» относится к 1958 г. (в 12 т.; М., 1958–1962, отв. редактор А.И. Маркушевич).

[7] Чуковский (наст. фам. и имя Корнейчуков Николай Васильевич) Корней Иванович (1882–1969), критик, детский писатель.

[8] О ком идет речь, не выяснено.

[9] Герой романа «Обломов» (1859) Гончарова Ивана Александровича (1812–1891).

28.

Печатается по *А* на личном бланке Н.К. Крупской (*АГ.* КГ-ОД-2-1-8); *ЧА* подлинника хранится в *РГАСПИ* (Ф. 12. Оп. 1. Ед. 776). Впервые: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 25–26.

[1] 17 сентября 1932 г. Горький был награжден орденом Ленина

[2] Речь идет об 11-й главе «Кооперация» в первом томе «Капитала» (об этом см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 30 т. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 333–347).

[3] В 1896 г. Крупская была арестована, в 1898 г. приговорена к ссылке на три года в Уфимскую губернию, которая по ее просьбе была заменена на село Шушенское Енисейской губернии, где отбывал ссылку Ленин. В 1900 г. заканчивала срок ссылки в Уфе; после освобождения в 1901 г. уехала в Мюнхен.

[4] Об этом см.: *Горький. Сочинения.* Т. 5.

[5] Речь идет о статье: *Крупская Н.К.* Школа и жизнь // Самарская газета. 1901. № 36. 16 февр. (за подписью: *Н.К.*). Она была посвящена вопросам влияния семьи на формирование личности ребенка.

29.

Печатается по *А*, на бланке Объединенного бюро жалоб (*АГ.* КГ-ОД-2-7-6), впервые.

[1] Объединенное бюро жалоб НК РКИ СССР и РСФСР.

[2] Речь идет о психиатрической больнице. В 1908 г. В.П. Кащенко открыл в Москве частную школу-санаторий, одно из первых учреждений для аномальных детей. В 1918 г. на базе этой школы был организован «Дом изучения ребенка», вскоре преобразованный в Медико-педагогическую опытную станцию, носящую его имя.

[3] Предположительно, речь идет о переводчице с японского языка Фельдман-Конрад Наталье Исаевне (1903–1975). В это время она работала над переводами для сборника «Японская революционная литература» и обращалась за помощью в издании книги, которая вышла в 1934 г.; экземпляр книги с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 3635*).

30.

Печатается по *А* (*РГАСПИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. 776), впервые.

Датируется по упоминанию в письме Всероссийского совещания работников детских библиотек, проходившего в Москве 26–28 ноября 1933 г.

[1] В октябре 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об улучшении библиотечной работы»; как заместитель наркома просвещения Крупская возглавила работу Библиотечного управления Наркомата.

[2] Всероссийское совещание работников детских библиотек проходило в Москве с 26 по 28 ноября 1933 г. Было созвано по инициативе Школьного и Библиотечного управлений Наркомпроса РСФСР. В его работе приняло участие 105 библиотекарей из одиннадцати областей. Работой совещания руководили Н.К. Крупская и М.С. Эпштейн. Выступление Крупской состоялось 26 ноября 1933 г. и было опубликовано в журнале «Красный библиотекарь» (1934. № 1).

[3] О нем см. п. 27, примеч. 3.

[4] Чарская (наст. фам. Чурилова) Лидия Алексеевна (1875 (1878?)–1937), детская писательница.

[5] Речь идет о ст.: *Горький М.* Как я учился. Пг.: Кн-во Петрогр. Совдепа, 1919. Книга хранится в личной библиотеке Ленина (см.: Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1961. № 5809); также см.: *Г-30*. Т. 24. С. 466–499.

31.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-ОД-2-1-10), Впервые: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 26–27.

[1] Кулебаки, город в Горьковской области РСФСР; расположен на автомобильной дороге Муром–Арзамас, в 29 км. к юго-востоку от железнодорожной станции «Навашино». Поселение известно с конца XVII в., как город с 1932 г.

[2] Предположительно, речь идет о местном заводе металлических конструкций.

[3] Речь идет о произведении: *Горький М.* Двадцать шесть и одна: Поэма // Жизнь. 1899. Т. XII. Декабрь. С. 263–276; см. также: *Горький. Сочинения*. Т. 5.

[4] Горьковский край был переименован в 1932 г. из Нижегородского края; включал Чувашскую АССР, Марийскую и Удмуртскую автономные области. 7 декабря 1934 г. из Горьковского края был выделен Кировский край. 6 декабря 1934 г. край был преобразован в Горьковскую область.

32.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-ОД-2-1-9). Впервые: Октябрь. 1941. Кн. 6. С. 26.

Датируется по объявлению конкурса на лучший район по постановке библиотечного дела в деревне 15 июля 1935 г.

[1] Речь идет об утверждении Оргбюро ВКП(б) Постановления ЦК ВЛКСМ, Наркомпроса РСФСР, Наркомзема СССР, Наркомсовхозов, Наркомпищепрома, Когиза и ЦК С.-Х. Союзов «О всесоюзном конкурсе на лучший район по постановке библиотечного дела в деревне». Конкурс был объявлен с 15 июля 1935 г. и должен проводиться до 1 января 1936 г.; председателем Конкурсного комитета от ЦИК СССР назначен Уншлихт И.С. Для руководства конкурсом был создан комитет в составе: Н.К. Крупская (председатель), Снетков (зам. председателя), Киров (от Библиотечного управления Наркомпроса РСФСР), Мартемьянов (от ВЦСПС), Шварц (от Когиз), А.И. Муралов (от Наркомзема), Сомс (от Наркомсовхоза), Корнюшин (от Наркомпищепрома), Потапов (от Библиотечного института), Е.Ф. Розмирович (директор Библиотеки им. В.И. Ленина), Трегуб (от «Комсомольской правды»), Бегунов (от ЦК ВЛКСМ), Осипов (председатель ЦК Союза зерновых совхозов), Трубочеев (председатель ЦК Союза мясомолочных совхозов), Санто (председатель ЦК Союза свиноводческих совхозов), В.<?> Жебровский (от газеты «За коммунистическое просвещение»).

Главной задачей конкурса было «привлечение внимания всех комсомольских, советских, профессиональных организаций и широких масс населения к делу укрепления существующих и созданию новой сети культурных сельских и совхозных библиотек, обеспечение их высококвалифицированными кадрами библиотечных работников и улучшение их работы по обслуживанию книгой, газетой, журналом рабочих совхозов, колхозников, трудящихся крестьян — единоличников и их семей» (Создадим в колхозах и совхозах культурные библиотеки / Отв. ред. М. Потапов. М.: Критико-библиограф. научно-исслед. ин-т Наркомпроса, 1935. С. 10).

[2] Ленинградская область была образована 1 августа 1927 г. на территории бывших Петроградской, Новгородской, Череповецкой, Мурманской губерний и части территории Архангельской губернии. В 1938 г. из ее состава была выделена Мурманская область, в 1944 г. — Новгородская, Псковская и Великолукская.

[3] Московская область была образована 13 января 1929 г. на территории бывших Московской, Рязанской, Тульской губерний. В 1935 г. из ее состава была выделена Калининская область, в 1937 г. — Рязанская и Тульская.

[4] О Горьковском крае см. п. 31, примеч. 4.

33.

Печатается по *АМ* на личном бланке Заместителя народного комиссариата по просвещению (*АГ*. КГ-ОД-2-1-11), впервые; *ЧА* подлинника хранится в *РГАСПИ* (Ф. 12. Оп. 1. Ед. 776).

К письму был приложен конверт, на котором рукой Н.К. Крупской было написано: «Лично Алексею Максимовичу от Н.К. Крупской».

[1] Об этом см. п. 32 и примеч.

[2] Речь идет о документах и газетных вырезках, посланных вместе с письмом: 1) Сводка по ходу конкурса сельских библиотек на 10 декабря 1935 г.; 2) *Песков Д.И.* Мы желаем переписываться с писателями // За индустриализацию. 1935. 24 нояб. (газетная вырезка); 3) *Крупская Н.К.* Переписка писателей с читателями сельских библиотек (статья); 4) Письмо Н.К. Крупской редактору газеты «Радстеп» тов. Векслеру 2 декабря 1935 г. (копия); 5) Постановление Совнаркома «О сельских библиотеках» за № 1123 от 19 октября 1935 г. (копия); 6) *Томасова Е.* Состояние районных и сельских библиотек в Горьковском крае (Первые итоги) (статья).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В семнадцатом томе Собрания сочинений А.М. Горького[1] вновь перепечатаны его воспоминания о В.И. Ленине. Я перечитал их. И опять, как раньше, как не один уже раз, встал передо мною вопрос о том, надо ли их печатать в том виде, как они напечатаны. Ведь это воспоминания о Ленине, воспоминания Горького. Горького любят, Горькому верят, Горьким гордятся в нашей стране. И каждое слово Горького о Ленине имеет особый вес, особое значение. Это понятно — по-иному не может быть, да и не должно быть. Но есть в воспоминаниях Горького такие слова о Ленине, которые извращают образ Ленина, толкают на неверное понимание его. Мне и хочется указать на эти слова.

А.М. Горький, рассказывая о своих взаимоотношениях с В.И. Лениным в первые годы революции, пишет так: «Я очень часто одолевал его просьбами различного рода и порою чувствовал, что мои ходатайства о людях вызывают у Ленина жалость ко мне, почти презрение» (Так в изд. «Книга» 1927 г.)[2]. Он спрашивал: «Вам не кажется, что Вы занимаетесь чепухой, пустяками?» (А.М. Горький. Соч. 17. Стр. 34).

Это могло быть. Владимир Ильич мог говорить так. Он знал Горького. Горький умел бороться. Умел наносить врагу удары. Он был популярен среди рабочих нашей страны, его знали рабочие мира, к его голосу прислушивались писатели, художники, ученые. И выступление Горького на стороне Октября, за Великую Октябрьскую социалистическую революцию в дни, когда она только-только родилась, становилась на ноги, делала первые шаги, когда предрекали ей гибель кто через 5–7 дней, кто через месяцы, и все делали, чтобы это так и произошло — имело особое значение, а Горький в это время не принял ее, затем писал жалобы, ходатайства, спасал сомнительных лиц, хлопотал о контрреволюционерах. И в этом видел свою миссию.

Ленин «сокрушенно качал головою и говорил: Компрометируете вы себя в глазах товарищей, рабочих» (Там же). Это очень похоже на Ленина. Горькому, по-видимому, удалось точно передать смысл его слов. Ленин был уверен в том, что Горького удастся

вернуть революции. И к этому были направлены его усилия, мероприятия, разговоры. Горький был слишком крепко связан с рабочими и их мнением он дорожил. На это рассчитывал Ленин. В этом был смысл. Здесь все передано верно. А дальше?

«И для того, чтоб скрыть стыдливую радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией» (Там же. Стр. 35). Это предел непонимания. Никто глубже, сильнее Ленина не умел негодовать на ошибки, приводившие к невинным жертвам, никто не радовался так, как Ленин, тому, что их удалось избегнуть. Кто помнит хотя бы одно свидание Ленина с Дзержинским[3], хотя бы один их разговор, кто знает характер их отношений, для того это ясно. Дзержинский не останавливался перед беспощадной расправой, когда было все ясно, когда преступление было налицо, когда расправа была необходима. Но разве не было случая, когда он на честное слово выпускал эсеров, меньшевиков, заявлявших, что они рвут с прошлым. Правда, он почти не ошибался и это соединение революционной беспощадности и чуткости ценил в нем Ленин. «Наша работа самая грязная, потому-то ее должны делать самые чистые» (Там же. Стр. 36), — говорил Дзержинский. Это была линия Ленина.

«Стыдливой радости, прикрытой иронией» у Ленина не было. «Я спросил: кажется мне это или действительно он жалеет людей» — так продолжает свои воспоминания Алексей Максимович. — Умных — жалею. Умников мало у нас. Мы — народ, по преимуществу, талантливый, но ленивого ума. *Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови.* Здесь нет ничего ленинского, все от Горького. И утверждение, что мы «народ ленивого ума» и то, что мы «народ, по преимуществу, талантливый» и то, что «русский умник — почти всегда еврей» — все это не ленинское. Если и был такой разговор, то смысл ответа Ленина не был уловлен Горьким, хотя в первой фразе «умных жалею» есть ленинская ирония над Горьким, который задал нелепый вопрос. Подчеркнутых слов в новом издании нет, следовало бы выкинуть и предыдущие.

Не понял Горький и основной причины, которая побуждала Ленина настаивать на отъезде Горького за границу. Горький изображает это дело так: «Сам почти уже больной, усталый, он писал мне 9.VIII — 1921 года: «А.М. Переслал Ваше письмо Л.Б. Каменеву. Я устал так, что ничегошеньки не могу. А у Вас кровохарканье и Вы не едете!!!

Это ей-же-ей и бессовестно и не расчетливо. В Европе, в хорошей санатории будете и лечиться и втрое больше дела делать. Ей-ей. А у нас — ни леченья, ни дела, одна суетня, зряшная суетня. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямьтесь, прошу Вас! Ваш Ленин»[4].

Он больше года с поразительным упрямством настаивал, — продолжает Горький, — чтобы я уехал из России, и меня удивляло: как он, всецело поглощенный работой, помнит о том, что кто-то, где-то болен, нуждается в отдыхе?

Таких писем, каково приведенное, он написал разным людям, вероятно, десятки (А.М. Горький. Соч. 17. Стр. 40).

Горький был прав. Таких писем было много. Для Ленина было характерно то, что, «всецело поглощенный работой», он умел помогать. Но по отношению к Горькому в данное время дело не сводилось к этому. Не только болезнь Горького заставляла Ле-

нина настаивать на отъезде, но и политическая позиция Горького. Он очень медленно, неуверенно, с остановками подходил к принятию Октября.

Владимир Ильич предлагал ему поехать на пароходе «Красная Звезда», вместе с Надеждой Константиновной и Вячеславом Михайловичем Молотовым[5].

Поездка на нем не только позволила бы отдохнуть Горькому, но и увидеть жизнь такой, какой она была. Пароход шел по следам отступавших белогвардейцев. Вид этой борьбы, не прикрытой ничем, должен был помочь Горькому окончательно продумать и решить, с кем же он. Горький вырывался этой поездкой из узкого круга лиц, отрицательно относившихся к Советской власти или далеких от нее и становился в ряды тех, кто до конца целиком жили делом революции. Это должно было иметь значение. К тому же пароход шел по Волге, по местам с детства знакомым Горькому, и они должны были пробудить в нем новые чувства, заставить его вспомнить прошлое, сравнить его с тем, что было сейчас. Таков был замысел Ленина. Поездка по Волге должна была помочь Горькому найти слова, образы, темы для новых произведений, броситься в бой. Связь с массами, народом должна была пробудить в нем новые силы. Но Горький отказался ехать. Вот тогда-то Ленин «с поразительным упорством» начал настаивать на отъезде Горького за границу. Так это было. Ленин был уверен в том, что ненависть буржуазии к стране Советов, революционная борьба пролетариата, его бесправие, нищета, эксплуатация, его вера, любовь к стране Советов, готовность помогать ей — все это позволит Горькому яснее увидеть то дело, которое делается здесь, позволит вернуться не ходатаем по делам о репрессированных, а борцом за мировую революцию. Так это и случилось. Расчет был верен, Ленин не ошибся.

«Человек изумительной силы воли, Ленин в высшей степени обладал качествами, свойственными лучшей революционной интеллигенции, — самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуродования, до рахметовских гвоздей, отрицания искусства», — пишет А.М. Горький.

Что и говорить, такие «интеллигенты» были. Но чтобы В.И. Ленин доходил до самоистязания, самоуродования, до отрицания искусства — это вздор.

Конечно, можно заявить, что у Горького сказано, что так бывало «часто», а не всегда, поэтому к Ленину это не имеет отношения, но, во-первых, это говорится в связи с ним, во-вторых, по утверждению Горького, В.И. Ленин «в высшей степени» обладал качествами, свойственными лучшей части «революционной интеллигенции», а одним из ее качеств и было «самоограничение», часто восходящее до самоистязания, самоуродования, до отрицания искусства. Почему же надо думать, что Ленин не обладал именно этим часто встречающимся качеством? Из текста Горького такого вывода сделать нельзя. И почему надо считать, что лучшей революционной интеллигенцией являлась не интеллигенция, входившая в большевистскую партию, которая не относилась отрицательно к искусству, не занималась самоистязанием, а какая-то иная, занимавшаяся этим. «Неудачная» формулировка? Но зачем в воспоминаниях А.М. Горького о В.И. Ленине надо оставлять «неудачную формулировку»?

«Так Горький думал об отношении Ленина к искусству. И это важно сохранить».

Но если б это и было так (я думаю, что этого не было — Горький прекрасно знал, как относится Ленин к искусству), то следовало бы сказать, что Горький ошибался в этом. Но и этого нет в книге. Между тем, все кто знали В.И. Ленина, знали об его любви к музыке. Он знал ее. У него были любимые произведения. Он желал слушать их. И мне кажется, что следовало бы товарищам, хорошо знавшим Ленина и музыку, поручить рассказать об этом. Он любил живопись, и не раз я от него слышал: «Какая увлекательная это вещь — живопись, а заниматься ей некогда». То же надо сказать о литературе. Это было очень давно, но я очень хорошо помню, как во время беседы о пропаганде плана ГОЭЛРО[6], когда Владимир Ильич предлагал Наркомпросу заняться этим делом «как следует», когда выдвигал мысль о необходимости написать ряд брошюр и книг, когда указывал на то, что каждая электрическая станция должна стать очагом просвещения, он заговорил о романе. И когда один из присутствовавших выразил сомнение, он сказал: «Почему же нельзя, если мы можем заглянуть на 10–20 лет вперед, ясно представить себе, что тогда будет, почему же писатель, если он настоящий писатель, не сможет рассказать, как будут жить, чувствовать тогда люди. Вполне можно. Вот написал же Богданов "Инженер Мэнни"»[7]. Это выдумка. А если найдется наш писатель, знающий линию партии, знающий хорошо технику, почему он не сможет показать людей, живущих в обстановке, созданной не праздной фантазией, а точным расчетом. С Глебом Максимильяновичем[8] следовало бы посоветоваться. Он в молодости очень литературу любил, да и пописывал».

У Владимира Ильича было бесспорно это качество «самоограничения», но чтобы оно доходило до самоистязания, до отрицания искусства, до самоуродования, это настолько чуждо Ленину, что трудно молчать, когда читаешь эту нелепую фразу Горького.

«Детей он ласкал осторожно какими-то особенно легкими и бережными прикосновениями» (А.М. Горький. Соч. 17. Стр. 38), — пишет Горький. И это — выдумка.

Я работал при жизни Владимира Ильича в Наркомпросе, и мне не один раз приходилось говорить с ним о детях. Я десятки раз был у Ленина и хорошо знаю, как тискал он Витю, воспитанника Анны Ильинишны[9], как шумно играл с ним, как лазил с ним на четвереньках под стол, куда тот скрывался от его преследований, знаю, как играл с ребятами на елке, которую очень любил, и фраза Алексея Максимовича ни в какой мере не передает действительного отношения Ильича к детям. Ее следует выкинуть.

Вот и все мои замечания, Иосиф Виссарионович, о той части воспоминаний Горького о Ленине, когда я лично знал Владимира Ильича, когда бывал у Ленина.

Крепко жму руку

В.Н. Шульгин

Москва, Китайский проезд, 3, кв. 23. Телефон КО-87-76[10].

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо печатается по *А* (*РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1061. Л. 231–236). Впервые: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 682–685.

[1] См.: *Г-30*. Т. 17. С. 5–46, *473–476*.

[2] Речь идет об издании: *Горький М.* Воспоминания. Рассказы. Заметки. Берлин: Книга, 1927.

[3] Дзержинский Феликс (Юзеф) Эдмундович (1877–1926), с середины 1890-х гг. участник социал-демократического движения. На заседании ЦК РСДРП(б) выбран в Военно-революционный партийный центр по руководству вооруженным восстанием; с декабря 1917 г. председатель ВЧК, с марта 1919 г. нарком внутренних дел. В 1921–1924 гг. нарком путей сообщения РСФСР. Дзержинский познакомился с Горьким в 1910 г., когда приехал на Капри; в 1921 г. писатель подарил Дзержинскому свою книгу «В людях» с дарственной надписью.

[4] Письмо Ленина Горькому цитируется по изд.: *Ленин. ПСС. Т. 53*. С. 109.

[5] Молотов (наст. фам. Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986), член РСДРП(б) с 1906 г.; с марта 1921 г. секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК РКП(б).

[6] План ГОЭЛРО, первый единый государственный перспективный план развития народного хозяйства Советской республики на основе электрификации страны, разработанный в 1920 г. по заданию правительства. Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО) была образована Президиумом ВСНХ от 21 февраля 1920 г. в соответствии с резолюцией сессии ВЦИК от 3 февраля 1920 г. о разработке плана электрификации. К работам комиссии было привлечено около 200 деятелей науки и техники, среди них И.Г. Александров, Г.О. Графтио, А.Г. Коган, М.А. Шателен и др. Возглавлял комиссию Г.М. Кржижановский. К концу 1920 г. комиссия подготовила «План электрификации РСФСР». План ГОЭЛРО был рассчитан на 10–15 лет и реализовал идею электрификации всей страны и создания крупной индустрии. Планом предусматривалось сооружение мощных районных Штеровской, Каширской, Кизеловской, Горьковской, Шатурской, Челябинской и др. тепловых электростанций. Другой идеей плана являлось широкое использование огромных гидроэнергоресурсов страны. Намечалось сооружение Волховской ГЭС, Днепровской ГЭС, двух ГЭС на реке Свирь и др. План ГОЭЛРО был разработан по восьми основным экономическим районам (Северному, Центрально-промышленному, Южному, Приволжскому, Уральскому, Западно-Сибирскому, Кавказскому и Туркестанскому) с учетом их природных, сырьевых и энергетических ресурсов и специфических национальных условий. К 1935 г. план ГОЭЛРО был значительно перевыполнен по всем основным показателям.

[7] *Богданов А.А.* Инженер Мэнни. М., 1913.

[8] Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959), с конца 1919 г. председатель Главэлектро ВСНХ; с 1920 г. председатель комиссии ГОЭЛРО.

[9] Предположительно, речь идет о Лозгачеве-Елизарове Георгии Яковлевиче, усыновленном А.И. Елизаровой-Ульяновой и М.Т. Елизаровым.

[10] Очерк Горького «В.И. Ленин» был вновь опубликован в 1956 г. в составе *Г-30* (Т. 17).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О детской литературе

Недостатки нашей школы, отмеченные в решении ЦК[1] и ошибочные методы в работе писательских организаций, крайне болезненно отозвались в детской литературе. Эту литературу изготовляли по рецептам прожектеров от педагогики. Широкие задачи воспитания и образования забывались в спешной подготовке к очередным дням красного календаря и многочисленным кампаниям. Детскую книгу засушили. Установили трафареты и схемы, по которым с одинаковой легкостью можно было писать и очерки и повести, и рассказы, и стихи. От автора требовали изложения в каждой книжке всех азов политграмоты.

В результате у нас много брошюр о кампаниях и мало книг о народах СССР, об их быте и строительстве. В детской литературе не находит отражение богатый материал научных и промышленных экспедиций. А между тем, разведчики природных богатств, советские краеведы, студенты Севфака могли бы много рассказать детям о том, как жили и живут народы, раскрепощенные революцией.

В детской литературе жизнь начинается со вчерашнего дня. Забыты исторические и историко-культурные темы. В стране, где мощно развивается животно- и звероводство, репрессиям подвергаются книжки о животных и растениях. За пушниной не видят зверя. За лесосплавом не видят деревьев. Есть несколько книжек о сборе лекарственных трав, и нет книжек о жизни растений.

Надо отказаться от примитивного утилитаризма, от грубой дидактики и тенденциозности. Последняя особенно затрудняет развитие в ребенке способности самостоятельного мышления и воображения, способности особенно ценной и необходимой в стране, где формы новой жизни затемняются консерватизмом мещанской старины.

Нам пора усвоить, что у нас школьная и общественная действительность во многом уже социалистичней действительности семейной и что поэтому дети 8–12 лет левее своих родителей. Но эта левизна эмоциональная, неподкрепленная достаточным количеством фактов. Хотя дети и обладают некоторым количеством знаний о действительности, заново творимой в нашей стране, однако смысл этих фактических знаний не вполне ясен для детей, а теоретическое обоснование фактов в детской литературе обычно имеет характер слишком сухой, казенный и трудно усвояемый ребятами. Книги подобные «Рассказу о великом плане»[2] у нас — редкость, а именно такие книги необходимы.

Против небольшого количества новых «впечатлений бытия», непродуманных ребятами, семья выдвигает ряды фактов и впечатлений много, резко противоположного, а иногда и враждебного значения. В распоряжении семьи — весь арсенал тяжелых бытовых условий, и впечатления, почерпнутые ребятами в школе, в пионеротряде, подав-

ляются хламом гнилого бытовизма, тяжелой анархией жилищных условий, мещанской стариной и многим иным, против чего ребята бессильны бороться. На лицо — противоречие быта семьи и быта вне семьи. Сами собою эти ряды противоречий не исчезнут, а для того, чтобы один ряд исчез — нужно предельно заострить и усилить другой.

Учат факты, всему и всегда учат факты. Значит — необходимо вооружить детей фактами. Мы знаем, что школа царских времен предлагала детям ничтожное количество фактического материала, да и то, в формах извращенных, причем утверждала его якобы «несокрушимую правду» обилием идеологической плутни и лжи. Все факты истории, которые не подчинялись шлифовке казенной идеологии, были объявлены нелегальными. Революционное настроение отрочества и юношества до Октябрьской эпохи воспитывалось именно на фактах нелегальных. Задачу до Октябрьской школы следует определить как борьбу против правды и за укрепление социальной лжи.

Наша школа имеет целью утверждение подлинной социалистической правды, творимой рабочим классом, и беспощадное обличение вековой, отживающей, но все еще живущей социальной лжи мещанства. Мы обязаны вооружать детей фактами творчества рабочего класса во всех областях приложения его энергии. Но мы не должны забывать, что «нелегальным» фактом для нас является самый факт существования мещанства и что оно весьма усердно заботится о внешкольным воспитании наших детей. Детей 8–12 лет можно и не знакомить с правыми и левыми уклонами в области политики, но они должны очень хорошо понять и возненавидеть ядовитость мелочей мещанской жизни, — ядовитость, в которой есть кое-что сладенькое. Политика рабочей партии большевиков–коммунистов вовсе не заслуживает того, что ее компрометировали в глазах детей, но, к сожалению, среди литераторов, сочиняющих детские книжки, есть немало таких, которые чрезвычайно ловко умеют компрометировать политику революционного класса и отбивать у детей охоту к чтению.

Вместо того чтобы пытаться втиснуть в каждую детскую художественную книгу, — в рассказ, в повесть, в стихи — всю политграмоту, надо создать развернутый и разнообразный план изданий, с тем расчетом, чтобы детская литература всей массой книг, всей своей совокупностью, воспитывала в читателе новое отношение к труду и обществу, особенно подчеркивая коллективную деятельность.

Каждая книжка в отдельности может, как исключение, прямо не соответствовать тому или другому пункту программы нашего школьного и дошкольного воспитания, но весь план должен быть составлен в таком направлении, чтобы литература, охватывая самые разнообразные области человеческих знаний и работ, вооружала детей мировоззрением коммунизма.

Для осуществления этого плана от руководителей детской литературы требуется много такта, требуется глубокое и принципиальное понимание ленинских задач воспитания. Поэтому во главе издательств, редакций, библиографических институтов, газетных и журнальных критических отделов, посвященных детской литературе, должны стать ответственные и авторитетные люди с большим кругозором, ибо задача станет несравненно труднее.

При разработке плана необходимо пересмотреть многие установившиеся каноны по вопросам художественных приемов и жанров. В частности, надо перестать бояться поэтических сравнений, неизбежного антропоморфизма и даже фантастики, если она способствует разуму воображать и предугадывать. Надо показать, как фантастика сказок о ковре-самолете, сапогах-скороходах и т.д. осуществлена в практике научно-исследовательской мысли. Надо издать для детей сказки разных народов (преимущественно о животных и сатирические, бытовые), а также сказки классиков. Нужно дать мировой героический эпос в переделках и пересказах.

Все это необходимо настолько, насколько может способствовать пониманию истории развития мысли, техники труда и взаимоотношений классов. Героика эпоса вполне совпадает с эпическим размахом трудовых процессов в наши дни в нашей стране. Нам нужно озаботиться, чтобы эпические мотивы нашли место в нашей художественной литературе, а она — в близком будущем — область деятельности детей сегодняшнего дня.

План должен предусмотреть издание фантастических повестей, приключений, веселых и развлекательных книжек для детей всех возрастов. Особенно нужна веселая книжка для дошкольников, книжка, которая особенно приохочивала бы к чтению.

Для того, чтобы план можно было осуществить с максимальным успехом, нужно сделать его гибким и подвижным. Он ни в коем случае не должен сковывать творческую инициативу автора. Необходимо создать все условия для нормальной работы писателя и художника.

Критика должна заниматься разработкой творческих вопросов детской литературы на основе конкретного и вдумчивого анализа, а не действовать наскоком и окриком. Надо создать специальный критический журнал по детской литературе. Должна быть основательно пересмотрена вся программа работы библиографических институтов и отменена бюрократическая система рекомендательных ярлыков.

В издательствах должны быть значительно укреплены редакционные сектора и поднята квалификация редакторов. Надо раз <и> навсегда покончить с ошибочной практикой наших издательств, которые заказывают книги на ответственные темы в порядке исключительной спешности. Нам известны случаи, когда для работы над художественной биографией Дзержинского и Свердлова авторам был дан двухмесячный срок; когда для создания большой книги о Ленинграде, о его заводах, научных лабораториях, о том, как он стал Ленинградом из царского Петербурга, издательство предоставило автору трехмесячный срок.

Нельзя злоупотреблять заказом. Надо уметь учитывать в общем плане работу автора, затеянную по его собственной инициативе.

Надо снова привлечь в детскую литературу тех авторов, которые были осуждены на бездействие или не были использованы в достаточной мере из-за ошибочной политики литературных организаций, критики и издательств (Пришвин[3], Григорьев[4], Чуковский[5] и др.). Надо пересмотреть отношение к ряду книг, отвергнутых педантичной критикой (некоторые книги Житкова[6], художника Лебедева[7] и др.).

Надо создать специальный совет по вопросам детской литературы с участием писателей и художников. Надо разработать вопрос об организации объединения работников детской литературы по типу Локаф.

Перед детской литературой стоят грандиозные задачи. Между тем, в нашем единственном издательстве для детей «Молодая Гвардия» до абсурда урезываются планы, распускаются редакторские и авторские кадры. Это грозит полным срывом работы.

На всю детскую литературу в 1932 г. отпущено бумаги 32 млн. оттисков, т.е. почти в три раза меньше прошлогодней нормы. Сокращение выпуска книг подрывает всю материальную базу детской литературы, дезорганизует книжный рынок и вызывает уход из детской литературы и без того немногочисленных писателей и художников.

Издательства в настоящее время ограничиваются только выпуском новинок в самых ничтожных тиражах, совершенно не переиздавая тех лучших книг, которые вошли в постоянный круг детского чтения. Требования Книгоцентра в 1932 г. на переиздание 125 книг удовлетворено только на 4% (5 книг). Это равносильно полной ликвидации нашего основного книжного фонда.

Необходимо изыскать бумажные ресурсы для детской литературы, доведя выпуск книг в 1932 г. хотя бы до уровня 1931 г.

В нашей стране свыше тридцати миллионов читателей детской книги. Всеобщее начальное обучение вызвало небывалый в мире спрос на детскую художественную литературу.

С Камчатки пишут: «Взять такой промышленный район, как долина реки Камчатки, — три завода, два лесопромхоза, 6 колхозов, 1 совхоз, и вы нигде не найдете для своего ребенка книги, ни в кооперации, ни в сельсовете. Мы обязаны дать своим детям свет, а его у нас нет, и на вес золота, это никуда не годится... Бояться про убытки — не может быть и речи, дети с руками оторвут книжку. Разве это не мерзко просить каждого едущего на собаках 600–700 километров, чтобы он привез книжек детям?.. Обмозгуйте этот вопрос, товарищи, и шлите нам из шумной Москвы в нашу глухомань детскую литературу, за что она будет несказанно благодарна».

До революции художественная дошкольная книга была достоянием узкого круга интеллигентских детей в центральных городах, теперь из Ташкента требуют 20.000 экземпляров одной из дошкольных книг.

В далеком урочище Ак-Курум между Кумуртоком и Уланганом ойротские дети учатся русской грамоте по детской художественной книжке.

О том, как у нас вырос спрос на книгу, видно из следующих примеров:

Владикавказ требует 500 экз. повести Гайдара «Школа»[8], Книгоцентр отпускает 50.

Симферополь требует 500 экз. книги Гехта «Веселое отрочество»[9], Книгоцентр отпускает 50.

Сухум требует 1000 экз. «Рассказа о великом плане» Ильина, Книгоцентр отпускает 350 экз.

Баку требует 800 экз. книги «Большевики открыли Сибирь» Безбородова[10], Книгоцентр отпускает 150.

На книгу С. Маршака «Почта»[11] получено Книгоцентром заявок на 118 000 экз., отпущено 30 000.

По справке, полученной от Книгоцентра, отказы в удовлетворении школьных и библиотечных заказов составляли в 1930 г. 30%, в 1931 г. 60%, а в 1932 г. 80%. Общий выпуск детской литературы катастрофически падает.

1929 г. 1 282 названия

1930 г. 1 369 названий

1931 г. 962 назв.

За первый квартал 1931 г. было издано единственным детским издательством «Молодая Гвардия» 160 названий, тиражом в 6 млн. За тот же квартал 1932 г. издано 81 название тиражом в 3 млн., т.е. вдвое меньше. А спрос увеличился по крайней мере в 3–4 раза.

Такое положение приводит к тому, что в деревнях и в отдаленных от центра городах ребята читают старые календари и случайно уцелевшие номера «Нивы» и «Родины».

Но и те немногие детские книги, которые доходят до читателя, не всегда отвечают нашим задачам воспитания.

Правда, у нас есть уже писатели, знающие ребенка и умеющие говорить с ним просто и увлекательно (Ильин, Житков, Пантелеев[12], Маршак, Бианки[13], Гайдар, Кожевников[14], Чарушин[15] и др.). На полках наших детских библиотек рядом с Майн Ридом[16] и Сэтон Томпсоном[17] появились книги советских авторов, которые не только конкурируют с своими буржуазными предшественниками в живости и занимательности изложения, но и противопоставляют им новую мораль и новое отношение к действительности.

Книги лучших детских писателей переводятся в Англии, в Америке, в Германии, во Франции, В Японии, в Голландии и рассказывают самым широким массам за рубежом о советской школе, о пятилетке, о нашем строительстве.

Но если хороших книг пока у нас еще мало, если в детской литературе до сих пор еще процветает безграмотная халтура, — это объясняется тем, что делу создания художественной детской книги уделяется слишком мало внимания, и тем, что первостепенно важная работа снабжения детей книгами велась без плана.

* * *

Авторы этой записки предполагают: создать при комиссии В.М. Молотова комиссию по детской книге, возложив на эту комиссию такие задачи:

Пересмотреть всю старую литературу для детей, отобрать и переиздать, бесспорно, ценные книги. Выработать план издания детской литературы по таким разделам:

Геология — точнее геохимия — в связи с процессом непрерывного обогащения нашей страны рудными и нерудными ископаемыми. Дать маленькие книжки о металлах, о их значении в жизни людей, показав это значение всюду, включительно до медицины. Рассказать историю образования плодоносной почвы, а также историю успехов науки в деле усиления плодоносности почвы.

Био и зоология — в связи с животноводством и звероводством. Дать книжки о приручении животных, о пчеле, шелковичном черве, о бактериологии, о том, как разум человека заставляет работать невидимых глазу паразитов, — паразитоводство, паратерапия в медицине.

Далее: книжка о чудесах науки физики. Техника, ее развитие. Изобретательство. Биографии изобретателей, их борьба против консерватизма разума богатых.

Всем книгам, а особенно книгам для младшего возраста, необходимо придавать беллетристическую форму.

Создать словарь для школьников со статьей: как образуются — создаются слова.

Создать энциклопедию для родителей по вопросам педагогики, чтобы родители понимали, чему учат их детей и зачем учат их именно так, а не иначе.

Необходимо попробовать дать картину современного классового города по главнейшим линиям взаимоотношений его классов и противопоставить ему социалистический, бесклассовый город будущего.

Написать историю о том, как рубль рождает миллионы рублей и сколько стоит этот процесс людям труда.

Рассказать о жизни крестьянина во «власти земли» и о победе над этой властью научно-организованного, коллективного труда.

Рассказать о том, как теоретические догадки и домыслы науки, применяемые в практике, создавали все то, что называется материальной культурой и как на почве этой культуры возникла «духовная», со всеми ее мещанскими плутнями.

О том, как из фактов труда возникают идеи, руководящие трудом.

О том, как зарождалось революционное, классовое самосознание рабочего.

Об «инородце», как он жил, чему его учили в прошлом, в условиях царизма, под властью буржуазии и как живет он, чему учится в наши дни.

Само собою разумеется, что этот план не исчерпывает всего, что необходимо для твердой постановки социалистического воспитания детей. План должен быть расширен по всем линиям. К детальной разработке его следует привлечь Алексинского[18], Рабичева[19], Разина[20], Томского[21], Луппола[22], Шохина[23], Троицкого[24], Огнева[25], Маршака, А. Пинкевича[26], Салтанова[27], Халатова[28], Крупскую, Эпштейна[29], Золотухина[30].

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по *МК* (*АГ*), впервые, не полностью: *Горький М.* О детской литературе. Статьи и высказывания. М.: Госиздат детской литературы, Мин-во просвещения РСФСР, 1958. С. 124–125.

Датируется началом июля 1932 г. по сопроводительному письму на бланке Секретариата Председателя Совнаркома, которое было разослано 15 июля 1932 г. членам Комиссии по вопросу о программах школы и о школьном режиме: «По поручению Мо-

лотова посылаю Вам для ознакомления записку о детской литературе, разработанную т. Горьким А.М. с группой товарищей» (*АГ.* ЛСГ-5-17-4).

В *АГ* хранятся первая редакция (*АГ.* ЛСГ-5-17-1; *ЧА* рукой Горького), вторая редакция (*АГ.* ЛСГ-5-17-2; *МК* с правкой, предположительно, Маршака) и третья редакция (*АГ.* ЛСГ-5-17-3; *МК* со вставками Горького ко 2-й и 3-й страницам) этой докладной записки.

В своей объяснительной записке от 15 января 1941 г. И.П. Ладыжников писал: «После совещания у Алексея Максимовича по вопросам об издательстве детской литературы было поручено некоторым товарищам — участникам совещания составить проект докладной записки на основе предложений совещания. Так называемая первая редакция рукописи "О детской литературе", как это видно, была правлена Маршаком и Алексеем Максимовичем, причем кроме правки, Горький дополнил рукопись тремя страницами — автограф. Вторая редакция — без правки, машинопись с первой редакции. Третья редакция с большой правкой Горького и с добавлениями на четырех страницах в виде вставок к рукописи. Таким образом, из 13 страниц (на машинке) большая часть рукописи (более 60%) написана Горьким» (*АГ.* ЛСГ-5-17-1).

[1] Речь идет о Постановлении ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931 г.).

[2] Автор научно-публицистической книги «Рассказ о великом плане» (М., 1930) М. Ильин (наст. фам. и имя Маршак Илья Яковлевич (1896–1953)).

[3] Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954), писатель.

[4] Григорьев (наст. фам. Григорьев-Патрашкин) Сергей Тимофеевич (1875–1953), писатель.

[5] О нем см. п. 27, примеч. 7.

[6] Житков Борис Степанович (1882–1938), детский писатель.

[7] Лебедев Владимир Васильевич (1891–1967), художник-график; иллюстратор детской книги.

[8] Гайдар (наст. фам. Голиков) Аркадий Петрович (1904–1941), писатель; автобиографическая повесть «Школа» (1930).

[9] Гехт Семен Григорьевич (1903–1963), писатель, очеркист; «Веселое отрочество» (1932).

[10] Безбородов Сергей Константинович (1903–1937), писатель; автор книги «Большевики открыли Сибирь» (1932).

[11] Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964), поэт, переводчик; автор книги «Почта: Стихи для детей» (1927).

[12] О нем см.: п. 23, примеч. 2.

[13] Бианки Виталий Валентинович (1894–1959), писатель.

[14] Кожевников Алексей Венедиктович (1891–1980), писатель.

[15] Чарушин Евгений Иванович (1901–1965), художник, писатель-анималист.

[16] О нем см.: п. 27, примеч. 3.

[17] Сетон-Томпсон Эрнест (1860–1946), канадский писатель и художник-анималист.

[18] Алексинский Михаил Андреевич (1889–1938), педагог; член Коллегии Наркомпроса РСФСР.

[19] Рабичев (наст. фам. Зайденшнер) Наум Натанович (1898–1938), с августа 1930 г. заместитель заведующего Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б); с 1934 г. член комиссии Партийного контроля при ЦК ВКП(б). С апреля 1934 г. заведующий Партиздатом.

[20] Разин Иван Михайлович (1905–1938), заведующий сектором детской литературы в издательстве «Молодая Гвардия».

[21] Томский Михаил Павлович (1880–1936), с 1932 г. заведующий ОГИЗ; также см.: наст. изд. С. 135–195 (публ. Ю.У. Каскиной, О.В. Шуган и А.Г. Плотниковой).

[22] Луппол Иван Капитонович (1896–1943), философ, литературовед; с мая 1935 г. директор ИМЛИ им. А.М. Горького.

[23] Шохин Андрей Павлович (1901–1938), один из организаторов профессионально-технического образования в СССР; с 1929 по 1932 г. член Коллегии Наркомпроса РСФСР; на XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г. был избран членом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б).

[24] Троицкий Ан.Н., председатель правления издательства «Молодая Гвардия».

[25] Огнев Н. (наст. фам. и имя Розанов Михаил Григорьевич; 1888–1938), писатель.

[26] Пинкевич Альберт Петрович (1883 (1884)–1939), писатель, общественный деятель; знакомый Горького по совместной работе в журн. «Летопись», «Наука и ее работники», в издательствах «Парус» и «Всемирная литература».

[27] Салтанов Сергей Александрович (1904–1937), первый секретарь Выкусинского уездного комитета РКСМ; с 1927 г. в ЦК ВЛКСМ; с 1929 г. второй секретарь ЦК ВЛКСМ.

[28] О нем см.: п. 23, примеч. 6.

[29] Эпштейн Моисей Соломонович (1890–1938), заведующий Главсоцвоса; член Коллегии Наркомпроса РСФСР.

[30] О ком идет речь, не выяснено.

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО С М.П. ТОМСКИМ

Вступительная статья Ю.У. Каскиной,
подготовка текста А.Г. Плотниковой и О.В. Шуган,
примечания Ю.У. Каскиной, А.Г. Плотниковой

Переписка А.М. Горького и М.П. Томского помогает представить историческую картину 1930-х годов, дополняет литературно-общественный портрет писателя и проливает свет на судьбу тщательно замалчиваемого Томского. Она несомненно представляет научный интерес, но ранее никогда специально не изучалась. Томский долгое время был фигурой опальной, и его имя было незаслуженно вычеркнуто из отечественной истории.

Михаил Павлович Томский (наст. фам. Ефремов) — революционер, выдающийся профсоюзный деятель — родился 31 октября 1880 г. в Петербурге в рабочей семье. С 13 лет работал на промышленных предприятиях Петербурга. В возрасте 14 лет принимал участие в организации и проведении стачки на небольшой фабрике металлических изделий.

Осенью 1904 г. вступил в социал-демократическое движение, участвовал в революции 1905–1907, был одним из организаторов и членом совета рабочих депутатов в Ревеле[1]. В Ревеле началась активная революционная работа Томского — он был избран старостой от рабочих своей фабрики — и первая попытка работы в области профессионального движения — организация ревельского профессионального союза металлистов.

В январе 1906 г. Томского арестовали, заключили в камеру смертников, затем сослали в Сибирь, в Нарымский край. Вскоре он с товарищами бежал в Томск, куда у него была партийная явка (отсюда и псевдоним Ефремова — Томский). Нелегально прибыв в Петербург, он поступил работать на жестяную фабрику. В начале января 1907 г. на конференции петербургской организации РСДРП был избран в состав петербургского комитета партии, в члены расширенной редакции органа ЦК большевиков «Пролетарий» и в редакционную комиссию газеты «Вперед».

Весной 1907 г. Томский был выдвинут делегатом от петербургской организации на V съезд партии в Лондоне, где выступил ответственным оратором фракции большевиков против идеи всероссийского «рабочего съезда», вы-

двинутой П.Б. Аксельродом и поддержанной Г.В. Плехановым. На съезде он выступил как убежденный соратник Ленина по всем вопросам.

По-видимому, именно на этом съезде Томский познакомился с Горьким. Его энергичное выступление, горячо одобренное Лениным, так запомнилось писателю, что спустя годы он написал об этом в очерке «Ленин» (1924 г.).

И.С. Шкапа, державший корректуру дополненного и расширенного в 1930-м году очерка, вспоминает: «В сентябре были готовы гранки набора для выпуска отдельной книгой. <...> Назавтра меня вызвал Крючков и попросил указать в оригинале и в гранках строки о М.П. Томском, участнике пятого партийного съезда. Пробежав их глазами, Крючков сказал:

— Вычеркните! Все, что касается Томского!..

В ответ на вопрос, зачем вычеркивать такое яркое место, Крючков положил передо мною газету, молча ткнул пальцем в небольшую заметку. В ней говорилось о выводе М.П. Томского из состава политбюро ЦК ВКП(б) за допущенные им ошибки.

— Но как отнесется к этой купюре автор?

— Думаю, — Крючков запнулся, — согласится! А будет настаивать — вставим! — И добавил: — Шлю обо всем срочное донесение в Сорренто!

Что же было вычеркнуто? <...> Горький закончил абзац такими строчками:

"Кроме его речей (Ленина. — *И.Ш.*), меня почти так же взволновала прекрасная и резкая речь против меньшевиков Розы Люксембург [и сокрушительная молотобойная речь М.П. Томского против идей рабочего съезда.

В обоих случаях я видел, как ярко горят глаза Владимира Ильича, как он доволен. Особенно обрадовал его Томский.

— Эт-то... отлично! Вот молодчина! — шептал он, толкая меня в бок. И сожалел: — Вот бы таких побольше! И вам бы среди них жить. А?..]"

Строки, взятые в квадратные скобки, были вычеркнуты по указанию Крючкова. Оба мы были смущены. В груди шевельнулось нечто неприятно-холодное, протестующее против подобной операции над воспоминаниями великого писателя о величайшем деятеле человечества — Ленине. Я сказал об этом Крючкову и указал несколько мест, где речь шла о Томском. На пятой странице гранок говорилось: "Ленин засовывал пальцы куда-то подмышки себе, потирал подбородок, встряхивая светлой головой, и шептал что-то Томскому". На шестой странице тоже упоминалось о нем, как о большевике-ленинце.

— Надо, значит, выбросить и эти куски! А там, вон, мелькают другие "подозрительные" имена!... — говорил я Крючкову!

Мы наметили к "изъятию" еще несколько новых строк, чтобы привлечь к ним внимание автора, но Горький утвердил лишь те, в которых говорилось о впечатлении Ленина от "сокрушительной и молотобойной речи" Томского»[2].

Однако тогда близких отношений между Горьким и Томским не возникло. Горький в эти годы увлекался идеями эмпириомонизма, который проповедовал А. Богданов. Писателя привлекало «просветительское направление социалистической мысли Богданова» и его сторонников, «широта задач, в частности, сочетание политических идей и общекультурных, революционных и гуманитарных»[3].

В 1909 г. Томский участвовал в парижском совещании расширенной редакции большевистской нелегальной газеты «Пролетарий», которое осудило позицию А.А. Богданова. Это также не способствовало сближению Горького и Томского в тот период.

В последующие годы партийная работа Томского то и дело прерывалась арестами, тюремным заключением и ссылкой в Сибирь. Во время пребывания в тюрьмах он усиленно занимался марксистским самообразованием. Февральская революция, а вместе с ней и амнистия, застали его в ссылке — Киренский уезд Иркутской губернии, — где он принял участие в организации комитета общественной безопасности, а также в аресте и разоружении полиции, жандармов и исправника.

В конце марта, не дожидаясь вскрытия реки Лены, на лошадях он пробрался в Иркутск, а оттуда в Москву. В середине апреля приехал в Петроград. Участвовал в работе Петроградской общегородской конференции большевиков (14–22 апреля), вошел в новый состав Петроградского комитета.

В профсоюзном движении большевики окончательно закрепили свои позиции на 1-м Всероссийском съезде профсоюзов (7–14 января 1918 г.). 11 января ЦК РСДРП(б) наметил состав президиума ВЦСПС, Томскому отводилась должность секретаря. Вследствие острых разногласий — Томский был против предложения Г.Е. Зиновьева о немедленном провозглашении профсоюзов органами государственной власти — он согласился войти в исполком только кандидатом.

На 4-й Всероссийской конференции профсоюзов (12–17 марта 1918 г., Москва) Томского избрали членом нового состава исполкома ВЦСПС, а 9 октября 1918 г. он стал его председателем и бессменно возглавлял советские профсоюзы до апреля 1929 г. (за исключением небольшого перерыва с мая по октябрь 1921 г.).

Во время IV Всероссийского съезда профсоюзов 17–25 мая 1921 г. из-за назревающих разногласий между партией и профсоюзами Политбюро ЦК партии создало специальную комиссию, которая заблаговременно подготовила проекты резолюций по всем основным вопросам съезда. Но Томский передал окончательную резолюцию «не как директиву ЦК, а как резолюцию Г.Е. Зиновьева, поддержанную петроградской делегацией»[4]. В результате была принята резолюция Д.Б. Рязанова, который высказался за большую самостоятельность профсоюзов в условиях НЭПа, большее внимание к соци-

альным вопросам, за защиту классовых интересов, и особенно «за изменение стиля и методов взаимоотношений между профсоюзами и партией»[5].

На профсоюзном съезде очень резко выступил Сталин, но на вечернем заседании Ленин убедил делегатов «в ошибочности позиций Рязанова и других», поведение Томского «Ленин назвал преступлением»[6]. Спешно был создан пленум ЦК партии, который сурово наказал Томского, освободив от должности председателя ВЦСПС, и отправил его в Туркестан председателем Комиссии ВЦИК.

Надо сказать, что Томский был не только незаурядной личностью, хорошим оратором и организатором, но и выдающимся теоретиком профсоюзного движения. Его политический противник Л. Троцкий так оценивал своего оппонента: «Томский был, несомненно, самым выдающимся рабочим, которого выдвинула большевистская партия, а, пожалуй, и русская революция в целом. Маленького роста, худощавый, с морщинистым лицом, он казался хилым и тщедушным. На самом деле годы каторжных работ и всяких других испытаний обнаружили в нем огромную силу физического и нравственного сопротивления. В течение ряда лет он стоял во главе советских профессиональных союзов, знал массу и умел говорить с ней на ее языке»[7].

М.П. Томский написал ряд статей, брошюр и книг, посвященных вопросам рабочего и профессионального движения: «Принципы организационного строительства профсоюзов», «Профсоюзы на новых путях», «Очерки профдвижения в России» и «Задачи коммунистов в профдвижении»[8], «Новые задачи союзов», «Работа ВЦСПС», «Болезни профессиональных союзов». Многие из них были переведены на иностранные языки. Специалисты считают, что его работы актуальны и сегодня[9].

В «Очерках профессионального движения в России» Томский проследил историю профсоюзов, их трудности и задачи на каждом этапе — от зарождения этого движения во время революции 1905 г., к марту 1917 г. это были еще «слабые ростки», и до многолюдных конференций и съездов в двадцатые годы[10].

Статьи и речи Томского 1917–1925 гг. посвящены изменившейся роли профсоюзов в период новой экономической политики. Их главную задачу теперь он видел в «защите экономических интересов наемных рабочих»[11], в справедливом разрешении возникающих конфликтов. Профсоюзы при НЭПе должны быть школой жизни, воспитывать рабочих, повышать их культурный уровень, готовить их к роли хозяев производства, следить, чтобы «выдвиженцы из профсоюзов не шли вразрез с интересами рабочих»[12]. Они должны быть ближе к массам. Членство в профсоюзах должно быть добровольным. Выражение Томского: «Профсоюзы являются школами коммунизма»[13] стало крылатым.

В своих работах Томский затрагивал многие важные политические и социальные вопросы. Он считал, что по-прежнему должна существовать тесная связь между партией и рабочим классом, но решительно выступал против

непосредственного вмешательства партии в деятельность профсоюзов[14]. Он говорил о профсоюзных совещаниях — как форме работы профсоюзов, о кадрах, считал, что отучившиеся в вузах рабочие должны не терять связь со своими заводами, о культурной работе, об освобождении женщины (нужно создавать общие прачечные, удешевленные обеды), о важности образования, об искоренении грубости[15].

Начиная с 1919 г. (VIII съезда партии), Томский состоял членом ЦК ВКП, с XI съезда партии (1922 г.) — членом Политбюро ЦК, с 1920 г. являлся членом президиума ВЦИК, с I съезда Союза ССР — членом президиума ЦИК СССР.

В 1925 г. совместно с И.В.Сталиным, Н.И.Бухариным, А.И.Рыковым Томский выступил против «новой оппозиции»: Зиновьева и Каменева, так называемых «левых». Но в конце 1920-х годов обнаружилось расхождение взглядов группы Бухарина с генеральной линией партии. Бухарин, Рыков и Томский были против насильственной коллективизации, против применения чрезвычайных мер к зажиточным крестьянам, против единовластия в партии. На Пленуме ЦК ВКП(б) (4–12 июля 1928 г.), говоря о сущности НЭПа, Томский высказался и в адрес партийного руководства так: «Теперь появились и вошли в моду безошибочные руководители на 100%, хотя Ленин и то ошибался и на каждом съезде вскрывал сделанные ошибки и на них учил партию. Теперь нет ни того, ни другого, зато есть вожди, которые никогда не ошибаются...»[16]

Открытая критика политики, проводимой партией, отрицательная оценка действий Сталина привели к тому, что «апрельский пленум 1929 г. уже прямо квалифицировал взгляды группы Бухарина как "несовместимые с генеральной линией партии"»[17]. Бухарин, Рыков и Томский были объявлены лидерами «правого уклона», сняты с занимаемых ими постов и выведены из состава Политбюро. В 1929 г. Томский был отстранен от работы в ВЦСПС и назначен председателем Всесоюзного объединения химической промышленности.

Тем не менее Томский не был врагом Сталина. По воспоминаниям его сына Юрия, Сталин не раз приезжал к ним на дачу вместе с другими соратниками. Бывали дружеские застолья, разговоры накоротке, непринужденная атмосфера. В семье имелась фотография Сталина и Томского, с дружеской надписью Сталина: «Моему дружку Мишке Томскому». Но в 1928 г. во время одной из таких встреч Томский уединился с Генеральным секретарем, они о чем-то долго разговаривали на повышенных тонах, спорили. По словам Ю.Томского, «последний визит Сталина в наш дом закончился скандалом, и мама была невольной свидетельницей его, поскольку их разговор в кабинете закончился негодующим криком отца: "Ты подлец, подлец! Убирайся со своей бутылкой ко всем чертям"»[18].

В создавшейся атмосфере травли и подозрительности Томский и его единомышленники прекратили свои выступления и вынуждены были выступить с заявлением о признании своих ошибок. «Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и ее ЦК. Наши взгляды... оказались ошибочными. Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и, прежде всего, против правого уклона и примиренчества с тем, чтобы преодолеть любые трудности и обеспечить полную и скорейшую победу социалистического строительства»[19]. В 1930 г. на XVI съезде партии «правые» уже окончательно признали свои «ошибки» и даже как бы соревновались друг с другом в покаянных выступлениях. Отрицая наличие «фракции» у правых, Томский признавал, что их деятельность несла в себе «зародыши фракционности». А в ответ на требование покаяться заявил, что «покаяние» — не большевистский термин, и с горечью произнес: «Трудновато быть в роли непрерывно кающегося человека. У некоторых товарищей есть такие настроения — кайся, кайся без конца и только кайся... Дайте же немного поработать»[20].

Однако после разгрома «правого уклона» (в 1930 г. на XVI съезде) Сталин фактически отстранил Томского от участия в «большой политике». На XVII съезде ВКП(б) (1934 г.) он присутствовал как делегат с совещательным голосом, его не избрали ни в один рабочий орган съезда. После съезда Томский вошел в ЦК лишь в качестве кандидата. «Чувствуя недоверие со стороны руководства, он проявлял пассивность, которую Сталин, в свою очередь, трактовал как враждебность. Маневрировать и приспосабливаться Томский не мог. По мере усиления сталинского режима положение М.П. Томского ухудшалось. Его имя периодически мелькало на страницах газет в связи с "проработками" и начавшимися политическими процессами. Трудно становилось не только работать, но и жить»[21].

В 1931 г. Томский получил назначение на должность заведующего ОГИЗом. Столь сложный участок культурного строительства в период бумажного кризиса был поручен именно ему — опытному и ответственному руководителю — по рекомендации Горького. Но пережитое бичевание на съезде, травля в печати серьезно подорвали его здоровье. Он перенес инсульт и вынужден был уехать в Германию на лечение. К работе он смог приступить только в начале апреля 1932 г.

Будучи членом ЦК ВКП(б), Томский не подлежал партийной чистке, указание о ее проведении было продиктовано сверху. Ячейка Объединенных государственных издательств, которыми руководил Томский, заседала три дня для принятия заявления о его персональной чистке. В первый день, как сообщал председатель комиссии по чистке ОГИЗа, обнаружилось, что значительная часть бюро и ячейки «находится под влиянием Томского» и

положительно оценивает его работу. Видимо, это была объективная оценка. Поэтому Томский в своем выступлении свел свои ошибки лишь к тому, что он «долго не выступал на общественных собраниях». Лишь после того как комиссия дала «направление прениям», поступили 4 индивидуальные и групповые «мотивированные заявления» с предложением организовать персональную чистку Томского. В этих заявлениях его обвиняли в том, что он «не подверг решительной критике свою продолжавшуюся годами борьбу с партией», «слишком много вредил партии и своим поведением и своей работой не перекрыл вины перед партией»[22]. В дополнение к этому Томскому ставилось в вину, что он во время работы в ОГИЗе «закупал идеологически невыдержанные рукописи» и пропускал «идеологический брак»[23].

В начале июля 1933 г. чистка состоялась. И тогда «от дифирамбов Томскому коммунисты перешли к критике его деятельности»[24]. На «персональной чистке» Томский вел себя более достойно, чем, например, Бухарин и Рыков, и даже пытался защищать А.П. Смирнова, незадолго до этого выведенного из ЦК. В итоге он и другие лидеры «правых» были объявлены успешно прошедшими чистку.

В 1936 г. на процессе по делу о Л.Б. Каменеве, Г.Е. Зиновьеве, Г.Л. Пятакове и других Томскому, Бухарину и Рыкову были предъявлены обвинения в стремлении захватить власть, сместить Сталина, выдвинуть на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б) М.П. Томского. Показания о причастности Томского к деятельности «контрреволюционных центров» обвиняемые стали давать «неожиданно» и будто бы даже не своими словами. Так, Л.Б. Каменев на процессе «Троцкистско-зиновьевского террористического центра» 20 августа 1936 г. заявил: «...Мы рассчитывали на правую группу Рыкова, Бухарина, Томского. Устранение этой группы от руководства и дискредитация ее перед трудящимися выбили из наших рук и этот козырь...»[25]

Сын Томского вспоминает, что прочитав эту газету (Правда. 1936. № 229. 20 авг.), Томский позвонил Ежову (в то время секретарю ЦК ВКП(б) и председателю Комиссии Партийного контроля при ЦК) «и сказал ему: "Если всякую грязь и клевету валят на мою голову, то что же мне делать? Сдавать дела? Видимо, я партии больше не нужен". На что Ежов, по словам отца, ответил: "Не говори глупости, все это ерунда. Работай. Мы тебе верим"»[26].

21 августа в ОГИЗе состоялось партийное собрание, на котором Томского признали врагом народа. Материал этого собрания был опубликован 22 августа в газете: «На собрании вскрывается подлое двурушничество Томского. Как известно, в 1929 г. он вместе с другими лидерами правой оппозиции целиком и полностью признавал линию партии правильной. Сейчас же он заявляет, что в действительности он признавал линию партии лишь в основном.

Томский на собрании старался всячески преуменьшить свою роль в переговорах с Каменевым, Зиновьевым и другими участниками контрреволю-

ционной террористической банды. Однако для собрания стало совершенно ясным предательское поведение Томского. Можно не сомневаться, что Томский и сейчас скрывает о своих связях с участниками блока» (Правда. 1936. № 231. 22 авг.)[27]

Об этих тревожных днях рассказал сын Томского Юрий Михайлович: «Мне в 1936 г. было 15 лет. Все помню. И особенно август, тот жуткий месяц, ставший последним в его жизни. <...> Утром 22 августа за ним, как обычно, пришла машина, и с ней доставлена газета, в которой был опубликован материал о партсобрании в ОГИЗе. Отец прочел и вышел в сад. Потом позвал меня. Мы ходили по саду. Отец говорил. Я не знал тогда, что это было его последнее напутствие мне, младшему сыну. Он говорил, что ни в чем не виновен, что без партии жить не сможет. Этим же утром его не стало»[28].

В кабинете на даче Томский оставил письмо Сталину. В нем он пытался еще раз объясниться. Он вновь каялся, стараясь при этом сохранить достоинство, отмежевывался от Зиновьева и Каменева, говорил, что не состоял ни в каких заговорах против партии, просил не принимать всерьез разговора в 1928 г., просил не верить клевете и не забыть его семью. Томский писал: «Я допустил большую, грубую, принципиальную ошибку, не поняв особенностей данного исторического периода, я не понял задачу партии и ее руководства и фактически оказался в плену у мелкобуржуазных элементов внутри и вне партии. <...> не верь наглой клевете Зиновьева, никогда ни в какие блоки я с ним не входил, никаких заговоров против партии я не делал, я глубоко презираю эту подлую банду! <...>

...Теперь я кончаю это письмо, прочитав постановление суда о привлечении меня к следствию и после вчерашнего заседания парторганизации ОГИЗа.

Я чувствую, что этого я не перенесу, я слишком устал от подобных встрясок, я не могу перенести, когда меня ставят на одну доску с фашистами...

Прошу прощения у партии за старые ошибки, прошу не верить Зиновьеву и Каменеву»[29].

На следующий день «Правда» напечатала сообщение «Из постановления объединенного заседания президиума ВЦСПС совместно с президиумами ЦК союзов и профсоюзным активом Дворца труда от 23 августа 1936 г.: «...Собрание рассматривает самоубийство одного из лидеров правых — Томского, запутавшегося в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами, как средство уклониться от ответственности перед советским судом за совершенное преступление перед партией, правительством, рабочим классом и всей страной и замести следы преступной деятельности своей и своих сообщников...»[30]

По мнению Д.А. Волкогонова, Сталин расценил самоубийство Томского как «подтверждение вины перед партией»[31]. Сталин всегда относил-

ся к М.П. Томскому с недоверием — «участник трех революций, видный профсоюзный работник умел постоять за свою точку зрения»[32], и даже его самоубийство было «крайней формой протеста против единовластия "вождя"»[33].

Взаимоотношения М. Горького и М.П. Томского до настоящего времени отдельно не рассматривались, хотя их знакомство состоялось в 1907 г., а переписка, имеющаяся в *АГ*, продолжалась с 1928, с перерывами, до 1936 г. Известно 12 писем Горького (10 хранятся в *АГ*, 2 — в *РГАСПИ*) и 13 писем Томского.

Горький впервые написал Томскому 16 августа 1921 г. Спасая бедствующую интеллигенцию Петрограда, он обратился к Томскому — председателю Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана — с просьбой о помощи голодающим ученым: «Дорогой т. Томский! Посылая сотрудников "Комиссии по улучшению быта ученых" в Петроград к Вам, в Туркестан, за помощью продовольствием, убедительно прошу Вас содействовать успешному разрешению задачи, возложенной на них. Положение отчаянное. Крупнейшие представители русской науки, люди, имена которых известны всему миру и заслуги высоко оценены, ныне находятся в состоянии голодающих индусов». Заканчивает письмо тепло, по-дружески, с надеждой: «Очень прошу Вас, старый товарищ, помогите! Крепко жму руку»[34].

Публикуемая переписка Горького с Томским относится к периоду издательской работы Томского — в 1931 г. он был назначен председателем ОГИЗа.

Это были трудные годы в книжном — литературном и издательском — деле. В июле 1930 г. ЦК ВКП(б) выпустило постановление «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела». Были образованы крупные типизированные издательства, которые объединялись в единую и практически монопольную организацию — Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) при Наркомпросе РСФСР. Это были учебно-педагогическое (Учпедгиз), социально-экономическое (Соцэкгиз), массово-политическое (Масспартгиз), художественной литературы (ГИХЛ), детское и юношеское (Детюниздат), военное (Воениздат) и другие издательства.

В задачи создававшегося крупнейшего издательского объединения входило планирование, управление и техническое руководство полиграфическими, издательскими, книготорговыми предприятиями; снабжение, финансирование и кредитование; капитальное строительство; подготовка и распределение кадров. Намечалось существенно «улучшить идеологическое качество продукции»[35]. Или, как пишет Томский в письме Горькому от 10 апреля 1932 г.: «Особенно важен вопрос обеспечения более сильного идеологического руководства ОГИЗом, улучшения качественной стороны дела — это насущные вопросы дня» (см. п. 2).

Под общим руководством и контролем ОГИЗа оставались и некоторые пока самостоятельные издательства: «Academia», «Федерация», Центроиздат, Издательство АН СССР и другие. В систему ОГИЗа были переданы отраслевые научно-исследовательские учреждения и учебные заведения. Однако процесс централизации не всегда шел гладко и безболезненно. Многие отраслевые наркоматы стремились сохранить свои издательства, боролись за их самостоятельность. «Меня очень беспокоят те центробежные тенденции, которые сейчас наблюдаются в ОГИЗе, и если дело так пойдет дальше, то ОГИЗ могут растащить на части», — сокрушается его новый председатель (см. п. 2).

Все эти вопросы в сложный период становления новой организации пришлось решать Томскому, никогда прежде издательским делом не занимавшемуся. Поддержка и профессиональные советы Горького были для него очень важны. Томский подошел к новой работе с большой ответственностью и обнаружил критический ум, деловитость и хозяйственность. Он пытался прекратить «междоусобную войну» издательств, боролся за повышение качества, художественного уровня произведений, их тематическое разнообразие.

Оценивая литературу, выпускаемую ГИХЛом, как «слабую и серую», он резко возражал против засилья халтуры, но вместе с тем не вскрывал истинных причин появления бесцветной, но классово выдержанной литературы и безликих журналов. Не соглашаясь с низкой оценкой Томского современной художественной литературы, Горький утверждал, что вопрос самовоспитания литераторов — дело очень трудное. «Таланты — есть, да работешка-то очень сложна!» — отвечает он Томскому 2 декабря 1932 г. (см. п. 9).

Однако их взгляды на принципиальные вопросы совпадают. Горький, например, был вынужден согласиться с Томским, когда тот возмущался нечестностью некоторых молодых авторов: «...а худшие, те просто делают "листы", причем ухитряются их одновременно продавать в 2–3 места!» (см. п. 11).

Горький протестовал и прежде против подобных спекуляций. Так, еще в 1929 г. в «Наших достижениях» он поместил письмо «От Редакции», в котором говорилось: «Редакцией замечено, что в трех случаях авторы, поместив статьи свои в журнале "Наши достижения", одновременно напечатали эти статьи в других изданиях.

В деле торговом одновременная продажа одной и той же вещи покупателям рассматривалась как поступок незаконный и каралась судом. В области литературы, которая прежде всего ставит своей целью честное отношение к людям, продажа рукописи одновременно двум изданиям тоже всегда считалась поступком нечестным.

Хотя редакция "Н.Д." не может в данном случае признать себя ответственной за действия авторов, она все-таки находит для себя обязательным извиниться перед читателями за авторов, — сами они, вероятно, не догадаются сделать это»[36].

Создание и издание томов серий «История Гражданской войны» и «История Фабрик и Заводов» является главной темой ряда писем. Обсуждается вопрос о «формах осуществления издательской деятельности» этих проектов (см. п. 11). Планируется, и по ходу дела более ясно выстраивается осуществление большого замысла: «Я тоже полагаю, что в текущем году нам следует ограничиться изданием только основных томов "Истории Гражд. войны"», — пишет Горький 17 января 1933 г. (см. п. 12). «Редакция проделала большую и сложную работу, не менее ответственная работа предстоит и Издательской части», — сообщает Горький (см. п. 17). «Разумеется, я с удовольствием сделаю все от меня зависящее, чтобы он (первый том «Истории Гражданской войны». — *Ред.*) вышел в желаемый срок и в достойном техническом исполнении», — уверяет Томский (см. п. 18). Горький благодарит Томского за помощь, которую он оказывает секретариату главной редакции «Истории Гражданской войны» и старается заручиться поддержкой на будущее: «Впереди больше десятка томов, которые потребуют много внимания и большой поддержки» (см. п. 22).

Написать историю России Горький задумывал давно. «История Гражданской войны» планировалась как фундаментальный труд, составленный из документов, материалов, документальных очерков, написанных непосредственными участниками событий, переработанных историками, писателями, военачальниками. Серия должна была, по замыслу писателя, быть понятной широким массам, и особенно крестьянству, «ставшему в тот период полем сражения новой гражданской войны»[37]. Должна была объяснить причины и цели классовой борьбы рабочих, помочь «крестьянской массе» избавиться от «окаянного консерватизма», «предрассудков и предубеждений»[38].

30 июля 1931 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории Гражданской войны». Было создано три редакции: главная, историческая и художественная. В *АГ* имеется подробный план 15 томов издания с указанием авторов разделов и сроков работ[39].

Как известно, первый том «Истории Гражданской войны» вышел 23 апреля 1936 г. в очень хорошем полиграфическом и техническом исполнении (см. п. 22 и примеч. 1). И в этом, как мы видим из переписки, была немалая заслуга Томского, старавшегося всячески способствовать изданию. Горький делился с ним планами создания целого научно-исследовательского института, подготовки научных кадров (см. п. 22), надеялся с его помощью финансово укрепить «специальный научный институт по истории Гражданской войны» (см. п. 25). Видел в нем единомышленника.

Вторая книга, подготовленная к печати к июлю 1936 г., увидела свет лишь в 1942 г. Она была дополнена десятками телеграмм Сталина — Ленину, чтобы показать его руководящую роль. Вскоре издание было прекращено, одной из причин этого явилось то, что «Сталин не был заинтересован в объективном освещении истории Гражданской войны»[40].

«История Фабрик и Заводов» столкнулась с такими же трудностями. Авторские коллективы этих изданий после смерти Горького подверглись репрессиям[41].

В переписке отражаются и другие проблемы издательства — производственные вопросы: дефицит и плохое качество бумаги, старое оборудование, кадровые неурядицы. В письме от 22 ноября 1932 г. (см. п. 8) Томский жалуется на нехватку бумаги, из-за которой пришлось сокращать годовой план. В январе 1933 г. Томский беседовал со Сталиным о тяжелом кризисе в издательском деле, просил средств на обновление полиграфической базы. Об этом он сообщал в письме Горькому от 27 октября 1934 г. (см. п. 19). Сталин поручил Л. Кагановичу поддержать заявки ОГИЗа, повторил свое распоряжение А. Жданову. Вопрос был передан в комиссию Н. Ежова. Наконец после обращения к Молотову Томский получил необходимые лимиты на капитальное строительство, но сделать ничего не удалось из-за отсутствия строительных материалов. К этому же письму Томский прилагает «Справку по вопросу об отставании полиграфбазы и о мерах ее усиления» и просит Горького «при удобном случае и в любой удобной для Вас форме» поддержать его усилия и привлечь внимание высших чиновников к катастрофическому положению большинства типографий.

12 февраля 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановление об учебниках для начальной и средней школы. Наркомпросу и ОГИЗу поручалось к 15 июля этого же года подготовить и издать 77 названий стабильных учебников, рассчитанных на многолетнее использование, общим тиражом более 45 млн. экземпляров. Персональная ответственность за выполнение партийного приказа возлагалась на народного комиссара просвещения РСФСР А.С. Бубнова и М.П. Томского. «Сегодня на 3–4 дня уезжаю в Ленинград для осмотра предприятий по работе над учебником», — пишет Томский Горькому 19 марта 1933 г. (см. п. 15). Задание было выполнено, учебники, хотя и не всегда хорошего качества, были изданы в срок, но это стоило огромного напряжения производственных и человеческих сил.

Большой интерес представляют письма, в которых обсуждаются издаваемые книги. В (п. 5) от 13 мая 1932 г. Горький рекомендует издать книги французского писателя-революционера Ж. Валлеса, уточняет, что «они требуют хорошего предисловия». В письме от 22 ноября 1932 г. Томский, жалуясь на «слабую и серую» литературу, издаваемую ГИХЛом, все-таки отмечает книги В.К. Арсеньева и Ч. Диккенса, вышедшие в «Молодой Гвардии» «в недурном оформлении» (см. п. 8 и примеч. 6 и 7).

Горький живо откликается на заботы Томского о содержательной стороне выпускаемой литературы, рекомендует к изданию конкретные книги: Кестнера «Фабиан: история одного моралиста» и Б. Шоу «Чернокожая девушка в поисках Бога» (п. 10). Обе они вышли в 1933 г. в ГИХЛе, последняя с

предисловием А.В. Луначарского. Как видим, практические советы Горького порой направляли деятельность издательства.

Обсуждая (в письме от 17 января 1933 г.) «Историю Гражданской войны», Горький перечисляет книги, которые, по его мнению, должны войти в библиографический указатель к основным томам. Это «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Горькая линия» И.П. Шухова, «Чапаев» Д.А. Фурманова, «Два мира» В.Я. Зазубрина. И уточняет, что таким образом «Госиздат получит возможность <...> всегда иметь перед глазами книги, достойные повторных изданий» (см. п. 12).

Продолжая выступать в роли литературного консультанта, всегда интересуясь книжными новинками, Горький из Сорренто посылает изданную в Иркутске книжку П. Петрова «Саяны шумят» (с письмом от 16 февраля 1933 г.). В ответном письме Томский упоминает своего «рецензента по детской литературе», тоже хвалившего «Саяны шумят», младшего сына 12-ти лет (письмо Томского от 19 марта 1933 г.). С радостью сообщает писателю о завершающейся успешной работе художника И.И. Голикова над иллюстрациями «Слова о полку Игореве». «Слово» вышло в издательстве «Academia» в 1934 г. Все эти книги имеются в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 1674–1676, 1683, 1521, 1613, 963, 1330–1332, 3420, 4977*).

В письмах обсуждается возможность издания книг за рубежом. Горький даже высылает проект договора, который предлагается английской книгоиздательской фирмой, восхищается качеством берлинских изданий, думает возобновить «издание наиболее удачных книг <...> в Германии» (п. 12) с помощью акционерного общества «Международная книга». Но в конце концов, по словам Томского, «дело замерзло» (п. 11).

В письме от 20 февраля 1933 г. Горький просит Томского оказать помощь ученому, физику А.В. Цингеру — автору «Задачника по физике» и других ценных, в тот момент незаслуженно забытых, работ. И хотя Томский вынужден отказать, помощь ученому, благодаря хлопотам Горького, оказывают, посылают деньги. 12 мая 1934 г. Томский отправляет Горькому телеграмму-соболезнование по поводу смерти сына Максима. Иногда в письмах Томский проговаривается о плохом самочувствии — «так устаю, что боюсь идти на народ» (см. п. 11); «здорово устаю, читаю мало, больше старое» (см. п. 15). Все это вносит нотки человечности в преимущественно деловую переписку.

Доброе личное отношение Горького к Томскому наглядно демонстрируется в одном из его писем. Прежде, чем приступить к обсуждению текущих дел, Горький пишет: «Дорогой Михаил Павлович — сердечно благодарю за поздравление. От того, что оно "запоздало", его товарищеское значение и сила, разумеется, не утрачены. Оценка Вами работы моей — очень дорога для меня, это — оценка рабочего и революционера, каких не так уж много и — к сожалению — становится все меньше. Крепко жму Вашу руку» (п. 9).

Переписка М. Горького и М.П. Томского представляет собой интересный документ истории, она содержит ценные сведения о работе Государственного издательства в трудные годы его становления. Она также проливает свет на характер и взгляды М.П. Томского, обнаруживает сходства и расхождения между двумя корреспондентами. Публикация их двусторонней переписки важна еще и потому, что одним из огульных обвинений в адрес Томского было то, что он во время работы в ОГИЗе «закупал идеологически невыдержанные рукописи» и пропускал «идеологический брак».

Общение двух по-своему преданных революции, любящих родину, ярких и сильных деятельных личностей, критически оценивающих ситуацию в СССР, приходится на последний период их жизни. Смерть М. Горького 18 июня 1936 г. будто бы открыла шлюзы, и страну захлестнула волна массовых репрессий. Авторитетные революционеры, большевики-ленинцы, само присутствие которых хоть как-то сдерживало начавшийся террор, планомерно уничтожаются Сталиным. Судьба и смерть М.П. Томского тому яркое подтверждение. Культурное строительство и книгоиздательское дело, за которое оба болели душой, и для развития которого старались делать все возможное, оказались обезглавлены и в дальнейшем так сильно никого уже не волновали.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. об этом: *Руднев Д.* Возвращение Михаила Томского // Коммунист Эстонии. 1989. № 1. С. 96–103.

[2] *Шкапа И.С.* Работа над очерком «В.И. Ленин» // Архив И.С. Шкапы, хранящийся в *КМГ* (НВФ – 5884/3 24 № 5в. С. 2).

[3] *Ревякина И.А.* «...Смешно видеть себя причиной "драки"...» (Из переписки М. Горького с А. Богдановым 1903–1909 г.) // *Неизданная переписка.* С. 26.

[4] *Носач В.И.* Трагический выстрел в Болшеве. О жизни и деятельности Михаила Томского // Клио: Журнал для ученых. 2003. № 3 (22). С. 209.

[5] Там же. С. 209.

[6] Там же.

[7] *Троцкий Л.* Портреты революционеров. Вермонт, 1988. С. 228.

[8] *Томский М.П.* Статьи и речи. Кн. 3. М., 1927; *Томский М.П.* Избранные статьи и речи. 1917–1927. М., 1928.

[9] См.: *Носач В.И.* Указ. соч. С. 213: «Многие его идеи становления и развития профдвижения страны и сегодня весьма актуальны. Его теоретическое наследие – это сплав теории и практики деятельности профсоюзов. Переход к рыночной экономике требует настойчивого и кропотливого изучения исторического опыта борьбы российских профсоюзов за социальные и трудовые права трудящихся».

[10] *Томский М.* Очерки профессионального движения в России. М., 1925.

[11] *Томский М.* Профессиональные союзы на новых путях // Избранные статьи и речи. М., 1928. С. 148.

[12] *Томский М.* Статьи и речи. 1917–1925. М., 1927. С. 80.

[13] Там же. С. 94.

[14] Там же. С. 92.

[15] *Томский М.* Узловые вопросы профдвижения. М., 1928.

[16] Михаил Томский: Воспоминания. Статьи. Документы. М.: РГГУ, 2001. С. 120.

[17] *Роговин В.З.* Власть и оппозиция. М., 1993. С. 92.

[18] Михаил Томский: Воспоминания. М.: РГГУ, 2001. С. 159.

[19] Заявление т.т. Томского, Бухарина и Рыкова // Правда. 1929. № 276. 26 нояб.

[20] *Роговин В.З.* Указ. соч. С. 137.

[21] *Горелов О.И.* Цугцванг Михаила Томского. М.: РОССПЭН, 2000. С. 227.

[22] «...Пусть каждый отвечает за себя» (Материалы партийной чистки М.П. Томского в 1933 г.) // Кентавр. 1992. № 5–6. Май-июнь. С. 111.

[23] Там же. С. 111.

[24] *Носач В.И.* Указ. соч. С. 211.

[25] «...Пусть каждый отвечает за себя» (Материалы партийной чистки М.П. Томского в 1933 г.) // Кентавр. 1992. № 5–6. Май-июнь. С. 228.

[26] Там же. С. 231.

[27] Там же. С. 230.

[28] Там же. С. 231.

[29] Предсмертное письмо М.П. Томского И.В. Сталину. 22 августа 1936 г. // Михаил Томский: Воспоминания. Статьи. Документы. М.: РГГУ, 2001. С. 130–131.

[30] *Горелов О.И.* Указ. соч. С. 230–231.

[31] *Волкогонов Д.А.* Сталин. Политический портрет: В 2 кн. Кн. 1. М.: Новости, 1991. – Гл. 2. Предостережение вождя. С. 127.

[32] Там же. С. 126.

[33] Там же. С. 127.

[34] *Горький. Письма.* Т. 13. С. 226–227.

[35] *Горелов О.И.* Указ. соч. С. 221.

[36] *Горький М.* От Редакции // Наши достижения. 1929. № 2. С. 154.

[37] *Спиридонова Л.А.* М. Горький: диалог с историей. М., 1994. С. 261.

[38] Там же.

[39] См. об этом подробно в кн.: *Спиридонова Л.А.* М. Горький: диалог с историей. С. 261–266.

[40] Там же. С. 266.

[41] Там же. С. 273. Подробно: С. 266–276.

1. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
30 марта 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович,
примите мое горячее поздравление[1]. От души желаю здоровья, бодрости. С дружеским приветом.

М. Томский

2. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
10 апреля 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович,
как Вы знаете, я назначен зав. ОГИЗа[1], в работах которого Вы принимаете столь близкое, непосредственное участие[2].

Сижу в ОГИЗе уже четыре дня, а разобраться хоть сколько-нибудь сносно в столь большом и сложном деле нужно затратить много труда и времени. Как Вы знаете, в издательском деле я не искушен[3], — до сих пор был лишь читателем и потому больше, чем кто-либо другой нуждаюсь во всемерной поддержке со стороны опытных в этом деле товарищей, лишь при этом условии я смогу сколько-нибудь сносно справиться с порученным мне делом.

Поэтому моей первой просьбой к Вам будет просьба о всемерной помощи советом и поддержкой и, в первую очередь, Вашим непосредственным, активным участием в работах ОГИЗа. Мне передавали, что в мае Вы будете здесь[4]. Если это так, то я полагаю, что Ваш приезд поможет разрешить целый ряд вопросов, стоящих перед ОГИЗом и наметить основные вехи дальнейшей работы. Если же Ваш приезд Вами почему-либо будет отодвинут, я убедительно прошу Вас черкнуть хотя бы очень кратко Ваше мнение о постановке работы в ОГИЗе. Особенно важен вопрос обеспечения более сильного идеологического руководства ОГИЗом, улучшения качественной стороны дела — это насущные вопросы дня.

Меня очень беспокоят те центробежные тенденции[5], которые сейчас наблюдаются в ОГИЗе, и если дело так пойдет дальше, то ОГИЗ могут растащить на части и в результате жизнь подведет к необходимости создания какой-нибудь «Главпечати».

Как я уже Вам сообщал телеграммой, вопрос о выделении трех журналов[6] я отложил до Вашего приезда — мне это не ясно, и я думаю, что его следовало бы разрешить в связи с общей обстановкой и положением ОГИЗа.

Еще раз повторяю, что в дело вхожу медленно, и т. Халатов[7] при всем желании, не мог за две-три беседы передать мне свой долголетний опыт. Я надеюсь, что Вы, Алексей Максимович, не откажете мне в Вашей товарищеской поддержке, в том трудном деле, которое поручила мне партия и которое я знаю так плохо, а Вы так хорошо.

Крепко жму руку, с горячим дружеским приветом,

Ваш *М. Томский*

Москва
10 апреля 1932 года

3. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
11 апреля 1932, Москва

Три дня как вступил в исполнение обязанностей Зав. ОГИЗ[1], еще не вошел в дело, [поэтому] вопрос о переходе журналов «СССР на стройке»[2], «Наши достижения»[3], «За рубежом»[4] издательству «Огонек»[5] откладываю до Вашего приезда. В СССР [при] личном свидании договоримся.

Томский

4. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
4 мая 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю В<ам> рукописи грузинского писателя[1], которым интересуется т. Енукидзе[2]. Этот писатель принадлежит к правому крылу грузинских литературных течений — так он сам сказал мне. Обременяю Вас потому, что Петр Петрович[3] предложил мне это — если Вам это неинтересно, отошлите мне обратно и посоветуйте, кому дать это посмотреть.

Л. Бор<исович> Каменев назначен[4], приказ я подписал, полезно было бы Вам поговорить с ним, я с ним уже беседовал. Может быть, Вы вызовете его? Если хотите, то я могу принять участие в этом разговоре, но можно и без меня, так как я с ним еще буду беседовать. На днях хочу сделать набег[5], но предварительно уведомлю Вас и договорюсь с Петром Петровичем.

С горячим приветом Вам,
М. Томский

5. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ
13 мая 1932, Москва

Дорогой Михаил Павлович —

позвольте обратить внимание Ваше на прилагаемое предложение некоего Ал. Манизера[1].

Книги Жюля Валлес[2] по характеру своему не могут войти в «Историю» того «молодого человека XIX столетия», коему посвящена серия книг, издаваемая «Огоньком»[3]; эта серия изображает интеллектуально пресыщенного и раздушенного бесплодным критицизмом индивидуалиста буржуазной среды, безвольного «лишнего человека».

Ж. Валлес изображает революционера, коммунара, т.е. его самого. Издать эти книги нам следовало бы для нашей молодежи. Само собою разумеется, что они требуют хорошего предисловия[4].

Крепко жму руку, желаю доброго здоровья.

А. Пешков

13.V.32

6. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
19 мая 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Прилагаю при сем записку Науч<но>-Иссл<едовательского> Института о стандартах размеров[1]. Работа идет, установлены сроки ее окончания. Тормозится это дело борьбой, которая ведется вокруг стандарта бумаги — а это решающий фактор для всей дальнейшей работы по стандартизации издательского дела.

С ком<мунистическим> приветом,

М. Томский

7. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
24 сентября 1932, Нальчик

Дорогой Алексей Максимович,

сегодня, когда вся страна подводит итог четырем десятилетиям Вашего прекрасного творчества и служения рабочему классу[1], примите и мое искреннее дружеское поздравление. Мало кому выпала на долю столь богатая по результатам жизнь и столь заслуженный юбилей. Желаю Вам еще много лет трудиться, волноваться и гореть на грандиозной стройке бесклассового общества то с кистью худож-

ника, то с молотком каменщика в руках. Жалею, что не могу лично пожать Вам руку[2].

Михаил Томский

8. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
22 ноября 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Я знаю, что запоздалое поздравление — вроде веера зимой; знаю, что проигравшим, побежденным и опоздавшим нет извинений ни при каких обстоятельствах, и тем не менее прошу В<ас> извинить меня, что моя поздравительная телеграмма из Нальчика, где я отдыхал, не была Вам доставлена. Я потребовал производства следствия, выяснили виновную — ищи женщину[1]! — но мне от этого не легче, что кого-то накажут. И все-таки я еще раз поздравляю Вас и крепко жму руку. Роковую телеграмму, которая, несмотря на содействие Нальчинского ГПУ — они отправляли — не могла до Вас дойти при сем — хотя бы для архива — прилагаю.

Очень сожалею, что до Вашего отъезда[2] не пришлось повидаться, тем более, что сейчас у нашего брата издателя — дела тугие! Бумаги катастрофически мало. Пересмотренный и сокращенный в августе план снабжения бумагой еще раз сократили — и не раз — уже в порядке выполнения. Таким образом — был утвержден первоначальный план 1840 милл<ионов> листов оттисков [кругло], а реально будет к концу года 1100–1200 милл<ионов> лист<ов> отт<исков>. А т.к. главная масса бумаги была брошена на учебники + сельскохоз<яйственная> литература + периодика, в итоге все издательства в состоянии тяжелого производственного и финансового кризиса. Тяжело ударило это по ГИХЛу и Молодой Гвардии[3]. Хуже этого то, что перспективы на 1933 г. по бумаге, а следов<ательно> и по издательству, печальны и будет немногим лучше (на 10–15%) реального выполнения этого года. А что при нашем положении 10%? Ведь количество учебн<ых> заведений, учащихся и общ<ественных> культурных запросов возрастает несравненно сильнее, ведь выпуск учебников нельзя сократить. Военная литература, сельскохозяйств<енная> и т.д. и тому подобное! Я буду драться хотя бы за старый план, порядка 1800 м<иллионов>, но шансов на получение мало.

Дело ГИХЛа так же, как было в августе — нет главного редактора, дефицит и т.д. Литература, выпускаемая в последнее время ГИХЛом по некоторым изданиям недурно оформлена, но в своем большинстве слабая и серая («Писатели Октябрю»[4] и т.д.). Со Щедриным все так

же[5] — кто-то редактирует, тратятся деньги, но никто не утвержден, и кто за что будет отвечать — неизвестно. Есть кое-какие сдвиги в «Молодой Гвардии»: вышел в недурном оформлении Арсеньев[6], Диккенс[7]... но, говоря современным стилем — это явно недостаточно, т<ем> б<олее>, что в литер<атуре> для младш<его> возраста улучшений не видно. Редплан понемногу разворачивает работу — плохо с людьми.

Академия без хозяина[8] — меня немного беспокоит. Правда ли, что В<ы> считаете, якобы не следует форсировать назначение зава? Черкните Ваши соображения, ибо я в меру возможностей буду торопить назначение нового завед<ующего>. Хотя кандидатуры неясны — и здесь важно Ваше мнение, ибо у самого меня кандидатов нет. Называют все старые имена: Луначарский, Семашко и т.д. Из новых имен называли Янсона[9], бывшего директора Аркоса — вообще человек культурный, очень скромный, симпатичный, работал раньше по издат<ельскому> делу, но насколько он сведущ в литературе — не знаю. Кандидатура Луначарского несерьезна, ибо он болен, Ник<олай> Алекс<андрович> Семашко очень хорошо работает по Медицинской Энциклопедии, но, пожалуй, у него очень велик размах для такого финансово и хозяйственно скромного дела, как Академия, а работа по четвертому совместительству[10] — мало продуктивна. Пожалуйста, черкните хоть пару слов по этому вопросу. Еще один вопрос, по которому важно знать Ваше мнение, это о формах организации изд<а>ния Истор<ии> Фаб<рик> и Завод<ов> и Ист<ории> Гр<ажданской> войны[11]. Однажды мы уже беседовали об этом, и я Вам сообщал, что я не возражаю против любой формы, как будто Вы обещали подумать, а я уехал в отпуск. Теперь нужно окончательно решать этот вопрос, ибо порядок требует установления какого-то учета всяких средств, установления плана, ответственности и т.п. Мы обсуждали этот вопрос и пришли к необходимости создания специального небольшого издательства, ибо возложить это на какое-либо другое изд<ательст>во чрезвычайно затруднительно, т.к. трения и взаимные обвинения между изд<ательст>вом и редакциями — были бы обеспечены на все 100%! Были предложения организовать два самостоятельные изд<ательст>ва, т.к., по-видимому, эти два родственных — по отцу братских изд<ательст>ва не очень уж любят друг друга. Но это было бы слишком. Редакции останутся самостоятельными, внутри могут быть два изд<ательских> сектора, учет и т.д., но юридически и организ<ационно> это должно быть одно изд<ательст>во. Кто возглавит? Вот это и вопрос. У меня пока никого не имеется в виду — если у Вас есть кандидатуры — давайте их. Какое Ваше мне-

ние по всему этому вопросу? Мы ничего непоправимого пока не сделали, вопрос будет согласовываться со всеми, всеми — и Ваше мнение необходимо и имеет решающий характер. Если Вам чего-нибудь неясно — спросите, я объясню. Еще пару слов об Академии. Я опасаюсь, что новый человек, если он очень инициативный, придя в Академию, начнет все делать заново, а это опасно, т.к. план Каменева хорош[12], а испортить дело так легко!

В общем, я ходом дел недоволен. Хорошего у меня в ОГИЗе мало. Завязалась склока в головке, в которую механически втягивается аппарат. Дисциплине это не способствует — ведь склока это та мутная вода, в которой так легко скрываться бездельникам, а если их бьют, они кричат, что страдают за идею и пр<очие> очень почтенные вещи.

Возвратившись из отпуска, просмотрел всю выпущенную за это время литературу — такая серятина, такая бесцветность! Интересных, абсолютно полезных, необходимых, нужных книг — очень мало. Все остальное очень важно с формальной точ<ки> зрения и жалко по существу! В отдельности можно, пожалуй, защитить каждую книгу — но, ведь, защитить-то и вора можно — пожалуй, можно даже доказать, что такая книга нужна и необходима, но все вместе — грустное зрелище! Как они сделаны! Содержание благочестивое, но давать читать можно их только неисправимым грешникам — изложение скучное, нудное, неряшливое, какое-то вязкое...

Выводы? Можно иметь хорошие намерения и прекрасную тематику, но это еще никак не обеспечивает хорошей книги. Борьба с этим трудная борьба. Все остальное сравнительно легко. Халтура и снисходительное отношение к ней есть величайшее зло на культурном фронте в целом, а не только в книгоиздательстве. Профессора — занимаются в пяти местах, массовые брошюры в одну ночь пишут, а то просто клеят и т.д. и т.п. Но это большая тема, а мое письмо и так чрезвычайно затянулось, как московская осень... Живем пока без снега, хотя уже морозы, а это знаете, как неприятно.

Если черкнете пару строк — буду благодарен.

Привет.

М. Томский

22/XI 32 г.
Москва

9. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ
2 декабря 1932, Сорренто

Дорогой Михаил Павлович —

сердечно благодарю за поздравление[1]. От того, что оно «запоздало», его товарищеское значение и сила, разумеется, не утрачены. Оценка Вами работы моей — очень дорога для меня, это — оценка рабочего и революционера, каких не так уж много и — к сожалению — становится все меньше. Крепко жму Вашу руку.

О делах. Когда я говорил с Иосифом Виссарионовичем об «Академии»[2], он, помнится, сам назвал Семашко и Курского Д.И. На днях я ему напомнил об этом, так что, наверное, вопрос будет решен тоже на днях.

О формах организации издания: «Гражданской войны» и «Истории Ф<абрик> и З<аводов>»[3] я затрудняюсь говорить определенно, будучи полнейшим невеждой в делах организационно-хозяйственных. По логике — так сказать — внешнего соотношения вещей было бы, наверное, правильным, чтоб «Ист<орию> Гр<аждан ской> войны» издавал «Воениздат». Но по соображениям внутреннего порядка и единства я — за единое издательство, как это решено Вами. А — кто возглавит его? Вот это для меня вопрос гораздо более трудный, чем для Вас, ибо я не знаю людей. Янсон, названный Вами, как зам- Каменева — не годится? Мне кажется, что издательство это будет не очень маленьким, ибо — опять-таки в целях единства — в нем должно быть сосредоточено все, что сами рабочие напишут о прошлой жизни фабрик и заводов в форме романов и мемуаров, по линии «Гражд<анской> войны» то же самое. По обеим линиям наблюдается, что рабочие авторы — не профессиональные литераторы, а «люди одной книги» — не вмещаются в рамки опубликованных программ, и что их сочинения могут явиться хорошим иллюстрационным материалом к обеим историям. По вопросам этого порядка мы много беседовали с П.П. Крючковым, и я очень прошу Вас тоже поговорить с ним.

Грустные Ваши мысли о современной литературе — знакомы и мне, но я более оптимистически настроен. Я хорошо помню, с каким трудом самовоспитывались литераторы-демократы 90-х годов, а ведь условия их самовоспитания были неизмеримо легче условий современных. Это, прежде всего, потому, что демократы того времени идеологически продолжали «гуманитарную» работу дворянской литературы и критическую литер<атур>ы «разночинцев». Сейчас необходимо освоение совершенно новой, в основах и деталях своих новой идеологии, но — к сожалению — почти не разработанной в примене-

нии к искусству. А — затем — материал очень труден! Труден он своей внешней простотой и внутренним напряжением. Таланты — есть, да работешка-то очень сложна!

Крепко жму руку Вашу, дорогой товарищ.

2.XII.32 *А. Пешков*

10. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ

3 декабря 1932, Сорренто

Посылаю Вам, Михаил Павлович, проект договора, который предлагается ГИЗу английской книгоиздательской фирмой[1].

Лично мне думается, что заключить такой договор было бы весьма важно и вполне своевременно, ибо английское студенчество и широкий слой служащей интеллигенции желает быть осведомленным о жизни Союза из первоисточников. О серьезности этого желания свидетельствует такой факт: летом студенты Оксфорда организовали митинг, собравший 25 тысяч человек. Митинг был организован для доклада о Союзе. Докладывал некий человек, проживший у нас 6 месяцев, доклад был «положительного» характера, но, разумеется, не очень политграмотен и даже анекдотичен, как говорит мне лицо, присутствовавшее на этом митинге[2]. Я думаю, что нам давно следует правильно поставить информацию о наших делах не только в Англии, но вообще в Европе, и что могли бы мы сделать это неплохо, если б привлекли к работе грамотных и «сочувствующих» беспартийных. Такие найдутся: в Англии, Франции и, конечно, в Германии, нашли бы и в С.Ш.С.А.[3]

Весьма рекомендуются для ознакомления с настроением: книга Джона Стрэчи «Грядущая борьба за власть»[4] и статья Гарольда Ласки в «Foreign Affairs»[5] за октябрь. Статью посылаю, книгу пришлю позднее.

Затем: Кестнер — немец — написал, говорят, замечательный роман — «Фабиан»[6], его вышлет Вам Тер[7].

И, наконец; — очень рекомендуется книга о неграх, кажется, первая книга такого типа[8].

В заключенье — желаю Вам доброго здоровья.

А. Пешков

3.12.32

11. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
29 декабря 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Я очень извиняюсь, что не мог сразу ответить на Ваше письмо — задержал меня перевод проекта договора с Хетчиксоном*[1], ибо я по-английски не читаю, а мой аппарат переводит очень медленно. Как я выяснил, этот проект уже обсуждался Хетчиксоном с Межд<ународной> Книгой[2] и явился результатом этого обсуждения. Они договорились во всем, кроме цифр отчислений в нашу пользу и... дело замерзло. Я говорил на эту тему с т. Ионовым[3], он считает, что в цифрах можно будет договориться. Мы решили в ближайшие дни созвать зав. издательствами и договориться с ними. Как я предвижу, они сперва будут возражать, ибо речь ведь идет о том, что новинки должны быть вперед напечатаны у Хетч<инсона>, а потом уже у нас. Конечно, это «потом» можно довести до пары дней. Аналогичное предложение мы получили из Америки. И в том, и в другом случае речь идет, главн<ым> обр<азом>, о художественной литературе.

С Петром Петр<овичем>[4] я виделся два раза, причем вопрос о формах осуществления издательской деятельности Истории Фаб<рик> и Зав<одов> и Ист<ории> Граж<данской> Войны как будто окончательно разрешили только вчера[5]. Сперва против нашего решения о создании единого изд<ательст>ва возражали в ЦК, находя, что вообще еще издавать нечего, а посему ненадобно и издательство. Вчера у меня были Минц[6], Крючков и Авербах[7] и все-таки пришли к необходимости создать одно издательство, на что я получил принципиальное согласие из Культпропа[8]. Дальше буду двигать сам. Через три дня Минц даст мне проект предложения. Вчера же у меня Авербах и Крючков в полном согласии выдвинули кандидатуру т. Минца. Решили, что людей им не надо, специального большого аппарата создавать не будут, а выделят людей 3–4 из аппаратов редакций, что сейчас, на первых порах, очень важно. Счетно-финансовые операции им будет производить аппарат ОГИЗа. Хуже с бумагой[9] — приходится и их резать. Ист<орию> Гражд<анской> Войны с 11,5 мил<лионов> л<истов> от<тисков> до 6,5 и Ист<орию> Ф<абрик> и Заводов с 13,5 до 8,5. Крючков не спорил, понимая трудность положения, а Аверб<ах> очень упирался, но примирился. Что им печатать? Здесь важно Ваше мнение, и я очень прошу Вас написать об этом пару слов. Дело в том, что при сокращенном снабжении бумагой надо решить,

---

* Так в *А*. Правильно — Хетчинсон. — *Ред.*

будут ли они печатать Историю в узком смысле этого слова или, кроме этого, и монографии, воспоминания и т.п., о чем Вы писали в прошлом письме. Речь идет, конечно, не вообще, а конкретно об этом, 1933 годе. Если и то, и др<угое>, то в какой пропорции. Есть настроения, чтобы в этом году ограничиться только историей, т.е. офиц<иальным> планом предусмотренными томами. Против этого, как мне кажется, не возражает и Петр Петрович. Я тоже за это, ибо я боюсь, что иначе дело может пойти по линии наименьшего сопротивления, и вместо единого, цельного — получится много дробного и незаконченного. Решить это надлежит, лишь зная Ваше мнение, ибо я рассматриваю — исходя из недостатка бумаги — монографии и воспоминания как конкурентов с Историей, хотя идеологически и художественно они должны быть дополнением.

Книгу Кестнера «Фабиан» — получил и сегодня послал в ГИХЛ[10], вместе с ней послал и новую книгу Шоу — Приключения черной девушки в поисках бога[11]. Эту книгу очень хвалят, она прекрасно и просто оформлена. Б. Шоу очень интересуется, издадим ли мы ее. Но у ГИХЛа дела бархатные! Бумаги мало, портфель большой, и из отпущенных им на 1-й квартал 17 милл<ионов> они, за вычетом лимита Ленинграду, принуждены разделить почти пополам между периодикой и книгой. Я уже беседовал с Вами на тему о наших период<ических> журналах, особенно литературно-художественных[12] — они не имеют своего лица, т.е., вернее, у них одинаковое лицо, поэтому как-то странно, зачем же их так много, не лучше ли бы было, если бы 1–2 хорошо поставить и дать солидный тираж? Ну, это, конечно, вопрос немалый, он тянет за собой другой вопрос — зачем иметь 5 издательств худож<ественной> литературы, а не 2? (Моск<овское> — Ленинг<радское>). Сейчас чахнет ГИХЛ, на котором лежат государственные задачи — школьная литература и др<угие> поручения — не процветает и «Федерация» и Ленинг<радских> пис<ателей>[13], но конкуренция, очень своеобразная, идет — кто больше даст гонорар автору. Все бегут в «Федерацию», которая скрывает от меня размеры гонораров, но, по-видимому, «хорошо» платит. Гонорары в журналах перевалили за 1200 р. лист, и говорят, за «Скутаревского»[14] платят 1500 р. лист. Сейчас этим делом заинтересовался СНК СССР — создана комиссия. Не отстает и редактура, и средней руки редактора в моих из<дательства>х зарабатывают 1200 руб. и более в месяц. Все перекрывается повышением номинала, который растет как снежный ком. У себя в ОГИЗе я борюсь с этим, и план 1933 г. сверстан, оставив номинал текущего года, хотя бумага вздорожала на 25%, и гонорар вырос, другие из<дательства> гонят номинал вверх.

Не могу не сказать несколько слов по затронутому в прошлом письме[15] вопросу о качестве нашей литературы, что дало Вам повод причислить меня к пессимистам. Разумеется, я с этим не могу согласиться, да и Вы не станете на этом особо настаивать. Не в том дело, сможет ли наша литература справиться со стоящими перед ней задачами — литература самого передового класса, несомненно, создаст новые невиданно высокие художественные произведения радости творчества и борьбы за счастье миллионов. И не в том дело, что она уже идет вперед, что она не хуже, а лучше литературы буржуазной и, может, самое лучшее, и, во всяком случае, самое свежее и доброе во всей современной мировой литературе. Дело в том, что она недостаточно хороша для нашего времени, она не поспевает за ростом рабочего, она еще сюсюкает... Молодые авторы торопятся, «загибают» идеологию — как раньше загибали по психологии — не работая над формой, над всем тем, что оправдывает существование худож<ественной> литературы и делает ее необходимой для каждого читающего человека. Отсюда страшная похожесть одного автора на другого. Если Вы начнете бегло перелистывать наш какой-либо художественный журнал — может создаться впечатление, что это цельное произведение, написанное одним автором. Их много и порой зря били, их задергивали и заушали — но это не принесло им пользы. Посмотришь и думается — не по тому месту людей били...

Все это в той или другой степени применимо даже к лучшим, а худшие, те просто делают «листы», причем ухитряются их одновременно продавать в 2–3 места! Не лучше обстоит дело в других областях литературы, особенно т<ак> н<азываемой> «массовой». В большинстве случаев это бездарное и невнятное изложение очень ясных и очень хороших резолюций.

Что же делать? Конечно, одних надо воспитывать и терпеливо разъяснять, других колотить, третьих заставить заняться более свойственным для них делом. Работы для молодого Союза Пис<ателей> — непочатый край, только... тут, похоже, что одним словом «некогда»... Ох, да простит мне почетный председатель[16], но работают они не очень энергично и не очень систематично. Многое должна сделать критика, но... здесь ведь тоже нужно здорово работать. Однако эта тема очень обширна, не по мне она, да и надоел я Вам, вероятно, здорово!

Собираюсь на Егора Булычева[17] — публика здорово хвалит, но так устаю, что боюсь идти на народ — толкотня, толпа, шум...

Ну, всего лучшего, будьте здоровы, из письма уловили, вероятно, что очень Вас здесь не хватает...

Крепко жму руку.

Михаил Томский

29/XII 32.

P.S. Говорил по телефону с П<етром> П<етровичем>[18], он говорит, что отпущенной бумаги хватит им и на Ист<ори>и[19], и на кое-что из монографий и т.п.

М.Т.

12. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ

17 января 1933, Сорренто

Дорогой Михаил Павлович, —

я тоже полагаю, что в текущем году нам следует ограничиться изданием только основных томов «Истории гражд<анской> войны»[1], а торопиться с выпуском на рынок иллюстрационного-беллетристического и мемуарного — материала я не вижу причин. Тем более не вижу, что ведь уже издано весьма много такого материала, и это — мне кажется — обязывает редакцию «Истории Г.В.» дать к каждому из основных томов библиографический указатель, куда должны войти и такие книги, как «Тихий Дон» Шолохова, «Хождения* по мукам» Толстого, «Горькая линия» Шухова, «Чапаев» Фурманова, «Два мира» Зазубрина и т.д.

Этим приемом мы не только поможем читателю найти ценные художественные произведения на тему о Гражданской войне, но Госиздат получит возможность, — отсеяв прочь шелуху, — всегда иметь пред глазами книги, достойные повторных изданий.

По поводу предложения иностранцев издавать нашу художественную литературу — я бы предложил возобновить издание наиболее удачных книг этого ряда в Германии[2] как это в свое время делал по предложению Л.Б. Красина — И.П. Ладыжников[3], а теперь мог бы делать зав<едующий> «Международной книгой» в Берлине Тер-Григорьян[4]. Издание книги в Германии на русском языке сохраняет за автором книги его права для всей Европы и Америки. Подробности и выгоды этой операции Вам могут рассказать Крючков и Ладыжников.

То, что Вы сообщаете о конкуренции издательств, о вздувании гонораров — мне известно, я нахожу, что это явление поразительно глупое, мягко говоря. Вы совершенно правильно намекаете, что уничтожить идиотизм этот можно только путем централизации однотипных

---

* Так в *А.* Правильно — «Хождение по мукам». — *Ред.*

издательств под крышей Госиздата. Дело, конечно, трудное, но когда-нибудь его придется сделать, дабы пресечь рост анархии. Книжный голод у нас, кажется, все растет[5]? Оргкомитет[6]? А он — существует? Со стороны почетного председателя вопрос этот звучит иронически, но «почетному» ничего не известно о работе Оргкомитета.

Будьте здоровы, дорогой товарищ!

А. Пешков

17.I.33.

13. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ

16 февраля 1933, Сорренто

Дорогой Михаил Павлович!

Посылаю Вам изданную в Иркутске книжку Петрова «Саяны шумят»[1], мне кажется, что она достаточно хорошо написана, а потому ее будут читать дети старшего возраста с интересом и большой пользой для них. Если же верен слух, что детская литература переходит из ГИХЛа в «Молодую гвардию»[2], — будьте добры пересунуть эту книжку «гвардейцу» Троицкому[3].

Затем: если договор между Хетчинсоном и «Международной книгой» будет подписан[4], то наши книги, посылаемые для издания Хетчинсону, могут попасть для предварительной их оценки издателем в руки соотечественников наших, но настроенных против нас или недоброжелательно или же враждебно. Поэтому я очень предлагаю Вам посылать книги Марии Будберг по адресу: 3, Willoughby str. London W.C.I.

Марию Будберг я знаю тринадцать лет и за правильность оценок ее совершенно ручаюсь.

Прилагаю письмо Людвига Берндл[5], переводчика Толстого, он просит о присылке ему материалов для перевода (полного собрания сочинений Л.Н. Толстого) до их опубликования у нас.

Книг Москва не посылает мне, и я решительно ничего не знаю, что делается в издательском мире и даже не уверен: издаются ли книги? Вот до чего дошло. Письма из Москвы ко мне в этом году путешествуют 10 дней, а мои в Москву — еще медленнее. Это весьма плохо действует на нервы.

Будьте здоровы, дорогой товарищ,

А. Пешков

16.II.33.

14. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ
20 февраля 1933, Сорренто

Дорогой Михаил Павлович,

простите, что снова тревожу Вас. Прилагая копию письма великомученика профессора Цингера[1] т. А.С. Бубнову[2] — очень Вас прошу: сделайте, со своей стороны, все, что можно для того, чтобы больному выслали денег. Я бы послал, да у меня тоже нет. А Цингер вполне заслуживает внимания и помощи. Ценный работник и хороший человек[3].

Крепко жму руку.

А. Пешков

20.II.33.

15. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
19 марта 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Я очень извиняюсь, что долго не отвечал на Ваши письма, но для этого, конечно, можно привести тысячу причин, хотя я все-таки чувствую себя виноватым. Я старался смягчить свою вину, сообщая о делах Петру Петровичу[1], хотя это — говоря современным стилем — «явно недостаточно». Я хворал гриппом с неприятными последствиями, а т.к. болезнь бьет по самому слабому звену организма[2], то в результате получилось тяжелое нервное состояние. Дела также не веселят — с бумагой из рук вон скверно. Взяли план в 1 миллиард лист. оттисков (в прошлом взяли 1800 милл. и выполнили 1–1100 милл). 52% всей бумаги пойдет на разные учебники и I и II кварталы издательства дышат на ладан — хоть вешай замок. Учебников для начальной и средней школы (по НКПр) делаем согласно постановлению ЦК ЦКП-б[3] — постановление правильное и очень ценное — 45 милл. экз. против 23 милл. прошлого года, из них 40 милл. хотим дать и, я уверен, дадим в переплетах, хотя и есть шероховатости и неизбежные прорывы, но думаю, что заказ выполним к сроку и неплохо. Отвечаю, по В<ашим> предложениям:

1) «Саяны шумят» — книга хорошая, мне ее до получения от Вас совета[4] хвалил мой рецензент по детской литературе, мой сынишка (12 лет), Ваш совет я выполню и Мол<одой> Гвард<ии> рекомендую ее, но сейчас я ничего им не могу рекомендовать, ибо у всех изд<ательств> распухшие портфели, плохие финансы и почти нет бумаги. Пришлось как правило запретить заключать до нач<ала>

II полугодия заключать* новые договора. Кроме того в Молодой Гвард<ии> смена правительства[5] — Троицкий ушел, новый т. Резенко, выдвинутый комсомолом, еще формально не утвержден...

2) О Хетчиксоне[6]. Туда поехал договариваться Ионов от им. Меж<дународной> Книги. О Марии Будберг[7] — я ему рекомендовал с ней переговорить и установить контакт. Оговариваюсь, что Меж<дународная> Книга мне не подчинена.

3) О Люд<виге> Берндл[8]. Здесь ничего, по-видимому, не выйдет. В этом году вряд ли выйдет больше 3 томов, а мы решили гнать вперед художеств<енные> произведения — на рынке нельзя достать, а спрос большой — а записки и дневники подождать. Поэтому его предложение в текущем году не актуально (т.е. Л. Берндл).

4) Письмо Цвингера[9] на меня произвело впечатление, но я помочь ничем не могу. Мы его не печатаем, и все финансовые отношения с ним покончены. С Бубн<овым> я говорил, он сказал, что лично писал Вам[10] — вряд ли и он что-либо может делать. Вообще с валютой у меня положение таково, что мои лимиты не обеспечивают выполнение самых насущных обязательств. Это целиком относится и к Минскому[11]. Его перевод в Академии не пойдет, ибо все за старый перевод Гнедича[12]. Издать же его в ГИХЛе — не выйдет, бумаги нет.

Пару слов об Академии[13]. Заведующий еще не назначен. Гершензона[14] сняли. Временно исполняющим обязанности назначен Накоряков[15] — боюсь, что там дело разваливается. Одна надежда, приедете в мае, дело можно будет наладить. Вашего приезда я ожидаю с нетерпением — очень много накопилось дел и очень нужна ваша помощь.

Хочется порадовать Вас. Голиков[16] заканчивает работу над досками по иллюстрации «Слова о полку Игореве»[17]. У себя в артели он поругался, приехал в Москву. Я его устроил в Доме отдыха ОГИЗа в Переделкино. Работает там уже с месяц с 6 ч. утра до 11–12 ночи. Он очень доволен, обстановка такая, что выпить нельзя. Получается нечто изумительное! Вчера его видел мой сын — Голик<ов> надеется кончить к 25-му, очень волнуется, то ли, дескать, дает, что надо — это настоящий артист, истинный художник. Хочется ему иллюстрировать былины — «Эх! Какого бы коня Илье Муромцу можно было закатить», — говорит. Кое-что из былин следовало бы издать. В Мол<одой> Гвардии делается Робинзон с иллюстр<ациями> Кордовского[18] — великолепны, Доре[19] побит. Хорошо издали Энеиду и Сельские поэмы Вергилия[20]. Однако Академ<ия> затевает многие ненужные переиздания — велел Накоряк<ову> смотреть в оба.

---

* Так в *А.*

В ГИХЛе из нового ничего интересного нет, хорошее оформление старого. Сегодня на 3–4 дня уезжаю в Ленинград для осмотра предприятий по работе над учебником[21]. Пока из мира издат<ельского> — все.

Здорово устаю, читаю мало, больше старое.

Поправляйтесь, набирайтесь сил, желаю всего лучшего, крепко жму руку.

С горячим приветом,

Мих. Томский

19/III 33 г.
Москва

16. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
12 мая 1934, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Руководство и сотрудники ОГИЗа выражают свое глубокое соболезнование и сочувствие по поводу понесенной Вами тяжелой утраты[1].

От души желаем Вам бодрости, крепости.

Михаил Томский

Двенадцатого мая.

17. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ
11 июля 1934, Москва

ОГИЗ
тов. Томскому. —

Уважаемый Михаил Павлович!

1-й том гражданской войны готов[1]. Редакция проделала большую и сложную работу, не менее ответственная работа предстоит и Издательской части. Я прошу Вас взять шефство над изданием 1-го тома, чтобы это издание было достойно и той героической эпохи, о которой рассказано в книге, и уровня наших современных темпов и качества.

Привет.

М. Горький

11/VII 34

18. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
16 июля 1934, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

13/VII получил Вашу записочку об издании 1 тома Гражданской Войны[1]. Разумеется, я с удовольствием сделаю все от меня зависящее, чтобы он вышел в желаемый срок и в достойном техническом исполнении. Однако, считаю долгом уведомить Вас о тех затруднениях которые уже видны сейчас.

1) Не хватает 3–4 рисунков, и еще неизвестно, кто их сделает[2]; 2) опасаюсь задержки гранок и верстоk в редакции — в этом деле без Вашей помощи не обойтись; как мне передали, Вы хотите, чтобы книга была выпущена к ноябрю — это возможно, полиграфию я обеспечу, качество обеспечу возможно лучшее, но надо, чтобы последний рисунок был дан не позже 15 августа. Я бы не сказал, что от переплета я в восторге, лучше бы без блеска, примерно матового серо-стального цвета. Но сделаем так, как утвердили[3].

Пишу Вам это потому, что, как Вы знаете, издание книги состоит из тысяч мелочей, которые решают все.

Я не видел Вас около года. Много раз звонил Петру Петровичу[4] — очень много дел, по которым бы следовало получить Ваш совет, но, по-видимому, это как-то не выходит... Очевидно, мешает Ваша перегруженность. Я не допускаю мысли, что Вы разлюбили или потеряли интерес к издательскому делу, а потому, — не могу удержаться, чтобы не сообщить Вам, что в этом году мы, как и в прошлом, к установленному сроку 22 сего месяца дадим начальной и средней школе 38 ½ милл. учебников и примерно 27–28 с<его> месяца закончим отгрузку их на места.

Жалко, что плохое качество отпускаемой в этом году бумаги не дало возможность добиться лучшего качества, но в общем, хуже не будет. А ведь за последний год у меня отобрали две типографии!

От души желаю Вам всего лучшего.

С горячим приветом,

М. Томский

19. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
27 октября 1934, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Ввиду того, что мне так и не удалось лично побеседовать с Вами, беспокою Вас настоящим письмом, ибо вопрос, который меня наи-

более сейчас беспокоит, по существу является не ведомственным ОГИЗовским вопросом, а есть вопрос о дальнейших перспективах всего издательского дела в СССР, а, следовательно, и всей культуры. Если за последние годы и на ближайший 1935 г. лимитом издательской деятельности является бумага, как в смысле количественном, так и качественном, то в ближайшие годы и уже теперь, особенно в 35 году узким местом является книжно-журнальная полиграфия. Наша полиграфия перегружена до отказа. Полиграфия ОГИЗа, несмотря на то, что за последние 1 ½ года у меня отобрали 2 очень недурных предприятия[1], тем не менее, является ведущей в книжно-журнальном деле. Памятуя, что «скромность паче гордости»[2], — я должен сказать, что многое за последние 2 года удалось сделать на тех старых шарманках, которые являются полиграфоборудованием ведущей книжно-журнальной полиграфической базы. Многое сделано и в смысле поднятия производительности труда, увеличения валового выпуска, общей культуры книги и особенно в увеличении продукции переплетов. Техническая культура книги выросла, как Вы, вероятно, по собственному наблюдению видите это изо дня в день, и в то же время выросла явно недостаточно. Средний возраст наших печатных машин, как по высокой, так и по красочной печати, равняется 35-ти годам, между тем, как в Европе максимальный возраст — 10 лет, после чего машины считаются морально изношенными. 2 последних года машины работают в 2–3–4 смены, а некоторые работают непрерывную неделю, металл отдыхает только во время приправки.

Помимо издательств ОГИЗа Полиграфбаза должна обслуживать и «Партиздат», и «Академию», выделенный из ОГИЗа ГИХЛ, «Молодую Гвардию»[3] и т.д., ибо податься им некуда. На 1935 г. от 30 до 40% заявок издательств на печать останутся не покрытыми.

Еще больший прорыв по красочной базе. Наша отсталость от Европы в области технологии, особенно по красочной базе, прямо потрясающа, и это тогда, когда на основных, более трудных и сложных хозяйственных и культурных фронтах нашего строительства мы не только догнали, но и перегнали Европу и Америку, а в области полиграфии, технической базы и культуры мы продолжаем отставать.

В январе прошлого года я имел краткую беседу на эту тему с тов. СТАЛИНЫМ. Мои заявки были очень скромны. Он согласился со мною целиком и тогда же поручил тов. КАГАНОВИЧУ[4] поддержать мои заявки. Они сводились в основном к отпуску 4 ½ милн. рублей лимитов на капитальное строительство, — не денег, деньги есть, а право их расходовать — и импорта на 500 тыс. рб. самых необходимых машин, которые, во-первых, увеличили бы уже в 1935 г. мощ-

ность наших предприятий на 300–400 млн. листов-оттисков (а это не шутка) и послужили бы образцом для нашего чрезвычайно отсталого полиграфмашиностроения, которое, к слову сказать, в 1935 г. своей продукцией не покрывает даже амортизации. Через 3–4 м<еся>ца т. СТАЛИН повторил свое распоряжение т. ЖДАНОВУ[5]. Впоследствии этот вопрос, как и вопрос об организации полиграфии в целом, был передан в Комиссию т. ЕЖОВА[6], но болезнь вырвала т. ЕЖОВА на несколько месяцев из строя и дело до сих пор на точке замерзания. Правда, после беседы с тов. МОЛОТОВЫМ[7] я получил лимиты на капитальное строительство, но за отсутствием строительных материалов и в связи с запрещением в Москве надстроек и расширения существующих предприятий — дело сдвинулось очень плохо. А что касается лимитов на импорт, то вопрос о них был передан в советском порядке и где-то застрял между валютной Комиссией[8] и Наркомвнешторгом[9]. По имеющимся у меня сведениям, вместо испрашиваемых 500 тыс. рб. валюты Наркомвнешторг намерен отпустить что-то не то 44, не то 140 тыс. рб., что, конечно, ни в какой степени сколько-нибудь значительно не сможет увеличить нашу пропускную способность. У нас есть 3 недурных завода полиграфмашиностроения — Макса Гельца в Ленинграде, т. Ягоды в Рыбинске и Саратовский з<аво>д[10]. Однако, это дело находится в Наркомтяжпроме[11] на 20-м месте. Заводы загружаются посторонней экстренной продукцией и дают жалкие крохи в сравнении с тем, что нужно.

Сегодня я еще раз пишу записку тов. МОЛОТОВУ и ЕЖОВУ. Я прекрасно понимаю, что люди перегружены очень большими, важными вопросами, которые в данный момент, сегодня, сейчас, являются, может быть, важнее вопросов полиграфии, но положение становится абсолютно нетерпимым, и если сейчас мы не предпримем в этом отношении ничего серьезного, то будущий 1935 г., особенно к концу, и 1936 г. грозят срывом работ.

Если прибавить к этому, что за последние годы, благодаря тому, что полиграфия была на последнем месте, мы растеряли кадры квалифицированных рабочих, что новые рабочие учатся на металлиста, электрика и шофера, но не хотят идти в плохо оплачиваемую полиграфию, отдельные профессии в которой требуют длительной выучки, что у нас нет настоящих, квалифицированных инженеров от полиграфии и что даже мне на старости лет, уже около 25-ти лет не работавшему по своей специальности, приходится быть в ряду специалистов по полиграфии, — то все это Вам покажет то тяжелое положение, в котором находится наша полиграфическая промышленность.

Если Вы прибавите к этому, что у полиграфии нет хозяина, который бы заботился о ее развитии и процветании, что нечто подобное, существовавшее в Наркомлегпроме[12] упразднено, а вместо него ничего не создано, что необходимыми материальными «мелочами» (химикалии, камни, металлы и т.д. и т.п.) мы снабжаемся явно недостаточно и отвратительного качества, то картина для Вас будет ясна, хотя и не полна.

Каков смысл этой записки к Вам? Я очень просил бы Вас, чтобы Вы, со своей стороны, насколько это возможно, при удобном случае и в любой удобной для Вас форме поддержали мои усилия в этом направлении[13], так как промедление грозит очень тяжелыми последствиями. Есть много проектов и «прожектов» о создании сверхмощных полиграфкомбинатов, но нет нигде и ни у кого одного плана развития нашей полиграфии, ее географического размещения, перспектив и т.д. Ведь всем этим пора заняться. Каждый пытается разрешить вопрос только для себя и только на сегодняшний день, и, конечно, не разрешают.

При относительно незначительных вложениях и небольшом импорте порядка 2 млн. рубл., уделив необходимое внимание этому делу и создав соответствующую хозяйственную организацию, я уверен, мы смогли бы это дело поставить не хуже, как и другие отрасли нашей промышленности.

Об издательских новостях не пишу, т.к. Петр Петрович[14] здесь в курсе дела и сообщит вам все необходимое.

Работать тяжело и трудно, но претендовать на легкие условия в наше время было бы неприлично. Очень извиняюсь за то, что докучаю просьбами, но делаю это потому, что уверен, что это дело для Вас не безразлично.

От души желаю здоровья и всего лучшего.

С горячим приветом,

М. Томский

27/ X 34 г.

20. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ

Декабрь 1934 — январь 1935, Москва (?)

Дорогой Михаил Павлович!

Я вынужден снова обратиться к Вам с большой просьбой. По заданию Главной редакции «Истории заводов» мы обязаны выпустить к съезду книжку о метро[1]. Работа велась чрезвычайно спешно и уже закончена, но у нас нет совершенно бумаги. Выбросить на съезд Со-

ветов 5 000 экземпляров — и только — значит, по существу, сорвать работу. Редакция наметила тираж для «Истории метро» — 100 тысяч экземпляров[2].

Очень прошу Вас отпустить нужное нам количество бумаги. История лучшего и наиболее быстро построенного метро заслуживает того, чтобы ее читали сотни тысяч читателей.

Всего доброго. Крепко жму руку.

Главная редакция

М. Горький

21. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ

21 января 1935, Москва

Тов. Томскому

Дорогой Михаил Павлович!

Вы уже немало уделили внимания работе над «Историей Гражданской войны»[1]. Это дает мне право надеяться, что Вы нам поможете еще в одном большом вопросе.

Вы видели наш 1-й том. Он, безусловно, удался. Мы объясняем удачу нашего начинания, главным образом, хорошо поставленной научной работой. И в дальнейшем мы предполагаем научную подготовку материалов углубить и расширить. Именно с этой целью Главная редакция приравняла аппарат Секретариата редакции к научно-исследовательским учреждениям[2].

К сожалению, практика ОГИЗа не позволяет нам идти дальше. Нас приравняли к издательству, и все наши требования подгоняют под издательские нормы. Так, в предстоящем 1935 г. нам отпускают 20 млн. оттисков бумаги, т.е. на один только первый том и все штаты и редакционные затраты подгоняют под эти 20 млн. оттисков. Это неверно. Не говоря уже о том, что нам дали мало бумаги, что не отпущено ни одной страницы, ни одного листа на работу «Истории заводов», но мы не можем прекратить свою научно-подготовительную работу по II, III и друг. томам[3]. Мы не можем приостановить подбор материалов, опрос и запись воспоминаний многих тысяч активных участников. Нам нужно послать несколько экспедиций по следам рейда Блюхера, по путям I-ой Конной[4], по районам действий партизан и красных повстанцев. Для этого нужны люди и средства.

Вопрос о бумаге мы поставим перед тем органом, который дал задание создать «Историю Гражданской войны» и «Историю заводов»[5],

а к Вам от имени Главной редакции обращаюсь с большой просьбой: поскольку аппараты обоих редакций включены в Вашу систему, создайте им все необходимые условия для глубокой и широкой научно-исследовательской работы.

Прошу организовать небольшое совещание, где заслушать доклад т. Минца[6].

Всего доброго. Большой привет.

Член Главной редакции
«Истории Гражданской войны»

М. Горький

22. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ

8 декабря 1935, Тессели

М.П. Томскому

Дорогой Михаил Павлович.

Т.т. КРЮЧКОВ и МИНЦ рассказали о той помощи, которую Вы оказываете Секретариату Главной редакции «Истории гражданской войны»[1]. Ваше содействие тем более ценно, что работа только начата. Впереди больше десятка томов, которые потребуют много внимания и большой поддержки.

Пользуясь случаем, прошу продлить Ваше содействие еще на одну область. Иосиф Виссарионович[2] предложил нам создать целый Научно-исследовательский Институт[3] для разработки вопросов Истории гражданской войны. Кое-что уже сделано в этой области. Мы вырастили в аппарате Секретариата 7 научных сотрудников, получивших звание кандидатов исторических наук. Сейчас мы создали при Историко-философском институте аспирантскую группу из 10 сотрудников «Истории гражданской войны» — на их обучение нужны деньги. Нужно также наладить изучение иностранных языков. Всего для этой цели потребуется 45 тысяч рублей. Очень прошу, выделите их из средств на подготовку кадров ОГИЗа[4].

Большое спасибо. Жму руку.

М. Горький

8/XII 35

23. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ
22 декабря 1935, Тессели

Уважаемый Михаил Павлович!

Книги по «Истории Заводов»[1] не обеспечены бумагой. Это вынуждает меня обратиться к Вам с просьбой помочь нам. ОГИЗ вместо 400 тонн отпустил лишь 240 тонн.

При этом отпущенная бумага — до того низкого качества, что печатать на ней книги, как Вы сами могли убедиться по книге Метро[2], невозможно.

Редакцией «История Заводов» сданы в производство несколько весьма ценных книг[3], но при существующем порядке снабжения бумагой, выпуск их надолго задержится.

Прошу Вас дать распоряжение о том, чтобы было сделано все необходимое для бесперебойной работы «Истории Заводов»[4].

Крепко жму руку, желаю доброго здоровья.

М. Горький.

22/XII 35

24. М.П. ТОМСКИЙ — ГОРЬКОМУ
25 декабря 1935, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

В дополнение к посланному письму[1] отвечаю В<ам> по вопросу о бумаге. В<аше> желание по мере возможности постараемся удовлетворить, однако у ОГИЗа в этом даже весьма ограниченные возможности. В отношении количества, то кроме ИГВ[2] большой прирост получают энцикл<опедии>, словари, учебники для вузов и техникумов — все это нужно печатать на глазированной бумаге, между тем ОГИЗ получает ее до смешного малое количество. В первую очередь глазирован<ная> и вообще хорошая бумага идет Детгизу[3], Гослитиздату[4], Партиздату[5] и уже что останется — ОГИЗу. Вообще же приличной бумаги делают мало. Некоторые из моих изд<ательст>в получают не более 10% сносной бумаги.

25/XII 35 г.

25. ГОРЬКИЙ — М.П. ТОМСКОМУ
16 мая 1936, Москва

Москва

ОГИЗ т. Томскому

Дорогой Михаил Павлович!

Мне т. Минц рассказал о той большой помощи, которую Вы оказали нам в издании 1-го тома истории Гражданской войны[1]. Ваше отношение позволяет мне надеяться, что Вы поможете и в других просьбах Главной Редакции. Сейчас у нас две просьбы:

1. Я просил т. Сулимова[2] выдать 100 т. рублей на премирование типографий и издательства. Нужно как-то отметить работу. Впервые в стране издана такая хорошая книга, притом в таком огромном тираже.

2. Иосиф Виссарионович[3] поручил секретариату Главной Редакции создать специальный научный институт по истории Гражданской войны[4]. Такой институт создан. Подобраны люди, неплохо работают, но, к сожалению, работники сейчас разбегаются, им слишком мало платят. Научные сотрудники уходят в учителя, где платят вдвое-втрое больше. У меня опасение, что созданный с таким трудом институт расползется. Я просил бы Вас установить, в виде исключения, такие ставки научным сотрудникам, чтобы они не уходили в другое место или не искали дополнительной работы:

Руководителям групп от 800 р. до 1000 /имеющим научные звания выше/

Редакторам консультантам от 500 до 700 /в зависимости от квалификации/

Научным работникам от 350 до 500 р.

Кроме того, я полностью поддерживаю предложение наших производственников о повышении ставок.

Зав. произв. отделом — 800

Гл. бухгалтеру — 800

Зам. гл. бухгалтера — 550

Руководителю планово-экономическим отделом — 500

Помогите нам укрепить институт, делающий, как мы убедились все, крайне нужное и важное дело.

Жму руку. Заранее большое спасибо.

Главная Редакция

М. Горький

16.V. 36 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по тексту телеграфного бланка (*АГ*), впервые.

[1] 28 марта — день рождения Горького, поздравление с 60-летием.

2.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

[1] Объединенное государственное издательство, заведующим которого М.П. Томский был назначен в 1931 г. Из-за болезни он смог приступить к работе только в начале апреля 1932 г.

[2] В это время Горький, по свидетельству современников, «принимает активное участие в организационной работе государственного издательства художественной литературы» (*Накоряков Н.Н.* Встречи и связи с А.М. Горьким с 1907 по 1936 г. // *АГ.* МоГ-10-13-2). Он участвует в обсуждении пятилетнего плана издательства, в составлении коллективной докладной записки «О детской литературе», представленной в Совет Народных Комиссаров, о необходимости создания специализированного издательства детской литературы в системе ОГИЗа, вникает в издания отдельных авторов.

[3] Томский с 1918 г. возглавлял советские профсоюзы. В мае 1929 г. II пленум ВЦСПС снял Томского с должности председателя ВЦСПС. Затем его назначили руководителем Всесоюзного объединения химической промышленности и заместителем председателя ВСНХ. В 1930 г. его сняли с поста заместителя председателя ВСНХ.

[4] Горький приехал из Сорренто в Москву 25 апреля (см.: *ЛЖТ. 4.* С. 197).

[5] См. вступит. статью.

[6] Эти журналы перечислены в следующем 3-м письме.

[7] Халатов Артемий (Аташес) Багратович (Багирович) (1896–1938). В 1927–1932 гг. член правления Госиздата и ОГИЗа, первый директор ОГИЗа. Переписывался с Горьким в 1923–1935 гг.

3.

Печатается по тексту телеграфного бланка, латинским шрифтом (*АГ*), впервые.

[1] См. п. 2 и примеч.

[2] «СССР на стройке» (1930–1941, впоследствии «Советский Союз») — журнал фотодокументов, возникший по инициативе и при активном участии Горького. Журнал выходил ежемесячно на русском, немецком, английском и французском языках. В редакционной статье первого номера говорилось: «Журнал ставит себе задачей систематическое отображение динамики нашего строительства посредством светописи» (СССР на стройке. 1930. № 1. С. 2). Он представлял собой новый, ранее не известный

тип журнала, в его создании принимали участие выдающиеся художники, фотографы и писатели 1930–1940-х годов. Издание изначально ориентировалось на самые разные группы читателей — от советских колхозников до владельцев иностранных банков — и должно было создавать положительное впечатление от происходящих в Советском Союзе экономических и социальных преобразований, в первую очередь, индустриализации. Журнал пропагандировал строительство нового общества в СССР и создавал у иностранных читателей идеализированную картину жизни в СССР. Среди подписчиков журнала были Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Джон Голсуорси, Ромен Роллан и другие представители левой западной интеллигенции. По свидетельству Эдмунда Уилсона, даже такие убежденные антикоммунисты, как Сидней Хук, поддавались гипнозу «фотографий тракторов и гидроэлектростанций».

Художественное оформление журнала было выполнено в стиле конструктивизма. Журнал издавался на ротографюрном печатном станке в формате 42 на 29 сантиметров. Отдельные издания оформлялись с бóльшим изыском. Так номер, посвященный XVII съезду ВКП(б), был завернут в кусок ткани стратостата «СССР-1», который установил новый мировой рекорд высоты полета в 19 км. В 1934 г. к выпуску журнала была приложена грампластинка. Выпуск журнала, посвященный самолету Туполева АНТ-20 «Максим Горький», имел обложку из алюминиевой фольги. В 1936 г. вышел номер, посвященный Грузии, в оформлении которого использовалось сусальное золото.

Горький являлся членом редколлегии журнала, в первый состав которой входили М.Е. Кольцов, Ф.М. Конар, А.Б. Халатов, С.Б. Урицкий. Ответственным редактором журнала был Г. Пятаков. Тираж журнала был 25.000 — 60.000 экземпляров.

[3] «Наши достижения» (1929–1936), советский журнал художественного очерка, основанный и редактировавшийся М. Горьким. Выходил в Москве вначале как двухмесячное, а затем ежемесячное издание; всего вышло 95 номеров. «Наши достижения», по замыслу Горького, должны были показывать «положительные результаты нашего труда», «давать психологические толчки к творчеству во всех областях работы», повышать энергию строителей социализма. К участию в журнале был привлечен широкий круг писателей, деятелей науки и культуры. Среди них были начинающие авторы — К.А. Гудок-Еремеев, известные литераторы — И. Катаев, М. Пришвин, К. Паустовский и ученые — А.Е. Ферсман, С.Ф. Ольденбург, Н.К. Кольцов и другие.

С художественными произведениями («По Союзу Советов», «Рассказы о героях»), публицистическими статьями («О "маленьких" людях и о великой их работе», «Об умниках», «О солитере» и др.) в журнале выступал Горький.

Географическая карта на обложке журнала подчеркивала панорамность изображения, закономерную связь каждого из очерков с жизнью страны. Журнал вел читателя в лаборатории ученых, на строительство Днепрогэса, в мастерские художников-палешан. В «Наших достижениях» были напечатаны сотни статей, очерков, хроникальных заметок, посвященных различным областям науки, техники, экономики, индустриального и колхозного строительства, литературе, искусству, культуре, быту.

Оригинальны тематические номера, посвященные сельскохозяйственной науке (1930. № 6), советским изобретателям (1932. № 2), новой Москве (1932. № 7). Публиковались зарисовки и рассказы писателей советских национальных республик. В журнале ставились вопросы развития советского очерка и журналистики, велись дискуссии о факте и вымысле, о журнале и творческой среде. Возникший в годы влияния РАПП и групповой борьбы, журнал практически объединял литературные силы, осуществлял тесную связь литературы с новой социалистической действительностью. Для многих писателей «Наши достижения» явились школой очерка.

В его редколлегию входили видные журналисты, общественные деятели и ученые: А.З. Гольцман, С.И. Канатчиков, П.М. Керженцев, М.Е. Кольцов, Н.К. Кольцов, А.В. Луначарский, А.И. Свидерский, С.Б. Урицкий, А.Б. Халатов, И.С. Шкапа, О.Ю. Шмидт, Я.А. Яковлев и другие.

[4] «За рубежом» (1930–1938), специальный массовый журнал, созданный по предложению Горького. Такой журнал должен был знакомить советского читателя с современным буржуазным миром в живой форме памфлета, очерка, фельетона, сатирического обозрения, специальной хроники. Наряду с политическими событиями, журналу надлежало показать читателю «духовную жизнь» западного мира и освещать быт буржуазии, объясняя «скрытую в нем политику».

Благодаря энергии Горького и его товарищей по редколлегии, к журналу были привлечены известные советские и иностранные литераторы, художники, публицисты — Е.М. Ярославский, Д. Заславский, М. Кольцов, Л. Никулин, Л. Кассиль, Р. Роллан, А. Барбюс, И. Бехер, Д. Джерманетто, М. Андерсен-Нексе, А. Курелла, Анна Зегерс.

Горький был одним из активных авторов журнала, что способствовало популярности издания среди советских и зарубежных читателей. С ноября 1932 г. «За рубежом» стал выходить под редакцией М. Горького и М. Кольцова три раза в месяц. Он приобрел вид газеты-журнала, и это ускорило выход его выпусков и теснее сблизило с насущными вопросами международной жизни.

По отзывам читателей и прессы того времени, журнал «За рубежом» был боевым политическим агитатором и информатором международных отношений и классовой борьбы во всем мире.

[5] В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. был образован крупный издательский комбинат — Журнально-газетное объединение (сокращенно его называли Жургаз), из бывшего издательства «Огонек». Это было издательство массовой периодики и литературы, здесь и выпускался журнал «За рубежом». Оно существовало до 1938 г.

4.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Речь идет о Михаиле Джавахишвили, рукопись которого — рассказ «Мусуси» — имеется в *АГ* (РАв-пГ-52-9-1). О нем говорится и в докладе Малакия Торо-

шелидзе о грузинской литературе на Первом съезде советских писателей. Он назван крупным прозаиком. В своей ранней повести он высмеивал новую деревню, но впоследствии другие его новеллы и роман «Арсен из Марабды» доказали, «как успешно у нас протекает идейно-творческое перевооружение лучших кадров старой интеллигенции» (*АГ*. КГ-Сд-Пк-1-95-1). В *ЛБГ* имеются книги М. Джавахишвили (наст. фам. Адамашвили): Арсен из Марабды. М.: Сов. лит., 1933. (*ОЛБГ. 913*); Арсен из Марабды. М.: Журн.-газ. объединение, 1936. (*ОЛБГ. 914*) и Ламбало и Коша. М.; Л.: Госиздат, 1927 (*ОЛБГ. 8222*) с дарственной надписью.

[2] Енукидзе Авель Сафронович (1877–1937), советский революционный и политический деятель. В 1922–1935 гг. являлся председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами. В 1932 г. был первым секретарем ЦИК СССР. Был обвинен в измене родине и шпионаже. В 1937 г. арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

[3] Крючков П.П. — секретарь Горького.

[4] В 1932 г. Каменев был назначен руководителем издательства Academia, которое как «Отдел» вошло в структуру ОГИЗа. (См. его переписку с Горьким, подготовленную Л.А. Спиридоновой и Л.Н. Смирновой в кн.: *Неизданная переписка*. С. 228–275 и *Горький в зеркале эпохи*. С. 530–617.)

[5] В *ЛЖТ* Томский не упоминается, но они, несомненно, встречались. Так, известно, например, что 7 мая Горький участвовал в заседании, организованном ЦК ВКП(б) в связи с перестройкой литературно-художественных организаций, на котором не мог не присутствовать Томский.

5.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Манизер Алексей Генрихович, переводчик с французского. В его переводе вышли: *Вильом М.* В дни Коммуны: записки очевидца. Л.: Прибой, 1926; *Д'Эспарбес Ж.* Лики революции. Рассказы // Звезда. 1924. № 1.

[2] Жюль Валлес (1832–1885) — французский писатель и политический деятель; революционер. В 1851 г. сражался на баррикадах за республику. Переживания той поры выразил в произведениях: «Деньги» (1857), «Воскресный день бедного молодого человека» (1860), «Отщепенцы» (1865), «Улица» (1866), трилогия: «Дитя» (1879), «Бакалавр» (1881), «Инсургент» (1885). В 1871 г. и с 1883 г. издавал революционную газету «Le Cri du peuple».

[3] Эта серия анонсировалась «Огоньком» во втором номере за 1932 г.: «В 1932 году подписчики журналов "Огонек" и "Рост" получат приложением 24 иллюстрированных книги произведений мировой художественной литературы. Под редакцией и со вступительной статьей М. Горького "История молодого человека XIX столетия"» (Огонек. 1932. № 2 (425). 20 янв. С. 17). В мае сообщалось, что уже «вышли из печати и разосланы подписчикам: Шатобриан и Констан "Рэнэ" и "Адольф"; Стендаль "Красное и

черное"; Мюссе "Исповедь сына века"; Лермонтов "Герой нашего времени"» (Огонек. 1932. № 13 (437). 10 мая. С. 15). Там же говорилось, что в состав библиотеки войдут произведения: Фосколо, Шатобриана, Валера, Бальзака, Гете, Сенкевича, Бурже, Бульвер-Литтона, Тургенева, Помяловского, Слепцова.

[4] В *ЛБГ* имеются книги Ж. Валлеса: Голод в Бюзансе; Отщепенцы / Пер. с фр. П.С. Нейман. М.; Л.: Academia, 1936 (*ОЛБГ. 4743*); Детство / Пер. с фр. П.С. Нейман. М.; Л.: Academia, 1936 (*ОЛБГ. 4744*) и Юность: Воспоминания бедного студента / Пер. с фр. П.С. Нейман. М.:Л.: Academia, 1934 (*ОЛБГ. 4745*). Указано, что все они изданы под общей редакцией А.М. Эфроса. Редакция, вступительная статья и примечания Б.В. Гимельфарба.

6.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

К письму прилагается письмо т. Томскому на бланке НИИ ОГИЗа из Научно-исследовательского института полиграфической и издательской промышленности, подписанное директором института Н.Н. Накоряковым от 16 мая 1932 г.

[1] В записке говорится: «Сообщаем, что работы по стандартизации проводились в НИИ ОГИЗа в следующем порядке:

1) В первую очередь НИИ ОГИЗа были разработаны, исходя из требований потребительских (гигиеническая длина строки, удобные в пользовании пропорции и пр.) и техно-экономических (установка на реконструкцию полиграф<ической> и бум<ажной> базы союза наиболее мощными новыми машинами и максимальное использование наличного оборудования), стандарты форматов бумаги, а именно:

1) Стандарт формата культурных сортов бумаги, 2) стандарт применения различных долей этих форматов по типам продукции и 3) связанный с первыми двумя стандарт форматов наборов. Стандарты эти были внесены в ВКС в мае 1931 г. и утверждены как временные 20/VI 31 г., но опубликование их было приостановлено в связи с опротестованием их в НК РКИ.

2) Параллельно с этими стандартами НИИ ОГИЗа производил разработку применения по типам продукции остальных элементов оформления книги и журнала, а именно: 1) шрифтов (временный стандарт разработан и утвержден ВКС 20/VI 31 г., перспективный будет закончен к 1/VII 32 г.), 2) сортов и плотностей бумаги (к 1/VII 32 г.), 3) брошюровки и переплета (к 1/IX 32 г.) и пр. Стандарты эти в значительной степени связаны с предложениями ОГИЗа и Союзбумаги по форматам.

3) Наконец, на вторую половину 1932 г. НИИ ОГИЗа намечена разработка пяти синтетических стандартов, определяющих все элементы оформления по 5 актуальным типам продукции — учебной книге (к 15/VII), журналу (к 15/VII), научно-технической книге (к 1/VIII), массово-политической книге (к 1/X) и плакату (к 1/XII). Подготовительные работы (обследования и проч.) по этим стандартам уже начаты, при-

чем в части размерной они также ориентируются на форматы бумаг, предложенные ОГИЗом и Союзбумагой.

4) Обоснования работ, указанных в п. 1 Вам переданы в конце апреля. Материалы по п.п. 2 и 3 будут передаваться по мере их разработки.

Директор института: подпись / *Накоряков*».

7.

Печатается по тексту телеграфного бланка (*АГ*), впервые.

[1] В сентябре 1932 г. в СССР широко отмечалось 40-летие литературной деятельности Горького, 40 лет со дня публикации первого произведения Горького рассказа «Макар Чудра» (Кавказ. 1892. № 242. 12 (24) сент.). Проводились юбилейные вечера, в газетах печатались приветствия партийных, правительственных, общественных и научных организаций, советских учреждений, предприятий, колхозов, зарубежных и советских писателей, рабочих и простых советских граждан. Горький получал множество поздравлений.

[2] В это время Томский отдыхал в Нальчике.

8.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Устойчивое французское выражение — chercher la Femme («ищите женщину»).

[2] 29 октября 1932 г. Горький уехал в Италию, в Сорренто.

[3] См. об этом: п. 11 и примеч.

[4] В 1932 г. ГИХЛом было издано два сборника: «Писатели — Великому Октябрю» (Сб. I. 671 стр. 5000 экз.) и «Писатели — Великому Октябрю» (Сб. II. 486 стр. 5000 экз.) Первый сборник включал в себя рассказы и отрывки из романов и повестей разных писателей, второй — переводы с армянского, башкирского, белорусского, грузинского и других языков народов СССР. Содержание см. в кн.: ГИХЛ бюллетень. № 11–12. 1932 г. М.; Л. С. 28–29.

[5] Пятилетним перспективным планом издания классиков 1928–1932 в серии «Большие издания классиков» было запланировано дать Академическое издание Салтыкова-Щедрина. Редакторами назначались: К. Халабаев, Б. Эйхенбаум, Р. Иванов-Разумник и М. Ольминский. В 1932 г. в серии «Русские и мировые классики» вышла книга Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» под ред. М. Ольминского. В *ЛБГ* имеются Т. 2, 3, 7, 9–11, 13, 17 из Полн. собр. соч. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Л.: ГИХЛ, 1933–1936 (*ОЛБГ. 1685, 1688*)).

[6] *Арсеньев В.К.* Дерсу Узала [Повесть об экспедициях в Уссурийский край в 1902 и 1906 гг.] / В обраб. и под ред. И. Халтурина. Рис. и обл. Л. Бруни. М.: Мол. Гвардия, 1932. В самом начале книги на с. 5 опубликовано «Письмо А. Пешкова (М. Горького) к В.К. Арсеньеву», в котором он говорит о «научной ценности» и «изобразительной силе» книги, предлагает иллюстрировать ее фотографиями.

[7] *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба / Пер. с англ. под ред. А.Г. и Г.Ш. (Густава Шпета). М.; Л.: Мол. гвардия, 1932. Примечания Г. Шпета. С рисунками Симора и Физа — первых иллюстраторов «Записок».

[8] 9 октября 1932 г. Каменева исключили из партии, арестовали по «делу Рютина» и выслали в Минусинск. Подр. об этом см.: *Смирнова Л.Н.* Письма Л.Б. Каменева Горькому // *Горький в зеркале эпохи.* С. 597.

[9] Янсон Яков Давыдович (1886–1939), советский государственный и партийный деятель.

[10] Семашко Николай Александрович (1874–1949), врач; академик Академии медицинских наук. В 1921–1949 гг. — профессор, заведующий кафедрой социальной гигиены медицинского факультета Московского университета (с 1930 г. — 1-й Московский медицинский институт). В 1927–1936 гг. — главный редактор Большой медицинской энциклопедии. С 1930 по 1936 гг. — член Президиума ВЦИК, председатель Детской комиссии.

[11] Об издании «Истории Фабрик и Заводов» и «Истории Гражданской войны» подробнее см.: А.М. Горький и создание «Истории Фабрик и Заводов»: Сб. документов и материалов / Л.М. Зак, С.С. Зимина. М.: Соцэклит, 1959; *Спиридонова Л.* М. Горький: диалог с историей. М.: Наука, 1994. С. 260–274.

[12] По плану Л. Каменева, «Academia» должна была стать «с одной стороны, издательством классиков мировой художественной литературы, фольклора, мемуаров и классиков литературной и художественной критики, литературоведения и искусствознания, а с другой — издательством, поддерживающим высокий уровень полиграфической техники, черпающей из сокровищ классической книжной графики и не отказывающейся от достижений современного книжного искусства» (Художественная литература. Ежемесячный бюллетень. 1931. № 7. С. 16). Предполагалось издавать серии: сокровища мировой литературы; классики мировой литературы; западные мастера стиля; русские писатели; фольклор; мемуарная литература; труды классиков критики, истории и теории литературы и искусства, также и современные научно-исследовательские работы в этих областях. Подробнее об этом см.: «Academia» в 1931–1933 гг. // Художественная литература. Ежемесячный бюллетень. 1931. № 7. С. 16–19, а также кн.: Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП(б). Задачи, перечень изданий, план. Academia. М.; Л., янв., 1934.

9.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета адресата: «Отвечено 29/XII 32».

[1] См. п. 7 и примеч.

[2] 26 октября 1932 г.

[3] О формах организации издания «Гражданской войны» и «Истории Фабрик и Заводов» см. п. 8 и примеч.

10.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета рукой Томского: «ответил 16/XII».

[1] В *АГ* проект договора с английской книгоиздательской фирмой не сохранился.

[2] В письме И. Сталину от 12 ноября 1931 г. Горький писал: «Приехал ко мне человек, который только что прожил несколько месяцев в Лондоне, Париже и вообще давно знает жизнь интеллигенции этих городов. Он утверждает, что самое серьезное, внимательное и доброжелательное отношение к нам наблюдается и растет в Лондоне. Англичане, побывавшие в Союзе, единодушно, с изумлением говорят об успехах строительства, о рабочей энергии молодежи, о здоровье октябрят и пионеров» (Переписка М. Горького и И.В. Сталина / Подгот. текста, публ. и коммент. Т. Дубнинской-Джалиловой, А. Чернева // Новый мир. 1997. № 9. С. 185).

В сентябре 1932 г. Горький получил письмо от общества «Друзья Советского союза» (американское отделение), где в частности сообщалось о выпуске журнала «Soviet Russia Today» («Советская Россия сегодня») (с начала 1932 г.), а также содержалось приглашение Горькому посетить США в связи с 15-летней годовщиной Советской России (*АГ*. КГ-инА-риз-6-8-2).

[3] США — Соединенные Штаты (Северной) Америки. До середины XX века часто использовалось название «Североамериканские соединенные штаты» (С.А.С.Ш.).

[4] Джон Стрэчи (John Strachey) (1901–1963) — британский политик и писатель. Горький пишет о его книге «The Coming Struggle for Power», изданной в 1932 г. На русский язык переведена не была.

[5] Гарольд Ласки (Laski, Harold Joseph) (1893–1950), британский политолог и писатель, выдающийся деятель Лейбористской партии. В трудах 1920 — начала 1930-х годов Ласки проявил себя как один из крупнейших теоретиков т.н. «демократического социализма». Это немарксистское учение призывало к преобразованию общества не революционным путем, а через нравственное самосовершенствование человека и примирение классов в ходе постепенных социальных реформ. «Foreign Affairs» — американский журнал о международных отношениях и внешней политике. Издается с 1922 г.

[6] Кестнер (Kästner) Эрих (1899–1974), немецкий писатель. Роман «Фабиан: история одного моралиста» издан в Германии в 1931 г. В *ЛБГ* хранятся два экземпляра книги: *Кестнер Э.* Фабиан: история одного моралиста / Пер. с нем. Н. Вольпин. М.; Л.: ГИХЛ, 1933 (*ОЛБГ. 1978, 1979*).

[7] П.А. Тер-Григорьян, председатель акционерного общества «Международная книга» в Берлине до апреля 1932 г.

[8] Вероятно, Горький имеет в виду книгу Б. Шоу «Чернокожая девушка в поисках Бога» (Shaw, George Bernard. The Adventures of the Black Girl in Her Search for God and Some Lesser Tales. London, 1934). Ее упоминает М. Томский в письме Горькому от 29 декабря 1932 г. В *ЛБГ* хранится следующее издание с пометами Горького: *Шоу Б.*

Чернокожая девушка в поисках бога / Пер. А.В. Кривцовой; предисл. А.В. Луначарского. М.: ГИХЛ, 1933 (*ОЛБГ. 2291*).

11.

Печатается по *А* (*АГ*). Впервые, не полностью: *Горелов О.И.* Цугцванг Михаила Томского. М., 2000. С. 223.

[1] См. п. 10 и примеч.

[2] Акционерное общество «Международная книга» в Берлине, правопреемник издательства «Kniga», было создано как посредническая книготорговая организация. В *АГ* в Фонде И.П. Ладыжникова хранится историческая справка «Организация Акционерного общества «Международная книга» (ФИЛ-2-9). Устав Всесоюзного Объединения по экспорту и импорту печатных произведений и канцелярских принадлежностей «Международная книга» был утвержден НКВД 16 апреля 1932 г. Среди задач организации значилось: а) осуществление на монопольных началах операций по экспорту из СССР и реализации на внешних рынках и импорту в СССР из-за границы печатных произведений и канцелярских принадлежностей; б) покупка и продажа в СССР печатных произведений как заграничной, так и внутренней продукции; в) издание книг на русском и иностранных языках, за исключением учебных пособий, с целью экспорта (см.: *Фогелевич Л.Г.* Основные директивы, и законодательство о печати. М., 1937. С. 172).

[3] Ионов Илья Ионович (1887–1942). С апреля 1932 г. — председатель правления Акционерного общества «Международная книга».

[4] Петр Петрович — П.П. Крючков.

[5] См. п. 8 и примеч.

[6] Минц Исаак Израилевич (1896–1991) — историк, академик АН СССР. В Главной редакции «Истории Гражданской войны» — ответственный секретарь, принимал активное участие в подготовке двух первых томов издания. 21 января 1936 г. писал Горькому: «...приступил к переделке II-го тома <...>, надеюсь в течение пяти недель закончить работу и сдать том в набор» (*АГ*. КГ-уч-8-6-2). Второй том «Истории Гражданской войны» вышел в 1942 г. Работа Минца над первым и вторым томами *ИГВ* отмечена Государственной премией СССР (1943).

[7] Авербах Леопольд Леонидович (1903–1939), литературный критик, один из трех редакторов книги «Беломорско-Балтийский канал» (М.: ОГИЗ, 1934).

[8] Культпроп — Отдел культуры и пропаганды ленинизма при ЦК ВКП(б).

[9] Вопрос о недостатке бумаги стоял очень остро. Практически на каждом заседании ОГИЗа обсуждались экономия, рациональное использование бумаги, лимиты и распределение. Например, в протоколе Заседания Президиума Правления ОГИЗа от 13 апреля 1932 г. (первые дни работы М. Томского) вопрос о бумаге вынесен в отдельный пункт повестки и так или иначе затрагивается почти в каждом разделе. Одно из решений заседания было таково: «Поручить комиссии в составе тт. Атакова (пред-

седатель), Ерофеева и Удалова с привлечением издательских работников и Научно-исследовательского института выработать конкретные мероприятия по постановке дела контроля за использованием бумаги в издательствах и типографиях, по борьбе с браком и непроизводительным расходованием бумаги. Срок работы комиссии — одна декада» (*АГ*. КГ-изд-10-5-1).

Острый дефицит бумаги сохранялся до конца 1934 г. (до пуска Камского целлюлозно-бумажного комбината, см. Справку по вопросу об отставании полиграфбазы в п. 19 и примеч. к ней), в «Литературной газете» (1934. № 117) появилось обращение М. Горького «Рабочим фабрик, изготовляющих бумагу»: «Вы знаете, товарищи, что книга — основное орудие развития культуры и что для создания книги нужна бумага и, кстати сказать, хорошая бумага, а у нас принято вырабатывать плохую <...> Давая бумагу сверх плана, точно указывайте, на какую именно литературу даете: художественную для детей, художественную для взрослых или же на учебники для студентов».

[10] М. Томский переслал роман Э. Кестнера в ГИХЛ Ковалеву с рекомендацией Горького («судя по его словам, роман этот очень хвалят») (письмо хранится в *АГ*. КГ-изд-13-35-1).

[11] См. п. 10, примеч. 8.

[12] См. п. 2, 3 и примеч.

[13] ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы, основано в 1930 г. на базе издательства «Земля и фабрика», с 1934 г. получило название Гослитиздат. Издательство «Федерация» было основано в 1929 г. в Москве, в 1933 г. было переименовано в издательство «Советская литература», которое в 1934 г. влилось в «Советский писатель». Ленинградское отделение ОГИЗа в 1939 г. было ликвидировано, а его функции переданы Лениздату. Было в ведении Наркомпроса РСФСР.

[14] Имеется в виду роман Л. Леонова «Скутаревский». Печатался в журнале «Новый мир» (1932. № 5–9).

[15] См. п. 8 и примеч.

[16] Речь об Организационном комитете Союза советских писателей. Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) о мероприятиях по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 7 мая 1932 г. утверждался Оргкомитет ССП, куда входили М. Горький (Почетный председатель), И.М. Гронский (председатель союза и секретарь фракции), В.Я. Кирпотин (секретарь союза), А.А. Фадеев, К.А. Федин, и др. 15 мая 1932 г. М. Горький был избран Почетным председателем Оргкомитета ССП РСФСР.

[17] Премьера спектакля «Егор Булычов» состоялась в театре им. Е.Б. Вахтангова 25 сентября 1932 г. (реж. Б.Е. Захава, в роли Егора — Б.В. Щукин). Горький присутствовал на генеральной репетиции (19 сент.) и предпремьерном показе спектакля (24 сент.). Одновременно пьеса была поставлена в Ленинградском Большом драматическом театре, где к премьере была выпущена однодневная газета, посвященная М. Горькому и спектаклю.

[18] Петр Петрович — П.П. Крючков.

[19] Имеются в виду коллективные труды «История Гражданской войны в СССР» и «История Заводов и Фабрик».

12.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

Со слов «будьте здоровы, подпись и дата» — рукой Горького.

[1] В постановлении ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. «Об издании «Истории Гражданской войны» сообщалось, что планируется «10–15 томов в виде сборников научно-исторических статей и литературно-художественных произведений» (Решения партии о печати. 1898–1940. М., 1941. С. 143). Впоследствии Горьким было задумано 16 томов. Кроме того, планировалось к каждому тому выпустить дополнительный — с документами и мемуарами. Однако выпущено было только два тома, в которых принимал участие М. Горький — в 1936 г. и в 1942 г. Третий том вышел в 1957 г., тогда же было принято решение о значительном сокращении серии до 5 томов, которые вышли в 1959 и 1960 гг.

[2] В письме к П.А. Тер-Григоряну 4 февраля 1933 г. Горький восхищался качеством берлинских изданий: «Нам бы надо печатать на такой бумаге, а у нас книгу издают как бы для нищих. Очень это нехорошо, ибо недооценивается культурная роль книги» (*АГ*. ПГ-рл-43-11-3).

[3] Об издательстве И.П. Ладыжникова см.: *Антропов В.И.* И.П. Ладыжников. Челябинск, 1972.

[4] См. п. 10, примеч. 7.

[5] 7 апреля 1933 г. Н.Н. Накоряков об этом же писал Горькому: «Я возвращусь к вопросу о голоде на художественную литературу: ее у нас, Алексей Максимович, — нигде нет» (*АГ*. КГ-п-53-6-1). А в 1934 г. в «Литературной газете» (1934. № 117) в статье М. Горького «Рабочим фабрик, изготовляющих бумагу» говорилось: «В нашей стране наблюдается что-то похожее на несчастье — книжный голод, голод, которого никогда за всю свою жизнь не испытывало человечество».

[6] См. п. 11, примеч. 16.

13.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

Со слов «Будьте здоровы»..., подпись и число, а также адрес М.И. Будберг — рукой Горького.

[1] *Петров П.П.* Саяны шумят. Иркутск, 1932. Книга хранится в *ЛБГ* в другом издании с дарственной надписью автора: *Петров П.П.* Саяны шумят. 5-е изд. М., Иркутск, 1935 (*ОЛБГ. 8362*).

[2] В 1930 г. в рамках реорганизации издательской системы СССР издание детской

литературы было передано в издательство «Молодая Гвардия».

[3] А.Н. Троицкий, руководитель издательства «Молодая Гвардия».

[4] См. п. 10 и примеч.

[5] Людвиг Берндл (Ludwig Berndl), переводчик произведений Л.Н. Толстого на немецкий язык. Напр.: Krieg und Frieden. [Übertragen von Claire von Glümer; Raphael Löwenfeld. Neu durchgesehen von Ludwig Berndl]. In: Lev N. Tolstoj: Dichterische Schriften, Band 7–10, Jena: Diederichs, 1925. О нем пишет Л.Д. Троцкий в письме к В. Франку от 20 декабря 1929 г.: «Это венгерский товарищ, судя по письму — высокой квалификации. Жена его русская, врач. Вместе они перевели уже ряд произведений. <...> я вас очень прошу как можно скорее навести необходимые справки об этом товарище. Я думаю, что в случае создания нами периодического органа он был бы в высшей степени полезен» (Архив Троцкого. Т. 5 / Сост. и ред. Ю. Фельштинский. М., 2007). Письмо Л. Берндла в *АГ* не сохранилось.

14.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] А.В. Цингер — ученый-физик. Переписка М. Горького с Цингером и его семьей начинается с 1910 г. Горький неоднократно помогал А.В. Цингеру. В.Н. Цингер, жена ученого, писала М. Горькому о тяжелой болезни мужа и материальных затруднениях и просила о помощи в получении денег от советских издательств. В письме к А.Б. Халатову от 16 марта 1931 г. Горький сообщал: «А сейчас вот что: жена известного Вам физика А.В. Цингера пишет мне, что положение его весьма плохо — хотя он не перестает работать — и что они сидят без денег, залезли в долги, нечем платить доктору. По ее расчету, ГИЗ должен им 5 тыс. руб. — в феврале им перевели 300. Нельзя ли дать им денег? Следовало бы! Его "Задачник по физике", "Учебная физика" и новая "Рабочая книга" — все это очень ценные работы. Очень ходатайствую о Цингере!» (*Архив Г. 10*. Кн. 1. С. 246–247). Позже, 16 октября 1932 г., В.Н. Цингер писала М. Горькому: «Мы только что узнали, что только Вам мы обязаны получением денег, которые, не преувеличивая, нас выручили из большой беды, очень большой» (*АГ*. КГ-рэн-12-3-7).

[2] Бубнов Андрей Сергеевич (1883–1940) в 1929–1937 был народным комиссаром просвещения РСФСР. В *АГ* хранится записка Горького, адресованная А.С. Бубнову и датированная 19 февраля 1933 г. (*АГ*. ПГ-рл-7-24-12): «Убедительно прошу помощи профессору Цингеру. *Горький*» (см.: *Архив Г. 14*. С. 189).

[3] 28 февраля 1933 г. А.В. Цингер писал Горькому: «Уж не знаю, как Вас благодарить за Ваше доброе деятельное внимание и энергичную поддержку <...> и Бубнов, и Томский — люди молодые, новые. Если в прошлом и были за мной невеликие заслуги, то этим новым людям они неизвестны и неинтересны» (*АГ*. КГ-уч-12-21-4).

15.

Печатается по *А* (*АГ*). Впервые, не полностью: *Горелов О.И.* Цугцванг Михаила Томского. М., 2000. С. 224–225.

На письме помета синим карандашом I-ое.

В письме содержатся ответы на письма Горького от 17 января, 16 и 20 февраля 1933 г.

[1] Петр Петрович — П.П. Крючков.

[2] В 1931 г. М. Томский перенес инсульт, лечился в Германии, но последствия тяжелого заболевания сказывались и впоследствии.

[3] 12 февраля 1933 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы», где в частности, значилось: «Немедля прекратить издание так называемых "рабочих книг" и "рассыпных учебников", подменяющих действительные учебники и не дающих систематических знаний по проходимым в школе предметам. Поручить Наркомпросу и ОГИЗу обеспечить на деле издание стабильных учебников, рассчитанных на применение их в течение большого ряда лет (родной язык, математика, география, физика, химия, естествознание и т.д.), приурочив их издание к 15 июля 1933 г. с тем, чтобы ввести их в дело с начала учебного года — 1 сентября 1933 г.» (Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917–1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 164–165).

[4] См. п. 13 и примеч.

[5] В связи с партийной чисткой в ОГИЗе в 1933 г. было уволено много редакторов и руководящих работников. В 1933 г. Управление кадрами ОГИЗа сообщало: «Осталось только двое старых работников, а остальные заменены. Все редактора прошли через ЦК ВКП(б)» (*Горелов О.Н.* Цугцванг Михаила Томского. М.: РОССПЭН, 2000. С. 221).

[6] Ошибка в тексте М.П. Томского. Правильно — Хетчинсон. См. п. 13 и примеч.

[7] См. п. 13 и примеч.

[8] См. п. 13 и примеч.

[9] Так в тексте М.П. Томского. Правильно — Цингер. См. п. 14 и примеч.

[10] Упомянутое письмо А.С. Бубнова Горькому не разыскано.

[11] Речь об издании поэмы Гомера «Илиада». Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин) (1855–1937), поэт, переводчик и адвокат, автор перевода поэмы «Илиада», впервые издававшегося в 1896 г. Гослитиздат опубликовал «Илиаду» в переводе Н.М. Минского в 1935 г. с вступительной статьей П.Ф. Преображенского.

[12] Гнедич Николай Иванович (1784–1833), поэт и переводчик, автор перевода поэмы Гомера «Илиада» (впервые опубликован в 1829 г.). Издательство «Academia» выпустило «Илиаду» в переводе Гнедича в 1935 г., под редакцией с комментариями И.М. Тронского при участии И.И. Толстого.

[13] Имеется в виду издательство «Academia».

[14] Гершензон Михаил Абрамович (1900–1942), русский советский писатель и переводчик. Член СП СССР с 1934 г. Работал редактором детской литературы в Госиздате, затем в Детгизе.

[15] Накоряков Николай Никандрович (1881–1970) — заведующий ГИХЛом с июня 1932 г. См. о нем: *наст. изд.* С. 625–639 (публикация Т.Р. Гавриш).

[16] Голиков Иван Иванович (1887–1937), художник-миниатюрист, непосредственный инициатор и учредитель Артели древней живописи Палеха. Еще в феврале 1932 г. Горький одобрил решение издательства «Academia» привлечь к работе над иллюстрациями к «Слову о полку Игореве» художников-палешан (письмо М.П. Сокольникову от 19 февраля 1932 г., *Г-30.* Т. 30. № 1041). 25 сентября 1932 г. Горький принимал делегацию палешан в составе А.И. Зубкова, Д.Н. Буторина и И.И. Голикова, знакомился с эскизами к «Слову...» и был ими восхищен.

[17] Речь об издании: Слово о полку Игореве / Ред. древнерусс. текста и перевода С. Шамбинаго и В. Ржиги. Статья и коммент. В. Ржиги и С. Шамбинаго. Пер. С. Шервинского и Г. Шторма; ред. и вступ. ст. В. Невского. М.; Л.: Academia, 1934. Экземпляр книги есть в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 4977*).

[18] Так в тексте М.П. Томского. Правильно — Кардовский. Кардовский Дмитрий Николаевич (1866–1943), русский художник, график, иллюстратор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Иллюстрации к роману Д. Дефо «Жизнь и странные небывалые приключения Робинзона Крузо...» были созданы им в начале 1920-х гг. Книга вышла в 1934 г. в Государственном издательстве детской литературы, переиздавалась в 1936 г. (Детгиз).

[19] Гюстав Доре (Gustave Doré) (1832–1883), французский художник, иллюстратор, скульптор. Прославился иллюстрациями к Библии, роману Сервантеса «Дон Кихот», сказкам Ш. Перро, «Божественной комедии» Данте. Роман Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо...» с иллюстрациями Г. Доре никогда не издавался.

[20] Речь об изданиях: *Вергилий.* Энеида / Пер. В. Брюсова и С. Соловьева; ред., вступ. ст. и коммент Н.Ф. Дератани. М., Л.: Academia, 1933. (Памятники мировой литературы). *Вергилий.* Сельские поэмы. Буколики. Георгики / Пер., вступ. ст. и коммент. С. Шервинского. М.; Л.: Academia, 1933. (Сокровища мировой литературы). Обе книги есть в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 4749, 4750*).

[21] На ОГИЗ и лично на его руководителя М. Томского была возложена ответственность за выполнение постановления ЦК ВКП(б) об учебниках. При обсуждении проблем, связанных с выпуском учебников, на заседании Правления ОГИЗа 19 апреля 1932 г. было вынесено следующее решение: «Принять все меры к тому, чтобы обеспечить в основном выпуск учебников во втором и третьем квартале текущего года» (*АГ.* КГ-изд-10-7-1).

16.

Печатается по тексту телеграфного бланка (*АГ*), впервые.

[1] 11 мая 1934 г. от скоротечного воспаления легких скончался сын М. Горького М.А. Пешков.

17.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

На письме помета красным карандашом «отв».

[1] 22 августа 1935 г. газета «Правда» (№ 231) сообщила о завершении редактирования первого тома коллективного труда «История Гражданской войны в СССР». Книга была сдана в набор 2 сентября 1935 г., подписана к печати 14 октября 1935 г. В «Литературной газете» 5 ноября 1935 г. напечатана заметка «Первый том "Истории гражданской войны"», в которой говорилось о «необычайно коротких сроках» напечатания книги.

18.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

Напечатано на личном бланке. Датируется по дате на бланке письма: «16/VII 1934 г.»

[1] См. п. 17 и примеч.

[2] Книга богато иллюстрирована рисунками, географическими картами, репродукциями, использованы работы многих художников: М.В. Куприянова, П.Н. Крылова, Н.А. Соколова, Б. Ефимова, И. Владимирова, Н. Радлова, Г. Савицкого и других.

[3] Первый том «Истории Гражданской войны в СССР» вышел в темно-красном переплете.

[4] Петр Петрович — П.П. Крючков.

19.

Печатается по *АМ* (*АГ*). Впервые, не полностью: *Горелов О.И.* Цугцванг Михаила Томского. М., 2000. С. 225.

На письме многочисленные пометы Горького. Например, со слов «Они сводились» до слов «Через 3–4 м-ца» отчеркнуто на полях красным карандашом волнистой линией и помечено «1». Слово «т. Сталин» зачеркнуто и написано сверху «Вы». К слову «повторил» приписано «и»: «повторили» и т.д. Горький широко использовал письмо М.П. Томского в письме к И.В. Сталину от 7 ноября 1934 г. (Переписка М. Горького и И.В. Сталина // Новое лит. обозрение. 1999. № 40. С. 265–267). В этом же письме Сталину Горький упоминает письмо Н. Накорякова от 26 октября 1934 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 304–306) и прилагаемые к нему «Предложения по обеспечению полиграфической базой государственного издательства художественной литературы» (*АГ.* КГ-п-53-6-3). В частности, вторя Томскому, Накоряков писал: «Эта необеспеченность полиграфбазой — не случайное явление, а последствие отставания реконструкции типографий и задержки в постройке новых типографских предприятий». В другом же письме Горькому (конец 1934 — первая половина 1935 г.) Накоряков решительно не соглашался с политикой М. Томского в области полиграфии: «М.П. Томский хочет сосредоточить расширение типографий в ОГИЗе <...> Это по существу вредная мысль, ведущая к подчинению издательств их инструменту — типографиям» (*Архив. Г. 10.* Кн. 1. С. 311).

К письму приложена Справка по вопросу об отставании полиграфбазы и о мерах ее усиления (машинопись).

СПРАВКА ПО ВОПРОСУ ОБ ОТСТАВАНИИ ПОЛИГРАФБАЗЫ И О МЕРАХ ЕЕ УСИЛЕНИЯ

Основные книжные типографии Ленинграда и Москвы уже в 1933 году отставали в выпуске книг от издательских возможностей на 12–15%. Это означало для основных изд<ательст>в искусственную задержку значительного числа книг с листажом не менее 250 милл. листов оттисков. Основная задержка происходила в последней стадии производства – брошюровке и переплете – вследствие отсталости этих цехов от пропускной способности других цехов не менее как на 20–25 <%>. Такое явление по существу в течение последних 2–3 лет задерживает на 2–3 месяца и больше выход в свет многотиражных изданий и происходит из-за недостаточного механизирования последнего процесса.

Принимая во внимание, что в 1935 году бумажные ресурсы изд<ательст>в увеличатся с пуском Камского комбината* минимально на 30% (т.е. приблизительно на 500 милл. листов оттисков) надо признать такое отставание полиграфической промышленности чрезвычайно опасным для всего дела развития печати и культуры в нашей стране.

Чтобы основные книжные изд-ва могли в 1935 году бесперебойно осуществить свои задачи в соответствии с бумажными ресурсами, необходимо пропускную способность основных книжных типографий поднять на 40% как минимум.

Если на 15–18% эту пропускную способность можно и должно поднять в 1934–1935 гг. за счет реконструктивных внутренних мероприятий и повышения производительности труда, то на 20–25 <%> ее необходимо поднять или за счет постройки крупной типографии, или что вернее, за счет дооборудования новыми машинами существующих основных книжных фабрик (1-й Образцовой в Москве и Печатного Двора в Ленинграде**).

Для этого дооборудования – минимально нужны следующие машины:

4–5 мощных ротац<ионных> машин.

40–45 больших плоских печат<ных> машин.

---

* Строительство Камского целлюлозно-бумажного комбината, одного из крупнейших предприятий целлюлозно-бумажной промышленности СССР по выработке типографской, офсетной и писчей бумаги, было начато в 1930 г. Комбинат запущен в 1936 г. Находится в г. Краснокамске Пермской области.

** Первая Образцовая типография в Москве была основана в 1876 г. русским издателем И.Д. Сытиным. В 1919 г. национализирована. С 1946 г. носила имя А.А. Жданова. В настоящее время – ОАО «Первая Образцовая типография». Печатный Двор в Ленинграде – основан в 1827 г. в Петербурге как Государственная типография для печатания Полного собрания законов Российской империи, а также правительственных распоряжений, сообщений, отчетов, официальных изданий. В 1922 г. типографии присвоено название «Печатный двор», в 1936 г. – имя А.М. Горького (по настоящее время).

30–35 фальцовок типа «Триумф».

55 швейных (на проволоку и нитку).

10 3-х сторонних резальных

15 крышкоделательных машин.

12 книговставочных

8 машин для крытва

6 клеемазочных машин

8 машин для резки картон (роль-рац.)

5 листоподборочных

8 золотарных прессов

8 гидравлических прессов для обжимки книг

4 Кристензена

4 раскроечных машин.

Стоимость всего указанного оборудования по существующим ценам, определяется около 7 миллионов рублей.

Все указанные машины, конечно, могли бы быть произведены в нашей стране, — если бы за это дело по особому указанию директивных органов взялись крупные машиностроительные заводы. Но пока у нас идет только освоение производства некоторых мелких машин на небольших заводах. Поэтому, если в этом направлении не будет произведено немедленного и решительного сдвига, то можно ожидать, что названного оборудования в 1935 году мы в основной его части не будем иметь.

А если принять во внимание, что для издания дешевой книги мы еще нуждаемся в машинах многокрасочной печати (тифдрук и офсет), которых у нас почти нет, и которые пока не производятся в нашей стране, — то очевидно, кроме максимального и немедленного форсирования полиграфмашиностроения, также необходимо до 1935 года произвести некоторые и значительные затраты на закупку самых необходимых машин, которые не будут производиться до 1935 года в стране, на заграничном рынке с затратой для этого валюты.

Приобретение основных машин на 2½–3 миллиона рублей из заграницы в 1934 году, конечно, могло бы выправить это положение, тем более что в настоящий момент, напр<имер>, на Американском рынке можно по подобным заказам получить кредит до 1½–2 лет, т.о. рассрочить затраты валюты на два года.

1) При том зачаточном состоянии полиграфмашиностроения, принимая во внимание, что оно очевидно может быть развернуто лишь в 1936 году, надо признать, что для устранения острого отставания полиграфпромышленности необходимо срочно разрешить вопрос о возможных максимальных валютных ассигнованиях на приобретение крупнейших машин (ротаций, крупных плоских печатных машин типа Терно и Планета, машин для механизации брошюровки и переплета, Тифбрук* и Офсет).

---

* Так в *А*. Правильно — Тифдрук (технология глубокой красочной печати: в настоящее время не применяется, считается устаревшей и дорогостоящей). — *Ред.*

Само собою разумеется, что одновременно необходимо добиться немедленного форсирования производства полиграфмашин внутри страны, выделив для этого крупные заводы или создавши совершенно конкретный план комбинированного производства важнейших машин на нескольких заводах, чтобы хотя к середине 1935 года обеспечить получение первых машин из массовой серии производства.

[1] См. п. 18 и примеч.

[2] Скромность важнее гордости. Варианты: «уничижение, унижение паче гордости».

[3] В 1934 г. Государственное издательство художественной литературы, «Молодая гвардия» и некоторые другие были вновь выделены из системы ОГИЗа.

[4] Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991), советский государственный и партийный деятель. В 1933 г. возглавлял созданный сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б) и активно руководил организацией МТС в колхозах и совхозах. В качестве председателя Центральной комиссии по чистке партии руководил проходившей в 1933–1934 гг. «чисткой партийных рядов».

[5] Жданов Андрей Александрович (1896–1948), государственный и партийный деятель СССР. В 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б) и 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

[6] Ежов Николай Иванович (1895–1940), советский партийный и государственный деятель. Народный комиссар внутренних дел СССР (1936–1938), генеральный комиссар госбезопасности (1937–1940). В 1934–1935 гг. возглавлял промышленный отдел ЦК ВКП(б).

[7] Молотов Вячеслав Михайлович (наст. фам. Скрябин; 1890–1986), советский политический и государственный деятель. В 1930–1941 гг. — председатель Совета народных комиссаров СССР.

[8] Валютная комиссия — Валютный комитет при Совете народных комиссаров.

[9] Наркомвнешторг — Наркомат внешней торговли. Был создан в 1920 г. В 1922 году появился Наркомат внешней торговли СССР, а в 1924 г. — Наркомат внутренней торговли СССР, которые в 1925 г. были слиты в единый Наркомат внешней и внутренней торговли. В 1930 г. наркоматы были вновь разъединены на Наркомат внешней торговли и Наркомат снабжения. Первый председатель — Л.Б. Красин, в 1934 г. — А.П. Розенгольц.

[10] Завод Макса Гельца — Ленинградский государственный завод точного машиностроения им. Макса Гельца. С 1890 г. по 1917 г. — механические мастерские, затем завод инженера-технолога И.А. Семенова. В 1919 г. был национализирован. В настоящее время предприятие носит название ОАО «Ленполиграфмаш». Завод т. Ягоды в Рыбинске — завод «Рыбинский металлист», позже — Рыбинский завод полиграфических машин. В первой половине 1930-х годов носил имя руководителя НКВД Г.Г. Ягоды. В июле 1931 г. выпустил первую советскую плоскопечатную машину «Пионер». С 2006 г. носит название Рыбинский завод полиграфического оборудования «ЛИТЭКС».

[11] Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР, действовал с января 1932 до января 1939 г. Первый председатель — Г.К. Орджоникидзе.

[12] Наркомлегпром — Народный комиссариат легкой промышленности. Создан в 1932 г., первый председатель — И.Е. Любимов.

[13] В письме к И.В. Сталину от 7 ноября 1934 г. Горький писал: «Я — не хозяйственник <...>, возможно, что и вообще мое вмешательство будет признано неуместным. Но я никогда не чувствовал себя только литератором, производителем рукописей, я с первых шагов работы в литературе привык считать и чувствовать ее всю целиком — моим личным делом» (Переписка М. Горького и И.В. Сталина // Новое лит. обозрение. 1999. № 40. С. 266).

[14] Петр Петрович — П.П. Крючков.

20.

Печатается по *МК* (*РГАСПИ*. Ф. 71. Оп. 36. Ед. 11. Л. 203).

Датируется по содержанию.

[1] Речь о книгах из серии «История метро». Первая книга: Рассказы строителей метро / Гл. ред. А. Косарев; ред. Е. Резниченко, К. Старостин, Г. Цыпин, И. Шелюбский. М.: История фабрик и заводов, 1935. Том был богато проиллюстрирован бригадой художников под руководством Н. Машковцева. Портреты — гравюры на дереве работы А. Троицкого. Книга вышла в начале марта 1935 г., незадолго до открытия первой очереди московского метро, состоявшегося 15 мая 1935 г. Вторая книга: Как мы строили метро / Глав. ред. А. Косарев; ред. А. Косарев, Е. Резниченко, К. Старостин и др.; Лит. ред. А. Гарри, А. Зуев, С. Колчин и др. М.: История фабрик и заводов, 1935. Обе книги есть в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 7602, 7603*). См. также п. 23 и примеч.

[2] Первая и вторая книги серии «История метро» вышли тиражом 100 тыс. экз.

21.

Печатается по *МК* (*РГАСПИ*. Ф. 71. Оп. 36. Ед. 11. Л. 206–206об.).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] См. п. 18 и примеч.

[2] О проблемах научного института по изучению истории гражданской войны Горький обращался к Томскому и впоследствии. См. п. 25, примеч. 4.

[3] При жизни Горького вышел только первый том «Истории Гражданской войны». Второй том вышел в 1943 г., а третий — лишь в 1958 г.

[4] Продвижение в августе-сентябре 1918 г. крупного объединенного отряда красных партизан и беженцев под командованием В.К. Блюхера из Белорецка в Кунгур на соединение с регулярными красными частями, вошедшее в историю России под названием «Рейд Блюхера», стало одной из самых ярких военных операций Гражданской войны. Подробнее об этом см.: *Недолин И.П.* Рейд Блюхера. Уфа, 1984. Первая конная армия под командованием С.М. Буденного с 1919 по 1921 г. участвовала в Харьковской, Львовской, Донбасской, Северо-Кавказской и других военных операциях. Под-

робнее об этом см.: *Клюев Л.Л.* Боевой путь Первой конной армии. М.; Л.: Госиздат, 1930; *Буденный С.М.* Пройденный путь: В 3 т. М., 1959–1973.

[5] Постановление об издании «Истории Гражданской войны в СССР» было принято ЦК ВКП(б) 30 июля 1931 г., а «Истории заводов» — 10 октября 1931 г.

[6] Была ли удовлетворена просьба Горького о докладе Минца, неизвестно, однако впоследствии Минц отмечал существенную помощь Томского. См. п. 22 и 25.

22.

Печатается по *АМ* (*АГ*). Впервые, не полностью: *Горелов О.И.* Цугцванг Михаила Томского. М., 2000. С. 226.

Дата и подпись рукой И.П. Ладыжникова.

[1] Немногим ранее, 12 ноября 1934 г., Горький обращался к Сталину: «<...> убедительно прошу Вас сообщить т. Томскому, чтоб он принял меры во избежание задержки с печатью» (Переписка М. Горького и И.В. Сталина // Новое лит. обозрение. 1999. № 40. С. 269). Однако М. Томский и без того уделял особое внимание изданию книг «История Гражданской войны в СССР» и «История Фабрик и Заводов». В протоколе совещания замов при заведующем ОГИЗа от 14 августа 1933 г. содержится решение: «Поручить тт. Василькову и Лупполу совместно с редакциями "Истории Фабрик и Заводов" и "Истории Гражданской войны в СССР" рассмотреть вопрос об обеспечении этих изданий необходимым производственным аппаратом и внести на ближайшее совещание замов согласованные предложения или разногласия» (*АГ*. КГ-изд-10-30-1). Книга была издана превосходно для того времени. В *АГ* сохранились документы по экспертной оценке технического качества и полиграфического исполнения первого тома «Истории Гражданской войны в СССР», которые руководитель секретариата ОГИЗа А. Маликов послал 25 апреля 1936 г. П.П. Крючкову (*АГ*. КГ-изд-19-64-1). В частности, в документах говорится: «Несмотря на отдельные, иной раз значительные дефекты, издательское оформление 1 тома "Истории гражданской войны" следует признать удовлетворительным, а по ряду важнейших элементов — безукоризненным».

[2] Иосиф Виссарионович — И.В. Сталин.

[3] В этот же день, 8 декабря 1935 г., М. Горький писал И.В. Сталину: «Тов. Минц сумел создать в "Истории Гражданской войны" четко работающий Институт. Там создана группа молодых специалистов, хорошая научно-исследовательская база» (Переписка М. Горького и И.В. Сталина // Новое лит. обозрение. 1999. № 40. С. 285–286).

[4] В Уставе Государственного Объединения книжно-журнальных издательств РСФСР «ОГИЗ» среди прочего значилось: «В состав объединения "ОГИЗ" включаются <...> все учебные заведения, обслуживающие нужды книжно-журнальной издательской промышленности» (Издательское дело в СССР: Сб. документов и материалов / Сост. Е.А. Динерштейн. М., 1978. С. 150–157).

23.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

Слова «Крепко жму руку... М. Горький» — рукой М. Горького.

[1] Инициатива создания первых работ по «Истории заводов» принадлежит корреспондентам-рабочим, в 1920-х гг. 7 сентября 1931 г. в «Правде» и «Известиях» была опубликована статья Горького с призывом придать этой работе организованный и массовый характер. 10 октября 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление об издании сборников «История заводов»: «Сборники эти должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплуатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничество, соцсоревнование и подъем производства за последние годы» (Издательское дело в СССР: Сб. документов и материалов / Сост. Е.А. Динерштейн. М., 1978. С. 191–192). По истории предприятий в 1931–1938 гг. было опубликовано около 250 книг, в том числе в серии «ИФЗ» более 30. В последующие годы выпуск серии «ИФЗ» резко сократился.

[2] Речь о книгах из серии «История метро». См. п. 20 и примеч.

[3] В соответствии с Протоколом заседания политической редакции «Истории заводов» от 27 февраля 1935 г. (*АГ*. КГ-изд-25-10-1), в плане издания на 1935 г. значились следующие книги:

1) Книги по истории московского метро;

2) Кировский завод / гл. ред. И.И. Алексеев;

3) История ярославской фабрики «Красный перекоп», т. 1 (авт. Паякин) и т. 2 (авт. В. Федорович, гл. ред. Ф. Самойлов);

4) «Красное Сормово» / авт. А. Яковлев, гл. ред. А. Писарев;

5) Автозавод им. Сталина / гл. ред. Б. Таль;

6) «Серп и молот» / гл. ред. А. Панкратова;

7) Одна из книг по истории заводов Украины.

[4] См. п. 24 и примеч.

24.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Письмо написано красным карандашом на письме Горького от 22.12.1935 г. и поставлена дата простым карандашом «25/XII 35 г.»

[1] Упоминаемое письмо в *АГ* не сохранилось.

[2] Книга «История Гражданской войны в СССР».

[3] Детгиз — Детское государственное издательство, создано в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 9 сентября 1933 г. на базе детского сектора издательства

«Молодая Гвардия» и школьного сектора Государственного издательства художественной литературы.

[4] Гослитиздат — Государственное литературное издательство, ранее (до августа 1934 г.) — ГИХЛ.

[5] Партиздат — издательство политической литературы, центральное партийное издательство Советского Союза. Основано в Москве в 1918 г. как партийное издательство «Коммунист» (в 1919 г. вошло в Госиздат РСФСР как отдел партийной литературы); с 1931 г. — носило название Партиздат. С января 1941 г. Госполитиздат, с 1963 г. — Политиздат.

25.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

На письме помета карандашом: «В личный архив М.Г.».

[1] См. п. 22 и примеч.

[2] Сулимов Даниил Егорович (1890–1937), советский государственный и партийный деятель, 4-й председатель Совета народных комиссаров РСФСР. Горький обращался в Совет народных комиссаров с просьбой помочь типографии «Печатный двор» и ОГИЗу приобрести нужные типографские машины и по поводу премирования работников типографии и издательства и получил согласие (См.: *Найда С.Ф., Рыбаков М.В.* Роль А.М. Горького в организации издания «История Гражданской войны в СССР» // Вопр. истории. 1958. № 8. С. 82).

[3] И.В. Сталин.

[4] См. п. 22 и примеч. 3.

ПЕРЕПИСКА ГОРЬКОГО С Е.Д. КУСКОВОЙ (1921–1930 г.)

Вступительная статья, подготовка текста и примечания И.А. Бочаровой

Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) — общественная деятельница, публицистка и мемуаристка. Ровесница Горького. Ее долгая, почти девяностолетняя жизнь четко делится на два периода: до 1922 г. — в России, далее до 1958 г. — за границей. Она еще застала в живых Н.Г. Чернышевского и умерла через 5 лет после смерти И.В. Сталина. Вступление Е.Д. Кусковой, как и Горького, в общественную жизнь в 90-е гг. XIX века совпало с зарождением русской социал-демократии. Основные вехи в истории русской социал-демократии были и вехами на пути их взаимоотношений, что отражено как в их переписке, так и в мемуарно-публицистических работах Кусковой.

В их шедших параллельно жизненных путях можно выделить три периода наибольшего сближения: 1) нижегородский период[1]; 2) Первая мировая война и Февральская революция[2]; 3) 1921–1930 гг.: история Помгола и переписка в эмиграции (тема настоящей публикации, в которой впервые представлены письма Кусковой этих лет).

Когда в конце 1970-х гг. начиналась подготовка к изданию серии «Письма» в Полном собрании сочинений М. Горького, о Е.Д. Кусковой в советской печати можно было найти немного, в основном в комментариях к Собраниям сочинений В.И. Ленина, где начиная с третьего издания из тома в том повторялась одна и та же справка: «Е.Д. Кускова — в 90-х гг. перешла от народоправцев к с.-д. и входила в заграничный "Союз русских социал-демократов". Вскоре отошла от с.-д. и примкнула к буржуазным группировкам ("Союз освобождения" и т.д.). Ее группа издавала в 1906 г. журнал "Без заглавия", а затем газету "Товарищ", неизменно поддерживавшие кадетов. Ныне за границей, где систематически выступает против Советской власти»[3]. Лишь в т. 10 (3-е изд.) к этой характеристике прибавлялось: «Ныне в эмиграции, сотрудничает в эмигрантских газетах. Последнее время вместе с Пешехоновым стала во главе так называемого "возвращенства" — движения в пользу возврата в СССР, охватившего мелко-буржуазные круги эмиграции»[4]. В справочниках не указывалась даже ее девичья фамилия. И только когда появи-

лись воспоминания Кусковой, изданные в 1950-е гг. в США[5], стало известно, что она урожденная Есипова, по первому браку Ювеналиева, а второй ее брак с П.И. Кусковым был фиктивным.

История этого фиктивного брака была весьма характерной для молодых радикалов конца XIX в. В 1890 г., после смерти первого мужа (2 декабря 1889 г.), Е.Д. попала в Москву и поступила учиться на акушерские курсы. В Москве она вошла в нелегальный Рязановский кружок, где познакомилась с С.Н. Прокоповичем — студентом, исключенным из Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии за участие в студенческом бунте. Одним из членов кружка был студент-юрист из Красноярска Петр Иванович Кусков, пропагандировавший в своих докладах как главную — идею конституции. «Конституция — единственный способ сговора правительства с народом» — а в «этом вся суть», — говорил он. Внутри кружка создавалась новая организация — «Партия народного права» (инициатор — М.А. Натансон), целью которой была борьба за «политические свободы в России». Когда Кусков был арестован и объявил голодовку, встал вопрос о том, как ему помочь. Свидания и передачи разрешались только близким родственникам, не разрешались даже невестам. Решительная Екатерина Дмитриевна тут же заказала венчание; в этом ей помогал Прокопович, с которым у нее уже начинались отношения более чем дружеские. «Случаев подобной экзальтированности было не мало», — рассказывает Екатерина Дмитриевна, упоминая как один из примеров брак Софьи Ковалевской. Для нее же самой этот «эпизод» стал судьбоносным. Свою жизнь она на многие годы связала с Прокоповичем, фамилию Кускова сохранила как псевдоним; идее же конституционного политического устройства, с которой ее познакомил молодой юрист, осталась верна в своих публицистических выступлениях[6].

В советских изданиях можно было часто встретить: «Кускова — бернштейнианка, автор пресловутого "Credo"». Но мало кому был известен следующий реальный комментарий к этой характеристике: в 1899 г. группа молодых социал-демократов на нескольких листочках набросала свои мысли о необходимости для рабочего движения сосредоточиться на экономических проблемах. Эти листочки были пересланы В.И. Ленину, который воспринял их как credo «либерального умствования» и тут же организовал «Протест российских социал-демократов», опубликовав его за границей в виде оттиска из газеты «Рабочее дело». Протест подписали В.И. Ленин, Н.К. Крупская, Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов и другие ортодоксальные социал-демократы, всего 17 подписей. Ленин уделил «Credo» и несколько страниц в своей работе «Что делать?»[7]. Документ был истолкован как программа «экономистов», несовместимая с социал-демократическим курсом на создание активной политической партии[8].

Мало что говорило о Кусковой и перечисление всех партий и политических группировок, в которых она состояла или к которым примыкала. Она

представляла собой классический пример так называемой «общественницы». Этот статус определялся особенным психологическим состоянием: прямое и немедленное реагирование, часто почти инстинктивное, на любую несправедливость, на любое горе, несчастье другого — то, что принято называть состраданием. И, как вспоминал о ней знавший ее Роман Гуль, — «тут не было ни эллина, ни иудея, ни богатого, ни бедного, ни правого, ни левого — люди и только люди!»[9].

Трудно найти в нашей предреволюционной общественной жизни фигуру, подвергавшуюся стольким нападкам, иногда беспардонным, и получившую столько весьма иронических и грубых характеристик, как Кускова: «мадам», «Екатерина Третья», «Екатерина полувеликая», «Керенский в юбке», ленинское ругательство «Прокукиш» (Прокопович, Кускова, Кишкин). В.В. Розанов, упоминая Кускову, регулярно именовал ее «Елизаветой», а Демьян Бедный напечатал о ней газетный пасквиль «Про тары-бары растабары одной белогвардейской гагары» (1932), и т.п.

«Общественник» — это обычно человек не узко-партийный. Общественная позиция Кусковой, хотя и существовала в русле общей социалистической ориентации, всегда отличалась внепартийной широтой, что отмечалось многими мемуаристами, — и не только друзьями, но и политическими противниками. В 1954 г., в конце ее жизни, Г. Аронсон рисовал «портрет общественного деятеля»: «Десятилетия публицистической деятельности Екатерины Дмитриевны Кусковой свидетельствуют, что в ее лице русский читатель имеет на редкость выдержанного внепартийного представителя русской демократической и социалистической мысли, — который так и не нашел для себя ни партийной полочки, ни партийной этикетки, — выступления которого, обычно окрашенные яркой эмоциональностью, отличаются элементом не групповой или кружковой, а отчетливо выраженной личной ответственности»[10]. А М. Карпович писал в некрологе о ее «способности видеть за общественно-политическим "лесом" составляющие его живые "деревья" <...> и этим политику очеловечивать»[11].

Ту же черту Е.Д. Кусковой замечал такой ее политический оппонент, как В. Розанов:

«15.VII.1914

Все мне говорят, что Кускова — при всей ее сумбурности (когда же баба бывает умна) — женщина с добрым сердцем.

А это — главное.

Ее забота о молодых девушках — трогательна.

Ее *боль*, что они отходят...

Кто в наше время болит о ком-нибудь. Она явно болит не о том, что через "отхождение" малится революция, а о них самих, отходящих девушках, о "разлуке"...

Это — замечательно и ново»[12].

Очеловечивание политики, неприятие узко-партийной и догматической политической линии, как и сострадание к людям, свойственно было и «еретику» (как он сам себя называл[13]) Максиму Горькому, что периодически их с Кусковой сближало в поворотные моменты русской исторической жизни.

Несколько слов о ее биографии. Екатерина Дмитриевна Кускова родилась в Уфе в семье учителя-словесника и малограмотной татарки. В юношеские годы она познала горе, нищету, скитания по российским провинциальным городам (Самара, Новоузинск, Саратов) с их изнуряющей душу скукой. Отец с детства приобщил ее к книгам; книги «спасали меня от меланхолии. В них я искала забвения от всего, что меня окружало»[14]. В 1879 г., когда семья переехала в Саратов, Катя с сестрой (моложе ее на два года) поступили в Мариинскую женскую гимназию. Глубокий душевный след оставила разыгравшаяся семейная драма: отец увлекся молодой «нигилисткой», мать с девочками ушла из дома, вскоре пришло известие: отец застрелился[15]. Мать устроилась работать в богадельню[16].

Первым историческим событием гимназических лет стало 1 марта 1881 г. По приказу классной дамы уроки были отменены, и класс был отправлен на панихиду молиться за убитого царя (Александра II). Как вспоминает Екатерина Дмитриевна, это событие еще было ей тогда мало понятно, но возбудило интерес, которого раньше не было, — интерес к нигилистам и к общественной жизни. В Саратове умерла мать, девочки остались сиротами. В 16 лет Е.Д. вышла замуж за 32-летнего учителя физики И.П. Ювеналиева, за плечами которого было уже пять лет ссылки. «После замужества открылся совершенно новый мир: саратовский период русской революционной общественности». 1880–1890-е гг. она назвала «эпохой самообразования» — «такая своеобразная и теперь кажущаяся несколько наивной. Однако это ведь она воспитала целое поколение, на плечи которого история возложила непосильные задачи»[17].

После участия в саратовских голодных бунтах 1891–1893 гг. Кускова была арестована и сослана «за неблагонадежность» в Нижний Новгород. Здесь летом 1893 г. и познакомилась с Горьким. Оба уже прошли свои «университеты» — им было по 25 лет.

В своих воспоминаниях она пишет: «Город "купцов" и "мещан" оказался переполненным настоящими и будущими революционерами! Почему самодержавие сочло возможным создать такой очаг, — и где? Вблизи огромного металлургического завода, Сормово, теперь — "Красное Сормово"?»[18]. Кускова попала в среду передовой нижегородской интеллигенции, в круг горьковских знакомых — В.Г. Короленко, Н.Ф. Анненского, С.Я. Елпатьевского и многих других людей, уже имевших политическое прошлое. В пансионе на Вознесенской улице, где поселилась Кускова, происходили многочисленные собрания, шли «споры двух главных кланов русского революционного дви-

жения — народников и марксистов», «спорили страстно, "до утра" — здесь поколение готовило себя к борьбе за справедливость». Горький потом назвал эту эпоху в целом «эпохой Короленко». Политические симпатии Екатерины Дмитриевны клонились к марксизму. «Марксизм как наваждение привлекал <...> Их стройные анализы русской действительности покоряли»[19].

Горький в это время был в гражданском браке с О.Ю. Каменской. На собрания он ходил, среди его участников вращался, но, вспоминает Екатерина Дмитриевна, «садился в угол и слушал внимательно, а потом — при встречах — давал свои комментарии, всегда остроумные и неожиданные <...>. Ну и скучища же, доложу я вам, у вас... Пролетариат, люмпен-пролетариат, крестьянство... А... человек-то где? Человека у вас нет — все набор слов... Кто кого перещеголяет... <...> Вал, откос он любил какой-то страстной любовью; мог сидеть всю ночь. <...> А на нас сердился:

— Да бросьте вы Маркса сосать! Слушайте соловьев. Много больше душе говорят... <...> Максим Горький часто говорил потом: "Я ненавижу политику, я люблю быт и живую жизнь"... Но сам он вечно пребывал в этом политическом окружении и в значительной мере брал из него свои сюжеты»[20].

Кускова приехала в Нижний со старшим сыном Колей, похоронив П.И. Ювеналиева (умер от туберкулеза), а спустя два года она похоронила и младшего мальчика. Туберкулез ее преследовал (от туберкулеза умерли ее мать, муж и его три брата, прогрессировал и ее собственный туберкулез). Рядом не было и друга, С.Н. Прокоповича. «Горячей всего к этому моему несчастью относился А.М. Горький»[21]. Обоим запомнились встречи и разговоры в Нижнем. «В те годы крепкая, хорошая дружба связывала меня с Горьким. Мы часто виделись <...> он рассказывал мне о разных эпизодах своей жизни и тепло заботился о моем здоровье»[22]. Много позже вспоминал об этом времени и Горький (п. 12).

Нижегородский период их дружбы закончился для обоих переменой в личной жизни. Горький переехал в Самару и в августе 1896 г. обвенчался с Е.П. Пешковой, которая позже станет подругой Кусковой и ее соратницей по благотворительной работе в Политическом Красном Кресте. К Е.Д. в Нижний приехал С.Н. Прокопович и устроил ее переезд в Москву, а оттуда — в марте 1896 г. — в Швейцарию, к Г.В. Плеханову. Екатерина Дмитриевна нуждалась в лечении, была и общественная цель — знакомство с рабочим движением на Западе. Порвав с Плехановым[23], Кускова с Прокоповичем вошли в «Союз освобождения» — нелегальную организацию либеральной интеллигенции, принадлежавшей к левому крылу Земского движения.

Горький и Кускова были активными участниками революции 1905 г. Но документами об их личных встречах и переписке в то время мы не располагаем. В октябре 1905 г., на Первом (учредительном) съезде Конституционно-демократической партии («кадетов»), Кускову заочно выбирают в ее ЦК, но

вступить в партию с программой конституционной монархии она отказывается и организует особую внепартийную группу «Без заглавия», в которую вошли представители распавшегося «Союза освобождения», отказавшиеся примкнуть к кадетской партии. В 1906 г., вместе с мужем и В.Я. Богучарским, Кускова начинает издание еженедельника «Без заглавия». Горький в том же году поддерживает идейно и материально первую легальную большевистскую газету «Наша жизнь», но интересуется и изданием Кусковой[24].

В 1906 г., в период послереволюционной реакции, Кускова вступает в масонскую ложу. Свою причастность к масонству позднее она объяснила в письме Н.В. Вольскому; приведем из этого документа некоторые тезисы, важные для нашей темы. Она пишет здесь о масонстве периода «после гибели революции 1905 г. во время диких репрессий <...>. Ничего общего это русское масонство с заграничным масонством не имеет. *Это* русское масонство отменило *весь* ритуал, всю мистику. Цель масонства — политическая, работать в подполье, на освобождение России». А для этой цели — «захватить высшие и даже придворные круги <...>. Движение это было *огромно*. Везде были "свои люди". Такие о-ва, как Вольно-Экономическое, Техническое, были захвачены целиком. В земствах то же самое <...>. К Февральской революции ложами была покрыта вся Россия»[25].

Причастность к масонству была для Кусковой достаточно органичной. Она видела перед собой цель не только «работать на освобождение России», но и консолидировать все слои общества и вовлечь их в культурно-цивилизационное преображение страны. Характерны ее наблюдения за нижегородской жизнью 90-х гг. и популярностью Горького: ссыльные интеллигенты, спорящие о судьбах России, «в то время жили еще оторванной от окружающей действительности жизнью <...>. Мы искали союза с "низами"; одни — с крестьянами, другие с рабочими. А нами интересовались и — так казалось — нам симпатизировали круги так называемой буржуазии. "Мучные богачи" Блиновы, Бугровы весьма гордились знакомством с Максимом Горьким и вообще с радикалами. Давали и субсидии на разные культурные предприятия <...>. Так что нельзя сказать, что верхушка населения совсем не интересовалась высланными. Странно было лишь то, что тянулась она к левым. Правые, как и во все предреволюционное время, были — в нетях»[26].

В предреволюционное время, когда вся Россия, по словам Кусковой, была покрыта масонскими ложами, Горький, нуждаясь в материальной поддержке для осуществления своих проектов и замыслов (газеты «Луч» и «Новая жизнь»), не раз обращался к тем самым «высшим кругам», в которых было немало масонов, иногда через Е.П. Пешкову, за помощью.

Кускова неоднократно выступала в дореволюционной печати в поддержку Горького — например, в журнале «Запросы жизни» в 1912 г.[27] Сближало

их стремление объединить все демократические силы для нового выступления против самодержавия. В Февральскую революцию они не раз встречались и переписывались; в *АГ* хранятся письма к нему Кусковой за 1916–1917 гг. Это был второй период их сближения[28].

Первое из публикуемых в настоящей работе писем (п. 1) относится к периоду, когда Кускова пытается найти свое место в новой стране и наладить диалог общественности с властью. В 1921 г. она — один из главных организаторов, наряду с С.Н. Прокоповичем и Н.М. Кишкиным, знаменитого Комитета помощи голодающим (Помгол). В яркой статье «Месяц "соглашательства"»[29] Кускова поведала обо всех обстоятельствах деятельности Комитета, его разгрома большевиками и об особой роли Горького в этих событиях.

Весной 1921 г. она обращается к Горькому с просьбой дать «поручительство» за нее и за мужа для поездки за границу (Прокоповичу была нужна операция — подозрение на рак). Приведем отрывок из воспоминаний Е.Д., где она передает свой разговор с В.Р. Менжинским:

«... первый визит — к Менжинскому, с которым мне нередко приходилось иметь дело в качестве члена совета Политического Красного Креста (ПКК).

— ... Возможна ли эта поездка?

— С тем, чтобы вернуться?

— Мы остались в России и не желаем ее покидать. Вы это очень хорошо знаете. Если бы желали покинуть, к вам за разрешением не обратились бы.

— В таком случае найдите поручителей.

— Вот как! За что же они будут ручаться, т.е. чем они рискуют, — ведь так нужно говорить?

— Да, так... Они ручаются за... Ну, скажем, за вашу благонадежность.

— <...> Чье же поручительство вам будет достаточно? Коммунист, очевидно, за нас не поручится.

— Надо полагать. Коммунисты народ дисциплинированный.

— Достаточно ли вам поручительство А.М. Горького?

Он рассмеялся.

— Горький... Горький... Вы, значит, уверены, что Горький не коммунист?

— Да, я в этом уверена, как уверена и в том, что он вполне благонадежен и революции предан...

— Какой революции? — опять засмеялся он. — Наша революция жестковата для его мягкого характера. Он ее выносит с трудом, постоянно защищая старорежимных знаменитостей... Да, он слишком мягок.

— И его поручительства вам недостаточно?

— Нет, отчего же. Если... он поручится... Вы в его согласии уверены?

— О, нет. Я не могу предложить вам никакого другого имени, которое вас удовлетворило бы.

— Да, это имя хорошее... Пожалуйста, подайте анкету с его поручительством. Если, конечно, оно будет»[30].

Поручительство Горький охотно дал, как и Е.П. Пешкова, но тогда поездка не состоялась. Врачи, лечившие С.Н. Прокоповича, засомневались в диагнозе. Тем временем развернулась активная работа по созданию Комитета помощи голодающим, шли переговоры с Кремлем о том, как общими усилиями общественности и власти оказать помощь районам, охваченным голодом. «Видеться с Горьким в эти дни приходилось часто, — вспоминает Кускова, — он был посредником между Кремлем и нами»[31]. Вновь их сближало общее дело. Кускова с соратниками предлагали большевикам сменить «тактику» на «эпоху доверия» ради спасения людей, привлечь помощь США, освободить будущих членов Комитета от надзора чекистов, обеспечить свободу их действий; они давали рекомендации целому ряду своих союзников, способных объединить общественные силы, разбитые гражданской войной (п. 1).

Горький, более месяца находясь в Москве, не раз беседовал с Ф.Э. Дзержинским и В.И. Лениным и встретил с их стороны согласие на создание Комитета, который Л.Б. Каменеву было поручено возглавить со стороны правительства. 21 июля 1921 г. председателем ВЦИК М.И. Калининым и секретарем ВЦИК А.С. Енукидзе были подписаны два официальных документа: «Декрет Всероссийского Центрального Комитета о "Всероссийском Комитете Помощи Голодающим"» и «Положение о "Всероссийском Комитете Помощи Голодающим"», опубликованные двумя днями позже в газете «Известия ВЦИК»[32]. Декрет сочинен был общественниками. Комитету присваивался знак Красного Креста, участникам предоставлялось право приобретать продовольствие в России и за границей, собирать пожертвования, создавать отделения как на местах, так и за рубежом, командировать с этой целью своих уполномоченных, издавать бюллетень, брошюры и плакаты, связанные с деятельностью Комитета, собирать пожертвования, пользоваться натуральными фондами и денежными суммами, предоставляемыми государством. Отчеты об этой работе следовало передавать во ВЦИК и обнародовать в печати.

Во втором документе был поименно перечислен состав Комитета (63 имени). Этот уникальный документ исторической важности зафиксировал кратковременную «эпоху доверия» между властью и общественно настроенной частью русской интеллигенции, среди которой многие неохотно пошли на соглашение с большевиками. В числе 63 членов Комитета были Е.Д. Кускова и М. Горький, звание почетного председателя согласился принять В.Г. Короленко.

Комитет оживил общественную жизнь: при нем было открыто отделение студентов, к работе привлекались даже дети («бойскауты», служившие почтальонами), был организован «Комитет им. Л.Н. Толстого», который вместе с Московским Вегетарианским Обществом тоже занимался помощью голо-

дающим. Еще раньше прозвучал и продолжал звучать голос Горького с призывом к мировой общественности помочь России справиться с голодом[33]. По радио стран Европы и Америки прозвучали и Воззвание патриарха Тихона о помощи голодающим, и его обращение к российской пастве и главам христианских церквей за границей. Прибывший из США представитель Г.К. Гувера, руководителя АРА (Американская администрация помощи, American Relief Administration, в 1921–1923 гг. занимавшаяся помощью голодающим в Советской России), вел переговоры с властью. Решение послать за границу в качестве «особо уполномоченного» Горького было принято почти одновременно общественниками на предварительном совещании Помгола[34] и на заседании Всероссийской Комиссии по борьбе с голодом при ВЦИКе, учрежденной еще до Помгола, с оговоркой: «пока этого назначения не опубликовывать»[35]. Поддерживая кандидатуру Горького, Помгол готовил к загранпоездке и свою делегацию. Делегация Помгола должна была выехать 18 августа (паспорта и визы были готовы). Но в этот день пришла бумага из ВЦИКа с распоряжением отъезд делегации отложить, а членов Комитета отправить в голодающие районы распределять продовольствие.

Это распоряжение члены Комитета сочли нарушением Декрета со стороны власти, и прежде всего его пункта о работе Комитета за границей. Этот пункт они считали основой надежд, исходя из того, что «помочь может лишь заграница», с чем поначалу был согласен и возглавивший Комитет Л.Б. Каменев, признававший, что внутрирусскими средствами не справиться с разразившейся катастрофой. Но Кремль не хотел допустить активной связи русской общественности с заграничными общественными организациями и разбуженного деятельностью Комитета роста частной инициативы. Горький, занимая положение «между», понимал, что есть Кремль, а за ним стоит Лубянка, и заранее предупреждал Кускову в частном разговоре о том, что Комитету «грозит величайшая опасность», а мнение Лубянки таково: «Дело в Декрете. Этот Декрет противоречит всему советскому строю <...> Мы не позволим этому учреждению жить»[36].

На нарушение Декрета Комитет ответил решением о своем закрытии. Каменев это решение квалифицировал как «восстание против высшего органа республики — восстание против ВЦИК-а»[37]. 26 августа члены Комитета были арестованы. Знак Красного Креста — а именно он был гарантией того, что деятельность общественников будет вне политики, не помог «эпохе доверия» удержаться надолго: «... в стране, пораженной гангреной гражданской войны, удержаться на краснокрестной почве нет никакой возможности» — вывод, к которому подвели события. Кускова точно передает картину политической жизни России в 1921–1922 гг.: «В недрах самой власти все время борются два течения. Одно, чисто коммунистическое, узко партийное, враждебное всяким соглашениям; другое — “советское”, рожденное необходимостью строить

не коммунистический, а советский, т.е. государственный аппарат. В конечном счете судьба самой советской власти зависит от того, победит ли в ней "советское" течение, произойдет ли — другими словами — резкое разделение власти, управляющей государством, и компартии, управляющей лишь своими членами». Такого разделения не произошло. Как показала дальнейшая история, произошло слияние: компартия сделала «коммунизм официальной религией российского государства»[38].

Активных организаторов Комитета намеревались приговорить к высшей мере наказания, но под давлением поднявшегося большого шума в Европе и США суровое наказание было заменено на высылку за границу. Кускова и Прокопович уехали раньше других. Разгром Помгола стал прологом к знаменитой высылке философов и писателей в 1922 г. (т.н. «философский пароход», см. примеч. к п. 1 и 2), которую, таким образом, Кускова с Прокоповичем открыли собой.

Заполняя в Бутырской тюрьме Опросный лист, на пункт «Повод к аресту» Е.Д. Кускова ответила: «По-видимому, слишком активное содействие Советской власти в деле помощи голодающим». В графе «Особые замечания» она подвела итог истории с Помголом: «Ввиду отказа ВЦИКа выпустить за границу делегацию Комитета, а без ее работы работа Комитета была бы бессмысленна и создавала бы лишь параллель с комиссией ВЦИК (Комиссия Помощи голодающим) Комитет решил 27 августа закрыть свои действия. На этом моменте и произошел арест»[39].

Ю.Н. Максимов, участник студенческого отделения Помгола (который Ленин тогда издевательски назвал «Прокукиш»), вспоминал, что арестованные члены Помгола были отправлены во внутреннюю тюрьму на Лубянке, где в большой камере было 100 человек; 10 женщин из их числа были помещены в углу, огороженные одеялами. Эпизод, дающий яркий штрих к портрету Е.Д. Кусковой: «Во вторую ночь открылась дверь камеры, и вошедший пожилой охранник довольно неряшливым тоном спросил: "Кто тут тóлстая Александра? На допрос!" Мужчины еще не успели ответить на эту грубость, как Кускова, в одной ночной сорочке, выскочила из-за перегородки и в повышенном тоне резко ответила: "Здесь никакой Толстой Александры нет! Вон отсюда!". Ее поддержали мужчины, и охранник поспешил скрыться.

Вскоре появился другой охранник, молодой, хорошо одетый, и очень вежливо спросил: "Кто тут Толстая Александра Львовна? Оденьтесь на допрос!". Александра Львовна уже была одета»[40].

Горький свой отъезд из России оттягивал. В качестве «особоуполномоченного» ни от ВЦИКа, ни от Помгола он ехать не хотел. Своими сомнениями он делился с Лениным в письме от 29 или 30 июля 1921 г.: «...моя поездка за границу организуется нелепо...»[41]. О том же 4 августа 1921 г. Горький пи-

сал сыну[42]. Свое предотъездное настроение он выразил в письме от 18 августа 1921 г. к М.Ф. Андреевой в Берлин:

«Все, что мог, я уже совершил — послал воззвание С. Ш. С. А., республикам Южной Америки, Канаде, всем Европам, даже Китаю, и нахожу, что этого вполне достаточно. Убежден, что мои и товарища Патриарха Всея России красноречивые слова возымеют свое действие и Совреспублика будет засыпана хлебом, деньгами, салицилкой, будет залита касторовым маслом и другими благами, совершенно необходимыми для спасения народов ее от голодной и поносной смерти.

Лично же мне ехать, имея на правом плече пятерых кадет, а на левом — двух коммунистов — какой смысл? Они будут промежду себя политику делать, а я пакостями заниматься не хочу. <...>

Но — возможно — что я поеду лечиться и отдыхать в сентябре, может. Сначала выпровожу отселе всех Гржебиных и других, имя же им легион, а затем и сам двинусь»[43].

М.Ф. Андреева в ответном письме от 28 августа, присоединяясь к «солидным и разумным людям», настойчиво звала Горького приехать:

«Для дела помощи — твой приезд абсолютно необходим, твой не приезд отзовется страшно губительно, т.к. никаких Кусковых-Прокоповичей-Кишкиных здесь не знают, да и знать не хотят, кроме эмигрантов <...> эти, конечно, будут ликовать, что ты не приедешь, т.к. всем им нож острый, что ты — ты! Бунин, Мережковский-Гиппиус, Куприн, Чернов и К — им не верят, их не слушают, а Горькому, злодею, верят»[44]. Горький уехал за границу только 16 октября 1921 г., совершенно больной и душевно подавленный.

Когда в июне 1922 г. Кускова и Прокопович приехали в Берлин, Горький с Кусковой обменялись приветливыми письмами, поинтересовавшись здоровьем друг друга. Горький тут же предложил ей участие в «Летописи Революции» (см. п. 3 и 4 и примеч.). Но Кускову ожидало новое испытание — недоброжелательная реакция некоторых кругов русской эмиграции на ее попытки участвовать в общественно-культурной жизни России в контакте с советской властью, попытки, воспринятые как соглашательство и «сменовеховство», — по слову Р. Гуля, «куриная слепота социалистического доктринерства»[45]. Позднее подобное же отношение вызывало ее стремление засыпать ров вражды между Россией в эмиграции и в отечестве, в том числе ее участие в «возвращенстве», — как «иллюзия примирения» (см. примеч. к п. 5, 7).

С 1928 г. в давнишнем и дружеском общении двух корреспондентов появляется уже отчетливо трещина (см. письма 1929 г. и примеч.). Расхождению способствуют и помпезный прием в 1928 г. приехавшего в СССР Горького, и посещение им Соловецкого лагеря, и особенно горьковская реакция на политические процессы 1930 г.

Точку же как в их переписке, так и во взаимоотношениях, поставили два последних письма Е.Д. Кусковой — от 8 сентября и 27 октября 1930 г. (см. п. 16 и 17 и примеч.). Она писала в них о своей убежденности в «полной невиновности» и «бесспорной честности» жертв одного из первых сталинских политических процессов и призывала Горького сказать свое слово: «Ваше веское вмешательство может изменить ход вещей» (п. 16).

Но Горький уже в «ее логике» продолжать разговор не мог. Вместо ответного письма появилась его статья «Об умниках»[46], где он цитировал личное письмо Кусковой и причислял ее к «умникам», которым советовал «для окончательного успокоения своего — позаботиться о могилах...». Кускова со свойственной ей настойчивостью сама завершила эпистолярный диалог последним письмом от 27 октября 1930 г.: «Вы вычеркиваете себя из разряда защитников жизни людской, каким Вы еще были в 1917–1921 годах...» (п. 17). Разговор в переписке был исчерпан в 1930 г. и перенесен обоими корреспондентами в их публицистику. За 30-е гг. (с 1931 по 1938 г.) Кускова опубликовала в парижских газетах «Последние новости» и «Современные записки» семь статей о Горьком. Статья «Трагедия Максима Горького» появилась в печати спустя 18 лет после смерти писателя, в 1954 г. Здесь опубликовано горьковское письмо от 22 января 1929 г. с рассуждениями о «правде». Кускова позднее назвала это письмо «психологическим документом огромного значения», после которого, по ее словам, «Горький, как свободный писатель, — умер»[47]. Эта итоговая и наиболее концептуальная из статей Екатерины Дмитриевны о писателе получила широкую известность в зарубежной литературе, где она постоянно цитируется и анализируется как авторитетное суждение о Горьком, но долгие годы была неизвестна на родине. В этой статье Кускова передала свое понимание изменившихся взглядов Горького и его решения полностью принять политическую линию большевиков и возвратиться на родину: «Развести Горького с этой анархо-босяцкой революцией, — пишет она, — это не только "смешно", но и невозможно, уже потому, что в рядах современной после-революционной эмиграции ему места не было и быть не могло: современная русская эмиграция — в массе своей — больше всего на свете ненавидит разного рода "буревестников".

Однако возвращение на родину могло быть куплено лишь страшно дорогой ценой: *безоговорочным признанием режима и его славословием*»[48].

В настоящей работе печатается 17 писем, из них 5 Горького и 12 писем Кусковой. Все письма Кусковой, кроме одного, печатаются впервые, по автографам, хранящимся в *АГ*. Письмо Горького от 22 января 1929 г. ранее было опубликовано вне контекста двусторонней переписки в журнале «Советские архивы»[49].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. о нем ст.: *Кускова Е.Д.* Трагедия Максима Горького // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 38. С. 224–245.

[2] Этот период отражен в письмах. См.: *Горький. Письма.* Т. 11, 12; см. также публикацию: Письма Е.Д. Кусковой Горькому (1915–1917) // *Горький в зеркале эпохи.* С. 425–461.

[3] *Ленин В.И.* Собр. соч.: В 30 т. Изд. 3-е. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 2. С. 665.

[4] Там же. Т. 10. С. 529.

[5] *Кускова Е.* Давно минувшее // Новый журнал. Нью-Йорк. № 43 (1955), 44, 45, 47 (1956), 48–51 (1957), 54 (1958).

[6] Об этом этапе жизни Е.Д. Кусковой см.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. № 50. С. 179–194.

[7] См.: *Ленин В.И.* Собр. соч.: В 30 т. Изд. 3-е. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 6. С. 18, 19, 38, 40, 75, 76 и др.

[8] Однако в т. 2, 3-е изд. Полн. собр. соч. Ленина появилось письмо в редакцию его сестры, Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, в котором она сообщала о том, что название «Credo» принадлежит на самом деле ей и было вписано ею при химическом переписывании документа перед его отправкой в ссылку Ленину: «... я обвиняла себя, что неточность его обозначения в моем письме придала ему в глазах брата большее, чем следовало, значение. И я поспешила объяснить, что именем "Credo" документ назван мною и что молодые соц.-демократы, насколько мне известно, им не руководствуются. Но протест тем не менее был составлен и послан <...> Помню также, что Кускова очень возмущалась, — один раз в личном разговоре со мною, — что документ был назван "Credo", как авторы его не называли». Но клеймо, поставленное Лениным, долгое время тяготело над Кусковой, заслоняя не только сущность ее общественно-политической позиции, но и самого живого человека, роль его в нашей истории. (*Ленин В.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 667–668. Во всех последующих изданиях сочинений Ленина письмо А.И. Ульяновой-Елизаровой уже не печаталось).

[9] *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии. Нью-Йорк, 1984. С. 189. — Глава «Возвращенство».

[10] *Аронсон Г.Я.* Е.Д. Кускова. Портрет общественного деятеля // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 37. С. 236–256.

[11] *Карпович М.М.* Е.Д. Кускова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. № 56. С. 288.

[12] *Розанов В.В.* Собр. соч.: В 27 т. М., 1994–2010. Т. 8. С. 466.

[13] «... я считаю себя везде еретиком. В моих политических взглядах, вероятно, найдется немало противоречий, примирить которые не могу и не хочу, ибо чувствую, что для гармонии в душе моей, — для моего духовного покоя и уюта, — я должен смертью убить именно ту часть моей души, которая наиболее страстно и мучительно любит живого, грешного и — простите — жалкенького русского чело-

века», — писал Горький в газете «Новая жизнь» (1917. № 6. 25 апр.). Цит. по кн.: *Несвоевременные мысли*. С. 26.

[14] *Кускова Е.* Давно минувшее // Новый журнал. Нью-Йорк, 1956. № 45. С. 143.

[15] Там же // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. № 43. С. 110–118.

[16] Об этом периоде см.: там же // Новый журнал. Нью-Йорк, 1956. № 44. С. 124–142.

[17] Там же // Новый журнал. Нью-Йорк, 1956. № 45. С. 149–180.

[18] *Кускова Е.* Трагедия Максима Горького // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 38. С. 232.

[19] *Кускова Е.* Давно минувшее // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 50. С. 181–182; № 51. С. 163.

[20] *Кускова Е.* Трагедия Максима Горького // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 38. С. 232–233.

[21] *Кускова Е.* Давно минувшее // Новый журнал. Нью-Йорк. 1957. № 51. С. 168.

[22] Там же. С. 169.

[23] См. кн.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. М.; Пг.: Изд. Р.М. Плехановой, 1925, где дана резкая критика «экономистов».

[24] См. письмо Горького К.П. Пятницкому (март 1906 г.) в кн.: *Горький. Письма*. Т. 5. С. 148.

[25] Цит. по кн.: *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986. С. 215.

[26] *Кускова Е.* Давно минувшее // Новый журнал. Нью-Йорк, 1956. № 51. С. 159–160.

[27] См. напр., статьи Кусковой «В тишине» и «Великие туманы» в журнале «Запросы жизни» (1912. № 7. 17 февр.; 1912. № 18. 5 мая).

[28] Подробнее об этом периоде см. публикацию «М. Горький. "О современности" 1912 г.» в кн.: *Публицистика Горького*. С. 238–239.

[29] Воля России. Прага, 1928. № 3–5.

[30] *Кускова Е.* Как это было // Последние новости. 1938. № 6215. 1 апр.

[31] *Кускова Е.* Месяц «соглашательства» // Воля России. Прага, 1928. № 3. С. 60.

[32] Известия ВЦИК. 1921. № 160. 23 июля. С. 1.

[33] См. примеч. 9 к п. 363 в кн.: *Горький. Письма*. Т. 13. С. 538–539.

[34] См.: Протокол от 12 июля 1921 г. (Там же. С. 546).

[35] См.: Протокол от 19 июля 1921 г. в кн.: *Неизданная переписка*. С. 231.

[36] *Кускова Е.* Месяц «соглашательства» // Воля России. Прага, 1928. № 3. С. 69.

[37] Там же // Воля России. Прага, 1928. № 5. С. 71.

[38] Там же. С. 54–55.

[39] Опросный лист Международного Политического Красного Креста, заполненный Е.Д. Кусковой в Бутырской тюрьме 17 окт. 1921 г.: см. кн.: «Наш спор с Вами решит жизнь»: Письма М.Л. Винавера и Е.П. Пешковой к Е.Д. Кусковой. 1923–1936. М.: Братонеж, 2009. С. 216–217.

[40] *Максимов Ю.Н.* Комитет помощи голодающим // Память: Исторический сб. Вып. 4. М., 1979; Париж, 1981. С. 392.

[41] Полный текст письма см. в кн.: *Горький. Письма.* Т. 13. С. 216–217.

[42] Там же. С. 221.

[43] *АГ.* ПГ-рл-2а-1-74.

[44] *АГ.* КГ-рзн-1-159-43.

[45] *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии. Нью-Йорк, 1984. С. 189. – Глава «Возвращенство».

[46] Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. № 286. 16 окт.

[47] *Кускова Е.* Трагедия Максима Горького // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 38. С. 243.

[48] Там же. С. 239.

[49] Советские архивы. 1968. № 1. С. 67–69.

1. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
27 июля 1921, Москва

27/VII-1921.

Дорогой
Алексей Максимович!

Оказывается, бумаг не примут без подписи 2-х поручителей. Не откажите на всех 4-х бланках поставить свою подпись. О том же прошу и Екат. Павл. Остальные поручители (Проф. Чаянов, член коллегии Моск. Нар. банка Авсаркисов и Начальник счетно-финан. отдела Центросоюза Садырин) дадут свое поручительство на особых подписках[1].

Горячо благодарю Вас за Ваше согласие помочь нам в нашей беде. Ведь если б здесь и прошла благополучно операция (подозревается раковая опухоль желудка близ привратника), я не в состоянии буду здесь ни кормить его как нужно, ни создать соответствующей психологической обстановки, необходимой для поправки.

Теперь о другом деле. Посылаю Вам набросок для Вашего разговора с В.И. Мышкиным[2]. С востока продолжают приезжать люди и привозить все более и более кошмарные вести. Не думаю, чтобы хотя бы какой-нибудь из самых отвлеченных принципов большевизма мешал бы власти переменить тактику и своеобразной «эпохой доверия» организовать *все* силы для борьбы со смертью. Не думаю также, чтобы без этой «эпохи доверия» Америка пошла бы на жертвы в пользу русского населения. Но столь же определенно уверена, что малейший сдвиг власти в эту сторону довольно резко изменил бы картину[3].

Что касается людей, кот. можно было бы привлечь в комитет, то при известных условиях (работа без няни-комиссара, без постоянного ознакомления с провинциальной ЧК, без этого повального воровства и взяточничества) — многие и многие отдали бы свои силы для спасения населения.

Наряду с большевиками типа Н.А. Семашко, А.И. Рыкова, Н.И. Муралова и некоторых других необходимо было бы во что бы то ни стало привлечь таких людей, на зов которых бы пошли различные общественные слои: Вы, проф. Л.А. Тарасевич (превосходный, европейски известный бактериолог) все время работавший с Н.А. Семашко; Проф. П.Н. Диатроптов (врач, очень известный), д-р Н.М. Кишкин — виднейший работник Городского Союза, 1-й комиссар Москвы во время Февральской Революции работавший в наилучших отношениях с Сов. Раб. и Кр. Депут. того времени[4].

Из кооператоров необходимо привлечь директора Кооператив. Банка М.И. Авсаркисова, П.А. Сатырина, Левицкого Ал. Пав.[5] Эти

люди разбудят кооперативную провинцию, без кот. вообще нельзя бороться с голодом, ни восстановлять «производства».

Необходимо также было бы присоединить кого-либо из экономистов — профессоров, затем из инженеров, в особенности транспортников, от профессиональных союзов!

Такой Комитет должен непременно обладать известной свободой действий и неприкосновенностью, — иначе его общественное и даже технически-организационное значение сведется к нулю.

Но сложить руки и молча ждать, когда восточная беда стихийно двинется и сюда, в центр, и на сравнительно благополучную Украину, — невозможно же!

Я знаю, что общественные силы России разбиты. Оставшиеся в живых полысели, постарели, обезножили. У многих отшибло разум, — думают только о хлебе...

И все-таки...

И все-таки остается что-то неразбиваемое, всегда ценное это — не бездушная работа бюрократа, — от сих до сих, а определенное и целесообразное достижение поставленной цели иногда и с долей самопожертвования.

Еще раз благодарю Вас за себя и Сер. Ник. Если нужно мне будет лично говорить с Дзержинским[6], — попросите, пожалуйста, Екат. Павл. позвонить мне, чтобы я знала, когда и куда идти. Уверьте его, пожалуйста, что ни я, ни Сер. Ник. ни при каких обстоятельствах не покинем России, не превратимся в заседающих эмигрантов, что едем мы (если едем!!) за границу исключительно для лечения невыносимо страшной для меня болезни (помните Богучарского[7]?), и что в случае благополучного исхода оба мы через 2–3 месяца будем здесь, в Москве.

Жму Вашу руку.

Ек. Кускова-Прокопович

P.S. Пожалуйста, верните анкеты посланные, т.к. сегодня я их должна подать. Привет Екат. Павловне.

2. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
24 июня 1922, Берлин

Берлин, 24/VI.1922

Дорогой
Алексей Максимович!

Из газет Вы, вероятно, знаете, что мы неизвестно каким чудом попали за границу[1]. Сообщу Вам свой адрес и просьбу Екат. Павл. Она убедительно просит Вас не возвращаться в Россию[2].

Как Ваше здоровье и самочувствие? Разрешено выехать за границу всем членам Комитета. Пока воспользоваться этим смогли только мы, двое. И то с трудом, ибо ни у кого из нас нет ни гроша денег. Остальные — с семьями и детьми боятся сюда двинуться, боятся тут погибнуть. В Москву нас не пускали и не пустят долго.

Крепко жму Вашу руку. Привет от С.Н.

Ек. Кускова-Прокопович

An Frau Prokopowicz, Hähnelstrasse, 20III, bei Skopnik, Wilmersdorf-Friedenaú.

3. ГОРЬКИЙ — Е.Д. КУСКОВОЙ
30 июня 1922, Герингсдорф

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

приездом Вашим — не удивлен, ибо еще в апреле знал, что всех членов Комитета решено «выселить» из России[1].

Не знаете, по каким именно мотивам Ек<атерина> Пав<ловна> рекомендует мне не возвращаться на родину? Хотя это несколько смешно, но — интересно[2].

Что думаете делать? Вероятно, у Вас есть охота писать — не поговорить ли Вам по этому поводу с Гржебиным? Вы, вероятно, знаете, что он затевает с Мартовым во главе — издание «Архива русской революции»? Уверен, что Вы и С<ергей> Н<иколаевич> могли бы много дать этому изданию[3].

Как здоровье С.Н.? И — Ваше[4]?

Я тут живу в окаянной деревеньке[5], под дождем, ветром; немножко поправился было — но третьего дня начал обильно кровохаркать и сердце болит.

Работаю. В августе собираюсь восвояси. Настроен — мизантропически.

У Вас нет охоты и возможности заглянуть сюда? Отдохнули бы.

Сердечно приветствую

А. Пешков

30.VI.22

4. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
3 июля 1922, Берлин

3/VII, 1922.

Дорогой Алексей Максимович!

Почему Вам не велено приезжать в Россию — не знаем, раз не сказана причина, — неудобно было спрашивать[1]. Правда? Но Ек. Пав. рассчитывала сама в конце июля приехать сюда. Тогда получите точное объяснение. Не знаю, удастся ли ей вырваться оттуда из-за своих дел. К тому же, кажется, опять потрескивает костер террора. Вряд ли она в такое время бросит Россию. Ведь ее деятельность там нужна всем несчастливым. Она делает им, вернее ей удается делать очень много[2].

Никак не могу разобрать, за что Вас тут так ругают. Статьи в Politiken не читала. Прошу ее достать. Говорят, Вы там «обругали и оплевали мужика и возвеличили пролетария». А так как у нас часто придают вещам тот смысл, какой кому нравится, то и хочу удостовериться, — как обругали и за что[3].

Писать хочу так, как только можно хотеть. Но только не воспоминания. Здесь уже зарычала на меня колония на одном собрании. Поставила на меня штемпель: «сменовеховка». Так со штемпелем и хожу. Снять не пытаюсь, но и в «Накануне» не пойду. Если и сменовеховка, то не эта, не накануньевская[4]. Вы вот ругаете мужика и любите пролетария. А я думаю, что ни мужика, ни пролетария сейчас никто из нас (тронутых культурой) любить не может. Но совокупность их всех со всей их дикостью и срамом на весь мир — дорога бесконечно... Никогда я так за границей не тосковала по своей дикой России, как сейчас. А ведь всего месяц — как я не там. Это вовсе не значит, что тут мне нехорошо. Очень хорошо. Первый раз за 4 $^1/_2$ ч. дышу свободно, не боюсь ночью автомобиля, хотя по-прежнему боюсь за своих друзей в России. Рада также, что не вижу грязи, вшей, не слышу брани, как слышала ее в Кашине и даже Москве. Все это очень приятно. И все же... И все же чувствую, что скоро страстно захочу домой, в Россию. К несчастью, этого сделать будет нельзя. Нас выселили, по словам Менжинского, на срок от 3 до 5 лет. Значит — надо обосновываться здесь, за границей. Разумеется, не сидеть сложа руки. Попробую найти более удовлетворяющую работу, чем «Архив» или воспоминания[5]. Почему-то

мне кажется, что несмотря на все желание большевиков мы в архив еще не сданы. Не знаю, права ли я?

Сер. Ник. займется изучением эконом. положения Европы после войны[6]. Это — нужно знать. Он стал поправляться еще в ссылке. Думаю, что в Москве он просто оголодал на пшене. В провинции ел хорошо и стал чувствовать себя лучше. Здесь его подлечу основательно.

А вот плохо, что Вы до сих пор не поправляетесь. А еще хуже — ехать в таком состоянии восвояси. Где Манухин[7]? Почему Вы его снова не вызовете к себе. И почему не уедете в горы? Если не пустят в Швейцарию, почему не поехать в Баварию, напр. в Parten-Kirchen? Место — дивное, дешевое и здоровое. Именно для легочных. Я там жила когда-то и даже с кровохарканьем. Очень поправилась. Жизнь — среди баварских крестьян, удивительно своеобразных. Это — в 40–50 килом. от Мюнхена. Но уж никак не в Россию.

Не могу читать без отвращения процесс эс-эров[8]. Зачем эти люди точно умышленно каждым своим шагом роют себе яму? Добиваются в Европе кредитов и — снова позорятся на весь мир, шарясь в каких-то старых тряпках. Изумительная, из ряду вон выходящая бестактность. Старое самодержавие было все же сдержаннее в своих азиатских выходках. Что это такое за нрав? Прямо дико читать.

Вы спрашиваете, не соберусь ли я в тот уголок, куда спрятались Вы. Если и хотели бы — не могу; Вы спрятались так основательно, что не захотели даже сообщить мне своего адреса. Поэтому — не знаю, куда ехать. Пожалуйста, выздоравливайте. Людей в России так мало, что боишься за каждого человека, кот. может что-то делать в культурном смысле.

Крепко жму руку.

С.Н. просит передать его привет и пожелание скорой поправки.

Hähnelstrasse, 20[III], Wilmersdorf-Friedenaú.

5. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ

14 августа 1925, Прага

14/VIII.25 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Хочу знать от Вас лично, правильно ли сообщение газет, что Вы на предложение приехать в Россию на чествование Академии наук ответили: «В Россию я больше не вернусь». Так как об этом все кругом трещат, с своими, конечно, комментариями, то хотелось бы знать, — Ваши ли это слова[1].

В недавнюю свою поездку в Берлин видела много людей из России. В том числе и тех, кто свою судьбу полностью связал с судьбой Советов. Рассказы — самые удручающие... По-видимому, поворота, здорового и соответствующего производительной и всесторонней работе по восстановлению страны ждать — рано или... невозможно? Но если последнее невозможно, — то не очередь ли за сторонниками Струве[2]? Теперь, когда я изучила разношерстную, но все же очень компактную, иностранную действительность, пришла к полной уверенности, что отсюда «поворота» не будет. Не будет и революции. А если в сентябре Германия войдет в Лигу Наций, то положение России станет в высшей степени опасным, она окажется окруженной полностью. При силе доллара — не опора? Я по-прежнему считаю, что то преступление, которое мы с Вами совершили в 1921 г., остается и до сих пор единственным бескровным путем для ликвидации периода «военного коммунизма» в политической области. Правда, наше преступление было совершено не в области политики, а в области общественного вмешательства в дело помощи голодным. Только ведь очень подлые из коммунистов говорят, что задачей нашей была «политическая спекуляция» на голоде. Кто из них почестнее, этого говорить не смеет. Но в общем, путь и для политики сводится к или-или. Или бескровный поворот к свободе, или кровавое устранение диктатуры. Теперь даже и не поймешь — чьей. Так думают и те, кого я видела в Берлине, — россейские. Но у них — острый пессимизм. Среди коммунистов нет, говорят, сил, способных вести дело к такому исходу. А, следовательно, все мы снова перед прочным решением: каков конец? Таких людей, которые думали бы, что вся эта каша «без конца», для долгой «переварки», — нет. Особенно среди иностранцев. В этом году мысли о «близком конце» овладевают сознанием почти что повелительно. Конечно, у иностранцев этот «конец» мыслится сложнее, чем у упрощенных русских эмигрантов. Это не просто «свержение большевиков», много сложнее... Но все же конец чему-то. Прежде всего — стройности восточной концепции ... о конце мира.

Вот в такой момент величайшего мирового напряжения прочесть о том, что Вы «не вернетесь больше в Россию» как-то дико. Просто дико. И потому повинуюсь непреодолимому желанию узнать от Вас лично — так ли это, а если так, то — почему?

А.В. Пешехонов, кот., как вы знаете, занимает совершенно особую позицию среди высланных из России, возбудил недавно ходатайство о возвращении в Россию ввиду истечения срока (трехгодичного) ссылки. Долго ждал ответа. И получил: отказ. Для всех прекраснодушных, которые ждут, что все «образуется» бескровно, — иллюстра-

ция изумительная. Ведь Пешехонов признает Советы и Октябрь не для практических целей, а нутром, для себя. Но признавать — недостаточно; нужно еще пасть ниц, испачкать все свое Я, и, вот так вывалявшись в грязи — явиться на службу новому строю. Большего кошмара трудно даже себе представить[3].

Как теперь Ваше здоровье? Я опять в большой тревоге: болен своей тяжелой болезнью (ахилия) С.Н. Но на этот раз присоединилось еще расстройство сердца.

Всего лучшего.

Е. Кускова-Прокопович

Когда и куда за границу приедет Ек. Пав.[4]?

6. ГОРЬКИЙ — Е.Д. КУСКОВОЙ

19 августа 1925, Сорренто

На чествование Академии Наук меня не приглашали, Екатерина Дмитриевна[1]. Недавно газеты сообщили, что я летал из Рима в Москву, а я никуда не летал.

Если меня пригласят в Пет<ербург>, я, действительно, не поеду, не только потому, что занят большой работой и прерывать ее не хочу.

Разумеется, я никогда и никому не говорил: «В Россию не вернусь». Почему бы это? Мое отношение к Советской власти вполне определено: кроме ее — иной власти для русского народа я не вижу, не мыслю, и, конечно, не [хочу] желаю.

Наверное, я поеду в Россию весной 26-го года, если к тому времени кончу книгу[2].

Екат<ерина> Пав<ловна> будет здесь в конце августа. Сейчас она в Варшаве, где ее оперировали. А здесь ее ожидает только что родившаяся внучка, Марфа[3].

Будьте здоровы.

А. Пешков

P.S. По скорости за границей — и, кажется, в Праге — будет один из лучших сердечников, москвич проф. Плетнев, Вы его, наверное, знаете. Вот кто был бы полезен Сергею Николаевичу[4].

А.П.

19.VIII 25
Sorrento.

7. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
12 августа 1927, Прага

12/VIII 1927

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Не откажите сообщить, ждете ли Вы Екат<ерину> Павл<овну>. Если да, то к какому сроку. Пражанам очень хотелось бы снестись с ней по целому ряду дел[1].

Екатерина Павловна оказала семье расстрелянного князя Долгорукова неоценимые услуги. За это семья его ей глубоко признательна.

А так как Вы не только художник, но и летописец наших страшных дней, то считаю своим долгом сообщить Вам некоторые сведения о покойном князе. Мне известна интимная сторона махинаций наших правых кадров. Покойный Долгоруков не только был ярым противником всякой иностранной интервенции, но и рассмотрел в последние годы идейную сущность этих самых правых кругов. Он все резче и резче выступал против всяких реставрационных тенденций и <нрзб>. А самая тяга его в Россию несомненно проистекала из глубочайшего разочарования в своих союзниках по белому движению. Это — факт. Его в историю следует занести[2]. Вырываю именно этот кусок его убеждений и настроений в противовес докладу Скрыпника[3] правозаступникам [в Харькове]. Скрыпник заявил, что Долгоруков расстрелян потому, что он принадлежал к организациям, натравливающим иностранцев на Советский Союз. В прошлом — да. Теперь — нет.

Простите, что отрываю Вас от Вашего Клима просьбой сообщить о Екатерине Павловне. Мы сами снестись с ней — боимся.

Уважающая Вас *Ек. Кускова-Прокопович*

Pani Procopovic Praha, Villa Beneš, 1258, Praha — Košiře
Tschechoslovagnei

P.S. Сер<гей> Ник<олаевич> просит передать Вам его поклон. Надеемся, что радость Ек<атерины> Пав<ловны>, — ее внучка, здорова и растет благополучно.

Нас страшно потрясло самоубийство нашего близкого друга, Л.А. Тарасевича[4].

А на днях вскрылся, наконец, советско-эмигрантский нарыв: Пешехонов... Провожали мы его на советскую службу в Ригу. Вскрылся — вовремя. Его настроения в последнее время были вовсе не так далеки от настроений покойного Тарасевича... Тоже заглядывался на петлю[5].

8. ГОРЬКИЙ — Е.Д. КУСКОВОЙ
15 августа 1927, Сорренто

Уважаемая Екатерина Дмитриевна, — Екатерина приедет в Sorrento седьмого сентября[1].

О непричастности Долгорукова к делам «военным» слышал, но должен сказать, не очень я верю в это, неверию же учит меня поведение эмиграции по отношению к стране, которая ее забраковала справедливо[2].

О Л.А. Тарасевиче, — я его знал и уважал; мне, на днях, рассказывал Н.К. Кольцов, работающий с женою на био-станции в Неаполе[3]; говорил он, что Л.А. страдал наклонностью к «суицидомании» — самоубийству — давно, еще до войны. Условия и прием, при коих и коими он пресек свою жизнь — ужасны[4].

Читаете ли Вы молодую русскую литературу? Очень рекомендую Андрея Платонова, Заяйцкого, Фадеева, все — прозаики[5].

Выходят вскорости собрания сочинений «стариков»: Сергеева-Ценского, Пришвина, Форш, Гарина-Михайловского[6].

Всего доброго. С<ергею> Н<иколаевичу> — спасибо за память.

А. Пешков

15/VIII.27.

Екатерине пишите *сюда* заказные письма.

9. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
25 августа 1927, Прага

25/VIII.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Сердечно благодарю Вас за сообщение о Екатерине Павловне[1]. К 7-му напишем ей. А сейчас хочется написать Вам.

Меня по сердцу резануло то, что Вы написали о Долгорукове. Одна немецкая газета написала, что $^3/_4$ мира волнуется сейчас о Сакко и Ванцетти[2]. А если б знали, к а к* расстрелян Долгоруков, — волновались бы, вероятно, неизмеримо глубже. Я не могу предавать гласности то, что делается и говорится совершенно интимно. Так вот. Екатерине Павловне и Винаверу в Г.П.У. не раз заявляли, что Долгорукову большой кары не грозит. А раз даже сказали, что ему с е й ч а с будет назначена высылка, а в октябре он попадет под амнистию. И вдруг...[3] Это, ведь, <нрзб> Алексей Максимович, а, ведь, не можете же В ы

* Здесь и далее разрядкой отмечены слова, подчеркнутые Кусковой.

защищать такой институт. Кроме того, даже в таком институте нельзя же резать мясо без разбора, куда какая часть годится... Вот мне и кажется, что мясо старика Долгорукова не годится даже для личных интересов правящей партии и вот почему. Сейчас в доме князя находится институт Карла Маркса и Энгельса. А когда-то внизу этого дома заседали мы, хлюпики, вместе с князьями Долгоруковыми, пытаясь расшатать самодержавие. Заседали мы там тайно, в качестве членов Союза Освобождения. Я хорошо знаю, что последний и решительный удар нанесли самодержавию массы. Но чтобы подготовить почву этому акту, нужно было отнять у царизма поддержку высших и средних классов. Это — обычная логика всех революций. И истинные революционеры этого забывать не должны. Поэтому вырезать князя это вовсе не то, что убить «шпиона» или террориста, действующего против советов. Как это ни странно сказать, но князь был к р о в н о связан с революцией и ему за его последующие отступления должна была бы грозить не смертная казнь и не при такой обстановке. У Белоконского в его истории земского движения есть картинка: как разгоняет царская полиция тайный земский съезд из дома князя Долгорукова... Оба брата стоят на хорах... Смотреть на эту картинку нам, слабым хлюпикам, просто нет сил[4].

Это — одно. А теперь — другое. Вы пишете: я не верю эмиграции, ибо ведет она себя и т.д. ... Да, вы правы. Часть эмиграции ведет себя п о з о р н о. Но вот Вам случайная картинка. С князьями Долгоруковыми я и люди моих убеждений политически разошлись. Но когда князь застрял в Харькове, я свела Петра с Екатериной Павловной, чтобы братьев соединить — в опасности. Приходилось поэтому часто с Петром видеться. И вот однажды я читаю номер «Возрождения» — он спрятан у меня д л я и с т о р и и! А там совет: англичане действуют мягко, нападая на Аркос...[5] Это — что. Надо было бы просто пододвинуть английский флот к Кронштадту... Вся статья в этом духе. Вдруг приходит Петр. Почитайте, говорю ему, что пишут Ваши друзья. Он прочел... «Но, ведь, это — позор!» — заревел он. Да, говорю, позор. И позор ничем не смываемый. Князь разволновался так, что его едва можно было успокоить. И, конечно, произвел бунт против таких выходок своих друзей. Я согласна с Вами, что таких позорных фактов в истории эмиграции наберется немало. Против многих из них мы протестовали публично. Но столько же горячо протестую я, когда Вы обобщаете: «эмиграция». Этого обобщения делать нельзя. И советы ведут глупейшую политику, сваливая всех и вся в одну кучу! Здесь — такие же расслоения, как и внутри России. И внутри России есть немало людей, молящих английскую эскадру

пристать к берегам Кронштадта. Мне кажется, борьба всегда должна быть целесообразна. Смазывая все в одно черное пятно, советы достигают обратной цели. Вот посылаю Вам письмо проф. Поливки. Иностранец очень хорошо различает «цвета» поступков и действий. А после английского удара эти цвета стали различать пристальнее. Англия как-никак служит камертоном и для Европы, и для Америки[6]. Я понимаю, если бы советы совсем не хотели «связей» с буржуазным миром. Нет, они этих связей хотят, очень хотят, должны хотеть, вынуждены хотеть. Ну, а тогда надо и действовать иначе, умнее, тоньше. Не все же здесь каверзы...

А так как Вам полагается знать все, прочтите на досуге статью Петрищева об эмиграции, во Франции[7]. Она — убийственна... Нас, русских, третируют *независимо* от того, с советами мы или против них. Вот это обстоятельство не следовало бы забывать во всякой русской политике. Тогда, быть может, и линии этой политики — на самых различных ее точках — были бы более целесообразны. А при линии «все в одну кучу» нельзя бороться и с теми, кто жаждет пододвинуть чужестранный флот к фортам русского Кронштадта.

Эти различия мне хотелось сделать на Ваше «не верю эмиграции». После 10 страшных лет вера и неверие как будто должны быть уже не столь суммарны.

Читаю ли я советских молодых писателей? Еще бы! Читаю и вчитываюсь. Был в Праге даже диспут о них и даже не один. Особенно влюблен в них один молодой профессор, евразиец, талантливый Савицкий[8]. Евразийство его — так по молодости. А разбирает он новых писателей хорошо, сочно, любовно. Слушали мы на советском вечере Сейфулину. Читала она превосходно и вещь яркую, интересную. Свернзилась, по-моему, на Бунине, — об этом писала я в убогой газете парижской, которую Вам посылаю. Стыдно, правда, было выпускать сию газету, называя ее почему-то «Днем русской культуры». Но уж такая, должно быть, вышла из рук нашего с Вами старого друга, Познера...[9]

О Тарасевиче...[10] Да, он страдал манией, наклонностью к самоубийству! Думаю, однако, что в других условиях, не столь разящих больные души «хлюпиков», он мог бы жить и бороться с своей манией. Мне пришлось в России быть свидетельницей таких его падений в пропасть (в дни казни Щепкина)[11]. Тогда удалось его оттянуть... Одна ночь была непереносимо ужасна. Никогда не могу забыть его мутных, невидящих глаз, — в эту ночь. Но что действовали на него именно эти факты — не подлежит никакому сомнению. Вообще я думаю, что даже в нашей (и мировой тоже) фантастической действительности настала пора сорганизовать могучий протест против смертной каз-

ни. Конечно, когда пододвигают флот к Кронштадту, защита страны кровью неизбежна, нужна, — необходима. Но лить кровь в подвалах, мне кажется, довольно даже и для пролетарской революции... И какое это было бы оздоровление всей атмосферы, — если б пример подала новая Россия! Есть, ведь, у нее много других средств самозащиты...

Вот видите, о чем ни заговоришь, — все к этому... Все к этому... И не отведешь от этого взора внутреннего. Недавно прочла в «Красной газете» (№ от 11 августа 1927) статью какого-то Виктора Кина о «Науке смерти»[12]. Он издевается над электрическим креслом смерти в Америке... Редко испытывала чувство такого глубочайшего отвращения, как к этому незнакомому мне Кину... Проститутты какие-то... вот такие писатели. И вся статья...

Будьте здоровы, Серг. Ник. шлет поклон.

Ваша *Ек. Прокопович*

Villa Beneš, 1258, Praha — Košiře

10. ГОРЬКИЙ — Е.Д. КУСКОВОЙ

6 января 1929, Сорренто

Прочитал я Ваше письмо, уважаемая Екатерина Дмитриевна, и вспомнил Анатоля Франса:

«Рыцари обоих лагерей обменивались учтивостями, каждый раз, когда календарь напоминал им, что они христиане»[1].

Но, несмотря на учтивости[2], очевидно, что мы не можем понять друг друга. Вот — Вы послали мне вырезку из «Возрождения» и плохонькие стишки[3]. А — зачем? Эмигрантскую прессу я читаю, хотя это весьма кошмарное занятие, стишки — тоже читал. В августе м-це мне принес их юноша, думаю — сам автор. Очень неплохой паренек, но — свирепый антисемит, к сожалению. Он — из тех романтиков, которые желают иметь все самое лучшее по дешевой цене или не платить за это совсем ничего. Потом я видел его еще раза два. Живет он в недоумениях, но это у него, кажется, не надолго. Что за такие стишки кто-то кого-то в тюрьму сажает это, разумеется, чепуха. Нельзя же думать, что я какая-то «неприкосновенная вельможа». Ругать меня — не запрещено и ругают — усердно, с наслаждением. По существу Вашего письма мы решительно расходимся. Для меня раб.-крестьянская власть как раз та власть, которая организуется массой русского народа, как подлинная ее власть. Говоря так, я, само собою разумеется, принимаю на себя всю целиком ответственность за все ее грехи и ошибки. Если доживу до весны, уеду в Россию и останусь там[4]. Жить и работать там, действительно, трудно, но, Екатерина Дмитриевна, я

очень желал бы, искренно говорю! — чтоб Вам удалось испытать хоть немножко той радости, которая была испытана мною там.

Разумеется, я говорю не о той шумной встрече, которую устроили мне и которая в самом деле, много отняла у меня времени на пустяки, — нет, я говорю о встречах с детьми, с молодежью. Хорошие люди растут там.

Будьте здоровы. Всего доброго.

А. Пешков

6.I.
29

11. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
12 января 1929, Прага

Praha, 12/I 1929 Villa Beneš, Svedsca 1258, Praha — Košiře Tschechoslovagnei

Уважаемый Алексей Максимович!

Давно хотелось писать Вам, с тех самых пор, как Вы прервали почти шестилетнее молчание и заговорили с эмиграцией на тяжелом и грубом языке. Вот эта грубость языка (а, следовательно, мыслей и чувств) и останавливала... Но последняя Ваша статья в «Известиях» (№ 301) довела меня до такого изумления, что я решила просто написать Вам[1]. Может быть, если мои аргументы покажутся Вам серьезными, Вы все же их так или иначе учтите — в Ваших обращениях к людям. Теперь не так много (очень мало) людей, которые слушают, которых хотят слушать. И потому, в общих интересах, не безразлично, что они говорят. Вас пока еще слушают. И хотят слушать. После Вашей поездки в Россию это желание, правда, сильно уменьшилось. Многих «механических граждан» (несчастных, но не кукол с заводом) Вы больно обидели. А ведь Расеюшка наша кишмя кишит именно этими механическими. Уж очень *неласкова к ним власть* и что-то мешает ей привлечь на свою сторону этих людей, их рабочую энергию, их помощь, их сочувствие. *На этом, ведь, в сущности, и вертится весь злосчастный вопрос о русской контр-революции.* Как бы ни была велика, зла и активна эмиграция, ее замыслы — ничто сравнительно с пассивным, а в ближайшем будущем и активным сопротивлением вот этих миллионов механических граждан, которые третируются властью как глиняные горшки, из которых она может лепить любые фигуры. А любых фигур не выходит... «Своя натура» дает себя знать и натура вовсе не скверная, а вполне естественная для данной ступени экономического и культурного развития Рос-

сии. Что, например, скверного в том, что крестьянин, получивший, наконец, кусочек ненавистной в прошлом помещичьей земли, хочет вырастить на ней лишний колос, воспитать лишнего теленка или жеребенка? Как никак, но, ведь, крестьянство в большинстве своем вот из-за этой самой земли было несомненным приверженцем и опорой советской власти в первые годы Октября. А теперь? Теперь это чуть ли не повально — механические граждане. Опять *раскосая девка* (с картины Григорьева из его цикла Расея[2]) *жгет коммунистические хаты*, как перед Октябрем жгла помещичьи усадьбы. Почему? Да вот *из-за этого теленка, а вовсе не из-за «контр-революции»*, на которую ей просто наплевать. Недаром и в компартии появилось не мало людей правого уклона, отлично понимающих закономерную связь между мероприятиями сов. власти и постоянным «механизированием» сов. граждан. И когда Вы написали в одном из Ваших фельетонов, что Вы стоите за свободу печати, слова и собрания для трудящихся и против такой же свободы для паразитов и болтунов, весьма большое количество людей спрашивало: а где критерий «паразитства»[3]? Вот эти миллионы крестьян, т е п е р ь безусловно не сочувствующие политике власти, — паразиты они или нет? А если Вы ответите да, паразиты, то... то кто же в России «трудящийся»? Неужели только тот, кто поддерживает эту политику? Согласитесь — что это — не критерий. Вы можете сказать, что сов. власть вытянула вот эту раскосую девку с глазами скифа из небытия, провела ее в советы, заставила жить сознательной жизнью. *Да, есть в этом утверждении много верного. Почему же*, однако, *игнорируются желания этой девки* (повторяю вполне законные) *насчет теленка*? А желания эти она выражает весьма недвусмысленно в решительной защите «кулака», т.е. на всяческом другом языке — просто хозяйственного мужичка, до зарезу необходимого и самой советской власти, если б среди нее не было глупых людей, гнущих политику по отношению к деревне в гибельную сторону. Это я к тому, что категория механических граждан слишком обширна по количеству и *совсем не контр-революционна* по качеству, чтобы ее можно было так третировать как третируете Вы и, конечно, сов. власть. *Россия дошла сейчас до такой степени обнищания*, голода по культуре, что ее весьма легко привести в *настоящее гражданство* всякой власти, могущей организовать *работу, ученье, разумный отдых* без экспериментов погибельного свойства. Между тем то, что делается сейчас, вот эта погоня за мнимым кулаком, вот это измывательство над его стремлением к производительному труду, вот это р о к о в о е убийство всякой личной инициативы, — это и есть самая настоящая контр-революция, отрыв людей от Октября, — подрывная работа, — для всех, кто еще

верил в возможность здорового развития хозяйственной жизни в теперешних условиях. Жуткая политика, и я совершенно не понимаю, причем тут эмиграция и ее злоба? *Эмиграцию русские граждане не видят и не знают.* А вот эту безумную политику видят ежечасно, испытывают ее удары на своей спине... и... м е х а н и з и р у ю т с я. А если б не сильные отряды и широко разветвленный аппарат Г.П.У., то и р е в о л ю ц и о н и з и р о в а л и с ь бы. А кроме того есть в этом и прямая невыгода для сов. власти. Никакая власть не может хорошо работать без благожелательной критики. Эта именно критика совершенно невозможна в России. Когда все, даже благожелательные, но несоответствующие мертвой букве д о к т р и н ы объявляются контр-революционными и преступными, *кому придет в голову проявить свое доброжелательство*? И получается законный и естественный отбор: проявляется лишь все злое, ехидное, ненавистническое. Доброжелатели молчат, ибо их в лучшем случае высмеют обе стороны, а в худшем... отправят поправиться в Соловки[4]. Происходит, поэтому, какое-то *нарочитое накопление зла и ненависти.*

Вы пишете: в погоне за собственностью развиваются такие чувства как зависть, жадность, ненависть и т.д.[5] А почему Вы ни слова не сообщаете о фактах: когда лишение собственности раньше, чем человеческая психика подготовилась к этому долгой и сложной эволюцией хозяйственных форм, тогда те же чувства жадности, зависти, ненависти развиваются в п р о г р е с с и и г и г а н т с к о й... Что касается того, что собственники изувечили в войне миллионы, и миллионы же заморили голодом, это — верно. Но борьба против войны, борьба разумная и целесообразная, разве может быть успешна применением, — плоским и л и ш е н н ы м п о к а э к о н о м и ч е с к о г о с м ы с л а, — отнятия собственности? Вот этого самого теленка, которого жаждет выкормить русский нищий крестьянин никоим образом. Такой аргумент против войны, — что ее *вызывает «собственность», — совершенно не состоятелен.* Вы хорошо знаете, что Красная Армия тоже воевала и собирается воевать еще. Из-за чего? Из-за чего она собирается калечить миллионы «бедных»? Да из-за самозащиты прежде всего. А затем, представьте себе, что полякам действительно удастся осуществить свои цели и откромсать от России Украину. Разве Советы не сделают попытки вернуть ее? Могут сказать тогда, что они воюют за с о б с т в е н н о с т ь, за украинские земли и т.д. Опять-таки современные войны — это проклятие человечества — слишком сложное явление и бороться против н е г о а б с о л ю т н о н е о б х о д и м о, но и средства этой борьбы требуются, очевидно, столь же сложные, как и само явление.

Нечего, конечно, говорить о том, как Вы обедняете свои возражения «белогвардейцам», характеризуя европейскую и Америк. жизнь по хронике б е л ы х г а з е т[6]!!! *Да я Вам по хронике красных газет нарисую такие ужасы, от которых волосы станут дыбом.* Но разве это — аргументы? Разве такие сравнения убедительны? И те и другие ф а к т ы и х х р о н и к и, надерганные как попало с ножницами в руках, ровно ничего *не говорят о внутренней сущности жизни Европы или России.* Для определения этой сущности нужны другие методы и другие, более серьезные подходы. И есть они, эти методы. Но тогда надо уже работать головой, а не ножницами, чтобы вскрыть ее, эту сущность.

Когда читаешь Ваши последние статьи, никак не можешь отделаться от мысли, что пишет их не сочувственник, а адвокат, не аналитик, а прокламист, не исследователь или даже только повествователь п р а в д ы , а заинтересованная сторона. Такое впечатление получается объективно, так преломляются эти статьи в головах самых расположенных к Вам людей. Я понимаю, что можно встать бесповоротно на сторону революции. Но тогда зачем же действовать в о в р е д е й ? А большой писатель действует несомненно во вред ей, когда не сквозит правда в его суждениях, когда и он — заинтересованная сторона. Для целей революции необходимо прежде всего бескорыстное служение ей п р а в д о й . Во всякой революции есть много грязного, налипшего на нее — как лишаи на больном теле. Только большими усилиями можно эти лишаи снять, освободить здоровое в ней от этих страшных примесей. Но как освободить, если даже доброжелательная критика есть контр-революция? Когда подозрительность доходит до мании и когда самые, казалось бы, чистые и независимые люди начинают говорить чуть-чуть не полицейским языком по адресу инакомыслящих? Разве полицейский язык был когда-нибудь, при каком угодно строе убедителен? Нигде и никогда. А ведь сейчас ничто так не нужно, как убеждение. Десять лет тому назад можно было заразить людей лозунгом. Сейчас все это потухло. Самые темные люди хотят работать головой, хотят во что-то вникнуть. И если им преподносят факты, резко противоречащие тому, что они видят вокруг, они шарахаются в сторону от таких рассуждений и становятся врагами. Можно, конечно, сказать: ну, и пусть, — друзей хватит. Не думаю... Процесс идет как раз в сторону отрыва этих друзей, а не их притока. Я не знаю, выгодно ли революции увеличивать враждебный лагерь и без того колоссальный? Мне кажется, задача совершенно другая: очищение от шлаков прошлого самой революции и привлечение к ней симпатий как внутри страны, так и во вне. Если эту задачу революция

не выполнит, она погибнет неизбежно и погибнет бесславной и грязной, а не величественной смертью.

Вот Вам пример. Помните, как в *1918–20 гг. шарахалась интеллигенция от всякой связи с сов. властью? Нэп, реформа Ленина, привлек к работе* и к работе не механической огромное число интеллигенции[7]. Сов. власть эта интеллигенция по прежнему любить не имела никаких оснований. Для любви нужны были дальнейшие реформы. Но работа восстановления пошла и пошла успешно. И в д р у г — Шахтинский процесс[8], казни, новая волна страшной демагогии... Этим летом мне пришлось слышать мнение очень высокого коммуниста, который считал этот процесс грубейшей ошибкой. Как видите, вовсе не нужно быть контрреволюционером, чтобы видеть глупость, или преступность политики революции. Что же удивительного в том, что к сов. власти льнут лишь карьеристы, которым уже и совсем наплевать на «цели революции» или ее чистоту. Напротив: чем грязнее, тем лучше, скорее конец... Так ведь они рассуждают. Я уже не говорю об иностранцах. Без помощи Европы или, вернее, Америки, России подняться нельзя. Это аксиома и для самой советской власти. На что ориентируется Америка в своем отношении к России? Да прежде всего как раз на эту самую формулу: нормализуется новый строй или же граждане его все более и более механизируются? Вы помните, что даже *политика трехсотлетнего самодержавия испытывала затруднения в смысле кредита по* этой самой *причине: отрыв от власти интеллигенции*, отрыв *народа*, хаос жизни, а не ее стабилизация. *Гг. капиталисты ввергать свои капиталы в такие «оазисы революции»* не любят... Им все равно, какой строй, лишь бы граждане его не поджигали изнутри. Вот Сербия металась, искала займа — ничего! Сначала, говорят сговоритесь с <нрзб> и себя успокойте, а уж потом — за денежками. Вряд ли и королевский путь с его законами о смертной казни облегчит задачу[9]. Так же будут смеяться, как смеются сейчас в Америке над миссией Шейнмана...[10] Да еще как смеются! Электрические лампочки, говорят, получите: будущее правительство не расторгнет нашего договора, ибо лампочки — вещь нужная. Ну а денежки... Нет, денежки любят строй развивающийся, а не гибнущий в своих собственных противоречиях и неустройствах. И поэтому, никакие миссии не будут успешны до тех пор, пока не будет найдена линия в е р н о й политики внутри страны и столь же верных отношений с капиталистическим миром. Для поисков этой верной линии вовсе не надо курить фимиам «капитализму» и его учреждениям или морали. Но нельзя также крутить головы сообщениями о его «последнем издыхании». К сожалению, издыхание далеко не последнее...

Придется нам, русским, еще многому научиться у этого «издыхающего», а, главное, — что уж очень противно, — постоять перед ним в весьма унизительной форме. Да Вы и сами пишете о необходимости «европеизации» России. Если б Европа была при последнем издыхании, — к чему же утруждать себя усвоением многих ее принципов? Но, конечно, современная Европа кишит отрицательными явлениями. И если б эти явления преподносить не в форме безмозглой агитации, а часто и прямой лжи, а в форме установленного констатирования этих ее язв, — впечатление получалось бы совсем иное. А, может быть, это серьезное отношение к чужим язвам помогло бы «исчезновению» и язв своих собственных...

Много еще хотелось бы сказать Вам, Алексей Максимович, о современном положении вещей. Но именно сказать, а не писать. Когда пишешь, не видишь реакцию на свои аргументы, а потому и развиваешь их лишь в общих чертах. Во всяком случае хотелось бы подчеркнуть лишь самый главный стимул, побудивший писать Вам: односторонняя правда не есть вовсе п р а в д а . А все Ваши последние статьи написаны во 1-х «во злобе», во 2-х, с точки зрения вот этой односторонней, а не объективной правды. Так они и воспринимаются читателем. Это очень, очень печально. Люди до смерти устали от кинжалов гражданской войны, и слова писателя, ей, этой войне, не покровительствующего, падали бы на благодарную почву.

Уважающая Вас *Ек. Кускова-Прокопович*

Villa Beneš, Svedska ul., 1258 Praha — Košiře Tschechoslovagnei

12. ГОРЬКИЙ — Е.Д. КУСКОВОЙ

22 января 1929, Сорренто

Вы, уважаемая Екатерина Дмитриевна, упрекаете меня в грубости отношения моего к эмиграции и одностороннем освещении мною русской действительности[1]. Искренно говорю: никому, кроме Вас, я на эти упреки отвечать не стал бы, да и Вам отвечаю не потому, что хочу «оправдываться», а потому, что у меня к Вам есть определенное отношение, началом коего служит моя первая встреча с Вами летом 93 года в Нижнем, когда Вы, больная, жили в Вознесенском переулке[2].

О грубости говорить не стану; это, очевидно, свойство натуры. Все же я не вижу себя грубее, например, дворянина Бунина в его отношении к людям, которые думают и чувствуют не так, как он, а также в его отношении, вообще, к русской народной массе[3]. Мне кажется, что людям Вашего типа следовало бы обращать внимание не на мою грубость, а на совершенно изумительную циническую грубость эмиг-

рантской прессы. На ее поражающую лживость. И вообще на понижение ее моральной грамотности.

Односторонности [?] Но ведь Вы, в письме Вашем тоже односторонни — как еще [!] Между нами тут, разумеется, есть существенное различие: у Вас есть *привычка не молчать* о явлениях, которые Вас возмущают, я [же] не только *считаю себя в праве и могу молчать* о них, но даже отношу это уменье к числу моих достоинств. Это — аморально [?] Пусть будет так. Но не считайте это парадоксом или вообще какой-то словесной уловкой.

Суть в том, что я искреннейше и непоколебимо ненавижу правду, которая на 99% есть мерзость и ложь. Вам, вероятно, известно, что будучи в России я публично и печатно, и в товарищеских беседах выступал против «самокритики», против оглушения и ослепления людей скверной, ядовитой пылью будничной правды. Успеха я, разумеется, не имел. Но это меня не охлаждает, я знаю, что 150-ти миллионной массе русского народа *эта* правда вредна и что [людям] необходима другая правда, которая не понижала бы, а повышала рабочую и творческую энергию. Такая правда, возбуждающая доверие человека к воле своей, к разуму — уже посеяна в массе, она дает превосходные результаты.

Я имею в виду не [только] электрификацию, индустриализацию, не [только] развитие сельскохозяйственной культуры и все прочее, что совершенно напрасно и совершенно зря порочит Ваша пресса. Не того теленка, о котором Вы пишете, — теленок этот очень хорошо растет и множится, хотя для меня, лично, это — не праздник.

Вы, конечно, не поверите, если я Вам скажу, что крестьянин ест мясо, масло, яйца в количествах, о которых он раньше не мечтал. Не поверите и в то, что убийства селькоров и активистов деревни — это борьба против культуры, борьба отцов с детями, борьба индивидуалистов против коллективистов, борьба, которая будет развиваться до победы последними первых. Оставим это.

Для меня важно, главным образом, вот что: быстрый и массовый рост личности, рост нового культурного человека, важен рабочий сахарного завода, который читает Шелли в подлиннике, важен человек широкого и здорового интереса к жизни, человек, понимающий, что он строит новое государство, человек, живущий не словом, а страстью к деянию, к действию[4].

Человека этого я, разумеется, наблюдал не за время моего пребывания в России истекшим летом, я с ним нахожусь в общении более четырех лет. Это — превосходный человек, но — он очень горяч и доверчив. Ему не нужна та мелкая, проклятая правда, среди которой он живет, ему необходимо утверждение той правды, которую он сам

создает. Он ее создаст и утвердит на своей земле. Вы скажете, что я оптимист, идеалист, романтик и т.д. Это — Ваше дело. Мое — посильно объяснить Вам, почему я «односторонен». Кстати: это у меня началось лет 35 тому назад.

В заключение скажу Вам, Екатерина Дмитриевна, — верьте –не верьте — удивительно хорошо, бойко и деятельно живет молодежь в России.

Всего доброго.

А. Пешков.

22.I.29.

P.S. Кстати об односторонности. Сию минуту прочитал [в «П. Н.»][5], что в Москве решено отправить «в котлы» на бумажную фабрику 30 тысяч пуд. книг. Разумеется, это — скверно, уничтожать хорошие книги. Но в заметке [кажется] «Известий» (?), откуда взято «П. Н.» сведение это, указано: «книги издания Аскарх<анова>, Думнова[6] и др. В Ленинграде тоже скопилось несколько десятков тысяч книг, подмоченных нав[о]днением в (?) складах».

Завтра отправляю в Аргентину сведения о движении издательского дела у нас. Вот, не хотите ли посмотреть выборку из этих сведений. Это — работа *Гиз*'а, но ведь кроме [н]его существуют частные издательства.

А. Пешков.

Список русских классиков, изданных Госиздатом

		Кол. назв.	Кол. экз.	Остаток
1.	Андреев Л.	10	262000	76484
2.	Достоевский	27	403000	140781
3.	Короленко	30	741000	229943
4.	Лермонтов	20	470000	50080
5.	Некрасов Н. А.	26	984000	230379
6.	Пушкин	69	1661805	207711
7.	Салтыков-Щедрин	49	1188250	461257
8.	Толстой Л. Н.	87	1826000	302104
9.	Тургенев	64	1638000	321180
10.	Чехов	52	1103000	127743

Далее идут Мамин-Сибиряк, Куприн, Лесков, Островский, Г. Успенский и (проч.?). Общая цифра: 18 205 795, остаток на 29-й — 3 810 904.

Иностр. *классиков* издано 2 742 044. С т. г. начнем выпускать полные собрания Шекспира, Гете, Бальзака, Флобера, Стендаля, Диккенса. Заканчивается издание пол. собр. А. Франса.

А — видели, как издается юбилейный Толстой? Пальчики оближете!

А — знаете, что [Тройницкий[7]] [и др.] читают в Эрмитажных залах Зимнего дворца лекции об искусстве рабочим, причем лекции эти организованы по инициативе самих рабочих?

Будьте здоровы! *А. П.*

13. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
26 января 1929, Прага

Praha, 26/I 1929.

Очень горячо благодарю Вас, уважаемый Алексей Максимович, за ответ. Я его не ждала. И без таких ответов не вполне понимаю, как Вы справляетесь со своей многосторонней работой. Но раз Вы уже ответили, хочу продолжить разговор и я.

Вы не забыли Вознесенского переулка... Там мы сидели, русские радикалы, а в окна то и дело прыгали головы шпиков царских. Но почему все-таки тогда было так хорошо на душе? Правда, сейчас мы стары, слепы. Может быть, не все хорошее в новой жизни можем рассмотреть. Но все же кажется мне, что есть и еще одна причина тогдашнего радостного приятия жизни, несмотря ни на что: мы твердо верили, что п р а в д а, у т в е р ж д а е м а я п о л и ц е й с к и м и м е р а м и, вовсе не есть правда и что она — обречена... Думаю, что от этого сознания многое труднее, иногда отвратительное переносилось легко.

Но вот эта «обреченность» стала фактом. Шпики Познанского[1] и К° провалились в тартарары. Поверьте: у меня в жизни было много разного горя. Но никогда не было страдания большего, чем сидения в с о в е т с к о й тюрьме, чем лицезрение советских шпиков и провокаторов, появившихся в изобилии неисчислимом... Опять правда, утверждаемая полицейскими мерами. И опять тупое сознание, что это не есть правда... Правда, которая боится соперничества даже в узко научной области, разве такая правда может одержать победу над человеческой тьмой? Нет. Я глубоко верю в то, что в победившей революции всегда заключена какая-то социальная или политическая правда. И много пишу об этом. Но если эта правда есть, то не нужны ей никакие полицейские рогатки: она найдет д о б р о в о л ь н ы х энтузиастов, как нашла их в первые годы, в период борьбы против белого движения. И мы все ждали, что после ликвидации военных фронтов

гражданской войны, небо русское прояснится, тюрьмы очистятся, а Госиздат будет издавать не только старых русских классиков или произведения, написанные по Марксу 1848 г., но допустит рядом с собой широко развернутую работу мыслителей и художников слова иной масти и иных течений. Ведь горе то еще и в том, что сам Маркс 60 и 70-х г. (например, в его письмах к Зорге) абсолютно не похож на того допотопного Маркса, которого сделали основоположником русской культуры[2]. Вы скажете (да и говорили в печати), что в период гражданской войны свободы мысли допустить нельзя, — она обратится в нападение на победивших рабочих и крестьян. Но я — не сентиментальна и никогда не воспевала «полной» свободы. Да ее и нет нигде в мире. Но кроме полной свободы есть еще чем-то ограниченная свобода. У нас в России нет никакой... В № 14 «Известий» Луначарский говорит, что на всей западно-европейской культуре лежит «клеймо буржуазной ограниченности, которое пока пятнает и культуру на Западе, и ее благороднейшую часть — науку». Это — верно; ограниченность, какая-то замкнутость в очень определенных рамках, есть, и эту ограниченность следует всемерно преодолевать и ей отнюдь не преклоняться. Но тут же Луначарский заявляет, что эту западную культуру Ленин высоко ценил и знал «достоинства этой культуры и в особенности точной науки, начиная с самых абстрактных теорий до прикладных технических дисциплин». Он был, говорит далее Луначарский, в полном смысле этого слова западником[3].

Казалось бы, спора нет. Западничество, даже буржуазное, имеет большие достоинства. Почему же не воспользоваться формами его свободы, преломив их, разумеется, в соответствии с русскими условиями? Почему? Как бы подняло это дух русского народа и самое советскую власть!

В Вашем письме есть одно место очень важное для состояния духа теперешней России. Как-никак, где-то в глубинах души народной живет убеждение, что «Русский народ», «Россия» — у н и ж е н ы . Унижены проигрышем в войне, голодом, разрухой, кровавыми кошмарами революции и т.д. Эту униженность, приниженность духа, надо во что бы то ни стало преодолеть. И Вы правильно говорите, — «людям нужна другая правда, которая не понижала бы, а повышала рабочую и творческую энергию. Такая правда, возбуждающая доверие человека к воле своей, к разуму — уже посеяна в массе, она дает превосходные результаты». Все это — прекрасно. Да, такая правда о ч е н ь н у ж н а . Нужна даже путем возбуждения в массах иллюзий, пусть не до конца исполнимых, но повышающих дух, укрепляющих веру в свои силы. Без своего рода социальной мифологии больших дел делать

нельзя, нельзя и двигать людей вперед. И это верно. Но совершенно необходимо также не мазать розовыми красками гнусную и грязную русскую «будничную» жизнь, а нужно гнусность эту клеймить, если нельзя сразу вырвать ее с корнем. Для этого и нужна критика (но не самокритика, часто, весьма часто корыстная в целях своих), критика свободная и доброжелательная в существе своем.

Далее, Вы пишете, что я не поверю, что крестьянин хорошо ест. Я не только верю в это, но и точно знаю это. За исключением неурожайных районов современный крестьянин ест неизмеримо лучше, чем ел при самодержавии. Но почему же я страдаю из-за «теленка»? По очень простой причине. Для развития городской культуры необходимо, чтобы главный производитель богатств, крестьянин, не только сытно ел бы, но и отдавал часть своего продукта городам и экспорту. Без этого никакая культура, никакой Госиздат с его миллионными заводами нужных народу произведений, жить не смогут. Получится расстройство функций всего организма, как при плохом обмене веществ, и — в конце концов смерть его. Вот для чего нужен мне мой теленок и почему считаю я абсурдным преследование «кулака». На одном из конгрессов компартии Бухарин выронил лозунг по отношении к деревне: «обогащайтесь»[4]. Лозунг глубоко правильный. Левая троцкистская (левая ли?!!) оппозиция сделала этот лозунг «преступным» и он погас. А между тем — это единственная дорога для спасения России и той новой культуры, которую Вы (да ведь не Вы один) так цените. И я думаю, что эта экономическая, очень будничная правда не только не понизит духа, воли к творчеству, но в грандиозной степени повысит все это! Пусть сначала этот жадный до материальных ценностей крестьянин воспитает достаточно жирных телят и посеет столь же жирную пшеницу. Завтра за этот свой лишний продукт он получит и электрическую лампу, и радио и избу-читальню и роскошно изданного Толстого. А сейчас он только «сытно жрет»... Я не думаю, чтобы обильно производящий продукты крестьянин непременно потянулся за Наполеоном или каким-нибудь безмозглым царем. Но совершенно уверена, что гонимый крестьянин, «кулак», которому помешают воспитывать теленка и свободно выменивать на продукты городского пролетарского труда, непременно вытащит из-под земли старорежимного диктатора или «святую гробницу царя». Это так и будет, если не поспешат исправить линию политики, направленной против деревни.

Я хорошо знаю и то, что бьют часто и таких селькоров, которые несут в деревню культуру. Ведь было — если вспомните — и раньше, напр. с земскими статистиками, учитывавшими дифтеритные

сборы или желающие знать, сколько именно телят у данного двора. Но сейчас это чуть ли не повальное избиение посланцев власти имеет другую подоплеку и исходит как раз из этого применения некоторых принципов к хозяйству крестьян. Еще увидим, как будут пылать колхозы... Погорячей помещичьих усадеб... А в основе этого — вовсе не контрреволюция, а стихийное ощущение «практическим разумом» гибельности политики, разоряющей не только крестьянство, но и социалистический сектор советского хозяйства, но и все государство.

Теперь последнее возражение на Ваш совет. Я указываю на Вашу грубость по отношению к эмиграции и не замечаю грубости дворянина Бунина... А «людям Вашего типа» следовало бы с этой грубостью бороться. Ну, это мы и делаем уже 6-й год... Даже особое звание за эту борьбу получили. Покойный Арцибашев[5] записал нас как «инородное тело» в эмиграции, ибо мы... не высланные, а посланные... Звание это дано нам давно, еще в первые годы нашей высылки. Несмотря на его... приятную звучность, борьба с грубостью «культурных» элементов в эмиграции ведется все же успешно. Раньше Бунин не знал иного имени для Сов. России, как «гной», а для ее писателей как «черви», «наймиты», «лизоблюды» и пр. Теперь стал потише... Сильно нажимали на него и «посланные», и им сочувствующие. А Гиппіусиха и совсем замолчала. Ответов на ее воронье карканье дано много и ответов, и комплиментов... Результат — налицо. Эмиграция, в особенности ее молодежь, выросла. Ее раздражают площадные ругательства «Руля» и она переходит уже на чтение газет, держащихся иного тона. Тираж «Пос. Нов.» перевалил в этом году за 35000. Для нищей эмиграции этот тираж — неслыханный. Однако, эта борьба с грубостью и главным образом с ложью эмигрантской прессы упирается опять-таки в тот же «порядок вещей», о котором мы с Вами ведем сейчас разговор. Как опровергать такие вещи, как сообщение К и н ф р м а н а, весьма волнующее все культурное в Германии, или вот этот непритязательный рассказ — рассказ кавказца К. Кукіани[6]? Эти утверждения мог бы опровергнуть Максим Горький, если б он захотел проверить эти факты, получить о них точные сведения у сов. правительства и опровергнуть их, конечно, с точки зрения н е в о з м о ж н о с т и таких фактов в С о в е т с к о й Р о с с и и, а не с точки зрения того обстоятельства, что где-то в мире творится еще худшее. Речь, ведь, всюду идет не о «худшем в мире», а об определенных мерзостях и жестокостях на нашей родине. Сколько бы хороших, красивых и героических фактов из жизни молодежи или даже самоотверженных строителей жизни бы ни собирать, — а я верю, глубоко верю, что они есть — Вы не закроете тех приемов истребления противников, на которые ре-

шается сов. правительство в XX веке... И от этого никуда не уйдешь...

Знаете, на меня произвело сильное впечатление одно нелегальное (на Украине) произведение, посвященное Вам. Напечатано оно в бездарнейшем журнале эмиграции «Борьба за Россию»[7], но удивительно по своей мягкости, какой-то застенчивости и... любви к Вам и разочарования — с душевной болью... Я не знаю... Но от этого, такого нескладного стихотворения, веет такой глубокой, такой искренней печалью. И так страстно хочется видеть прежнего Горького на его старом месте. Вообще...

Ну, будьте здоровы. Никак не могу потерять веры в лучшее будущее... Только скорей бы. Мучительный процесс...

Ек. Прокопович

14. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
14 января 1930, Прага

14/I 1930

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Неужели во всем этом произведении есть хоть бы доля правды? Жизнь становится положительно дикой и страшной[1].

Е.Д. Кускова

15. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
25 января 1930, Прага

Praha, 25/I 1930

По поводу Соловков, уважаемый Алексей Максимович, разъяснили. Люди убежали в мае, а Вы там были в июне. Заметка, следовательно, уж по одному этому обстоятельству не может быть документом правдивым[1]. Но в своем письме Вы сообщаете: «Я предпочитаю отмечать хорошее, находя, что так — человечнее». Человечнее — по отношению к кому? Вероятно, не к тем, кто живет в бесчеловечных условиях. Я была, Алексей Максимович, узницей в трех тюрьмах: Лубянка 2, Лубянка 11 и Бутырской[2]. Хотя, как Вам известно, равно ни в каких заговорах не участвовала. Вот только одно это обстоятельство: 9/10 тюремных жителей не участвуют ни в каких заговорах (как революционеры при царе), я считаю немыслимо бесчеловечным. Оставим политику. Но ведь Вы всегда понимали, что воспитание в людях злых чувств, злостности, никогда, ни при каком строе, не может быть полезно даже самой власти. А мне иногда кажется, что сов. власть задалась прямой целью разбу-

дить в душе человека злых демонов и в с е х лишить самого элементарного счастья. Много ломала голову: зачем ей это? Должно быть, я непроходимо глупа, — так и не могу вскрыть причину такого азарта в производстве всякого типа озлобления. Я и муж мой в период тюремного безделья занялись изучением тюремных типов. Он — мужских, я — женских. Сидели в разных местах, а наблюдения получились изумительно одинаковые: сов. власть воюет главным образом с обывателем, у которого нет даже идейной оценки ее действий! А ведь обывателей в России 150 миллионов. Судите сами, что из сей войны получится? Кроме всеобщей злобы — что? Вот сейчас телеграмма из Москвы — в чешских газетах: серьезные крестьянские беспорядки в Азербайджане[3]. Убито 5 советских чиновников, много ранено. А недавно прочла в журнале «Новый мир» талантливейшие очерки Бориса Кушнера и Василия Ряховского о «наступлении на крестьян», — тракторы, колхозы и т.д. Очерки — с натуры[4]. И выведены крестьяне — сметливые, умные; понимающие з а к о н ы х о з я й с т в о в а н и я. Вот этих-то хитрых и неглупых х о з я е в з е м л и насилуют... Зачем? Зачем? И опять нет ответа, а есть факты: убили в Азербайджане, будут, непременно будут избивать и во всех других местах. Вот и говорите тут о «человечности» и о том, что жизнь не дика и не страшна. Разве насилием можно перевоспитать людей? Я уже, кажется, писала Вам, что к вегетарианцам не имею чести принадлежать и силу государственной власти ценю, — без нее современный нравственно голый человек обойтись еще не может. Но — как направляется эта сила? Иван Грозный тоже ведь был силен... До поры, до времени.

Я верю и знаю, что «народище» наш — талантливый и ученый. И если б ему не очень мешали, а плодотворно помогали, он выстроил бы счастливое государство и, — возможно, — «перегнал бы Америку». И теперь, ведь, кое в чем он перегоняет ее, — в музыке, искусстве, в духовной области. Екатерина Павловна помогала мне года два назад вывезти из России сына князя Туманова для обучения в Америке[5]. Так теперь этот мальчишка шлет мне письма: «некоторые школы хотят исправить односторонность американского мышления и больше обращают теперь внимание на развитие духовных сторон человека». Вот мальчишка! Он очень талантлив и американским спортом и «техникой» никогда не удовлетворится. И заметил, что американская культура одностороння и плоска. А ему всего навсего 16 лет и вывезли его из Астрахани, из очень затхлой семейной обстановки. Талантливость русского народа я отлично вижу, но... как же ее сейчас из него выбивают!! Всеми орудиями духовных и физических типов.

Вы сами дали окрик: не мучьте, товарищи, Замятина и Пильняка[6]. А собаки злые бросились и на Вас. Вот в чем дело, Алексей Максимович. В том, что революция — естественно — подняла наверх подонки, муть. Ее бы надо было осадить, а власть ей всячески потакает, а иногда кажется — страшное: на эти именно подонки опирается, устраняя с арены, а иногда и из жизни все духовно-сильное, все, прикоснувшееся к культуре.

Вот чем пропитаны мои статьи, а вовсе не желанием выискивать в русской жизни черноту. Для зачернения есть много других людей. Эти люди мать свою, Россию, не стыдятся чернить даже с иностранных платформ. И с ними равняться не желаю. Но еще больше не желаю из каких бы то ни было мотивов закрывать истину или набрасывать односторонний рисунок. За это время всем нам придется держать ответ, быть может даже очень скоро. Мне кажется, Россия входит в решительную полосу своей истории, — наступает переломный кризис революционной горячки. А после Гааги и Юнг-Плана[7] наступает перелом и в отношении иностранцев. Можно ли в такой момент закрывать, хотя бы ради «человечности», язвы, разъедающие тело страны? Нет. И чем ближе человек к советской власти, тем громче должен звучать его предостерегающий голос. Авось опомнятся и поймут, что 150 мил. человек не могут же вечно плясать под дудку партийных ячеек.

Из статей Кушнера и Ряховского так и смотрит на читателя крестьянин, сильно выросший, сильно развившийся за революцию. Можно ли его согнуть теперешним колхозным наступлением? Никогда! Азербайджан — лишь символ будущего пожара, символ, каким был Кронштадт для 1921 г. Тогда это зловещее предупреждение понял ловкий и думающий тактик Ленин[8]. А что думают сейчас... Да я даже и не знаю, думают ли, не катятся ли — стихийно — к чему? Догадаться нетрудно...

Вы, конечно, можете сказать: ведь эти рассуждения от злобности. Это было бы хорошо, — значит, они не имеют цены, — злятся или соперники или прямые враги революции. Но я смею думать, что теперь эти рассуждения находят отклик даже среди сколько-нибудь размышляющих коммунистов. С удивлением прочла речь коммуниста Андреева на краевой конференции Сев. Кавказа[9]. Он предлагает не быть «ретивыми» в колхизации, в закрытии церквей... Считает эту ретивость вредной, опасной. Что же, этот Андреев тоже «злобствует»? На кого же? Ведь он член сов. власти... А ретивости не одобряет. За ней ему мнится... гибель всего дела коллективного строительства, а может быть... Ну, и так далее.

Через некоторое время я пришлю Вам анализ пятилетки. Вы увидите, что дает не злобность, а холодный, объективный анализ советских же цифр. И что же, куда нам, не желающим «злобствовать», деться от этих неумолимых данных? Те же данные, добросовестно проработанные, привели в самом начале 1920 года к точному предсказанию голода, грядущего голода, о чем и было доведено до сведения некоторых видных коммунистов. Но нужны были не эти точные данные, а... Кронштадтское восстание для того, [чтобы] страшная продразверстка была отменена. Теперешняя коллективизация в ее темпе, в ее сплошном разорении индивидуальных хозяйств, будет иметь последствия неизмеримо более страшные, чем продразверстка.

Поражает лишь одно. Как Вы, такой горячий поклонник науки, отвергаете ее предостережения, как только она касается политики власти. Наука, поскольку она оперирует с точными данными, она ведь и для марксистов, и для простых смертных.

Впрочем... Пишешь ведь не для убеждения. А просто от совершенно нестерпимой жалости к тем, кого крутит там лютая историческая непогода. За что им так?... А помочь в широком масштабе отсюда — нельзя же! Надо ждать, чтобы «талантливый народище» каким-либо жестом показал, кто же прав: мы или они. «Мы» это те, кто способен любить свой народище бескорыстно и без личных вожделений. Не очень много таких на свете, но все же есть они. Надо, впрочем, признать, что сила, реальная сила у тех, кто именно «вожделяя». И признание это — горестно. Опять будут крутить и они народом, — если победят.

Будьте здоровы и не сердитесь на тех стариков, которые пишут Вам — по старой памяти и по импульсу старых воспоминаний. О былом — таких хороших воспоминаний так много!

Ек. Кускова-Прокопович

P.S. Еще хотелось бы сказать. Критика современности у меня — не от отвлеченных принципов демократии. Представляю себе ясно исторические моменты, когда диктатура исполняет функции управления по необходимости: защита от врагов, внутренняя смута и т.д. Вот Вы живете в стране тоже неслыханной диктатуры, — внешне аналогичной с российской. Но каждый гражданин поддерживает диктатуру, когда: 1) цели ее ему понятны 2) когда личность его подчинена, но не унижена до бесчеловечия 3) когда личной инициативе в творчестве, хозяйственном и духовном, оставлен хотя бы ограниченный простор 4) когда деятельность этой диктатуры повышает сумму общего благополучия, а не сажает на голодный паек. Конечно, диктатура есть всегда насилие. Насилие кого-то над кем-то.

Однако, как ни плоха еще так называемая «цивилизация», она все же и для диктатуры выработала методы более человечного насилия, чем простое и звериное уничтожение врага... И этого физического истребления, гноения в тюрьмах и ссылках, расстрелов в подвалах и без суда Маркс никогда не проповедывал. Напротив, он всегда писал, что речь идет не о физическом насилии, а о мероприятиях иного свойства.

Жизнь не дика и не страшна... Но откуда в ней столько невылазной грязи? Фальшивые векселя, фабрика долларов, запутавшиеся люди и... правительство, не брезгающее услугами всяких подлецов из этого мира, который оно хочет свергнуть.

16. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
8 сентября 1930, Прага

8/IX 1930.

Уважаемый Алексей Максимович!

Двадцать или более людей высокой квалификации и совершенно бесспорной честности в своих действиях, профессор Макаров, Чаянов, Кондратьев, Рамзин, Юровский, кооператор Сатырин (член ВЦИК'а), большевик Базаров, статистик Громан, Суханов и др. сидят сейчас в Сов. России в тюрьме и находятся перед величайшей опасностью. Много лет — десятилетие! — работали все с сов. властью в области своей специальности. Сейчас их обвиняют в контр-революции и вредительстве[1]. *Я хорошо знаю*, что положение в России дошло до высшей точки неблагополучия. Может быть, люди, стоящие у власти, верят, что через это острое неблагополучие нужно пройти, чтобы достигнуть поставленной цели. Но кто же может поверить, что 20 или более людей, — в большинстве своем кабинетных работников, — людей, все время работавших под руководством коммунистов и по их директивам, являются причиной этого тяжкого положения страны?

Остается, следовательно, предположение, что их хотят сделать ответственными или за их несогласие с новейшим направлением политики власти, или же за неудачу этой политики.

Вы хорошо знаете, что покойный В.И. Ленин сказал о нас, обвиненных неизвестно в чем членах Голодного комитета: «они, действительно, не нарушали своего обещания не выносить политики в дело помощи голодающим, но они сами вредны нам политически»[2]. Не будем оценивать подобного рода юстицию. В гражданской войне правосудия не существует. Но все же существует какая-то грань, пред которой опускается рука самого беспощадного террориста.

Нет ли этой грани в деле посаженных сейчас на скамью подсудимых, служителей науки и помощников сов. власти в трудные для нее времена? Ведь, проф. Юровский — один из творцов советского бюджета и твердого курса червонца. Не буду говорить о заслугах других. Их обвиняют в каком-то сговоре против советской власти. Мы с Серг. Ник. лично знали их, и знали также, как велики были среди них личные антагонизмы. Могли ли они организовать нелегальную организацию для борьбы с сов. властью? Это же явный вздор. Большинство из них боялось политики и сторонилось от нее. Это были честные, знающие, но узкие специалисты и — ничего больше. Как можно обвинять их в преступлениях, на которые они не были способны?

Мы не видели их уже много лет. Но мы внимательно следили за их деятельностью и хорошо знаем, что они остались такими же, какими мы их знали.

Но не буду больше что-то доказывать. Думаю, что все ясно и без моих аргументов. Теперь надо действовать, чтобы их спасти, оградить их лично и их семьи от великой и возможной в периоды кризисов опасности.

Но... Ведь лично у меня нет решительно никаких средств воздействия на тех, у кого они в руках. Но Ваше слово, Ваше веское вмешательство может изменить ход вещей. Я не могла не написать Вам об этом. Речь ведь идет не о стороне, нападающей в бою и попавшей в руки неприятеля, а о беззащитных людях, давно выбравших свой путь — служение делу при всяких условиях.

Больше сказать мне Вам нечего. Еще раз повторяю, что дело, конечно, не в моих аргументах и не в моей убежденности в полной невиновности этих людей, — а лишь в Вашем, Алексей Максимович, желании активно вмешаться в это поистине вопиющее дело.

Во всяком случае сказать все это именно Вам я была обязана.

Что касается жизни вообще, — вот с такими страшными явлениями, — то она становится положительно непереносимой.

Ек. Кускова-Прокопович

Villa Beneš, ě 1258
Svedska ul Praha-Košiře
Tschechoslovagnei

17. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ
27 октября 1930, Прага

Praha, 27/X 1930

Только сейчас прочла, Алексей Максимович, Ваш ответ на горячие мольбы, к Вам обращенные.

Как ни страшен Ваш ответ, я не раскаиваюсь, что обратилась к Вам. Ведь речь идет о спасении людей, — а в таких случаях — делаешь все, что подсказывает обстановка и учет всех возможностей. В данном случае учла неверно: Вы вычеркиваете себя из разряда защитников жизни людской, каким Вы еще были в 1917–1921 годах. Но этого мало. Вы жаждете нашей и их смерти. Оказывается, мы умираем слишком медленно. Почему бы Вам не ускорить нашу и их смерть? или Советы оскудели убийцами? Ведь Вы так не любите, когда слово расходится с делом.

А вот как странно устроен человек. Пишу Вам эти слова, непосредственно вытекающих из Ваших мыслей. А в душе сомненье... Не может быть, чтобы даже теперешний Горький мог написать такую статью... Да и написана она не по-Горьковски — коряво и бестолково. Не подсунул ли кто-нибудь ее и не получил ли подпись — случайно? В наше время все может быть. И было бы такое счастье, если б обман разоблачился.

Если же она написана действительно Вами, то — не тоскуйте: все мы стары, жизнь наша невероятно трудная и — удовольствие скоро получите: могилы, наверное, не так уж далеко от нас[1].

Ек. Кускова

Svedska ul. č 1258
Praha-Košiře

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

Проставленную в автографе дату можно подвергнуть сомнению; она, очевидно, ошибочна: видимо, 27 июня, а не июля 1921, поскольку лица, рекомендованные для привлечения их к работе в комитете, уже были названы как вошедшие в состав комитета в «Известиях» от 21 июля; см. вступ. статью. Кускова не могла об этом не знать.

[1] Речь идет о поручительствах для поездки Кусковой с мужем на лечение за границу. С.Н. Прокоповичу нужна была операция (подозрение на рак). Подробнее см. ст. Е.Д. Кусковой «Как это было (из воспоминаний)» (Последние новости. Париж, 1928. № 6215. 1 апр.). Поручительства были подписаны и Горьким, и Е.П. Пешковой.

Авсаркисов Михаил Парсаданович (1878 — после 1935 гг.), экономист, общественный деятель, член партии кадетов. В 1921 г. арестован по делу Помгола, освобожден в 1921 г., занимал должность зам. председателя правления Всероссийского кооперативного банка. В 1930 г. осужден вновь; реабилитирован в 1987 г. О А.В.Чаянове и П.А.Садырине см. примеч. к п. 16.

[2] Вероятно, Кускова называет так В.И.Ленина.

[3] Во второй части письма речь идет об образовании Комитета помощи голодающим (Помгола). Подробнее см. ст. Кусковой «Русский голод» (Современные записки. 1924. Кн. XXII. С. 367–387) и «Месяц соглашательства» (Воля России. 1928. № 3–5).

«Набросок» предназначался для разговора с В.И.Лениным по поводу организации Комитета. Горький взял на себя роль посредника между инициаторами создания Помгола и властью.

Известно, что 28 июня Ленин сообщал наркому земледелия И.А.Теодоровичу о получении от Горького проекта «Комиссии помощи голодающим» и что, по его мнению, «можно соединить наш и горьковский проект» (*Ленин и Горький*. С. 262). В тот же день Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение «Одобрить в принципе предложение Горького» (цит. по: *Литературная жизнь России*. Т. 1. С. 109). А 30 июня 1921 г. Горький писал В.В.Воровскому: «Вчера в Оргбюро рассматривалось предложение организовать Комитет общественных деятелей для борьбы с голодом и эпидемиями, а также для поездки в Америку на предмет агитации в пользу долгосрочного займа хлебом. В.Ильич отнесся к этой идее сочувственно» (*Горький. Письма*. Т. 13. С. 201). Комитет был легализован только 21 июля 1921 г., но просуществовал недолго — до 27 августа того же года. Председателями были со стороны правительства Л.Б.Каменев, со стороны общественности Н.М.Кишкин. 28 же августа в «Известиях» сообщалось Постановление ВЦИК'а о ликвидации Помгола.

Попытка установить «эпоху доверия» была вполне утопической. Планы Ленина в будущей перспективе были совсем иными. Из его письма от 12 июля 1921 г. к Н.Семашко: «Директива сегодня в Политбюро: строго обезвредить Кускову... От Кусковой взять имя, подпись, *пару вагонов* от тех, кто ей (и этаким) сочувствует. Больше ниче-го!» (*Ленин. ПСС. Т. 53*. С. 24–25). Именно Ленин через месяц с небольшим после легализации Комитета дал распоряжение об аресте всех членов Помгола (кроме коммунистов) и о высылке их из Москвы, «разместив по одному в уездных городах, по возможности без железных дорог, *под надзор*...», и, заклеймив участие общественности в борьбе с голодом кличкой «Прокукиш» (по первым слогам главных организаторов Комитета — Прокоповича, Кусковой и Кишкина), дал после их ареста директиву газетам: «завтра же начать на сотню ладов и изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев» (из письма от 26 авг. 1921 в Политбюро ЦК РКП(б): *Ленин. ПСС. Т. 53*. С. 141–142).

[4] Семашко Николай Александрович (1874–1949), врач, с 1918 по 1930 г. — нарком здравоохранения. Рыков Алексей Иванович (1881–1938), государственный деятель, в 1921–1924 гг. зам. председателя Совнаркома; в Помголе был заместителем

Л.Б. Каменева. Диатроптов Петр Николаевич (1859–1934), врач, микробиолог, в 1921 г. был привлечен к работе в Помголе. Муралов Александр Иванович (1886–1937), партийный деятель, член партии с 1905 г.; с 1920 г. председатель московского СНХ, в 1933–1936 гг. — зам. наркома земледелия. О Л.А. Тарасевиче см. п. 7. Кишкин Николай Михайлович (1864–1930), работал в Наркомздраве РСФСР, член президиума Помгола.

[5] Левицкий Алексей Павлович, агроном, входил в комитет Помгола.

[6] Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), в 1895 г. вступил в социал-демократическую партию Польши и Литвы (СДПиЛ, с 1918 — коммунистическая партия Польши КПП), с 1907 г. — член ЦК РСДРП, с 1917 г. — председатель ВЧК.

[7] Богучарский (наст. фам. Яковлев) Василий Яковлевич (1860–1915), писатель и историк революционного движения, хорошо знавший Горького и Е.Д. Кускову. Подробнее о нем см.: *Горький в зеркале эпохи*. С. 455–456.

2.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] 27 августа 1921 г. Комитет помощи голодающим по постановлению ВЦИК'а был распущен, почти все его члены — арестованы и сосланы (см. примеч. к п. 1). Кускова и Прокопович как самые активные общественники и организаторы были приговорены к высшей мере наказания. Вмешательство Ф. Нансена и директора Американской администрации помощи (АРА) Гувера способствовало замене приговора на высылку за границу. «Почему-то в душе живет уверенность, — пишет Кускова в статье «Как это было», — что жизнь членам Комитета — его президиума — спасли не только телеграммы Хувера и Нансена, посланные в критический момент, но и ходатайство Горького». Было и ходатайство Политического Красного Креста в Президиум ГПУ от 31 марта 1922 г. о разрешении осужденным вернуться в Москву, подписанное Е.П. Пешковой (*Литературная жизнь России*. Т. 1, ч. 2. С. 149). Жить в Москве им не разрешили, заменив меру пресечения высылкой за границу. Кускова и Прокопович выехали раньше других, воспользовавшись поручительством Горького и анкетами, о которых она пишет в п. 1. Об их приезде в Берлин сообщалось в журнале «Новая русская книга» (1921. № 6. Июнь). Основная высылка «ненужной» советской власти интеллигенции началась с осени 1922 г. (См.: *Коган Л.А.* «Выслать за границу безжалостно...» // Вопр. философии. 1993. № 9. С. 61–84; *Шенталинский В.* Воскресшее слово: Главы из книги // Новый мир. 1995. № 3. С. 118–152).

[2] См. примеч. 2 к п. 3.

3.

Печатается по *А* (*АГ*). Впервые: в ст. Е.Д. Кусковой «Как это было» (Последние новости. 1938. № 6222. 8 апр.).

[1] Вероятно, от Е.П. Пешковой; см. примеч. 1 к п. 2.

[2] Имя Екатерины Павловны Пешковой в первой публикации письма было заменено «Х»-ом с примечанием: «названо имя нашего общего знакомого — *Е.К.*» В позднейших воспоминаниях автор пояснила: «Что касается этого Х<...>, то перед нашим отъездом из Москвы он посетил нас и сказал: — Скажите другу нашему, Алексею Максимовичу, чтобы он не возвращался. Его песенка здесь спета, не знаю, навсегда ли. Дует другой ветер, и "сокола" того и гляди посадят в клетку. Этого он не переживет... Не странно ли, — добавляет мемуаристка, — что это предупреждение было сделано в начале Нэпа, когда уже пахнуло какой-то, пусть призрачной, свободой» (*Кускова Е.* Трагедия Максима Горького // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 38. С. 238). См. п. 4 от 3 июля 1922.

[3] Речь идет о предложении Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичу принять участие в «Летописи Революции» под ред. Б.И. Николаевского, Ю.О. Мартова, М. Горького и Н.Н. Суханова. Вышла лишь книга первая: Берлин — Петербург — Москва: Изд. З.И. Гржебина, 1923. Подр. см.: *Русский Берлин.* С. 337–404. «Летопись» закрылась, и Кускова и Прокопович принять предложение Горького уже не смогли. Были и другие причины — см. ответное письмо. В эмиграции Кускова продолжала активную публицистическую деятельность, печатаясь в «Современных записках» и других эмигрантских изданиях. Прокопович возглавил Экономический кабинет при Культурно-просветительской организации Земгора и редактировал журнал «Экономический вестник» (1923–1924, Берлин). Подобную деятельность они продолжали и позднее, в Праге.

[4] См. след. письма.

[5] В местечке Seebed на Балтийском побережье.

4.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] См. примеч. 2 к п. 3.

[2] Е.П. Пешкова, кроме выполнения обязанностей Председателя Московского Политического Красного Креста, с осени 1920 г. была Уполномоченным бюро Польского Красного Креста в СССР; эта должность давала ей возможность два раза в году выезжать за границу с целью сбора средств для помощи политзаключенным в России. К Горькому она приехала в Герингсдорф 30 августа 1922 г., а 7 сентября через Берлин поехала в Варшаву; подробнее см. в кн.: Екатерина Павловна Пешкова. Биография: Документы, письма, дневники, воспоминания. М.: Восточная книга, 2012. С. 427–471.

[3] Имеется в виду брошюра М. Горького «О русском крестьянстве»; первые четыре заметки из нее напечатаны в газете «Politiken» (Копенгаген, 1922. 2 апр.), отд. издание вышло в Берлине в том же году. См.: *Горький. Письма.* Т. 14, п. 67, 69; Т. 15, п. 207. Подробнее об этом см.: *Примочкина Н.Н.* Писатель и власть. М.: РОССПЭН, 1996. С. 14–25.

[4] С марта 1922 г. в Берлине выходила ежедневная сменовеховская газета «Накануне» под ред. проф. Ю. Ключникова, Г. Кирдецова и др. Направление газеты подчиня-

лось идее примирения с советской властью и имело целью внести раскол в эмиграцию. Власть и цензура советского Главлита внимательно следили за газетой, и существуют документальные подтверждения того, что она финансировалась Москвой (См. в кн.: *Горький и корреспонденты*. С. 429, а также: *Горький. Письма*. Т. 14, п. 219 и примеч.).

[5] Ответ на предложение Горького принять участие в издании З.И. Гржебина и Ю. Мартова — «Архив русской революции» (п. 3).

[6] Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), экономист, общественный деятель, теоретик кооперации. С 1890-х годов связал свою жизнь с Е.Д. Кусковой, оставаясь ее соратником на всю дальнейшую жизнь и разделяя ее политические взгляды, отстаивание принципов парламентского демократизма. Занимал ответственные посты во Временном правительстве. В 1918 г. преподаватель факультета общественных наук первого МГУ. В 1921 г. арестован и сослан как организатор Помгола. С 1922 г. — за границей, сначала в Берлине, потом в Праге (с 1924 г.). Организатор «Экономического кабинета», при котором издавались: «Русские экономические сборники» (4 в год) и «Бюллетень экономического кабинета». Автор многих работ по экономике России; основной труд «Народное хозяйство СССР» (В 2 т. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1952).

[7] Манухин Иван Иванович (1882–1958), врач, в 1906 г. окончил Петербургскую военно-медицинскую академию. В 1914–1915 гг. успешно лечил М. Горького от туберкулеза. После Февральской революции работал врачом Трубецкого бастиона Петропавловской крепости; вместе с Горьким сотрудничал в «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» и в КУБУ. С помощью Горького выехал в научную командировку за границу во Францию и не вернулся. Работал в парижском Пастеровском институте. См. также: *Горький. Письма*. Т. 14. Указатель.

[8] В дни, когда пишет Кускова, в Москве происходит суд над эсерами — с 8 июня по 7 августа 1922 г. В феврале 1922 г. в Берлине вышла книга бывшего члена военной комиссии при ЦК партии эсеров Г. Семенова «Военная боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.» (изд. автора); в ней приводились новые факты, использованные обвинением на московском процессе; ряд наиболее активных деятелей партии, обвиненных в террористической борьбе против советской власти, были приговорены к смертной казни. (См.: *Горький. Письма*. Т. 14, п. 75, 76 и примеч.).

А. Франс, а также Б. Шоу, Р. Роллан, Г. Гауптман, Г. Уэллс и др. присоединились к Горькому (см.: Голос России. Берлин, 1922. 30 июля). Протест против политического процесса, организованного большевиками, еще ранее выразил и журнал Ю. Мартова «Социалистический вестник» (см. передовую ст. «Первое предостережение» // 1922. № 7. 3 апр.). Исполнение смертного приговора 12 членам ЦК партии эсеров было приостановлено, впоследствии приговор заменен на более мягкий. Подробнее см. в кн.: *Русский Берлин*. С. 337–371.

5.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

[1] 5 сентября 1925 г. в СССР открывалось празднование 200-летия Российской Академии наук. Одним из почетных членов ее был Горький. Непременный секретарь Академии наук СССР С.Ф. Ольденбург 23 июля писал ему с просьбой приехать на торжество: «Дорогой Алексей Максимович! Неужели Вы не приедете. Ждем Вас. У меня лежит еще не отосланное длинное письмо Вам. Большой и сердечный привет. Искренне Ваш и преданный Вам *Сергей Ольденбург*» (*АГ.* КГ-уч-8-27-17, также см.: *Горький. Письма.* Т. 15, п. 259). Но письмо было послано в Чехословакию и в Сорренто попало только после 19 августа. 22 августа Горький отвечал Ольденбургу: «Я очень польщен приглашением на чествование Российской Академии наук, но приехать не могу, ибо увлечен большой работой, прервать которую даже и на несколько дней — не решусь <...> И — не мне говорить о величии заслуг науки русской пред миром. Это будет сказано лучше и громче, чем мог бы сказать я.

Но вот что хотел бы я сказать людям науки: я имел высокую честь вращаться около них в труднейшие годы 19–20-й. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стоическим мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали, и видел, как умирали <...> история расскажет миру об этом страдном времени с тою же гордостью русского человека, с какой я пишу Вам эти простые слова» (*Горький. Письма.* Т. 15, п. 259 и примеч.).

Академический юбилей, приглашение на него иностранных ученых, а также и Горького, дало пищу для разговоров в эмигрантской прессе. В частности, она расценивала согласие того или другого ученого на участие в торжествах как согласие на сотрудничество с большевиками, а отказ от поездки как бойкот. В этом контексте рассматривалось и приглашение Горькому. В заметке «Приглашение Максима Горького в Петербург» берлинская газета писала: «Академия наук отправила Максиму Горькому приглашение на торжества празднования двухсотлетнего юбилея Академии. Как известно, на днях напечатаны были сообщения о том, что Горький выезжает из Сорренто, где он находится, в Россию. Но сейчас же сообщения эти были опровергнуты, Горький в Россию не возвращается» (Руль. Берлин, 1925. № 1419. 4 авг.). Неучастие Горького было расценено в антисоветски настроенных кругах эмиграции как отказ возвращаться в Советскую Россию.

[2] Под «сторонниками Струве» Кускова имеет в виду ту часть русской эмиграции, которая в Париже группировалась вокруг новой русской газеты — «Возрождение» (начала выходить с 3 июня 1925 г., по 1927 г. ее редактор — бывший марксист П.Б. Струве). Политический консерватизм и монархическая направленность организаторов и сотрудников газеты противостояли лево-либеральной, анти-интервенционистской линии, которой всегда придерживалась Е.Д. Кускова.

[3] Лидерами движения «возвращенства» в эмиграции считались Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович, М.А. Осоргин и А.В. Пешехонов. Все они придерживались прежних идеалов демократии и социализма и не теряли надежды на возвращение домой и участие в жизни новой России. Но лишь один из них — А.В. Пешехонов (1867–1933), известный народник, публицист, редактор журнала «Русское богатство», вместе с мно-

гими высланный в 1922 г., осуществил «возвращенство» на деле. 16 мая 1925 г. Пешехонов подал заявление на получение визы на въезд в СССР сов. полпреду в Праге (см. кн.: «Наш спор с Вами решит жизнь»: Письма М.Л. Винавера и Е.П. Пешковой к Е.Д. Кусковой. 1923–1936. М.: Братонеж, 2009. С. 66). Е.П. Пешкова и М.А. Винавер через Красный Крест хлопотали о положительном решении почти два года (см. п. Винавера Кусковой от 29 марта 1927 г., там же, с. 192). Виза для Пешехонова с предложением работать экономическим консультантом в Прибалтике пришла только в августе 1927 г. (см. примеч. 5 к п. 7). «В своей общественной работе он был всегда независим» и «никогда не боялся остаться "один в поле не воин"», — из воспоминаний Д.А. Лутохина, союзника Пешехонова по настроению в Праге.

[4] См. примеч. 3 к п. 6..

6.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые. В *АГ* хранится вариант письма без двух последних абзацев (*АГ*. ПГ-рл-21-28-1).

Ответ на письмо Кусковой от 14 августа 1925 г.

[1] См. п. 5 и примеч.

[2] Горький приехал в СССР 28 мая 1928 г., в октябре того же года вернулся в Сорренто. С 1925 г. писал книгу «Жизнь Клима Самгина».

[3] Е.П. Пешкова 5 августа 1925 г. поехала в Варшаву по делам Польского Красного Креста — защищать трех польских революционеров, приговоренных к расстрелу. В Риге пришлось оперировать нарыв на пальце и прервать поездку. С 6 по 8 сентября она была в Варшаве, в Сорренто приехала вечером 13 сентября. Внучка Марфа родилась 17 августа 1925 г.

[4] Горький рекомендует С.Н. Прокоповичу обратиться к проф. Д.Д. Плетневу, тому, кто впоследствии был одним из обвиняемых на процессе «право-троцкистского блока» в 1938 г. (см. ст. *Ника М.* К вопросу о смерти Горького // *Минувшее. Кн. 5*. С. 328–358).

7.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

[1] Е.П. Пешкова приехала в Сорренто 11 сентября и пробыла там до 20 октября 1927 г.

[2] Речь идет о кн. Павле Дмитриевиче Долгорукове (1866–1927), земском деятеле, одном из основателей союза «Освобождение», члене ЦК партии кадетов, депутате II Государственной Думы, после революции — в эмиграции. В 1926 г. нелегально вернулся в СССР, в Харькове был арестован и по приговору советского суда расстрелян в июне 1927 г. как активный участник белогвардейского движения. Это событие обсуждалось в эмигрантских кругах, оно особенно затронуло эмигрантов, обосновавшихся в Чехословакии; среди них был брат расстрелянного — Петр Дмитриевич Долгоруков, в прошлом также деятель земского движения и депутат I Государственной Думы. Ве-

сной 1927 г., когда в эмигрантской печати распространился преждевременный слух о расстреле кн. Долгорукова, Кускова написала большое письмо Е.П. Пешковой, помогавшей арестованному и его семье как представитель международной организации «Красного Креста». «Этих двух Рюриковичей в период "Освобождения", — писала Кускова, — мы называли "телятами". Они оказывали очень большие услуги при нашей нелегальной работе, но умом не блистали» (из письма от 22 марта 1927 г.: *АГ*. ФЕП-кр-36-19-5). В *АГ* сохранилось письмо Петра Долгорукова Е.П. Пешковой от 26 марта 1927 г. с благодарностью за помощь брату, заключенному в харьковскую тюрьму. В эмиграции казнь кн. Долгорукова была воспринята как возобновление красного террора через десять лет после революции. На вечере русской колонии, организованном в память П.Д. Долгорукова в Праге 30 июня, отмечалась его роль в белом движении: «во время гражданской войны Долгоруков до конца отдался делу борьбы с большевиками, он возбуждал веру, призывал к активности, укорял слабых и растерявшихся», как и его заслуги перед земским либерально-демократическим движением, и особенно подчеркивался «непререкаемый моральный авторитет» этого «светлого старика», смертельно тосковавшего по родине и не выносившего «тоскливого эмигрантского безвременья» (из выступлений, цитируемых газетой «Последние новости» (1927. № 2295. 5 июля, ст. «Палачи и жертвы» (Письмо из Праги)).

[3] Н.А. Скрыпник (1872–1933), в 1922–1927 нарком юстиции и генеральный прокурор УССР. С марта 1927 г. нарком просвещения Украины. В выступлениях этих лет придерживался принципа соединения целей «революционной целесообразности» со следованием закону, вопреки утверждавшемуся приоритету первого над вторым. К 1933 г., освобожденный от должности наркома, оказался в оппозиции к сталинской национальной политике и в июле 1933 г. застрелился.

[4] Тарасевич Лев Александрович (1868–1927), известный ученый-бактериолог и общественный деятель, автор многих трудов по микробиологии, патологии, вакцинопрофилактике. С 1926 г. академик АН УССР; профессор и директор созданного при его ближайшем участии Государственного института народного здравоохранения им. Л. Пастера в Москве. В июне 1926 г., находясь в отпуске в Германии, в санатории под Дрезденом, покончил с собой. Об обстоятельствах самоубийства в эмигрантской печати сообщалось: «Он приехал в санаторий три недели назад и проживал там одновременно с вел. кн. Кириллом Владимировичем. Это соседство дало повод ко многим остротам. Во вторник проф. Тарасевич пытался повеситься на ручке окна на шнуре, сделанном из двух платков. При этом он выпал из окна и получил столь тяжелые повреждения, что вскоре скончался. Так как дрезденские коммунисты высказали предположение, что смерть проф. Тарасевича находится в связи с последними событиями в России, то прокуратура произвела дознание, выяснившее, что никаких политических причин самоубийства не существует. Тарасевич долгое время был тяжело болен и несколько раз пытался покончить с собой» (Руль. 1927. № 1989. 17 июня). Горький был знаком с Тарасевичем; в его библиотеке сохранился популярный естественно-исторический журнал «Природа» (1917), выходивший под ред. Н.К. Кольцова, Л.А. Тарасевича и А.Е. Ферсмана (*ОЛБГ. 8602*).

[5] Речь идет о А.В. Пешехонове и его отъезде из Праги (см. примеч. к п. 5). Об этом отъезде вспоминает Д.А. Лутохин: «В июле 1927 г. его пригласили консультантом по экономическим вопросам в Рижское торгпредство — и он рад был, что может, хотя и за границей, но вести практическую работу для Советской России... Провожали Пешехоновых из Праги не многие: больше дамы да члены Союза возвращенцев. Видимо, "общественники", даже товарищи по Институту изучения России, опасались придать проводам демонстративный характер... Тут же рядом уезжал в Соединенные Штаты историк Г.В. Вернадский, из евразийцев, приглашенный читать курс русской истории в одном из американских университетов: его провожала внушительная группа белых деятелей, были и маститые. Кто-то из них подошел и торопливо пожелал А.В. счастливого пути. Это были два военных лагеря, "братание" между которыми не терпимо <...> Только вера в свою правоту и понимание, что из себя представляет белый лагерь, давало А.В. возможность стойко идти наперекор "общественному мнению" эмиграции, среди которой у него было немало недавних друзей» (*Лутохин Д.А.* Зарубежные пастыри // *Минувшее. Кн. 22.* С. 85).

8.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

[1] См. примеч. 1 к п. 7.

[2] См. примеч. 2 к п. 7.

[3] Кольцов Николай Константинович (1872–1940), биолог, основатель Института экспериментальной биологии в Москве, бессменный директор с 1918 по 1939 г. Один из организаторов и активный сотрудник журнала «Природа» (основан в 1912 г.). С 1914 г. в журнале работал вместе с Л.А. Тарасевичем (см. п. 7), который с 1917 г. в институте Н.К. Кольцова возглавлял микробиологическую лабораторию.

Биостанция в Неаполе — европейская международная зоологическая станция возникла в 1872 г.; в разное время в ней работали И.И. Мечников и его ученик Н.К. Кольцов. Кольцов был командирован туда для работы в 1927 г., с ним ездила его жена, Мария Полиевктовна Шарыгина.

[4] См. примеч. 4 к п. 7.

[5] См.: *Горький. Письма.* Т. 15 и 16, Указатель. Заяйцкий Сергей Сергеевич (1893–1930), прозаик, переводчик.

[6] Имеются в виду издания: *Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. М.; Л., 1927–1930 (в т. I вступительная статья М. Горького); *Форш О.Д.* Собр. соч.: В 7 т. М.; Л., 1928–1930. Собрание сочинений Н.Г. Гарина-Михайловского в 20–30-е гг. не состоялось; в 1927 г. вышли «Гимназисты» (М.; Л.: Госиздат). Собр. соч. С.Н. Сергеева-Ценского осуществилось в 50-е годы: *Сергеев-Ценский С.Н.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1955–1956.

9.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

[1] См. письмо Горького от 15 августа 1927 г. (п. 8).

[2] Речь идет о судебном процессе в США над участниками рабочего движения Н. Сакко и Б. Ванцетти. Несмотря на международную кампанию протеста, они были казнены в 1927 г.

[3] Е.Д. Кускова не раз вела переговоры об участи П.Д. Долгорукова (см. п. 7 и примеч.) с Е.П. Пешковой и М.Л. Винавером, ее бессменным заместителем по работе в ПОМПОЛИТ'е (1922–1938). Некоторые документы из их переписки хранятся в *АГ* (в фонде Е.П. Пешковой). Из письма М.Л. Винавера от 5 мая 1927 г. из Варшавы: «Напишите, Екатерина Павловна, есть ли приговор Долгорукову — а то опять дурацкие известия о нем появились...» (*АГ*. ФЕП-кр-14-10-27). Об октябрьской «амнистии» Кускова уже после расправы над князем — 11 ноября 1927 г. — писала Е.П. Пешковой: «Русские газеты с текстом амнистии еще не дошли сюда, но телеграммы принесли исчерпывающий ответ А.И. Рыкова франц. делегации о том, что к политическим, хотя бы и осужденным до 1-го янв. 1923 г., амнистия не применяется. Теперь все ясно...» (*АГ*. ФЕП-кр-36-19-6). Подробнее см. в кн.: Письма М.Л. Винавера и Е.П. Пешковой к Е.Д. Кусковой. 1923–1936. М., 2009.

[4] Кускова упоминает «картинку» из главной книги И.П. Белоконского «Земское движение» — 2-е изд., значительно дополненное по сравнению с 1-м изд. (М., 1910, под заглавием «Земство и конституция») и проиллюстрированное 260 портретами земских и общественных деятелей (М., 1914). Книга есть в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 6153*).

[5] Аркос (ARCOS — All Russian Cooperative Society Limited) — Всероссийское кооперативное акционерное общество; учреждено в 1920 г. в Лондоне для осуществления внешнеторговых операций. Весной 1927 г. отношения между СССР и Великобританией обострились; английская полиция проводила обыски в помещениях компании по подозрению в шпионской деятельности некоторых ее сотрудников, что послужило затем поводом к разрыву дипломатических отношений между двумя странами на два года; в 1929 г. деятельность компании возобновилась, но в гораздо меньшем объеме.

[6] См.: История дипломатии: В 3 т. М.; Л.: ОГИЗ, 1945. Т. 3. С. 366–381.

[7] Ст. Петрищева об эмиграции во Франции. Петрищев А.Б. (1872–1951) — сотрудник «Русского богатства»; в эмиграции с 1922 г., печатался в парижских газетах «Последние новости» и «Дни».

[8] Савицкий Петр Николаевич, псевд. П. Востоков, С. Лубенский (1895–1968) — экономист, историк, философ. В 1921 г. приехал в Прагу; занимал место приват-доцента Русского юридического факультета (РЮФ). В 32 года стал зав. кафедрой экономики и сельской географии в Русском институте сельскохозяйственной кооперации (РИСХК). В 1927 г. в Праге вышли его книги: «Геополитические особенности России. Ч. 1 — Растительность и почвы» и «Россия — особый географический мир». В 1920-е гг. — один из лидеров евразийского движения, активно участвующий в на-

учно-культурной жизни русской эмиграции в Праге. Е.Д. Кускова, вероятно, имеет в виду его выступления на диспутах и литературных вечерах, устраиваемых «Союзом русских писателей и журналистов в Чехословакии» (1922–1941). Савицкий входил в состав правления Союза; в 1927–1928 гг. в его составе была и Кускова. П. Савицкий принимал также участие в собраниях литературного объединения «Скит» (1922–1940), проходивших в Праге под руководством А.Л. Бема, где обсуждались произведения молодых поэтов и прозаиков, в том числе и советских.

[9] 8 июня 1927 г. в Париже Союз писателей и журналистов вместе с Комитетом помощи литераторам и ученым выпустили однодневную газету «День русской культуры». В редакционном составе упомянуты: М.А. Алданов, З.Н. Гиппиус, И.Н. Ефремов, В.М. Зензинов, А.И. Куприн, П.Н. Милюков, С.В. Познер, А.А. Яблоновский. Вместе с письмом Кускова послала «День русской культуры», где была ее статья, озаглавленная «Оттуда». В апреле 1927 г. советская писательница Л. Сейфуллина приезжала в Прагу и выступала на вечерах перед пражскими эмигрантами, давала интервью журналистам — произвела сильное впечатление: «Это случилось в первый раз: пражские эмигранты были гостями на советском вечере... Два непримиримых лагеря соединила маленькая женщина-писательница, только что приехавшая "оттуда" <...> Читает — удивительно. И язык повести — очаровательно: образный, с таким естественным юмором... И зал так горячо аплодирует... <...> Закидывают записками. Отвечает умно, не трафаретно. Но вдруг — камень преткновения: коварная записка... Текст ее: "Как относятся молодые русские писатели к писателям зарубежным — Бунину, Куприну, Мережковскому?"

Взметнула ресницами, — в упор смотрит на публику... <...>

— Как относимся мы к зарубежным писателям, Бунину, Куприну, Мережковскому... Но ведь это — корифеи русской литературы. А мы, писатели бурного времени, — малограмотны: когда же нам было учиться? И вот теперь, когда стало потише, мы жадно принялись за ученье. И мы читаем их, мы учимся на них, мы изучаем их <...> Но я чувствую всю коварность поданной записки. В ней значится вопрос более широкий... Как относимся мы к *миросозерцанию* зарубежных писателей? Как? Мы считаем их *иностранцами*... Да, иностранцами...

Бедная маленькая женщина, такая умная в своей области и такая беспомощная — в "коварных" вопросах революции и культуры <...> Это лишь жест в сторону официальной идеологии... На деле она и ее молодые товарищи уже произвели расстановку ценностей. Старые имена — не забыты» (*Кускова Е.* Оттуда // День русской культуры. Париж, 1927. 8 июня. С. 3; *АГ.* ГЖВ-рз-1-10-10). См. подробнее: *Суматохина Л.В.* М. Горький и писатели Сибири. М.: Инфра, 2013. С. 142–153.

[10] О Тарасевиче см. примеч. к п. 7.

[11] Вероятно, речь идет о Николае Николаевиче Щепкине (1856–1919), внуке знаменитого актера М.С. Щепкина. Земский деятель, активный член кадетской партии со дня ее основания (окт. 1905). В 1917 г. поддерживал лозунг Временного правительства за войну до победного конца. После Октябрьской революции участник подпольных антисоветских организаций, на кадетском совещании в 1918 г. выступал за иностран-

ную интервенцию. Расстрелян 8 августа 1919 г. в подвалах ВЧК вместе с группой из 67 человек.

[12] Виктор Кин (1903–1937), писатель, коммунист, журналист «Комсомольской правды». Статья «Наука смерти» (Красная газета. 1927. 11 авг.) вошла позднее в сб. очерков и фельетонов «Пытки электричеством».

10.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

Ответ на неразысканное письмо.

[1] Цитата из А. Франса не разыскана.

[2] Свой двойной юбилей 1928 г. — 60-летие и 35 лет литературной деятельности — Горький отметил поездкой в СССР, куда приехал 28 мая, уехал 10 октября того же года. В неразысканном письме Е.Д., по всей вероятности, содержалось поздравление с юбилеем — видимо, это Горький имеет в виду, говоря об «учтивости». В конце 1928 г. Кускова печатает статью «Обескрыленный сокол (К 35-летию работы Максима Горького)» (Современные записки. 1928. Кн. XXXVI. С. 305–345). В свою очередь Горький в статье «О разных разностях» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 301. 29 дек.) упоминает ее статью «Об идейных финтифлюшках».

[3] Вырезка из газеты «Возрождение», упомянутая Горьким, в *АГ* не обнаружена. Предполагаемый автор «стишков» из этой газеты, с которым встречался Горький, — Дмитрий Иванович Морской, крестьянский поэт; упомянут в ст. Горького «"Механическим гражданам" СССР. *Ответ корреспондентам*» и назван «антисемитом». Во время приезда в Россию в 1928 г. Горький встречался с ним несколько раз и читал его рукописи, которые забраковал (см. в *АГ* воспоминания Морского — *АГ*. МОГ-9-22-1).

[4] В 1929 г. Горький вновь приезжал в СССР, где пробыл с 27 мая до 12 октября того же года (*ЛЖТ. 3*. С. 616, 673), когда он вернулся в Сорренто. В 1930 г. в СССР не приезжал. Возвратился на родину окончательно в мае 1933 г. (*ЛЖТ. 4*. С. 203, 205).

11.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

Ответ на письмо Горького от 6 января 1929 г.

Горький ответил 22 января 1929 г. (*АГ*. ПГ-рл-21-28-5, 2).

На *А* пометы Горького: после слов «станут дыбом» — «стр. 5»; абзац «И если <...> хватит» отчеркнут на полях красной чертой; после слов «отрыв народа» — «?».

[1] Речь идет о статье М. Горького «О разных разностях» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 301. 29 дек., см. также: *Г-30*. Т. 24. С. 500–515). Письмо Кусковой — полемический ответ как на эту статью, так и на некоторые другие, опубликованные Горьким в центральных газетах СССР, в частности, на статьи «"Механическим гражданам"

СССР. *Ответ корреспондентам»* и «Еще о механических гражданах» (Правда. 1928. № 234. 7 окт.; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 275. 27 нояб.).

[2] Выразительное лицо «раскосой девки», о котором пишет Кускова, дано крупным планом в картине художника «Деревня» (1918; хранится в Русском музее в Санкт-Петербурге). Картина вошла в самый знаменитый цикл Б. Григорьева «Расея». Работа над ним начиналась в России, в революционные годы 1917–1918. Лицо деревенской «девки» с раскосыми глазами встречается и в других картинах как этого цикла («Крестьянская земля — 1917»), так и в более позднем цикле картин «Лики России», созданном уже в эмиграции; Григорьев покинул Россию в 1919 г. В своем эссе «Об искусстве и его законных преступлениях» (конец 1920-х гг.) он комментировал свое настроение при написании картин российских циклов: «В дни революции, когда люди перестают наблюдать за собой, бесстыдно обнажая всё человеческое вплоть до звериного, я пытался разглядеть целый народ, найти его истоки <...> заглянуть в эту даль расовую, как в открытую дверь <...> Кто не видел революции, тот и народа не видел...». О знакомстве и взаимоотношениях художника с М. Горьким см.: *С двух берегов*. С. 540–616. Публ. И.А. Зайцевой.

[3] Е.Д. Кускова, вероятно, имеет в виду ответ Горького редактору французского журнала «Европа». Впервые напечатано в переводе с франц. яз. в журнале «Europe» (Париж, 1928. № 68. 15 авг.); на рус. яз. в «Красной газете» (1928. № 245. 5 сент. (веч. вып.)). Цитата из ответа: «Работаю ли я с большевиками, отрицающими свободу? Да, работаю, потому что я — за свободу всех честных тружеников против свободы паразитов и болтунов» (*Г-30*. Т. 24. С. 403).

[4] На территории крупнейшего православного монастыря (XV в.), расположенного на Соловецком острове в Белом море, после революции по указу В.И. Ленина был организован концлагерь. Первые годы — место ссылки военнопленных гражданской войны на принудительный труд. С конца 1922 — начала 1923 г. реорганизован в концлагерь «особого назначения» (сокращ. — СЛОН), заселявшийся антисоветски настроенными уголовными и политическими «врагами» власти. Закрылся в 1939 г. См. также п. 15 и примеч.

[5] Е.Д. Кускова цитирует статью Горького «О разных разностях»: «По существу, все эмигранты одинаково крепко стоят на том, что частная собственность, капиталистический строй — единственная и непоколебимая основа государства <...> Они, конечно, не согласятся с тем фактом, что на почве погони за собственностью развиваются такие чувства, как жадность, зависть, ненависть, что именно собственность является источником преступлений <...> их не поколеблет тот факт, что не так давно собственники в их стремлении ограбить друг друга истребили, изувечили десятка три миллионов наиболее здоровых людей Европы, разрушили, уничтожили огромное количество культурных ценностей» (*Г-30*. Т. 24. С. 500–501). Эта позиция использовалась писателями как аргумент в поддержку проводимой в стране большевиками политики коллективизации и раскулачивания в деревне.

[6] В статье «О разных разностях» Горький обильно цитирует выдержки из эмигрантской прессы (газ. «Руль», Берлин, «Последние новости», Париж, и др.) для разо-

блачения «преступлений, цинизма» и иных отрицательных сторон современной жизни Европы и Америки (см. *Г-30*. Т. 24. С. 500–515).

[7] НЭП — новая экономическая политика. Была разработана Лениным как политика переходного периода от капитализма к социализму, принята в 1921 г. на X съезде ВКП(б). «Поскольку, — писал Ленин в работе «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)», — мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил» (цит. по: *Ленин В.И.* Собр. соч.: В 30 т. / Изд. 3-е. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. 14. С. 339; см. там же — «План речи на X съезде Р.К.П.(б) о замене разверстки налогом» — Т. 30. С. 420–422). НЭП привлек к сотрудничеству с властью некоторую часть русской интеллигенции, в том числе и Е.Д. Кускову (см. вступ. ст.). Сталинская политика постепенно сводила на нет нэповское послабление в сторону капитализма, проводя индустриализацию в промышленности и коллективизацию в деревне. Начавшиеся в стране политические процессы способствовали успешному осуществлению этой политики.

[8] «Шахтинский процесс» — первый крупный политический процесс: 53 человека инженерных и высококвалифицированных технических работников каменно-угольной промышленности в Шахтинском районе Донбасса были отданы под суд с обвинением в контрреволюционной деятельности, подрывающей основы социалистического строительства и в связях с антисоветскими заграничными организациями, готовящими интервенцию в СССР. 13 марта 1928 г. «Известия» сообщили о том, что ОГПУ раскрыла в Донбассе вредительскую организацию. Судебный процесс проходил в Москве 5 июля 1928 г. Несколько человек были расстреляны, другие получили тюремный срок от 1 года до 10 лет. Шахтинское дело расценивалось как экономическая интервенция во внутренние дела Советской страны (См.: Шахтинский процесс. 1928: Сб. документов. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2010).

[9] Перед началом Первой мировой войны Сербия находилась в зависимости от Австрии. В развернувшейся войне с 1914 до 1918 г. Сербия воевала на стороне России, Франции и Англии. По итогам войны в 1918 г. образовалось государство Югославия — «Королевство сербов, хорватов и словенцев» с присоединившейся к нему Черногорией. В 1920 г., в результате обострения социальных, национальных и аграрных противоречий власть перешла к Хорватской крестьянской партии с ее лидером С. Радичем (1871–1928). После его убийства в парламенте Югославии продолжающееся обострение экономического и политического кризиса привело к установлению военно-монархической диктатуры с королем Александром. 6 января 1929 г. королевским указом была отменена конституция, распущен парламент и политические партии; в законодательстве продолжало действовать право на смертную казнь. Кускова пишет Горькому в дни сообщения об этих событиях.

[10] Шейнман Арон Львович (1886–1944), экономист, один из идеологов и организаторов НЭПа. В прошлом большевик-подпольщик, вел партийную работу в разных городах России. При жизни Ленина, ценившего Шейнмана как талантливого финансиста, в 1921 г. назначен Председателем Правления Гос. Банка РСФСР (с 1923 г. — Госбанка СССР). В 1924 г. нарком внутренней политики СССР. С 1926 г. вновь председатель Правления Госбанка СССР и зам. наркома финансов. С государственной миссией стабилизировать отношения с иностранными банками Шейнман не раз выезжал в разные страны Европы с декабря 1928 до апреля 1929 г., в Америке пытался урегулировать с финансовыми кругами проблему долгосрочных кредитов для СССР. Об «удачах» и «неудачах» американской миссии Шейнмана Кускова читала в эмигрантской прессе. Дальнейшая биография первого Председателя Госбанка достаточно необычна. Вернувшись из Америки в Германию лечиться (в Берлине еще раньше у него обнаружили серьезное заболевание), Шейнман принимает решение выйти из ВКП(б) и не возвращаться на родину. Такому решению способствовала обстановка в стране: конец НЭПа и начавшаяся борьба власти с уклонистами (Н.И. Бухарин, М.П. Томский, А.И. Рыков) — с группой, с которой Шейнман был близок. Его снимают со всех постов и объявляют «предателем». Но Сталин приглушает «коммунистический суд» над бывшим Председателем банка и, узнав о заявлении Шейнмана, что он не собирается делать что-либо во вред советской власти, распоряжается наладить с ним контакт, вести слежку и по возможности использовать его на службе за границей. За неразглашение тайн внутренней и внешней политики, о чем Шейнман был хорошо осведомлен, ему даже было назначено денежное ежемесячное жалование. В 1932 г. он получил назначение руководить отделом «Интуриста» в Лондоне, где проработал до начала войны. В 1939 г. он принял гражданство Великобритании и стал клерком одной из лондонских фабрик. Умер в 1944 г. от рака мозга. (Подробнее см.: *Гинис В.* Опальный сановник. Выгодная сделка председателя Госбанка СССР Арона Шейнмана с советским правительством // Политический журнал. 2004. 22 марта. Архив № 10 (13)).

12.

Печатается по *АМ* (*ГАРФ*. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 162). Впервые напечатано (без последней части, со слов «Список русских классиков...») в ст. Кусковой «Трагедия Максима Горького» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. Кн. 38. С. 224–240). Подпись, дата и «P.S.» написаны от руки. К публикации дано следующее примечание:

«Когда я напечатала это письмо, после смерти Горького, ко мне, в Праге, явились посланцы от полпредства: предоставить *подлинник* этого письма для музея Горького. Я сказала им, что письмо это передано мною Пражскому Историческому Архиву и я дать его не могу им. Ушли и снова пришли: позволить им снять фотографическую копию с него. Я отправила письмо в Чешское Министерство Иностранных Дел для официального снимка. Снимок был сделан и передан полпредству. А затем и весь наш Архив был перевезен в Россию — как подарок Бенеша Академии Наук. Увезены и мои чемоданы, где — в числе многих других — хранились и письма Горького.

Разумеется, в бесчисленных материалах о Горьком, напечатанных Госиздатом, этих писем нет».

Письмо вначале попало в Центральный государственный Архив Октябрьской революции, где было выявлено сотрудником Архива А.А. Богачуком; полный текст письма впервые появился в советской печати в 1968 г.: Советские архивы. № 1. С. 67–69.

[1] «Упреки», о которых идет речь, содержались в письме от 12 января. Они были вызваны последними статьями Горького в центральной советской печати, в «Правде» и «Известиях»: «"Механическим" гражданам СССР. *Ответ корреспондентам*» (1928. № 234. 7 окт.), «Еще о механических гражданах» (1928. № 276. 27 нояб.), «О разных разностях» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 301. 29 дек.). Последняя статья была прямым поводом для письма Кусковой. В них, писала она о горьковских статьях, Вы «заговорили с эмиграцией на тяжелом и грубом языке», что свидетельствует о таких же «мыслях и чувствах <...> Хотелось бы подчеркнуть лишь самый главный стимул, побудивший писать Вам: односторонняя правда не есть вовсе *правда*. А все Ваши последние статьи написаны, во 1-х, "во злобе", во 2-х, с точки зрения вот этой односторонней, а не объективной правды».

[2] О первой их встрече в Нижнем Новгороде в 1893 г. см. подробнее в ст. Кусковой «Трагедия Максима Горького» и вступ. статью.

[3] Отношение И.А. Бунина к Горькому и к власти большевиков красноречиво запечатлено в публицистике эмигрантского периода. См.: И.А. Бунин. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. О Горьком по указателю.

[4] Горький имеет в виду одного из своих корреспондентов, Л.Ф. Хинкулова, в котором он видел образец «нового человека» (см. письмо к нему от 21 декабря 1928 г.: *Г-30*. Т. 30. С. 113–115). См. также публикацию О.В. Шуган в кн.: *Горький и корреспонденты*.

[5] Имеется в виду статья «Бумажный кризис в СССР», напечатанная в газете «Последние новости» 19 января 1929 г. В ней сообщалось, что ЦК партии предписал «расчистить архивы и отправить рукописи <...> для переработки на бумажные фабрики». Было подсчитано, что из этого можно получить тысячи тонн бумаги, а города Северного Кавказа намеревались извлечь из архивов пять тысяч тонн «ненужных бумаг» (Последние новости. 1929. № 50 (2859). 19 янв.)

[6] Аскарханов Николай Семенович (1861 — ?), издатель, редактор, автор ряда справочных изданий по военному делу (Санкт-Петербург, «Книгоиздательство Н.С. Аскарханова»); в 1906 г. издал запрещенные цензурой произведения Л.Н. Толстого (Русское свободное слово. 1906. № 1–6).

Думнов Владимир Васильевич (1847–1926), владелец издательского товарищества «В.В. Думнов. Наследники бр. Салаевых»; выпускал преимущественно учебную литературу.

[7] Тройницкий Сергей Николаевич (1882–1948), историк искусства, художник. С 1908 г. по 1932 г. сотрудник Эрмитажа (с 1918–1927 директор); автор многих трудов по прикладному искусству.

13.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

[1] Познанский И.Н. — генерал жандармерии.

[2] Зорге Фридрих Альберт (1828–1906), германский революционер, один из руководителей Первого Интернационала, соратник и секретарь К. Маркса. Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Зорге дважды выходили по-русски в 1907 и 1913 гг.

[3] См.: *Луначарский А.В.* Ленин и культура (Культура у нас и на Западе) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. № 14 (3550). 17 янв.

[4] Лозунг «Обогащайтесь!» был произнесен Н.И. Бухариным на собрании актива Московской парторганизации 17 апреля 1925 г. — «О нашей экономической политике и наших задачах»: «Всему крестьянству, — говорил докладчик, — всем его слоям нужно сказать обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство...» Лозунг «Обогащайтесь!» (Enrichissez-vous!) был выдвинут еще в 1843 г. французским политиком-либералом Франсуа Гизо (речь 1 марта в Палате депутатов).

[5] Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927), прозаик, драматург, публицист; в августе 1923 г. эмигрировал в Варшаву; постоянно печатался в газете «За свободу» (ред. Д.В. Философов). См. в сб. «Записки писателя» (вып. 1, Варшава, 1925) его ст. «О революции, о правде, о г-ж. Кусковой и о самом себе»; см. также: *Матевосян Е.Р.* Максим Горький и Михаил Арцыбашев (к истории взаимоотношений) // *Горьковские чтения*. Н. Новгород, 2004. С. 228–238.

[6] Речь идет о сообщении в газете «Последние новости» о бегстве из России немецких крестьян меннонитов, взволновавшем общественность за границей. Специальный корреспондент «П.Н.» собрал показания беглецов об ужасном положении в деревне, принудившем их покинуть страну. Приведен был и «Рассказ кавказца К. Кукіани», беженца одной из колоний меннонитов. События подавались эмигрантской прессой как пример двойного преследования крестьян Советской властью — экономического и религиозного. Меннониты — протестантская секта (из среды анабаптистов) поселились в России со 2-й половины XVIII века. Екатерина II поселила их в Екатеринославской губернии, выделив земли и даже освободив от воинской повинности — меннониты не признавали суды и во́йны. После революции меннониты защищали свои дарованные императрицей «льготы» в годы раскулачивания. В 1928–1929 гг. более 4000 меннонитов удалось выехать из СССР через Германию в Канаду, Бразилию и Парагвай.

[7] «Борьба за Россию» — еженедельное издание в Париже в 1926–1931 гг. под редакцией В.Л. Бурцева, после августа 1928 г. — С.П. Мельгунова, Т.И. Полнера, П.Я. Рысса, с апреля 1929 г. — М.М. Федорова. Издание ставило целью широкое объединение антибольшевистских сил внутри России с силами зарубежными. «Одной из важных задач сотрудники журнала считали разоблачение и посрамление писателей, в той или иной форме поддерживающих коммунистический режим» (Подробнее см.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Периодика и литературные центры: В 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. С. 45–48).

14.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

На письме помета Горького красным карандашом: Отв.

[1] См. п. 15 и примеч. 1.

15.

Печатается по *А* (*АГ*) впервые.

[1] Речь идет о статье «Горький в гостях на Соловках» в газете «Возрождение» за подписью «И.З.» (1930. № 1684. 11 янв.) — по рассказам соловецких беглецов (см. п. 11 и примеч.) давалась картина приезда Горького в Соловецкий лагерь особого назначения в 1929 г. Горький посетил Соловки в июне 1929 г. (*ЛЖТ. З.* С. 729), а его очерк «Соловки» был напечатан в журнале «Наши достижения» в том же году в № 5 (сент.-окт.) и № 6 (нояб.-дек.). Впоследствии вошел в цикл «По Союзу Советов» (*Горький. Сочинения.* Т. 20. С. 202–236; впервые: Наши достижения. 1929. № 1-6. Январь-декабрь). См.: *Чернухина В.Н.* Поездка А.М. Горького на Соловки (Свидетельства очевидцев) // *Неизвестный Горький.* Вып. 4. С. 124–135.

[2] См. об этом: *Кускова Ек.* Пестрые картинки // Современные записки. 1922. № 12.

[3] Советская власть была установлена в Азербайджане в апреле 1920 г. В 1929–1930 гг., когда шла коллективизация, в республике вспыхивали неоднократно крестьянские восстания, особенно участившиеся в начале 1930 г. после Постановления Закавказского райкома ВКП(б) о проведении массовых операций по разоружению населения (3 янв. 1930 г.) и Постановления ЦК ВКП(б), принятого 5 янв. 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государственному колхозному движению». Последующие карательные действия Советской власти приводили к неоднократным вспышкам восстаний крестьян. Эти события освещались в прессе того периода. См.: *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопр. истории. 2002. № 2. С. 3–32.

[4] См. статьи Б.А. Кушнера и В.Д. Ряховского (Новый мир. 1930. № 1).

[5] Вероятно, речь идет о сыне кн. Туманова. См.: Письма М.Л. Винавера и Е.П. Пешковой к Е.Д. Кусковой. 1923–1936. М., 2009.

[6] Замятин Евгений Иванович (1884–1937) и Пильняк Борис Андреевич (1894–1937), советские писатели-прозаики, причисленные к группе «попутчиков».

«В литературе, — пишет В. Шенталинский, — великий перелом ознаменовался кампанией, грандиозной по размаху и ярости, получившей название "Дело Пильняка и Замятина". Поводом для нее послужило издание этими писателями своих сочинений за рубежом. Замятиным — роман "Мы", Пильняком — повести "Красное дерево"» (*Шенталинский В.* Рабы свободы: Документальные повести. М., 2009. С. 384).

Роман «Мы» был опубликован еще в 1924 г., в Англии, без ведома автора; в 1927 г. главы из романа печатались в Праге (Воля России. 1927. № 3, 4) и отдельным изданием на чешском языке; в 1929 — на французском.

По мнению специалистов, роман «Мы» имел влияние на западно-европейский «антиутопический» роман XX века. (*Михайлов О.Н.* Замятин // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 2. С. 987).

Рапповская критика расценивала роман «Мы» как клеветнический памфлет на советское государство. Выходящее в издании «Федерация» Собрание сочинений Е. Замятина было приостановлено на четвертом томе.

Во время приезда в 1928 г. в СССР Горький прочитал в рукописях пьесу Замятина «Атилла» — пьеса уже была запрещена, хотя она репетировалась в Большом драматическом театре Ленинграда. По просьбе Замятина Горький активно включился в борьбу за разрешение пьесы. Он писал об этом Ф.Ф. Раскольникову, А.И. Рыкову, ходатайствовал перед прокурором РСФСР Крыленко; его письмо, присланное из Сорренто, было прочитано во время судебного разбирательства по этому делу, в нем Горький настаивал на литературной и общественной ценности пьесы Е. Замятина: «Ценность эту вижу в том, что гунны, во главе с Атиллой идут разрушать Рим, как государство, фабрикующее рабов. Нахожу также, что героический тон пьесы и героический сюжет ее полезен <...> *P.S.* Факт разрешения пьесы Главреперткомом и запрещения каким-то другим учреждением или какими-то другими лицами ставить ее на сцене считаю совершенно скандальным...» (цит. по кн.: *Примочкина Н.Н.* Писатель и власть. М.: РОССПЭН, 1996. Гл. III. С. 190).

Защита Горького не привела к успеху, пьеса «Атилла» не была ни напечатана, ни поставлена на сцене.

«Окриком» Горького можно считать статью «О трате энергии» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. № 213. 15 сент.). «За свой поступок Пильняк получил, — писал Горький, — слишком суровое возмездие, которое как бы уничтожает все его заслуги в области советской литературы»... Вступаясь за «попутчиков», он задает вопрос: «Достаточно ли осторожно относимся мы к этим людям, достаточно ли умело ценим их работу, способности и не слишком ли сурово относимся к их ошибкам, к их проступкам?» (цит. по кн.: *Публицистика Горького.* С. 476).

И уже через два дня после напечатания статьи Горького в тех же «Известиях» появилась статья «Советская общественность против пильняковщины», где оправдывались те писательские организации, которые «категорически отмежевывались» от Пильняка как от классового противника. «М. Горького редакция не называла, но ее заявление, что в борьбе против Пильняка и пильняковщины дается "отпор враждебным силам", а вовсе не ведется "травля", — это заявление прозвучало, как признание, что публикация статьи "О трате энергии" явилась ошибкой газеты» (цит. по ст.: *Бялик Б.А.* О статье М. Горького «Все о том же» // *Горький и его эпоха. Вып. 1.* С. 13). Бялик там же приводит ряд других выступлений, где Горький прямо обвиняется в «примиренчестве», а его статья в защиту Пильняка и попутчиков ин-

криминировалась как выступление, дающее «орудие в руки врагов пролетарского государства».

[7] ЮНГА ПЛАН — план взимания репарационных платежей с Германии. Назван по имени американского банкира О. Юнга, возглавившего его разработку. Предусматривал снижение размера годовых репарационных платежей, отмену всех форм и видов контроля над Германией, ее народным хозяйством и финансами, способствовал милитаризации германской экономики. Утвержден на гаагской конференции в январе 1930 г. С 15 июля 1931 г. фактически перестал действовать по одностороннему решению правительства Германии. См.: План Юнга и гаагская конференция, 1929–1930 гг.: Документы и материалы. М.; Л., 1931.

[8] 28 февраля 1921 г. началось восстание матросов кораблей балтийского флота в Кронштадте, охватившее почти 16 тыс. человек. Восставшие требовали смены власти, политических и экономических изменений. К концу марта мятежники были подавлены отрядами Красной армии, в комментариях к сочинениям В. Ленина (изд. 3-е) приведены отрывки статей из газеты «Последние новости» (Париж) умеренно либерального направления. Так, в газете от 11 марта 1921 г. в статье без подписи (вероятно, ее автором был П.Н. Милюков) «Кандидаты на власть» читаем: «Устроители переворотов в Кронштадте и в Петрограде уже доказали самим ходом борьбы, что они умеют управлять событиями, даже и военными <...> они имеют свою программу. Эта программа может выразиться в кратком лозунге: "Долой большевиков, да здравствуют Советы", т.е. власть должна прийти от большевиков к умеренным социалистам, которые получат большинство в Советах» (цит. по: *Ленин В.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 662). См. также: *Горький. Письма.* Т. 13, п. 294, 298 и примеч. Через несколько дней, 26 марта «Петроградская правда» (№ 67) опубликовала отрывок из беседы В.И. Ленина с американским корреспондентом, где Ленин дает свою оценку кронштадтским событиям: «Восстание в Кронштадте действительно совершенно ничтожный инцидент» <...> Если заграницей преувеличивают значение восстания в Кронштадте и оказывают ему поддержку, то это происходит потому, что мир разделился на 2 лагеря: капиталистическая заграница и коммунистическая Россия» (*Ленин В.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 284). Однако введение НЭПа — программа партии, принятая на X съезде РКП(б) (8–15 марта 1921 г.), показала, что В.И. Ленин — «ловкий и думающий тактик», по словам Е.Д. Кусковой, уроки Кронштадта извлек. «План речи на X съезде РКП(б) о замене разверстки налогом» — в нем 14 пунктов. В 3-м читаем: «Кто кого? 2 разных класса. Урок "Кронштадта":

— в политике больше сплоченности (и дисциплины) внутри партии, больше борьбы с меньшевиками и социалистами революционерами.

— в экономике: *удовлетворить* возможно больше *среднее* крестьянство.

Чем? а) свобода оборота, свобода торговли (свобода капитализма) (из п. 5) <...> оживляя до известной степени мелкую буржуазию и ее оборот». (Там же. Т. 30. С. 420–421).

При НЭПе система продразверстки, действующая в период военного коммунизма (1918–1921), была заменена продналогом: товарные излишки у крестьян оставались

для свободного рыночного обмена, что стимулировало производительность сельскохозяйственного труда.

[9] Андреев Андрей Андреевич (1895–1971), советский государственный деятель. С 1920 г. секретарь ВЦСПС; с IX съезда партии — член ЦК ВКП(б) с 1920–1961 г. С 1932 г. по 1952 г. кандидат в Политбюро ЦК. С 1937 г. — член Верховного совета.

16.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Горький ответил уже не личным письмом, а публицистической статьей «Об умниках» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. № 286. 16 окт.). Причислив свою корреспондентку к «умникам», Горький, не называя фамилии, позволил себе привести выдержку из ее письма в следующем контексте: «Умник крепко убежден, что без его мудрого участия в делах мира — мир погибнет. <...> Книжность убила в нем чувство скромности и осторожность суждений, свойственную людям, которые, активно участвуя в строении жизни, относятся к ней внимательно и серьезно. Он пишет <...> из Праги: *"Я хорошо знаю, что положение в России дошло до высшей точки неблагополучия*". На самом деле, — продолжает Горький, — он ничего не знает <...> совершенно не чувствует той высоты, до которой активизм рабочего класса и передового крестьянства поднял Союз Советов. <...> в Союзе Советов работает неведомая ему, умнику, энергия, которой он никогда, нигде не наблюдал, — свободная энергия рабочих и крестьян...» (см.: *Г-30*. Т. 25. С. 207–208).

С 1928 г. в СССР начались репрессии — аресты и отстранение от участия в строительстве народного хозяйства крупных ученых-аграрников, квалифицированных и опытных кооператоров, инженеров, статистиков, занимавших ответственные посты в Госплане, в Сельскохозяйственной Академии, наркоматах и Банке СССР, не разделяющих новую — сталинскую политику в области сельского хозяйства. Кускова называет в письме некоторых из них:

Чаянов Александр Васильевич (1888–1938), историк, ученый-биолог, экономист, беллетрист. При Временном правительстве — член Союза по аграрной реформе товарища министра сельского хозяйства. Профессор Сельскохозяйственной Академии. Участник Помгола в 1921 г. Работал в научной области, смежной С.Н. Прокоповичу. (См.: *Янгиров Р.М.*. Письма А.В. Чаянова (среди корреспондентов — С.Н. Прокопович и Е.Д. Кускова. — *Ред.*) // *Минувшее. Кн. 18*. С. 478–529). После революции создатель Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики (ИСХЭ) и его директор (1921–1930), сотрудник Центросоюза кооператоров, член коллегии Наркомата земледелия.

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938), выдающийся экономист-аграрник. Как и Н.П. Макаров, в 1922–1924 гг. изучал опыт развития сельского хозяйства, будучи командирован в Западную Европу и США. Профессор ТСХА, директор Конъюнктурного института при Наркомфине СССР, ведущий сотрудник ИСХЭ.

Один из разработчиков планов развития советской промышленности и сельского хозяйства в 1920-е годы.

Макаров Николай Павлович (1887–1980), выдающийся экономист, после революции преподаватель Воронежского института сельского хозяйства. В 1920–1924 гг. изучал экономические проблемы сельскохозяйственного производства, выезжая в Западную Европу и в США. Профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии (ТСХА), сотрудник Института сельскохозяйственной экономики (ИСХЭ).

Рамзин Леонид Константинович (1887–1948), видный инженер-теплотехник. С 1921 г. — член Госплана, участник разработки плана ГОЭЛРО; заведовал кафедрой МЭИ, директор Теплотехнического института (1921–1930) (см. о нем ниже).

Юровский Леонид Николаевич (1884–1938), теоретик рыночной экономики и финансового хозяйства; специалист по денежному обращению, в период НЭПа — начальник валютного управления Наркомата; участник-эксперт денежной реформы СССР 1922–1924 гг., создавший валютный червонец (автор книги «Денежная политика Советской власти. 1917–1927 г.», издана в 1928 г.).

Садырин Павел Александрович (1877–1938), известный кооператор и политик, депутат 1-й Государственной Думы от Вятской губернии; работал вместе с С.Н. Прокоповичем в Союзе кооператоров.

Базаров (наст. фам. Руднев) Владимир Александрович (1874–1939), философ, экономист, публицист. С 1904 г. — большевик, переводчик вместе с И.И. Скворцовым-Степановым на русский язык «Капитала» Маркса. С Горьким сотрудничал в журнале «Летопись» и в газете «Новая жизнь» (подр. см.: *Никитин Е.Н.* Письма В.А. Базарова к Горькому // *Горький и корреспонденты*. С. 102–164). С 1922 г. заведующий отделом в Госплане, редактор журнала «Плановое хозяйство», один из организаторов и действительный член Социалистической (затем Коммунистической) Академии. Автор трудов «К методологии перспективного планирования» (М., 1925), «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства в СССР» (М., 1927).

Громан Владимир Густавович (псевд. Горн) (1874–1938), статистик, член Коллегии центрального статистического управления РСФСР, член Президиума Госплана СССР. В 1900–1928 гг. — автор нескольких статей о современной статистике.

Суханов (наст. фам. Гиммер) Николай Николаевич (1882–1940), один из активных участников Октябрьской революции. С Горьким сотрудничал в журналах «Заветы» (ред.), «Современник» и «Летопись» (1915–1917), в газете «Новая жизнь» (ред.). В 1917 г. — организатор первого выпуска газеты «Известия». Автор мемуаров «Записки революционера» (Берлин: Изд. З.И. Гржебина, 1922–1923) (подробнее см.: *Никитин Е.Н.* Письма Н.Н. Суханова Горькому // *Горький в зеркале эпохи*. С. 391–424). В 1924–1925 гг. редактировал экономические журналы, издававшиеся на немецком и французском языках при торгпредствах в Германии и Франции. Суханов занимался исследованиями в области экономики сельского хозяйства в ИСХЭ, возглавляемом А.В. Чаяновым.

Все упомянутые выше лица были арестованы в июле 1930 г. по делу ТПК (Трудовой партии крестьянства). Участники ТПК обвинялись в «организации крестьянских

восстаний и беспорядков», использовании для этой цели «кулацких элементов и колебаний известной части середняков в вопросе об отношении к коллективизации сельского хозяйства <...> в контрреволюционной дезорганизации народного хозяйства» (Правда. 1931. № 57. 27 февр.; цит. по: *Янгиров Р.М.* Письма А.В. Чаянова // *Минувшее. Кн. 18.* С. 515). Некоторые из обвиняемых по делу ТПК фигурировали в двух политических процессах 1930 г.: судебный процесс над «Промпартией» (ноябрь – декабрь 1930 г.) и процесс «Союзного бюро меньшевиков» (март 1931 г.) – по последнему были осуждены Н.Н. Суханов (расстрелян в 1940 г.) и В.А. Базаров (погиб в 1939 г.). Открытый политический процесс по делу ТПК организован не был. Приговор к 10 годам тюремного заключения А.В. Чаянову был заменен ссылкой в Тобольск, где ученый мог работать экономистом. В 1937 г. вновь арестован и расстрелян в 1940 г. Н.Д. Кондратьев, приговоренный к заключению в лагерь, в 1938 г. – расстрелян. В 1938 г. расстреляли П.А. Садырина и В.Г. Громана (по некоторым источникам – в 1940 г.); дважды арестовывался и был реабилитирован Л.Н. Юровский (умер в 1938 г.). Н.П. Макаров в 1932 г. отправлен в заключение в лагерь, а в 1935 г. – в административную ссылку в Воронежскую область, где преподавал и в 1956 г. защитил докторскую диссертацию. Еще более благополучно сложилась судьба Л.К. Рамзина: в 1930 г. он был осужден по делу «Промпартии», в 1936 г. освобожден по амнистии, продолжал работать по специальности, а в 1943 г. даже награжден Государственной премией за конструкцию «промышленного прямоточного котла» («котел Рамзина»).

[2] См. вступ. статью и примеч. к п. 1.

17.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-22-21), впервые.

В *АГ* хранится и копия данного письма (*АГ*. КГ-п-22-22).

Ответ Горького на письмо Е.Д. Кусковой от 8 сентября 1930 г. см. в примеч. к п. 16.

[1] Е.Д. Кускова имеет в виду следующее место из статьи «Об умниках»: «Казалось бы, что теперь умники могут хором спеть “Ныне отпущаеши раба твоего, Владыка” и – для окончательного успокоения своего – позаботиться о могилах. Пора!» (*Г-30.* Т. 25. С. 210), см. вступ. статью.

ПИСЬМА А.Н. ТИХОНОВА М. ГОРЬКОМУ 1923–1925 гг. (Из истории журнала «Русский современник»)

Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н.Н. Примочкиной

История журнала «Русский современник», участие Горького в этом издании до сих пор мало знакомы не только широкому читателю, но и специалистам. Между тем состав авторов «Русского современника», его содержание позволяют говорить о выдающемся явлении в истории русской печати первых послеоктябрьских лет. В этом непартийном, частном журнале публиковались многие талантливые писатели, составившие гордость русской литературы XX в. В нем печатали свои стихи С. Есенин и Н. Клюев, А. Ахматова и Ф. Сологуб, Б. Пастернак и Н. Асеев, прозу — М. Горький и А. Толстой, Е. Замятин и Б. Пильняк, И. Бабель и Л. Леонов, литературно-критические статьи — Б. Эйхенбаум и Ю. Тынянов, В. Шкловский и Б. Томашевский.

В свое время мы попытались наметить основные вехи становления и развития этого журнала, проследить эволюцию взглядов Горького на его роль в литературном процессе середины 1920-х гг.[1]. Однако следует признать, что эта тема осталась пока не изученной досконально, во всех ее подробностях и нюансах. Надеемся, что публикуемые ниже письма ответственного редактора «Русского современника» А.Н. Тихонова Горькому и комментарии к ним смогут существенно дополнить и прояснить исследуемую проблему.

Александр Николаевич Тихонов (литературные псевдонимы А. Серебров, Н. Серебров) родился 20 октября 1880 г. на Верхне-Сергинском заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии, в крестьянской семье. В 1898 г. он приехал с Урала в Петербург и поступил в Технологический институт. Здесь Тихонов сразу включился в бурную студенческую жизнь: участвовал в забастовках, печатал революционные прокламации, — за что был арестован, исключен из института и выслан на родину. Осенью следующего, 1899 г. он вновь приехал в столицу и поступил на этот раз в Горный институт. Молодой человек не изменил своим революционным взглядам, вскоре сблизился с марксистами, а потом и с большевиками. Печататься начал в революционном 1905 г. Его первая статья «Умрите вовремя!», обращенная к дворянскому

съезду, была опубликована в большевистской газете «Новая жизнь». Окончив в 1908 г. институт, Тихонов несколько лет проработал инженером-геологом на Урале и в Сибири.

Впервые он встретился с Горьким осенью 1899 г., на одном из собраний видных марксистов и народников. Горький читал на этом вечере одно из своих новых произведений. Однако настоящее знакомство студента Тихонова с писателем произошло позже, в 1902 или 1903 г., в Москве, в доме актрисы Художественного театра М.Ф.Андреевой. Горький убедил Тихонова испытать себя на литературном поприще, помогал советами, посвящал в тайны литературного мастерства. Несколько рассказов молодого писателя («Шебарша», «Черный бог», «Лев», «В лесу», «Святки» и др.) было напечатано в различных дореволюционных журналах и сборниках.

А вскоре со всей силой проявился и настоящий талант Тихонова, талант редактора и организатора издательского дела. В 1912–1913 гг. он был редактором беллетристических отделов в газетах «Звезда» и «Правда». Вместе с Горьким организовал отдел беллетристики в большевистском журнале «Просвещение», сотрудничал в журналах «Современник» и «Современный мир». В 1914–1917 гг. Тихонов возглавил организованное Горьким издательство «Парус», совместно с Горьким редактировал первый и второй «Сборники пролетарских писателей» и журнал «Летопись», в 1917–1918 гг. — газету «Новая жизнь».

После революции с 1918 г. работал с Горьким в издательстве «Всемирная литература» и после отъезда писателя в 1921 г. за границу стал его руководителем. В начале 1920-х гг. на базе этого издательства Тихонов организовал выпуск журналов «Восток», «Современный Запад» и «Русский современник», во второй половине этого десятилетия возглавлял издательства «Круг» и «Федерация». В 1930-е гг. был главным редактором издательства «Academia», а также редактором организованных Горьким издательства «История фабрик и заводов», серий книг «Жизнь замечательных людей» и «Исторические романы». В годы Великой Отечественной войны работал редактором в издательстве «Советский писатель». Умер Тихонов 27 августа 1956 г. в Москве.

Горький дорожил своей многолетней дружбой с Тихоновым, высоко ценил его талант журналиста и издателя. 21 апреля 1928 г. он писал своему адресату: «Да, мы с Вами дружно отработали четверть столетия. Разрешите сказать, что среди тех людей, которые любят и умеют работать, Вы — один из лучших, из редких»[2].

В 1949 г. Тихонов издал под псевдонимом «А.Серебров» книгу своих мемуаров «Время и люди. Воспоминания. 1898–1905», которая в 1955 и в 1960 г. была в переработанном виде переиздана в СССР, а также переведена на чешский язык и вышла в 1960 г. в Праге. В книгу, наряду с воспомина-

ниями о Л.Н. Толстом и А.П. Чехове, вошли страницы, посвященные деятелям искусства начала XX в.: В.Ф. Комиссаржевской, К.С. Станиславскому, Ф.И. Шаляпину и др. Однако главную ценность и основной объем книги составляют воспоминания, посвященные Горькому. Именно Горький является главным героем этой художественной мемуаристики.

В авторском предисловии Тихонов писал: «Предлагаемая книга представляет собой начало большой мемуарной работы, обнимающей три десятилетия»[3]. Судя по этому заявлению, автор предполагал довести свои воспоминания до 1930-х гг., рассказать о тесных дружеских и деловых отношениях, которые связывали его с Горьким до конца жизни писателя. Однако Тихонов, вероятно, не сумел или не успел осуществить своего намерения. К сожалению, опубликованные воспоминания касаются только нескольких ранних лет их знакомства. К тому же автор намеренно придал своим мемуарам характер художественной прозы, выразительно и ярко рисующей отдельные образы и эпизоды, но не предполагающей какой-либо фактографической точности и хронологической систематизации. Например, Тихонов указывает, что впервые увидел Горького «в начале октября 1899 года на одной из "марксистских" вечеринок»[4], но при этом очень неопределенно описывает момент первого личного знакомства с писателем на квартире М.Ф. Андреевой: «В этом доме <...> я познакомился с Горьким по-настоящему — раньше знал его только издалека и бессловесно»[5]. В результате подобной неточности подвергается сомнению сама дата их знакомства. В Полном собрании сочинений М. Горького, серии «Письма», годом знакомства Горького с Тихоновым назван 1901 г.[6]. В предисловии А.Я. Тарараева к публикации горьковских писем Тихонову в сборнике «Горьковские чтения. 1953–1957» указан 1903 г.[7]. Однако сам Горький высказывал сомнение по поводу этой даты. 21 апреля 1928 г. он писал Тихонову: «Разве мы познакомились в 903, а не во 2-м году?»[8] 1902 г. косвенно подтвердил в своей мемуарной книге и сам Тихонов, заявив: «Труднее всего мне писать о Горьком: мое знакомство с ним продолжалось — ни много ни мало — тридцать четыре года»[9].

В какой-то степени дальнейшая история дружбы и сотрудничества Тихонова с Горьким восстанавливается по горьковским письмам этому адресату за 1904–1936 гг., напечатанным в вышеупомянутом сборнике «Горьковские чтения. 1953–1957», по его же отдельным письмам Тихонову, опубликованным в 30-томном собрании сочинений М. Горького, а также по академически полно прокомментированным письмам Горького Тихонову, напечатанным в Полном собрании сочинений писателя, серии «Письма».

Однако беда для исследователей-горьковедов заключается в том, что письма Горького Тихонову с 1914 по 1924 г. до сих пор не разысканы (вероятно, они были отобраны у адресата при его аресте в январе 1925 г.). От этого времени сохранились лишь короткая записка 1919 г. и черновик письма от

23 октября 1924 г. Поэтому период начала 1920-х гг. остается наиболее «темным» пятном в их деловых и дружеских отношениях.

Существенно дополнить и прояснить картину могут, во-первых, сохранившиеся в горьковском архиве письма Тихонова Горькому этих лет и, во-вторых, интересные документы и материалы, которые Тихонов в свое время передал в Архив А.М. Горького. Эти материалы объединены в *АГ* в отдельный «Фонд А.Н. Тихонова», состоящий из 808 единиц хранения. В фонде хранятся документы издательства «Парус» 1915 г., протоколы редакционной коллегии «Литературной газеты» 1921 г., протоколы редакционных заседаний издательства «Academia» 1931–1935 гг. и серии «Жизнь замечательных людей» 1932–1936 гг. Большую ценность для исследователей представляют материалы, освещающие деятельность издательства «Всемирная литература»: протоколы заседаний редколлегии 1919–1925 гг., переписка с Наркомпросом и Госиздатом, рукописи произведений А.А. Блока, Н.С. Гумилева, Е.И. Замятина, К.И. Чуковского, М.А. Кузмина и В.К. Шилейко, написанных для созданной Горьким серии «Исторические картины».

Особый раздел в фонде Тихонова составляет деловая переписка членов редакции журнала «Русский современник» между собой, с авторами и различными организациями за 1924–1925 гг. Переписка Тихонова с Е.И. Замятиным, К.И. Чуковским, А.М. Эфросом и другими сотрудниками позволяет «изнутри» почувствовать и яснее осознать те огромные трудности, которые приходилось преодолевать редакции в процессе работы над выпуском этого журнала.

Мечта о создании нового журнала владела умами будущих членов редакции «Русского современника» давно, с первых лет революции. Еще в июне 1919 г. Горький писал заведующему Госиздатом В.В. Воровскому: «Необходим журнал, который поставил бы своей целью защиту культуры и борьбу с "бытом"...»[10]. В архиве писателя сохранилась программа задуманного им журнала «Завтра». Однако замысел в условиях гражданской войны и разрухи осуществлен не был.

В 1920 г. Чуковский писал Горькому о необходимости создать новый журнал: «Мы создали бы единственный в России журнал, страшно нужный, журнал для интеллигенции. Теперь журналов для массового читателя — сколько угодно, но для интеллигенции нет ни одного. А между тем необходимо создать такой орган, где интеллигенция была бы снова введена в необходимую ей сферу искусства, литературных споров, идейных течений и пр.

Особенно важно это для 16-летних, 17-летних подростков, которые слоняются по разным студиям, "вечерам поэтов", "Вольфилам", нося в себе неутоленную тоску по литературе, по хорошим культурным словам, и растут без книг, без идеологий, без живых связей с духовной жизнью мира.

Я таких вижу много, и мне их жалко. Они, как мухи на сахар, кинутся на этот журнал. Журнал снова может воспитать поколение, как в былые време-

на — "Современник". Вы должны этот журнал создать. А Замятин и я будем Ваши помощники: соберем рукописи, просеем их — и дадим Вам для окончательной редакции»[11]. В этом письме уже выражена основная идея журнала, его направление. Здесь же намечены члены редакции будущего органа — Горький, Замятин, Чуковский. Почти найдено и название, указывающее на связь со славными традициями некрасовского «Современника».

В очередной раз Горький, Замятин и Чуковский попытались осуществить свою мечту, выпустив в начале 1921 г. журнал «Дом искусств». Однако из-за материальных трудностей он был закрыт после второго номера.

Уехав осенью 1921 г. за границу, Горький и здесь не оставил своей идеи издавать журнал для российского читателя. С июня 1923 г. в Берлине под редакцией Горького начинает выходить литературный и научный журнал «Беседа», главной целью которого было восстановление духовных связей между Россией и Европой[12]. Вдохновленный примером Горького, его старый друг и верный помощник по литературно-издательским делам Тихонов осенью 1923 г. стал организовывать в Петрограде литературно-художественный журнал, получивший название «Русский современник». Кроме возглавившего журнал Тихонова, в редакцию вошли Горький, Замятин, Чуковский, а также искусствовед и театральный критик Эфрос, осуществлявший в Москве связь с ленинградской редакцией. Издателем, «спонсировавшим» дело, был Н.И. Магарам, до революции работавший с И.Д. Сытиным.

Задумывая новый журнал, Тихонов с самого начала не мыслил себе этого начинания без участия Горького. В письме от 30 ноября 1923 г., сообщая писателю о своем замысле, он добавлял: «Я придаю Вашему участию в новом деле решающее значение, — если Вы не согласитесь в нем участвовать — я не стану работать без Вас». Горький положительно отнесся к намерению своего друга и принял его предложение. Это видно из письма Тихонова от 27 декабря 1923 г., в котором он благодарил писателя за «скорый ответ и согласие <...> работать в журнале».

Писатель по просьбе Тихонова рекомендовал редакции новых авторов и их произведения, сам посылал в журнал казавшиеся ему интересными материалы. Но самым главным для Тихонова, конечно, являлось личное участие Горького в журнале. И ему удалось добиться этого. В «Русском современнике» было опубликовано семь очерков и рассказов писателя, вошедших затем в книги «Заметки из дневника. Воспоминания» (1924) и «Рассказы 1922–1924 гг.» (1925).

Кроме того, именно в этом журнале, в его первой книге был впервые напечатан знаменитый очерк Горького о В.И. Ленине. Тихонов обратился с просьбой к Горькому написать воспоминания о вожде уже на следующий день после его смерти. Видимо, писатель сразу же ответил телеграммой, в которой обещал отдать будущий очерк «Русскому современнику». 30 января Тихонов

писал Горькому: «Спасибо Вам большое за рукопись об Ильиче. Ждем ее с нетерпением». Этот факт свидетельствует о том, что писатель возлагал на новый журнал большие надежды.

Получив от писателя очерк 3 марта 1924 г., Тихонов 5 марта телеграммой попросил автора сделать необходимые сокращения «политического характера». Как видно из следующей телеграммы Тихонова от 8 марта, Горький пошел навстречу этой просьбе и произвел отдельные сокращения. Однако членов редакции его поправки, видимо, не удовлетворили, и они решили действовать на свой страх и риск. 22 марта Тихонов послал Горькому отредактированный и сокращенный очерк. В сопроводительном письме он попытался оправдаться, приведя веские, на его взгляд, причины, побудившие редакцию к этим сокращениям (см. п. 14).

История первой публикации воспоминаний Горького о Ленине до сих пор недостаточно исследована. Только в годы «перестройки» появилась специально посвященная этой теме небольшая статья Л.Н. Иокар «К истории публикации первого варианта очерка "В.И. Ленин"»[13]. В этой статье впервые прозвучало признание, что советское горьковедение на протяжении многих лет вводило читателей в заблуждение, утверждая, что очерк при первой публикации был напечатан с «небольшими сокращениями»: на самом деле из него были выброшены целые страницы текста, не говоря уже об отдельных словах и фразах.

Интересно проанализировать характер произведенных редакцией журнала (а возможно, и цензурой) сокращений текста горьковского очерка. Поскольку все приводимые ниже сокращения почти без изменений вошли затем во второй вариант очерка 1930 г., будем ссылаться на этот ныне доступный читателю текст, опубликованный в 20-м томе Полного собрания сочинений М. Горького в 25-ти томах, с указанием страницы в скобках после текста.

Первые две купюры можно предположительно объяснить нежеланием редколлегии журнала придавать публикации слишком злободневный характер и нападать на русскую эмиграцию, позиция которой, весьма вероятно, вызывала у многих членов редакции тайное сочувствие. В самом начале очерка был пропущен следующий текст: «Пресса русской эмиграции не нашла в себе ни сил, ни такта отнестись к смерти Ленина с тем уважением, какое обнаружили буржуазные газеты в оценке личности одного из крупнейших представителей русской воли к жизни и бесстрашия русского разума»[14].

Второе сокращение касалось политических врагов советской власти и Ленина, тех «политических мошенников, которые заслуживают строгой изоляции в домах для сумасшедших» (Там же. Во второй вариант этот отрывок не вошел).

Третья купюра занимает два больших абзаца, а в рукописи — несколько страниц. В этом отрывке писатель откровенно рассказывает о разногласиях

с Лениным в 1917 г., о своих опасениях, что крестьянская стихия, разбуженная революцией, поглотит количественно ничтожные культурные силы страны. Начинается этот отрывок со слов: «Когда, в 17 году, Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои тезисы...», а заканчивается рассказом о создании «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». Весь этот большой кусок текста, за исключением последней «антисоветской» фразы: «Начинание это <«Свободная ассоциация». — *Н.П.*> было уничтожено Октябрьской революцией, а средства "Ассоциации" конфискованы» — вошел затем в редакцию очерка 1930 г. (С. 27–28).

Далее, во фразе: «До 18 года, до пошлейшей попытки убить Ленина...» было снято определение «пошлейшей». В редакции 1930 г. Горький еще больше усилил этот пассаж, добавив к упомянутому эпитету еще один: «и гнусной» (С. 33). В первой публикации была также сокращена фраза: «Много писали и говорили о жестокости Ленина», которая затем вошла в редакцию очерка 1930 г. (С. 30).

Большая купюра была сделана в том месте, где Горький описывал съезд деревенской бедноты в Зимнем дворце, во время которого было испорчено и загажено много предметов искусства и культурных ценностей. «Нецензурность» отрывка состояла в его несоответствии требованиям политического момента. Как раз в это время партия провозгласила политику «смычки» города с деревней, поэтому все выпады Горького против некультурности крестьянства были нежелательны, политически «вредны». Позже, в 1927 г. Горький напечатал этот текст, вошел он и в редакцию 1930 г. (С. 30–31).

Еще одно сокращение касалось судьбы нескольких арестованных ученых, за которых хлопотал Горький. В «Русском современнике» этот сюжет кончался фразой: «Спасти этих людей не удалось»[15]. В рукописи было продолжение, которое усиливало вину большевистских властей за производимый в стране террор и в то же время частично снимало вину за все эти злодеяния с Ленина: «...их поторопились убить. Мне говорили, что это убийство вызвало у Ленина припадок бешеного гнева»[16].

Две небольшие купюры были сделаны в конце очерка, в заключении (обе вошли в редакцию 1930 г.). В предложении: «Но черная черта смерти только еще резче подчеркнет в глазах всего мира его значение, — значение вождя всемирного трудового народа» — была снята вторая часть, начиная со слов «значение вождя...» (С. 49). Наконец, в первую публикацию не вошли две предпоследние фразы очерка: «Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы» (Там же).

Не располагая ответными письмами Горького Тихонову этого времени, мы не знаем, как отреагировал писатель на подобные самовольные действия. Горький не отказался от печатания очерка «Владимир Ленин» в «Русском современнике». Однако можно предположить, что такое обращение с его ру-

кописью не вызвало у него восторга. Судя по тому, что в 1927 г. очерк был напечатан в двух «горьковских» берлинских изданиях без купюр и что почти все исключенные из журнальной публикации куски текста вошли в новый вариант очерка 1930 г., внутренне писатель не был согласен с журнальными сокращениями и пошел на них скрепя сердце, связанный обещанием, данным Тихонову.

Издание «Русского современника» — одна из немногих попыток создать в советской России, в условиях политической и идеологической диктатуры независимый, внепартийный толстый журнал. Русская интеллигенция, уставшая от жестокого диктата в духовной и культурной областях, с нетерпением ждала его выхода. Члены редакции и авторы, приехавшие из Ленинграда в Москву для выступления на литературном вечере, посвященном «Русскому современнику» (Ахматова, Замятин, Чуковский и Тихонов), были приятно удивлены и взволнованы тем повышенным интересом, с которым они были встречены. В день приезда, 17 апреля 1924 г., Чуковский записал в дневнике: «Москва взбудоражена — кажется, мы чересчур разрекламированы <...> Эфрос недоволен сложившейся обстановкой: говорит, слишком много шуму вокруг "Современника". Особенно худо, если увидят в нашем выступлении контрреволюцию. Это будет гнуснейшая подтасовка фактов»[17].

Сотрудники журнала были настроены отнюдь не восторженно по отношению к большевистским властям и их деяниям, но в условиях все большего ужесточения цензуры находиться в оппозиции к режиму было невозможно, поэтому журнал должен был придерживаться «нейтралитета», стараться избегать наиболее опасных проблем политической и общественной жизни. 30 ноября 1923 г. Тихонов сообщал об этом Горькому: «Журнал исключительно посвящен — литературе, критике, науке, искусству. Никакой политики». Перед тем, как затевать «Русский современник», Тихонов взял с членов редакции слово, что они не позволят себе никаких антисоветских выпадов на страницах журнала. Чуковский писал об этом в дневнике: «Перед тем как журнал начался, Тихонов при Магараме спросил всех нас: "Я прошу вас без обиняков, намерены ли вы хоть тайно, хоть отчасти, хоть экивоками нападать на советскую власть. Тогда невозможно и журнал затевать". Все мы ответили: *нет*, Замятин тоже ответил *нет*, хотя и не так энергично, как, напр., Эфрос»[18]. Той же политики вынуждены были придерживаться и оппозиционно настроенные к советскому режиму члены редакции берлинской «Беседы». В противном случае, они это прекрасно понимали: доступ в Россию был бы закрыт «Беседе» наверняка. Увы, оба журнала — и «Беседа», и «Русский современник» — недоучли «требований момента». Большевистской власти мало было простой «лояльности» печатных органов. Она требовала агитации за себя, прославления своей политики и своих деяний. Иначе журналы ей были не нужны. Именно в этом крылась главная причина того, что «Беседа» так и

не попала в Россию, а «Русский современник» вскоре был задушен цензурой и штрафами.

Начиная новое дело, Тихонов возлагал большие надежды на издание и распространение «Русского современника» за рубежом. Его желание выйти к зарубежному русскому и иностранному читателю диктовалось не только материальными выгодами, но и теми особыми условиями, в которых оказалась культура России после революции. Единое прежде культурное пространство России было разорвано на две части: культуру метрополии и культуру эмиграции. Этот разрыв трагически ощущали обе стороны. Именно в возобновлении культурных связей России с Европой, с русским зарубежьем видел Горький главную задачу своей «Беседы». Поэтому он не мог не приветствовать идею Тихонова об издании «Русского современника» за границей.

Текст договора, заключенного 10 марта 1924 г. между ответственным редактором журнала «Русский современник» Тихоновым и представителем венского издательства «Манц» Р.Ф. Миллером о переводе журнала на иностранные языки и печатании его за рубежом, сохранился в горьковском архиве. Согласно этому договору, «А.Н. Тихонов принимает на себя обязательство составлять, редактировать и сдавать Р.Ф. Миллеру через каждые два месяца литературный материал для журнала "Русский современник" в количестве не менее восьми печатных листов для каждого номера журнала <...> в совершенно пригодном для набора виде <...> А.Н. Тихонов предоставляет Р.Ф. Миллеру право печатать вне пределов СССР, на четырех языках, а именно: русском, немецком, французском и английском, составленные А.Н. Тихоновым номера журнала и продавать их в количестве не свыше пяти тысяч экземпляров для каждого отдельного номера и на каждом отдельном языке <...>. За предоставленные и принятые Р.Ф. Миллером рукописи А.Н. Тихонов получает от Р.Ф. Миллера по сто русских червонных рублей за каждый лист текста <...> независимо от характера литературного материала (хроника, статьи, беллетристика и проч.) <...>

Настоящее соглашение действительно в течение одного года со дня его подписания и имеет силу относительно шести отдельных номеров журнала <...>. Настоящий договор аннулируется <...>: а) если Р.Ф. Миллер будет задерживать уплату следуемых А.Н. Тихонову сумм и, в частности, не уплатит к 25-му апреля 1924 года полностью следуемый с него за первый номер журнала гонорар; б) если А.Н. Тихонов не будет своевременно доставлять Р.Ф. Миллеру необходимый для издания журнала литературный материал и в) если прекратится по каким-либо причинам издание в России журнала "Русский современник"»[19].

Как видно из переписки Тихонова с работниками редакции, он, несмотря на загруженность организационными делами, со своей стороны делал все от него зависящее, чтобы вовремя посылать в Вену готовые листы журна-

ла. Однако австрийская сторона не выполнила условия договора, и замысел печатания журнала за границей, к большому огорчению Тихонова, остался неосуществленным.

Новый журнал рождался в муках. Кроме обычных в таких случаях организационных, финансовых и технических трудностей много сил и нервной энергии членам редакции приходилось тратить на преодоление цензуры. О страшном цензурном гнете, с которым с самого начала столкнулась редакция, свидетельствуют письма Тихонова членам редакции. Например, он писал в это время Е. Замятину по поводу его «Рассказа о самом главном», предназначенном для первой книги журнала: «Дорогой Евгений Иванович! Вчера получили Ваш рассказ из цензуры. Пробовали зарезать сцену расстрела, но мы геройски отстояли. Вычеркнули только "совдеп твою мать"»[20].

Цензура не обошла и очерк Горького о Ленине. 5 апреля 1924 г. Тихонов просил Эфроса: «Сообщите нам, пожалуйста, окончательный текст Горького. Надо верстать»[21]. 10 апреля он вновь писал тому же адресату: «Торопите, ради Бога, цензуру, у нас уже сверстано 14 листов, надо печатать, а цензуры все нет. Парнок в этом номере не пойдет, не пропускает петербургская цензура <...> Еще и еще раз, всеми способами торопите цензуру. Теперь это самое главное <...> Сочувствую от души тяжелому Вашему положению, но нам самим здесь не легче, работаем с утра до ночи»[22]. Тихонов не преувеличивал, сообщая о каторжной работе над журналом. В эти же дни (16 апреля) Чуковский записывал в дневнике: «...Мы работали целые дни с утра до ночи — я, Замятин, Тихонов, Эфрос. Тихонов однажды так устал, что вместо "Достоевский и Толстой" сказал: — "Толстоевский и Достой"»[23].

Наконец все трудности остались позади. 10 мая 1924 г. Тихонов писал в Москву Эфросу: «Дорогой Абрам Маркович, поздравляю Вас с выходом журнала. Нам с Вами, больше чем кому-либо, известны все тяготы родовых мук, и потому мы должны радоваться больше других. Младенец вышел хотя и желтый <имеется в виду желтая обложка журнала. — *Н.П.*>, но полнокровный. Попил он нашей кровушки достаточно. Крепко жму Вам руку. Ссорились мы с Вами из-за него порядочно, ну да уж видно без этого нельзя. <...> Будем думать о втором номере, чтобы он вышел лучше первого. В первом много недочетов, но они главным образом технические. Уж очень торопились»[24].

Члены редакции «Русского современника» были увлечены идеей создать не просто «первый частный большой журнал», но «нечто ценное и значительное» (п. 3). Благодаря их усилиям к участию в первой книге журнала удалось привлечь многие наиболее известные литературные имена старой и новой России. Примечательной была и сама структура нового журнала, составлявшие ее отделы. В первом отделе «Проза, стихи, литературный архив» были напечатаны стихотворения Ф. Сологуба, А. Ахматовой, Н. Клюева и Н. Асеева, «Рассказ о самом главном» Е. Замятина, два рассказа Б. Пильняка, рассказ «Ива-

ны» из цикла «Конармия» И. Бабеля, «Записи некоторых эпизодов, сделанные в г. Гогулеве А.П. Ковякиным» Л. Леонова, водевиль Л. Андреева «Конь в сенате», а также очерки и рассказы М. Горького «Испытатели», «Смешное», «Садовник», «Законник», «А.А. Блок», впервые появившиеся в журнале «Беседа». В «Литературном архиве» были представлены интереснейшие материалы: письмо Л.Н. Толстого немецкому шекспироведу Е. Райхелю, поэма Ф. Тютчева «Байрон», письма и отрывки из записной книжки Ф. Достоевского, письма Н. Страхова и А. Майкова Достоевскому, стихи и пародии Козьмы Пруткова.

Второй отдел «Статьи, обзоры, библиография» открывался очерком Горького «Владимир Ленин» (заглавие было напечатано в траурной рамке). Здесь же были опубликованы статьи о современной литературе, изобразительном искусстве, кино и театре В. Шкловского, К. Чуковского, А. Эфроса, Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова, С. Парнок и Н. Пунина. В обширном разделе «Библиография» помещено около 100 (!) рецензий на новые книги по истории литературы, театра, живописи и музыки.

Третий отдел «Паноптикум» представлял собой отдел литературной сатиры. В нем в пародийной форме от лица некоего грамотея-самоучки Онуфрия Зуева рассказывалось о неточностях, ошибках, глупостях и несуразностях, встречающихся в недавно вышедших книгах. По дневниковым записям Чуковского нам удалось установить, что под именем Онуфрия Зуева скрылся Замятин, ряд материалов которому предоставил Чуковский. Среди прочих авторов (А. Толстого, Е. Замятина, Н. Никитина, Б. Пильняка) досталось здесь и Горькому. В заметке «Нотабене: сообщить куда следует (что бывший князь укрывается под чужой фамилией)» указывалось, что в горьковском «Детстве» стихи И. Никитина «И вечерней, и ранней порою...» ошибочно приписаны князю П. Вяземскому.

О первой реакции партийных властей на выход журнала «Русский современник» Чуковский писал в дневнике 12 мая 1924 г.: «Первый номер "Современника" вызвал в официальных кругах недовольство:

— Царизмом разит за три версты!

— Недаром у них обложка желтая.

Эфрос спросил у Луначарского, нравится ли ему журнал.

— Да, да! Очень хороший!

— А согласились ли бы вы сотрудничать?

— Нет, нет, боюсь.

Троцкий сказал: не хотел ругать их, а приходится. Умные люди, а делают глупости»[25].

22 мая 1924 г. Замятин сообщал Тихонову: «Первый выстрел по "Современнику" делает "Гайка" в ближайший вторник. Прицел на А.М. Эфроса, которого обвиняют в эстетизме и рядом с которым "позорно быть Эйхенбауму и Тынянову"»[26].

Особенно доставалось «Русскому современнику» от напостовской критики, выступавшей с вульгарных узкоклассовых позиций от имени «пролетарской литературы» и «пролетарских писателей». Например, напостовский критик Г. Лелевич в статье «Несовременный "Современник"» требовал «немедленных и серьезных шагов в целях противопоставления фронту Замятиных, Чуковских, Сологубов, Пильняков фронта пролетарской и революционной литературы»[27]. Другой напостовец С. Родов заявил на майском совещании ЦК РКП(б), что «Русский современник» «враждебен рабочему классу»[28]. Однако настоящий гром разразился позже, осенью 1924 г., когда в «Правде», игравшей роль верховного судьи не только в политических, но и в литературных делах, появилась резко критическая рецензия на первые три номера «Русского современника» (См. об этом подробнее ниже).

Не обошла советская критика и горьковский очерк о Ленине. Например, А. Лежнев на страницах журнала «Красная новь» заявил, что, несмотря на множество «интересных подробностей, тонко подмеченных черт», личность Ленина «понята и освещена» Горьким в целом «неверно, фальшиво»[29]. Руководитель напостовского движения Г. Лелевич также обвинил писателя в «непонимании Ленина и ленинского дела», хотя и признал, что очерк «содержит массу ценного фактического материала»[30]. Особенно же резкой критике очерк Горького подверг в октябре 1924 г. Л.Д. Троцкий. (См. об этом ниже). Напротив, некоторые из сочувствующих Горькому литераторов русского зарубежья высоко оценивали «неканоничность» созданного им образа вождя. Например, в рецензии на первый номер «Русского современника» М. Осоргин особо выделил статью Горького, которая, по мнению автора, не идет ни в какое сравнение «с ворохом официальных характеристик» в «казенных периодических изданиях»[31].

Горький с нетерпением ожидал выхода журнала. 5 мая 1924 г. он спрашивал Е.П. Пешкову: «"Русский современник" вышел? Пришли или привези»[32]. К Горькому в Сорренто первая книга журнала пришла, вероятно, в первых числах июня. Писатель отнесся к ней в целом весьма благожелательно, а раздел «Литературный архив» вызвал у него даже восхищение. 2 июня 1924 г. он писал В. Ходасевичу: «...Вас, вероятно, очень порадовал бы крайне интересный отдел литературных материалов в первой книжке "Р. современника". Интересна поэзия Тютчева "Байрон", стихи А.К. Толстого, письма Достоевского, Страхова, А.Н. Майкова. Кроме сего — письмо Л.Н. Толстого о Шекспире. Беллетристика, кроме Бабеля, так себе. Есть Замятин, но я его еще не читал»[33]. 27 июня Ходасевич отвечал Горькому из Парижа: «Видел "Рус. современник". Журнал, по-моему, живой, но, воля Ваша, Леонов лучше Бабеля. Очень хороша статья Парнок. Очень плох Замятин, противное сочетание Всеволода Иванова с Брюсовым <...> Вообще Замятин — вымученный писатель. Ему хочется "быть писателем", а писать не хочется. Ему на все на-

плевать. Стихи в "Р.С." — так себе»[34]. Горькому «Рассказ о самом главном» Замятина, так же как Ходасевичу, не понравился, о чем он известил поэта в ответном письме: «Прочитав его рассказ, я записал себе на память: "Избыток ума мешает З. правильно оценивать размеры своего таланта. Ум З. — не яркий и обманывает его. Мысли у него слепые"»[35].

Горький интересовался мнением о журнале и у других своих адресатов. 6 июля 1924 г. он спрашивал К. Федина: «Может быть, Вы напишете, что делается Вами и другими Сер<апионами>, в каком Вы — и др. — <отношении> к "Русс. современнику", кто такой Леонов, нет ли новых "начинающих" и т.д.?»[36]. 16 июля Федин ответил: «К "Рус. совр." Серапионы относятся сдержанно. Он не то чтобы академичен, а как-то сух, строг и в то же время неровен. Есть много наивностей. В отделе критики самые живые люди засыхают, потому что чувствуют накрахмаленное окружение. Пока еще есть надежда, что журнал выровняется. Однако... какие же мы "современники" Кузьмы Пруткова, Щедрина и даже Андреева?»[37]. В данном случае мнение Федина в чем-то совпало с откликом человека из враждебного литературного лагеря, «лефовца» В. Маяковского. Познакомившись с журналом, он изрек с явной иронией: «Ну что ж! "Современник" хороший журнал, в нем сотрудники — Лев Толстой, Достоевский»[38].

Из многочисленных откликов в печати и в письмах Горький мог выяснить, что отношение к новому журналу достаточно сдержанное. Редакция сознательно стремилась избегать наиболее острых проблем политической и общественной жизни. Но время было настолько политизированным и «горячим», что в результате и близкие к журналу «попутчики», и тем более «левые» критики («напостовцы» и «лефовцы») стали упрекать его в излишнем академизме, в несоответствии его содержания названию «Современник».

Из-за организационных трудностей и цензурных задержек вторая книга «Русского современника» вышла вместо объявленной середины июня в начале августа 1924 г. В ней были опубликованы стихи С. Есенина, Б. Пастернака, О. Мандельштама и др., начало повести А. Толстого «Ибикус», окончание повести Л. Леонова, рассказы Пастернака и В. Каверина, отрывки из книги С. Федорченко «Народ на войне», исследования и материалы о Пушкине, статьи В. Шкловского, Е. Замятина и др. В отделе «Паноптикум» Онуфрий Зуев подверг на этот раз своей критике новые книги и статьи о Пушкине, изданные к 125-летнему юбилею поэта.

Несмотря на блестящий состав авторов второй книги, впечатление оторванности от современных запросов жизни, отсутствия единого направления журнала еще более усугубилось. Да и подбор материалов «Литературного архива» был здесь слабее, чем в первом номере. Проницательный и тонкий критик Д.А. Лутохин, высланный в 1922 г. из России на «профессорском» пароходе и проживавший в Праге, писал Горькому 26 августа 1924 г.:

«Получил из Питера 2-ую книгу "Русск. современника". Она слабее первой. Скучно, что нет в ней Вас. Леонову конец хроники не особенно удался. Толстой — грубоват, хотя на этот раз занимателен. Пастернака я не охоч расшифрировать: утомительно и безлюдно. Любопытны отрывки из книги Федорченко. Эту книгу следовало бы поскорей издать. Статья Шкловского о Белом — недоделанная, черновые наброски. Статей вообще мало. <...> В общем же книгу забываешь, просмотрев <...> "Русск. совр." нужно либо превращать в академич<еский> альманах, пусть раз в год — но с капитальными вещами, либо опростить и очистить от какого-то салонного снобизма. А то — ни пава ни ворона»[39].

Посылая 8 августа 1924 г. Горькому вторую книгу журнала, Тихонов постарался рассказать другу и соредактору о тех трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться в изменившихся условиях послереволюционной действительности. «Журнал вести трудно, — признавался он, — нет настоящего цемента внутри, да и не утряслось еще — все толкаются, всем тесно, много случайных попутчиков. Я не говорю уж о внешних условиях». Критикуя далее современные литературные нравы за их испорченность цинизмом и «халтурой», он нарисовал Горькому яркую картину состояния русской литературы первой половины 1920-х гг., дал остроумные характеристики многим наиболее популярным авторам того времени: А. Толстому, Б. Пильняку, И. Бабелю, писателям группы «Серапионовы братья» (см. п. 15).

Третья книга журнала должна была выйти в начале сентября 1924 г. Судя по дневникам Чуковского, она опоздала на месяц и появилась в первых числах октября. На этот раз палки в колеса пыталась вставить ленинградская цензура, Гублит. 4 или 5 октября, в дни выхода третьей книги, Чуковский записал в дневнике: «С ц<ензурой> опять нелады. Прибегает Василий (в субботу) — "К. И., не пускают «Современник» в продажу!" — "Почему?" — "Да потому, что Вы вписали туда одну строчку". Оказывается, что, исправляя Финка, я после цензуры вставил строчку о суздальском красном мужичке, которого живописуют как икону. Контроль задержал книгу. Бегу на Казанскую, торгуюсь, умоляю — и наконец разрешают. Но на меня смотрят зловеще, как на оглашенного: "Редактор «Современника»"»[40].

В третьей книге были напечатаны стихотворения Н. Тихонова, М. Цветаевой, С. Есенина, В. Пяста и Н. Чуковского, продолжение повести А. Толстого «Ибикус», рассказы Горького «Анекдот» и Б. Пильняка «Ледоход», большой очерк Э. Триоле «На Таити». Интересным и цельным получился раздел «Литературный архив». На этот раз он был посвящен памяти А. Блока (трехлетней годовщине его смерти) и состоял из неопубликованного наследия поэта, статьи Г. Блока «Герои "Возмездия"» и «Воспоминаний о Блоке» Е. Замятина. В отделе «Статьи, обзоры, библиография» были опубликованы статьи Б. Эйхенбаума, В. Шкловского, И. Грабаря и др. К сожа-

лению, из-за болезни Чуковского журнал вышел без отдела литературной сатиры «Паноптикум».

Сразу после выхода в свет третьей книги на «Русский современник» одна за другой покатились неприятности. 7 октября 1924 г. в «Известиях» появилась большая, почти на целую полосу, статья Л. Троцкого, в грубых тонах критикующая очерк Горького о Ленине, напечатанный, как мы помним, впервые в этом журнале. Троцкий обвинил писателя в «банальном психологизме и мещанском морализировании» и попытался человечному облику вождя в очерке Горького противопоставить свою трактовку его личности. Он утверждал, что «Горький наделял Ленина интеллигентской расколотостью и столь высоко почитавшейся в свое время "больной совестью"», чем будто бы «клеветал» на вождя и создавал его «фальшивый» образ.

Статья Троцкого вызвала у Горького негодование. Ознакомившись с ней, он записал «для себя»: «Суждения Льва Троцкого по поводу моих воспоминаний о Ленине написаны хамовато по моему адресу и с неожиданным для меня цинизмом демагога <...> Не хочет ли Троцкий, рисуя Ленина таким топором, таким "революционером без оглядки", взвалить именно на него всю тяжесть ответственности пред историей за "разбитые горшки"? <...> Похоже <...> Троцкий — наиболее чужой человек русскому народу и русской истории»[41].

Получив третью книгу «Русского современника» в двадцатых числах октября и прочитав ее, Горький в письме Тихонову обрушился на нее с резкой критикой. Он не нашел ни одного похвального или ласкового слова для членов редакции и сотрудников журнала. Горького не могли оставить равнодушным многочисленные критические выступления против журнала в советской прессе, в том числе и негативные в большинстве оценки его очерка о Ленине. Видимо, тяготило Горького и объявленное на титуле журнала его «ближайшее участие» в редактировании «Русского современника», в то время как на самом деле всю литературную политику в нем вершили Замятин и Чуковский.

Вероятно, появление третьей книги журнала стало той последней каплей, которая переполнила чашу терпения писателя. Его имя столь часто, по поводу и без повода, мелькало на страницах этого номера, на его авторитетное мнение так часто ссылались, что он невольно должен был почувствовать себя какой-то живой реликвией, неким музейным классиком — роль, которая была ему ненавистна. Обо всем этом он и написал 23 октября 1924 г. ответственному редактору «Русского современника». (Как уже говорилось, это единственное письмо Горького Тихонову данного периода, которое сохранилось в черновом варианте в архиве писателя.)

Больше всех в нем досталось редактору Замятину, а также близким сотрудникам журнала Шкловскому и Пильняку. Со всеми упомянутыми людь-

ми Горький был хорошо знаком. С Замятиным он тесно сотрудничал в годы революции в издательстве «Всемирная литература», со Шкловским близко сошелся в 1922–1923 гг. в Берлине, Пильняку покровительствовал в начале его литературной деятельности. На этот раз он разгромил рассказ Пильняка «Ледоход», затем обрушился на статьи Шкловского, обвинив его в «нигилизме» и «скучнейшем мещанстве». Писателя глубоко задела небрежность тона, с каким Шкловский писал о современной литературе, и, в частности, то, что он позволил себе перепутать рассказ Горького «Рождение человека» с рассказом Л. Андреева «В подвале».

«Я думаю, — писал Горький Тихонову, — что не все, наспех сочиняемое Пильняком и Шкловским, следует печатать в журнале, который хочет быть серьезным. Очерк Триоле написан плоховато, редактирован небрежно, — "ели крупные креветки", "муж считал иметь их безнравственным" и т.п., — но, посмотрите, насколько даже Триоле свежее, интересней рваной, болтливой прозы Пильняка, который просто не умеет написать рассказ в достаточной мере связно и это свое неумение пытается выдать за "новаторство". Газетная статейка Шкловского — бестолкова, а то, что он говорит о "теме", стоит в противоречии с опубликованным в той же книжке мнением Шкловского о "Тарзане". Как сторонник "формального метода" Шк. все глубже погружается в нигилизм, в скучнейшее "мещанство" — и все более плохо думает о том, что пишет. Там, где он говорит о "каком-то рассказе Горького или Андреева об рождении человека", редактор должен бы указать ему, что говорит он о двух рассказах, которые не имеют ничего общего ни между собою, ни с рассказом Вс. Иванова "Дите". Зачем делать журнал ареной литературного невежества?»

Особенно Горького обидели замятинские «Воспоминания о Блоке», тот ироничный тон, в котором Замятин писал о его «влюбленности» в Блока, об утопичности горьковских культурно-издательских планов. «Если сравнить воспоминания о Блоке Замятина и Г. Блока, — писал Горький Тихонову, — преимущество искренности и простоты нужно признать за Блоком. Как в случае Триоле — Пильняк, здесь тоже нелитератор лучше литератора. Замятин написал кокетливо, вычурно и холодно. Он — конечно! — очень умный человек, и любит показать это, но слишком упрямо и постоянно настаивая на этом, он уже не возбуждает изумления пред его умом. Достаточно изумлялись.<...> Замят. пишет: "Горький тогда был влюблен в Блока, он непременно должен быть на час в кого-нибудь или во что-нибудь влюблен". Будьте любезны сказать Замятину, что не следует столь безоговорочно и решительно наклеивать на человека еще живого субъективные и ошибочные мнения о нем.

Хотя я считаю Блока очень интересным человеком и многому удивлялся в нем, но любить его не мог. Это совершенно ясно.

Далее: мне кажется, что влюбляюсь я не "на час", а, обычно, на долгие годы. Затем я не помню, чтоб З. звонил ко мне в день смерти Блока, да едва ли он и мог сделать это, ибо в этот день и в день похорон я был в Москве, что подтверждает В. Ходасевич. Мало понятна мне ирония Замятина по поводу "Вавилонских башен"; я думаю, что именно к построению таковых и сводится вся суть культурной деятельности человека. Но, разумеется, "о вкусах не спорят"».

Резко отрицательно отозвался Горький и о готовящемся к печати в четвертой книге журнала стилизованном рассказе Замятина «О блаженном старце Памве...», в котором увидел лишь «грубую шутку» и «неудачную попытку объединить А. Франса с А. Ремизовым».

В конце письма Горький обвинил Замятина, Пильняка и Шкловского в «бесцеремонности» при обращении к его имени и в заключение просил снять его имя с титула журнала: «Крайне неприятно, но — я должен говорить о себе. Считаю совершенно необходимым напомнить Замятину, Пильняку и Шкловскому, что я все еще жив и что они несколько преждевременно обращаются со мною, как попы с покойником. <...> В различных статьях З<й> книги имя Горького мелькает слишком часто. Пильняк утверждает, что Г. бывал в "Гамбринусе". Значительность этого историко-литературного факта для меня неясна, не говоря уже о том, что факта такого — не было: когда я жил в Одессе, "Гамбринус" еще не существовал. Шкловский сообщает: "Гор. дал денег такому-то". Почему сие важно? Не знаю. Но хорошо знаю, что писать о таких вещах — неприлично, мягко говоря. И — глупо. И — ненужно; статья совершенно не требовала упоминания об этом. В общем же все такого рода упоминания о Горьком, В. Иванове и т.д. напоминают интимную беседу знакомых в передбаннике, к литературе же никакого отношения, на мой взгляд, не имеют.

Поверьте, что вся эта бестактнейшая распоясанность лично меня мало задевает, т.е. задевает лишь внешне, физически: так пьяные люди, шагая по улице, задевают фонарь плечом, локтем, ногою.

Суть в том, что эта бесцеремонность, говорю я, неуместна в журнале и уподобляет его именно передбаннику. <...>

Может быть, А.Н., Вы сняли бы с обложки "Сов." перечень имен "ближайших участников", это дало бы мне возможность отойти от журнала без шума?»[42]

Подобная резкая отповедь сильно подействовала на Тихонова, для которого горьковский авторитет был непререкаем. Да и для других сотрудников журнала это письмо, думается, было весьма горькой пилюлей. Вероятно, Тихонов не сразу сумел подавить свое огорчение. В следующем письме (от 14 января 1925 г.) он сообщил Горькому, будто бы сразу ответил на критику писателя. Однако в *АГ* это послание отсутствует. В письме от 14 ян-

варя 1925 г. Тихонов отверг предложение писателя снять его имя из списка «ближайших участников» «Русского современника», объясняя, что его уход будет воспринят общественностью и властями «прежде всего как акт политический». Далее Тихонов рассказывал о тяжелом положении журнала, вокруг которого поднялась озлобленная травля в прессе.

Начало критической кампании положила рецензия К. Розенталя на первые три книги «Русского современника», напечатанная 5 ноября 1924 г. в «Правде». Автор рецензии заявлял, что «в "Русском современнике" нэповская литература показала свое подлинное лицо», что журнал «не принял революции, не принял Октября...» Вырывая отдельные строчки из стихотворений Ф. Сологуба, А. Ахматовой, Б. Пастернака, Вл. Пяста, Ник. Чуковского, из прозы Е. Замятина и статей В. Шкловского и А. Бенуа, К. Розенталь обвинял авторов в ностальгии по минувшему и ненависти к остро-актуальному, сегодняшнему, в желании «выйти на перекресток и кричать: "Долой советскую власть", "Долой ГПУ и уплотнение!"». Тенденциозность критика особенно проявилась в интерпретации стихотворений Вл. Пяста «Август» и Б. Пастернака «Осень», в которых он увидел антиреволюционный политический подтекст и чуть ли не монархическую направленность. Заканчивалась статья следующим утверждением: «Словом, "Русский современник" весь выдержан в одном тоне — полнейшего непонимания происходящего, отрицания революции <...> и все это делается на фоне прикрытой клеветы и тонко выдержанного пасквиля на революцию, на все творчество рабочего класса. Нэпман с Ильинки, кандидат в Нарым и буржуазный интеллигент, тоскующий по "ценностям" буржуазного мира и мечтающий об их возвращении, нашли в "Русском современнике" свое сегодняшнее выражение».

Сотрудники журнала одинаково поняли опасность появления подобной статьи в «Правде». Но отреагировали на нее по-разному. Издатель Н.И. Магарам панически испугался и прекратил финансирование журнала. Работник московской редакции «Русского современника» С.А. Новицкий писал в день появления роковой статьи Тихонову: «Дорогой Александр Николаевич! Николай Иосифович очень обескуражен появившейся сегодня "рецензией" в "Правде". Ведь это не где-нибудь в "Зрителе", а в "Правде"!»[43].

В отличие от Магарама Замятин и Чуковский, люди не робкого десятка, решили смело вступить в бой с самой «Правдой» и ответить своим обидчикам статьей, в которой остроумно пародировался критический «метод» Розенталя, а также «напостовцев» Родова и Лелевича. 13 ноября 1924 г. Чуковский писал в дневнике: «Нас так ругают (Современников), что я посоветовал Замятину написать статейку: "Что было бы, если бы Пушк<инское> "Я помню чудное мгновенье" — было напечатано в "Современнике".

Я помню чудное мгновенье
(небось какой-нибудь царский парад)
Передо мной явилась ты
(не великая ли княжна Ксения Александровна)
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты
(чистая красота! — дворянская эстетика)
Шли годы... бурь порыв мятежный
(Октябрьская революция)
Рассеял... мечты
(о реставрации монархии)

и т.д. Ибо наши критики именно так и поступают»[44]. Через несколько дней статья была уже готова. 24 ноября Чуковский писал в дневнике: «...Мы с Замятиным написали отповедь нашим ругателям. Идея статьи моя. Я предложил взять стихотворение Пушкина и раскритиковать его на манер Родова, предложил взять лесковского Перегуда из "Заячьего ремиза", я сильно переделал то, что написано Замятиным, но он ведет себя так, словно вся статья написана им одним»[45]. Статья «Перегудам от редакции "Русского современника"» была напечатана в четвертой книге журнала.

Критика «Русского современника» в прессе вызвала немедленную реакцию со стороны советской цензуры. Журнал было решено закрыть после третьего номера. После долгих хлопот и уговоров редакции удалось отстоять четвертую книгу, которая уже находилась в наборе и все-таки вышла к новому 1925 г. Об упорной борьбе с цензурой свидетельствуют дневники Чуковского. 12 декабря 1924 г. он записал: «Вчера зашел я в цензуру справиться о кой-каких рецензиях и о "Паноптикуме". Уже отпечатано 10 листов "Современника", торопимся выйти к празднику. <...> Я говорю: "Нельзя ли сегодня матерьял, торопимся". Он <цензор. — *Ред.*> помолчал, а потом говорит: "Матерьяла мы вам не дадим, потому что «Современник» закрыт". — "Кем?" — "Коллегией Гублита. <...> Завтра я утром в 11 час. приду в 'Современник' и составлю протокол по поводу того, сколько листов у вас отпечатано". — "Для чего же знать вам, сколько листов отпечатано?". — "Для того, чтоб остановить печатанье и прекратить издание". <...>

Я <...> помчался на Моховую сообщить обо всем Тихонову и Замятину. Решили, что сегодня я с Тихоновым еду в Гублит. Тихонов верит, что удастся отстоять. У него надежда на Каменева и Бухарина». 15 декабря новая запись: «Ну, были мы с Тихоновым в цензуре. Заведующего зовут Острецов, его помощницу — Быстрова. <...> Быстрова потупила глаза и сказала: "Ваш журнал весь вреден, не отдельные статьи, а весь, его и нужно весь целиком вычеркнуть. Разве вы можете учесть, какой великий вред может он причинить рабочему, красноармейцу?" Но обещала подумать,

не удастся ли разрешить хоть 4-й номер. На следующий день я был у нее. Разрешили»[46].

В четвертой книге «Русского современника» были опубликованы стихи П. Антокольского, В. Ходасевича и др., продолжение «Ибикуса» А. Толстого, рассказы Е. Замятина, К. Федина, В. Хлебникова, В. Лидина и Л. Добычина. В «Литературном архиве» напечатана интересная подборка писем Л. Андреева к родным. Отдел статей открывался очерком Горького «О С.А. Толстой». Видимо, писатель предназначал для этой книги рассказ «Голубая жизнь», но он по неизвестным причинам не дошел вовремя до редакции и был объявлен в числе произведений, которые предполагалось напечатать в следующей, пятой книге. Здесь же были опубликованы статьи К. Чуковского, Ю. Тынянова, Г. Винокура и др., а также упоминавшаяся редакционная статья «Перегудам». Кроме того, был возрожден «Паноптикум», в котором вновь выступил Онуфрий Зуев.

В письме Горькому от 14 января 1925 г. Тихонов обещал выпустить пятую книгу журнала в марте, но дальнейшие трагические события помешали осуществлению этих планов. В ночь с 27 на 28 января Тихонов был арестован по ложному обвинению в причастности к контрреволюционной монархической организации и в оказании «денежной помощи нелегально бежавшим от преследования членам той же организации за границу»[47] и почти четыре месяца провел в тюрьме. Тогда же были закрыты возглавляемые им издательство «Всемирная литература» и журнал «Русский современник».

О причинах внезапного ареста Тихонова в то время ходило множество разноречивых слухов. 15 февраля Чуковский записал в дневнике: «Дела, дела, события! Тихонов арестован. За что, неизвестно. По городу ходят самые дикие слухи. Говорят, будто по требованию Ионова <исполняющего обязанности заведующего Госиздата. — *Ред.*> — и будто ему вменяют в вину корыстное управление "Всемирной литературой". Но в Госиздате это отрицают. В Госиздате говорят, что Ионов не только не засаживал Тихонова, но напротив, хлопотал о его освобождении: ездил к Мессингу, взялся в Москве переговорить с Зиновьевым. И я верю, что он здесь ни при чем. Но когда я попробовал заикнуться об этом вчера в "Современнике", на меня посмотрели, как на агента Ионова. А между тем я искренне на самом деле думаю, что здесь возможно роковое совпадение угроз Ионова и ареста Тихонова»[48]. Затем Чуковский записал, что он пошел к жене Тихонова: «Рассказывает, что обыск был от трех до девяти час. Они были очень милы, позволили Тихонову напиться кофею. Но теперь он сидит без "передачи", в одиночке, она ездила в Москву, Луначарский дал ей записку к Мессингу, в понедельник она к Мессингу пойдет и пр., и пр., и пр.»[49].

Вероятно, слух о доносе И.И. Ионова на Тихонова был неверен. Он был вызван недавней публичной ссорой Ионова с Тихоновым и заявлением Ио-

нова о нежелании работать с ним. В тот же день, 15 февраля, Чуковский пошел к Ионову, чтобы выяснить вопрос о причинах ареста Тихонова. «Был вчера у Ионова, — записывал он на следующий день. — Как я и думал, он не виноват в аресте Тихонова. Он говорит: "Я могу открыто сердиться на человека, но на *донос* я не способен". Его оскорбляет даже самое подозрение, что он способен на такие дела. Я сказал ему, что, пожалуй, для того, чтобы прекратить толки, ходящие по городу, ему следовало бы похлопотать о Тихонове. Он сказал: "Плевать мне на толки, я презираю всех этих людей (разумей: коллегию). Совсем не для того, чтобы реабилитировать себя, я уже ездил в ГПУ хлопотать, и мне сказали: 'Пошел вон!' Но по секрету, так чтобы никто не знал, я в четверг, чуть вернусь из Москвы, я буду хлопотать, чтобы облегчили положение Тихонова, чтобы ему пересылали пищу и проч. <...> Вы сами знаете, что я еще не посадил ни одного ч<елове>ка, а освободил из тюрьмы очень многих". И говорил он так увесисто, что я поверил ему. Не верить нельзя»[50].

Слух о причастности Ионова к аресту Тихонова дошел и до Горького. Он писал П.П. Крючкову 25 февраля 1925 г.: «Вы знаете, что А.Н. Тихонов арестован? Есть слух, что посадил его Ионов; не верится. Если можно — узнайте у Ионова, — в чем дело и насколько серьезно это?»[51]. Впрочем, слухи приходили к Горькому самые разные. Вскоре он опять обратился к этой теме в письме к Крючкову: «Очень хлопочу о Тихонове, но мне пишут, что дела его весьма не важны, он запутался в какой-то уголовщине, будто бы. Во всяком случае его дело — не политическое»[52].

Напротив, Чуковский в дневниковой записи от 27 февраля указывает на политическую подоплеку дела: «Оказывается, Тихонова обвиняют в том, что он помогал перейти границу Струковой, Сильверсвану, Левинсону и кому-то еще. Едва ли. Тихонов был слишком большой эгоист, чтобы впутываться в такие дела»[53]. Чуковский не был только сторонним свидетелем чужой беды. Вместе с Замятиным он ездил в Москву хлопотать перед властями об освобождении Тихонова. Кроме того, бывшие члены редколлегии «Всемирной литературы» обратились с письмом к наркому просвещения А.В. Луначарскому, в котором просили ходатайствовать об освобождении Тихонова, арестованного ГПУ «вследствие недоразумения или ложного доноса», характеризовали его как «одного из двух основателей "Всемирной литературы" и одного из ближайших сотрудников М. Горького по этой работе, человека, зарекомендовавшего себя как талантливого и энергичного организатора...»[54].

Горький подозревал, что истинная подоплека ареста Тихонова кроется в чем-то другом. В воспоминаниях о писателе В.Ф. Ходасевич свидетельствовал: «...Горький мне говорил, что "Русский современник" — только придирка, на самом же деле Зиновьев держит Тихонова по другой причине: предполагает, что у Тихонова где-то спрятаны письма Ленина к Горькому, и хочет

эти письма из Тихонова "выжать"»[55]. Это предположение Горького кажется небезосновательным, особенно если принять во внимание, что незадолго до своего ареста Тихонов, чтобы попасть на прием к Л.Б. Каменеву по делам «Русского современника» и заручиться его поддержкой, вынужден был «подарить» Институту В.И. Ленина несколько писем к нему вождя и тем самым «навел» власть предержащих на мысль и о других, возможно, хранящихся у Тихонова письмах.

Горький с первых дней ареста Тихонова включился в борьбу за его освобождение. Находясь в весьма натянутых отношениях с советскими властями, он, тем не менее, написал председателю ВСНХ А.И. Рыкову, а также попросил свою бывшую жену, Е.П. Пешкову, состоявшую в дружеских отношениях с Ф.Э. Дзержинским, похлопотать за арестованного. Обо всем этом он сообщал 2 марта 1925 г. З.И. Гржебину: «...факт ареста А.Н. Тихонова мне давно известен: он, А.Н., обвиняется в каких-то, якобы, "спекуляциях" и, говорят, обвинитель — Ионов. Замятин и Чуковский ездили в Москву, говорили с Каменевым, который, будто бы, принял в деле А.Н. серьезное участие и успокоил их обещаниями скорого и благополучного окончания дела. Мною, по этому поводу, послано письмо Рыкову и Ек.Пав., чтоб она поговорила с Дзержинским. Но — оказалось, что Е.П. на Украине. Пока я еще не имею ответов из России <...>. Делаю все, что могу»[56]. 9 марта 1925 г. Горький просил Е.П. Пешкову: «Написала бы что-нибудь о Тихонове. Не поговоришь ли о нем с твоим другом <Дзержинским. — *Н.П.*>? очень прошу!»[57]. Время шло, а Тихонов продолжал сидеть в тюрьме. Горький не забыл о старом и верном друге. 6 мая он вновь обратился к бывшей жене с просьбой о помощи: «Что Тихонов? Не поговоришь ли ты о нем с Каменевым или Рыковым? Каменев упоминает Тихонова в предисловии к письмам Ленина ко мне, напечатанным в первой — 25 года — книге "Печать и революция". Поговори!»[58].

Вероятно, хлопоты Горького в конце концов возымели действие. 15 мая 1925 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ Тихонов был освобожден из-под стражи, но лишен права проживания в Москве и Ленинграде сроком на три года. Последнее решение вскоре было пересмотрено, и Тихонову разрешено «свободное проживание по СССР», в том числе и в обеих столицах[59]. В письме от 13 августа 1925 г., как бы подводя итог «делу» Тихонова, Горький сообщал В.Ф. Ходасевичу: «Тихонов "восстановлен во всех правах", приговор — отменен»[60].

Выйдя на свободу, Тихонов еще некоторое время питал надежды на возобновление «Русского современника», о чем известил Горького 27 июля 1925 г. в последнем из публикуемых ниже писем. Однако эти планы ему осуществить не удалось. Горький какое-то время продолжал интересоваться дальнейшей судьбой журнала. 20 ноября 1925 г. он спрашивал, например, одного из авторов журнала, критика И.А. Груздева: «Был слух, что возобнов-

ляется "Русский современник" — так?»[61] Отвечая на этот вопрос, Груздев попутно выразил мнение о журнале, с которым, вероятно, не могли не согласиться многие писатели-«попутчики», травимые агрессивной партийной и напостовской критикой. Это противоречивое мнение о журнале, не во всем близком творческой молодежи, но дорогом ей как последний оплот духовной независимости и свободы, в целом, думается, разделял и Горький. «В возобновление "Русского современника", — писал Груздев, — я всерьез не верил, теперь этот вопрос, кажется, отпал окончательно. Говоря прямо, журнал этот был довольно-таки авторитарный и душноватый. Но это было единственное место, где можно было бы все же сказать о литературе то, что считаешь нужным сказать. И потому бесконечно жаль, что его уже нет»[62].

В драматичной истории журнала «Русский современник» отразилась печальная судьба всех частных изданий послереволюционной России. И все же эта смелая попытка издания независимого журнала в условиях большевистского режима представляет яркую и поучительную страницу бытования русской литературы и журналистики в XX в.

В *АГ* хранятся 83 письма Горького Тихонову за 1904–1936 гг. и более 100 ответных писем адресата. Четыре письма Горького из этой коллекции опубликованы в тридцатитомном Собрании сочинений писателя (*Г-30*. Т. 28, 29, 30), другие 69 писем — в сборнике «Горьковские чтения. 1953–1957» (М., 1959). Письма Тихонова полностью никогда не печатались.

Для данной публикации нами выбраны 19 писем и телеграмм Тихонова Горькому 1923–1925 гг., посвященных организации и изданию журнала «Русский современник». Телеграммы 9, 10, 11 впервые были напечатаны в ст.: *Иокар Л.Н.* К истории публикации первого варианта очерка «В.И.Ленин» // *Неизвестный Горький. Вып. 4*. С. 87. Все остальные документы печатаются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Примочкина Н.Н.* М. Горький и журнал «Русский современник» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 357–370; *Николаева М.А.* Указатель содержания журнала «Русский современник» // Там же. С. 371–376; *Примочкина Н.Н.* Писатель и власть. 2-е изд., доп. М.. 1998. С. 233–265.

[2] *Горьковские чтения. 1959*. С. 59.

[3] *Серебров А.* Время и люди. Воспоминания. 1898–1905. М., 1960. С. 4.

[4] Там же. С. 61.

[5] Там же. С. 139.

[6] *Горький. Письма*. Т. 4. С. 460.

[7] *Горьковские чтения. 1959.* С. 5.

[8] Там же. С. 59.

[9] *Серебров А.* Время и люди. С. 142.

[10] *Горький. Письма.* Т. 13. С. 6.

[11] *Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. (в дальнейшем обозначается сокращенно: Чуковский). Т. 14. М., 2008. С. 439.

[12] См. подробнее: *Вайнберг И.* Жизнь и гибель берлинского журнала Горького «Беседа» (По неизвестным архивным материалам и неизданной переписке) // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 361–376.

[13] *Неизвестный Горький. Вып. 4.* С. 86–90.

[14] *АГ.* ХПГ-36-4-1; С небольшими изменениями вошло во второй вариант очерка: см.: *Горький. Сочинения.* Т. 20. С. 7.

[15] Русский современник. 1924. № 1. С. 16.

[16] *АГ.* ХПГ-36-4-1. В редакцию 1930 г. не вошло.

[17] *Чуковский.* Т. 12. М., 2006. С. 137.

[18] Там же.

[19] *АГ.* КГ-изд-49-40-1.

[20] *ОР ИМЛИ.* Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 190.

[21] *АГ.* Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 728.

[22] Там же.

[23] *Чуковский.* Т. 12. С. 136.

[24] *АГ.* Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 728.

[25] *Чуковский.* Т. 12. С. 141.

[26] *АГ.* Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 728.

[27] Большевик. 1924. № 5–6. С. 148.

[28] *Чуковский.* Т. 12. С. 582–583.

[29] Красная новь. 1924. № 4. С. 307.

[30] Большевик. 1924. № 5–6. С. 149.

[31] Современные записки. Париж, 1924. № 20. С. 428.

[32] *Горький. Письма.* Т. 15. С. 331.

[33] Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 31. С. 191.

[34] *АГ.* КГ-п-83-8-31.

[35] Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 31. С. 194.

[36] *ЛН. Т. 70.* С. 473.

[37] Там же. С. 474.

[38] *Чуковский.* Т. 12. С. 141.

[39] *АГ.* КГ-п-46а-1-32.

[40] *Чуковский.* Т. 12. С. 167.

[41] *Горький. Сочинения.* Т. 20. С. 535.

[42] *Горький. Письма.* Т. 15. С. 71–73.

[43] *АГ.* Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 728.

[44] *Чуковский*. Т. 12. С. 169.

[45] Там же. С. 171–172.

[46] Там же. С. 173–174.

[47] Справка Центрального архива ФСБ РФ от января 1997 г. // *ОР ИМЛИ*. Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 5.

[48] *Чуковский*. Т. 12. С. 212.

[49] Там же.

[50] Там же. С. 212–213.

[51] *Горький. Письма*. Т. 15. С. 127.

[52] *АГ*. ПГ-рл-11-20-7.

[53] *Чуковский*. Т. 12. С. 218.

[54] *АГ*. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 544.

[55] *Ходасевич В.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 372.

[56] *Горький. Письма*. Т. 15. С. 129–130.

[57] Там же. С. 135.

[58] Там же. С. 170.

[59] *ОР ИМЛИ*. Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 5.

[60] *Горький. Письма*. Т. 15. С. 244.

[61] Там же. С. 301.

[62] *Архив Г. 11*. С. 29.

1. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
17 ноября 1923, Петроград

17/XI 1923 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Мария Игнатьевна[1] в своем последнем письме[2] просила меня прислать весь фактический материал, касающийся «Всем<ирной> лит<ературы>»[3], — в надежде, что ей удастся заинтересовать этим предприятием кого-нибудь из германских капиталистов. Но адреса, куда ей послать ответ, — не указала. На письме ее стоял штемпель Freiburg'a. Я решил послать ответ по Вашему адресу[4], Вас прошу передать письмо по назначению. Кстати, быть может и Вы сами заглянете в мои записки и быть может что-нибудь придумаете. У нас на днях было даже специальное постановление Ред. коллегии — обратиться к Вам за помощью[5].

Дела наши неважные. «Всемирная» — на закате. И кажется, дни ее сочтены. По крайней мере в прежнем виде ей более не жить. Единственное спасение — частный капитал. Завтра еду на последнее решительное сражение в Москву. Если, паче чаяния, удастся выбраться

из недр Госиздата и стать независимым издат-вом — первое, что затею — это литературно-художеств<енный> научный журнал[6], ежемесячник вроде «Летописи»[7], только без политики. Сделать его можно хорошо и труда большого не потребует. Может быть и Вы поддержите и дадите что-нибудь из Ваших новых произведений, о которых очень наслышан[8].

Есть и еще кой-какие хорошие планы, но пока не до них. Воюем.

Сердечный привет. Напишите.

А.Т.

2. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

30 ноября 1923, Петроград

30 ноября 1923 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Только что вернулся из Москвы, где в течение 1½ недель отстаивал существование «Всем<ирной> лит<ературы>»[1] — занятие Вам хорошо знакомое. Дело это, по-видимому, безнадежное. Поэтому я на всякий случай принял все меры к тому, чтобы работа наша не исчезла без последствий и постарался найти преемника для дряхлеющего организма «Вс. лит.» Я основал новое, на этот раз частное издательство «Литература»[2], которое наряду с переводной литературой будет выпускать также и русских авторов и вообще все книги, которые окажутся полезными и выгодными при теперешнем положении книжного рынка (кстати сказать — весьма плохого, близкого к катастрофе). При изд-ве я предполагаю издавать литературно-художественный журнал (назвал его пока «Новая жизнь»)[3]. Так вот, прежде всего прошу Вашего пастырского благословения, ибо ни одного дела я себе не мыслю без Вашего руководства и близкого участия. А если Вы и на этот раз не откажете мне в этом, то будьте добры поскорее сообщить мне и обрадовать меня, т.к. я нахожусь в унынии и печали — жалко расставаться со «Вс. лит.»

Издателем, финансирующим новое дело, является некий Магарам[4], мой хороший знакомый — человек опытный и деловой — он долгое время работал с Сытиным и был его пайщиком по изданию «Великой реформы», «Отечественной войны»[5] и другим книгам. Ответственный редактор из-ва и журнала — я. Предполагаемый состав ред. колл<егии> журнала — Вы, Замятин, Чуковский, я и — в Москве — Абр. Эфрос[6]. Журнал исключительно посвящен — литературе, критике, науке, искусству. Никакой политики. Размер 10–15 п<ечатных> л<истов>. Срок выхода 1–2 месяца.

Я не знаю судьбы Вашей «Беседы»[7] (видел только № 3), но во всяком случае, если она будет продолжать свое существование — то «Новая жизнь» никак не будет служить ей конкурентом — а только русским ее филиалом. Если же Вы, при создавшихся в Германии условиях, откажетесь от мысли продолжать «Беседу»[8], то «Новая жизнь» — будет ее преемником. Во всяком случае, я придаю Вашему участию в новом деле решающее значение, — если Вы не согласитесь в нем участвовать — я не стану работать без Вас.

Материальные возможности нового дела невелики, но на первое время хватит. Начнем с небольшого масштаба. Кроме того, я все-таки не теряю окончательно надежды выцарапать «Вс. лит.» от Госиздата, тогда новое дело могло бы соединиться со старым аппаратом и средствами «Вс. лит.»

Итак, жду Вашего ответа. Надеюсь, что он будет утвердительным и что вместе с ним Вы пришлете также и материал для журнала и издательства и в первую очередь, конечно, Ваши собственные произведения. Хотелось бы иметь для первого номера Ваш рассказ или повесть и, кроме того, статью или заметки. Кроме Ваших произведений присылайте также и другой подходящий материал. Словом, будьте нашим редактором и другом. Считайтесь только с тем, что мы живем в России и что пересылка рукописей связана с риском утраты, а потому не посылайте ничего, не оставив себе предварительно копии.

Было бы также большой радостью для нового издательства, если бы можно было ему начать свою работу выпуском тома Ваших новых рассказов, если только таковые не запроданы «Книге» или какому-либо другому издательству, имеющему монопольное право на издание Ваших произведений в России[9]. Материальные условия — определите сами. Не сомневаюсь, что на этот счет мы сговоримся легче всего.

Очень прошу Вас поддержать мою новую попытку, это я последний раз испытую мою судьбу. Три раза затевали мы с Вами издательскую работу, три раза она блестяще удавалась («Летопись»[10], «Новая жизнь»[11], «Всем. лит.») и три раза чисто внешние стихийные причины губили наши затеи. В двух первых случаях это была — революция, в третьем этой причиной к сожалению оказалась — человеческая глупость и невежество — а это тоже стихия. Будем надеяться, что этой троекратной неудачей ограничится испытание нашей твердости и воли к работе и что в дальнейшем — нас ждет быть может скромный и твердый успех. И первый залог его — Ваше внимание и участие в новой работе.

Шлю сердечный привет и жду быстрого ответа.

Ваш *А. Тихонов*

3. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
5 декабря 1923, Петроград

5 декабря 1923 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я уже писал Вам во Фрейбург, по поводу положения дел во «Вс<емирной> лит<ературе>» и тех планов, какими я сейчас занят[1]. Боюсь, что письмо мое Вас там не застало, а потому спешу вкратце повторить его содержание. «В. л.» дышит на ладан. Взамен ее я организовал новое, на этот раз частное издательство «Литература» (без Всемирной) и при нем журнал (назову либо «Современник», либо «Новая жизнь») литературно-научный, по типу старых толстых журналов, только без политики. Деньги для начала нашлись, небольшие, но начинать можно. Издавать предполагаем не только переводную, но и всякую другую литературу.

Просьба: 1) быть редактором журнала (кроме Вас и меня, в редакции будут: Замятин, Чуковский? и в Москве Абр. Эфрос), 2) присылать как свой так и чужой материал (вероятно, связи, созданные «Беседой» — дадут Вам много материала), 3) прислать рукописи для издания отдельными книгами и, конечно, в первую очередь — Ваши собственные.

По старой привычке я не представляю себе какого-либо начинания без Вашего ближайшего участия и теперь тоже — если Вы не согласитесь меня поддержать, я оставлю эти затеи — одному мне не поднять этого дела, особенно в такой тяжелый момент. (Страшная депрессия книжного рынка.)

Присылайте Ваш материал в любой форме — роман, повесть, заметки, статьи и пр. Материальные условия — определите сами, думаю, об этом мы сговоримся легче всего, хотя издатель мой — человек скупой. (Издатель — некий Магарам — он заведовал у Сытина отделом подписных изданий — человек вполне корректный и даже немного меценат.)

Итак — разрешите считать Вас одним из редакторов журнала (а еще лучше издавать журнал «при ближайшем участии М. Горького») и позвольте надеяться, что Ваше участие будет активным. Думаю, что при Вашей поддержке нам удастся и на этот раз создать нечто ценное и значительное. Журнал в России — необходим. «Беседы» — у нас нет и, видимо, не будет. Пусть наш журнал будет для Вас русской «Беседой». Об идейной стороне говорить в письме трудно, думаю, что имена участников и мое до некоторой степени определяют направление журнала и издательства. Очень прошу спешно ответить.

От Вашего ответа зависит вся моя дальнейшая работа по этому делу.

Сердечный привет.

А. Тихонов

4. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
27 декабря 1923, Петроград

Дорогой Алексей Максимович!

Хочу сказать Вам несколько слов о «Всемирной литературе».

Вскоре после Вашего отъезда, в прошлом году «Вс. лит.» — пережила тяжелый кризис[1]. Государ<ственное> изд-во, движимое НЭП-ом, перешло на так называемый «хозяйственный расчет» и в связи с этим перед «Всем. лит.» встала дилемма — либо перейти в частнокапиталистическое предприятие, либо исчезнуть, слиться с Госиздатом.

Сделаться частным издательством в ту пору — без денег, без книг, при полном отсутствии какого-либо книжного рынка — было безумием. Слиться с Госиздатом — гибелью. Я выбрал средний путь — остаться отделом Госиздата, но работать самостоятельно, на договорных началах, как контрагент Госиздата, получая от него заказы и известный процент с оборота.

Действительность показала, что курс был взят правильно. За этот год мы выпустили больше 100 книг, создали библиотеку «новостей иностранной литературы» и два журнала[2]. Никогда еще за всю свою бытность «Всем. лит.» не проявляла такой энергии.

Материальные дела из-ва прекрасны, в то время как все решительно казенные предприятия в России кончают год с дефицитом, у нас образовался капитал в 50 — 60 миллиардов рублей, а год назад не было ни копейки.

Книги наши покупаются нарасхват, особенно серия «новинки» и журналы. И то, что было невозможно год назад, т.е. выход из-ва из Госиздата в частное из-во — теперь вполне возможен и необходим. Мы встали на свои ноги и материально и в смысле репутации на книжном рынке.

Предвидя такую возможность, я при заключении соглашения с Госиздатом в прошлом году выговорил для из-ва право выйти в любое время из Госиздата и стать частным из-вом.

Но вместо этого, я снова, после года дьявольской работы, в обстановке, которая Вам хорошо известна, после тысячи всяческих недоразумений, наскоков начальства и прочих гадостей, которые довели меня к лету этого года до состояния, близкого к нервной горячке, от которого я два месяца отлеживался в Ялте — после всего этого я снова очутился на старом месте, и год работы полетел к черту.

В ноябре месяце произошло слияние Московского и Петроградского отделов Госиздата, т.е. Шмидта[3] и Ионова[4]. И сей последний муж главным условием своей капитуляции перед Москвой поставил — уничтожение «Всем. лит.» и передачу всего дела ему — Ионову. То самое и в тех же формах, что когда-то требовали Закс[5] и Вейс[6].

Москва — на это согласилась, и вот в начале декабря, в самый разгар работы, когда мы довели производительность из-ва до 200 печ. лист. набора в месяц — мне на голову свалилось, без всякого предупреждения, требование от Шмидта, — ликвидировать до 1 января «Всем. лит.», оставив от нее редакционный аппарат, который, в свою очередь, надо было передать Ионову.

Всеми правдами и неправдами мне на днях удалось отвратить на время эту опасность. Создан довольно нелепый компромисс. У нас отнято право торговать нашими книгами (мы торговали дешевле и лучше Госиздата, — поэтому стали опасным для него конкурентом), — у нас закрыли наш книжный магазин, нарушили, без всякой к тому вины с нашей стороны, заключенный между нами и Госиздатом договор по заказу книг, отняли у нас право расплачиваться с типографиями, а вместе с этим, конечно, и возможность руководить типографскими работами — чем были мы сильны, ибо мы выбрасывали книжку в один месяц, тогда как у Госиздата ее изготовление занимало 3 — 4 месяца. И, наконец, чтобы не обижать Ионова, решено перенести нас из Питера в Москву, так чтобы мы не числились по Ионовскому департаменту, и, главное, переименовали нас в «отдел» Госиздата. Но в то же время нас оставили свободными в отношении редакционной работы, и работаем мы по-прежнему своим техническим и хозяйственным аппаратом, за счет процентов с производства.

Разумеется, двусмысленность такой позиции скажется немедленно, и такое положение дел никого не устраивает — ни нас, ни Госиздат.

Судя по тысяче мелочей, по тому, как они умышленно задерживают выдачи нам денег, как они придираются ко всякой формальности — можно ясно видеть, что для них такой компромисс просто первая ступень к окончательной ликвидации «Всем. лит.». Да они этого, в частности Шмидт, и не скрывают. Ждут только момента, когда мы окончательно поставим им дело, испечем им до конца каштаны, и им останется только скушать.

Беда наша в том, что мы хорошо работаем, а они плохо, наши книжки идут вторыми изданиями — их лежат на складе. Выгодность и коммерческую и общественную «Всем. лит.» — они прекрасно понимают. Во всех докладах Шмидта начальству «Всем. лит.» — один из главных козырей Госиздата. Их касса тоже красноречиво говорит

в нашу пользу. Поэтому, когда я, пользуясь новым случаем пересмотра наших взаимоотношений, поднял вопрос о нашем праве выйти из Госиздата, праве, подтвержденном их постановлениями — Шмидт не позволил даже в заседании Правления обсуждать этот вопрос. А в то же время им улыбается мысль присвоить себе все дело целиком, дело налажено чужими руками, дело на ходу, организовано прочно, приобрело устойчивость, — можно теперь выбросить тех, кто его создал, они больше не необходимы.

Конечно, это неверно. Как ни хорошо стоит теперь «Всем. лит.» — она рухнет немедленно, как только попадет в их ужасающий по своей нелепости и бюрократичности обиход. «Всем. лит.» не только коммерческое предприятие, но было и есть, кроме того, культурный центр, где люди работали и работают не из-за заработка только, но по старой интеллигентской привычке — ради «общественности». Вся наша редакционная Коллегия стоит нам ровно столько, сколько одна машинистка, и тем не менее люди ходят, заседают, работают и волнуются так, как будто «Всем. лит.» их личное дело.

Вспомните прошлое — сколько энергии и времени истрачено Вами и всеми другими сотрудниками из-ва на его организацию и оборону от неприятелей. Ради чего? Ради того, чтобы какие-то чиновники пришли и разрушили его, не понимая даже, что они разрушают.

Вот как стоит дело.

И потом еще — у меня нет больше сил бороться, я вконец измучился и физически и духовно. Вы помните, как трудно было защищаться Вам, можете вообразить, каково это мне одному, без Вас.

Я давно уже собирался написать Вам об этом, но не делал этого — просто не хотел волновать Вас попусту. Что могли Вы сделать? Написать кому-нибудь из власть имущих? Я прекрасно понимал, что при теперешних Ваших отношениях с властями — Вам было бы это тяжело. Внутренно — тяжело. И я молчал.

Но вот сегодня я узнал, что у Вас с Госиздатом завязывается какая-то переписка. Вас приглашают работать в Госиздате[7]. Это меняет в корне все дело. У Вас имеется теперь возможность и право вмешаться в дела Госиздата — и сказать — если вы хотите, милые товарищи, чтобы я с вами работал, то не угодно ли вам сделать, прежде всего, то-то и то-то... А именно — не разрушать «Всем. лит.», дела, которое создано Вами — и Ваше требование в этом отношении вполне законно. Но мало — не разрушать, а дать возможность ему жить и развиваться. На каких условиях? Лучше всего — как частное предприятие или во всяком случае как самостоятельный хозяйственный, технический и редакционный аппарат, работающий по заданиям Госиздата и сдаю-

щий ему же (если надо) всю свою выработку на условиях контрагента (как было до сих пор).

Так должно оставаться во всяком случае до тех пор, пока Вы сами (если Вы на то согласитесь) не вступите в работу Госиздата. Тогда дело другое, тогда можно говорить и о каком угодно тесном слиянии, пока же необходимо сохранить свое обособленное существование — иначе гибель. Во всяком случае для меня лично вопрос решен, если не удастся отстоять из-во в том виде как оно есть — я ухожу из него, как это мне ни больно, и уезжаю к черту на кулички. Я больше не могу работать в этой проклятой стране, с людьми, которые сами ничего не умеют и потому враждебны ко всякой работе.

Письмо мое — длинное, но я хотел, чтобы Вам все было ясно.

Я не сомневаюсь, что Ваше категорическое заявление произведет свое действие[8]. Действие это будет огромно, если Вы примете, при этом, их предложение о совместной работе, оно будет меньше — если за ним последует Ваш отказ, но все же и в этом случае Ваши слова не пропадут даром.

Мы ждем их от Вас с трепетом. Если можно, копию Вашего письма в Госиздат, касающегося «Всем. лит.» — пришлите мне.

Будьте здоровы.

А. Тихонов

27/XII.

С Новым Годом.

5. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
22 января 1924, Москва

Очень прошу написать для нашего журнала воспоминания об Ленине[1]. Размер, срок, условия Вашему усмотрению. Подробности письмом[2]. Ответ телеграфируйте: Петроград, Моховая, 36.

Тихонов

6. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
22 января 1924, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Благодарю Вас за скорый ответ и согласие Ваше работать в журнале[1].

Не отвечал долго — все ждал, когда будет окончательно получено разрешение на журнал. Это потребовало — шесть недель времени и несколько пудов испорченной крови. Но все же результат хоро-

ший — вчера, наконец, журнал разрешен. Имя ему — «Русский современник».

Пока уже имеются следующие рукописи: Замятин — роман «Мы» и рассказ[2]. Пильняк — рассказ и повесть «Дневники Жана Сухова» — подлинные дневники коломенского обывателя, слегка обработанные Пильняком[3]. Бабель (старый знакомый) — несколько мелких рассказов[4]. Статьи Чуковского об Ал. Толстом[5], статья Шкловского о кино[6]. Обещал рассказ Ал. Толстой — он же предлагает заказать ему продолжение романа «Хождение по мукам»[7]. Пастернак — дает прозу[8], Леонов — тоже[9], Зощенко[10] и Крептюков (новый автор)[11]. Стихи как водится: Ахматова[12], Сологуб[13], Есенин[14], Казин, Третьяков[15] и пр. Что касается Ваших рассказов, то Ив<ан> Пав<лович>[16] пока передал мне только «Анекдот». Второго рассказа, о котором Вы писали[17], — нету у него. Я просил у него позволения выбрать что-нибудь из тех Ваших новых рассказов, что выходят в Берлине[18]. Оказывается, все они у «Красной нови», — которая их не дает, пока не использует сама. Кроме того, к печатанию Ваших рассказов имеется и еще одно препятствие — как мне передал Ив. Пав. — мы можем напечатать Ваш рассказ «Анекдот» не раньше, как он выйдет в Америке, а когда он там выйдет — никому здесь не ведомо — стало быть, для первого номера он во всяком случае не подходит[19], т.к. с выходом книги мы торопимся, и надо сейчас решить, что именно идет в этой книге.

Рассказы, имеющиеся у «Кр. нови», могут быть напечатаны также не раньше того, как они выйдут в Берлине, откуда они сейчас же в виде отдельного тома поступают в Россию, на рынок. Стало быть, журнал надо как раз подогнать к моменту выхода книги в Берлине — выпустишь раньше — нарушишь соглашение — выпустишь позже — книга из Берлина будет уже здесь в магазинах и рассказ будет — простой перепечаткой того, что уже имеется на рынке. Значит, надо весь номер приноравливать к моменту выхода книги в Берлине, а он неизвестен точно. И выходит так, что рассказами Вашими мы воспользоваться не в состоянии.

Напишите, пожалуйста, как тут быть и что надо сделать. Вы, конечно, понимаете, что вопрос Вашего фактического сотрудничества для журнала — вопрос жизни или смерти, особенно когда рядом «Кр. новь» находится в этом отношении в привилегированном положении.

Кроме беллетристики и критики в журнале будет отдел мемуаров, писем, литер<атурных> документов и пр. Сейчас веду разговоры о покупке некоторых рукописей и писем Л.Н. Толстого и Достоевско-

го[20]. Есть, по-видимому, возможность воспользоваться дневниками Л. Андреева[21]. Но все это — пока разговоры.

Статью Ходасевича о «Русалке» Пушкина ждем с нетерпением[22]. Пусть шлет рукопись и укажет, куда передать гонорар. (50 зол<отых> рублей за печ<атный> лист в 40 000 зн<аков>). И стихи, конечно![23].

Рассказ Каверина «Вуд» — читал[24]. Не нравится. Есть еще кой-какой материал. Приток его большой, но хорошего пока мало. Однако надо сказать, что, по-видимому, журнал все же можно сделать хорошим. Это первый частный большой журнал, и интерес к нему уже и сейчас огромный. Но, конечно, главное и единственное условие успеха — Ваше участие.

Сейчас я послал Вам телеграмму относительно Ваших воспоминаний об Ильиче[25]. О, если бы Вы могли нам их дать! Вы не можете себе представить, какую роль они могли бы сыграть в политической и литературной судьбе нашего дела, особенно если бы можно было поместить их в первом номере. Для этой цели можно даже задержать срок выхода первого номера, но, конечно, не более как на один месяц — иначе будет аннулировано разрешение на журнал, как неиспользованное в течение законного срока.

Как Вы думаете, — следует ли помещать в журнале переводы с иностранных журналов[26]? Статьи научные, о которых Вы пишете, к сожалению, не подойдут — не имеем права печатать науку — журнал литературно-художественный и только.

Вот уже третью неделю сижу безвыездно в Москве, хочу наконец закончить дела по организации нового журнала и издательства и привести к какому-то концу волокиту со «Всем<ирной> лит<ературой>». Намечается выход — отделение «Всем. лит.» от Госиздата и организация самостоятельного предприятия «Всем. лит.» — с участием Госиздата в качестве пайщика[27]. Дай-то Бог!

Пишите мне, пожалуйста, почаще, и очень прошу устроить как-нибудь так, чтобы мы могли печатать Ваши рассказы, а самое, самое главное — дать нам воспоминания об Вл<адимире> Ил<ьиче>. Ив<ан> Пав<лович> назначил гонорар за Ваши рассказы и воспоминания 200 руб. Деньги будем передавать Ек<атерине> Павл<овне>[28] или кому укажете.

Привет. *А.Т.*

22/I.

7. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
29 января 1924, Москва

Телеграмму получил, спасибо[1]. Прошу оставить мной право печатать также иностранных языках[2]. Середине февраля приедет Вам наш представитель[3].

Подробности письме[4].

Тихонов

8. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
30 января 1924, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам большое за рукопись об Ильиче[1]. Ждем ее с нетерпением. Вы не можете себе представить, как это нам, т.е. нашему журналу, важно во всех отношениях, не говоря уже о том, что хочется достойным образом почтить память «старика».

Вчера послал Вам новую телеграмму[2], где прошу Вас закрепить за мною право на заграничное издание Вашей рукописи об Ильиче как на русском, так и на иностранных языках. Дело в том, что некие немцы предлагают нам издавать наш журнал (который, кстати сказать, называется «Русский современник») заграницей на русском и трех европейских языках[3]. Дело может быть интересным во многих отношениях. Естественно, что они хотят закрепить за собой право также и на Вашу рукопись. Около 20 числа сего февраля к Вам для переговоров по этому поводу приедет с моим письмом представитель этой группы, и вот почему я просил Вас телеграфно не отдавать никому хотя бы до приезда нашего представителя, т.е. до конца февраля — Вашего права на заграничное издание Ваших «воспоминаний»[4]. Я, конечно, не знаю, — может быть, Вы уже с кем-либо связаны договором или обещанием, — тогда, конечно, ничего не поделаешь, но если Ваше право принадлежит еще Вам — уважьте мою просьбу и назначьте сами срок, до которого мы могли бы задержать это право за собою.

Затем еще просьба: не разрешите ли Вы перепечатать в нашем журнале Ваши «заметки» и рассказы из «Беседы»[5]. Журнал этот здесь почти никому не известен, а между тем Ваш материал, помещенный там, представляет совершенно исключительную для нас ценность. Кроме того, у нас имеется очень хорошая на этот счет статья Шкловского, который интересно весьма освещает эту полосу Вашего творчества[6]. И, наконец, этот материал нам важно иметь как единственно надеж-

ный, т.е. такой, который можно наверняка печатать не дожидаясь разрешений Берлина — неудобство, о котором я писал Вам в прошлом письме, и которое связывает нам руки относительно «Анекдота» и др. Ваших рассказов, из тех, что имеются у Ив<ана> Павл<овича>.

Сегодня я узнал, что Госиздат обращается также к Вам с просьбой — дать ему Ваши воспоминания[7]. Меня это встревожило, но я надеюсь, что право первенства за нами и что Вам приятнее будет видеть их напечатанными в своем, нежели в чужом журнале.

Первый номер обещает быть довольно интересным, кроме того материала, о котором я уже писал, я надеюсь приобрести еще неизданные материалы Достоевского и может быть Толстого[8]. А главная, конечно, ценность — это Ваши воспоминания. Завтра сдаем в цензуру первую порцию рукописей. Я чувствую, что становлюсь эгоистом и «собственником», да и Вы, вероятно, видите это по моим письмам, -- но что ж делать? Мысль о журнале захватила меня целиком, я сплю и вижу — сделать хороший номер. Когда я узнал на днях, что дневники Блока, на которые я рассчитывал, ушли из моих рук, я чуть не заревел от горя[9]. И ведь опоздали мы всего на 2 недели. Черт возьми-то! Еще больше я волнуюсь за Вашу рукопись и не успокоюсь, пока не буду держать ее в руках.

Вот уже три недели сижу в Москве. Здесь я пережил смерть Ленина — пережил как тяжелое, личное горе. Да и не только я — вся Москва была потрясена и скорбела тяжко! Удивительные были дни! Когда-нибудь расскажу Вам об этом подробно и быть может скоро, т.к. лелею мысль уехать к весне за границу[10] — вот бы только наладить журнал и из<дательст>во.

Привет от всего сердца.

А. Тихонов

30/I. Москва.

P.S. Пишите и телеграфируйте на петербургский адрес: Моховая, 36.

9. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

3 марта 1924, Ленинград

Рукопись получил[1].

Тихонов

10. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
5 марта 1924, Ленинград

Редакция просит разрешения сделать небольшие сокращения политической части рукописи[1]. Ждем ответа. Пишем.

Тихонов

11. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
8 марта 1924, Ленинград

Одно письмо сокращениями получил[1], будет ли второе? Без просимых редакцией сокращений печатать невозможно — поверьте.

Тихонов

12. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
15 марта 1924, Ленинград

Дорогой Алексей Максимович!

В последнем письме своем Мария Игнатьевна писала[1], что Вы заинтересовались возможностью печатать «Р<усский> современник» заграницей. Посылаю Вам договор, заключенный мною с Р.Ф. Миллером[2], из него Вы увидите, как мы решаем этот вопрос. Дело это новое и, конечно, сопряжено с большими трудностями, из которых самая большая — это невозможность воспользоваться Вашими произведениями для наших заграничных филиалов[3]. Мария Игнатьевна пишет, будто есть надежда «уладить» это в будущем. Мы были бы очень рады, если бы как-нибудь действительно удалось это, без ущерба для Ваших интересов, наладить.

Вы прекрасно, конечно, понимаете, какое большое значение может иметь эта наша попытка проникнуть в гущу европейской культуры и каким тараном могло бы служить здесь Ваше имя и Ваши произведения. Вот почему я очень прошу Вас переговорить подробно по этому делу с подателями этого письма Р.Ф. Миллером и Д.А. Уманским[4] и оказать им всякое содействие. Как Вы увидите из договора, это как раз те лица, с которыми мы идем вместе в эту трудную работу, и всякая помощь, какую Вы им окажете, будет поддержкой нашего общего дела.

Крепко жму руку.

А. Тихонов

15/ III 24.

13. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
17 марта 1924, Москва

Когда будет напечатана Ваша статья за границей[1]? Боимся перепечаток раньше выхода нашего журнала, который выходит точно двадцатого апреля[2]. Предполагаем устроить вечер «Современника»[3], просим разрешения прочитать публично Вашу статью, телеграфируйте: Москва, Петровка 8, Магарам.

Тихонов

14. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ
22 марта 1924, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам статью о В<ладимире> Л<енине> в том виде, как она будет напечатана. Прочитав ее, я уверен, Вы согласитесь, что сокращения, очень незначительные, которые мы позволили себе в ней сделать, нисколько не меняют ее содержание. Они были необходимы для нас. Мы журнал литературный исключительно. Всякие отступления от чисто литературных тем ставят нас перед двойной опасностью, внутренней и внешней. Внутренняя — это редакция и сотрудники — люди разных мнений, иногда совершенно не похожих на те, что изложены в статье, внешняя — давление со стороны и возможность закрытия журнала, разрешения на который удалось добиться с огромным трудом. Как раз здесь все эти опасности встали перед нами во весь рост[1].

Я нисколько не сомневаюсь, что живи Вы здесь, с нами, Вы первый бы предложили изменить статью. Многое, что в ней сказано, звучит здесь, в Москве совсем не так, как предполагает автор. Многое, о чем писано в общем плане, становится здесь конкретным лозунгом, который будет использован совсем не в интересах автора и его целей. Некоторые фразы, употребленные автором без злого умысла, дадут повод к оправданию поведения, которое, я уверен, возбудило бы у самого автора глубокое возмущение. К сожалению, в письме очень трудно изложить всю совокупность причин, принудивших нас к такому необычному для нас обращению с чужой рукописью, но я думаю, Вы поймете, что мы действовали правильно.

Хотелось бы, конечно, чтобы наши поправки были внесены и в те списки рукописи, которые будут печататься в других изданиях как в России, так и за границей. Разница текстов может быть чревата для нас многими неприятностями[2].

Журнал выходит, как будто, интересный, вот только боюсь, как бы Вашу статью не перепечатали здесь раньше выхода журнала. Вы телеграфируете, что она появится в Америке на днях. Ну а в Европе? Первый номер всегда очень трудно дается, а теперь особенно, поэтому выход журнала приходится откладывать и откладывать. Боюсь даже, что и к Пасхе выйти не успеем[3]. Нельзя ли как-нибудь хоть немного повременить с выходом статьи в Европе. Кроме статьи в первом номере идут несколько глав из Вашей новой книги «Из воспоминаний» (из «Беседы»)[4].

Затем, с Вашего позволения мы журнал озаглавливаем так: «Рус<ский> сов<ременник>», издаваемый при ближайшем участии М. Горького, Ев. Замятина, К. Чуковского и Абр. Эфроса. Затеваем устроить в Москве литературный вечер, где будут читать материал из первого номера[5]. Надо рекламировать как-нибудь журнал!

Посылаю Вам копию договора, по которому мы будем печатать журнал на четырех языках за границей[6]. Опыт довольно любопытный. Мы очень просим Вас, как человека заграничного, приглядеть, если можно, как эта затея будет нашими контрагентами исполняться.

Стараемся, как видите, вовсю. Не сердитесь на нас и помогите.

Привет.

А.Т.

22/III. Москва.

15. А.Н. ТИХОНОВ – ГОРЬКОМУ
8 августа 1924, Ленинград

8/VIII 24.

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам вторую книгу «Русского современника» — немного запоздала, но не по нашей вине[1]. Надеемся, что следующие номера будут выходить аккуратно. Книгу читают и хвалят даже наши литературные недруги, — а их, — как всегда, — в изобилии. Очень хотелось бы знать Ваше мнение, — напишите обязательно.

С напечатанием «Анекдота», который идет в № 3, — исчерпывается запас Вашего сотрудничества. Пришлите, пожалуйста, рукопись, и хорошо бы что-нибудь крупное, на несколько номеров, но, конечно, будем благодарны и за малое[2].

Пресса о первой книге или молчит (крупная), или бранится[3]. Особенно достается Вам за «Ленина»[4], но все это пока подголоски, настоящего голоса пока не слышно. Журнал вести трудно: нет настоящего цемента внутри, да и не утряслось еще — все толкаются,

всем тесно, много случайных попутчиков. Я не говорю уж о внешних условиях.

И вот что я еще обнаружил: вернувшись после десяти лет к чтению русских авторов, — я обнаружил, что они разучились писать. Если вспомнить средний уровень литературы во время «Летописи» и теперь — разница несомненная. Писать стали лживо и потому неряшливо, «халтурно». Отношение к печатанию до крайности циничное, редакция обратилась в настоящую лавочку. Продать рукопись сразу в несколько мест считается шиком — «вот посадил в дураках». Когда пробуешь стыдить — смеются. И если бы Вы знали, кто это делает, — Вам бы стало жутко.

Из молодежи шибко идет вперед наш старый знакомый — Бабель[5]. Этот работает серьезно и, если не закружится у него от похвал голова, а хвалят его — кому не лень, может выйти из него настоящий писатель, но увы, не русский. Это будет, быть может, первый случай «российского», но не русского писателя.

Подает надежды Леонов — его рассказ в «Современнике» — неплохой рассказ, хотя злые языки говорят, — что он «обокрал» чью-то чужую рукопись[6]. Теперь это — тоже частое явление и не считается зазорным. Вывозит Шекспир, чуть кто попался, сейчас ссылка на Шекспира (см. прим<ечание> Толстого к «Бунту машин»[7]), и — все в порядке.

«Серапионы» — кончились[8]. Из них, вероятно, выбьется самый бесталанный, но зато самый упорный Федин[9]. Никитин — окончательно опрохвостился[10]. Вс.Иванов — испугался самого себя и во всю мочь старается писать под Уэллса[11]. Выходит по-киргизски — неуклюже. Отрастил себе баки, надел роговые очки и стал похож на Загоскина. Тут ему и кончина. Слонимского — запугали, задергали[12]. Человек он скромный, таланту малого, начнет писать и перо из рук от страху валится. Принесет рукопись, посмотрит на Замятина, струсит и бежит, не прочитав, домой, переделывать. Зощенко — сидит в уголку и посмеивается. Это хорошо год-два, а потом глядишь и стал человек «сатириконцем»[13]. Что и происходит. Интересная затея — есть у Каверина: написать русского Уленшпигеля — читал я первую часть — неплохо замешано, но тесто пока сырое — бесформенное[14]. Как Вам понравится его «Бочка» во № 2 «Современника»[15]?

Вот и вся наша литература. Остаются бесчисленные барышни, пишущие стихи, и несколько «маститых»: Толстой, Замятин, Пильняк. Что про них скажешь?! Все они достигли половой зрелости и, по закону Фрейда, прекратили свое развитие: иные лысеют, вроде Толстого, иные толстеют (Пильняк), но на их творчестве это пока не отра-

жается. Прочтите «Ибикус» Толстого и еще раз (который) удивитесь, до чего легко пишет этот человек[16]! Возьмите Пильняка, — от его книг за версту разит «пильняковщиной».

Трудно при этих условиях делать журнал. Составляешь номер — точно кирпичи складываешь: можно так, а можно и этак, нет живой связи. Я не говорю уже о читателе. Тема эта поистине — жуткая. Не знаю, поймете ли Вы меня, как надо, но только всей кожей своей я чувствую огромную, надвигающуюся опасность, и называется она — мещанство. Отовсюду, изо всех пор народа — выползает торжествующее, послереволюционное мещанство. И оно все слопает. Говорить об этом трудно[17].

Про себя сказать хорошего — нечего. Я теперь кроме «Всем<ирной> лит<ературы>» заведую Ленинградским представительством Госиздата. Печатаем много книг — учебники и пр. литературу. Занятие довольно скучное. «Всем. лит.» — приглохла, теперь она не ко времени, но все же кой-что делаем. Выпустили на днях «Орлеан<скую> девственницу» Вольтера[18]. Посылаю.

В середине августа собираюсь на юг[19]. Завелась у меня плохая привычка: как лето, так у меня нервная лихорадка: от малейшей перемены температуры — вся кожа начинает чесаться и пухнуть волдырями, поэтому все я теперь чувствую кожей, даже пятками[20]. Единственное лекарство — солнце. Город мы теперь захолустный, хорошего солнца завести не можем, — средств не хватает, — вот и приходится ездить на юг.

Когда не спится, мечтаю хоть издали увидать Капри[21] и послушать, как кричат соррентийские рыбаки, выехавшие встречать форестьерский пароход! Счастливый вы народ — итальянцы!

Привет. *А.Т.*

16. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

5 сентября 1924, Ленинград

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня получил Ваше письмо от 19/VIII[1]. Очень долго идут те письма, которые доходят.

Конечно, мы будем очень рады, если Вы пришлете нам Ваши «Заметки». Что касается повести (не «Атамановы» ли это, о которых Вы когда-то мне рассказывали?), то было бы хорошо начать ею новый год! Когда Вы думаете ее закончить[2]?

Второй номер мы послали Вам в Сорренто в 3-х экз<емплярах>[3]. Неужели не получили? Высылаю еще раз. Точно так же высылали мы

и книги «Вс<емирной> лит<ературы>». Последней была «Орлеанская девственница» Вольтера[4].

Через несколько часов я сажусь в поезд и еду на Кавказ. Никогда там не был. Думаю проехать по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, оттуда в Сочи — погреться на солнце. У меня от хорошей жизни вспухла вся кожа[5] — это то, что Анненков[6] принимает за мою здоровую полноту. Если все в России так «растолстели», то вскоре надо ожидать нового переселения скифов, на юг, к берегам теплого моря. Пробуду в отпуске месяц, а потом снова за лямку.

Третий номер выходит на днях. По-моему, журнал становится лучше, — не столь пестрый и обильный, но более стройный и простой. Впрочем — я не судья. Судите Вы нас судом строгим[7].

Привет Зиновию[8] и всем «кронверкским» обитателям[9].

Крепко жму руку.

А.Т.

5/IX 24.

P.S. Пишите мне на Ленинград.

17. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

14 января 1925, Ленинград

Дорогой Алексей Максимович!

Я предполагаю, что мое большое письмо — ответ на Ваше от 23/X — до Вас не дошло[1]. Отсутствие Вашего ответа служит вящим тому доказательством. Ну, что ж делать?! Пересказывать еще раз все мои доводы и оправдания, которые я приводил в моем письме, сейчас уже не имеет смысла. Сообщу только резюме: я считаю для себя недопустимым редактировать журнал, в котором Вы не могли бы работать. Согласиться на Ваш хотя бы и «бесшумный» уход из журнала — невозможно, скорее я совсем откажусь от журнала и закрою его[2]. Снять с обложки имена «ближайших сотрудников» — тоже нельзя, это было бы для них оскорблением. Они дорожат этим правом и некоторые уже дорого за это заплатили. Ваш уход будет принят прежде всего как акт политический, не знаю, входит ли в Ваши расчеты бить нас с этой стороны, когда нам и без того приходится очень туго. Как образец наших критиков, прилагаю статью Розенталя и очень прошу сверить с подлинником приводимые им цитаты, из этого Вы поймете ту степень недобросовестности и озлобления, с какими к нам относится некоторая часть критики[3].

На Ваше обвинение, что мы плохо выбираем авторов и материал[4], я отвечал: вина не наша, — такова теперь русская литература, — укажите лучших авторов — мы будем их печатать.

Неловкости, допущенные относительно Вас лично[5], хотя они и совершенно невинного свойства, объясняются тем, что этот номер журнала, где они имеются, вышел в то время, когда я был на Кавказе, а другие редактора — не доглядели, или вернее не придали им значения.

Письмо Ходасевича — образец авторской нервозности — напечатано[6].

Обо всем этом я писал Вам подробно и взволнованно — Ваши упреки меня повергли в отчаяние — теперь я отношусь к этому спокойно, и весь этот инцидент мне кажется далеким и пережитым недоразумением. Надеюсь, таково же и Ваше к нему отношение. Я никогда не поверю, чтобы Вы, зная тысячи очень серьезных трудностей, стоящих на пути нашей работы, бросили бы нас в тяжелую минуту, ради каких-то мелких ошибок с нашей стороны. Нам приходится очень плохо, существованию нашему ежемесячно грозит опасность, надо отвоевывать каждый наш шаг, и мы это делаем только потому, что видим, знаем — дело наше нужное, такое, ценность которого не отрицают даже наши враги. Неужели и Вы в их лагере?

Теперь несколько слов о «Всемирной». Со вчерашнего дня она прекратила свое существование даже как редакционный аппарат[7]. Коллегия единогласно и единодушно постановила — разойтись и прекратить работу. Ранее того был уничтожен весь технический и административный аппарат. Большинство служащих — уволены, дом наш пуст, мебель вывезена. Словом — полная ликвидация. Я — безработный — ищу пропитания. Причины, Вам, вероятно, понятны. Ваша телеграмма только подлила масло в огонь[8]. Я, ради спасения дела, шел на все уступки, вплоть до согласия отказаться от всех должностей и постов и остаться рядовым членом коллегии. Но даже и в этой скромной роли я оказался неприемлем. Я предложил изъять меня из дела полностью и тем дать возможность работать хотя бы коллегии. Но она на это не согласилась и подала в отставку. Итак, Ваша и моя шестилетняя работа пошла насмарку. И ради чего? Конечно, все это не веселит, а если к этому прибавить те унижения, с какими вся эта история связана, неизбежные в таких случаях примеры подлости и предательства, то Вы поймете мое теперешнее настроение. Планов на будущее никаких пока, заработков тоже.

Посланная Вам Ольденбургом телеграмма, к которой я, кстати сказать, не имел никакого отношения, была понята И<оновым> как моя интрига, имеющая целью поссорить его с Вами, при этом он цитировал какие-то весьма хвалебные слова, будто бы из Вашего письма к нему[9] и уверял, что он разоблачит перед Вами всю злокозненность моего поведения...

Получили ли Вы № 4 «Современника»? Пока неизвестно, выйдет ли № 5[10], но если удастся его протащить, там напечатаем «Голубую жизнь». Боюсь только, что Берлин нас опередит[11]. Если таковая опасность существует, пришлите нам еще что-нибудь. № 5 выйдет в начале марта, но материал необходим немедленно. Мы были бы очень Вам благодарны, если бы Вы во всяком случае выслали нам теперь же Ваш рассказ. Гонорар за «Толстую»[12] передам Жене[13] и 5 черв<онцев> Ходасевич[14]! Ведь так?

По Вашему совету ввели в журнал научный отдел. В новом году, если будем живы, произведем некоторые реформы. Журнал будет выходить чаще (1½ мес<яца>), стоить дешевле, будем в нем печатать переводную беллетристику (своей хорошей — нет) и поставим прочно научный отдел и хронику при помощи проф. Шмидта.

Нет ли у Вас романа? Нет ли чужих хороших рукописей? Нет ли на примете хороших заграничных корреспондентов?

Теперь после закрытия «Востока» и «Сов<ременного> Запада»[15] (журналы тоже погибли) «Совр<еменник>» — предполагает уделить большое внимание Западу.

Буду очень благодарен за скорый ответ. Жму руку.

А.Т.

14/I 25.

По некоторым соображениям статью Розенталя — не посылаю.

18. А.Н. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

19 июня 1925, Ленинград

Дорогой Алексей Максимович!

Я очень рад, что могу наконец написать Вам несколько строк и поблагодарить Вас за участие и помощь, какую Вы оказали мне в моей «несчастной» судьбе[1].

Болезнь моя была вызвана совершенно нелепыми, фантастическими причинами, но протекала в очень тяжелых условиях, даже с угрозой для жизни, — но теперь все кончилось благополучно[2]. Вначале доктора мои запретили мне жить в столицах, но после вторичного консилиума разрешили и это, хотя все же климат Ленинграда, по-видимому, будет мне вреден и во избежание всяких рецидивов — я решил поселиться в Москве.

Четырехмесячная болезнь подорвала мое здоровье и первое, что мне надо — это отдохнуть и полечиться. Буду проситься за границу и, если разрешат, может быть, Вы позволите мне пожить немного у Вас, в Сорренто, — очень хочется Вас повидать и о многом поговорить.

Если это не удастся — поеду ненадолго в Крым. Что буду делать дальше, пока не знаю. Все мои затеи и «Вавилонские башни»[3], которые я громоздил, рухнули за это время — и «Всем<ирная> лит<ература>»[4], и «Современник», и «Круг»[5] — и я теперь только глотаю пыль от этих почтенных развалин. Надо ли и можно ли еще что-нибудь строить — не знаю, очень уж почва плохая, да и материалы — неважные. Ну, да это увидим. Пока же — хочу горячего солнца и моря — погреться немного и отмыть грязь «мира сего».

Сообщите, будете ли Вы это лето в Сорренто, чтобы мне не проехаться зря, и хотите ли меня видеть[6].

Крепко жму Вашу руку.

А.Т.

Пишите мне пока по адресу: Ленинград, улица Жуковского, д. 59, кв. 29. Василию Михайловичу Зубкову[7].

19/VI 25.

19. А.Н.ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

27 июля 1925, Москва

Дорогой Алексей Максимович! Я очень тронут Вашим предложением — приехать к Вам, в Сорренто и Вашими обо мне заботами[1], но, к сожалению, прелести Сорренто мне недоступны. Екатерина Павловна[2] прилагает все усилия, чтобы мне помочь — но результаты пока неопределенные. Придется, по-видимому, несколько месяцев выждать. С горя, я на днях уезжаю в Крым, мне необходимо немного отдохнуть и полечиться. С сентября я хочу заняться из-вом «Круг», куда меня пригласил Воронский[3], дело это, конечно, маленькое, но пока ничего другого не предвидится.

С осени возобновляю «Рус<ский> современник». В этом году выйдут две книги, в виде альманахов, а затем, если все будет благополучно, с Нового Года опять перейдем на периодическое, подписное издание. Надеюсь, Вы не откажете помочь нам в этой затее. Состав редакции и сотрудников — прежний. Очень бы хотелось получить от Вас хотя бы небольшой рассказ — это необходимо по многим причинам. У нас имеется Ваша «Голубая жизнь», но рассказ этот будет, вероятно, напечатан до осени в берлинском издании Ваших сочинений. Нельзя ли это как-нибудь выяснить! Если мы еще не опоздали, то, разумеется, напечатаем «Голубую жизнь» (рассказ уже набран)[4], если Берлин — опередит, то, быть может, следует передать рассказ в «Круг» или «Красную новь», чтобы он зря у нас не пролежал. А Вы пришлете другую вещь. Нет ли у Вас охоты написать статью, о современной литературе и новых ее ра-

ботниках («пролетарские» писатели, напостовцы, попутчики и пр.)[5]. Тема очень нужная, запутана разными дураками до неузнаваемости, и надо, настоятельно надо, чтобы кто-то властной рукой поставил ее правильно и четко. Литература на распутье, много новых сил, а что надо делать — никто не знает. Жалко смотреть на молодежь — тычутся как кутята и сосут не там, где надо. Напишите!

На днях к Вам, вероятно, придет бывший издатель «Рус. современника» Н.О. Магарам[6]. Поговорите с ним. Человек он — смешной и даже немного карикатурный, но чрезвычайно добрый и хороший. А главное, питает бескорыстную страсть к литературе, доказательством чего служит его «жест» с «Рус. современником», который чрезвычайно дорого обошелся ему во всех отношениях, но тем не менее не охладил его пыла. Быть может, Вы вместе с ним придумаете что-нибудь интересное. Из жалости к нему я передал «Рус. совр.» другому издателю[7] — пусть и другие пострадают в пользу литературы.

Буду Вам очень благодарен, если напишете мне несколько строк — это меня обрадует. Живется мне неважно. Еще раз спасибо за доброе ко мне отношение и ласку.

Крепко жму руку.

А.Т.

Адрес мой: Москва, Арбат, Денежный пер., д. 4, кв. 10.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-76-1-17), впервые.

[1] Будберг Мария Игнатьевна (1892–1974), переводчица, близкий друг и секретарь Горького. В это время работала в Берлинском отделении издательства «Всемирная литература», организованном для печатания и распространения книг этого издательства за границей. Подр. см.: А.М. Горький и М.И. Будберг: Переписка (1920–1936). — *Архив Г. 16.*

[2] Письма Будберг Тихонову не сохранились. Вероятно, они были изъяты вместе с другими документами во время ареста Тихонова в январе 1925 г.

[3] Издательство «Всемирная литература» было создано по инициативе Горького и возглавлено им в сентябре 1918 г. в Петрограде. Главной целью издательства был выпуск зарубежной переводной литературы. Подробнее о нем см.: *Никитин Е.Н.* Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 89. Ч. ½. М., 2008. С. 188–214; Сб. 90. Ч. ½. М., 2009. С. 158–173.

Советские власти, проводившие политику монополизации всех печатных средств и боровшиеся с частными, независимыми издательствами, с самого начала существо-

вания «Всемирной литературы» пытались подчинить ее Государственному издательству. Горькому приходилось тратить огромные усилия, чтобы отстоять независимое существование «Всемирной литературы». В письмах В.И. Ленину от 15 и 16 сентября 1920 г. писатель заявил о нежелании работать с руководством Госиздата, в ответ на проволочки Госиздата и Внешторга в решении вопросов финансирования «Всемирной литературы» он предъявил Ленину ультиматум о своем уходе из всех советских учреждений (См.: *Горький. Письма.* Т. 13. С. 118–119). Этот конфликт временно был преодолен решением специальной комиссии ЦК РКП(б) о выделении субсидий горьковским издательствам. Однако скептическое отношение к культурно-издательским планам писателя со стороны руководства Госиздата не изменилось. 13 декабря 1920 г. А.В. Луначарский, заслушав доклад заведующего Госиздатом о «Всемирной литературе», предложил Горькому объединить это издательство с Госиздатом. Горький ответил большим письмом, в котором опровергал доводы руководителей Госиздата и настаивал на необходимости сохранить «Всемирную литературу» как самостоятельное учреждение (Горький. *Письма.* Т. 13. С. 142–145). На протяжении всего следующего, 1921 г., Горькому снова и снова пришлось отстаивать независимость «Всемирной литературы», причем опять он обращался за помощью к Ленину (См. его письма Ленину от второй половины июля 1921 г.: *Горький. Письма.* Т. 13. С. 208–212).

Уже после отъезда Горького за границу, 11 января 1922 г. Правление Госиздата, ставшего акционерным обществом, приняло решение, по которому «Всемирная литература» становилась частным независимым издательством. Однако это решение в силе оставалось недолго. В течение 1922–1923 годов Тихонов, ставший после отъезда Горького во главе издательства, в письмах писателю постоянно жаловался на притеснения со стороны Госиздата. Положение «Всемирной литературы» особенно ухудшилось к осени 1923 г., когда Госиздат вновь предпринял серию попыток подчинить себе «Всемирную литературу». (См. об этом подробнее п. 4.) После очередного решения Госиздата от 21 декабря 1923 г. о превращении «Всемирной» в свой отдел, Тихонов перенес решение вопроса в Наркомпрос. В *АГ* хранится Записка редколлегии издательства «Всемирная литература» наркому просвещения А.В. Луначарскому от 4 января 1924 г., в которой содержится просьба о выделении «Всемирной» из Госиздата в качестве самостоятельного частного издательства (*АГ.* Фонд Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 504). В течение 1924 г. издательству «Всемирная литература» все же удавалось сохранять относительную независимость. В конце того же 1924 г. борьба Госиздата со «Всемирной» вступила в завершающую фазу. В результате распоряжения нового заведующего Госиздатом И.И. Ионова в январе 1925 г. «Всемирная литература» была окончательно закрыта (Подробнее об этом см. п. 17, примеч. 7).

[4] Около 15 ноября 1923 г. Горький перебрался из Фрейбурга в Берлин, откуда 26 ноября уехал в Чехословакию. Видимо, наст. письмо было переслано Горькому по его новому адресу.

[5] Речь идет о заседании редколлегии «Всемирной литературы», состоявшемся 1 ноября 1923 г. в связи с очередным предложением Госиздата о реорганизации изда-

тельства. По этому проекту «Всемирная литература» лишалась самостоятельности в финансовой и технической областях, сохраняя лишь редакционный аппарат. Коллегия (А.Л. Волынский, Н.О. Лернер, В.М. Алексеев, Е.И. Замятин, К.И. Чуковский и др.) поддержала мнение Тихонова о неприемлемости проекта и о желательности разрыва с Госиздатом и обретения полной самостоятельности. На этом заседании председатель редколлегии Волынский предложил «довести до сведения А.М. Горького о положении "Всемирной литературы" и просить у него поддержки», на что Тихонов ответил: «осведомить следует, но вряд ли его <Горького. — *Ред.*> воздействие будет иметь практическое последствие». Тем не менее 27 декабря 1923 г. Тихонов написал Горькому подробное письмо о положении издательства и попросил у него поддержки. (См. п. 4.) Коллегия постановила просить Тихонова «ехать в Москву и со всеми полномочиями продолжать переговоры» (*АГ.* Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 187а).

[6] Имеется в виду будущий журнал «Русский современник».

[7] Литературно-политический ежемесячный журнал «Летопись» был организован Горьким в годы Первой мировой войны и имел ярко выраженную антивоенную направленность. Журнал выходил с декабря 1915 до декабря 1917 г. Тихонов являлся издателем «Летописи» и соредактором Горького. Подр. см.: *Никитин Е.Н.* Журнал А.М. Горького «Летопись» // Библиография. 2011. № 4. С. 123–139; № 5. С. 127–139; 2012. № 1. С. 153–159.

[8] В это время Горький работал над книгами «Заметки из дневника. Воспоминания» и «Рассказы 1922–24 гг.» Многие из этих произведений печатались в берлинском журнале «Беседа».

2.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-76-1-18), впервые.

[1] См. п. 1, примеч. 3.

[2] Тихонову не удалось организовать новое издательство, поэтому журнал «Русский современник» издавался на базе «Всемирной литературы».

[3] Первоначальное название журнала «Новая жизнь» возникло по аналогии с издававшейся Горьким и Тихоновым в 1917–1918 годах газетой с тем же названием (См. примеч. 11).

[4] Магарам Николай Иосифович (? — 1926), издатель журнала «Русский современник».

[5] Речь идет об изданиях: Великая реформа. 19 февраля 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное изд. Т. 1–6. М.: Сытин, 1911; Отечественная война и русское общество. Юбилейное изд. 1812–1912. Т. 1–7. М.: Сытин, 1911–1912.

[6] Эфрос Абрам Маркович (1888–1954), искусствовед, переводчик, театральный критик.

[7] Ежемесячный литературно-художественный и научный журнал «Беседа» был создан и редактировался Горьким. Издателем журнала был С.Г.Каплун (Сумский). С июня 1923 по март 1925 г. вышло 6 книг (7 номеров) «Беседы». Хотя журнал печатался в Берлине, предназначался он прежде всего для читателей России. Однако советские власти не допустили «Беседу» в СССР. Подр. см.: *Максимова В.А.* Горький-редактор (1918–1936). М., 1965. С. 58–81; *Вайнберг И.* Жизнь и гибель берлинского журнала Горького «Беседа» // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 361–376.

[8] Издатели журнала «Беседа» действительно испытывали в это время большие материальные трудности из-за постоянно возраставшей дороговизны печатной продукции в Германии. Соредактор Горького по литературно-художественному отделу «Беседы» В.Ф.Ходасевич сообщал писателю 25 августа 1923 г.: «Из Берлина мрачные вести. Книги печатать становится дороже, чем во Франции. "Новая русская книга" и "Сполохи" официально прекращены. Гржебин, говорят, остановил набор уже начатых книг. Изд-во "Нева" — тоже. "Дни" вряд ли протянут долго. Боюсь, не вышло бы какой беды и с "Беседой", тем более что по новым ценам № стоит уже 10 миллионов, т.е. 2 доллара. Покупатели бастуют» (*АГ.* КГ-п-83-8-16). 28 сентября 1923 г. уже сам Горький писал по этому поводу редактору научного отдела «Беседы» Ф.А.Брауну: «Дороговизна печатания понудила было Каплуна перенести дело в Вену, но берлинск. типограф согласился работать по старой цене» (*Горький. Письма.* Т. 14. С. 250). В конце концов из-за материальных затруднений «Беседа» была закрыта.

[9] Горький не мог отдать в частное издательство Тихонова свои новые произведения, так как был связан определенными обязательствами с Торгпредством РСФСР в Германии и Госиздатом в России. За границей Горький оказался без необходимых материальных средств для жизни. Поэтому 19 июня 1922 г. он был вынужден заключить договор с Торговым представительством РСФСР в Германии о передаче этому учреждению права на издание всех своих сочинений на русском языке и выпуске их полного собрания с 1 октября 1922 г. по 1 июня 1927 г. в издательстве «Книга». За это Торгпредство выплачивало автору ежемесячно в счет будущего гонорара по 100 тысяч марок (*АГ.* БИО-11-50-2). 23 декабря того же года подобное же соглашение на издание своих произведений в России Горький заключил с Госиздатом. На сложные договорные условия публикации новых произведений писателя в России Тихонов жаловался Горькому в письме от 22 января 1924 г. (См. п. 4.)

[10] См. п. 1, примеч. 7.

[11] Газета «Новая жизнь» выходила в Петрограде с апреля 1917 г. по июль 1918 г. под редакцией Горького, при ближайшем участии Тихонова, Н.Н.Суханова, В.А.Базарова, В.А.Десницкого. Она являлась органом социал-демократов — интернационалистов. Главной целью газеты была борьба против империалистической войны, за объединение всех демократических сил, за сохранение социальных и политических завоеваний Февральской революции. Газета полемизировала с большевиками, взявшими курс на вооруженное восстание. После победы Октября «Новая жизнь» встала в оппозицию к советской власти, выступала против жестоких методов осуществления социальных

преобразований, насилия и террора большевиков, за свободу и права личности. Из номера в номер в газете публиковался знаменитый цикл публицистических статей Горького «Несвоевременные мысли». 16 июля 1918 г. «Новая жизнь» была закрыта комиссариатом по делам печати. Подробнее о газете и сотрудничестве в ней Горького см.: *Вайнберг И.* Горький знакомый и незнакомый // *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 6–11.

3.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-76-1-19), впервые.

[1] См. п. 2 и примеч.

4.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-76-1-20), впервые.

[1] См. п. 1, примеч. 3.

[2] Речь идет о журналах литературы, науки и искусства «Восток» и «Современный Запад», которые издавались на базе «Всемирной литературы». В редколлегию журнала «Восток» входили эксперты издательства по восточной литературе: В.М. Алексеев, Б.Я. Владимирцев, И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Тихонов. С 1922 по 1925 г. вышло пять номеров журнала. Редколлегию «Современного Запада» составляли Е.И. Замятин, А.Н. Тихонов, К.И. Чуковский, А.М. Эфрос. С 1922 по 1924 г. вышло шесть номеров журнала.

[3] Шмидт Отто Юльевич (1891–1956), математик, геофизик, в 1921–1924 годах заведовал Госиздатом РСФСР.

[4] Ионов (наст. фам. Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942), поэт и издательский работник. С 1918 г. заведовал Петроградским отделением Госиздата, в конце 1924 г. назначен временно исполняющим обязанности заведующего Госиздатом РСФСР. Переписку с ним Горького с 1918 по 1932 г. см.: *Архив Г. 10*. Кн. 1. С. 67–85.

[5] Закс-Гладнев (наст. фам. Закс) Самуил Маркович (1884–1937), издательский работник, журналист. С июня по октябрь 1920 г. возглавлял Госиздат, в 1921 г. работал в Берлинском отделении Госиздата.

[6] Вейс Давид Лазаревич (1877–1940), в 1920–1921 гг. был заместителем заведующего Госиздатом, затем исполняющим обязанности заведующего Госиздатом. О притеснениях издательства «Всемирная литература» со стороны возглавляемого Заксом и Вейсом Госиздата, о нежелании работать с ними Горький неоднократно писал в 1920–1921 гг. В.И. Ленину и А.В. Луначарскому (См.: *Горький. Письма*. Т. 13. С. 118–119, 142–145, 208–212).

[7] Вероятно, сведения о переписке Горького с Госиздатом и о его предполагаемом сотрудничестве с ним были ложными. Напротив, когда заведующий Госиздатом О.Ю. Шмидт вскоре попросил у Горького воспоминания о В.И. Ленине для публика-

ции в Госиздате, писатель ответил ему отказом. «Уважаемый Отто Юльевич, — писал он 7 февраля 1924 г., — воспоминания о В<ладимире> И<льиче> мною написаны, но уже обещаны другому издательству. Если б <...> рукопись была свободна, я тоже не дал бы ее Госиздату, ибо нахожу мое сотрудничество в нем неудобным для себя и для него» (*Горький. Письма.* Т. 14. С. 298). Видимо, Горький написал о своих сложных отношениях с руководством Госиздата в недошедшем до нас ответном письме Тихонову, и тот в своих следующих письмах этот вопрос больше не поднимал.

[8] Заявление или письмо Горького этого времени в адрес руководства Госиздата в защиту «Всемирной литературы» разыскать не удалось.

5.

Печатается по тексту телеграммы на бланке (рукописная латинскими буквами) (*АГ.* КГ-п-76-1-22), впервые.

Датируется по телеграфной отметке об отправлении.

[1] Воспоминания Горького под заголовком «Владимир Ленин» были опубликованы в первой книге журнала «Русский современник» (См. пп. 6–14 и примеч.).

[2] См. п. 6.

6.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-76-1-21), впервые.

[1] Письмо Горького не разыскано.

[2] Роман Е.И. Замятина «Мы» (1920) был запрещен советской цензурой, поэтому в журнале «Русский современник» не печатался. Впервые был опубликован в 1924 г. в переводе на английский язык. На русском языке впервые напечатан в отрывках в эмигрантском пражском журнале «Воля России» в 1927 г. Рассказ, о котором упоминает Тихонов в письме — «Рассказ о самом главном», опубликован в первой книге «Русского современника». Горький критически отнесся к этому произведению. «Рассказ, написанный по Эйнштейну, как, например, у Замятина, — писал он в 1925 г., — это уже не искусство, а попытки иллюстрировать некую философскую теорию — или гипотезу...» (*ЛН. Т. 70.* С. 388). О сложных литературно-творческих отношениях Горького с Замятиным в 1920-е годы см.: *Примочкина Н.Н.* М. Горький и Е. Замятин (к истории литературных взаимоотношений) // Русская литература. 1987. № 4. С. 148–160.

[3] Рассказ, о котором упоминает Тихонов, был послан Б. Пильняком для «Русского современника» своему близкому другу Е.И. Замятину 3 января 1924 г. В письме от того же числа Пильняк сообщал: «Прости, что не пишу и что отвечаю на твое письмо не сразу, — решил ответить уж прямо с приложением рассказа, и сидел над ним <...>. Рассказ шлю тебе, потому что не знаю адреса Ал. Ник-ча, — поклон ему. Рассказ прочти и критику наведи <...>. Тихонову скажи, что жду от него условленного <гонора-

ра. — *Н.П.*> в червонцах. Не надо ли вам для журнала статьи "по душам" о литературе и прочем? <...>. Когда выйдет ваш журнал? Как зовется? Когда напечатаете рассказ мой?» (*Андроникашвили-Пильняк Б.* Два изгоя, два мученика: Б. Пильняк и Е. Замятин // Знамя. 1994. № 9. С. 135, 136). Вероятно, второй из напечатанных в первом номере «Русского современника» рассказов Пильняка был им послан в редакцию позже. Возможно, именно о нем писатель упоминал в письме Замятину от 24 февраля 1924 г.: «...Написал два с половиной листа романа и полтора рассказа, один закончил совсем» (Там же. С. 137). В первом номере журнала «Русский современник» были напечатаны «Два рассказа» Пильняка: «Рассказ первый» (об одной из революционных октябрьских ночей 1917 г. в Москве) и «Рассказ второй» (об охоте на волков в глухих лесах дальнего Подмосковья). Вероятно, первым был послан Замятину рассказ о волках, он датирован автором 2-м января 1924 г.

Особый интерес представляет история повести «Дневники Жана Сухова». По свидетельству самого Пильняка, «Дневники» были куплены им у коломенского мещанина Ивана Ухова в 1915 г. Они относятся к 1913 г. и представляют собой записи типичного малограмотного провинциала, образец пошлости и претенциозности. В начале 1924 г. Пильняк попытался издать «Дневники» с помощью Замятина в Ленинграде, в журнале «Русский современник» и отдельной книгой с рисунками Ю.П. Анненкова. 24 февраля он спрашивал Замятина в письме: «...как обстоят дела с Жаном Суховым, куда он определился, как столковались с Юрием <Анненковым. — *Н.П.*>? И — будет ли он напечатан в вашем журнале? — мне это надо знать, потому что у меня просят этот рассказ в несколько мест, хорошо платят, а денег у меня постоянно не хватает и я люблю их получать. Напиши!» (Знамя. 1994. № 9. С. 137). Вероятно, редакция вынуждена была отказаться от повести из-за драконовских условий цензуры, о чем было сообщено Пильняку. Найдя издателя «Дневников» в Москве, он писал 5 апреля 1924 г. Замятину: «...перешли мне <...> рукопись Жана Сухого, я ее здесь загнал, надо сдавать в набор» (Там же. С. 139). По свидетельству художника Ю.П. Анненкова, 22 иллюстрации для книги сделала его жена: «Рисунки же исполнены моей женой, которая до того никогда в жизни не рисовала. Я рассказывал ей, как и что надо изобразить, и она, смеясь, рисовала это с ребяческим неуменьем. Этого обстоятельства не знал даже сам Пильняк. Я скрыл от него» (*Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., <б.г.>. С. 288). Но ни в Москве, ни в Ленинграде повесть издать не удалось: она была запрещена Главлитом. Текст книги утрачен. Сохранилось только совместное предисловие Анненкова и Пильняка к этой книге, датированное 9-м января 1924 г., и внутренняя рецензия на нее. Автор этой рецензии охарактеризовал книгу как «учебник <...> пошлости».

До сих пор не разрешен вопрос об авторстве дневников. По версии Анненкова, «суховский дневник ни в коем случае не был выдумкой Пильняка: он показывал мне оригинал с неподражаемым почерком и "старой" орфографией. Желая издать его, Пильняк поступал, как "искатель правды", а не как писатель <...>. Но книга должна была появиться под именем Пильняка, так как под именем Сухого никто не соглашался ее издать <...> Пильняк сделал единственную в своем роде попытку опубликовать про-

стой "человеческий" документ затерянного провинциала <...> образчик человеческой пошлятины, не имевшей примеров в литературе. О таких провинциальных пошляках написаны многие томы, но их собственные рукописи никогда не публиковались» (Там же. С. 291, 289). Но внучка Пильняка, исследовательница его творчества, К.Б. Андроникашвили-Пильняк, сличая тексты сохранившихся отрывков дневника, обнаружила почти дословные совпадения отдельных мест с ранним рассказом Пильняка «Моя жизнь» (1912). Следовательно, хотя бы какие-то части дневника Сухова были, вероятно, сочинены самим Пильняком. Позже писатель включил «Дневники» в свой последний роман «Соляной амбар» (1937) как дневники одного из героев, провинциального чиновника Ипполита Разбойщина. (Подробнее см.: *Андроникашвили-Пильняк К.Б.* Из творческой истории романа Б. Пильняка «Соляной амбар» // Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения. М., 1995.)

[4] Имеется в виду рассказ И. Бабеля «Иваны», напечатанный с подзаголовком «Из книги "Конармия"» в первой книге «Русского современника».

[5] Речь идет о большой статье К.И. Чуковского «Портреты современных писателей (А. Толстой)», опубликованной в первой книге журнала «Русский современник». В этой статье критик пытался доказать, что А. Толстой сотворил свой особый художественный мир, населенный обаятельными, пышущими здоровьем глупцами, «создал у себя на страницах Чудесную Страну Легкомыслия», «поэтический Детский Сад», что он опоэтизировал чепуху и нелепицу, что все его произведения — антиидеологичны и что «ядреный бык, бегущий за белою телкою, для Алексея Толстого дороже всех Кантов и Гегелей» (Русский современник. 1924. № 1. С. 264–265, 259, 263). Судя по названию статьи, Чуковский хотел ею открыть целую серию литературных очерков о современных писателях. Однако статья, вероятно, редакцию не удовлетворила, и больше его статьи подобного рода в «Русском современнике» не появлялись. 5 мая 1924 г. Чуковский записал в дневнике свои впечатления об отношении других членов редакции к этой работе: «Моя статья об Ал. Толстом провалилась. Ни Тих<онов>, ни Зам<ятин> не просят меня написать вторую такую же. Очевидно, она и вправду плоха» (*Чуковский*. Т. 12. С. 138). Интересна реакция самого героя очерка А. Толстого. 22 июня 1924 г. Чуковский записал в дневнике: «Мы встретились в "Современнике" на Моховой. Сегодня понедельник, приемный день. Много народу. Толстой, толстый, в толстовке парусиновой и ему не идущей, растерянно стоит в редакции <...>. Толстой подошел ко мне: "Итак, по-вашему, я идиот?" (по поводу моей статейки о нем в "Современнике"). Я что-то промямлил — и мы опять заговорили как приятели» (Там же. С. 144).

[6] Статья В. Шкловского «О законах кино» опубликована в первой книге «Русского современника».

[7] Во 2–4-й книгах журнала были напечатаны первая, вторая и третья части повести А.Н. Толстого «Ибикус». Продолжение романа «Хождение по мукам» в «Русском современнике» не печаталось.

[8] Речь идет о рассказе Б. Пастернака «Воздушные пути», напечатанном во 2-й книге «Русского современника». По версии Е.Б. Пастернака, «...повесть по рекомен-

дации Горького готовилась к печати в журнале "Русский современник"» (См.: «Постскриптум» Евг. Пастернака к публикации Д.Е. Мальмстада «Единство противоположностей. История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака» // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 59). Однако, как следует из настоящего письма, рукопись «Воздушных путей» была передана Б. Пастернаком в «Русский современник» еще в январе 1924 г., без участия Горького. Рассказ вышел в свет в начале августа 1924 г., но анонсирован был уже в первой книге журнала. Горький же получил рукопись «Воздушных путей» от Пастернака для публикации в берлинском журнале «Беседа» только в конце апреля 1924 г. (См.: *Горький. Письма.* Т. 14. С. 328). Сначала он собирался поместить рассказ в 6-й книге «Беседы», но, вероятно, в связи с появлением его в «Русском современнике», отказался от печатания. По свидетельству Е.Б. Пастернака, «"Воздушные пути" вышли в "Русском современнике" в сокращенном на треть виде. Рукопись не сохранилась. Полный текст не известен» (Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 59).

[9] Повесть Л. Леонова «Записи некоторых эпизодов, сделанные в г. Гогулеве А.П. Ковякиным» печаталась в первой и второй книгах «Русского современника».

[10] Произведения М. Зощенко в журнале «Русский современник» не выходили.

[11] Крептюков Даниил Александрович (1888–1957), писатель. Выходец из крестьянской семьи. После Октябрьской революции работал губернским комиссаром по просвещению и членом Мурманского Губкома. В литературу вошел в 1914 г. как автор сборника стихов «Лесные музы». В 1920-е годы написал ряд рассказов и очерков, повесть «Мамзер» (1928), романы «Времена» (1928) и «Пух-перо» (1929). В «Русском современнике» не печатался.

[12] Стихотворения А. Ахматовой «...И праведник шел за посланником Бога...» и «И месяц, скучая в облачной мгле...» вышли в первой книге журнала.

[13] Четыре стихотворения Ф. Сологуба («Не слышу слов, но мне понятна...», «Я сам закон игры уставил...», «Безумствует жестокий рок...» и «Ходит трепало...») напечатаны в первой книге «Русского современника».

[14] Во второй книге журнала были опубликованы два стихотворения С. Есенина из цикла «Любовь хулигана», в третьей книге — стихотворения «Этой грусти теперь не рассыпать...» и «Низкий дом с расписными ставнями...»

[15] Стихи В. Казина и С. Третьякова в «Русском современнике» не печатались.

[16] Ладыжников Иван Павлович (1874–1945), участник революционного движения, друг и помощник Горького по литературно-издательской деятельности. С 1921 г. работал в Берлине в книгоиздательском и торговом обществе «Книга», развернувшем широкое издание произведений Горького.

[17] О каком рассказе идет речь, установить не удалось.

[18] В первой книге «Русского современника» под общим заголовком «Из воспоминаний» были перепечатаны следующие произведения Горького из первого и второго номеров журнала «Беседа»: «Испытатели», «Смешное», «Садовник», «Законник», «А.А. Блок».

[19] Рассказ Горького «Анекдот» опубликован в третьей книге журнала «Русский современник». В переводе на английский язык вышел в США в 1925 г.

[20] В первой книге «Русского современника» опубликовано письмо Л.Н. Толстого немецкому шекспироведу Е. Райхелю (с предисловием и примечаниями С. Брейтбурга), а также следующие материалы, связанные с Ф.М. Достоевским: Ф. Достоевский. Письма (7 писем М.М. Достоевскому, В.М. Карепиной, Н.А. Некрасову, С.Д. Яновскому, с предисловием и примечаниями Н.Л. Бродского); Ф. Достоевский. Из записной книги (с предисловием и пояснениями Н.Л. Бродского); Н. Страхов. Письма (5 писем Ф. Достоевскому с предисловием и примечаниями К. Ч<уковского>); А.Н. Майков. Письмо к Ф.М. Достоевскому (с предисловием и примечаниями К. Ч<уковского>).

[21] В первой книге журнала была напечатана пьеса Л.Н. Андреева «Конь в сенате (Водевиль в 1-м действии)», в четвертой книге — 28 писем Андреева родным.

[22] Во второй книге «Русского современника» вышла статья В.Ф. Ходасевича о Пушкине «Амур и Гименей». Статья Ходасевича о пушкинской «Русалке» в журнале не печаталась. Официальной причиной отказа редакции журнала от статьи было значительное превышение ее объема по сравнению с тем, что мог позволить себе журнал. 13 мая 1924 г. Ходасевич писал в связи с этим Горькому: «Подвел меня Тихонов, с участием Вас и Марии Игнатьевны. Я же Вам говорил, что в статье о "Русалке" 2½ листа. А Тихонов заявляет, что он соглашается печатать не более ½ листа. Что же Вы мне этого не сказали? Тихонов вернул статью Анне Ивановне, моей бывшей жене. Я не гонюсь за печатанием в "Русском современнике". Но теперь Анна Ивановна сидит без денег, я тоже» (*Горький. Письма*. Т. 14. С. 710). В письме Ходасевичу, написанном между 18 и 20 мая, Горький оправдывался и указывал на возможную причину отказа редакции «Русского современника» от статьи: «В недоразумении с Тихоновым моей вины нет, Владислав Фелицианович, ибо я ему писал о статье размером в 1½ — 2 листа, как Вы мне и сказали. М<ария> И<гнатьевна> <Будберг. — *Н.П.*> имеет письмо Т<ихонов>а, в коем он, соглашаясь взять статью, размер ее не ограничивает. Я полагаю, что он отказался печатать о "Русалке" потому, что после "комментарий" В.В. Вересаева тема утратила интерес новизны» (*Горький. Письма*. Т. 14. С. 340). Однако сам Ходасевич объяснял причину отказа от его статьи осторожностью Тихонова, не желавшего осложнений с властями. В конце мая поэт писал Горькому: «Я думаю, что Тихонов вернул рукопись "Русалки" просто потому, что изобрел предлог от меня отделаться. Я там на плохом счету, он не звал меня в журнал и благоразумно не ответил мне на 3 письма. Целый месяц с лишним держал он рукопись. Не замечал, что в ней 2½ листа, а не ½. Ну, Бог с ним» (*АГ*. КГ-п-83-8-25). Статья о «Русалке» вошла главой в книгу Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924) и в более полном объеме была опубликована в парижском журнале «Современные записки» (1924. Кн. 20).

[23] В четвертой книге журнала опубликованы стихотворения Ходасевича «An Mariechen» и «Окна во двор». Стихотворение «An Mariechen» было написано 21–22 июля 1923 г. и послано в письме Горькому от 25 июля. Впервые опубликовано в

журнале «Беседа». 1923. № 3. «Окна во двор» были напечатаны в Париже, в журнале «Современные записки» (1924. № 10).

[24] Речь идет о фантастической повести В. Каверина «Большая игра» (1923). Вероятно, в недошедшем до нас письме Горький спрашивал Тихонова, знаком ли он с этим произведением молодого автора и нельзя ли его напечатать в «Русском современнике». Первоначальное название повести «Шулер Дье». 12 ноября 1923 г. Каверин писал Горькому: «Летом я был занят работой над новым рассказом "Шулер Дье" (этот Дье — dieu <по-французски — Бог. — *Н.П.*>). Когда я его выработаю окончательно, то непременно пошлю Вам (если можно) и буду просить отзыва о нем» (*ЛН. Т. 70.* С. 176). В следующем письме Горькому от 20 декабря Каверин вновь упоминал этот рассказ: «Я непременно пришлю <...> Вам <...> "Шулера", когда он будет готов» (Там же. С. 181).

Главный герой повести — агент английской разведки Стивен Вуд, карточный игрок и шулер, вообразивший себя создателем вселенной и желавший навести в мире «порядок» по системе страшной регенсдорфской тюрьмы. Подобный сюжет не мог не заинтересовать Горького, мучительно размышлявшего в эти годы о непрочности и несправедливости современного мироустройства во многих художественных произведениях и письмах. Например, он писал в октябре 1924 г. М. Осоргину: «Это очень соблазнительная и человечески дерзкая задача: взять нашу русскую трагедию как частицу непрерывного вселенского террора, как одну из недоступных пониманию нашему и столь мучительных для нас шуточек некоего таинственного Химика, — а вернее, Алхимика — которого, пожалуй, можно окрестить именем Вселенского Инквизитора» (М. Горький и М.А. Осоргин. Переписка / Публ. И.А. Бочаровой // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 436).

Повесть Каверина «Большая игра» впервые была напечатана в книге «Литературная мысль. Альманах 3» (Л., 1925).

[25] См. п. 5.

[26] Переводная литература в журнале не печаталась.

[27] См. п. 1, примеч. 3.

[28] Пешкова Екатерина Павловна (1876–1965), жена Горького, общественная деятельница. В 1920-е годы работала в Политическом Красном кресте и других организациях.

7.

Печатается по тексту телеграммы на бланке (рукописная латинскими буквами) (*АГ.* КГ-п-76-1-23), впервые.

Датируется по телеграфной отметке об отправлении.

[1] Телеграмма Горького, в которой выражалось согласие написать воспоминания о В.И. Ленине и отдать их для публикации в «Русский современник», не разыскана.

[2] Горький не согласился с просьбой Тихонова оставить за ним право печатать очерк о Ленине на иностранных языках за границей. Писатель придавал публикации этого произведения за рубежом большое политическое значение и, в частности, хотел как можно скорее ответить на злобное ликование значительной части русской эмиграции по поводу смерти вождя. В середине февраля 1924 г. текст воспоминаний был передан немецким, французским, английским и американским издателям. 12 февраля М.И. Будберг писала Горькому из Берлина: «Статья переписана на машинке, теперь, значит, надо отправить в Париж и Тихонову. "New York Herald" уже взял, прямо набросился, также и "Berliner Tageblatt"» (*Архив Г. 16.* С. 82). Очерк о Ленине публиковался во многих зарубежных газетах, например: «Daily Herald» (17, 19, 21, 22 и 24 апреля), «L'Humanité» (6 апреля, 18 мая), «La Revue Européenne» (№ 14, 1 апреля, № 15, 1 мая). Подробнее см.: *Горький. Сочинения.* Т. 20. С. 528–530.

[3] См. п. 8, примеч. 3.

[4] См. п. 8.

8.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-76-1-24), впервые.

[1] Речь идет о недошедшем до нас обещании Горького отдать воспоминания о В.И. Ленине журналу «Русский современник».

[2] См. п. 7.

[3] В это время Тихонов вел переговоры с представителями немецко-австрийского издательства «Манц» Р.Ф. Миллером и Д.А. Уманским о печатании журнала «Русский современник» за границей на четырех языках: русском, немецком, английском и французском. 10 марта 1924 г. между Тихоновым, с одной стороны, и Миллером, с другой, был заключен договор, в котором подробно оговаривались условия будущего совместного предприятия. В апреле Уманский собирался в связи с этим делом встретиться в Мариенбаде с Горьким, но писатель в это время уехал в Италию, и встреча не состоялась. Проект не был осуществлен по вине немецкой стороны. См. об этом подробнее во вступ. статье.

[4] См. п. 7, примеч. 2.

[5] См. п. 6, примеч. 2.

[6] Вероятно, имеется в виду статья В.Б. Шкловского «Новый Горький», в которой утверждалось, что произведения Горького первой половины 1920-х годов — это новый, особый этап в его творчестве, характеризующийся существенным обновлением художественной формы, жанров, приемов письма и т.д. Статья была опубликована в журнале «Россия» (1924. № 2).

[7] Тихонов оказался первым, кто сразу же после смерти Ленина, 22 января 1924 г. попросил Горького написать о нем воспоминания. 24 января к Горькому с аналогичной просьбой обратился заведующий Госиздатом, профессор О.Ю. Шмидт: «Государственное издательство обращается к Вам, глубокоуважаемый Алексей Максимович, с

просьбой написать в возможно скором времени воспоминания или очерк о Владимире Ильиче <...>. Особенно желателен был бы большой очерк, включающий имеющиеся у Вас подлинные материалы. Этот очерк будет нами издан в самом спешном порядке отдельной книгой» (*Горький. Сочинения.* Т. 20. С. 528). 7 февраля 1924 г. Горький отвечал Шмидту: «...воспоминания о В.И. мною написаны, но уже обещаны другому издательству» (*Горький. Письма.* Т. 14. С. 298). Однако М.И. Будберг 12 февраля сообщила Горькому, что его договорные отношения с Госиздатом требуют, чтобы очерк был передан, кроме «Русского современника», и Госиздату (*Архив Г. 16.* С. 82). 11 апреля 1924 г. в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 84), вероятно, с согласия редакции журнала, были напечатаны отрывки из воспоминаний под редакционным заглавием «Горький о Ленине», и только после публикации очерка в «Русском современнике» он вышел отдельными изданиями в Москве и Ленинграде.

[8] См. п. 6, примеч. 20.

[9] Вероятно, имеется в виду публикация отдельных записей из дневника А.А. Блока (с 5 января по 31 мая 1918 г.), характеризующих его отношение к революции: Блок А. Из дневника 1918 г. // Звезда. 1924. № 2. Отдельным изданием «Дневник Ал. Блока» вышел в издательстве писателей в Ленинграде в 1928 г. (Т. 1: 1911–1913 годы. Т. 2: 1917–1921 годы).

[10] За границу Тихонов в 1924 г. не выезжал.

9.

Печатается по тексту телеграммы на бланке (рукописная латинскими буквами) (*АГ.* КГ-п-76-1-25).

Датируется по телеграфной отметке об отправлении.

[1] Речь идет об очерке Горького «Владимир Ленин».

10.

Печатается по тексту телеграммы на бланке (рукописная латинскими буквами) (*АГ.* КГ-п-76-1-26).

Датируется по телеграфной отметке об отправлении.

[1] Подробнее о сокращениях текста очерка Горького «Владимир Ленин» см. во вступ. статье.

11.

Печатается по тексту телеграммы на бланке (рукописная латинскими буквами) (*АГ.* КГ-п-76-1-27).

Датируется по телеграфной отметке об отправлении.

[1] Письмо не сохранилось. См. п. 10, примеч. 1.

12.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-76-1-28), впервые.

[1] Письмо М.И. Будберг не сохранилось.

[2] Текст договора см. во вступ. статье.

[3] Как видно из писем Тихонова, будущие издатели журнала «Русский современник» за рубежом особые надежды возлагали именно на Горького, с публикацией прежде всего его произведений связывали успех своего предприятия. Однако Горький, находясь за границей в стесненных материальных условиях, завися от гонораров зарубежных издательств, не мог согласиться с просьбой Тихонова отдать издательству «Манц» исключительное право на публикацию своих произведений, напечатанных в «Русском современнике» в России, и для зарубежного издания этого журнала. Вероятно, получив от Горького отрицательный ответ, Тихонов был вынужден в первой книге журнала поместить следующее объявление: «Право перевода и печатания на иностранных языках, равно как и право издания на русском языке за границей, всех произведений, напечатанных в настоящей книге журнала "Русский современник", за исключением произведений М. Горького, Л.Н. Толстого и материалов из отдела "библиографии", принадлежит исключительно издательству Манц в Вене».

[4] Встреча Горького с представителями издательства «Манц» Р.Ф. Миллером и Д.А. Уманским не состоялась.

13.

Печатается по тексту телеграммы на бланке (рукописная латинскими буквами) (*АГ*. КГ-п-76-1-29), впервые.

Датируется по телеграфной отметке об отправлении.

[1] См. п. 7, примеч. 2.

[2] Первая книга журнала «Русский современник» вышла 10 мая 1924 г.

[3] Литературный вечер, посвященный выходу нового журнала «Русский современник», состоялся 17 апреля 1924 г. в Москве. (См.: *Чуковский*. Т. 12. С. 136–137).

14.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-76-1-30), впервые.

[1] См. п. 10, примеч. 1.

[2] В 1924 г. воспоминания Горького о Ленине печатались в России по тексту журнала «Русский современник», однако зарубежные переводы очерка публиковались с рукописи Горького, поэтому разница текстов, напечатанных в России и за рубежом, стала неизбежной. На русском языке полный текст первой редакции очерка впервые был опубликован под заглавием «В.И. Ленин» в 1927 г., в Берлине, в книге «Воспоминания. Рассказы. Заметки» и в 19-м томе собрания сочинений писателя (и то, и другое — в издательстве «Kniga»).

[3] Пасха праздновалась в 1924 г. 20 апреля, журнал вышел 10 мая.

[4] См. п. 8, примеч. 4.

[5] См. п. 13, примеч. 3.

[6] См. п. 12, примеч. 2.

15.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-76-1-31), впервые.

[1] В первой книге «Русского современника» редакция заявляла, что следующий номер журнала выйдет «в середине июня» 1924 г. На самом деле вторая книга вышла в начале августа.

[2] В ответ на эту просьбу Горький, вероятно, распорядился выслать для 4-й книги «Русского современника» рассказ «Голубая жизнь», но он по каким-то причинам не дошел вовремя до адресата. В письме П.П. Крючкову от 17 ноября 1924 г. Горький писал: «Тихонов не отвечает на письмо, и я не знаю, когда выйдет "Рус. современник" и будет ли в нем напечатана "Голубая жизнь"». Эта фраза сопровождалась припиской М.И. Будберг: «Но это оттого, что Т<ихонов> ее не получил!» (*Горький. Письма*. Т. 15. С. 82). В результате в 4-й книге журнала была напечатана не «Голубая жизнь», а очерк «О С.А. Толстой».

[3] Об откликах партийных властей и прессы на выход журнала «Русский современник» см. подробнее во вступ. статье.

[4] Об откликах на публикацию очерка Горького «Владимир Ленин» см. там же.

[5] Горький и Тихонов познакомились с И.Э. Бабелем еще до революции, в 1916 г. в Петрограде. В ноябрьской книжке журнала «Летопись» за 1916 г. они напечатали первые рассказы Бабеля: «Мама, Римма и Алла» и «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна». Позже Бабель признавался: «...в моей жизни не было часов важнее тех, которые я провел в редакции "Летописи". Горький позвал меня в кабинет. Слова, сказанные им там, решили мою судьбу» (*Бабель И.* Начало // Год XXI. Кн. 13. М., 1938. С. 79). Вскоре, убедившись в своей писательской неопытности, Бабель по совету Горького на несколько лет прервал занятия литературой. После демобилизации из Красной армии он предпринял новую попытку стать писателем. Начиная с 1923 г. в печати стали появляться его первые произведения из циклов «Конармия» и «Одесские рассказы». О большом литературном успехе Бабеля 16 июля 1924 г. сообщал Горькому и К.А. Федин: «В Москве шумит последнее время Бабель. Этот человек пробыл долгое время в

коннице, а вернувшись, высыпал целый сундук рукописей и затопил ими московские редакции. От него все в восторге» (*ЛН. Т. 70.* С. 475). В 1925 г. Бабель посвятил Горькому рассказ «История моей голубятни». Горький был согласен с высокой оценкой дарования писателя, данной Тихоновым в наст. письме. В 1925 г. он писал о Бабеле А.К. Воронскому: «Растет этот человек и все лучше пишет» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 20–21). Подр. об отношениях Горького и Бабеля см.: *Ларионова Н.Г.* М. Горький и И. Бабель // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 4. С. 46–51.

[6] Речь идет о повести Л. Леонова «Записи некоторых эпизодов, сделанных в г. Гогулеве А.П. Ковякиным», напечатанной в первой и второй книгах «Русского современника». Горького явно заинтересовал этот новый молодой писатель. 6 июля 1924 г. он писал М.Ф. Андреевой: «Но вот уже "восходит на горизонте литературы русской новая звезда", — как любят писать критики, — это Леонов. Прочитай его рассказ в "Русском современнике" и в "Кр<асной> нови" — "Конец мелкого человека", — очень хорошо!» (Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1961. С. 361). В тот же день Горький в письме спрашивал К. Федина: «...кто такой Леонов, нет ли новых "начинающих" и т.д.?» (*ЛН. Т. 70.* С. 473). В ответном письме Федин указывал на источник произведения Леонова: «Повесть, которая печатается в "Русск<ом> совр<еменнике>" — стилизация малоизвестной книжечки "Автобиография и стихотворения купца-самоучки М.А. Поликарпова". Я сравнивал "Записи Ковякина" с этой книжечкой. Поликарпов, конечно, разительнее» (Там же. С. 475). Чуть позже Горький более сдержанно отзывался о новой повести Леонова, указывая на то, что она написана в традициях русской предреволюционной литературы на «уездную» тему: «Ковякин — это все еще "Уездное" и "Городок Окуров" ...» (Там же. С. 477).

[7] Пьеса А. Толстого «Бунт машин» была напечатана в № 2 журнала «Звезда» за 1924 г. В авторском предисловии говорилось: «Написанию этой пьесы предшествовало мое знакомство с пьесой "ВУР" чешского писателя К. Чапека. Я взял у него тему. В свою очередь тема "ВУР" заимствована с английского и французского. Мое решение взять чужую тему было подкреплено примером великих драматургов. А.Т.» (Звезда. 1924. № 2. С. 44). С этим же предисловием пьеса «Бунт машин» вскоре вышла отдельной книгой (Л., 1924). Утопическая драма К. Чапека «ВУР» («Верстандовы универсальные работари», 1920) появилась в русском переводе также в 1924 г. под названием «R.U.R.» в серии «Новости иностранной литературы».

Позаимствовав у Чапека сюжет, Толстой придал пьесе оптимистическое революционное звучание, ввел двух новых действующих лиц — революционера Михаила и некоего «обывателя». Однако сходство двух пьес было слишком явным. Поступком Толстого возмущался и Горький. 2 июня 1924 г. он писал В.Ф. Ходасевичу: «Мне кажется, что мы, русские литераторы, накануне крупного скандала, нелестного для нас <...>. В маленьком предисловии <...> Толстой признает, что он "взял тему Чапека", но из текста его работы явствует, что он взял и действующих лиц, да не постеснялся сделать и текстуальные заимствования. Слово в слово, целыми фразами. Не понимаю — что это? Торопливость, небрежность, отрицание или незнание литературных традиций?

Не помню ничего подобного выходке Толстого, кажется, у нас никогда еще таких штук не выкидывали» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 31. С. 191–192).

Еще более откровенно Горький писал о том же 3 июня 1924 г. П.П. Крючкову: «Пьеса А. Толстого может вызвать большой литературный скандал; дело в том, что он взял у чеха Чапека не только тему, но и фабулу, и действующих лиц, да, должно быть, "по пьяному делу" и целые фразы из текста Чапека. Так что получилось нечто вроде перевода, если не плагиат, — сиречь: литературная кража. Чапек, разумеется, узнает об этом, и Толстому "влетит" от чехов» (*Горький. Письма.* Т. 15. С. 8).

Скандал действительно разразился. Переводчик пьесы Чапека на русский язык Кролль обратился в суд с иском к Толстому. 22 июня 1924 г. Чуковский записал в дневнике: «Был у меня сейчас Алексей Толстой. Мы встретились в "Современнике" <...> Его очень волнует предстоящий процесс по поводу "Бунта машин". Я стал утешать его и предложил ему книжку Шекспира "Taming of the Shrew" <"Укрощение строптивой". — *Н.П.*>, в предисловии к коей сказано, что большая часть этой книжки написана не Шекспиром, а заимствовано у Чапека. Это очень его обрадовало, и он пошел ко мне взять у меня эту книжку. Он в миноре: нет денег: продержаться бы до сентября. В сентябре у него будет доход с пьес, а теперь — ничего ниоткуда» (*Чуковский.* Т. 12. С. 144). Как видно из этой записи, Толстого могли вынудить к «заимствованию» у Чапека денежные затруднения. Дело Толстого слушалось в народном суде 31 июня 1924 г. В отчете прессы сообщалось: «Переводчик "ВУРа" Кролль передал в прошлом году А. Толстому перевод пьесы для проредактирования. Согласно договора, Толстой, в случае постановки "ВУР" в театре, должен был уплачивать Кроллю половину авторского гонорара. Кролль полагает, что "Бунт машин" Толстого является переделкой его перевода, и требует от Толстого авторские (согласно их договора). После объяснений Толстого, указавшего, что "Бунт машин", написанный на тему, заимствованную у Чапека, глубоко отличен от "ВУР" по его идеологической окраске, а также с точки зрения развертывания сюжета и драматургического построения, суд постановил: дело Толстого отложить — поручив комиссии экспертов сравнить кроллевский перевод "ВУР" с "Бунтом машин" А. Толстого и выяснить, насколько последняя пьеса является самостоятельным авторским произведением» (Новый зритель. 1924. № 27. 15 июля. С. 11).

К. Чапек вначале разделял мнение о некорректности поступка Толстого, но после беседы с ним в 1935 г. остался удовлетворенным его объяснениями. (См.: Ученые записки Тартуского университета. Вып. 65. Труды по русской и славянской филологии. I. Тарту, 1958. С. 120).

[8] Литературная группа «Серапионовы братья» зародилась в 1919 г. в недрах студии переводчиков при издательстве «Всемирная литература», которая вскоре трансформировалась в Литературную студию «Дома искусств». Официальной датой образования группы считается 1 февраля 1921 г. В группу входили прозаики К.А. Федин, В.В. Иванов, М.М. Зощенко, В.А. Каверин, М.Л. Слонимский, Н.Н. Никитин, Л.Н. Лунц, поэты Н.С. Тихонов и Е.Г. Полонская, критик И.А. Груздев. В 1922 г. члены группы выпустили литературный альманах «Серапионовы братья», который в дополненном виде был пе-

реиздан в том же году в Берлине. В это же время «серапионы» декларативно выступили со своими автобиографиями и программной статьей Лунца «Почему мы Серапионовы братья», в которых утверждалась идея свободы и независимости искусства от сиюминутных политических задач (Литературные записки. 1922. № 3). К середине 1920-х годов «Серапионовы братья» как литературная группировка, объединенная общей идейно-эстетической платформой, фактически распалась. Но, хотя каждый из «серапионов» пошел собственным путем, дружеские отношения между ними сохранялись еще долго.

Горький принимал заинтересованное участие в судьбе молодых писателей. Летом 1921 г. он готовил к изданию первый (неосуществленный) литературный альманах «серапионов», написал к нему предисловие, читал и правил их рукописи, вел с ними оживленную переписку. Горький гораздо более оптимистично, нежели Тихонов, оценивал творческие возможности молодых писателей. В статье «Серапионовы братья», напечатанной в бельгийском журнале «Disgue vert» (1923. № 4–6), он писал: «Я слежу за духовным ростом "Серапионовых братьев" с великими надеждами. Мне кажется, что эти молодые люди способны создать в России литературу, в которой не будет ни квиетизма, ни пассивного анархизма Льва Толстого, из нее исчезнет мрачное садистическое инквизиторство Достоевского и бескровная лирика Тургенева» (*ЛН. Т. 70.* С. 562).

[9] Федин действительно стал со временем одним из ведущих писателей советской литературы. В среде «серапионов» его называли «академиком» за основательность, серьезность, медлительность и тщательность в работе. В 1924 г. он заканчивал свой первый роман «Города и годы». Отдельные главы и отрывки из него печатались в это время в периодических изданиях, в конце года роман вышел отдельной книжкой. Л.Н.Лунц писал Горькому об этой работе: «Федин пишет сейчас большую повесть <...> Судя по прочитанным отрывкам, это будет превосходная вещь. В Федина я очень верю. Он пишет дольше нас всех, медленнее всех, но работает верно и твердо. С каждой новинкой — шаг вперед» (Там же. С. 478).

В четвертой книге журнала «Русский современник» Тихонов напечатал рассказ Федина «Тишина», который очень понравился Горькому. (См. там же. С. 487). В статье «Серапионовы братья» Горький так характеризовал молодого писателя: «Константин Федин — серьезный, углубленный в себя писатель, работающий осторожно. Он из людей, которые не торопятся сказать свое слово, но говорят его хорошо» (Там же. С. 563).

[10] Речь, видимо, идет и о творческом развитии этого писателя, и о его литературном и общественном поведении. О литературной «метаморфозе» Никитина Горькому с огорчением сообщали в то же самое время многие из «серапионов». Так Каверин писал ему еще в ноябре 1923 г.: «Некоторые из нас <...> имеют большой, почти всегда заслуженный успех и, к сожалению, очень поддаются его влиянию. Особенно Никитин, который начинает писать все хуже» (Там же. С. 176). Горький присоединился к мнению адресата, ответив: «...Никитин — в опасном положении и, боюсь, из него ничего не будет» (Там же. С. 177). Горький отрицательно отнесся к повести Никитина «Полет», отказался печатать ее в своем журнале «Беседа». Очень огорчала его дружба Никитина с Б. Пильняком, подражание этому писателю в литературном творчестве (См. там же.

С. 383). Незадолго до наст. письма Тихонова, 16 июля 1924 г. Федин сообщал Горькому литературные новости, в том числе и о Никитине: «Для Никитина Серапионы были только трамплином <...> Он выпустил книжку "Сейчас на Западе", где с легкостью необычайной рассказывает об англичанах, немцах и бельгийцах, которых он видел из окна вагона и гостиницы в прошлогоднюю свою поездку. Книжка может поспорить разве только с "Английскими рассказами" Пильняка, который тоже съездил в Англию и "изучил" в корень всю западноевропейскую цивилизацию...» (Там же. С. 474).

[11] В это время Вс. Иванов вместе с В.Б. Шкловским работал над авантюрным романом о химической войне — «Иприт».

[12] О литературной «робости» Слонимского писал и Горький. Прочитав его рассказ «Однофамильцы», он писал ему в 1925 г.: «Вы можете писать лучше, в этом меня убеждают различные кусочки, словечки, какие-то "обмолвочки", которыми пестрит рассказ и которые говорят, что Вы человек, недостаточно уверенный в своих способностях <...> Вы несколько робеете пред В<ашим> материалом и, хорошо чувствуя иррациональное в реальном, — в фактах — не решаетесь обнаружить это ирреальное, полуфантастическое, дьявольски русское во всей его полноте. Зощенко — смелее Вас, и этим — хорош» (Там же. С. 387). Однако, несмотря на свою творческую робость и неуверенность, Слонимский в это время много и упорно работал. Федин сообщал об этом Горькому в письме от 16 июля 1924 г.: «Слонимский выпустил новую книгу — "Машина Эмери". Для него — новые темы, новый материал. Он увлекся "производством", второе лето ездит в Донецкий бассейн. На днях вернулся в Петербург, привез кучу записей, сел писать. Начал роман» (Там же. С. 474).

[13] То есть писателем, пишущим в духе и стиле авторов сатирических журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», выходивших в 1900–1910-е гг. в Петербурге. Постоянными сотрудниками журналов были известные писатели-сатирики: А.Т. Аверченко, Саша Черный, Тэффи, П.П. Потемкин и др. Подр. см.: *Евстигнеева Л.* «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968.

М.М. Зощенко в этих журналах не печатался. В 1924 г. он выпустил два сборника юмористических рассказов: «Аристократка» и «Веселая жизнь». Горький чрезвычайно высоко ценил оригинальный юмористический талант писателя. В 1927 г. он писал Зощенко: «Недавно <...> получил четыре томика Ваших рассказов — исподволь прочитал их и часто читаю вслух, — вечерами, после обеда — своей семье и гостям. Отличный язык выработали Вы, М.М., и замечательно легко владеете им. И юмор у Вас очень "свой". Я высоко ценю Вашу работу, поверьте: это — не комплимент. Ценю и уверен, что Вы напишете весьма крупные вещи. Данные сатирика у Вас — налицо, чувство иронии очень острое и лирика сопровождает его крайне оригинально» (*ЛН. Т. 70.* С. 159).

[14] О каком замысле В.А. Каверина идет речь — установить не удалось. Сам писатель предназначал для «Русского современника» новую большую повесть из жизни уголовного мира Петрограда — «Налетчики». 3 июля 1924 г. он сообщал о своей работе редактору журнала Е.И. Замятину: «Дорогой Евгений Иванович!

Пишу Вам из Пскова — сижу здесь вторую неделю и изо дня в ночь пишу "Налетчиков". Вы не забыли наш последний разговор о возможности напечатания романа в "Современнике"? Он пишется хорошо и к сентябрю будет готов, вероятно. Я, кажется, недаром последнее время бродил в Петрограде по таким местам, куда даже холостой мильтон не всегда находит дорогу. Не смею судить — но, кажется, русский материал теперь дается мне лучше литературной иностранщины. Воровской язык я использовал полностью — есть целые страницы, написанные на этом языке». Далее Каверин просил в письме аванс в 100 рублей, так как отсутствие денег мешает работать, и в счет аванса обещал «куда угодно выслать первые 5 глав, размером в 3 листа — это четвертая часть романа». «Я хотел было написать и Александру Николаевичу, — сообщал он в заключение, — но он ничего не знает о "Налетчиках", и я счел неудобным прямо к нему обратиться с моей просьбой» (*ОР ИМЛИ*. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 90).

Упомянутая повесть была впервые напечатана в первой книге литературно-художественного альманаха «Ковш» (М.–Л., 1925) под названием «Конец хазы».

[15] Горький писал 28 июля 1924 г. о рассказе Каверина К.А. Федину: «..."Бочка" вещь совершенно несделанная. Он взвешивает свою фантазию в воздухе, и она у него, как пылинка в луче солнца, — радужно, — а — что это такое? Не поймешь и не волнует. А если не волнует, значит, не совершенно, не поэзия, не красиво и еще сто не» (*ЛН. Т. 70*. С. 476).

[16] Первые три части повести «Ибикус» печатались во 2–4-й книгах «Русского современника». Мнение Тихонова разделял и другой член редакции, К.И. Чуковский, записавший 16 апреля 1924 г. в дневнике: «Мы, вся редакция, были у Ал. Толстого, слушали чтение его "Ибикус", который он предназначает для нас <...>. Мне рассказ Толстого понравился; легкомысленный, распоясанный, талантливый анекдот» (*Чуковский*. Т. 12. С. 136).

[17] Тихонов затронул тему, чрезвычайно волновавшую Горького на протяжении всей жизни. К этой теме он обращался во многих художественных произведениях и публицистических выступлениях, начиная со специально посвященной ей статьи 1905 г. «Заметки о мещанстве» и кончая статьей 1929 г. «О мещанстве», рисующей современного советского обывателя-индивидуалиста, более всего в мире ценящего свой душевный покой и комфортную жизнь.

[18] *Вольтер*. Орлеанская девственница: Поэма в двадцати одной песне / Пер. Г. Адамовича, Н. Гумилева, Г. Иванова. Под ред. М. Лозинского. Вступ. статья С. Мокульского. Т. 1–2. М.; Л.: Всемирная литература, 1924.

[19] Тихонов выехал из Ленинграда на Кавказ 5 сентября 1924 г. См. п. 16.

[20] Ср. запись в дневнике Чуковского от 13 ноября 1924 г.: «...Тихонов очень болен, у него на всем теле фурункулы. Жаль смотреть, как он хромает» (*Чуковский*. Т. 12. С. 169).

[21] Тихонов жил на Капри в марте-апреле 1911 г. и в феврале 1913 г. (*АГ*. Дневник К.П. Пятницкого 1911, 1913 гг.).

16.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-76-1-32), впервые.

[1] Письмо не разыскано.

[2] Речь идет о повести «Дело Артамоновых», замысел которой вынашивался Горьким с начала 1900-х годов. Вероятно, Тихонов в наст. письме вспоминает свою беседу с Горьким в Сестрорецке в марте 1904 г., во время которой писатель «подробно изложил замысел "Артамоновых", — произведения на тему о трех поколениях одной буржуазной семьи» (*Горьковские чтения. 1949*. С. 147). В годы Первой мировой войны Горький приступил к непосредственной работе над повестью. В журнале «Летопись» за ноябрь 1916 г. было помещено объявление о том, что повесть Горького «Атамановы» будет печататься в журнале в 1917 г. В связи с революцией работа над произведением была прервана до конца 1923 г. В конце августа 1924 г. работа была завершена, и Горький, видимо, предложил ее Тихонову для журнала «Русский современник». Однако созданное не во всем удовлетворяло автора, и вскоре он приступил к его переделке. 10 декабря 1924 г. Горький сообщал И.П. Ладыжникову: «Написал большую повесть, — но — плохо, переделываю» (*Архив Г. 7*. С. 246). Работа над новой редакцией была закончена в марте 1925 г., когда «Русский современник» уже прекратил свое существование. «Дело Артамоновых» впервые вышло в начале 1926 г. в берлинском издательстве «Книга». В России повесть печаталась в отрывках в первых двух номерах журнала «Прожектор» и первых трех — «Красной нови» за 1926 г. Отдельным изданием вышла в мае того же года в Ленинградском отделении Госиздата (Подробнее об истории создания и публикации повести см.: *Горький. Сочинения*. Т. 18. С. 495–511).

[3] См. п. 15.

[4] См. п. 15, примеч. 18.

[5] См. там же, примеч. 20.

[6] Анненков Юрий Павлович (1889–1974), художник. В 1920–1923 гг. создал графическую серию портретов известных русских писателей-современников: М. Горького, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, А.М. Ремизова, В.Ф. Ходасевича, Е.И. Замятина, В.Б. Шкловского, Б. Пильняка, В. Хлебникова, М.А. Кузмина, Ф.К. Сологуба, А.А. Ахматовой, К.И. Чуковского и др.

[7] Развернутую (резко критическую) оценку журнала «Русский современник» Горький дал в письме А.Н. Тихонову от 23 октября 1924 г. (См. вступ. статью к данной публикации).

[8] Пешков Зиновий Алексеевич (Свердлов Зиновий Михайлович, 1884–1966), брат Я.М. Свердлова, генерал. При крещении принял фамилию своего крестного отца Горького. В 1904 г. эмигрировал, в годы Первой мировой войны вступил добровольцем во французскую армию, принял французское подданство. В 1921–1926 и в 1937–1940 годах служил в Иностранном легионе в Марокко. В 1941 г. был консультантом в войсках де Голля.

В августе 1924 г. З.А. Пешков с дочерью гостил у Горького в Сорренто.

[9] Тихонов имеет в виду домочадцев Горького, которые проживали с ним в Петрограде на Кронверкском проспекте в доме 23 и которые вместе с писателем уехали осенью 1921 г. за границу: сына Максима, его жену Надежду Алексеевну и художника И.Н. Ракицкого.

17.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-77-1-1), впервые.

[1] Действительно, упоминаемого «письма-ответа» в *АГ* не имеется.

[2] Подвергнув в письме Тихонову от 23 октября 1924 г. резкой критике третью книгу журнала «Русский современник», Горький в заключение предлагал снять его имя с титула из числа «ближайших участников» (*Горьковские чтения. 1959*. С. 50).

[3] Речь идет о рецензии К. Розенталя на первые три книги журнала «Русский современник», напечатанной в «Правде» 5 ноября 1924 г. (№ 253). См. подробнее вступ. статью.

[4] Резкую критику Горьким журнала «Русский современник» см. во вступ. статье.

[5] О недовольстве Горького слишком частыми ссылками на его имя в материалах, опубликованных в журнале «Русский современник», см. там же.

[6] В 4-й книге «Русского современника» было помещено письмо В.Ф. Ходасевича от 21 октября 1924 г. из Сорренто. В письме критически оценивалась рецензия Б. Томашевского на книгу Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина», напечатанная в 3-й книге этого журнала. В частности, в письме было сказано, что Томашевский «передергивает», приписав автору книги «идиотские мысли» и внося в пушкиноведение элемент «недобросовестной конкуренции» (Русский современник. 1924. Кн. 4. С. 281, 282). Вслед за письмом Ходасевича журнал поместил ответ Томашевского от 17 ноября 1924 г., в котором ставился вопрос о недопустимости литературной полемики в столь грубых тонах и отводились выдвинутые против рецензента обвинения. В заключение Томашевский указывал, что им была «дана положительная оценка некоторых наблюдений автора», отрицательно же он высказался «только об избранном им методе» (Там же. С. 283).

[7] 13 декабря 1924 г. новый заведующий Госиздатом РСФСР И.И. Ионов письменно известил издательство «Всемирная литература» о том, что оно становится частью Иностранного отдела Госиздата (*АГ*. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 520). Распоряжением Госиздата у «Всемирной литературы» был отнят дом на Моховой, библиотека, весь редакционный портфель, а заведование редакционной частью было передано новому сотруднику А.Н. Горлину (Там же. Ед. хр. 521). Перипетии изгнания из «Всемирной литературы» А.Н. Тихонова и прекращения деятельности издательства отражены в дневнике Чуковского. 17 декабря он записывал: «Вчера во "Всемирную" прислана бумага от Ионова с предписанием вручить все дела А.Н. Горлину и передать дом (Моховая, 36)

в ведение "Госиздата" <...> Во "Всемирной" эта бумага была принята как вражье нападение на Тихонова: все заплакали <...>, и все положили отстаивать Тихонова до последней капли крови <...>. Пойду в воскресение отстаивать перед Ионовым коллегию и Тихонова, главным образом Тихонова. Меня выбрали вместе с Волынским и С.Ф. Ольденбургом...» (*Чуковский*. Т. 12. С. 175, 176). 21 декабря депутация от «Всемирной литературы» явилась в Госиздат к Ионову. Ионов предложил влить «Всемирную литературу» в Иностранный отдел Госиздата и обещал сохранить коллегию, но решительно возражал против Тихонова: «...ни мой аппарат, ни товарищи мои не желают работать с ним <...>. Поэтому нам придется с Тихоновым проститься» (Там же. С. 180). 22 декабря Ионов известил председателя Коллегии «Всемирной литературы» А.Л. Волынского о невозможности сохранения за Тихоновым руководства издательством (*АГ*. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 522). Коллегия издательства поставила руководству Госиздата ультиматум, что Тихонов в ее составе должен быть сохранен, иначе она в полном составе подаст в отставку. 11 января 1925 г. Чуковский вновь был у Ионова от имени коллегии «Всемирной литературы». «Коллегия!? — вскричал Ионов, — Да ведь коллегия распущена! Она поставила мне ультиматум, я этого ультиматума не принял, и Ольденбург мне по телефону ответил, что вы не желаете работать со мной! <...> Ваш Тихонов хочет меня поссорить с Горьким, я от Горького получил телеграмму, вы на своих заседаниях говорите, что не желаете идти в ионовскую банду — я все знаю, один из ваших же членов сообщает мне каждое ваше слово...» (*Чуковский*. Т. 12. С. 185–186). 13 января коллегия «Всемирной литературы» направила в Госиздат заявление о невозможности дальнейшей работы в составе Госиздата (*АГ*. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 527). 14 января 1925 г. Чуковский записал в дневнике: «Вчера было последнее заседание Коллегии. После того, как Ионов не захотел принять в числе членов Коллегии Тихонова — Коллегия принуждена разойтись. Было очень торжественно. Волынский назвал нас лучшим цветом искусства и интеллигенции» (*Чуковский*. Т. 12. С. 186). Как бы подводя итог борьбе Коллегии «Всемирной литературы» за независимость от диктата Госиздата, Чуковский 16 января с грустью констатировал: «Замечательнее всего то, что свободы печати хотят теперь не читатели, а только кучка никому не интересных писателей. А читателю даже удобнее, чтобы ему не говорили правды. И не только удобнее, а может быть выгоднее. Так что непонятно, из-за чего мы бьемся, из-за чьих интересов» (Там же. С. 187).

[8] В связи с угрозой увольнения Тихонова из издательства «Всемирная литература» академик С.Ф. Ольденбург, член редколлегии издательства, послал Горькому 20–21 декабря 1924 г. телеграмму: «Коллегия "Всемирной литературы" вынуждена прекратить существование ввиду невозможности согласиться требование Ионова устранить Тихонова. Просим срочно разрушить предубеждение Ионова. Считаем совместную работу Тихонова Ионовым полезной Госиздату. Телеграфируйте. Ольденбург» (*АГ*. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 3). 22 декабря Горький отвечал: «Дорогой Сергей Федорович, сейчас телеграфировал Ионову: "Решительно протестую против устранения Тихонова из коллегии "В<семирной> л<итературы>", он идеальный работник, совместная его работа с Вами залог успеха".

Я просил бы написать мне: каковы мотивы Ионова? Слышал, что он скоро будет во Флоренции, вероятно, заедет ко мне. Что предполагает делать Коллегия в ее целом? Какую форму протеста избирает она? Что советуете Вы мне? Очень прошу ответить на эти вопросы немедля и вообще просил бы осветить мне положение дела.

Извините, что пишу кратко. Сердечный привет. *А. Пешков*» (*Горький. Письма.* Т. 15. С. 100). Черновики телеграммы Горького Ионову также сохранились в архиве писателя (*АГ.* ПГ-рл-17-28-6, 7). Текст телеграммы (с неверной датой: начало января 1925 г.) впервые опубликован в кн.: *Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 70. В письме Горькому от 8 января 1925 г. Ионов так разъяснял свою позицию в отношении Тихонова: «Взаимоотношения с Тихоновым всегда у Ленинградского отделения Государственного издательства были довольно натянутые <...> Кандидатура эта во всем руководящем аппарате встретила резкое сопротивление, которое я не считаю себя вправе сломить, ибо все товарищи полагают, что с Тихоновым они сработаться не сумеют. Я, конечно, придаю большое значение энергии и знанию дела того или другого работника <...>, но я считаю, что нам нельзя ставить судьбу дела в зависимость от того или другого отдельного сотрудника <...>

Вы понимаете, Алексей Максимович, что если я чувствую какую-то неприязнь к тому или другому человеку <...> мне с таким человеком было бы трудно работать. Моя неприязнь к Тихонову вызывается многими фактами, о которых я могу говорить с Вами только при личном свидании» (Там же. С. 70–71).

[9] Упомянутое письмо Горького Ионову в *АГ* не сохранилось, однако оно действительно существовало. 21 декабря 1924 г. Ионов показывал его К. Чуковскому. Придя из Госиздата домой, Чуковский, обладавший хорошей памятью, пересказал в дневнике «приблизительное содержание» этого «странного», на его взгляд, документа: «Я прежде не знал, Илья Ионович, что Вы такой замечательный работник, теперь вижу, знаю и восхищаюсь Вами. Я на днях писал об этом А.И. Рыкову. Кланяйтесь Зиновьеву, пришлите мне книги проф. Павлова, и вообще всякую книгу, которою захотите похвастаться. Очень хорош роман Федина; видно, что Федин будет серьезный писатель. Ах, какая грустная история с Троцким! <Вероятно, имеется в виду критика новой книги Л.Д. Троцкого «1917» в газете «Правда». — *Н.П.*>. Теперь здешние ликуют, радуются нашему несчастию» (*Чуковский.* Т. 12. С. 177–178).

[10] 4-я книга «Русского современника» вышла в начале января 1925 г., 5-я книга в свет не выходила.

[11] См. п. 19, примеч. 4.

[12] Имеется в виду очерк Горького «О С.А. Толстой», напечатанный в 4-й книге «Русского современника».

[13] Женя — Кякшт Евгений Георгиевич, племянник М.Ф. Андреевой, автор воспоминаний «Горький и его окружение, какими я их помню» (*АГ.* МоГ-7-17-1, 2, 3). С 1903 по начало 1906 г. жил в семье Андреевой вместе с Горьким, но и в последующие годы не прерывал с ним дружески-родственных отношений. В 1920-е годы Кякшт материально жил очень трудно. Горький знал об этом и, хотя сам находился в затруднительных денежных обстоятельствах, старался регулярно помогать ему и дочери Андреевой,

Е.А. Желябужской. 8 июля 1924 г. он писал Андреевой в Берлин: «...получил письма от Кати и Жени, плохо живут ребята <...>. Мать! Ты бы попыталась разделаться с нефритом, серьезно! Продадим и дружески разделим выручку и пошлем ребятам побольше, дабы они немножко полечились, поели и т.д. Подумай над этим, прошу! Деньги, которые я послал и пошлю им — ничего не значат. Рассчитывать на помощь знакомых вельмож — бесполезно» (*Горький. Письма.* Т. 15. С. 26. 27). Передавая авторский гонорар за публикацию очерка «О С.А. Толстой» Кякшту, Тихонов действовал по просьбе Горького. 22 ноября 1924 г. писатель сообщал об этом Андреевой: «Меня очень обрадовал бодрый тон письма Жени; написал, чтоб ему послали гонорар из "Р. современника", но, не уверенный в том, что сей гонорар не расклеван, пишу П<етру> П<етровичу> <Крючкову. — *Н.П.*>» (*Горький. Письма.* Т. 15. С. 83).

[14] Ходасевич Анна Ивановна (1887–1964), жена В.Ф. Ходасевича, оставшаяся после его отъезда за границу в России. О тяжелом материальном положении А.И. Ходасевич свидетельствовал К.И. Чуковский. 21 февраля 1925 г. он записал в дневнике: «Вчера Горлин <работник Госиздата. — *Н.П.*> очень благородно отнесся к Анне Ив. Ходасевич. Я просил у него для этой несчастной женщины какой-нибудь работы. Работы нет, и негде достать. Это очень меня опечалило. Видя мою печаль, Горлин так растрогался, что выдал Анне Ив. 25 рублей — из каких-то непонятных сумм. О, как счастлива была она! Как благодарила — нас обоих» (*Чуковский.* Т. 12. С. 214). Горький помогал нуждавшейся А.И. Ходасевич по просьбе В.Ф. Ходасевича. Еще 18 июля 1924 г. поэт писал Горькому: «У меня к Вам большая просьба <...> Я <...> вконец измучился невозможностью послать что-нибудь моей бывшей жене. А она больна и голодает. Если бы Вы могли послать ей сколько-нибудь долларов, то, в сущности, это была бы огромная помощь мне...» (*АГ.* КГ-п-83-8-34). Ту же просьбу о посылке денег бывшей жене Ходасевич повторил в письме Горькому в сентябре того же года (*АГ.* КГ-п-83-8-28). Ср. также письмо Горького Е.П. Пешковой от 15 января 1924 г.: «На днях ты получишь 50 д<олларов> от Ив. Павловича <Ладыжникова. — *Н.П.*> — будь добра, перешли их, пожалуйста, Анне Ивановне Ходасевич, Петербург, Мойка, 59, квартира 30-а, комната 10. Это — "Дом искусства", а деньги — гонорар Ходасевича, он посылает своей жене» (*Горький. Письма.* Т. 14. С. 289). На самом деле деньги тайно по просьбе Ходасевича посылал, вероятно, сам Горький.

[15] Оба журнала были закрыты вместе с издательством «Всемирная литература». В *АГ* сохранилось датированное 9-м октября 1924 г. уведомление Ленинградского представительства Госиздата о прекращении издания журнала «Современный Запад» (*АГ.* Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 515).

18.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-77-1-2), впервые.

[1] Речь идет об аресте Тихонова. См. подробнее во вступ. статье.

[2] Письмо написано эзоповым языком. Под «болезнью» Тихонов подразумевает свое четырехмесячное тюремное заключение, под «докторами» — следователей и судей, вершивших его судьбу.

[3] Отклик на замечание Горького в письме Тихонову от 23 октября 1924 г. о «Вавилонских башнях»: «...я думаю, что именно к построению таковых и сводится вся суть культурной деятельности человека» (Горький. *Письма.* Т. 15. С. 72).

[4] См. п. 17, примеч. 7.

[5] Книгоиздательство артели писателей «Круг» было создано в Москве летом 1922 г. Инициатором и руководителем издательства был А.К. Воронский. В 1922–1927 гг. в «Круге» были изданы произведения И. Бабеля, А. Белого, Вс. Иванова, В. Каверина, Л. Леонова, Б. Пильняка, М. Пришвина, А. Толстого, К. Федина и др. Кроме того, в 1923–1927 гг. издательство выпустило 6 книг альманаха «Круг». Подр. о работе издательства см.: *ЛН. Т. 93.* М., 1983. С. 535–540; *Поливанов К.М.* К истории «артели» писателей «Круг» // De visu. 1993. № 10. После разгрома издательства «Всемирная литература» и журнала «Русский современник» Воронский пригласил Тихонова работать в «Круг». Именно Тихонов сумел привлечь к участию в «Круге» Горького. В письме Тихонову от 27 января 1927 г. Горький дал согласие написать для альманаха «Круг» статью «Заметки читателя» и дать отрывок из романа «Жизнь Клима Самгина» (напечатаны в 6-й книге альманаха). В 1929 г. артель писателей «Круг» влилась в Федерацию объединений советских писателей (ФОСП).

[6] Горький отвечал 20 июня 1925 г.: «Само собою разумеется, Александр Николаевич, что, приехав сюда, Вы будете встречены с искреннейшей радостью <...> Не следует ли написать вельможам, чтоб Вас выпустили скорее? <...> Происшествием с Вами был весьма огорчен и возмущен». В заключение Горький предлагал Тихонову денежную помощь (*Горький. Письма.* Т. 15. С. 204). Кроме того, он в тот же день написал Е.П. Пешковой, чтобы она похлопотала о выезде Тихонова за границу: «Вот что: А.Н. Тихонову неплохо бы отдохнуть, он очень хочет пожить за границей. Не можешь ли ты попросить Алексея Ивановича <Рыкова. — *Н.П.*>, чтоб его — Т. — отпустили сюда? Или Каменева? Пожалуйста!» (*Горький. Письма.* Т. 15. С. 203; В *Архиве Г. 9* (С. 246) это письмо напечатано с купюрами, без упоминания имен А.И. Рыкова и Л.Б. Каменева). Однако хлопоты не увенчались успехом, выехать за границу Тихонову не удалось.

[7] Зубков Василий Михайлович, отец В.В. Шайкевич, первой жены Тихонова.

19.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-77-1-3), впервые.

[1] См. п. 18, примеч. 6.

[2] Е.П. Пешкова.

[3] См. п. 18, примеч. 5.

[4] 9 августа 1925 г. Горький отвечал: «"Голубая жизнь" вошла в книгу "Рассказы 22–24 годов", уже напечатанную в Берлине. Значит — печатать этот рассказ в "Р<усском> с<овременнике>" нет смысла. Рукопись передайте Е<катерине> П<авловне>. Для "Р.С." пришлю Вам после 20-го числа рассказ "О тараканах"» (*Горький. Письма.* Т. 15. С. 240). Рассказ «Голубая жизнь» на русском языке впервые был опубликован в издании: *Горький М.* Рассказы 1922–1924 годов. Berlin: Kniga, 1925.

[5] Приступивший уже к работе над «Жизнью Клима Самгина» Горький отвечал: «Охота писать о молодых авторах — есть, а времени — нет. Едва ли напишу. Занят, даже "поглощен" огромнейшей книгой» (Там же).

[6] 9 августа Горький извещал: «Магарам еще не являлся» (Там же). Сведений о посещении Н.И. Магарамом Горького разыскать не удалось.

[7] Кто должен был стать новым издателем «Русского современника», установить не удалось. Как уже говорилось, выход журнала не возобновлялся.

«ПИСАТЕЛЬСТВО — ТРУДНОЕ И ОТВЕТСТВЕННОЕ ДЕЛО» (Переписка М. Горького с М. Пришвиным)

Вступительная статья, подготовка текста и примечания Е.Н. Никитина

10 декабря 1925 г., рассказывая о том, как продвигается написание романа «Кащеева цепь», М.М. Пришвин пожаловался Горькому: «Трудная работа» (п. 2). А через некоторое время Горький, посылая коллеге по перу просимое им предисловие к его Собранию сочинений, признался: «Писать было трудно»[1]. На что М.М. Пришвин ответил: «...Дорогой мой, хорошее трудно: трудно было, потому что это действительно трудно так сильно сказать»[2]. Но писательство — это еще и ответственное дело, что хорошо понимали оба литератора[3].

Непростое писательское ремесло, честное служение отечественной литературе — вот что связывало двух больших художников слова. Но было и то, что их разъединяло.

О М.М. Пришвине и Горьком написано немало[4]. И в то же время их отношения исследованы недостаточно, поскольку, как верно отметила З.Я. Холодова, «в советском литературоведении сложилось неадекватное представление о том, каковы они были в реальности»[5]. Биограф М.М. Пришвина А.Н. Варламов обращает внимание на то, что Горького «по великому недоразумению считали пришвинским другом»[6]. Это «великое недоразумение» на протяжении многих лет культивировалось в отечественном литературоведении.

Попробуем разобраться в том, как в действительности складывались отношения двух писателей.

В декабре 1927 г., вспоминая о том, как в его жизнь вошел Горький, М.М. Пришвин написал:

«...Первую весть о Максиме Горьком я получил не от литератора, а от одного моего товарища по тюрьме, который, частью по своему "нигилизму", частью просто по отсутствию художественного вкуса, презирал искусство и относился к нему как к "надстройке", поскольку хорошо или плохо <3 нрзб.> оно было полезным для революции. С восторгом писал мне этот примитивный марксист об удивительном босяке, прославляющем бунт и скитания.

С тех пор Горький вступил в мое сознание как необходимое лицо нравственной категории русской жизни и продолжал таким оставаться во мне почти до его "Детства", раскрывшего мои глаза на него как на художника. С тех пор и начал жить во мне Горький двойной: как человек и как художник»[7].

Горький — художник слова вызывал у М.М. Пришвина одни эмоции, а Горький — общественный деятель — другие. По этой причине их взаимоотношения в принципе не могли быть простыми. Усложняло ситуацию то, что Горький начиная примерно с середины 1900-х годов и до конца жизни был марксистом-коллективистом, приверженцем философии А.А. Богданова[8], а М.М. Пришвин свое юношеское увлечение марксизмом к моменту вступления на писательский путь преодолел. Он написал в автобиографии 1922 г.:

«...Я учился в Риге в Политехникуме четыре года, и тут я уверовал через книгу Бельтова (Плеханова) в марксизм... Я был рядовым, верующим марксистом-максималистом (как почти большевик), посидел год в одиночке, был выслан на родину, сюда же, в Елец, одновременно был выслан Семашко, мы соединились и, кажется, за два года еще раз по шесть прочли "Капитал".

После окончания срока высылки я уехал в Германию, изучал здесь все и кончил курс агрономии в Лейпциге. <....> Мой фанатический марксизм владел мною все-таки лет десять всего, начал он рассасываться бессознательно при встрече с многообразием европейской жизни (философия, искусство, танцевальные кабачки и проч.), сильнейшую брешь ему нанесла встреча с *ней* и окончательную то чувство самости, которое охватило меня, когда я после нескольких лет агрономической деятельности в России нашел в 30 лет свое призвание в литературе»[9].

На трудный путь художника слова М.М. Пришвин, по профессии агроном, автор «общедоступного руководства» «Как удобрять поля и луга» (СПб., 1905), вступил в 1906 г. — рассказом «Сашок», напечатанным в № 11/12 журнала «Родник». А через год увидела свет его первая беллетристическая книга «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края».

В это время Горький создает повесть «Исповедь» и статью «Разрушение личности» — произведения, в которых наиболее ярко выразилось коллективистское мировоззрение писателя. Прочитав первый вариант статьи, В.А. Базаров, тоже коллективист-богдановец, написал Горькому в декабре 1908 г.: «Картина разрушения современной индивидуалистической психики нарисована, по моему мнению, мастерски. <...> Я всецело подписываюсь под всем тем, что Вы говорите о коллективном и личном творчестве, и считаю именно в настоящий момент такую разработку этой темы особенно важной. Чрезвычайно важно обстоятельно выяснить, насколько обедняется, обесплодживается и опошляется творчество даже самой талантливой личности при отсутствии живых связей с коллективом, при замирании всенародного твор-

чества. Необходимо ярко противопоставить идею коллективного творчества современным пошлякам, для которых "коллектив" рисуется в виде каких-то гигантских ножниц, подстригающих всех под одну гребенку»[10].

Момент вступления М.М. Пришвина в литературу — эпоха напряженных духовных исканий и высоких художественных достижений. Одно из них — горьковская «Исповедь». Повесть обсуждают на страницах повременных изданий, на заседаниях Религиозно-философского общества. М.М. Пришвин записывает в дневник: «Булгаков стал священником, Добролюбов — основателем секты, Семенов помазался на подвиг в Оптиной пустыни. Максим Горький преклонился перед народушкой. Никогда не было литературное мастерство на такой высоте, как в этот период»[11].

Так впервые имя Горького появилось на страницах дневника М.М. Пришвина. Потом оно будет встречаться очень часто, чаще, чем какое-либо другое имя. Л.А. Рязанова, публикатор обширнейших дневниковых записей писателя, делавшихся им на протяжении всей жизни, отмечает: «Имя Горького встречается чуть ли не на каждой странице многотомного пришвинского дневника. Из этих записей можно было бы составить отдельную книгу. Фигура Горького на страницах дневника заслоняет многие политические и литературные фигуры советского периода, настолько судьба "буревестника революции" вобрала в себя весь трагизм, по слову Пришвина, "садистического совокупления литературы с советской властью". Весь фокус мыслей Пришвина, связанный с революцией в России, итогами победившего "разума", в который так восторженно верил Горький, строительством социализма: этого земного — без Бога — счастья для народа, сходился на Горьком»[12].

Горький обратил внимание на творчество М.М. Пришвина в 1910 г., когда в одиннадцатом номере журнала «Русская мысль» был опубликован «Черный араб». Сразу же после прочтения рассказа писатель поспешил поделиться своей радостью с А.В. Амфитеатровым:

«Вчера ночью взял книжку "Р.М." и на полчаса забылся в глубоком восхищении, — то же, думаю, будет и с Вами, когда Вы прочтете превосходную вещь Пришвина "Черный араб".

Вот как надо писать путевое, мимо идущее. Этот Пришвин вообще — талант»[13].

А через две недели посоветовал И.А. Бунину: «Прочитайте, батя, в последней книге "Русской Мысли" Пришвина "Черный араб" — хорошо сделано!»[14]

С этого момента Горький начинает внимательно следить за творчеством М.М. Пришвина, 10(23) августа 1911 г. просит писателя П.С. Романова:

«Встретив Пришвина — будьте добры передать ему сердечный мой привет. Я в великом восторге от "Черного араба" — это чудесная вещь. И очень хорошо "Птичье кладбище".

Не укажет ли он: где могу найти его книгу "Край непуганых птиц"? Не пришлет ли ее? Что он — специалист-орнитолог? Удивительное знание птицы у него»[15].

М.М. Пришвин откликнулся на просьбу 13(26) сентября 1911 г.: «Писали мне, что вы желали бы иметь мою книгу "В краю непуганых птиц". Вот я вам ее и посылаю. <...> Потом посылаю еще вам оттиски своих рассказов "У горелого пня", "Черный араб", "Птичье кладбище" и "Крутоярский зверь". Это все вы, вероятно, читали, и посылаю я их собственно для "Знания". Виктор Сергеевич [Миролюбов] писал мне, что издательство принципиально согласно издать мою книгу, содержащую эти рассказы и "Колобок", который вы теперь уже наверно получили от Виктора Сергеевича»[16].

Днем ранее Горький написал В.С. Миролюбову, редактору издательства «Знание»: «"Колобок" Пришвина — превосходен»[17], а спустя десять дней сообщил Е.П. Пешковой: «Скоро в "Знании" выйдет книга Пришвина — вот писатель»[18].

Книга, первый том Собрания сочинений М.М. Пришвина — «Рассказы», увидела свет в январе 1912 г. Второй том — «Очерки» — вышел в 1913 г. Третий — «Славны бубны и другие рассказы» — в 1914 г.

Личное знакомство двух писателей произошло в 1915 г. М.М. Пришвин записал в дневник:

«От 12 по 31 Января был в Петрограде, устраивал рукопись и определялся на войну.

Оставшиеся впечатления: обсуждение еврейского вопроса у Сологуба, встреча с Андреевым и Горьким»[19].

Более тесное знакомство произошло через полтора месяца. 15 марта М.М. Пришвин фиксирует в дневнике: «12-го свидание с Горьким. Его рассказы: почему не признает Бога: обещание *иного* мира, когда этот мир хорош: купец в трактире. Европа и Восток. Никаких не надо войн. Против войны»[20].

Интересна запись, сделанная через четыре месяца, 18 июля:

«Каждый даровитый писатель окружен слоем какой-то ему только присущей атмосферы — обаятельной лжи... Горький, Чуковский, Ремизов, Розанов, Сологуб — все это чрезвычайно обаятельные и глубоко "лживые" люди (не в суд или осуждение, а по природе таланта). Так что правда бездарна, а ложь всегда талантлива.

Меня занимает сейчас "ложь" Горького. Например, Розанов — тот сознает необходимость этой лжи, стоит на ней, и его называют циником. А Горький не сознает, верит в свою ложь, и его признают за святого. Положим, святые, как и поэты, существа тоже лживые, действуют тоже обманом. Сумма всего этого обмана называется религией и искусством»[21].

Выходит «Детство» Горького. М.М. Пришвин внимательно читает повесть и все пристальнее вглядывается в ее автора, рисует в дневнике его портрет:

«Очень интересно раскусить Горького: что, если за Серафимом скрывается мелкое непобежденное самолюбие? И серафимство — самообман. Как писатель он равен только Левитову, а поклонники превозносят до Толстого — сознает ли он это? Его "Детство" — произведение монотонное, хотя и прекрасно написанное, в нем весь пейзаж по земле и нет вовсе неба. В сравнении с Толстовским "Детством" так: вертится крыло ветряной мельницы, то земли захватит зеленой, то синего неба — Толстой. А у Горького мельница вертится на вертикальной оси, как молотильный привод, не поднимаясь от земли»[22].

В приведенной оценке главное — сравнение с Л.Н.Толстым. Далеко не каждого писателя можно поставить рядом с автором «Войны и мира». Горького можно.

Позднее М.М.Пришвин напишет: «Все произведения Горького в моем сознании разделяются на два отдела, один просто человеческий питается из тех самых родников, как и мои, назову некоторых из них: "Детство", "Отшельник", "Мои университеты". Другие произведения, в которых Горький выступает, выделяя в них человека, слишком-человека, не родственно подчиненного миру природы, а господствующего. Я эти сочинения Горького не понимаю, и мне кажется, как будто писал их совсем другой человек»[23].

Интересно дальнейшее рассуждение, где говорится о взгляде на мир и творчество:

«В самом деле, что значит этот Человек с большой буквы, которым везде подчеркнуто восхищается Горький?

Мы знаем два человека: страдающего и победителя. Страдающий человек обречен творить на земле, узнавая радость свою вне себя, не имея возможности узнать в этой радости дело своих рук. Человек-победитель, человек, скажем, высший преобразующий фактор земли наслаждается своим творчеством и берет плоды в свои руки. Вот как говорит о таком человеке сам Горький в одном из своих писем ко мне.

Да, так и пишет: "человек удивится себе самому". Я пытаюсь, но не могу себе это представить: как можно удивиться себе самому. <...> Нет, конечно, большей глупости, чем самоудивление, трудно себе представить, это почти что: "Бог почил в конце творчества". В том-то и дело, что в творчестве, как в жизни, нет остановки, как только вещь сделана, она уже остается позади, удивляет других, но не себя, творец не может почить»[24].

Мы видим: М.М.Пришвин — на стороне страдающего человека, Горький — на стороне победителя. Существенное различие. Оно проявлялось даже, казалось бы, в мелочах. Например, получив от Горького текст предисловия к своему Собранию сочинений, М.М.Пришвин отметил в дневнике: «Очень характерно, что Горький, цитируя меня, то место из "Родников", где сказано "дети учатся жалеть человека", переделал в "уважать человека" — две разные вещи»[25].

Черты победителя, становящегося после победы начальником, М.М. Пришвин разглядел в Горьком уже в 1915 г., записал в дневник 5 сентября:

«Горький выслушивает доклады своих "енералов" о Милюкове и фыркает: "Человечишки!" Потом о Милюкове: "Глупый человечишко!" Сидит, выслушивает, и вот-вот выговорит: "Гг-енералы!" Вокруг него старинное оружие, вывезенное из Италии, картины, книги, им накупленные, мебель, совсем будто Пугачев во дворце, — а тут же и такое почтение, такое благоговение ко всему этому "европеизму", как он называет. <...>

И когда расскажет свою жизнь, как он бродил по схимникам, как стрелялся, как с одним лавочником задумал культуру в деревне насадить и как претерпел в этом и многое, многое свое русское — как естественно выходит из всего этого его преклонение перед "европеизмом"»[26].

«Енералы», о которых говорится в дневниковой записи, — ближайшие помощники Горького по работе в «Летописи» и «Новой жизни» — В.А. Базаров, Н.Н. Суханов, А.Н. Тихонов. Их хорошо знал М.М. Пришвин, поскольку сам печатался в обоих названных изданиях[27].

Образ «Горький — Пугачев» долго волновал воображение писателя. Через два года он записал в дневник: «Горький: не могу отделаться от мысли о Пугачеве, когда слушаю его беседу с кем-нибудь по всяким вопросам: знает или не знает, а двух мнений у него нет. Тут есть у него какая-то ложная точка (спайка), на которой он, настоящий Горький, вертится, как эксцентрик. Так оно и понятно: сила его (даже в материальном смысле) в связи с рабочим, и эта связь — это власть»[28].

В 1917 г. отношение М.М. Пришвина к власти рабочих, к диктатуре пролетариата вполне определенное — отрицательное. Он записывает в дневник 15 июня:

«В ненастное время, когда все богатые красивые птицы умолкают и прячутся, вылетает из дупла старого дерева худая серая птичка Пролетарий и наполняет сад однообразным металлическим звуком: "Пролетарии всех садов, соединяйтесь!" <...>

С детства я очень интересовался явлением серой птички в ненастье, и раз проследил, куда она исчезает: за старым амбаром заросшая бурьяном была древняя дикая яблонька, и в этой яблоньке дупло черное, величиною в кулак. Я заметил, что серая птичка туда нырнула, просунул руку в дупло — и вот там по-змеиному зашипело. В страхе я бросился бежать от змеиного шипа. Так, в детстве я словно обжегся об эту маленькую серую птичку, в юности пострадал за "пролетария" и теперь с удивлением смотрю вокруг себя, как все молодо, как эти бородатые дети все еще живут теми же самыми младенческими чувствами и говорят юношескими словами иностранными»[29].

Тут же писатель фиксирует свой спор с Горьким:

«На упреки отвечает Горький: "А я что вам говорил, я говорил вам, какой испорченный наш народ, вы же о нем и судили по Достоевскому".

Это неправда: всеми этими материалистами, марксистами поднята только одна враждебная Русь, озлобленная, темная. <...>

Нет, Горький, вы не правы. Злого духа вызываете вы сами, передовые марксисты, социалисты и пролетарии. Идея ваша ни хороша, ни дурна, но средство ваше обратить всю страну, всю нашу природу в стадо прозелитов иностранной фабрично-заводской пролетарской идеи — дурное. <...>

Вы создали контроль Советов и Съезда Советов над нашей пищей. Но поверьте, что над духом моим не вам, пролетарии, создать контроль»[30].

Горький, желая преобразовать не удовлетворяющую его действительность, занимается политикой. М.М. Пришвин ее опасается, записывает в дневник: «Политика страшна тем же, чем страшно описание у Адама Смита разделения труда при изготовлении булавок. Человек, изготовляющий булавочную головку, исчезает за этой головкой, в политике исчезает человек за частностью мертвой. Так и Горький, народный писатель, исчез за булавочной головкой политики, совершенно, без всякого следа утонул в этой бездне частных враждующих сил»[31].

Действительно, в это время Горький, увлеченный политической борьбой, пишет публицистические статьи[32] и не создает художественных произведений.

Бурные события 1917 г. обоими писателями были встречены настороженно, а приход большевиков к власти — отрицательно.

Через несколько дней после Октябрьской революции М.М. Пришвин с ненавистью пишет о газете Горького, которую многие считали большевистской[33]: «Раньше я не понимал сердцем, почему наши "идейные" старики так ненавидят "Новое Время" и как можно так ненавидеть газету. Теперь я совершенно так же ненавижу "Новую Жизнь" и все ее Иудушкино племя»[34]. И добавляет: «Большевики не партия, а дух, порожденный столкновением партий и их словесным бессилием. Против этого духа помрачения должен подняться дух земли и все очистить»[35].

Дух земли не поднялся. Очищения не произошло. 30 января 1918 г., после разгона Учредительного собрания, М.М. Пришвин записывает в дневник: «Чан. Теперь стало совсем ясно, что выходить во имя человеческой личности против большевиков невозможно: чан кипит и будет кипеть до конца, самое большое, что можно — это подойти к этому краю чана и подумать: "Что, если и я брошусь в чан?" <...> Нужно превратиться в безличное, в бессловесное, чтобы потом разом всем восстать из безличного бессловесного (святою скотиною)»[36].

Горький сразу после Октябрьской революции выступал с жесткой критикой действий большевиков. Он писал в статье «К демократии»:

«Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся, якобы по пути "социальной революции" — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции.

На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов — все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин»[37].

Но после разгона Учредительного собрания и Горький приходит к выводу: спорить с большевиками бесполезно. Он перестает выступать со статьями, критикующими их действия, расширяет свое сотрудничество с новой властью. И все же пребывание писателя в России для большевиков нежелательно, поскольку к нему постоянно обращаются за помощью люди, ими обиженные. В.И. Ленин то уговаривает Горького: «Уезжайте, вылечитесь. Не упрямьтесь, прошу Вас»[38]. То зловеще шутит: «Что же это вас еще не взяли...»[39] То откровенно угрожает: «Не поедете — вышлем»[40]. В итоге в октябре 1921 г. писатель покинул Родину.

Оказавшись за границей, Горький снова выступает с критикой того, что происходит в советской России. Наибольшее недовольство большевистской верхушки вызывают его открытые письма А.И. Рыкову и А. Франсу в связи с проходящим в Москве судом над эсерами[41] и брошюра «О русском крестьянстве» (Берлин, 1922).

Еще в «Челкаше», одном из первых своих рассказов, писатель негативно изобразил мужика. Таким оказался итог хождений по русским деревням и селам. Особенно А.М. Пешкову запомнилось посещение Красновидова, где он вместе со старшим товарищем, пропагандистом-народником М.А. Ромасем, пытался объяснить селянам, каким должен быть путь к справедливому обществу. Кончилось это тем, что крестьяне чуть не убили пропагандиста и его юного помощника. Н.В. Валентинов, знавший Горького с 1905 г., вспоминал: «Мужика вообще, а русского в частности, он не терпел еще с 1888 года, после событий в деревне Красновидово на берегу Волги. Русский мужик в его глазах был олицетворением Азии, всего дикого, зверского, бессмысленного, антисоциального, зоологического, и дикость этого мужика он ненавидел с *дикостью деклассированного Челкаша*. Эта часть Челкаша оставалась в его душе нетронутой, живучей даже и в эпоху апогея его европеизма. Перед ним всегда носилось апокалиптическое видение восставших ста миллионов крестьян, под водительством нового Пугачева душащих город, погребающих культуру, все сжигающих, все уничтожающих. Несмотря на то, что во время революции не деревня, а город обнаружил дикость и

зверство, он считал, что нужно уберечь город от нашествия сермяжных варваров»[42].

М.М. Пришвин же не испытывал ненависти к мужикам даже после того, как они его обидели. 9 ноября 1924 г. записал в дневник:

«Наша читальня открылась две недели тому назад, когда еще было тепло, теперь она замерзла, в ней никого нет и нет ничего, кроме изодранного комплекта "Прожектора", который я, несмотря на вражду ко мне общества, все-таки послал.

Да, это кажется очень странным, почему я, писатель Михаил Пришвин, считаюсь врагом общества и ко мне пришли отобрать у меня стул для читальни, но не попросить книг и газет. Другое дело, если бы я был Максим Горький, писатель, враждебный деревне, активный человек, желающий все в деревне переделать по-своему»[43].

Несмотря на разницу мировоззрений, писатели интересовались творчеством друг друга и по достоинству его оценивали. Прочитав «Время Короленко», «Мои университеты», «О вреде философии», М.М. Пришвин 3 ноября 1923 г. написал автору: «Дорогой Алексей Максимович, не знаю, какими словами выразить вам свое восхищение перед последними вашими произведениями в "Красной нови" и в "Беседе", просто скажу, это теперь лучше всего и у вас лучше всего прежнего. Радуюсь»[44]. Горький ответил: «Дорогой Михаил Михайлович — я очень тронут Вашей похвалою писаниям моим, очень обрадован ею»[45], а через некоторое время написал: «...Ждал рукопись и оттиски "Кащеевой цепи", не дождался — пишу снова. И не того ради, чтоб убедить вас принять немецкие, явно невыгодные для вас условия работы в "Беседе", а чтоб перекинуться с вами парой-другой слов... Как вы живете? Как вообще живут люди и литераторы на Руси? Судя по вашим очеркам — интересно, но — тяжко. Да?»[46] М.М. Пришвин ответил с большим опозданием — в 20-х числах января 1925 г. (письмо никак не получалось: «садился сто раз писать, и ничего не выходило»): «Котел художества дается нам здесь воистину святым "житием"» (п. 1).

Несмотря на трудности быта, писатель изменяет свое отношение к власти большевиков. А.Н. Варламов отмечает: «Революция для Пришвина уже с середины двадцатых, а вовсе не тридцатых и не сороковых, — не нарушение хода российской истории, но ее органический элемент и трудный, однако необходимый этап»[47].

Переписка двух литераторов шла неспешно, но не прерывалась. 10 декабря 1925 г. автор «Кащеевой цепи» попросил: «...Захотелось хотя одну бы книгу Вашу иметь от Вас. Пришлите, пожалуйста, и поскорее, хочется почитать хорошего» (п. 2). Горький откликнулся быстро. 31 января 1926 г. М.М. Пришвин сообщил в Сорренто: «Пришли книги, дорогой Алексей Максимович, читали "Отшельника" вслух, это был праздник с радостными

слезами»[48]. Горький ответил: «Я очень взволнован вашим письмом, Михаил Михайлович, я прочитал его с великой радостью. Вы поймете ее, если я скажу вам, что, давно считая вас оригинальнейшим русским художником и глубоким знатоком духа языка нашего, я давно хотел знать ваше мнение о моих книгах и явно понимал, что хвалить их вы — не можете. Я очень люблю ваш талант, необычная ваша жизнь внушает уважение к вам. Вы для меня — большой и настоящий русский человек, образцово и отлично русский. Теперь вам должно быть понятно, почему я так обрадован вашей похвалою "Отшельнику"... М<ожет> б<ыть>, вам это покажется смешным или даже фальшивым, но вот в этом или в 27 году исполнится 35 лет моей работы, а я все еще не знаю, как надо писать, и — учусь»[49]. В очередном письме М.М. Пришвин дал оценку последней части автобиографической трилогии Горького: «О книге "Университеты" говорить не приходится, эта книга — памятник, великий документ громадной личности» (п. 4), а через несколько дней высказался о «Деле Артамоновых», сравнил его с романом Кнута Гамсуна «Соки земли» (за который норвежский писатель в 1920 г. был удостоен Нобелевской премии): «Хорошо начало, свадьба — прекрасно! и до середины отлично нарастает волнение — ярмарка превосходна! Потом как будто вам надоело, все пошло прыжками и кончаешь неудовлетворенный. Досадно, что вы не доносили это свое дитя, по началу обещавшее быть чем-то вроде "Соков земли". Я думаю, что вы по своей широте задумали во время писания этого романа какой-нибудь другой, самый большой, и это стало вам неинтересно. Изумительно ваше богатство этими "соками", ваша гравировка диалогами народной мудрости, в этом никто из предшествующих писателей не может с вами сравниться»[50]. Затем добавил: «А я нисколько не удивился, когда вы написали о себе, что скоро 35-лет<ний> юбилей, а вы учитесь писать и не очень верите в написанное: это говорят в вас самые густые капли, которые остаются на дне вашего бокала. Я только этими каплями и живу»[51]. Горький же в свою очередь, прочитав книгу М.М. Пришвина «Родники Берендея» (М.; Л., 1926), написал автору 22 сентября 1926 г.: «Я думаю, что такого проницательного знатока природы и чистейшего поэта ее, как Вы, М.М., в нашей литературе — не было. Догадывался я об этом еще во времена "Черного араба", "Колобка", "Края непуганых птиц", окончательно убедился, читая совершенно изумительные "Родники". <...> В чувстве и слове Вашем слышу я нечто древнее, вещее и язычески прекрасное, сиречь — подлинно человеческое, идущее от сердца Сына Земли — Великой Матери, богочтимой Вами»[52]. Не менее восторженной была оценка рассказа «Нерль», напечатанного в № 6 «Нового мира» за 1927 г.: «Дорогой М.М., "Нерль" — вещь совершенно изумительная! Это сделано, как гравюра и при том такая, что сам Дюрер, вероятно, позавидовал бы вам. Ни одного лишнего штриха, чудесная стройность, насыщен-

ность и — ощутимость. Вообще — вы достигаете совершенства небывалого в русской литературе и до вас так писать никто не умел»[53].

Давая оценку «Делу Артамоновых», М.М. Пришвин угадал: не успев поставить точку в последнем предложении этой повести, Горький начал работу над самым масштабным своим произведением — «Жизнью Клима Самгина». Познакомившись с началом эпопеи, появившимся в советской прессе, автор «Родников Берендея» написал в Италию: «...Поджидаю продолжения истории Клима, а по первому отрывку как-то судить нельзя» (п. 10), получив от Горького отдельное издание первой части «Жизни Клима Самгина» (Берлин, 1927), высказался более пространно: «У меня осталось такое впечатление, что эта книга — вступление к огромной эпопее, что самое главное впереди, и потому я не стану мешать вам своим разбором. Однако все-таки я не удержусь вам намекнуть, что книга слишком насыщена афоризмами в диалогах, и это утяжеляет чтение, сужу по своему мальчику Пете: он, негодяй, их пропускает! Напротив, изображение такого живого существа, как портниха (1-я любовница Клима), охоты на сома, Ходынки, Нижегородской ярмарки очень поднимает и навсегда запоминается»[54].

В целом М.М. Пришвин весьма высоко оценивал творчество Горького. В одном из писем написал: «Нет, Алексей Макс., не сетуйте на свой талант, большой у Вас талант и, я сказал бы, "без-мерный"» (п. 7).

Горький же М.М. Пришвина ставил в один ряд с классиками отечественной литературы, советовал начинающим беллетристам: «Побольше читайте хороших мастеров словесности: Чехова, Пришвина, Бунина "Деревню", Лескова»[55].

К общественной деятельности Горького, к близости писателя к власти М.М. Пришвин относился неодобрительно и все же обращался к нему с просьбами о помощи различным людям — писателям В.В. Бианки (п. 8) и С.Т. Григорьеву (п. 13), инженеру В.С. Карасеву (п. 11), историку литературы и общественной мысли Р.В. Иванову-Разумнику (п. 18).

Труднее всего было просить за себя, прежде всего потому, что понимал, какие непростые отношения сложились с автором «Жизни Клима Самгина», что в этом в значительной мере виноват и он сам, не всегда по-доброму оценивавший поступки и произведения коллеги по перу. Письмо от 3 октября 1926 г., цель которого — добиться, чтобы Горький написал предисловие к собранию его сочинений, М.М. Пришвин начинает с указания на то, что сближало двух литераторов: «Ваше письмо, Алексей Максимович, о "Родниках" все равно, как и мое об "Отшельнике", говорит, если не о близости верований, то во всяком случае о близости переживаний и духовных опор»[56]. Только после этого говорит о главном: «Я хочу издать собрание своих сочинений. Хотелось бы, чтобы вы написали вступительную статью. Эта статья в интересах издательства и вместе с тем в моих карманных ин-

тересах»[57]. Затем объясняет, почему решился обратиться с просьбой: «Но, если бы я не имел доказательства вашей любви к себе, если бы не было "Детства", "Отшельника", Автоб<иографических> рассказов [произведений, высоко оцениваемых М.М. Пришвиным. — *Ред.*], я бы никогда не обратился к вам с просьбой»[58].

М.М. Пришвин попросил у Горького предисловие, как он честно признался в процитированном выше письме, исходя из «карманных интересов», то есть для того, чтобы легче было найти издателя и на более выгодных условиях заключить договор. Роль же верного толкователя своего творчества писатель определил критику Н.И. Замошкину. 15 октября 1926 г., еще до получения ответа из Италии, автор «Родников Берендея» сообщил ему: «Дорогой Николай Иванович, Вы, очевидно, не получили моего письма, которое написал я Вам по уговору на другой день после нашего закусона у Никитиных. Мне показалось, что у них как-то полу-деловое отношение к издательству, я колеблюсь издавать у них. Но ведь это ничего решительно не значит, по 100 руб. за лист можно продать везде, там или тут издавать я буду очень скоро, и Ваша статья не пропадет. Если даже Ал. Макс. не напишет, обойдемся без него»[59], в конце письма повторил: «Итак, Ник. Ив., действуйте, пишите статью, если Ал. Мак. не даст, мы ничего особенного не потеряем, признаюсь, содержательная статья, подписанная скромным именем, мне больше по душе: я ведь и сам очень скромный, за славой никакникак не гонюсь, охота, по всей правде говоря, заменяет мне всю славу, мне кажется во время охоты, что всю славу я в кулаке держу»[60]. А через 12 дней пришла статья из Сорренто[61].

1-й том Собрания сочинений М.М. Пришвина вышел в свет в Ленгизе в начале сентября 1927 г. Его открывали две вступительные статьи — Горького и Н.И. Замошкина.

Показательно то, как охарактеризовал каждое из предисловий писатель в своем дневнике. 20 сентября 1927 г. он сделал такую запись:

«Из статьи Замошкина о мне:

"Его художественное мышление обращено не в себя, а как бы в свое зеркало — он смотрит на себя как на постороннего. Реальное бытие чужих "я" для него закон. Отсюда индивидуальность М. Пришвина воспринимается через призму, общую для всех людей". По-моему, это сказано замечательно, и я, правда, что-то создал, если только не всякое эпическое повествование создается именно на этом пути, т.е. смотреть на себя как на постороннего и признавать реальность не только чужих "я", но и всяких вещей, как у Гомера, у Толстого и у всех подобных им писателей, созерцающих жизнь людей целостно, а не частично, подпольно»[62].

А предисловие Горького в декабре 1927 г. назвал «глупым дифирамбом»[63]. Позднее высказался так: «...Интеллигенция бранится за то, что я пишу лучше

Горького, а он пишет о мне предисловие, "народ", глядя на Горького, разглядит нечто, мимо чего он прошел бы, не обратив внимания. Это "нечто" — тщательно скрываемая мной ненависть к "публичности", к среднему читателю. Я предназначаю свои книги друзьям, которых немного теперь, в надежде, что когда-нибудь их будет больше, а с Горьким я прямо попаду в лапы врагов своих»[64].

Публичность ведет к различным ограничениям, к несвободе. А М.М. Пришвин очень дорожил свободой, писал Н.И. Замошкину: «Хочется спешить и спешить, чтобы обратить свою жизнь в пример возможной личной свободы. Не вижу другого пути. К счастью, обладаю талантом, а то бы стал воровать и разбойничать»[65]. Если Горький стремился к сближению с властью, хотел быть ее частью, то М.М. Пришвин выбирал тень, опасаясь попасть под властные, все усредняющие ножницы. Показательна в этом отношении история публикации его воспоминаний о Горьком[66]. Возвращение автора «В людях» на Родину, совпавшее с его 60-летним юбилеем, было решено отметить сборником статей и воспоминаний, ему посвященных. Редактор книги И.А. Груздев пригласил к участию в ней и М.М. Пришвина. Он воспоминания написал, но от перепечатки их в более тиражном издании — «Новом мире» — отказался и так объяснил свое решение сотруднику журнала критику Н.И. Замошкину: «Дорогой Николай Иванович, Вы никак не хотите поверить, что я очень сомневаюсь в пригодности статьи о Горьком для "Н.М." В юбилейном сборнике такая вещица пройдет незаметно, в журнале, который читают в школе, везде, она может мне доставить много неприятностей и *огорчить* самого *Горького*. Из-за пустяка может подняться шум, я могу всплыть на поверхность, подвергнуться обстрелу идиотов, и т.д. Не дешево досталось мне мое уединение, возможность независимо писать»[67].

Независимость, которой удалось достичь М.М. Пришвину, поражает. Вот яркий пример. В августе 1933 г. по инициативе Горького на построенный заключенными Беломорско-Балтийский канал имени Сталина выехали 120 писателей. М.М. Пришвин поехал самостоятельно, отдельно от основной группы, очерки об увиденном («Отцы и дети (Онего-Беломорский край)» и «Соловки») написал, написал настолько по-своему, свободно, что в книге «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (М., 1934) места для них не нашлось. Писатель задал Горькому, редактору книги, законный вопрос: почему? (см. п. 15). Но вразумительного ответа не получил. Горький так и не назвал причину непомещения очерков в книгу, лишь извинился за это: «Не думайте, пожалуйста, М<ихаил> М<ихайлович>, что мое отношение к вам как-либо изменилось, нет — вы для меня один из оригинальнейших национальных литераторов, большого таланта и великого упрямства человек»[68]. А.Н. Варламов утверждает, что В.Б. Шкловский отказался «включать Пришвина в сборник»[69]. Сегодня удивляешься не тому, что очерки не попа-

ли в коллективный труд о Беломорстрое, а тому, что они все же были напечатаны — сначала в журнале «Красная новь» (1934. № 1, 2), а затем — в первом томе Собрания сочинений писателя, вышедшем в 1935 г. А.Н. Варламов пишет: «Самая больная тема описанного им строительства — использование рабского труда — получила на страницах новых "Края" и "Колобка" [с включенными в них очерками "Отцы и дети (Онего-Беломорский край)" и "Соловки". — *Ред.*] такое освещение, что, читая иные из пришвинских строк, диву даешься, как мог он их написать и как могли их опубликовать?»[70] Тут невольно вспоминается характеристика, данная Горьким М.М. Пришвину: «Хитроумный и талантливый чорт!»[71]

Как уже было сказано выше, с середины 1900-х годов и до конца жизни Горький был приверженцем философии А.А. Богданова. Он и его единомышленники считали, что за обществом, в основу которого положена идея коллективизма, — будущее, поскольку это общество обеспечивает максимальную производительность труда. В статье 1928 г. «О перспективах хозяйственного и культурного развития» В.А. Базаров писал: «После социалистической революции не только 20%-ные, но и 40–50%-ные коэффициенты ежегодного <экономического> роста могли бы оказаться вполне достижимыми, при одном, однако, условии: при условии, что общество, совершившее социалистический переворот, обладает достаточной общей культурой и всей той суммой технико-экономических знаний и умений, которые необходимы для рационализации народнохозяйственного развития»[72]. Но тут же философ и экономист констатировал: «Но как раз этого-то у нас и нет»[73]. И затем утверждал: «"Культурная революция" есть основа всех наших реконструктивных надежд. <...> И если эта жизненная, почвенная социально-культурная революция развернется в надлежащих формах, масштабах и темпах, победа *нашего* социалистического строительства, а вместе с ним и социализма "планетарного", будет обеспечена»[74].

Для проведения столь необходимой России «культурной революции» и вернулся Горький на Родину в 1928 г. В письме к давней приятельнице Е.Д. Кусковой от 22 января 1929 г. писатель изложил свою точку зрения на происходящее в СССР: «Вы, конечно, не поверите, если я вам скажу, что крестьянин ест мясо, масло, яйца в количествах, о которых он раньше не мечтал. Не поверите и в то, что убийства селькоров и активность деревни, это — борьба против культуры, борьба отцов с детьми, борьба индивидуалистов против коллективистов, борьба, которая будет развиваться до победы последних над первыми. <...> Для меня важно, главным образом, вот что: быстрый и массовый рост личности, рост нового культурного человека... Человека этого я, разумеется, наблюдал не только за время моего пребывания в России истекшим летом, — я с ним нахожусь в общении более 4-х лет. Это — превосходный человек, но очень горяч и доверчив. Ему не нужна та мелкая, проклятая

правда, среди которой он живет, — ему необходимо утверждение той правды, которую он сам создает»[75]. Горький был убежден, что для построения общества на принципе коллективизма, утверждения новой правды необходим *быстрый* культурный рост масс, прежде всего сельской молодежи. Решению этой задачи должны помочь журналы «Наши достижения», «Литературная учеба», «Колхозник», книжные серии «История Фабрик и Заводов», «Жизнь замечательных людей», многотомная «История Гражданской войны» и другие издательские проекты, с которыми писатель выступил в конце 1920-х и в 1930-е годы.

Еще в феврале 1925 г. М.М. Пришвин записал в дневник: «Этого со мной никогда не было, чтобы я считал себя чем-то исключительным. Я знал всегда, что у меня в хоре был свой верный голос, и это давало мне счастье. Теперь я чаще и чаще думаю, что я в оставшейся [в России] литературе единственный писатель, у меня явилось раздражение, даже злоба к писателям, и к своему сочинению такое отношение, это вот напишу, издам его для того, чтобы ударить их по харям. Это от духовного голода, от нищеты и вполне естественно. С этим надо бороться, отступая глубже к себе самому, с одной стороны, и, с другой, как можно больше стушевываясь в обществе (личину вырабатывать)»[76]. И через два года мысль, с которой, по его мнению, необходимо бороться, не покидает М.М. Пришвина. Он записывает в дневник 21 марта 1927 г.: «Мне кажется, я начинаю ненавидеть писателей, каких-то честолюбивых обезьян, и особенно тех, кто имеет успех в наше время. Успех в наше время почему-то особенно быстро отпечатлевается обезьяньим выражением. <...> Несомненно, и мой успех тоже дает эти обезьяньи черты и, вероятно, потому что я их очень чувствую — держусь пустынником: на людях не избежать. Боже мой, закутавшись вечером одеялом, ведь я способен улыбаться кому-то детской улыбкой, не шевеля своих толстых, покрытых конской щетиной щек. Но днем на людях как я могу улыбаться, не безобразя человека»[77].

Самым успешным советским писателем был Горький. Неприязненное чувство к нему усиливали два обстоятельства: он жил в теплой, сытой Италии и печатался за границей. М.М. Пришвин же публиковаться вне России не хотел. Он объяснил в письме к Л.Д. Троцкому от 24 августа 1922 г., почему выступает против опубликования своей повести «Мирская чаша» за рубежом: «...В той обстановке она будет неверно понята, и весь смысл моего упорного безвыездного тяжкого бытия среди русского народа пропадет»[78].

Не только М.М. Пришвиным, но и многими другими советскими писателями вернувшийся в Россию Горький был встречен недоброжелательно. В этом была и его вина: слишком высокомерно по отношению к ним он себя повел[79]. Главный редактор «Нового мира» критик В.П. Полонский в январе 1929 г. записал в дневник: «Был [А.Н.] Тихонов... О Горьком говорит нео-

добрительно: нет, говорит, ни одного человека, который отозвался бы о его последнем пребывании с одобрением. Всех обидел»[80]. Через два года тот же В.П. Полонский фиксирует в дневнике: «Статья Горького об издательской работе, о недобросовестности и пр. в "Правде" и "Известиях" <"О работе неумелой, недобросовестной и т.д." — *Ред.*> — вызвала шум в писательской среде. Он справедливо вздул ГИЗ и ГИХЛ — за безобразную работу, за неграмотных редакторов, за "прорывы" и пр. Но мимоходом он обругал нескольких писателей — так, <за> здорово живешь, походя, — среди них некоторых зря, обругал, между прочим, и А. Окулова. На заседании правления Союза он обрушился на Горького с бранью и упреками, говорил о том, что Горький гадил на революцию и т.д. <...> Странная вещь: писатели Горького не любят, не терпят. О нем со злобой говорит Пришвин. С иронией — Сергеев-Ценский. С завистью и недоброжелательством — остальные»[81].

Такое отношение к Горькому, помимо причин, названных выше, объясняет дневниковая запись М.М. Пришвина, сделанная 1 июля 1928 г.: «Горький барин, мы мужики»[82]. И тут же, рядом: «Всякое продвижение героя <за которое ратует Горький. — *Ред.*> хотя бы на один сантиметр сопровождается великим страданием внизу»[83]. Но автор «Матери» этого не хотел замечать.

Все-таки вначале с возвращением Горького М.М. Пришвин связывал определенные надежды. Он записал в дневник 30 мая 1928 г.: «В понедельник приехал Горький. Отправил Леву к нему с просьбой назначить свидание. Я представляю себе приезд Горького чем-то вроде ухода Толстого. Через несколько месяцев он должен погибнуть: ну, как это мыслить борьбу за свободу слова в обстановке такой политической тревоги и хозяйственной разрухи»[84]. Чтобы мысль писателя была более понятна, приведем отрывок из его письма к критику Н.И. Замошкину, написанного четырьмя месяцами ранее в связи с очерком «Мятежный наказ»: «...Николай Иванович, свою статью читал я только Григорьеву, который ее не одобрил. Я ее не осознал и послал под контроль любящего Горького редактора сборника Груздева. Я знаю, что статья дефектна, но сомневаюсь, что она именно такая, какая нужна. Я очень боюсь, что несомненно существующая оппозиция Горькому поставит меня в ложное положение ее вождя. На самом деле (что не сказано в очерке) я жду от Алексея Максимовича большого заключительного движения его богатой натуры, движения, подобного уходу Л. Толстого. Я жду с его приездом лучших возможностей для литературы»[85]. В ожидании предстоящей встречи М.М. Пришвин заносит в дневник свои размышления:

«Возможно, что мы в этом втором пришествии Максима Горького испытываем редкое зрелище пустоты всякой славы. Нам, подготовленным, наученным мастерству в производстве советских праздников, теперь до тошноты все очевидно в происхождении славы. <...>

Если говорить Горькому все, то надо говорить, прежде всего, о его юбилее. Надо сказать, что юбилей его сделан не обществом, не рабочими, крестьянами, писателями и почитателями, а правительством, совершенно так же, как делаются все советские праздники. Правительство может сказать сегодня: "целуйте Горького!" — и все будут целовать, завтра скажет: "плюйте на Горького!" — и все будут плевать <...>

Если не случится какая-нибудь перемена в политике, то Горький скоро обратится в ничто. А если произойдет неведомая мне перемена, то Горький может еще сыграть какую-то роль. В том и в другом случае мне с Горьким не по пути, потому что старинный опыт доказал мне в себе полное отсутствие политических и дипломатических способностей. Я могу быть полезен обществу только на расстоянии от него в углубленном раздумье.

Если ехать к Горькому, то ни в коем случае не депутатом от литературы. Ехать просто из любопытства к жизни: может быть Горький скажет что-нибудь из своего плана хорошее. Он сам интересен, и побывать у него надо, хотя и тяжело»[86].

Встреча двух писателей состоялась 2 июня 1928 г. Через несколько дней после нее М.М. Пришвин сообщил Н.И. Замошкину: «Дорогой Николай Иванович, в субботу я провел весь день у Горького и не был в состоянии побывать у Вас: прямо от него на поезд. <...> Я свой долг в отношении <зачеркнуто: Горького. — *Ред.*> к обществу выполнил, как мог. Впечатление от Горького очень радостное, хотя все мне как-то не очень ясно... Но я не буду писать об этом, очень трудно. Приезжайте, все расскажу»[87]. В дневнике писатель был еще более краток: «Горький постарел и подобрел»[88].

Горький приехал в СССР с определенными планами (о них было сказано выше). Но у него было весьма смутное представление о внутриполитической ситуации, сложившейся в стране к этому времени. Е.П. Пешкова попыталась ее разъяснить, но успеха не достигла, говорила потом своим знакомым: «Я все ему рассказала, да что поделаешь, он стал на своем, не разубедишь»[89]. Негативную роль сыграла особенность писателя, которую современники называли «глухим ухом». Н.Н. Берберова вспоминала: «Спорить с Горьким было трудно. Убедить его в чем-либо нельзя было уже потому, что он имел удивительную способность: не слушать того, что ему не нравилось, не отвечать, когда ему задавался вопрос, на который у него не было ответа. Он "делал глухое ухо", как выражалась М.И. Будберг»[90]. Даже собственный жизненный опыт Горького ничему не научил. В 1908 г., пригласив на Капри В.И. Ленина и А.А. Богданова, писатель приложил максимум усилий к тому, чтобы примирить политиков. Успеха не достиг. Но и спустя 20 лет он считал, что сможет в случае необходимости сгладить противоречия между И.В. Сталиным и его оппонентами, решить все «по-хорошему». Этого ему сделать, конечно, не удалось. Зато своим неверным представлением о

внутриполитической ситуации писатель сильно навредил своему ближайшему помощнику по работе в «Летописи» и «Новой жизни» В.А. Базарову. Горький свел его с А.И. Рыковым, надеясь, что Предсовнаркома поможет в организации нового печатного органа, не видя, что в это время идет ожесточенная борьба И.В. Сталина с «правой оппозицией». М.М. Пришвин отметил в дневнике 15 ноября 1928 г.: «Тихонов рассказывал подробности Горьковской авантюры с журналом. По-видимому, дело было таким образом: Горький вел переговоры с правыми (Рыков и др.); а пока переговаривались, эти правые были объявлены "правым уклоном", Горький удрал, и вся его авантюра тяжкой виной легла на Базарова»[91]. В 1929 г. Горький все-таки приехал в СССР, но, увидев обострение ситуации, покинул страну надолго, вернулся лишь тогда, когда положение окончательно прояснилось. За это время А.И. Рыкова сняли с его высокого поста, а В.А. Базарова за связь с бывшим председателем Совнаркома посадили на скамью подсудимых по делу «Союзного бюро меньшевиков» и как «специалиста-вредителя» приговорили к пяти годам лишения свободы[92].

Надежды М.М. Пришвина, связанные с Горьким, начали рассеиваться вскоре после встречи с ним, как только стало известно о первом издательском проекте писателя. 14 июня 1928 г. автор «Родников Берендея» записывает в дневник: «"Наши достижения" — называется предполагаемый журнал Горького. Думаю, что наши достижения состоят главным образом в Гепеу»[93]. И тут же напоминает себе: «Повторяю тебе, писатель Пришвин, будь осторожен, носа в общественность не суй»[94].

От надежды сразу отказаться трудно. Писатель размышляет:

«Горький продолжает меня тревожить своей оценкой современности "по-хорошему". Я, может быть, и сам бы занял эту позицию, если бы разрешалось прикидывать мысль по-плохому. А так это напоминает мне натаски молодой собаки в период, когда нельзя охотиться: в это время учитываешь дело именно по-хорошему, считая, что ко времени охоты дело натаски так продвинется вперед, что хорошее возобладает. Верней всего, у Горького (я тоже сужу его "по-хорошему") за границей наметилось такое будущее вроде 1-го Августа у нас, охотников, когда хорошее возобладает. Несомненно, это будущая мировая война с победой пролетариата. В свете этой катастрофы он и смотрит на всю советскую натаску русского народа "по-хорошему".

Что же в этом так волнует меня как-то не по-хорошему?

Прежде всего, у меня в душе есть от близости к бедствиям людей во время революции травма, которая не дает мне возможность смотреть на общественную жизнь по-хорошему. Очень возможно, что я могу за деревьями не увидеть леса — вот почему беспокоит меня это второе пришествие Горького.

Свою "травму" я побеждаю только целебным процессом художественного творчества... Я и желал бы выйти за пределы своей травмы и боюсь выйти за

пределы своего назначения (призвания), боюсь сверхчеловека, Блоковского "Христа", Горьковского публичного деятеля»[95].

Надежда окончательно рухнула, когда одновременно в двух газетах — «Правде» и «Известиях» — 7 октября 1928 г. была напечатана статья Горького «"Механическим гражданам" СССР. *Ответ корреспондентам*». В этот же день М.М. Пришвин записал в дневник:

«Читал фельетон Горького "Механическим гражданам", в котором он самоопределяется окончательно с большевиками против интеллигенции.

Я допускаю, что все мы (и я в том числе) ворчим на власть или ругаем ее, исходя от точки своего личного поражения, что власть эта порождена нами же, и если она плоха, то виноваты мы сами. Вследствие этого считаю своим долгом терпеливо переносить все личные невзгоды, как можно лучше, больше работать и бунтовать не против существа этой власти, а против условий моего труда. Чувствую, что нас, таких честных людей, довольно. В этой атмосфере пристойного молчания о власти, являющейся нашей собственной болезнью, голос Горького, восхваляющий власть, очень неприятен... кому он хвалит ее, кому втирает очки "достижениями"?..

Давно ли в личной беседе он ратовал за критику против "самокритики" и обещал даже критическую газету? А вот прошло четыре месяца, и он уже забыл критику и восхваляет "самокритику".

Но Бог с ним, с этим талантливым, хитрым, но неумным человеком. Горько, что с Горьким теряется надежда на твердую руку, поддерживающую нас, "последних из могикан", в своей молчаливой работе»[96].

Писатель отметил в статье Горького то, что задело его больше всего, — отход от традиций старой, с дореволюционным стажем, интеллигенции. Но статья была направлена против всех жителей Советского Союза, попавших в трудную жизненную ситуацию и решивших обратиться к Горькому за помощью. Многие из этих людей, кстати сказать, гражданами не являлись, поскольку были лишены ряда гражданских прав, например, права участвовать в выборах. Их называли лишенцами. М.М. Пришвин в дневнике, а режиссер К.М. Миклашевский в письме указали Горькому на его неправоту: «Вам бы надо быть менее поверхностным в деле страдания всех людей... ибо они обречены вечно страдать по день своей смерти»[97].

Еще дальше друг от друга развела двух писателей коллективизация. Горький, коллективист-богдановец, боящийся патриархальной деревни, воспринял коллективизацию восторженно. Он написал И.В. Сталину 8 января 1930 г.:

«...После того, как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма — социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это — переворот почти геологический и это больше, неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал челове-

ка крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника. Таких людей два десятка миллионов. Задача перевоспитать их в кратчайший срок — безумнейшая задача. И, однако, вот она практически решается.

Вполне естественно, что многие из миллионов впадают в неистовое безумие уже по-настоящему. Они даже не понимают всей глубины происходящего переворота, но они инстинктивно, до костей, чувствуют, что начинается разрушение самой глубочайшей основы их многовековой жизни... И вот люди, механически усвоившие революционную фразу, революционный лексикон, бешено ругаются, весьма часто скрывая под этой фразой мстительные чувства древнего человека, которому приходит "конец". Обратите внимание: из Сибири, с Д. Востока ругаются всего крепче, там и мужик крепче. <...> Пускай ругаются...

А, в общем, все идет отлично. Гораздо лучше, чем можно было ожидать...

Пользуясь случаем, еще раз поздравляю с полустолетней службой жизни. Хорошая служба»[98].

М.М. Пришвин, видя страдания деревни, в это же время записал в дневник:

«А.Н. Тихонов... все неразумное в политике презрительно называет "головотяпством". Это слово употребляют вообще и все высшие коммунисты, когда им дают жизненные примеры их неправильной, жестокой политики. Помню еще Каменев на мое донесение о повседневных преступлениях ответил спокойно, что у них в правительстве все разумно и гуманно. "Кто же виноват?" — спросил я. "Значит народ такой", — ответил Каменев.

Теперь то же самое, все ужасающие преступления этой зимы относят не к руководителям политики, а к головотяпам. А такие люди, как Тихонов, Базаров, Горький еще отвлеченнее, чем правительство, их руки чисты не только от крови, но даже от большевистских портфелей... Для них, высших бар марксизма, головотяпами являются уже и Сталины... Их вера, опорный пункт — разум и наука. Эти филистеры и не подозревают, что именно они, загородившие свое сердце стенами марксистского "разума" и научной классовой борьбы, являются истинными виновниками "головотяпства"»[99].

Положение на селе из-за коллективизации и сопутствующей ей индустриализации с каждым днем становилось все трагичнее. Секретарь ЦК ВКП(б) М.М. Хатаевич, посланный главою советского государства на Украину для выяснения сложившейся там обстановки, 12 марта 1933 г. написал И.В. Сталину: «Я буквально завален ежедневными сообщениями и материалами о случаях голодных смертей, опуханий и заболеваний от голода... Последние дни все чаще поступают сообщения о трупоедстве и людоедстве»[100]. Аналогичная ситуация наблюдалась везде, где главным образом выращивались зерновые культуры. Несколько легче было в местностях, культивировавших картофель.

И все же то, что связывало двух писателей — служение отечественной литературе было сильней разногласий. Их отношения продолжались. 3 марта 1934 г. М.М. Пришвин послал старшему коллеге по перу свою очередную книгу «Жень-шень, корень жизни» (М., 1934). Прошло почти два месяца — ответа нет. И он высказывает свое недоумение (см. п. 15). На это письмо Горький отвечает сразу: «Михаил Михайлович, дорогой — получив "Жень-шень", я — мысленно — поблагодарил вас за добрую память, а написать вам — не собрался, в чем искренно винюсь»[101]. А когда вскоре пришел пришвинский «Золотой рог» (Л., 1934), Горький откликнулся без задержки: «Дорогой Михаил Михайлович — получил Вашу прелестную книгу, горячо благодарю за подарок» (п. 16).

В своем последнем письме, посланном 6 января 1935 г., М.М. Пришвин сообщил: «...Я послал Вам в Крым две свои книги» (п. 20) и попросил содействия в издании Собрания сочинений. Горький ответил через две недели: «Дорогой Михаил Михайлович — виноват пред вами, запоздал ответить на вопрос ваш по поводу издания Собрания сочинений ваших. А теперь — как будто — вы уже и не нуждаетесь в ответе, ибо, слышал я, Накоряков заключил с вами договор по изданию его»[102].

О смерти Горького М.М. Пришвин узнал, возвращаясь из Кабарды, куда ездил по заданию «Известий». 20 июня 1936 г., в день, когда прах писателя замуровали в Кремлевскую стену, автор «Кащеевой цепи» записал в дневник: «...У самой Москвы узнали о смерти Горького. Несколько часов углубленно думал и понял М. Горького как человека исключительно удачливого и счастливого... Послал молнию утром Леве и Ставскому, что изнемог и прошу Леву быть представителем на похоронах... Лева говорил, что не попал на митинг, а то бы сказал он о том, как любил Горький Пришвина и как он, Алпатов, в течение 8 лет не мог добиться свидания Горького с Пришвиным. А ведь это правда!»[103]

М.М. Пришвин в течение всей жизни много размышлял о Горьком, хотел даже написать книгу о нем, придумал для нее название, составил план, записал в дневник 23 января 1941 г.:

«Пришло название книги о Горьком "Начало века". Сходить в музей Горького и поговорить с Бончем о "чемреках". Основное раздвоение: народ (Легкобытов) и интеллигенция (Мережковский).

Основное единство: "я не народник, но я от народа, я ходок от народа", Горький и родина. Значит основной распад: интеллигенция и народ; а у Горького единство в родине.

Итак, три темы: 1) Интеллигенция (Мережковский). 2) Народ (секта "Начало века"). 3) Родина (Горький, единство)»[104].

Книга не была написана. Помешала начавшаяся война и, вероятно, большое различие во взглядах на жизнь, которое было у двух писателей.

Лучше понять непростые отношения, сложившиеся между Горьким и М.М. Пришвиным, разобраться в том, что их связывало и что разъединяло, поможет публикуемая ниже переписка.

Начало публикации переписки двух писателей было положено в 1955 г., когда в 30-томное Собрание сочинений Горького было включено 4 письма к М.М. Пришвину (одно из них было напечатано с купюрой). В 1963 г. вышел 70-й том «Литературного наследства» «Горький и советские писатели». Для него Е.Г. Коляда подготовила 15 писем Горького (из них одно было напечатано с купюрой) и 20 писем М.М. Пришвина (из них два были напечатаны с купюрами). В 1988 г. в 95-м томе «Литературного наследства» «Горький и журналистика начала XX века» Е.В. Иванова и А.В. Лавров опубликовали отрывки из письма М.М. Пришвина Горькому от 25 июля 1934 г. 4 февраля 1998 г. Н.Г. Ларионова напечатала в «Правде» 3 письма М.М. Пришвина (в каждом письме имеется пропуск слов или неверное их прочтение).

Мы публикуем впервые одно письмо Горького (п. 14) и 8 писем М.М. Пришвина (п.п. 4, 5, 11, 13, 15, 17, 19, 20). С восстановлением купюр и исправлением неверных прочтений печатается одно письмо Горького (п. 16) и 6 писем М.М. Пришвина (1, 2, 3, 8, 10, 18). Одно письмо Горького (п. 12), отсутствующее в *АГ*, перепечатывается из воспоминаний Н.В. Реформатской «О Пришвине» (Юность. 1973. № 6). Из опубликованных дневников М.М. Пришвина перепечатываются 3 его письма (п. 6, 7, 9), отсутствующие в *АГ*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ЛН. Т. 70.* С. 335 (письмо написано 17 октября 1926 г.; публ. Е.Г. Коляды).

[2] Там же. С. 338 (письмо написано в конце октября 1926 г.).

[3] Горький написал Вс.В. Иванову 25 августа 1922 г.: «Писательство очень ответственное дело, а не только приятная или любимая работа» (*Горький. Письма.* Т. 14. С. 78). М.М. Пришвин свою ответственность перед другими, как писателя, понимал следующим образом: «Каждое свое произведение я считал ключом свободы для всех, кто только читает меня» (*Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1983. Т. 3. С. 36). А в конце жизни, рассуждая о том, почему так тяжело идет работа над «Осударевой дорогой», записал в дневник: «...Кто бы взялся за перо писателя, если бы вперед знал, чего стоит по-настоящему рожденное слово. Знаю, что подстилало доброе дело Беломорского канала, но я хотел не о подстилке написать, а о том, как по-доброму отразилось в душе мальчика строительство канала. Гадость подстилает не только канал, но и все на свете, если будем искать гадость — найдем, гораздо труднее найти хорошее. Не порочность в основе моей работы, но здоровье и добро, а долго писалось, потому что трудно было

справиться с мерзостью и вытащить из нее живую душу младенца» (Там же. М., 1986. Т. 8. С. 508–509).

[4] *Баранова Н.* М. Горький и М. Пришвин в 20-е годы // Советская литература 20-х гг.: Материалы межвузовской научной конференции. Челябинск, 1966. С. 145–158; *Антонов Г.М.* Пришвин в оценках А.М. Горького // *Горьковские чтения. 1975.* С. 114–121; *Антонов Г.М.* Пришвин и Горький // Пришвин и современность. М., 1978. С. 92–98; *Сохряков Ю.И.* М. Горький и М. Пришвин // *Горьковские чтения. 1982.* С. 93–99; *Киселев А.Л.* М. Пришвин и русские писатели XX века. Куйбышев, 1983; *Гринфельд Т.Я.* М. Горький и М. Пришвин в 1920-е годы: тема человека и природы // *Горьковские чтения. 1984.* С. 77–83; *Гринфельд Т.Я.* М. Горький и М. Пришвин: Изображающее слово в пейзаже // *Горьковские чтения. 1986.* С. 90–96; *Холодова З.Я.* Автобиографическая трилогия М. Горького и «Кащеева цепь» М. Пришвина: Герой и действительность // Там же. С. 97–103; *Островская С.Д.* М. Пришвин и С. Клычков в кругу чтения М. Горького. 1926–1928 гг.: По материалам личной библиотеки Горького // *Горьковские чтения. 2004.* С. 331–338.

[5] *Холодова З.Я.* Художественное мышление М. Пришвина: Содержание, структура, контекст. Иваново, 2000. С. 288.

[6] *Варламов А.Н.* Пришвин. 2-е изд. М., 2008. С. 294.

[7] *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927 / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной и Л.А. Рязановой. М., 2003. С. 527–528.

[8] Подробнее см.: *Никитин Е.Н.* Максим Горький и российские социалисты (1897–1917 гг.) // Вопр. истории. 2008. № 8. С. 24–43; *Никитин Е.Н.* Горький и идея коллективизма // *Концепция мира и человека.* С. 188–223; *Спиридонова Л.А.* «М. Горький и А. Богданов. Неизвестная переписка 1908–1910 гг.» // *Горький в зеркале эпохи.* С. 9–20.

[9] *Пришвин М.М.* Дневники 1920–1922 гг. / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной и В.Ю. Гришина. М., 1995. С. 275.

[10] *Горький и корреспонденты.* С. 138.

[11] *Пришвин М.М.* Ранний дневник. 1905–1913 / Подгот. текста Л.А. Рязановой и Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной. СПб., 2007. С. 302 (запись не имеет даты).

[12] *Рязанова Л.А.* «Векселя, по которым когда-то придется расплачиваться...» Михаил Пришвин о Максиме Горьком: <Вступительная статья к публикации дневниковых записей М.М. Пришвина> // Дружба народов. 1993. № 6. С. 229.

[13] *Горький. Письма.* Т. 8. С. 185 (письмо написано 9 или 10 (22 или 23) ноября 1910 г.).

[14] Там же. С. 197 (письмо написано 23 ноября (6 декабря) 1910 г.).

[15] Там же. Т. 9. С. 86.

[16] *ЛН. Т. 70.* С. 320.

[17] *Горький. Письма.* Т. 9. С. 111 (письмо написано 12 (25) сентября 1911 г.).

[18] Там же. С. 117 (письмо написано 22 сентября (5 октября) 1911 г.).

[19] *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917 / Предисл. В.Д. Пришвиной; Подгот. текста Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной и В.Ю. Гришина. М., 1991. С. 120.

[20] Там же. С. 145.

[21] Там же. С. 180–181.

[22] Там же. С. 181 (запись сделана 18 июля 1915 г.).

[23] *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 538 –539 (запись сделана 31 декабря 1927 г.).

[24] Там же. С. 539. В процитированной дневниковой записи М.М. Пришвин приводит слова Горького из письма от 12 февраля 1927 г. Полностью фраза выглядит так: «Утверждаю, что мир будет счастлив и велик лишь с того дня, когда весь человек его удивится себе самому» (*ЛН. Т. 70.* С. 342). О своем непонимании этого утверждения Горького М.М. Пришвин сказал и в очерке «Мятежный наказ»: «Я себе никогда не мог представить творца не только мира, но просто художника *почивающим*: как только почил, так перестал быть творцом, и как только сам себе удивился, значит, почил» (*Горький. Сборник.* С. 197).

[25] *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 157 (запись сделана 1 ноября 1926 г.).

[26] *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. М., 1991. С. 195.

[27] В «Летописи» М.М. Пришвин поместил цикл небольших новелл «Грезица» (1917. № 2/4), в «Новой жизни» — три очерка под одним заголовком «От земли и городов» и статью «Не надо революции» (1917. № 19, 40, 76, 94. 10 мая, 4 июня, 16 июля, 6 августа).

[28] *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. М., 1991. С. 258 (запись сделана 18 марта 1917 г.).

[29] Там же. С. 306–307.

[30] Там же. С. 307–308.

[31] Там же. С. 373–374 (запись сделана 14 октября 1917 г.).

[32] Подробнее см.: *Никитин Е.Н.* Несвоевременный Горький: О публицистике 1914–1918 гг. // *Горьковские чтения. 2004.* С. 107–112.

[33] 10 (23) мая 1917 года «Свободная Россия» назвала Горького редактором «доктринерской, всуе шатающейся *большевистской* "Новой Жизни"» (выделено нами. — *Е.Н.*). В печати «Правда» и «Новая жизнь» часто ставились рядом. 1 (14) июня 1917 года плехановское «Единство» в неподписанном маленьком фельетоне «Предсказания» писало: «Июль 13. Новое министерство: министр-председатель Гавриил Перпентюшкин; министр внутренних дел и путей сообщения — Ленин; министр иностранных дел, земледелия и снабжения — Максим Горький; обер-прокурор Синода — Стеклов-Нахамкес, как дважды православный. Остальные министерства за ненадобностью упразднены. Июль 15. В Петрограде осадное положение. Все буржуазные газеты, кроме "Правды" и "Новой Жизни", закрыты. Июль 17. Назначаются в Сенат первоприсутствующими: Суханов, Гольденберг и А. Бенуа. Остальные сенаторы уволены <...> Сентябрь 14. Министр иностранных дел М. Горький предложил прекратить навсегда дипломатические сношения с капиталистическими и буржуазными государствами Францией и Англией. Все французские и английские поддан-

ные должны быть высланы в 24 часа. Сентябрь 18. Газеты "Правда" и "Новая жизнь" печатаются на немецком языке».

[34] *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. М., 1991. С. 380 (запись сделана 30 октября 1917 г.).

[35] Там же (запись сделана 30 октября 1917 г.).

[36] *Пришвин М.М.* Дневники. 1918 — 1919 / Подгот. текста Л.А. Рязановой и Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной и В.Ю. Гришина. М., 1994. С. 26.

[37] Новая жизнь. 1917. № 174. 7 ноября.

[38] *Ленин и Горький.* С. 213.

[39] *Чуковский К.И.* Дневник: В 3 т. / Сост., подгот. текста и коммент. Е.Ц. Чуковской; Предисл. В.А. Каверина. М., 2011. Т. 1. С. 267 (запись сделана 14 ноября 1919 г.).

[40] *Ленин и Горький.* С. 388.

[41] *Горький. Письма.* Т. 14. С. 66–67, 413–416 (автор примечаний к письмам Л.А. Спиридонова).

[42] *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1991. С. 181.

[43] *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925 / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной и Н.Г. Полтавцевой. М., 1999. С. 184.

[44] *ЛН. Т. 70.* С. 325.

[45] *Г-30.* Т. 29. С. 417 (письмо написано 20 ноября 1923 г.).

[46] *ЛН. Т. 70.* С. 326 (письмо написано 15 января 1924 г.).

[47] *Варламов А.Н.* Пришвин. 2-е изд. М., 2008. С. 250.

[48] *ЛН. Т. 70.* С. 328.

[49] Там же. С. 329–330 (письмо написано 11 февраля 1926 г.).

[50] Там же. С. 330 (письмо написано 10 апреля 1926 г.).

[51] Там же.

[52] *Г-30.* Т. 29. С. 476.

[53] *ЛН. Т. 70.* С. 348 (письмо написано 18 июня 1927 г.).

[54] Там же. С. 352 (письмо написано 2–3 ноября 1927 г.).

[55] *Горький М.* Письма начинающим литераторам // *Г-30.* Т. 25. С. 130.

[56] *ЛН. Т. 70.* С. 332.

[57] Там же. С. 333.

[58] Там же.

[59] *РГАЛИ.* Ф. 2569. Оп. 1. Д. 351. Л. 7.

[60] Там же. Л. 8 об.

[61] См.: *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 155.

[62] Там же. С. 465–466.

[63] Там же. С. 526 (запись сделана 6 декабря 1927 г.).

[64] *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929 / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной и Л.А. Рязановой. М., 2004. С. 308 (запись сделана 9 ноября 1928 г.).

[65] *РГАЛИ.* Ф. 2569. Оп. 1. Д. 352. Л. 19 (письмо написано 6 марта 1929 г.).

[66] *Пришвин М.М.* Мятежный наказ // *Горький. Сборник.* С. 187–199. Воспоминания увидели свет не в том виде, как они были первоначально написаны. В феврале 1928 г. М.М. Пришвин сообщил Н.И. Замошкину: «Груздев мне уже прислал верстку очерка о Горьком; он кое-что выбросил в нем (о соц. заказе, Мережковском), с своей стороны я выбросил всю 1-ю главу о слове и дурочке, "святое ремесло" назвал "делом", устранил некоторые нелепости» (*РГАЛИ.* Ф. 2569. Оп. 1. Д. 352. Л. 9–9 об.).

[67] *РГАЛИ.* Ф. 2569. Оп. 1. Д. 352. Л. 3 (письмо написано 31 января 1928 г.).

[68] *ЛН. Т. 70.* С. 362 (письмо написано 28 апреля 1934 г.).

[69] *Варламов А.Н.* Пришвин. 2-е изд. М., 2008. С. 342.

[70] Там же. С. 336.

[71] *Горький М.* Письмо Л. Авербаху от начала марта 1933 г. // *Горький и корреспонденты.* С. 618 (публ. О.В. Быстровой).

[72] Экономическое обозрение. 1928. № 6. С. 60.

[73] Там же.

[74] Там же. С. 64.

[75] Цит. по: *Кускова Е.Д.* Трагедия Максима Горького // Новый журнал (Нью-Йорк). 1954. № 38. С. 241–242.

[76] *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 223.

[77] *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 231.

[78] *Пришвин М.М.* Дневники. 1920–1922. М., 1995. С. 260.

[79] Горький, например, счел возможным написать заведующему Отделом печати ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлису: «Пришвин, старый и верный ученик Иванова-Разумника, конечно, неизлечим, но все же он — сравнительно с прошлым — подвинулся вперед и налево... Ан. Платонов — даровитый человек, испорчен влиянием Пильняка и сотрудничеством с ним. П. Васильева я не знаю, стихи его читаю с трудом. Истоки его поэзии — неонародническое настроение — или: течение — созданное Клычковым — Клюевым — Есениным, оно становится все заметней, кое у кого уже принимает русофильскую окраску и — в конце концов — ведет к фашизму» (цит. по: *Примочкина Н.Н.* Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов. М., 1996. С. 61).

[80] Новый мир. 2008. № 2. С. 150 (публ. С.В. Шумихина).

[81] Там же. № 4. С. 131.

[82] *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. М., 2004. С. 86.

[83] Там же.

[84] Там же. С. 56–57.

[85] *РГАЛИ.* Ф. 2569. Оп. 1. Д. 352. Л. 2 (письмо написано 24 января 1928 г.).

[86] *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. М., 2004. С. 57, 59–60.

[87] *РГАЛИ.* Ф. 2569. Оп. 1. Д. 352. Л. 21 (письмо написано 6 июня 1928 г.).

[88] *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. М., 2004. С. 62 (запись сделана 3 июня 1928 г.).

[89] Слова Е.П. Пешковой цит. по: *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. М., 2004. С. 319 (запись сделана 18 ноября 1928 г.). Интересна также запись, сделанная через

несколько дней, 24 ноября: «Уже давно сложилось в обществе, что 1-я жена Горького, Екатерина Павловна, человек замечательной совести. Мне очень хотелось знать ее мнение о поведении у нас Максима. Вот что мне передали. Екат. Павл. будто бы сказала: "Его нельзя разубедить, он остановился на известной точке зрения, и ему представляется именно таким, как он об этом пишет"...» (Там же. С. 325).

[90] *Берберова Н.Н.* Курсив мой: Автобиография / Вступ. статья Е.В. Витковского; Коммент. В.П. Кочетова и Г.И. Мосешвили. М., 1996. С. 216.

[91] *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. М., 2004. С. 316.

[92] Подробнее см.: *Никитин Е.Н.* Философ-коллективист // Библиография. 2002. № 4. С. 100–120.

[93] *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. М., 2004. С. 71.

[94] Там же. С. 69.

[95] Там же. С. 188–189 (запись сделана 18 августа 1928 г.).

[96] Там же. С. 277.

[97] Цит. по: *Евдокимов А.В.* Ответ М. Горького «механическим» гражданам // *Публицистика Горького.* С. 435.

[98] Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 215 (письмо написано 8 января 1930 г., его выявила и подготовила к печати З. Чернова).

[99] *Пришвин М.М.* Дневники. 1930–1931 / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной. СПб., 2006. С. 50 (запись сделана 16 марта 1930 г.).

[100] Цит. по: *Кондрашин В.В.* И.В. Сталин и голод 1932–1933 гг. в УССР: проблема ответственности Центра и республиканского руководства // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6. С. 206. См. также: Голод в СССР. 1930–1934 гг.: Подборка документов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива экономики, Российского государственного военного архива, Архива Президента Российской Федерации, Центрального архива ФСБ России о проблеме голода в СССР в начале 30-х годов XX века / Сост. О.А. Антипова, Е.А. Голосовская, М.М. Кудюкина и др. М., 2009; Голод в СССР, 1929–1934: В 3 т. / Отв. сост. В.В. Кондрашин. Т. 1. 1929 – июль 1932: В 2 кн. М., 2011.

[101] *ЛН. Т. 70.* С. 361 (письмо написано 28 апреля 1934 г.).

[102] *ЛН. Т. 70.* С. 362 (письмо написано 21 января 1935 г.).

[103] *Пришвин М.М.* Дневники. 1936–1937 / Подгот. текста Я.З. Гришиной и А.В. Киселевой; Статья, коммент. Я.З. Гришиной. СПб., 2010. С. 236–238 (запись сделана 20 июня 1936 г.).

[104] *Пришвин М.М.* Дневники. 1940–1941 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой и Л.А. Рязановой; Статья и коммент. Я.З. Гришиной. М., 2012. С. 358–359.

1. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Около 24 января 1925, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

от Вас было два письма[1] и вот больше года не мог ответить, мучил себя, садился сто раз писать, и ничего не выходило. Видите, я хотел по правде написать, а она не давалась. Все равно как, помню, в юности возлюбленной своей[2] писал сумасшедшие письма оттого, что нельзя было свидеться, да так вот почти что и угодил в сумасшедший дом. Так вот я под конец вроде как бы даже возненавидел ее (за недоступность?). И у нас тоже с Вами и Ремизовым[3] и другими друзьями коренными: пропасть разделяет, и не нахожу я в себе того языка, о котором Вы так замечательно (вот спасибо-то!) сказали: «мимо разума и прямо в сердце»[4]. Чувства, разделяющие писателей, у нас тут культивируются[5], но это разделение не то, что с эмигрантами. Котел художества дается нам здесь воистину святым «житием»[6], а у Вас, как-никак, *жизнь*; можете говорить что угодно о закатах Европы[7] и пр., да поверхность-то совершенно другая. Не верю я трудности заграничного житья, не очень высоко ценю «тоску по родине»[8]. И самое ужасное, что это я говорю, но не Мы: нас нет. Между тем радость жизни в моей душе целиком сохраняется, как в корешках засыпанной снегом озими. О чем же тут можно рассуждать? Как начнешь, так и залезешь в ерунду. Пробовал я 20 раз в письмах к Вам это все осмыслить, и получается вздор. В конце концов, получается величайшая в мире школа смирения, терпения. В лесу у меня есть любимая высокая ель, вот недавно сел я под нее, взял веточку и принялся считать ее хвои — жителей, прикинул на все дерево, и вышло, что на одном стволе держится их почти столько же миллионов, как в России мужиков и рабочих. Ну, тут я себе грудок развел раз и стал сало поджаривать, и весело мне стало от жареного сала, до того хорошо, до того свободно, будто я бабочка и летаю себе с ветки на ветку, и в уме (какой уж тут ум!) не держу, что все эти жители у ствола, может быть, то же бы хотели полетать. Так вот есть такая глупость (или заслуга?) свободы личной в себе самом — что можно показать (*«мимо разума»*), но никак не доказывать и рекомендовать, словом, не *учить* этому. Но до чего хочется поучить[9]! Такое бы, кажется, сказал замечательное, тут бы и Маркс, и Толстой[10], и христианство, и язычество[11], и де-нежки — представьте себе, что и де-неж-ки!

Но я беден, я чертовски беден, не поверите, — у меня на одном чулке 20 заплат, и все разных цветов (хорошая у меня жена[12], как у Л. Андреева Рыжик[13]). И вот как об этом всем говоришь, то начинает и вы-

во-дить-ся и подходит к учительству. За этим-то никак и не выходит к Вам письмо. Слишком, знаете, до серьезного дожились, нельзя так просто, как раньше. Ну, если бы свиделись, тогда и стало бы легко.

Алексей Максимыч, простите меня, Вы должны все это хорошо понять. А делового ничего не выходило: в эти «Беседы» Ваши я просто даже не знаю, как рукопись послать и какую[14] и что̀ — ну, никак не сообразить, как будто это на Марс что ли посылать. Посылаю Вам «Курымушку»[15], а через месяц, так приблизительно, пришлю новый сборник своих охотничьих рассказов «Смертный пробег»[16]. Это выходит из моих переживаний в лесу, потому что ¾ времени я с сыновьями[17] посвящаю охоте и этим подрабатываю (лисица — 2 червонца); в Москве бы жить, конечно, можно бы много больше, надрываюсь этими лисицами, да как-то тесно мне, комнатушка маленькая, ребят деть некуда. И главное, как приедешь, так все в Москве говорят: «Вот счастливец, вот счастливец!» Зачем же, думаю, менять жизнь, если в заплатанных чулках меня, эти чисто одетые люди, считают счастливцем? Не поверите, на днях ночью в пупу своем нашел еловую веточку, оказалось, это она мне туда в лесу по шее прошла. Вы, боюсь, мне «чудака» бросите, не-ет!, никак: я печатаюсь здесь беспрерывно, в больших, маленьких журналах, в художественных, в научных, педагогических, краеведческих[18]. И сколько еще остается рукописей не принятых, «несвоевременных»[19]. Я никогда в жизни так много не писал. Никогда и не был я так молод, а сила ног моих (уже за 50 перевалило) такая, что 50 верст в день без остановки на охоте — обыкновенное дело. Никто бы не мог упрекнуть меня, что в писаниях я повторяюсь, что они выходят только из прошлого, а не из этой нашей жизни[20]. Наконец, никто не скажет, что я не талантлив. И несмотря ни на что, я виноватый, осужденный, приговоренный человек, потому что я *старый* писатель. Недавно в одном большом официальном собрании, где одна литер<атурная> группа, как документ своей силы, представила хороший альманах («Жизнь»[21]), возразила: «Ну, это ж, это Пришвин сделал, старый писатель». Но, повторяю, я, старый, моложе их всех.

Я знаю один маленький секрет молодости: «Чти отца своего и матерь свою»[22], а в переводе на Авенариуса[23] и на Бергсона[24]: я знаю рабочую ценность прошлого, что прошлое целиком ведет в настоящее[25]. Вот и все.

Сейчас пришли двое, я прочитал им это письмо, рассказал свою драму, что вот как я Алексея Максимыча, такого замечательного, большого человека, прекрасного даже в своих чудовищных ошибках, обидел: не ответил на два его хороших письма и сейчас хочу изорвать. Им очень понравилось место, где описывается, как елочка *шла* по

шее, и они потребовали, чтобы я послал. А тут еще Тихонов[26] случился, и я узнал настоящий Ваш адрес.

Все, что Вы пишете[27], разыскиваю, читаю и прошу своего зеленого Бога дать Вам долгие дни. Обнимаю Вас.

Михаил Пришвин.

Москва. Тверской б., 25. Союз писателей.

2. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

10 декабря 1925, Переславль-Залесский

10-го Дек. 1925 г. Переславль-Залесский
Владим. губ. Историко-худож. музей
Михаилу Михайловичу Пришвину.

Дорогой Алексей Максимович,

был у меня из Москвы гость и так сказал о Вас: «Вот Горький, мне кажется, как на бегах бывает конь, все сбои дает, а под конец добирает и первый приходит к столбу». Он указал мне на «Любовь и Отшельника». Читал в газете, что есть книга с этим рассказом[1], приложить усилия — достал бы, но захотелось хотя одну бы книгу Вашу иметь от Вас. Пришлите, пожалуйста, и поскорее, хочется почитать хорошего: Ваш успех принимаю, как свой личный успех, так же как Вы мои удачи, наверно, за свои считаете. Да, у нас это было: литературная атмосфера. А теперь в Москве я знаю только Воронского[2]: он, хотя и не хватает звезд с неба, а, кажется, литературу любит по-настоящему, и хорошо, что семинарист, а то в литературе теперь все больше реалисты[3] (т.е. из реального училища, хотя это скрывают и представляются рабочими, или крестьянами).

Случилось так, что Союз писателей ликвидировал общежитие, и я лишился в Москве комнаты[4], вышло это без всякого предупреждения: поехал с семьей в Переславль-Залесский для краеведческого исследования и вдруг — раз! Не только комната, а и архивы свои, рукописи нашел где-то в сарае в незабитом ящике. Поднял голос, — выдали 500 руб., но деньги, как водится, проел, и теперь уже мне комнаты не нужны. Да так вот и застрял с 1-го апреля безвыездно в трех верстах от городишка Переславля, в пустом дворце на берегу Плещеева озера[5], совершенно один. Сейчас меня занесло снегами совершенно и, если я сам не проложу след, то ничего и не видно, разве только лисица пройдет, да заяц проехает. Сынишку посылаю в Москву с рукописями, привозит деньги, когда кончатся, опять посылаю, и так идет. В Москве мне все завидуют и считают за счастливейшего человека.

И должно быть это отчасти верно: третий раз за все время революции живу в настоящей квартире, тепло у меня, светло, сыто и после пережитого, право же, это почти счастье; да, это молчаливое счастье: что тут можно сказать? И вот почему, наверно, хотя я жил и в Союзе писателей, рукописи мои отправили в сарай; и в литературе поражает молчание о самом главном — все потому же, едят, опьяняются, переваривают.

Вы, вероятно, читали в «Красной Нови» отрывок из моей новой книжки «Родники Берендея»[6] (выйдет скоро в Госиздате — пришлю[7]) и знаете, что я живу на Гремячей горе, вокруг все живут древляне (в лесах) и поляне, редко хожу в деревни эти, но как-то по воздуху долетает жизнь, и приходится беседовать с удивительными людьми: почти в каждой деревне есть такой человек, и так от одного к другому по всей Руси, если представить, — какая это громада! И все там варится, варится, кипит, бурлит. Если только можете влиять, посылайте, Алексей Максимыч, молодежь бродить по Руси, как это мы делали и разные там народники, а то, знаете, теперь бродяга больше в Москве шляется возле пирога. Я эту гражданскую обязанность отчасти выполняю: занимаюсь краеведением, пишу об этом и, по крайней мере, своих-то двух ребят сделал следопытами[8]. В общем, молодежь — это Мы, и вообще это все — Мы, все плохое и хорошее — это Мы и Мы! А знаете ли Вы, что такое социальная вошь? Я, кажется, и вошь принимаю, да! Не будь этой вши, мы бы немедленно вернулись в ужасное, темное. Мне, впрочем, трудно беседовать с Вами, потому что я, конечно, в этой разной политике в сравнении с Вами ужасный младенец.

Я сейчас работаю над продолжением «Кащеевой цепи»[9], то был Курымушка гимназистом, теперь будет студентом — эпохи начала марксизма (золотая валюта, винная монополия и т.д.). Мне представляется, что, если я напишу это, то вся современность так и раскроется, но это, Вы знаете, всегда что-то представляется, а выходит то, что надо. Трудная работа, упрямая, но, судя по первым трем главам, все-таки дело свое поверну.

Простите, разболтался, но не могу утерпеть, чтобы не закончить пейзажем. Сию минуту вышел за дверь, слышу, вижу, обоз скрипит, подхожу на край своей Гремячей горы, правда, огромный обоз: везут берендеи из лесов своих на станцию тес. Один показал на меня снизу и крикнул:

— Московская сирота.

Я ему сверху:

— Ты сам, дурак, сирота!

Он не расслышал, спрашивает:

— Что он кричит?

А задние ему орут с хохотом:

— Он кричит: ты, сам, дурак, сирота!

Это, видите ли, потому что все кругом убеждены, что до меня в дворце черт жил, все этого места зимой и осенью даже боялись и думают, что сирота должен тут жить, я же ни малейшего сиротства своего не чувствую и никогда это в себе не имел, и людей этих, сирот, терпеть не могу, ну, вот и вышло так.

Ну, вот, кланяюсь Вам низко, дорогой наш человек, из великорусского города Переславля-Залесского и жду от Вас книжечки с нетерпением, только ведь и читал Вас в «Красной Нови».

Михаил Пришвин

3. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

31 января 1926, Переславль-Залесский

Переславль-Залесский Влад. губ.
Усадьба Ботик, М.М. Пришвину.
31.I.26.

Пришли Ваши книги[1], дорогой Алексей Максимович, читали «Отшельника» вслух, это был праздник с радостными слезами[2]. Сын мой Лева, почти комсомолец, сказал: «Вот в этого Бога и я верю!»[3], а Павловна моя (народный человек): «Написал, и нам есть на что оглянуться»[4]. И мы оглянулись. А утром, в предрассветный час, когда я встаю, на небе луна была, и я думал: «Луна эта через час исчезнет, потому что солнце взойдет, а любовь у Горького и при солнце не пропадет». Конечно, у меня большой вкус к слову, я не через идеи понимаю, и говорю об идеях, когда уже вытер очки от радостных слез, но вот что еще мне в голову приходит: для меня (и думаю вообще) в мое время самый замечательный писатель был В.В. Розанов, но ему не удалось вывести любовь из лунного света[5], а у Вас она при солнце. Я забыл вот еще что, — Лева сказал: какая же сволочь Евдокия Ивановна (учительница словесности), она весь год нам жужжала, что Горький «исписался»[6].

Только, знаете, Алексей Максимович, я тоже когда-нибудь доживу до такого рассказа, я тоже напишу о любви[7], если у меня жизни не хватит, я жизнь надплету как-нибудь и достигну.

Книжку Вашу мы заперли, чтобы никто не мог отдельно прочесть, и будет она под замком до нового праздника.

После Вашего рассказа с волнением взялся перечитать последнюю главу «Юности Алпатова» (продолжение «Курымушки»), — не пока-

жется ли очень плохо (вперед деньги взял), но, слава Богу, противно не стало. Я до сих пор не могу написать продолжение «Курымушки» («Кащеева цепь»), потому что во время процесса писания является нужда в деньгах, откладываю главное дело, пишу очерк тек<ущей> жизни, а после того к основному делу не возвращаюсь. Теперь же мне дали денег в «Новом Мире», и я, сдав начало, не дошел еще до середины и плыву неизвестно куда, просто жуть!

Мне теперь часто в голову приходит, что люди несчастны, главным образом, потому, что им приходится разделять себя надвое, одно делают для заработка (служба), другое для себя (игра). Вероятно, соединить одно с другим очень трудно, и, когда случается, то выходит всем на удивление, и люди эти (пять, шесть...) называются художниками. Вы как-то писали мне, что жить надо *проще*[8]. Это, по-моему, значит жить в одно, а не в два-три дела, в этом и есть секрет труднейшего достижения, называемого «простотой», а не в том, чтобы, как учит Толстой, землю пахать[9]. Чувствую, что, раз Вы написали этот рассказ, Ваша жизнь в Неаполе проще, чем толстовская пахота, и почти так же проста, как и у Вашего старца в его пещере. Особенно мне понравилось, что старец себе куклу купил[10]. Как у Вас там произошло, не знаю, но точь-в-точь такой человек живет под кряжем на Шельне. Я тоже у него жил[11], как и Вы, и мы, оба голые, искупавшись, часто сиживали на берегу и беседовали и о Боге, и о бабах, и уху варили, и выпивали. А написать вот не мог, не дожил, да это и не беда, главное, что радость, восторг остались в душе, и я узнал его в Вашем рассказе. Пошли же Вам Бог (наш с Вами общий Бог) хорошие рабочие дни, дотяни их до возрождения нашей родины и до свидания всех нас, напрасно разбросанных.

Всей душой Ваш

Михаил Пришвин.

Если бы вздумалось послать в «Беседу» рассказ, то как это надо, почтой, Вам?

4. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

1 апреля 1926, Переславль-Залесский

1-го Апреля 1926 г.

Прочитал все[1] внимательно, Алексей Максимыч, не писал Вам, потому что заканчивал «Юность Алпатова» и потом ездил в Москву. Род Артамоновых: прекрасно спокойное начало (свадьба), великолепно поднимается в середине (ярмарка), а потом к концу идет все неровно, прыжками. Начало вполне обещало что-то вроде «Соков

земли»[2], конец... Вам надоело, и Вы бросили вещь. Очень верно и глубоко, что Вы избрали у купцов недоумевающий тип (Петр) и устремили его в надеждах на первенца, вот и надо было углубить драму отца и сына, показать бы потом Илью. Вероятнее всего, во время писания Вам мелькнул какой-то иной план и Вы, наверно, пишете что-то совсем большое[3].

В рассказах[4] равного «Отшельнику» я не нашел, очень хороша «Любовь», но такой рассказ могут написать и французы. Фигура в «Рассказе о необыкновенном» здорово вырублена и ходила долго за мной, гравировка Ваша диалогами народной мудрости явление единственное в русской художественной литературе (иным, я слышал, это не нравится, а я так не смотрю), но при всей значительности «Рассказ о необыкновенном» мешковатый, перегроможденный, не прозрачный и стройный, как «Отшельник». В «Голубой жизни»[5] я одно время начал дрожать за Вас, потому что очень уж Вы там далеко улетели от земли, но вдруг все кончилось медициной, и я... выругался. Там есть замечательная фигура «Столяр», она мне раскрыла перспективу на множество Ваших столяров, вдруг вспомнился Ремизов с его чертом[6], только он у Ремизова мистический, а у Вас естественный. Хорошо бы какому-нибудь критику описать всех русских чертей, начиная с Гоголевского[7]. О книге «Университеты» говорить не приходится, эта книга — памятник, великий документ громадной личности. Конечно, все Ваши провалы в художестве объясняются запросами Вашей личности в иных сферах, от этого ускользает иногда желанная мера. Но Вы все это и сами хорошо знаете. Говорят о какой-то книге мелких Ваших рассказов[8], очень хорошее говорят, если она будет у Вас под рукой, пришлите, я буду очень рад, если она будет наполнена мельчайшими кусочками, которые читал я на ходу когда-то, где-то (кажется, это было в «Беседе»). Разное говорят о Вас в Москве, спорят, и значение Ваше у нас так велико, что Вам жить просто у нас невозможно: разрежут на части.

Спасибо Вам, что хорошо написали о мне Полонскому[9], он мне за это, вероятно, вдруг прибавил денег. Еще Вам спасибо за письмо, не за то, что хвалите (за это не благодарят), а что говорите о своем 35-летнем юбилее, и в то же время мучаетесь собой, и учитесь[10], и так просто просите высказаться меня о книгах. Я и высказался, кажется, просто, искренне, как мог.

По всему заметно, сильно выросло в Москве значение нас всех, «стариков», но я замечаю то же самое и в других сферах и, особенно, в деревенском хозяйстве. Я, однако, надеюсь, что после некоторой заминки молодежь начнет проявлять свои новые таланты. Заминка в

литературе оттого, что формируются новые огромные читательские массы: все силы идут в количество[11]. Недавно читал о себе: «С каждой новой вещью молодой талантливый писатель М. Пришвин делает все новые и новые успехи»[12]. Читай: «Пришвин все такой же, а читатели делают успехи». В Москве, бегая по редакциям, после целого года видел многих писателей[13], все посытнели, поправились, но как будто чуть-чуть поглупели — что, впрочем, вполне естественно.

Решительно все хвалят Вашего «Отшельника»[14], но многим я открыл глаза на его истинное значение. Вся наша публика, и мой Лев и «Павловна» были растроганы, что Вы их вспомнили. Живите же на радость нам, дорогой наш Алексей Максимыч.

Ваш *М. Пришвин*

5. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ
6 октября 1926, Сергиев

6/X 26.

Дорогой Алексей Максимыч,

вдогонку к письму от третьего дня[1] посылаю это, потому что в тот час, когда писал Вам, помрачен был у меня разум. Я вас просил о витализме написать[2], совсем упустив из виду, что «витализм» уже существует у биологов, как нечто совсем другое, что сам же когда-то об этом слушал в Берлине лекции[3]. А когда я говорил о Вашем «гео-оптимизме», то все в один голос говорят, это очень хорошо по существу. Конечно, слово-то двухэтажное и не русское. Ну, да уж видно так надо: настоящие знатоки дела говорят, что очень хорошо.

Вчера в Москве я рассказал о предполагаемой Вашей статье[4], и всем решительно это очень понравилось. Вспоминаю Ваши первые-первые письма о «Колобке», «Черном арабе» и др.[5], потом издание в «Знании»[6] — да! Вам именно и надо написать статью. Два обстоятельства определили меня на охотничью жизнь: освобождение от одиночной годовой камеры[7] и тоже освобождение от плена ортодоксального марксизма[8]. Вы, наверно, и теперь замечаете, как молодежь тянет от схоластики к живой жизни. Значит, есть такой процесс, вот этот самый Ваш гео-оптимизм.

Само собой разумеется, что размер статьи всецело зависит от Вас, от одной страницы, до листа и сколько хотите. Моя выдумка так разъела губу Никитиной[9], что она вздумала посоветовать сделать то же и Григорьеву[10], только он, конечно, не решается просить Вас. Да, Серг. Тимоф., интересный человек, мне очень по душе: смеется прекрасно, как ребенок.

Писал ли я Вам, что я себе в Сергиеве дом купил в три окошка[11], и получилось такое интересное в адресе: Берендей у Троицы на Комсомольской улице (75). В первые же дни пребывания Берендея в собств. доме ветер повалил у него ворота. Но Преподобный[12] прислал сегодня трех монахов-плотников. Берендей распил с ними полбутылочки, закусили селедкой, покурили и застучали топорами. После 1 ½ годовой безвыездной жизни на Плещеевом озере, с каким наслаждением слушаю свистки паровоза, в каком восторге по вечерам зажигаю электричество[13]. А есть люди, одни проклинают и вешаются от цивилизации (будто бы?)[14], другие разводят истерику футуризма, урбанизма и т.п. Лучше всех живет поп Махов. Поп назвал свою дочь Музою — как хорошо! Муза вышла за техника, родила мальчика, и назвали его Толлертом (это какая-то часть аэроплана). Поп Махов написал Музе, чтобы она, и с мужем, и с Толлертом, не смела показываться ему на глаза. Нынешним летом Муза не выдержала и явилась к отцу. Что у них было — неизвестно, только все кончилось очень хорошо: в палисаднике Муза лежит в гамаке, читает книжку, а поп Махов весь день играет с маленьким Толлертом.

Есть другой случай, новорожденного назвали «Тезисом»[15].

Любящий Вас виталист и гео-оптимист *Михаил Пришвин.*

6. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

3 января 1927, Сергиев

Дорогой Алексей Максимович.

Вы теперь уже знаете, что Ваша письмо-статья напечатана в 12-ой книге «Красной Нови». Я было сговорился с Полонским печатать его в «Н. М-е», но Воронский сослался на Ваше желание, и я отдал ему[1]. У меня был намечен один пункт спора с Вами, но я воздержался писать, пока статья не будет напечатана, и я не узнаю общее впечатление. Всем, решительно до одного человека, понравилось, что Вы называете меня «хозяином» («ты моя!»[2]). Многие пробовали раньше писать в связи с моими работами то же самое (напр., Иванов-Разумник[3]), но почему-то Вам только удалось сказать понятно и крепко (от себя). Я первый раз в жизни получил какое-то спокойное удовлетворение о написанном о себе, как будто долго выслеживал зверя и наконец его убил. Ясно: что-то мной сделано, потому что понятно другим. Это хорошая хозяйская радость. И это понято всеми. Но не всех удовлетворяет. Ваши научно-художественные догадки, многие ругаются за эпитеты «Мужа Земли»[4] и друг. Отчасти это происходит оттого, что нас, беллетристов, вообще принято считать за ребят, не

имеющих право говорить языком понятий. Впрочем, я пишу об этом только чтобы отгородиться от таких людей: для меня Ваши догадки законны, серьезны, искренни. И потому я серьезно возражаю Вам на слова о Левитане, что Левитан будто бы не открыл красоту, а внес ее от себя как человеческий дар Земле[5].

Когда я читал в семье у себя Вашего «Отшельника», то все мы, жена, сын, я, вспомнили нашего Алешку[6], всем нам казалось, что Вы нам открыли глаза на него и на смежный с ним огромный мир русских людей. Нет, Вы работаете так же, как и я, не «вносите» от себя, а открываете, и притом непременно блуждая. Чтобы нечто создать (открыть), непременно надо заблудиться до такой степени, чтобы забыть себя совершенно, и мир бы стал вне нас, сам по себе. Тогда, веря, что Отшельник существует сам по себе, Вы повествуете о нем. Словом, все мы, художники, непременно наивные реалисты, а не кантианцы. Кант очень полезен и, кажется, необходим ученым, а нам решительно вреден. Но почему же и нам не думать в теории теми же мыслями, которые нам оказывают пользу на практике. Слава Богу, теперь «наивным реализмом» не гнушаются и настоящие философы (Лосский[7]). Вы же как художник знаете, что звезда есть «ангельская душка»[8], а как ученый, что это расплавленная масса. То и другое, однако, не значит «звезда в себе»[9]. Но ученые хотят свое представление о звезде сделать преимущественным, и публика уже не знает, а верует в расплавленную массу совершенно так же, как верила в ангельскую душку. Так я всю жизнь верил, что Земля шар, а вот сейчас у меня лежит книга Флоренского[10], который посредством новой, недоступной мне математики возвращается к Птолемеевой системе[11]. Ничего не понимаю, в совершенных дураках оставлен. Потому я бросаю и Флоренского, и школьную учебу и говорю себе о Земле, как вижу: конечно ж, плоскость, совершенно такая же, как мой стол. Значит, возвращаюсь к наивному реализму и ничего не теряю. Стол как стол! К черту же отдаленные путешествия, напр., на Восток для исследования учения Сакья Муни[12]. Приглашаю Сакья Муни к себе за стол чай пить и наблюдаю, как он ведет себя в нашей обычной обстановке. Он гость — я хозяин. Но это не значит, что его нет, и я выдумал его сам, как Левитан. Он есть, конечно, где-то там на Востоке, моя заслуга в том, что я упросил его пожаловать в мою домашнюю обстановку и стал через это его хозяином, и вел с ним разговор не о страданиях, а об одной комсомолке, которая письмом в редакцию газеты «Смена» (№ 12) обращается к врачу с запросом, нельзя ли оперативным путем вернуть ей девственность «для морального пользования»[13].

Вот это и есть наивный реализм, теория, приближающая нас к вещам, к человеку действительному, а не воображаемому. Воображаемый Человек, по-моему, создан каким-то чудаком на улице большого города. Знаете, как идешь в городской толпе, думаешь о своем, только не о действительных людях, потому что их чересчур много. Встречается кто-то, кланяется, останавливает, говорит, а вы не узнаете, но делаете вид, будто хорошо знаете. Расстаетесь. Кто же это был? Не можешь вспомнить и, наконец, отмахиваешься: «черт с ним, мало ли тут Человека!» А сколько жестокостей совершается из-за этого общечеловека, сколько лицемерия, книжности. Я очень удивляюсь, как Вы до сих пор не возненавидели это отвратительное понятие, созданное высокомерием, самомнением и всеми смертными грехами. Нет, у всякого человека на земле должен быть паспорт, в котором его мало что имя, а непременно и отчество.

Знаете, Алекс. Макс., у меня талант совсем даже маленький[14] (сравнительно, например, с А.Н. Толстым[15]), но я знаю, однако, что со своим маленьким талантом я сделаю книгу, которая далеко переживет все блестящие книги А.Н. Толстого. Это происходит оттого, что я свой маленький талант обернул и на свою жизнь. Я не разделен: талант мой — это я. Не я служу таланту, а он служит мне для жизни. Я наивно верю, что писательство — самое хорошее, самое свободное занятие в мире. Не пересчитать выгоды этого дела, я могу, например, будучи писателем, охотиться не только по воскресеньям, а и в будни, я могу быть в обществе лучших в мире людей, вроде Вас, я могу во всякое время пригласить к себе великих мертвецов. Редко Вы теперь можете слышать такое от писателей, в большинстве случаев невольников своего таланта. Я лишен чувства славы совершенно и не понимаю, как этой глупостью можно жить (сегодня я, а завтра ты). Конечно, много на свете неудачников, но я их не жалею, ничтожное племя (сам по себе знаю, сам был тоже сколько-то времени неудачником).

7. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

27 марта 1927, Сергиев

Нет, Алексей Макс., не сетуйте на свой талант, большой у Вас талант и, я сказал бы, «без-мерный»: вот если у Вас и есть какая беда, так это без-мерность. Вы сами знаете эту свою беду хорошо и всю жизнь хотите найти седло для своего таланта в знании. Вы вечно какой-то богоискатель («еретик») и потому, а не по таланту, является иногда неравновесие частей в Ваших произведениях. Но, знаете, одному то, другому другое: зато ведь Вы Горький, что в Вас помимо таланта

много человека с не отрезанным пупом от Бога (один демонический хлыст однажды мне так и сказал: «человеку надо пуп от Бога отрезать»). Примечание к понятию «Бог»: и земля Ваша, география, как Вы знаете, — все Бог! А ведь чистый художник, эстет абсолютный, это, конечно, человек с отрезанным пупом: такому легко. Я вот сам тоже не оторванный, но я спасаюсь как-то «службой», т.е. полагаю, что мне дано малое дело, спецщель хранить ризы земные, ну, вот я и храню по мере сил.

8. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

29 апреля 1927, Сергиев

Дорогой Алексей Максимыч, Вы не удивляйтесь, что я Вам долго не писал, всякий раз, как наступает весна, я схожу с ума и не управляю своим временем. Когда-то я просто боялся весенней поры, теперь, слава Богу, понимаю, что это необходимо так быть и для моего труда. В этом повторяющемся переживании прежнего брачного своего периода жизни с откликами в мир природы и заключается секрет моего писательства.

Алекс. Мак., я очень рад передать Вам горячую благодарность за какие-то Ваши дела от дочери Розанова Татьяны Васильевны[1]. Эта девушка чрезвычайно чуткая и тончайшая душой, как веточка неодетой березы. Она искусно спасается христианским богомолением от разрушающих почему-то ее душу идей отца, так пришлось: отец боролся с Христом[2], она борется с отцом, отдаваясь воле своих старцев. Бог с ней, она слишком страдает, чтобы взять себе право суда над ней. Я рассказываю это только затем, чтобы ее благодарность сильнее Вас оживила.

Убийственно думать, что могила В.В. Розанова уничтожена, и теперь даже надумывают на этом месте устроить увеселительный сад для колонии инвалидов (быв. Черниговский скит)[3]. Я сниму план могилы и, когда Вы к нам приедете, с помощью Вашей мы восстановим, я даже и не особенно беспокоюсь: Розанов лежит, как шило в мешке.

Я послал Вам книгу Арсеньева, которая сначала была напечатана по-немецки и вышла по-русски, только уж когда немцы ее расхвалили[4]. Такие уж мы! Вот еще узнал от Маршака[5] в Ленинграде, что за какое-то старое свое офицерство томится в ссылке в Уральске даровитый натуралист и детский писатель Бьянки[6]. Я написал ему, он в ответ прислал мне множество своих книжек для детей о зверях — отличные книжки! Этот Бьянки клянется мне в письме, что далек он от политики, как не знаю кто, а между тем ему не разрешают выйти с

дробовиком за черту города — это натуралисту-то в Уральске, такому-то работнику! Алекс. Макс., напишите, голубчик, ему одно из своих писем, он вышлет Вам все свои книги, вывернет все свои потроха и тогда, может быть, Вы найдете возможность за него заступиться. Адрес его: Уральск. Куренная, 22. Виталию Валентиновичу Бьянки.

Между ножками моего письменного стола есть удобная перекладинка, в которую упираюсь я ногами, как кучер, а в руках будто вожжи, и так пишу свой роман, ни минуты не уверенный, что не выкинет с дрожек. Так вот и Розанов — с какой он-то страстью писал, ведь был уверен, что весь мир перевертывает, а в заключение на нем увеселительный сад. «И вы хотите, о люди, люди, чтоб жизнь такую я любил!»[7]

Крепко жму руку.

Михаил Пришвин

29/IV. 27.

Бьянки мне пишет, что кто-то послал Вам его книги, я потому, конечно, и прошу Вас написать, что Вы уже несколько знаете его.

9. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ
25 мая 1927, Сергиев

Вы правы, Алексей Максимович, что мало меня интересуют и наши эмигранты и вообще политики: эмигранты именно потому и не интересуют, что осуждены на политику[1]. В этом я вижу и Кащееву цепь своей прошлой жизни интеллигента: осуждение на политику. То, что нас с вами и познакомило и что теперь соединяет как общее дело, у меня очень медленно выбивалось из-под политики, из-под виновности, долга и тому подобных атрибутов интеллигента. Как это ни дико, но я так сознаю: поскольку я творческая личность и в искусстве, постольку я не интеллигент («гуманист»). Кризис не гуманизма, а политиканствующего гуманизма[2]. Вам известно, что я не пошел в ногу с революцией, очень даже капризничал — я боролся <с> остатками своего «гуманизма», но только революция освободила меня от политики, и я в самое трудное *<1 нрзб.>* время создал лучшие «охотничьи рассказы»[3] и детство своего Алпатова[4]. Но все созданное мною пустяки в сравнении с тем внутренним устроением и смелостью, которые мне достались от революции. Эмигранты, осужденные смотреть на Россию только с внешней стороны, не могут видеть, как перестроился изнутри весь русский человек через свои беды. А впрочем, Зинаида Гиппиус гениальна как явление подлинной фурии в наше столь отдаленное от эллинов время[5].

Вот и Розанов пленяет меня изначальной силой, это титан, который в настоящее время вызвал на бой богов.

10. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

27 июня 1927, Сергиев

Дорогой Алексей Максимович,

я получил письмо Ваше о «Нерли»[1], а сам все откладываю писать на предшествующее Ваше письмо[2], и в этот раз сознательно, зная, что Вы непременно всем отвечаете (по Когану так[3]), и, значит, своим письмом я отнимаю у Вас время. Кроме того, поджидаю продолжения истории Клима, а то по первому отрывку как-то судить нельзя, чувствуется, что это Горький, но мало ли Горького было, важно, как в этот раз выйдет: Вы такой неожиданный человек и натуристый, как говорят мужики. Слышал, будто в «Кр<асной> Нови» роман больше не будет печататься[4]. Вот беда! Но я сам не стал бы давать Раскольникову[5], который, помню, «исправил» мой рассказ до того, что я не узнал его, а когда я обиделся, он был совершенно изумлен и ответил мне: я вам добра желал, ведь я всем исправляю, и все товарищи меня благодарят. Какие люди есть! Я не бываю в Москве, не читаю лит<ературную> полемику, не занимаюсь политикой совершенно, считая, что революция должна меня (художника) освободить от политики, иначе она не революция. Я твердо стою на этой точке и, благодаря этому, пишу действительно лучше, чем писал до революции. Но чем я больше понимаю себя и свое время, тем меньше понимаю эксперименты с худ<ожественной> литературой. Однако, думаю, что вся история с «Кр<асной> Новью» какое-то слишком домашнее дело и кончится возвращением Воронского на свое место. А роман Ваш все равно прочту где-нибудь. Боже мой! В свое время я бы на куски разорвал того человека, кто заявил бы свое право художника превыше обязанностей гражданина. И я был прав тогда, и я прав теперь. Дело в том, что охота и писание значат для меня свободу в полном смысле слова, деньги — как необходимость, слава — как условие получения денег, и только. Я ценю свою свободу через литературу и тем, что от этого являются на сбор какие-то родственники. Да, первое очарование от успеха в литературе были деньги: из сказки рождаются деньги, на которые можно путешествовать, второе, что я — не один на свете, что в творчестве люди объединяются. Теперь, конечно, я уже не могу чувствовать так гениально-наивно, о чудесах денег и речи не может быть, но в деле «родства» я голодный человек. Похвала — это вздор, конечно, но появление родственника — это прекрасно. И вот это меня изумля-

ет в Вашем письме. Прочитает человек «Нерль» и опрокидывает на тебя все богатство своей души. Как Вы умеете восхищаться! Никто не понимает значения Ваших писем с этой стороны. Писатели ходят в редакции с письмом Горького в кармане, и когда руки опускаются в карман, редактор говорит: «знаю, знаю...» Вы создали какую-то огромную «Обезьянью палату» (помните, Ремизов выдавал знаки обезьян, 1-й и 2-й степени, и наводнил Петербург ими[6]). Вы теперь у нас по этой силе чувства родства (т.е., это, напр., автор «Нерли» как бы Ваш брат и что в данный момент «Нерль» существует, а не я, Максим Горький) — и президент, и царь, и султан обезьяньей палаты. Я так рад, что чувство не обмануло меня обратиться с просьбой о предисловии, что выходящий на днях мой «собачий» том будет открываться Вашей статьей[7].

Однако признаюсь, я с отвращением читал панегирик Когана Вам в какой-то газете, с повторением слов «мудрец» и «Лев Толстой». Отвращение вот почему. В голодное время я жил в детской колонии, и воду нам носил один дурачок. Ребята иногда его оскорбляли, и он выливал свое ведро на землю и говорил: «Не буду вам больше воду носить, не буду! Вы меня обижаете, а я — такой же, как Ленин!»[8] Вот и я тоже «Войну и мир» не написал, но на своем месте я «такой же, как Лев Толстой», да, я знаю, охотничий рассказ мой не хуже, чем Лев Толстой, а пожалуй, и лучше: я не Толстой, а Пришвин. Так точно и Горький — в своем он Горький. И Когану надо было добраться до Горького, а не «доводить» Горького до Толстого. В Сергиеве на улице иногда слышу про себя: «вот наш новый Горький идет». А про Вас теперь: «Лев Толстой».

Когда я думаю о вашей славе, то иногда представляю себя в Вашем положении, что буду я делать. Ведь нельзя же сразу обернуть ее в деньги и куда-нибудь удрать на большую охоту: найдут, все равно найдут, как Толстого в Астапове. Значит, вероятно, надо нести это. Так-то, Алекс. Макс., значит: «носи». С другой стороны, думаешь, и слава на пользу идет иным, вероятно, это она воспитала в Вас такую жажду по «настоящему», по родству. Без этого родства невозможна большая литература, она питает ее, и старайтесь, как можно больше старайтесь! Вот погодите, кончу, примерно так, к рождеству «Кащееву цепь» и крикну, ей-богу, крикну об этом, невозможно жить в такой духоте, крикну и Вам помогу.

Одно хорошо было у Когана узнать, что посланная мной Вам книга Арсеньева нашла в Вас ценителя[9]. Я очень рад. Книга, благодаря Вам, станет на полки всех наших библиотек и воспитает лучше, чем Майн-Рид[10]. И человек, этот Арсеньев, говорят, очень хороший. Книгу о рыбе кет[11] пришлите, я такие ужасно люблю.

Ну, спасибо же, спасибо Вам за доброе слово. Сейчас возьму «Нерль» и прочитаю и подумаю, нет ли там какого-нибудь мотивчика для культивирования. Видите, я не «антропософ», а «собакософ», иду к человеку от собаки (не наоборот), и, вероятно, Вас тронуло некоторое продвижение в сторону человека. Подумаю, и это так приятно. Вы мне напишите, где надо искать Ваш роман*.

Очень обрадовали, еще раз! И обеими руками трясу Вашу руку.

М. Пришвин

*Сейчас зашел Евдокимов[12] и дал все сведения о романе[13].

11. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

5 июня 1931, Загорск

Дорогой Алексей Максимович!

Вы же хорошо знаете В.Н. Фигнер[1], и еще есть очень хороший человек, Н.А. Семашко[2], к ним двум я третьим присоединяюсь, какой ни есть, но прямой и честный. Все мы трое, Фигнер, Семашко и я, много лет знали инженера В.С. Карасева[3], который *ни за что ни про что* причислен к вредителям и сидит в Бутырках 7-й месяц. Я знаю Карасева 25 лет, Семашко тоже лет 20 и Фигнер лет 10. Карасев из революционной семьи, сестру его Мар. Серг.[4] покойник В.В. Розанов называл «генерал от революции». По существу же он труженик великий, явный человек. Все говорят, что Вас послушаются. Помогите!

Я послал Вам приветствие с приездом[5], просил свидания, предлагал свои услуги для журнала и послал даже рассказ. Прошло 3 недели — ответа не получил. Или Вы сердитесь на меня, ну, с этим уж ничего не поделаешь: насильно мил не будешь. Или же некоторые письма через журнал Вам не доставляют (письмо с рассказом было передано в журнал). Но это пустяки, обиды я не понимаю, а вот невинного человека надо спасти. Прошу Вас.

Жму руку.

Михаил Пришвин

Загорск, Комсомольская, 85.
М.М. Пришвину.

12. ГОРЬКИЙ — М.М. ПРИШВИНУ

16 июня 1931, Москва

Простите, дорогой Михаил Михайлович, — запоздал ответить Вам.

По поводу В.С. Карасева мне уже говорили, и о нем хлопочет Ек. Павловна[1].

Очерк Ваш[2] прочитал: он слишком многословен, и не выявлено экономическое значение питомника, а для нашего читателя полезно знать, что из лисьих мехов строят фабрики. В этой форме очерк для «Н<аших> Д<остижений>» — не удобен ни для общего, ни для литературного отдела. Ответить Вам и повидаться с Вами не мог я потому, что очень занят: тороплюсь осуществить кое-какие литературно-издательские планы[3]; после 20-го мне будет свободней, и я Вас извещу, когда и где встретиться[4].

А сердиться на Вас у меня нет никаких причин, это Вы ошибаетесь!

Искренне желаю всего доброго.

16.VI.31. *А. Пешков*

13. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

4 мая 1932, Загорск

Загорск. 4 мая 1932.
Комсомольская, 85.

Дорогой Алексей Максимович,

хорошо, приятно просить за человека, который сделает непременно больше, чем ему дадут: это известный Вам *Сергей Тимофеевич Григорьев*. В лице его остается теперь чуть ли не единственный писатель, способный дать нам эпопею русской жизни, накануне революции. Речь идет не о романе, подобном Вашему последнему, а о мемуарах, фактическом, драгоценнейшем материале, который хранит в себе такой умный, образованный и вообще очень способный и необыкновенный человек, как Григорьев. Бывают люди, которым не везет — вот он такой. Спасался он 14 лет революции в детской литературе, много там написал, стал знаменит там, но вдруг был «разъяснен»[1] и остался без куска хлеба, без работы, живет распродажей вещей. Я почему вздумал [обратиться] к Вам: не раз слышал от Григорьева о том, что Вы ему советовали и ждали от него эту эпопею. Переписка у Вас с ним оборвалась, и Вы поймете, что самому Григорьеву теперь неловко по личному делу обращаться к Вам[2]. Между тем, Вы единственный, кто может понять, какую замечательную работу может сделать Григорьев. Не всем же служить, не всем ездить и писать очерки: очерки теперь могут все писать. Надо поддержать С.Т. таким образом: устроить ему заказ от Госуд. Издательства — это раз. Но, к сожалению, сейчас на одном авансе трудно засесть за большую работу. Вот мне, напр., дают из Москвы хороший паек, просто дали за имя (сам даже не просил), и

это очень хорошо, просто спасает. Григорьев при Вашем содействии мог бы получать такой же паек. Вот жаль, что пенсия теперь по обесценении денег не имеет значения.

Алексей Максимович! Как это будет хорошо, если большому, честному способному человеку Вы дадите возможность делать свое дело! Вы помните Сергея Тимофеевича, он из тех людей, которые могут запереть свою тайную комнату и ключ от нее спрятать, а в писаниях быть чистым рационалистом, следоват<ельно>, вполне приемлемым в наст<оящее> время.

Быть может, Вы лично пожелали бы повидаться с Григорьевым, напишите ему, и он приедет, куда Вы укажете. Или, быть может, Вы прямо направите его к дельному человеку, кот<орый> устроит его. Во всяком случае, я Вас очень прошу написать ему, принимая во внимание все сказанное в этом письме [*Загорск, Воловая, Сергею Тимофеевичу Григорьеву*].

Сам сейчас пишу книгу о звероводстве[3], стараясь приспособиться к новой среде и остаться самим собой. Тяжеленько, но Вы знаете, в огородничестве есть пикировка: корешки обрывают, и от этого раздражения капуста еще лучше растет; — вот и я тоже так хочу быть, жить, расти, как капуста.

Сердечный привет мой, всего доброго.

Михаил Пришвин

Загорск, Комсомольская, 85. М.М. Пришвину.

14. ГОРЬКИЙ — М.М. ПРИШВИНУ

13 мая 1932, Москва

Дорогой Михаил Михайлович —

для того, чтоб предложить Гизу книгу С.Т. Григорьева, необходимо знать — хотя бы приблизительно — план или тему книги[1]. Не можете ли Вы попросить его дать мне какие-нибудь коротенькие сведения по этому поводу?

Не отвечал так долго потому, что хотелось устроить дело с пайком для С.Т., кажется, удалось.

Желаю Вам всего доброго.

А. Пешков

13.V.32.

15. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ
28 апреля 1934, Загорск

Загорск, Комсомольская, 85.
28 мая 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Осенью минувшего года на Медвежьей горе т. Корабельников[1] передал мне Ваше предложение взять на себя руководство группой молодых писателей, которые взялись писать о Беломорском канале[2]. Я не отказался, но через месяц после этого Кораб<ельников> явился ко мне в Москве с готовым планом книги и опять от Вашего имени предложил написать 7-ю главу. Я написал, и т. Авербах[3] передал мне от Вас, что очень хорошо и очерк пойдет. Книга вышла без моей работы, и т. Авербах сказал, что Горький по этому делу желает лично со мной говорить и объясниться[4]. С тех пор я звонил всю зиму (десятки раз!), и т. Крючков[5] под разными предлогами отклоняет свидание с Вами. И, наконец, я посылаю Вам свою книжку «Жень-Шень» с надписью «от чистого сердца»[6], и против всех Ваших правил, известных мне за четверть века переписки с Вами, ни строки, ни даже уведомления о получении книги от Вас не было.

Я лично, Алексей Максимович, не обижаюсь, потому что я чудак и прохожу жизнь «верхним чутьем», но я представляю себе другого человека в моем положении, и выходит обидно. Представьте себе, что Вы — Пришвин, а я — Горький: выходит неладно.

Жду от Вас несколько строк, чтобы покончить с этим досадным недоразумением.

Искренно преданный
Михаил Пришвин.

Прошу писать по адресу:
Москва, Леонтьевский, 12/9, кв. 7.

16. ГОРЬКИЙ — М.М. ПРИШВИНУ
20 июня 1934, Москва

Дорогой Михаил Михайлович —

получил Вашу прелестную книгу[1], горячо благодарю Вас за подарок.

Многое в этой книжке уже знакомо мне, но я читаю Ваши мудрые беседы с людями о мире каждый раз, когда является желание дать душе отдых от маленьких, но частых раздражений злой пылью буд-

ничной жизни. Прекрасно и оздоровляюще, — освежающе — действует Ваше слово крупнейшего поэта и великого жизнелюбца.

«Имею предложение» Вам: организовался журналец для колхозников, ежемесячник, листов 8 — 10, литературно-научный[2]. Организаторы: Семен Урицкий[3] — редактор «Крестьянской газеты», Вавилов[4], Зазубрин[5], я и еще человека два. Не решаюсь просить Вас о рассказе, но — при журнале будет выходить библиотечка для колхозников, намечены: «Житие одной бабы» и «Леди Макбет» Лескова, «Мужики» — Чехова, «Новый дом» Леонида Соловьева[6] — молодой писатель, очень грамотный и даровитый. Не дадите ли Вы листа 3–4 Ваших рассказов[7]? Журнал выходит в 100 тысячах экземпляров, «библиотека», вероятно, тоже в этой цифре.

Жду ответа.

Вчера встречал «челюскинцев»[8]. Поразительное и потрясающее зрелище! Сколько было цветов, какая вьюга «конфетти» и — главное — какая радость! Ожидали, что придет встречать тысяч двести — явилось свыше полумиллиона. Челюскинцы были растроганы до слез, а какой-то черномазый богатырь, выдергивая мне руку из плеча и вздрагивая, стыдясь влаги на глазах, бормотал: «Р-родина-то, а? Ну-ну... вот так раз! Родина... едрит твою... извини, брат, ей-Богу! Ну — что ж такое, а? И — за что? Ведь — спасли!»

Все они, челюскинцы, были ошарашены, ошеломлены, растерялись. Меня — целовали женщины, украшали цветами, как покойника, и убеждали: «Не волнуйтесь, ничего! Вы, пожалуйста, не волнуйтесь».

Замечательно говорил Воронин[9] и один из летчиков[10]. А — народище, народище как радовался!

Вообще — это был самый изумительный праздник из всех возможных. В хорошее время живем, дорогой Михаил Михайлович, — верно?

Крепко жму руку.

А. Пешков

17. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

27 июня 1934, Загорск

Загорск, Комсомольская, 85.
27/VI 1934.

Дорогой Алексей Максимович,

в колхозный журнал я иду не только в библиотеку[1]. Моя тема для такого журнала «природа и охота», в плане защиты и охраны

(без нас, охотников, всю природу давно бы в ресторанах поели). Вы поручите кому-нибудь детально поговорить со мной недели через две, потому что я на две недели еду на родину моей машины и на Вашу родину, еду из Загорска на «Машке» (так зову свою машину) и совершенно один. Через Машку свою («Газ»), ухаживая за ней ежедневно без всякой помощи, вхожу внутрь современности и вижу в ней достаточно хорошего и тоже много плохого (жулик на жулике, все равно, как и у нас в литературе). Вы мне трудный поставили вопрос: хорошо ли то время, в которое мы живем? Вам-то легко сказать: хорошо, потому что Вы пророк и вождь в этом времени, я же только робкий, скромный, способный и честный художник (долго болел тем, что *только* и переболел: теперь мне хорошо). Вы недавно где-то обрушились на «оптимистов»[2], и это очень хорошо и кстати: не трудно быть оптимистом, но трудно *оправдать* свой оптимизм перед людьми. В этом, кажется, и заключается этика моих писаний: оправдать свой оптимизм. Вот и у Вас это есть, и вся наша литература заплеталась на этической канве. Но я боюсь, что после Вас никого не останется для защиты этой традиции, что Вы последний из могикан... Наше время страдает инфантилизмом, пишут по представлениям (и больше... казенным), а не по своим личным наблюдениям. Мы с Вами находимся в детской комнате: дети, как дети, трудно с ними. Мне так легко приветствовать Вас, Алексей Максимович, потому что — я лично заинтересован в Вашем здоровье и благополучии, мне надо дождаться настоящего хорошего времени. Возьмите маленький пример: были «Известия» при Гронском[3], и какие «Известия» стали при Бухарине[4]. Так вот бы двинуть и всю литературу, чтобы можно было сказать: какая она была при Раппе[5] (истинно горькова организация), и какая стала после съезда писателей[6]. Очень, очень благодарю Вас за хорошее письмо, целую Вас вместе с теми женщинами, которые целовали Вас на параде, но по секрету скажу, что все их женские поцелуи и цветы на параде не стоят одной верной строки приветствия Михаила Пришвина[7].

Крепко жму руку Вашу.

Михаил Пришвин

18. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ
25 июля 1934, Загорск

Загорск. 25 июля 1934.
Комсомольская, 85.

Дорогой Алексей Максимович,

не хотелось бы Вас беспокоить, но если я это не сделаю, история культуры не погладит меня по голове: необходимо вернуть Иванова-Разумника из его ссылки в Саратов в Ленинград, в Пушкинский дом, к его замечательной работе над Салтыковым, во-первых, и над Блоком, во-вторых[1]. Я прилагаю здесь письмо жены Раз. Вас. Иванова[2] к одному частному лицу, из него Вы увидите, что здоровье писателя неважно, что саратовские условия жизни при безработице разрушают здоровье и, возможно, вовсе не дадут ему закончить двадцатилетний труд.

В литературе всего два человека, Вы, да Разумник Иванов, кто последовательно в обществе поддерживал хорошее мнение о моей работе. Я с Разумником в дружбе лет 20 и понимаю его, как самого упрямого интеллигента: других интеллигентов не любил, но он, правда, очень хороший человек. При всем его упрямстве, он только писатель, и хождение его в политику в 17–18 гг., как лев<ого> эсера[3], было, по-моему, своего рода донкихотством. Его арестовали не за практику (нет этого), а чтобы разрушить окончательно идейные центры народничества. Семь месяцев он отсидел и год уже в ссылке — остается половина: видно даже из такой легкости наказания, что ничего серьезного не было, а теперь, может бы<ть>, и все обвинение далеко позади, как вот был Рапп, и как далеко он теперь позади. Между тем, я Вас уверяю (хотя, может быть, и Вы лучше меня знаете), что другого такого работника по Салтыкову сейчас у нас нет, а с утратой Разумника, собравшего громадные материалы за 20 лет упорной работы, будет утрачено какое-то звено культуры. Алексей Максимович, Раз<умник> Вас<ильевич> пишет мне[4], что ему нужно для окончания работы всего два года, подумайте, быть может, вовсе и не так теперь трудно ему в этом помочь.

Я так уверен в нем со стороны политической, что хотел было взять его на поруки, но оказалось, для такого щепетильного человека я этим устроил ад: при всяком случайном визите, он будет бояться за мое спокойствие. Бесконечный ряд Ваших полезных дел для литературы увеличится еще одним[5], Алексей Максимович!

Крепко жму Вашу руку, от всей души желаю здоровья и отличного успеха на съезде писателей.

Михаил Пришвин

19. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ
8 декабря 1934, Загорск

Загорск. 8/XII 1934.
Комсомольская, 85.

Дорогой Алексей Максимович,

союз писателей в год моего 60-летия и 30-летия работы постановил издать собрание моих работ[1], избегнув в постановлении слова «собрание», ввиду общего постановления не издавать собраний. Теперь, мне кажется, Фадеев[2] единственный человек, кто мог бы подтвердить, что постановление имело в виду «собрание», а не те две тоненькие книжечки, которые посылаю Вам вместе с этим письмом[3]. Обратите внимание, что книги мои не есть простое переиздание, что для уверенности в необходимости их переиздания я вновь объездил места на севере, где был 30 лет тому назад, и, благодаря этому, отметил новые достижения. Вы не раз писали и мне в том смысле, что «весь я не умру»[4], значит, после моей смерти некоторое время книги мои будут жить, и литературоведы мучаться над комментариями, дополнениями и пр. Сколько было бы экономии в этом труде, если бы сам живой автор оставил бы после себя обработанное им самим собрание. Говорил я об этом с Накоряковым[5], и он горячо поддерживает меня в этом обращении к Вам помочь обойти постановление о собраниях. Он уверяет меня, что не я один сделался жертвой борьбы союза с халтурой.

Довожу до Вашего сведения, что все «собрание», на которое хватит у меня сил, отнимет у государства всего только 120 листов и то в два года: 60 листов в 1935 году и 60 лист<ов> в 1936 (всего 4 тома по 30 листов). Хорошо, если бы можно было напечатать на этих солидных томах «Собрание», но если это нельзя, то хотя бы в договор на листаж слово «собрание», чтобы не забыли и опять не подвели под что-нибудь общее.

В скором времени я доставлю в «Колхозник» свою работку[6] и надеюсь, в известной мере, она ответит запросам конкретного колхозника. Вместе с тем, повторяю, что я охотно готов обработать любую свою вещь для той библиотеки, о которой писали Вы в своем последнем письме[7]. Хорошо только не понимаю — я ли ее должен выбрать, или это сделаете Вы.

Жму крепко Вашу руку.

Михаил Пришвин

20. М.М. ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ
6 января 1935, Москва

Москва. Леонтьевский 12/9, кв. 7.
6/I 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович,

жалко, что «Гуси-лебеди»[1] не удались. Я, однако, не виноват в том, что не пожелал для «Колхозника» дать материал первого качества, бесспорного. Я начал работать очень серьезно, мне хотелось довести до колхозника замечательнейший краеведческий опыт Энгельгардта[2] в 70-х годах прош<лого> века. Но я попробовал дать выдержки из этой работы в «Известия», и там разъяснили мне, что Энгельгардт у Ленина еще нашел отрицательное отношение[3], как политик и народник. Узнав это, я не посмел работать, собрал свои старые охотничьи записи и превратил наскоро в «Гуси-лебеди». Я советую, однако, Вам взять не один «Птичий сон», а и «Белку»[4] и вообще поручить охотнику Зазубрину[5], бородатому человеку, выбрать и напечатать кое-что из нашего охотничьего языка. Не знаю, как Вы, но я в языке понимаю самую-самую материю желанного нами реализма и не поверю никакой идее спасения мира, если автор идеи пишет «навзничь» вместо «ничком» (читал это в «Правде»).

Пользуюсь случаем напомнить Вам, Алексей Максимыч, что я послал Вам в Крым две свои книги[6], как образец работы моей над собранием моих сочинений, и просил Вас помочь мне закрепить прочно на годы эту работку самореставрации. Сейчас меня берет сомнение, не ставлю ли я Вас этой просьбой — выделить мои книги, как «собрание соч.» — в затруднительное положение. Пожалуйста, скажите об этом просто П.П. Крючкову, который и передаст ответ сыну.

Крепко жму руку *Михаил Пришвин*

А «Колхознику» я еще пригожусь. В феврале еду встречать весну[7] в один из самых замечательных колхозов в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-61-6-6). Впервые (с купюрами и неверным прочтением нескольких слов): Правда. 1998. № 15 (427). 4 февраля (публ. Н.Г. Ларионовой).

Датируется по сопоставлению с письмом Горького из Сорренто от 1 февраля 1925 г. (*Г-30*. Т. 29. С. 426–427), которое является ответом на данное письмо.

[1] Имеются в виду письма Горького от 20 ноября 1923 г. (*Г-30.* Т. 29. С. 417–419) и от 15 января 1924 г. (*ЛН. Т. 70.* С. 326–327).

[2] Пришвин говорит о Варваре Петровне Измалковой (1881 — после 1924), с которой познакомился в 1902 г. О ней см.: *Гришунин А.Л.* Пришвин, Блок и В.П. Измалкова // Михаил Пришвин и русская культура XX века. Тюмень, 1998. С. 116–120.

[3] Проза и личность Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) оказали на Пришвина большое влияние. В очень непростом в политическом отношении 1933 г. Пришвин открыто заявил о том, что писатель-эмигрант является его литературным учителем. Выступая на своем творческом вечере, Пришвин сказал: «Ремизов не был легкомысленным дезертиром в искусстве, Каляев продолжал к нему относиться с тем же самым уважением, когда он стал писать утонченнейшие, изящные словеса. Однажды, близко к своему концу, Каляев случайно встретился на вокзале с Ремизовым, улыбнулся ему приветливо и так наивно-простодушно спросил на ходу: "Неужели все еще о своих букашках пишешь?" Вот мы теперь, кажется, вплотную подошли к расшифровке изумительной привязанности Пришвина к очерку» (*Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. Н.И. Замошкина, В.Д. Пришвиной, А.И. Пузикова. М., 1957. Т. 4. С. 13–14). Письма Пришвина к Ремизову опубликовала Е.Р. Обатнина в журнале «Русская литература» (1995. № 3).

[4] Неточная цитата из письма Горького к Пришвину от 20 ноября 1923 г., в котором сказано: «И прекрасный Ваш язык говорит через разум читателя душе его» (*Г-30.* Т. 29. С. 418).

[5] Пришвин имеет в виду проходившую в Москве в январе 1925 г. I Всероссийскую конференцию пролетарских писателей, на которой «оформилась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) как ведущий отряд Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей» (*Швецова Л.К.* РАПП // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. Стб. 179). Генеральным секретарем РАПП был избран Л.Л. Авербах, которого Пришвин позднее так изобразил в своем дневнике: «За столом сидел молодой человек, совершенно лысый не в ущерб лицу: высокий лоб его необыкновенно правильный, чистый, глаза юношеские, улыбка лукавая. Это был знаменитый начетчик марксизма, большевистский священник Леопольд Авербах. Рядом с ним сидел дьякон марксизма, юноша Ермилов, сын журналиста. Лицо его чисто русское, румяное, пузырем. В деревянном его голосе была отталкивающая надменность, чванство, самоуверенность. Казалось, он мог стать ногами на живого человека и, помахивая кадилом, бормотать в отходную вслед за попом что-нибудь из Плеханова или Переверзева» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929 / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной и Л.А. Рязановой. М., 2004. С. 302–303).

[6] Пришвин намекает на полную страданий жизнь протопопа Аввакума, сожженного в 1682 г. по указу царя Федора Алексеевича, и на его знаменитое «Житие». Горький ответил: «Разумеется, у Вас на Руси — "житие", да и вообще Русь "моложе", от молодости и дурит во многом» (*Г-30.* Т. 29. С. 427).

[7] Пришвин не только намекает на книгу О. Шпенглера «Закат Европы» (русский перевод: т. 1. М.; Пг., 1923 — *ОЛБГ. 206*), но и отвечает на слова Горького в письме от

20 ноября 1923 г.: «Запах разложения, гниения очень густ, особенно — здесь, в Германии» (*Г-30*. Т. 29. С. 418).

[8] Горький ответил: «"Тоска по родине" — недомогание, мне незнакомое, а "закат Европы" — на мой взгляд — факт неустранимый, хотя, конечно, закатывается она не по Шпенглеру» (*Г-30*. Т. 29. С. 426). После слов «тоска по родине» Пришвин зачеркнул поставленное им в круглые скобки слово «барство».

[9] Горький ответил: «Замечательно у Вас: "Но — до чего хочется поучить!" Это и мне знакомо, Вы знаете. Да, хочется!» (*Г-30*. Т. 29. С. 427).

[10] И в дневниковых записях Пришвин ставит рядом немецкого экономиста Карла Маркса (1818–1883) и русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910). Например, 19 сентября 1923 г. записывает: «Один из величайших русских обывателей — Лев Толстой, он думает, что если мы, каждый лично, решим жить хорошо, то и всем будет хорошо. (Если поставить всю жизнь по Толстому, то это будет всеобщее подсматривание за жизнью друг друга.) Лев Толстой и не мог быть другим, он большой художник, и потому горестные заметки сердца его ближе, чем ума рассудочные размышления: его идея еще не рождена. С другой стороны, у нас как свой теперь Маркс, объединяющий все немые, слепые силы в понятие экономической необходимости, которая движется по тем же законам, узнаваемым наукой, как и планеты и все. Из этого мировоззрения выходит как правило поведения не жить хорошо, по-толстовски, а узнавать научные законы и действовать» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925 / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной и Н.Г. Полтавцевой. М., 1999. С. 30–31).

[11] Две культурные традиции — языческая и христианская — веками соседствовали в России. Их взаимодействие, по мнению Пришвина, стало особенно интенсивным в 1910-е годы. Он записал в дневник 30 января 1918 г.:

«Чан. Теперь стало совсем ясно, что выходить во имя человеческой личности против большевиков невозможно: чан кипит и будет кипеть до конца, самое большое, что можно — это подойти к этому краю чана и подумать: "Что, если и я брошусь в чан?" <...>

Было такое время, когда к чану хлыстовской стихии богоискатели из поэтов с замиранием сердца подходили, тянуло туда, в чан.

Помню однажды в десятилетие нашего интеллигентского богоискательства заинтересовались мы одной сектой "Начала века", отколовшейся от хлыстовства. <...>

Хлыстом-царем этой секты в то время был известный сектантский провокатор, мошенник, великий пьяница и блудник. И все, кто был в чану секты, называли себя его рабами и хорошо знали, что их царь и христос — провокатор, мошенник и пьяница. Они это видели: пьяный он по телефону вызывал к себе их жен для удовлетворения своей похоти.

И было им это время сладко, потому что им всем хотелось жертвовать и страдать без конца.

Так и весь народ наш русский сладко нес свою жертву и не спрашивал, какой у нас царь, дело было не в моральных свойствах царя, а в пути и сладости жертвы. <...> Мир

отражается иногда в капле воды. Когда свергли не хлыстовского, а общего царя, хотелось думать, что народ русский довольно терпел и царь отскочил, треснул, как стручок акации трескается летом и на землю падают семена, так и Щетинин отскочил, когда для секты "Начало века" наступило летнее время их жизни.

Но, кажется, чувства мои ошибались: не до конца еще натерпелся народ, и последний час, когда деспот будет свергнут, еще не пробил — чан кипит» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1918–1919 / Подгот. текста и коммент. Л.А.Рязановой, Я.З.Гришиной, В.Ю.Гришина. М., 1994. С. 26–27).

В повести «Мирская чаша» (1922) писатель приходит к мысли: «Голодные не могут быть христианами» (*Пришвин М.М.* Мирская чаша. М., 1990. С. 62).

[12] В это время женой Пришвина была крестьянка Ефросинья Павловна Смогалева (урожд. Бадыкина; 1883–1953).

[13] Рыжик — кличка собаки писателя Леонида Николаевича Андреева (1871–1919).

[14] Горький ответил: «А если Вы захотите дать что-либо для "Беседы", посылайте мне, в Сорренто. Но должен сказать, платит "Беседа" мало: два фунта» (*Г-30.* Т. 29. С. 427). Выходивший в Берлине с мая 1923 г. журнал «Беседа» (при ближайшем участии Горького, Б.Ф.Адлера, А.Белого, Ф.А.Брауна и В.Ф.Ходасевича) в марте 1925 г. прекратил свое существование (на № 6/7). Пришвин в «Беседе» ничего не опубликовал.

[15] Горький ответил: «Будете ли Вы продолжать "Курымушку?" Это удивительно хорошо сделано, Михаил Михайлович! Книгу я еще не получил» (*Г-30.* Т. 29. С. 427). «Курымушкой» Пришвин назвал первую книгу своего романа «Кащеева цепь». Она была напечатана в журнале «Красная новь» (1923. № 3, 4, 5, 7). По какой-то причине Пришвин задержал посылку отдельного издания «Курымушки» (М., 1924). Посылая, автор сделал на книге надпись: «Юному сердцу Алексея Максимовича с родственным чувством *Михаил Пришвин.* 3.III. Москва». Книга хранится в *ЛБГ.* (*ОЛБГ. 8368*).

[16] *Пришвин М.М.* Смертный пробег: Охотничьи рассказы. М., 1925.

[17] Сыновья Пришвина и Е.П.Смогалевой: Лев (1906–1957), впоследствии стал журналистом, подписывал свои произведения псевдонимом Л. Алпатов, и Петр (1909–1987), стал зоотехником.

[18] В 1920-е годы Пришвин печатался в журналах: «Город и деревня», «Заря Востока», «Искорка», «Красная нива», «Красная новь», «Москва», «Народный учитель», «Новая Москва», «Новая Россия», «Новый мир», «Огонек», «Октябрь», «Охотник», «Охотничий вестник Среднего Поволжья», «Прожектор», «Россия», «Смена».

[19] Пришвин намекает на цикл статей Горького «Несвоевременные мысли», опубликованный в 1917–1918 гг. в петроградской газете «Новая жизнь». Самым крупным «несвоевременным» произведением Пришвина является повесть «Мирская чаша». Впервые без купюр она была опубликована только в 1990 г.

[20] Горький ответил: «...Вы значительно моложе "молодых", — не думайте, что комплименты говорю: нет, я — внимательный читатель и сам ощущаю мудрость В<ашей> молодости, и сам знаю, что она — значительней, нужнее людям, чем "мудрость старо-

сти" — хвалимая, но далеко не всегда достойная хвалы. Я знаю двух "старых" писателей — Сергеева-Ценского и Вас, оба Вы "молодо стары" и для меня лично — оба милые друзья души моей» (*Г-30*. Т. 29. С. 426).

[21] «Жизнь» — не альманах, а журнал литературы, быта и общественной жизни. В Москве в июне 1924 г. вышел его единственный номер. Журнал редактировали Д. Бедный, Л.С. Сосновский и В.М. Фриче. В «Жизни» Пришвин опубликовал рассказ «Ток» и очерк «По городам и весям». «Большим официальным собранием» писатель называет 1-е Всесоюзное совещание пролетарских писателей, проходившее в Москве в Доме печати с 6 по 12 января 1925 г. В его президиум в числе других был избран Д. Бедный.

[22] Одна из заповедей Моисея (Исход, 20:12).

[23] Рихард Авенариус (1843–1896), швейцарский философ, один из основоположников эмпириокритицизма.

[24] Анри Бергсон (1859–1941), французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни.

[25] Горький ответил: «Хорошее письмо, Михаил Михайлович! Очень хорошо о "рабочей ценности прошлого", — немногие чувствуют эту ценность, и все менее глубоко чувствуют ее люди» (*Г-30*. Т. 29. С. 426).

[26] Александр Николаевич Тихонов (1880–1956), друг Горького, писатель и издательский деятель, в это время работал в издательстве «Круг», в котором у Пришвина вышли кн.: Охота и лов: Рассказы из жизни на Севере. М.; Пб., 1923; Черный Араб. М.; Пб., 1923; Рассказы: В 2 т. М., 1925.

[27] В 1924 г. Горький наиболее активно печатался в журнале «Красная новь», автором которого был и Пришвин.

2.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-61-6-7). Впервые (с купюрами и неверным прочтением нескольких слов): Правда. 1998. № 15 (427). 4 февраля (публ. Н.Г. Ларионовой).

Горький ответил 16 января 1926 г. (*ЛН. Т. 70*. С. 327–328).

[1] Имеются в виду рассказы Горького «Отшельник» и «Рассказ о безответной любви». Оба они вошли в книгу «Рассказы 1922–1924 годов» (Берлин: Книга, 1924). Ее и прислал Горький Пришвину вместе с «Моими университетами» (Берлин: Книга, 1925). На «Моих университетах» автор написал: «Собрату М.М. Пришвину. *М. Горький*. 15.I.26, Napoli» (*ЛН. Т. 70*. С. 328). В сопроводительном письме от 16 января 1926 г. Горький сказал: «Дорогой Михаил Михайлович, вместе с этим письмом посылаю вам две мои книги — заказным пакетом с обратной распиской. Запоздал потому, что, как известно: "сапожник ходит без сапог", книг у меня не было, пришлось выписывать их из Берлина» (Там же. С. 327).

[2] Александр Константинович Воронский (1884–1937), деятель революционного движения, публицист, литературный критик. Основал один из лучших советских ли-

тературных журналов — «Красная новь», с поста редактора которого был снят в 1927 г. за то, что разделял взгляды Л.Д. Троцкого. Пришвин писал редактору «Нового мира» В.П. Полонскому 25 января 1926 г.: «Вы правы относительно А.К. Воронского, которого никак нельзя обижать уже по одному тому, что во время литературного пожара он выносил мне подобных на своих плечах из огня» (Новый мир. 1964. № 10. С. 197).

[3] В реальном училище обучались, например, такие писатели: Николай Николаевич Асеев (1889–1963), Владимир Яковлевич Зазубрин (1895–1938), Сергей Антонович Клычков (1889–1937), Владимир Пименович Крымов (1878–1968), Николай Никандрович Никандров (наст. фам. Шевцов; 1878–1964), Николай Николаевич Никитин (1895–1963).

[4] В 1922 г. Пришвин получил комнату в Москве в Общежитии Всероссийского союза писателей (Тверской бульвар, д. 25). Об утрате комнаты Пришвин в 1925 г. записал в дневник: «1-го Сентября прислали 500 рублей за комнату. <...> *15 Октября*. Покров. В понедельник вечером приехал Лева из Москвы, с успехом выполнив все мои поручения. Разгром моих вещей и рукописей в Союзе писателей (Крысиный домик). Герои погрома: Свирский, Соболев и др.: это было, как жизнь в деревне (одновременно и кустари меня выгоняли из дома в деревне). <...> Ю. Соболев пишет восторженные статьи о моих писаниях, а хранившиеся в его квартире мои рукописи и дневники, когда выехал, бросил, и они попали в сарай к дворнику» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 305, 323, 333). Предлогом для выселения стало то, что Пришвин бывал в Москве лишь наездами. Такой вывод можно сделать из заявления, поданного писателем в 1924 г. в хозяйственную комиссию Всероссийского союза писателей:

«По поводу своих частых отлучек из Москвы, в течение которых моя комната остается неиспользованной, заявляю следующее.

Не имея возможности найти квартиру для своей семьи в Москве, я поселил ее в деревне возле г. Ленинска, где обучаются мои дети в школе второй ступени. Если бы я нашел вторую комнату в Москве, то не отлучался бы из нее совершенно и жил бы так же, как и другие семейные члены союза. <...>

Не могу себе представить трудность моего положения, если бы комнату в Москве у меня отобрали: ведь на месте в Ленинске я не могу извлечь рубля для существования своей семьи и также ни одной ценной книги для своих работ, и у нас там нет ничего...

В глуши невозможно жить культурному человеку и еще с писательским именем и не принимать участия в местном культурном строительстве. И потому я, связавшись с Госпланом, с одной стороны, с местными учреждениями, с другой, веду без вознаграждения за свой труд краеведческую работу. <...>

Но я всегда во всякое время готов бросить свою научную и общественную работу, совершенно меня разоряющую; если Вы мне предоставите в общежитии вторую комнату, в одной будет жить моя семья, в другой я — безотлучно. Но пока этой комнаты нет, я должен и отлучаться, и сохранять за собой одним самую маленькую и сырую комнату.

Не лишним считаю сообщить, что в деревне Костино, где я поместил свою семью, я занимаю избу в одну комнату, разделенную перегородками, не доходящими до верху, и потому, чтобы работать без помехи, устроился с писанием в примыкающей к избе старой постройке вроде бани. Каждый раз, когда я уезжаю в Москву, эту баню собираются у меня отобрать, и я всегда приезжаю к очередному скандалу. <...>

Я жду от вас, товарищи, такой же комиссии, которая установит удельный вес всей моей деятельности и с этой деловой точки зрения признает мое неоспоримое право на комнату и, может быть, даже при первой возможности даст мне вторую комнату и спасет моих уже взрослых ребят от одичания среди граждан деревни Костино» (Там же. С. 395–396).

Алексей Иванович Свирский (1865–1942), писатель. Юрий Васильевич Соболев (1887–1940), литературовед.

[5] По приказу Петра I в 1688 г. недалеко от Переславля-Залесского на Плещеевом озере началось строительство «потешной флотилии», законченное в 1692 г. После пожара 1783 г. уцелел только ботик «Фортуна». Для него был построен специальный Ботный дом, который в обиходе получил имя хранящегося в нем судна — Ботик Петра Великого. Здесь в 1803 г. был открыт первый в России провинциальный музей. После потрясений 1917 г. музей перестал функционировать. В опустевшем здании 6 апреля 1925 г. поселился Пришвин. На следующий день он записал в дневник: «Я перешел вчера на Ботик (Павловна переехала третьеводни) и стал жить во дворце в роскошном уединении» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 250). Ботик был местом жительства писателя до тех пор, пока летом 1926 г. он не приобрел дом в Сергиеве (см. примеч. 11 к п. 5).

[6] *Пришвин М.М.* Родники Берендея (из записок фенолога) // Красная новь. 1925. № 8. С. 69–86.

[7] Книга «Родники Берендея: Записки фенолога» (М.; Л.: Госиздат, 1926) была послана с дарственной надписью: «Максиму Горькому с глубоким уважением и братской любовью. *Михаил Пришвин.* 8/I — 26. г. Сергиев». Имеется в *ЛБГ.* (*ОЛБГ. 1366*).

[8] 7 сентября 1925 г. Пришвин записал в дневник: «Леве необходима какая-нибудь материализованная мечта: я подсунул ему Байкал, и теперь он мечтает сделать исследование Байкала (вместо того, чтобы бродить с мельником, "как Максим Горький")» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 305).

[9] Очередные звенья романа «Кащеева цепь» — «Юность Алпатова», «Любовь», «Зеленая дверь», «Юный Фауст», «Брачный полет», «Положение», «Живая ночь» — публиковались в журнале «Новый мир» (1926. № 2–5; 1927. № 1, 11, 12; 1928. № 4–7). Во втором издании Собрания сочинений Пришвина (Т. 1–6. М.; Л.: ГИХЛ, 1929–1931) «Кащеева цепь» (т. 5, 6) вышла с послесловием М.С. Григорьева «Пришвин и Берендеево царство». В новом Собрании сочинений (Т. 1–4. М.: Гослитиздат, 1935–1939) Пришвин дополнил роман циклом рассказов «Журавлиная родина», предложив их читателю в качестве третьей книги «Кащеевой цепи». Позже он переменил это свое решение. За год до смерти Пришвин задумывает написать новую третью книгу романа.

В ней он хотел рассказать о работе Алпатова инженера-торфмейстера, превращающего озеро-болото в Золотую луговину. Было также намерение снабдить роман автокомментарием. 19 мая 1953 г. Пришвин записал в дневник: «Автобиографию, как предисловие, как смысл и вывод "Кащеевой цепи", начал было сочинять», через два месяца, 24 июля, развивает мысль: «Надо приниматься за "Кащееву цепь", утопить эту книгу в автобиографии» (*Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 8. С. 640, 651). Замысел не был реализован, но для последнего подготовленного автором издания (*Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1956. Т. 1) весь текст был подвергнут значительной правке.

3.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-61-6-8). Впервые (с купюрой): *ЛН. Т. 70*. С. 328–329.
Ответ на письмо Горького от 16 января 1926 г. (Там же. С. 327–328).
Горький ответил 11 февраля 1926 г. (Там же. С. 329–330).

[1] См. примеч. 1 к п. 2.

[2] Горький ответил: «Я очень взволнован вашим письмом, Михаил Михайлович, я прочитал его с великой радостью. Вы поймете ее, если я скажу вам, что, давно считая вас оригинальнейшим русским художником и глубоким знатоком духа языка нашего, я давно хотел знать ваше мнение о моих книгах и ясно понимал, что похвалить их вы — не можете. Я очень люблю ваш талант, необычная ваша жизнь внушает уважение к вам. Вы для меня — большой и настоящий русский человек, образцово и отлично русский. Теперь вам должно быть понятно, почему я так обрадован вашей похвалою "Отшельнику"» (Там же. С. 329).

[3] Горький ответил: «Пожмите от моего имени лапу вашего Льва, — хорошо он сказал о боге. Вот они, такие, пожалуй, действительно "возжгут души своя" на удивление мира и в добрую помощь ему. Но — жить им будет труднее, чем жилось нам» (там же. С. 330).

[4] Горький ответил: «Павловна — жена ваша? Передайте ей привет мой за доброе слово» (там же).

[5] Пришвин имеет в виду книгу Василия Васильевича Розанова (1856–1919) «Люди лунного света: Метафизика христианства» (СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911). Она является частью запрещенной цензурой книги «В темных религиозных лучах» (1910). Другая часть была выпущена под названием «Темный лик: Метафизика христианства» (СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911). «Темный лик» автор подарил Горькому с надписью: «На память о безвидной дружбе Алексею Максимовичу Пешкову. *В. Розанов*. 29 июля 1911 г. СПб.» Книга хранится в *ЛБГ*. (*ОЛБГ. 5714*). Горький подаренную книгу переплел вместе с «Людьми лунного света».

[6] Интересно зафиксированное вскоре в дневнике, 15 февраля 1926 г., размышление Пришвина о Горьком, связанное с другим высказыванием сына: «...Имея мечту о революции, я, прочитав у Горького рассказ о <1 нрзб.> опускаю руки, мне кажется, после этого чтения, что я мало пережил в революцию и не имею права о ней писать. А как потом хорошо подумаешь — что за вздор! Эта угрюмость, приписанная Горьким боль-

шевику, ведь сделана им для балансу, для того, чтобы сказать что-то о свете разума. Но помню, когда большевики окружили Льва, мальчика 13 лет, и Лева пришел ко мне и говорит: "Богородицы, оказывается, нет, все из пыски". Брось школу, учи декреты и комиссаром будешь» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927 / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной и Л.А. Рязановой. М., 2003. С. 8).

[7] А.Н. Варламов пишет, что даже в книге охотничьих рассказов «Родники Берендея» (М.; Л., 1926) присутствует «излюбленная пришвинская тема пола и эроса (рассказ "Любовь Ярика")» (*Варламов А.Н.* Пришвин. 2-е изд. М., 2008. С. 243). 28 июля 1926 г. Пришвин сообщил критику Н.И. Замошкину: «Рад, что Вам понравилась "Любовь Ярика" — это эмбрион звена "Любовь Алпатова". Рассказ имел успех в Москве большой» (*РГАЛИ*. Ф. 2569. Оп. 1. Д. 351. Л. 3 об.). Через два месяца, 3 октября, Пришвин написал Горькому: «Через месяц в Госиздате выйдет "Юность Алпатова" вместе с "Курымушкой"; как звено 4-е "Кащеевой цепи". Эта "Юность" меня раздражает: она "рациональна", скучновата, необходима, однако, перед звеном "Любовь". <...> А "Любовь" эту хочу написать так, чтобы избежать в ней ошибок моей действительной любви: я не понимал в юности, что женщине, которую любишь, надо *служить*» (*ЛН. Т. 70.* С. 334). Пятое звено романа «Кащеева цепь» «Любовь» впервые было опубликовано в журнале «Новый мир» (1927. № 1, 11, 12). Позднее автор этому звену дал другое название — «Государственный преступник».

[8] Пришвин приводит слова из несохранившегося письма Горького.

[9] В «Исповеди» Л.Н. Толстой пишет: «Весь народ имел знание истины, это было несомненно, потому что иначе он бы не жил» (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1957. Т. 23. С. 56). Отсюда вытекает: чтобы жить правильно, истинно, надо жить так, как живет народ, то есть пахать землю. Л.Н. Толстой старался в жизни следовать своему учению. Известна картина И.Е. Репина «Пахарь. Л.Н. Толстой на пашне» (1887).

[10] Имеется в виду герой рассказа «Отшельник» Савел Пильщик, который рассказывал про себя: «Ну а вещь разную любил покупать, раз — куклу купил; иду по улице, гляжу: кукла в окошке лежит, совсем как живое дите и даже глазки заводит. Купил» (*Горький. Сочинения.* Т. 17. С. 248).

[11] Пришвин побывал на реке Шельне летом 1908 г. Главной целью того путешествия по Нижегородской губернии было посещение Светлояра — озера, на дне которого по легенде укрылся от монголо-татарского разорения праведный град Китеж. Итогом летних странствий стала книга «У стен града невидимого» (М., 1909).

4.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-61-6-9), впервые.

Ответ на письмо Горького от 11 февраля 1926 г. (*ЛН. Т. 70.* С. 329–330).

[1] Пришвин говорит о присланной ему Горьким кн.: Дело Артамоновых. Берлин: Книга, 1925. На ней автор сделал надпись: «М.М. Пришвину с сердечной благодарностью. *М. Горький.* 10.II.26. Napoli» (*ЛН. Т. 70.* С. 330).

[2] «Соки земли» (1917) — роман норвежского писателя Кнута Гамсуна (наст. фам. Педерсен; 1859–1952), за который Гамсуну в 1920 г. присудили Нобелевскую премию. Этот роман, вышедший в Петрограде в 1922 г. в переводе К. Жихаревой, имеется в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 1835*). Горький, ценивший творчество норвежца, писал ему 7 января 1923 г.: «...Я всегда относился к Вашему таланту с искренним восхищением, всегда считал Вас одним из величайших художников Европы. "Виктория", "Пан", "Мистерии" и все Ваши книги — источники высокого духовного наслаждения. Сегодня я кончил читать <"Соки зем<ли>">, и вот мне захотелось написать Вам несколько слов горячей благодарности за те часы радости, которые Вы дали мне этой книгой» (*Горький. Письма.* Т. 14. С. 118).

[3] Пришвин угадал. В это время Горький начал писать «Жизнь Клима Самгина».

[4] Пришвин говорит о присланной ему Горьким в январе 1926 г. кн.: Рассказы 1922–1924 годов. Берлин: Книга, 1924.

[5] Об этом рассказе 10 апреля 1926 г. Пришвин написал Горькому: «Меня очень увлек рассказ "Голубая жизнь", один момент я стал трепетать за вас, и вдруг все перешло в медицину — конечно, я выругался. Но замечательная там наметилась фигура *Столяра*, вроде как бы черта, особенного, вашего, единственного черта. Да, у вас, конечно, есть свой черт, как у Ремизова, только у того мистически-условный, а у вас естественный и очень уж читаемый черт. Но я так много думал об этом, что рассказать могу только постепенно и в других письмах» (*ЛН. Т. 70.* С. 330).

[6] А.А. Данилевский и С.Н. Доценко пишут: «Р<емизов> создал многоплановую модель дорев. России, к-рая в его интерпретации является средоточием вселенского противоборства Бога и Дьявола» (Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 285).

[7] О гоголевском черте написал Д.С. Мережковский в кн.: Гоголь и черт. М., 1906. 2-е изд. вышло под названием «Гоголь. Творчество, жизнь и религия» (СПб., 1909).

[8] Имеется в виду книга Горького «Заметки из дневника. Воспоминания», составляющая 17-й том Собрания сочинений писателя (Л.: Госиздат, 1926). Отрывки из нее печатались в берлинской «Беседе»: «Заметки» (1923. № 1), «Из дневника» (1923. № 2); а также в московских журналах «Прожектор» — «Заметки из дневника» (1924. № 3. 16 февраля) и «Красная новь» — «Пожары» (1924. № 2).

[9] 10 февраля 1926 г. Горький писал редактору «Нового мира» Вячеславу Павловичу Полонскому (наст. фам. Гусин; 1886–1932): «Первую книгу "Н<ового> М<ира>" я нахожу весьма удачной, рад, что у Вас будет печататься Пришвин» (*Горький. Письма.* Т. 15. С. 373). В начале 1926 г. Пришвин перешел в «Новый мир», о чем сообщал Горькому 10 апреля 1926 г.: «От Воронского я перешел в "Новый мир" к Полонскому, не знаю этого человека, но относится ко мне хорошо, и журнал его "Новый мир" как-то веселей "Красной нови". Благодаря поддержке Полонского, написал новое звено "Кащеевой цепи" "Юность Алпатова". В мае все напечатается, пришлю оттиски» (*ЛН. Т. 70.* С. 331). 11 марта 1926 г. Пришвин писал Полонскому из Переславля-Залесского:

«Вы мне в другой раз, товарищ Полонский, где-нибудь на уголке письма напишите свое имя и отчество, а то это чудесное слово *товарищ* стало почему-то, как прежнее милостивый государь.

"Халамееву ночь" не печатайте ни в коем случае. Я бунтую против мещан революции, но раз выходит что-то другое, то печатать не следует.

Я написал Вам легкомысленный ответ относительно денег, а между тем аккуратные присылки совсем преобразили мое существование, и я на опыте убедился в Вашей практичности. Пусть же будет по-Вашему, а я буду снабжать журнал материалами аккуратно. Звено "Кащеевой цепи" "*Юность Алпатова*" кончится в майской книжке, а потом пойдут очерки.

И Ваши письма с трогательной и редкой в наше время заботой о материальном положении писателя, и дружественный прием в "Новом Мире", — все это напоминает мне прекрасное, но очень короткое время сотрудничества с Тальниковым в "Жизни". Остается только пожелать Вам долгих дней в "Новом Мире", а в успехе его я не сомневаюсь: это будет живой журнал.

Сердечно Ваш

Михаил Пришвин» (*РГАЛИ*. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 287. Л. 3).

Давид Лазаревич Тальников (наст. фам. Шпитальников; 1882–1961), литературный и театральный критик.

[10] 11 февраля 1926 г. Горький писал Пришвину: «М<ожет> б<ыть>, вам это покажется смешным или даже фальшивым, но вот в этом или в 27 году исполнится 35 лет моей работы, а я все еще не знаю, как надо писать, и — учусь» (*ЛН. Т. 70*. С. 330).

[11] Явление, о котором говорит Пришвин, год спустя приобрело еще большие масштабы. 25 марта 1927 г. А.Н. Тихонов, сотрудник издательства «Круг», писал Горькому: «Вообще русская беллетристика пошла на рынке хорошо. Госиздат, "Прибой", "ЗиФ" и пр. издатели рвут авторов на части и закупают собрания сочинений написанных и еще не написанных на 3 года вперед. Нам — маленькому издательству — становится трудно. Одолевают конкуренты, но ничего, пока боремся удачно. Нет ли у Вас какого-нибудь хорошего новичка — которого можно было бы издать, вроде Каллиникова? Очень требуется такой!» (*АГ*. КГ-п-77-1-8). И.Ф. Каллиников — автор 3-томного романа «Мощи» (1925–1927).

[12] Возможно, Пришвин пересказывает смысл рецензии Н. Замошкина на свою книгу «Башмаки» (М., 1925), опубликованную в № 2 (вышел в марте) «Печати и революции» за 1926 г.

[13] Пришвин записал в дневник весной 1926 г.:

«*27 Марта*. Без 20 в 7 у. Вышел из Всеохотсоюза, сел на трам. "13" и в 7 у. Был на вокзале. <...> В 4 в. был на Ботике.

Что же, как Москва после целого года? Никакого нового впечатления, дома, улицы живут, бегут. <...> Встретил на ходу Лидина, Чулкова, Касаткина, Романова, беседовал со Смирновым, познакомился с Полонским. В Госиздате меня спросил Евдокимов: "Как весна?" Я сказал: "Задержалась". <...> Но так я и не узнал в Москве, из-за чего все

и что происходит» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 16). Упоминаются писатели: Владимир Германович Лидин (наст. фам. Гомберг; 1894–1979), Георгий Иванович Чулков (1879–1939), Иван Михайлович Касаткин (1880–1938), Пантелеймон Сергеевич Романов (1884–1938), Николай Павлович Смирнов (1898–1978), Иван Васильевич Евдокимов (1887–1941).

[14] К.А. Федин писал Горькому 16 января 1926 г.: «Дорогой Алексей Максимович, незадолго до Рождества я получил, наконец, от "Междунар<одной> книги" ваши рассказы (1922–24), а на днях приобрел и вышедшие недавно тома XVII и XVIII вашего Собрания в издании здешнем ("Рассказы" изд<ательства> "Kniga" — XVIII том Собрания). За исключением двух-трех рассказов, книги эти для меня совершенно новы — в буквальном и всяком ином смысле. <...> Особенно это касается XVIII тома, и особенно "Отшельника". Здесь я ощутил героев буквально, т<о> е<сть> наощупь» (*ЛН. Т. 70.* С. 498). Н.П. Смирнов писал о «Рассказах 1922–1924 годов»: «Эта книга удивляет своим глубоким спокойствием, замечательными по живости человеческими образами, прекрасной простотой языка» (Известия. 1925. № 279. 6 декабря). Критик Л.Н. Войтоловский так оценил «Отшельника» и «Рассказ о необыкновенном»: «По красоте сюжетного построения, отчетливой вычерченности деталей и лингвистическому богатству эти рассказы не знают себе равных в нашей новейшей литературе» (Новый мир. 1926. № 4. С. 157). Восторга большинства не разделил В.Б. Шкловский: «"Отшельник" почти без сюжета и напоминает собрание пророчеств оракула» (*Шкловский В.* Удачи и поражения Максима Горького. Тифлис, 1926. С. 48).

5.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-61-6-13), впервые.

Горький ответил 17 октября 1926 г. (*ЛН. Т. 70.* С. 335).

[1] Имеется в виду письмо от 3 октября 1926 г. (*ЛН. Т. 70.* С. 332–334).

[2] 3 октября 1926 г. Пришвин писал: «Разве у вас-то мало этого, что вы называете "гео-оптимизмом"? Я бы предложил только другое название. Вы знаете, есть прекрасное латинское слово вашей второй родины Италии vita, наверно слышали, что есть еще и виталин, жизненное вещество, которое находится на свежих фруктах в саду и разлагается, как только эти фрукты выносят из сада, так что во фруктах продажных в городах уже нет виталина. Почему бы нам с вами и другим близких нам не назваться виталистами. Сознаю, что в *витализме* (как во всяком *изме*) уже нет виталина, но если название необходимо, если у нас не одно только название, а есть и сама vita, то чего бояться?» (*ЛН. Т. 70.* С. 332). В дневнике Пришвин отметил 9 октября 1926 г.: «Письмо Горького о "гео-оптимизме" [от сентября 1922 г. — *Г-30.* Т. 29. С. 476–478. — *Е.Н.*] подчеркивает одно из моих самых больших волнений в жизни, я теперь нащупываю эту волну как особенность (факт) моей жизни. Это мне дает радость, уверенность и охоту написать "Любовь". Этот роман будет моей "Песнью Песней", после которой все написанное мной оказывается нащупыванием материалов» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 142).

[3] С 1900 по 1902 г. Пришвин учился на агрономическом отделении философского факультета Лейпцигского университета. В это время он также посещал лекции в Берлине и Йене.

[4] 3 октября 1926 г. Пришвин попросил Горького: «Я хочу издавать собрание своих сочинений. Хотелось бы, чтобы вы написали вступительную статью. <...> Я не скрываю, мне это на пользу в том смысле, как Розанов писал вам ("творожку, творожку, Максимушка"). Вас это не затруднит, вы все мое прекрасно знаете, у вас это отнимет времени немного больше, чем письмо ко мне. <...> Но мне положительно будет приятно (без творожку), если будет напечатано: "Сочинения Михаила Пришвина с предисловием Замошкина и вступительной статьей Максима Горького". Для опыта я выпущу в эту зиму только два тома, может быть три» (*ЛН. Т. 70.* С. 333). 17 октября 1926 г. Горький сообщил Пришвину: «Дорогой Михаил Михайлович — статейке я придал форму письма к вам, другой формы не нашел. Мне это писание о вас — не нравится, уверен, что не понравится оно и вам. Но все же посылаю "на предмет прочтения и критики". Писать было трудно, хвораю, правая рука болит, кашель одолел, и голова в тумане от нелепо-танцующей температуры» (*ЛН. Т. 70.* С. 335). В конце октября 1926 г. (письмо без даты) Пришвин сообщил Н.И. Замошкину: «Дорогой Николай Иванович, Горький свою статью прислал, совершенно исключительного интереса. Одновременно с этим прислали приглашение издать Собрание в Ленгизе. Дело идет. Пишу, чтобы Вы не очень откладывали свою работу. <...> Если выберу время, скопировать Горького, то пришлю. Очень интересно бы напечатать статью в журнале и для Горького хорошо, и для журнала. А мне неловко: в июле в "Н.М." было много о мне» (*РГАЛИ.* Ф. 2569. Оп. 1. Д. 351. Л. 12). Однако в «Новом мире» статья не появилась. Откликаясь на просьбу А.К. Воронского, Горький дал согласие на ее печатание в «Красной нови». В письме без даты (получено адресатом 19 ноября 1926 г.) Пришвин сообщил Н.И. Замошкину: «Статья Горького имела большой успех у Воронского, он ее называет "прекрасной и верной", будет, кажется, в 12 кн. "Нови"» (Там же. Л. 10 об.). Действительно, статья Горького «О М.М. Пришвине» была опубликована в «Красной нови» (1926. № 12), а затем с небольшими изменениями перепечатана в 1-м томе 7-томного Собрания сочинений Пришвина (М.; Л., 1927–1930), выпущенного Госиздатом. Вместе со статьей Горького в 1-м томе была напечатана статья Н.И. Замошкина «Писатель-Берендей». Критик работал над нею, учитывая указания писателя. 15 октября 1926 г. Пришвин писал Н.И. Замошкину:

«Дорогой Николай Иванович, Вы, очевидно, не получили моего письма, которое написал я Вам по уговору на другой день после нашего закусона у Никитиных. Мне показалось, что у них как-то полу деловое отношение к издательству, я колеблюсь издавать у них. Но ведь это решительно ничего не значит, по 100 руб. за лист можно продать везде, там или тут издавать я буду очень скоро, и Ваша статья не пропадет. Если даже Ал. Макс. не напишет, обойдемся без него.

Да, конечно, "попутничество" надо выбросить, потому что это понятие существует временно. У Вас есть своя, по-моему, гораздо более говорящая в отношении моих

опытов писания идея, чем "гео-оптимизм". Я говорю об "инфантильности". Вам надо проверить высказанное Вами мельком, что мои писания являются единственным в литературе примером этой идеи (длительное переживание детства). Пересмотрите весь мировой запас литературы, передумайте, если окажется верным вскользь брошенное Вами замечание, то это богатейшая тема. Не скрою, что меня это окрыляет, возбуждает надежду на возможность оправдания в себе самом труда своего, который, признаюсь, всегда мне кажется сомнительным, несмотря на все похвалы друзей. Вы ошибаетесь, говоря, что "гео-оптимизм" есть сердцевина моего труда, нет! Это только радужное его окружение, а самая суть, сердцевина, в этом несколько глупо звучащем по-русски понятии "инфантильности". В "Юности Алпатова" я прямо это высказываю в рассуждении предшествующем изображению Николая Алпатова, помните: игра, как потайная пружина *деловой* жизни "Старших". Вот откуда происходит "гео-оптимизм". Не знаю, насколько Вы опытный фрейдист и в курсе ли Вы всех достижений этой новой науки. Но я так себе представляю, что именно сюда Вы направите свою *спокойную* работу ("спокойную" в смысле осознанности материала). Вот если Вам удастся под этим аспектом написать статью, то это будет действительно открытием Пришвина для сознания читателей. К сожалению, главное будет написано мной впереди, и вопрос еще, является ли написанное мной достаточным материалом для этой темы. <...>

Итак, Ник. Ив., действуйте, пишите статью, если Ал. Мак. не даст, мы ничего особенного не потеряем, признаюсь, содержательная статья, подписанная скромным именем, мне больше по душе: я ведь и сам очень скромный, за славой никак-никак не гонюсь, охота, по всей правде говоря, заменяет мне всю славу, мне кажется во время охоты, что всю славу я в кулаке держу» (Там же. Л. 7–8).

Переговоры об издании Собрания сочинений Пришвин первоначально вел с московским издательством «Никитинские субботники». Затем поступило предложение от Ленгиза и от «Прибоя». Писатель остановил свой выбор на Госиздате.

[5] Первые письма Горького к Пришвину, где давалась характеристика его ранним произведениям — «За волшебным колобком. Из записок на крайнем севере России и Норвегии» (СПб., 1908), «Черный араб. Степные эскизы» (Русская мысль. 1910. № 11) и др., утрачены. О данных в них оценках мы можем судить по написанным в то же время письмам к другим лицам. В ноябре 1910 г. Горький написал М.К. Иорданской: «Обратите внимание на "Черного араба" Пришвина — какая прелесть, а?» (*Горький. Письма.* Т. 8. С. 192). Оценка «Колобка» дана в письме к В.С. Миролюбову от 12 (25) сентября 1911 г.: «"Колобок" Пришвина — превосходен» (Там же. С. 111).

[6] В.А. Фатеев пишет: «В 1912 по инициативе Горького издательство "Знание" (СПб.) выпустило 1-й том собр. соч. П. под назв. "*Рассказы*", куда автор отобрал наряду с лучшими (из опубл.) рассказами наиб. худож. материал из двух первых "этнографических" книг. <...> В 1913 в "Знании" вышел как 2-й том собр. соч. сб. "*Очерки*" (из мат-лов двух первых "этнографических" книг), а в 1914 3-томное собр. соч. П. завершилось выпуском сб. "*Славны бубны и другие рассказы*"» (Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 145).

[7] Пришвин был посажен в тюрьму за распространение нелегальной литературы. В.А. Фатеев пишет: «В Риге деятельно участвовал (с 1896) в марксист. кружке "подготовки пролетарских вождей" революционера В.Д. Ульриха, распространял запрещ. лит-ру, переводил (с нем.) "Историю социализма" Ф. Меринга и работу А. Бебеля "Женщина и социализм" <...> В 1897 сидел в тюрьме в Риге, затем в одиночной камере в Митаве; весной 1898, получив разрешение поселиться в любом неун<иверсите>тском городе, выбрал для 3-годичной ссылки родной Елец» (Там же. С. 142).

[8] А.Н. Варламов пишет: «Теоретически у юноши был шанс сделать партийную карьеру, как сделал ее, например, Николай Семашко (правда, будущий нарком медицины был племянником Г.В. Плеханова, хотя мы не можем утверждать, что это как-то на его карьеру повлияло), он завел знакомство с известными в революционном мире людьми и среди них с "блондином с бритыми щеками и небольшой бородкой, лысым, с хорошим черепом", Василием Даниловичем Ульрихом, на дачу которого его привел другой марксист по фамилии Горбачев, вовремя вытащивший юного Михаила из воды после неудачного купания в Рижском заливе. И все же, несмотря на все эти фактические совпадения и явно неслучайные обстоятельства, даже в "Кащееву цепь" не вместившиеся, что-то его в этом мире не устроило, что-то не сложилось у него с революцией. Может быть, потому, что марксизм у него был никакой не научный, не правильный, а фантастический, религиозный, слишком искренний» (*Варламов А.Н.* Пришвин. 2-е изд. М., 2008. С. 58).

[9] Евдоксия Федоровна Никитина (1895–1973), член литературного объединения, при котором было создано издательство «Никитинские субботники» (1922–1931).

[10] Сергей Тимофеевич Григорьев (наст. фам. Патрашкин; 1875–1953), писатель.

[11] 10 сентября 1926 г. Пришвин сообщил Горькому: «Буду жить теперь постоянно в Сергиеве» (*ЛН. Т. 70.* С. 332). Дом был куплен летом 1926 г. Пришвин отметил в дневнике: «*30 Мая.* <...> Завязалась какая-то глупость с покупкой домишка. Лева сегодня поймал автобус и поехал в Сергиев — Москву обделывать дела. <...> *29 Июня.* <...> Завтра Ефрос. Павл. едет в Сергиев укрепляться в доме, а Лева в Москву. <...> *6 Июля.* <...> Вернулись из Сергиева Павловна с Левой, усталый Лева, развинченный, Павловна, как Павловна: я сам себя потерял из-за покупки этого домика <...> *18 Июля.* <...> Сижу в Сергиеве в своем доме один с обрезанными крыльями... фи-нансы!» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 69, 70, 89, 97, 105). Переезд всей семьи состоялся 23 августа. В этот день Пришвин записал в дневник: «От Ботика до Троицы. Царь Берендей покидает свое царство, слуги Павел с Дуней плачут. Везет Вас. Петр. Кутейников из Дядькова. <...> В Сергиеве мост перед моим домом провалился. Работали много, вытаскивая вещи» (Там же. С. 124).

[12] Пришвин, шутя, говорит о помощи, оказанной ему Преподобным Сергием Радонежским (ок. 1321–1391), основателем Троице-Сергиевой лавры.

[13] 8 сентября 1926 г. Пришвин записал в дневник копию своего заявления, поданного в тот же день в электротехнический отдел Сергиева:

«Вчера 7-го Сент. перед вечером в квартиру по Комсом. 75, до меня занятую С.А. Тиойном, явился техник Гусев и разобрал у меня лампочки, объявив, что С.А. Ти-

ойн не платил два месяца. Прошу, получив с меня деньги, немедленно направить в мою квартиру тов. Гусева для сбора лампочек, считая меня абонентом с 15 стар. августа.

Во-вторых, убедительно прошу, если ток прекращается вследствие ремонта машин или по каким-либо другим причинам, которые можно предвидеть, предупреждать граждан об этом через местную газету для того, чтобы они могли запасаться свечами. Примите во внимание, что внезапные без предупреждения прекращения тока у людей, работающих на дому, совершенно лишают эл-ое освещение его преимущества перед керосиновым» (Там же. С. 135).

[14] 3 июля 1926 г. Пришвин записал в дневник: «Самоубийство Есенина и Соболя — случайные, многие лица носят в своем легкомыслии возможность при крайнем случае ухода, и у множества это проходит отдаленным спутником жизни до ее естественного конца. Но бывает, семя это прорастает, заполнит много места и вдруг... Завещаний в таких случаях не пишут. Я это пишу на основании своего опыта, что через всю жизнь, не знаю с каких пор, этот "выход" в какой-то побочной мечте соблазняет меня, а в последнее время я застаю себя на нем все чаще и чаще» (Там же. С. 95).

[15] Вскоре после отправления комментируемого письма Горькому Пришвин сообщил Н.И.Замошкину: «Дорогой Николай Иванович, у Никитиных пока ни до чего определенного не договорились, но почти наверно договоримся. Что касается Вашей статьи, то это принято. Размер — хотите ½ листа, хотите больше. Горькому написал о витализме, гео-оптимизме, о попе Махове, который назвал свою дочь Музою, и что Муза назвала сына своего Тезисом, тонко намекнул этим Тезисом на тяжесть слова гео-оптимизм и советовал подпустить Музу» (*РГАЛИ*. Ф. 2569. Оп. 1. Д. 351. Л. 5).

6.

Печатается по тексту первой публикации. Впервые: *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 183–185.

Горький ответил 25 января 1927 г. (*ЛН. Т. 70*. С. 338–339).

[1] См. примеч. 4 к п. 5.

[2] В статье «О М.М.Пришвине» Горький писал:

«...Михаил Михайлович, в Ваших книгах я не вижу человека коленопреклоненным пред природой. <...>

Обычно люди говорят Земле:

— Мы — твои.

Вы говорите ей:

— Ты — моя!» (*Г-30*. Т. 24. С. 266).

[3] Литературный критик и историк русской общественной мысли Разумник Васильевич Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов; 1878–1946) одним из первых по достоинству оценил талант Пришвина — в статьях «Великий Пан» (Речь. 1911. № 23. 24 янв.; перепеч. в кн.: *Иванов-Разумник Р.В.* Творчество и критика. Статьи критические. 1908–1922. Пб., 1922. С. 24–48) и «Черная Россия» (Заветы. 1912. № 8. С. 40–58; перепеч. в

кн.: *Иванов-Разумник Р.В.* Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. Пб., 1922. С. 83–96).

В 1930-е годы, когда Иванов-Разумник подвергся репрессиям, Пришвин постоянно оказывал ему помощь. В мемуарах «Тюрьмы и ссылки» Иванов-Разумник написал: «...Подробнее скажу только о другом старом друге, М.М. Пришвине. Не только писал он мне бодрые письма в Новосибирск и в Саратов, не только присылал новые свои книги, не только хлопотал в московских издательствах о какой-нибудь работе для меня, но даже, когда хлопоты эти не увенчались успехом, по собственному почину, нисколько не скрывая этого, решил высылать мне ежемесячно по двести рублей. Только благодаря ему я еще и существую в сем "физическом плане" — и не могу умолчать об этом» (*Иванов-Разумник Р.В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / Вступ. статья, сост. В.Г. Белоуса. М., 2000. С. 265).

[4] В статье «О М.М. Пришвине» Горький писал: «И вот это ощущение Земли как своей плоти удивительно внятно звучит для меня в книгах Ваших, Муж и Сын Великий Матери» (*Г-30.* Т. 24. С. 267).

[5] В статье «О М.М. Пришвине» Горький писал о живописце Исааке Ильиче Левитане (1860–1900): «Кто-то сказал: "Левитан открыл в русском пейзаже красоту, которую до него никто не видел". И никто не мог видеть, потому что красоты этой не было, и Левитан не "открыл" ее, а внес от себя, как свой человеческий дар Земле» (Там же. С. 265).

[6] Пришвин Горького называет «нашим Алешкой».

[7] Вероятно, Пришвин имеет в виду только что вышедшую книгу Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965) «Свобода воли» (Париж, 1927), 7-я глава которой называется «Учение о свободе воли на основе конкретного идеал-реализма».

[8] Образ «душа — звезда» восходит к глубокой древности. А.Н. Афанасьев в исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» писал: «...Душа представлялась звездою, что имеет самую близкую связь с представлением ея огнем; ибо звезды первобытный человек считал искрами огня, блистающими в высотах неба. В народных представлениях душа точно так же сравнивается с звездою, как и с пламенем; а смерть уподобляется падающей звезде, которая, теряясь в воздушных пространствах, как бы погасает» (*Афанасьев А.Н.* Исторические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 206).

[9] Пришвин перефразирует философский термин «вещь в себе». Понятие «вещь в себе» — одно из основных в работе немецкого философа Эммануила Канта (1724–1804) «Критика чистого разума» (1781).

[10] Вероятно, Пришвин имеет в виду книгу ученого и религиозного философа Павла Александровича Флоренского (1882–1937) «Столп и утверждение Истины» (М., 1914).

[11] По системе греческого астронома Клавдия Птолемея (около 90 — около 160), изложенной в сочинении «Великое построение» (известном также под названием «Альмагест»), в центре мира находится неподвижная Земля, а вокруг нее по круговым ор-

битам — эпициклам — движутся планеты, центры эпициклов скользят по большим несущим кругам — деферентам; Земля расположена вблизи общего центра деферентов.

[12] Речь идет о буддизме. Его основателем был Сиддхартха Гаутама (623–544 до н.э.) из знатного рода шакьев, обитавших в предгорьях Гималаев. Он стал Буддой (в переводе с санскрита: просветленный), обретя просветление под деревом бодхи (смоковницей) в районе города Гая в Магадхе. Его еще называют Шакьямуни (Сакьямуни), что в переводе на русский язык означает: мудрец из рода Шакья.

[13] Пришвин говорит о статье «Письмо второй комсомолки. (Ответ на ответ тов. Смидович)», подписанной: «Нина Вельт, комсомолка и партийка» (Смена. 1926. № 12. Июнь).

[14] В дневниках Пришвина находим другую самооценку. «Когда думаю о литературе, — фиксирует свои размышления писатель 31 октября 1925 г., — что сделал для нее Андрей Белый, — то чувствую себя совершенно ничтожным: какой я литератор! Но в то же самое время упор в жизнь у меня так велик, что в наше время равным себе считаю только Горького и Гамсуна» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 343–344).

[15] Алексей Николаевич Толстой (1882/1883–1945), писатель.

7.

Печатается по тексту первой публикации. Впервые: *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 235–236.

Датируется по дню, когда писатель сделал запись в дневник.

Ответ на неразысканное письмо Горького. Пришвин записал в дневник: «*27 утро месяца Марта.* Солнце во всей славе над снегами. <...> От Горького хмурое письмо: роман не ладится, хворает» (Там же. С. 235).

8.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-61-6-17). Впервые (с пропуском одного слова): Правда. 1998. № 15 (427). 4 февр. (публ. Н.Г. Ларионовой).

Ответ на письмо Горького от середины апреля 1927 г. (*ЛН. Т. 70.* С. 344–345).

Горький ответил 15 мая 1927 г. (Там же. С. 346).

[1] Купив дом в Сергиеве, Пришвин возобновил знакомство с дочерью В.В. Розанова Татьяной Васильевной Розановой (1895–1975). Узнав, что Пришвин переписывается с Горьким, она попросила передать ему благодарность за оказанную в трудные послереволюционные годы помощь семье Розановых. В.Ф. Ходасевич писал в рецензии на мемуары З.Н. Гиппиус «Живые лица»: «З.Н. Гиппиус сообщает, будто Горький "поручил кому-то из своих приспешников исследовать слух о Розанове и, когда ему доложили, что Розанов не расстрелян, приказал прислать ему немного денег". Все это сообщено с чужих слов и — неверно. Горький никому не давал таких поручений, ибо знал, что Розанов на свободе. Что же касается до посылки денег, то, как видно из

письма, сама З.Н. Гиппиус Горького о том не просила. Об этом позаботились другие. И опять — не было здесь, конечно, ни "приспешников", ни клевретов, никаких вообще тайн мадридского двора. Просто — пришел ко мне покойный Гершензон и попросил меня позвонить Горькому по телефону и сообщить о бедственном положении Розанова. Я так и сделал, позвонив по прямому проводу из московского отделения "Всемирной Литературы". За это получаем мы титул "приспешников". <...> Как бы то ни было, Горький прислал денег. "Немного", — сообщает З.Н. Гиппиус. Опять — "слух". Деньги передавал дочери Розанова я. Суммы не помню решительно, ибо даже не помню, на что тогда шел счет: на сотни, на тысячи или на миллионы. Помню только, что дочь Розанова сказала: "На это мы (то есть семья из четырех душ) проживем месяца три-четыре". Так ли уж это мало, когда речь идет о помощи частного лица?.. Сам Розанов в письмах к Гиппиус "все благодарил его" (то есть Горького)» (*Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 131–132). В.Ф. Ходасевич упомянул письмо В.В. Розанова к супругам Мережковским, не написанное, а продиктованное (писать В.В. Розанов уже не мог) в декабре 1918 г. В нем говорилось: «Теперь дела мои все устроились. Спасибо Максимушке, Саше Бенуа, спасибо Макаренко. <...> Творожка хочется, пирожка хочется» (*Розанов В.В.* Мысли о литературе / Сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Николюкина. М., 1989. С. 527). Одно из самых последних писем В.В. Розанова, продиктованное 20 января 1919 г., было со словами благодарности Горькому: «Дорогой, милый Алексей Максимович! Несказанно благодарю Вас за себя и за всю семью свою. Без Вас, Вашей помощи она бы погибла. 4 000 р. это не кое-что. Благородному Гершензону тоже глубокую благодарность за его посредничество и хлопоты» (Там же).

[2] В.В. Розанов не был борцом с христианством, хотя некоторыми он так воспринимался. Например, З.Н. Гиппиус писала В.В. Розанову 10 февраля 1908 г.: «Закисли вы на своем антихристианстве» (Литературоведческий журнал. 2010. № 27. С. 186). И Горький 15 мая 1927 г. написал Пришвину: «Верно, Михаил Михайлович, сказали вы о Розанове, что он, как "шило в мешке — не утаишь", верно! <...> Удивляло меня: как это неохристиане Р<елигиозно>-ф<илософского> общества могли некоторое время считать своим человеком его — яростного врага Христа и христианского гуманизма?» (*ЛН. Т. 70.* С. 346). Такое представление о писателе и мыслителе возникло после его доклада «О Сладчайшем Иисусе и о горьких плодах мира», прочитанного 21 ноября 1907 г. в Религиозно-философском обществе и затем опубликованного в журнале «Русская мысль» (1908. № 1). Доклад вошел в книгу В.В. Розанова «В темных религиозных лучах» (СПб., 1910), которая, как пишет В.А. Фатеев, является «квинтэссенцией антихристианских настроений» мыслителя (Розановская энциклопедия. М., 2008. Стб. 2269).

[3] В очерке «Каляевка» Пришвин написал: «В первый раз я проник сюда с поручением одного ученого исследователя литературы, чтобы на кладбище Черниговского скита, превращенного ныне в увеселительный парк исправдома, найти могилы погребенных здесь забытых писателей — Константина Леонтьева и В.В. Розанова. Большая часть памятников лежала на боку, среди них я с большим трудом нашел памятник Кон-

стантину Леонтьеву и от него уже — по указаниям бывших со мной родственников покойного Розанова, — отсчитав несколько метров, установил место совершенно исчезнувшей с лица земли другой могилы» (*Пришвин М.М.* Мой очерк / Предисл. М. Горького. М., 1933. С. 208–209; впервые «Каляевка» была напечатана в № 3 «Октября» за 1930 г.). Современный исследователь пишет о В.В. Розанове: «Похоронен в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры возле своего старого друга К.Н. Леонтьева. Их могилы вместе с могилами у храма Черниговской Богородицы были разрушены в 1927 году» (*Сукач В.Г.* Василий Васильевич Розанов. М., 2008. С. 81). С помощью дневниковых записей Пришвина, указавшего точное место захоронений, могилы В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева были восстановлены в 1995 г.

[4] Пришвин послал Горькому книгу Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930) «В дебрях Уссурийского края» (Владивосток: Книжное дело, 1926. Книга хранится в *ЛБГ*; *ОЛБГ. 8125*). В ней на 3-й странице напечатан отрывок из предисловия Ф. Нансена к немецкому изданию книги:

«Уже прошло много времени с тех пор, как я встретил в Хабаровске на Амуре выдающегося исследователя Восточной Сибири В.К. Арсеньева. Он рассказал мне о своих высоко интересных путешествиях через девственную тайгу Уссурийского края, об ее малоизвестном туземном населении, а также о животном и растительном мире этой страны.

Получилось много в высшей степени интересных сообщений о неоткрытых еще местностях, и мне казалось очень прискорбным, что описания его путешествий и наблюдений не были опубликованы ни на одном из западно-европейских языков. Но теперь передо мною лежит книга В.К. Арсеньева, изданная на немецком языке, и составитель просил меня написать к ней предисловие, что исполняю с особенной радостью.

Исследователь открывает мир, о котором мы до сих пор имели очень мало сведений.

Вследствие умелого описания В.К. Арсеньева получается живое представление как о природных условиях, так и об обитателях этой отдаленной лесной страны».

Предисловие Ф. Нансена взято из издания: In der Wildnis Ostsibiriens. Forschungereisen im Ussurigebiet von Prof. Wladimir K. Arsenjew. Übers. Von Franz Daniel. Bd. 1–2. Berlin, Scherl, 1924.

Прочитав книгу В.К. Арсеньева, Горький написал автору 24 января 1928 г.: «Уважаемый Владимир Клавдиевич — книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и обрадован был ее изобразительной силою. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера — это, поверьте, не плохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем "Следопыт", более художественная. Искренно поздравляю Вас» (*Г-30*. Т. 30. С. 70). В октябре (до 12 числа) 1928 г. состоялась встреча двух писателей. 13 ноября 1928 г. В.К. Арсеньев написал М.М. Пришвину из Владивостока: «В Москве я виделся с А.М. Пешковым (М. Горький). Он ангажировал меня на статью размером в два листа для "Альманаха", в котором, вероятно, несомненно, и Вы участ-

вуете» (*РГАЛИ*. Ф. 1125. Оп. 2. Д. 859. Л. 2 об.). «Альманахом» назван журнал «Наши достижения», в котором В.К. Арсеньев участия не принял. Пришвин в «Наших достижениях» опубликовал очерки «Берендеева чаща» (1935. № 12; 1936. № 1, 2, 3).

[5] Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964), поэт. Ему Горький помог получить образование, в 1904 г. поселил талантливого юношу в Ялте у Е.П. Пешковой.

[6] Виталий Валентинович Бианки (Бьянки) (1894–1959) в 1916 г. был призван в армию и после окончания ускоренного курса Владимирского военного училища в чине прапорщика направлен в артиллерийскую бригаду. В феврале 1917 г. избран солдатами в Совет солдатских и рабочих депутатов, в это же время примкнул к партии эсеров. Затем уехал в Сибирь, где был мобилизован в армию А.В. Колчака, но вскоре из нее дезертировал и до разгрома колчаковцев жил под чужой фамилией. В 1921 г. арестован ЧК в Бийске. В сентябре 1922 г., опасаясь нового ареста, спешно оформив командировку, уехал с семьей в Петроград. В конце 1925 г. опять был арестован, как участник несуществующей подпольной организации, приговорен к 3 годам ссылки в Уральск. В.В. Бианки сообщал Пришвину в письме от 27 марта 1927 г.: «А из университета я был взят (в 916 г. уже женатым) на военную службу. Там революция, я все время в котле всяких грозных событий. К 919 году отошел от "политики", уехал на Алтай (в г. Бийск), работал там в Музее, учительствовал, организовал экспедиции в горы. С осени 22 года — снова в Питере, уже второй раз женатый (на этот раз счастливо). С этого времени я и начал писать; литературным восприемником моим был Сам. Як. Маршак. И вот уже больше года в ссылке. <...> Нет, не благо для меня мое изгнанье и плен: ведь я даже не могу здесь ходить за город, в степь» (*РГАЛИ*. Ф. 1125. Оп. 2. Д. 886. Л. 4, 5 об.). 30 марта 1928 г. Горький написал заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде: «...Усердно прошу: нельзя ли "амнистировать" некоего Бианки, сосланного в Уральск? Он — автор отличных книжек для детей по зоологии и орнитологии; книжки его изданы Ленотгизом и, если Вы познакомитесь с ними, увидите, что книжки, действительно, ценные» (*Неизвестный Горький*. Вып. 3. С. 168). В результате Бианки получил разрешение переехать в Новгород, а затем — поселиться в Ленинграде. Позднее его еще дважды арестовывали — в 1932 и 1935 гг. От ссылки в Актюбинскую область писателя спасло заступничество Е.П. Пешковой.

[7] Искаженная цитата из стихотворения Ф.К. Сологуба «Цветы для наглых, вино для сильных» (1914), которое заканчивается так:

И вы хотите, о люди, люди,
Чтоб жизнь земную я полюбил.

9.

Печатается по тексту первой публикации. Впервые: *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 303–304.

Датируется по дню, когда писатель сделал запись в дневник.

Ответ на письмо Горького от 15 мая 1927 г. (*ЛН. Т. 70*. С. 346).

Письмо не было отправлено адресату.

[1] Пришвин отвечает на слова Горького: «Вы мне простите, — м<ожет> б<ыть>, вам не интересно все это, но я ежедневно просматриваю две-три эмигрантские газеты, и, знаете, тяжело видеть русских людей, которые так оторвались от России, так не чувствуют ее и не хотят — или уже не могут? — понять судороги ее возрождения и убеждают друг друга изо дня в день, все более малограмотно и скучно, что это — судороги агонии».

[2] Пришвин отвечает на слова Горького: «Да гуманизм из жизни вытравили и, подобно картофелю, лучшая часть его — в земле. Вот я смотрю на то, что осталось, и вижу: гуманитарная интеллигенция наша, сущая "в рассеянии" по Европам, изумительно быстро потеряла лицо свое и вот: профессор Ильин пишет, опираясь на канонические евангелия, отцов церкви, богословов и свой собственный гниловатый, но острый разум, сочиняет Евангелие мести, в коем доказывает, что убивать людей — нельзя, если они не коммунисты. А боголюбивая неохристианка Зинаида Гиппиус возглашает присным: не нужно кричать о большевиках, "повесим их в молчании"». Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) относилась к большевикам резко отрицательно, но тон выступлений философа Ивана Александровича Ильина (1882–1954) считала недопустимым. В статье «Предостережение», опубликованной в парижской газете «Последние новости» 25 февраля 1926 г., поэтесса писала: «Попробуйте следить не за тем, *что* говорит Ильин, а *как* он говорит: и вы тотчас увидите, что это не философ пишет книги, не публицист — фельетоны: это буйствует одержимый».

[3] Рассказы вошли в книгу Пришвина «Охота и лов» (М.; Пг., 1923).

[4] Пришвин имеет в виду первые звенья романа «Кащеева цепь» — «Голубые бобры», «Маленький Каин», «Второй Адам», опубликованные в журнале «Красная новь» (1923. № 3, 4, 5, 7).

[5] Горький тоже, уже после первых ее выступлений в печати, высоко оценил поэтический талант З.Н. Гиппиус. Он писал в октябре 1897 г. редактору «Северного вестника» А.Л. Волынскому: «Кстати — скажите Гиппиус, что я очень люблю ее странные стихи» (*Горький. Письма*. Т. 1. С. 242).

10.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-61-6-18). Впервые (с купюрой): *ЛН. Т. 70*. С. 349–350.

Ответ на письмо Горького от 18 июня 1927 г. (Там же. С. 348).

[1] Рассказ Пришвина «Нерль» был опубликован в журнале «Новый мир» (1927. № 6). Горький 18 июня 1927 г. писал Пришвину: «..."Нерль" — вещь совершенно изумительная! Это сделано, как гравюра и при том такая, что сам Дюрер, вероятно, позавидовал бы вам. Ни одного лишнего штриха, чудесная стройность, насыщенность и — ощутимость».

[2] Письмо от 15 мая 1927 г. Ответ на него Пришвин записал в дневник (см. п. 9), но в Сорренто не отправил.

[3] Пришвин имеет в виду статью литературоведа Петра Семеновича Когана (1872–1932) «У Горького» (Вечерняя Москва. 1927. № 122 и 123. 1 и 3 июня; перепеч.: *Горький. Сборник*. С. 431–442). Побывав в Сорренто в мае 1927 г., П.С. Коган написал: «Горький сейчас на вершине своей славы, писатель мирового значения. <...> Он ведет обширную переписку, получает тысячи писем и отвечает всем. <...> Villa Sorito находится в 1 ½–2 километрах от фешенебельной части побережья Сорренто. <...> Подъезжая к этой уединенной вилле, я невольно вспомнил об Ясной Поляне, Фернэ, Гернсее, о приютах мудрецов. Весь облик Горького наводит на мысль о них» (*Горький. Сборник*. С. 431–433). Пришвин, прочитав в газете статью П.С. Когана, записал в дневник: «Читал интервью Горького с Коганом, вот противно-то! Коган развивает два мотива: Горький доволен Сов. Россией, Горький есть Лев Толстой. Если Горькому приведется пожить — его совсем одурачат» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 315).

[4] Первую часть «Жизни Клима Самгина» Горький начал печатать в «Красной нови» (1927. № 5, 6), затем отрывки произведения печатались в «Известиях» (1927. № 143, 149, 152–154, 157, 159, 162, 164, 165, 169–173. 26 июня, 3, 7–9, 13, 15, 19, 21, 22, 27–31 июля), «Красной панораме» (1927. № 26–36), «Правде» (1927. № 139–148, 150, 152, 154, 156–158. 23–26, 28–30 июня, 1–3, 6, 8, 10, 13–15 июля), «Огоньке» (1927. № 25–31), в альманахе «Круг» (1927. Кн. 6).

Отказ от сотрудничества с «Красной новью» был вызван изменением состава редколлегии журнала. 16 июня 1927 г. А.К. Воронский сообщил Горькому: «А у меня снова огорчения, и на этот раз, кажется, окончательные. Мне дали новую редколлегию: Раскольников, Фриче, Васильевский и я, причем без ответственного редактора. Мне приходится отказываться, и уже недели две, как сдаю дела; об этом искренно жалею, но оставаться не имеет смысла» (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 55–56). Е.А. Динерштейн пишет: «Воронскому ничего не оставалось, как направить 6 июня 1927 г. заявление в Оргбюро ЦК с просьбой освободить его от исполнения возложенных на него обязанностей. Свою просьбу он аргументировал тем, что Раскольников напостовец. "Опыт нашей совместной работы с ним в 1924 году привел к результатам, достаточно известным. С литературными взглядами тов. Фриче, выраженными им в последних фельетонах в "Правде", я совершенно не согласен. Тов. Васильевский к художественному слову отношения не имеет. Кроме того, я болен нервным переутомлением". <...> Кампания по освобождению Воронского от служебных тягот пришлась на летний период и поэтому несколько затянулась. В редакцию журнала Воронский более не заглядывал <...> 13 октября 1927 г. <...> было принято решение освободить Воронского от обязанностей члена редколлегии "Красной нови"» (*Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. С. 174, 175, 177, 178). См. также примеч. 2 к п. 2.

[5] Федор Федорович Раскольников (наст. фам. Ильин; 1892–1939) большевик, в партию вступил в 1910 г., сотрудничал в газетах «Звезда», «Правда» (был секретарем редакции) и других изданиях, моряк, в годы Первой мировой войны находился в плавании в Тихом океане. После Октября 1917 г. член коллегии Морского комиссариата, огласил заявление большевиков об уходе из Учредительного собрания. В июне

1920 — январе 1921 г. командовал Балтийским флотом. В 1924–1928 гг. заведующий отделом ИККИ. С 1928 г. председатель Главреперткома, член коллегии Наркомпроса, с 1929 г. начальник Главискусства. С 1930 г. Раскольников находился на дипломатической работе. В апреле 1938 г., прочитав в газетах сообщение о своем освобождении от должности полпреда СССР в Болгарии, принял решение о невозвращении на родину. В августе 1939 г. в парижском журнале «Новая Россия» (редактор А.Ф. Керенский) Раскольников опубликовал «Открытое письмо И.В. Сталину», в котором разоблачал режим сталинской диктатуры. 12 сентября 1939 г. автор письма был уничтожен советскими спецслужбами, которые инсценировали самоубийство Раскольникова.

Инцидент, о котором говорит Пришвин, произошел в 1924 г. 30 ноября писатель зафиксировал в дневнике: «В "Красной нови" двоевластие: Воронский, хотя и редактор, ничего не может против помощника редактора "напостовца" Раскольникова. Мой очерк "От земли и городов" принял Воронский полностью, а Раскольников на ¾ зачеркнул и в оставшейся четверти изменил стиль, так что почти в каждой строчке была перестановка слов. При объяснении он мне сказал, что он мастер насчет исправления, что он в партийных организациях постоянно этим занимался, и все остаются очень довольны. Он удивился, почему я недоволен, ведь так гораздо лучше» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 189). В 1925 г. А.К. Воронский добился удаления Раскольникова из «Красной нови», но в 1927 г. его вернули в журнал.

[6] А.А. Данилевский и С.Н. Доценко пишут: «На протяжении всей жизни Р<емизов> испытывал страсть к "безобразиям" — шуткам, розыгрышам, мистификациям <...> Самой продолжит. и масштабной мистификацией Р., выросшей из игры с племянницей Е.С. Ремизовой, была созданная в 1916 "Обезьянья Великая и Вольная палата" (Обезвелволпал). Сам Р. не раз называл датой рождения — 1908 (т.е. год написания "Трагедии о Иуде", среди персонажей — обезьяний царь Асыка-Валахтантарарахтарандаруфа — Асыка I — Обезьян-Великий). Но фактически первые "обезьяньи грамоты" (написанные каллиграфич. почерком и разрисованные) в знак возведения в обезьяньи князья (среди них — Щеголев, В.Я. Шишков, Пришвин, Горький) и кавалеры (в т.ч. Шестов, Иванов-Разумник, Н.С. Гумилев, А.А. Ахматова, Ю. Балтрушайтис) были сделаны Р. после премьеры "Проклятого принца" в 1916» (Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 286).

[7] См. примеч. 4 к п. 5.

[8] Пришвин записал в дневник 8 февраля 1925 г.: «И еще так можно понимать сдирание шкур, какое досталось нам от войны и революции: что боги, пересмотрев нашу жизнь, подняли вопрос: "А что будет, если мало-помалу их совсем ободрать?" — "Множество живет влиянием друг на друга посредством сказок, мы лишили их всякого влияния, и каждый, даже самый маленький из них, останется сам собой" (обиженный дурачок-водонос бросил ведро и сказал: "Я такой же, как Ленин!" Доктор А.П. Покровский, сын священника, в 50 лет первый раз задумался о существе Божьем и сказал: "Значит, Бога нет, если бы Он был, то не могло бы случиться такого безобразия")» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 224).

[9] П.С. Коган в статье «У Горького» писал: «Заговорив о современной русской литературе, он начал с книги некоего Арсеньева, называется она, кажется, "По уссурийским степям". Он говорил долго и с увлечением об этом "сочетании Брэма и Купера", говорил, что необходимо ее переиздать, что она изображает природу и жизнь изумительную и малоизвестную» (*Горький. Сборник.* С. 435). См. также примеч. 4 к п. 8.

[10] Томас Майн Рид (1818–1883), английский писатель, автор романов «Охотники за растениями» (1857), «Ползуны по скалам» (1864), «Всадник без головы» (1866) и других произведений.

[11] 18 июня 1927 г. Горький писал Пришвину: «Из Владивостока получил книжку о рыбе-кете, прислать вам?» Речь идет о кн.: *Борисов Т.М.* Тайна маленькой речки. Из жизни дальневосточных лососей. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1927.

[12] 2 июня 1927 г. Пришвин записал в дневник: «Евдокимов сообщил, что пропал Пимен Карпов. Его арестовали. И потом все учреждения вплоть до Моск. Чека ответили: "не числится". Предполагают расстрел. Есть что-то общее в облике Пимена Карпова, Орешина и Клычкова, к ним же подходит Есенин и отличается от них только большей силой таланта. Другая группа писателей новых — Евдокимов, Яковлев — это карьеристы» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 308). Через три недели, 27 июня, Пришвин отметил в дневнике: «От Горького восторженное письмо о "Нерли", а от сладкого, от сына Левы, вышло горькое» (Там же. С. 316). В этой записи И.В. Евдокимов не упоминается.

[13] Речь идет о «Жизни Клима Самгина». В 1927 г. вышло отдельное издание первой части этого произведения (Берлин: Книга) и тем же издательством был выпущен 20-й том Собрания сочинений Горького, содержащий первую часть «Жизни Клима Самгина».

11.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-61-6-32), впервые.

Горький ответил 16 июня 1931 г. (Юность. 1973. № 6. С. 73; приведено в воспоминаниях Н.В. Реформатской «О Пришвине»).

[1] Вера Николаевна Фигнер (1852–1942), народоволка. Вместе с нею Горький принимал активное участие в создании и работе «Просветительного общества в память 27 февраля 1917 года "Культура и свобода"». Подробнее см.: *Никитин Е.Н.* Книгоиздательство «Всемирная литература (1918–1924) // Книга. Исследования и материалы. М., 2008. Сб. 89. Ч. 1–2. С. 188–195.

[2] Николай Александрович Семашко (1874–1949), первый нарком здравоохранения (1918–1930).

[3] Василий Сергеевич Карасев родился в 1881 г. в Саратове, в 1930-е годы работал инженером в Гипроавто. Первое упоминание о нем в дневниках Пришвина относится к 17 июля 1920 г.: «...Традиционные эсеровские разговоры о том, кого арестовали, дают ли свидания, кого нужно просить об освобождении — совершенно прежние вре-

мена и ключ времени, понятен стал и Гредескул и ученик его Карасев» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1920–1922 / Подгот. текста Л.А.Рязановой; Коммент. Я.З.Гришиной и В.Ю.Гришина. М., 1995. С. 80). Затем имя давнего знакомого появляется в записях 1923 г.: «*13 Марта.* <...> Есть советские кадеты, октябристы, что хотите. Карасев был кадетом, жена его — ничем в политике. Во время голода жена его получала по знакомству через Семашку поддержку и мало-помалу стала чем-то вроде советской кадетки, а муж стал ничем в политике. <...> *[12 Июля].* <...> Карасев из кадета превратился в человека осторожного, вдумчивого, и "герой" слинял, спал с него, как чешуя у змеи; проще у жены его, толстой Евгении Никол., та просто почуяла, откуда идет благо, и стала молиться в сторону "жизнеподателя" (Наркомздрав), а что у ее мальчика (8 лет) на столе появился Маркс и Ленин, то это "он сам мальчик ее поставил себе"» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 6, 22, 23). О судьбе В.С.Карасева можем судить по записи в дневнике Пришвина, сделанной 15 января 1932 г.: «Вчера был Вася Карасев. Ссылка ни в чем не повинного отца, по-видимому, прошибла и его комсомольски-простеганную душу» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1932–1935 / Подгот. текста и коммент. Я.З. Гришиной. СПб., 2009. С. 24). Отбыв ссылку, В.С.Карасев вернулся в Москву, но 17 апреля 1935 г. опять был арестован. Его обвинили по пунктам 10 и 11 пресловутой 58 статьи УК РСФСР. Он обратился за помощью к Горькому. 17 февраля 1936 г. П.П.Крючков написал Прокурору республики:

«По поручению А.М.Горького пересылаю Вам письма и просьбы следующих товарищей:

1. КАШИНА, Н.И.

2. ТУРА, П.М.

3. КАРАСЕВА <...>» (*АГ.* Кр-рл-1-50-5).

Дальнейшую судьбу В.С.Карасева выяснить не удалось.

[4] М.С.Карасева вместе со своей сестрой Софьей (1875–1909) была членом нижегородской организации РСДРП. А.М. Кекишева вспоминала: «В декабре 1902 г., на рождество, под предлогом проведения елки, у меня на квартире собрался актив сормовских рабочих и несколько интеллигентов (Долгополов, Золотницкий и др.): всего около 35 человек. Писатель читал нам по рукописи свою пьесу "На дне". После чтения развернулись дебаты. В феврале 1903 г. жандармы арестовали большинство участников этой елки, в том числе была схвачена я, а также сестра С.С.Карасевой — Мария Сергеевна. Ее арестовали с нелегальной литературой, которую она перевозила из моей квартиры в Сормово» (*Кекишева А.М.* Из воспоминаний о писателе-революционере // М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов: Материалы, воспоминания, исследования / Ред. С.С.Елизаров, С.С.Зимина, В.Я.Орлова. М., 1957. С. 77). Передавая свои воспоминания в *АГ*, А.М.Кекишева 25 августа 1950 г. составила справку, в которой говорится: «Карасева Мария Сергеевна, сестра С.С.Карасевой, архитектор, умерла» (*АГ.* МоГ-6-15-1).

[5] 13 мая 1931 г. Горький прибыл в Негорелое, а на следующий день — в Москву. 15 мая 1931 г. Пришвин написал Горькому: «Приветствую вас и жду хорошего, свойст-

венного всему вашему прошлому, заступничества в деле искусства даже и в то время, когда людям не до него. <...> Вчера еще мои рассказы детские "Еж", "Гаечки", "Грач" и т.п. считались классическими, а сейчас такой рассказ от меня не возьмут, ссылаясь на то, что в поступках моих зверей нет генеральной линии. <...> Вот я и придумал свою звериную поэзию заключить в рамки звероводства. Один очерк я дал в "Наши дост<ижения>", одновременно с письмом препровождаю другой» (*ЛН. Т. 70.* С. 359–360). 14 мая 1931 г. Пришвин записал в дневник:

«Сегодня Горький приехал, встречают, как царя. В "Правде" поместили этот портрет под Сталина — вот до чего!

Дорогой Алексей Максимович! Приветствую Вас <...>

При случае заступитесь за моих зверей: ведь писателей-анималистов на всем свете раз-два и обчелся, а между тем предъявляют требования генеральности линии и в поступках животных. Я стараюсь подойти к своим зверям путем достижений в области звероводства. Дан первый очерк "Звери и Люди" в "Наши Достижения", вместе с этим отправляю второй. Считаю в области биологии величайшим достижением наш Зоопарк с Мантейфелем во главе. Хочу им заняться основательно, написать книгу вроде Арсеньевской "В дебрях". Мантейфель соглашается мне помогать. Что Вы думаете, если по мере накопления материала я буду печатать его в "Наших Достижениях"? Мне думается, журнал от моих зверей повеселеет, ведь через моих зверей люди видны, а через машины нынешних механизаторов искусства вовсе не видно людей: котлы, колеса, а людей нет, и оттого лиц нет и качества.

Или же, считаете, что теперь не до зверей. Напишите мне, или встретимся и поговорим. Напишите, где встретиться и когда, а то теперь до Вас не долезешь.

Второе.

Дорогой А.М. (Это послано 15-го Мая.) [Далее идет черновик опубликованного письма: *ЛН. Т. 70.* С. 359–360. – *Ред.*]» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1930–1931 / Подгот. текста Л.А. Рязановой и Я.З. Гришиной; Коммент Я.З. Гришиной. СПб., 2006. С. 378).

В очерках «Звери и Люди» и втором, посланном вместе с письмом от 15 мая 1931 г., рассказывается о работе самой крупной тогда в России и в Европе зоофермы по разведению черно-бурых канадских лисиц и соболей «Первая московская» (ее еще называли «Лисьей поляной»), расположенной в 13 километрах от станции Пушкино Северной железной дороги. Эти два очерка являются вариациями очерка «Зооферма» (Новый мир. 1931. № 1; перепеч.: *Пришвин М.М.* Мой очерк / Предисл. М. Горького. М., 1930. С. 246–270).

12.

Печатается по тексту первой публикации. Впервые: Юность. 1973. № 6. С. 73; в воспоминаниях Н.В. Реформатской «О Пришвине».

Ответ на письмо Пришвина от 5 июня 1931 г. (п. 11).

[1] Екатерина Павловна Пешкова в это время возглавляла правозащитную организацию «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (1922–1938). О ее правозащитной деятельности см.: *Горячева А.Ю.* Списки Е.П. Пешковой. М., 1997; Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политическим заключенным. 1922–1937 / Сост. Л. Должанская и И. Осипова. СПб., 2004; «Дорогая Екатерина Павловна...». Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920–1936. По документам фондов: «Московский политический Красный Крест», «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / Сост. Л. Должанская и И. Осипова. СПб., 2005.

[2] Очерк «Звери и Люди». См. также примеч. 5 к п. 11.

[3] В это время Горький занят организацией издания «Истории Гражданской войны в СССР» (т. 1–5. М., 1935–1960), пишет проект плана издания, затем, 19 июня, председательствует на заседании редколлегии (*ЛЖТ. 4.* С. 126).

[4] Это вежливая форма отказа. Горький не стремился к встречам с Пришвиным. Даже письма к Пришвину давались Горькому нелегко. Он объяснял А.Б. Халатову в декабре 1928 г.: «Пришвину писать не стану. С характером материала он познакомится по первому № "Наших достижений". Он — человек умный и, если захочет, сам хорошо увидит, что надобно делать. А мне писать ему — неловко, мы люди очень различные, далекие друг другу» (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 134).

13.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-61-6-23), впервые.

Горький ответил 13 мая 1932 г. (п. 14).

[1] Имеется в виду статья С. Гаврилова «Творчество С. Григорьева», автору которой было «важно доказать, что теоретические и художественные искания С. Григорьева враждебны марксистско-ленинской теории» (На литературном посту. 1931. № 4. С. 28).

[2] Переписка Горького с Григорьевым началась в марте 1925 г., в начале июля 1926 г. она оборвалась. После почти шестилетнего перерыва, 19 мая 1932 г., Григорьев написал Горькому:

«М<ихаил> М<ихайлович> взялся мне помочь и написал вам, Алексей Максимович.

Вещь, о которой теперь идет речь, в целом едва ли выполнима — потому что сроки мои стали коротки (рабочие сроки). Задуманная мною поэма — о судьбах в революции русской технической интеллигенции. <...>

Начало моей поэмы благодаря отваге Д.М. Ханина мне удалось протащить (с большим уроном) контрабандой через отдел детской литературы ГИЗа в 1930 году (три тома под общим заглавием "Революция на рельсах"). Теперь я должен бы написать еще 4 романа:

1) от воцарения Н<иколая> II, промышленное государство, Дальний Восток, Витте, японская война — до революции 1903–1906 гг. включительно; 2) ликвидация поместного дворянства — 1906–1913; 3) война, 1917 год, до октября — определеннее: постройка Мурманской дороги в условиях войны и революции; 4) 1917–1923. Поэма кончается гудками паровозов — воют над гробом Ленина.

Из семи частей моей поэмы (считая и три напечатанных) я почитаю главной пятую. <...>

Вот этот роман я и хотел бы сделать теперь. Называю я его "Золотой песок". Размер — 20 (около) печатных листов. <...>

Надеюсь, что я даю вам, Алексей Максимович, довольно полное понятие о моем замысле. Если вы сочтете его достойным реализации, — помогите осуществить в части — роман "Золотой песок"» (*ЛН. Т. 70.* С. 140).

Горький ответил 12 июня 1932 г.: «А.Б. Халатов, начиная свою работу в транспорте, решил привлечь писателей к пропаганде значения дорог — путей, по коим распространяется культура, создаются связи людей и т.д. Не соприкасается ли ваша поэма — в той части ее, которая передана вами ГИЗу, — с идеей Халатова? Вы сообщаете, что вам пришлось сократить ее, а — не можете ли вы дать рукопись полностью? Тогда пришлите ее мне, Малая Никитская, 6. Не согласитесь ли повидаться с Халатовым и сообщить ему план дальнейшей работы вашей? <...> Надеюсь, вы получили паек? Он выписан вам» (Там же. С. 141).

18 июня 1932 г. Григорьев сообщил: «16 июня я был на Никитской, 6 и виделся с А.Б. Халатовым, — он обещал написать мне в ближайшие дни, возможно ли будет пристроить мою "поэму" в новом из<дательст>ве НКПС. <...> С большой радостью я узнал из вашего, Алексей Максимович, письма, что книга моя "С мешком за смертью" будет переиздана и в таком великолепном букете книг! <...> Мне хочется еще переиздать мою книгу "Берко-кантонист" — она достигла тиража в 150 000 — и ее тоже нет в продаже» (Там же. С. 142). А 17 мая 1933 г. Григорьев написал: «Ваше возвращение из "прекрасного далека" меня очень радует, как радовало и раньше и в прошлом году — позволяю себе высказать вам эту радость. <...> Знаете, как в газовой шахте приятно попасть в "свежую струю" — так и я, благодаря вам, Алексей Максимович, попал в такую струю. За год вышли две старых моих книжки "Мальчий бунт" (4-е изд.) и "Берко-кантонист" (5-е изд.). Кроме того, по договору с "Молодой гвардией" я пишу роман для детей "Листок счастья". <...> А.Б. Халатов, которому вы замолвили обо мне словечко в прошлом году, высказал "Молодой гвардии" пожелание, чтобы была пере-

издана моя "Революция на рельсах". Но, оказывается, это немыслимо — бумаги нет — и что хуже, — говорят, и не будет» (Там же. С. 143).

[3] *Пришвин М.М.* Мой очерк / Предисл. М. Горького. М.: Изд. Московского товарищества писателей, 1933.

14.

Печатается по *А* (*АГ*. ПГ-рл-32-6-27), впервые.

Ответ на письмо Пришвина от 4 мая 1932 г. (п. 13).

[1] См. примеч. 2 к п. 13.

15.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-61-6-25), впервые.

Датируется по помете, сделанной на письме секретарем Горького: «Отвечено 28 апреля 1934». У Пришвина в дате описка: «28 мая 1934 г.».

Горький ответил 28 апреля 1934 г. (*ЛН. Т. 70*. С. 361–362).

В дневник Пришвин внес, как он выразился, «проект» данного письма. Его первая часть по смыслу, но не дословно, совпадает с тем, что было послано Горькому. Приводим вторую часть «проекта», отсутствующую в посланном письме:

«<*Зачеркнуто:* Я сочувствую Вашей деятельности, искренно рад, что Вы взяли на себя труднейшее дело литературного вождя, сам, как знаете, в своей скромной области художественного слова не мало тружусь на общую пользу. Я не заслужил такого отношения и прошу Вас объяснить мне причины Вашего недружелюбного ко мне отношения>.

Между прочим, меня весьма интересует Ваш отзыв о повести "Жень-Шень". Я мнил эту повесть созвучной нашей эпохе, но никто не отозвался и не удостоил даже рецензии. И вообще... Был Лесков, о нем молчали. Допустим, что Пришвин в десять раз слабее Лескова, который замалчивался. Я Вам писал, что Вы — единственный мой критик: у меня целый ящик Ваших писем о всех моих вещах. <*Зачеркнуто:* И о самой важной моей вещи>

<*Зачеркнуто:* Я до того не могу Вас представить в отношении себя>

Не все Вами написанное я принимаю: Вы много написали и сейчас пишете неверного, с моей точки зрения. Но я никогда не допускал себе думать и кому-либо говорить дурно о Вас как о человеке. И сейчас я думаю, что, по всей вероятности, и Корабельников что-то наврал, и Авербах прибавил, и Крючков не о всех моих звонках доложил, и, быть может, и книга моя, на которой было написано "от чистого сердца", до Вас не дошла.

Я Вам писал, что Вы были единственным моим критиком во все 30 лет моей литературной деятельности, и мне тяжело терять единственного. Мне казалось, что я напи-

сал повесть, созвучную эпохе, я получил сотни писем от комсомольцев, от стариков, но ни одного от литератора. И в газете даже рецензии не дали. Положение в сто раз хуже лесковского» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1932–1935. СПб., 2009. С. 390–391).

[1] Корабельников Григорий Маркович (1904 — после 1989), литературный критик, делегат (с совещательным голосом) Первого всесоюзного съезда советских писателей. Был членом РАПП, за что подвергся резкой критике в 1937 г., исключен из Союза писателей (восстановлен в 1949 г.), участвовал в Великой Отечественной войне.

[2] Написанные очерки составили кн.: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: История Фабрик и Заводов, 1934. В нее вошли произведения: М. Горький «Правда социализма», Г. Гаузнер, Б. Лапин, Л. Славин «Страна и ее враги», С. Буданцев, Н. Дмитриев, М. Козаков, Г. Корабельников, Д. Мирский, В. Перцов, Я. Рыкачев, В. Шкловский «ГПУ, инженеры, проект», К. Горбунов, Вс. Иванов, В. Инбер, З. Хацревин, В. Шкловский. «Заключенные»: С. Алымов, А. Берзинь, Вс. Иванов, В. Катаев, Г. Корабельников, Л. Никулин, Я. Рыкачев, В. Шкловский; «Чекисты»: А. Берзинь, Е. Габрилович, Н. Дмитриев, А. Лебеденко, З. Хацревин, В. Шкловский; «Люди меняют профессию»: С. Алымов, А. Берзинь, С. Буданцев, С. Диковский, Н. Дмитриев, М. Козаков, Я. Рыкачев, В. Шкловский; «Каналоармейцы»: (7-я глава), Б. Агапов, С. Буданцев, Н. Гарнич, Н. Дмитриев, В. Инбер, Я. Рыкачев, В. Шкловский, Н. Юргин; «Темпы и качество»: Б. Агапов, К. Зелинский, Вс. Иванов, В. Инбер, З. Хацревин, Б. Ясенский; «Добить классового врага»: С. Алымов, К. Горбунов, Н. Дмитриев, Вс. Иванов, Я. Рыкачев, В. Шкловский; «Штурм Водораздела»: Б. Агапов, С. Алымов, А. Берзинь, Н. Гарнич, С. Диковский, Н. Дмитриев, Вс. Иванов, В. Инбер, Л. Никулин, В. Шкловский, А. Эрлих; «Весна проверяет канал»: М. Зощенко; «История одной перековки»: С. Булатов, С. Гехт, Вс. Иванов, Я. Рыкачев, А. Толстой, В. Шкловский; «Имени Сталина»: Л. Авербах, С. Буданцев, Г. Гаузнер, В. Инбер, Б. Лапин, Л. Славин, К. Финн, Н. Юргин; «Товарищи»: М. Горький «Первый опыт».

[3] Леопольд Леонидович Авербах (1903–1937), литературный критик и публицист, в 1925–1932 гг. генеральный секретарь РАПП. Он в декабре 1933 г. послал Горькому гранки будущей книги. Среди набранного материала была и работа Пришвина: «6. Край непуганых птиц» (*Горький и корреспонденты.* С. 627; публ. О.В. Быстровой). Но в окончательный вариант книги она не вошла.

[4] Горький ответил: «История с рукописью для "Б<еломорско>-Б<алтийского> канала" — не ясна для меня и очень длинна, поговорим о ней при свидании. "Доступ публики" ко мне закрывается и ныне закрыт по причине крайней дряхлости моей и легкой утомляемости. Силы — падают» (*ЛН. Т. 70.* С. 361). А.Н. Варламов про неудачную попытку Пришвина принять участие в книге о Беломорско-Балтийском канале пишет: «Летом победоносного 1933 года, за три недели до знаменитого писательского десанта, Пришвин вместе с сыном Петей отправился на Север <...> Из этой поездки Пришвин привез два очерка, одному из которых дал название "Отцы и дети (Онего-Беломорский край)", а

другому — "Соловки". Оба текста издавались мало (в "Красной нови" и в первом томе собрания сочинений 1935–1939 годов, где автор включил "Отцов и детей" в текст "В краю непуганных птиц", а второй прибавил к "Колобку"), но новые произведения не были включены в известный сборник "Канал имени Сталина", изданный в Москве в 1934 году, для которого писались» (*Варламов А.Н.* Пришвин. 2-е изд. М., 2008. С. 335–336). См. также вступ. статью.

[5] Петр Петрович Крючков.

[6] *Пришвин М.М.* Жень-шень: Корень жизни. М.: Московское товарищество писателей, 1934. На книге автор сделал надпись: «Максиму Горькому от чистого сердца *Михаил Пришвин.* Загорск. 3/III-34» (*ОЛБГ. 1363*). Горький ответил: «Михаил Михайлович, дорогой — получив "Жень-шень", я — мысленно — поблагодарил вас за добрую память, а написать вам — не собрался, в чем искренно винюсь» (*ЛН. Т. 70.* С. 361).

16.

Печатается по *А* (*АГ.* ПГ-рл-32-6-18). Впервые (с купюрой): *Г-30.* Т. 30. С. 351–352.

Датируется по фразе: «Вчера встречали "челюскинцев"». В МК данного письма стоит дата: «21.VI.34» (*АГ.* ПГ-рл-32-6-19).

Пришвин ответил 27 июня 1934 г. (п. 17).

[1] *Пришвин М.М.* Золотой рог. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. На книге автор написал: «Книгу свою посылаю Вам, дорогой Алексей Максимович, на здоровье, чтобы за ней отдохнуть бы Вам хоть немного... *Михаил Пришвин.* 16/VI-1934. Загорск». Книга хранится в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 1364*).

[2] Речь идет о журнале «Колхозник». Первый номер вышел между 15 сентября и 23 октября 1934 г. (*ЛЖТ. 4.* С. 412).

[3] Семен Борисович Урицкий (1894–1941), журналист, с момента создания «Крестьянской газеты» (1925) до своего ареста (1938) был ее главным редактором, редактировал созданные по инициативе Горького журналы «Наши достижения» и «Колхозник».

[4] Николай Иванович Вавилов (1887–1943), биолог, генетик, основоположник современного учения о биологических основах селекции и учения о центрах происхождения культурных растений, академик АН СССР (1929), президент ВАСХНИЛ (1929–1935). О неудачной попытке Н.И. Вавилова опубликовать в «Колхознике» свою статью «Сельскохозяйственная наука и академик В.Р. Вильямс» см.: *Никитин Е.Н.* Неизвестная страница из истории журнала «Колхозник» // Максим Горький: взгляд из XXI века. Горьковские чтения 2008 года: Н. Новгород, 2010. С. 154–155.

[5] Писатель В.Я. Зазубрин в это время заведовал литературным отделом журнала «Колхозник». См. также примеч. 3 к п. 2.

[6] Названные Горьким произведения Николая Семеновича Лескова (1831–1895), Антона Павловича Чехова (1860–1904), Леонида Васильевича Соловьева (1906–1962) в

«Библиотеке "Колхозника"» не вышли, поскольку этот издательский замысел писателя не был реализован. План «Библиотеки "Колхозника"» обсуждался и уточнялся до самой смерти Горького (см.: *Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 430–433). С повестью Л.В. Соловьева «Новый дом» Горький познакомился по книге писателя «Поход "Победителя"» (М.: ГИХЛ, 1934. Имеется в *ЛБГ. ОЛБГ. 1465*).

[7] Пришвин дал согласие на участие в «Колхознике» и его «Библиотеке».

[8] Встреча челюскинцев происходила в Москве на Красной площади 19 июня 1934 г. В ней участвовал Горький. В этот же день «Правда» напечатала его статью «Подвиг этот возможен только в Стране Советов», в которой говорилось: «В истории гибели "Челюскина" и героической работе спасения экипажа его от неизбежной гибели есть нечто, требующее особенно глубокого внимания и понимания. <...> Подвиг спасения челюскинцев возможен только в стране, где пролетариат взял в руки власть и создал родину себе» (*Г-30*. Т. 27. С. 278).

[9] Владимир Иванович Воронин (1890–1952), капитан парохода «Челюскин».

[10] Герой Советского Союза Анатолий Васильевич Ляпидевский (1908–1983).

17.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-61-6-27), впервые.

Ответ на письмо Горького от 20 июня 1934 г. (п. 16).

[1] В «Колхознике» Пришвин опубликовал 4 рассказа под общим названием «Календарь природы» (1935. № 4).

[2] Имеется в виду статья Горького «О литературных забавах». Ее одновременно, 14 июня 1934 г., напечатали газеты: «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Литературный Ленинград».

[3] Иван Михайлович Гронский (1894–1985) вступил в партию большевиков в 1918 г., был главным редактором «Известий» с 1928 по 1934 г., редактировал также «Новый мир» (1932–1937). О нем см. вступительную статью М. Нике к публикации выступления Гронского «О крестьянских писателях» (*Минувшее. Кн. 8*. С. 139–143).

[4] Николай Иванович Бухарин (1888–1938), политический деятель, был назначен на пост главного редактора «Известий» в феврале 1934 г.

[5] РАПП — Российская Ассоциация пролетарских писателей. Была образована в январе 1925 г. на 1-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей. Ее генеральным секретарем был избран Л.Л. Авербах. Ликвидирована после Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.

[6] Имеется в виду Первый всесоюзный съезд советских писателей, проходивший в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г.

[7] Горький подчеркнул красным карандашом слова: «не стоят одной верной строки приветствия Михаила Пришвина», а внизу, на оставшейся чистой части листа, написал «Mania grandiose? [мания величия? — лат. — *Ред.*] А бо що? [а то что? — укр. — *Ред.*]»

18.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-61-6-28). В первые (с купюрами): *ЛН. Т. 95*. С. 709–710 (во вступ. статье Е.В. Ивановой и А.В. Лаврова к публикации переписки Горького с Ивановым-Разумником 1912–1921 гг.).

[1] А.В. Лавров пишет: «В февр. 1933 арестован по фальсифициров. обвинению в создании "идейного центра народничества", в 1933–36 отбывал ссылку в Саратове (куда ему регулярно посылал деньги Пришвин). С сент. 1936 по сент. 1937 жил в Кашире под Москвой, где был вторично арестован, более полутора лет просидел под следствием, не признал выдвинутых лживых обвинений и в июне 1939 освобожден "за прекращением дела" <...> С сент. 1939 жил попеременно в Загорске и Пушкине (б. Царское Село), занимался розыском и описанием архивов рус. литераторов по заданию Гос. лит. музея (его дир., В.Д. Бонч-Бруевич, принимал большое участие в судьбе И.-Р.)» (Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 388). Иванов-Разумник подготовил 6-томное Собрание сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина (М.; Л., 1926–1928), сборник «Неизданный Щедрин» (Л., 1931), принимал участие в подготовке 20-томного Полного собрания сочинений писателя (М.; Л., 1933–1941). Иванов-Разумник заложил основы научного изучения творческого наследия А.А. Блока, подготовил большую часть томов в 12-томном Собрании сочинений поэта (Л., 1932–1933). См. также примеч. 3 к п. 6.

[2] К письму приложена машинописная копия письма Варвары Николаевны Ивановой (урожд. Оттенберг; 1881–1946) к неизвестному лицу (возможно, к В.Д. Бонч-Бруевичу):

«Уже не раз беседовала я с Вами по поводу моей семейной беды и не раз говорила Вам о том, как меня беспокоит вопрос о здоровье Разумника Васильевича.

И вот опять решаюсь обратиться к Вам с просьбой — посоветуйте мне, что же, в конце концов, я должна делать, чтобы реально помочь мужу в трудном, вызывающем тревогу положении, в котором он оказался.

Прежде всего — ведь Вы знаете сами, что никакой конкретной вины за Разумником Васильевичем нет. На шестом десятке лет он уже не может изменить своего миросозерцания, ни к каким бы то ни было партиям никогда он не принадлежал, — все оставалось у него всегда лишь в области мысли и духа. Видимо, и официально это отсутствие той или иной конкретной вины было признано, т.к., в конце концов, высылка в Саратов относится к разряду не тяжелых мер.

Но и эта кара, по той обстановке, с которой она связалась, может для него оказаться чрезмерно тяжелой. В основном — вопрос о здоровье Разумника Васильевича. Помимо того, что силы его уже и по самому возрасту очень нестойки и очень подались за последние годы — у него давнишний и определенный процесс в легких... мне тяжело сейчас говорить об этом потому, что он почти никогда и никому сам не говорил о своей болезни и требовал, чтобы эта тема вокруг нас не поднималась. В создавшейся

ныне обстановке, конечно, не может быть и речи о том, чтобы следовать хоть немного тому физическому режиму, который единственно сберегал ему силы. Отсутствие до сих пор заработка и забота о семье, живущей на скромный заработок дочери, конечно же, очень беспокоит Р.В. и заставляет его сокращать себя до последних пределов... Кроме того — человек, который всю жизнь работал не покладая рук и при этом работал в одной и той же плоскости литературного дела — теперь лишен возможности работать. Целый ряд начатых историко-литературных работ его остался брошенным.

Ведь, повторяю, на нем нет реальной вины. Разве вот то, что ходили к нему бесконечно самые разнообразные люди с самыми разнообразными просьбами и вопросами (и при этом с вопросами, так или иначе только связанными с историко-литерат. делами), а он каждому старался по мере сил своих оказать возможную помощь в плоскости своих профессиональных знаний.

Срок высылки Раз. Вас. остается еще 1 г. 8 м. — срок очень большой для человека с таким некрепким здоровьем. И единственным желанием моим теперь является — это добиться возможности вернуть его сюда в ту обстановку, где он сможет работать свою привычную и нужную научно-литературному делу работу и где можно дать ему тот уход, который ему необходим по состоянию его здоровья.

Помогите мне Вашим — знаю, мудрым и сердечным — советом. Ведь Вы сами хорошо знаете удельный вес Р.В., как старого и ценного литературного работника, и знаете его работы.

С искренним уважением и любовью

В. Иванова.

26 мая

1934 г.».

[3] Иванов-Разумник не был членом Партии социалистов-революционеров, однако участвовал в изданиях этой партии, в 1917 г. редактировал литературный отдел эсеровской газеты «Дело народа», в 1918 г. возглавлял аналогичный отдел левоэсеровской газеты «Знамя труда», редактировал литературный отдел журнала «Наш путь», где при его ближайшем содействии увидели свет произведения А.А. Блока «Интеллигенция и революция», «Двенадцать», «Скифы».

[4] Летом 1934 г. жена Иванова-Разумника поехала к Пришвину. Она передала писателю письмо мужа к Горькому, помеченное 30 июня 1934 г. В письме говорилось: «Нисколько не сомневаюсь, что Вы, возглавляющий Союз Писателей, были в свое время (полтора года тому назад) осведомлены о моем аресте, тюремном семимесячном заключении и последующей ссылке (по фамусовской традиции: "в глушь, в Саратов"). Не сомневаюсь также, что мимо такой судьбы писателя, тридцать лет работавшего в русской литературе, Вы не могли пройти безучастно, и, вероятно, наводили справки у тех, кому о том ведать надлежит, о причинах, заставивших таким необычным в летописях литературы способом почтить тридцатилетний юбилей писателя (по шутливой прихоти судьбы, арест мой — 2 февраля 1933 г. — состоялся как раз в самый день этого тридцатилетия моей литературной деятель-

ности). Возможно даже, что Вы простерли свою внимательность до того, что пожелали ознакомиться с самими протоколами "дела об идейно-организационном центре народничества", — при Вашем положении это не могло встретить затруднений. Но если даже Вы ознакомились с этими протоколами, то боюсь, что Вас все же неверно информировали, — а именно, показали протоколы *А.*, излагавшие точку зрения следствия, и не показали параллельных протоколов *Б.*, написанных мною лично и точку зрения следствия совершенно отвергавших. Но дело не в этом, и все-то "дело" это — давно прошедшее, имеющее годовую давность, да и "дела"-то моего в действительности никакого не было, оно было пристегнуто ко мне ad hoc (для определенного случая — лат. — *Ред.*), с целью насильственным путем прекратить мою историко-литературную работу, особенно напряженную как раз в последние годы. <...> Срок, необходимый мне для завершения в ленинградских архивах работ над Салтыковым и Блоком, — два года. После такого завершения, для меня совершенно безразлично, где заканчивать "прочее время живота" (если это время продлится долее двух лет) — в Ленинграде ли, в Саратове ли, на свободе или в тюрьме. Думаю, что Вы имеете полную возможность, если пожелаете, устроить это мое возвращение к работе в Ленинград на два года. Я говорю — "если пожелаете", возможно, что не пожелаете, — в таком случае заранее приношу извинения за то, что отнял у Вас время этим письмом» (цит. по: *Никитин Е.Н.* Об одном письме Иванова-Разумника к Горькому // Лит. учеба. 2012. № 3. С. 155, 157–158). В сопроводительном письме к Пришвину от 28 июня 1934 г. Иванов-Разумник сказал: «А вот и еще одно, дополнительное письмо, содержание которого В<арвара> Н<иколаевна> не знает. Прочтите его вместе и посоветуйте, что с ним делать: бросить в корзину или передать по назначению. Если бросить в корзину (лучше — в печку), то дело это простое, забудем о нем, как будто бы его не было, und damit Punctum (и точка — нем. — *Ред.*). Если же передать по назначению, то дело — сложное, и мне снова придется (в который раз?) обращаться к Вашей помощи. <...> Это моя первая и последняя попытка изменить что-либо в своем положении. Написать письмо в более вежливых формах я, конечно, не мог, ибо не хочу краснеть за написанное» (Там же. С. 153–154). Пришвин передавать письмо Иванова-Разумника не стал, сам написал Горькому.

[5] 23 октября 1934 г. Горький попросил П.П. Крючкова: «Дорогой Петр Петрович, нельзя ли сократить Иванову-Разумнику срок высылки из Ленинграда? И возвратить его? Он — в Саратове, срок высылки еще год и 8 месяцев. Болен, работы нет» (*АГ.* ПГ-рл-21а-1-452). Сделал ли после этого письма что-либо П.П. Крючков, мы не знаем. Изменения в положении Иванова-Разумника не последовало.

19.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-61-6-29), впервые.

Горький ответил 21 января 1935 г. (*ЛН. Т. 70.* С. 362).

[1] В соответствии с этим постановлением в 1935–1939 гг. в Гослитиздате вышло 4-томное Собрание сочинений Пришвина.

[2] Александр Александрович Фадеев (1901–1956), в это время был членом правления и президиума Союза писателей СССР.

[3] С письмом были посланы кн.: *Пришвин М.М.* В краю непуганых птиц: Онего-Беломорский край. М.; Л.: ГИХЛ, 1934 (на книге автор сделал надпись: «Максиму Горькому искренно преданный автор. *Михаил Пришвин.* (1905 г. — 1935 г. = 30 лет)») и *Пришвин М.М.* Колобок. М.: ГИХЛ, 1934 (на книге автор сделал надпись: «Максиму Горькому искренно преданный автор. *Михаил Пришвин.* 1906–1935 — 29 лет». Обе книги имеются в *ЛБГ. ОЛБГ. 7528, 7529*).

[4] Высокую оценку, неоднократно даваемую Горьким его произведениям, Пришвин передает словами из стихотворения Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836).

[5] Николай Никандрович Накоряков (1881–1970) в это время заведовал Государственным издательством художественной литературы.

[6] Пришвин послал очерк «Гуси-лебеди», но он журналу не подошел — см. п. 20 и примеч.

[7] Письмо от 20 июня 1934 г. (*Г-30.* Т. 30. С. 351–352).

20.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-61-6-29), впервые.

Горький ответил 21 января 1935 г. (*ЛН. Т. 70.* С. 362).

[1] Впервые это произведение было опубликовано в журнале «Боец-охотник» (1935. № 3).

[2] Агроном и публицист Александр Николаевич Энгельгардт (1832–1892) в 1871 г. был сослан в Смоленскую губернию, где у него было имение. Он задался целью рационально организовать сельское хозяйство. Свой опыт изложил в книге «Из деревни. 11 писем (1872 — 1882 г.г.)» (СПб.: А.С. Суворин, 1882).

[3] В работе «От какого наследства мы отказываемся?» В.И. Ленин говорит о письмах «Из деревни»: «Народничество Энгельгардта, будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной *действительности* деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений о деревне те *данные* и *наблюдения*, которые приведены Энгельгардтом, то народнические выводы из такого материала были бы невозможны» (*Ленин В.И.* Соч.: В 30 т. / 2-е изд. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 316–317).

[4] «Птичий сон» и «Белки» (так!) были опубликованы в «Колхознике» (1935. № 4).

[5] См. примеч. 5 к п. 16.

[6] См. примеч. 3 к п. 19.

[7] Сроки поездки и ее предполагаемый маршрут неоднократно менялись. Сначала намечено было ехать в Мурманскую область. 14 марта Пришвин пометил в дневнике:

«Сборы в Лапландию» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1932–1935. СПб., 2009. С. 617). Но через девять дней записал: «Виделся с Крепсом и утвердился, что ехать в третий раз в Лапландию незачем, а лучше отдаться весне в Усолье» (там же. С. 627). Через месяц, 4 мая, принимается другое решение: «Петя приехал из Москвы, решено: едем в Вологду, а потом на Пинегу» (Там же. С. 637). Выехали вечером 9 мая. На следующий день Пришвин записал в дневник: «В 12 д. Вологда. Извозчик-цыган. Золотой якорь. Леспромхоз. Архангельские инспектора Андреев и Крюков. Архангельск<ий> трест "Севлес". <...> Александр Семенович Назаров: завед. производственно-плановым отделом. Уговорились завтра ехать на Лежу по ж.д.» (Там же. С. 644).

«...ПРИХОДИТСЯ ПИСАТЬ ПОД ДАВЛЕНИЕМ... СОРОКА АТМОСФЕР»

Неопубликованная переписка М. Горького и В.Я. Зазубрина

Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л.В. Суматохиной

Роль Горького в судьбе писателя Владимира Зазубрина трудно переоценить. Начиная с 1928 г., когда завязалась их переписка и состоялось личное знакомство, Горький был едва ли не единственным человеком, который оказывал Зазубрину помощь в самых разнообразных обстоятельствах и не раз, в полном смысле слова, вызволял его из беды. Восполнение пробелов их эпистолярного диалога позволяет восстановить в максимальной полноте историю взаимоотношений писателей, ввести в научный оборот ряд неизвестных фактов биографии Зазубрина, дополнить существующее представление о литературной атмосфере эпохи.

Отзывчивость Горького и его готовность прийти на помощь, внимательное отношение к людям, особенно к «младшим братьям» по писательскому цеху — «литературным младенцам», по меткому замечанию Зазубрина, — известны. И все же случай Зазубрина особый. «Нелепая у меня судьба»; «...биография у меня страшная»[1], — подобные признания в письмах Зазубрина Горькому имеют под собой веские основания.

Владимир Яковлевич Зазубрин (1895–1937; настоящая фамилия Зубцов) родился в семье железнодорожного служащего Я.Н. Зубцова. За участие в забастовках и принадлежность к РСДРП(б) отец будущего писателя был выслан из Пензы в Сызрань. Владимир Зубцов с ранней юности стал революционером и подпольщиком, играл значительную роль в Сызранском комитете РСДРП, занимался изданием и распространением большевистских листовок, за что был исключен из Сызранского реального училища, а в 1915 г. арестован и отдан под гласный надзор полиции по месту жительства.

В 1916 г., согласовав свое решение с членами Сызранского комитета РСДРП, Зубцов под псевдонимом Минин стал платным осведомителем, агентом полиции. Целью его было получить доступ к информации, выявить действительных агентов, предупреждать товарищей по партии о готовящихся операциях.

Весной 1917 г. этот факт был обнародован, и Зубцова арестовали. Состоялся товарищеский суд, на котором с привлечением документов и свидетелей было доказано, что Зубцов поступил в Охранное отделение с ведома и по заданию партийной ячейки, жалование агента сдавал в партийную кассу, никого не выдал за время своей «службы», предупреждал о готовящихся обысках[2]. Тем не менее, обвинение в провокаторской деятельности тяготело над ним до конца жизни.

Компрометировал его и факт недолгой службы в колчаковской армии. В августе-сентябре 1917 г. Зубцов был мобилизован на военную службу и направлен в Петроград в Павловское военное (юнкерское) училище. После октябрьских событий 1917 г. училище было расформировано. В. Зубцов с ноября 1917 по февраль 1918 г. был секретарем комиссара Государственного банка (пост комиссара Госбанка в этот период занимали сначала В.В. Оболенский (Н. Осинский), затем Г.Л. Пятаков). В феврале 1918 г. Зубцов вернулся в Сызрань. В июле в результате чехословацкого мятежа город был захвачен Белой армией, а в августе Зубцов был вновь мобилизован и направлен в Оренбургское военное училище, вскоре эвакуированное в Иркутск. В июле 1919 г. Владимир Зубцов окончил училище и стал взводным командиром 15 Михайловского стрелкового добровольческого полка армии Колчака, состоявшего из рабочих пермских заводов. Так революционер-подпольщик оказался в рядах Белой армии. В ноябре 1919 г., под влиянием Зубцова, два взвода этого полка с офицерами перешли на сторону красных партизан Тасеевской республики[3]. Армия Колчака отступала. В декабре партизаны вступили в Канск[4], где Зубцов слег от тифа.

После выздоровления Зубцов работал в Канской газете «Красный стрелок». Едва встав на ноги, он начал писать роман о том, что пережил в годы Гражданской войны. Осенью 1921 г. роман «Два мира» под псевдонимом Зазубрин был напечатан в походной типографии Политического управления 5 армии (ПУАРМ-5).

1923–1928 гг. — годы работы Зазубрина в журнале «Сибирские огни», где он проявил себя как талантливый собиратель литературных сил Сибири, почти целиком отдавая себя работе редактора и организатора. Благодаря усилиям Зазубрина в марте 1926 г. состоялся первый съезд сибирских писателей, был организован Союз сибирских писателей. Второй съезд, запланированный на весну 1928 г., не состоялся. Разгоревшаяся в Сибири литературная борьба к этому времени превратилась в травлю Зазубрина и «Сибирских огней».

В конце 1927 — начале 1928 г. образовалась литературная группа «Настоящее» и стал выходить журнал с таким же названием. Отношения «Настоящего» и «Сибирских огней» очень скоро приняли форму резкого открытого противостояния. На страницах журнала «Настоящее» всячески пропаганди-

ровались лефовские идеи «литературы факта» и звучали ожесточенные нападки против вымысла, призыв «взорвать академию сибирской словесности».

Сложность положения «Сибирских огней» заключалась в том, что А.Л. Курс, с именем которого в первую очередь связана травля Зазубрина и затем резкие выпады в адрес Горького, был доверенным лицом и ближайшим помощником первого секретаря Сибкрайкома ВКП(б) С.И. Сырцова. В годы Гражданской войны Сырцов был одним из ведущих партийных деятелей, проводивших политику расказачивания на Дону; в 1920 г. возглавлял Одесский губком партии; в первой половине 1920-х гг. работал в аппарате ЦК. Начиная с 1920 г. — знакомства в Одессе — А.Л. Курс сопровождал Сырцова при каждом новом назначении, переезжая за ним из Одессы в Москву, из Москвы в Новосибирск[5].

В 1928 г. Курс возглавлял агитационно-пропагандистский отдел Сибкрайкома, редактировал главную газету края «Советская Сибирь» и журнал «Настоящее». Секретарем «Настоящего» была жена Сырцова — А.С. Попова. В состав редколлегии входил ряд сотрудников Сибкрайкома. А. Коптелов писал Горькому 30 сентября 1929 г.: «...в группе "Настоящее" 5 членов Крайкома <...> Группа — сильная, люди — власть имущие. <...> Трудно выступать против такой "силы", хотя бы она и обвиняла совершенно необоснованно»[6]. Таким образом, силы изначально были неравны.

Весной 1928 г. на страницах газеты «Советская Сибирь», журналов «Настоящее» и «На ленинском пути» (печатный орган Сибкрайкома) началось массированное наступление на «Сибирские огни» и их редактора: 22 апреля в газете «Советская Сибирь» напечатана «Кровяная колбаса» А.Л. Курса («рецензия» на четвертое издание романа Зазубрина «Два мира»); 26 апреля там же — большая подборка с говорящим заголовком: «Кому светят "Сибирские огни"?»; 15 мая (№ 9 журнала «На ленинском пути») — статья Курса «Против новобуржуазной вылазки в литературе» и т.п. Попытки противостоять этой травле в открытой полемике[7] ни к чему не привели. В июне 1928 г. Бюро Сибкрайкома приняло резолюцию о журнале «Сибирские огни», положившую конец всяким дискуссиям. Зазубрин был отстранен от руководства Союзом сибирских писателей и выведен из состава редколлегии «Сибирских огней».

В преддверии всех этих событий 4 февраля 1928 г. Зазубрин написал первое письмо Горькому, открывшее их обширную переписку. Зазубрин просил Горького прислать развернутый отзыв на журнал, опубликование которого могло бы укрепить позиции «Сибирских огней». Горький не смог выполнить эту просьбу, однако и без того в первом-третьем номерах журнала за 1928 г. были напечатаны рецензия Горького на книгу М. Исаковского «Провода в соломе», краткая юбилейная статья Зазубрина (к 60-летию Горького), в которой он цитировал фрагмент письма Горького о «литературных младенцах»; ответ Горького («О себе») на статью Л. Анисимова (А.К. Воронского)

«Вопросы художественного творчества»; приветствия Горького и Р. Роллана готовившемуся на апрель 1928 г. второму съезду сибирских литераторов (съезд не состоялся)[8]. Н. Анов вспоминал, как Зазубрин радовался, получив от Горького письмо с неподдельным интересом и высокой оценкой первого номера за 1928 г.[9]

Горький искренне поддерживал «Сибирские огни». Однако это не помогло Зазубрину. Напротив, объектом разоблачительных статей стал ряд публикаций в 1–2 номерах журнала «Сибирские огни» за 1928 г., в числе которых — ответ Горького («О себе») на статью Л. Анисимова (А.К. Воронского) «Вопросы художественного творчества». Получив первый номер «Сибирских огней» за 1928 г. с этой статьей, Горький счел нужным ответить на ту ее часть, в которой говорилось о его творчестве и мировоззрении. «Он воспринимает природу, космос как хаос, он не верит прочности мира», — писал Воронский о Горьком и называл «эмоциональной доминантой» художественного мира писателя «восприятие мира как ненадежного, коварного и страшного хаоса». Считая такое мировосприятие ошибочным, критик утверждал, что «в космосе есть относительный порядок, относительная гармония»[10].

Ответ Горького был напечатан во втором номере «Сибирских огней». Горький писал, что материализм, как и «реакционный» идеализм, — тоже «временная истина», что у «материалистов заметно желание упростить и механизировать человека», который «выше всех идей и всех дел своих»[11].

Ответ на эти «еретические» идеи Горького последовал незамедлительно. Б. Резников в журнале «На ленинском пути» писал: «Статья эта вызывает крайнее недоумение. Как это редакторы "Сиб. огней", без всякого зазрения марксистской совести, напечатали такой явный выпад против марксизма в марксистском, кажется, журнале». Слова Горького о материализме как «временной истине» Резников назвал «издевательством над материализмом, над наукой», а противопоставление Ленина — «творца идеи» — «сектантским начетчикам, партийным лидерам, церковникам, редакторам журналов и вообще "учителям жизни"» интерпретировал как недопустимое противопоставление Ленина партии[12].

Интересно и другое обстоятельство: перемена отношения партийного руководства края к ведущему литературному журналу Сибири было резким и неожиданным. С.И. Сырцов покровительствовал «Сибирским огням». Согласно воспоминаниям дочери А.К. Воронского, его статья печаталась в «Сибирских огнях» «с ведома и согласия» Сырцова[13]. Писатель А. Коптелов рассказывал в письме Горькому от 30 сентября 1929 г., что в 1927 г. А.Л. Курс в газете «Советская Сибирь» одобрительно отзывался о статье Зазубрина «Литературная пушнина», а «в середине 1928 г. со страниц той же "Сов. Сиб." Зазубрина обвиняли за ту же самую статью, найдя в ней областничество»[14]. Много примеров такой же «непоследовательности» привел В. Итин в статье «Критика критики»[15].

Неожиданный крах литературной карьеры Зазубрина в Сибири обусловлен, по всей видимости, следующими обстоятельствами. На XV съезде партии Зазубрина опознали как бывшего провокатора. Близкий знакомый Зазубрина, автор статьи о нем, Ф. Тихменев вспоминал, что во время XV съезда «на стол президиума поступила записка: "На каком основании на съезде коммунистов присутствует провокатор Зубцов?". В ближайший перерыв Сырцова вызвали для объяснений»[16]. Из-за Зазубрина Сырцов оказался в крайне неприятной ситуации. А во втором номере «Сибирских огней» в «Заметках о ремесле» Зазубрин делился впечатлениями о съезде и открыто писал, кому обязан своим присутствием там: «Близился XV съезд. Я пошел к С.И. Сырцову и заявил ему, что мне надоела литература, что я хочу побыть среди настоящих людей. <...> Он помог»[17]. Сырцов вряд ли мог терпеть во главе ведущего литературного журнала Сибири человека с репутацией провокатора, о чем на XV съезде партии стало известно в высших эшелонах власти.

Другой причиной отстранения Зазубрина могло быть общее нагнетание политической обстановки в стране, связанное с хлебозаготовительным кризисом и поиском «врагов», «кулацких подсобников», «виновных» в продовольственных «трудностях».

Сырцов проводил в Сибири экономическую политику, близкую к идеям Н.И. Бухарина. В 1926–1927 гг. это была «генеральная линия» партийной политики: И.В. Сталин и его окружение объединились с правым крылом партии (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский) в борьбе против левых — троцкистов и «новой оппозиции» Г.Е. Зиновьева — Л.Б. Каменева. Поддерживая «крепкого хозяина», Сырцов в сибирской партийной печати выдвинул лозунг, подобный бухаринскому «Обогащайтесь!»: «Накопляйте, в добрый час!». Учитывая, что Сибирь — зона рискованного земледелия, Сырцов делал ставку на развитие животноводства, напрямую связывая развитие сельского хозяйства Сибири с реализацией грандиозных индустриальных проектов, наподобие Новокузнецкого металлургического комбината (Тельбесского, как его называли в 1920-е гг. по наименованию реки и поселка, где добывали железную руду). В сибирской прессе эта идея главного партийного руководителя края приняла форму лозунга: «На корове — к Тельбесу!»[18].

Однако хлебозаготовительный кризис в 1927 г. принял такие масштабы, что «выкачивать хлеб» из регионов были направлены члены Политбюро. В январе-феврале 1928 г. в Сибирь приехал И.В. Сталин — решать «трудности» с хлебозаготовками. На местные партийные органы было оказано беспрецедентное давление. Под жестким нажимом Сырцов был вынужден санкционировать действия, шедшие вразрез с его прежними заявлениями в краевой прессе. Началась ожесточенная борьба с «кулачеством», «выкачивание» хлеба из деревни с применением самых жестоких мер (см. фрагмент письма А. Коптелова В. Зазубрину; п. 2, примеч. 2).

Возможно, расправа с Зазубриным и «Сибирскими огнями» была непосредственно связана с этим резким поворотом партийной политики. Зазубрин недоумевал, за что его «возненавидел» Сырцов и писал Горькому, что Сырцов его «"изничтожил" за правый уклон» (см. п. 4). Второй свой роман — «Горы», о хлебозаготовках на Алтае — Зазубрин задумал как своего рода реванш: «...я хочу бороться за свою реабилитацию с пером в руке. Я докажу своими литературными работами, кто я и с кем я» (п. 7). События романа разворачиваются в 1928 г., в период хлебозаготовительной кампании. Зазубрин прямо показывает, кому должно быть адресовано обвинение в «правом уклоне». Кулак Андрон Морев пытается убедить коммуниста Безуглого в своей правоте: «В высшем управлении, верно, есть люди с правильным понятием <...> Читал я в газетке речу вашего большого коммуниста. Фамилию вот только не вспомню... не то Колбаскин, не то Сырков... золотые слова <...> Слово перво — накопляйте в добрый час <...> Слово второе — к Тельбесу поедем на корове <...> На чьей корове Сырков-Колбаскин етот собирался ехать? На моей. Кому говорил — накопляйте? Мне <...> Он линию умственную вел на крепкого, настоящего хозяина»[19]. Иван Безуглый неприятно поражен тем, что кулак «хвалит» коммуниста, фамилию которого «конечно, помнил <...> и перевирал для издевки»[20].

Зазубрина заклеймили как «буржуазного» и «кулацкого» писателя, вынудили уйти из журнала, отстранили от руководства Сибирским союзом писателей и лишили возможности печататься. Он оказался в тяжелейшем, практически безвыходном положении.

В 1928 г., когда Горький впервые после отъезда за границу приехал в СССР, с ним встретилась Л.Н. Сейфуллина. После этой встречи она писала Горькому о главной цели своего визита: «Пошла я потому, что Вы могли спасти талантливого человека, настоящую литературную силу. Бухарин меня направил к Вам. Я очень стеснялась, волновалась, но пошла. И Вы, действительно, поняли трагедию Зазубрина»[21].

Через директора Госиздата А.Б. Халатова Горький вызвал Зазубрина в Москву — для работы литературным редактором[22]. В сентябре 1928 г. Зазубрин был уже в столице. О первой встрече с Горьким он вспоминал в очерке «Зерно, поднявшее камень»[23]. Благодаря дневнику, который вел сын Горького Максим Пешков[24], можно установить дату личного знакомства Зазубрина с Горьким на квартире Е.П. Пешковой в Машковом переулке — 12 сентября 1928 г. Воспоминания и письма Зазубрина, дневник Максима Пешкова и его письмо жене Н.А. Пешковой (Тимоше) от 15 сентября 1928 г.[25] позволяют достаточно полно восстановить круг тем, затронутых в этой беседе. Речь шла о положении дел в сибирской литературе, о материальном положении Зазубрина, о его поездке по Монголии и Туве в 1926 г. (см. п. 8, примеч. 5). Автор очерка «О том, кого уже нет (Унгерн)»[26] Зазубрин рассказывал Горькому

о бароне Р.Ф. Унгерне фон Штернберге и адмирале А.В. Колчаке, которых встречал в годы Гражданской войны в Сибири. Говорил Зазубрин и о своем «деле», которое должно было решаться в ЦКК в ноябре 1928 г. Позднее он писал Горькому, что в ответ на обвинения в провокаторстве сам подал заявление в ЦКК по поводу своего «дела» (см. п. 4). По просьбе Зазубрина Горький в сентябре 1928 г. написал предисловие к роману «Два мира».

15 сентября 1928 г. Зазубрин приступил к работе литературного редактора Госиздата. «Де-юре я еще не признан, не проведен приказом, но де-факто я уже зарылся с головой в редакционный портфель. Работы хватит на десятерых. Ред. портфель страшно запущен. Заключены договора с очень бездарными или зелеными авторами»[27], — писал он Горькому 18 сентября 1928 г. Практически сразу в положении Зазубрина возникли непредвиденные осложнения, о которых он рассказывал в письме В.Д. Вегману от 26 октября 1928 г.: «...приехал Сырцов — личный друг Халатова и так меня "отрекомендовал", что Халатов испугался. А тут еще т.н. "делегация сибиряков" в составе Березовского, Оленича и Шацкого ходила в АПО ЦК и проповедовала против моего назначения. АПО запротестовало в свою очередь. Причем "сибирячки" выдвинули против меня не литгрехи мои, а мое прошлое, мое дело в ЦКК. Сырцов же говорил о литуклонах <...> Халатов решил меня выгнать...»[28]. 10 октября Зазубрин написал Горькому отчаянное письмо о нависшей над ним угрозе лишиться работы (см. п. 4). Горький получил его перед отъездом в Сорренто и, не имея возможности встретиться с Зазубриным, ответил ему короткой запиской[29].

Подробное письмо Зазубрина В.Д. Вегману от 26 октября 1928 г., опубликованное В.Н. Яранцевым, существенно дополняет картину событий. Оно дает представление о «взрывном», неуравновешенном характере Зазубрина и о той доле скептицизма, с которой он отзывался о Горьком уже в 1928 г. В письме Вегману Зазубрин рассказывал, что обратился к секретарю Горького П.П. Крючкову, но не получил помощи и «понял, что А.М. умыл руки». «Это меня взбесило, — писал Зазубрин о Горьком. — Я написал ему дерзкое и вместе с тем вежливое письмо, в котором отказывался от его рекомендации[30]. В ответ получил неискреннее, беспомощное, ничего не говорящее бормотание, заканчивающееся просьбой писать в Сорренто»[31].

Судя по письму Вегману, Зазубрин сам отстоял перед Халатовым свое право работать в Госиздате до решения его вопроса в ЦКК, заявив, что его кандидатуру в ГИЗ «выдвигают не только филантропы на час Горькие», но и ряд литературных организаций: ВАПП, «Перевал» и другие[32]. Два с половиной месяца он работал в Госиздате в неопределенном статусе, по этой причине, вероятно, и возникли трудности с получением жалованья и выходного пособия после увольнения (см. п. 5, примеч. 6).

Решение Партколлегии ЦКК было в высшей степени неожиданным для Зазубрина, он не в первый раз подвергался партийной проверке и надеял-

ся на благополучный исход. 6 декабря 1928 г. он был исключен из партии и сразу же уволен из Госиздата. Тогда он принял решение вернуться в Новосибирск. Попытки добиться в Госиздате выплаты заработанных денег и напечатать пятое издание романа «Два мира» задержали его в Москве. Госиздат отказался печатать роман Зазубрина, несмотря на предисловие Горького и его рекомендацию в письме А.Б. Халатову (см. п. 5, примеч. 12). «Жалование выдали, а книгу не приняли, — рассказывал Зазубрин в письме Горькому из Ленинграда от 25 января 1929 г. — Тогда у меня создалось положение, что хоть в петлю, так в ту же пору. На последние гроши выехал я в Ленинград и здесь с большим трудом устроил "Два мира" в местном товариществе писателей»[33]. В конце января или начале февраля Зазубрин уехал в Новосибирск.

Горький пытался устроить Зазубрину денежную помощь через П.П. Крючкова, заказал статью о Сибири для «Наших достижений» (см. п. 6), настоятельно советовал А.Б. Халатову напечатать «Два мира» в Госиздате. Однако все эти просьбы и поручения Горького выполнены не были. Кроме того, с февраля по июль 1929 г. переписка прервалась: письма Горького не доходили до Зазубрина (см. п. 8, примеч. 2).

Вспоминая впоследствии это время, Зазубрин писал Горькому: «После всего того, что мне пришлось пережить в 28-м г., я долго не мог оправиться. Год или более только бродил по Сибири с ружьем и записной книжкой»[34]. Н.В. Чертова сообщала Горькому, что Зазубрин жил «в полном и нарочитом одиночестве» и никак не мог «расписаться»[35]. Своему хорошему знакомому, монголоведу А.В. Бурдукову, Зазубрин писал о неладах с нервами и сердцем, о первом в жизни сердечном припадке — последствии пережитых потрясений[36].

Горький по-прежнему интересовался судьбой Зазубрина. В начале июня 1929 г. он спрашивал о Зазубрине сибирских писателей С. Маркова и Н. Анова, говорил о необходимости его участия в затеваемом «Сибирском сборнике». Летом того же года, в июле, Горькому рассказывал о Зазубрине приехавший в Москву А.Л. Коптелов. Из письма Зазубрина от 28 июля 1929 г. (п. 9) ясно, что Горький разговаривал о его участи с «персонами весьма высокими», намеревался обратиться к члену Президиума ЦКК А.А. Сольцу. Пока Горькому ничего не удалось добиться. Однако он выступил в печати против «литературных врагов» Зазубрина. Воспользовавшись характеристиками А. Коптелова, он писал в статье «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. № 168. 25 июля): «...редактор "Советской Сибири", краевой газеты, Курс, — бывший анархист, как мне сказали, — организовал гонение на художественную литературу, и один из его сторонников, некто Панкрушин, заявил, что "художественная литература реакционна по своей природе". Это, конечно, провинциальное истолкование теории покойника "Лефа"»[37]. В ответ на эту статью и статью

Горького в защиту Б. Пильняка «О трате энергии» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. № 213. 15 сент.) в сибирской прессе разразилась настоящая антигорьковская кампания, конец которой положило известное постановление ЦК ВКП (б) от 25 декабря 1929 г. «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького». Литературная группа и журнал «Настоящее» перестали существовать, А.Л. Курс был уволен с должности главного редактора «Советской Сибири» и отозван из Новосибирска в Москву[38].

На положение Зазубрина эти события, однако, не повлияли. Проработав 1929 г. над новым романом, после декабрьских событий он, вероятно, решил попытать счастья в сибирских редакциях, но безуспешно. В мае 1930 г. Зазубрин писал Горькому, что рукопись нового романа из двух сибирских редакций вернулась нечитаной, что ГИЗ задерживает седьмое издание романа «Два мира»: «В конце концов, это пахнет экономическим удушением. Положение создается серьезное»[39]. Он писал также, что обращался в издательство «Федерация», где не рискнули принять его произведение к печати.

Горький написал «кому следует — книга пошла <...> Гиз заказал 7-е издание "Дв<ух> миров" Ленинградскому т<оварищест>ву писателей»[40]; выразил готовность читать рукопись и ободрил добрым словом: «Очень рад, что дали весть о себе, — я не люблю терять из поля моего зрения субъектов, Вам, сударь, подобных»[41]. В ответном письме Зазубрин благодарил Горького и писал, что намерен осенью уехать из Сибири[42]. По-видимому, шансов вернуться в литературу через сибирские журналы и издательства не осталось никаких, и Зазубрин это ясно осознал. «Там из меня сделали страшную буку, которым пугают молодых литераторов. Там литературой заправляют те, кто в свое время подписал хулиганскую декларацию против Вас (Высоцкий и др.). Теперь они Вас, конечно, хвалят», — писал он Горькому 22 июня 1931 г.[43]

Осенью 1930 г. Зазубрин с семьей переехал в Лахту, поселок под Ленинградом. Переезд совпал с политическим крушением его еще недавно весьма могущественных врагов. С.И. Сырцов, в мае 1929 г. ставший председателем Совнаркома РСФСР, в 1930 г. неоднократно — как публично, так и в кругу единомышленников — выступал с критикой политической линии Сталина: форсированной индустриализации за счет ограбления деревни, недопустимого усиления личной власти генсека. 4 ноября 1930 г. на объединенном заседании Политбюро и президиума ЦКК Сырцов был выведен из состава ЦК[44]. Постановление ЦК и ЦКК «О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и др.» от 1 декабря 1930 г. положило конец политической карьере Сырцова. А.Л. Курс, И.С. Нусинов, В.А. Каврайский и другие из его ближайшего окружения были исключены из партии, в ноябре 1930 г. арестованы и допрошены в ОГПУ. Историками установлено, что основным информатором о настроениях и высказываниях С.И. Сырцова стал журналист Б. Резников,

коллега А.Л. Курса по журналу «Настоящее» и активный участник травли Зазубрина в 1928–1929 гг.[45]

Горький в сложившейся ситуации попытался помочь Зазубрину; 2 декабря 1930 г. он писал Сталину: «Теперь, когда Сырцов, Курс и К° обнаружили истинную свою сущность, следовало бы восстановить в партии Зазубрина, ведь это они травили его, они же испортили хороший журнал "Сибирские огни", высадив из него талантливых людей. Зазубрин — очень талантливый человек. И — честный»[46]. Попытка оказалась безуспешной.

Летом 1931 г. Горький привлек Зазубрина к работе над «Историей Гражданской войны». В июле Зазубрин несколько дней провел на даче Горького в Горках. Здесь 16 июля он читал главы своего нового романа «Горы» в присутствии хозяина дома, домашних, А.К. Воронского, И. Бабеля, Л.Н. Сейфуллиной, писателя и критика А.И. Зонина. «Успех был совершенно сумасшедший. Так меня еще никогда не хвалили»[47], — писал Зазубрин 28 августа 1931 г. своей сибирской знакомой Е.Н. Орловой. Однако скептический отзыв о романе А.К. Воронского был воспринят автором с недоумением и обидой.

Воронский включил в воспоминания о Горьком, написанные в декабре 1936 г., фрагмент дневниковых записей: «16-го июля. Вечер у Горького. Зазубрин читал свой новый роман "Горы". Слушали: Бабель, Сейфуллина, домашние. Горький хвалил роман; хвалила Сейфуллина. Бабель хитро улыбался, молчал, был любезен. За ужином я сказал Зазубрину, что материал, по-моему, лучше оформления. Непонятно, как можно писать, что природа — сволочь[48]. Это клевета, какой-то нехороший нигилизм. Горький покосился на меня»[49].

В письме Горькому Зазубрин передал мнение Воронского так: «Роман Ваш никудышный. Герой — чепуха. Я протестую против этой книги от первой до последней ее строчки. В романе нет ни одной хорошей фразы. Бабель потому и сбежал, что не хотел в глаза говорить Вам горькие слова. Фраза у Вас должна быть неграмотной и неуклюжей, а Вы ее зализали. Жизнь против нас, а Вы ее куда-то тащите. Какая ерунда — пытаться перекрыть звериное начало чем-то там коммунистическим»[50]. Неприятие Воронского вызвала художественная идея романа — «овладение дикой стихией частных собственников»[51], вера автора в то, что «коллективизация, уничтожение частной собственности, а за нею и семьи — оборвут многое звериное в нас»[52].

«Горы» Зазубрина были задуманы как роман о коллективизации на Алтае; описание хлебозаготовительной кампании 1928 г. в первой части — лишь ее преддверие. При этом роман был посвящен теме борьбы со «звериным» чувством собственности и писался как книга «жизнерадостная и полнокровная»[53]. Зазубрин мечтал, что выход в свет романа «Горы» даст ему возможность вернуться не только в литературу, но и в партию (см. п. 7, 13). Слова Воронского ставили под сомнение эту возможность. И в дальнейшем Зазу-

брин особенно болезненно реагировал на выпады критики по поводу идеологической составляющей романа.

Горький в «Горах» Зазубрина, напротив, ценил идею о преображении мира и человека[54], он резко отозвался на слова Воронского: «Такие заявления простительны Юрию Айхенвальду или пьяному. А всего больше возмутили меня слова: "Жизнь против нас, а Вы ее куда-то тащите. Какая ерунда — пытаться перекрыть звериное начало каким-то там коммунистическим". Это уж отчаянно плохо, это пахнет гнилью»[55]. Мнение Горького было прямо противоположным оценке Воронского: «"Горы" — очень сильная вещь, по моему мнению, и я очень рад тому, что Вы написали такую большую книгу»[56]. Позднее Горькому неоднократно приходилось отстаивать роман от «совершенно нелепых посягательств»[57] цензуры и грубых выпадов критики.

После чтения глав романа в Горках возникла идея о возможной публикации его за границей. Е.Н. Орловой Зазубрин сообщал 28 августа 1931 г., что Горький торопит его с окончательной отделкой романа, «хочет взять рукопись с собой за границу, чтобы печатать и там, и в СССР»[58]. Предполагаемая публикация «Гор» за границей стала одной из основных тем переписки Зазубрина с Горьким в конце 1931 — начале 1932 г. Зазубрин даже просил Горького на вырученную валюту купить в Европе хорошую палатку, спальные мешки и охотничий карабин[59]. Страстному охотнику Зазубрину все это нужно было еще по одной причине: его сын Игорь после переезда под Ленинград заболел туберкулезом, и лето 1932 г. писатель планировал провести с ним в горах Алтая. Перевод «Гор» на иностранные языки и публикация за границей не состоялись: Зазубрин не успел до возвращения Горького в Москву в апреле 1932 г. прислать ему окончательно подготовленную рукопись. Однако заботу о здоровье Игоря Горький взял на себя: сын Зазубрина с лета 1932 г. подолгу жил у Горького в Горках, а осень 1934 г., весну и начало лета 1935 г. провел в Крыму, в Тессели. Горький относился к сыну Зазубрина с особой теплотой и заботой; так, в ноябре 1934 г. он писал П.П. Крючкову: «Скажите Зазубрину, что Игорь весьма здоров, усердно и толково занимается изучением флоры и фауны Крыма, скоро станет читать лекции взрослым, — в 20 лет от роду будет профессором, в 30 — знаменитостью»[60]. В конце 1932 г. Горький помог Зазубрину получить квартиру в Москве, что тоже было важно в связи с болезнью Игоря.

Не забывал Горький и о трудном положении самого Зазубрина. 25 января 1932 г. он вновь писал Сталину: «Имею к Вам просьбу: не пора ли восстановить в партии Владимира Зазубрина, сибирского писателя? Человек он прекрасно настроенный, написал очень хороший роман "Горы", а наказан — достаточно крепко. И едва ли заслуженно в такой мере. Очень ценный человек»[61]. По возвращении в Москву в конце апреля 1932 г., он вновь поставил вопрос о судьбе опального писателя перед власть имущими, в частности,

27 апреля говорил с Л.М. Кагановичем (см. п. 12). Летом 1932 г. Горький добился пересмотра дела Зазубрина в ЦКК. Выписка из протокола заседания Партколлегии ЦКК от 17 августа 1932 г., касающаяся рассмотрения этого вопроса, хранится в Архиве Горького, адресована ему лично и прислана на его домашний адрес[62].

В 1932 г. потребовалось вмешательство Горького в другом важном для Зазубрина деле. 14 марта было принято решение Главлита о конфискации тиража девятого издания романа Зазубрина «Два мира» (см. п. 11). Горький встретился с Б.М. Волиным и выяснил у него причину запрета книги: «одиозное» имя Л. Троцкого неоднократно упоминалось на страницах книги о Гражданской войне, что неудивительно; в одном из эпизодов он был назван организатором Красной Армии. Только благодаря вмешательству Горького в 1933 г. Издательство писателей в Ленинграде выпустило еще одно, десятое издание «Двух миров». В нем автор изъял «одиозное» имя из текста романа даже в тех случаях, когда оно упоминалось в подлинных документах эпохи.

Горький делал все от него зависящее, чтобы Зазубрин не оказался на обочине литературного процесса. В статьях и письмах он неоднократно упоминал «Два мира» в числе лучших произведений о Гражданской войне. Зазубрин дважды был в числе писателей, встречавшихся в доме Горького с высшим партийным руководством страны и членами правительства: 26 октября 1932 г. и в сентябре 1933 г.[63]

В конце 1932 г. по поручению Горького Зазубрин начал собирать материалы о Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ), созданном в октябре 1932 г. по инициативе Горького. Зазубрин страстно увлекся этой темой, встречался с ведущими учеными института И.П. Павловым, А.Д. Сперанским, Л.Н. Федоровым и др., вникал в детали и проблемы организации ВИЭМ и строительства здания для него. Особенно его увлекла идея создания в институте кабинета восточной медицины: «В Институте экспериментальной медицины был раз пять, буду еще раз тридцать. Федоров и Сперанский все ускользали от меня, как летучие голландцы. Они носятся между Москвой и Ленинградом. Все в связи со строительством. Только с 28-го ноября я смог как следует завладеть ими всеми, кроме Сперанского. Тот занят ужасно. Однако, и он обещал поговорить в ближайшее время. Итак, я интервьюировал — Федорова[64], Бушмакина[65], Календарова[66]. Последний, конечно, гениален. Каждый раз, когда я говорю с этими замечательными людьми — с благодарностью вспоминаю Вас, давшего мне такое прекрасное поручение. И каждый раз, каждый из них говорит о Вас с величайшей любовью и теплотой. Особенно сильно это чувствуется у Сперанского. В наши беглые встречи он справляется о Вашем здоровье, о том, что Вы сейчас делаете и т.д. На днях Сперанский подал директору своему докладную записку

о Тибетской медицине. Он считает, что тысячелетний опыт Индии, Тибета, Китая должен быть использован, научно пересмотрен. Подав записку, он сказал мне: "Будете писать своему старику (старику не в смысле возраста и жизнедеятельности, а в смысле опытности и авторитета. Он в том же понимании этого слова называет Павлова своим стариком), спросите его, как он смотрит на то, что мы займемся Востоком и его медициной? И передайте ему большой привет". Охотно это делаю, Алексей Максимович. Как-то Сперанский сострил насчет "горькой" реакции, которая нужна была для организации такого мирового предприятия, каким является Институт эксп<ериментальной> медицины (Химия обычно оперирует двумя реакциями — щелочными и кислотными). Да, А.М., Ваша организационная "химия" ждет еще своего исследователя»[67].

Сын своей эпохи, Зазубрин верил в самые фантастические прогнозы о возможностях науки будущего и, по-видимому, как и Горький был увлечен идеей долголетия и бессмертия. В конце 1932 — начале 1933 г. он отправил Горькому несколько пространных писем, посвященных ВИЭМ[68]. Поначалу предполагалось написание серии статей об институте для «Известий» и зарубежной прессы. Зазубрин думал даже о книге или брошюре о ВИЭМ[69]. Затем материал стал принимать форму очерка для журнала «Наши достижения» и альманаха «Год XVI»[70].

Очерк получил название «История одного подкопа»[71] (автор сравнивал создание ВИЭМ со строительством метрополитена) и был завершен осенью 1933 г. Однако он не был напечатан ни в журнале, ни в альманахе, поскольку решительно не понравился Горькому, полностью поддержавшему в этом вопросе А.Д. Сперанского (см. п. 26, примеч. 1). «...Вы взяли тон, который <...> не гармонирует с материалом <...> Изображенные Вами в легкой — "французской" манере чудаковатые фигуры очень мало говорят — если вообще говорят — об идеях, носителями коих являются эти фигуры и — главное — об идее ВИЭМ. <...> Дело — глубочайше серьезное. Писать о нем следует очень серьезно и — деловито <...> статью нужно переделать с первого слова до последнего», — таково было мнение Горького[72]. Неудачной оказалась и попытка Зазубрина художественно разработать эту тему в пьесе «Человеческие обязанности»[73].

В августе 1933 года Зазубрин, конечно, не без содействия Горького, был введен в состав Оргкомитета Союза советских писателей. Тогда же, ссылаясь на загруженность творческой работой, Зазубрин отклонил предложение Горького поехать в составе писательской бригады на Беломорско-Балтийский канал: «Я сейчас должен сосредоточить все свои силы над окончательной отделкой "Гор". Они уже пошли в "Новом мире". Кроме того, на очереди очерки об Институте экспериментальной медицины. Одним словом, не хочу разбрасываться, боюсь потонуть в бездне богатейшего материала. Ведь канал — дело грандиозное»[74].

Во второй половине 1933 г. состоялась журнальная публикация романа «Горы»[75], которая также не обошлась без неоднократного вмешательства Горького. В феврале 1933 г. политический редактор Главлита потребовал таких изменений в тексте романа, что привел автора в отчаяние (см. п. 24). В письмах Зазубрину и руководителю Главлита Б.М. Волину[76] Горький пытался склонить автора и цензоров к взаимным уступкам. «Пожалуйста, Петр Петрович, раздайте скорее письма Волину и Зазубрину. Очень опасаюсь за судьбу романа, испортят его автор и цензор, ссорясь по пустякам», — писал он П.П. Крючкову 25 февраля 1933 г.[77] В письме Волину была дана высокая оценка романа, который Горький сравнивал с «Поднятой целиной» М.А. Шолохова.

В январе 1934 г. И.М. Гронский, редактор «Нового мира», где печатались «Горы», усомнился, пропустит ли цензура страницы об истории коммун на Алтае. Зазубрин вновь обратился к Горькому, ответ которого помог и этой части романа благополучно пройти через цензурные препятствия[78].

Завершив долгую и непростую для него подготовку романа к публикации в журнале (см. п. 26), Зазубрин поехал на Алтай собирать материал для второй, заключительной части «Гор». Как член Оргкомитета, он намеревался выступить в Новосибирске на собрании писателей. Однако выступить ему не дали. Запрет исходил от главы местного Оргкомитета А.В. Высоцкого. Возмущенный Зазубрин написал об этом Горькому (см. п. 28 и примеч.). Горький направил протест первому секретарю Сибкрайкома Р.И. Эйхе[79], в результате чего на посту председателя Оргкомитета в Новосибирске Высоцкого сменил А.А. Ансон, «давний друг и соратник Зазубрина»[80].

Нелегким испытанием для Зазубрина оказалось обсуждение романа «Горы» в Оргкомитете 27 апреля и 4 мая 1934 г. Из письма Зазубрина Горькому от 28 апреля, в котором он описал это обсуждение, ясно, что основной темой, вокруг которой вращалась полемика, был натурализм и эротические сцены в романе. Тем не менее, больше всего Зазубрина возмутило выступление критика Г.С. Федосеева: «Он сказал, что я написал вещь натуралистическую и... буржуазную, т.е. контрреволюционную. <...> Я был взволнован тем, что Оргкомитет выпустил основным докладчиком человека, который обвинил меня в покушении на советскую власть с пером в руке <...> следовательно, таково и мнение Оргкомитета»[81]. Пожалуй, это действительно была «не обида, не самолюбие, а самозащита»[82].

Газетный отчет об этом обсуждении гораздо более нейтральный и сдержанный, по сравнению с письмом Зазубрина. Вероятно, 4 мая удалось сгладить острые углы. «Литературная газета» писала о выступлении Л.Н. Сейфуллиной — верного друга Зазубрина. Она говорила, что «большевики у Зазубрина — настоящие живые люди», что «роман Зазубрина — большая книга». О Федосееве автор заметки писал, что тот встал «на путь односторон-

ней и несправедливой критики», а его аргументы назвал «шаткими и искусственными». Кратко излагалось заключительное выступление П.Ф.Юдина, назвавшего «Горы» романом «советским, нужным и полезным», ошибкой — «ставить под сомнение политическую сторону романа», а натурализм Зазубрина — «опасной тенденцией, с которой автору необходимо бороться», однако не «творческой системой» писателя[83].

Трудно сказать определенно, сыграл ли Горький какую-либо роль в повороте этой дискуссии в более безопасное для автора романа русло. Однако оставить безучастным письмо Зазубрина его не могло. Во всяком случае отчаянный вопрос Зазубрина: «Где же мне печататься?»[84] — не остался без ответа. Горький предложил Зазубрину возглавить литературно-художественный отдел нового созданного им журнала «Колхозник». 9 июня Зазубрин уже погрузился в исполнение своих новых обязанностей, о чем свидетельствует его письмо-отчет Горькому[85].

На Первом съезде советских писателей Зазубрин много сделал для привлечения в журнал сибирских писателей. По воспоминаниям Н. Смирнова, он «отводил душу в беседах с сибиряками-земляками, был весел, подвижен <...> любовался находчивостью и остроумием Горького, руководившего съездом», восхищался выступлениями Б.Пастернака, Ю.Олеши, Т.Табидзе[86]. «Я один из добросовестных делегатов, — сообщал Зазубрин А.В.Бурдукову 30 августа 1934 г., — сижу безвыходно на всех заседаниях. Съезд проходит очень интересно»[87]. Однако под конец съезда эти впечатления были неожиданно испорчены.

Горький планировал включить Зазубрина в состав Правления Союза писателей. За парадным фасадом торжественного съезда шла борьба за руководство будущим союзом. Как известно из опубликованных в конце XX — начале XXI столетия документов и работ исследователей, И.В.Сталин и его ближайшее окружение настойчиво выдвигали в руководство ССП группу писателей-коммунистов: Ф.Панферова, В.Ставского и др. Работать с ними Горький решительно отказывался, в письмах Сталину и в ЦК пытался настоять на своем уходе с поста председателя Правления ССП. В 1934 г. прошла «дискуссия о языке», в которой большинство писателей поддержало Горького, критиковавшего Панферова. Однако на съезде Панферов вновь выступил, отстаивая свою правоту, и был поддержан в печати И.М.Варейкисом. 30 августа — 1 сентября Горький написал письмо в ЦК, в котором возмущался речью Варейкиса, опубликованной в журнале «Октябрь», и отказывался работать в правлении ССП с Панферовым и К°[88]. Зазубрин, сам того не подозревая, оказался против воли вовлечен в это столкновение — как фигура близкая Горькому и — уязвимая.

Зазубрин числился в списке предполагаемого Пленума Правления, 30 августа 1934 г. отправленном Ждановым и Кагановичем Сталину для согласо-

вания[89]. Копия этого списка был послана Горькому и хранится в его архиве[90]. Однако 1 сентября А. Щербаков, которому от ЦК партии было поручено курировать организацию съезда и создание Союза советских писателей, записывал в дневнике о Горьком: «Были у него с Ждановым и Стецким вторично. Взбешен тем, что провалили Зазубрина и в "Октябре" напечатали выступление Варейкиса». 3 сентября датирована еще одна запись: «Опять разговор о Зазубрине»[91].

3 сентября 1934 г. А.А. Жданов сообщал И.В. Сталину в письме, что Горький «перед пленумом еще раз пытался покапризничать» и «жаловался на отвод из списков правления во время съезда Зазубрина»[92].

С отводом кандидатуры Зазубрина в Правление Союза писателей на собрании партгруппы Президиума Правления ССП выступил Ф. Березовский. Из письма В. Итина Горькому от 5 сентября ясно, что Горький выступил в защиту Зазубрина[93].

На Зазубрина очередной удар судьбы подействовал крайне удручающе. 8 сентября 1934 г., кратко отчитываясь в письме Горькому о работе над материалами «Колхозника», он добавлял: «Пишу наспех, я только что вернулся из лесу, куда убегал зализывать свои раны. Я не думал, что история с Березовским так меня ударит. Ведь не первый раз! Однако, чувствую, как мне стало скучно жить. Я прошу у Сов<етской> Власти сказать мне раз и навсегда — да или нет. Но жить и знать, что завтра снова кто-нибудь плюнет на тебя — невозможно. Вы моя единственная — последняя надежда. Я не знаю, как мне просить Вас еще раз о помощи. Тяжко мне, А.М. Помогите»[94]. 11 сентября Горький ответил, но лишь на первую часть письма[95].

22 сентября, подробно рассказав о работе над журналом, Зазубрин вновь возвратился к этой теме: «Приходится сказать несколько слов и о себе. Я думал, что мне не придется разговаривать с Вами на столь скучную тему после того, как в 32 году я получил в ЦКК бумажку, полностью меня реабилитирующую. Однако Березовский не посчитался ни с чем и выступил. Стецкий смолчал. И молчание его вообще типично для отношения партии ко мне. Оно какое-то половинчатое. Вам известно, что меня судили уже пять раз по одному и тому же делу. Однажды, доведенный до отчаяния перманентными судами и следствиями — я просил или расстрелять меня, или, наконец, дать право работать без помехи. Отношение осталось половинчатым, а среди литераторов выработались специалисты по оплеванию меня, таковы — братья Субоцкие, Березовский и Матэ Залка. Они каждому встречному и поперечному рассказывают обо мне так, как будто никогда и никакого решения в ЦКК не было по моему делу. Нестерпимо мне жить так дальше. Я хочу, наконец, полной ясности. Надоело мне быть забором, около которого останавливается всякий для отправления своих естественных надобностей в клевете и членовредительстве. Простите, что надоедаю Вам со своими личными делами.

Я прошу Вас только передать через Елизавету Захаровну, могу я на что-либо надеяться или нет? Если нет — стисну зубы и буду работать. У меня такое положение, что я даже не могу оборвать свою жизнь свинцовой точкой. Ведь сделать так, значит признать себя виновным, оставить пятно позора и сыну и жене. Я никому, кроме Вас, не надоедал рассказами о своих страданиях. Творчество мое оптимистично, хотя мне приходится писать под давлением примерно сорока атмосфер. Я хочу, наконец, освободиться от этого. От этой страшной растраты сил, чтобы все их отдать любимому делу — литературе. Ну, что мне делать? Посоветуйте, Алексей Максимович, и простите за многословие»[96].

Горький ответил Зазубрину на следующий день, 23 сентября, — предельно кратко. В его ответе опять не было ни слова сказано о том, что волновало Зазубрина больше всего. Возможно, он действительно передал ответ устно через Е.З. Крючкову, не доверяя бумаге. Однако более вероятно, что ему просто нечего было ответить. Его разочарование было не меньшим. Группа, через которую Сталин мог контролировать «инженеров человеческих душ», укрепила свои позиции в Правлении ССП. Горький столкнулся с глухой стеной, о которую бесполезно было биться, и помочь Зазубрину как-то исправить сложившуюся ситуацию не смог. И он сделал единственное, что в его силах, чтобы смягчить удар, хоть чем-то порадовать Зазубрина: «Вот что: Вы бы отпустили Игоря в Крым, а то он тут расхворается. На днях туда едет Тимоша[97], она захватит его с собой»[98].

После этого переписка Горького с Зазубриным приняла преимущественно деловой характер: она почти целиком сосредоточена на обсуждении материалов для «Колхозника» и выходящих номеров журнала.

Несчастья Зазубрина на этом не закончились. 20 сентября 1934 г. в газете «Литературный Ленинград» (№ 48) была напечатана статья критика З. Штейнмана о романе «Горы» — «Тарзан на хлебозаготовках», написанная, начиная с заглавия, в недопустимо грубой, развязной манере. Текст статьи почти полностью перепечатан на пишущей машинке и хранится в *АГ*; на машинописи — пометы Горького[99]. Вероятно, Зазубрин сделал эту копию и отправил ее в Тессели, куда уехал Горький в конце сентября 1934 г. Штейнман приводил обширные цитаты из романа, подчеркивая «пикантные», по его словам, сцены и язвительно их комментируя. «Есть еще шутники в советской литературе. Скучно не будет...» — так заканчивалась рецензия[100].

Горький не оставил этот выпад против романа «Горы» без ответа. 24 января 1935 г. в газетах «Правда», «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и «Литературной газете» была напечатана третья часть статьи «Литературные забавы», в которой Горький привел рецензию Штейнмана в качестве примера недобросовестной и малоквалифицированной критики. «Ковырять и сокрушать человеческое достоинство — это вовсе не задача критики... — писал Горь-

кий. — Вот передо мной рецензия некоего Зел. Штейнмана на повесть "Горы" Зазубрина, весьма даровитого писателя, успешно работающего над собой <...> С "Тарзаном" сравнивается герой повести, коммунист Безуглый. Не могу признать это сравнение остроумным, ибо очень легко сравнить любого человека с выдуманной полуобезьяной <...> Горный пейзаж мощным хаосом своим возбуждает в коммунисте, здоровом человеке, бойце гражданской войны, инстинкты древнего охотника и еще кое-какие эмоции. Свойство горного пейзажа весьма ярко и глубоко отразилось в фольклоре всех народов <...> это свойство возбуждает воображение, возвращает его в "глубину времен", к судорогам земной плоти. Рецензент иронизирует над эмоциями коммуниста Безуглого: "Голый человек на голой земле"...»[101].

В этой же статье Горький вернулся к законченной, казалось бы, прошлогодней дискуссии: «Ф. Панферов напечатал в "Октябре" (1934 г., книга 9), статейку "О мудрой простоте" <...> Примеров "мудрой простоты" Панферов не привел, но обнаружил, что подлинное значение "дискуссии о языке" не понято им, и увеличил количество малограмотной болтовни, осужденной им»[102].

На это Ф. Панферов ответил напечатанным в «Правде» 28 января 1935 г. «Открытым письмом А.М. Горькому». Направленное против Горького, оно больно задевало Зазубрина и было для него гораздо опасней выступления Федосеева и глумления над романом Штейнмана.

Ф. Панферов писал: «В своей статье вы настойчиво расхваливаете книгу Зазубрина "Горы", известна и нам сия книга <...> Разве секрет, что Зазубрин клеветнически писал о войне, объявленной партией крестьянству? У Зазубрина в книге, помимо прочих небылиц, *коммунисты отрубленную голову врага таскают и показывают всем*. Так коммунисты не поступали с врагами. Так действовали только колчаковцы, деникинцы и прочие белогвардейцы. Другой коммунист Зазубрина купил бывшую барыньку за два пуда муки исключительно для того, чтобы овладеть ею. Так клевещет Зазубрин на коммунистов. И не случайно коммунистическая группа всесоюзного съезда писателей единодушно отвела кандидатуру Зазубрина в правление союза»[103].

29 января Зазубрин писал Горькому — теперь уже не только с просьбой о помощи, но и стремясь оказать поддержку. К письму он приложил свое «Открытое письмо Ф. Панферову» (см. п. 30 и примеч.). Зазубрина возмутили не только опасные идеологические обвинения, но и лицемерие Панферова, хвалившего его роман на обсуждении в Оргкомитете, а также вынесение на публичное обсуждение решения закрытого заседания партгруппы президиума ССП.

Зазубрин просил Горького о личной встрече. Встреча состоялась, и Горький, по-видимому, отсоветовал Зазубрину печатать ответ Панферову, взяв на себя труд ответить в печати. 15 февраля 1935 г. Зазубрин писал А.В. Бурдукову: «Был у Ал<ексея> М<аксимовича>. Он скоро "ответит". Ответит

не только в печати»[104]. Однако ответить Горькому не дали: ни его «Открытое письмо Ф. Панферову»[105], ни написанная на основе этого текста статья «По поводу "открытого" и других писем»[106] напечатаны не были. Отвечая на обвинения Панферова в адрес Зазубрина, Горький писал: «...мы постыдно плохо, небрежно, хамовато относимся друг ко другу. Укажу на характерную частность, на установившееся отношение к автору романа "Горы". О первой его книге "Два мира" В.И. Ленин сказал: "Жестокая, но нужная книга". Мне известно другое не менее авторитетное мнение о книге "Горы": "Написано грубо, но хорошо"»[107]. Горький обвинял Панферова в «передергивании», стремлении намеренно приписать Зазубрину то, чего нет и не могло быть в его романе: война, о которой идет речь в романе «Горы», была объявлена не «партией крестьянству», а «кулаками Советской власти». Ни Помольцев, «таскавший отрубленную голову врага», ни Игонин, купивший барыньку за два пуда муки, не могут «бросить даже слабой тени на партию»: один опорочен и исключен из партии (так должно было быть во 2 книге романа); другой со времен революции 1917 г. стал совершенно иным человеком[108]. Фигура Игонина больше всего в романе «Горы» интересовала Горького[109], он считал Игонина «крупным достижением» автора; в этом персонаже он видел пример перерождения личности эгоистичной и анархической в нового человека: «Мало ли какими путями приходят люди к единой, великой правде <...> Именно из людей такого типа вырабатывались в одну сторону герои подобные Чапаеву и знаменитые партизаны гражданской войны, в другую — Махно, Антонов [и даже Анненков, Унгерн] <...> Игонин воспитывался на сказках о счастливых дураках, в солдатах он узнал, что император Наполеон был поручиком, и сказка для него воплотилась в действительность <...> Вот "мечта", руководившая Игониным, и это очень правильно взято [Зазубриным] автором, очень типично для многих "героев". Но Игонин своевременно свернул с дороги, и классовое его "я" победило. Вместо Махно или Антонова он стал честным рядовым коммунистом»[110]. Однако все эти мысли Горького не были обнародованы. Письмо Панферова осталось без ответа, и это было сигналом серьезных перемен в расстановке сил в советской литературе и в положении самого Горького.

Зазубрин был убежден, что выпад Панферова не случайность, а часть кампании против него (см. п. 30). При сопоставлении ряда откликов на роман действительно возникает ощущение, что все это звенья одной цепи. З. Штейнман в заголовке своей статьи подхватывает высказывание критика В.О. Перцова на обсуждении «Гор» в Оргкомитете («Отрывок, напечатанный в "Годе XVI", по его мнению, отрывок из "Тарзана"»[111]), упреки в эротизме и натурализме. Ф. Панферов в более резкой форме повторяет претензии работников Главлита (см. п. 24). Упоминание об отводе кандидатуры Зазубрина из состава Правления ССП в конце статьи Панферова позволяет связать с ней

выступление Ф. Березовского на партгруппе. Появление статьи Штейнмана в сентябре 1934 г., сразу после съезда, тоже вряд ли случайное совпадение[112].

Подводя итоги года в письме А.В. Бурдукову от 28 декабря, Зазубрин писал: «35-й год был тяжелый для меня. Очень много пережил — здорово поседел»[113]. В течение этого года Зазубрин много и напряженно работал над второй, заключительной частью романа «Горы». В первом номере «Нового мира» за 1935 г. среди прозаических произведений, которые предполагалось напечатать в журнале в этом году, была анонсирована вторая книга романа «Горы». Критикой роман был воспринят как «заявка на большую тему», как обещание[114]; так его воспринимал Горький, да и сам автор рассчитывал во второй части романа сказать гораздо больше, чем удалось в первой. Так, П.П. Крючкову Зазубрин писал 26 января 1934 г., что «некоторые цензурные вырезки», например, «вопрос о роли т. Сталина после смерти Ленина», «решил перенести во вторую книгу» и выражал надежду, что Горький сможет защитить его «от совершенно нелепых посягательств Главлита»[115].

Ряд писем Зазубрина А.В. Бурдукову позволяют установить, что работа над второй частью шла, начиная с конца мая 1934 до конца 1935 г.[116] 28 декабря 1935 г. он отвечал на вопрос своего корреспондента: «В "Нов<ом> мире" печататься буду обязательно — с июня, июля»[117]. Намерение это автору реализовать не удалось.

В конце 1935 г. Зазубрин попытался резко изменить направление своей литературной работы: он оставил работу над завершением романа и взялся за пьесу об ученых-медиках «Человеческие обязанности» (варианты названия: «Хирурги», «Подкоп»). «В первую очередь она даст мне (если пойдет) тот прожиточный минимум, который позволит мне оставить службу в "Колхознике" и всякие вообще приработки», — писал он Горькому[118]. Горький был разочарован этим решением Зазубрина. «Очень жаль, Владимир Яковлевич, что Вы взялись за эту тему, не кончив "Горы"», — писал он в завершение резко отрицательного отзыва о пьесе «Человеческие обязанности», финального письма их обширной переписки[119]. Комендант дома на Малой Никитской И.М. Кошенков записывал в дни болезни Горького: «Алексей Максимович в Тесселли говорил о творчестве Зазубрина: "Горы будут, но книги не будет"»[120].

Много сил, времени и нервов в 1934–1936 гг. у Зазубрина отнимала работа в «Колхознике». Он вел основной, литературно-художественный отдел журнала, а по сути дела, отвечал за весь журнал, за его «лицо». Должность, с одной стороны, была почетная, востребовавшая пятилетний опыт работы Зазубрина в «Сибирских огнях», с другой она доставила ему множество хлопот и огорчений.

Сложности с выпуском журнала начались почти сразу, прежде всего технические и финансовые; 22 сентября 1934 г. Зазубрин писал Горькому: «... я слышу стоны Лифшица[121] то о бумаге (ее качестве), то о средствах для

расплаты с художниками <...> Урицкий[122] <...> сулил нам золотые горы, а в результате мы получили такую куцую смету, что едва сводим концы с концами»[123]. Впоследствии он писал, что типография «срывает работу», что у «Колхозника» «отняли хорошую бумагу и предлагают печатать его на дрянной»[124].

Зазубрин столкнулся с острым дефицитом хорошего литературного материала. Горький жестко подходил к отбору рукописей. «...Прошел слух, что Вы рассказы бьете, как горшки», — писал ему Зазубрин 25 октября 1934 г.[125] Известные писатели, по сути дела, бойкотировали журнал. Рассказывая о вечере, на котором обсуждались перспективы развития «Колхозника» в 1935 г., Зазубрин писал Горькому 19 ноября 1934 г., что «вечер сделали ученые», а со стороны писателей чувствовалось «прохладное отношение»[126]. 11 декабря, отвечая на упреки Горького по поводу первого номера журнала, Зазубрин так описывал ситуацию с беллетристикой: «Я хватаю за фалды всех знакомых и незнакомых мне писателей и можно сказать слезно прошу, и... никто ничего не дает. Известные писатели прямо говорят — "На кой черт мне Ваш «Колхозник», если у меня печатают в любом журнале все, что я ни дам, а у вас еще зарежут. Ни убытков, ни унижений я не люблю, поэтому увольте..."»[127]. 20 марта 1935 г. Зазубрин уже констатировал: «Можно считать установленным, что крупные писатели к нам не идут и не пойдут, несмотря даже на заключенные договоры и торжественные обещания»[128].

Зазубрин стремился усилить отдел поэзии, которого, судя по его письмам Горькому, сначала в журнале вообще не предполагалось[129]. Редактор литературного отдела пытался переубедить Горького и «заручиться» его «согласием на печатание стихов в "Колхознике"»: «...деревня просит песен и стихов»[130].

25 октября 1934 г. он выслал Горькому стихи современных поэтов П. Васильева, Д. Семеновского и Ф. Дудорова, особенно ратуя за Павла Васильева, которого, по воспоминаниям современников, любил, стихи его печатал еще в «Сибирских огнях», а талант ценил очень высоко[131]. «Павел Васильев — человек Вам известный, — писал он Горькому, — и Вы понимаете, конечно, что печатание его в нашем журнале может вызвать злобные попытки со стороны некоторых литературных группочек. Я лично пренебрегаю всем этим, поэтому и посылаю Вам Васильева. Может ли пренебречь этим журнал — не знаю. "Песня о гибели казачьего войска" была в "Новом мире" в 1932 году. Киршон и Безыменский опротестовали ее напечатание перед Л.М. Кагановичем. Каганович, как я слышал, не успел ничего сказать по этому поводу Гронскому, так как Гронский оказался очень проворным человеком и снял поэму заранее, на всякий случай, узнав о вышеописанном протесте. Я вычеркнул красным карандашом те места из поэмы, которые послужили материалом для обвинения в симпатиях автора к кулацкому укладу жизни — "В горнях полы крашены" и т.д.»[132].

Вероятно, это была попытка Зазубрина помочь П. Васильеву в трудной ситуации, в которой он оказался после статьи Горького «О литературных забавах», где «хулиганство» поэта Горький назвал «порчей литературных нравов» и поставил его в один ряд с «фашизмом»[133]. Горький отказался печатать П. Васильева в «Колхознике»: «Васильева — не надо», — ответил он Зазубрину[134].

В 1935 г. редактором отдела поэзии в «Колхознике», по рекомендации Зазубрина, стал поэт В.Ф. Наседкин[135].

Реакция Горького на выход первых книжек журнала расхолаживала: «Первая книжка — серовато вышла»; «Второй № значительно хуже первого»[136]. Между тем, в работе Зазубрина как редактора литературного отдела были и удачи. Несколько номеров журнала открывали рассказы Горького о старой дореволюционной деревне: «Бык», «Экзекуция», «Шорник и пожар», «Орел». В совокупности они уже начали складываться в тематический цикл, воспринимались как «части единого целого», о чем Зазубрин несколько раз писал Горькому[137].

Удалось привлечь к сотрудничеству в журнале М.М. Пришвина, в «Колхознике» печатался его «Календарь природы»[138]. В журнале были напечатаны рассказы молодого прозаика Л.В. Соловьева[139], в недалеком будущем — автора известной «Повести о Ходже Насреддине».

И если во всем этом безусловной была заслуга самого Горького, то писателя Б.В. Шергина открыл Зазубрин, что делает честь его литературному вкусу. Именно он в январе 1934 г. указал Горькому на талант Шергина и на его бедственное положение (см. п. 27 и примеч.). Горький оценил талант Шергина, одобрил печатание его рассказов в «Колхознике», оказал ему материальную помощь. Ряд произведений Шергина увидел свет на страницах журнала (см. п. 27, примеч. 2).

Тем не менее, отдельные яркие публикации не делали «лица» журнала. В.М. Проскуряков, приступивший к работе в «Колхознике» с осени 1935 г., характеризовал положение дел в журнале примерно так же, как ранее Зазубрин, отмечая те же болевые точки: «...большая часть внимания и сил уходит на полиграфию, типографии, борьбу за своевременный выпуск. <...> у "Колхозника" нет своих писательских кадров, нет людей, которые бы любили и понимали задачи журнала и боролись за них. Журнал <...> похож на другие журналы и не имеет своего лица»[140].

Трудно складывались отношения Зазубрина с супругами Крючковыми, особенно с Елизаветой Захаровной, секретарем журнала. И хотя в письмах Горькому Зазубрин отзывается о ней весьма лестно[141], сохранились свидетельства их непростых отношений. Сибирский писатель А.П. Шугаев, работавший в «Колхознике», вспоминал, что еще осенью 1934 г. (вероятно, в сентябре) во время поездки к Горькому в Горки по делам журнала, Е.З. Крючко-

ва поступила по отношению к Зазубрину крайне некрасиво, пытаясь выдать его работу с рукописями для «Колхозника» за свою: «Приготовленные и отданные Крючковой рукописи, вспомнил я, Владимир Яковлевич собирался сам передать Горькому. <...> Ее поступок возмутил и меня. И я <...> положил папку с рукописями на стол перед Зазубриным»[142].

Другой рассказ о крайне тяжелых для вспыльчивого Зазубрина отношениях с Крючковыми содержит письмо его жены В.П. Зазубриной-Теряевой следователю, написанное 7 июня 1937 г. в защиту мужа после его ареста: «История его личных отношений с Крючковым, это история вражды с обеих сторон и постоянного недоброжелательства со стороны Кр. с самых первых дней знакомства. Крючков, особенно в последние годы, всячески препятствовал посещениям В. Заз<убриным> Ал.М. Горького и в Горках и на Никитской, несмотря на приглашения Ал.М. бывать у него <...> В 1934 году В. Зазубр<ин> был приглашен Алекс. М. одним из организаторов журнала "Колхозник". Через некоторое время там стала работать и жена Крючкова Е<лизавета> Зах<аровна>. И вот с этого времени начинается особенное обострение отношений с обоими супругами. В. Заз<убрин> считал, что Ел.Зах. ничего не понимает в литературных делах, не разбирается в материале. При жизни Ал.М. она часто настаивала на посылке Ал.Мак. на просмотр заведомо негодных рукописей. После смерти Ал.М., почувствовав себя хозяйкой журнала, она браковала многое из того, что предлагал В. Заз<убрин>, отвергая всякие предложения по улучшению журнала <...> В феврале месяце этого года Крючковы повели кампанию за то, чтобы выгнать В.З. из журнала "Колхозник". Е.З. Крючкова говорила, что он никуда не годный работник и т.д. Примерно за неделю до ареста Крючкова, В. Зазуб<рину> было предложено уйти из журнала <...> После ареста Крючковых, В. Заз<убрин> получил приглашение С. Урицкого вернуться на работу»[143].

П.П. Крючков писал Горькому в декабре 1934 г.: «Трудновато с отделом Зазубрина в "Колхознике", тяжелый у него характер»[144]. Характер у Зазубрина действительно был непростой, что проявилось еще в бытность его редактором «Сибирских огней»[145]. Однако и Е.З. Крючкова, прозванная в доме Горького Це-Це — в полном соответствии со своим беспокойным нравом[146], полагаем, вносила свою лепту в создание тяжелой обстановки в редакции журнала.

Слова В.П. Зазубриной-Теряевой о том, что Крючков «препятствовал» встречам Зазубрина с Горьким, отчасти подтверждаются полушутливыми их письмами о науке «петрологии»[147]. С течением времени П.П. Крючков все в большей степени становился посредником в их общении. Встречи Зазубрина с Горьким были нечастыми. «...Рассчитывать на свидание с Вами я <...> могу только один раз в году, в силу Вашей занятости», — писал Зазубрин Горькому 20 марта 1935 г. Множество вопросов, касающихся ведения журнала, при-

ходилось решать путем переписки. В марте 1936 г. Зазубрин почувствовал, что лишается и этого способа отношений: «Судя по тому, что Вы не отвечаете мне на письма, я делаю заключение о Вашей занятости...»[148].

Не удивительно, что у Зазубрина неоднократно возникало желание уйти из «Колхозника». Принимая отказ многих писателей сотрудничать в «Колхознике» на свой счет, Зазубрин писал Горькому в марте 1935 г.: «Я никогда не ставил себя в центре мирозданья. Интересы дела для меня всегда выше личных выгод, поэтому прошу Вас подумать, не будет ли целесообразным мне из "Колхозника" уйти? Я решил поставить этот вопрос перед Вами после вчерашнего разговора с Урицким, свидания с которым, между прочим, я добивался пять дней. Подробно писать об этом скучно, но Вы сами понимаете, в чем дело. Кстати — Урицкий зарезал два рассказа у нас по мотивам, которые я бы выразил двумя словами — осторожная робость или робкая осторожность. Сознание собственного бессилия повергло меня в такую скуку, что я даже не стал с ним спорить»[149].

27 сентября 1935 г. тема ухода из журнала возникает в переписке с А.В. Бурдуковым: «...получил много неприятностей из-за Вашей статьи — чуть не ушел из "Колхозника"»[150]. 21 декабря 1935 г. Зазубрин сообщал Горькому о твердом намерении уйти из журнала в том случае, если написанная им пьеса будет поставлена и обеспечит его семье «прожиточный минимум»[151].

С весны 1935 г. Зазубрин был занят еще в одном масштабном проекте Горького — «История деревни», — в котором занимался составом книг художественной серии «Библиотека колхозника»[152]. Кроме того, Зазубрину было поручено составить своего рода выборку из книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», адаптированную для деревни (см. п. 34, примеч. 6). Он также взял на себя обязательство написать на основе архивных материалов книгу о Российско-Американской компании, историей которой Горького заинтересовал писатель С.Н. Марков (см. п. 34, примеч. 11).

Редактирование журнала, ведение ряда крупных проектов для «Библиотеки колхозника», работа над завершением романа «Горы» — все это само по себе было нелегкой ношей. В начале 1936 г. Зазубрин почувствовал своего рода отдаление, охлаждение Горького. Оно могло быть вызвано как предполагаемым уходом из журнала, так и отложенной работой над завершением романа.

В 1936 г. они, скорее всего, ни разу не виделись: Горький жил в Тессели, а по возвращении заболел и слег. Зазубрин не получил ответа на некоторые свои письма, а ответ Горького с резко негативной оценкой его пьесы не мог не задеть его. В письме Горького П.П. Крючкову, написанном весной 1936 г., прорываются ноты явного недовольства в адрес Зазубрина: «Что сделано Зазубриным с темой "Русск. Америк. компании"? Основные книжки "Б-ки колхозника" отчаянно запаздывают»[153].

Возможно, эта утрата расположения и поддержки Горького, бывшего почти восемь лет его единственной опорой, «скорой помощью» в самых отчаянных положениях, вызвала у Зазубрина ответное недовольство. Если это предположение верно, то оно может объяснить записи из дневника И.М. Кошенкова, сделанные в дни болезни Горького, незадолго до его смерти. Кошенков, постоянно дежуривший в доме на Малой Никитской, пишет о Зазубрине с явным недоверием и неприязнью. 9 июня 1936 г. Кошенков зафиксировал телефонный звонок Зазубрина: «– Очень огорчен, расстроен. Я был в редакции "Крестьянской газеты". Мне там сказали, что Алексей Максимович умер. <...> Я спросил: "А кто говорил?" Он положил трубку»[154].

Запись от 12 июня выражает отношение Кошенкова к Зазубрину еще более ярко: «Зазубрин сидит и рассказывает: какая-то группа одесских журналистов ждет исхода. Какого исхода он, как лиса, не договорил. Но он четко сказал, что встретил где-то Шухова, и Шухов ему сказал: "Формально, в литературе, Горький раньше умер". Чьи слова? Шухова или Зазубрина? Вот здесь вспоминается то, что сказал Алексей Максимович:

— Враги всю жизнь у меня были, а теперь в нашем доме бывают»[155].

Спустя некоторое время появляется еще один комментарий к этому эпизоду: «На столе телеграмма: "Москва. Горькому". Это сочувственная телеграмма Ивана Шухова. Для таких тяжелых дней много лишних слов. Вот кому теперь верить: Зазубрину, который говорил словами Шухова: "Формально Горький давно умер". А, может быть, это слова В.Я. З<азубрина>? В общем, у кого-то есть подлая двуличная низкая душа»[156].

Вряд ли такое мнение справедливо, но это свидетельство впечатления о Зазубрине, которое сложилось в ближайшем окружении Горького к 1936 г. Вероятно, гораздо ближе к истине была Л.Н. Сейфуллина, писавшая после ареста Зазубрина в июне 1937 г. начальнику ГУЛАГа М.Д. Берману: «Дорогой товарищ Берман <...> Я прошу Вас выяснить поскорей дело Зазубрина. Этого человека жалею я чистейшей, глубочайшей человеческой жалостью. Его замкнутый характер помешал ему приобрести друзей. Но я его друг. Я знала его, как брата, как друга, и моя мысль отказывается признать его врагом. Я уверена, что ни с кем, более чем со мной не бывал он откровенным, и я всегда, с чистой совестью, защищала его, когда говорили, что Зазубрин — подозрительный человек. <...> Талантливый одинокий писатель подлежит Вашему суду. Будьте к нему глубоко справедливы»[157].

Зазубрин был арестован через год после смерти Горького, разделил участь многих из его окружения. Писателю вновь было предъявлено обвинение в провокаторской деятельности. Под пытками он подтвердил, что был провокатором, он также подписал ряд обвинений, в том числе следующее: «Считая, что коллективизация ведет крестьянство к гибели, а непосильные темпы индустриализации надрывают народ, заставляют его голодать и тер-

петь всяческие лишения, мы поставили перед собой задачу всеми силами добиваться изменения политики партии. Мы решили прежде всего обработать в соответствующем духе А.М. Горького, вынудив его, чтобы он выступил против Генеральной линии партии. Для осуществления поставленной задачи группа наша решила использовать мою близость к А.М. Горькому <...> в этих целях были использованы продовольственные затруднения на Украине в 1933 году, материалы Правдухина по Оренбургской области в 1936 году, моя поездка в 1934 году, поездки Никитина и Чертовой по Нижней Волге и Наседкина по некоторым районам Московской обл. Я лично при встречах в беседах с Алексеем Максимовичем не жалел красок, чтобы дискредитировать политику партии»[158].

20 августа 1937 г. он написал заявление на имя главы НКВД Н.И. Ежова. Удивительный документ, подтверждающий, что в застенках писатель не утратил чувства собственного достоинства, веры в справедливость, способности заботиться о близких и даже чувства юмора: «Гражданин народный комиссар, по материалам следствия Вам известно, какие преступления я совершил <...> Генрих Гейне рассказал в одном из своих очерков о негритянском короле, который, позируя художнику, писавшему с него портрет, долго волновался и наконец смущенно попросил написать его *белым*. В своем заявлении я не хочу походить на того негритянского короля, однако беру на себя смелость утверждать, что я не столь уж черен, как это может показаться по протоколу допроса. Я писатель, книги которого получили хорошие отзывы В.И. Ленина и А.М. Горького, признаны массовым читателем. <...> Я работал десятилетие, с кропотливостью ученого собирая материал, и теперь подошел к тому периоду, когда надо писать книгу за книгой, по книге, по две в год. <...> Прошу Вас дать мне возможность доказать своей работой, своими книгами, что я еще могу быть здоровым членом советского общества. В заключение прошу Вас после моего осуждения не подвергать мою семью репрессиям. Прошу дать моему талантливому сыну закончить образование в Москве»[159].

В сентябре 1937 г. Зазубрина расстреляли. В. Шенталинский пишет: «Судьбу Зазубрина принесли Сталину в списке от 31 августа 37-го, за № 3 <...> Загадка, каких в нашей истории — тьма: Зазубрин <...> почему-то фигурирует в списке по второй, лагерной категории, хотя был расстрелян. Значит, кто-то подправил его участь или распорядился устно. Впрочем, известно: Сталин иногда менял категорию»[160].

Жена писателя была арестована и 8 лет провела в лагерях. Реабилитированы они с В.Я. Зазубриным были 4 августа 1956 г. Сына Зазубрина не арестовали, и ему даже удалось поступить в Московский университет. Игорь погиб под Сталинградом в 1942 г.

В *АГ* хранятся 42 письма и 1 телеграмма Горького Зазубрину и 75 писем и 1 телеграмма Зазубрина Горькому. Большая часть этой переписки была опубликована в 10 томе «Архива Горького» (кн. 2. М., 1965). Позднее она была перепечатана и дополнена рядом писем во втором томе «Литературного наследства Сибири», посвященном Зазубрину (Новосибирск, 1972).

В настоящую публикацию включено 28 не публиковавшихся ранее писем Зазубрина и 6 писем Горького, 3 из которых печатаются впервые, а 3 публиковались ранее с купюрами. Объем публикации не позволил включить в нее все письма Зазубрина Горькому, печатавшиеся ранее с купюрами. Наиболее ценные, содержательные и информативные из этих купюр приведены в настоящей вступительной статье и примечаниях. Курсивом выделены подчеркнутые авторами писем слова и словосочетания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 300, 286.

[2] Подробнее об этом см.: *Федоров Г.* Новое об авторе первого советского романа // Сибирские огни. 1975. № 6. С. 169–174; *Белоконь А.* «В темноте не страх — отчаяние...»: (Уголовное дело В. Зазубрина: исследование после расследования) // Волга. 1993. № 2. С. 158–168.

[3] Тасеевская партизанская республика существовала в тылу Белой армии с декабря 1918 г. В ее состав входило 11 северных волостей Канского уезда с населением 85 тыс. человек с центром в селе Тасеево. Партизанская армия в 1918–1920 гг. вела военные действия против А.В. Колчака, чем существенно ослабила Белую армию.

[4] Город, административный центр Канского уезда Енисейской губернии (ныне — Канского района Красноярского края).

[5] См.: *Бернштейн А.* Время и дела Александра Курса // Киноведческие записки. 2001. № 53. С. 260–289. В 1926 г. в Москве под совместной редакцией С. Сырцова и А. Курса вышел сборник «Советское кино на подъеме».

[6] *АГ.* КГ-нп/а-13-21-4.

[7] См., например: *Итин В.* Критика критики // На ленинском пути. 1928. № 10. 31 мая. С. 44–52.

[8] Р. Роллан сделал это по просьбе Горького. См. письмо Горького Роллану от 23 марта 1928 г. и ответ Роллана Горькому от 5 апреля 1928 г. (*Архив Г. 15.* С. 156–158, 421).

[9] *Анов Н.* Воспоминания о Зазубрине // Сибирские огни. 1982. № 3. С. 156–161; *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 350.

[10] *Анисимов Л.* Вопросы художественного творчества // Сибирские огни. 1928. № 1. С. 177–178.

[11] *Горький М.* О себе: (Письмо Л. Анисимову) // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 187–188.

[12] *Резников Б.* Об одной философской статье // На ленинском пути: Политико-экономический двухнедельник Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1928. № 9 (15 мая). С. 57–62.

[13] *Воронская Г.А.* В стране воспоминаний. М., 2007. С. 216.

[14] *АГ.* КГ-нп/а-13-21-4.

[15] На ленинском пути. 1928. № 10. 31 мая. С. 44–52.

[16] Цит. по: *Трушкин В.П.* Из пламени и света... Иркутск, 1976. С. 250–251. См. также: *Яранцев.* С. 745. В поздних воспоминаниях Н.В. Чертовой этот эпизод приобретает такой вид: «Летом 1930 года Владимир Яковлевич оказался в одной из лож зала заседаний XVI съезда ВКП(б). Похоже, приглашение ему устроил Сырцов, занимавший высокую должность председателя Совнаркома РСФСР, являвшийся также перспективным кандидатом в члены Политбюро. Сам Сырцов сидел в президиуме рядом со Сталиным. И вдруг генсек увидел в ложе Зазубрина. Или ему доложила о нем охрана. "Зачем ты приволок сюда этого провокатора?" — недовольно бросил он Сырцову. Конечно, Зазубрина немедленно из зала выдворили» (*Поварцов С.* Вспоминая Сибирь // Складчина. Омск, 2009. № 2 (31). С. 269). Разумеется, в интервью Н. Чертовой С. Поварцову много ошибок памяти. Речь идет, конечно, не о 1930 г. и не о XVI съезде. После того, что произошло в Новосибирске в 1928 г., ни на какой съезд Сырцов Зазубрина устраивать бы не стал.

[17] *Зазубрин В.Я.* Заметки о ремесле // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 246.

[18] Подробнее об этом см.: *Кислицын С.А.* Дело Сырцова: Государство и личность в большевистской России. Ростов-на-Дону, 1997. С. 141–148.

[19] *Зазубрин В.Я.* Два мира. Горы: Романы. Иркутск, 1980. С. 345.

[20] Там же. Отрывок с монологом Андрона Морева впервые был напечатан в горьковском альманахе «Год XVI» в 1933 г., спустя три года после краха политической карьеры Сырцова.

[21] *АГ.* КГ-п-69-5-1.

[22] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 361.

[23] См.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 244–245.

[24] *АГ.* ФМП-3-12-1; 3-13-1

[25] *АГ.* ФМП-4–17–124. См. п. 4, примеч. 4.

[26] См.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 34–36.

[27] Там же. С. 265.

[28] Цит по: *Яранцев.* С. 497–498.

[29] См.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 266.

[30] См. п. 3.

[31] Цит. по: *Яранцев.* С. 498. Имеется в виду письмо, написанное около 12 октября 1928 г., перед самым отъездом в Италию. См.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 266. См. также п. 4, примеч. 1.

[32] *Яранцев.* С. 498.

[33] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 362.

[34] Там же. С. 367.

[35] *АГ.* КГ-п-85-7-5.

[36] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 369.

[37] *Г-30.* Т. 25. С. 42.

[38] Подробнее об этом см.: Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Т. 2: Советский период. Новосибирск, 1982. С. 110–119; *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители. М., 1970; *Примочкина Н.Н.* Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов. 2-е изд., доп. М., 1998. С. 117–120; Из истории создания статьи М. Горького «О трате энергии» / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Н.Н. Примочкиной // *Публицистика Горького.* С. 464–482.

[39] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 364–365. *АГ.* КГ-п-28-27-17. Купюра восстанавливается по автографу.

[40] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 272. Горький обещал написать А.Н. Тихонову в «Федерацию» и А.Б. Халатову по поводу издания «Двух миров» в «Дешевой библиотеке» ГИЗа (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 365).

[41] Письмо от 23 мая 1930 г. *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 365.

[42] Письмо от 17 июня 1930 г. *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 272–273.

[43] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 367. *АГ.* КГ-п-28-27-19. Купюра восстанавливается по автографу.

[44] Подробнее об этом см.: *Старков Б.А.* «Право-левые фракционеры» // Они не молчали. М., 1991; *Кислицын С.А.* Вариант Сырцова (из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 20–30-е гг.). Ростов-на-Дону, 1992; *Кислицын С.А.* Дело Сырцова: Государство и личность в большевистской России. Ростов-на-Дону, 1997.

[45] См.: *Кислицын С.А.* Дело Сырцова: Государство и личность в большевистской России. Ростов-на-Дону, 1997. С. 214–251; *Хлевнюк О.В.* Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938 гг.: В 3 т. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2007. С. 206–213.

[46] «Жму Вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / Публ., подгот. текста, вступл. и коммент. Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. 1997. № 9. С. 179.

[47] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 389.

[48] Имеется в виду фраза из записей главного героя романа: «Он увидел вселенную как единый хорошо работающий огромный организм. Человек показался ему обидно ничтожным. Безуглый написал в тезисах к докладу: "Сволочь природа". В двух словах он соединил и гнев и восхищение» (*Зазубрин В.Я.* Два мира. Горы: Романы. Иркутск, 1980. С. 386).

[49] *Воронский А.К.* Встречи и беседы с Максимом Горьким // Новый мир. 1966. № 6. С. 222.

[50] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 370.

[51] Там же. С. 367.

[52] Из письма Е.Н. Орловой от 28 августа 1931 г. (*ЛН Сибири. Т. 2.* С. 389).

[53] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 367. Ср. в письме Горькому от 5 мая 1930 г.: «Вещь у меня новая, совершенно бодрая (не казенная), облитая солнцем и с положительным героем» (Там же. С. 365).

[54] Подробнее об этом см.: *Суматохина Л.В.* Концепция личности Горького и роман В.Я. Зазубрина «Горы» // М. Горький и культура: Горьковские чтения 2010 г. Материалы XXXIV Межд. науч. конф. Н. Новгород, 2012. С. 75–84.

[55] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 371–372.

[56] Там же. С. 371.

[57] Выражение В.Я. Зазубрина из письма П.П. Крючкову от 26 января 1934 г. (*АГ.* КК-рл-6-11-9).

[58] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 389.

[59] См. Там же. С. 281, 284.

[60] *АГ.* ПГ-рл-21а-1-521. См. также *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 420.

[61] «Жму Вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / Публ., подгот. текста, коммент Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. 1998. № 9. С. 157.

[62] *АГ.* КГ-п-28-27-80. См. п. 18, примеч. 4.

[63] *Зелинский К.* Вечер у Горького (26 октября 1932 года) // *Минувшее. Кн. 10.* М.; СПб., 1992. С. 97. См. также п. 16, примеч. 7. «Мы организовываем вас не для того, чтобы вами командовать»: Встреча Сталина с советскими писателями в 1933 г. / Публ. Л.А. Спиридоновой // Источник. 2003. № 5. С. 59.

[64] Федоров Лев Николаевич (1891–1952), физиолог, в 1932–1938, 1945–1948 директор ВИЭМ.

[65] Бушмакин Николай Дмитриевич (1875–1936), анатом, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор медицинских наук, профессор, в 1920–1929 гг. — ректор Иркутского университета, затем первый директор Хабаровского медицинского института. В ВИЭМ был заместителем директора по науке.

[66] Календаров Григорий Семенович. Как пишут современные исследователи истории медицины, Календаров был типичным авантюристом. Он был связан с НКВД — и лично с Ягодой, занимался «секретными разработками», пообещав Сталину использовать ультракороткие волны в новом мощном оружии, которое «закроет на замок» государственную границу. «Для него вблизи Шлиссельбурга на средства НКВД была построена специальная лаборатория. Календаров обещал, что создаст мощное заградительное оружие, которое "будет снимать самолеты, как галок, остановит танки и машины, а кавалеристы при попытке обнажить клинки повалятся с лошадей, как снопы". Однако когда К.Е. Ворошилов захотел выяснить, как продолжаются работы по "закрытию границ", представителя РККА в лабораторию не допустили» (*Грекова Т.И., Голиков Ю.П.* Медицинский Петербург. СПб., 2001. С. 179, 181). См. также: *Грекова Т.И.* Лжеученый из НКВД // Секретные материалы XX века. 2000. № 5 (24); *Грекова Т.И.* Авантюрист Календаров // Чудеса и приключения. 2000. № 11. С. 44–46.

[67] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 375; *АГ.* КГ-п-28-27-35. Купюра восстанавливается по автографу.

[68] См.: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 374–376 и письма 20–22 в наст. публикации.

[69] См.: Там же. С. 375–376.

[70] Там же. С. 380. См. также п. 26.

[71] Напечатан не полностью: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 146–156.

[72] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 383.

[73] См. письмо Горького с оценкой пьесы там же. С. 425–427.

[74] Там же. С. 381.

[75] Новый мир. 1933. № 6–12.

[76] См.: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 378–379.

[77] *АГ.* ПГ-рл-21а-1-440.

[78] См.: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 384.

[79] См.: Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Т. 2. Советский период. Новосибирск, 1982. С. 188. Копия письма Горького Р.И. Эйхе хранится в *АГ* (ПГ-рл-56-7-1).

[80] *Яранцев.* С. 562.

[81] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 299–300.

[82] Там же. С. 300.

[83] *В.В.* «Горы». На обсуждении романа В. Зазубрина в Оргкомитете // Лит. газета. 1934. № 57. 8 мая. С. 4.

[84] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 300.

[85] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 385–386.

[86] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 433–434.

[87] Там же. С. 375.

[88] *АГ.* ПГ-КОУ-63-10-6.

[89] См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 463.

[90] *АГ.* РдГ-4-1-48. В этом списке Горький отметил галочками фамилии Ф. Панферова и А.А. Фадеева.

[91] Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 330.

[92] Там же. С. 332.

[93] «Прошу присоединить мой протест к выраженному Вами протесту против выступления Ф. Березовского на собрании партгруппы пленума Союза», — писал В. Итин (*АГ.* КГ-п-32-9-9).

[94] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 304; *АГ.* КГ-п-28-27-54. Купюра восстанавливается по автографу.

[95] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 388.

[96] В публикации письма (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 389–390) фрагмент купирован. Купюра восстанавливается по автографу (*АГ.* КГ-п-28-27-55).

[97] Невестка Горького, Надежда Александровна Пешкова.

[98] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 390.

[99] *АГ*. РАв-пГ-49-21-1.

[100] *Штейнман Зел.* Тарзан на хлебозаготовках // Литер. Ленинград. 1934. № 48. 20 сент.

[101] *Г-30*. Т. 26. С. 266–267.

[102] Там же. С. 268.

[103] Правда. 1935. № 27. 28 янв. С. 4. Вырезка с пометами Горького хранится в *АГ* (ГЖВ-8-1-4). Курсивом выделена фраза, которую Горький подчеркнул красным карандашом. В письме Б.М. Волину от 25 февраля 1933 г. Горький просил «оставить <...> сцену с головой бандита как чрезвычайно ценную эпическую деталь» (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 379).

[104] *ЛН Сибири. Т. 2*. С. 376.

[105] См.: Незавершенная дискуссия: О неизвестном Открытом письме А.М. Горького к Ф.И. Панферову / Вступ. статья, подгот. текста и комм. В. Барахова // Литер. Россия. 1992. № 14. 3 апр. С. 8–9.

[106] *АГ*. ЛСГ-9-13-2.

[107] Вероятно, мнение И.В. Сталина.

[108] Незавершенная дискуссия... // Литер. Россия. 1992. № 14. 3 апр. С. 9.

[109] В 1933 г., в процессе подготовки альманаха «Год XVI», Горький советовал Зазубрину заменить или дополнить диалог Морева и Безуглого рассказом Игонина, поскольку «весь материал альманаха требует дополнения "положительным" образом, т.е. характером»; в другом письме он делился впечатлениями о главах романа, подготовленных для публикации в «Новом мире»: «Кусок — интересный, особенно — рассказ Игонина об Америке» (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 378, 381).

[110] *АГ*. ЛСГ-9-13-2.

[111] *ЛН Сибири. Т. 2*. С. 299.

[112] Как и Панферов, З. Штейнман попытался через год взять реванш, в разгар кампании по борьбе с формализмом и натурализмом указав на романы Зазубрина «Горы» и В.Я. Шишкова «Угрюм-река» как на вопиющие примеры натурализма в советской литературе. О герое «Гор», не называя Горького, но явно отвечая ему, Штейнман писал: «Можно быть какого угодно мнения о "коммунисте" Безуглом и, пользуясь всеми возможными резонами, доказывать, что горный пейзаж и фольклор оказывали свое непреодолимое влияние на воображение "жителя равнинных племен". Но нельзя доказать **главного**: того, что этот пещерный самец, следящий за самкой, — большевик, посланный на хлебозаготовки! <...> Роман Зазубрина — в своем роде классический пример физиологического натурализма в нашей литературе. И если даже такие элементы натурализма, как некоторые сцены в "Леди Макбет", подвергнуты были жестокой критике на страницах "Правды", блестяще доказавшей, что по характеру своему они не имеют ничего общего с основными тенденциями советского искусства, — то как следует расценить уже не сцены, а законченные **принципиальные** произведения типа зазубринских "Гор"?» (*Штейнман Зел.* Против натурализма: К литературной дискуссии // Вечерняя красная газета. 1936. № 72. 28 марта. С. 2).

[113] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 380.

[114] «Первая книга, в сущности, — только завязка будущего романа, завязка, неправомерно разросшаяся до целой книги <...> Перед нами необработанный черновик начала будущего романа» (*Гущо В.* Заявка на большую тему // Художественная литература. 1935. № 1. С. 18); «"Горы" — только первая половина романа. В проспекте журнала "Новый мир" на 1935 г. обещано скорое появление второй книги. Поэтому с окончательными оценками романа лучше всего подождать» (*Острогорский Н.* Неисчерпанные возможности: О романе В. Зазубрина «Горы» // Сибирские огни. 1935. № 2. Март-апр. С. 187).

[115] *АГ.* КК-рл-6-11-9.

[116] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 374, 377, 378, 380.

[117] Там же. С. 380.

[118] Там же. С. 348.

[119] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 427.

[120] *Вокруг смерти Горького.* С. 138.

[121] Художественный редактор «Колхозника».

[122] Главный редактор «Крестьянской газеты» и ответственный редактор журнала «Колхозник».

[123] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 389–390.

[124] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 326; *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 415–416.

[125] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 392.

[126] Там же. С. 400.

[127] Там же. С. 408.

[128] Там же. С. 413.

[129] Там же. С. 389, 393.

[130] Там же. С. 389.

[131] См.: *Смирнов Н.* Владимир Зазубрин // *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 432; *Анов Н.* Воспоминания о Зазубрине // Сибирские огни. 1982. № 3. С. 160.

[132] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 393; *АГ.* КГ-п-28-27-57. Купюра восстанавливается по *АМ.*

[133] *Г-30.* Т. 27. С. 250. Впервые первая часть статьи Горького напечатана в ряде печатных изданий, в том числе «Правде» и «Известиях» 14 июня 1934 г. Подробнее об отношениях М. Горького с П. Васильевым см.: *Примочкина Н.Н.* Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов. 2-е изд., доп. М., 1998. С. 62–69.

[134] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 395.

[135] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 385.

[136] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 391, 407.

[137] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 343, 351.

[138] *Пришвин М.М.* Барсук. Белки. Птичий сон // Колхозник. 1935. № 4.

[139] *Соловьев Л.В.* Новый дом // Колхозник. 1936. № 4. С. 60–94; *Он же.* Цепи // Колхозник. 1936. № 8–9. С. 127–146; *Он же.* Девяносто шестая женщина // Колхозник. 1936. № 12. С. 32–44. Машинописи двух последних рассказов с пометами Горького хранятся в *АГ* (РАв-пГ-41-4-1,4).

[140] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 435.

[141] См.: Там же. С. 400; *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 327. «Заключительная часть вечера, организованная Елизаветой Захаровной, была удивительно хороша», — писал он Горькому 19 ноября 1934 г. (*АГ.* КГ-п-28–27–58).

[142] *Шугаев А.П.* Наш главный шеф // *АГ.* МоГ-13-55-1. Л. 12.

[143] *АГ.* ФЕП-кр-28-44-1.

[144] *АГ.* КГ-п-41а–1–153.

[145] Подробнее об этом см.: *Яранцев.* С. 369, 396; *Чертова Н.* Незабываемая школа // *Горький и Сибирь.* С. 426–427.

[146] См. о ней дневниковые записи И.М. Кошенкова (Наст. изд. С. 37–39).

[147] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 328–329; *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 410.

[148] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 352.

[149] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 413; *АГ.* КГ-п-28-27-66. Купюра восстанавливается по *АМ.*

[150] *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 379. Статья А.В. Бурдукова «Монгольская народная республика» (Колхозник. 1936. № 7). Неприятности, вероятно, цензурного характера (см. письмо Зазубрина А.В. Бурдукову от 2 апреля 1935 г. — *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 376–377).

[151] Там же. С. 348.

[152] См. приложения к переписке Горького с Зазубриным (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 427–433).

[153] *АГ.* ПГ-рл-21а-1-474.

[154] *Вокруг смерти Горького.* С. 131.

[155] Там же. С. 137–138.

[156] Там же. С. 142.

[157] *АГ.* ФЕП-кр-28-44-1. В. Шенталинский пишет, что Зазубрина «привезли на Лубянку» 28 июня 1937 г. (*Шенталинский В.А.* Преступление без наказания: Документальные повести. М., 2007. С. 535). Однако письма в НКВД в защиту Зазубрина Л.Н. Сейфуллиной и В.П. Зазубриной-Теряевой, переданные в *АГ*, датированы соответственно 6 и 7 июня 1937 г. Возможно, в документах следствия, на которые опирается исследователь, по какой-то причине была указана более поздняя, по сравнению с фактической, дата.

[158] *Волгин В.* Документы рассказывают... (Из «литературных» архивов КГБ) // Вопр. лит. 1992. Вып. 1. С. 266.

[159] Там же. С. 262–263.

[160] *Шенталинский В.А.* Преступление без наказания: Документальные повести. М., 2007. С. 538–539.

1. ГОРЬКИЙ — В.Я. ЗАЗУБРИНУ
20 сентября 1928, Москва

В.Я. –

посылаю несколько строк предисловия к «Двум мирам»[1]. Извините за краткость, очень занят «делами», чорт бы их побрал, ибо они — «словотечения», а не дела.

Вас возмущает глупейший выпад Асеева и то что «Известия» напечатали его[2]? Что ж, это естественно, я ведь все-таки «чужой». Но вам, молодым, обязательно следует бороться против повторения вот таких фактов социальной и литературной малограмотности, какова книга Асеева и другие — в этом роде — книги, ибо они порочат в глазах буржуазии и литературу нашу, и рост нашей социальной культуры.

Всего доброго!

А. Пешков

А стенограмму обязательно приложите[3]. Она — прекрасное явление. И Вы можете гордиться ею.

А.П.

2. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
26 сентября 1928, Москва

Москва $19^{26}/_{IX}28$

Дорогой Алексей Максимович, огромное спасибо Вам за предисловие[1].

Шлю письмо одного честного сибирского писателя А.Коптелова[2]. Он не «размагниченный» интеллигент. Он пришел к столу писателя через землю, политую собственным потом и кровью. Вот Вам деревня, «как она есть». Конечно, м.б. это в Сибири только так. Но ведь Сибирь-то житница.

Облигации, о которых говорит автор письма — облигации займа восстановления крестьянского хозяйства. Крестьянин никак не мог понять, что облигация, ради приобретения которой он продает последнюю лошадь или корову — восстанавливает его хозяйство.

Жму руку.

В. Зазубрин

3. ГОРЬКИЙ — В.Я. ЗАЗУБРИНУ
После 26 сентября 1928, Москва

Владимир Яковлевич —

что Вы намерены делать с этим письмом? Может быть, мне следует двинуть его в «сферы»?

Сообщите!

А. Пешков

4. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
10 октября 1928, Москва

Москва $19^{10}/_{X}28$

Дорогой Алексей Максимович, через несколько часов Халатов, видимо, покажет мне, где в Гизе находится выходная дверь[1]...

Пишу я Вам об этом не потому, что хочу просить у Вас помощи. Нет. Я знаю, что Вы уже «смущены». Вы с опаской поглядываете на свои руки. Ведь Вы здоровались с таким «грязным» человеком, как я.

Мой жизненный путь — путь чудовищных провалов и подъемов. Я принадлежу к числу тех людей, которым не очень везет в жизни на хорошие встречи. Теплоту дружеской, товарищеской руки я почти не знаю. И вот в 1928 году, когда жизнь в n+1-й раз начинала сбрасывать меня в яму отверженных и лишних людей[2], я почувствовал вдруг, что какие-то крепкие дружеские руки поддерживают меня. *Я никого ни о чем не просил.* Сейфуллина по *своей* инициативе обратилась к Вам и к Бухарину[3]. Вы и Н.Ив. *совершенно само*стоятельно решили, что мне надо помочь. Когда мы встретились с Вами в первый раз[4], я сказал Вам, что у меня дело в ЦКК и Вы тогда же предложили: «Не написать ли Сольцу[5]?» Я отказался, т.к. считал, что здесь удар должен быть принят целиком только мною без чьей бы то ни было поддержки.

Но факт остается фактом — Вы рекомендовали меня Халатову, Вы предлагали свое содействие в ЦКК. Почему Вы это делали? Надеюсь, не потому, что Вас просила об этом Сейфуллина? Конечно, нет.

Вы делали это, зная, что я пять лет редактирую «Сиб<ирские> Огни», зная, что через мои руки прошли десятки начинающих писателей и поэтов (многие из них теперь широко известны — Караваева, Уткин, Скуратов[6] и др.). Вы рекомендовали меня, зная мою редакторскую работу, работу «пестуна» молодой советской «сибирской» литературы. Наконец, Вы знали, что мою книгу хвалил Вл. Ильич[7]. Обо всем этом Вы мне писали[8]. И все это вместе взятое давало мне моральное право воспользоваться Вашей поддержкой. Вы меня под-

держали, а я считал, что работой всей своей недолгой, но кошмарной жизни, я заслужил, наконец, право на эту поддержку.

Теперь в это дело вмешался чиновник и враг мой. Его слова отравили Ваше сознание и Вы настороженно нахмурились и отвернулись от меня. Помните, я как-то говорил Вам — а хватит ли у Халатова мужества отвергнуть все то, что наговорит ему обо мне Сырцов[9]? Вы сказали — думаю, что хватит. Мои опасения оправдались — не хватило у него, ушли и Вы.

Для Халатова Сырцов — Сергей, друг, товарищ. Я для Халатова — terra incognita. Мне же Сырцов враг. За что он меня возненавидел, я толком не знаю. Ведь еще на XV-й партсъезд он меня дружески устраивал[10]. Может быть, здесь все дело в том, что бюрократическая честь его, ответственного секретаря Сибкрайкома, оскорблена моим «высоким» назначением. Ведь он-то меня «изничтожил» за правый уклон, а тут назначили, следовательно, «реабилитировали». Может быть. Ну, это скучно и не нужно Вам.

Мне хочется Вам сказать только одно — Вы рекомендовали не проходимца, не случайного в литературе человека, Вы рекомендовали редактора «С<ибирских> о<гней>», редактора, у которого есть общественное лицо, есть маленькое, но честное имя.

Я бы не стал писать Вам так, если бы вчера, неожиданно, не узнал, что мое назначение встречено с удовлетворением в кругах таких попутчиков, как Всев. Иванов, в Перевале и той части ВАППа, которую возглавляет Фадеев, под моим назначением охотно подпишутся такие редактора, как Воронский. Вот, когда я это узнал, то мне стало как-то легче и я решил написать Вам.

Я пишу Вам, потому что бесконечно благодарен за все сделанное для меня, пишу потому, что хочу хоть немного ослабить то неприятное впечатление, которое осталось у Вас после беседы с Халатовым.

Да, есть еще вопрос о моем прошлом. Мое прошлое дважды было предметом судебного разбирательства. Дважды мне был вынесен оправдательный приговор. В третий раз это дело поднял я сам (В ЦКК есть на этот счет мое заявление). Поднял, т.к. узнал, что есть товарищ, который сомневается в моей революционной чистоплотности.

Согласитесь сами, что двойной оправдательный приговор и оставление в рядах ВКП дало мне право переступить порог Вашего дома и подать Вам руку.

Не смотрите же на свои руки. Я их не запачкал.

Примите мой привет.

В. Зазубрин

P.S. Написал это письмо, т.к. мне тяжело, что человек, сделавший для меня так много, недовольно нахмурился, что я невольно был причиной этой нахмуренности.

В.З.

5. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
17 декабря 1928, Москва

Москва $19^{17}/_{XII}28$

Дорогой Алексей Максимович, перед отъездом Вы меня отругали, говорили, что я несу чепуху, сообщая Вам о своем увольнении из Гиза[1]. Но увы, я был прав. Через несколько дней после Вашего отъезда Халатов вызвал меня с твердым намерением выгнать. Он мне сказал, что АПО ЦК[2] против меня, потому он не может меня держать. Я добился разговора в ЦК с нужными людьми, меня поддержал ряд литорганизаций и с громадными усилиями я удержался в Гизе. Три месяца я работал, как вол. Свернул гору работы. Исключительно своей работой добился общего расположения и признания. Все атаки литврагов были отбиты.

Вернулся из отпуска Ярославский, разговаривал с Халатовым, сказал ему, что дело у меня пустяковое, что я могу оставаться на работе[3]. И вдруг в ЦКК меня исключили[4]. Голоса раскололись. Мне нанесен страшный удар. Исключили меня, правда, с мягкой формулировкой. Но я оказался вне рядов партии, которой отдал 15 лет жизни. «Как не жил на свете»[5]... С работы меня сняли, хотя постановлением ЦКК я не опорочен как гражданин СССР. Теперь другую неделю хожу в Гиз выпрашивать себе выходное пособие, которое мне причитается и которое мне не выдают, несмотря на распоряжение Халатова[6]. Все надежды сейчас возлагаю на переиздание «Дв. миров». Книгу я по Вашим указаниям подчистил[7]. Если «Два мира» пойдут — я спасен, я год могу жить смело и писать, писать вовсю. Но Халатов занимает по этому поводу нейтральную позицию, несмотря на разговор с Вами. Завлитхудом[8] ничего определенного не говорит и я знаю, это дело долгое, если не совсем безнадежное. Нелепость какая-то — книга с Вашим предисловием, с отзывом Ленина, с массой отзывов крестьян и библиотек рабочих районов. Книга, которая нужна, и ее держат.

Конечно, моя книга не идеал, но ведь вот издают же 7-м изданием «Колчаковщину» — Павла Дорохова[9]. Его книга гораздо слабее моей.

Короче говоря, если «Два мира» Гиз не переиздаст — я нищий. У меня совсем нет средств. Жена не член профсоюза. Буду пытаться устраивать ее на службу в Сибири. М.б., что-нибудь выйдет. Пока

же я продал свою шубу. Продал еще ружье, фотоаппарат. Как-нибудь буду биться.

Никак не могу освоиться с мыслью, что я беспартийный, что я «свободен» от партобязанностей, от службы, от жалования и т.д.

Исключили меня с такой формулировкой: «За скрытие неэтических поступков, компрометирующих как члена революционной организации в прошлом». О своих «неэтичных» поступках я забыл, т.к. совершил их в 19 лет, к тому же не считал их тогда неэтичными. Но забывать имеют право все, кроме подсудимого, подсудимый не забывает, а «скрывает».

Передо мной новые трудности, но внутренне я чувствую себя крепко, т.к. я ничего не делал плохого и виновным себя не считаю. Я возьму реванш за это исключение новыми своими романами[10]. Материала у меня бездна.

На днях уеду в свой Новосибирск[11]. Я знаю, что Вы часто пишете в Гиз, А.М., не найдете ли возможным черкнуть Халатову о «Дв. мирах»[12].

Слышал от П.П., что Вы работаете и чувствуете себя прекрасно.

Всего доброго.

В. Зазубрин

(Новосибирск Журинская ул. д. № 33).

6. ГОРЬКИЙ — В.Я. ЗАЗУБРИНУ

3 января 1929, Сорренто

Крайне огорчен случаем с Вами, дорогой В.Я., и, разумеется, приму все меры к «ликвидации» оного случая.

Огорчен тем более, что у меня были — и, конечно, остались — некоторые своекорыстные расчеты на Вас, — хотелось приснастить Вас к «Нашим достиж<ениям>», а затем, с Вашей помощью, организовать еще и литературный журнал. Ну, ладно: «Отложенное — не потеряно», а я — упрям, чего и Вам желаю от всей души. Буде Вам понадобятся деньги, — сообщите об этом Крючкову[1], это — скорее, чем писать сюда.

Теперь: не дадите ли Вы для «Наших достиж<ений>» статью о Сибири[2]? Разумеется — это «пространство огромное», но Вы возьмите область, округ или район, наиболее знакомый Вам, и расскажите: какие явления положительного характера бесспорны? Интересно и полезно будет, если Вы возьмете себе тему — инородцы, машинизация сельского хозяйства, рост коллективных предприятий и т.д. — каждую отдельно, но еще лучше, если — все вместе. Журнал, как Вам известно, рассчитан на внимание и понимание массового читателя.

С Новым годом! И — «не падайте духом»!
Крепко жму руку.

А. Пешков

3.I.29.

7. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
18 февраля 1929, Новосибирск

Новосибирск

18 февраля 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович, вернулся я в Новосибирск, прочел Ваше дружеское письмо и горько улыбнулся. Вы хотели мне помочь, Вы предлагали мне написать статью в «Н<аши> Д<остижения>». Конечно, я бы мог дать и не одну статью, но Петр Петрович даже не удостоил меня ответом, т.к. он отлично знает, что Артемий Боградович[1] против моего сотрудничества в каком-либо органе Гиза. Арт. Боградович для соблюдения, т<ак> с<казать>, decorum'a находит, что в моей литературной деятельности должна быть некоторая пауза. Временно надо, мол, воздержаться от печатания его (моих) книг. Я никак не могу этого понять. Действительно, меня обвиняли в очень тяжких преступлениях, но эти обвинения отпали, и ЦКК не ошельмовала меня как гражданина СССР. В чем же дело? Почему, зачем, для чего меня бойкотировать как литератора?

Но факт остается фактом. Меня бойкотируют. Издательство же, взявшее мою книгу[2], так бедно, что не может даже регулярно выплачивать мне сто рублей по договору. Поэтому я живу сейчас «внутренними займами» — продаю свою библиотеку и «лишние» домашние вещи. Материальная необеспеченность чепуха. Я смотрю на это очень легко. Но вот нежелание печатать меня — дело более серьезное.

Вы пишете, что примете меры к ликвидации «случая со мной». По линии ЦКК этого Вам сделать не удастся, т.к. решение там принято окончательное. Наконец, это прямо кошмар какой-то — ведь меня исключили *в четвертый* раз за одно и то же дело. Я в партии проработал 16 лет, т<аким> обр<азом>, через каждые четыре года меня «проветривают».

Но я еще не сломлен, я хочу бороться за свою реабилитацию с пером в руке. Я докажу своими литературными работами, кто я и с кем я.

Вот о чем я буду просить Вас, Ал. М., так это о содействии при продвижении книг моих, моих рассказов, очерков. Сейчас я пишу алтайскую повесть[3]. На гонорар, если ее примут, я думаю переехать

в Ленинград. (Перееду туда осенью)[4]. В Сибири мне делать нечего — здесь на меня смотрят, как на зачумленного, здесь меня схоронили еще до отъезда в Москву. В Ленинграде проще с квартирой, и дешевле, и от Москвы недалеко.

Если Вы разрешите, то летом я пришлю Вам эту повесть и если она понравится Вам, то попрошу Вас устроить ее. Сам я прямо боюсь идти в журналы. Ведь они все гизовские.

Еще раз спасибо за внимание, за дружеское письмо, ласковое рукопожатие. Ваше письмо — огромная поддержка. Приму все меры к тому, чтобы оправдать Ваше доверие.

Жму руку.

В.Зазубрин.

8. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

12 июня 1929, Новосибирск

Новосибирск.

Дорогой Алексей Максимович, сегодня с оказией мне сообщили, что Вы спрашивали Сергея Маркова[1], где я и почему Ваши письма ко мне вернулись в Сорренто[2]. Меня очень обрадовало то обстоятельство, что Вы мне писали, что Вы вообще меня не забыли, но я был огорчен непонятным возвращением писем. Мой адрес: Новосибирск, Журинская, 33. По этому адресу я получил от Вас одно-единственное письмо и немедленно на него ответил[3].

Писать же Вам сейчас я вообще считаю неудобным, т.к. после того, как меня лишили возможности быть редактором, наша переписка неизбежно свелась бы к обсуждению личных моих дел. Загружать Вас просьбами и рассуждениями о личных злоключениях, конечно, нелепо. Ваше внимание и время должны быть использованы более целесообразно.

Я сейчас с головой ушел в литературу. Пишу повесть, построенную на хлебозаготовках, медведях и Алтае. Готовлю параллельно роман на монгольском материале[4]. (Помните, я Вам рассказывал о Монголии[5]?) Хлопочу сейчас о получении заграничного паспорта на льготных условиях. Валюту надеюсь заработать на месте, а на выезд и на паспорт сотню рублей наскребу частными редакторскими работами (я иногда правлю рукописи малограмотным начинающим писателям). Хочу на осень и часть зимы уехать в Монголию для сбора дополнительных сведений к своей книге об этой своеобразной стране[6]. Надеюсь устроиться там приказчиком по закупке скота.

Откровенно говоря, у меня нет надежды на то, что меня будут печатать в ближайшие годы (например, Артемий Богрaдович счел

неприличным издавать мою книгу и сейчас уже ее напечатанную в другом издательстве консервируют в недрах Гиза[7], Полонский совсем не ответил на мой запрос о возможности помещения у него повести[8], П.П. Крючков тоже не ответил), но тем не менее я пишу и писать буду. У меня хватит еще нервов и воли на то, чтобы писать для себя и прожить в обстановке молчаливого бойкота еще несколько лет. Стреляться я не собираюсь, т.к. ни в чем виновным себя не признаю и никогда не признаю.

Большое спасибо Вам, Алексей Максимович, за память, за внимание, за все сделанное для меня.

Может быть, это письмо дойдет до Вас. Всего Вам доброго.

В. Зазубрин

12-го июня 1929 года.

9. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

29 июля 1929, Новосибирск

$19^{29}/_{VII}29$
Новосибирск.

Дорогой Алексей Максимович, Коптелов мне писал, что Вы разговаривали обо мне с персонами весьма высокими[1], что одна из них заявила: «Пусть погуляет годок!».

Прогулки способствуют пищеварению и кровообращению, но иногда меня охватывает такая смертельная тоска, что я готов повеситься. Жуткая штука одиночество опороченного и вычищенного. Вы говорили Коптелову, что поговорите с Сольцем[2]. Напрасный труд. Сольц дела моего не читал, а по прениям в ЦКК вывел заключение, что я ловкий провок<атор> и только. Меня поразила та легкость, с которой этот старик делает свои выводы. Он, например, бросил мне обвинение в том, что я обманул *молодых* членов парткома. Молодых по возрасту. Тогда как в парткоме, в подполье *самым молодым* был я. Самому старшему рабочему было 50 лет. В ЦКК только один Ярославский держался объективно. Остальные старались обвинить во что бы то ни стало.

Если бы дело было разобрано тщательно, то *я безусловно* был бы оставлен в партии (из расчета, что партия не институт благородных девиц).

Я знаю, что теперь мне гулять одному придется до конца жизни. Я напрягаю сейчас всю свою волю, чтобы в сентябре привезти в Москву новую книгу.

Но тяжело, А.М., невероятно. Я хорошо чувствую себя только на солнце, на песке за городом. За столом же я страшно мучаюсь. Быва-

ет, что за неделю я напишу несколько строк и десятки страниц перечеркаю.

Но я хорошо понимаю, что общество не богадельня и все способные к труду обязаны работать, а если они шалопайничают, то никто в этом не виноват. Еще раз спасибо за все хлопоты обо мне. Ничего из этого только не выйдет, А.М. Не расходуйте на меня своего времени. Мне прямо стыдно даже получать от Вас письма.

Крепко жму руку.

В.Зазубрин

10. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

3 июля 1931, Лахта

Л. $19^{3}/_{VII}31$

Дорогой Алексей Максимович,

получил Ваше письмо от 28/VI с.г. вчера 2/VII вечером. Долго идут письма из Москвы. Получил письмо и устыдился. Рвут Вас, видимо, на части и я вот не утерпел, вздумал оторвать от Вас кусочек Вашего времени. В порядке самокритики признаю это ошибкой. Никакой рукописью своей обременять Вас не буду. Со своей стороны выдвигаю предложение — забронировать Вас от покушений на Ваш досуг. Пора Вам завести себе свирепый секретариат (П.П.[1] добр и добродушен. Его надо Вам использовать для «дипломатической» работы с посетителями). Ваш секретариат должен фильтровать все письма и рукописи, адресованные Вам. Все Вы читать не должны. Всем отвечать, да еще собственной рукой — недопустимо. Хватит с Вас. В деле переписки с читателями, с друзьями, с врагами, с литераторами и т.д. и т.п. Вы установили мировой рекорд, который никогда не будет побит. Ни один писатель в мире не имел и не будет иметь такого количества томов писем, которые будут изданы, должны быть изданы.

Вашим биографам необходимо порядочно подумать над такими вопросами — спит Горький или нет, и если спит, то когда и сколько? Я поражаюсь, как Вы удерживаете в памяти всех людей, когда-либо Вами встреченных и как Вы успеваете писать грандиозную эпопею многотомную, вести чудовищную переписку и столько еще отдавать воинствующей публицистике и литкритике. Очень жаль, что в своей статье (сборник «Как мы пишем»)[2] Вы не дали календарного плана хотя бы одного месяца своего. Мне кажется, что Вы оказали бы молодым русским литераторам, которые как правило, не умеют работать, не умеют распределять своего времени, большую услугу, чем сотней своих писем, если бы написали подробно о том, как Вы рабо-

таете. Простите, что лезу с советами, но ведь у нас теперь все делают, «невзирая на лица». От последнего, впрочем, я отказаться не могу и конечно приеду, чтобы иметь возможность именно «взирать» на Вас. Спасибо за предложение приехать и за предоставление работы[3]. Отказываться в моем положении было бы глупо, т.к. по случаю бумажного кризиса, который вряд ли скоро будет изжит, мне рассчитывать на печатание нельзя. Запасов денежных у меня нет, следовательно, получение работы, которая дает хоть минимум средств — очень кстати. На этот счет у меня есть только [два] «но». Первое — быть на собрании всех приглашенных к работе мне тяжело. Я буду чувствовать себя совершенно так же, как человек, облитый помоями и, следовательно, достаточно зловонный, среди хорошо одетых чистеньких счастливчиков. Не забывайте, что надо мной тяготеет, как проклятие, *четырехкратное* исключение из ВКП(б) в течение 16 лет. (Исключали и вновь принимали меня все по одному и тому же делу). Биография у меня, деликатно выражаясь, редкостная. Нет, на этом собрании я быть не хочу. Освободите меня на этот счет. Отдайте меня в распоряжение того военспеца, который будет руководить моей работой, и только. Ну, об этом поговорим лично.

Я приеду, как только достану билет (это не так просто), как сложу свои чемоданы и т.д. Одним словом, рассчитываю быть в Москве через несколько дней. (Срока ведь Вы точно мне не указали).

В Вашем письме мне не понравилось сообщение о кровохаркании. Неужели те, кто окружает Вас, не понимают, что пора перестать беспокоить некого Максима Горького вредными переменами климата? Вот Ромен Роллан осторожнее Вас на этот счет. Он пошел к врачу, прежде чем дать согласие на приезд в Москву[4]. Мне кажется, что крайним сроком Вашего пребывания в СССР должен быть август месяц[5].

На Вашем последнем письме лежит едва видимая печать какой-то печали. Что тут, я еще не знаю (кровохаркание — пустяк, который Вы забудете в своем солнечном Сорренто). Мне иногда кажется, что вокруг Вас вертится слишком много людей, которые шумят без нужды и мешают. В толпах Вас окружающих я иногда это вижу ясно, — Вы страшно одинок<и>. Но ведь еще одно окружение, которое должно бодрить Вас, — Вы навсегда теперь с рабочим классом той страны, которая первая взялась за никому не ведомое дело — строительство социализма. Я согласен с Андреевичем («Опыт философии русской литературы»), который написал еще очень давно — «Нет, как хотите, не Толстой, а Горький сказал первое слово»[6]. Первое слово за Вами, А.М.

Простите, что разболтался и, может быть, по склонности литератора к выдумкам и домыслам, измыслил то, чего и нет (печать печали

и т.п.). Написал же Вам обо всем этом потому только, что всегда (особенно при встречах личных) чувствую в Вас человека исключительно обаятельного, и мне очень хочется, чтобы Вы дольше, как можно дольше сохранили все эти свои черты и главное — здоровье.

До скорого свидания. Крепко жму руку.

В. Зазубрин

Ст. Лахта Окт. ж.д., Садовая 6/8.

11. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
26 апреля 1932, Лахта

Л. $19^{26}/_{IV}32$.

Дорогой Алексей Максимович, не хотел я Вас беспокоить ни письмами, ни личным визитом, пока Вы будете заняты, пока побываете на открытии Днепра[1], но обстоятельства вынуждают. Я знаю, что Вы еще считаете, что меня рано сдавать «на слом», а между тем Главлит решил это сделать. Сегодня в издательстве писателей мне сообщили, что «Два мира» конфискованы и изъяты из обращения. Никогда не думал, что *советский цензор* сможет зарезать книгу, признанную Лениным полезной и нужной и одобренной Вами в таком хорошем предисловии и в ряде Ваших статей. Я остался теперь буквально без копейки денег с больным ребенком и женой. Врачи требуют перемены климата, но попробуй теперь — перемени. Осенью я подавал заявление в Союз писателей, просил мне выдать хоть 1-й категории паек, но мне дали 2-ю (т.е. почти ничего), а жене с сыном совсем в пайке отказали. Жил я не жирно, но жил надеждой, летом кончил новую книгу. В мае хотел «дать отчет» Вам, но сейчас у меня буквально перо валится из рук. Если бы мою книгу запретил царский цензор во времена прошлые, то я бы только посвистывал. Ведь так сделал бы мой враг. Когда же меня режет *советский, мой цензор, цензор того строя,* за который я борюсь, то ведь это трагедия. Неужели я контрреволюционер, неужели я писал так, что моя книга — радость врагам? Нет, я писал ее, как агитснаряд, писал против врагов Сов. Власти. Пур, Пуарм в свое время ее распространяли в армии, как сугубо полезную и агитационную. Неужели она «устарела», особенно теперь, когда белые с востока снова лезут на нас[2]? Ну, наконец, Ленин и Вы, что Вы, кто Вы? Ничего не понимаю. Помогите мне, Ал.М., спокойно кончить мою новую книгу. Я ее *непременно* сделаю к 1-му августа всю — все 20 п.л.

Жму Вашу руку.

В. Зазубрин

P.S. Мой адрес — Ст. Лахта Окт. ж.д. Садовая 6/8.
Распоряжение о конфискации сделано 14/III с.г.

В.З.

12. ГОРЬКИЙ — В.Я. ЗАЗУБРИНУ
28 апреля 1932, Москва

Дорогой В.Я. —
сейчас получил Ваше письмо.

Вчера вечером говорил с Л.М. Кагановичем[1] о необходимости «восстановить» Вас в партии и получил от него согласие на это. Значит: пошлите в ЦК на имя Кагановича соответствующее заявление или — как это делается? — я не знаю порядка.

Каг<анович> читал Вашу книгу и очень высоко ценит ее, — сейчас сообщу ему о «запрещении».

Посылаю Вам денег. Не «падайте духом» и прочее. Крепко жму руку.

До свиданья.

А. Пешков

13. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
2 мая 1932, Лахта

Л. $19^{2}/_{V}32$.

Дорогой Алексей Максимович,
ждал я от Вас, можно сказать, всего, но того, что Вы будете разговаривать обо мне, вернее, о восстановлении меня в партии, не ожидал.

Сознаюсь, иногда я мечтал, как Манилов, что вот напишу, мол, книгу, а Сталин, вдруг, возьмет, да и скажет: «Хорошо ты написал, паря, тебе надо в партию вернуться». Да, я работаю все время с мыслью о реванше. Вы меня исключали четырежды из партии, вы втоптали в грязь меня, а я все-таки коммунист. Не скрываю — идея реванша одна из основных пружин моей литработы. И все-таки думать, что я действительно получу обратно партбилет, значит, быть Маниловым. Нет, А.М., партия для меня — дверь за семью замками. Реванш, конечно, я могу получить, т.е. идейный только. После опубликования книги могут сказать, что я человек свой, но и только.

Меня радует, что Л.М. Каганович согласился на мое восстановление, но помимо воли и хотения вождя есть еще партийные чиновники и устав партии. Я думаю, и Каганович согласился потому, что Вы не сказали ему *точно с датами* о моем исключении.

Я исключен 6-го декабря 1928 г. постановлением Партколлегии ЦКК. Руку к сему делу приложили — Ярославский, Сольц и Муранов[1]. По уставу я должен был немедленно обжаловать это решение в Президиум ЦКК. Ярославский мне сочувствовал и сказал, что обжаловать бесполезно — решение будет подтверждено. Следовательно, надо было подать протест XVI партсъезду. Съезд передал бы дело на новое рассмотрение в ЦКК или, как обычно выражаются в таких случаях, — новому составу ЦКК, а т.к. состав-то ее старый, то я опять попал бы в руки тех же людей и опять Сольц заорал бы на меня: «Вы можете писать прекрасные психологические романы, но зачем Вам партия и зачем Вы партии? Братьев Карамазовых в партии не нужно». Вот это он изрек на заседании при моем исключении. Одним словом, я не обжаловал *тогда* постановления ЦКК. Никакого заявления, следовательно, не могу, не имею права по уставу партии писать *сейчас*, а тем более Кагановичу. Он ведь ЦК, а не ЦКК. Вот такова формальная сторона моего дела. Если бы это было во времена подполья, тогда, конечно, все это можно бы сделать и просто, и по-товарищески, и по-человечески. Теперь же ВКП(б) — правящая партия, и она вынуждена ограждать свой вход разными рогатками, в том числе и чисто формальными. Мне очень тяжело, А.М., что двери партии *закрыты для меня навсегда*, но таковы факты. Спасибо за доверие, за подлинное товарищеское и отеческое участие в моей судьбе.

Никогда я не забуду Вашу горячую и твердую руку, поддерживавшую меня в самые тяжелые минуты. Очень уж трагическая «планида жизни» у меня, А.М. Я получаю удары там, где они, казалось бы, совершенно были невозможны (Например, конфискация «Двух миров»). Или такой случай — осенью 31 г. (после Вашего отъезда) вызывают меня в Военкомат и ставят мне на учетно-воинский билет штамп — снят с учета, ввиду невозможности использовать. Это меня-то невозможно использовать? Сколько писателей теперь вышли из Сибири — все мои ученики, люди, которых я действительно *перевоспитал*, все они и на учете в Военкомате, и квартиры получили в Москве и т.д., а я живу на болоте, в гнилой квартире, «использовать» меня «невозможно», и во время войны меня запятят в концлагерь вместе с белогвардейцами и кулаками, и в лучшем случае пошлют рыть окопы. Не шучу, А.М., я хорошо знаю положение о людях, лишенных права служить в Красной Армии. Другой раз смешно станет — как это могло случиться, что я, большевик-подпольщик (в партию вступил в 12 году), я, отдавший ей (партии) и молодость, и университет[2], и доброе имя, я оказался *формально*

в списках ее врагов? И всякий, кто *формально* подойдет к фактам моей биографии, скажет: «Мерзавец!» К сожалению, те, кому «ведать сие надлежит», до сего времени подходили ко мне только *формально*. К счастью, есть люди, которые еще считают меня человеком. Они, а из них первый Вы, помогают мне преодолевать чудовищную нагрузку моего формального юридического положения в обществе, помогают мне освободить мою правую руку для того, чтобы писать.

Вы пишете, что посылаете мне деньги. Спасибо, А.М., но такой помощи я боюсь, да пока она и не нужна. Мне Литфонд дал ссуду в 500 р., «Молодая гвардия», если не обманет, даст столько же. Проживу, а там, м.б., «Горы» не запретят. Я жалею, что в своем письме сказал о деньгах и о помощи. Говорил я это не для того, чтобы Вы мне послали их, а для того, чтобы Вы одернули головотяпов. Ведь головотяпство же, черт возьми, запрещать книгу, одобренную Лениным, Вами! Я думал, что Ваша помощь и даст мне деньги, т.е. гонорар за «Два мира». Если между Вашим письмом и посылкой денег произойдет некоторый разрыв во времени, то Вы отмените свое распоряжение о переводе.

До Вашего отъезда за границу (Вы, вероятно, уедете в июне[3]?) буду у Вас с законченной частью своей книги. Жду, что скажут Вам в Главлите.

Глупо конфисковывать *распроданную* книгу.

Всего доброго. Крепко, крепко жму Вашу руку.

В. Зазубрин

14. ГОРЬКИЙ — В.Я. ЗАЗУБРИНУ

6 мая 1932, Москва

В<ладимир> Яковлевич —

мне сообщили, что в романе «Два мира» необходимо исправить страницы, на коих хвалебно упоминается имя Троцкого, ныне — одиозное имя[1]. Именно это и только это послужило мотивом запрещения книги, даже не запрещения, а — задержки ее выхода в свет[2]. Вам, очевидно, не сумели объяснить мотив.

(Тирадами Вашими о каких-то ничтожных деньгах Вы меня обижаете. Ведь это же пустяки, деньги[3]!)

Если Вы исправите книгу — пошлите ее мне — хорошо? Я тут, вероятно, все устрою.

О результате беседы с Каг<ановичем> — еще ничего не могу сообщить. Очень огорчен тем, что Вы, кажется, обиделись на меня за непрошенное вмешательство в дело, кое Вы считаете, видимо, Вашим личным. Я не могу считать его таковым.

Крепко жму руку. Проживу здесь до осени, а хочется остаться до конца дней.

Всего доброго!

А. Пешков

6.V.32

15. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
6 мая 1932, Лахта

Л. $19^{6}/_{V}32$.

Дорогой Алексей Максимович, простите, что я стал надоедать Вам своими письмами. Буду краток. Лид<ия> Ник<олаевна> Сейфуллина сообщила мне о Вашем разговоре с Б. Волиным. Выдрать страничку, конечно, ничего не стоит. Как только сделать это в распроданной книге? Я понимаю, если бы дело было так — вызвали автора и сказали — к следующему изданию сделай то-то и то-то. И кончено. Сейчас не представляю, как все это будет. Но важно одно — книга освобождена. Остальное пустяки. Огромнейшее спасибо. Я думаю, что в дальнейшем наши отношения будут складываться так, что мне не придется обременять Вас просьбами о заступничестве и т.п. Уж очень у Вас много «просителей» и все, конечно, мешают.

Еще раз спасибо за разговор с Кагановичем о восстановлении в партии. Знаю, что дело это безнадежное, а все-таки, как сказал бы один мой герой, «лестно». Понимаете, у меня рука даже тверже стала. Точно я не пишу, а ножом режу. Ну, довольно.

До Вашего отъезда за границу (на конгресс антивоенный)[1], если разрешите, приеду с «отчетом».

Крепко, крепко жму руку.

В. Зазубрин

16. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
9 мая 1932, Лахта

Л. $19^{9}/_{V}32$

Алексей Максимович, ну что мне с Вами делать? Как мне убедить Вас, что я не только не обиделся на Ваше «непрошенное вмешательство» в мое дело, но чрезвычайно благодарен Вам за это. Если бы почаще люди *так* вмешивались в мою жизнь, то я был бы счастливым человеком. Я, можно сказать, на голову становился от радости, а Вы «обиделся»... с чего это Вы взяли, не понимаю.

Одного только я не могу сделать, А.М., — написать заявление в ЦКК при всем моем желании. Я уже объяснял Вам почему. Для меня возвращение в ряды партии было бы, конечно, высшей наградой за всю мою работу. Никто не знает, сколько и что я пережил за три года одиночества. Смею думать, что где бы я ни был, что бы ни делал — я оставался большевиком. Может быть, моя книга поможет мне доказать, что есть люди, которых не сгибают и не отталкивают от партии никакие лишения и заушания. Впрочем, это никому, кроме меня, не нужно.

Взволновали Вы меня, А.М., чрезвычайно разговором о пересмотре моего дела. Дело-то у меня тяжелое, путаное — нет сейчас у партии времени на ковыряние в разных психологических вывертах 19-летнего мальчишки. Ведь мне, А.М., в момент совершения «преступления» было всего 19 лет. Нечаевым[1] я тогда увлекался. Работа Клеточникова (народовольца)[2] мне казалась особенно захватывающей. А отец-то у меня максималист был[3], все дяди по его линии — кто на виселице кончили, кто на каторге. С детства я в атмосфере «романтики» индивидуального террора и всяких индивидуальных «подвигов». Вот этот груз индивидуализма я и принес в большевистскую партию. Ну, да чего говорить, дело длинное. В своей исповеди в ЦКК я обо всем писал. Три раза дело решалось положительно для меня, а в четвертый раз послали меня на все четыре стороны.

Простите, что надоедаю Вам своими письмами. Больше, кажется, долго не буду беспокоить Вас. С книгой теперь все наладится. Нужные страницы я легко исправлю, сдам в издательство, они их напечатают взамен прежних, и дело будет кончено. Мне кажется, и Вам не надо будет посылать книгу, т.к. в Ленинграде знают, что требуется исправить. Троцкого, между прочим, я никогда не восхвалял. Ну, да Карл Маркс их храни всех этих Борисов Волиных. Сделаю полное истребление сего одиозного имени (Л.Т.)[4].

Посмотрю, чего мне Волины скажут, когда в «Горах» прочтут кое-что о Сталине. Я его там изображаю рыбаком с осетрами в руках[5]. Он ведь здорово ловил рыбу в Енисее, когда был в ссылке[6]. Вообще я там дам несколько портретов вождей с большой любовью, но не иконописно[7]. Еще и еще раз за все, за все Вам спасибо и спасибо. Осенью, конечно, Вы должны быть «изгнаны» из пределов СССР. По-моему, Вы рано приехали. В Москве, кажется, была сырая погода. Передайте привет всем Вашим домашним. С удовольствием вспоминаю часы, проведенные в кругу Вашей семьи.

Жму руку.

В.Зазубрин

17. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
22 мая 1932, Москва

Москва $19^{22}/_{V}32$

Дорогой Алексей Максимович,

я перечитал сейчас то письмо колхозника, о котором Вам говорил[1], и решил, что поднимать этого дела не стоит. Старик проживет за счет детей. А вот обратить внимание кого следует на то, что этой весной многих старых колхозников из середняков обложили твердыми заданиями, следует. Такое стремление у сельских бюрократов возникло потому, что они хотели быстрее и полнее собрать семена для посева. Собрать же решили просто — окулачить часть старых колхозников, отобрать у них все запасы зерна и за их счет, за счет их полного разорения — обсеменить поля. Так было сделано и на Урале, и в Сибири, и на Украине. Такая мера распугивает колхозников середняков, а середняков единоличников отпугивает[2].

Привет.

В. Зазубрин

18. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
9 июля 1932, Лахта

Лахта $19^{9}/_{VII}32$

Дорогой Алексей Максимович, посылаю Вам своего сына[1]. Прошу немедленно поставить меня в известность, как только он будет Вам мешать. Еще и еще раз спасибо Вам за него.

Я работаю. Днем — весел, здоров. Ночью — часто кошмары. Мне снится мое проклятое дело. Вот уж, действительно, работает подсознание. Я спокоен, я знаю, что вернется С.[2] из отпуска, и дело так или иначе будет решено. Но, видимо, «тайный страх мне сердце гложет»[3]. Трудно, А.М., человеку быть 15 лет перманентно под судом. Я считаю, что отбыл 15 лет каторги. Мне кажется, что мстительные сердца самых свирепых судей должны быть теперь удовлетворены и успокоены.

Я жду решения. М.б., оно будет и плохим. Вытерплю. А все же мечтаю и о хорошем[4]. Для меня было бы огромным счастьем идти по улице и знать, что ты принят, как свой, что отныне ты боец определенного стана. Тяжко в наше время, А.М., быть выброшенным из рядов той партии, с которой связаны надежды всего передового человечества.

Крепко жму Вашу руку.

В. Зазубрин

19. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

16 сентября 1932, Москва <?>

А.М. Горькому
(для памяти)

1. Квартира в Москве (я ее не могу получить с 1928 г.). Живу сейчас в комнате с кубатурой в 8 метров (я, жена и сын).

2. Восстановлен я в партии или нет? Постановление ЦКК смутное[1].

3. Если нет, то почему? Разве Каганович и Сталин не соглашались на это?

4. Если нет, то зачем вообще написано в новом постановлении, что до революции предателем я не был, а потом во времена Сов. Власти зарекомендовал себя как революционер? Это было отмечено и во время разбирательства в 28 г.

5. Член ЦКК М.К. Муранов говорит:

— Я не могу утверждать, что меня выдал Зазубрин, но думаю, что мог и он, м.б., и он.

Утверждаю, что Муранова выдал провокатор в *Саратове*. Неужели там в истпарте, в архиве этого нет?

6. В Сызрани же (где я жил) жандармское управление не знало о проезде Муранова, так и информировало Деп<артамент> полиц<ии> за что и получило нагоняй, когда Муранов со своей записной книжкой провалил почти всю партийную Россию, и когда выяснилось, что он был в Сызрани и делал там доклад[2] и т.д. (Беру это из показаний сызранского провокатора Н. Титова (кажется, так его фамилия)).

7. В Сызрани в Музее революции висит мой портрет с надписью — провокатор[3]. Ко всяким юбилеям он переносится на выставки.

8. Если я в партии не восстановлен, то в глазах советской общественности — я остаюсь человеком опозоренным. Груз позора такое постановление с меня не снимает в глазах сов. общественности. Оно только освобождает меня от оргвыводов со стороны ОГПУ.

9. Отцу моему после сорока лет [трудовой жизни] работы (из них 28 лет на транспорте), после участия в рев. рабочем движении, после неоднократных арестов и ссылки (при царе), теперь отказано в пенсии на том основании, что сын его (т.е. я) — провокатор.

10. Долго ли еще, господи? 15 лет под судом. 5 раз судим. 4 раза исключен по одному делу.

$19^{16}/_{IX}32$ *В. Зазубрин*

20. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
25 декабря 1932, Лахта

Лахта, 25-го декабря 1932 года.

Дорогой Алексей Максимович, вчера получил Ваше письмо от 15/XII с.г. и вчера же был в Ин<стйту>те. Л.Н. мне сказал, что он только что получил от Вас письмо, написанное Вами около месяца тому назад[1]. Письмо задержалось потому, что оказия, с которой оно было послано из Москвы, оказалась очень небрежной. Л.Н. боясь, что безмерная нагрузка не позволит ему немедленно ответить Вам, сообщил мне для Вас все, что касается организации ин-та.

1. Вопрос о строительстве ин-та перерешен. Ин-т будет строиться пять лет, а не два года. Упорное сопротивление, которое Л.Н. оказал по этому поводу, привело к тому, что В.М.[2] очень корректно, но совершенно твердо заявил: «Вопрос перерешен. Я Вам советую подумать и не торопиться».

2. Вопрос о том, кому строить — разрешен неудовлетворительно. В присутствии Л.Н. сам В.М. позвонил Г.Г.[3] Г.Г. ссылался на обещание, данное Вам, и строить соглашался. В.М. дал понять и ему, и Л.Н., что поскольку строительство будет идти нормальным, а не ускоренным темпом, то нет нужды браться за это дело Г.Г. Г.Г., конечно, теперь тоже откажется строить, т.к. в 33 году на строительство отпускается небольшая (по сравнению с ассигнованием) сумма. Все это как будто поколебало решимость Л.Н., и бороться за сокращенные сроки он, видимо, больше не будет. К тому же бюджет на 33 год составлен и утвержден. Л.Н. говорит: «Ну будем тщательнее планировать и лучше строить». С одним он никак не может примириться, что Г.Г. вынужден будет отказаться от постройки.

3. Увеличение сроков постройки имело дурное последствие, а именно: финансирование постройки было отнесено в графу — здравоохранение. Графа эта не первоочередная. Л.Н. только после долгих хлопот удалось отстоять для ин-та первоочередную графу.

С зарплатой и штатами у него все благополучно.

С пайками хуже. В этом вопросе секция научных работников (профсоюз) подходит формально — дает паек в зависимости от количества печатных работ. Т.о., известный Вам узбек[4] получает не по своему дарованию и не по важности своих работ.

Вопрос об узбеке и его сотрудниках надо выделить. Я не имею возможности в рамках письма сообщить Вам все, что он делает и что им уже сделано. Скажу коротко — он почти уже подобрал ключи к той двери, за которой лежит избавление от одной из главнейших эпи-

демических болезней, порожденной темным прошлым человечества. Он думает ликвидировать ее если не совсем, то хоть в той форме, вернее ту форму, в которой она может вспыхнуть в ближайшем будущем. Он не колдун, конечно, чтобы сделать людей счастливыми, но он поможет пролетариату в этом трудном деле.

Возможно, что я переоцениваю его и его работы. Л.Н. говорит о нем: «Я верю, он сделает, он добьется. Но он еще молод, у него много еще кустарщины». А я добавлю, А.М., что у этого молодого человека, кроме его гениального мозга, есть еще совсем не гениальный желудок. У него язва желудка и белокровие на почве хронической малярии. Он и его жена служат. Обедают в столовых средней руки. Между тем ему нужно диетическое питание, вообще какая-то налаженность питания. Он приходит в ин-т в 9 часов утра и уходит в 2 часа ночи. Я поставил перед Л.Н. вопрос о его освобождении от канцелярской работы. Л.Н. нашел, что это правильно, и он на днях уйдет исключительно на научную работу. Я знаю, что узбек должен спешить со своими работами. Однако и мы должны поспешить с тем, чтобы его жизнь была продлена и текла нормально. Между прочим, работа его и его сотрудников тяжела и вызывает прямо какой-то неукротимый аппетит. Если бы Вы были в Москве, то легко могли бы сделать все, что нужно. Я решил, что не имею права быть только праздным зрителем, поэтому одновременно пишу Г.Г. и К.Е.[5] Они должны взять шефство над этими людьми. Тут дело не в пайках только. Я ставлю перед ними вопрос и о немедленном представлении им помещения, т.к. они скоро уже просто не смогут там работать. Они и соседям мешают, и вообще ничего нельзя будет двигать вперед. Не только про узбека, но и про весь ин-т надо сказать, что темпы и успехи их работы не укладываются в рамки современного положения вещей. И надо же было такое строительство замедлить.

4. Мне кажется, что те, кому ведать сие надлежит, несколько односторонне подходят к ин-ту. Они недооценивают его безграничных возможностей. Им кажется, что тут только одна собачья физиология[6]. Чем же иным, как не недооценкой, объяснить замедление темпов постройки и шаблонный подход к сотрудникам. Нам никогда не надо забывать, А.М., что там мы имеем дело с людьми редчайшей квалификации и одаренности. Слов нет, мы народ одаренный, но не настолько уж и мы богаты, чтобы позволять себе роскошь растраты здоровья гениев, да именно гениев. Л.Н. ничего не может сделать в этом отношении. Я предупредил его о том, что буду писать и Вам, и Г.Г., и К.Е. Он согласен. А вообще на все эти недостатки он смотрит спокойно. Он сам человек очень самоотверженный и того же требует от других.

5. Ваш тезка Ал. Дм.[7] и заработком и пайком обеспечен очень хорошо. Но у него есть одна заковыка, которая обходится науке очень дорого. Наука не имеет А.Д. целиком. Он не дает ей всего, что мог бы дать, так как его личная жизнь сплошная достоевщина. Но тут мы бессильны. Тут есть еще какие-то этические законы, которые не позволяют нам перешагнуть порог его дома и хорошенько его (дом) почистить. Подробно об этом лично. Вы и не представляете себе и не можете представить, до чего потрясающе ужасна его личная жизнь. Эх, если бы не эти этические предрассудки...

В последние дни он сделал совершенно сатанинские открытия. Мы вчера со Л.Н. говорили об этих его последних работах, и оба были взволнованы, что называется, до печенок. Вот это большевик в науке. Каждый день его работы — событие. Он сейчас буквально изломает весь спокойный мир установившихся представлений. Очень плохо придется теории иммунитета. Завтра он, вероятно, объявит всякие прививки (противотифозные, противооспенные и т.п.) преступлением, знахарством. Он очень мало оставит от таких уважаемых граждан мира, как Пастер и Кох[8]. Старики ученые глядят на него со страхом. Он не дает спокойно жить. Он все сотрясает. Жить с ним — значит надо все время творить, искать, перестраивать. И все-таки Вы можете отстать. Один ученый в ин-те перестроил свою работу на основании открытий Ал.Д., сделанных им лет пять тому назад. Этот ученый стал известен в мире своими последними работами. А Ал.Дм. называет его дураком, а про себя говорит: «Боже мой, до чего я глуп был, как мог я так ставить вопрос». Несколько лет тому назад Ал.Д. опубликовал результаты своих опытов заражения кролика вирусом уколом в кровь (до него это считалось невозможным, кролик заражался только путем ввода вируса в мозг). Его опыты были признаны классическими во всем мире. Теперь он сам себя опроверг. Он установил, что вирус не главное в бешенстве. Есть еще кое-что. Одним словом, он открывает сегодня, опровергает завтра и, опровергая, открывает. Он все шире и шире раздвигает горизонты человеческого познания. Он в своих работах идет к утверждению того, что пределов человеческого познания нет. (Помните, Вы как-то об этом хорошо говорили в Горках?)

Я очень счастлив, А.М., что могу наблюдать работу этого великого человека. Я боюсь только одного, что у меня не хватит дарования на то, чтобы дать читателю почувствовать всю бешеную устремленность, дерзость этого большевика в науке. Статьи свои я пошлю Вам и только Вам, а Вы делайте с ними что хотите. Не могу, чтобы еще раз не поблагодарить Вас за ответственное и чудесное поручение[9].

По ин-ту после получения письма Н.И.Бухарина о вост<очной> медицине[10] отдан приказ об организации кабинета восточной медицины. Однако, Ваше письмо на этот счет будет очень нужным. Противников все-таки много.

Большущий Вам привет и всем Вашим. Передайте Олимпиаде Дмитриевне[11], что история русской литературы занесет ее имя на свои страницы, если ей удастся отнять у Вас и те пять штук папирос, которые Вы еще выкуриваете в день[12].

В. Зазубрин

21. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
31 декабря 1932, Лахта

Лахта 19 $^{31}/_{XII}$ 32

Дорогой Алексей Максимович,

25-го декабря с.г. я отправил Вам большое письмо об Ин-те. Писал его торопливо и на некоторые вопросы в Вашем письме не ответил. Хочу дополнить сведения об институте. Вы просите послать Вам статьи об организации ин-та, о ходе работ, вернее, организационных[1]. Думаю, что в связи с новым решением о сроках строительства вряд ли много можно будет говорить на эту тему. Во всяком случае в печати все эти работы выглядели бы эффектнее, если бы их округляла фраза — строительство будет проведено в два года. На ученые круги новое решение вопроса произвело не совсем хорошее впечатление. (Я был вчера в Ин-те). Сперанский очень огорчен. Он мне говорит: «Неужели Ал.М. не будет бороться за первое решение? Эх, если бы он поддержал нас». К тому же надо прямо сказать, если строить будет не Г.Г., то строительство *затянется* и еще на больший срок. Все ученые это отлично понимают. Сперанский говорил мне с некоторой обидой: «Почему А.М. не находит возможным мне написать?» Помните, Вы так выразились в письме к Федорову[2]? Я ему дал Ваш адрес, он собирается через неделю Вам написать[3]. Он сейчас кончает очень ответственную главу и отвлекаться не хочет. Вчера на заседании комиссии по организации отдела восточной медицины он был очень хорош. В очерке у меня это заседание будет описано[4]. К очеркам я приступлю всерьез после совещания *по проблематике*. Интереснейшее совещание предстоит и крайне трудное. Как строить работу по проблемам? Ну, скажем, проблема старости? Так? Проблема гигиены труда? и т.д., и т.п. Выработка этой организационной схемы — дело дьявольски трудное и важное. На этом совещании собственно будут раскрыты *идеи* организации института. Совещание будет не позднее

16-го января. Сперанский твердо обещал дать мне интервью до этого еще совещания. А.М., напишите Вы Сперанскому и о востоке и о проблемах Ваше мнение. Он Вас очень любит и прямо болеет от того, что Вы его обошли своим письмом. Я сказал, что скоро Вы пришлете ему письмо (Вы ведь обещали). Жалею, что не сообщил Вам его адреса. Через Москву письма идут дольше, видимо (Его адрес: Ленинград, Карповка 20, кв. 27, Алексею Дмитриевичу Сперанскому). Статью в Альманах он даст (об эксперименте и экспериментаторе)[5]. Он хочет только расширить ее, сказав более о самом экспериментаторе.

Вот я чего еще хотел сказать. Как-то неудобно, что работы сотрудников Ин-та издаются по рукописям в Берлине или Париже, а у нас выходят с опозданием, или вовсе не выходят. По-моему, надо при Ин-те организовать *свое издательство*[6]. Ведь институт мирового значения. Не знаю, как Вы думаете на этот счет? Удивило меня в Вашем письме, что Вы трепещете за Альманах[7]. Вам, по-моему, надо кулаком по столу больше стучать, а не трепетать. Я лично давно уж жду, что Вы стукнете и скажете, и так будет. Честное слово.

Жду ответа на оба письма. Вам опять напишу после совещания по проблематике. Сейчас 11 ч. 40 м. ночи. Через 20 минут новый год. С Новым годом, А.М.! О новом счастье я не пишу. По-моему, мы должны быть счастливы. Кроме нас прямо некому быть счастливыми в этом мире. Передайте мой привет и всем Вашим. Игорь кланяется и ждет от Марфы ответа на свое письмо[8]. Крепко жму руку.

В. Зазубрин

P.S. Роман Далецкого «Концессия»[9] понравился в учреждении Г.Г.[10] Далецкого вызвали, похвалили и предложили материалы. Он дополнил роман. Скоро выйдет второе издание[11].

В.З.

22. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

13 января 1933, Лахта

Л. $19^{13}/_{1}33$

Дорогой Алексей Максимович,

пишу Вам третье письмо об ин-те, в ответ на Вашу просьбу — писать чаще о ходе работ по его организации.

Вчера беседовал со Л.Н., вернувшимся из Москвы. Он одержал там большую победу с помощью К.Е. Без К.Е. ничего бы не вышло. Ин-ту отпустили *полностью всю сумму*, ассигнованную на 33 г. Средства в валюте отпущены *без сокращения*. На фоне общих урезок в связи с обжиманием штатов это выглядит величественно. В связи с этим

неблагоприятный резонанс, вызванный удлинением сроков стройки, несколько затих. Однако Л.Н. и Ал.Дм. вели усиленную работу за сохранение сроков строительства, намеченных на заседании у Вас[1]. Они добились *теперь* в этом вопросе *полнейшей ясности*. Оказалось, что *один Вы и только Вы* в состоянии повернуть решение в благоприятную сторону. В письме полное освещение этого вопроса заняло бы очень много места. Все это можно сделать *только лично*. Вам нужно знать расстановку сил по данному вопросу. До мая время терпит. В мае Вы же, наверное, приедете[2]? Если же Вы не приедете, то сообщите, тогда придется писать Вам пространное письмо, с тем чтобы Вы предприняли какие-то шаги. Вопрос о сроках оказался весьма актуальным. Выходит так — если строить пять лет, или 7, что вероятнее, то нельзя строить большого здания. Надо строить т<ак> с<казать> отдельные цехи. Все это для того, чтобы не задерживать разворачивания работ ин-та, которые, как Вам известно, идут очень интенсивно. Если не начать большое здание (а оно желательнее, т.к. комплексный характер ин-та как будто требует выражения его в одной архитектурной фразе), то работа будет задыхаться без помещения. Между тем и оборудование всяческое и механическое обслуживание легче поставить в одном здании (и целесообразнее). Л.Н. и Ал. Дм. категорически за 1 здание и 2 года стройки. *Все это возможно.*

Один американский инженер-архитектор, недавно закончивший постройку в Нью-Йорке комплексного лазарета (24 этажа)[3], по последнему слову техники, предложил свои услуги *ради высокой чести* участвовать в таком строительстве. Он предлагает консультацию в Нью-Йорке за тысячу долларов и если приедет сюда, то три тысячи дол. Он назначает совершенно нищенскую плату только для приличия. Он не нуждается в деньгах. Ему нужна слава. А наш ин-т он расценивает как предприятие мирового масштаба. До лазарета в 24 этажа он построил в Америке 20 больниц новейшего типа. Л.Н. считает, что его услугами полезно будет воспользоваться.

Л.Н. очень возмущен ролью Главнауки в деле орг<анизации> ин<ститу>та[4]. Начальник Главнауки (кажется, Агол[5]) писал Сталину, жаловался на то, что ин-т сманивает лучших специалистов. Так он плохо понимает право ин-та приглашать спец<иалистов> откуда угодно (преимущ<ественное> право пригл<ашения>). А куда они нужны Аголу, если другие ин-ты сокращены и оборудование и спец<иалисты> не загружены на 100%? М.А. Горшков[6] жаловался в Крайисполком на Л.Н., что он, мол, зазнался, денег не дает на Обуховскую больницу. По его мнению, вообще ничего строить не надо, а надстроить этаж над Обуховской и все. В Наркомфине Бли-

нов[7], припертый к стене, сознался, что резал кредиты ин-ту беспринципно, механически. Сам Гринько[8] дал средства с *огромной неохотой*. Не дать он не мог, т.к. его давит и постановление правительства и просьба или разъяснение одного товарища, подлинного друга ин-та. Одним словом, препон в деле много. Вокруг ин-та много и враждебной ведомственной возни, и мелкого политиканства. Короче говоря, Вы еще раз должны будете сказать свое слово. Вы нужны ин-ту в мае до зарезу. Май — крайний срок, в который можно окончательно решить, что же и как строить?

Ал. Дм. уже твердо заявляет, что прививки вредны. Он все идет дальше и дальше. Его работа вызывает чувство восторга.

Спешу кончить. Мне надо дня на 3 съездить в Москву, посмотреть, как там квартира.

Крепко жму руку. Всем Вашим привет.

В. Зазубрин

23. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
12 февраля 1933, Москва

Москва 19 $^{12}/_{II}$ 33

Дорогой Алексей Максимович,

с 7-го февраля я совсем в Москве. Вселился в квартиру не совсем отделанную. Однако, в *свою* квартиру. За всю мою жизнь — это первый случай. До сего времени я был хроническим комнатным жильцом. Нужно ли писать о том, как я благодарен Вам[1]...

Пишу кратко, т.к. боюсь, что Вы за что-то сердитесь на меня. Ведь я Вам послал три огромных письма об инст<иту>те эксперим<ентальной> мед<ицины>. Там были поставлены большие вопросы. Ответа я не получил. М.б. мои письма пропали...

Напишите мне хоть открыточку, что я ничем не навлек Вашего гнева, и я успокоюсь[2]. Если же Вы находите, что я сделал что-либо неладно, или в письме выразился не так, или просто надоел частыми письмами, то хоть через Крючкова скажите два слова. Я слишком дорожу добрым Вашим расположением, поэтому и беспокоюсь. Для сборника XVI-й год отрывок дал[3]. Авербаху[4] он понравился. Большой привет Вам и дому.

Жму руку.

В. Зазубрин

Мой адрес — Москва, Сивцев Вражек 15/25 кв. 83.

24. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
17 февраля 1933, Москва

Москва, 17-го февраля 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович, дня два тому назад я отправил Вам письмо, а сегодня вынужден снова писать. У меня случилось землетрясение — «Горы» рухнули в Главлите[1]. Я прилагаю все оттиски с цензурными пометками. Они никак не хотят пропускать романа, если я не выкину «эротических», по их мнению, глав и строк (см. стр. 18, 19, 21), мест о «зверствах» красноармейцев (стр. 15) и, самое главное, если я не откажусь употреблять слово «война» по отношению к кулаку (см. стр. 1).

Требование об удалении слова «война» мне дико. Все вожди и сейчас говорят о боях в селе, о жестоких классовых битвах, в которых рождался колхозный строй. Политредактор, повторяя слова Б. Волина, говорит мне, что если война и была, то она кончилась, и сейчас нет нужды вспоминать об ней, сейчас мы уже не воюем, а только добиваем остатки врага. Затем, говорит, неясно, какой это враг ломал плуги, резал молочный скот и т.д.[2] Я говорю, что из романа видно, что это кулак. Он мне возражает — надо, мол, так писать, чтобы с первой строчки было ясно, о ком речь. Я думаю, у меня ясно, и если вообще писать, чтобы было все в рот положено с первой страницы, то тогда не надо создавать романов, а просто брать одну страницу из передовицы и только. Политредактор говорит, что у меня выходит какой-то разрыв между городом и деревней. У нас же, мол, никакого разрыва не было и нет. Я возражал — если сейчас нет, то был. Хлебозаготовки потому и начаты, что кулак начал задерживать в спекулятивных целях зерно[3]. Индустриальная пятилетка требовала такого количества сырья, какое единоличная деревня дать не могла. Отсюда и коллективизация. Он, как будто соглашаясь, опять несет околесицу: «Не видно, к какому году относится все это». Я утверждал, что раз на собрании Безуглый говорит об увеличении посевной площади еще в единоличном хозяйстве, значит, это 28-й год. Он опять свое: «Не стоит вспоминать о том, что было». Это какое-то прямо наваждение. Как же писать тогда? Ведь мы главным образом пишем о том, что было. Наконец, я не могу отказаться от первых строк и от слова «война», потому что это у меня вроде увертюры. В романе «война» варьируется без конца. Отказаться от вступления, значит перестроить весь роман. Не могу.

Что же касается эротики, то, по-моему, это просто бессовестно со стороны цензуры после «Поднятой целины» Шолохова. У меня по сравнению с непристойностями Шолохова просто щенячий лепет.

У нас издают Бокаччьо, Поджио[4] и др., а нам, современным советским писателям, нельзя и бабу потрогать. Я в своей книге делаю это не с болезненным сладострастьем, а со здоровой силой. Протестую. Ну, о т<ак> н<азываемых> «зверствах» можно и не говорить. Я считаю просто ханжеством подавать наших только ангелочками[5].

Помня Ваши хорошие отзывы о «Горах», я решился написать Вам. Прошу Вас, А.М., защитить меня, или, вернее, мою книгу, от неумных наскоков цензуры.

Большой Вам привет.

В. Зазубрин

25. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
12 марта 1933, Москва

Москва 19 $^{12}/_{III}$ 33

Дорогой Алексей Максимович,

Вы не представляете себе, какую радость доставили мне два Ваших последних письма. Очень мне было одиноко и прямо страшно после запрета «Гор». Ваше письмо к Волину[1] дает мне силы «претерпеть» до конца. Очень я Вам благодарен за быструю и исключительно товарищескую поддержку. С Волиным я договорился. Он настаивает только на одном, чтобы мною не употреблялось слово «война» ни при каких обстоятельствах. Даже по отношению к кулаку. Он просит называть это наступлением на классового врага, борьбой, как угодно, но не войной. Выбирать мне было не из чего, пришлось согласиться. Теперь я сижу и перестраиваю весь роман, т.к. он написан в определенном музыкальном ключе, то, естественно, кажущаяся простым делом замена одних слов другими влечет за собой большую работу. Откровенно говоря, я хочу задержать роман до Вашего приезда, там видно будет. Я полагаюсь на Ваш вкус и знания. Убили Вы меня своими поправками[2]. Ей богу, это не от небрежности, а просто от какой-то глухоты. Не у всех литераторов, Ал. М., такой чуткий слух, как у Вас. В конце концов, что ни делается — к лучшему. Я доволен, что могу еще поработать над романом. Относительно отрывка для альманаха — согласен с Вами, что он не верно ориентирует читателя[3]. Когда же мы исключили из него диалог (разговор Андрона с Безуглым), то получилась охотничья вещь, что, конечно, снижает социальную значимость отрывка. Подумали, подумали мы с Авербахом и решили не печатать отрывок, а заменить его рассказом солдата, который Вам в свое время понравился. Не давал я его сразу потому, что Вы же мне предложили тогда разломать его и разложить кусками по роману, т.к.

в романе это было бы пятном, вообще громоздко. Теперь для альманаха я вновь собрал эти куски, добавил кое-чего, одним словом, сделал рассказ на 27 тыс. знаков. Называется он «Рассказ бывшего Наполеона»[4]. Над романом я работаю сейчас с каким-то страхом. Напугали Вы меня своим чрезмерно хорошим отзывом о нем. Похоже на то, что Вы дали мне тысяч сто в долг, а я не уверен — смогу ли их вернуть Вам. Корабли, однако, сожжены, и отступать мне некуда.

Нервирует меня вопрос паспортный. Не потому, что я, т<ак> с<казать>, недостоин получения оного, а потому, что на пунктах по выдаче, оказывается, сидят люди с загибальными настроениями. Ну, чем Вы мне объясните, например, отказ в выдаче паспорта Всеволоду Иванову? Факт. Ему пришлось звонить, хлопотать и т.д., чтобы отменить головотяпское решение о выселении его из Москвы. К сожалению, с отъездом Петра Петровича из Москвы — звонить мне будет некуда.

Вообще же с переездом в Москву — мы все чувствуем себя лучше. Игорь заметно поправился. Он самостоятельно ходит через день, через два в зоопарк. Он просит меня передать его приветы Вам и всем Вашим, а главное Марфе с Дарьей.

Слышали ли Вы, Ал. М., как неожиданно разбогател на своей «Концессии» Павел Далецкий? Роман Вам известен, он антияпонский. Оказывается, он понравился в Японии одной рыболовной фирме, конкуренту той фирмы, которую Далецкий ошельмовал, и она перевела ему на Торгсин — 12 тыс. долларов. Вот это да, гонорар.

Ну, всего Вам доброго. Ждем Вас с новой книгой. Я слышал, Вы заканчиваете IV том Клима Самгина? Привет М.А., Н.А., И.Н., О.Д.[5]

Крепко жму руку и еще раз благодарю за все.

В. Зазубрин

26. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

23 ноября 1933, Москва

Москва 19 $^{23}/_{XI}$ 33

Дорогой Алексей Максимович, спасибо Вам за письмо. С чего Вы взяли, что я не принимаю критики? Очень жаль, если в моем ответе Сперанскому прозвучали ноты раздражения[1]. Самовлюбленным дураком я не был никогда и, смею думать, не буду. Мне кажется, многократными исправлениями своего романа, как по Вашему указанию, так и по советам других, я это доказал.

Сегодня я сообщил редакции «Наших достижений» Ваше мнение о моей статье для соответствующих оргвыводов. У них есть об инсти-

туте хорошая дельная статья, как они говорили, Яглинга[2]. Вот она и заменит мою.

По совести говоря, мне сейчас писать об институте некогда, т.к. цензура забраковала снова окончание моего романа и я до середины декабря буду занят его переделкой. Вообще, начиная с 10-го номера «Нового мира» мне приходится каждый кусок переделывать дважды — один раз по требованию Гронского[3] и второй раз по требованию Волина[4]. Вот Вам еще лишнее доказательство моей смиренности.

Слышал, что Вы очень хорошо себя чувствуете, чему весьма рад.

Крепко жму Вашу руку.

В. Зазубрин

27. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

21 января 1934, Москва

Москва, 21-го января 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович, огромное Вам спасибо за отзыв[1]. С Вашим письменным отзывом у меня пропустили последние главы первой книги романа, правда, без вырезок все же не обошлось. Несмотря на Ваше письмо, меня обвинили в злоупотреблении «эротизмом». Второй раз беспокоить Вас мне не хотелось, и я согласился на явные глупости.

Зная Вашу чрезмерную занятость, я потерял надежду увидеть Вас в ближайшие месяцы, поэтому обращаюсь с письмом. Я хочу просить Вас оказать всемерную поддержку литератору Шергину Борису Викторовичу. (Письмо его прилагаю)[2]. Впервые о нем я услышал в Ленинграде от одного северного художника и в декабре прошлого года познакомился с ним в Оргкомитете на фольклорном вечере[3]. Человек этот обладает знаниями исключительными в области народного творчества. Сам он сказитель и скоморох (в высоком смысле этого слова). Я с наслаждением слушал его сказки, где старое замечательно смешивается с новым. Он открыл мне заново мой народ — необычно жизнерадостный, остроумный, смелый. Я убежден, что Шергину удастся создать русского и советского Уленшпигеля. Наша молодая литература может обогатиться вещью необычайной силы и красоты, вещью мирового значения. Я не преувеличиваю. После каждой встречи с Шергиным я буквально дрожу от радости. Я пишу эти строки Вам с полным сознанием ответственности. Я не боюсь заложить голову за то, что Шергин действительно создаст произведение бессмертное и, повторяю, мировое. Недостатки у него есть — все они от спешки, от нужды, от идиотских требований людей, которые мало понимают в литературе.

Леонид Леонов — земляк Шергина[4] — сказал ему как-то, что все великие произведения должны быть написаны или пишутся обычно в подвалах. Шергин живет в сыром подвале без дневного света и буквально голодает и слепнет. Его брат уже выморился до того, что стал совсем прозрачным. Они живут в одной комнате подвала четверо — Шергин, его брат[5] и сестра с мужем[6]. Брат исполняет обязанности домохозяйки, остальные служат. Ему необходимо дать паек и хотя бы одну комнату в одном из писательских домов. Вот сейчас в доме Герцена освободилась квартира Павленко[7]. Я не знаю, как мне убедить Вас, А.М., как доказать Вам, что Шергин заслуживает исключительного внимания нашей общественности.

Вторая просьба о Ксении Михайловне Жихаревой[8]. Список ее переводов прилагаю. Ее исключили из профсоюза за то, что она за последние три года не перевела ни одной книги. Но где ей их взять? Она сейчас очень хочет перевести последнюю книгу Гамсуна «Жизнь живет». Вот если бы Вы ей помогли ее достать и, главное, заключить договор с ГИХЛ'ом. Во всяком случае, такой человек заслуживает пенсии.

Да, вспомнил, Шергину 35 лет. Сейчас самое время его поддержать.

Крепко жму Вашу руку.

В. Зазубрин

28. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

27 февраля 1934, Новосибирск

Новосибирск. 19 $^{27}/_{II}$ 34

Дорогой Алексей Максимович, в Сибири я получил от местного оргкомитета очередную оплеуху, о чем считаю долгом Вам сообщить. Пред<седатель> местн<ого> Оргкомитета мне заявил, что я не имею права сделать информационное сообщение местным писателям[1] и вообще должен *молчать* и отправляться на Алтай для сбора материала, в чем они мне пока не препятствуют. Я утерся, поблагодарил и сегодня еду на Алтай. Они были так бестактны по отношению ко мне, что не предложили даже сделать им сообщение хотя бы на фракции. Между тем я думал тут выступить по двум вопросам — 1) Как работает Максим Горький и 2) Всесоюзный Институт Эксперимент<альной> медицины, или Необходимость смычки ученого и писателя.

Обе этих темы считаю глубоко поучительными для молодых писателей.

Жалею, что не поставил в свое время вопрос о реабилитации себя в Сибири. Дело в том, что отношение ко мне здесь вытекает, т<ак>

с<казать>, из постановления Сибкрайкома ВКП(б), написанного еще при Сырцове и Курсе[2]. В том постановлении и Вы были объявлены врагом марксизма, и ЦК тогда указал в отношении Вас Крайкому, что, мол, это не верно[3]. Ну, а обо мне кто укажет?

Вот я и хожу здесь в роли буки. У меня были, кажется, ошибки, однако я никогда не был тем чертом, каким намалевал меня Курс. До мудрого решения местного оргкомитета лишить меня слова я был у секретаря Сибкрайкома т. Эйхе[4], и он был любезен, обещая всяческое содействие и т.д. Снова к нему жаловаться на местный оргкомитет я не пошел сейчас. Поговорю на обратном пути. Спешу на Алтай попасть до распутицы.

Всего Вам доброго. Крепко жму Вашу руку. Привет всем Вашим.

В. Зазубрин

29. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

Вторая половина ноября 1934, Москва

Алексей Максимович, я сделал купюры у Тарасова-Родионова[1], а потом узнал, что командарм 2 Миронов — изменник и был в 21 году расстрелян[2]. Вот поэтому с тихим примечанием мои купюры можно будет восстановить.

В. Зазубрин

30. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

29 января 1935, Москва

Москва, 29-го января 1935 года

Дорогой Алексей Максимович!

Мне очень тяжело не только потому, что Панферов опаскудил меня в «Правде»[1], но главным образом потому, что все это, как я узнал, только начало кампании, предпринятой для полного уничтожения меня и как писателя, и как гражданина Советского Союза.

Я бы хотел увидеться с Вами и рассказать Вам лично о шагах, предпринятых рядом литераторов в этом направлении[2]. Мне нужен Ваш совет. Я не знаю, что делать? Я считаю, что пришел, наконец, момент, когда надо поставить обо мне вопрос окончательно — советский писатель я или вредитель, подвергающийся медленному многолетнему расстрелу? Не могу я больше работать, вообще терпеть.

Посмотрите мой ответ Ф. Панферову[3]. Если Вы его одобрите, я пошлю его в редакцию «Правды»[4].

Не могу не выразить своего возмущения по поводу появившихся в печати неслыханно оскорбительных для Вас статей Заславского[5] и Панферова.

Жму руку.

В. Зазубрин

31. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
15 февраля 1935, Москва

М. 19 $^{15}/_{II}$ 35

SOS!

Дорогой Алексей Максимович, правление дачного писательского кооператива просит меня передать Вам, что Межлаук отказал нам в деньгах на постройку дач. Все, что дал Куйбышев — Межлаук ликвидировал[1]. Я считаю это не правильным. Много средств убито, дачи не достроены, а о них так много кричали. Спасти положение можете только Вы, если скажете хозяину.

Помогите нам, Ал.М.

В. Зазубрин

Крепко жму руку.

32. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ
4 марта 1935, Москва

М. 19 $^{4}/_{III}$ 35

Дорогой Алексей Максимович, не найдете ли Вы возможным поместить в альманахе «Год XVIII»-й статью Н. Замошкина о «Горах»[1]? Она была принята в ж<урнал> «Красная Новь», но после статьи Ф. Панферова там раздумали ее печатать. Статья эта мне нравится. Автор неплохо проник в мои замыслы.

Большой привет.

В. Зазубрин

33. ГОРЬКИЙ — В.Я. ЗАЗУБРИНУ
25 марта 1935, Горки

Владимир Яковлевич, дорогой мой, Вам надобно зарядиться спокойствием сознания Вашей социальной ценности, а не «спокойствием отчаяния»[1], которое вредно тем, что легко может привести к моральному и интеллектуальному самоубийству. «Терпенье и труд — все перетрут», — что очень правильно сказано. Потерпите еще

малость и не допускайте себя до презрения к людям, хотя бы они его и заслуживали.

С хозяином я еще не говорил о Вас[2], но — буду говорить с ним и с другими. Уходить из «Колхозника» Вам не надо[3], если «К<олхозник>» не мешает Вашей работе над второй частью «Гор», а я думаю, что он и не может мешать. Статья Замошкина пойдет в «Альманахе». «Тулуб-Нор»[4] пришлите, я еще раз прочитаю. Жакову «Настасью»[5] не будем печатать, она, Жакова, не работает, а — шалит, и ее нужно отучить от шалостей, — попробовать отучить.

Материал прочитан мною. Да, очень слабо все, но — уверен, что «наша возьмет», — заставим работать.

Повидаюсь с Вами охотно, скоро буду в Москве дня на 3–4. Занят делишками по горло и выше. А тут еще погода мешает дышать.

Крепко жму руку. Будьте здоровы. И — спокойнее!

А. Пешков

25.III.35.

34. В.Я. ЗАЗУБРИН — ГОРЬКОМУ

20 января 1936, Москва

20-го января 1936 г.

Дорогой Алексей Максимович,

зная, что Вы сейчас много работаете, я не прошу у Вас, как в предыдущем письме[1], ответа. Я только сообщаю Вам самое необходимое.

1. «Библиотека колхозника»[2] как будто близка к завершению. На последнем нашем заседании у П.П.[3] это почувствовалось очень отчетливо. Заседание было продуктивным. Все исправления, внесенные рядом товарищей в план отдельных книг, — мне нравятся. План Вам пересылает Ив. Ив.[4] одновременно. Ваше замечание о забытом в б-ке попе хочется развить таким образом — дать книгу о попе, куда собрать попов не только Гусева-Оренбургского[5], но и ряда других писателей и взять попов из народных сказок. Сообщите Ваше мнение на этот счет через П.П.

2. Вы выдвинули вновь вопрос об издании Радищева[6]. В свое время я писал Вам, что у Радищева крестьянских глав 9 (о деревне, помещике и крестьянах), или 2 авторских листа[7]. Если добавить 30 объявлений о торговле людьми, то книги все-таки не будет. Я предлагал сделать книгу из них и из тех глав, где Радищев выступает как обличитель особенно резкий, добавить кое-что из его биографии и из дневника сибирского путешествия (Опубликовано в «Сиб. Огнях»)[8]. Вот тогда будет книга листов на 7.

Если найдется человек, который захочет эту книгу сделать, то я дам ему все свои материалы. Сам я не хочу этим заниматься, т.к. в «Крестьянской газете» мое предложение в прошлый раз было забраковано, как недобросовестное, а плата за лист, о которой я говорил, признана рваческой[9]. Подвергаться вторично оскорблениям по этому поводу я не желаю.

3. Решетникова я отредактировал. Из 7 листов взял $3^1/_2$. Больше взял из первой части — деревня, но взял и из 2-й о бурлаках.

4. Мамина-Сибиряка перечитываю. Еще не выбрал окончательно, но несколько рассказов отберу из «Уральских» о приискателях и бродягах.

5. Златовратского берем по Вашему указанию «Красный куст».

6. Кущевского тоже, т.е. один рассказ — «Самоубийца»[10].

Все работы по отбору и комментированию будут закончены к 1–15 марта с.г.

7. Работа по сбору архивных материалов и проработка печатных источников Российско-Американской компании[11] заканчивается к 5-му февраля. По архивам собственно закончена. Материалы замечательные. Я просто смакую заранее книгу об этой «милой» компании.

8. По предложению П.П. хочу написать очерк о ВИЭМе для «Двух пятилеток»[12]. О ВИЭМе мне хочется написать, т.к. я только что закончил пьесу на их материале[13]. Сперанский, Федоров и Лаврентьев признают пьесу выдающимся литературным произведением, считают чрезвычайно удавшейся. А актеры и режиссер Вахтангова нашли ее чересчур умной, загруженной разными мудростями и просили меня ее упростить. К 25-му кончу упрощение и не знаю, что с ней делать? Трудно без блата устраивать пьесы. Я попросил одного известного драматурга свести меня с режиссерами МХАТа 2-го, так он на меня посмотрел и сказал: «Первый раз пишете пьесу и Вам сразу режиссера. С первого раза ничего не выйдет». Вахтанговцы меня отпугнули своими обывательскими высказываниями об эксперименте над человеком[14]. Прямо скучно и горько было слушать. Не верю, чтобы они взяли пьесу и после упрощения. П.П. спрашивал меня — дам ли я Вам пьесу? Я ответил — конечно, если только у Вас будет время и желание ее читать[15].

Крепко жму руку. Привет О.Д. и И.Н. Игорь кланяется.

В.Зазубрин

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *А (АГ)*, впервые в отрывках: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 362–363, полностью в наст. изд.

Датируется по упоминанию о предисловии к роману Зазубрина «Два мира», написанном 20 сентября 1928 г.

Ответ на письмо Зазубрина от 18 сентября 1928 г. (*ЛН Сибири. Т. 2.* С. 264–265; *АГ.* КГ-п-28-27-8).

[1] Предисловие Горького к роману «Два мира» было написано по просьбе Зазубрина и напечатано в 5-м издании произведения (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929).

[2] Ответ на слова Зазубрина: «Дорогой Алексей Максимович, сегодня я с изумлением прочел в "Известиях" "Письмо в редакцию" Н. Асеева и Ваш ответ. Я ничего не понимаю. Я не понимаю, как редакция могла напечатать такой отвратительный выпад против Вас? Где здесь хотя бы простое чувство меры? Совершенно невозможно примириться с тем, что "Известия" напечатали такую гадость.

И этот суд, или угроза судом... Непостижимо. Ваше кратковременное пребывание здесь уже обмазывается грязью мелкой обывательской злобишки и зависти. Как от всего этого крепко пахнет "добрым старым"...

Мне было очень больно за Вас, т.к. я-то отлично знаю, сколько Вы делали и делаете для разных Асеевых. Мне кажется, что тысячи писателей сегодня прочтут с удивлением и возмущением письмо Асеева, а многие "от малых сих", особенно рабкоры, будут смущены, сбиты с толку. Вот поэтому сегодня я решил написать Вам...» (Купюра — начало письма — восстанавливается по автографу).

В статье «О двух книгах» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 211. 11 сент. С. 2) Горький подверг резкой критике книгу Н. Асеева о поездке по Италии «Разгримированная красавица: Путевые заметки» (М.: Федерация, 1928) за множество ошибок фактического характера. Та же газета 18 сентября 1928 г. поместила ответ Н. Асеева, квалифицировавшего замечания Горького как «мелкие придирки», придуманные «специально для ошельмования книги». Асеев намеревался перенести свой спор с Горьким в товарищеский или общественный суд писателей «для проверки и установления точности фактов <...> с тем, чтобы лишить меня, — писал Асеев, — в дальнейшем возможности писать свои наблюдения, или Горького — в дальнейшем права учить советских литераторов правдивости и грамотности». В том же номере «Известия» напечатали ответ Горького, где он вновь утверждал: «Книга Асеева постыдно малограмотна, сплошь испещрена различными искажениями, написана крайне дурным языком и с раздражающей развязностью невежды» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 217. 18 сент. С. 5).

Экземпляр книги Асеева, подаренный Горькому, хранится в *ЛБГ (ОЛБГ. 7769)* с дарственной надписью: «Дорогому Горькому с чувством великого стыда за слабость и

срывы книги. Но очень хочется научиться писать прозой. *Ник. Асеев.* 1928. 14. VIII». Другой экземпляр книги с многочисленными пометами Горького также хранится в *ЛБГ* (*ОЛБГ. 722*).

[3] Речь идет о стенограмме обсуждения романа Зазубрина в крестьянской коммуне «Майское утро», сделанной учителем А.М.Топоровым и опубликованной в журнале «Сибирские огни» (1928. № 1). Ознакомившись с ней, Горький писал Зазубрину: «...очень прошу Вас: пришлите мне Вашу книгу "Два мира"; интереснейшую беседу слушателей о ней я читал, захлебываясь от удовольствия» (*Архив Г. 10. Кн. 2.* С. 350). В предисловии Горький писал, что «было бы в высокой степени полезно напечатать эту стенограмму в конце книги, как послесловие к ней, как эхо, мощно отозвавшееся на голос автора». Стенограмма была напечатана в 5-м издании «Двух миров» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. С. 332–358).

2.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] См. п. 1, примеч. 1.

[2] А. Коптелов писал Зазубрину 20 августа 1928 г. о своей поездке в деревню: «Впечатления жуткие: крестьяне (Залесовский р<айон>) такие же, как 5–6 лет назад. О культурной революции нет и речи. Там, где раньше гремели жатки и сноповязки — хлеб убирают серпами и литовками: *машин очень мало и крестьяне боятся их покупать, т.к. отбирают за неуплату, например, самообложения.* Зимой много продали машин за то, что у некоторых не хватало денег на приобретение разверстанных на них облигаций. Хозяйство не растет. Прошедшая зима оставила глубокий след. *Мужиков били.* Некоторые уезжают в тайгу. *Двухкоровных и не имеющих машин и работников включили в число кулаков.* Мой отец тоже *уезжает* в тайгу (за Томск*), хотя его и считают активным и советским человеком.* Коммуны некоторые живут хорошо. <...> Крестьяне говорят сейчас: "Вот это свобода! Такой свободы никогда еще не видели, аж сок течет"» (*АГ.* ПТЛ-9-96-1. Выделенное здесь курсивом подчеркнуто Горьким красным редакторским карандашом. — *Ред.*).

3.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

4.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Горький ответил около 12 октября 1928 г. (*ЛН Сибири. Т. 2.* С. 266).

[1] Халатов Артемий Багратович (1896–1938), в 1927–1932 гг. — председатель правления Госиздата, куда Горький помог Зазубрину, приехавшему из Новосибирска в Москву, устроиться редактором в литературно-художественный отдел. Горький с недове-

рием отнесся к предчувствию Зазубрина, однако впоследствии оно подтвердилось, и Зазубрин был уволен из Госиздата.

[2] В 1928 г. писатель был снят с должности ответственного редактора журнала «Сибирские огни», отстранен от руководства Союзом сибирских писателей, подвергнут ожесточенным нападкам в сибирской прессе (газета «Советская Сибирь», журнал «Настоящее»), по его собственным словам, «ошельмован и потрясен» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 360).

[3] 12 августа 1928 г., после личной встречи, Сейфуллина писала Горькому: «Простите меня, что беспокою Вас письмом, не довольствуясь нашим личным свиданием. <...> Я Вас искренно благодарю за наше свидание с Вами в Москве». Она признавалась, что не решилась бы пойти к Горькому, если бы речь шла только о ней лично. Лишь надежда помочь В.Я. Зазубрину, которого в Сибири «затравили до предела»: «Пошла я потому, что Вы могли спасти талантливого человека, настоящую литературную силу. Бухарин меня направил к Вам. Я очень стеснялась, волновалась, но пошла. И Вы действительно, поняли трагедию Зазубрина» (*АГ.* КГ-п-69-5-1).

[4] Встреча произошла по приезде Зазубрина в Москву, 12 сентября 1928 г. Максим Пешков, сын Горького, оставил записи о ней в своем дневнике (*АГ.* ФМП-3-12-1, ФМП-3-13-1). 15 сентября 1928 г. он писал своей жене, Н.А. Пешковой (Тимоше): «За последние дни у нас было много очень интересных людей <...> Кроме Цвейга, был у нас человек Зазубрин. Он сибирский писатель, недавно полгода путешествовал по Монголии <...> Рассказывал он массу интересного» (*АГ.* ФМП-4-17-124).

[5] Сольц Арон Александрович (1872–1945), советский государственный и партийный деятель, юрист, был известен как «совесть партии». В 1920–1934 гг. — член ЦКК, с 1923 г. — член Президиума ЦКК.

[6] Караваева Анна Александровна (1893–1979), писательница; Уткин Иосиф Павлович (1903–1944), поэт; Скуратов Михаил Маркелович (1903–1989), поэт. В 1920-е гг. публиковались в «Сибирских огнях».

[7] Свое предисловие к «Двум мирам» Горький начал со слов: «В 21-м году я видел эту книгу на столе В.И. Ленина: — Очень страшная, жуткая книга, конечно, не роман, но хорошая нужная книга». Отзыв В.И. Ленина о книге «Два мира» был известен Горькому со слов Зазубрина (См.: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 354). Документального подтверждения ленинской оценки не сохранилось. Впервые она была обнародована в четвертом издании романа, вышедшем в Новосибирске в 1928 г. в разгар травли Зазубрина. Оценка Ленина была включена в целый ряд критических отзывов о романе, сопровождавших издание (А.В. Луначарского, Б. Пильняка, В. Правдухина, Ф. Тихменева и др.). Подборка, вероятно, была сделана автором романа. Горький не мог видеть книгу Зазубрина на столе у Ленина и слышать ее оценку из первых уст. Книга вышла в походной типографии ПУАРМа-5 в конце октября — начале ноября 1921 г. — к четвертой годовщине Октябрьской революции, как написано на титульном листе издания. 9 октября 1921 г. в газете Политотдела 5 армии «Красный стрелок» был напечатан отрывок из романа, а вскоре после этого вышла книга (*ЛН Сибири. Т. 2.* С. 33). Горький уехал за границу

16 октября 1921 г. Необходимо было какое-то время, чтобы книга попала в столицу государства, в котором еще полыхала Гражданская война. Во всяком случае, письмо А.В.Луначарского Зазубрину с откликом на роман датируется началом 1922 г. (См.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 355). Из переписки с Зазубриным очевидно, что до того, как в № 1 за 1928 г. «Сибирских огней» Горький прочел стенограмму обсуждения романа «Два мира», он не знал о существовании этого произведения (См.: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 350). Из переписки Ленина и Луначарского следует, что 22 октября 1921 г. Ленин еще не получил книгу Зазубрина, а 28 ноября еще не прочел ее (*ЛН. Т. 80.* С. 325, 336). Следовательно, Горький домыслил эпизод своего разговора с Лениным, полностью доверяя словам Зазубрина и стремясь поддержать его в отчаянном положении. «Небольшим предисловием к моей книге Вы подарили мне несколько тысяч рублей, на которые я и живу», — писал Зазубрин Горькому 22 июня 1931 г. (Там же. С. 366).

[8] См. письмо Горького Зазубрину от 25 марта 1928 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 352).

[9] Сырцов Сергей Иванович (1893–1937), советский государственный и партийный деятель. В 1926–1929 гг. — первый секретарь Сибирского крайкома ВКП(б). С мая 1929 г. председатель СНК РСФСР. 3 ноября 1930 Сырцов был снят с должности за «фракционную деятельность» и одновременно выведен из состава Политбюро и ЦК ВКП(б). Расстрелян 10 сентября 1937 г. Реабилитирован посмертно. См. также вступ. статью.

[10] Зазубрин писал об этом в очерке «Заметки о ремесле» (Сибирские огни. 1928. № 2. С. 241–252).

5.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Горький писал Зазубрину перед отъездом в Италию, отвечая на его письмо от 10 октября 1928 г. (п. 4): «В.Я. — мне кажется, что Вы слишком нервничаете и что в письме Вашем ко мне рычит какая-то чепуха. Очень сожалею, что нет у меня пяти свободных минут для встречи с Вами. И странно, что Вы, такой с виду крепкий человек так "распускаете" себя» (*ЛН Сибири. Т. 2.* С. 266).

[2] Отдел агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б).

[3] Ярославский Емельян Михайлович (наст. фам. и имя Миней Израилевич Губельман; 1878–1943), в 1923–1934 гг. член Президиума и секретарь ЦКК ВКП(б). 14 ноября 1928 г. Ярославский писал Л.Н. Сейфуллиной, по-видимому, отвечая на ее просьбу помочь Зазубрину: «Что касается Зазубрина, то дело его рассматривается в ближайшие дни, если не будет каких-либо неожиданных отсрочек. Он был у меня перед моим отъездом в отпуск (я вернулся лишь 11.XI). У меня нет какого-либо предубеждения против него, и мы решим это дело со всей объективностью, какой оно требует» (*Сейфуллина З.Н.* Моя старшая сестра. М.: Сов. писатель, 1970. С. 62). Сейфуллину Ярославский хорошо знал по работе в «Сибирских огнях»; в 1922 г., будучи секретарем по вопросам идеологии и культуры Сиббюро ЦК ВКП(б), он фактически возглавил редакцию созданного журнала.

[4] Зазубрин был исключен из партии 6 декабря 1928 г. постановлением Партколлегии ЦКК.

[5] Неточная цитата из стихотворения А.П. Сребрянского «Вино» («Быстры, как волны, дни нашей жизни...»), ставшего популярной песней: «Умрешь — похоронят, как не был на свете».

[6] Позднее, 17 июня 1930 г. Зазубрин писал Горькому: «Халатов в ГИЗе, конечно, никогда не будет меня издавать. Он достаточно осторожен, чтобы не сказать больше. Я никогда не забуду, как он в 28-м году вытряхнул меня на улицу и долго не соглашался заплатить мне даже те деньги, которые я заработал» (Купюра восстанавливается по автографу. *АГ.* КГ-п-28-27-18).

[7] См. об этом: *Суматохина Л.В.* Роман В. Зазубрина «Два мира»: Основной текст и редакции // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения: Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 312–324.

[8] Заведующий литературно-художественным отделом Госиздата Г.Б. Сандомирский.

[9] *Дорохов П.Н.* Колчаковщина: Роман-хроника. Изд. 7-е. М.: Федерация, 1928.

[10] 13 августа 1931 г. Зазубрин писал Горькому о замысле трилогии: «..."Горы" есть вторая книга трилогии. Первая — на монгольском материале — строительство интернационала, вторая, известная Вам, — строительство колхоза и совхоза, третья — постройка или перестройка семьи, дома» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 369). Из этих замыслов частично реализован лишь замысел романа «Горы» (была написана и опубликована первая часть). Из переписки Зазубрина известно предположительное заглавие романа на монгольском материале — «Баран» или «Золотой баран».

[11] 25 января 1929 г. Зазубрин сообщал Горькому в письме из Ленинграда: «Я писал Вам еще из Москвы, что через несколько дней выеду в Сибирь, но оказалось, что я был слишком оптимистически настроен. ГИЗ придержал еще очень долгое время мое жалование и мою книгу. Жалование выдали, а книгу не приняли <...> На днях только кончились мои мытарства. Теперь я выезжаю окончательно в Сибирь» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 362).

[12] Горький выполнил эту просьбу. 25 декабря 1928 г. он писал А.Б. Халатову: «Очень огорчен, что Заз<убрина> "вычистили", жалко, хорошая сила! Надеюсь, что переработанную им книгу "Два мира" Вы все-таки издадите? Она лучше "Колчаковщины" Дорохова» (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 136–137). Однако Государственное издательство не приняло к печати книгу Зазубрина. Пятое издание романа было выпущено в 1929 г. Издательством писателей в Ленинграде.

6.

Печатается по *А* (*АГ*). Впервые, с купюрой в начале письма («Крайне огорчен <...> тем более, что...»): *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 361.

[1] Узнав из телеграммы жены о полученном в Новосибирске письме Горького (см. письмо Горькому от 25 января 1929 г., *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 362), Зазубрин писал

П.П. Крючкову 25 января 1929 г.: «Ал.М., по-видимому, предлагает мне аванс по журналу "Наши достижения". В письме он просит обратиться к Вам. Охотно это делаю, т.к. положение мое в денежном отношении, деликатно выражаясь, не совсем устойчиво <...> деньги мне очень нужны. Помощь А.М. приходит как нельзя кстати». Зазубрин обещал через две недели по возвращении в Новосибирск из Ленинграда выслать статью для «Наших достижений» и просил Крючкова прислать удостоверение сотрудника журнала (*АГ.* КК-рл-6-11-1). Крючков не ответил Зазубрину, а 9 февраля 1929 г. в письме спрашивал Горького, о каких деньгах идет речь (*АГ.* КГ-п-41а-1-50).

[2] 11 февраля 1929 г. Крючков сообщал Горькому мнение А.Б. Халатова, «что приглашать Зазубрина в журнал "Н.Д." нельзя, т.к. участие его в той "работе" подтверждено дважды и все это может вызвать большие нападки на журнал» (*АГ.* КГ-п-41а-1-51). Горький отвечал Крючкову 20 февраля 1929 г.: «Зазубрину я заказал статью об инородцах Сибири еще в Москве, до его разоблачения. Пошлите ему р. 300–400. Статью, вероятно, можно будет напечатать под псевдонимом» (*АГ.* ПГ-рл-21а-1-191). Тем не менее, сотрудничество Зазубрина с «Нашими достижениями» не состоялось; обещанной Горьким денежной помощи он, по-видимому, не получил.

7.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Халатов. Так у Зазубрина, следует: Артемий Багратович.

[2] Издательство писателей в Ленинграде (1927–1934), издательское товарищество писателей, основанное по инициативе К.А. Федина, С.А. Семенова, М.Л. Слонимского, И.А. Груздева и др.

[3] В дальнейшем роман «Горы».

[4] Зазубрин переехал под Ленинград осенью 1930 г.

8.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

В *АГ* хранится также *МК* (перлюстрация, переданная из архива КГБ; *АГ.* КГ-п-28-27-81).

Горький ответил 30 июня 1929 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 363).

[1] Сибирские писатели Сергей Марков и Николай Анов были у Горького 1 июня 1929 г., он говорил с ними о Зазубрине, настаивал на его участии в «Сибирском сборнике» (издание не состоялось) (*Анов Н.* Встречи // Сибирские огни. 1968. № 3. С. 126–132).

[2] Из переписки с писательницей Н.В. Чертовой Горький выяснил, что некоторые его письма не доходят до адресатов, в том числе и до Зазубрина. В марте 1929 г. Горький сообщал ей: «А вот я, — давно уже, — написал длинное письмище Зазубрину В.Я., так он мне не отвечает. И это — не похвально» (*АГ.* ПГ-рл-50-12-1). Н.В. Чертова писала в ответном письме 10 июля 1929 г.: «Особенно досадно, что В.Я. Зазубрин не по-

лучает Ваши письма. Состояние у него неважное, живет в полном и нарочитом одиночестве. Никак не может расписаться. Письма от Вас ему крайне нужны и действуют ободряюще» (*АГ.* КГ-п-85-7-5).

[3] Имеются в виду письмо Горького Зазубрину от 3 января 1929 г. (п. 6) и ответные письма Зазубрина Горькому — от 25 января (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 362) и 18 февраля 1929 г. (п. 7).

[4] См. п. 5, примеч. 10.

[5] Содержание рассказов кратко записал в дневнике Максим Пешков:

«12 <сентября>. Вечером Зазубрин. В 26 г. был 6 мес. в Монголии и Тувинск<ой> респ<ублике> (тувинцы–тюрки). В Тув<е> 1 грамотная женщина, жена президент<а>. Недавно (до 17 г<ода>) приговоренных к заключ<ению> сажали в городе в ящик, где было отверстие, куда просовывалась рука, если кто-нибудь хотел кормить. Сифилис почти на 100%, на съезде делегаты оказались больны все. 600 тыс. жит. 300 тыс. мужчин, из которых только в Улан-Бат<оре> 40.000 лам. Проституция. Торговать не умеют. Теперь построили больницы, школу, торговлю» (*АГ.* ФМП-3-12-1); «Монголия. Заз<убрин> с переводчиком у юрты записывает...

Монгол. — У вас и письменность есть?

— Если бы вас одет<ь>, вы и на людей были бы похожи.

Чем больше на халате жирных пятен, и чем они больше, тем полагается с большим уважением относиться к человеку.

При транспортировке оружия в К<итай?> во время опросов отвечали, что везут китайскую лапшу, но когда увидели стадо диких коз в несколько тысяч голов, то распаковались и из пулеметов открыли огонь» (*АГ.* ФМП-3-13-1).

Подробнее о путешествии Зазубрина по Монголии и замысле романа на монгольском материале см: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 367–369.

[6] Поездка не состоялась. См.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 270.

[7] Горький отвечал: «Книгу Вашу не "консервируют", она идет».

[8] Полонский Вячеслав Павлович (наст. фам. Гусин), критик, журналист, главный редактор журналов «Новый мир» (1926–1931) и «Печать и революция» (1921–1929).

9.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] А.Л. Коптелов был у Горького в июле 1929 г. и сообщил ему о ненормальном положении, сложившемся в литературе Сибири в связи с травлей ряда сибирских литераторов журналом «Настоящее» (См.: *Горький и Сибирь.* С. 409–414). Полученные от Коптелова сведения Горький использовал в статье «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры» (*Г-30.* Т. 25. С. 42). Письмо А.Л. Коптелова В.Я. Зазубрину не разыскано.

[2] См. п. 4, примеч. 5.

10.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Ответ на письмо Горького от 27 июня 1931 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 367–368).

[1] П.П. Крючков, секретарь Горького.

[2] *Горький М.* Как я пишу // Как мы пишем. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 24–28. См.: *Г-30.* Т. 26. С. 222–225. Статья представляет собой ответы на 16 вопросов анкеты, предложенных издательством писателям.

[3] Горький предлагал Зазубрину принять участие в работе над «Историей Гражданской войны» и приглашал приехать в Москву на собрание участников проекта.

[4] Поездка Р. Роллана в СССР летом 1931 г. не состоялась, в письмах Горькому 2 и 9 июня 1931 г. Роллан объяснял это состоянием своего здоровья и серьезной болезнью престарелого отца (*Архив Г. 15.* С. 193, 195).

[5] Обычно Горький уезжал из Москвы в Сорренто в октябре.

[6] Неточная цитата из книги Е. Андреевича (наст. фам. Е.А. Соловьев, 1866–1905) «Опыт философии русской литературы» (СПб.: Знание, 1905. С. 519). Подробнее см.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 287.

11.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] 1 мая 1932 г. Днепрогэс вступила в строй. Торжественное открытие Днепрогэс состоялось 10 октября 1932 г. В этот день «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» напечатали статью Горького «Привет создателям Днепростроя!» (См.: *Г-30.* Т. 26. С. 364–366).

[2] В 1932 г. японские войска оккупировали Маньчжурию. В Японии развернулась широкая антисоветская пропаганда под лозунгом защиты Маньчжурии «от большевистской угрозы». Оккупация Маньчжурии явилась нарушением русско-японского Портсмутского договора 1905 г. Продвижение японских войск на север, непосредственно к границам СССР, угрожало безопасности страны.

12.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Датируется по почт. шт. на конверте: «Москва. 28.4.32».

[1] Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991), с 1930 г. первый секретарь Московского комитета ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б).

13.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Муранов Матвей Константинович (1873–1959), революционер, член РСДРП(б) с 1904 г., депутат IV Государственной думы от харьковских рабочих. В 1922–1934 член ЦКК. См. также п. 19, примеч. 2.

[2] В очерке «Неезженными дорогами» (1926) Зазубрин писал: «Я никогда не был студентом. Ровно десять лет тому назад я только хотел стать им, но вместо университета попал в тюрьму» (*ЛН Сибири. Т. 2.* С. 114).

[3] Имеется в виду поездка на Амстердамский антивоенный конгресс. Конгресс состоялся 27–29 августа 1932 г. См. п. 15, примеч. 1.

14.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] В июне 1930 г. Горький сам, «перерабатывая по просьбе А.Б.Халатова, очерк "В.И.Ленин", снял характеристику опального Троцкого» (*Спиридонова Л.А.* М.Горький: диалог с историей. М., 1994. С. 234. Подробнее об этом см.: *Бочарова И.А.* К истории создания второй редакции очерка Горького «В.И.Ленин» // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения: Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 135–147). С 1931 г. Главлит «чистил» произведения первого послереволюционного десятилетия от «одиозных» имен, среди которых имя Троцкого было на первом месте. Немного позднее были проведены «зачистки» общедоступных фондов библиотек, из которых в спецхраны были изъяты неисправленные ранние издания. Такая участь на десятилетия была определена и для 1–9 изданий романа Зазубрина «Два мира» (*Блюм А.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. С. 84). В письме Б.М.Волина В.М.Молотову от 8 апреля 1935 г. среди писателей, в чьих произведениях «в положительном контексте» встречается имя Троцкого, упомянут «бывший троцкист» Зазубрин и его роман «Два мира» (Там же. С. 15–16).

[2] 16 мая 1932 г. Зазубрин писал секретарю Горького П.П.Крючкову: «Дело с конфискацией "Двух миров" — без изменения. Леноблито рекомендует мне самому договариваться в Главлито. Решил поехать в Москву. Выеду числа 20–21 (как достану билет). А.М. ввели в заблуждение, когда сказали, ему, что книга задержана временно до исправления. Как может быть задержана книга временно, или вообще задержана, если она почти вся (9-е изд.) распродана?» (*АГ.* КК-рл-6-11-2).

[3] В письме Крючкову от 16 мая 1932 г. Зазубрин сообщал, что получил тысячу рублей и просил передать благодарность Горькому, которого не хотел беспокоить, поскольку слишком загрузил своими письмами (Там же).

15.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Имеется в виду Амстердамский антивоенный конгресс, инициатором которого был французский писатель Анри Барбюс. Конгресс состоялся 27–29 августа 1932 г.

Советская делегация, в состав которой был включен Горький, не получила от голландского правительства въездных виз. Подробнее об этом см.: *Архив Г. 8.* С. 378–379, 381–382, 390–391.

16.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Нечаев Сергей Геннадьевич (1847–1882), русский революционер, нигилист, лидер «Народной расправы», осужден за убийство студента Иванова. Стал прототипом Петра Верховенского в романе Ф.М. Достоевского «Бесы».

[2] Клеточников Николай Васильевич (1846–1883), революционер, агент Исполнительного комитета «Народной воли» в Третьем отделении и Департаменте полиции.

[3] Отец В.Я. Зазубрина (Зубцова), Яков Николаевич Зубцов, работал на железной дороге, «был членом Железнодорожного союза и в 1905 г. принимал участие в забастовках, дважды арестовывался, сидел в тюрьмах, а в 1907 г. за принадлежность к РСДРП сослан под гласный надзор полиции в Сызрань на два года. В Сызрани он самостоятельно подготовился к экзаменам на звание частного поверенного и постепенно отошел от революционной работы» (*Яновский Н.Н.* Жизнь и творчество Владимира Зазубрина // *Яновский Н.Н.* История и современность. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. С. 112).

[4] Начиная с десятого издания романа «Два мира» (Л., 1933) из текста были изъяты все упоминания Льва Троцкого. Купюры, сделанные автором по требованию Главлита, см.: *Яранцев В.Н.* Зазубрин: Главы из книги // Сибирские огни. 2009. № 6. С. 169–170.

[5] Герой романа Иван Безуглый рассматривает картину на стене сельсовета: «Он думал о людях, которые начали переделывать мир в одной шестой его части. На золотой от капель смолы стене сельсовета висел портрет Сталина. Илья Дитятин — единственный художник в Белых Ключах — написал вождя на берегу пустынного замерзшего Енисея. Он шел по снегу смеющийся, в высоких оленьих сапогах, в полушубке и в меховой шапке-ушанке. В зубах у него дымилась короткая кривая трубка. На правом плече лежала рыбачья сеть. В левой, крепко стиснутой руке Сталин держал связку больших, жирных осетров. Круглые куски льда на плавниках и на панцире рыб блестели как золотые монеты. Безуглый вспомнил позолоту стен Андреевского зала. На трибуну пятнадцатого съезда вышел сухощавый, среднего роста человек. На нем — защитный френч, серые штаны и сапоги. На голове у него — не тронутые временем черные пряди волос. Концы усов опущены книзу. Глаза темны и суровы. Лицо в свете юпитеров — бледно. Его слушала вся страна и миллионы за ее рубежами. Он ни разу не повысил голоса, не сделал ни одного резкого движения. Он был спокоен. Он видел, как в обвалах войн и революций, точно в первозданном хаосе, шли горообразовательные процессы, возникали материки нового мира. Безуглый смотрел на стену избы. Сталин смеялся, курил трубку и играл золотыми осетрами» (*Зазубрин В.Я.* Горы // Новый мир. 1933. № 10. С. 119–120). Именно этот фрагмент в его первой редакции вызвал

критические замечания Горького в письме от 11 октября 1933 г.: «Неверно, что у И.В. "узкое, длинное" лицо. Разве в Енисее водятся *осетры*?» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 381). В посмертных изданиях советского периода это описание было купировано.

[6] Имеется в виду Туруханская ссылка И.В. Сталина (июль 1913 — март 1917 г.).

[7] Портретов других вождей в опубликованной первой части «Гор» нет. Возможно, они содержались во фрагментах, не пропущенных цензурой, или должны были появиться во второй части романа. 26 января 1934 г. Зазубрин писал П.П. Крючкову: «Дорогой Петр Петрович, оставляю Вам оттиски первой книги моего романа "Горы". Не все поправки, сделанные в них, обусловлены цензурными вырезками. Я не хочу зря отнимать у Вас время, поэтому и не восстанавливаю всего того, с чем я или примирился, или что решил перенести во вторую книгу. Например, вопрос о роли т. Сталина после смерти Ленина. Волин у меня все это вырезал. Я перенесу это место в последнюю книгу и тогда буду просить А.М. защитить меня от нелепых посягательств Главлита» (*АГ.* КК-рл-6-11-9).

Подобные «неиконописные» портреты вождей были даны в очерке Зазубрина «Заметки о ремесле», ставшем одной из причин отстранения Зазубрина от руководства журналом и Союзом сибирских писателей: «Рыков говорит, положив руки в нижние карманы жилета. Он откидывает голову назад и сияет белизной воротничка и манжет. <...> Он ставит восклицательные знаки в середине фразы <...> Возможно, это органический недостаток — заикание заставляет его говорить с ударением на словах, которые он, может быть, и не хотел бы подчеркивать. <...> Сталин всегда спокоен. Ходит по президиуму с трубочкой, улыбается. Остановится, положит руку кому-нибудь на плечо и слегка покачает, точно попробует — крепок ли. Сталин тащит на своей спине тягчайший груз. Он генсек. Но съезд видит только его спокойное, улыбающееся рябоватое, серое лицо под низким лбом с негнущимся ершом черных волос. В докладе он был как-то по-настоящему, по большевистски груб. <...> Бухарин, улыбаясь и потирая руки, как на крылечке дома, присел на ступеньках, ведущих в президиум. Был он, как маленький рыженький попик с петушиным мягким хохолком на голове, вышедший побеседовать в ясный погожий денек с прихожанами. <...> Сталин одобрительно и лукаво посматривает на Бухарина, демонстративно ему аплодирует. <...> Костюм Бухарина — какая-то переходная эпоха. На нем черная толстовка, воротничок, манжеты. Толстовка перетянута широким офицерским ремнем. Брюки заправлены в сапоги. Одним словом, до пояса — новая экономическая политика, ниже — военный коммунизм. <...> Бухарин мелкими шажками запрыгал по лесенке в президиум. Его встречают десятки хлопающих рук. Сталин подбежал к нему, слегка приседая и аплодируя. Казалось, он сейчас запляшет. В эту минуту в Сталине было что-то глубоко человеческое. <...> Менжинский почти не изменился за эти десять лет. Только угрей стало больше на лице. <...>У Томского неправильная голова. Две головы на короткой шее. <...> Молотов — человек с необычайно сильным лицом. <...> У Молотова короткая верхняя губа. Он заикается. Кажется, что сильный конь спотыкается, дергает головой, наклоняется, задержанный невидимыми вожжами» (Сибирские огни. 1928. № 2. С. 248–251).

Право описывать вождей революции неиконописно Зазубрин пытался отстаивать на встрече писателей с членами правительства в доме Горького 26 октября 1932 г., чем, по всей вероятности, серьезно усугубил свое положение. Согласно воспоминаниям К. Зелинского, Зазубрин говорил, что цензура мешает развитию литературы, что она не пропускает, например, «невеличественных» описаний Сталина: «Вот один мой товарищ захотел описать Сталина. Что же он заметил в Сталине, мой товарищ, которого не пропустила цензура? Он заметил прежде всего простоту речи, поведения, рябины на лице, — словом, ничего величественного, никакого рефлекса на величие. А вот когда академик Павлов сидел в Риме на конгрессе рядом с Муссолини, он сказал о его подбородке: "Вот условный рефлекс на величие"». «Затем, — вспоминал К. Зелинский, — пошло сравнение Сталина с Муссолини и предостережение тем, кто хочет рисовать Сталина, как и других членов Политбюро, точно членов царской фамилии — с приподнятыми, подбитыми ватой плечами. Сталин сидел насупившись. Чувство величайшей неловкости сковало нас всех» (*Зелинский К.* Вечер у Горького (26 октября 1932 г.) // *Минувшее. Кн. 10.* С. 97). По словам сестры Зазубрина, Н.Я. Каботовой, он «почувствовал некоторое замешательство», понял, что «сказал лишнее», и сожалел, что не удержался тогда от резких высказываний (*ЛН Сибири. Т. 2.* С. 399).

17.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] О каком письме идет речь, установить не удалось.

[2] Значительная часть индивидуальных крестьянских хозяйств облагалась твердыми заданиями по основным видам заготовок сельскохозяйственных продуктов (по низким закупочным государственным ценам). Особое значение имели твердые задания по хлебозаготовкам. Крестьянские хозяйства, не выполнившие эти твердые задания, подвергались репрессиям. Имущество подлежало продаже, а сами крестьяне выселялись в отдаленные районы. Твердые задания в 1932 г. давались не кулацким хозяйствам, которых практически уже не было, а единоличникам-середнякам (Подробнее см.: *Гущин Н.Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996).

18.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Сын Зазубрина Игорь после переезда семьи под Ленинград заболел туберкулезом. Неоднократно гостил у Горького в Горках и Тессели, дружил с внучками писателя Дарьей и Марфой.

[2] И.В. Сталин вернулся в Москву из отпуска 28 августа 1932 г.

[3] Вероятно, неточная цитата из стихотворения Дж. Г. Байрона «К М.С.Г.» (1806): «Пусть тайный огнь мне сердце гложет,/ Об этом не узнаешь, нет, — / Тебя мой стон не потревожит,/ Я предпочту покинуть свет!» (пер. А. Голембы).

[4] Дело Зазубрина пересматривалось на заседании Партколлегии ЦКК ВКП(б) 17 августа 1932 г. В *АГ* хранится адресованная лично Горькому выписка из протокола этого заседания, в которой, в частности, говорится: «Рассмотрев вторично дело Зубцова (Зазубрина) В.Я., ЦКК считает, что не установлено фактов предательства со стороны Зубцова (Зазубрина) в период его подпольной деятельности. В то же время ЦКК считает, что в период Советской власти со времени перехода Зубцова (Зазубрина) в Красную армию, Зубцов (Зазубрин) проявил себя как активный защитник пролетарской диктатуры. Секретарь Партколлегии *Ем. Ярославский*» (*АГ*. КГ-п-28-27-80). Наличие этого документа в *АГ* позволяет сделать вывод, что именно Горький настоял на пересмотре дела Зазубрина. Это подтверждается и другими источниками, в частности, перепиской Горького со Сталиным.

19.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] См. п. 18, примеч. 4.

[2] М.К. Муранов был арестован вместе со всеми членами большевистской фракции IV Государственной думы на партийной конференции в деревне Озерки под Петроградом 4 ноября 1914 г. Сведения о конференции Охранное отделение получило от агента А. Романова (кличка Пелагея). После ареста была обнаружена записная книжка Муранова с фамилиями, явками и его заметками о поездке по городам России, где он проводил нелегальные собрания, восстанавливал партийные комитеты и ячейки. Тогда он побывал и в Сызрани. Среди других в записной книжке числились фамилия и адрес Владимира Зубцова. На основании этого В.Я. Зубцов был арестован 20 декабря 1914 г. Переписка жандармских чинов о привлечении его к агентурной деятельности под кличкой «Минин», ставшая главным доказательством обвинения Зазубрина в провокаторстве, датируется 1916 годом. Подробнее об этом см.: *Белоконь А.* «В темноте не страх — отчаяние»: (Уголовное дело В. Зазубрина: исследование после расследования) // Волга. Саратов, 1993. № 2. С. 160–161.

[3] Как установил Г. Федоров, портрет Зубцова-Зазубрина с надписью «провокатор» был вывешен в музее Сызрани по инициативе К. Мяскова, «разоблачившего» Зазубрина после XV съезда ВКП(б) (см.: *Яранцев*. С. 475).

20.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

Ответ на письмо Горького от 15 декабря 1932 г. (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 376–377).

[1] Письмо Горького директору Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) Л.Н. Федорову от 25 ноября 1932 г., в котором он интересовался, «как дела института» и «кто будет строить его» (*Горький и наука*. С. 209).

[2] Молотов Вячеслав Михайлович (наст. фам. Скрябин; 1890–1986), с 1930 г. председатель СНК СССР, которому непосредственно подчинялся ВИЭМ.

[3] Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), в 1932 г. зам. председателя ОГПУ, с 1934 по 1936 г. возглавлял НКВД СССР. Был включен в состав Комитета содействия ВИЭМ. При ВИЭМ создавалась секретная лаборатория, которая должна была заниматься разработками нового оружия массового поражения. Работы по этому направлению возглавлял Г.С. Календаров.

[4] Г.С. Календаров. Он был связан с НКВД и лично с Ягодой, занимался «секретными разработками», пообещав Сталину использовать ультракороткие волны в новом мощном оружии, которое «закроет на замок» государственную границу. «Для него вблизи Шлиссельбурга на средства НКВД была построена специальная лаборатория. Календаров обещал, что создаст мощное заградительное оружие, которое "будет снимать самолеты, как галок, остановит танки и машины, а кавалеристы при попытке обнажить клинки повалятся с лошадей, как снопы". Однако когда К.Е. Ворошилов захотел выяснить, как продолжаются работы по "закрытию границ", представителя РККА в лабораторию не допустили» (*Грекова Т.И., Голиков Ю.П.* Медицинский Петербург. СПб., 2001. С. 181). По-видимому, он сумел привлечь внимание Сталина на встрече ученых с деятелями правительства, которая состоялась в доме Горького 7 октября 1932 г.

[5] Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969), в 1932 г. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР.

[6] Имеются в виду знаменитые опыты И.П. Павлова по изучению условных рефлексов.

[7] Сперанский Алексей Дмитриевич (1887/1888–1961) – ученый-медик, физиолог.

[8] Пастер Луи (1822–1895), французский микробиолог и химик, основатель микробиологии и иммунологии. В 1888 г. в Париже был основан Институт микробиологии, впоследствии названный именем ученого (Институт Пастера). Пастер стал его первым директором.

Кох Роберт (1843–1910), немецкий микробиолог, открывший бациллу сибирской язвы, холерный вибрион и туберкулезную палочку. За исследования туберкулеза в 1905 г. награжден Нобелевской премией.

[9] Горький поручил Зазубрину написание статей о ходе работ по организации ВИЭМ.

[10] Н.И. Бухарин, в то время возглавлявший научно-исследовательский сектор ВСНХ, поддержал идею специалиста по тибетской медицине Н.Н. Бадмаева о создании при ВИЭМ кабинета восточной медицины. Имеется в виду следующее письмо Бухарина директору института Л.Н. Федорову: «Дорогой тов. Федоров! Я по сути дела присоединяюсь к записке Сперанского и Савича. По-моему, одна из благороднейших задач ученых СССР состоит в том, чтобы добиться синтеза между наследием запада и востока, синтеза, которого не допускает империалистическая ориентация буржуазии, или во всяком случае мешает его созданию. Поэтому я бы думал, что в рамках вашего учреждения хорошо было бы отвести место и для работы Н.Н. Бадмаева, с соответствующей экспериментальной базой и обеспечением

издания соответствующих трудов. Но вовсе не след исходить из предрассудков культуры средиземного моря или даже "белой расы". Да и наверняка можно a'priori сказать, что мы могли бы получить немало ценного, если бы пошарили поглубже в сокровищницах научной мысли востока. Привет. Ваш *Бухарин*» (Цит. по: *Грекова Т.И.* Тибетская медицина в России: История в судьбах и лицах. СПб.: Атон, 1998. С. 219).

Л.Н. Федоров идею создания кабинета восточной медицины не поддерживал. Организованное в 1934 г. Бюро по изучению восточной медицины несколько раз переименовывалось, в 1935 г., став уже Отделом народной медицины, было закрыто под предлогом реорганизации института (Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины: К 100-летию Института экспериментальной медицины. Л.: Наука, 1990. С. 82–83).

[11] О.Д. Черткова, врач-гинеколог, жившая в доме Горького в качестве медсестры, одна из близких к нему людей в последние годы жизни писателя.

[12] Горький писал Зазубрину, что на состояние его здоровья «сокращение курения от 40 до 5 штук в сутки — действует отлично».

21.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] 15 декабря 1932 г. Горький писал Зазубрину: «Дорогой В.Я., — в интересах дела было бы крайне важно, если бы Вы посылали мне копии тех статей о нашей науке и о ходе работ по организации Института, а я бы эти статьи пускал в европейскую печать <...> Копии статей, пожалуйста, давайте мне и — если можно — до опубликования в "Известиях", что имеет значение для западной прессы» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 376–377). Статьи для «Известий» Зазубриным написаны не были. Очерк о ВИЭМ «История одного подкопа», предназначенный для альманаха «Год XVI» и для журнала «Наши достижения», Горькому не понравился (см.: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 383). Письмо от 18 января 1933 г. напечатано было впервые, не полностью: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 146–156.

[2] В письме от 25 ноября 1932 г. Горький просил Л.Н. Федорова помочь получить у А.Д. Сперанского разрешение на перепечатку его статьи «Об эксперименте и экспериментаторе» в альманахе «Год шестнадцатый»: «Я не знаю, что мешает мне обратиться непосредственно к автору и очень прошу Вас, Л.Н., исхлопотать у него разрешение на перепечатание статьи в альманахе» (*Горький и наука.* С. 209).

[3] А.Д. Сперанский написал письмо Горькому 6 января 1933 г., давая согласие на перепечатку статьи и обещая в ближайшие дни немного переделать ее и переслать П.П. Крючкову (*АГ.* КГ-уч-10-22-1). Горький ответил ученому 17 января 1933 г., благодарил за статью (*АГ.* ПГ-рл-40-13-1).

[4] См.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 149.

[5] Статья А.Д. Сперанского «Об эксперименте и экспериментаторе» была напечатана в альманахе первом «Год XVI» (М., 1933. С. 451–471). Впервые опубликована: Архив биологических наук. М., 1932. Т. 32. Вып. 2. С. 97–113.

[6] Издательство при ВИЭМ было организовано в 1933 г.

[7] «За "Альманах" — трепещу, как бы "первый блин" не вышел "комом"», — писал Горький Зазубрину 15 октября 1932 г. (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 377).

[8] Зубцов Игорь Владимирович (1921–1842), сын Зазубрина. Пешкова Марфа Максимовна (р. 1925) — внучка Горького.

[9] *Далецкий П.Л.* Концессия. М.; Л.: ГИХЛ, 1932.

[10] Г.Г. Ягода, заместитель председателя ОГПУ, фактически руководил им из-за болезни В.Р. Менжинского, а после его смерти в 1934 г. возглавил ОГПУ–НКВД.

[11] Второе издание романа П.Л. Далецкого «Концессия» вышло в Ленинградском отделении ГИХЛ в 1933 г.

22.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Имеется в виду заседание в доме Горького на Малой Никитской (д. 6) 7 октября 1932 г., на котором присутствовали ведущие ученые и члены правительства и были поставлены основные вопросы, связанные с созданием ВИЭМ.

[2] Горький приехал в Москву 18 мая 1933 г.

[3] В неопубликованной финальной части очерка «История одного подкопа» Зазубрин писал: «Консультирует строительство председатель американской правительственной комиссии по здравоохранению — архитектор Гольд Уоттер, построивший за свою жизнь 150 госпиталей и больниц, в том числе и знаменитые клиники — Корнел Медикл Сентр в Нью-Йорке» (*АГ*. РАв-пГ-20-20-1. Л. 20).

[4] Главнаука при Наркомпросе РСФСР (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями; 1921–1930) — государственный орган координации научных исследований и пропаганды науки и культуры. В 1930 г. Главнаука была преобразована в сектор науки Наркомпроса РСФСР, который действовал до 1933 г.

[5] В 1929–1933 гг. Главнаукой и сектором науки руководил Иван Капитонович Луппол (1896–1943). Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Агол Израиль Иосифович (1891–1937), генетик, философ. С 1929 г. директор Биологического института им. К.А. Тимирязева при Коммунистической академии. Академик АН УССР (1934). Репрессирован, реабилитирован посмертно.

[6] Горшков Михаил Алексеевич (1874–1941), директор Обуховской больницы в Ленинграде, известный терапевт.

[7] Сотрудник Наркомфина СССР, биографические данные установить не удалось.

[8] Гринько Григорий Федорович (1890–1938), в 1930–1937 гг. нарком финансов СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

23.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Горький ответил 22 февраля 1933 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 377–378).

[1] В.П. Зазубрина-Теряева в заявлении в НКВД после ареста мужа писала, что о квартире в Москве для их семьи Горький лично просил Л.М. Кагановича и председателя Моссовета Н.А. Булганина (*АГ.* ФЕП-кр-28-44-1).

[2] «Сердиться на Вас, Владимир Яковлевич, у меня нет никаких причин, — отвечал Горький. — Письма Ваши мною получены, и я своевременно ответил на них. Но в эту зиму какие-то идиоты, должно быть, сердились на меня, и я все более убеждаюсь, что мои письма не доходят по назначению...».

[3] Отрывок из романа «Горы» опубликован в альманахе «Год XVI» под названием «Внук» (М., 1933. С. 216–232).

[4] Л.Л. Авербах вместе с Горьким редактировал альманах. 14 февраля 1933 г. Авербах писал Горькому, что «Зазубрин дал очень хороший кусок» (*Горький и корреспонденты.* С. 612).

24.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

Горький ответил 23 февраля 1933 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 378–379).

[1] Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств, осуществляло предварительную цензуру всех книжных и периодических изданий в стране.

[2] «Враг топтал хлебные поля, расхищал зерновые запасы, резал молочный скот, ломал плуги», — так начинается роман Зазубрина «Горы» в окончательной редакции. В ответном письме Горький советовал Зазубрину «несколько изменить отмеченное Главлитом начало романа, где идет речь о "второй войне". Изменение ничтожное, требуется назвать врага — кулак».

[3] Осенью 1927 г. были установлены твердые цены на хлеб. С 1 июля 1927 по 1 января 1928 г. государством было заготовлено на 2000 тыс. т. меньше, чем в тот же период предшествующего года. Потребность в хлебе возрастала в связи с быстрым ростом индустриальных центров и городского населения. В 1928 г. были введены новые планы хлебозаготовок, для зажиточных хозяйств установлены твердые задания на сдачу государству всех товарных излишков хлеба. Государство вернулось к методам жесткого административного давления на крестьянство.

[4] Издательство «Academia» в 1930–1933 гг. выпустило несколько изданий «Декамерона» Джованни Боккаччо, в 1934 г. — «Фацетии» итальянского гуманиста Поджо Браччолини.

[5] Имеется в виду фрагмент воспоминаний главного героя романа «Горы» Ивана Безуглого о Гражданской войне: после разгрома банды Огородова красноармеец Помольцев возит по деревням его отрубленную голову. Эпизод основан на реальных

фактах. В 1934 г. во время поездки на Алтай Зазубрин, по воспоминаниям сопровождавшего его Афанасия Коптелова, в деталях расспрашивал местных жителей о «ликвидации банды Кайгородова: в каком доме укрылся пьяный есаул, как его извлекли оттуда, как ему отрубили голову, как через весь Алтай везли ее, опущенную в бурдюк с самогонкой, и в каждой деревне вытаскивали за вихры, чтобы показать крестьянам и спросить лишний раз: "Он? Узнаете бандюгу? Видите, каюк Кайгородову!.."» (*Коптелов А.Л.* Минувшее и близкое: Воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск, 1983. С. 54). В письме руководителю Главлита Б.М. Волину Горький просил «оставить <...> сцену с головой бандита как чрезвычайно ценную эпическую деталь» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 379).

25.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Слова: «Я доволен, что могу еще поработать над романом», — Горький подчеркнул в письме Зазубрина красным редакторским карандашом.

Ответ на письма Горького от 22 и 23 февраля 1933 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 377–379).

[1] В письме Б.М. Волину от 25 февраля 1933 г. Горький дал высокую оценку романа «Горы», сравнив его с «Поднятой целиной» М.А. Шолохова: «Роман же этот я ценю весьма высоко, будучи убежден, что автору удалось написать произведение именно эпического тона, и что вместе с книгой Шолохова это — весьма удачный шаг вперед нашей литературы. Наш реализм должен быть именно героико-эпическим, для того, чтобы художественно преодолеть "золаизм" и натурализм и дать подлинно художественное отображение действительности. Мне кажется, что Зазубрин сделал в этом направлении шаг дальше Шолохова <...> Прилагаю копию письма моего Зазубрину, очень прошу Вашего внимания к этому весьма сильному автору» (Там же. С. 379; *АГ.* ПГ-рл-16-32-26).

[2] Среди замечаний Горького было следующее: «...не пишите "с усилием удержал", ибо в начале этих слов звучат жиденькие "усы", а затем является "муде". Слова, которые Вы пишете, надобно слышать. Молодые авторы у нас глуховаты, пишут "проба сил", забывая, что есть глагол — "басить"».

[3] О диалоге Андрона Морева и Ивана Безуглого из части романа, предложенной Зазубриным для альманаха «Год XVI», Горький писал: «Кулак — убедителен, коммунист — почти немотствует. В отрывке этом образ коммуниста неясен, и наш читатель может принять его за человека, который готов уступить свои позиции». Он выражал опасение, «как бы отрывок этот не скомпрометировал повесть, внушив читателю неправильное о ней представление». О том же Горький писал Л.Л. Авербаху (см. *Горький и корреспонденты.* С. 613).

[4] Имеются в виду монологи героя романа Игонина. В альманахе «Год XVI» был опубликован отрывок из начала романа с описанием охоты на медведей и диалогом Морева и Безуглого.

[5] М.А. Пешков, Н.А. Пешкова, И.Н. Ракицкий, О.Д. Черткова.

26.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Ответ на письмо Горького от 18 ноября 1933 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 383).

[1] 3 ноября 1933 г. Зазубрин отправил Горькому свой очерк о ВИЭМ, копии письма А.Д. Сперанского (от 27 октября) и своего ответа ему (от 3 ноября). Сперанский писал Зазубрину, что его очерк ничего не может разъяснить «советскому гражданину и читателю средний руки», ученые в нем представлены почти как «комедийные персонажи». Сперанский счел, что туманные «намеки и полуобещания» опасны и даже вредны, а абсолютная уверенность в грядущих достижениях советской медицины пока ничем не подтверждена и вызывает ложное впечатление (*АГ.* КГ-п-28-27-45). Зазубрин отвечал, что оптимистичный тон очерка продиктован требованиями журнала «Наши достижения», для которого очерк предназначался; сами ученые не позволили ему осветить ряд тем, связанных с работой института. Он возразил против стилистической правки Сперанского, заменившего разговорную речь в диалогах «цитатами из своих научных работ» (Там же). Соглашаясь с отрицательным отзывом Сперанского об очерке, 18 ноября 1933 г. Горький писал Зазубрину: «Судя по Вашему ответу Сперанскому, Вы не очень терпимы и критика раздражает Вас. Грустно, если это так».

[2] Яглинг Борис Львович (1909–1948), журналист, редактор литературного отдела журнала «Наши достижения». Статья Яглинга о ВИЭМ в журнале не печаталась. Институту и ученым ВИЭМ посвящен очерк А. Поповского «Лицом к человеку» (Наши достижения. 1934. № 3. С. 56–73).

[3] Гронский Иван Михайлович (наст. фам. Федулов; 1894–1985), журналист, председатель Оргкомитета Союза советских писателей, в 1931–1937 гг. редактор журнала «Новый мир», в № 6–12 которого за 1933 г. печатался роман Зазубрина «Горы».

[4] Волин Борис Михайлович (наст. фам. и имя Фрадкин Иосиф Ефимович; 1886–1957), с 1931 по 1935 г. начальник Главлита.

27.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

Слова: «Ее исключили из профсоюза за то, что она за последние три года не перевела ни одной книги», — Горький подчеркнул в письме Зазубрина красным редакторским карандашом.

Ответ на письмо Горького от 14 января 1934 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 384).

[1] Имеется в виду отзыв Горького о фрагменте романа «Горы», посвященном истории коммун на Алтае. Гронский опасался, что Главлит не пропустит эти страницы. См. письмо Зазубрина Горькому от 11 января 1934 г. и ответ Горького от 14 января 1934 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 384).

[2] Письмо Б.В. Шергина, переданное Зазубриным Горькому, датированное январем 1934 г., сохранилось в *АГ*. Шергин писал:

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Я архангельский помор, по призванию и по профессии сказочник, проведший всю жизнь у рыбных и звериных промыслов Белого моря, последние годы живу в Москве, занимаясь литературной работой.

Кроме напечатанного в детских журналах, отдельными книжками изданы былины моего репертуара ($2^1/_2$ л. ГИЗ, 925 г.) и сказки о Шише ($2^1/_2$ л. Ленгиз, 930 г.). В 932 г. "Советская литература" приняла к печати мои "Архангельские новеллы", 6 л., но книга до сих пор не вышла. Год назад я договорился также с Ленгизом на три детских книжечки.

Но на все эти работы я смотрю как на подготовительные к книге относительно большой и серьезной.

Вековечные протестанты, — оппозиционеры церкви и правительства, наши помоpы в то же время народ крайне жизнерадостный. В поморской среде живет память о скоморохах, всесторонне живо скоморошеское искусство.

Этот вот фламандский дух, также веселая сказочная память о скоморохе Шише (или Шуте) — защитнике угнетенных, давно убедили меня в том, что у нас был, должен быть свой Тиль Уленшпигель! <...> Для меня несомненно, дорогой Алексей Максимович, что тема русского Уленшпигеля естественна, насущна, давно созрела. Слушая у крестьян обрывки Шишовых проделок, я ощущаю, что народ наш — сказочник-песенник — давно беременен своим национальным Уленшпигелем, что такую книгу вот-вот кто-нибудь должен родить.

И я чувствую, что это мое дело, смотрю на создание русского Уленшпигеля как на дело моей жизни.

А так как "чихнуть да родить нельзя погодить" (нельзя еще и потому, что я начал быстро слепнуть — утратил уже 50 % зрения), я дерзновенно изыскиваю материальную возможность для осуществления моей мечты.

Чтоб быть мало-мальски сытым хоть на время работы над Шишом-Уленшпигелем, я обращался в комиссию по распределению пайков писателям (я член Мосгоркома). Получил отказ.

Алексей Максимович! Вот я решился теперь обратиться к Вам с просьбой пособить мне в этом...» (*АГ*. КГ-п-88-27-1).

Замысел Шергина, по-видимому, заинтересовал Горького, высоко ценившего книгу Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле», написанную по мотивам фламандских легенд и старинных хроник. На письме помета Горького: «Надобно устроить парня». Горький через секретаря оказал Шергину денежную помощь — 26 января 1934 г. Зазубрин писал П.П. Крючкову: «Завтра я зайду за деньгами, которые Вы обещали Шергину» (*АГ*. КК-рл-6-11-9).

Произведения Шергина печатались в журнале «Колхозник»: «Постройка корабля» (1934. № 2. С. 41–50); «Мурманские зуйки» (1935. № 3. С. 37–43); «Детство в Архангельске», «Рассказ Соломониды Ивановны» (1935. № 5. С. 61–70) и др.

Через год, 19 января 1935 г., став членом правления Литфонда, Зазубрин вновь напомнил Горькому о Б.В. Шергине: «Мне теперь легче писать Вам о Шергине, т.к. не я один его хвалю, а и Маршак, которому Вы, кажется, вполне доверяете. Маршак, правда, хоть и восторженно отзывается о Шергине, и целует его всегда при встречах, и в гостях у него просиживает до утра, слушая его рассказы и пение, а книги его маринует по 2, по 3 года не издает. Детгиз тоже занимает странную позицию — рассказы о любом нацменьшинстве принимает с большим удовольствием, а о русских говорят, не надо. Шергин же знает только русских. Отсюда понятно, что этот талантливый писатель и изумительный знаток нашего русского севера должен жить впроголодь, гоняться за случайным заработком и, следовательно, никак не может всерьез сесть за работу, о которой я Вам писал в прошлом году. Ведь я совершенно уверен, что при благоприятных условиях он напишет русского Уленшпигеля. Какие рассказы он знает о скоморохах, о попах! Не уступит Боккачио. А условия у него такие — заработок ничтожный, но поглощающий досуг, квартира — подвал сырой, без дневного света, очки последний номер, следующий номер — слепота» (*АГ.* КГ-п-28-27-61; купюра восстанавливается по *АМ*).

[3] Вероятно, имеется в виду совещание по фольклору 15 декабря 1933 г., состоявшееся по инициативе Горького. На совещании было учреждено бюро по фольклору при Оргкомитете и избран его состав. С докладами выступили ответственный редактор «Литературной газеты» А.А. Болотников и известный фольклорист Ю.М. Соколов, художественная часть состояла из выступлений «олонецкого сказителя Конашкова, русского хора Яркова, осетинского хора, якутских и казахских певцов» (На фольклорном совещании в Оргкомитете // Лит. газета. 1933. № 58. 17 дек. С. 6).

[4] Леонов Леонид Максимович (1899–1994), русский советский писатель, родился в Москве, в 1918–1920 гг. жил в Архангельске, где познакомился с местными литераторами, в том числе с С.Г. Писаховым и Б.В. Шергиным.

[5] Анатолий Викторович Крог (1895–1959), троюродный брат писателя. После переезда Шергина в Москву и до смерти Крога они жили вместе.

[6] Лариса Викторовна (1899–1985), в замужестве Поплавская, была замужем за военным.

[7] Павленко Петр Андреевич (1899–1951), советский писатель.

[8] Жихарева Ксения Михайловна (1879–1950), переводчица. В 1914–1924 гг. жена писателя В.Я. Шишкова.

28.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Председателем оргкомитета в Новосибирске был писатель и критик Высоцкий Анатолий Васильевич (1897–1970). По воспоминаниям А.М. Топорова, он был одним из главных недоброжелателей Зазубрина среди сибирских писателей (*Топоров А.М.* Творец страшной книги (Владимир Яковлевич Зазубрин) // *ОР ИМЛИ.* Ф. 219. Оп. 2.

Ед. хр. 4; см. также: Письма о Зазубрине: Из неопубликованного // Сибирские огни. 2010. № 6). В 1928 г., когда развернулись гонения на Зазубрина, Высоцкий возглавлял СибАПП. А.Л. Коптелов, у которого остановился Зазубрин в 1934 г., вспоминал о телефонном разговоре Зазубрина с заместителем председателя Новосибирского оргкомитета поэтом Вивианом Итиным: «Вивиан Азарьевич сказал, что нет согласия на проведение собрания, и был вынужден напомнить моему гостю о его былых ошибках — они, дескать, кое у кого здесь все еще хранятся в памяти <...> еще не настало время для публичных выступлений Зазубрина в Новосибирске <...> Глубоко оскорбленный и разгневанный, Зазубрин сказал мне, что он этого так не оставит — непременно доложит Горькому, и тут же отправился на почту» (*Коптелов А.Л.* Минувшее и близкое. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 48–49). В. Итин в письме Горькому от 5 сентября 1934 г. описал произошедшее несколько иначе. Возмущаясь выступлением Ф. Березовского против введения Зазубрина в состав Правления Союза советских писателей, Итин сообщал: «...т. Березовский заявил, что секретарь Западно-Сибирского Крайкома ВКП(б) — "т. Эйхе не позволил выступить Зазубрину в Новосибирске". Член нашей делегации, старый большевик, т. Вегман уже заявил на партгруппе, что это утверждение не соответствует действительности. Должен прибавить, что отмена назначенного литературного вечера, на котором должен был выступать т. Зазубрин в Новосибирске весной этого года, была сделана в форме грубого администрирования, против желания всех писателей и без какого бы то ни было предварительного вызова и совещания с писателями-коммунистами. Характерно, что несколько месяцев тому назад т. Березовский также осудил это» (*АГ.* КГ-п-32-9-9).

[2] Имеется в виду постановление Сибкрайкома о журнале «Настоящее», в котором было признано «ошибочным обвинение т. М. Горьким активных работников группы "Настоящее" — т.т. Курса, Панкрушина и Гиндина в статье "Рабочий класс должен создать своих мастеров культуры", помещенной в "Известиях" от 25 июня. В этой статье М. Горький, очевидно, неправильно информированный, изображает как "гонение на художественную литературу" борьбу, которую настоященцы и др. парт. товарищи, вместе с лучшими представителями лит. общественности, под руководством Крайкома партии, вели и ведут с реакционной частью сибирских литераторов» (Настоящее. 1929. № 5–6–7. С. 5).

[3] Речь идет также о постановлении ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1929 г. «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького».

[4] «Первого секретаря Крайкома Р.И. Эйхе Зазубрин знал... — вспоминал А.Л. Коптелов, — ему бы он позвонил, но Эйхе не оказалось на месте. А новым сотрудникам Владимир Яковлевич звонить не стал» (*Коптелов А.Л.* Минувшее и близкое. Новосибирск, 1983. С. 48).

Горький направил секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе возмущенное письмо: «Уважаемый т. Эйхе — меня известили, что председатель оргкомитета западносибирских писателей запретил Владимиру Зазубрину сделать в

Новосибирске сообщение о работах по организации Всесоюзного съезда писателей, предпринятых Московским Оргкомитетом. Мотивы запрещения не известны мне, но, разумеется, я о них догадываюсь: вероятно, это отражение старой травли Зазубрина Сырцовым, Курсом и другими политическими банкротами.

Комфракция Московского Оргкома знает моральные качества лиц, посылаемых Оргкомом с докладами по областям и республикам Союза ССР.

Моя обязанность как председателя Оргкома литераторов и мое знание отношения ЦК партии к Зазубрину дает мне право не только протестовать против действий Новосибирского пред. Оргкома писателей, но и обжаловать его действия в ЦК» (Очерки русской литературы Сибири. Т. 2. Новосибирск, 1982. С. 188; *АГ*. ПГ-рл-56-7-1).

29.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Датируется предположительно по сопоставлению с письмами Зазубрина Горькому от 19 ноября и Горького Зазубрину от 20 ноября 1934 г. (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 400, 403).

[1] Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич (1885–1938), писатель. Его «Перекоп» — отрывок из неопубликованной книги «Гибель барона», напечатанный в сборнике «Гражданская война» (М.: ГИХЛ, 1932) — Зазубрин планировал включить в состав второго, «оборонного», номера журнала «Колхозник» за 1935 г., приуроченного к годовщине Красной Армии (см.: *Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 400–401). В «Колхознике» произведения Тарасова-Родионова не печатались.

[2] Миронов Филипп Кузьмич (1872–1921), казак, участник Гражданской войны на Дону на стороне красных, командарм Второй конной армии. Открыто выступал против политики расказачивания. Арестован в феврале 1921 года по ложному обвинению. Убит часовым во дворе Бутырской тюрьмы. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда в 1960 г.

30.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

К письму приложено «Открытое письмо Ф. Панферову».

[1] Речь идет об «Открытом письме А.М. Горькому» писателя Федора Панферова (Правда. 1935. № 27 (6273). 28 янв. С. 4). Направленная, главным образом, против Горького, статья содержала опасные обвинения и грубые выпады в адрес Зазубрина и его романа «Горы» (см. вступ. статью).

[2] Встреча состоялась. 15 февраля 1935 г. Зазубрин писал А.В. Бурдукову: «Был у Ал<ексея> М<аксимовича>. Он скоро “ответит”. Ответит не только в печати» (*ЛН Сибири. Т. 2*. С. 376).

[3] К комментируемому письму Зазубрин приложил «Открытое письмо Ф. Панферову»:

«Вы обвинили меня в клевете на партию и на коммунистов и тем самым зачеркнули мою первую книгу романа "Горы" как произведение советской литературы. Всякое обвинение должно быть обосновано. Я предлагаю Вам поэтому ответить мне на пять вопросов, впрочем, на последний можете и не отвечать.

Вопрос первый — где, в какой моей книге или рукописи Вы вычитали, что я писал о войне, якобы объявленной партией крестьянству? В романе "Горы" этого нет и не было в самых первых вариантах.

Вопрос второй — где у меня написано, что коммунисты таскали и показывали отрубленную голову? В "Горах" изображен Помольцев, — коммунист в кавычках, достаточно опороченный в первой книге близостью к кулаку и сомнениями на собрании ячейки, потом во второй книге испугавшийся коллективизации, не пошедший в колхоз и исключенный из партии. Вот этот "коммунист" взял голову бандита Огородова к себе в суму. Причем же здесь коммунисты вообще или партия?

Вопрос третий — почему Вы моего Игонина — солдата-фронтовика, беспартийного, мечтавшего жениться на царской дочери и стать Наполеоном, обвинили в том, что он, будучи членом партии, купил за два пуда муки барыню? Игонин стал коммунистом значительно позже указанного Вами факта, только после долгих блужданий в дебрях индивидуализма и, как партиец, уже организовал свою жизнь и работу с достаточной правильностью для его кругозора. Я позволил себе взять такого именно партийца, чтобы проследить путь человека от своевольного индивидуализма к члену коллектива.

Вопрос четвертый — для чего Вы стараетесь убедить читателей моей книги, вернее, тех, кто не читал ее, что я вообще всех коммунистов изображаю зверями и пакостниками? Вы же знаете, что это неправда, стоит Вам только вспомнить хотя бы Анну.

Вопрос пятый — если Вы хоть раз сказали правду о моем романе, то когда — летом в Оргкомитете, когда жали мне руку и уверяли, что я написал прекрасную книгу, или 28-го января с.г. в "Правде"?

Я не принадлежу к числу людей самовлюбленных, считающих каждую свою строчку непорочной, поэтому охотно принимаю Ваши замечания по поводу двух-трех областных слов, застрявших в моем романе.

Остается последний пункт Вашего обвинения — меня отвели на партгруппе съезда писателей из списков членов правления. До Вашего письма я не имел возможности реагировать на этот отвод, т.к. постановления партгруппы обычно широко не оглашаются. Ваше письмо дает мне право обратиться в соответствующие организации с просьбой о пересмотре решения партгруппы съезда, что я и делаю.

В. Зазубрин

29-го января 1935 года» (*АГ.* КГ-п-28-27-63).

[4] По-видимому, Горький не рекомендовал Зазубрину печатать «Открытое письмо» в «Правде» (см. вступ. статью).

[5] *Заславский Д.* Литературная гниль // Правда. 1935. № 20. 20 янв. С. 4; *Заславский Д.* По поводу замечаний Горького «Заметки читателя» // Правда. 1935. № 25. 25 янв.

31.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме пометы Горького синим редакторским карандашом: «Срубы готовы, все погибнет»; «Пьеса Афиногенова».

[1] Речь идет о строительстве писательских дач в подмосковном поселке Переделкино. 25 апреля 1934 г. В.И. Межлаук сменил В.В. Куйбышева на посту председателя Госплана СССР.

32.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Статья Н. Замошкина в альманахе «Год восемнадцатый» не печаталась, хотя Горький соглашался на это (см. п. 33). По каким-то причинам ее перенесли в следующие выпуски альманаха. 30 января 1936 г. П.А. Павленко, один из редакторов альманаха, в письме Горькому среди материалов для второй книги «Года девятнадцатого» (альманах десятый) называл статью о Зазубрине Замошкина (*АГ*. КГ-п-55-17-6). Этот альманах был подписан в печать уже после смерти Горького, и его состав существенно отличался от плана, изложенного в письме Павленко. Статьи Замошкина о «Горах» в нем нет.

33.

Печатается по *А* (*АГ*). Впервые: *Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 415, с купюрой: «С хозяином я еще не говорил о Вас, но — буду говорить с ним и с другими».

Ответ на письмо Зазубрина от 20 марта 1935 г. (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 413–414; *АГ*. КГ-п-28-27-66).

[1] Ответ на слова Зазубрина: «В заключение позволю себе сказать немного и по личному вопросу. Зимой этой ездил я в бывшую Рязанскую губернию на охоту. Охота для меня была неудачной — замучили осечки (плохие пистоны). Я очень злился, нервничал. Наконец, перед самым окончанием охоты выскакивает заяц — я стреляю из правого ствола и мажу (даю промах), из левого ствола осечка. Заяц бежит, как угорелый. Я вдруг в полном спокойствии опускаю ружье, снова взвожу курок, целюсь и убиваю косого наповал. Я после анализировал свое состояние и нашел, что мною овладело спокойствие отчаяния. Нечто подобное я чувствую и сейчас. Я удивительно спокоен, хотя знаю, что и на этот раз у меня вышла осечка с моей последней попыткой получить освобождение от бессрочной каторги» (купюра восстанавливается по автографу). Вероятно, эту охоту в ноябре 1934 г. в Завидове, одном из хозяйств Московского военно-охотничьего общества, описал Н. Смирнов в воспоминаниях о Зазубрине (*ЛН Сибири. Т. 2*. С. 435–436).

[2] Зазубрин писал: «П.П. не сказал, что Вы говорили обо мне хозяину, и что он Вам ответил, однако не трудно догадаться, что разговор был безрезультатным. И все же я

чувствую облегчение, как подсудимый, который сказал свое последнее слово. Пусть суд оставит в силе прежнее решение. Меня утешает сознание того, что больше мне просить некого. Я опускаю руку, с которой тянулся восемнадцать лет и беру перо» (купюра восстанавливается по автографу).

[3] Зазубрин предполагал, что трудности, которые испытывает «Колхозник», отчасти связаны с его пребыванием на посту редактора литературного отдела.

[4] Зазубрин спрашивал в письме от 20 марта 1935 г. о повести-хронике «Тулбо-Нур» «одного монгола» в переводе А. Бурдукова (Впервые: *Улан-Оторчи.* Тулбо-Нур / Пер. с монг. А. Бурдукова // Сибирские огни. 1928. № 3), которую вернули из издательства «Academia»: «Может быть, вы дадите свое согласие на помещение ее в альманахе?». Повесть в альманахе не печаталась.

[5] Ответ на предложение Зазубрина: «В альманахе надо печатать и В. Жакову с ее "Настасьей Хлоповой". Для "Колхозника" она, по-моему, не подходит». В альманахе рассказ В. Жаковой не печатался. Впервые: Молодая гвардия. 1959. № 11.

34.

Печатается по *АМ* (*АГ*), впервые.

[1] Вероятно, имеется в виду письмо Зазубрина Горькому от 3 января 1936 г. (см.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 350–352).

[2] «Библиотека колхозника» — литературно-художественная серия, часть неосуществленного замысла Горького «История деревни» (См. статью Горького «История деревни» — *Г-30.* Т. 27. С. 405–408). На одном из совещаний комментаторов «Библиотеки колхозника» Зазубрин говорил, что «вся серия подобрана как иллюстративный материал к истории деревни» (*ЛН Сибири. Т. 2.* С. 345). В «Замечаниях к плану "Библиотеки колхозника"» (декабрь 1935 – январь 1936) Горький писал, что цель «Истории деревни» — «дать документальную — насколько это возможно — историю возникновения и жизни нескольких десятков деревень, наиболее типичных для различных областей страны. Цель "Библиотеки колхозника" иная, она отвечает на вопрос: каким хотела видеть и видела мужика литература дворян, каким изображала его литература разночинцев в XIX столетии» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 431). Обсуждению состава серии посвящен ряд писем Горького и Зазубрина 1935–1936 гг. (см.: *ЛН Сибири. Т. 2.* С. 336–347).

[3] П.П. Крючков. Совещание комментаторов состоялось 16 января 1936 г. На нем обсуждались замечания, которые сделал Горький к плану литературно-художественной серии «История деревни» («Библиотека колхозника» на 1 декабря 1935 г.). См.: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 431–433; см. также выше, примеч. 1. Комментируемое письмо Зазубрина является ответом на «Замечания...» Горького.

[4] Березин Иван Иванович, заведующий редакцией «Истории деревни».

[5] Ответ на замечание Горького: «Нет — деревенского попа. Следует посмотреть рассказы: Потапенко, Елеонского и Гусева-Оренбургского, — последний — сам поп, но кое-где весьма убедительно обличает свое сословие...» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 431).

С.И. Гусев-Оренбургский в декабре 1892 г. был рукоположен в священники, в декабре 1898 г., по его прошению, сан был снят с него. Ряд его произведений посвящен русскому духовенству.

[6] Зазубрину было поручено составить для «Библиотеки колхозника» книгу из фрагментов «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, наиболее ярко изображающих положение крепостного крестьянства; к ним предполагалось добавить объявления о продаже крепостных и документы о наказаниях за бегство (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 430). В «Замечаниях к плану "Библиотеки колхозника"» Горький писал о необходимости дать «книгу наиболее ярких отрывков из "Путешествия" Радищева, присовокупив к ним штук 30 объявлений о торговле крепостными людьми» (Там же. С. 431).

[7] См. письмо Зазубрина Горькому от 21 июня 1935 г. (*ЛН Сибири. Т. 2.* С. 341).

[8] Вероятно, имеется в виду публикация: *Богословский П.С.* Радищев в Сибири // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 112–123.

[9] Издание «Истории деревни» было поручено издательству «Крестьянская газета». Возможно, речь идет об одном из совещаний комментаторов «Библиотеки колхозника», проходивших в помещении издательства. 15 июня 1935 г. в письме в редакцию «Истории деревни», копия которого была отправлена П.П. Крючкову, Зазубрин подробно объяснил мотивы своего отказа от дальнейшей работы над «Путешествием...» Радищева. Он писал о необходимости адаптировать текст для деревенского читателя, для которого «страшно тяжел и безусловно непонятен» язык XVIII века, а также дать представление о личности Радищева и его убеждениях. Не учитывая всей сложности и кропотливости этой работы, редакция оценила ее «как труд простого отборщика». Поэтому Зазубрин и ограничился только отбором 8 глав, дающих представление о положении крепостного крестьянства. Он не стал заниматься подбором «объявлений из старых газет и актов о наказании крестьян», указав на то, что эта работа проделана Г. Штормом и недостающий материал можно взять из «отходов» его книги (*АГ.* КК-рл-6-11-14).

В проекте плана «Библиотека колхозника», составленном к совещанию 1 декабря 1935 г., книги о Радищеве не значилось (*АГ.* КГ-изд-24-2-16). Затем, видимо по настоянию Горького, она снова была включена в планы серии; ответственным за ее составление в ряде документов «Истории деревни» по-прежнему числился Зазубрин. Издание не осуществилось, как и в целом весь грандиозный издательский проект Горького.

[10] 3–6 пункты письма Зазубрина — ответы на пожелания Горького: «Третьей книгой дать Левитова и Ник. Успенского, сократив обоих, и дать в нее один из рассказов Златовратского, наиболее типичный для него: "Красный куст" или "Крестьян-присяжных" <...> Очень хорошо было бы дать рядом с рассказом Златовратского отрывки из "Подлиповцев" Решетникова <...> Левитова — дается слишком много. Писатель он однотонный, жалобный. Следует "разбить" его книжку, взяв, напр., у Мамина-Сибиряка что-нибудь из "Уральских рассказов" и рассказец Златовратского. Сей последний — слащав, но его, как типичнейшего народника, пожалуй, "из песни не выкинешь".

Ник. Успенского — тоже много, надо сократить листа на 2–3 и добавить книгу отрывками из "Подлиповцев" Решетникова. Или взять у Кущевского рассказ о мужике-литераторе, которого отец отпускал в литературу, как барин холопа на оброк, кажется даже высек его и довел до самоубийства. Титул рассказа я забыл, но книжка маленькая, найти рассказ легко» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 431–432).

[11] Российско-американская компания — торговое объединение, учрежденное 8 июля 1799 г. в целях освоения русских владений в Америке (главным образом, Аляски), Курильских и др. островов. Имела монопольное право на промыслы и полезные ископаемые на этих территориях, право организовывать экспедиции, занимать вновь открытые земли и торговать с соседними странами. В 1868 г. ликвидирована в связи с продажей русских владений в Америке США в марте 1867 г. Подробнее об этом см.: *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1–2. СПб., 1861–1868; *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л., 1939; К истории Российско-американской компании: Сб. документальных материалов. Красноярск, 1957; История русской Америки (1732–1867): В 3 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Межд. отношения, 1997–1999.

Архив Российско-американской компании был обнаружен в Вологде местным краеведом Л.А. Андриевским. Писатель С.Н. Марков, сосланный в Мезень, затем переведенный в Архангельск, сообщал об этом архиве Горькому 23 июня 1935 г.: «Мною сделана опись документам из архива Российско-Американской компании, обнаруженного в Вологде в 1928–34 гг. Архив представляет собой переписку первенствующего директора РАК° М.М. Булдакова. Бумаги рисуют историю развития РАК° в XVIII и XIX вв. Весь архивный фонд РАК° отправлен в Академию наук СССР» (*АГ.* КГ-п-50-10-15).

Подготовка книги о Российско-американской компании для «Библиотеки колхозника» была поручена В.Я. Зазубрину на заседании редакции «Истории деревни» 16 апреля 1935 г. (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 427). В *АГ* среди планов других сборников и книг «Библиотеки колхозника» сохранился план этой книги под заглавием: «Цари, купцы и попы-завоеватели, угнетатели и обиралы, или сказка про белого бычка (Российско-Американская Компания)». Одним из пунктов этого плана значится следующий: «Росс<ийско>-Америк<анская> Ко<мпания> как одно из самых чудовищных преступлений, когда либо совершенных в колониях хозяевами (полное физическое уничтожение туземцев и зверя)» (*АГ.* КГ-изд-24-2-29).

Согласно тематическому и производственному плану «Библиотеки колхозника» на 1937 г., составленному, по-видимому, уже после смерти Горького, книга о Российско-американской компании С.Н. Маркова должна была выйти под редакцией В.Я. Зазубрина (*АГ.* КГ-изд-24-2-30,35).

[12] «Две пятилетки» — один из издательских проектов Горького, коллективный сборник к 20-летию Советской власти, задуманный в нескольких томах. Одной из главных задач проекта, по замыслу Горького, был показ нового человека, рождающегося в процессе созидания нового общества. 16 марта 1935 г. на совещании главной редакции и авторов издания Горький говорил, что в «Двух пятилетках» планируется статья о

ВИЭМ, «которая покажет, что только у нас поставлен вопрос о комплексном изучении человеческого организма» (*Архив Г. 10*. Кн. 1. С. 343). Замысел не реализован.

[13] Имеется в виду пьеса «Человеческие обязанности» (другое название «Подкоп»). 23 марта 1936 г., закончив шестой вариант пьесы, Зазубрин послал рукопись Горькому (см.: *ЛН Сибири. Т. 2*. С. 352). Ознакомившись с ней, Горький дал резко критический отзыв о произведении Зазубрина. См. письмо Горького Зазубрину от конца марта 1936 г. (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 425–427; *ЛН Сибири. Т. 2*. С. 352–354). Один из последних вариантов пьесы под заглавием «Подкоп» хранится в *РГАЛИ* (Ф. 962. Оп. 1. Ед. хр. 174).

[14] В неопубликованной финальной части очерка «История одного подкопа» Зазубрин писал: «Надо сказать еще о страшных словах "эксперимент над человеком". В ВИЭМ, как известно, эксперименту будет подвергнут и человек. Испуганные обыватели спрашивают:

— Живых людей резать будут?

Никто, конечно, в институте не собирается резать людей или "стерилизовать" их по примеру гитлеровской Германии. Весь эксперимент будет заключаться в том, что больных станут изучать всесторонне и более тщательно, чем то было до сих пор» (*АГ. РАв-пГ-20-20-1*. Л. 18). А.Д. Сперанский в воспоминаниях «М. Горький и организация ВИЭМ» писал, что вопрос об эксперименте над человеком был одним из самых «больших» при организации ВИЭМ и «носил почти политическую окраску»: «Не только страшного, но даже и нового здесь как будто нет <...> Несмотря на то, что всякая форма вмешательства в функции сложного организма есть эксперимент, стоит только прямо назвать вещи своими именами, чтобы из всех щелей мракобесия, из всех враждебных нам кругов раздались восклицания: "Вивисекция! Остров доктора Моро!" <...> Клинический эксперимент есть учет клинических наблюдений в манере экспериментатора» (*Горький и наука*. С. 263).

[15] См. выше, примеч. 13.

ПИСЬМА М.Е. ЛЁВБЕРГ М. ГОРЬКОМУ
(По материалам Архива А.М. Горького)

Вступительная статья, подготовка текста и примечания М.А. Семашкиной

В Архиве А.М. Горького хранится 8 писем Горького М.Е. Лёвберг (6 из них печатаются в *ЛН. Т. 70*, 2 — *Горький. Письма.* Т. 13), 16 писем М.Е. Лёвберг (здесь полностью печатаются впервые). Все письма Горького свидетельствуют о глубоком его интересе к творчеству молодой, талантливой писательницы-драматургу, поэтессы.

М.Е. Лёвберг рано заявила о себе в литературе как поэтесса, начала публиковать свои стихи в различных журналах с 1913 г. Ее первый сборник стихов «Лукавый странник» вышел в 1915 г. (ныне — антиквариат).

Необычайно экзальтированная, впечатлительная, легкоранимая, она прошла по жизни полная романтических надежд на прекрасное будущее, когда современники по достоинству оценят ее выстраданные многочисленные труды. Духовный мир М.Е. Лёвберг, ее романтический настрой еще в 1915 г. угадал Николай Гумилев, назвав «жаворонком в горней высоте», и воспел ее «неяркую», но издавна милую «средневековую красоту» (Аполлон. 1916. № 1). Он доброжелательно оценил первый стихотворный опыт М.Е. Лёвберг, «ведающей таинства стихов», назвал ее стих «певучим». Сама поэтесса позже писала Горькому: «Поэтом себя отнюдь не считаю» (п. 11), она, ставшая драматургом, использовала свой поэтический дар в пьесах, как «песенки», более того, написала комедийную пьесу «Актер» в стихах (см. п. 3).

В 1917 г. она смело вошла в политическую жизнь России, приняла Октябрьскую революцию. Ее романтическая одержимость, прекрасное образование (окончила гимназию кн. А.А. Оболенской и Высшие Женские Бестужевские курсы), поэтическое дарование оценили в первые же дни революции. Она была назначена эмиссаром при Наркомпросе. Одна из ее учениц, учившаяся с сестрой в гимназии Хитрово, вспоминала: «Обучение наше было совершенно аполитичным. Однако революцию 1917 года мы ощутили сразу <...> К нам был назначен специальный эмиссар. На наше счастье им оказалась поэтесса Мария Евгеньевна Лёвберг <...> Для нас с сестрой ее появление было колоссальным делом, потому что мы жили поэзией <...> у нас

были специальные уроки поэтического творчества <...> Сейчас я считаю <...> оказывается, надо сначала любить, потом учить <...> Я даже не знаю, как это объяснить, но несколько девочек из совсем не бедных семей оставили своих родных и ушли жить к Марии Евгеньевне. Такая была любовь...»[1]

В литературной жизни Петербурга М.Е. Лёвберг стала известна как великолепный переводчик с французского и талантливый драматург: за период 1915–1928 гг. ею было написано 6 пьес.

Первую пьесу «Камни смерти» М.Е. Лёвберг написала в 1915 г., напечатана в журнале «Русская мысль» (№ 8). Пьеса прошла незамеченной, без отклика и рецензий. Та же судьба постигла и вторую пьесу «Шпага кавалера», опубликованную в «Северных Записках» (1916. № 3).

При первой же встрече с Марией Лёвберг Горький заинтересовался этой пьесой, о чем она вспоминала позже: «...я пришла к Вам просить переводов, когда Вы попросили меня принести Вам "Шпагу"» (п. 2). В совершенстве владея французским языком, изучая французское средневековье, она создала оригинальную пьесу об отважных рыцарях, рыцарских жестоких поединках, турнирах во имя Прекрасной Дамы, написанную талантливо, хорошим языком. Подобная средневековая романтика увлекла Горького.

28 мая 1919 г. он обращается к А.И. Южину-Сумбатову, в то время управляющему Малым театром, и вместе с письмом посылает ему понравившуюся «Шпагу кавалера» (вырезку из журнала «Северные Записки») с просьбой поставить ее на сцене Малого театра: «Автор весьма даровитый человек»[2]. Пьеса не была поставлена, экземпляр ее хранится в Библиотеке Малого театра с датой «30 мая 1919» и подписью Южина-Сумбатова[3].

Судя по письмам Горького к З.Г. Гринбергу[4], он привлек М.Е. Лёвберг в начале 1919 г. к сотрудничеству в издательстве «Всемирная литература» в Отдел французской литературы переводчицей. Ее приняли А.А. Блок, А.М. Ремизов, А.Н. Тихонов и др.

1919–1920 годы были необычайно счастливыми и плодотворными в творческой работе М.Е. Лёвберг: она вошла, при поддержке Горького, в дружеский коллектив «Всемирной литературы».

В своем первом письме Горькому (май 1919 г.) Мария Евгеньевна благодарит его за участие и поддержку в работе: «Я благодарна судьбе за то, что на свете есть такой человек, как Вы <...> И если б Вы знали <...> как я хочу написать что-нибудь, чтобы совсем, совсем понравилось Вам»[5].

В начале 1919 г., к открытию Большого драматического театра (15 февраля) М.Е. Лёвберг закончила свою пьесу «Дантон», которую Блок назвал «прекрасной». В письме от 27 апреля 1919 г. М.Ф. Андреевой (в то время она была назначена комиссаром театров Петрограда) А. Блок при составлении репертуара БДТ включил пьесу «Дантон» в разряд лучших пьес: «Каталина» Ибсена и «Рваный плащ» Бенелли: в ней отражены «отвага и предательство,

могущество и примиренчество». Пьеса учит «различать добро и зло, которые тесно переплетаются между собою в трагические для человечества дни»[6]. Герои пьесы «проникнуты одной могучей волей, которая их несет часто вопреки им самим и вопреки тому мраку, который в их душах царствует, и стоят они под одной звездой. Все это — обреченные, жертвы будущего»[7].

«К "Дантону" я прибавил бы еще одну драму или пьесу того же духа, который <...> больше всего сближает театр с современностью», — писал он[8].

22 июня 1919 г. в Большом драматическом театре в Петрограде состоялась премьера пьесы М.Е. Лёвберг «Дантон». В ней М.Ф. Андреева сыграла главную роль — графини де-Бюри. В этот вечер Блок записал в «Дневнике»: «Первое представление "Дантона" <...> мы с Любой. Автора вызывали, поднесли букет роз. Были Горький, Мария Федоровна»[9].

С августа 1919 по декабрь 1920 г. М.Е. Лёвберг работает над пьесой о Жанне д'Арк — народной героине Франции, возглавлявшей борьбу против засилия англичан. Об этом свидетельствует протокол заседания редакционной коллегии «Всемирной литературы», запись от 1 декабря 1920 г.: «Пункт 2. Блок предлагает пьесу Лёвберг "Иоанна Д'Арк"»[10]. Горький прочел пьесу и, сожалея, дал отрицательный отзыв в письме-рецензии: «Мне грустно говорить это, — я думаю, что пьеса не удалась <...> Жанна у Вас не достаточно ощутима. В ней нет пафоса, не показана сила, которая влечет к ней, за нею <...> Вы приучили меня ждать от Вас чего-то значительного, и я уверенно жду <...> моя уверенность не пошатнулась ни на одну линию оттого, что эта вещь кажется мне неудачной»[11]. Рецензия Горького впервые была опубликована в кн.: Горький. *Материалы. Т. 1*, как его письмо Неустановленному адресату.

В письме Роллану от 20 мая 1924 г. он оценивает М.Е. Лёвберг как хорошую переводчицу: «...она очень хорошо знает язык, историю и литературу Франции, даже написала три пьесы...»[12]. Оценив талант молодой писательницы, он вручил ей черновые материалы, варианты ранних набросков пьесы «Норманны», с тем, чтобы она написала по ним свою драму, однако произведение не было написано, и Лёвберг возвратила материалы автору (см. примеч. к п. 3).

Время 1926–1928 гг. было для М.Е. Лёвберг самое трагичное: муж покончил самоубийством, голодная, неустроенная жизнь, безработица. Тем не менее она оправдала надежды Горького: пишет одну за другой пьесы — «Актер», «Монтана». Горький пытается ей помочь: рецензирует ее пьесы, пишет письма режиссерам, но понимает — основной недостаток ее пьес — происхождение — по отцу она «из саксонских дворян» — и время! — до сих пор пишет «ретроспективно», не учитывая «жгучие интересы зрителей». Но, несмотря на неудачи с постановками пьес, Горький верит в талант драматурга. 25 мая 1927 г. он пишет М.Е. Лёвберг: «У меня, Мария Евгеньевна, незыблемо впе-

чатление Вашей "одержимости", полученное мною почти 10 лет тому назад, и я совершенно уверен, что, несмотря на злую путаницу "быта", Вы все-таки пройдете к Вашей цели, Вы должны написать что-то значительное»[13]. И через год была готова новая пьеса М.Е. — «Монтана», которая очень понравилась Горькому.

В письме от 9 июня 1928 г. М.Е. Лёвберг сообщает Горькому, узнав, что он не будет в Ленинграде: «Еду к Вам <...> с надеждой на Вашу помощь и — с новой пьесой, какой еще не знаю, т.к. только что кончила <...> Очень прошу о встрече»[14]. 10 июня встреча состоялась. Горький прочитал новую пьесу «Монтана» и 16 июня пишет о ней К.С. Станиславскому:

«...вот "американская" пьеса, о которой я говорил Вам в Москве. Может быть Ваша молодежь сыграла бы ее?

Автор Мария Евгеньевна Лёвберг, одна из ее пьес "Дантон" — ставилась на сцене Петербургского Драм. театра в 18–19 гг. Есть у нее и еще пьеса. Я очень прошу Вашего внимания к этому несомненно даровитому и вообще не дюжинному человеку...»[15]. 22 июня 1928 г. М.Е. Лёвберг отдала свою пьесу Станиславскому: «...о результатах сообщу Вам» (см. п. 7). А 30 июля, потеряв всякие надежды, пишет: «Станиславский сказал, что прочел мою пьесу "с большим интересом", что психологическая сторона его глубоко затронула, а политическая оставила холодным и что постановка стоила бы очень дорого <...> Надежд Станиславский мне не подал, в сущности, никаких»[16].

24 августа 1928 г. Горький обращается к Н.Ф. Монахову, режиссеру Московского Малого театра по поводу пьесы «Монтана»: «...весьма прошу Вас: обратите внимание на прилагаемую пьесу М. Лёвберг. Думается мне, что пьесы такого тона способны удовлетворить "запрос дней", особенно когда они вполне "литературны", какова пьеса Лёвберг. Кажется, что роль секретаря — для вас. Вообще пьеса понравилась мне»[17]. На что последовал скорбный ответ автора пьесы: «Монахов не ответил вовсе. Чувствую себя злым и голодным волком»[18].

Все «Монтану» хвалят, но к постановке ее в театрах Москвы и Ленинграда «никто не берет», несмотря на хлопоты и рекомендации Горького. Таким образом, за исключением пьесы «Дантон», ни одна из пяти пьес не была поставлена на московских и ленинградских сценах. А письма к Горькому идут все более отчаянными — без веры в будущее, без надежды на успех: 7 мая 1927 г.: «А писать хочется. Знаю, в этом смысл жизни. Если бы хоть небольшая удача! Писать для ящика собственного стола — трудно»[19]. 7 марта 1929 г.: «Ведь без писания жизнь для меня бессмысленна: в этом отношении я маниак. А беспрерывно писать для собственного стола — опускаются руки»[20].

Однако М.Е. не хочет быть «кустарем-одиночкой», писать пьесы и хранить их у себя в столе. Вероятно, вспомнив об успехе постановки пьесы «Дантон», она решила написать большой исторический роман о событиях Вели-

кой Французской революции и ее политическом деятеле. 23 июня 1931 г. М.Е. сообщала Горькому, что уже год она собирала материал для работы над романом — «черновые наброски есть!», но ей нужен «настоящий отдых» на 1–2 месяца: «Я верю, что напишу этот роман <...>. На выполнение всей программы мне нужна тысяча рублей» (см. п. 13 и примеч.). В ответном письме Горький сообщает, что выслал необходимую ей сумму: «Рад узнать, что Вы взялись за работу над романом, и почему-то мне кажется, что Вас ожидает удача. Вы — женщина упрямая, работать любите»[21].

В 1932 г. он привлекает М.Е. к участию в работе по созданию «Истории фабрик и заводов», в те революционные события 1905 г., описание которых поможет М.Е. Лёвберг получить, наконец, признание общественности. (Об организационной работе Горького по изданию «Истории фабрик и заводов» см. примеч. к п. 15.) Ей была поручена история завода «Красный Путиловец», она с энтузиазмом взялась за эту работу. К 21 июля 1932 г. было написано 40 страниц — «результат двухмесячной работы», «я чрезвычайно увлеклась этим делом», «роман о Дантоне совсем отложен», «больше не чувствую себя "кустарем-одиночкой"» (см. п. 15).

К сожалению, в *АГ* писем Горького к М.Е. Лёвберг этого времени нет: последнее его письмо написано 27 июня 1931 г., в нем еще нет упоминаний об истории «Красного Путиловца». Два письма Лёвберг Горькому (от 21 июля 1932 г. и 23 мая 1933 г.) свидетельствуют о сложной, трудной исторической работе — она дважды обращается к Горькому с просьбой «просмотреть» ее первую главу: «Ваше мнение так много дало бы мне, так выправило бы мои шатания, поиски, ошибки» (см. п. 16). Это было ее последнее письмо и тревожное время молчания продолжалось до сентября 1934 г.

Первые главы работы Лёвберг оценили положительно члены редколлегии издания «Истории фабрик и заводов»: К.А. Федин, А.Н. Тихонов, Е.И. Замятин. 30 мая 1933 г. Федин, прочитав первую главу истории «Красного Путиловца», сообщил Горькому: «Кажется, действительно интересной становится работа по написанию "Истории заводов" <...> Много и успешно работают Шкапская <...> Мария Лёвберг»[22]. И он же 2 апреля 1934 г. отправляет Горькому тревожное письмо, что «История заводов» очень нуждается в его внимании, особенного этого требует рукопись М.Е. Лёвберг. Она написала первую часть огромного тома «Истории Путиловского завода» и потратила на эту работу 2 года. Работа была «одобрена консультантами главной редакции. Прилагаю копию письма Лёвберг ко мне. Оно мне показалось зловещим. Действительно стараниями редактора-консультанта Лебединского, желавшего внести в рукопись *образец стиля*, работа была бы погублена». Федин посылает первоначальный вариант рукописи Лёвберг с образцом стиля Лебединского и рукопись с его редакционной правкой: «...Работа Лёвберг заслуживает бережного отношения»[23].

Член редколлегии А.Н. Тихонов также встревожен состоянием дел большого труда. 15 июня 1934 г. он пишет Горькому:

«Посылаю: 1) рукопись Лёвберг и Лебединского по "Красному Путиловцу". Посмотрите: каким приемом лучше делать книгу — приемом Лебединского или Лёвберг, и надо ли так калечить Лёвберг, как это делает Лебединский»[24].

Горький, прочитав рукописи, отвечает немедля:

«Текст "История Путиловского завода", написанный М. Лёвберг, требует редактора, но Лебединский на эту роль явно не пригоден, его "включения" имеют характер фельетонный и совершенно неуместный. Кроме того, он читает текст невнимательно, а там, где соблаговолил прочитать, придирчиво ставит мелочные и раздражающие поправки.

На эту книгу необходим другой редактор, немножко знающий историю роста промышленности — если сама Лёвберг внимательно отказывается пересмотреть текст ее»[25].

В деловом, холодном письме нет тревоги и нет желания самому отредактировать первую главу «Истории Путиловского завода», а копия «зловещего письма» М.Е. Лёвберг его не насторожила. Вероятно, в последних, отсутствующих, письмах произошла размолвка между ними. Однако это не помешало Горькому отдать заслуженное должное ее большому труду. 17 августа 1934 г. в докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей он высоко оценил ее труд, масштабы ее работы: «В стране нашей идет работа над "Историей фабрик и заводов". Оказалось, что привлечь к этой работе высококвалифицированных литераторов весьма трудно. Покамест из них отлично работают только поэтесса Шкапская и Мария Лёвберг, другие же не только не касаются сырого материала, но не находят времени для редактирования обработанного»[26].

А 21 сентября 1934 г. Горький получает скорбное письмо от К.А. Федина:

«Такая моя судьба — рекомендовать, "подряжать" авторов по истории заводов, да при том — все женщины! Слава богу, они оправдывали себя. Грустно только, что из них неожиданно приказала работать и жить без нее (Вы, наверное, слышали о смерти Марии Евген. Лёвберг?)»[27].

М.Е. Лёвберг скончалась 12 сентября 1934 г.

14 сентября 1934 г. в газете «Литературный Ленинград» был опубликован некролог «Памяти М.Е. Лёвберг» в котором сообщалось: «Умерла Мария Евгеньевна Лёвберг — литератор и переводчик, один из основных работников "Путиловской истории", остались на ее столе недописанными главы "Истории Путиловца" <...> незаконченными переводы Стендаля <...> наметки большой пьесы о рабочем движении 1890-х годов». С первых и до последних дней своей жизни М.Е. Лёвберг «была энтузиасткой этого дела, отдаваясь ему целиком.

Два года работы над Путиловской историей М.Е. Лёвберг называла своими лучшими годами, хотя и наиболее трудными <...> Свою многолистную рукопись М.Е. Лёвберг упорно дорабатывала, но неожиданная болезнь и смерть прекратили ее работу»[28].

Некролог подписали более 20 человек из членов Редколлегии, главных консультантов (писателей, очеркистов), участников работы по «Истории Путиловского завода». Подписи Горького не было.

В сб. «За большевистскую историю заводов», вышедшем в свет в этом же году, был также помещен некролог «Памяти М.Е. Лёвберг», где она названа одним из основных работников «Истории Путиловского завода»: «В последние недели М.Е. Лёвберг заканчивала вместе с авторской группой доработку написанных ею разделов Путиловской истории: "90-е годы" и "1905 год" <...> Тяжелая болезнь прекратила ее плодотворную литературную деятельность»[29].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Наппельбаум И.* У нас в классе были уроки поэзии // Вечерний Петербург. 1992. № 71. 25 марта. С. 3.

[2] Горький. *Письма*. Т. 12. С. 249.

[3] Там же. С. 606.

[4] Там же. Т. 12, п. 383 и Т. 13, п. 84.

[5] *АГ*. КГ-44-7-15.

[6] *АГ*. ПТЛ-5-18-1; *Андреева*. С. 313.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] *ЛН. Т. 92*. Кн. 2. С. 173.

[10] *АГ*. Архив А.Н. Тихонова. Оп. № 563.

[11] Горький. *Письма*. Т. 13, п. 254.

[12] *Архив Г. 15*. С. 342–343.

[13] *АГ*. ПГ-рл-23-16-3.

[14] *АГ*. КГ-п-44-7-4.

[15] *АГ*. ПГ-рл-41-3-22.

[16] *АГ*. КГ-п-44-7-6.

[17] *АГ*. ПГ-рл-26-10-1.

[18] *АГ*. КГ-п-44-7-8.

[19] *АГ*. КГ-п-44-7-3.

[20] *АГ*. КГ-п-44-7-9.

[21] *АГ*. ПГ-рл-23-16-7.

[22] *АГ*. КГ-п-81-1-41.

[23] *АГ*. КГ-п-81-1-44.

[24] *АГ.* КГ-п-77-1-37.

[25] *Горьковские чтения. 1959.* С. 64; *АГ.* ПГ-рл-44-10-73.

[26] *Г-30.* Т. 26. С. 332.

[27] *АГ.* КГ-п-81-1-47.

[28] Литературный Ленинград. 1934. № 47 (69). 14 сент. С. 4.

[29] За большевистскую историю заводов: Сб. Л.: изд. «История фабрик и заводов», 1934. С. 176–177.

1.
Середина мая 1919, Петроград

Алексей Максимович,

я как-то не успела поговорить сегодня с Вами. Вот в чем дело: мой знакомый художник Фридберг[1], работающий с Ионовым[2], организует при Совдепе издательство иллюстрированной детской литературы и приглашает меня в качестве заведующей отделом французской литературы.

Мне пришло в голову, что план этот, по тем или иным соображениям, может Вам не понравится, что Вы, случайно ознакомившись с ним и увидав там мое имя недовольно нахмуритесь. А этого я совсем не хочу.

Поэтому, до моего отъезда в Москву, я спешу сказать Вам, что этим делом я без Вашего совета не займусь и что в нем я лишь совершенно случайный гость.

А раз уж я пишу Вам, позвольте мне сказать Вам и еще несколько слов.

С тех пор, как я познакомилась с Вами, меня не покидает чувство какой-то радостной уверенности. Вы даете мне его. Я благодарна судьбе за то, что на свете есть такой человек, как Вы. Если б Вы знали как много мне дает Ваша ласковая забота обо мне[3]! И если б Вы знали, дорогой Алексей Максимович, как я хочу написать что-нибудь, чтобы совсем, совсем понравилось Вам[4].

Мария Лёвберг

2.
Конец мая 1919, Петроград

Май 1919 года,
Петербург.

Перед тем, как начать писать Вам, я невольно вспомнила наше первое знакомство, мой день, когда я пришла к Вам просить переводов, когда Вы попросили меня принести Вам «Шпагу»[1]. Возвращаясь домой, я думала: «Что за человек Горький?» С тех пор я много раз была у Вас.

И вот, последнее время мне стало казаться, что между нами пробежала какая-то черная кошка, что Вам со мною скучно, что я Вам не нужна[2]. Естественным выводом из этого убеждения было бы реже бывать у Вас или свернуться по-ежиному клубком и ждать того момента, когда Вам самому будет угодно вспомнить о моем существовании.

Вместо всего этого я пишу Вам. Пишу потому, что Вам все-таки бывало хорошо со мной и потому, что Вы считаете меня талантливой, нет, это не совсем то. Мне кажется, близость не может не быть обоюдной. Я верю, что мы близки. Иначе мы не могли бы говорить о том, о чем мы говорили и так, как мы говорили. Так вот, представьте себе, что я пришла к Вам и сказала: Алексей Максимович, выслушайте меня.

Последний раз мы говорили с Вами о человеке перед лицом космоса. Как и Вас, он не страшит меня. Чем страшнее, бездоннее, чернее этот космос, тем выше я поднимаю голову. Мое достояние — это полка книг и вера в человеческую волю вообще и мою в частности. Среди книг должны быть, — значит будут — мои книги. Но воля моя направлена не только на писание, а и на самое жизнь. Это, конечно, знакомо Вам. Я женщина, поэтому в моей воли есть что-то своеобразное, не Ваше, что-то, чего я и боюсь и смущаюсь одновременно.

Но кроме всего этого, у меня есть и нечто иное. Сейчас мне очень больно.

Вы горько жаловались как-то на косноязычие. Дорогой Алексей Максимович, вот сейчас — я скажу Вам такие простые, такие старые слова; почему других мне совсем не хочется придумывать? Только глупое желание помедлить немного, одну минутку. Ну вот, до тех пор, пока Вы не перевернете страницу. Почему-то мне кажется, что Вы в кабинете, я люблю его больше, чем другие Ваши комнаты; вокруг Вас много бумаг, книг, писем. Вы, по обыкновению, страшно заняты. Мне часто бывало как-то неловко отрывать Вас от работы, а сегодня нисколько не жаль того времени, которое я отнимаю от Вас.

Вот страница уже и перевернута.

Дорогой Алексей Максимович, я Вас люблю.

Я так много раз мысленно произносила эти слова, а написав их, долго не могла взяться за перо. Может быть, Вы уже знали это?

Мне очень тяжело. Только ради Бога, не подумайте, что я пишу Вам для того, чтобы сказать Вам, что я страдаю или что-нибудь в этом духе. Нет, совсем другое. За этой болью и молодость и восторг, и какое-то сумасшедшее торжество. Я не знала, что пафос жизни может быть таким пламенным. Я не знала, что самые хмурые обыватели прохожие на улице будут ласково улыбаться мне, глядя на меня в то время, когда я думаю о Вас. Я в самой себе нашла такую пленительную тайну, какой не находила еще ни в чем <...>[3] Я ликую. Мне словно венец возложили на голову. Оставьте меня в покое с англичанами, с делами, со всем! Я праздную мою любовь. И вот все это, эта юность, это торжество, нет, гордость за встречу с Вами, дорогой, хотя бы на минуту улыбнитесь.

Если Вы хотите, это будет Ваша самая последняя улыбка мне. Дорогой, я люблю Вас. Нет, я не опускаю главные вещи, о которых именно со мной Вам легко и приятно говорить. Может быть, так и было. А может быть, это в прошлом.

Вы были правы, упрекнув меня как-то в недоверчивости, но с Вами я готова быть доверчивой, потому что Вы для меня — единственный.

Вопрос о наших отношениях я предоставляю решать, конечно, Вам[4]. Если хотите, все будет по-прежнему и я буду приходить к Вам, даю Вам слово, что мне это было бы и легко, и радостно. Если хотите, я никогда больше не приду к Вам и только буду посылать Вам то, что напишу. Видите, как все просто: для того, чтобы оборвать всё, Вам нужно только быть пассивным, — я избавляю Вас даже от необходимости говорить или писать неприятные слова. А если я все-таки говорю Вам об этом, я благодарна Вам за то, что я люблю Вас.

Если что-то понравилось Вам в моих драмах и во мне, то ведь все это такая молодость в сравнении с тем, что сейчас во мне. Я буду писать! Я сейчас так богата, такое у меня сокровище, и если б Вы знали только, как мне легко протянуть Вам это сокровище. Это мой первый и последний подарок Вам. Примите же его; ведь я ничего не прошу у Вас взамен.

Ну, вот. Теперь Вы, может быть, спрашиваете себя, зачем я написала Вам это письмо? Мне казалось, что бывали случаи, что Вы догадываетесь о моей любви, и это было мне неприятно. Одно время я думала, что я немножко нужна Вам и что ошибаюсь и почему-либо, Вам, как и мне, дороги наши разговоры, позовите меня и все будет по-старому.

Спасибо Вам за все, друг мой.

[*Мария Лёвберг*]

3.
7 сентября 1926, Ленинград

7/IX 26.

Дорогой Алексей Максимович,

Помните ли Вы, что у меня находятся наброски Вашей драмы из скандинавской жизни и что Вы дали их мне когда-то для того, чтобы я сделала из них пьесу[1]? Тогда мне это показалось трудным, теперь кажется возможным.

Но вот в чем вопрос. Поставить такую, совсем не имеющую отношения к современности пьесу для писателя без имени почти невозможно. Согласились ли бы Вы, и если да, то в какой форме, присоединить к моей подписи (в том случае, конечно, если бы Вы нашли пьесу стоящей) и свое имя[2]?

Рассказывать о себе после стольких лет как-то трудно. Занимаюсь только литературой. Очень жалею, что Вы так далеко и нельзя показать Вам мою последнюю пьесу «Актер» (комедия в стихах, даже рифмованных)[3].

С большим теплом в душе вспоминаю Вас, Алексей Максимович[4]. Буду очень ждать Вашего ответа[5].

Мария Евгеньевна* *Лёвберг*

4.
11 октября 1926, Ленинград

11/X 26.

Дорогой Алексей Максимович.

На днях послала Вам «Актера». Ужасно хочется поскорей узнать, что Вы о нем думаете[1]. И немножко страшно.

А той пьесы я ведь еще и не написала[2]. Она требует подготовки. Когда напишу, пришлю Вам непременно.

Вы предлагаете Вашу помощь в вопросе постановки и спрашиваете, хочу ли я ее. Ну, конечно, хочу и приняла бы с большой благодарностью.

В жизни моей за эти годы было много всякого, Алексей Максимович, много тяжкого, но все-таки кое-что и очень очень хорошее. Кажется, я порядочно изменилась, но чувствую себя молодой. Больше всего хочу сейчас писать.

Где Мария Игнатьевна?[3] Может быть, Вы сообщите ее адрес, я бы ей с удовольствием написала. Передайте ей, пожалуйста, мой нежный привет и скажите, что всегда с любовью вспоминаю «Мурика».

Всего хорошего. С тревогой жду Вашего мнения о моей комедии.

Мария Лёвберг

Ленинград. Канал Грибоедова 146, кв. 4.

На письме кр. карандашом рукой Горького: Лёвберг

К письму прилагается просьба:

«В Отдел контроля Главнауки.

Прошу разрешить мне переслать пьесу в трех действиях "Актер" в Италию, Сорренто, Максиму Горькому.

М. Лёвберг (автор)»

19 4/X 26

Заверена 5/X-26 печатью.

---

* Вставка рукой Горького. — *Ред.*

5.

7 мая 1927, Ленинград

19 7/V 27.

Дорогой Алексей Максимович.

Получив в ноябре Ваше письмо с отзывом об «Актере»[1], я решила подождать с ответом до выяснения судьбы пьесы. Думала, что это вопрос двух-трех недель, не так-то было[2].

«Актер» нигде не пойдет. Берсеневу[3] и другим мхатцам он понравился; может быть молодежь их театра сыграет его в студийном порядке (закрытый спектакль). Монахов[4] отозвался о пьесе так горячо, что я совсем растаяла от удовольствия. Грановская[5] сама пьесы читает только в случаях крайней необходимости, коей тут, разумеется не было. Заведующий репертуаром ее театра сказал, что может быть когда-нибудь они и поставят «Актера» с условием переделки его в прозу.

Стоит ли переделывать? Ведь такая переделка окончательно испортит и без того пустоватую вещь. Признаться, я краснею при такой мысли.

Вся история моих писательских мытарств слишком длинна, чтобы письменно излагать ее Вам. Я предлагала «Актера» десяти театрам, ни больше, ни меньше. Хвалили — с вариациями, — все. И — ни с места.

Мне не хотелось бы, Алексей Максимович, чтобы Вы думали, что я сколько-нибудь высокого мнения об этой безделушке. Нет, нисколько. И Ваш отзыв отнюдь не показался мне слишком суровым. Наоборот. Он подбодрил и согрел меня.

Над Вашим письмом я много думала[6]. И хотя прошло полгода уже с тех пор, как я его получила, на Вашу фразу о том, что мне следует повысить требования к самой себе, я не могу не ответить.

Вы трижды правы. Надо лучше писать о большем, писать и больше писать. Но сил не хватает. Нет, это не то. Силы есть, иногда кажется — ух, как много! Они уходят на другое. Я постараюсь объяснить это как можно проще и правдивее, а Вы, если захотите, постарайтесь понять меня по-человечески.

Мне всегда хотелось верить, что я родилась под счастливой звездой. А жизнь моя трудна. В январе прошлого года покончил с собою мой муж. Последние годы я много жила чувством. Обстоятельства сложились так, что я взяла на себя заботу о нескольких людях.

И, к сожалению, на свете существуют деньги — будь они прокляты. 1918–1924 — заведывала школой (гнусность) + переводы. Теперь переводы только. Впрочем, нет, еще три словаря. В этом году с ноября по данный момент перевела приблизительно 45 печ. листов. Для души переделала в пьесу Христи на Уэстерн-Сити Синклера (театры одобрили, но благодаря моей отсебятине вышло нецензурным).

Физических сил не очень много. Времени — еще меньше. Сейчас я свободна. Но устала и потому в голове — Сахара.

А писать хочется. Знаю, в этом смысл жизни. Если бы хоть небольшая удача! Писать для ящика собственного стола — трудно[7].

Спасибо Вам большое за Ваше письмо, дорогой Алексей Максимович. Я Вам очень верю. И то хорошее и еще больше, то плохое, что Вы написали об «Актере» придало мне мужества, веру в себя, бодрости[8]. Буду Вам очень благодарна если напишете еще. Сердечный привет мой Марии Игнатьевне[9].

Всего Вам хорошего!

Мария Лёвберг

6.
9 июня 1928, Ленинград

9/VI 28.

Дорогой Алексей Максимович!

Узнав, что Вы не будете в Ленинграде, еду в Москву[1]. Приеду к Вам в понедельник. Дайте мне возможность увидеться с Вами.

Знаю, как Вы заняты и какому количеству людей нужно Вас видеть. И все-таки еду, Алексей Максимович! Письма мои к Вам в Сорренто были письмами человека надорванного и слабого[2]. Но «не люто бо есть пасти, люто есть падши не восстати» — правда[3]?

Все сделала чтобы восстать. Еду к Вам с (пусть это не прозвучит смешно) более, чем когда-либо молодой силой, с надеждой на Вашу помощь и — с новой пьесой[4], какой еще не знаю, т.к. только что кончила, но во всяком случае не «ювелирной».

Как хорошо, что Вы у нас! Очень прошу о встрече.

Мария Лёвберг

7.
22 июня 1928, Ленинград

22/VI 28.

Дорогой Алексей Максимович!

Согласно обещанного, посылаю два рассказа[1].

Станиславскому пьесу отдала, о результатах сообщу Вам[2].

Большое Вам спасибо за внимание и тепло. Очень радостно думать о Вас.

Крепко жму Вашу руку.

Мария Лёвберг

8.
30 июля 1928, Ленинград

30/VII. 28.

Алексей Максимович!

С МХАТ'ом, я думаю, ничего у меня не выйдет. Станиславский сказал, что прочел мою пьесу «с большим интересом», что психологическая сторона его глубоко затронула, а политическая оставила холодным и что постановка стоила бы очень дорого. Сговорились мы на том, что осенью я пошлю «Монтану» и «Актера» в репертуарный комитет. Надежд Станиславский мне не подал, в сущности, никаких[1].

Как мы сговорились с Вами в Москве, пишу обо всем этом, чтобы просить у Вас дальнейшей помощи, в форме письма к Монахову[2], который, говорят, скоро приедет с Кавказа, — или чего-нибудь еще, — всего, что Вы найдете возможным и нужным. Как Вы думаете, не попытаться ли мне напечатать мою пьесу[3]? Кажется журналы (Красная Новь, Новый Мир) печатают теперь и драматические произведения.

Примерно месяц тому назад я послала Вам два рассказа. Получили ли Вы их? Боюсь, что они Вам не понравились[4].

Приедете ли Вы в Петербург[5]?

Сейчас теплым и ясным вечером как-то необычайно живо вспомнились долгие разговоры с Вами на Кронверкском. Глубокий и чудесно хороший след провели Вы в моей душе, дорогой Алексей Максимович! Если бы Вы знали, как мне больно, что Ваших предсказаний о моей судьбе (литературной) я не оправдала. Я буду писать. Может быть, все-таки придет день, когда Вы скажете или напишете: «вот то, что я от Вас ждал».

Очень хочется поговорить, побыть с Вами еще — хоть недолго, по-хорошему. Напишите, приедете ли Вы в Петербург. Если нет, я приеду в Москву, в то время, когда это будет Вам удобно.

Сейчас, увы, тупо перевожу. И порох, который еще есть в моих пороховницах, сыреет.

Буду ждать весточки от Вас.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша *Мария Лёвберг*

Ленинград. Канал Грибоедова
146, кв. 4.

9.
6 сентября 1928, Ленинград

6/IX 28

Дорогой Алексей Максимович!

Направляю к Вам Аллу Иванову[1], о которой мы говорили сегодня. Ей 23 года. Она очень хочет узнать Ваше мнение о своих стихах. Если это Вас не затруднит, сообщите, пожалуйста, мне.

Сколько сил даете Вы людям! Спасибо Вам за все.

Может быть, до Москвы[2].

Ваша *Мария Лёвберг*

621-96 Кан. Грибоедова, 146, кв. 4.

10.
3 октября 1928, Ленинград

Дорогой Алексей Максимович!

В Москве мне побывать никак не удается[1].

Скрепя сердце снова обращаюсь к Вам с просьбой. Мне советуют пытаться пройти в КУБУ по литературной линии. За последние годы я не печаталась. Секретарь Комиссии сказал, что в таких случаях необходима рекомендация[2]. Вот я и прошу Вас о ней. Не согласитесь ли Вы прислать мне записку, адресованную в Ленинградскую Секцию Научных Работников с отзывом обо мне, как о литераторе вообще и в частности, как об авторе некоторых определенных вещей?

Напоминаю Вам несколько названий: пьесы «Монтана» (последняя), «Актер», «Дантон», «Шпага кавалера», «Жанна д'Арк», рассказы «Ипполит Гарденин» и «Дремучий бор».

Кстати, выяснилась ли участь этого последнего? Помните ли Вы наш разговор о переводах? Нельзя ли напечатать в ГИЗе «Монтану»[3]?

Простите, что беспокою Вас просьбами. Это, конечно, нехорошо.

Относительно пьесы продолжаю хлопотать. Все хвалят, а не берет никто. Лучше бы ругали! Монахов не ответил вовсе[4]. Минутами чувствую себя злым и голодным волком. Я остро ощущаю свое «право на жизнь». Хочу его добиться во что бы то ни стало.

А жизнь эта самая, такая трудная и во многом нелепая, все-таки, чудесная штука. И я рада, что живу не в когда-то мною любимом XVIII в. и не в веках грядущих, а именно теперь, и именно в этой стране. Весною пришлю Вам еще пьесу (по крайней мере!)[5].

Еще раз простите. Если найдете возможным исполнить мою просьбу, буду Вам очень-очень благодарна.

Надеюсь, Вы поправились[6]?
Алексей Максимович, дорогой друг мой, крепко жму Вашу руку.

Мария Лёвберг

3/X 28.
Ленинград. Канал Грибоедова
146, кв. 4

11.
7 марта 1929, Ленинград

7/III 1929.
Ленинград.

Дорогой Алексей Максимович.

Весна уж не за горами. Приедете ли Вы? Как Ваше здоровье?

Из-за некоторых статей Ваших до хрипоты ругалась с господами интеллигентами[1]. Живу в их среде, и чужды они бесконечно. А без среды — как проживешь? Очень тянет к людям, к настоящим людям. Трудно, нехорошо быть невольным «кустарем одиночкой».

Большое спасибо Вам за КУБУ, недели две тому назад я получила, наконец, извещение о принятии[2].

Очень хочется, чтобы Вы приехали. Кроме всего прочего Вы, Алексей Максимович, громадный резервуар энергии, которой делитесь так чудесно, щедро. Тем, что от этого перепадает мне, я крайне дорожу.

Вот пишу Вам, а на душе непреодолимое чувство неловкости. Знаете, почему? Мне всегда стыдно заговаривать с Вами, когда я ничего не написала и не пишу. А я с Вашего отъезда не написала ни строчки. Перевожу Майн Рида.

С «Монтаной» по-видимому ничего не выйдет[3]. Читают, хвалят и не берут. В чем тут дело я не понимаю. И это вгоняет меня в самую малодушную тоску. Правда, Алексей Максимович. Ведь без писания жизнь для меня бессмысленна: в этом отношении я маниак. А беспрерывно писать для собственного стола — опускаются руки[4]. Я хотела, хочу внести в литературу мажорную, действенную человеческую ноту. Ненавижу «Козлиную песню» и всё ей подобное. Ненавижу литераторов, прежде всего говорящих о гонорарах. Ненавижу и литературный «профессионализм» и общеинтеллигентское <нрзб.>. Не сердитесь за столь бурное выражение чувств.

Посылаю Вам одно стихотворение, написанное прошлой зимой. Поэтом себя отнюдь не считаю. Но именно это стихотворение почему-то давно уже хочется показать Вам[5].

Пожалуйста, дорогой друг мой, напишите несколько слов о себе. Читаю Клима Самгина, много думаю о Вас. Редко приходится говорить с Вами, но ощущение живой связи налицо.

Крепко, крепко жму Вашу руку.

Мария Лёвберг

Ленинград. Кан. Грибоедова 146, кв. 4

Мар. Евг. Лёвберг.

К письму приложено стихотворение:

Монолог

...Вся жизнь моя — короткий диалог.
Я и Оно. Я голос. То молчанье,
Чье имя хаос, космос или бог...
Я и Оно. Нет между нами грани,
И враг врага не может превозмочь.
В такую вот неистовую ночь,
Когда природа корчится от боли,
В крушение пространств и лет
Я с тетивы неугомонной воли
Стрелу пускаю...

12.

3 октября 1929, Ленинград

3/X 29.

Дорогой Алексей Максимович!

Мне хочется еще раз повидать Вас[1] и поэтому я еду на несколько дней в Москву. Пожалуйста, уделите мне полчасика в начале будущей недели.

Согласно Вашему желанию, напоминаю Вам, что Вы хотели поговорить с Халатовым о том, чтобы в ГИЗе мне давали постоянную работу (переводы)[2]. Рекомендации от Ленинградского отд. Гиза и от «Времени» я Вам дала[3].

Алексей Максимович! Больше, чем когда-либо, я хочу писать. И, кажется, могла бы писать.

Тягостно беспокоить Вас просьбами; Вам, конечно, не до того. Но Вы единственный человек, которого я могу и хочу просить помочь мне встать на ноги.

Всего лучшего!

Ваша *Мария Лёвберг*

13.
23 июня 1931, Ленинград

23/VI 1931.

Дорогой Алексей Максимович!

Слухи о Вашем приезде неопределенны. Приедете ли Вы[1]? Если нет, я сделаю все возможное, чтобы попасть в Москву. Очень хочу Вас увидеть, Вас послушать, получить от Вас зарядку. Это — главное.

Теперь не главное. Почти год я собирала материал для исторического романа[2]. Подготовительная работа близится к концу. Черновые, правда, совсем черновые наброски есть! Чтобы написать этот роман (расчет, основанный на опыте товарищей), надо 5–6 месяцев. Чтобы вплотную сесть за работу, надо $1–1^1/_2$ мес. отдохнуть по-настоящему, не считая поездок за город на несколько дней я не имела с природой <связи> с 25 года, мозг и нервы, бог их знает, по-моему категорически требуют травы, деревьев и т.п.

Два года тому назад Вы предлагали мне денег в долг. Я отказалась, т<ак> к<ак> у меня не было в виду конкретного плана работы, а «отдых», по-моему, неубедительная вещь. Сейчас, если бы Вы повторили свое предложение, я с благодарностью приняла бы его.

Я верю, что напишу этот роман[3]. Если он хоть частично удастся, в нем будет и свежее и «мое», и, пожалуй, даже нужное.

На выполнение всей программы мне нужна тысяча рублей[4].

Мой дорогой друг! Я невольно улыбаюсь над собой. Такие «программы» — ребячество и химера. Ни к кому кроме Вас, я не обратилась бы. А к Вам, верю, можно, по крайней мере ничто внутри меня не протестует против такого шага. Если Вам почему-либо неудобно, или же не хочется помочь мне, просто представьте себе, что я по старой дружбе расфантазировалась вслух и забудьте об этой моей просьбе. Хорошо?

А вот другую просьбу не забудьте, пожалуйста, напишите несколько слов о Ваших намерениях относительно Ленинграда.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша *Мария Лёвберг*

Л-град, Канал Грибоедова 146, кв. 4.

14.
3 июля 1931, Ленинград

3/VII 1931.

Дорогой Алексей Максимович.

Большое Вам спасибо за ласковое письмо и за «желаемое»[1]. Часть этого «желаемого» я сегодня уже получила; остальное в ближайшие дни. Дождусь Вашего приезда и потом немедленно покачу в Костромскую губернию[2]. Хорошо! Там громадное озеро, дремучие леса.

Об альманахе «День» ничего пока не слышала[3].

А что касается наших кулинаров[4]... Они народ молодой, способный, жадный. Но все же, Алексей Максимович дорогой, берегите себя! Крепкая и живительная «стерляжья уха» сама сварится!

До скорой встречи. Крепко жму Вашу руку.

Мария Лёвберг

15.
21 июля 1932, Ленинград

Дорогой Алексей Максимович!

Путиловский редактор Мительман завтра едет в Москву[1]. Очевидно, кое-что из того, что он будет показывать, дойдет до Вас. Дойдет, может быть и пробная глава, написанная мной[2].

Эти 40 страничек — результат двухмесячной работы. Я знаю, что в смысле литературном над ними следует еще хорошенько поработать. Но торопиться пришлось ради самого дела, т.к. только на основании какой-то пробной главы можно решить, *как* именно делать всю книгу[3]. У нас на Путилове, вопрос этот особенно сложен и запутан.

И вот у меня большая просьба к Вам, Алексей Максимович. Если Вы мою главу просмотрите, не откажите сообщить мне Ваше мнение. Почему-то я чрезвычайно увлеклась этим делом. Оно — громадное. Но в себе я весьма мало уверена. На месте ли я тут? Делаю ли хоть отчасти то, что нужно?

Из-за Путиловца роман о Дантоне совсем отложен[4]. Мечтаю на материале 1905 г. написать пьесу. Да много уж их, как будто.

Аппетит к работе — волчий! Больше не чувствую себя «кустарем одиночкой». Хорошо жить на этом плохом свете!

Буду ждать Вашего отзыва[5]. Простите, что отнимаю время. Вы избаловали меня редким вниманием к моей работе, дорогой друг.

Крепко жму руку.

Мария Лёвберг

Л-град. Канал Грибоедова 146, кв. 4.

16.
23 мая 1933, Ленинград

23/V 1933 Л-град

Дорогой Алексей Максимович!

Как я рада, что Вы опять здесь[1]!

На днях был ровно год, что Вы благословили меня на «Историю Красного Путиловца»[2].

Одновременно с этим письмом посылаю Вам сделанное; остается револ. движение 90-ых гг. и часть 1905 г. Работа всей нашей бригады тормозится из-за необходимости добывать все новые и новые материалы. Уж очень слабо и поверхностно был проведен у нас период подготовительный, закончившийся до нашего появления на заводе.

Эти три главки я посылаю Вам с ведома нашего заводского редактора Миттельмана, но совершенно «частным» порядком. Если Вы не захотите прочитать их, пожалуйста, очень прошу Вас, **не передавайте** их в редакцию. Они попадут туда через некоторое время от завода, вместе с главами двух других членов бригады[3].

Но мне очень, очень хочется, мой дорогой друг, чтобы Вы их просмотрели. Ваше мнение так много дало бы мне, так выправило бы мои шатания, поиски, ошибки.

Ведь вся И.З. прежде всего — Ваше.

Этот год целиком прошел у меня под знаком Путиловца. Чудесные товарищи есть на свете. И много их! Вам, наверное, понравился бы наш редактор, Мотя Миттельман, «Рыжий чортик», как его называют на заводе, умный, широкий, насквозь живой и очень греющий. Он работает над 17 годом. С такими ужасно хорошо, хорошо работается. Новая порода людей.

Алексей Максимович, если бы Вы знали, как я волнуюсь, посылая Вам эти главы!

Первая половина уже переработана по указаниям комакадемиков; вторую не читал никто, кроме Миттельмана. Может быть, это не то и плохо, но старалась я вовсю.

Может быть, в Москве или Роси (Русси) повидаться с Вами? Приедете ли Вы сюда[4]?

Крепко жму Вашу руку.

Мария Лёвберг

Канал Грибоедова. 146, кв. 4. Тел. 621-96.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

[1] Фридберг — художник, друг М.Е. Лёвберг.

[2] Ионов (наст. фам. Бернштейн) Илья Ионович (см.: Указатель — Горький. *Письма*. Т. 12), издатель. В 1918–1924 гг. заведовал издательством Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов, ГИЗ РСФСР.

[3] В это время М.Е. сотрудничала, по приглашению Горького, в издательстве «Всемирная литература» в отделе французской литературы, переводчицей.

[4] Была написана пьеса «Жанна Д'Арк». М.Е. работала над нею с августа 1919 по декабрь 1920 г. Пьеса Горькому не понравилась (см. Горький. *Письма*. Т. 13, п. 254 и примеч.), «...я думаю, что пьеса не удалась <...> я, местами, досадовал...».

2.

Печатается по *А* (*АГ*), полностью впервые. Отрывки: Горький. *Письма*. Т. 13, п. 8 и примеч.).

[1] Пьеса «Шпага кавалера». Напечатана в журнале «Северные Записки». 1916. № 3 (см.: Горький. *Письма*. Т. 12, п. 446).

[2] Это было время увлечения Горького Варварой Васильевной Шайкевич (Горький. *Письма*. Т. 13, п. 32 и примеч.).

[3] Пропуск 3–4 фраз, трудно поддающихся прочтению.

[4] См. его ответ (Там же. Т. 13, п. 8).

3.

Печатается по *А* (*АГ*), полностью, впервые. Отрывок: *ЛН. Т. 70*. С. 239.

Это первое письмо М.Е. Лёвберг после пятилетней разлуки.

Горький ответил 15 сентября 1926 г. (*АГ*. ПГ-рл-23-16-1; *ЛН. Т. 70*. С. 239).

[1] Глубокий интерес Горького к истории норманнов возник в самый ранний период его творчества: так в 1895 г. (Самарская газета. № 185. 27 авг.) и в 1896 г. (Нижегородский листок. № 157. 9 июня) были напечатаны рассказы «Возвращение норманнов из Англии: По Тьерри» и «Сказание о графе Этельвуде и о монахе Томе Эшере», повествующие о временах сильных людей (См.: Горький. *Сочинения*. Т. 2. С. 304–309, 452–461). Несомненно рассказы послужили бы черновыми вариантами для будущей пьесы-драмы «Норманны».

В последующие годы он продолжал собирать материалы о скандинавских сагах и в целом о скандинавском эпосе. Так, в письме М.Ф. Андреевой от 10 октября 1915 г. он сообщал: «Я сочиняю пьесу из древне скандинавской жизни» (См.: Горький. *Письма*.

Т. 11, п. 325 и примеч.). Замысел остался неосуществленным (См.: Горький. *Варианты*. Т. 6. С. 386, 419). В 1919 г. Горький, оценив талант молодой писательницы М.Е.Лёвберг, вручил ей все черновые материалы, собранные им, с тем, чтобы она написала по ним пьесу «Норманны».

[2] Горький ответил: «...не могу подписать Вашу пьесу, ибо ни в коей мере и степени не чувствую себя, сопричастным ее появлению на свет божий. Сколько помню — "наброски" мною Вам данные, были совершенно ничтожны» (*АГ*. ПГ-рл-23-16-1; *ЛН. Т. 70*. С. 239).

[3] В ответном письме (см. п. 4) Лёвберг сообщала: «А той пьесы я ведь еще не написала. Она требует подготовки». Эта пьеса так и не была написана. «Наброски» позже возвращены в *АГ*, опубликованы: *Архив Г. 6*. С. 136–149. См. также п. 1, 2.

[4] «Очень хотел бы прочитать "Актера" — не пришлете ли? Возвращу быстро» (*АГ*. ПГ-рл-23-16-2). См. п. 4.

[5] «Давно не слышал ничего о Вас и очень обрадовался, получив письмо. Вспоминаю Вас всегда с уважением и сердечной благодарностью», — ответил Горький (Там же).

4.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета Горького красным карандашом: «М.Лёвберг».

Ответ на письмо Горького от 15 сентября 1926 г. (Горький. *Письма*. Т. 16, п. 137).

М.Е.Лёвберг ответила 11 октября 1926 г. (*АГ*. КГ-п-44-7-2).

[1] По просьбе Горького М.Е.Лёвберг отослала ему пьесу «Актер (Комедия в стихах)» с уведомлением и разрешением Отдела контроля Главнауки.

[2] Свой отзыв Горький прислал в ноябре 1926 г. (См. п. 5).

[3] «Будберг (Закревская) просит передать Вам ее привет», — сообщал адресат. Знакомство Лёвберг с нею состоялось во время совместной работы в 1919–1920 г. в издательстве «Всемирная литература».

5.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Горький ответил 25 мая 1927 г. (Горький. *Письма*. Т. 16, п. 366).

[1] Из данного письма адресата от 7 мая 1927 г. известно, что Горький еще в ноябре 1926 г. получил и прочел пьесу «Актер» и, вероятно, дал не очень лестный отзыв, хотя он, как пишет Лёвберг, «подбодрил и согрел меня». К сожалению, ноябрьское письмо Горького не разыскано.

[2] Решение «подождать с ответом до выяснения судьбы пьесы» прервало переписку на полгода.

[3] Берсенев (Павлищев) Иван Николаевич — драматический актер, режиссер, с 1928 г. художественный руководитель МХАТа.

[4] Монахов Николай Федорович — драматический актер, в это время был Председателем художественного Совета, управляющим БДТ Ленинграда.

[5] Грановская Елена Маврикиевна (1877–1968), известная комедийная актриса Ленинграда, заведовала репертуарным отделом БДТ.

[6] М.Е. Лёвберг цитирует ноябрьское письмо Горького.

[7] Комедия в стихах «Актер» не была принята ни одним театром Ленинграда и Москвы к постановке, как и последующая пьеса «Монтана».

[8] В ответном письме Горький поддерживает отчаявшегося автора: «У меня, Мария Евгеньевна, незыблемо впечатление Вашей "одержимости", полученное мною почти 10 лет тому назад, и я совершенно уверен, что, несмотря на злую путаницу "быта", Вы все-таки пройдете к Вашей цели, Вы должны написать что-то значительное. Вот — О.Д. Форш только что развертывает свои силы — и как хорошо! — а ведь ей, слышал я, жилось и живется адски трудно. Да и вообще, всегда женщине жилось труднее, чем спутнику ее, однако она, как будто, лучше сохранила силы духа».

[9] М.И. Будберг.

6.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме пометы Горького кр. карандашом: «Лёвберг» и Крючкова — синим: «Писатель».

[1] О том, что встреча с Горьким состоялась, свидетельствует следующее ее письмо (п. 7): упоминание Станиславского К.С. и пьесы «Монтана», а также п. 8 от 30 июля 1928 г.: «Как мы сговорились с Вами в Москве».

[2] Многие из них утрачены, возможно — написаны, но не отправлены адресату.

[3] Фраза из письма царя Алексея Михайловича думному боярину А.Л. Ордину-Нащокину 14 марта 1660 г.

[4] Новая пьеса «Монтана».

7.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета Горького кр. карандашом: «М. Лёвберг».

[1] Рассказы «Ипполит Гарденин» и «Дремучий бор».

[2] См. п. 8 и примеч.

8.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета Горького синим карандашом: «Лёвберг».

Горький ответил 24 августа 1928 г. из Морозовки (*АГ*. ПГ-рл-23-16-4).

[1] 16 июня 1928 г. Горький обратился с просьбой к К.С. Станиславскому: «...вот "американская" пьеса, о которой я говорил Вам в Москве[1]. <...> Автор Мария Евгеньевна Лёвберг, одна из ее пьес — "Дантон", — ставилась на сцене Петербургского Драм. театра в 18–19 гг. Есть у нее и еще пьеса. Я очень прошу Вашего внимания к этому несомненно даровитому и вообще не дюжинному человеку» (*АГ*. ПГ-рл-41-3-22).

[2] 24 августа 1928 г. было послано письмо Н.Ф. Монахову по поводу пьесы М.Е. Лёвберг «Монтана»: «...весьма прошу Вас: обратите внимание на прилагаемую пьесу М. Лёвберг. Думается мне, что пьесы такого тона способны удовлетворить "запрос дней", особенно когда они вполне "литературны", какова пьеса Лёвберг. Кажется, что роль секретаря — для Вас. Вообще пьеса понравилась мне» (*АГ*. ПГ-рл-26-10-1).

На мнение Горького ссылался и Е.И. Замятин в письме от 24 августа 1928 г. режиссеру и худ. руководителю БДТ Н.В. Петрову: «...к Вам в театр передана пьеса М.Е. Лёвберг "Монтана" <...> Пьеса, по-моему, интересная. Я знаю, что ее читал Горький и она ему понравилась. Автор — М.Е. Лёвберг — не новичок в театре: Вы, вероятно, помните ее же "Смерть Дантона" в Больш<ом> Драм<атическом> Театре — в блоковские времена» (Новый мир. 1996. № 10. С. 149).

В пьесе «Монтана» рассказывалось о жизни американских банкиров начала XX века. Роль, которую рекомендует Горький актеру Монахову, вероятно, роль Аллана Раулэнда, личного секретаря видного финансиста Ричарда Гранта.

[3] Пьеса «Монтана» нигде не ставилась и не публиковалась. Рукопись ее хранится в *АГ* (РАв-бп-18-12-4).

[4] Рассказы были посланы 22 июня 1928 г. См. п. 7.

24 августа в ответном письме Горький сообщал: «"Дремучий бор" передам в "Новый Мир" или "Кр. Новь"». Однако сведений о публикации рассказа нет, нет и рукописи его в *АГ*. Рассказ «Ипполит Гарденин» писатель вернул автору на доработку, предложив переделать его в повесть: «Убедительно советую Вам "сесть" за повесть на эту тему, отнестись к ней более углубленно. Приехав в Ленинград, буду убеждать Вас с пристрастием» (*АГ*. ПГ-рл-23-16-4). 6 сентября, после беседы с Горьким, автор не упоминает о своих рассказах.

[5] Горький был в Ленинграде с 30 августа по 6 сентября 1928 г. С Лёвберг встречался 6 сентября, о чем свидетельствует ее письмо от 6 сентября 1928 г. См. п. 9.

9.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета Горького красным карандашом: «Лёвберг».

[1] В беседе с Горьким, в день отъезда его из Ленинграда, М.Е. Лёвберг, видимо, ознакомила Горького со стихами своей подруги, заинтересовавшими его, иначе Лёвберг не решилась бы «направлять» Аллу Иванову в Москву. Дополнительных сведений о поэтессе не разыскано.

[2] Свидание не состоялось, см. п. 10.

10.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета Горького красным карандашом: «М. Лёвберг».

Горький ответил 10 октября 1928 г. из Москвы (*АГ*. ПГ-рл-23-16-5).

[1] Встреча состоялась лишь в июне–июле 1929 г., в очередной приезд Горького в Ленинград. См. п. 12.

[2] КУБУ (ЦеКУБУ) — Комиссия по улучшению быта ученых, созданная при деятельном участии Горького в конце 1919 г. В ответ на просьбу адресата Горький послал ей записку в КУБУ с рекомендацией для зачисления в литературную секцию научных работников. Его записка не разыскана, но просьба была удовлетворена. См. п. 11.

[3] См. п. 8 и примеч.

[4] См. п. 8, 11 и примеч.

[5] Пьеса не была написана: за полгода — с октября 1928 г. по март 1929 г. — «ни строчки», отчего автор испытывал «непреодолимое чувство неловкости». См. п. 11.

[6] Осенью 1928 г. состояние здоровья Горького значительно ухудшилось.

11.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Горький ответил 6 апреля 1929 г. из Сорренто (*АГ*. ПГ-рл-23-16-6). На письме помета синим карандашом: «Отв.».

К письму приложено стихотворение М. Лёвберг: «Монолог».

[1] Вероятно, это были статьи, напечатанные в «Правде» и «Известиях»: «"Механическим" гражданам СССР. Ответ корреспондентам» и «Еще о механических гражданах» (*Г-30*. Т. 24. С. 431, 447).

[2] См. п. 10 и примеч.

[3] См. п. 8 и примеч.

[4] Отчаянное письмо М.Е. Лёвберг вызвало глубокое сочувствие Горького: он не оставляет хлопоты о постановке пьесы «Монтана», советуя обратиться автору к ленинградскому талантливому режиссеру Г.И. Ионину (одному из героев повести «Республика Шкид», под кличкой «Японец»): «Найдите его и дайте ему "Монтану". А то — подождите до мая, будем хлопотать вместе». Летом 1929 г. жизнь Ионина внезапно оборвалась.

3 июня 1929 г. Лёвберг обратилась за помощью к Е.И. Замятину: «Милый Евгений Иванович, посылаю Вам "Монтану". Если знаете, когда приедет Горький, черкните, пожалуйста, пару слов. А за заботы о моей пьесе я Вам очень, очень благодарна» (*ОР ИМЛИ*. Ф. 47. Оп. 8. № 116). Хлопоты оказались тщетными.

[5] Горький ответил на стихи автора «Монолог» — Я и Оно: «А что, если "оно" — не более, как только комплекс Ваших оценок "мира", т.е. — действительности и Ваших

мыслей о ней, о себе самой? И не есть ли вражда "я" и "оно" — отражение того векового заблуждения, которое расчленяет "плоть" и "дух", "инстинкт" и "разум"? <...> Несмотря на кажущиеся противоборства, я все-таки вижу человека существом целостным, — органом, который создан природою для целей ее самопознания. Познание становится третьим *инстинктом* человека, мне кажется, что именно отсюда возникает большинство наиболее сложных драм.

Летом давайте побеседуем на эту тему, если Вы не против». Стихотворение не публиковалось.

12.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета синим карандашом: «М. Лёвберг».

[1] Встреча с Горьким состоялась во время его пребывания в Ленинграде с 17 июня по 11 июля 1929 г.

[2] Письмо не разыскано.

[3] К письму приложены рекомендации от Ленотдгиза и изд. «Время». В них короткие характеристики ее работы: переводы «не нуждаются в редактировании» и «позволяют причислить ее к разряду квалифицированных переводчиков».

13.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета синим карандашом: «М. Лёвберг».

Горький ответил 27 июня 1931 г. из Москвы (*АГ*. ПГ-рл-23-16-7).

[1] «В Ленинграде буду около 15-го июля», — сообщал Горький. Он приехал в Ленинград 20 сентября и находился там до 8 октября.

[2] В письме от 24 августа 1928 г. Горький убеждал «с пристрастием» М.Е. Лёвберг работать над повестью с темой «чрезвычайно характерной для нашей действительности» серьезно и углубленно «без символизма и без XVIII века, столь Вам любезного». Однако исторический роман, задуманный автором, посвящен событиям Великой Французской революции, жизни политического деятеля Жоржа Жака Дантона.

[3] В ответном письме Горький приветствовал это начинание: «Рад узнать, что Вы взялись за работу над романом, и почему-то мне кажется, что Вас ожидает удача. Вы — женщина упрямая, работать любите».

[4] В ответ Горький написал: «...желание Ваше с радостью исполняю, желаемое — выслано в размере, Вами указанном». В *АГ* хранится «Записка в Секретариат»:

«1000 р.

Марии Евгеньевне

Лёвберг

Ленинград.

Канал Грибоедова, 146, кв. 4».

На записке помета синим карандашом: «Исполнено» (*АГ*. ПГ-коу-64-2-3).

14.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета синим карандашом: «М. Лёвберг».

Ответ на письмо Горького от 27 июня 1931 г.

[1] См. п. 13 и примеч.

[2] Приезд Горького «около 15 июля» не состоялся. См. п. 13.

[3] Речь идет о сборнике «День мира», задуманном Горьким в 1931 г. К сборнику им было написано предисловие: «Задачи нашей книги (Из письма М.Е. Кольцову)», которое опубликовано в журнале «За рубежом» (1936 г. № 18. 25 июня под заглавием «О книге "День мира" (Из письма М.Е. Кольцову)». Сборник вышел под ред. Горького и М.Е. Кольцова в 1937 г.

[4] Горький писал: «...Сейчас я живу подобно окуню, коего погрузили в кипяток того ради, чтоб выварить из него бульон для стерляжьей ухи. Жить в этом качестве — горячо, но приятно. К сожалению, у меня сердце в беспорядке и немножко задыхаюсь» (*АГ*. ПГ-рл-23-16-7).

15.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На полях красным карандашом помета: «М. Лёвберг».

Ответ на неразысканное майское письмо Горького.

[1] М. Миттельман — См. о нем п. 16 и примеч.

[2] План создания книгоиздательства по «Истории фабрик и заводов» возник у Горького на основании массы писем и корреспонденций рабочих-рабкоров и начинающих очеркистов, посылаемых Горькому и в редакцию журнала «Наши достижения». Этот план был одобрен высшей властью 10 октября 1931 г. с образованием нового государственного издательства — «История заводов», где Горький взял на себя руководство всей работой этого издательства. К работе над созданием «Истории фабрик и заводов» были привлечены писатели и сами рабочие многих заводов.

Кроме Горького (главный редактор) в редколлегию вошли А.А. Андреев, Н.М. Шверник и др. партийные деятели, писатели — Вс. Иванов, Ю. Либединский, Л. Сейфуллина, историк — А.М. Панкратова. Основная работа — написать историю 102 заводов и фабрик: в 1932–1933 гг. издать серию выпусков из 26 книг.

В письме от 29 ноября 1931 г. Горький сообщает об этом Р. Роллану: «В этом году мой визит в Союз Советов был уже не визитом наблюдателя, а поездкой работника. Удалось организовать несколько литературных предприятий, из них особенное значение я придаю "Истории гражданской войны" в 15-ти томах и, затем, "Истории фабрик", которая должна дать полную — насколько это возможно — историю роста промышленности и рабочего класса <...> "История заводов" ставит целью ознакомить нашу молодежь с прошлым ее прадедов, дедов, отцов, — некоторые заводы были построены еще при Петре I. Эта история строится на архивных документах, на воспоминаниях стариков, к работе над материалом мы привлекаем молодежь фабрично-заводских литературных кружков. Нужно, чтоб они учились писать о том, что хорошо знают, что сами же они создают. Весь этот материал тоже будет проредактирован опытными литераторами» (*Архив Г. 15*. С. 203–205).

Весь 1932 г. Горький занимается подготовительной работой по изданию книг «История заводов». 4 февраля 1932 г. он сообщает А.Н. Тихонову: «Статью о "Истории фабрик и заводов" скоро пришлю» (*Горьковские чтения. 1959*. С. 62).

Судя по сообщению М.Е. Лёвберг и майскому неразысканному письму Горького, она была включена в бригаду писательниц по работе над созданием книги «История Путиловского завода» и к 21 июля успела написать (за 2 месяца) «40 страничек».

[3] О том, что требуется от очеркистов в работе над книгой, Горький определяет в очерках: «История фабрик и заводов»; «О работе по "Истории фабрик и заводов"»; «Рабочие пишут "Историю фабрик и заводов"». Все они опубликованы в «Правде» за 1931–1932 гг. (1931. № 247. 7 сент.; 1932. № 91. 1 апр.; № 191. 12 июля).

[4] Исторический роман о Дантоне не был написан.

[5] Письмо с отзывом Горького о начале работы М.Е. Лёвберг не разыскано. Однако имеется одобрение К. Федина о работе М.Е. в письме Горькому от 30 мая 1933 г.: «Кажется, действительно, интересной становится работа по написанию "Истории заводов" <...> Много и успешно работают Шкапская <...> Мария Лёвберг...» (*АГ*. КГ-п-81-1-41).

16.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

На письме помета красным карандашом: «М. Лёвберг».

[1] Горький приехал в Москву 19 мая 1933 г.

[2] См. п. 15 и примеч.

[3] Бригаду составили М.Е. Лёвберг, Мария Шкапская, Е. Овчинникова.

[4] В 1933 г. Горький в Ленинград не приезжал.

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ»
(Неизвестные письма И.С. Шкапы Горькому)

Вступительная статья, подготовка текста и примечания О.В. Шуган

Общение Горького и писателя, очеркиста Ильи Самсоновича Шкапы (1898–1994) началось с казуса. Получив в конце 1928 г. рукопись книги «Крестьяне о советской власти», Горький принял составителя за женщину и в ответном письме обратился к нему так: «Уважаемая товарищ Шкапа»[1]. Позже писатель извинялся за это недоразумение, объясняя, что стал «жертвой слепого доверия к женским окончаниям существительных». В Архиве Шкапы в казанском Литературно-мемориальном музее А.М. Горького сохранилась машинописная копия этого письма, интересного тем, что в нем попутно раскрывается отношение Горького к женскому вопросу.

ГОРЬКИЙ — И.С. ШКАПЕ[2]
28–29 января 1929, Сорренто

Псевдоним Ваш — Шкапа — обманул меня: я произвел Вас в чин женщины[3]. Думаю, что этим не обидел Вас: равноценность полов (и не только биологическая) — факт бесспорный[4]. И еще неизвестно, кто вкладывает в трудовой котел, именуемый жизнью, больше — М. или Ж. Я склоняюсь к тому — что доля фемины перевешивает долю мужчины. Так что не сетуйте на меня... Виноват во всем «он» Петр Крючков, сын Петров[5]... Это он положил на стол рукопись Вашу и не дал пояснений[6]... Вот я и попался! При встрече взыщите с него, а меня, жертву слепого доверия к женским окончаниям существительных — великодушно простите.

А.П.

В этом же письме Горький сделал еще одну ошибку, перепутав псевдоним (И. Гриневский) и настоящую фамилию автора. Он написал: «Псевдоним Ваш — Шкапа — обманул меня». С этих курьезов начались отношения Горького с начинающим писателем, которые позже превратились в довольно

тесное общение учителя и ученика и продолжались с 1928 по 1935 г., т.е. семь лет — (именно так озаглавлена книга воспоминаний Шкапы — «Семь лет с Горьким» (в дальнейшем *СЛСГ*). Эти годы были очень важны для становления автора и формирования его мировоззрения.

Как-то в разговоре Шкапа поделился с Горьким историей своего появления на свет. «Рассказывал я со слов матери, которая поведала мне об этом много лет спустя после того, как я увидел первый раз яркое летнее солнце на ржаной крестьянской полосе, 13 июля 1898 года по старому календарю»[7], — вспоминал Шкапа. Горький очень живо отреагировал на это признание: «— Вот вам крестьянский редактор, живая иллюстрация к Некрасову: "В полном разгаре страда деревенская! Доля ты русская, долюшка женская!.."» и затем спросил: «Вы что же, почти сродни тому, кто родился во хлеве в городе Вифлееме?»[8] Межа на крестьянском поле приобрела еще один символический подтекст рубежа веков. Судьба этого человека, родившегося на крестьянской меже на стыке эпох, отразила драматические события переломного времени.

Родился Шкапа в деревне Гринево Глуховского района Черниговской губернии (сейчас это территория Республики Беларусь) в бедной крестьянской семье. Мальчик с ранних лет проявил огромную тягу к знаниям и к чтению. В 14 лет, прочитав книгу Л. Толстого «В чем моя вера?», он пережил глубокий кризис и даже хотел покончить жизнь самоубийством, т.к. считал, что незачем жить, если нет Бога. Под воздействием Толстого Шкапа написал свое первое произведение «Кредо». На «отлично» окончив школу, Шкапа экстерном поступил в Глуховский учительский институт. Не успел он получить диплом педагога, как началась Гражданская война, и вчерашний студент сменил учебники на винтовку. Красноармеец Шкапа воевал против немцев, петлюровцев и гайдамаков в составе 1-го и 2-го Стародубского отрядов — был контужен, болел малярией. В эти годы он начал печататься: первый очерк был опубликован в 1919 г. в газете «Рабочий путь», под псевдонимом «Овод». Шкапа выступал против перегибов в партии, предлагая заменить продразверстку продналогом, за что подвергся гонениям. В 1921 г. он подал в партийную ячейку заявление: «Разделяя программу коммунистической партии и служа ей не только на словах, но и на деле (я участник гражданской войны и красный партизан), я не разделяю той тактики, которая применяется для осуществления этой программы. Ура-коммунизм верхов, лизоблюдничество и низкопоклонство низов не позволяют в партии выразить ни одной конструктивной мысли»[9]. За такие крамольные идеи он чуть было не поплатился. «Началось стирание меня в порошок», — вспоминал Шкапа. Секретарь стародубского Уездного комитета партии С. Гутман попробовал образумить своего товарища: «Ты сошел с ума, Илья! Мы же тебя немедленно арестуем! Возьми заявление назад, я никому ничего не скажу!»,

на что Шкапа в сердцах ответил: «Соломон, если вы меня за это арестуете — я жить не хочу вообще. Неужели вы не понимаете, что палкой построить рай нельзя?»[10]

Шкапа сотрудничал во многих провинциальных изданиях, пока в конце 1925 г. не оказался в Москве, в редакции «Крестьянской газеты», где прошел путь от редактора до ответственного за выпуск номера.

К 10-летию Октябрьской революции на страницах «Крестьянской газеты» был организован диспут. Редакция обратилась к читателям с просьбой присылать письма, в которых люди могли бы подвести итоги деятельности советского государства в области сельского хозяйства. За три месяца (с 30 августа по 5 декабря 1927 г.) редакция получила несколько тысяч писем от крестьян, в которых рассказывалось о том, что советская власть дала деревне, обсуждались экономические и социальные проблемы, высказывалась критика. Наиболее интересные письма были опубликованы. Шкапа вместе с Я. Селихом отобрали из нескольких тысяч 185 наиболее «типичных» писем, которые составили книгу «Крестьяне о Советской власти» (М.; Л.: Госиздат, 1929). Прочитав несколько страниц этой рукописи, Горький забраковал материал: «Что это такое? И для кого? Нам нельзя помещать у себя такую работу <...> Такие вещи имеют значение в отдельных брошюрах, а мы ими только насмешим читателей»[11]. Крючков внес ясность: «Рукопись Селиха и Гриневского к журналу "Н<аши> Д<остижения>" не относится, я послал Вам дополнительно всю рукопись полностью, по-моему, она заслуживает, чтобы быть изданной отдельной книгой. Посмотрите и сообщите Ваше мнение»[12], а в следующем письме охарактеризовал Шкапу как «хорошего работника»: «Рукопись — крестьянские письма, фактически он собрал и полностью обработал»[13]. 29 января 1929 г. Горький послал небольшую рецензию на книгу и написал: «Интересно. Очень!»[14] Понимая, что книга имеет огромное воспитательное значение, он предлагал «как можно шире пустить ее в деревню»[15]. От рецензента не укрылись и недостатки, например, слишком «громогласное» предисловие, слабость «голоса молодежи», отсутствие многих важных тем. По указаниям Горького составители сократили и переработали предисловие. Поскольку Госиздат ждал предисловия Горького к книге, И. Шкапа вторично обратился к писателю с этой просьбой. 14 февраля Горький ответил: «Предисловие — напишу и дня через два пришлю Вам, хотя, на мой взгляд — книга достаточно хорошо говорит сама за себя, в предисловии не нуждается»[16]. Не имея перед глазами рукописи, которую отправил в Москву еще раньше, Горький опасался, что предисловие выйдет «формальным», похожим на те, которые «часто пишутся с казенным равнодушием и нередко вызывают впечатление, что автор предисловия не читал книгу или прочитал только несколько страниц в начале ее, а затем — заглянул в конец»[17]. Поэтому он предоставил составителю право изменить в рукописи то, что покажется плохим

или ненужным. Обещание свое Горький сдержал — через 3 дня прислал три страницы предисловия, которое сразу же ушло в набор (См.: Приложение). Внимание Горького к книге «Крестьяне о Советской власти» было не случайным. В эти годы Горький уделял огромное внимание деревне: «встречался с сельскими активистами, переписывался с селькорами, посылал тысячи книг в избы-читальни, писал многочисленные статьи и обращения к крестьянству, составлял детальные планы издания книг для деревни»[18].

Сразу же после приезда в СССР Горький посетил редакцию «Крестьянской газеты», где беседовал с журналистами и селькорами. В этот день, 7 июня 1928 г., И. Шкапа — сотрудник газеты — в первый раз увидел Горького, а лично познакомились они только через год — 29 июля 1929 г., когда Горький вызвал его в Машков пер. (д. 1, кв. 16), где жила Е.П. Пешкова. Это была первая встреча в неформальной обстановке, которые регулярно повторялись и в дальнейшем. Содержание бесед Шкапа по памяти записывал. Интересно проследить разное отношение к записям у Шкапы и личного секретаря Горького: «Крючков никогда не вел записей того, что видел вокруг Горького, а видел и знал он больше всех из окружения писателя, — вспоминал Шкапа. — Однажды, на мой совет "записывать все, что говорит и делает Горький, — это же интересно", он ответил, что, во-первых, некогда, во-вторых, Алексей Максимович немедленно прогонит его с глаз, если узнает, что я "подсматриваю и фиксирую". Крючков рассмеялся и добавил, что Горький считает "записки секретарей" — самым худшим видом литературы — ненужной, вредной. Как на пример подобных книг Горький, по словам Крючкова, указывал на книгу "Анатоль Франс в туфлях и халате" Жан Жака Брусона, бывшего секретаря А. Франса»[19]. Но Шкапа не оставил своего занятия.

Очевидно, что Горькому импонировал этот молодой человек с «азартом в крови», честный и принципиальный работник, способный редактор и очеркист, готовый отдавать все силы журналу. Горький по-отечески тепло относился к нему и доверял настолько, что приглашал в личный штат, как-то предложил деньги на покупку дачи. В результате столь тесного взаимодействия Шкапой заинтересовались органы НКВД. «Когда меня через несколько лет после "вербовки" арестовали, — вспоминал Шкапа, — то начальник следственного отдела Василий Молчанов сказал мне: Напрасно вы отказались от нашего предложения, сидели бы в своей семье, писали бы книги и служили бы советской власти, а теперь вам конец»[20].

В сентябре 1928 г., когда проект Горького по организации журнала «Наши достижения» обрел конкретные черты и формы, по рекомендации С.Б. Урицкого, Шкапа был принят в штат журнала. Сначала он работал секретарем, позднее заведующим редакцией журнала «Наши достижения»[21] (с 1931 г. — член редколлегии). 18 сентября — первое заседание редколлегии — можно назвать днем рождения журнала. В нем планировалось да-

вать художественные очерки, в которых систематически рассказывалось бы о положительных результатах работы советских людей. Журнал должен был стать массовым, дешевым. Первый год он выходил раз в два месяца, с 1930 г. — ежемесячно, за год его тираж вырос в два раза: от 20 тыс. до 40 тыс. экз., а подписка стала дешевле на 1 рубль. 3 ноября 1928 г. Шкапа первый раз участвовал в заседании редколлегии, исполняя обязанности секретаря. Большая часть публикуемых писем посвящена внутренней редакционной кухне: написанию очерков, редактированию, поискам авторов и сотрудников, оценке намеченных в ближайшие номера материалов, обстановке в редакции. По письмам можно проследить становление журнала от первых его робких шагов до завоевания прочной позиции на рынке печатной продукции. Первые полтора года работы были очень тяжелыми — портфель редакции был пуст, авторов не хватало, а поступающие материалы были откровенно слабыми: их приходилось серьезно править или заново переписывать. Тогда, по выражению Шкапы, он «задыхался и валился с ног» (п. 7). Надежда на сотрудничество с писателями не оправдалась. «Многие известные литераторы <...> Клычков, Клюев, Ширяев, Павел Васильев, приходили в редакцию и высмеивали нас, — вспоминал Шкапа. — Они не собирались видеть достижений там, где их нет. Поэтому саботировали наш журнал»[22]. Совещание 3 ноября 1928 г. выявило у писателей и журналистов разное отношение к работе в новом журнале. Нежелание писателей выполнять роль «переработчиков чужого сырья», «оживителей» малограмотных текстов, больно задело Горького, о чем свидетельствуют его письма А.Б. Халатову и П.П. Крючкову. Положение усугублялось разногласиями внутри редакции, скептическим отношением А.Б. Халатова к проекту. Условия работы были неподходящими: редакционному аппарату выделили проходную комнату в здании Госиздата на Рождественке, «упрятанную в одном из дальних коридоров», которая «угнетала всякого, кто в нее заходил»[23]. Лишь в 1931 г. редакция переехала на Малую Никитскую ул., разместившись во дворе дома, где жил Горький. Героическими усилиями редакции, под руководством Горького, журналу удается добиться серьезных успехов и «попадания в цель». Уже через год Шкапа уверял писателя, что «корабль выровнялся» (п. 4), в последующих письмах с радостью сообщал, что «материал притекает» и «делается разнообразнее» и что «работать стало легче» (п. 7). А в 1932 г. делился своими планами: «конкурс на лучший очерк проведем, словом, живем, действуем!» (п. 10).

Концепция журнала вырисовывалась постепенно. В то время, когда печать пестрела обличительными статьями, а общество переживало, по выражению М. Кольцова, «медовый месяц самокритики» (стенограмма заседания редакции от 9 июня 1928 г.)[24], журнал сделал ставку на пропагандистский пафос. При этом возникала другая опасность — получить «прейскурант строительств», т.е. регистрацию достижений в разных областях народного хозяй-

ства. В СССР существовал ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей), издававший для международного рынка журнал «Бюллетень ВОКС» («VOKS bulletin»). Чтобы избежать репутации казенного журнала, достижения решено было давать не в форме сухих отчетов, а в форме живых фактов, рассказывать не только и не столько об успехах, сколько о преодолении трудностей. Шкапа стал адептом горьковских идей, одним из первых, кто «выковал» жанр художественного очерка.

Начав работу в качестве редактора и секретаря, он превратился в ценного работника, во многом определяющего лицо издания. Как редактор он ставил беспощадный заслон халтуре, легковесным материалам и, наоборот, чересчур сухим научным статьям, не боясь вступать в полемику с А.Б. Халатовым и С.Б. Урицким. Можно сказать, что благодаря Шкапе журнал имел высокую репутацию. В работе он проявлял «необходимую инициативу и организационные способности»[25]. В качестве заведующего редакцией Шкапа осуществлял общее руководство ее работой, распределял материал по разделам, поддерживал тесный контакт с редакторами и заведующими отделов, наблюдал за техническим оформлением номера, а также отвечал за расходы: выплату гонораров и выделение денег на технические нужды. Он прикладывал огромные усилия для того, чтобы связать журнал с рабселькорами, ударниками, начинающими молодыми авторами. Он вносил конкретные и дельные предложения по улучшению качества публикуемого материала и увеличению его «агитационно-пропагандистской силы», боролся за увеличение тиража «Наших достижений», видя причины его низкого роста в плохой рекламе и недостаточной работе по распространению журнала.

Положительная оценка Горьким первых двух очерков Шкапы, помещенных в журнале «Наши достижения» в 1929 г., — «Мастера земли» (№ 2), «На полях зерновой фабрики № 1» (№ 5), вдохновила молодого автора, но... не вызвала восторга. В недошедшем до нас письме Шкапа размышлял о правильности выбранного пути и обращался к Горькому с вопросом: «Как найти свою дорогу, имею ли я право встать на литературный путь?»[26] В нем Шкапа, отметив свои достоинства («Я универсален по своей сути», «У меня память выше средней и богатейшее воображение»), вынес себе строгий приговор: «У меня нет ни грана литературного дарования». Ответное письмо Горького от 6 ноября 1929 г. свидетельствует о чутком и бережном отношении писателя к своему корреспонденту. Заметив в его тезисах явное противоречие, он написал, что автопортрет неверен, так как «универсальность — признак даровитости», а «воображение — ценнейшее свойство художника». Стараясь рассеять сомнения молодого журналиста, Горький назвал его человеком, «обреченным литературе» и дал несколько практических советов: «начните с беллетристического очерка, а лучше — с более трудного — с рассказа»[27]. Однако у Шкапы не было возможности писать — он был «завален, полуза-

душен» текущей редакционной работой. Тяжелые настроения отразились в п. 4: «18 последних месяцев с 10-часовым упорным и "универсальным" трудом так меня истерзали, что для некоего творческого труда сил во мне больше не остается — вот уж действительно — *ни грана*». Тоскуя по авторской работе, Шкапа попросился в разъездные корреспонденты. «И душой, и телом понимаю Вас, — ответил Горький 15 февраля 1930 г., — потому что — тоже устал, тоже не имею времени писать свой бесконечный роман, а вот все пишу статейки, письма»[28]. Учитывая «значительность редакционной работы» Шкапы, писатель «товарищески просил» его «немножечко потерпеть», пока П.П. Крючков не найдет ему замену. «В ценности будущей литературной работы Вашей я ни мало не сомневаюсь, — писал Горький, — и это еще раз должно подтвердить, что я понимаю Вашу тоску по работе более напряженной, интересной и разнообразной»[29]. Просьба Шкапы была удовлетворена: в качестве корреспондента с 7 по 27 февраля 1930 г. он посетил Сельмашстрой, Гигант и Краматорский металлургический завод, результатом поездок стали очерки, которые Шкапа присылал Горькому на отзыв. Ответные горьковские письма свидетельствуют о внимании писателя к начинающему автору: он правит стиль автора, указывает на недостатки, призывая его писать проще, искать свои слова. «Писать надобно очень просто и ясно. Вы стараетесь писать красиво, нарядно. Это стремление всегда будет мешать Вам изобразить то, что Вы видели, именно так, как Вы видели. Все: каждый человек, каждое событие, каждая вещь имеют некоторые свои характерные черты, смыслы, формы. У Вас тоже есть нечто свое, своеобразное, характерное для Вас. Нужно, чтобы Ваше характерное сомкнулось, слилось с характерной чертою того, что Вы наблюдаете. Тогда Вы — и я — получим *новое* изображение предмета, [или] события или человека, знакомого нам.

Характерное свое Вы стираете словами, стремясь найти красивые и *не ища* своих слов. А они у Вас — есть.

Вовсе не нужно стремиться писать лучше других *формально*, — пишите хуже других, но по-своему»[30]. В конце 1930 г. Горький в письме Халатову рекомендовал ввести Шкапу как «отличного работника» в состав редколлегии «Наших достижений», так как «из него вырабатывается талантливый редактор»[31]. В конце 1930 г., через два года после создания журнала, стало ясно, что необходимо избавиться от балласта в лице неработающих членов редколлегии. Поэтому на заседании 30 декабря 1930 г. было решено: «Учитывая, что некоторые редакторы только номинально числятся в составе редколлегии, поручить тт. Халатову, Гольцману и Урицкому пересмотреть теперешний состав редколлегии и [четко] установить таковой на 1931 г. в целях укрепления и активизации работы отдельных ее членов»[32]. 25 февраля 1931 г. на заседании было решено оставить в редколлегии «только активно работающих членов»: М.Горького, А. Халатова, А.З. Гольцмана, С.Б. Урицкого и М. Кольцова.

Если в 1930 г. в редколлегии фигурировали также А.В. Луначарский, проф. Н.К. Кольцов, академик А.Е. Ферсман, проф. О.Ю. Шмидт, М.Е. Шефлер, то в 1931 г. этих людей вывели из состава редколлегии. По существу, первый состав редакции был пересмотрен, а второй набран заново. На этом же заседании было решено «ввести в состав редколлегии тт. Шкапа и Киш, оформив это вхождение в соответствующих инстанциях», а также сообщить об этих кандидатах ответственному редактору, т.е. Горькому и «после полученного от него одобрения, оформить их вхождение в редколлегию в соответственном порядке»[33]. О том, что Горький поддержал решения своих коллег, можно судить по его записке от 4 марта 1931 г.: «Постановления протокола заседания Редколлегии от 25.II.31 вполне одобряю»[34]. Совмещать членство в редколлегии и должность заведующего редакцией было трудно, поэтому 13 октября 1931 г. Шкапа подал заявление об освобождении его от заведования редакцией[35]. Просьба его была удовлетворена, ему был предоставлен двухмесячный отпуск, а заведующим редакцией назначили И.М. Разина (см. п. 14 и примеч.). В этом же году вышли отдельной книгой очерки Шкапы «Железо и хлеб»[36], а летом 1931 г. он отправился в Европу вместе с ударниками труда на теплоходе «Украина».

Разделяя горьковские принципы создания журнала, его идейные установки, требования к содержанию и стилю, Шкапа не был alter ago Горького: он проявлял принципиальность во многих вопросах, в частности, высказался против печатания в журнале третьей части «Жизни Клима Самгина». В 1930 г. Горький предложил печатать в «Наших достижениях» свое произведение, т.к. в недавно сформированном литературно-художественном отделе не хватало авторов. 10 июня 1930 г. Халатов писал ему: «Приветствую Ваше решение печатать в "Н.Д." продолжение "Клима Самгина"»[37]. Поместить третью часть повести планировалось в № 8 (Август) за 1930 г. Однако Шкапа как заведующий редакцией стал возражать. Выслушав его, писатель «помрачнел», но решил отправить рукопись в другой журнал. «Авось, не везде такие строгие редакторы, как в "Наших достижениях"...», — пошутил он. Позже он благодарил Шкапу за верный совет: «Спасибо за плотину, что воздвигли "Климу" на пути его вторжения в "Наши достижения". В самом деле: берет подписчик журнал, читает: "Наши достижения"... А там "Клим Самгин" — повесть о далеких днях... и написал ее ответственный редактор сего журнала... И сам же преподносит свое творение как... наше достижение... Нехорошо!.. Как видите — на всякую старуху бывает проруха»[38]. Показательно, что все редакторы: А.Б. Халатов, Я.А. Яковлев, Н.К. Кольцов, А.З. Гольцман единогласно согласились печатать «Клима Самгина», «восторг даже выразили...», не осмелился возражать и Крючков. Из этого эпизода можно сделать вывод, что Шкапа влиял на редакционную политику журнала.

Но самые жаркие споры велись вокруг политической обстановки в стране. В начале 1928 г. Сталин ввел «чрезвычайные меры», т.е. потребовал «беспощадно применять к крестьянам, отказывающимся продавать хлеб государству, 107 статью Уголовного Кодекса, устанавливавшую уголовную ответственность (лишение свободы с полной или частичной конфискацией имущества) за "злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок"»[39]. По статистическим данным, за первую половину 1928 г. в Сибири было осуждено более 2200 крестьян. Начало коллективизации сопровождалось ростом недовольства по всей стране, переходящим в активное сопротивление крестьянства. По сводкам ГПУ, в первой половине 1928 г. в стране прошло свыше 150 крестьянских восстаний[40]. В декабре 1929 г. Сталин впервые официально выступил с предложением перейти к «ликвидации кулачества как класса» и «сплошной коллективизации». 5 января 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

Горький поддержал курс Сталина на сплошную коллективизацию, т.к., по его мнению, это был единственный путь перевоспитания многомиллионной крестьянской массы. Объединение тысяч единоличных крестьянских хозяйств в колхозы писатель называл «геологическим переворотом», сломом векового строя, построенного на частной собственности. Крестьянство же он считал мелкобуржуазным классом, который сможет стать вровень с рабочими в деле социалистического строительства, только освободившись от собственнического инстинкта. «Вытравить из десятков миллионов рабочих и крестьян эти кулацко-мироедские навыки, эту мещански жадную, завистливую и жестокую "душу", — вот какова задача Советской власти и всех, кто искренно идет с нею», — писал он в предисловии к книге «Крестьяне о Советской власти». Присущие русскому человеку недостатки, такие как отсталость и малограмотность, недоверие к разуму, лень, пьянство и стремление пожить «буржуазной, сытенькой, спокойненькой, подленькой жизнью», Горький называл «помехами» на пути социалистического строительства. Для устранения этих помех Горький допускал и элемент физического насилия, заменяя его эвфемизмом «толчок»: «естественно, понятно и оправдано, если Советская власть для того, чтоб поставить человека на правильный путь к лучшему, или чтоб ускорить его движение по этому пути, толкнет его в спину или в шею»[41].

Позицию Горького, поддержавшего жестко проводимую линию партии, не разделяли сторонники «правой оппозиции». На июльском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. внутри Политбюро возникли разногласия при обсуждении политики хлебозаготовок. Н.И. Бухарин заявил об ошибках «нового курса» в деревне, последствиями которого стали сокращение крестьянами посевов и наметившаяся «размычка» рабочего класса и крестьянства. «Особенно

тревожным сигналом, свидетельствующим об ухудшении отношений с середняком, Бухарин назвал массовые крестьянские выступления, вызванные проведением чрезвычайных мер»[42]. На пленуме Н.И. Бухарина поддержали А.И. Рыков и М.П. Томский. На этом пленуме оппозиция одержала победу: ЦК выступил против реквизиций продовольствия у крестьян и насильственных хлебных займов, было решено поднять на 20 % закупочные цены на хлеб. Но уже через год, на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г., Сталин разделался с «правой оппозицией», заставив их раскаяться и принять курс на ускоренную коллективизацию.

Шкапа познакомился с Бухариным еще в 1920 г., продолжил общение с ним уже в 1933 г. и называл себя «бухаринцем». Он рассматривал «новый курс» как возврат к политике «военного коммунизма» и «чрезвычаек», против которой он возражал еще в годы Гражданской войны. При личных встречах молодой очеркист «просвещал» Горького по вопросам сельского хозяйства, показывал ему «болевые точки» современной деревни, рисуя трагическое положение, вызванное насильственной коллективизацией и отъемом у крестьян зерна. Одна из острых дискуссий была вызвана публикацией во 2-м номере «Наших достижений» за 1929 г. корреспонденции из Чуровского района Череповецкого округа[43]. Автор В. Парунин рассказывал о том, что крестьяне этого региона, объединившись на основе сельскохозяйственной кооперации, смогли добиться значительных успехов в животноводстве и производстве молока. В публикации говорилось о том, что Чуровский район стали называть «наша северная Дания», так как удои коров достигали «средних датских удоев — 300 кг на корову»[44]. Горький был в восторге от этой корреспонденции. «И вот не успели мы напечатать эту заметку, — вспоминал Шкапа, — как к нам приходит сообщение, что в этом же самом районе крестьяне вырезали всех коров, т.к. началась коллективизация и поставила всех кооперировавшихся крестьян под декрет и стада должны были быть обобществлены»[45]. Для проверки информации редакция отправила в Чуровский район корреспондента Николькова, который по возвращении все подтвердил.

В 1930 г. началось изъятие скота у колхозников, что вызвало массовый его забой. Крестьяне лишились тягловой силы и попали в полную зависимость от принадлежащих государству машинно-тракторных станций. В Архиве Шкапы сохранилась книга Н. Одоева-Гришина «Полный ход», в которой рассказывалось о том, как в некоторых селах в одну ночь вырезали всех свиней. «Когда Горький познакомился с этой книгой, он отчеркнул отдельные абзацы <...> и говорит: "Продолжается. Видите, Вы говорили в 1929 году, что с рынка исчезнут продукты и что это создаст большие затруднения...

Я сказал, что рынка как такового у нас нет, что существует распределение по карточкам, и это спасает от многих неприятностей.

— А дальше как? — спрашивает Горький.

— Не знаю.

— Я вот пришел из ЦК, там принято решение о всемерном развитии кролиководства, как вы считаете, не могут ли эти животные заменить свиней и коров?

— Вы имеете представление о кроликах, — спрашиваю я.

— По описаниям Брэма могу судить. И с моей точки зрения, самое развернутое кролиководство не может компенсировать потерь, связанных с некоторыми перегибами.

Горький говорил со всей прямотой и был очень огорчен. В руках у него был коробок спичек, и в этом разговоре, сам того не замечая, он его превратил в сплошную труху — высыпал ее в пепельницу, потом зажег спичку и поджег эту труху, которую потом пришлось тушить, так как она содержала в себе много взрывчатого вещества»[46]. Костер потушил Крючков, опрокинув на него вазу с водой.

Шкапа убеждал Горького, что «темпы коллективизации, которые применяются <...>, грозят <...> большими неприятностями, т.к. они совершенно отклоняются от Ленинского кооперативного плана»[47]. Шкапа, как и многие, не согласные с «железной политикой» Сталина, предсказывал, что с рынка исчезнут продукты и начнется продовольственный кризис. Коллективизация из-под палки привела к разорению хозяйств, озлоблению крестьянства, голоду и мору. Ценой огромных жертв государство добивалось увеличения запасов зерна. В 1928 г. государство заготовило 10,8 млн. тонн зерна, а в 1939 г. — 36 млн. тонн; в 1929 г. экспорт зерна составил 0,3 млн. тонн, в 1935 г. — 0,9 млн. тонн. Зато за годы коллективизации поголовье скота уменьшилось с 60,1 млн. голов в 1928 г. до 51,4 млн. голов в 1939 г., сельское население резко сократилось. Для Горького программа поддержки коллективизации стояла на первом месте, поэтому ему очень важно было получать информацию «из первых рук», лично общаться с представителями крестьянства. Шкапа познакомил Горького с крестьянами-«культурниками» — П.Г. Ярковым и О.И. Черновым. На личности последнего хотелось бы остановиться подробнее. Сибирский крестьянин Осип Иванович Чернов был известен как один из ходоков к Ленину, с которым он встретился в феврале 1921 г., убеждая в необходимости замены продразверстки продналогом. Фигура Чернова была символична: бывший каторжник, эсер, участник разгрома помещичьих имений в 1905 г., после революции сотрудник газеты «Беднота», а затем «Крестьянской газеты», он считался «экспертом» по сельскому хозяйству, к его мнению прислушивались. Горький еще в Сорренто интересовался этим человеком и по приезде в Москву попросил Шкапу, знавшего Чернова по работе в «Крестьянской газете», привести его. В ходе многочасовой беседы Чернов «атаковал Горького по всему фронту»: он сказал, что Горький не зна-

ет деревни и в доказательство привел цитату из статьи последнего: «вот в таком-то номере "Известий" вы обращаетесь к деревне, чтобы крестьяне вовремя выходили косить, вовремя убирать травы. Вы рассказываете крестьянам о том, что в противном случае травы потеряют свои питательные свойства, и коровы не будут обеспечены кормами на осенне-зимний стойловый период.

Написали Вы все это и не подумали, а почему эти травы перестаивают. Почему этот мужик, который от земли живет, не выходит косить...»[48] Чернов рассказал Горькому о том, что на Украине, в Донбассе и Сибири «поля пустуют», а закончился разговор тем, «что Горький предложил написать Чернову доклад и обещал этот доклад передать Сталину.

А Чернов говорит:

— Я уже писал такой доклад и относил его.

— Ну и что же?

— Да что... сказали: спасибо, учтем.

Горький улыбается.

— Что же, еще раз нужно пойти. Надо лично пробивать, раз вы так убеждены в своей правоте. Вот ведь до Ленина вы два месяца ехали, а здесь гораздо более короткий путь.

— Нет, Алексей Максимович, больше не пойду.

— Почему?

— Не те ветры дуют, сейчас не то, что было. Ленинский кооперативный план отклонен и отсюда все беды»[49].

Разумеется, Горький, как и «правые уклонисты», был против «чрезвычайных мер» по отношению к крестьянству. Писатель не мог молчать, если речь шла о перегибах, о бедствиях, постигших ни в чем не повинных людей. Вот конкретный пример: в 1931 г. раскулачили родителей Шкапы, живших на Украине: отца и младшего брата выслали из деревни. Узнав об этом, Горький ходатайствовал о них перед Г.Г. Ягодой, в результате отца освободили, а через полгода вернулся и брат.

Напряженная работа Шкапы в течение трех лет в журнале «Наши достижения» требовала отдыха. В январе 1931 г. он написал Горькому, что очень хочет посетить страны Европы и Италию (п. 10). Поездка вокруг Европы вместе с группой ударников в августе 1931 г., организованная по ходатайству Горького, дала ему передышку, обогатила новыми яркими впечатлениями, которые вылились в книгу «Лицом к лицу»[50]. В характеристике, данной Шкапе для поездки, Горький писал: «Все три года т. Шкапа работал в журнале как доподлинный ударник-общественник, который, прежде всего, служит интересам развития и укрепления журнала, выполняющего ответственейшую работу показа наших достижений на социалистической стройке»[51]. Отправляя книгу на отзыв Горькому, Шкапа написал, что честно над ней поработал. «Правда я вижу много в ней недочетов, боюсь, что она вышла мало

занимательная. Каждый факт, цифра соответствует истине» (п. 15). Горький указал на ряд недостатков книги, рекомендовал сделать ряд дополнений и примечаний «к сказанному о Гамбурге» и Лондоне.

Отойдя от текущей редакционной работы в качестве заведующего редакцией, Шкапа получил возможность реализовать свои творческие замыслы. «В эти годы были задуманы несколько книг: о революционных событиях, о жизни и творчестве Гоголя, о чем были заключены договора с книгоиздательствами. Шкапа участвовал в составлении словаря синонимов, словаря эсперанто»[52]. В 1933 г. Горький привлек Шкапу к работе над «Историей Гражданской войны» (в дальнейшем — «ИГВ»), где он работал под руководством И.И. Минца и заведовал литературно-художественной серией воспоминаний участников Гражданской войны. В это время он значительно меньше уделяет внимания «Нашим достижениям», хотя и остается членом редколлегии журнала.

Придя в редакцию «ИГВ», Шкапа с присущим ему энтузиазмом взялся за дело. В *АГ* сохранились его докладные записки и предложения по организации работы над изданием (см. п. 16 и примеч.). Шкапа указывал на низкий уровень статей для сборника — слабых с содержательной точки зрения и беспомощных по оформлению. Он возражал против того, чтобы присылаемые статьи дважды подвергались редактуре разными людьми, что сильно тормозило работу. Обстановка в редакции была очень сложной и с политической точки зрения, требовала умения лавировать и приспосабливаться к быстро меняющимся условиям. Задуманная Горьким для широких трудящихся масс серия «ИГВ» должна была дать объективную картину событий 1917–1921 гг. в виде сборников научно-исторических статей и литературно-художественных произведений. 30 июля 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об издании "Истории Гражданской войны"», в котором говорилось, что в состав главной редакции помимо Горького входят Сталин и Молотов. Однако работа продвигалась медленно, сроки постоянно переносились. Редакция первого тома (Бубнов, Стецкий, Мануильский, Фельдман) за год не собралась ни разу. «Как мы знаем, в главную редакцию входил И.В. Сталин, — писала Л.А. Спиридонова. — Можно ли представить себе, что установленный им срок помимо его воли кто-то отодвинул на 4 года? Ясно, что вся организация дела, контролируемого П.П. Крючковым, вела к тому, чтобы оно не слишком быстро двигалось с места. Понимая это, Горький в июне 1933 г. написал Сталину, прося помощи в работе над первым томом, но результатов не было»[53]. Введение к первому тому было готово только к 19 сентября 1933 г. В итоге том, завершение которого планировалось к 1 июля 1932 г., вышел в свет только 23 апреля 1936 г. Работа по поиску нужных материалов, разысканию архивов и документов потребовала гораздо больше времени, чем это планировалось вначале. Сильной помехой являлось следование политической

конъюнктуре: стремление приписать все победы Сталину, вокруг которого уже творился культ личности. Кроме того, в ходе внутрипартийной борьбы участники Гражданской войны — крупные военачальники объявлялись «врагами народа». Приходилось делать большие купюры, переписывать целые главы, вычеркивать опальные имена, подгоняя факты под новую линию партии. Сомнения Шкапы относительно правильности ведения дел отразились в письме Горькому (п. 16).

В 1935 г. Шкапа, по настоянию Горького, предпринял еще одну поездку на Краматорский металлургический комбинат, о котором пять лет назад уже писал очерк в «Наших достижениях» (1930. № 4). Эта поездка оказалась «роковой». Столкнувшись с массой недочетов, Шкапа пришел к выводу, что завод — при всем внешнем благополучии — представляет собой колосс на глиняных ногах. Причины столь бедственного положения Шкапа усматривал в политике руководства завода. Вернувшись, он рассказал об этом Горькому — тот посоветовал обратиться в вышестоящие инстанции. Шкапа направил докладную записку С. Орджоникидзе, наркому тяжелой промышленности, который назначил ему встречу на 5 октября 1935 г. Однако встреча не состоялась. Обстоятельства того времени позволяют предположить, что это не было простым совпадением: в ночь с 4 на 5 октября Шкапа был арестован. Арестовали его по доносу как члена «шайки сменовеховских профессоров», работавших в Наркомате иностранных дел, и обвинили в содействии связям с заграницей, только на основании знакомства Шкапы с проф. Г.Л. Кирдецовым, заведующим отделом международной информации Наркоминдела. Талантливый редактор, очеркист был репрессирован, осужден по 58-й статье и более 20-ти лет провел в лагерях — на Колыме и в Красноярском крае. «При обыске в ночь с 4 на 5 октября 1935 г. из дома Шкапы в холщовых мешках были вывезены все книги, рукописи, материалы, заготовки будущего труда о Гоголе, письма, в том числе Горького. В эти годы Шкапа, по его собственному выражению, был "изъят" из общественной и литературной жизни. После реабилитации и освобождения в 1955 г. письма Горького были возвращены владельцу, однако многие материалы, в том числе рукописи книги о Гоголе, оказались безвозвратно утрачены»[54]. Надо сказать, что само «Дело И.С. Шкапы» до сих пор хранится в Архиве ФСБ.

Страх, недомолвки и общую подавленность, царившие в доме Горького после ареста Шкапы, очень хорошо описал комендант дома на Малой Никитской И.М. Кошенков (см. публикацию Л.А. Спиридоновой «Из воспоминаний о Горьком» И.М. Кошенкова в наст. изд. С. 34–37). В частности, он упомянул о том, что к Крючкову приходила жена Шкапы. Содержание этой беседы передает сама Татьяна Васильевна Шкапа (Бережецкая) в письме Крючкову. «Меня глубоко поразили Ваши слова, сказанные об И.С.: "в душу не залезешь" <...> Я-то эту "душу" знаю! — но это меньше, чем ничего — кто мне

теперь поверит!?»[55] В оправдание мужа она приводила его письмо от 6 мая 1935 г., в котором он называет себя советским патриотом и беспартийным большевиком. Не добившись помощи от Крючкова, Т.В. Шкапа обратилась с ходатайством к Горькому[56]. В первом письме она намекала на то, что донос был сфабрикован из желания завладеть их жилплощадью. «Помогите своим словом разобраться в том, что возводят на Илью С. и защитите нас от нападения всех "старателей". Поверьте, что только большая сердечная боль дала мне смелость беспокоить Вас»[57], — писала она. Во втором письме Т.В. Шкапа рассказывала Горькому о ходе следствия и сообщала, что мужа «обвиняют за сомнения, которые он высказывал в 29–30 году по крестьянскому вопросу». «Алексей Максимович, дорогой! Не допустите совершиться этой ужасной несправедливости! Ведь это убьет его окончательно <...> и всю семью»[58]. Так в чем же истинная причина ареста? Убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. подтолкнуло И.В. Сталина к организации новой волны «чисток»: он использовал этот повод, чтобы рассчитаться с «бухаринцами». А Шкапа был как раз одним из них: на допросах ему припомнили старые «грехи». Горький был убежден в невиновности Шкапы («ничего за ним нет», — говорил он), верил, что его скоро отпустят. Однако ошибся. Шкапу отправили в ссылку, откуда он в последний раз обратился к Горькому с просьбой о помощи (п. 19).

Крепкое здоровье (он не курил, не пил, занимался «Волевой гимнастикой» по системе А.К. Анохина) и сильный характер помогли Шкапе выжить в тяжелейших условиях. 28 декабря 1955 г. он был реабилитирован. «Со дня реабилитации я ощущаю себя едва ли не счастливейшим существом на земле! — писал Шкапа. — Это не пустая фраза <...> Остаться живым на каторге, в колымских лагерях, где смерть косила направо и налево — разве это не назовешь счастьем!?»[59]

Вернувшись в Москву, он с удвоенной энергией принялся за осуществление своего давнего замысла — книгу о Горьком. Рукопись подвергалась многократной редактуре и цензуре и увидела свет через шесть лет после написания. «Придирались к каждой строчке, — вспоминал Шкапа. — Никаких упоминаний ни об "ошибках коллективизации", ни о Сталине!»[60] Напечатать ее помогла Е.П. Пешкова: она поговорила с директором издательства «Советский писатель» Н.В. Лесючевским, и через три дня книга пошла в производство.

В книге впервые увидели свет несколько писем Горького Шкапе, Н.И. Колоколову, А.Б. Халатову, отрывки из его статей и публичных выступлений. Написанная живым ярким языком, книга вызвала восторженные отклики читателей, за несколько дней была раскуплена, два раза переиздавалась (1966 г. и 1990 г.).

За долгую жизнь Шкапе посчастливилось знать многих замечательных современников: Н.И. Бухарина, М. Кольцова, М.А. Шолохова, А.П. Платонова,

А. Веселого, А.С. Новикова-Прибоя, Е.П. Пешкову. Последние годы писатель провел в Казани, а после его смерти архив был передан в казанский Литературно-мемориальный музей А.М. Горького. Первые сведения о нем были опубликованы С.А. Коноваловой совместно с дочерью Шкапы Н.И. Жигановой[61].

Впервые часть писем Горького к Шкапе были опубликованы в книге СЛСГ (1964). В том же году все 14 писем Горького к Шкапе появились в сборнике «М. Горький и советская печать»[62]. В нем увидели свет 2 ответных письма Шкапы Горькому (см. п. 3 и п. 9). В настоящий сборник вошли все дошедшие до нас 18 писем Шкапы Горькому, включая одну телеграмму.

В заключение мы выражаем благодарность директору Национального музея Республики Татарстан Г.Р. Назиповой, директору Литературно-мемориального музея А.М. Горького в Казани М.Ф. Гавриловой, сотрудникам Ф.Ф. Мирзиной, Л.Б. Беловой, оказавшим содействие в работе с архивом И.С. Шкапы в Казани.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шкапа И.* Семь лет с Горьким. М.: Сов. пис., 1964. С. 298. Несохранившееся письмо относится к концу декабря — началу января 1929 г.

[2] Печатается по *МК*, хранящейся в Литературно-мемориальном музее А.М. Горького в г. Казани — далее *КМГ* (НВФ-5987), впервые.

Датируется по сопоставлению с письмом П.П. Крючкову от 28–29 января 1929 г., в котором содержится отзыв на книгу «Крестьяне о Советской власти».

[3] Горький извиняется за то, что в недошедшем до нас письме принял адресата за женщину и обратился к нему «Уважаемая товарищ Шкапа». Позже, 14 февраля 1929 г. Горький писал: «псевдоним Ваш — Шкапа — обманул меня: я произвел Вас в чин женщины, позвольте надеяться, что это лишь рассмешило Вас» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 162).

[4] Высказанная Горьким идея равноправия женщин — отзвук феминизма 1920-х гг., в развитие которого большой вклад внесла А.М. Коллонтай в своих работах 1918 г. «Новая мораль и рабочий класс» и «Семья и коммунистическое государство». Уже в самые первые дни революции был принят закон о женском равноправии, а в 1918 г. при непосредственном участии Коллонтай составлен «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве». Горький на протяжении всей жизни уделял гендерной теме большое внимание, выступая против женофобства (статьи «Женщина» (1918), «О женщине» (1934)). См. об этом подробнее: *Быстрова О.В.* «История женщины» — неосуществленный замысел Горького // *Публицистика Горького.* С. 483–539.

[5] Крючков Петр Петрович, личный секретарь Горького и сотрудник журнала «Наши достижения».

[6] Имеется в виду рукопись книги «Крестьяне о Советской власти», которую П.П. Крючков послал Горькому в Сорренто в конце 1928 г.

[7] СЛСГ. 1990. С. 98.

[8] Там же. С. 99.

[9] *Беляева Л.* «Готов ручаться за него головой...» // Литературная газета. 1988. № 47. 23 нояб. С. 5.

[10] Там же.

[11] *АГ.* ПГ-рл-21а-1-149.

[12] *АГ.* КГ-п-41а-1-45.

[13] *АГ.* КГ-п-41а-1-46.

[14] СЛСГ. 1964. С. 300.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] *Примочкина Н.* Горький и крестьянский вопрос накануне коллективизации // Горький и Россия. Горьковские чтения. Нижний Новгород. 2012. Нижний Новгород, 2013. С. 124–132.

[19] *КМГ.* НВФ-5927.

[20] Незабываемое. Беседа с И.С. Шкапой / Инт. с А. Шитиковым // СЛСГ. 1990. С. 19.

[21] Заведующий Госиздатом А.Б. Халатов стал заместителем Ответственного редактора, т.е. Горького. В редколлегию входили профессор Н.К. Кольцов — редактор отдела науки, А.З. Гольцман — заведующий отделом техники и производства и заместитель Ответственного редактора, А.В. Луначарский, А.И. Свидерский и В.М. Киршон — редакторы отдела искусства, М.Е. Кольцов, заведующий отделом культуры и быта, С.И. Канатчиков, П.М. Керженцев, Г.И. Крумин, М.О. Эпштейн, А.А. Фадеев — редакторы отдела «Культура и быт», С.Б. Урицкий — редактор отдела хроники и ответственный секретарь редакции журнала, В.Р. Вильямс и Я.А. Яковлев — редакторы отдела «Сельское хозяйство». Также в редколлегию входили академики А.Е. Ферсман, С.Ф. Ольденбург, профессор О.Ю. Шмидт, Л.К. Мартенс. Техническим секретарем был назначен Н.П. Барков.

[22] Незабываемое. Беседа с И.С. Шкапой / Интервью с А. Шитиковым // СЛСГ. 1990. С. 13.

[23] СЛСГ. 1990. С. 51.

[24] *АГ.* КГ-изд-41-7-1.

[25] *АГ.* Спр-Г-1-12-2.

[26] СЛСГ. 1964. С. 183.

[27] Там же. С. 185.

[28] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 167.

[29] Там же.

[30] СЛСГ. 1964. С. 369.

[31] *Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 226.

[32] *АГ.* КГ-изд-42-10-2.

[33] *АГ.* КГ-изд-42-12-1.

[34] *АГ.* ПГ-риз-66-1-24.

[35] *АГ.* КГ-изд-42-16-1.

[36] *Шкапа И.* Железо и хлеб. М.: Моск. т-во писателей, 1931.

[37] *Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 204.

[38] *КМГ.* НВФ – 5975.

[39] *Роговин В.И.* Власть и оппозиция. М.: Товарищество «Журнал "Театр"», 1993. С. 20.

[40] Там же. С. 39.

[41] Крестьяне о Советской власти: Сб. / Сост. Я. Селих, И. Гриневский; Пред. М. Горького. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 3.

[42] *Роговин В.И.* Указ. соч. С. 39.

[43] *Парунин В.* Чуровский район // Наши достижения. 1929. № 2 (Март-апр.). С. 144–147.

[44] Там же. С. 145.

[45] *КМГ.* НВФ-5974.

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] *КМГ.* НВФ-5975. С. 58.

[49] Там же. С. 59.

[50] *Шкапа И.* Лицом к лицу. М.: Моск. т-во писателей, 1934. (2-е изд.: Своими глазами. М.: Сов. пис., 1958; с этим же названием вошла в кн.: СЛСГ. 1990. С. 365–500).

[51] *АГ.* Спр-Г-1-12-2.

[52] *Егорова Ю., Шуган О.* Судьба страны, человека и книги: И.С. Шкапа. «Семь лет с Горьким» // Литературный календарь. Книги дня. 2011. № 4. С. 7.

[53] *Спиридонова Л.А.* М. Горький. Диалог с историей. М.: Наука, 1994. С. 265.

[54] *Егорова Ю., Шуган О.* Судьба страны, человека и книги // Литературный календарь. 2011. № 4. С. 7.

[55] *АГ.* КК-рл-17-16-1.

[56] В *АГ* сохранились два ее письма к писателю – от 22 декабря 1935 г. и 22 марта 1936 г. (*АГ.* КГ-рл-29-108-1, 2).

[57] *АГ.* КГ-рл-29-108-1.

[58] *АГ.* КГ-рл-29-108-2.

[59] *КМГ.* НВФ-5953.

[60] Незабываемое. Беседа с И.С. Шкапой / Инт. с А. Шитиковым // СЛСГ. 1990. С. 28.

[61] *Коновалова С.А., Жиганова Н.И.* История создания и судьба книги И. Шкапы «Семь лет с Горьким» // Максим Горький: взгляд из XXI века. Материалы международной конференции. Горьковские чтения – 2008. Н-Новгород: Изд. НГУ, 2010. С. 172–179.

[62] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 161–175.

1.

3 мая 1929, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Благодарю Вас сердечно за предисловие[1], за Вашу большую отзывчивость на нашу просьбу. По некоторым причинам наш ответ задержался. Мы хорошо знали, что П.П.[2] написал Вам о получении предисловия и писем[3]. Мы все ждали момента, чтобы сообщить о том, как отнеслись в крестьянском отделе ГИЗ'а к Вашему предисловию и к переделанному нашему[4].

Только сейчас мы дождались окончательных результатов. Предисловие свое дело сделало[5]. Книга почти набрана.

Ваше предисловие ушло в набор в нетронутом виде. Свое предисловие мы сократили ровно вдвое (с 11 стр. до 5 ½). Сколько смогли — осерьезили, добавили все то, что Вы отметили как пропуск в Вашей краткой рецензии на книгу (о работе в химических производствах, шахтах, о еде крестьян)[6]. Указания Вашей рецензии на то, что глава «голоса молодых» слаба, что «баб мало»[7] — абсолютно верны. Но мы лишены возможности что-либо изменить здесь. Мы взяли все лучшее, что было, из [числа] писем, поступивших на митинг. Мы знаем, что несоразмерно мало писем о коллективе, много о снижении цен[8], но ведь это материал к X-летию Октябрьской Революции[9]. Теперь многое идет по-иному, хотя вопрос о снижении цен по-прежнему не утратил своего значения, и высказывания участников митинга не лишены часто практического значении *даже* на сегодня.

ГИЗ[10] тоже считает, что книга заслуживает широкого распространения. А.Б. Халатов[11] поставлен в известность о Вашем пожелании «издать ее дешево и в большом количестве экземпляров»[12]. Все возможное в наших условиях для реализации этого положения будет сделано.

Еще раз большое спасибо за Вашу отзывчивость и участие в продвижении нашей работы, как никак стоящей того, чтобы пройти через печатные машины и брошюровочное отделение гизовской типографии.

Будьте здоровы, Алексей Максимович. Берегите себя от плохой погоды и переутомления. Главное, — будьте здоровы.

Искренно и глубоко уважающий Вас

И. Шкапа

3/V 29.

2.
31 июля 1929, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Шлю Вам два очерка, одобренных редактором с-х отдела тов. Шефлером[1], для отдела С-Х № 5 «Н.Д». К сожалению, трудно согласиться с тов. Шефлером, так как оба очерка этого одобрения *не заслуживают.*

I Очерк Заворотного[2] о Полтавской с.х. опытн<ой> станции:

1. Достижения Полтавской с.х. опытн<ой> станции, существующей 45 лет, — не разграничены: не видно, где наши достижения, где наследство предсоциалистической культурной эпохи.

2. Быстрота роста станции — весьма спорная, это естественный темп роста, и предвоенный рост даже более бурный (условно) — см. стр. 2.

3. Совершенно не видно людей. После прочтения остаешься неудовлетворенным.

4. Очерк велик — около (если не полный) п<ечатный> л<ист>.

5. Изложение его, будучи грамотным, совершенно лишено *оживляющих* моментов (которые есть в очерках о Носовской и Новозыбков<ской> с.х. опытн<ых> ст<анциях>[3] (это — совершенно сухой отчет «о проделанной работе»).

6. В таком виде статья годна для любого журнала (особенно спец<иального>), но не для *нас.* Конечно, ее можно свести к 10–12 страничкам и сделать применительно к страничкам брошюр: «заповеди земледельца», но это будет не то, что нам нужно.

7. Если найдете мою оценку неверной, возвратите к подготовке к печати № 5.

II. Очерк Тулайкова[4] о Саратовской с.х. опытн<ой> станции:

1. Очерк написан не в нашем («Н<аши> Д<остижения>») разрезе: бегло, сухо, даже не отчетно, так как нет ясной картины, что же сделано станцией. Нет живых людей, нет картины работы и борьбы (а там борьба была).

2. Какие сорта выведены (они указаны, но без характеристики, что это дает нашей засушливой окраине), как глубоко эти сорта проникли в совхозы, колхозы и т.д. — в очерке этого нет.

3. Вообще, сделана статья «не образовательно». Можно было рассказать сжато о результатах борьбы с засухой в Америке, о том, что и мы не отстаем (чем, как?) и т.д.[5]

4. Если найдете оценку мою ошибочной — возвратите для подготовки к печати[6].

Обе статьи — Заворотного и Тулайкова — надо объединить общим заголовком.

31/VII 29 *И. Шкапа*

3.
10 ноября 1929, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

1. Не подойдет ли этот очерк[1] для литературно-художественного отдела «Н<аших> Д<остижений>»[2]? Для фактической части нашего журнала очерк недостаточно обоснован. Не назойливо ли выпирают «поиски полосы»? Это ведь пройденная полоса в строительстве колхозов.

2. Насчет Шошина[3]. Вл.М. Проскуряков[4], прочитав Шошина, утверждает, что конец «Деревни» дан без соблюдения простейшей логики: власти *не могли*, арестовав Петра — приказчика, оставить на свободе соучастника-кулака. Кулак должен быть арестован[5]: а Шошин его оставил, чтобы уличить в шинкарстве и щелкнуть фотоаппаратом. Мы думаем запросить Шошина об этом.

Желаю Вам крепкого здоровья.

И. Шкапа

10. XI. 1929.

4.
4 февраля 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Нет у Вас более медлительного корреспондента, чем я[1]. Занят я очень, Алексей Максимович! Не занят, а завален, полузадушен работой. Не сказать Вам об этом нельзя, ибо знать обстановку нашей работы Вы должны. Так думаю.

Решил отложить все в сторону и поделиться с Вами всем, что наболело «на душе». Однако — гложет мое сердце забота: напишу письмо, а «Тракторстрой»[2] — 4 1/2 п.листа — будет лежать неправленным до утра. Значит — опоздание, значит срыв еще кой-каких работ срочного порядка...

Ваше письмо лежит передо мною[3]. Большое, большое спасибо за ласковое и дружеское слово[4]. Это слово очень внятно сказало мне: так работать, как я работаю девять лет, дальше нельзя.

Вышло так, что я, формально-грамотный чуть выше ординара, пошел по проторенной дорожке: правки, обработки и редактуры. Меня

сюда толкнула обстановка работы, мое большое неверие в свои авторские силы, та сравнительная легкость, с которой я овладевал чужой рукописью. Мне казалось, что эта работа заполнит меня до остатка, даст удовлетворение. Но этого не получилось. Оглядываясь на годы корпенья над писаниями других, я с болью убеждаюсь, что вся эта работа дала мне во всех отношениях очень мало, почти ничего. Для других — кое-что. Это последнее наполняет меня некоторой радостью: кой-кого обучил, кой-кого поправил и выправил, дал стиль, толкнул к учебе, к работе над собой. А для себя это потерянные годы.

Учиться мне до встречи с Вами — было не у кого. Конечно, я «самосовершенствовался», но все это, вырабатывая из меня хорошего «чистильщика сапог», *не создало* человека, *создающего* реальные ценности. А в нашем мире — и хорошо, что наш мир таков, — ценен лишь тот, кто создает ЦЕННОСТИ. «Слова — помет души» — хоть и круто сказано, а верно. Мои «ценности» — слова, разбросанные по чужим работам, эти слова неуловимы, неощутимы. Их нет. И поэтому, когда мне после «Кр<естьянской> Газ<еты>» пришлось «посетить» некоторые редакции — на вопрос: «что у вас написано?», я не мог ничего ответить: пять популярных «разъяснительных» брошюр, сотня статей — часто без подписи — это не «вещи» и тем более не ценности.

Я научился редактировать, править, выпускать газету и журнал. Но я не написал ничего. Грустно и больно сознаваться: я редактирую журнальный материал, а сам почти совершенно не учился писать! Мой слабый «Гигант» — это почти первая попытка изложить в связном виде то, что видели глаза, слышали уши... Хорош «редактор»!

Мои постоянные попытки перейти к авторству все время встречали противодействие со стороны моего «начальства».

— Брось дурить, писать ты умеешь, напишут и без тебя, а ты вот организуй, отредактируй... это важнее!..

Этого противодействия до сих пор я никак не мог побороть. Как некий бритый человек, прикованный к тачке, я сижу вот уже девятый год за письменным столом и «редактирую»... Трачу свои силы на уловление авторских промахов, взрываю каждое слово рукописи, просвечиваю слово и рукопись, вычищаю шелуху и всяческих паразитов из литературного «полуфабриката», превращаю полуфабрикаты в изделие и, не поставив даже своей марки, выпускаю на рынок.

Обидно. Бесплодно. Утомительно. До чего утомительно! Вот уж скоро 18 месяцев, как я пришел в «Н<аши> Д<остижения>»[5]. Забросил чтение, занятия немецким языком, — занялся им в период «вынужденного» авторства, — не знаю кино, театра, не вижу людей. Изо дня в день одно и то же!

Знаете ли Вы, дорогой Алексей Максимович, что у нас в «Н.Д.» с людьми пока одни сплошные неудачи? Сплошные! Четвертый человек не подходит для нас. Прорывы падают на меня: я «нагружаюсь», все время надеясь на улучшение, но оно, как синяя птица, бежит, летит от меня, от нас с П.П.[6] А когда поймаем и присмотримся — с ужасом убеждаемся — синяя птица — мертва. Перечислять этих «мертвых» не буду. О них — либо ничего, либо хорошее, тем более, что «мертвые» мертвы только на живое, а на мертвое они очень живы.

Почему же я Вас томлю? Канителю?

Потому что наболело, и сам я, думая о «Н.Д.», не вижу для себя радикального выхода. Значит ли это, что я тихо скулю, вою от боли? И да, и нет. Хочется только сказать Вам: 9 лет убедили меня: *так дальше нельзя*. 18 последних месяцев с 10-часовым упорным и «универсальным» трудом так меня истерзали, что для некоего творческого труда сил во мне больше не остается — вот уж действительно — *ни грана*.

«Попробуйте себя по литературе»... Не могу, нет сил — физических. Дополнительная работа, сверх нагрузки по редакции, для меня не радость, а наказание, ибо она чрезмерно отягощает мой мозг. И я с горечью прочитал эти Ваши, дорогие для меня, строки[7].

Беллетристика — это высшая синтетическая форма литературной работы. Сразу браться за нее — трудно. Я не осилю. А «попробовать» нужно хотя бы для того, чтобы, ввязавшись в драку, измерить силу своих кулаков. К тому же взяться за труд, который не гарантирует заработка, я не могу. У меня нет грошенного резерва для этого.

Остается одно: мне нужно использовать ситуацию, которая сложилась в связи с рождением «Н.Д.». Мне надо от редактуры перейти к *авторству*. От стола — к фабрике, заводу, колхозу, от чужой рукописи к своему очерку — словом, дать работу глазу и перу[8]. Об этом я Вам писал перед Вашим отъездом[9]. Вы как-то не обратили внимания на это место моего письма. А возможно и другое: Вы, пожалуй, подумали, что «Н.Д.» во мне нуждаются больше, чем во всяком другом среднем работнике. Нечто подобное не раз говорил мне П.П. Это прискорбное для меня заключение, безусловно, ошибочно.

П.П. предлагает компромисс: и быть разъездным, и сидеть в редакции. Что из этого выйдет — боюсь гадать. Хорошего мало будет. Но и для этого в редакции, помимо П.П., который ведет по журналу большую и ответственную работу, нужны три *работника*. В поисках за людьми ухватились мы за Лукьянова, за Вершинина — вспомните «Пошехонье», № 4[10]. Ведем переговоры. А что если хороший автор окажется плохим редактором?.. Опять... начинай с начала. Предварительная проба не всегда гарантирует.

Так идут месяцы, как дни — торопливо, сумбурно, неудержимо. Текут годы! Потерянного не ищи, но мне до острой боли жалко, что я не использовал возможностей стать автором, не точил свое перо, не работал над собой, совмещая свой рост с заработком для семьи.

Как же быть? Предложение П.П. — не выход. Работа в аппарате «Н.Д.» целиком поглощает мои силы. Нагрузить себя еще поездками и авторством — значит, не подсчитать сил: не будет ни очеркиста, ни редактора. Поэтому решил обратиться к Вам с просьбой: *помогите мне стать автором.* Порекомендуйте П.П. и С.Б. назначить меня разъездным корреспондентом «Н.Д.» — такое по штату есть. Получать я буду 200 р. и гонорар за 1–2 листа. Это хоть и не густо, но, во-первых, лучше, чем сейчас у меня, и во-вторых, даст запас впечатлений и направит меня по творческой дороге. «Н.Д.» тоже не будут в проигрыше: разъездной даст им в номер 1–2 очерка, сделанных любовно и со знанием предмета [очерка]. Я бы не осмелился просить Вас о такой работе в «Н.Д.», если бы, во-первых, не Ваша удовлетворительная оценка моих первых двух очерков[11] («Мастера земли» написаны по документам — у кр<естьянина> Уткина я пробыл всего 24 часа), и во-вторых, не осознание того, что, не учась и лаптя не сплетешь.

Понимаю, конечно, что Ваше «очень хорошо» для «Гиганта № 1»[12] — слишком много. Но если оставить даже 50% оценки, то и тогда для начинающего это успех. Вот почему хочется думать, что «Н.Д.» ничего не потеряют от моего нового амплуа, а только приобретут.

Прошу Вас об этом. Обещаю служить журналу так же преданно, как и до сих пор. Постараюсь дать ему точные, ясные, простые по форме, интересные по содержанию очерки. Буду стремиться сделать их художественными, занимательными и актуальными. Если верно, что талант — это любовь к делу, — постараюсь дать «талантливые» очерки (тут уж немножко смеюсь).

Поработаю разъездным год, соберу материал, удастся — книжку выпущу. А дальше меня подмывает написать книгу, для которой 12 лет собираю материалы: книгу о великом и чудесном лике нашей революционной эпохи, которая вызвала у миллионов новых хозяев жизни волнующие и трагические — субъективно и объективно — чувствования и поступки[13]...

Мечты, мечты!..

Такова моя просьба. А сейчас я весь в смятении... Упущено время, потрепаны силы. Устал!.. Подумать только, что приходится делать с рукописями! У меня прямо ноги дрожат от страха перед очередным «запоем» правки.

Письмо заканчиваю через два дня после начала. В набор ушли «Тракторстрой»[14] и передовая «Большевистский сев»[15] — С<емена> Б<орисовича Урицкого>. Передовая получилась хорошая — злободневная, с опорой на факты исключительного значения. Нас не упрекнут в отставании от «злобы» дня. Теперь надо подумать о подобных статьях для очередных №№. Для № 3 обещала (??) С.Н. Смидович — о женщинах[16]. Куйбышев — «Пятилетка в действии»[17]. Рафаил — «Подготовка кадров»[18]. М. Шефлер — «Реконструкция животноводства»[19]. М. Горький — «К дню печати»[20]. Стеклов, Бух<арин> — «СССР — семья народов»[21] и т.д.

Кстати, опять об авторах. Еще до приезда П.П. от нас уехали «специальные». За «Днепрострой» Анова[22] прямо обидно. Мы послали его Вам, не читая, думали, подойдет, да и времени не было. Наконец, добрались до рукописи. Прямо надо сказать — никудышняя. Построена «вещь» примитивно: в очерке нет стержня, нет человека, автор разменялся на мелочи, потонул в материале, не изображает, даже не репортерствует, а механически пересказывает виденное. Мы заставили рукопись вкорне переделать. Обидно, что отняли у Вас время на ее прочтение и правку. *Из 4 ½ п.л. о «Тр<акторостр>ое» пришлось сделать только 1 ½ л...* Прямо сизифова работа!

Пишу Вам с большой надеждой на успех моей челобитной. Хорошо знаю — иду на большие трудности, но от стола надо оторваться. Иначе — впереди те же годы бесплодной работы, что и были до сих пор.

... Не поймите меня дурно, Алексей Максимович! Тронулись с места устои моего «духа», потерял ровность в работе. Хочу попытаться не «обкрадывать» себя — слишком долго занимался этим неблаговидным делом.

Журнал наш не новичок, он крепко стоит на ногах. Номера на три он [нрзб.] уже обеспечен материалом. За первый год ж<урна>л дал 1432 р. прибыли!

... Теперь об «универсальности», «воображении» и «ни грана лит<ературного> д<арования>». Если тут и есть противоречие, то оно внешнее. По-видимому, слово «универсальный» взято не к месту. Я хотел сказать, что во мне нет *резко выраженных устремлений и способностей*. Но к письму меня тянет давно — надо лишь преодолеть силу инерции... Не преодолею — окончательно «обокраду себя», а других???

Привет Вам, Алексей Максимович. Буду терпеливо ждать письма от Вас. Помогите одолеть помехи! Сейчас устал, отдохну и возьмусь за работу[23].

О погоде. Она — замечательная у нас. До 30-1 почти не было снегу, санная дорога ломалась. Было тепло +1–7 градусов. 30-1 заснежило, завьюжило, заморозило. Недаром — февраль по-украински — лютый... Залютовало! Это хорошо: посевам лучше, а при голых морозах неизбежны вымораживания.

Петр Петрович говорит, что Вы здоровы, много работаете. Радуюсь вместе с ним. Не сердитесь за неприсыл материала по №№ 6–2[24]. По № 3 шлем — к сожалению, я не успел его прочесть после правки товарищей. Думаю, если и нагрешили, то не очень. Признаться надо — моментами было очень трудно и доколе... было ни шатко, ни валко. А теперь корабль выровнялся, настоящий «Профинтерн»[25].

Прошу прощения за длинноты: когда писал — демобилизовался.

Ваш, искренно желающий Вам здоровья, здоровья! Преданный Вам

И. Шкапа

4 — II — 30.
Москва

5.
16 марта 1930, Москва

Здравствуйте, Алексей Максимович!

Нет, дорогой Алексей Максимович, работа, которую я выполняю, мне ничуть не опостылела[1]. Я люблю ее, она мне сравнительно легко дается и дает удовлетворение. Мое письмо не следует понимать как заявление о нежелании работать в редакции. Работать я хочу и работать я буду. Но я поделился с Вами теми соображениями о своем «писательстве», которые возникают у меня в обстановке повседневности.

К сожалению, я убеждаюсь все больше в том, что положение мое не позволяет мне писать. С 7 по 27 февраля я пробыл в командировке. Видел Сельмашстрой[2], Гигант[3] и Краматорский Гос<ударственный> Мет<аллургический> Завод[4]. Правда, я немного распылил свое внимание, но материал собрал. Его надо обработать, отлить в некоторые формы. Но вот прошло уже 2 недели после возвращения, и я, несмотря на все усилия и исключительную обо мне заботливость Петра Петровича, — этого сделать не смог.

Только что сдали в набор весь № 4. Теперь П.П. «берет все на себя», и я попытаюсь засесть за Крам<аторские> Заводы.

Дорогой Алексей Максимович! Есть что смотреть, есть о чем писать! За 5 дней пребывания на К<раматорском> Г<осударственном> З<аводе> — 11000 рабочих — я, мне думается, подсмотрел даже

корни того великого солнца, которое светит, греет и движет наши дни. — Корни рабочего солнца[5]! Как жаль, что я смотрел только 5 дней, а не 15! Как жаль, что нет 5 дней, чтобы все это проработать, изложить. Можно было бы не только фиксировать наши достижения, но и поставить некоторые вопросы.

Я работал, работаю и буду работать в «Наших достижениях» с любовью к делу, с радостным сознанием, что участвую в решении большой задачи — реконструкции нашей психики, — которая знает анализ и плохо знакома с синтезом. Я готов «ждать», сколько надо. Я не хочу ни уходить, ни отходить от «Н<аших> Д<остижений>». И от Вас целиком зависит продолжительность и глубина моей работы в журнале. Сотрудничать с П.П. не только легко, но и приятно.

Вот что хотел я ответить на Ваше письмо, которое, кстати говоря, мне показалось, свидетельствует о Вашем большом утомлении[6]. Это уже хуже, чем мое утомление, под впечатлением которого я написал Вам свои пространные строчки.

Пересылаю письмо от редколлегии газеты «Сельмашстроевец»[7]. Проф<ессор> Ган Вл. Ю.[8], любезный и большой человек, просил передать Вам самый лучший привет. Передаю также Вам коллективный привет рабочих механического цеха КГЗ. Они просили также передать Вам их настойчивое приглашение: приехать к ним на завод в дни Вашего пребывания в СССР.

Попутно хочется затронуть такой вопрос. В «Н.Д.» на 1930 г. предположено давать «ответы на вопросы читателей». Не дать ли первым ответ на вопрос, что такое очерк, и как «Н.Д.» смотрят на этот вид литературы. С П.П. мы говорили об этом. Он заявил, что об очерке будет материал в «Литучебе»[9]. Думаю, что это не исключает возможности предварительно напечатать у нас то, что потом пойдет в «Л<итературную> У<чебу>». Там оно пойдет в системе обучения, а здесь — ответом на вопрос. Одним выстрелом будут разрешены две задачи.

«Н.Д.» рабочими встречены *очень хорошо*. На «Донсоде»[10] — завод в 12 км от Краматорска подписалось на год 600 рабочих, в мех<аническом> цеху Кр<аматорского> Зав<ода> после выступления в 10 м подписались десятки рабочих. Дело крепнет. Надо только «искать», не засыпать, *ставить проблемы*, поднимать вопросы.

Желаю Вам здоровья, спокойствия. За «Н.Д.» на 98% можете быть спокойны. Идет своим закономерным чередом.

Сердечный привет.

Ваш И. Шкапа

16/III 30

6.
30 апреля 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

На одной из книжек № 4[1] я просил выправить «Краматорку»[2], оценить ее и с Вашими советами прислать очерк в мой адрес. Если это не очень затруднит Вас, сделайте это для меня[3]. Большая охота учиться и не хочется упустить подходящий для этого случай.

Еще большая просьба. В издательстве «Сельхозгиз»[4] я только что подписал договор на книжку в 5 листов о «Гиганте»[5] (совхозе). Это, к сожалению, первый опыт работы над книгой. Боюсь! Знаю, что писать о «Гиганте» для С<ель>Х<оз>Г<иза> «так, чтобы легко читалось и было поучительно для других, передавало опыт работы» (их требования) не так уж легко. Попытаюсь. Отдам работе свой декретный отпуск. Но мне очень хотелось бы у Вас попросить совет: как бы это получше подойти к работе? Вы были в Г<иганте>, читали о нем. Посоветуйте, как подходить к словесному материалу, не владеет ли мной безраздельно шаблон, не... ну, словом, — если найдете для меня слово совета — дайте мне его[6].

О журнале все скажет и покажет вам П<етр> П<етрович>[7]. Все-таки очень жаль, что передовая для № 5 приказала долго жить[8]. Так жаль.

Желаю Вам здоровья, здоровья и успехов в работе.

Всегда готов слушать Вас и выполнять Ваши пожелания.

И. Шкапа

1930
30/IV
Москва

7.
16 мая 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Благодарю Вас за указания[1]. Они доступны для моего понимания. Я буду руководствоваться ими — поскольку смогу [конечно].

Насчет «партбилета и профсоюзной»[2] — тут спутала немножко карты рука С<емена> Б<орисовича Урицкого>[3]. Он «поправил», погрешив против факта, и добавил «профсоюзную», поэтому и конец пришлось соответственно перестроить. Некоторая напряженность, внесенная в очерк первыми строчками, была сильно снижена, читательский интерес был, как мне думается, несколько потушен...

«Литучебу»[4] я изучаю. Она не только учит, но и переучивает. Полезнейший журнал.

Вырезки передал в «З<а> Р<убежом>»[5].

Когда склею как-либо «Гигант»[6] — очень буду просить Вас прочесть рукопись.

Пересылаю для редактирования «Комбинат десяти»[7]. Он идет — принят С<еменом> Б<орисовичем> и тов. Гольцманом[8] в № 6 «Н<аших> Д<остижений>»[9]. Хотелось коротко сделать — не вышло. Не умею писать коротко, — надо учиться. Материала рвать не хотелось. Отредактированная Вами рукопись придет до сдачи № 6 в печать, и все поправки перенесем в набор[10].

Теперь прошу посоветовать: Московское Т<оварищест>во Писателей — предложило мне издать все мои очерки (их всего 4!) отдельной брошюркой[11]. Они выразили пожелание: не даст ли Алексей Максимович страничку предисловия?..

Я предложил им брать курс на брошюрку без предисловия. Однако окончательного согласия еще не дал на выпуск очерков. Хотя мысль о книге очень уж светлая мысль.

Стоит ли мне, Алексей Максимович, выпускать очерки отдельной книжкой?.. Первая книжка... Не поработать ли еще? Не обновить ли их?.. А издательство говорит, что очерки нынче в большом спросе.

Если найдете минутку — напишите мне об этом 10 строчек[12].

Материал притекает... Делается разнообразнее. Мы не сидим больше на берегах и, конечно, не плачем... Работать стало легче... Н. Кол<околов>[13] — лучше всех предшественников. В общем — терпимо стало.

Ах, как я рад! Рад, рад[14]! А до этого полтора года — поверьте, почти задыхался, валился с ног. Дело прошлое — признаюсь: было очень тяжко[15]! Желаю Вам быть здоровым, здоровым. Желаю, скоро и успешно закончив К<лима> С<амги>на, приехать в наши края. Хорошо у нас! Солнце не хуже итальянского. Теплынь! А было до 13 V — холодно, весна двигалась туго.

Ваш И. Гриневский

16/V 30

8.

24 октября 1930, Бежица

Дорогой Алексей Максимович!

Не удивляйтесь, получив это письмо со штемпелем «Брянск». Я возле Брянска, в Бежице, — небольшом городке с громадным ме-

таллургическим заводом (18 000 раб<очих>)[1]. Однако приехал я не на завод, а в совхоз — огородный и молочный. О нем я слышал как о предприятии, успешно разрешающем свою задачу: дать заводу огородные продукты, снабдить рабочих молоком. Посмотрел. К сожалению, — очерк не так легко сделать. Материал скорее для хроники. Но вот беда. Вторые сутки льет дождь. Приходится сидеть под крышей. Неожиданно я оказался человеком с досугом. Читать нечего, записи необходимые сделал. Решил написать Вам.

Я буду спрашивать у Вас как у отв<етственного> редактора необходимых указаний. Я хотел послать такое письмо с П<етром> П<етровичем>[2], но теперь делаю это до его отъезда.

Мне приходится часто беседовать с авторами, давать им «установку». Какой тактики я держусь при этом?

1. Я говорю: в «Н<аших> Д<остижениях>» надо писать на основе фактов, — проверенных и непреложных. Подкрепляйте, где возможно, словесный рисунок цифрой, отнюдь не злоупотребляя количеством цифр.

2. В «Н.Д.» надо писать просто, по возможности, ярко, изображать, показывать предмет или явление.

3. Писать так, чтобы чтение было интересно, занимательно и поучительно.

4. Писать так, чтобы очерк не был аполитичен, чтобы в нем пульсировала горячая кровь боевой злободневной публицистики, чтобы написанное звало вперед, активизировало волю, доказывало на конкретном материале преимущество социалистической системы труда над частнокапиталистической.

5. Квалифицированный автор обычно говорит: — Да у вас все очерки очень «просты», примитивны, скучны.

Отвечаю:

— Просто — не значит примитивно. («О, я это знаю», — вставляет собеседник). Впрочем, — говорю, — напишите, как считаете более подходящим, лишь думайте об основном — положительное в материале должно доминировать над отрицательным, должно быть доступно и интересно...

Авторам такой «либерализм» редакции обычно очень по душе. Об этом они сейчас же говорят:

— Это хорошо, мне это нравится. Напишу, как найду подходящим...

Автор уходит и вновь не приходит. Чего он испугался: непростой простоты или того и другого?

С авторами мы очень любезны. К рабкорам исключительно внимательны. Наш Гудок-Еремеев[3] — плод этой внимательности. Он

растет и дорос до заправского очеркиста, а начал рост с амебы газетной — сырого, рабкоровского плазмического вещества.

Мы видим у квалифицированных авторов боязнь «простоты», боязнь «примитива» («писать о голых фактах трудно вне рамок скучной прозы»). Поэтому мы идем на следующее:

— Хорошо, пишите, как хотите... Противоставляйте белое-черному, контрастируйте, «сочиняйте» «красивые» занимательные детали, накручивайте, допускайте ложь во спасение... сохраняйте лишь основной костяк, зерно очерка, то есть [они должны быть] ограждайте их от «сочинительств». Найдите, говорю, стиль, который соответствовал бы содержанию, оживляйте текст острым словом — мы любим это. Мы за «интересное изложение».

Дорогой Алексей Максимович! Что тут верного и что неверного?

Мы пытаемся выявить и вырастить не одного Гудка-Еремеева, а хоть бы десяток[4]. Задача эта не легкая. Обратились ко всем заводам, успешно закончившим производст<венный> год, с просьбой писать в журнал. Ссылаемся в письме на пример шахтера Гудка-Еремеева. У рабочего, если он напишет, выйдет непосредственнее, горячее, но, к сожалению, мало еще рабочих, которые держали бы в руках перо столь же уверенно, как держали когда-то винтовку, а теперь молоток. Однако я считаю большим нашим успехом то, что хроника почти всегда заполнена продукцией рабочих.

О будущем годе.

Страшно превратиться в прейскурант строительств. Очень важно избежать повторений (в форме).

Не мешало бы осуществить следующее:

1. Следить за тем, куда идут, как растут наши объекты (повторные описания «Гиганта», Электрозавода, Сельмашстроя, Днепростроя[5]).

2. В хронике необходимо печатать в живых диаграммах показатели роста отраслей хозяйства в связи с выполнением пятилетки — поквартально, погодично.

3. Смелее давать литер<атурно>-худ<ожественный> материал. Редакция должна знать, что отражение в художественном произведении достижений наших дней — очень трудная задача. Мало-мальски достиженческий [материал] момент, содержащийся в небольшом худ<ожественном> произведении, должен толкать нас к его использованию в «Н.Д.» (я за Ива<на> Катаева — «Двое»[6] — несмотря на очевидные, с моей точки зрения, несовершенства этого отрывка). В противном случае мы никогда не выполним обязательства перед читателем о лит<ературно>-худ<ожественном> отд<еле>.

4. Избегать номеров-сплошняков: строит<ельных>, комсом<ольских>, политехнич<еских> и т.д. боюсь, что это вносит скуку, ведомственность в «Н.Д.», затрудняет сильно собирание материала.

5. «Ловить» злобу дня и обязательно отражать ее. На этом участке «Н.Д.» имеют достижения, закрепляют их.

6. Избегать штампа в нашем очерковом материале. Сохранять всемерно индивидуальность автора. Всемерно добиваться художественности очерка; тут, мне думается, важен не только словесный рисунок, но и конструкция очерка (вплетать «интригу», вносить сюжетные моменты)[7].

Алексей Максимович, мне легче стало работать. Подобрались славные ребята. [нрзб., Алексей Максимович, стало нрзб.].

Если найдете возможным, напишите о наших делах[8]. Советуйте, указывайте.

С искренним уважением,
остаюсь Ваш

И. Шкапа

1930 6-24/х
Брянск-Москва

1. Нажать надо на рецензентов — почему нас замалчивают[9]?

2. Если посильно, давайте нам оценки каждого № «Н.Д.» — что плохо, что хорошо?

3. Я — за Катаевские «Двое». О нас бы говорили, дискуссировали. Упоминали бы наше имя: верно ли И.К. [затронул] осветил проблему выдвиженчества рабочих в деревню. Нам бы писали выдвиженцы о себе (их можно было бы запросить об этом через журнал), у нас получился бы интересный материал. А так, по-трусливому, по-шкуру, журнала не построишь. Нет и нет!

Будьте здоровы!

От лица своих товарищей

Ш.

9.
24 ноября 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

С какой радостью мы получили от Вас пакет с Ив. Катаевым[1]. Мы рады, что И. Катаева Вы приглашаете для сотрудничества в «Н<аши> Д<остижения>». Катаева пока нет в Москве, письмо Ваше поэтому не передано ему. Мы думаем, что И<ван> К<атаев> согласится

с Вами, и тогда «Двое» можно будет напечатать в № 12 «Н<аших> Д<остижений>».

С<емен> Б<орисович Урицкий>, которому я показал письмо и Вашу пометку на гранке, хочет говорить с И.К. и надеется доказать ему свою правоту. Вообще же он, поскольку есть ясно выраженное предложение, против напечатания «Д<воих>» ничего больше не имеет и «снимать» больше не будет.

Жизнь — борьба. Это — трафарет, который ежедневно выдерживает миллионы изданий по всему миру. Он упорнее, чем где-либо, раскрывает свое содержание в стенах на Кузнецком 5/21[2]. Правда, борьба здесь с очень неравными силами. Нас теснят, гонят, согнали, вернее. Мы переселились, но куда?.. Условия работы совершенно непереносимые. Ни одной секунды тишины, ни кубосантиметра хорошего воздуха, стены-стекло, курильщики вместе с некурящими: облако не в воображении, а в фактах каждодневной действительности. Я — рожденный не курить — осужден на ежедневные головные боли, на свинец в висках. Страдают и другие. Наш технический аппарат — некурящий — Н. Барков[3], машинистка[4] — вынуждены сидеть круглые сутки с электросветом в катакомбах. И над всем — стрекот двух машинок, разговоры (обязательные, конечно), смех, крик, дым и дым. Настоящий бардадым (я знаю, что это не то, но созвучное с ним слово не сползает на бумагу).

Прошу прощения, что отнял у Вас время жалобами на неустроенность нашего бытия. — Вредит эта неустроенность работе. Но жизнь «Н<аших> Д<остижений>» — борьба в другом, более важном смысле. Нам, по-прежнему... [делаем всё возможное], [нрзб.], обратились с теплыми посланиями:

1) к зрелым мастерам слова — подпись А<ртемий> Б<аграто-вич> Х<алатов>,

2) обратились к треугольнику лучших предприятий — подпись А<лексей> М<аксимович> Г<орький>,

3) обратились в редакции областных краевых газет-журналов — подпись АБХ[5],

4) установили рабкоровские посты на крупнейших стройках,

5) установили посты на крупнейших предприятиях (около 500),

6) обратились с особым посланием к рабселькорам.

Ведем деятельную индивидуальную обработку. Успехи со знаком ниже нуля — особенно у зрелых мастеров. Наше мнение одно: только в массы, только от них и через них. Если так — опять командируем, шлем людей. И вот [тут мои] мысли: в связи с актуальнейшими требованиями момента — УССР и БССР должны в №№ 1, 2, 3, 4 1931 г. получить большое место[6]. И в М<ин>ск, и в Х<арько>в шлем людей,

пишем в авторитетные органы письма, просим. Конечно, своего добьемся. Не черкнете ли через нас в эти адреса по несколько строчек.

Рабселькоры — наша надежда и наша опора. Делаем все, чтобы их продукция была у нас в изобилии под рукой.

Но — возвращаюсь к больному месту — надо больше внимания и к И. Катаевым. Кто же понесет к нам что-либо.

Дорогой Ал<ексей> Максимович! Из Вашего короткого письма я узнал (знал и до этого) о Вашей крайней загрузке срочными делами[7]. И все-таки разрешите изредка пересылать Вам короткие рукописи, представляющие тот или иной интерес для журнала.

Вот «Мичурин» — Кудашева В.[8] Как угодно, а рассказано о большом человеке неплохо. Читается не без интереса. Я сам хотел быть у Мичурина, но признаю, что и этот материал не заслуживает отрицательной оценки. Неплохо бы дать его в Лит<ературно>-худ<ожественном> отделе (так сказать, портрет представителя наших естественных богатств — достижений). Мы (смотрите отдельные листочки в конце) не умели, и теперь *плохо умеем* помогать людям, которые хотят согреть наш северный край («Юг на севере»). Нельзя ли немногими Вашими строчками подогреть внимание к этому великому старику!

Стоят морозы. Легкий снежок.

Желаю Вам сердечного покоя и хорошей работы. О нас не думайте много. Приедет П<етр> П<етрович>[9] — все двинется быстрее. Его глаз — алмаз, потому что в нем кусочки солнца из Сорренто. Ох, как это, к сожалению, важно и нехорошо — приходится импортировать — зависим от нее, от заграницы. Свое производство налаживаем, но пока — с малым успехом. Однако наладим.

Сердечные приветы от нашего коллектива.

Ваш И. Шкапа

1930 24/XI.

10.

1 января 1931, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

По предложению П<етра> П<етровича>[1] шлю гранки К. Гудка-Еремеева «Донбасс Героический»[2] — книжка очерков. Очерки [главным образом написаны] о прорыве. В ответ хлынул поток — около 40 очерков. Они далеко неравноценны, много повторений, но они — свидетель большого роста Г<удка>-Е<ремеева>.

Из 40 — отобрал 16. Работы, конечно, было достаточно. Знаю, что много еще недоделанного (гранки без корректуры). Но что было де-

лать? Решили издать книжкой. Материал нигде не был напечатан. Московское Т<оварищест>во писателей к начинающим исключительно внимательно. Их рукописи всегда внимательно прочитываются — 3–4 редакторами. По-хорошему был встречен и Гудок. В результате внимания — брошюрка.

Недавно Гудок был в «Н<аших> Д<остижениях>». Очень убеждал его взяться за учебу. За одоление формальной грамоты (он не имеет понятия о предложении, о его членах, о том, где нужны точки, запятые...). Все это, конечно, не мешает ему писать так, как он пишет, но сильно мешает идти вперед. Я убеждаю его заняться серьезной учебой, поменьше писать очерков и копить материал для рассказа, повести. Увлекаю его в дальнейшем эпопеей «Уголь»... (его надо оторвать от увлечения корреспондированием во все журналы: на моих руках было около 76 очерков — не повториться невозможно). Слушается он пока слабо, хотя и признает, что мы его «родили, дорогу указали, и что он нас во век не забудет!!».

П<етр> П<етрович> сказал, что Вы дадите одну-две странички предисловия[3]. Если найдете возможность — сделайте это (издательское предисловие можно изменить, если Ваше предисловие этого потребует). От «головокружения» Гудок застрахован. Он много читает, учится. Он пойдет дальше — пусть чуточку утихомирится, «разгрузит» себя очерками. Мы его не держим в «тепличной обстановке». Но я лично считаю, что толчки и подзатыльники он в изобилии получал в других редакциях, которые до «Н. Д.» упорно его не видели и не печатали, несмотря на его почти «назойливые» домогательства.

Мне думается, что при той степени формальной грамотности, на которой бьется Г-Е., трудно идти вперед. Он не знает элементов письма. Бредет вслепую, интуицией. Это ему недешево обходится.

Теперь о «Н.Д.». 30/XII-30 было заседание «редколлегии». Имеем наметку шести номеров на 1931 г. За 1930 г. получили 28000 р. чистой прибыли. Когда сообщение было взято «под сомнение», докладчик твердо ответствовал: «За двадцать ручаюсь!» Это приятное «событие» для всех достиженцев, *занятых* журналом. Будем платить до 300 рублей. Конкурс на лучший очерк проведем, словом, живем, действуем! С Зоричем расстались[4]. Разлука не печалит: симбиоз вышел очень односторонний, т.е. симбиоза не получилось. Взамен пригласили Атарова[5] — очеркиста, нами выращенного. Кстати: Гудка-Еремеева решаем послать по большим стройкам пропагандировать журнал и «призывать» в него рабкоров, ударников. Делаем это совместно с П.П. За успех уверены.

С приездом П.П. много приобрело иной свет, движение, количество и качество.

Дорогой Алексей Максимович! До чего мне хочется проехать по Европе и увидеть Италию[6]! Ну прямо непередаваемо и непереносимо. Два года нарастало, а сейчас прямо дошло до краев! Это я так, не просительно, а осведомительно.

Шлю горячие новогодние поздравления.

Будьте здоровы! Привет Максиму Алексеевичу и его семье[7]!

Ваш И. Гриневский

1/1-31.

11.
23 апреля 1931, Москва

Н<а>ш<и> Дос<тижения> двадцать шестого обещают[1]. <В> пяти стройках все, как было[2].

Шкапа

12.
13 февраля 1932, Москва

13/II 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Очень просим оценить очерк Югова[1]. Семен Борисович[2] сделал такие купюры, которые, по нашему мнению, кастрируют работу Югова. Мы думаем, что *очерк в таком виде, как дан на этом экз<емпляре>, может быть «без вреда»* пущен в «Н<аши> Д<остижения>». Надо пытаться выскочить за пределы «железной решетки» некоего примитива, к сожалению, установившегося в «Н.Д.». Мы с этим ведем злую борьбу — не очень успешную.

Просим дать оценку последних №№ «Н.Д.» и наметить вехи как по содержанию, так и *по форме*. Ждем Вашего слова. Ждем «Об изобретателях»[3].

Пишу наспех, неожиданно узнав об отъезде П<етра> П<етровича>[4].

Весь коллектив «Н.Д.» приветствует Вас и желает здоровья.

Ваш И. Шкапа

13.
31 марта 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Пересылаем на Ваше усмотрение проект решения конкурсного жюри на лучший очерк[1]. Конкурс был проведен в 1931 г. Результаты

мы даем с некоторым запозданием, но зато к оценке очерков мы привлекли читательскую общественность. Присуждение премий [мы] два раза обсуждали на совместных заседаниях секретариата и рабочего редсовета при «Н<аших> Д<остижениях>».

Остановились [мы] на следующем.

Первая премия (600 р.) остается неприсужденной. Достойных ее мы не нашли.

Две вторые премии (по 400 р.) распределены так:

1. Н. Максимов за очерк «Мастер»[2] (№ 12) получает полную премию;

2. Д. Сахаров — очерк «Электрическая тяга» (№ 7–8)[3] и Ляк В. — очерк «Кавалеристы»[4] (№ 7–8) получают по половинке второй премии.

3. Третью премию (300 р.) получает Строкин А. за очерк «Победа токаря Воронцова»[5] (№ 9).

4. Вторые триста рублей поделили (по 150 р.) между Юркиным Г. (очерк «На огневом рубеже»[6] (№ 7–8) и Н. Глозусом (очерк «Лучшие паровозники»[7], № 12, стр. 75).

Всего — пять премий.

В основу решений были положены следующие принципы.

1. Премированный очерк должен быть лучшим художественным отображением нашей действительности. Не рассказывающим «вообще», хотя бы и живо, а показывающим, изображающим то новое, что характерно в труде, в быту, в нашей стране Советов. Премированные очерки — естественно, должны быть примерами, образцами, от которых следует отправляться в борьбе за боевой художественный очерк.

2. Предпочтение при оценке, при прочих равных условиях, отдается автору-рабочему, занятому на производстве.

3. Премии должны быть присуждены не случайным авторам, а тем, которые входят в число постоянных корреспондентских кадров и обнаружили под руководством редакции обнадеживающий рост, как очеркисты-художники.

Максимов Н., Строкин А., Сахаров Д., Ляк В., Глозус Н. в наибольшей степени удовлетворяют этим требованиям. Все они — в прошлом рабочие, Строкин и Глозус и сейчас [нрзб.] у станка. Максимов и Сахаров — работают на предприятиях, Ляк — учится и работает в учреждении. Строкин начал в «Н.Д.» с мелких заметок, поднялся до очерка. Тоже примерно можно сказать и о других.

Шлем наше решение на Вашу оценку. Прилагаем №№ «Н.Д.», в которых напечатаны рекомендуемые вниманию очерки.

Искр<енне> преданный Вам

И. Шкапа

1932 31/III
Москва

14.
22 октября 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера я увидел № 9 «Н<аших>Д<остижений>» и крайне поразился, не найдя себя в составе членов редколлегии журнала[1].

Что случилось? Чем заслужил я свое исключение из числа работающих в органе, которому я отдал сорок четыре месяца, работая по 12–15 часов в сутки?

Позволю маленькое отступление.

Разве не я работал в журнале в те дни, когда он, рожденный по Вашему замыслу, боролся с пассивным сопротивлением пессимистов, когда он собирал первые кадры низовых авторов, протягивал нити связей с далекими окраинами Советской земли?..

Были месяцы, когда в штате числилось всего два-три человека, были недели, когда, тонко маскируясь, работе мешали те, кто приставлен был ей помогать (Петр Петрович[2] об этом прекрасно знает). И все же — «Н.Д.» регулярно выходили, получая от пролетарских читателей десятки писем, одобряющих содержание и стиль журнала. Более того, с каждым годом журнал давал все возрастающую прибыль (I — 5000 р., II — 29 000 р., III — 33000 р.).

Я отдавал делу *все* свои силы. Естественно, я устал. Вести журнал, редактировать и писать, — к творческой работе я все время стремился, — я оказался не в силах. И я решил, с большими колебаниями, с болью в сердце, отойти от журнала[3]. Тем более велики были мои колебания, что я не знал, на какие средства я буду кормить свою семью (три человека) (в журнале я получал от 200 до 300 руб. — оклады не из высоких).

И когда я, утомленный, отошел от ведущей работы, меня изгнали из редколлегии, игнорируя мое желание, неоднократно высказанное Петру Петровичу, работать членом редколлегии.

Я имею право и хочу оставаться членом редколлегии органа, установки и дух которого я понимаю, которому *и сегодня* могу быть полезен. Убежден, что моя близость к оценке окончательно обработанного материала в значительной мере избавила бы журнал от фальшивой слащавости и ура-патриотизма, которые начали просачиваться на его

стр<ани>цы (эта вредная тенденция с каждым номером, к сожалению, усиливается).

Я прошу Вас, Алексей Максимович, по двум вопросам.

1. Восстановить меня членом редколлегии, исключение из которой, мне думается, произошло без Вашего ведома (и без ведома Петра Петровича).

2. Оказать мне ту помощь, которую Вы предложили мне в свое время, расспрашивая о моей творческой работе (на кварт<ире> в Машковом п<ереулке>[4]).

40 дней тому назад я сдал (по договору) киносценарий[5]. До сих пор его не отклоняют — нет оснований, и не принимают — нет пленки. Страшно сокращено пр<оизводст>во. Все сроки прошли, а гонорара не платят.

Сейчас я работаю над повестью[6], в плане работа над книжкой рассказов. А источники существования — ничтожны. Вот почему я прошу Вас о займе, который погашу при малейшем улучшении литературных своих дел.

Дорогой Алексей Максимович! Мне нужен небольшой 300-рублевый минимум на 5–6 месяцев, и я надеюсь встать на ноги.

Ваша помощь будет принята мною с исключительной признательностью и возмещена в бесспорном порядке.

Желаю Вам здоровья.

Глубоко уважающий *И. Шкапа*

1932 22/X

15.

27 июля 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Заранее прошу простить меня, что отнимаю у Вас время своей работой. Одно лишь только [у] меня к Вам: Вы когда-то обещали помочь мне и выразили желание прочесть рукопись о поездке вокруг Европы[1]. Я честно над ней поработал. Правда я вижу много в ней недочетов, боюсь, что она вышла мало занимательная. Каждый факт, цифра соответствует истине.

Сожалею, что второй экземпляр вышел так нечетко.

В издательстве мне говорят, что я опоздал, и вряд ли выпустят ее[2]. А я полагаю, что <для> нашего юношества, да и для взрослых было бы полезным немного больше знать о Западе.

Дорогой Алексей Максимович! Самую резкую критику Вашу приму как должное[3]. Но хочу сказать, что буду страшно огорчен, если мой

труд — стоивший мне больших усилий (с ним я надежды связываю на улучшение своего достаточно неважнецкого мат<ериального> положения) — не увидит света.

Желаю Вам здоровья и бодрости!

Ваш И. Шкапа

1933
27/VII

16.
22 марта 1934, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

К Вам поступила рукопись первого т. И<стории> Г<ражданской> В<ойны>[1]. Из 50 ее листов мной прочитано и выправлено *около 40 листов*. Править приходилось с предельным напряжением: сроки были небольшие. Недостаток времени *не всегда* позволял мне прочитать рукопись *после* машинки, чтобы увидеть, насколько принята моя правка тов. Минцем[2]. И хотя между т. Минцем и мной в оценке формы и содержания (особенно формы) *наметилось единодушие* (почти?), но иногда — тоже в оценке — т. Минц *восстанавливал* авторские абзацы, — невыразительные, неуклюжие, тяжелые по форме, неточные по смыслу.

Свыше 14 листов (из 50) правили другие лица. Этих страниц мне — так сложилось — не удалось даже внимательно *прочесть*. Сюда входят:

1. Крицман. Развал х<озяйства> страны[3];
2. Милютин. Экон<омическая> прогр<амма> парт<ии> п<осле> Окт<ября>[4];
3. Крыленко. Октябрь на фронте[5];
4. Кубанин. Окт<ябрь> в деревне[6];
5. Диманштейн. Октябрь и национальности[7].
6. К. Радек. Междун<ародная> обс<тановка> Октября[8].

В оценке работы над стилем рукописей прошу учесть это обстоятельство. Прошу также обратить особое внимание на стиль рук<опи>си т. Мануильского[9]. В нескольких местах на первых 3 стр. и в трех — на последних страницах, сохранены, помимо моего желания, совершенно неприемлемые строчки: длинные, туманные, выспренные. Мотивы сохранения: «М-ский — автор с установившимся стилем».

Думается, что по форме и содержанию ИГВ должна быть *несколько иной*. Организация рабочего процесса над ИГВ тоже должна быть *иной*[10].

Возможно, я ошибаюсь. Все же [нрзб.] полагаю, что в моих соображениях и предположениях — буде из пожеланий выслушать — можно найти зерна, способные дать хорошие ростки.

Желаю Вам здоровья, здоровья!

Ваш *И. Шкапа*

1934

22/III.

P.S. Дорогой наш учитель и водитель! Не могу скрыть огромной своей радости, вызванной дискуссией о языке[11] и о прочем, близком к этой теме. Вся лучшая часть писательской общественности, вся читательская — рабочая, колхозная — полностью с Вами, за Вас.

Роль высказываний Ваших исключительно велика. Они, бесспорно, определят направление языковой культуры нашей — в самом широком смысле слова, — на многие годы, десятилетия.

Гигиена, санитария, хирургия и профилактика посетили — хотя и с запозданием — да! — литературные заросли и сделали свою очистительную и оздоровительную работу.

Прекрасная, гигиенически-воздушная баня! Кто здоров, — выдержит ее и будет благодарен организатору головомойки «до новых веников» (так говорят на моей Черниговщине).

Но не все приемлют Ваши установки.

Новоявленные вожди — бескрылые и безногие, безглазые и безъязыкие, но с огромными ртами (зубы в два ряда), со страшными хватающими конечностями, не считают себя убежденными и тем паче — посрамленными, тем паче низвергнутыми со своих пьедесталов. Они пошли в обход, применяют систему подкопов — основа методов тихой сапы.

Рецидивы из скрипучего, нечленораздельного, косноязычного чревовещательства возможны, неизбежны. Глухота и слепота, наглость и подлость уязвленных доходит до Геркулесовых столбов: в Вашей очистительной и не столь уж приятной работе банщика они видят совсем не то, что единственно видит неискривленный глаз несвихнувшегося, нормального мозга. Они меряют своей меркантильной мерой и посему готовятся к бою.

Не уступайте сорнякам ни одной пяди литературно-культурных полей! Место их — в силосных башнях, на кострах — если их колючки лишают их возможности быть полезными на молочно-творожных фермах наших колхозов.

Ваш полностью И. Шкапа

17.
22 марта 1935, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Вряд ли кто сомневается в том, что англо-тевтонские громилы вынашивают дьявольский замысел. Они готовят удар по нашей Советской стране[1]. Ставкой будет — их или наша голова.

Я хочу сказать, что мы, сделавшие очень много в укреплении своей обороноспособности, делаем недопустимо мало для мобилизации духа наших трудовых масс. Под гениальным водительством Иосифа Виссарионыча[2] мы уже прошли Фермопильское ущелье[3]. Главные трудности позади, но и впереди еще немало огромных преград, для преодоления которых нужны сплоченность и героизм.

Я говорю: *нужна особая серия книг, выпускаемых миллионными тиражами, готовящих нас к борьбе за самое высокое, что когда-либо имело перед собой человечество — за социализм, воплощенный в осязаемых формах.*

Для начала считал бы совершенно необходимым выпуск следующих книг:

1. *Немецкая интервенция на Украине* (1–2 сборника воспоминаний, хорошо подобранных документов[4]. Можно через И<сторию> Г<ражданской> В<ойны>).

2. *О том же брошюра* 5–6 листов на основе документов, воспоминаний.

3. *Интервенция японцев на Д<альнем> В<остоке>*[5] (через ИГВ).

4. *Фашистские расовые теории*[6]. Высказывания «Розенбергов»[7] о других нациях.

5. *Чего они хотят?* (популярное изложение «Моей борьбы» А. Гитлера[8]).

6. *Германия под пятой фашизма*[9] — надо послать в Герм<анию> ч<елове>ка.

7. *Украина сегодня.* Сборник о работе колхозов, МТС, совхозов, типичных районов.

Мое предложение — не плод паники перед фашистским бряцанием оружием, нет. Оно результат холодного учета обстановки, требующей от нас готовности к такому контрудару, от которого у агрессора потемнело бы в глазах.

Алексей Максимович! Скромные свои силы я готов отдать в полное Ваше распоряжение, если Вы пожелаете реализовать высказанные мной предложения. Надеюсь, что ЦК ВКП(б) окажет полное содействие, а м<ожет> б<ыть>, и возьмет все дело в свои руки. Дело

стоит того, чтобы им занялись самые авторитетные организации в стране.

Очень прошу Вас поставить меня в известность о Вашем отношении к изложенным здесь соображениям[10].

Желаю Вам здоровья. *И. Шкапа*

1935

22/III

P.S. Если Вы не пожелаете заниматься этими вопросами, прошу Вас, перешлите в культурный центр ЦК ВКП(б).

И. Ш.

18.

28 марта 1935, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

К тысячам горячих поздравлений, полученных Вами со всего мира, примите и мое скромное, глубоко искреннее[1]!

Вы — наша краса, наша гордость и наша большая надежда. Я горжусь, что принадлежу к тому великому племени, которое родило Ленина, родило Вас. Вы наш духовный вождь, Вы — наше воплощение силы, которая обнимет скоро — верю в это непоколебимо, потому что знаю — обнимет скоро весь мир.

Неизменно думаю и неизменно говорю об этом. Окружающие Вас должны сделать все, чтобы Ваше здоровье было всемерно ограждено от всяческих упущений, а Вы не должны окружающим мешать в этом. Ваша жизнь нужна стране! Нас ждут огромные испытания! И Вы, как сторож на передовых высотах, ударите в набат, который покроет весь мир. Ваш призыв услышат глухие, Ваша мощная защита будет стоить многих армий, закованных в броню.

Живите еще много, много лет!

Берегите здоровье!

Преданный Вам,

Ваш И. Шкапа

28/III 35

19.

После 6 июня 1936, Котельнич

Дорогой Алексей Максимович!

Судьба мне улыбнулась: несколько лет подряд я работал под Вашим руководством[1]. Я не слышал от Вас ни единого слова упрека в

нерадивости, в небрежности. Мне слишком дорого Ваше мнение обо мне. Вот почему, находясь в условиях, когда я рискую даже не быть понятым Вами, я все же решаюсь попросить у Вас несколько минут внимания.

Я десятки раз брался за перо. Мобилизуя всю волю и холод рассудка, хотел я написать спокойно и кратко обо всем, что и как произошло со мной. Признаюсь: я оказался не в силах сделать это: выходило слишком длинно и взволнованно. И лишь теперь, узнав о недуге, овладевшем Вами, я почти мгновенно успокоился и нашел силы взяться за перо[2]. Дорогой Алексей Максимович! Единственный, неповторимый, последний из Великих Великой Русской Литературы, — держитесь, живите! Живите, Вы еще не стары телом, Вы совсем молоды духом! Вся страна Советов — все ее поколения страстно хотят, чтобы Вы жили! И Вы должны жить! Вы будете жить! Так хотят десятки миллионов людей Великой пролетарской родины! Вы будете жить!

О себе скажу ныне немногие строки. Происшедшее потрясло меня до глубины, ошеломило[3]. Я крепко шагал по своей советской земле, чувствовал себя хозяином и ничего подобного случившемуся я не ожидал. Терпеливо дожидался конца процедуры, уверенный, что финалом ее будет возвращение мне свободы и возможности работать. Через 6 ½ м<есяца> свободу я получил, — урезанную, обкарнанную, но возможность работать потерял. Я разгромлен, почти уничтожен. За что же?..

Брань-клевета по вороту не виснет!? Виснет, липнет, пятнает!

Я самым подлым и очень искусным образом оклеветан. Многое из грязных клеветнических помоев за 6 ½ м<есяцев> сняли, сбросили, но не все: кое-что повисло, и в результате я... в Котельниче. Буду по необх<одимости> краток.

Заявляю: *ни мои действия, ни слова, ни писания не причинили ни коммунистической партии, ни советской власти ни на один микромиллиметр вреда.* Обратного мне никто не доказал, ибо из ничего доказательств не построишь! Ни очных ставок, ни допросов, когда я мог бы ответственно отвечать, я не получил.

Мне инкриминировали контакт с антисоветскими элементами и то, что я будто бы знал об их антисоветских действиях. Нет! Не было этого! Я бы мог попросить Петра Петровича[4] вспомнить о моем отзыве, данном П.П-чу о Парфенове[5], авторе гнусной книжки «Личное и общественное». Не то в 1931, не то в 1932 г. он добивался приема у Вас, Алексей Максимович, и я охарактеризовал Парфенова как недостойнейшего человека. А мне инкриминируют, что я был с ним

единомышленником! И такое же почти положение со вторым субъектом, оклеветавшим меня.

Я хочу получить от Вас помощь, ибо никак не могу примириться с тем, что со мной произошло. Я хочу работать на пользу великому делу. Я пишу повесть об Октябре, повесть «Высокое поле»[6] для сборника «Родина». Но я нахожусь в условиях исключительно тяжелой свободы. Реабилитация меня — единственная компенсация за мои испытания, она меня спасет и сохранит как полезно работающую единицу.

Ни в чем, что вредило бы сов<етской> вл<асти>, партии, *я не виновен*. Никогда не обманывал органов партии и власти. Искали моей виновности — не нашли. Все отобранные записи, вырезки, рукописи — возвратили, *не предъявив мне из них ни одного слова*.

Одно слово Г<енриха> Г<ригорьевича>[7] и мое дело пересмотрят. Это в Ваших возможностях. Хотите — помогите. Не хотите — сделайте последнее, прошу Вас, не откажите в этом:

помогите достать для излечения от возмучившей меня *малярии* нем<ецкий> препарат *плазмохин*[8]! Все, что можно, испытал. Не помогло.

Помогите также достать мне редакц<ионную> работу: семье и мне нечем жить[9]. Прав на эту работу я не лишен, мне так сказали. Я верю этому.

Преданный Вам всем существом.

Неизменный в чувствах,

И. Шкапа

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *АМ* (*АГ*. КГ-п-88-31-1), впервые.

Письмо напечатано на бланке журнала «Наши достижения», подпись и дата — *А*.

[1] Речь идет о предисловии к кн.: Крестьяне о Советской власти / Сост. Я. Селих, И. Гриневский. Предисл. М. Горького. М.; Л.: Госиздат, 1929. И. Гриневский — псевдоним И.С. Шкапы, сотрудника «Крестьянской газеты». В книге были собраны и систематизированы письма, написанные крестьянами в газету в 1927 г. 30 августа 1927 г. в редакционной статье «Всесоюзный крестьянский митинг, посвященный десятилетию Октябрьской революции», говорилось: «В редакции "Крестьянской газеты" имеется много писем, в которых крестьяне рассказывают, как им жилось прежде, как живется теперь и что дала им Советская власть. Для того, чтобы дать возможность большему количеству крестьян высказаться, редакция "Крестьянской газеты" решила

организовать всесоюзный митинг, посвященный 10-летию Октябрьской революции» (Крестьянская газета. 1927. № 35. 30 авг. С. 2). Митинг проходил на страницах газеты под председательством М.И. Калинина, сказавшего во вступительном слове: «Пусть каждый крестьянин подумает о своей трудовой стране так же, как он привык думать о своей пашне, урожае, о своем крестьянском дворе <...> Записывайтесь, товарищи, берите слово <...>» (Там же). Газетой было получено несколько тысяч писем, 41 из них опубликовано. Составители включили в книгу 185 писем, среди них и наиболее интересные из опубликованных. Книга была послана Горькому с просьбой написать к ней предисловие. Горький понял письмо как просьбу написать отзыв для издательства, о чем говорит упоминание в письме Крючкову от 29 января 1929 г.: «П.П.! Посылаю рецензию на книгу "Крестьяне о С<оветской> — в<ласти>". Интересно. Очень! Но — митинг был организован плоховато, можно было сделать лучше, шире. Кулака разделали — отлично» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 162). В ответном письме Шкапе от 28 января 1929 г. Горький дал высокую оценку книге, назвав ее «интереснейшей», в то же время указал на ряд недостатков. Позже Горький все-таки написал предисловие к книге, которое выслал вместе с письмом Шкапе 17 февраля 1929 г. В нем он писал: «Придавая книге крупное агитационное значение, я очень советовал бы Вам поговорить с А.Б. Халатовым о необходимости издать ее дешево и в большом количестве экземпляров, дабы она возможно глубже проникла в деревню, на воспитание которой у нас все еще не так много обращают сил, как следовало бы» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 163). Предисловие — см. Приложение.

[2] П.П. Крючков.

[3] Это письмо в *АГ* не сохранилось.

[4] В своем отзыве на книгу «Крестьяне о Советской власти» Горький указал на то, что «предисловие недостаточно солидно, слишком громогласно; лучше бы сделать его покороче, поделовитее» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 161). Видимо, авторы учли это пожелание Горького.

[5] Предисловие, написанное Горьким, придало этой книге больший вес и, безусловно, ускорило ее опубликование.

[6] Шкапа имеет в виду следующие замечания Горького, высказанные им в своем отзыве на книгу: «обязательно нужно возразить на жалобы: "рабочим живется лучше, легче", указав на работу в шахтах, в химических производствах, в горячих цехах и т.д.

Никто из крестьян не указал на то, что деревня стала есть больше, вкуснее, более питательную пищу: молоко, яйца, жиры, мясо, а ведь это — факт» (Крестьяне о Советской власти: Сб. / Сост. Я. Селих, И. Гриневский; Предисл. М. Горького. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 162).

[7] Шкапа указывает на следующие слова Горького: «Глава "Голоса молодежи" — очень слаба, ее бы выкинуть. <...> Баб — мало. Но — хороши» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 161).

[8] Указание на следующее замечание Горького: «Чрезмерно много писем о снижении цен» (Там же).

[9] К 10-летию Октябрьской революции 1917 г.

[10] Госиздат, ГИЗ (Государственное издательство РСФСР) образован в 1919 г. в Москве при Наркомпросе РСФСР в результате слияния издательских отделов ВЦИК, Московского и Петроградского Советов и др. В 1930 г. преобразован в ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств, созданное при Наркомпросе РСФСР. В него вошли крупные издательства, образованные путем слияния отраслевых издательств с соответствующими отделами Госиздата. В 1946 г. преобразован в ОГИЗ при СМ СССР и существовал до 1949 г.

[11] А.Б. Халатов, заведующий Госиздатом с 1927 по 1932 г., заместитель ответственного редактора журнала «Наши достижения». В *АГ* данного письма обнаружить не удалось.

[12] Посылая предисловие, Горький в сопроводительном письме Шкапе 17 февраля 1929 г. писал: «Придавая книге крупное агитационное значение, я очень советовал бы Вам поговорить с А.Б. Халатовым о необходимости издать ее дешево и в большом количестве экземпляров, дабы она возможно глубже проникла в деревню, на воспитание которой у нас все еще не так много обращают сил, как следовало бы» (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 163).

2.

Печатается по *АМ* (*АГ*. КГ-п-88-31-16), впервые.

Подпись и число – *А.*

Горький ответил 17 августа 1929 г.

[1] Шефлер Михаил Евстафьевич, ученый, с 1928 по 1930 г. директор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, член коллегии Наркомата земледелия РСФСР. Шефлер был привлечен Горьким в журнал «Наши достижения» в качестве редактора отдела «Сельское хозяйство». В *АГ* сохранилось письмо Шефлера Горькому, в котором тот высказывает свои соображения о ведении отдела «Сельское хозяйство» в журнале. В «Наших достижениях» опубликовал очерк «О достижениях в сельском хозяйстве (беглые заметки)» (1929. № 5. Сент.-окт. С. 11–24).

[2] Очерк Заворотного в журнале напечатан не был. Вместо него в № 6 «Наших достижений» был помещен очерк Г. Москаленко и А. Фаворова «Украинский Генетико-селекционный институт» (1930. № 6. Июнь. С. 32–34), в котором рассказывалось об институте, который возник на базе Одесской селекционной станции.

[3] *Турчанинов Л., Данилов С.* Носовская с.-х. опытная станция // Наши достижения. 1929. № 3. Май-июнь. С. 119–129; *Алексеев Е.* Хлеб на песках (зеленое удобрение в опытах Новозыбковской с.-х. опытной станции) // Наши достижения. 1929. № 4. Июль-август. С. 135–145. Статей о сельскохозяйственных опытных станциях не хватало, поэтому редакция «Наших достижений» обратилась к читателям с просьбой присылать материалы на эту тему. В заметке «От редакции» говорилось: «Нет сомнений, что дальнейшая работа таких опытных станций, опирающихся на связь с сельскохозяйственной коопе-

рацией и коллективами, сможет оказать еще большее влияние на ускорение темпа реорганизации сельского хозяйства» («Наши достижения». 1929. № 3. Май-июнь. С. 129).

[4] *Тулайков А.* Институт по изучению засухи // Наши достижения. 1930. № 6. Июнь. С. 29–31.

[5] Эта информация в статье отсутствует.

[6] В ответном письме Горький писал: «Совершенно согласен с оценкой т. Шкапа: обе статьи имеют характер "отчетов" и для "Н.Д." слишком сухи, слишком тяжелы. Необходимо или переработать их, — что могут — в данном случае — сделать только сами авторы или же отказаться от этих статей» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 164). Статья А. Тулайкова в окончательном варианте имеет 3 главы: в первой — «От станции до института» — рассказывается об истории создания Института по изучению засухи в РСФСР. Во второй — «Основные работы» — говорится об основных направлениях деятельности Института. В третьей — «Из лаборатории в массы» — рассказывается о популяризации деятельности института.

3.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-88-31-2). Впервые: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 166.

[1] Возможно, речь идет об очерке Льва Савина. Крючков писал Шкапе 19 мая 1930 г.: «Очерк Савина Алексей Максимович считает нужным поместить в журнале "Н.Д." в отделе Лит.художественном. Мы можем его напечатать в номере седьмом, только необходимо вычеркнуть начало, начав с доклада» (*КМГ.* НВФ-5908).

[2] В 1930 г. в журнале был создан литературно-художественный отдел, в котором печатались художественные очерки. К работе были привлечены К. Паустовский, Л. Никулин, М. Пришвин, М. Шошин, П. Максимов и др. Было намечено поместить в этом отделе ряд общих статей об очерке: «Лаборатория очерка» (1933. № 4), «Боевая форма литературы» (1934. №7–8), «О новом в очерке» (1936. № 1) и др.

[3] Очерк М. Шошина «Деревня» был напечатан в литературно-художественном отделе журнала в 1930 г. (Наши достижения. 1930. № 1. Январь. С. 71–83; № 2. Февраль. С. 68–78). 21 декабря 1929 г. Горький писал П.П. Крючкову: «Возвращаю очерки Шошина, пожалуйста, снимите две копии с моего письма: одну — для Шошина, другую — вложите в пакет для "Литучебы"» (*АГ.* ПГ-рл-21а-1-225).

[4] Проскуряков В.М., сотрудник редакции «Наших достижений», автор очерка «Пролетарская фабрика книги» (Наши достижения. 1930. № 5. Май. С. 13–16).

[5] Видимо, автор прислушался к пожеланиям редактора. Очерк М. Шошина «Деревня» заканчивается тем, что приказчик Петр предупреждает Чаева о том, что его собираются «раскулачить»: «Все имущество у тебя отберут, а тебя в Сибирь... в тайгу.

Чаев ухватился обоими руками за голову и рухнул на стул» (Наши достижения. 1930. № 1. Янв. С. 78). Чаев решает: «Сегодня же ночью надо все ценное вывезти» (Там же). Этот разговор подслушал Тюрин, который собирается остановить кулака и предупредить односельчан о планах Чаева. Очевидно, что кулак тоже будет арестован.

4.

Печатается по *АМ* (*АГ*. КГ-п-88-31-3), впервые.

В *АГ* сохранился *ЧА* письма, без правки (*АГ*. КГ-п-88-31-17).

Подчеркивания и правка зелеными чернилами — *А*.

Ответ на письмо Горького от 6 ноября 1929 г.

Горький ответил 15 февраля 1930 г. (*АГ*. ПГ-рл-54-20-17, 7).

[1] Прошло почти три месяца со дня получения встречного письма Горького.

[2] «Тракторострой» — статья Н. Стальского, в журнале появилась под названием «Тракторный им. Феликса Дзержинского» (Наши достижения. 1930. № 2. Февр. С. 15–32).

[3] Письмо от 6 ноября 1929 г.

[4] В недошедшем до нас письме Горькому (осень 1929 г.) отразились сомнения Шкапы относительно своего призвания. Рисуя свой автопортрет, Шкапа назвал себя «универсальным по своей сути», написал, что у него «память выше средней и богатейшее воображение» и, тем не менее, охарактеризовал себя как человека, у которого «нет ни грана литературного дарования». Шкапа вспоминал, что в письме он спрашивал у Горького, «как найти свою дорогу» и имеет ли он право «встать на литературный путь» (*СЛСГ*. 1964. С. 183). Горький подробно ответил на письмо, подбодрив адресата и дав начинающему редактору ряд ценных советов: «Вы мне кажетесь человеком, обреченным литературе, — новеллистом, фельетонистом, не знаю кем, но "литературным человеком". Мне кажется также, что Вы слишком аналитически относитесь к себе, слишком внимательно и как чужого рассматриваете себя. Если это так, это может помешать процессу Вашей самоорганизации. Человеку Вашего строя нужно искать свое настоящее не только в разуме, а главное в эмоциях» (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 166).

[5] Шкапа был принят в штат редакции журнала «Наши достижения» в сентябре 1928 г.

[6] П.П. Крючков.

[7] Шкапа цитирует письмо Горького от 6 ноября 1929 г: «Практически я бы посоветовал Вам вот что: попробуйте себя на литературе. Начните с беллетристического очерка, а лучше — с более трудного — с рассказа. Пришлите мне рукопись, я охотно, искренно готов поделиться с Вами моим опытом. Пишите смелее, не одергивая себя, но старайтесь писать скупо, твердыми словами, и не столько рассказывая, как изображая. Именно изображая, Вы убедитесь в наличии и силе Вашего воображения» (Там же).

[8] Горький ответил: «В ценности будущей литературной работы Вашей я ни мало не сомневаюсь, и это еще раз должно подтвердить, что я понимаю Вашу тоску по работе более напряженной, интересной и разнообразной» (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 167).

[9] Имеется в виду неразысканное письмо Шкапы, написанное осенью 1929 г. См. примеч. 4.

[10] Авторы очерков, опубликованных в «Наших достижениях» в 1929, 1930 и 1931 гг. И. Вершинин «Пошехонье» (1929. № 4. Июль-авг. С. 169–173), «Ветер на советской

службе» (1930. № 2. Февр. С. 49–53), М. Лукьянов «Ярославль» (1930. № 1. Янв. С. 46–55), «Шуя ударная» (1930. № 3. Март. С. 39–48), «В приволжской глуши» (1930. № 8. С. 62–72), «Меланжевый комбинат» (1931. № 2. Февр. С. 37–47), «Кострома» (1931. № 7–8. С. 53–57). М. Лукьянов был принят редактором в журнал «Наши достижения».

[11] Имеются в виду очерки «Мастера земли» (Наши достижения. 1929. № 2. Март-апр. С. 56–70) и «На полях зерновой фабрики № 1» (Наши достижения. 1929. № 5. Сент.-окт. С. 74–102). Оба очерка были напечатаны под псевдонимом «И. Гриневский».

[12] Имеется в виду очерк Шкапы «На полях зерновой фабрики № 1». См. примеч. 11.

[13] Замысел книги о революции остался неосуществленным.

[14] См. примеч. 2.

[15] *Урицкий С.Б.* Большевистский сев // Наши достижения. 1930. № 2. Февр. С. 3–9.

[16] Статья С.Н. Смидович «Быт и женщина» была запланирована в № 3 (Март) за 1930 г., но в журнале не появилась. Смидович Софья Николаевна (1872–1934), писательница, общественный деятель. После 1917 г. работала в Московском комитете, затем в ЦК партии и ЦКК, была заместителем председателя Общества старых большевиков. В статьях большое внимание уделяла женскому вопросу. В 1925 г. Смидович опубликовала в «Правде» статью «О любви», с которой начался очередной виток дискуссии о вопросах пола.

[17] Статьи В.В. Куйбышева в «Наших достижениях» не печатались.

[18] Статью М.А. Рафаила «Кадры построения социализма» планировалось поместить в № 4 (Апрель) за 1930 г., но она не была напечатана. В 1931 г. вышла его брошюра «За большевистскую историю заводов» (Л.; М.: ГИХЛ). Рафаил Михаил Абрамович (наст. фам.: Фарбман, 1893–1937), заведующий Ленинградским отделом ГИХЛ. Репрессирован и погиб в 1937 г.

[19] Этот очерк напечатан не был. См. п. 2 примеч.

[20] Статья Горького «К дню печати» в журнале не появилась. См. п. 6 и примеч.

[21] Статьи Ю.М. Стеклова и Н.И. Бухарина «СССР — семья народов» в «Наших достижениях» не печатались.

[22] *Анов Н.* Днепрострой // Наши достижения. 1930. № 3. Март. С. 21–38; № 4. Апр. С. 6–16. В 1931 г. вышла его книга очерков «Днепрострой». Анов был привлечен к сотрудничеству в журнал «Наши достижения» по инициативе Горького, высоко оценившего его роман «Азия» (1927). Анов Николай Иванович (наст. фам.: Иванов, 1891–1980), писатель, в 1930-е гг. заведующий редакцией «Красной Нови». Родился в Петрограде, в семье рабочего, с 1908 г. работал рассыльным конторщиком, печатником, литейщиком. Участник Первой мировой, Гражданской войны, штурма Зимнего дворца. Начал печататься в «Правде», где в 1914 г. появился его рассказ «Кормилец», привлекший внимание Горького. Рассказ «Смерть Агаши» Горький включил в «Сборник пролетарских писателей» (СПб.: Прибой, 1914). Во время Гражданской войны жил в Омске, в 1927 г. работал в редакции журнала «Сибирские огни», написал повесть «Награда». Был инициатором создания группы «Памир» в 1928 г. в Новосибирске, в

противовес ультралевой группе «Настоящее». Целью группы была борьба с партийным руководством литературной Сибири. В Москве группа «Памир» подверглась резкой критике РАППа за областнические тенденции и в конце 1929 г. группа, опасаясь преследований, самораспустилась, но в 1930 г. была создана новая группа «Сибирская бригада». Основной вопрос их политической программы — положение крестьян после коллективизации. В марте 1932 г. многие участники группы (П.Н. Васильев, Л.Н. Мартынов, С.Н. Марков и др.) подверглись репрессиям. Анов был арестован 16 марта 1932 г., привлечен к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию по ст. 58-10 УК РСФСР, и 1 июня 1932 г. сослан в Архангельск на 3 года. За роман «Выборгская сторона» и документальную повесть «Каширская легенда» Анов получил Государственную премию им. Абая (1970). В книге «На литературных перекрестках. Воспоминания» (1974) создал литературные портреты М. Горького, П. Бажова, А. Фадеева, М. Ауэзова, С. Кожамкулова и др.

[23] Горький ответил: «И душой, и телом понимаю Вас, потому что — тоже устал, тоже не имею времени писать свой бесконечный роман, а вот все пишу статейки, письма. Но я очень и товарищески просил бы Вас отложить на некоторое время решение вопроса о перемене Вашего "амплуа". Значительность Вашей редакционной работы такова, что если Вы отойдете от нее, это немедленно и очень плохо отразится на журнале» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 167).

[24] Имеются в виду № 6 журнала «Наши достижения» за 1929 г. (Нояб.-дек.) и №№ 1, 2 «Наших достижений» за 1930 г. (Янв., февр.).

[25] Профинтерн — Красный интернационал профсоюзов, созданный в 1921 г. в ходе конгресса профсоюзов, которые не вошли в Амстердамский интернационал, и распущенный в 1937 г. В честь Интернационала профсоюзов в 1925 г. крейсер Балтийского флота был назван «Профинтерн». Он совершил зимний переход из Кронштадта в Севастополь вместе с линкором «Парижская коммуна». Поход проходил с 22 ноября 1929 г. по 18 января 1930 г. и был очень сложным: в Балтийском заливе свирепствовал мощный ураган, во время которого погибло около ста кораблей других стран, но советские моряки выдержали суровое испытание. Об этом походе Горький написал статью «Советская эскадра в Неаполе» (Наши достижения. 1930. № 2. Февр. С. 10–14). В 1939 г. линкор переименован в «Красный Крым».

5.

Печатается по *АМ* (*АГ.* КГ-п-88-31-4), впервые.

Подпись и дата — *А.*

Ответ на п. Горького от 15 февраля 1930 (*АГ.* ПГ-рл-54-20-7).

[1] Горький понял письмо Шкапы как просьбу освободить его от обязанностей редактора журнала «Наши достижения» и в письме от 15 февраля просил его «немножечко потерпеть», чтобы «дать П.П. <Крючкову. — *Ред.*> время найти заместителя» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 167).

[2] Сельмашстрой — завод-гигант, построенный на северо-восточной окраине Ростова с 1927 по 1931 г. (ныне «Ростсельмаш»). Это был крупнейший в Европе завод сельхозмашиностроения, проект которого разрабатывался в Ленинграде в Государственном Институте по проектированию Металлических заводов. Заместитель главного инженера завода американец Де-Вульф утверждал, что завод по целому ряду показателей (оборудование, освещенность цехов) не имеет равных в мире. В 1928 г. завод был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, в 1929 г. завод выпустил первую продукцию, а в начале 1930-х годов СССР прекратил закупать технику из-за рубежа и начал сам ее экспортировать. В 1937 г. продукция завода — комбайн «Сталинец-1» — получила Гран-при на международной выставке в Париже. Одновременно с заводом в период первой пятилетки был возведен жилой поселок, который был рассчитан на 25 тысяч жителей, имел развитую инфраструктуру. На обширной территории за несколько лет было построено около сотни зданий жилого и общественного назначения. Горький посетил завод в сентябре 1929 г. 23 сентября 1929 г. из Сельмашстроя Горькому были направлены материалы о заводе: статья «Технологические проблемы Сельмашстроя», книга «Сельскохозяйственное машиностроение в г. Ростове-на-Дону» и 8 фотографий. Шкапа посетил завод в первой половине февраля 1930 г. 7 февраля 1930 г. П.П. Крючков писал директору завода Н.П. Глебову-Авилову: «Алексей Максимович поручил И.С. Шкапе написать для журнала "Наши Достижения" очерк о Сельмашстрое. Окажите ему помощь. Пишет он хорошо и умеет зацепить в очерке самое важное» (*КМГ*. НВФ-5980). Шкапа написал о «Сельмашстрое» очерк, опубликованный в «Наших достижениях» (1930. № 6. Июнь. С. 8–22). См. п. 7 и примеч.

[3] В 1928 г. на Северном Кавказе был создан зерносовхоз «Гигант № 1», по размерам намного превосходивший все сельские хозяйства (124500 га). Ранее на этих степных территориях развивалось животноводство. Пригодной для засева земли было менее 10-ти процентов, остальное — целина, залежи. Задача была — поднять целину, превратить степь в поля пшеницы и создать самую крупную в мире фабрику зерна. Рабочие совхоза «Гигант» в 1928 г. предвосхитили освоение целины 1956 г., вспахав 50 тысяч гектаров целинных земель Задонья. Первая посевная кампания 1928 г. прошла неудачно из-за засухи, в результате чего была засеяна только 10-я часть территории. Во время весеннего сева в 1929 г. разразился буран с заморозками, поэтому было засеяно только 48500 гектаров, а половину всходов уничтожил летний суховей (степной ветер). И все же в 1929 г. совхоз собрал хороший урожай — в среднем 70 пудов с гектара, в то время как в соседних селах и хуторах крестьяне-единоличники получили лишь по 40 пудов. Весть о том, что «Гигант» собрал почти двойной урожай, разнеслась по всей стране. В совхоз стали приезжать делегации крестьян даже из отдаленных районов страны. Горький побывал там на празднике урожая в первых числах сентября 1929 г. В 1934 г. совхоз был разукрупнен на 4 самостоятельных совхоза — «Гигант», «Целинский», «Юловский» и «Сальский». За «Гигантом» осталась земельная площадь в 500 км^2. Совхоз имел мощный машинно-тракторный парк, собственное научное обеспечение. В совхозе развивалось животноводство, были разбиты сады и виноградники. «Гигант»

имел развитую инфраструктуру: Дворец культуры, у истоков строительства которого стоял Горький, сельскохозяйственный техникум, завод «Сальсксельмаш», больница, три средние школы, детские сады, стадион. В настоящее время зерносовхоз «Гигант» по-прежнему занимает ведущее место в сельскохозяйственном производстве Ростовской области. См. п. 6 и примеч.

[4] Краматорский металлургический завод был построен в 1896–1898 гг. немецкой фирмой «Фицнер и Гампер». К началу 20-х гг. XX в. завод считался технически отсталым, оборудование было изношено на 60%. В 1922 г. его взял в свое ведение «Донуголь», что спасло завод от консервации. Осенью 1925 г. Краматорский завод был объявлен заводом-трестом всесоюзного значения, в его переоснащение были вложены большие средства. В октябре 1929 г. началось строительство Новокраматорского машиностроительного завода. Завод поставил план: выполнить пятилетку в четыре года. Во время командировки Шкапа встречался с руководством, беседовал с рабочими, изучал деятельность предприятия, что нашло отражение в большом и подробном очерке. См. п. 6 и примеч.

[5] Шкапа перефразирует название книги Б. Пильняка «Корни японского солнца» (*Пильняк Б.* Корни японского Солнца; *Ким Р.* Ноги к змее. Л.: Прибой, 1927).

[6] См. предыдущее письмо и примеч.

[7] Газета, выходившая на заводе «Сельмашстрой».

[8] Ган Владимир Юльевич (1876–1939), профессор, специалист в области сельскохозяйственного машиностроения, технологии металла и дерева. Главный консультант при проектировании и строительстве завода «Новстройсельмаш», впоследствии «Сельмашстрой», начальник технического управления завода, руководитель НКБ (Научно-конструкторского бюро) Северо-Кавказского института сельскохозяйственного машиностроения (СКИСХМ). С 1932 г. член-корреспондент по Отделению математических и естественных наук (инженерная технология). В 1930-е годы жил за границей, после возвращения был профессором Новочеркасского индустриального института (бывший Донской политехнический). В сентябре 1937 г. был арестован. Погиб в 1939 г. Посмертно реабилитирован.

[9] Горький поместил в № 12 за 1930 г. статью «О литературе», посвященную очерку (Наши достижения. 1930. № 12. Дек.), уделил вниманию очерку также в цикле «Беседы о ремесле» (Литературная учеба. 1930. № 6 (Июнь), 1931 №№ 7 (Июль), 9 (Сент.), в «Беседе с писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС» (Литературная учеба. 1931. № 1), в статье «Ударник в литературе» (Комсомольская правда. 1931. № 217. 8 авг.) и др.

[10] Донсода — завод, открытый в 1892 г. в городе Лисичанск в Донбассе (ныне ОАО «Лисичанская сода»). Завод был основан бельгийской компанией «Сольвэ», являлся единственным в стране заводом, выпускающим бикарбонат натрия (пищевую соду), и вторым по производству кальцинированной соды.

6.

Печатается по *АМ* (*АГ*, КГ-п-88-31-5), впервые.

Последняя фраза, дата и подпись — *А.*

Горький ответил 9 мая 1930 г. (*АГ*. ПГ-рл-54-20-9).

[1] Имеется в виду № 4 журнала «Наши достижения» за 1930 г.

[2] «Краматорка» — очерк Шкапы, опубликованный в журнале «Наши достижения» (1930. № 4. С. 17–31), под псевдонимом «И. Гриневский». См. п. 5 и примеч.

[3] Горький откликнулся на просьбу Шкапы и прислал свои замечания, носящие, в основном, стилистический характер. Положительно оценив очерк в целом, отметив у автора «ясные способности наблюдения, изображения» и быстрое «накопление опыта», Горький, высказал критические замечания относительно стиля и языка «Краматорки». Он советовал Шкапе писать «просто и ясно», а не «красиво, нарядно», «заняться не <...> накоплением слов», а «упрощением их», искать свой стиль, свои слова, «не насилуя свое воображение». «Все: каждый человек, каждое событие, каждая вещь имеют некоторые свои характерные черты, смыслы, формы, — писал он. — У Вас тоже есть нечто свое, своеобразное, характерное для Вас. Нужно, чтобы Ваше характерное сомкнулось, слилось с характерною чертою того, что Вы наблюдаете. Тогда Вы — и я — получим *новое* изображение предмета, [или] события или человека, знакомого нам» (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 170–171). Подводя итоги своего разбора, Горький отметил, что редакторская работа будет для автора «отличной школой».

[4] Сельхозгиз — книгоиздательство, образованное в 1918 г. Наркоматом земледелия РСФСР совместно с крестьянским отделом ВЦИК. С 1922 г. по 1930 оно называлось «Новая деревня», с 1930 г. издательство перешло в ведение ОГИЗа и стало называться Государственное сельскохозяйственное издательство «Сельхозгиз» (занималось изданием и распространением сельскохозяйственной литературы). В 1961 г. на базе Сельхозгиза создан «Сельхозиздат», с 1964 г. по 1984 — издательство сельскохозяйственной литературы «Колос». В 1984 создан «Агропромиздат».

[5] Очерк «На полях зерновой фабрики № 1» был опубликован в пятой книге «Наших достижений» (1929. № 5. Сент.-окт. С. 74–102). Книга о совхозе так и не была написана.

[6] Горький ответил: «Рукопись о "Гиганте" пришлите мне, если хотите» (*Архив Г. 10*. Кн. 2. С. 171).

[7] Горький ответил: «П<етр> П<етрович> много и хорошо рассказывает мне о том, как Вы все работаете, живете. До чортиков хочется поехать к вам! А немощи не пускают. Досада» (Там же).

[8] Речь идет о статье Горького «К дню печати», которая не была опубликована. См. п. 4 и примеч. В № 5 за 1930 г. была напечатана передовая статья «18-я годовщина пролетарской печати» с подзаголовком «От редакции» (Наши достижения. 1930. № 5. Май. С. 1–3). Халатов писал Горькому 16 мая 1930 г.: «На днях мы получили контрольный экземпляр пятого номера журнала "Наши достижения", посвященного Дню печа-

ти. Я считаю этот номер удачным. Очень сожалею, что Ваша статья попала в "другую редакцию"» (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 197).

7.

Печатается по *АМ (АГ.* КГ-п-88-31-20), впервые.

Со слов «желаю Вам быть здоровым», подпись и дата — *А.*

Ответ на п. Горького от 9 мая 1930 г.

Горький ответил 30 мая 1930 г. (*АГ,* ПГ-рл-52-20-9, 11).

[1] Шкапа имеет в виду критический анализ очерка «Краматорка», сделанный Горьким в письме от 9 мая 1930 г.

[2] В очерке описывается пожар на заводе. Когда рабочий Гордиенко, узнав о пожаре, подбежал к воротам завода, часовой его не пропустил, потребовав предъявить партбилет или другой документ. Гордиенко ответил: «А партбилета у меня и нет... профсоюзной я тоже не захватил...» (С. 18). Эта фраза вызвала замечание Горького: «В сценке с часовым нельзя понять: забыл Гордиенко партбилет или же у него не было партбилета?» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 170).

[3] Урицкий Семен Борисович (1893–1940), ответственный секретарь редакции журнала «Наши достижения».

[4] Ответ на предложение Горького «обратить внимание» на статьи в журнале «Литературная учеба», рассказывающие о том, «как работали — работают литераторы прошлого и наших дней». В первом номере журнала «Литературная учеба» Горький писал: «Наша задача — учить начинающих писателей литературной грамоте, ремеслу писателя, технике дела, работе словом и работе над словом» (№ 1. 1930. С. 5). Горький, вероятно, имел в виду статьи М. Зощенко, К. Федина, Н. Тихонова и других, выходившие под рубрикой «Как я работаю» (М. Зощенко — Литературная учеба. 1930. № 3; К. Федин — 1930. № 4; Н. Тихонов — 1930. № 5), статьи Д. Бедного и Б. Томашевского о творчестве А.С. Пушкина (Там же. № 4 и № 5) и свои «Письма из редакции», «Беседы о ремесле» (Там же. № 3 и № 6).

[5] Очевидно, Горький прислал Шкапе вырезки из эмигрантских газет, описывающих заграничную жизнь. Эти вырезки он просил передать Т. Кострову, заместителю ответственного редактора журнала «За рубежом».

[6] Речь идет о замысле книги о совхозе «Гигант». См. об этом п. 6 и примеч.

[7] Первоначальное название очерка Шкапы «Сельмашстрой». См. примеч. 9.

[8] Гольцман Абрам Зиновьевич (1884–1933), заместитель ответственного редактора журнала «Наши достижения» и заведующий отделом «Техника и производство».

[9] Очерк И. Гриневского «Сельмашстрой» был напечатан в журнале «Наши достижения» (*Гриневский И.* Сельмашстрой // Наши достижения. 1930. № 6. Июнь. С. 8–22).

[10] 30 мая 1930 г. Горький прислал свои замечания по поводу рукописи Шкапы «Сельмашстрой», многие из которых были учтены при первой публикации очерка в

журнале «Наши достижения» (1930. № 6. Июнь). Горький советовал Шкапе писать «попроще, посерьезнее»: «Вам необходимо сократить стремление к "изящному слогу", — он вырабатывается постепенно, он явится естественно и незаметно в процессе работы» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 172).

[11] Очерки «Краматорка», «Комбинат (Сельмашстрой)», «Первый в мире (Совхоз "Гигант № 1")», «Мастера земли» составили книгу: *Гриневский И.* Железо и хлеб. М.: Московское товарищество писателей, 1931.

[12] Горький ответил: «Книжку очерков подождите издавать. Напишите десяток, просмотрим их вместе с Вами в будущем году и — тиснем!» (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 172).

[13] 20 апреля 1930 г. П.П. Крючков писал Горькому: «Для рецензионной работы в журнале "Н.Д." пригласил Н.И. Колоколова. Работает успешно. Зорич, Шкапа и Колоколов, это для любого журнала большая сила» (*АГ.* КГ-п-41а-1-94). Колоколов Николай Иванович (1897–1933), писатель, поэт, редактор, происходил из семьи священника. Во время Гражданской войны был красноармейцем, после работал журналистом в газете «Рабочий край» в Иваново-Вознесенске. С 1912 г. публиковал стихи в провинциальных газетах. Известность ему принес сборник стихов «Земля и тело» (1923), после которого вышли сборники рассказов «Радужный поясок», «Лицо ребенка», «Дегтярный дух» и др. Горький высоко оценил роман Колоколова «Мед и кровь» (М.: Федерация, 1928; 2-е изд.: М.: Московское товарищество писателей, 1933), посвятив ему статью «О книгах» (Книга и революция. 1929. № 6. С. 7–9). В центре книги стояла проблема революционного террора. 25 декабря 1928 г. Горький рекомендовал А.Б. Халатову Колоколова для работы в ГИЗе, называя его «молодчиной» (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 136). 4 апреля 1930 г. он предлагал А.Б. Халатову включить «Мед и кровь» в план издания: «Не найдете ли Вы нужным переиздать ее в "Дешевой библиотеке"? По-моему — это необходимо сделать» (Там же. С. 191). Халатов ответил отказом: «Книга Колоколова "Мед и кровь" спорная. Можно поставить вопрос о ее переиздании в обычном оформлении, но выпускать в "Д<ешевой> б<иблиотеке> Г<осиздата>", где мы стремимся дать широкой массе бесспорные и идеологически выдержанные произведения, — нецелесообразно» (Там же. С. 204). «Книгой Колоколова нанесен меткий и сильный удар мещанскому "гуманизму"», — писал Горький (*Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 130). Последующие рассказы Колоколова «Полчаса холода и тьмы» (сб. «Шкура ласковая». М.: Недра, 19[29]) и «Тезка завоевателя» (сб. «Повелитель». М.: Федерация, 1931) Горький оценил отрицательно. Разочаровавшись в писательстве, Колоколов в 1930–1931 гг. работал в журнале «Наши достижения» в качестве редактора отделов «Сельское хозяйство», «Техника и производство». В письмах Горькому Колоколов жаловался на травлю, организованную против него в печати, благодарил за помощь и поддержку. В 1932 г. был исключен из партии по делу М. Рютина и др. В *АГ* сохранились 3 письма Горького Колоколову и 12 писем Колоколова Горькому с 1928 по 1931 г. Одно письмо Горького Колоколову с высокой оценкой романа «Мед и кровь» от начала декабря 1928 г. и ответное письмо Колоколова от 16 декабря 1928 г. напечатаны в *ЛН. Т. 70.* С. 223–224. Еще одно письмо Горького Колоколову от 23 апреля 1929 г.

опубликовано в *Г-30*. Т. 30. С. 133–134). См. об этом также в кн.: *Куприяновский П.А.* М. Горький в общении с ивановцами. Иваново, 1950. С. 17–18.

[14] Горький ответил: «Очень обрадован бодрым тоном Вашего письма».

[15] О чрезмерной загруженности работой и отсутствии возможности писать Шкапа рассказывал Горькому в предыдущих письмах (см. п. 4, 5 и примеч.).

8.

Печатается по *АМ* (*АГ*. КГ-п-88-31-19), впервые.

Дата, подпись и весь последующий текст — *А*.

Слова «прейскурант строительств» подчеркнуты красным карандашом рукой Горького.

Горький ответил 3 ноября 1930 г. (*АГ*. ПГ-рл-54-20-12).

[1] Бежицкий сталелитейный завод (БСЗ) был основан в 1935 г. в городе Бежица (сейчас это район Брянска), во второй половине 1930-х годов БСЗ стал одним из наиболее мощных и передовых предприятий СССР.

[2] П.П. Крючков.

[3] Еремеев Константин Афанасьевич (псевд. Гудок) (1898–1943), рабкор, автор очерков, публиковавшихся в журнале «Наши достижения». Гудок-Еремеев обратился к Горькому с письмом 5 января 1928 г., в котором описывал свою жизнь и просил оценить статью. Горький положительно отнесся к творчеству рабкора и рекомендовал его статьи для «Наших достижений». Его первый очерк — «В борьбе за шахту» (1929. № 1. Янв.-февр. С. 65–71) — сопровождало письмо Гудка-Еремеева в редакцию, в котором он просил помочь ему «в стиле» и рассказывал о себе. «Я самоучка, — писал Гудок-Еремеев, — работаю профпропагандистом, был добровольцем в Красной армии шесть лет, — всю гражданскую войну. Я рабкорствую уже восьмой год, пишу в московские журналы: "Горнорабочий" и в "Правду". Я рабкорством и ликвидировал свою безграмотность» (С. 71). Работа в журнале, по признанию Еремеева, стала для него «университетами». «Прочитал и отправил в редакцию вторую Вашу статью, — писал Горький Еремееву 21 марта 1929 г. — Пишете Вы уже не плохо, но — многословно. Писать надобно экономнее, проще, избегая ненужных длиннот» (*АГ*. ПГ-рл-12-6-1). Видимо, в том же году Горький отправил Еремееву 19 книг. В *АГ* сохранилось 1 письмо Горького Гудку-Еремееву и 4 письма Гудка-Еремеева Горькому. См. п. 10, примеч. 2. В Архиве Шкапы сохранилась фотография Гудка-Еремеева с дарственной надписью, в которой он называл Шкапу своим учителем и другом и писал: «Я шлю уваж<аемому> и благородному И.С., пробудившему во мне творческие силы и вдохновившему меня к великому труду, окрыляющему меня умением работать и работать над собой».

[4] В № 5 журнала (вышел в сентябре 1929 г.) после очерка М. Ржаного «Наша фабрика» о Госкондитерской фабрике им. Бабаева было помещено письмо Ржаного в редакцию и заметка «От редакции». В заметке говорилось: «редакция журнала с особенным вниманием относится и будет относиться к статьям, корреспонденциям и пись-

мам рабселькоров, лабкоров, крестьян-"опытников", рабочих-изобретателей и вообще к выдвиженцам из массы.

Статьи Гудка-Еремеева и статья М. Ржаного — это как раз то, — "что надо" редакции» (Наши достижения. 1929. № 5. Сент.-окт. С. 57). Очерки Ржаного, подручного карамельщика на фабрике им. Бабаева публиковались в журнале и в дальнейшем.

[5] Очерки об этих предприятиях публиковались в журнале «Наши достижения» с 1929 по 1935 г.

[6] *Катаев Ив.* Двое // Наши достижения. 1930. № 12. Дек. С. 57–64. В рассказе, напечатанном в Литературно-художественном отделе журнала, говорилось о двух рабочих-двадцатипятитысячниках — Мальченко и Васюкове, которые были мобилизованы на посевную в совхоз «Гигант» на Северном Кавказе. В рассказе описываются непростые отношения рабочих с колхозниками — хуторскими казаками. Горький ответил: «Согласен я и с Вашей оценкой рассказа Катаева, как увидите из прилагаемого письма к нему. И если автор согласится на поправку, о которой я его прошу, тогда, по праву ответственного редактора, я высказываюсь за печатание рассказа».

[7] Горький ответил: «Со всеми Вашими указаниями и предложениями практического характера я совершенно согласен, а на Ваш вопрос: почему "квалифицированные" литераторы не пишут у нас? — мне кажется, есть два ответа: 1-й — мало платим; 2-й — очерк все еще считается "низшей формой" словесного искусства». Об этом же Горький писал в статье «О литературе»: «Очерк всегда считался критиками низшей формой литературы, что вообще неверно и несправедливо. Вспомним хотя бы только двух мастеров очерка, совершенно не сродных по характеру талантов и мироощущений: Глеба Успенского и Гюи де-Мопассана. Может быть, следует указать, что "Записки охотника" И.С. Тургенева по форме своей не что иное, как очерки, что этой формой не брезговали: Салтыков-Щедрин, Писемский, Лесков, Слепцов, Помяловский, Короленко и целый ряд очень крупных, весьма прославленных литераторов» (Наши достижения. 1930. № 12. Декабрь. С. 4).

[8] Горький ответил: «О "делах наших" писать, — как Вы предлагаете, — я сейчас совершенно не имею времени, приехал П<етр> П<етрович> и рассказал столько интересного, что у меня "головокружение от успехов", а кроме того — множество спешной работы.

Сие последнее обстоятельство понуждает меня дорожить каждой минутой, и это послание мое будет кратко».

[9] В *АГ* хранится коллекция газетных вырезок Горького с откликами на журнал «Наши достижения», содержащая 4 рецензии. Одна из них — вырезка из «Сельскохозяйственной газеты» от 17 января 1930 г., № 14, где в разделе «Критика и библиография» говорилось: «"Наши достижения" заслуживают гораздо больше внимания и популярности, чем это имеет место сейчас. Двухмесячник, долженствующий занимать совершенно исключительное место в литературе наших дней, остается как-то в тени. Он почти не цитируется. Наши газеты не дают о нем отзыва. Между тем, наши газеты, особенно местные, могли бы и должны бы воспроизводить на своих страницах отдель-

ные отрывки из двухмесячника, помогая тем самым массовому читателю знакомиться со многими описаниями и фактами трудовых будней Союза, заслуживающими того, чтобы о них знала вся страна» (*АГ.* ГЖВ-5-1-46).

9.

Печатается по *АМ (АГ.* КГ-п-88-31-18). Впервые: *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 168–170 с датой 21 февраля 1930 г. Дата уточняется по автографу и встречным письмам Горького. Последняя фраза, дата и подпись — *А.*

Ответ на письмо Горького от 3 ноября 1930 г. (*АГ.* ПГ-рл-54-20-12).

[1] Речь идет о пакете с рукописью рассказа И.П. Катаева «Двое». Рукопись была послана Горькому в Сорренто, отредактирована и отправлена обратно. Позже в «Наших достижениях» были опубликованы также другие очерки Катаева: «Деревня не одинока» (1933. № 1. Янв.), «Человек на горе» (1933. № 4. Апр.), «Ледяная Эллада» (1933. № 7. Июль), «Лов» (1933. № 8. Авг.), «О единичном и общем» (1934. № 5. Май), «Третий пролет» (1935. № 12. Дек.) и др. См. п. 8 и примеч.

[2] Официальный адрес редакции журнала «Наши достижения»: пл. Воровского, 5/21, подъезд 2. В июне 1931 г. редакция переехала по адресу: Малая Никитская, д. 6/2.

[3] Барков Николай Петрович — технический секретарь редакции журнала «Наши достижения».

[4] Н.А. Когтева.

[5] А.Б. Халатов.

[6] Достижениям Украины и Белоруссии был посвящен ряд статей в журнале «Наши достижения»: Э. Гиллер «Станкостроительный имени Ленина» (1931. № 1. Янв. С. 29–35), А. Озерский «По свиным городам» (1931. № 1. Янв. С. 45–50), М. Петров-Грумант «Белорусский университет» (1931. № 3. Март. С. 24–32), Л. Никулин «Веки Вия» (1931. № 3. Март. С. 42–44).

[7] См. п. 8 и примеч.

[8] *Кудашов В.* Иван Владимирович Мичурин // Наши достижения. 1931. № 1. Янв. С. 68–77. Очерк был напечатан в Литературно-художественном отделе журнала, в нем рассказывалось о питомнике Мичурина, о его экспериментах в области селекции растений, его подвижническом 55-летнем труде. Автор заметил, что в Америке Мичурина знают больше, чем в России, где признание заключается «лишь в похвалах, а не в широком практическом развитии его достижений» (С. 73). Кудашов упомянул о том, что Мичурин вывел около трехсот совершенно новых плодовых, ягодных, огородных и декоративных растений и совершил «переворот в садоводстве». «Несмотря на восьмидесятидвухлетний возраст, Мичурин сохранил энергию и силы, выглядит физически отменно породистым», — писал Кудашов. Автор отметил скромность, трудолюбие, талант, мудрость Мичурина и цитировал следующие слова ученого: «Смысл всякой науки — не побеждать природу, а познавать ее законы, при помощи которых человечество сможет воздействовать, — к примеру, в садоводстве, — на изменение формы растений

в желаемую нам сторону» (С. 76). Подводя итог своим наблюдениям, Кудашов писал: «Мичурин так велик и могуч в своем труде и настолько проникновенен к природе, как человек, мыслитель и ученый, что, побывав с ним день, не забыть его всю жизнь. Он очень стар, но полон внутренней энергии, яростной воли и таких дерзновенных дум, которым, кажется, тесно в мире» (С. 77).

[9] П.П. Крючков.

10.

Печатается по *АМ* (*АГ*. КГ-п-88-31-23), впервые.

Подпись — *А*. В Архиве Шкапы хранится также *ЧА* письма (отрывок), до слов «Но я лично считаю, что толчки и подзатыльники». После слов «Материал нигде не был напечатан» в *ЧА* идет: «Пригласил товарища, заинтриговал его Гудком — и он вчерне основную работу взял на свои плечи. Посидел и я немного вечеров, спешил» (*КМГ*. НВФ-5000).

[1] П.П. Крючков.

[2] *Гудок-Еремеев К.А.* Донбасс Героический // Наши достижения. 1930. № 8. Авг. С. 1–13. Очерки Гудка-Еремеева о труде шахтеров и строительстве рудоремонтного завода были напечатаны сначала в журнале «Наши достижения» (1929. №№ 1, 3, 6, 1930. №№ 3, 6, 8, 9, 10–11, 1931. № 1), а затем изданы отдельной книгой (см. примеч. 3). После выхода книги в 1931 г. Еремеев подвергся гонениям и был исключен из партии. Его обвиняли в мании величия, шантаже, троцкизме, толстовстве, графомании, контрреволюции. В письме от 1931 г. Еремеев просил у Горького защиты.

[3] Книга с предисловием Горького вышла в свет в 1931 г. (*Гудок-Еремеев К.А.* Донбасс героический: очерки шахтера. М.: Моск. тов. пис., 1931). «Мне предложили редактировать его очерки, — писал он в предисловии, — исправить грамматические грехи его жарких речей, причесать их буйный, встрепанный язык. Я отказался сделать это. В другом случае я счел бы долгом своим несколько «олитературить» очерки, а в этом — не хочу и даже не могу. Нет, пусть эта книга пойдет в люди так, как она сделана автором, такой горячей и ликующей, как автор выкричал ее, – со всей ее тоской и радостью, со стыдом за людей и с гневом на них, со всей силой ее могучей классовой ненависти к врагу — лентяю, шкурнику, упадочнику, саботажнику по глупости, саботажнику по злобе. Не хочется передвинуть в очерках ни единого слова, передвинешь и, пожалуй, испортишь что-то <...> Книга рабкора Еремеева воспринимается мною не как литература, а как нечто большее — более важное, более активное <...> Языком Еремеева говорит не литератор, а передовой человек рабочей массы, это — крик ее революционного разума и сердца. Это — сырье, из которого со временем будут выработаны прекрасные драмы и романы, это — подлинный документ истории, которую создает именно масса. <...> Мне кажется, что книга Гудка-Еремеева "Донбасс героический" должна быть широко рекомендована и что сотни ее следует отправить на Урал, на Магнитострой, в Кузнецкий район — всюду, где работают под землей и где тяжесть труда требует повышения энергии» (*Г-30*. Т. 25. С. 399–401). Впервые отзыв был напечатан в газетах «Правда» и «Известия» (1931. № 31. 1 февр.),

с примечанием от редакции: «Предисловие к книге Гудка-Еремеева «Донбасс героический». Книга выходит в издании Московского товарищества писателей».

[4] 30 декабря 1930 г. на заседании редколлегия вынесла решение: «Учитывая, что т. Зорич в течение 1930 г. не выполнил основных пунктов договора по работе в журнале, поручить т. Халатову переговорить с т. Зоричем, указав на проявленную им пассивность, освободить его с 1/1-31 г. от работы в журнале в качестве постоянного сотрудника, ограничиваясь лишь привлечением его в дальнейшем в качестве автора статей и очерков журнала "Наши Достижения"» (*АГ.* КГ-изд-42-10-2). Зорич был принят в штат редакции журнала в начале 1930 г., о чем Горькому сообщил Халатов 5 января 1930 г.: «К постоянной работе в "Наших Достижениях" мы теперь привлекли Зорича, который будет давать по очерку или фельетону в каждый номер...» (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 185). А. Зорич (наст. фам. и имя Локоть Василий Тимофеевич, 1899–1937), известный писатель-фельетонист, автор очерков, публиковавшихся в журнале «Наши достижения»: «Мурманка» (1930. № 5), «На полярной земле» (1930. № 6), «Вешкелицы» (1930. № 10–11), «Путешествие на Териберку» (1931. № 2). В 1937 г. А. Зорич был репрессирован. В 1957 г. был посмертно реабилитирован.

[5] 30 декабря 1930 г. редколлегия постановила «зачислить т. Атарова в качестве постоянного сотрудника по разделу "Культура и быт"» (*АГ.* КГ-изд-42-10-2). Атаров Николай Сергеевич (1907–1978), писатель, журналист. Окончил Владикавказский педагогический институт, в 1930 г. стал печатать очерки в журнале «Наши достижения» (1930. №№ 5, 9, 10–11; 1931 №№ 1, 3), с 1931 г. работал редактором, заведующим отделами «Культура и быт», «Искусство», «Задачи будущего» и библиографическим. С 1936 г. начал писать рассказы. Во время Второй мировой войны был фронтовым корреспондентом. С 1947 г. член КПСС. В 1948–1956 гг. Атаров — член редколлегии «Литературной газеты», с 1957 г. стал первым главным редактором журнала «Москва», но был снят с этой должности «за отход от партийной линии».

[6] Поездка Шкапы вокруг Европы осуществилась в 1931 г., благодаря ходатайству Горького.

[7] М.А. и Н.А. Пешковы, дети Марфа и Дарья.

11.

Печатается по тексту телеграфного бланка (*АГ.* КГ-п-88-31-7), впервые.

[1] Речь идет о выходе № 4 журнала «Наши достижения» за 1931 г., который планировался 26 апреля 1931 г.

[2] Имеются в виду статьи о стройках в № 4 журнала.

12.

Печатается по *А* (*АГ.* КГ-п-88-31-8), впервые.

Фраза «очерк в таком виде, как дан на этом экз<емпляре>, может быть "без вреда"» подчеркнута красным карандашом рукой Горького.

[1] Возможно, речь идет об очерке «Башня молчания» о И.П. Павлове, который Югов писал по просьбе Горького. В «Наших достижениях» за 1932 г. не появился. Югов Алексей Кузьмич (1902–1979), писатель, литературовед, переводчик. Начал публиковать стихи и прозу в студенческие годы, с 1927 по 1930 г. работал врачом в Сибири, совмещая врачебную практику с писательством. В 1931 г. издал «Записки разъездного врача», которые стали основой автобиографического романа «Бессмертие» (1941). В 1931 г. переехал в Москву и профессионально занялся журналистикой: публиковался в журналах «Наши достижения» и «Колхозник». Написал книги о К.А. Тимирязеве (1936) и о И.П. Павлове (1943). Среди его произведений: романы «Свет над Волгой», «На большой реке», «Ратоборцы». За роман-дилогию «Страшный суд» автор получил Государственную премию (1971). С 1972 г. член СП СССР.

[2] С.Б. Урицкий.

[3] Статья Горького с таким названием не печаталась.

[4] Имеется в виду отъезд П.П. Крючкова в Сорренто.

13.

Печатается по *АМ* (*АГ*. КГ-п-88-31-9), впервые.

Последняя фраза, подпись и число — *А*.

[1] 30 декабря 1930 г. на заседании редколлегии было принято решение «одобрить объявление конкурса на лучший очерк в "Наших достижениях". Утвердить основные положения этого конкурса с выдачей пяти премий в общей сумме 2000 рублей» (*АГ*. КГ-изд-42-10-2). В конкурсе, проходившем с 1 февраля по 1 августа 1931 г., оценивались статьи, опубликованные за это время на страницах журнала. В журнале регулярно, с 1 по 6 номер печаталось объявление о конкурсе. В нем говорилось: «Задача конкурса — привлечь внимание писателей, журналистов и рабселькоров к очерковому жанру», сообщалось, что конкурс «рассматривается как одна из форм призыва рабочих-ударников в литературу». Все рукописи, поступавшие в редакцию, оценивались жюри, в которое входили М. Горький, М. Кольцов, И. Жига, Н. Тихонов, И. Шкапа (И. Гриневский). Очевидно, премиальная сумма была сокращена до 1400 руб., так как в объявлении говорится о пяти премиях — одна 600 руб., две по 100 руб. и две по 300 руб. В конечном итоге было выплачено пять премий в общей сумме 1000 руб.

[2] *Максимов Н.* Мастер // Наши достижения. 1931. № 12. Дек. С. 70–74.

[3] *Сахаров Д.* Электрическая тяга // Наши достижения. 1931. № 7–8. Июль-авг. С. 48–52. Сахаров — рабочий-ударник, после 18-ти лет работы был назначен помощником начальника станции Москва-3 Северной ж.д.

[4] *Ляк В.* Кавалеристы (Наши достижения. 1931. № 7–8. Июль-авг. С. 104–109). Ляк — бывший беспризорник, который вступил в комсомол и окончил рабфак им. Я.М. Свердлова.

[5] *Строкин А.* Победа токаря Воронцова // Наши достижения. 1931. № 9. Сент. С. 62–65. Строкин — шахтер, который начал сотрудничать с журналом «Наши достижения», посылая маленькие заметки.

[6] *Юркин Г.* На огневом рубеже // Наши достижения. 1931. № 7–8. Июль-авг. С. 94–98. Юркин — член красноармейской коммуны, о которой рассказывал в очерке.

[7] *Глозус Н.* Лучшие паровозники // Наши достижения. 1931. № 12. Дек. С. 75–77.

14.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-88-31-10), впервые.

На письме надпись рукой неустановленного лица: «Шкапа».

[1] Имеется в виду № 9 журнала «Наши достижения» за 1932 г. В составе редколлегии Шкапа не был обозначен. Шкапа был введен в состав редколлегии 25 февраля 1931 г. на заседании редколлегии и секретариата журнала «Наши достижения» по предложению Горького. В письме А.Б. Халатову 11 декабря 1930 г. он писал: «отличного работника И. Шкапу (Гриневского) следовало бы включить в редколлегию. Из него вырабатывается талантливый редактор» (*Архив Г. 10*. Кн. 1. С. 226). С № 10 фамилия Шкапы вновь указывалась, предположительно, по настоянию А.М. Горького.

[2] П.П. Крючков.

[3] Халатов писал Горькому 18 марта 1932 г.: «По согласованию с П.П. Крючковым мы решили освободить т. Шкапу от заведывания редакцией "Наших достижений", так как он очень об этом просил сам. Вместо него решили взять тов. Разина — партийца, работавшего в комсомоле, последнее время заведовавшего детской литературой в "Молодой гвардии"» (*Архив Г. 10*. Кн. 1. С. 273).

[4] В Машковом переулке, д. 1, кв. 12 находилась квартира Е.П. Пешковой, где Горький останавливался во время своих визитов в СССР в 1928 и 1929 гг. Там часто собирались авторы и редакторы журнала «Наши достижения».

[5] Имеется в виду звуковой сценарий «За горами, за долами», принятый в «Межрабпомфильм» в 1932 г.

[6] 19 ноября 1933 г. Шкапа заключил договор с «Московским товариществом писателей» на создание повестей «Маска Гоголя» (рабочее название «Трагедия Гоголя»), «Сыны Петербурга» 1917–1921 (история молодого человека, рабочего) по материалам личных воспоминаний и двух революций, «Гибель одиннадцати» по материалам Гражданской войны на Северном Кавказе. Также Шкапа планировал издать совместно с А. Яковлевым в сборнике «История Гражданской войны» повесть «Октябрь в Ленинграде». Повесть содержала 5 листов и должна была быть окончена к 15 июля 1933 г. Все эти рукописи пропали во время ареста в 1935 г.

15.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-88-31-11), впервые.

На письме помета красным карандашом рукой неустановленного лица: «И. Шкапа». Горький ответил после октября 1933 г. (*АГ.* ПГ-рл-54-20-15).

[1] Имеется в виду рукопись книги «Лицом к лицу», вышедшей в 1934 г. в издательстве «Московское товарищество писателей». В книге описаны впечатления от поездки по Европе на теплоходе «Украина» вместе с группой ударников в 1931 г. «Эту поездку <вокруг Европы. — *О.Ш.*> мне предложил сам Алексей Максимович, — вспоминал Шкапа. — Поезжайте!.. — говорил он мне. — Хороший глаз и за короткое время многое увидит! Приедете — расскажете мне о впечатлениях... А будет о чем — напишите и книжицу... Поезжайте! Отдохнете, обогатитесь... Ничто так не развивает, как путешествия.

Конечно, я с радостью согласился» (*КМГ.* НВФ-5884/1). Горький помогал Шкапе в прохождении инстанций: «Сам звонил, куда надо, сам и редактировал характеристику, проект которой представил ему личный секретарь П.П. Крючков. Сам же и подписал ее» (Там же). 300 ударников труда в августе 1931 г. посетили Германию, Великобританию, Италию и Турцию. Начало таким круизам было положено в 1930 г., когда было создано Общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). ОПТЭ — Всесоюзное добровольное общество, организованное на базе Общества пролетарского туризма РСФСР и общества «Советский туризм» по инициативе Н.В. Крыленко (было закрыто в 1936 г.) ОПТЭ в 1930 г. выступило с инициативой «250 лучших ударников труда — вокруг Европы». Первый круиз совершался осенью 1930 г. на теплоходе «Абхазия». Когда туристы-ударники прибывали в новую страну, в их честь устраивали прием в советском полпредстве. Об этом круизе писали книги и снимали фильмы. В 1931 г. вышла книга «Корабль ударников» (составители М. Ляс и З. Кельс. М.: ГИХЛ, 1931), с предисловием Горького. В предисловии от составителей говорилось: «Это была не праздная увеселительная поездка, к которым привыкла капиталистическая Европа». Целью поездки ударников было: «расширить свой кругозор, ознакомиться с достижениями буржуазной техники и культуры <...>, показать пролетариям капиталистической Европы достижения страны Советов, <...> ознакомившись с жизнью и бытом западных рабочих, еще более крепкими узами связать их с социалистическим строительством в СССР» (Корабль ударников. М.: ГИХЛ, 1931. С. 3).

[2] Речь идет о книге: *Шкапа И.* Лицом к лицу. М.: Моск. тов. пис., 1934. 2-е изд.: Своими глазами. М.: Сов. пис., 1958; под этим же названием вошла в книгу СЛСГ. 1990. С. 365–500).

[3] В своем отзыве Горький высказал несколько критических замечаний относительно рукописи книги «Лицом к лицу». Он писал: «Мне кажется, <...> что интересная Ваша книга кое в чем запоздала и требует дополнений как в самом тексте, так и в примечаниях под ним.

Особенно необходимы дополнения к сказанному о Гамбурге. Лондон Вам тоже нужно прочитать внимательно.<...> Многое из того, что сказано в главе "Генуя" о Муссолини, возбуждает серьезное сомнение с точки зрения "дипломатического такта".<...> Есть места, где Вы сообщаете общеизвестное, это нужно сократить.

Я предложил бы выбросить первые одиннадцать стр<аниц> — до посадки на "Украине" и даже больше: до Гамбурга. И озаглавить: Гамбург, Лондон, Стамбул — или Ударники на "Украине" — в этом роде». В книге «Лицом к лицу» было 42 главы. Готовя ее к переизданию в 1958 г., Шкапа последовал совету Горького, изменив композицию книги, в которой осталось пять глав: «Начало пути», «Гамбург борется», «В столице Британской империи», «Фашистская Италия», «На берегах Босфора», разделенных на подглавки.

16.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-88-31-12), впервые.

На письме помета синим карандашом рукой неустановленного лица: «Шкапа».

Часть текста, со слов «Думается, что по форме и содержанию»... до слов «способные дать хорошие ростки» отчеркнута на полях карандашом.

[1] История Гражданской войны в СССР. Т. I. Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.) / Под ред.: М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. Составители тома: А.Л. Бирман, В.А. Быстрянский, М. Горький, С.М. Диманштейн, Л.Г. Долецкий, Л.Н. Крицман, Н.В. Крыленко, М.И. Кубанин, Д.З. Мануильский, И.И. Минц, В.П. Милютин, О.А. Пятницкий, Ф.Ф. Раскольников, А.И. Стецкий, Б.М. Таль, М.П. Толстуха, А.Ж. Угаров, Р.Н. Эйдеман. М.: ОГИЗ, Государственное издательство «История Гражданской войны», 1935. Тираж 500 000.

[2] Минц Исаак Израилевич (1896–1991), историк; в 1930–1947 гг. член редколлегии, ответственный секретарь «Истории Гражданской войны». О своей работе в Секретариате «Истории Гражданской войны» Минц вспоминал: «С каким напряжением и подъемом я работал над первым томом Истории Гражданской войны. Предполагалось, что над ним будут работать активные участники и руководители войны. Но когда от них вернулись проекты глав, Горький предложил все это выбросить в корзину и поручить писание одному человеку. Я засел за работу и переписал весь первый том» (*Минц И.И.* «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М.: Собрание, 2007. С. 197). В Архиве Шкапы сохранилась дарственная надпись Минца на первом томе «Истории Гражданской войны»: «Илья Самсонович! С удовольствием вспоминаю нашу совместную редакцию этой книги. Более того, признаю, что научился у Вас умению беречь слово и обогащать текст моих трудов литературными образами» (*КМГ*. НВФ-5928). После освобождения Шкапы Минц написал 11 сентября 1955 г. ходатайство в Военную Прокуратуру: «Я знаю Илью Самсоновича Шкапу по совместной работе с Алексеем Максимовичем Горьким в 1931–1935 гг. По заданию Горького И.С. Шкапа вел редакционную работу не только художественных произведений, но и политических. С заданиями своими И.С. Шкапа справлялся очень хорошо, со знанием дела, не допуская ошибок и при редактировании политических работ» (*КМГ*. НВФ-5936).

В конце 1940-х годов работа Минца во главе секретариата «Истории Гражданской

войны» подверглась серьезной критике в ходе кампании по борьбе с космополитизмом. По словам его оппонентов, Минц всячески стремился принизить победу советского народа над иностранными интервентами, утверждая, что причиной их ухода было давление международного пролетариата. Минц якобы сознательно искажал советскую историю: показывал октябрьское восстание как стихийное, а не проводимое под чутким руководством партии большевиков; замалчивал международное значение Октябрьской революции; игнорировал разработку проблем социалистического строительства и развития советской культуры; «в истории гражданской войны он смазывал решающее значение советского патриотизма, воспитанного партией Ленина-Сталина»; затушевывал героическую борьбу советского народа против интервентов в годы Гражданской войны. Борцы с космополитизмом утверждали, что вся концепция истории Гражданской войны в лекциях И. Минца решительным образом расходится с «Кратким курсом истории ВКП(б)» и делали вывод: своей деятельностью в Комиссии по истории Гражданской войны и в высших учебных заведениях Минц нанес большой ущерб исторической науке (см. об этом: *Тихонов В.В.* Борьба за власть в советской исторической науке: А.Л. Сидоров vs И.И. Минц (1949 г.) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Научный журнал. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 76–80).

[3] Под таким заголовком напечатана 10-я глава в 1-м томе «Истории Гражданской войны в СССР». Т. I. Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.). М.: ОГИЗ, 1935. С. 209–234. Крицман Лев Натанович (1890–1938) — один из составителей Т. 1 «ИГВ», ученый, партийный деятель, аграрник-марксист, сотрудник Комакадемии, в 1928 г. возглавлял Аграрный институт, сторонник идеи социального расслоения деревни на кулаков, середняков и бедняков, обосновывавшей необходимость ускоренной и сплошной коллективизации единоличных хозяйств.

[4] Милютин Владимир Павлович (1884–1937), экономист, в первом Советском правительстве нарком земледелия. В 1918–1921 гг. заместитель председателя ВСНХ. В 1925–1927 гг. заместитель председателя Коммунистической академии ЦИК СССР. В 1928–1934 гг. управляющий Центрального статистического управления СССР, с 1934 г. — председатель Госплана СССР и председатель Ученого совета при ЦИК СССР. Автор многих работ по экономическим вопросам: «Аграрная политика в СССР» (1926), «История экономического развития СССР» (1928) и др. В 1937 г. был репрессирован, реабилитирован в 1956 г. решением МГК КПСС.

[5] Крыленко Николай Васильевич (1885–1938), юрист, один из составителей Т. 1 «Истории Гражданской войны в СССР». В составе первого Совета Народных Комиссаров был членом Комитета по военным и морским делам, позднее — верховный главнокомандующий. С 1918 г. работал в органах юстиции, в 1922–1931 гг. — председателем Верховного революционного трибунала ВЦИК, затем заместителем наркома юстиции, прокурором Республики; с 1931 г. — нарком юстиции РСФСР, а с 1936 г. — нарком юстиции СССР. Крыленко написал более 100 трудов по советскому праву. В 1934 г. — доктор государственных и правовых наук. Крыленко поддерживал обвинения на всех сфабрикованных политических и судебных процессах. Был в комиссии

по подготовке Конституции РСФСР и СССР. В 1938 г. был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской организации и расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

[6] В Архиве Шкапы в *КМГ* сохранился издательский договор № 63, заключенный между ответственным секретарем издательства «История Гражданской войны» И.И. Минцем и Шкапой на переработку и литературную обработку рукописи М.И. Кубанина «Октябрь в деревне» для Т. 1 «Истории Гражданской войны в СССР» размером до 2 ½ печ.л. В договоре говорилось о том, что автор обязуется сдать труд не позднее 9 мая 1934 г., при этом устанавливался гонорар 100 руб. за 1 печ. л. Кубанин Михаил Ильич (1898–1941), один из составителей Т. 1 «ИГВ», экономист-аграрник, доктор экономических наук (1935). Занимался проблемами социально-экономического развития сельского хозяйства СССР, впервые рассчитал соотношение производительности труда в сельском хозяйстве СССР, США и других стран в 1930-х гг. Репрессирован в 1941 г. Автор книги «Махновщина», под. ред. М.Н. Покровского (Л.: Прибой, 1927).

[7] Диманштейн Семен Маркович (1886–1938), историк, доктор исторических наук, один из составителей Т. 1 «ИГВ». Получил полное еврейское религиозное образование, в 1904 г. вступил в РСДРП. В 1918 г. — глава Еврейского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей, возглавлявшимся тогда Сталиным, противник сионизма. В 1918 г. возглавил Евсекцию и приступил к ликвидации еврейских общин и переводу их в социалистические объединения. Возглавлял компартию в Литве и Белоруссии. С 1930 г. директор Института по делам национальностей при ЦИК СССР. Опубликовал несколько статей по еврейскому вопросу. С конца 1920-х гг. был председателем центрального правления ЦК Общества земельного устройства трудящихся евреев в СССР (ОЗЕТ), редактор журнала «Революция и национальности», в 1930 г. — председатель ВНАВ и ответственный редактор журнала «Новый Восток». Автор многих статей по национальному вопросу и востоковедению. Принимал участие в организации Еврейской автономной области. За публикацию статей против коллективизации был снят со всех постов, репрессирован, обвинен в принадлежности к контрреволюционной террористической организации и расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1955 г.

[8] Радек Карл Бернгардович (наст. фам. Собельсон, 1885–1939), журналист, революционер. В 1903 г. — в РСДРП, в 1904 г. — в Социал-демократическую партию Королевства Польши и Литвы. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП(б). В 1920 г. секретарь, в 1920–1924 гг. член исполкома Коминтерна. Сотрудничал в центральных газетах — «Правде», «Известиях», был главным комментатором международных событий. С 1923 г. активный сторонник Троцкого. В 1927 г. исключен из партии XV съездом ВКП(б) в числе других участников троцкистской оппозиции. В 1928 г. Особым совещанием при коллегии ОГПУ за антисоветскую деятельность приговорен к 3 годам ссылки. В мае 1929 г. освобожден. Летом 1929 г. заявил об «идейном и организационном разрыве с троцкизмом» и в 1930 г. восстановлен в партии. В 1936 г. арестован, был привлечен к открытому процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкист-

ского центра», стал центральной фигурой процесса, в 1937 г. был приговорен к 10-ти годам тюрьмы. Был убит заключенными, реабилитирован в 1988 г.

В первый том «ИГВ» вошли 15 глав: Глава 1. Канун буржуазно-демократической революции. Глава 2. Февральская буржуазно-демократическая революция. Глава 3. Приезд Ленина. Глава 4. Апрельская конференция РСДРП (большевиков). Глава 5. Большевистская партия в борьбе за массы. Глава 6. Красная гвардия. Глава 7. Июльские дни. Глава 8. Шестой съезд большевистской партии. Глава 9. Корниловщина. Глава 10. Развал хозяйства страны. Глава 11. Экономическая платформа большевистской партии накануне пролетарской революции. Глава 12. Нарастание революционного кризиса. Глава 13. Армия и флот накануне октябрьской революции. Глава 14. Маневры соглашателей и планы буржуазии в связи с нарастанием революции. Глава 15. Расстановка боевых сил контрреволюции накануне великой пролетарской революции.

[9] Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959), историк, один из составителей Т. 1 «ИГВ», академик АН УССР. Первый министр иностранных дел УССР. В 1921 г. он стал первым секретарем ЦК КП(б) Украины. С 1928–1943 гг. — секретарь Президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ), автор многих работ по вопросам стратегии и тактики международного рабочего и коммунистического движения, воспоминаний о В.И. Ленине. С июля 1944 г. заместитель председателя СНК УССР и народный комиссар иностранных дел УССР. В 1946–1953 гг. заместитель председателя Совета Министров УССР.

[10] 7 апреля 1934 г. Шкапа подал в секретариат «Истории Гражданской войны» предложения по организации работы над изданием (*АГ.* КГ-изд-19-56-1). 7 мая 1933 г. он подал докладную записку «Как организовать работу над литературно-художественной серией "Истории Гражданской войны"».

[11] В книге «СЛСГ» Шкапа описывал деятельность Горького после возвращения из Тессели весной 1934 г.: «В это же время <Горький. — *О.Ш.*> участвовал в острой дискуссии о языке в "Литературной газете" и в "Правде". Он сам зажег ее и решительно возражал писателю Серафимовичу и тем, кто с ним, против засорения литературного языка местными речениями. Горький придавал публичному разговору о языке исключительное значение...» (СЛСГ. 1990. С. 221). Дискуссия о языке 1933–1934 гг., была вызвана полемикой вокруг романа Ф.И. Панферова «Бруски» (1928), в котором автор использовал много диалектных слов, областнических терминов, неологизмов, просторечий. Горький положил начало полемике, выступив с критикой Панферова в статье «По поводу одной дискуссии» (Литературная газета. 1934. № 9. 28 янв.). Вопрос о языке принял более широкий характер на страницах газеты «Правда», где Горький продолжил полемику статьями «О бойкости» (Правда. 1934. № 58. 28 февр.), «О языке» (Правда. 1934. № 76. 18 марта). Выступая на Третьем всесоюзном пленуме Оргкомитета Союза советских писателей, А. Сурков отметил, что «последние статьи Горького произвели впечатление разорвавшейся бомбы» (Литературная газета. 1934. № 29. 10 марта). «Литературная газета» поддержала позицию Горького в статьях «За культуру языка» (Литературная газета. 1934. № 34. 20 марта), «Наши задачи»

(Литературная газета. 1934. № 36. 24 марта). См. об этом: *Муратова К.Д.* М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 349–369; *Быстрова О.В.* «...Оправдание словесного штукарства есть оправдание брака»: (Участие Горького в литературной дискуссии о языке 1934 г.) // Всероссийская научная школа для молодежи «Литературоведческая русистика в системе современного гуманитарного знания: смена национально-культурной научной парадигмы» (сентябрь 2010 г.). М., 2010. С. 47–72.

17.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-88-31-13), впервые.

[1] В 20-х числах марта в «Правде» регулярно печатались статьи о сепаратных англо-германских переговорах, которые должны были начаться 25 марта 1935 г. При этом подчеркивалось, что основной мишенью Гитлера должна стать Восточная Европа и, в первую очередь, Советский Союз. Многие силы в Европе поддерживали германские амбиции. 22 марта 1935 г. в статье «Реваншистские вожделения "Третьей империи"» говорилось: «Война, которую затевает германский империализм, и создаваемая им угроза всем народам Европы, стремящимся к миру, обязывает к величайшей бдительности». В статье также говорилось о необходимости «решительных и быстрых действий для обеспечения мира, безопасности и взаимопомощи», которые станут «платформой организации отпора агрессорам» (Правда. 1935. № 80. 22 марта). Начало англо-германских переговоров относится к осени 1934 г., когда немецкое правительство объявило о готовности к переговорам, в случае если ему предоставят гегемонию на Балтийском море против Советского Союза. В январе 1935 г. деятель лейбористской партии лорд Аллен Гартвуд посетил Берлин, что положило начало англо-германскому сближению. 16 марта 1935 г. в Берлине состоялась пресс-конференция доктора Геббельса, на которую были приглашены все иностранные корреспонденты. Геббельс заявил, что правительство Германии отныне не признает военных постановлений Версальского договора и вместо 100-тысячного добровольного рейхсвера создает 36-дивизионный вермахт, формируемый на основе всеобщей воинской повинности. Вечером 16 марта английский военный атташе в беседе с Гудерианом выразил полное одобрение действий Гитлера. 8 июня 1935 г. было подписано соглашение между Германией и Англией, по которому Германия получила право иметь военно-морской флот, равный по тоннажу 35% «совокупной морской мощи Британской империи». Это значило увеличение германского флота более чем в 4 раза: отныне она могла строить подводные лодки. В Лондоне в декабре 1935 г. было создано «Англо-германское общество» как главный орган пропагандистской деятельности нацистского рейха, в Германии было создано «Германо-английское общество». Активно поддерживала Гитлера существовавшая в Великобритании «клайвденская группа», которая объединяла реакционных политиков (Чемберлен, Галифакс, супруги Асторы). Они выступали за тесное сотрудничество Англии с Германией и Италией на основе совместной борьбы против Советского Сою-

за и за дальнейшее усиление диктатуры буржуазии во внутриполитической жизни Англии. И.И. Минц в своих воспоминаниях приводит слова К.Е. Ворошилова, сказанные им 12 мая 1935 г. в беседе с ним и А. Толстым: «Будь дело в одной Германии, — говорил он, — еще полбеды, но ведь мы имеем повторение похода 14 государств Черчилля... На этот раз куда сильнее. Разобрать единый фронт очень сложно» (*Минц И.И.* «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М.: Собрание, 2007. С. 12).

[2] И.В. Сталин.

[3] Фермопильское ущелье (Фермопилы) — узкий проход в Этейской возвышенности, в Греции, который вошел в историю благодаря подвигу трехсот спартанцев: когда в 480 г. до н.э. иранский царь Ксеркс нанес Греции свой первый удар, он не смог пройти через Фермопильское ущелье, которое оборонял спартанский царь Леонид. У Леонида было всего триста воинов, ущелье было очень узкое, и все войско погибло, но персы пройти не смогли.

[4] В это время Шкапа писал роман «В красные дни» о немецкой интервенции на Украине. В Архиве Шкапы сохранились сведения о договоре с издательством «История Гражданской войны» о написании этой книги: «"В красные дни" 3/XII 1934 г. 10 листов № 194 подписал Минц» (*КМГ.* В-6016), т.е. договор с издательством был подписан 3 декабря 1934 г. Роман не был завершен. В 1936 г. вышла книга «Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов)», под ред. М. Горького и И. Минца (М.: ОГИЗ, Государственное издательство «История Гражданской войны», 1936). Авторы Предисловия связали германскую агрессию во время Гражданской войны 1918 г. с планами Гитлера 1930-х годов по захвату восточных территорий и отторжению Украины от СССР. «В империалистских планах германского фашизма захват Украины имеет огромное экономическое и военно-стратегическое значение, — говорилось в Предисловии. — Украина — богатая, плодородная страна, мощный источник хлеба, угля, металла. Украина — плацдарм для дальнейшего завоевания Ближнего Востока. Превратив Украину в свою колонию, германский империализм получил бы возможность пробиться на Кавказ, к Персии, смог бы протянуть жадные руки к Закавказской нефти, к богатствам Ближнего Востока и, наконец, серьезно угрожать английскому владычеству в Индии» (Крах германской оккупации на Украине. С. 5). В Предисловии рассказывалось о плане Розенберга по созданию «самостоятельной Украины» по образцу 1918 г. В первые годы Великой Отечественной войны вышли две книги И.И. Минца на эту тему: Красная Армия в борьбе с германскими захватчиками в 1918 г. [М]: Госполитиздат, 1941; Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году. [М]., 1942.

Немецкая интервенция на Украине продолжалась с 1918 г. по 1919 г. Материалы по иностранной интервенции на Украине вошли в книги: *История Гражданской войны в СССР. 1917–1922, т. 1–5. М., 1939–1960; Кузьмин Г.* Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 г. М.: Воениздат, 1977.

[5] Иностранная интервенция на советском Дальнем Востоке продолжалась с апреля 1918 г. по 1922 г. См. об этом: *Кузьмин Г.* Разгром интервентов и белогвардейцев в

1917–1922 г. М.: Воениздат, 1977; *Лазо О.А.* Сергей Лазо. М.: ДОСААФ, 1965; Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): Сб. документов. Владивосток, 1955.

[6] В основе расовой теории лежит тезис о физической и психологической неравноценности человеческих рас. Согласно этой теории, одни расы являются создателями цивилизации и призваны господствовать в обществе и государстве, вторые же не способны не только к созданию, но даже и к усвоению сформированной цивилизации. Их удел — слепое и беспрекословное повиновение. Один из основателей расовой теории Ж. Гобино (1816–1882) объявлял арийцев «высшей расой», призванной господствовать над другими расами. В фашистской Германии была предпринята попытка переписать всемирную историю заново как историю борьбы арийской расы с другими расами. Носительницей духа высшей арийской расы объявлялась Германия. К низшим расам относились семиты, славяне и другие.

[7] Розенберг Альфред (1893–1946), идеолог Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Начальник Внешнеполитического управления НСДАП (1933–1945), уполномоченный фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП (1934–1945), руководитель Центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистической идеологии и воспитания (1940–1945), рейхсминистр восточных оккупированных территорий (1941–1945). Автор книги «Миф XX века» (1930), в которой выступил с «обоснованием» расистских взглядов и захватнической внешнеполитической программы германского фашизма. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

[8] «Моя борьба» Адольфа Гитлера — автобиографическая книга, в которой Гитлер изложил идеи национал-социализма. В СССР книгу перевел Карл Радек в 1932 г., и она была издана ограниченным тиражом для партийных работников.

[9] Необходимость изучения истории фашизма в Германии подтверждается следующим высказыванием Горького, записанным И.И. Минцем 25 декабря 1935 г.: «Да, слушал радио против Гитлера. Мало говорим против фашизма и, кажется мне, не то. На отдельных примерах, даже и весьма отрицательных, не воспитаешь настоящей ненависти, той злости, что подымает на подвиг, на дерзание <...> А такую злобу надо воспитывать, сама не вырастет... Почему у нас нет работ о технологической, так сказать, стороне фашизма: как пришли фашисты к власти, на какие социальные слои и классовые группы опирались, как добились массовой поддержки...

Взять бы парочку писателей и хорошего публициста, дать им путеводителя в лице грамотного историка... Пусть вместе и образно и верно покажут, как империализм разоряет дотла мелкую буржуазию, окуровцев, осатаневших от голода и нищеты, и потом их же ставит себе на службу. Вот и получилось: разорил, превратил в жертву и ее же ненависть, злобу, мстительность направил по чужому адресу. Здорово сделано... <...> Такими работами вместе с общей агитацией можно воспитать "злобу святую" против фашизма» (*Минц И.И.* «Из памяти выплыли воспоминания...». С. 37–38).

[10] Ответ Горького на это письмо не известен.

18.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-88-31-14), впервые.

[1] 28 марта — день рождения А.М. Горького.

19.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-88-31-15), впервые.

Датируется по содержанию: Шкапа упоминает о болезни Горького, а бюллетени о состоянии здоровья А.М. Горького начали печататься в «Правде» 6 июня 1936 г..

Это последнее письмо Шкапы Горькому, написанное в г. Котельниче Кировской области. Котельнич расположен на правом берегу Вятки, в 87 км к юго-западу от Кирова. С 20 августа 1936 г. до сентября 1937 г. Шкапа работал экономистом-плановиком Котельнического Промкомбината.

[1] Шкапа имеет в виду работу в журнале «Наши достижения» с 1928 г. и в редакции «История Гражданской Войны» в 1930-е годы. [2] 6 июня в «Правде» появился бюллетень о болезни А.М. Горького: «Алексей Максимович серьезно заболел 1-го июня гриппом, осложнившимся в дальнейшем течении катаральными изменениями в легких и явлениями ослабления сердечной деятельности.

А.М. Горький находится под непрерывным и тщательным врачебным наблюдением д-ра Л.Г. Левина и проф. Г.Ф. Ланга» («Правда». 1936. № 154. 6 июня).

В дальнейшем бюллетени печатались в «Правде» ежедневно.

Болезнь сразу приняла тяжелый характер, и 18 июня 1936 г. писатель скончался в Горках. См. об этом: Вокруг смерти Горького.

[3] Шкапа имеет в виду свой арест 4 октября 1935 г.

[4] П.П. Крючкова.

[5] Парфенов Петр Семенович (1894–1937), поэт, писатель, военный, дипломат. Автор исторических книг «Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири», «В огне революции», «На соглашательских фронтах», «Борьба за Дальний Восток», повести «Поход на Гатчину», романа «Личное и общественное» и др. Шкапа познакомился с Парфеновым в 1930-е годы, они вместе работали в редколлегии «Московского товарищества писателей». Парфенов примыкал к группе «бухаринцев», у него проходили вечера, на которых собирались инакомыслящие — Кудашев, Кирпичев, Соколов-Страхов, Новиков-Прибой, профессор Костерин, Слепков, бывал Шолохов. Шкапа вспоминал: «Вечера всегда проходили в жарких спорах. Мы обменивались последними новостями, комментировали процессы, происходящие в стране. Все мы были " бухаринцами". И ратовали за ленинскую кооперацию, нэп. <...> Впоследствии оказалось, что о наших беседах подробно докладывал в НКВД Петров-Груманд — постоянный посетитель "вечеров"... Еще задолго до ареста произошел очень забавный случай. Петров-Груманд после очередного "вечера" как-то, видимо испытывая ко мне симпатию, дал понять, что все эти разговоры

о вреде коллективизации ни к чему хорошему не приведут, и предложил публично порвать с "группой". Я почувствовал недвусмысленную опасность. На следующей встрече у Парфенова я заявил, что больше не буду появляться там, тем самым дав понять, что НКВД уже заинтересовался нами. Вскоре группа самораспустилась» (Незабываемое. Беседа с И.С. Шкапой / Интервью с А. Шитиковым // СЛСГ. 1990. С. 24–25). В 1933 г. Парфенова исключили из партии, но в 1934 г. по рекомендации Горького он был принят в Союз писателей СССР и возглавлял Московское товарищество писателей. В октябре 1935 г. Парфенова арестовали и посадили в Бутырскую тюрьму, а 29 июля 1937 г. расстреляли по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР по обвинению в организации контрреволюционной террористической группы и в связи с контрреволюционерами. Он был реабилитирован посмертно в 1956 г.

[6] Эти произведения не сохранились.

[7] Г.Г. Ягоды.

[8] Препарат для лечения малярии плазмохин был получен в 1926 г. немецкими учеными Шулеманом, Шенхофером и Винглером. Испытания показали, что он значительно превосходит хинин, но является более токсичным. Ответ Горького на эту просьбу не известен.

[9] А.М. Горький не мог выполнить просьбу Шкапы, т.к. в это время был смертельно болен.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предисловие М. Горького к книге «Крестьяне о Советской власти»

В этой книге собраны речи людей, которых уже не надобно тащить за шиворот к делу строения лучшей жизни, — они сами хорошо понимают, что эта великая и трудная работа должна быть делом их свободной воли, их разума.

Они поняли, что Советская власть действительно — их власть, что работает она только в пользу трудового народа, что других интересов у нее — нет и не может быть. Они видят, что ошибки власти объясняются крайней трудностью работы, которую никогда еще нигде и никто не пробовал делать.

Задача Рабоче-Крестьянской власти и коммунистов, рабочих и крестьян заключается в том, чтобы убедить весь трудовой народ Союза Советов в такой простой правде: тысячи лет буржуазия оболванивала рабочего человека, подлинного хозяина земли и всех ее сокровищ, — доказывая ему при помощи церкви, полиции, чиновников и тюрем, что государство может существовать только тогда, если рабочим народом будут командовать помещики, фабриканты, банкиры и цари, что сам бог помещиков и фабрикантов установил их власть на земле, так же, как на небе ангелов и архангелов, и что поэтому рабочий народ должен покорно кушать трудовой хлеб свой «в поте лица», а буржуазия свой легкий хлеб — с маслом.

Оболваненный этим учением рабочий человек тоже заразился страстью создавать свое, личное, хотя бы и нищенское хозяйство, и жить за счет пота и крови такого же ни-

щего, как сам он. Вытравить из десятков миллионов рабочих и крестьян эти кулацко-мироедские навыки, эту мещански жадную, завистливую и жестокую «душу», — вот какова задача Советской власти и всех, кто искренно идет с нею.

Надобно на деле показать оболваненным людям, что коллективное хозяйство — легче и выгоднее единоличного; надобно убедить людей в том, что частная, хотя бы и мелкая, собственность, всегда будет источником образования собственности крупной, которая обращает рабочих людей в тупых рабов. Надобно внушить десяткам миллионов трудового народа, что он сам и может, и должен быть полным хозяином своей страны, что он должен овладеть наукой, которая облегчит его труд и увеличит силы, что он должен знать свое прошлое — историю своего порабощения, надо, чтобы он знал: он первый в мире начал строить свое, свободное, рабочее государство, что он работает теперь на себя и обязан работать честно, за совесть, что по его примеру, по его работе учится трудовой народ всего мира — его могучий друг, и что Советскую власть ненавидит буржуазия всей земли — его подлый враг — вот она какова задача Советской власти и каждого сознательного рабочего, крестьянина.

Ошибаться в правильном решении этой задачи так же легко, как легко заблудиться в незнакомом, дремучем лесу. Так же легко и поссориться друг с другом в спорах о том, как лучше и скорее решить эту огромную и труднейшую задачу — создание небывалого в мире рабочего государства. Разрешению ее усердно мешает и сам трудовой народ своей малограмотностью, своим непониманием того, что только разумный, коллективный труд может разорвать железную паутину прошлого, которая крепко опутала разум и волю рабочих и крестьян; мешает своим недоверием к разуму, который раньше служил на пользу богатых и во вред беднякам; мешает ленью, воспитанной подневольным трудом, мешает жадностью и завистью, привитой в кровь ему буржуазией, мешает пьянством своим и воровством и недостатком рабочей, дружеской солидарности, и своим стремлением пожить сейчас же, сегодня, буржуазной, сытенькой, спокойненькой, подленькой жизнью.

При наличии таких помех естественно, понятно и оправдано, если Советская власть для того, чтоб поставить человека на правильный путь к лучшему, или чтоб ускорить его движение по этому пути, толкнет его в спину или в шею, то есть употребит тот же прием понуждения, который — в более жестоких формах — всегда применяла и применяет в наши дни буржуазия, отталкивая рабочий народ назад, в рабство.

«Человеколюбивые» мещане скажут, что толчок к свободе — то же насилие над человеком, но тут, — как везде — они скажут такую же ложь, как та ложь, которую они говорят, порицая гражданскую, классовую войну, но признавая неизбежность международных кровавых побоищ, которые истребляют десятки миллионов самых здоровых рабочих и крестьян для обогащения фабрикантов пушек и ружей.

Эта книга — хороший подарок всем честным людям, кто искренно желает добра трудовому народу. Она красноречиво убеждает их в том, что среди крестьянства растут союзники, которыми полнее и сердечно понятна трудная задача Советской власти, и которые хорошо видят, где — друг и кто — враг.

Их отповедь кулакам — хорошее свидетельство политического роста крестьянства. Таких людей у нас должны быть и будут — миллионы. Их не истребить выстрелами «обрезов» из-за угла.

Печатается по кн.: Крестьяне о Советской власти. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 3–5. Также с небольшими расхождениями вошло в *Г-30*. Т. 25. М., 1953. С. 90–92.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ Н.Н. НАКОРЯКОВА О ВСТРЕЧЕ М. ГОРЬКОГО С Р. РОЛЛАНОМ

Вступительная статья, подготовка текста и примечания Т.Р. Гавриш

Имя Н.Н. Накорякова фактически ничего не говорит современному читателю. Приведем краткую справку о нем.

«Накоряков Николай Никандрович (1881–1970), публицист, с 1901 в революционном движении, в 1903–1916 примыкал к большевикам. Занимался партийной работой в Казани, Самаре и на Урале, выступал в легальной и подпольной социал-демократической печати, арестовывался и ссылался. С 1911 — в эмиграции, где редактировал газету русских эмигрантов в Америке "Новый мир" (сохранились воспоминания Д.Н. Шуба "Из давних лет", опубликованные в "Новом журнале" (Нью-Йорк. 1970–1973. №№ 98–105, 107–108, 110)[1]. С 1916 — социал-демократ-оборонец. После февраля 1917 — заместитель комиссара Временного правительства в Первой армии, где резко выступал против антивоенной агитации большевиков. В 1919–1920 служил у А.И. Деникина. С 1922 — в издательствах Харькова, Сибири и Москвы. В 1925 был принят в РКП(б), в 1930–1937 возглавлял ГИХЛ»[2]. Н.К. Телетова в предисловии к своей публикации дневника А.И. Оношкович-Яцыны пишет: «...рекомендованный Горьким редактор — Н.Н. Накоряков (1881–1970), возглавлявший в 1930-х годах ГИХЛ, в 1937 был репрессирован и освободился лишь через двадцать лет»[3].

Безусловно, особенный интерес представляет тот этап биографии Накорякова, когда он наиболее тесно общался с Горьким. В Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН хранятся воспоминания Накорякова «Встречи и связи с А.М. Горьким с 1907 по 1936 годы» (2 декабря 1951 г.)[4]. Материал воспоминаний поделен Накоряковым на несколько временных отрезков.

В мае — июне 1907 г. Накоряков познакомился с Горьким на V съезде РСДРП, проходившем в Лондоне. Этот эпизод отражен в воспоминаниях, переданных Накоряковым в *АГ* в 1951 г. и хранящихся там[5].

В продолжение 1912–1914 гг. Накоряков, будучи редактором социалистической газеты «Новый мир» (Нью-Йорк), состоял в переписке с Горьким.

Накоряков приглашал его к сотрудничеству в этом издании. Автор воспоминаний получил от Горького несколько рассказов, подготовленных для публикации в газете «Правда», а также разрешение перепечатывать все рассказы, опубликованные в то время в «Правде». Накоряков делает особый акцент на судьбе горьковских писем этого периода: «Письма Алексея Максимовича Горького, по всей вероятности, погибли в 1919 году при разгроме редакции газеты (тогда уже коммунистической) политическими гангстерами»[6].

В течение 1924–1927 гг. Накоряков занимал должность председателя Правления русско-немецкого торгового общества «Книга», впоследствии преобразованного в «Международную книгу», и принимал участие в издании произведений Горького. «До образования этого общества (1922 г.) произведения Алексея Максимовича Горького издавались в Берлине известным другом А<лексея> М<аксимови>ча Ив<аном> Павл<овичем> Ладыжниковым, — это издательство и закрепляло права автора за границей от хищнически-бесплатного переиздания.

Общество "Книга" восприняло эти функции и осуществляло их на более широкой государственной базе, одновременно оно и распространяло произведения А<лексея> М<аксимови>ча в СССР, так как издание внутри страны было развито еще слабо вследствие недостатков бумаги и разрухи в полиграфии. Общество "Книга" одновременно на базе смешанного советско-немецкого капитала вело довольно широкие операции по торговле русскими букинистическими книгами, антикварными предметами искусства, а также канцелярскими принадлежностями.

Лично у меня были благоприятные условия для организации широкого распространения произведений А<лексея> М<аксимови>ча в СССР, так как по совместительству я в тот период руководил Торгсектором Госиздата, то есть по существу большей частью книготорговли в стране. Поэтому значительная часть тиража всех произведений А<лексея> М<аксимови>ча, в том числе и Полного собрания сочинений, — печатаемых в Берлине — Лейпциге, ввозилась в СССР и широко распространялась.

Душой этих мероприятий был Ив<ан> Павл<ович> Ладыжников, который перешел на работу в общество "Книга". Естественно, в это время у меня была переписка с Алексеем Максимовичем Горьким, которая осталась в архивах "Книги", а частью может быть в личном архиве Ивана Павловича Ладыжникова. В частности, помню, в этой переписке по инициативе А.М. Горького обсуждался вопрос об усилении массовых дешевых изданий произведений Алексея Максимовича Горького, о перевозке их в СССР и организации широкого их распространения»[7].

В сентябре 1928 г. Накоряков вместе с руководителями Госиздата встречал Горького на Белорусском вокзале. После торжественной встречи Горький приехал в Госиздат, где знакомился с его сотрудниками. «Впоследствии, как

член Правления Госиздата, — лично знакомый А<лексею> М<аксимови>чу, я неоднократно участвовал в организованных им совещаниях с писателями по вопросам о различных изданиях отдельных собраний сочинений, новых журналов. А весной 1929 г. во время весенних книжных базаров, устраиваемых тогда ежегодно, Алексей Максимович сам просил меня "показать" ему эти базары. Это вылилось в интересную поездку на книжный базар, организованный на Тверском бульваре, и по лучшим книжным магазинам Москвы. Несколько автомашин с семейными Алексея Максимовича и писателями отправились с квартиры Алексея Максимовича (Никитская улица); участники оживленно рассматривали книжные развалы, беседовали со старыми букинистами и с разнообразной толпой любителей книги. Алексей Максимович покупал много редких изданий для своей библиотеки и беседовал со старыми книголюбами. Поездка заняла добрую половину дня, а иногда превращалась в своеобразную демонстрацию горячих чувств москвичей к своему народному писателю. Поездка частично тогда же была описана в журнале Торгсектора Госиздата»[8].

В этот период Горький неоднократно внимательно анализировал планы Госиздата по изданию художественной литературы, а также планы других издательств, проявляя особенный интерес к планам издательства «Academia». На полях некоторых документов Горький оставлял замечания, давал советы и рекомендации руководителям и сотрудникам издательства. «В архивах Госиздата, "Академии", "Земли и Фабрики", наверное, можно найти такие планы с замечаниями характерным почерком А<лексея> М<аксимови>ча. Для истории издательского дела в нашей стране эти документы имеют большое значение.

Между прочим, в этот период по поручению Госиздата я разрабатывал генеральный договор Госиздата по изданию сочинений Алексея Максимовича Горького уже на базе отечественной полиграфии. Впоследствии этот договор неоднократно дополнялся, уточнялся, но действовал все время до смерти великого писателя. Документ должен быть в архивах Госиздата или Гослитиздата»[9].

Начиная с 1925 и в течение 1932–1936 гг. Накоряков работал председателем Правления акционерного общества «Советская энциклопедия». Под руководством главного редактора «Советской энциклопедии» О.Ю. Шмидта было начато издание «Большой советской энциклопедии», «Малой советской энциклопедии» в 10 томах, «Медицинской энциклопедии» под редакцией Н.А. Семашко, «Большой технической энциклопедии» под редакцией Л.К. Мартенса. «Вокруг этих изданий объединился цвет советской научной интеллигенции. Естественно, что мы неоднократно в этот период обращались к Алексею Максимовичу Горькому за помощью и советами и находили всегда любовный, горячий отклик. В архивах этих изданий, наверное, сохра-

нились некоторые письма Алексея Максимовича Горького с его пожеланиями и советами»[10].

Весной — в начале лета (в мае — июне) 1932 г. Накорякову поступило предложение Горького занять должность директора Государственного издательства художественной литературы. Накоряков ответил согласием. «Я понимал, что эта работа должна была протекать при ближайшем идейном соучастии А<лексея> М<аксимови>ча, я понимал, что она связана была и с новой организацией художественной литературы, с развитием ее роли и значения в деле социалистического строительства в стране.

Это означало и еще большее сближение с Алексеем Максимовичем.

Действительно, в этот период встречи с Алексеем Максимовичем становятся постоянными, как по поводу планов ГИХЛа, так и по вопросам отношения к отдельным и различным произведениям художественной литературы, по поводу журналов, сборников, которыми непосредственно руководил А<лексей> М<аксимови>ч и которые ГИХЛ должен был осуществлять. Одновременно с этим наступил период подготовки Всесоюзного съезда писателей и организации Союза советских писателей.

Наблюдая, с каким воодушевлением Алексей Максимович принялся за грандиозное дело организации художественной литературы, конечно, каждый из нас невольно включался в это дело.

По совету Алексея Максимовича я включился и в многогранную работу Оргкомитета Союза писателей <...>. Благодаря, пожалуй, этой работе, впоследствии по рекомендации Алексея Максимовича Горького я был введен в Союз советских писателей и в его Правление. Все это создало условия постоянной работы в близком общении с А<лексеем> М<аксимови>чем и вызывало частый обмен не только устными беседами, но и письмами.

В этот период я участвовал в многочисленных совещаниях Алексея Максимовича с писателями, учеными, общественными деятелями. Часто он назначал свидания с отдельными писателями, приглашая на них "издателя" — как практического осуществителя замышляемых планов. Это было хорошей школой общественной целеустремленной организации художественной литературы во имя социализма.

<...> Я не говорю о вдохновенной работе Алексея Максимовича на съезде писателей, о последовавших за съездом нескольких совещаниях А<лексея> М<аксимови>ча с писателями национальных республик, о его последующей пламенной работе по укреплению Союза писателей, о его борьбе с отсталыми, консервативными группами последних.

<...> Отдельные куски этой работы А<лексея> М<аксимови>ча нашли скудное отражение в протоколах разных совещаний. Отдельные вопросы, поднимаемые им в этот период, имеют отклик в письмах, которые Алексей Максимович писал многим из нас»[11].

В конце архивного материала Накоряков указывает, что все письма Горького, адресованные автору воспоминаний, переданы им в Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. Действительно, в *АГ* хранятся 11 писем Горького Накорякову[12].

Накоряков участвовал во встрече Горького и Роллана 29 июня 1935 г. в Горках, о чем рассказал во время беседы с сотрудниками Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН 2 февраля 1966 г. «<...> незабываемы такие поездки к Алексею Максимовичу Горькому, как поездка с Ромен Ролланом, и беседы двух великанов литературы. Эта поездка была интимной, на ней никого не было, кроме двух-трех человек, но глубокой по своему содержанию и впечатлениям»[13]. Воспоминания Накорякова об этой встрече дополняют содержание уже известных страниц культурной жизни СССР и биографии писателей.

Постоянная переписка М. Горького с Роменом Ролланом (1866–1944) — французским писателем, общественным деятелем, ученым-музыковедом — продолжалась с декабря 1916 по июнь 1936 г. Это «взволнованный диалог двух очень непохожих друг на друга писателей, в котором подчас с поразительной откровенностью обнажался их духовный мир»[14].

В 1927 г. Горький писал о Роллане: «Говорят: Р. Роллан — дон-Кихот. С моей точки зрения, это лучшее, что можно сказать о человеке. В безжалостной к нам, людям, игре сил истории человек, который жаждет справедливости, — тоже сила и способен противостоять стихийности этой игры. <...> Меня удивляет стойкость любви Ромэна Роллана к миру и человеку; я завидую его крепкой вере в силу любви. Я не считаю его оптимистом, он идеальный стоик. Он, видимо, очень глубоко прочувствовал истину, скрытую в одной русской пословице: "Все пройдет, только правда останется". Мужественно, не закрывая глаза на те неисчислимые страдания, которые, терзая людей, проходят, чтобы оставить нам чистую и прекрасную правду, Р. Роллан уверенно делает свое дело поэта и мыслителя. Я никогда не видел его, но думаю, что глаза Роллана спокойны и печальны, а голос тих, но тверд. И я счастлив знать, что во Франции, любимой мною с детства моего, есть такой прекрасный человек и такой сердечный художник, как Р. Роллан»[15].

Когда Горькому исполнилось шестьдесят лет, Роллан писал: «Имя Горького для меня с юности — имя друга. Младший по возрасту, он уже тогда казался мне старшим, потому что его слава уже сияла на Западе, когда я только начал писать. Где-то я уже рассказывал, что его портрет, на котором он снят вместе с Толстым в Ясной Поляне, — он один только украшал нашу маленькую редакционную комнату... Эти изображения были защитниками нашей независимости и правды»[16].

Писатели «обменивались мыслями обо всем происходящем. Их волновали судьбы мира, сотрясаемого войной и революцией, проблемы культуры и морали, философии и социологии. В письмах мы находим размышления о

социализме, о "буржуазном" и "пролетарском" гуманизме, оценку толстовства и гандизма, поисков путей к народу, оценки "скептицизма невежества" и "яда идеализма". Приехав в Германию осенью 1921 г. (не по своей воле, а фактически "высланный" из России), Горький сразу же стал обсуждать с Ролланом проблемы русской революции и ее перспективы, делиться мыслями о судьбах Европы и Азии. <...>

В 30-е годы переписка Горького и Роллана становится не столь откровенной, как вначале. Письма иногда пропадали или шли бесконечно долго, подвергались перлюстрации. В них возникает постоянная тема политических репрессий, волновавших западную общественность. В письмах Горького Роллан и раньше находил ответ на свои вопросы о Ленине и его преемниках, о политике большевиков по отношению к интеллигенции, о молодых писателях и новинках советской литературы. Однако доминировали в их переписке все же глобальные, мировоззренческие проблемы.

В 1930-х гг. Горький становится главным информатором Роллана (а через него — прогрессивных кругов Запада) о событиях в Советском Союзе. Писатель, как и в первые годы революции, пытается помочь жертвам политических преследований, о которых пишет Роллан. <...> Благодаря Горькому и Е.П. Пешковой, у Роллана, по его собственному признанию, была некоторая возможность влиять на приговоры и смягчать наказания»[17].

Встрече Горького с Ролланом предшествовало проведение Всемирного конгресса писателей в защиту культуры, проходившего с 21 по 25 июня 1935 г. в Париже. Горький должен был быть председателем советской делегации на Конгрессе. Однако ни Горький, ни Роллан не приняли участия в работе Конгресса. Горький направил Конгрессу свое «Обращение к съезду», которое было оглашено 23 июня 1935 г.; Роллан прислал в Париж «Приветственную телеграмму»[18]. «В связи с отсутствием А.М. Горького на Конгрессе возникло немало легенд, смысл которых сводится к тому, что Горький отсутствовал не по своей воле: после его возвращения в СССР в 1933 году Сталин поместил его в "золотую клетку"»[19]. Этой версии придерживаются Л. Флейшман[20], Дм. Быков[21], А. Ваксберг[22], Б. Носик[23]. Однако исследователь М. Ариас-Вихиль (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН), восстанавливая ход событий по ранее неопубликованным архивным материалам, дает иной ответ на вопрос, почему Горький не принял участия в Конгрессе.

«<...> ставка при привлечении западноевропейских писателей делается на два имени — Нобелевского лауреата Роллана, имевшего большой международный авторитет, и на равновеликого ему в глазах западных литераторов Горького, четырежды за прошедшее десятилетие номинированного на Нобелевскую премию, долгое время жившего в Европе и недавно вернувшегося из эмиграции в СССР. Однако Роллан, который не был в Париже со времен Первой мировой войны и жил в Швейцарии, избегая публичных

выступлений, на Конгресс не собирался. Он собирался в СССР, и именно это его желание привело, в конечном счете, к тому, что Горький не поехал в Париж», — считает М. Ариас-Вихиль[24]. В своей статье исследователь приводит текст телеграммы, отправленной Сталиным и Молотовым Горькому 31 мая 1935 г.: «Алексею Максимовичу Горькому. Копия: Щербакову. По нашему мнению, Вам обязательно нужно поехать в Париж на съезд писателей, если, конечно, состояние здоровья позволяет. *Сталин. Молотов.* 31.5.35. 14 ч. 35 мин.» (*РГАСПИ.* Ф. 558. Оп. 11. Д. 52. Л. 108; Там же. Л. 109: Автограф Сталина). «Эта телеграмма опровергает сложившееся мнение, что Горького не выпустили в Париж: напротив, Сталин был заинтересован в его поездке, так как отказ Горького заставлял пересмотреть концепцию поездки и состава делегации, лишавшейся главной фигуры. <...> 8 июня Горький получил заграничный паспорт, что также противоречит версии о запрете на выезд»[25].

Ромен Роллан и его супруга Мария Кудашева[26] прибыли в Москву 23 июня 1935 г. Они остановились сначала у А. Аросева[27], а позже — в гостинице «Савой»[28].

28 июня в Кремле состоялась беседа Роллана со Сталиным.

Первая встреча Горького и Роллана произошла на следующий день, 29 июня, в доме на Малой Никитской, 6. Вот каким впервые увидел Роллан Горького: «<...> Горький похож на тот образ, который создаешь себе в воображении. Очень высокий, выше меня, большое некрасивое доброе лицо с крупным утиным носом и густыми светлыми седеющими усами и бровями, подстриженные ежиком седые волосы, крупные руки и ноги, худощавый, в широкой рубахе, низкий баритон, светло-голубые глаза, в глубине которых таится много доброты и грусти. Когда он обнимает меня и с силой жмет руку, замечаю, что он выше меня на целую голову»[29].

Содержание первой беседы писателей было многоплановым. «Говорим на разные темы — и о том, что обсуждалось вчера со Сталиным, и о продолжающей существовать древней, дикой России. Горький считает, что раны надо выставлять напоказ. Он говорит о Енукидзе, который до такой степени дал усыпить свою бдительность, что к Сталину проникла убийца. Горький многое критикует, в частности, как раздувают тщеславие рабочих, присваивая им звания героев, вывешивая их портреты, и тому подобным. <...> Ему кажется, что дружба с былыми товарищами слабеет, притом слишком со многими. <...> Свои надежды он полностью возлагает на детей, на прекрасное новое мышление. Он хочет познакомить меня с коммуной несовершеннолетних преступников в Болшеве, с ее принципами перевоспитания. Говорит о том, как ко мне относятся в СССР. <...> В прошлом году на международном конгрессе писателей он заметил, что французские писатели, даже не будучи моими друзьями, относятся уважительно и с признательностью к тому, что я сделал. Он хотел бы, чтобы я пожил в СССР, в Крыму, который выше всяких

похвал, и пытается уговорить меня попутешествовать с ним несколько дней по Волге. Говорит о переменах, происшедших с русским крестьянством, к которому раньше был очень суров. В нем чувствуется усталость»[30].

«Роллан почувствовал весь трагизм последних лет жизни писателя, ставшего "пленником в своей стране", осознал его духовное одиночество, столь тяготившее самого Роллана. Однако вряд ли можно согласиться с его утверждением, что Горький — добрый и слабый человек, идущий против своей природы, чтобы оправдать своих "сановных" друзей в СССР. Точнее характеристики, данные Ролланом после смерти Горького. В 1937 г. он написал второй литературный портрет писателя, представив его как гордого и независимого человека, выполняющего "задачу, которая была целью его жизни", а в статье "Памяти друга", оценивая общее содержание переписки с Горьким, заметил: "Целых двадцать лет я поддерживал с ним дружеские отношения и переписку, где отразилась страстность пережитых им кризисов, обозначавших поворотные пункты его жизни — символическую драму великой эпохи"»[31].

30 июня 1935 г. в сопровождении доктора Л.Г.Левина[32] они выехали из Москвы в Горки, где их встречал Горький. Судя по записям в дневнике Роллана, бóльшую часть времени, посвященного знакомству с советской Россией, он провел у Горького в Горках, иногда выезжая в Москву, с тем чтобы принять участие в том или ином официальном мероприятии.

Неизвестные факты о еще одной встрече Горького и Роллана, впервые публикуемые, позволяют представить обстановку последних лет жизни Горького в «золотой клетке» под неусыпным надзором ОГПУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. М., 2003. Т. 1. С. 69.

[2] *Минувшее. Кн. 3.* С. 327–328.

[3] *Минувшее. Кн. 13.* С. 360.

[4] *АГ.* МоГ-10-13-2.

[5] *АГ.* МоГ-10-13-1.

[6] *АГ.* МоГ-10-13-2. Л. 1.

[7] Там же. Л. 1–2.

[8] Там же. Л. 2–3.

[9] Там же. Л. 3.

[10] Там же. Л. 4.

[11] Там же. Л. 5–6.

[12] *АГ.* ПГ-рл-27-2-1-11.

[13] МоГ-10-13-2. Л. 6.

[14] *Неизвестный Горький.* Вып. 3. С. 70.

[15] Красная новь. 1927. № 6. С. 12.

[16] *Груздев И.* Современный Запад о Горьком. Л., 1930. С. 182.

[17] Из переписки М. Горького и Р. Роллана. Предисл., подгот. текстов Горького и примеч. Л.А. Спиридоновой; подгот. писем Р. Роллана и примеч. Н.Ф. Ржевской при участии Л.А. Спиридоновой // *Неизвестный Горький.* Вып. 3. С. 70–72.

[18] Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935. Доклады и выступления / Ред. и предисл. И. Луппола. Пер. Э. Триоле. М.: Худож. лит., 1936. С. 39–40, 43.

[19] *Ариас-Вихиль М.* Горький и Парижский конгресс писателей в защиту культуры (1935) // М. Горький и культура. Горьковские чтения 2010 года: Материалы XXXIV Международной научной конференции. Нижний Новгород: РИ «Бегемот», 2012. С. 28.

[20] *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект, 2005.

[21] *Быков Д.* Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 538–539.

[22] *Вакселберг А.* Мадам Ромен Роллан //Литературная газета. 2006. 1–7 нояб. С. 15.

[23] *Носик Б.* Кто ты, Майя? // Звезда. 2001. № 4.

[24] *Ариас-Вихиль М.* Горький и Парижский конгресс писателей в защиту культуры (1935) // М. Горький и культура. Горьковские чтения 2010 года: Материалы XXXIV Международной научной конференции. Нижний Новгород: РИ «Бегемот», 2012. С. 32.

[25] Там же. С. 36–37.

[26] Мария Павловна Роллан (урожд. Михайлова, по матери Кювилье, в первом замужестве Кудашева, во втором Роллан, 1895–1985), поэтесса и переводчик. Имя Марии Кудашевой оставило след в русской поэзии. В свое время ей посвящали свои стихотворения М. Волошин и К. Бальмонт. В 1923–1931 гг. Кудашева работала личным секретарем президента Государственной академии художественных наук (ГАХН) П.С. Когана. Впервые имя Кудашевой Ромен Роллан упомянул в письме Горькому от 5 апреля 1928 г.: «Знаете ли Вы Марию Кудашеву, которая пишет мне из Москвы и о которой мне говорили Дюамель и Дюртен? В России она была их преданным гидом. Теперь она страстно увлечена большевизмом. — Я читал ее прелестные французские стихи (не те, что она напечатала: по-моему, она напечатала наиболее слабые из них)». В 1931 г. она уехала во Францию, а в 1934 г. стала женой Ромена Роллана. Позже Мария Павловна была переводчицей, при помощи которой Роллан и Горький могли полноценно общаться.

[27] Аросев Александр Яковлевич (1890–1938), революционер, советский партийный деятель, писатель; в 1935 г. — председатель Всероссийского общества культурных связей с заграницей.

[28] «Савой» — отель, расположенный в центре Москвы на улице Рождественка, д. 3/6, стр. 1. Построен в 1912 г. по проекту архитектора В.А. Величкина. Открыт в 1913 г. «Савой» был первым отелем в СССР, который стал предоставлять услуги международного уровня.

[29] Московский дневник Ромена Роллана // Вопр. литературы. 1989. № 3. С. 225.

[30] Там же. С. 225 – 226.

[31] *Неизвестный Горький.* Вып. 3. С. 72.

[32] Левин Лев Григорьевич (Ушер-Лейб Гершевич Левин; 1870–1938), врач-терапевт, доктор медицинских наук, профессор, консультант лечебно-санитарного управления Кремля.

ВОСПОМИНАНИЯ

О Ромен Роллане могу сказать следующее. Это был 1935 год, июль месяц или сентябрь[1]. После жары была ветреная погода. Мне непосредственно позвонил секретарь Щербаков[2]. Он говорит:

— У тебя хорошая машина?

Я говорю:

— Хорошая.

— Хороший шофер?

— Хороший шофер.

— Возьми более спокойную машину, я тебе дам телефон, и тебе дадут машину на целый день. Сначала ты заедешь в гостиницу «Савой», возьмешь там Марию Павловну Кудашеву и Ромен Роллана. Никого с собой на машину не бери. И главное, чтобы шофер был спокойным и умеющим водителем. Поездка — по дороге в Усовский[3] Горки[4]. Отвезешь Ромена Роллана туда на личное свидание с Алексеем Максимовичем. Лучше никому не сообщай об этой поездке. Ты — сопровождающий. Машину держи сколько возможно, но обязательно привези их обратно в гостиницу. Так я и поступил. Я первый раз в жизни видел и Марию Павловну и Ромена Роллана.

Посадили мы Ромен Роллана на машину. Погода была не холодная, но ветреная, поэтому Мария Павловна захватила плед, в машине внимательно укрыла Ромен Роллана, и мы поехали.

В дороге было некоторое напряжение. Шоссе небольшое, узенькое и постоянно извивающееся между холмами. Задержки были в движении. Тогда еще не был установлен такой порядок: одни едут справа, другие слева. Были попытки обгона, и я напряженно себя чувствовал и смотрел на своего шофера внимательно. Шофер был хороший, но не лихач.

Где-то под Усовым задержка. Машины, которые следовали в Москву, вдруг все проскочили, и образовалось пустое пространство. Но появился милиционер, который не пускал в это пустое пространство. Шофер Коля вышел и сообщает: «Лоси проходят».

И действительно, бывало, два-три лося появляются и спокойно переходят дорогу, а дальше следует железная дорога, и они через эту железную дорогу идут в тайники.

Мария Павловна взволновалась, а Ромен Роллан спокойно, с какой-то улыбкой посмотрел на это чудо. Мы видели, что два лося прошли через дорогу и шли к Усовским тайникам.

Это волнение прошло. Милиционер выровнял линию, и мы поехали. Когда приехали в Горки, то Алексей Максимович ожидал и быстро появился на веранде раздетым, в легком пиджаке.

Встреча была с объятиями. И тут же на скамеечке, не заходя на веранду, они присели. Есть снимок: сидят вдвоем, причем Горький в несколько странной позе, он с удивлением смотрит на рядом сидящего Ромена Роллана, который еще не освободился от пальто и несколько сгорблен.

Этот снимок зафиксировал Соловей Ракитский[5]. Это человек, который очень весело, безобидно мог говорить человеку неприятности.

Тотчас же появились девушки. На этом снимке они были в отдалении. А потом от Алексея Максимовича тут же узнал, что он хочет пройти в рабочую комнату и туда же увести Ромена Роллана. Наверху была комната, в которой он спал и которая имела маленькую прихожую около печки. Здесь, около печки, потом был организован обед на четверых. А на полке около печки (вроде камина) новые книжки, которые Алексей Максимович получал ежедневно.

Алексей Максимович сказал мне, что я могу быть свободен, а когда надо, он позовет.

И Ромен Роллана увели тихонько по этой лестнице вверх. А мы остались в комнате вроде прихожей, где Петр Петрович[6] всегда приезжал со своими бумагами и книгами.

Мы устроились в этих комнатах, и меня оцепили. Меня разделали под орех за книжки, все были недовольны оформлением.

Это свидание Горького с Ромен Ролланом проходило с глазу на глаз[7]. Была какая-то интересная беседа.

После того, как Петр Петрович посмотрел на часы, старички заговорились, а пора было бы обедать. Глаша[8] сообщила, что меня зовут обедать, а вы обедайте как хотите. Петр Петрович радостно это приветствовал: свобода, значит, будет обед! Он любил весело провести время.

Я поднялся в комнату наверх, там, около печки, за столом, был устроен для четверых обед.

Алексей Максимович был на ногах. Видно, он получил удовольствие от происшедшей беседы и производил <впечатление> человека приподнятого. А Ромен Роллан не изменил своего спокойного состояния, не волнующийся, но внимательно во все всматривающийся. Такое впечатление, словно человек каждую секунду что-то новое находит в окружающем и спокойно его воспринимает.

Мария Павловна блестяще справлялась со своей обязанностью быть переводчиком, т.е. буквально на лету ловила слова Алексея Максимовича и переводила их Ромен Роллану. Схватывала слова Ромена Роллана и переводила их Алексею Максимовичу. Не чувствовалось, что мы говорим с переводчиком. Я пробовал свой матросский английский язык. Мои познания не превышали познаний рядового

матроса, плавающего по всяким морям. Алексей Максимович вновь меня представил, хотя мы были уже знакомы, и он сказал, что это «самый скупой издатель, который встречался ему на свете. Его и любят писатели, но вместе с тем называют таким именем, которое никак нельзя перевести на французский язык».

Мария Павловна, как русский человек, по природе своей догадалась, о каком слове говорят. «Я вам переведу, но только после обеда, а не перед обедом», — так сказала она Ромен Роллану.

Обед, благодаря всему предшествующему, был очень оживленный. Алексей Максимович мне предложил рюмку водки, а сам он пил белое слабенькое французское вино, которое было поставлено на стол. Обед скромный, но, видимо, приуроченный к диетическому требованию, которое было для Ромена Роллана постоянно обычным.

Новым в этой беседе был только я. На меня обратила внимание Мария Павловна, с полки достала книжку рассказов наших писателей, толстую и не соответствующего художественной литературе формата. Она показала: разве так можно издавать художественную литературу?

Нами руководило, что бумаги давали мало и мы хотели втиснуть в маленький лист не менее 60 знаков, в то время как в Европе в обычный печатный лист вмещалось 48, в крайнем случае 50. А мы хотели больше дать читабельного материала читателю. Но этого требовали и нормы. Нам давали по этой норме и бумагу.

Я несколько юмористически рассказывал свое бедствие и говорил, что мы подчинены этому, тем более, что бумага у нас толще обычной. Обычная бумага 54 гм[9], а нам давали 65 гм. Это создавало невероятную толщину.

Ромен Роллан тоже взял на свою, очень изящную и тонкую руку и покачал головой: действительно тяжело читателю читать такой кирпич! В известной степени эта маленькая проработочка была шутлива и любовна.

Ромен Роллан с полки достал книжку Кассиля[10] «...»[11]. Это было издание, осуществленное покойным Ильиным[12] при моем участии, очень роскошное по тем временам, но малоформатное. В этом издании на шнурочке была печатка. Он посмотрел издание одобрительно, а потом эту печатку на руку взял и удивился, для чего существует эта печатка к книжным изданиям. Я понял, что он тоже не одобрял, хотя это было и лучшее наше изобретение.

Обед быстро происходил. Никто сильно не задерживался. И, видимо, это было для Ромен Роллана очень важной процедурой, за ней

тщательно наблюдала Мария Павловна, чтобы она окончилась быстро и Ромен Роллану было предназначено отдохнуть. Я понял, что мне лучше всего удалиться к старым приятелям, к Соловью и Петру Петровичу вниз, и там закончить дело, как будет указано Алексеем Максимовичем.

Через час сообщили, что можно уехать. И засветло, в 5–6 ч<асов>, была летняя пора, опять поехали в обратную дорогу и благополучно доставил Ромена Роллана в «Савой». А через 2–3 дня было общее собрание писателей у Горького, кажется уже в особняке Никитинском[13]. Это собрание было большое, я на нем был[14]. Ромен Роллана трудно было увидеть среди этого большого собрания, а меня тем паче трудно было увидеть.

В писательской среде приезд Ромен Роллана вызывал большой интерес. Писатели ожидали чего-то большого. И такое чувство было, когда он уехал, что все-таки этого большого не состоялось. Но Алексей Максимович Горький в этой встрече нашел для себя что-то бодрящее и поднимающее в деятельности. В тот период он испытывал трудности во взаимоотношениях с Щербаковым (1935 год). Было даже некоторое недовольство им со стороны писателей. Но в тот период Алексей Максимович как будто какую-то поддержку получил, бодрящее новое начало. Это я должен констатировать как свидетель, который должен по закону отвечать чистую правду.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Встреча Горького и Роллана, в которой принимал участие Накоряков, состоялась 29 июня 1935 г.

[2] Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945), советский государственный и партийный деятель. С 1934 г. оргсекретарь Союза писателей СССР при 1-м секретаре Союза Максиме Горьком, куратор Союза по линии ЦК, с 1935 г. по совместительству заведующий Отделом культпросветработы ЦК.

[3] Усово — село в Одинцовском районе Московской области.

[4] Горки-10 — поселок в Одинцовском районе Московской области. С 1931 г. там проводил лето Горький. Здесь же писатель и скончался 18 июня 1936 г.

[5] Возможно, ошибка памяти Накорякова. Упоминаемая им фотография — часть целой серии, выполненной М.Ф. Ошурковым 9 июля 1935 г. Роллана с Горьким также фотографировали Петров, Кудашев, Шагин, Вихирев и др., но не Ракицкий: сохранились его снимки, предшествовавшие встрече Горького с Ролланом, а также принадлежащие периоду после нее. См.: *Описание*. 1997. С. 382–383. 1822–1828. Серия фотографий М.Ф. Ошуркова. 1935, июль, 9. Горки. Упоминаемый Накоряковым снимок дан

под № 1825 (3 варианта, 4 экземпляра). Рядом приводятся воспоминания М.Ф. Ошуркова о его приезде в Горки-10 на встречу Горького с Ролланом.

Ракицкий Иван Николаевич (1883–1942), художник, друг семьи Горького. «Соловей» — «домашнее» имя Ракицкого.

[6] Крючков Петр Петрович (1889–1938), издательский работник, личный секретарь М. Горького.

[7] Очевидно, Горький и Роллан обсуждали встречу французского писателя со Сталиным, которая состоялась днем ранее, 28 июня 1935 г.

[8] Работница из числа обслуживающего персонала в Горках.

[9] Единица измерения удельного веса бумаги — грамм на квадратный метр.

[10] Кассиль Лев Абрамович (1905–1970), русский советский писатель.

[11] Пропуск названия книги в машинописи. Имеется в виду книга Л.А. Кассиля «Швамбрания» (М.: Советский писатель, 1935), удостоенная премии на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.

[12] Ильин Николай Васильевич (1894–1954), один из крупнейших советских оформителей книги, мастер книжной орнаментации, возродивший прием оформления книги наборными элементами (акциденция). Оформлял книги для ГИХЛ, Гослитиздата, издательств «Советский писатель» и др. (Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь: В 6 т. Т. 4. Кн. 1. М.: Искусство, 1983. С. 508 — 509).

[13] Имеется в виду дом на Малой Никитской, 6.

[14] Ошибка Накорякова: согласно записи в дневнике Ромена Роллана, собрание писателей проходило не в доме Горького на Малой Никитской, 6, а в Горках. «В пять часов вечера на трех или четырех машинах приезжают девяносто писателей — делегация Москвы», — записал Роллан 9 июля 1935 г. (Московский дневник Ромена Роллана // Вопр. литературы. № 4. С. 228).

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАМЫСЛА ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «МАТЬ»
(По материалам неизвестной переписки)

Статья и примечания Ю.М. Егоровой

Благодаря новым архивным материалам, история создания повести «Мать» в наши дни открывается с иной стороны, находят объяснение и так называемые «темные» места. В период советского литературоведения за ней прочно закрепилось определение «первого соцреалистического произведения», поскольку все исследования проводились в духе времени. Многочисленные интересные, но несколько односторонние работы известных советских литературоведов и горьковедов: С. Касторского, Б. Бялика, А. Овчаренко, Б. Михайловского, К. Муратовой, Е. Тагера, Н. Белкиной, Б. Бурсова, А. Волкова и др., исследовали биографию и творчество Горького как основоположника нового художественного метода — социалистического реализма[1]. Ими немало было сделано в области исследования стиля, мастерства, жанров, особенностей языка Горького, раскрыто своеобразие его драматургии.

Однако повесть «Мать» до сих пор вызывает споры как среди горьковедов, так и среди критиков. Сегодня, перечитывая это неоднозначное произведение, мы имеем возможность взглянуть на него по-новому, сводя к минимуму пропагандистский ореол «первого соцреалистического произведения». Сразу после выхода в свет ее стали называть «энциклопедией революционной жизни», а с «легкой руки» В.И. Ленина за произведением закрепилась слава «книги нужной и очень своевременной»[2]. В духе времени преподносилась и история создания повести. Долгие годы советских читателей знакомили лишь с одной версией: «Мать» написана Горьким в 1906 г. на основе реальных первомайских событий 1902 г. «Мысль написать книгу о рабочих явилась у меня еще в Нижнем, после сормовской демонстрации. В то же время начал собирать материал и делать разные заметки»[3], — сообщил Горький Н.И. Иорданскому в 1911 г.

Главные герои повести, по свидетельству писателя, имеют реальные прототипы: «... Ниловна — портрет матери Петра Заломова, осужденного в 901 г. (описка, следует — 902 г. — *Ред.*) за демонстрацию 1-го мая в Сормове. Она работала в организации, развозила литературу, переодетая странницей, в

Иваново-Вознесенском районе...»[4]; Анна Кирилловна Заломова (1849–1938) родилась в семье нижегородского сапожника. Будучи дальней родственницей Кашириных, посещала их дом, когда Алеша Пешков был еще ребенком. История ее жизни, по признанию Горького в письме В. Львову-Рогачевскому, натолкнула его на мысль о создании повести: «Такие женщины, как Власова, — не исключение, я думаю. Знаю, что некоторые из них работают в партии, — и в их числе — мать одного из моих знакомых рабочих, она и толкнула меня написать эту неудачную повесть»[5].

«Одним из прообразов Павла Власова был Петр Андреевич Заломов (1877–1955), многие факты биографии которого вошли в сюжетную канву произведения»[6]. Власов, как и его реальный прототип Заломов, пошли по стопам отцов на фабрику, где организовали рабочий кружок, за что попали под негласный полицейский надзор. Далее — расхождение: за организацию стачки рабочих в 1898 г. Петр Заломов был уволен, однако спустя пару лет устроился на Сормовский завод, где стал активным организатором рабочей демонстрации 1 мая 1902 г. Был известен как член первого Нижегородского комитета РСДРП. В отличие от реального прототипа герой повести Павел Власов оказался в тюрьме. Вероятными прообразами Сашеньки и Натальи могли быть сестры С.П. и З.П. Невзоровы, которые принимали активное участие в организации и деятельности рабочего кружка.

Согласно первоначальному замыслу, Горький хотел показать, «как сказывается на судьбах людей служение великой идее, что должен выбирать человек: личное счастье или тяжелый "крестный путь" в революцию»[7]. Так, в июне 1906 г. в письме Морису Хилквиту — лидеру американских социалистов — Горький объяснил замысел повести следующим образом: «Сейчас пишу большую повесть "Мать" — это хроника роста революционного социализма среди рабочих фабрики.

Вот, пускай американцы купят и поучатся у русских рабочих — понимать социализм»[8].

Однако трагическое событие в жизни писателя — внезапная смерть дочери Катерины — в какой-то мере оказала воздействие на Горького, и он пересмотрел основную идею произведения. Теперь он планирует создать произведение, навеянное размышлениями о детях, о будущем, которое им предстоит построить, о духовном возрождении человека и судьбе России. В письме от 19 августа (1 сентября) 1906 г. Горький написал жене: «Я прошу тебя — следи за сыном. Прошу не только как отец, но — как человек. В повести, которую я теперь пишу, — "Мать" — героиня ее, вдова и мать рабочего-революционера — я имел в виду мать Заломова, — говорит:

— В мире идут дети... идут дети к новому солнцу, идут дети к новой жизни... Дети наши, обрекшие себя на страдание за все люди, идут в мире — не оставляйте их, не бросайте кровь свою без заботы!

Впоследствии, когда ее будут судить за ее деятельность, она скажет речь — в которой обрисует весь мировой процесс, как шествие детей к правде. Детей, ты это пойми! В этом — страшное усиление мировой трагедии. Мне трудно пояснить тебе эту большую мысль в письме, она слишком сложна...»[9]

Отчасти это объясняет, почему из первоначального варианта повести (июль-сентябрь 1906 г.), рукопись которого считается утерянной, из семьи Власовых, где по замыслу сначала было двое детей: старший сын Павел и дочь, Горький вывел это действующее лицо, так и не развив ее сюжетную линию «[Редко лаская свою дочь, он и ее называл так же (сволочь. — *Ред.*). Сына своего он не замечал...]»[10]. Ни в одной из последующих редакций не остается даже и намека на существование этого персонажа. Отказался Горький и от замысла начать повесть с описания жизни Павла и Пелагеи Власовых, исчезло указание точного возраста героини, а слободка лишилась своего названия Покатой. Исчезло со страниц повести и прозвище Михаила Власова — Волк.

По свидетельству М.Ф. Андреевой, первые наброски к повести были сделаны Горьким уже в 1903 г., а в 1904 г., находясь в Риге, он зачитывал их в домашнем кружке. Непосредственная работа над повестью началась летом 1906 г. в Америке.

Работу над первой частью «Матери» Горький завершил в Адирондаках, в живописном имении супругов Мартин «Саммер Брук», о чем свидетельствует его переписка с М. Хилквитом, К. Пятницким, И. Ладыжниковым, А. Амфитеатровым и др. летом 1906 г.: «Сейчас работаю над окончанием повести "Мать"...»; «Кончаю повесть "Мать"»; «Скоро кончу повесть. Кажется, будет очень неудачна»; «Оканчиваю повесть весом фунтов в 10. Длинно и скучно»[11]. Горький торопился закончить первую часть к моменту заключения договора с американской компанией «Appleton and K°», которая приобрела у него право на издание «Матери» в Америке и во всех англоязычных странах. По воспоминаниям М.Ф. Андреевой, за время пребывания в Америке она перепечатывала «Мать» пять раз — так много исправлений вносил Горький в текст первой редакции[12].

Несмотря на то что писатель был не доволен повестью, о чем сообщал в письме В. Львову-Рогачевскому: «"Мать", — говорю, — вещь неудачная, не только внешне, — потому что длинно, скучно и небрежно написана, но главное — она недостаточно демократична, в ней нет необходимого для демократической литературы пафоса»[13], сразу после выхода в свет она вызвала огромный резонанс как в России, так и за рубежом. Стоит отметить, что иностранные критики были более благосклонны к повести, нежели русские: «Спасибо за отзывы газет о "Матери", сообщенные Вами, — пишет Горький в письме Р.П. Аврамову. — Очень удивлен, ей-богу! В России "Мать" не имеет успеха, для меня это доказательство того, что мы и в идейных, и в эстетиче-

ских запросах опередили немцев. Браво!»; «<...> за последнее время, очевидно, ввиду успеха, который книга имеет в Германии и во Франции, несколько издателей из Лондона спрашивают у меня разрешение перевести "Мать". Что я могу им ответить, зная, что издатели-американцы имеют право издавать эту книгу и в Англии?», — спрашивает писатель М. Хилквита в письме от 18 ноября (1 дек.) 1907 г.[14]

Книга была с восторгом принята в Германии. Как только летом 1907 г. повесть перевели на немецкий язык, ряд газет опубликовали ее на своих страницах. Одной из первых была «Vorwärts» (1907. № 125–211. 2 июля — 30 окт.). На ее страницах вышла и первая статья о повести (1907. № 199. 12 окт.). За газетой последовали и другие издания «Hamburger Echo», «Sächsische Zeitung» и др.[15] Высокую оценку повести «Мать» дал немецкий экономист, историк и публицист К. Каутский: «Ваши произведения стали для меня гораздо большим, чем просто беллетристика <...> Для понимания эпохи или народа гораздо существеннее, чем описания историков или статистиков, картины, созданные великими поэтами»[16].

В числе тех, кто одним из первых высоко оценил повесть «Мать» в России, был В.Л. Львов-Рогачевский. На выход книги он отозвался большой статьей «На пути в Эммаус», опубликованной в №11 журнала «Образование» за 1907 г.: «Повесть М. Горького — это огромная картина жизни. Такой широты охвата, такого богатого содержания не было ни в одной из написанных книг художника.

Нам бы хотелось назвать эту повесть в параллель с "Мертвыми душами" поэмой — "Воскресшие души"»; «При чтении "Матери", — продолжал В. Львов-Рогачевский, — нужно иметь в виду, что эта книга — только начало. За "Матерью" должна выйти следующая книга — "Сын", в которой художник выведет уже знакомые нам фигуры»[17]. В личном письме критик писал: «Обрадовался я Вашей книге, как "матери". В ней есть что-то умиленное и умиляющее; так можно писать о матери только на чужбине и только, не изведавши материнской ласки в детстве. Теперь заговорят не о тургеневских "Отцах и детях", а о Горьковских "Матерях и детях" и о величественном слиянии материнского и человеческого. Вы первый выдвинули фигуру *новой* матери "невинно убиенной" и воскресшей и поставили ее на должную высоту»[18].

Работа над второй частью повести началась на Капри, куда Горький переехал в конце октября 1906 г. Согласно его планам: «Вторая (часть. — *Ред.*) будет более обильна событиями: бунт в тюрьме, убийство Мазина, бегство Весовщикова, работа матери в тайной типографии, истязание Рыбина полицией, суд над Павлом, его бегство, смерть хохла, арест матери. Новые лица — революционеры-интеллигенты, рост с<оциал>-д<емократической> партии в городе. Доведу действие повести до Октябрьских дней...»[19] Однако многие из указанных эпизодов писатель так и не ввел в рамки повести. В

итоге Горький отказался от убийства Мазина и смерти хохла. По предположению Э.Л. Ефременко, составившей комментарий к «Матери» в Полном собрании сочинений: «Судить о том, что помешало осуществлению этого — более широкого — замысла, трудно. Немаловажную роль, видимо, играли очень сжатые сроки работы, обусловленные договором с американскими издателями...», исследователь называет также и другую причину — соображения «идейно-творческого характера»[20].

Из обширной переписки Горького стало известно, что писатель намеревался создать дилогию, вторая часть которой называлась бы «Сын». Писатель рассматривал и другие варианты — «Павел Власов», «Герой». Согласно замыслу, в этой части Горький планировал рассказать о ссылке Павла Власова, его побеге с каторги и участии в событиях Октябрьской революции, о чем свидетельствуют письма Ладыжникову в феврале 1907 г.: «Составил план романа "Павел Власов" — в трех частях: Ссылка, В работе, Революция. Это буду писать с удовольствием! И, кажется, напишу приличную вещь». О том же Львову-Рогачевскому — в августе 1907 г.: «Роль еврея в революции попытаюсь изобразить в повести "Сын", она явится продолжением "Матери"»; Р.П. Аврамову — в ноябре 1907 г.: «Вероятно, в эту зиму я напишу недурную вещь, над планом ее сейчас работаю»; Пятницкому — в апреле 1908 г.: «Как только разъедутся гости, сажусь писать повесть "Герой"»[21].

К работе над второй частью повести Горького подтолкнуло знакомство с семьей профессионального революционера И.С. Кадомцева на Капри в 1909 г. В письме к В. Десницкому в начале апреля 1933 г. Горький вспоминал: «Предполагалось после "Матери" написать "Сын", — у меня были письма Заломова из ссылки, его литературные опыты, знакомства с рабочими обеих партий и с крупнейшими гапоновцами: Петровым, Инковым, Черемохиным, Карминым, впечатления Лондонского съезда, но — всего этого оказалось мало. "Лето", "Мордовка", "Романтик", "Сашка", <"Легкий человек"> — можно считать набросками к "Сыну"...»[22]

Названные Горьким произведения были написаны в разное время. Наиболее значимая из них — повесть «Лето» (октябрь-декабрь 1908 г. — весна-лето 1909 г.) — так же как и «Мать» оказалась под запретом в России и имела непростую историю создания. В основу сюжета повести лег дневник некоего Игната Тимофеева, присланный Горькому неизвестным адресатом. В предисловии к немецким изданиям «Лета» писатель сообщил:

«Материалом для этой повести послужил написанный на двадцати трех листках почтовой бумаги дневник, который в свое время поступил ко мне от неизвестного лица и сопровождался следующим письмом:

"Глубокоуважаемый господин Максим Горький!

Эти строки пишет Вам Игнатий Тимофеев, крестьянин из Калужской губернии, который просвещением своей души обязан русской литературе и Ва-

шему участию в ней, благодаря чему определилась и моя судьба, предназначившая меня, с моими ничтожными способностями, работать над делом просвещения крестьян. Я посылаю Вам мой дневник как материал и прошу Вас использовать его по Вашему усмотрению. Я писал его с 6-го года до октября текущего года; в данное время я лежу в больнице, потому что я попал под груженную дровами телегу. Хотя я не принадлежу ни к какой партии, поскольку единственным моим желанием было служить народу, я, однако, верю, что мой дневник представляет интерес, несмотря на отсутствие у меня писательского таланта. Покорно прошу Вас известить меня о получении дневника по адресу: Мценск, земская больница, Захару Ивановичу Белявину. От всего сердца желаю Вам доброго здоровья и неисчерпаемых сил для многолетней деятельности на благо нашего великого народа, который, исполненный веры и надежды, находится накануне праздника своего пробуждения к свободной жизни.

И. Тимофеев"»[23].

Горький решил разыскать автора дневника и направил в больницу Мценска письмо и денежный перевод. Вскоре от врача пришла справка, что названный писателем человек не находился на лечении в стационаре. Тогда Горький направил повторный запрос на имя Захара Ивановича Белявина. В этот раз дело увенчалось успехом — ответ пришел положительный, но все было омрачено содержанием письма. Захара Белявина доставили в больницу с тяжелыми повреждениями, полученными от копыт лошади. Спустя некоторое время он скончался.

Собрав накопленный материал воедино, осенью 1908 г. Горький взялся за написание новой повести, о чем сообщил Е.П. Пешковой: «Пишу повесть...»[24] Уже в конце марта 1909 г. писатель известил И.П. Ладыжникова: «Мною написана небольшая повесть на тему о революционной работе в деревне в наше время. Через недельку, две — пришлю. Говорят — удалось попасть верно», и спустя месяц: «Рукопись "Лета" завтра вышлю <...> Где в России будет печататься эта вещь и когда — не знаю, ибо со "Знанием" я, вероятно, окончательно порву»[25].

Памятуя гневные отклики на повесть «Мать», Горький с особой тщательностью подошел к написанию «Лета», о чем свидетельствуют воспоминания А.В. Амфитеатрова: «Десять месяцев Горький работал и думал над готовою повестью, взвешивая в ней каждую фразу, каждое слово, и выносил, воистину, "жемчужное ожерелье". Против того, как застал я "Лето" в феврале 1909 года, для печатного издания оно изменилось немного. Горький расширил несколько теоретическую, публицистическую часть повести и, по-моему, напрасно»[26]. О том же вспоминала О.М. Кадомцева — невестка Анны Федоровны Кадомцевой, история жизни которой легла в основу повести. Находясь летом 1909 г. вместе с Горьким на Капри, она присутствовала на домашнем

чтении повести: «Мне запомнилось произведение “Лето”, которое он читал и о котором много говорили. Алексей Максимович все замечания, высказанные по поводу произведения или на отдельные выражения, принимал очень просто и записывал, чтобы продумать их»[27].

Летом 1909 г. работа над повестью уже была закончена, и в августе писатель обратился с просьбой к И.П. Ладыжникову: «Думаю, что “Лето” можно печатать и выпускать <...> Но сначала пришлите мне корректуру “Лета” — по возможности скорее»[28]. Отдельной книгой повесть «Лето» вышла в издательстве И.П. Ладыжникова в Берлине и практически одновременно с цензурными купюрами в «Сборнике товарищества “Знание” за 1909 год» (СПб. Кн. 27. С. 1–151).

Как и повесть «Мать», «Лето» было принято в штыки цензурой практически сразу после выхода в свет. Из переписки Пятницкого с С.П. Боголюбовым, относящейся к осени 1909 г., стало известно, что редакторам приходилось «подрабатывать» отдельные места, чтобы книгу пропустила цензура: «Когда перешли к рукописям, первые дни были посвящены “Лету”. Пришлось перечитать его несколько раз. Разобрали вместе все места, к которым могла придраться цензура. Мне кажется, теперь повесть приняла такой вид, что пройдет без осложнений»[29]; «Только что получил первые шесть листов “Лета”. Грамматических ошибок править не будем, надеемся на корректора. Ограничимся просмотром текста со стороны цензурной. Так избежим задержки»[30]; «... “Лето” прочел. Нахожу в нем много мест не цензурных. Помните, — много ли надо было, чтобы конф<исковать> 16 сб.? “Лето” — куда злее!»[31]; «... думается, обрушатся на нас и признают неблагонадежным общее направление “Лета”»[32]; «Ответственность за “Лето” во много раз легче, чем ответственность за “Мать”, которая уже лежит на А.М. “Лето” не прибавит ничего нового. Но относительно “Матери” распространение признано, 129 статья уже применена. Приговором о “Матери” будет покрыт, поглощен приговор о “Лете”»[33].

Дабы защитить произведение от излишних нападок, Горький привлек к работе адвоката О.О. Грузенберга: «Мне переслали Ваше письмо. Напрасно благодарите: оказать услугу Вам — для меня глубокое удовольствие.

Я крепко и верно люблю Вас и как человека, и как писателя. <...> Чтобы там ни писали гг. газетчики, “Лето” мне очень нравится»[34].

Во избежание неприятностей, Грузенберг также просматривал текст рукописи перед проверкой цензурой: «... пускать боюсь, О.О. Г<рузенберг> ничего не сообщает.

Пускать боюсь: мы будем отвечать»[35].

Несмотря на суровое отношение цензуры, повесть была встречена критикой и обществом более благосклонно, чем «Мать». Первые отклики стали поступать уже осенью 1909 г. Так, 25 октября А.В. Амфитеатров писал Горь-

кому: «Написал о "Лете" преогромную статью и отправил ее в Киев<...> Другую напишу для Одессы. Больно уж хороша штука! По стильной выработке, по великому спокойствию мысли и слова это положительно лучшая Ваша вещь»[36]; в декабре того же года: «"Лето" встречено в России, несомненно, хорошо. Говорят, ругается Дорошевич и подлаял что-то скромный Измайлов, но это — "батюшка, прокляни мою ниву! Твое проклятие пуще навоза!" Провинция сейчас важнее столиц, а она откликается на "Лето" дружно и хорошо»[37]. Заинтригованный статьей Амфитеатрова, М.М. Коцюбинский в письме от 23 октября обращается к Горькому: «Лежа в постели, я с упорством больного все думал, что Вы вспомните свое обещание и пришлете мне "Лето". Статья Амфитеатрова обострила мое желание, т.к. из нее я узнал, что повесть уже напечатана, и очень просил бы Вас, <...> прислать мне "Лето" в конвертах или иным путем, какой найдете удобным»[38].

Хвалебно отозвались о «Лете» и такие писатели, как Ф.Д. Крюков: «А вот — о "Лете" (про "Окуров" умолчу — мало знакомо мне то, что описано там, <...> а вот из-за "Лета" ругался не один раз! "Лето" очень бранили, — Вы знаете. А между тем никто из хулителей не указал и теперь не указывает, что интерес и внимание к деревне начали теперь расти благодаря в значительной степени "Лету". <...> но самое важное теперь в деревне — они, герои "Лета", — то, что идет и вырастает...

Я когда читал "Лето", находил, что оно слишком изысканно написано; я бы хотел побольше тревоги, метания, растрепанности, — было бы удивительнее. <...>

Лично я не восторгаюсь "Летом", но считаю его для нынешнего дня самым значительным произведением и думаю, что к нему не раз еще вернутся в литературе»[39]. С.С. Кондурушкин писал в январе 1910 г. Горькому: «Я в восторге от "Городка Окурова". Ах, как это хорошо! "Лето" не так. Оно, конечно, написано зорким художником и большим мастером, но нет в нем *интимности* жизни, а есть художественная рассудочность, если можно так выразиться»[40].

Из воспоминаний К.А. Алферова (кличка Яков), написанных в 1955 г., стало известно, что Горький знакомил со своей повестью и студентов Каприйской школы. В отличие от «Городка Окурова», встреченного ими гробовым молчанием, «Лето» понравилось им своим боевым настроем[41].

Положительно охарактеризовал повесть соратник Горького А.А. Богданов, стоявший вместе с ним у истоков Каприйской школы. Он считал, что писатель очень правдиво изобразил настроения крестьянства в первые годы «междудумья»[42].

После выхода повести «Мать» в свет многие критики ставили Горькому в укор плохое знание русской революционной действительности и излишнюю идеализацию главных героев. Писателю указывали, что он никак не может претендовать на роль знатока России, проживая долгое время за рубежом. Не

избежала этой же участи и повесть «Лето». В своих мемуарах А.А. Золотарев вспоминал: «Еще больше расхождение обнаружилось у Горького с Россией, когда он следующую свою каприйскую повесть "Лето" закончил бурным радостным аккордом:

— С праздником, великий русский народ. С Воскресением близким, милый!

Одним показалось, что Горький берет на себя роль этого сказочного дурака, что на свадьбе пел: "Со святыми упокой!" и на гармонике играл плясовую. Другие критики острили над превращением Максима Горького в Максима Сладкого под чарами сладостного Неаполя»[43]. По мнению Золотарева, повесть «Лето» относится к первой, наиболее плодотворной в творческом плане, половине Каприйского периода жизни Горького.

Каково же было отношение к повести самого Горького? Незадолго до смерти писателя в 1935 г. к нему обратился А.П. Пинкевич с просьбой опубликовать «Лето» в серии «Библиотека колхозника». Автор с присущей ему тщательностью просматривал отдельные части произведения, чтобы доработать их в соответствии с пожеланиями редактора: «В Вашем рассказе "Лето" можно выделить ту часть, которая посвящена стражнику. Это я сделал и прошу Вас просмотреть посылаемый Вам материал и сказать, правильно ли это сделано <...> Кроме этого, я посылаю ту часть рассказа, где даны характеристики крестьян-революционеров. М.б. дать и эту часть?»[44]

Повесть планировали опубликовать в 8-м сборнике «Библиотеки колхозника», в который также должны были войти произведения И. Вольнова, Семенова-Тяньшанского, Подъячева. В объяснительной записке сотрудника редакции Березина говорится: «Алексей Максимович собрался было дать из своего рассказа "Лето" фигуру стражника и предложил А.П. Пинкевичу продумать вопрос»[45]. Однако на доставленных обратно в редакцию материалах красовалась приложенная Горьким записка: «Все это настолько плохо, что ничего отсюда нельзя извлечь для "Колхозника".

Простите эту работу»[46].

Следующим наброском ко второй части дилогии стал рассказ «Романтик», написанный в начале 1910 г. Вышел отдельной книгой в Берлине в издательстве И.П. Ладыжникова в том же году и под названием «До полного!» в «Новом журнале для всех» (1910. № 18. Апр.). В январе 1910 г. редактор «Нового журнала для всех» П.А. Берлин обратился к Горькому: «Вы бы оказали журналу огромную услугу, согласившись в нем сотрудничать и дав небольшую вещь»[47]. Берлин предлагал напечатать на страницах журнала рассказ Горького «Люди окружают жизнь», опубликованный в 4-м номере запрещенного цензурой журнала «Адская почта». Писатель попросил выслать ему материал для просмотра и пообещал дать готовый рассказ не позднее апреля-мая. Но это уже было совсем новое произведение.

На следующий же день после выхода в «Новом журнале для всех» рассказ «Романтик» был перепечатан московской газетой «Утро России» (№ 126) без ведома Горького. В письме от конца мая 1910 г. И.С. Шмелеву он прокомментировал этот инцидент следующим образом: «...мало ли что пишут в "Утре России" и других приютах авантюризма? Это же публика дикая, они вон схватили мой рассказ из "Н<ового> ж<урнала> для в<сех>", напечатали и — ни звука о том, что это перепечатка!»[48] Берлин также был возмущен дерзкой выходкой газеты и потребовал от редакции «Утра России» объяснений: «Московское "Утро России" самым мародерским образом перепечатало Ваш рассказ целиком без указания источника. Конечно, сделали им запрос, отвечают, что "по недосмотру" забыли указать, что рассказ перепечатывается»[49].

Горький не раз рекомендовал рассказ для переиздания, о чем свидетельствует его переписка с издателями. Так, в 1912 г. он писал И.П. Ладыжникову: «Посылаю письмо Корецкого. Предложите ему "Жалобы", их как раз четыре. Или предложите рассказы "Романтик" ("Мордовка") и "До полного"»[50]. На что 27 октября 1912 г. Ладыжников ответил: «Я получил Ваше письмо еще 2-го октября, в тот же день был у "Нивы", переговорил также с Корецким, условился с ним, что он возьмет для приложения к журналу "Пробуждение" в 1913 г. *или* "Жалобы" *или* "Мордовка", "До полного"...»[51] В июне 1925 г. Горький просил Е.Д. Зозулю: «Вы хотите печатать еще несколько моих рассказов? Сделайте одолжение, если Госиздат не против этого <...> Лично я хотел видеть в "Огоньке" "Озорника", "На плотах", "26 и одна", "Хозяина", "Романтика"»[52]. В декабре этого же года Горький просил через П.П. Крючкова опубликовать в журнале «Прибой» в числе прочих рассказы «Романтик» и «Мордовку». Через него же в 1928 г. Горький просил В.М. Проскурякова опубликовать их в серии «ДБО»[53].

Примерно в одно время с «Романтиком» был написан и рассказ «Мордовка». Издан отдельной книгой в Берлине в издательстве И.П. Ладыжникова в 1911 г. Одновременно напечатан в № 1 (январь) журнала «Современный мир» с подзаголовком «Рассказ».

В начале декабря 1910 г. Горький писал П.Б. Рубинштейну: «Вероятно, завтра я пошлю Вам еще небольшой рассказ; он современен, будет напечатан в "Совр<еменном> мире"; когда — я еще <не> знаю <...> Посылаемый рассказ — на ту же тему, что и "Романтик"»[54].

Как видно из машинописи с правкой и подписью автора, Горький с особой тщательностью подошел к изображению главной героини — мордовки Лизы, то убирая, то дополняя ее образ новыми деталями.

Рассказ «Мордовка» также вызвал бурные отклики в печати. На сей раз Горького обвиняли в том, что художественное воплощение замысла рассказа противоречит мировоззрению самого писателя. С.А. Адрианов в либерально-буржуазном «Вестнике Европы» писал: «Любопытно, что стоило

Горькому войти в атмосферу настоящей художественной работы, как в нем заколебалась вера в всеобъемлющую <...> силу социализма <...> Любопытно и то, что утоление, хотя и временное <...> боли <...> дает Павлу девушка, не только чуждая социалистическим идеям, но прямо даже отрицающая их основу, верующая в спасительную силу не классовой ненависти и борьбы, а всеобъемлющего мира и любовности, являющаяся, следовательно, представительницей того "консервативного, глубоко-любовного застоя", о котором Горький говорит в своей статье "О писателях-самоучках" <...> и который он приравнивает к чуме. При такой квалификации этих настроений немудрено, что, подойдя к этой интересной теме, Горький не сумел ничего из нее сделать и оборвал рассказ искусственной, психологически необоснованной и художественно неразработанной развязкой»[55].

Горького обвиняли и в полном отсутствии в рассказе революционного пафоса, столь свойственного произведениям этого периода, в неверии в силы рабочего класса. Критик Г. Старцев упрекал писателя в том, что его главный герой — революционно настроенный Павел Маков, оказавшись под влиянием любовных чар мордовки Лизы, отказался от активной деятельности. Будучи женатым на Даше — дочери мещанина, он мучился угрызениями совести в том, что ему приходилось изменять жене. Потонув в сложных любовно-бытовых коллизиях, Маков перестал быть партийно-сознательным. «Ушла неведомо куда мордовка, и остался рабочий при жене, подчинился красивому телу ее. И погибли все светлые мечты о борьбе... И станет "буржуем" рабочий... И не он один, — писал Г. Старцев. — Горький жалуется, что жены и семьи губят всех "сознательных" рабочих, обрывают крылья им и превращают в ничтожных, сырых, мягкотелых людей. Где же "буревестники"? Кто обратил их в мокрых кур? И так ли это? Не проглядел ли чего Горький из прекрасного далека своего?»[56]

Критик был прав, «Мордовка» и «Романтик» не поддерживали привычного революционного духа и характера, свойственных другим произведениям автора. Если до этого Горький опускал любовную линию в своих произведениях, жертвуя ею во имя высокой цели — революционной борьбы, то в этих двух рассказах писатель впервые поменял эти сюжетные линии местами и наглядно продемонстрировал несовместимость таких понятий, как любовь, семья, быт и служение великой идее.

Этого мнения придерживался и Р.П. Романов: «Читал "Жалобу" и "Мордовку", — делился он впечатлениями с Горьким в письме от 22 января 1911 г. — Хороша "Жалоба", не в бровь, а в глаз русской "самобытности". Очень хорошо. "Мордовка" заставила меня взгрустнуть. Какой же выход из положения женатого сознательного рабочего, ежели и Лизы не спасают? Вопрос остается открытым»[57].

Критика «левого» толка также не одобрила рассказы. В.М. Молотов в своих воспоминаниях писал: «Про Горького и про "Мордовку" — не буду много

говорить. Я не считаю его вполне художественным (за саму Мордовку), но все же это плюс по сравнению с "Городком Окуровым" и особенно — "Летом"»[58].

Последним из набросков ко второй части дилогии стал рассказ «Легкий человек» («Сашка»), написанный незадолго до Октябрьской революции. Впервые был напечатан с подзаголовком «Воспоминания» в № 5–6 (май-июнь) журнала «Летопись». Рассказ вошел в цикл «По Руси».

В основу сюжета легли воспоминания писателя о 1884–1888 годах, проведенных в Казани. Тот, кто хорошо знает этот город, легко узнает описанные Горьким места. Казань всегда славилась своими трактирами — главный герой Сашка изображен большим любителем, знатоком и завсегдатаем трактиров и разгульной жизни[59]. Прототипом главного героя, предположительно, был Гурий Плетнев — корректор «Волжского вестника», с которым Алексей Пешков жил в Марусовке. Сашка, так же как и его прототип, работает в газете наборщиком. После первой публикации Горький правил текст для сборника «Ералаш», но правка была незначительной и носила в основном стилистический характер.

Подводя итог, стоит заметить, что все четыре рассказа носили абсолютно разный характер. Серьезная программная повесть «Лето» слабо перекликалась с бытовыми рассказами «Романтик» и «Мордовка», и уж совсем легкомысленным «Сашкой». Сложно представить, как Горький смог бы собрать их воедино в одном произведении. Наверное, поэтому он и написал Десницкому в 1933 году: «"Лето", "Мордовка", "Романтик", "Сашка" — можно считать набросками к "Сыну" и они показывают, что с "Сыном" я бы "не сладил". Такто...»[60]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. напр.: *Касторский С.М.* Повесть М. Горького «Мать», ее общественно-политическое и литературное значение. Л.: Учпедгиз, 1954; *Бялик Б.А.* Творчество М. Горького в советскую эпоху. М.: Госкультпросветиздат, 1956; *Овчаренко А.И.* Социалистический реализм и современный литературный процесс. М.: Сов. писатель, 1968; *Михайловский Б., Тагер Е.* Творчество М. Горького. М.: Просвещение, 1969; *Муратова К.Д.* М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1958 и др.

[2] *Волков А.А.* Ленин и Горький. М.: Современник, 1974. С. 152.

[3] *Десницкий В.* М. Горький. Л.: ГИХЛ, 1935. С. 150.

[4] *Г-30.* Т. 29. С. 154.

[5] Горький. *Письма.* Т. 6. С. 72.

[6] Горький. *Сочинения.* Т. 8. С. 463.

[7] *Спиридонова Л.А.* М. Горький: новый взгляд. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 66.

[8] Горький. *Письма*. Т. 5. С. 194.

[9] Там же. С. 210.

[10] Горький. *Варианты*. Т. 3. С. 13.

[11] Горький. *Письма*. Т. 5. С. 200, 203, 202, 213.

[12] *Касторский С.* «Мать» М. Горького. Творческая история повести. Л.: ГИХЛ, 1940. С. 71.

[13] Горький. *Письма*. Т. 6. С. 72.

[14] Там же. С. 110–111.

[15] Подробнее об этом см.: Горький. *Письма*. Т. 6, п. 152, примеч. 4.

[16] *АГ*. КГ-ин-Г-2-35-2.

[17] *Львов-Рогачевский В.Л.* На пути в Эммаус // Образование. 1907. № 11. С. 79, 81.

[18] *АГ*. КГ-п-47-1-1.

[19] Горький. *Письма*. Т. 5, п. 332 и примеч.

[20] Горький. *Сочинения*. Т. 8. С. 430.

[21] Горький. *Письма*. Т. 6. С. 29, 72, 110, 221.

[22] *АГ*. ПГ-рл-13-11-2.

[23] Горький. *Сочинения*. Т. 9. С. 569.

[24] *Архив Г. 9*. С. 57.

[25] *Архив Г. 7*. С. 192.

[26] *Амфитеатров А.* Разговоры по душе. М., 1910. С. 29.

[27] *АГ*. МоГ-5-16-1.

[28] *Архив Г. 7*. С. 197.

[29] *АГ*. П-ка «Зн.» 36-1-4.

[30] *АГ*. П-ка «Зн.» 36-1-16.

[31] *АГ*. П-ка «Зн.» 7-1-81.

[32] *АГ*. П-ка «Зн.» 7-1-83.

[33] *АГ*. П-ка «Зн.» 36-1-21.

[34] *АГ*. КГ-ОД-1-6-4.

[35] *АГ*. П-ка «Зн.» 7-1-88.

[36] *АГ*. КГ-п-2-1-36.

[37] *АГ*. КГ-п-2-1-37.

[38] *АГ*. КГ-п-39-11-5.

[39] *АГ*. КГ-п-41-3-4.

[40] *АГ*. КГ-п-37-2-19.

[41] *АГ*. МоГ-1-27-1.

[42] *АГ*. МоГ-2-51-1.

[43] *АГ*. МоГ-4-16-2.

[44] *АГ*. КГ-п-57-23-5.

[45] *АГ*. ХПГ-36-5-4.

[46] Там же.

[47] *АГ*. КГ-п-8-10-3.

[48] *АГ.* ПГ-рл-54-18-5.

[49] *АГ.* КГ-п-8-10-6.

[50] *Архив Г. 7.* С. 207.

[51] *АГ.* КГ-п-42-1-7.

[52] *Архив Г. 10.* Кн. 2. С. 111.

[53] *АГ.* КГ-рл-1-16-1.

[54] *АГ.* ПГ-рл-37-19-1.

[55] Вестник Европы. 1911. № 4. С. 389, а также — *Горький. Сочинения.* Т. 8. С. 507–508.

[56] *Старцев Гр.* Литературные заметки. Новые рассказы М. Горького: «Жалобы» и «Мордовка» // Баку. 1911. № 33. 11 февр.

[57] *АГ.* КГ-п-1-40-23.

[58] *Никонов В.* Молотов. Молодость. М., 2005. С. 57, 58.

[59] Горький. *Сочинения.* Т. 14. С. 505.

[60] *АГ.* ПГ-рл-13-11-2.

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ А.М. ГОРЬКОГО[1]

Статья и примечания С.М. Демкиной

«Алексею Максимовичу Пешкову (он же Максим Горький) в знак дружеского расположения и на добрую память от автора. *Антон Чехов.* 15 фев. 1900. Ялта»[2].

«А.М. Пешкову искренне его любящий *Ив. Бунин.* Нижний, 15 окт. 1903 г.»[3].

«Максиму Горькому в знак давней любви и глубокого уважения. *Ал. Блок.* VIII. 1919»[4].

«Великого писателя Максима Горького, всеми обездоленными горячо любимого, предтечу и апостола Великой Русской революции, просит принять от себя на память в знак бесконечной преданности и благоговения. *Автор.* г. Владимир, 10 февр. 1922»[5].

«Одному из лучей в моей юности Алексею Максимовичу Пешкову (Горький) от автора, типографского рабочего *А.М. Филиппова* 4/VIII-28 г.»[6].

Личная библиотека Алексея Максимовича Горького, хранящаяся в московском мемориальном музее-квартире писателя на Малой Никитской, имеет длинную историю. Последняя, можно сказать, итоговая библиотека Горького, занимая почетное место среди известных библиотек А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, А.А. Блока, уступает по своим размерам лишь яснополянскому собранию Л.Н. Толстого. Начавшись с небольшой этажерки в самарской квартире писателя, книжная коллекция формировалась в течение сорока лет. В.В. Набоков писал об «университетах» Алексея Пешкова: «... ему открылся мир книг, и он начал читать все, что мог достать. Сначала читал все без разбора, но очень скоро у него сложился прекрасный и тонкий вкус»[7]. Самостоятельно, «... постоянным напряжением ума и воли»; он сумел переступить «порог, быть может один из труднейших на свете»: шагнул «из мещанства в интеллигенцию»[8]. Этому способствовало рано сформировавшееся, особое отношение Горького к книге: «книга играла в жизни моей роль матери»[9].

Большинство книг горьковской библиотеки вместе с ее владельцем дважды совершили большое путешествие из России в Италию и обратно. В 1906 г. на Капри формирование библиотеки получило интенсивное продолжение. Горькому высылали из России некоторые тома собственной библиотеки, и одновременно он направлял составленные на основе публикуемых издательствами проспектов длинные списки заинтересовавших его новинок. Вернувшись в 1913 г. в Россию, писатель соединил две части своей библиотеки — каприйскую и российскую. В Санкт-Петербурге, на Кронверкском проспекте, книги заняли целую комнату, где стеллажи шли от пола до потолка. Вновь оказавшись в 1924 г. в Италии, Горький пополнял свое книжное собрание, с неослабным вниманием наблюдая за формированием и борьбой литературных группировок, появлением новых имен и книг. Русские издательства и авторы по-прежнему направляли ему свои книги. Присланные тома переплетались в Неаполе, поэтому на кожаных корешках имя автора и русское название вытиснены латинскими буквами.

Готовясь к возвращению на родину, Горький, прежде всего, собирал в дорогу библиотеку: книги методично раскладывали и паковали в нумеруемые связки. В Москве по мере их поступления создавались списки, в которых каждый том имел три обозначения — номер шкафа, полки и связки. Последние издания прибыли из Сорренто в 1934 г. Именно книги, постепенно заполнявшие дом на Малой Никитской после приезда, помогли Горькому «обжить» свою последнюю квартиру, где поначалу ему было не очень уютно. Книжные шкафы красного дерева, изготовленные по эскизам хозяина, заняли библиотеку — вторую по величине и самую красивую комнату дома, малый холл, большой парадный вестибюль и знаменитую мраморную лестницу-волну, ведущую на второй этаж. В 1935 г. гость дома — Р. Роллан — восхищался Горьким, по-прежнему читавшим все новинки литературы и до старости сохранившим редкое качество «удивления книге».

Двенадцать тысяч томов последнего книжного собрания, размещенных в шкафах по 23 тематическим разделам, — не только бесценные экспонаты музея, но и немаловажный источник изучения личности великого писателя. Последней библиотеке Горького посвящены научные публикации, доклады и монографии[10]. Огромный интерес для горьковедов и специалистов-филологов представляют дарственные надписи на книгах личной библиотеки писателя. Прежде всего, это автографы людей, во многом сформировавших отечественную литературу двадцатого века: М. Горького, А.П. Чехова, В.В. Розанова, В.Г. Короленко, А.А. Блока, И.А. Бунина, Л.Н. Андреева, Б.Л. Пастернака, А.И. и М.И. Цветаевых, Н.С. Гумилева и др. Для понимания сложных исторических и художественных процессов прошлого важны все имена, образы и размышления, сохранившиеся в нескольких дарственных строках.

Надписи на книгах горьковской библиотеки отразили не только событийную сторону смены исторических формаций, но во многом «зафиксировали» основные стилистические и лексические тенденции. За десятилетия, разделяющие первые и последние автографы, в языковую повседневность вместе с новыми реалиями вошли новые слова, манера общения и словоупотребления. Большинство автографов, сделанных после 1917 г., узнаваемы по сюжетной составляющей, лексике, эмоциональной насыщенности; некоторой растянутости и автобиографическим подробностям, искренности и наивности.

Среди первых автографов в ретроспективе дарственных надписей на книгах личной библиотеки Горького — мемории Владимира Галактионовича Короленко. «Известно, — писал Горький, — что в большую журнальную литературу я вошел при его помощи»[11]. В первый раз они встретились в Нижнем Новгороде в 1889 г.: начинающий поэт показал мэтру поэму «Песнь старого дуба»; позднее по совету Короленко уехал в Самару. В 1902 г. Короленко вместе с Чеховым вышел из Академии в знак протеста против лишения Горького звания почетного академика, после событий 1905 г. ходатайствовал об освобождении его из тюрьмы. Вспоминая о своем первом учителе в литературе, которому впоследствии посвятил три очерка: «В.Г. Короленко», «Время Короленко», «Из воспоминаний о В.Г. Короленко», Горький писал: «Встречи мои с ним были редки, я не наблюдал его непрерывно изо дня в день, хотя бы на протяжении краткого времени. Но каждая беседа с ним укрепляла мое представление о В.Г. Короленко как о великом гуманисте. Среди русских культурных людей я не встречал человека с такой неутомимой жаждою "правды-справедливости", человека, который так проникновенно чувствовал бы необходимость воплощения этой правды в жизнь»[12]. В Личной библиотеке находятся два собрания сочинений Короленко (прижизненное и посмертное); несколько отдельных изданий его произведений, в том числе два тома писем с пометами Горького (*ОЛБГ. 3104, 7383*) и три книги с автографами: «История моего современника», подаренная «Алексею Максимовичу Пешкову-Горькому на добрую память от земляка по Нижнему Новгороду. *Вл. Короленко*»; «Бытовое явление: (Заметки публициста о смертной казни)»: «Алексею Максимовичу Пешкову-Горькому на добрую память от *Вл. Короленко*. Август 1910» (*ОЛБГ. 1106, 1105*); «Записные книжки (1880–1900)», — дар семьи Короленко «Глубокоуважаемой Екатерине Павловне от семьи Короленко. 7/VIII — 1935 г.» (*ОЛБГ. 8989*).

В книжном собрании на Малой Никитской множество изданий Антона Павловича Чехова — дореволюционных и более поздних. Особо ценил Горький подарок Чехова — его «Сочинения», изданные А.Ф. Марксом в 9 томах с надписью: «Милому другу Алексею Максимовичу Пешкову (Максиму Горькому), на память о ялтинском житии в 1901–1902 гг. от *Антона Чехова*.

19 апреля 1902. Ялта» (*ОЛБГ. 1640*). Второй чеховский автограф относится к более раннему периоду: «Алексею Максимовичу Пешкову (он же Максим Горький) в знак дружеского расположения и на добрую память от автора. *Антон Чехов.* 15 фев. 1900. Ялта» (*ОЛБГ. 8449*). Горький очень ценил Чехова и как писателя, и как человека. Личному знакомству, столь важному для Горького, предшествовало эпистолярное общение. В первом письме Чехову автор, «пользуясь случаем», признается в «искреннейшей горячей любви, кою безответно питаю к Вам со времен младых ногтей» и выражает «свой восторг пред удивительным талантом»[13]. В год основания Художественного театра Горький получил от Чехова письмо: «Вы художник, умный человек. Вы чувствуете превосходно... Это настоящее искусство»[14]. В библиотеке Горького хранятся не только произведения Чехова, но и труды, посвященные его творчеству и сценической истории пьес, юбилейные памятные сборники.

Очень интересны автографы горьковских друзей, например — И.А. Бунина и Л.Н. Андреева, когда-то злоязычными обывателями названных «Подмаксимовиками». «Дело в том, видите ли, что существует очень талантливый парень Леонид Андреев, который написал много маленьких рассказов...»[15], — сообщал Горький К.П. Пятницкому 2 февраля 1901 г. После знакомства в 1900 г. Горький ввел Андреева в литературный кружок «Среда», привлек к сотрудничеству в «Журнале для всех», «Жизни», «Нижегородском листке»; в сентябре 1901 г. выпустил в «Знании» его рассказы (СПб.: Знание, 1901). Писатели много общались в Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Швейцарии, на Капри, в Мустамяках. Их отношения осложнились после разгрома революции 1905–1907 гг. и во время начавшейся в 1914 г. войны. Узнав о смерти друга, Горький осенью 1919 г. написал в очерке «Леонид Андреев»: «В 16-м году, когда [он] привез мне книги свои, оба снова и глубоко почувствовали, как много было пережито нами и какие мы старые товарищи. Но мы могли, не споря, говорить только о прошлом, настоящее же воздвигало между нами высокую стену непримиримых разноречий». Тем не менее, Горький по-прежнему видел в Андрееве «человека крупного, своеобразного, очень близкого», «единственного друга в среде литераторов»[16]. В *ЛБГ* хранится немало книг Леонида Андреева, чья первая дарственная надпись относится к 1901 г.: «С извинением за скверный переплет: черт их угораздил натыкать этих цветочков. По существу же за содержание не извиняюсь, ибо извиняться — это значит обидеть тебя, дорогой друг мой Максимыч, ибо твоя рука вывела меня на эту дорогу и ты так же повинен в этой книжке, как и я. "Они" пытаются разгадать, кому я подражаю, и говорят много глупостей. А я действительно стараюсь подражать и здесь могу сказать — кому — тебе, Алексей Максимович. Не твоим писаниям, а твоему смелому и благородному духу, твоему прекрасному сердцу, в котором живет ненависть к злому, — эта лучшая форма любви к доброму. И самое горячее мое желание — всегда со-

хранить за собою твою любовь — всегда иметь право так же крепко пожать твою руку, как делаю я это сейчас. Твой *Леонид Андреев*. 20 декабря 1901 г.» (*ОЛБГ. 8121*). Последняя запись, подводящая итог их дружбе, на собрании сочинений 1915 г.: «Начиная с курьерского "Бергамота", — здесь все писалось и прошло на твоих глазах, Алексей: во многом — это история наших отношений. Мне здесь многое противно, и доволен я очень мало, как цена всей жизни — это пустяки. Пожалуй, это даже не литература. Но все печальное, что здесь сказано о жизни человеческой, пережито мною, и конечно, я счастлив, что удалось сказать, а не в молчании исчезнуть. И, конечно, я всегда был искренен. Но какие мы старые товарищи! Крепко жму твою руку. *Л.А.* 1915» (*ОЛБГ. 704*). Между этими двумя автографами были и другие: «Алексею Максимовичу Пешкову. 11 июня 1902 г. Арзамас. *Леонид Андреев*» (*ОЛБГ. 7768*); «Милому товарищу Алексею Пешкову. *Леонид Андреев*» (Мысль: Рассказ // Мир Божий. 1902. № 7 — *ОЛБГ. 8120*); «Милый Алексей! Помнишь, тебе понравилось, когда я рассказывал об этой штучке — вот посмотри, что вышло. *Твой Леонид*» (*ОЛБГ. 7767*), — на издании «Любовь к ближнему: Шуточное представление в одной карт». (Соврем. мир. 1908. Ноябрь).

«Дорогому другу» «от старого друга», «от друга и почитателя», — так обращается к Горькому в памятных надписях на книгах Иван Алексеевич Бунин (Деревня. М., 1910; Суходол. М., 1912; Полн. собр. соч. Пг., 1915). Писатели познакомились у А.П. Чехова в Ялте 20 марта 1899 г.; в течение многих лет переписывались и встречались в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Москве, на Капри. По приглашению Горького Бунин сотрудничал в журналах «Жизнь» и «Летопись», издательствах «Знание» и «Парус». Именно «Знание» напечатало первое Собрание сочинений Бунина. Горький писал Чехову в сентябре 1900 г.: «Знаете — Бунин умница. Он очень тонко чувствует все красивое, и когда он искренен — то великолепен. Жаль, что барская неврастения портит его. Если этот человек не напишет вещей талантливых, он напишет вещи тонкие и умные»[17]. В этом же году Бунин посвятил Горькому поэму «Листопад». В московской библиотеке находятся многочисленные книги Бунина, в том числе восемь с дарственными надписями. Самые ранние бунинские автографы на изданиях «Знания»: втором томе «Стихотворений» (1903) («Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову *Ив. Бунин*») (*ОЛБГ. 7783*) и переводе Байрона («А.М. Пешкову искренне его любящий *Ив. Бунин*. Нижний, 15 окт. 1903 г.») (*ОЛБГ. 7771*); остальные надписи сделаны в 1910–1916 годах. Интересны строки, оставленные Буниным на книге «Чаша жизни: Рассказы» (1913–1914 гг. М.: Кн-во писателей в Москве, [1915]), — «Алексею Максимовичу, который никогда не присылает мне своих книг» (*ОЛБГ. 779*). В фондах музея хранится множество фотографий, напоминающих о частых дружеских встречах писателей. В апреле 1909 г. Горький писал Амфитеатрову с Капри: «Был Бунин — хороший это человек

и воистину поэт! Главное — честный человек, литературу любит, как мать»[18]. После революции их отношения резко изменились. Трагическое неприятие событий в России во многом объясняет данную в воспоминаниях Бунина негативную, искаженную картину многолетней дружбы с Горьким.

Особые отношения связывали Горького с В.В. Розановым. Личная библиотека писателя насчитывает двадцать пять книг Розанова, здесь практически все, что было издано. Горький не просто читал его, — изучал с карандашом в руках, на страницах этих томов около четырехсот помет, оставленных в разное время. Начал переписку Розанов, признаваясь, что это «давний порыв — написать Вам, и даже писать Вам (т.е. иногда), хотя бы и не дожидаясь ответа» и что в Горьком его привлекает «способность мечты — потерянная почти всем миром и от потери которой он собственно и стал "мещанством"»[19]. Дарственные надписи Розанова характеризуют специфику взаимоотношений двух писателей. Посвящение на книге «Темный лик: Метафизика христианства» (СПб., 1911): «На память о безвидной дружбе Алексею Максимовичу Пешкову. *В. Розанов.* 29 июня 1911 г. СПб.» (*ОЛБГ. 5713*) напоминает о том, что писатели так никогда и не встретились. «Был бы я на Руси, — пошел бы сейчас к Вам и десять часов говорили бы мы с Вами обо всем, что значительно в мире. Но, вероятно, не увидимся мы ...»[20], — провидчески заметил Горький. Отзвуки этой «невстречи» слышны и в письме Горького, приглашавшего Розанова на Капри («Это было бы хорошо! И обрадовало бы меня»[21]); и в автографе «Дорогому Максиму Горькому, дорогому со времени di Capri, но и особенно (идейно) со времени "Двух душ". *В. Розанов*» на издании «Апокалипсис нашего времени» (1917) (*ОЛБГ. 5694*). После публикации «Двух душ» на Горького обрушился поток критики, его обвиняли в излишнем пессимизме при оценке русского народа. Розанов, имевший свой взгляд на затронутые проблемы, считал, что выводы Горького во многом справедливы, но не совсем уместны в дни войны. В этой же статье автор упоминает Розанова, как одного «из чрезвычайно русских мыслителей»[22]. Не соглашаясь и постоянно споря с Розановым, Горький писал о нем Е.П. Пешковой: «Удивительно талантлив, смел, прекрасно мыслит и — при всем этом — фигура, м.б., более трагическая, чем сам Достоевский, уж конечно, более, более изломанная и жалкая»[23]. В драматичные послереволюционные годы Алексей Максимович помогал Розанову и его семье. После смерти Розанова Горький назвал его «...гениальным человеком, замечательнейшим мыслителем ...»[24] и любимейшим своим писателем.

3 января 1906 г. на знаменитом «литературном утре» у Вячеслава Иванова состоялось знакомство Горького с А.А. Блоком. Не называя их отношения близкими и дружескими, отметим постоянный взаимный «профессиональный» интерес. Наиболее тесным общение писателей было в 1918–1921 гг., в период сотрудничества в просветительских проектах Горького: издательст-

ве «Всемирная литература», Секции исторических картин, художественном совете Большого драматического театра. Горький писал А.Я. Цинговатову: «Я не был близок с Блоком, но немало наблюдал его и всегда казалось, что ему было бы легче жить и вырос бы он духовно еще значительней, если б родился в эпоху Тика и Новалиса, даже — позднее — Клейста .... В общем же Блок был изумительно красив как поэт и как личность. Завидно красив»[25]. 30 марта 1919 г. Блок, поздравляя «величайшего художника наших дней» Горького с пятидесятилетием, назвал его «посредником между народом и интеллигенцией»[26]. Сложность своих отношений с поэтом Горький отразил в воспоминаниях 1923 г., закончив их словами: «Нравится мне его строгое лицо и голова флорентийца эпохи Возрождения»[27]. В *ЛБГ* находится более тридцати книг Блока, на трех — дарственные надписи автора. Все три автографа относятся к 1919 г. — времени наибольшего сближения писателей: «Алексею Максимовичу Пешкову книжка, случайно оборвавшаяся на январе 1918 года, а конца ей — не видно. С глубоким уважением и преданностью. *Ал. Блок.* VIII. 1919» (*ОЛБГ. 2370*) — на книге «Россия и интеллигенция» (1907–1918); «Максиму Горькому в знак давней любви и глубокого уважения. *Ал. Блок.* VIII. 1919» (*ОЛБГ. 2372*) на издании «Стихотворений» (М.: Мусагет, 1916). Третье посвящение Блок сделал как редактор и составитель на стихотворном сборнике А. Григорьева (М.: Изд. К.Ф. Некрасова, 1916) — «Глубокоуважаемому и дорогому Алексею Максимовичу Пешкову книга, полная русской тоски и пьяной хандры, но и русских прозрений. От редактора ее. VIII, 1919» (*ОЛБГ. 2443*). Большое число горьковских помет содержится на страницах дневника Блока (Л.: 1928. Кн. 1 и 2) и на книге А.Я. Цинговатова «А.А. Блок. Жизнь и творчество» (М.; Л. 1926) — с авторским автографом: «Максиму Горькому — с любовью. *Автор.* 27/VIII» (*ОЛБГ. 3326*).

В 1916 г. Горький познакомился с молодым талантливым критиком Корнеем Чуковским. Горький пригласил его в издательство «Парус» и приветствовал создание детских сборников «Радуга» и «Ежик». Развитию дружеских отношений в тяжелые послереволюционные годы способствовала совместная работа по реализации горьковских начинаний («Союз писателей», Комиссия по улучшению быта деятелей искусства, «Всемирная литература», Секция исторических картин и т.д.). В 1928 г. Горькому пришлось защищать автора «Крокодила» и некрасоведа, опубликовав в «Правде» большое письмо. Позднее личные обстоятельства вынудили Чуковского просить о помощи: «Моя дочь умирает ... Я истратил на ее лечение все, что у меня было, и теперь у меня нет денег даже на лекарство. Между тем ГИХЛ и "Academia" должны мне какие-то деньги ...»[28]. Горький вмешался в ситуацию, «нажал на ОГИЗ», и Корней Иванович «получил <...> 2000 рублей»[29]. Измученный переживаниями за смертельно больную младшую дочь, Чуковский писал старшей: «Спасибо Алексею Максимовичу! Как он помогает мне в трудные минуты: Бобу опре-

делил в Институт, защитил моего Некрасова от Крупской — и теперь сделал все от него зависящее для облегчения участи Муры»[30]. Не случайно Лидия Корнеевна, обращаясь к Горькому в 1928 г., начала свое письмо так: «Я с детства привыкла знать, что если с писателем случается несчастье — нужно просить защиты у Горького»[31].

В знаменитом рукописном альманахе «Чукоккала» с именем Горького связаны интереснейшие страницы. Там можно увидеть горьковские автографы, документы и даже бумажный кораблик, сделанный руками писателя. В свою очередь в библиотеке Горького сохранились автографы Чуковского «Дорогому Алексею Максимовичу привет от *К.Чуковского*» на книге «От двух до пяти» (*ОЛБГ. 1644*); «М. Горькому привет от авторов. *Андрей Федоров. К. Чуковский.* 27.XI.29» (*ОЛБГ. 4829*) на «Искусстве перевода: Чуковский. Принципы художественного перевода. *Федоров.* Приемы и задачи художественного перевода» (Л.: Academia, 1930). Здесь же стихотворный сборник Николая Чуковского (сына Корнея Ивановича) «Сквозь дикий рай» с дарственной надписью «Многоуважаемому Алексею Максимовичу преданный *Николай Чуковский.* 17 марта 1928» (*ОЛБГ. 2831*). «Чукоккала» сохранила памятные записи коллег Горького по «Всемирной литературе»: «Юбилей Горького 30 III 1919 (вместо вина в бокалах подают чай) ... Чаши с чаем, чаши с чаем, чаши с чаем осушаем...» (К. Чуковский); «Сегодняшний юбилейный день Алексея Максимовича светел и очень насыщен — не пустой день, а музыкальный» (А. Блок); «Говорить речи Горькому с целью его порадовать так же бессмысленно, как любителям играть свои композиции Вагнеру»[32] (Н. Гумилев).

О «Всемирной литературе» напоминает сохранившийся в библиотеке Горького автограф Н.С. Гумилева на книге «Гильгамеш: Вавилон, эпос» / Пер. Н. Гумилева, введ. В. Шилейко (СПб.: Изд. З.И. Гржебина, 1919) — «Многоуважаемому и дорогому Алексею Максимовичу Пешкову эту "слишком раннюю предтечу слишком медленной весны" Восточного отдела Вс. Лит. с искренним уважением. *Переводчик.* 11 марта 1919 г.» (*ОЛБГ. 1870*).

Произведения цитируемого Гумилевым Д.С. Мережковского также можно найти в библиотеке Горького. На двух книгах дарственные надписи: «Алексею Максимовичу Горькому на добрую память от *автора.* 16.IV.1915. Петербург» (Было и будет: Дневник. 1910–1914. Пг., 1915. — *ОЛБГ. 3147*) и «Алексею Максимовичу Горькому на память от *автора.* 2 ноября 1918. Петербург» (Невоенный дневник, 1914–1916. Пг.: Огни, 1917. — *ОЛБГ. 3149*).

Один из теоретиков символизма, основатель Вольной философской ассоциации, поэт и прозаик Андрей Белый вместе с Горьким в 1920–1921 гг. участвовал в деятельности «Дома Искусств». Горький, довольно критически относившийся к творчеству Белого, но отдававший ему должное: «Белый — человек тонкой культуры, широко образованный...»[33], оставил немало

помет на его сочинениях. Интересны берлинские автографы поэта (Горький помог Белому выехать в Германию): «Алексею Максимовичу Пешкову (Максиму Горькому) с чувством глубокого уважения. *Андрей Белый.* Берлин, 22 года 25 ноября» (Возврат: Повесть. Берлин: Огоньки, 1922. *ОЛБГ. 737*); «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову (Горькому) с чувством искренней преданности. *Андрей Белый.* 25 ноября 22 года. Берлин» (Серебряный голубь: Берлин: Эпоха. 1922. — *ОЛБГ. 742*); «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову с искренней любовью. *Андрей Белый.* 23 года Мая 11-го Берлин» (Стихотворения. Берлин.: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. — *ОЛБГ. 2351*); «Алексею Максимовичу Горькому с чувством глубочайшего уважения. *Автор.* Берлин, 22 года, 25 ноября» (Сирин ученого варварства: (По поводу кн. В. Иванова «Родное и вселенское»). Берлин: Скифы, 1922. — *ОЛБГ. 2929*); «Алексею Максимовичу Пешкову (Максиму Горькому) с чувством глубокой приязни и уважения. *Андрей Белый.* Берлин 22 года, 25 ноября» (Путевые заметки. Т. 1. Берлин: Геликон, 1922. — *ОЛБГ. 2930*). К этому периоду относится связанное с 30-летием литературной деятельности Горького «юбилейное» высказывание Белого: «Горький воплотил в образе своем Чело Века»[34]. В книге Белого «Маски» (М.: ГИХЛ, 1932. — *ОЛБГ. 738*) между 68 и 69 страницами вложена записка Горького: «Иногда невольно думаешь, что литераторы стыдятся простых мыслей так же, как люди "культурного общества" стыдились. Прост<ых?> мыслей — это уже сказано»; между 12 и 13 — две вырезки из газет: 1) Последние новости. [Париж]. 1933. 20/IV — статья Г. Адамовича «"Маски" Андрея Белого»; 2) Литературная газета. 1933. № 13. 17 марта — статья Э. Багрицкого и М. Светлова «Критический случай с Андреем Белым». В ноябре-декабре 1922 г. Андрей Белый часто приезжал к Горькому в Сааров. О тамошних встречах Горького с соотечественниками напоминает автограф Владислава Ходасевича на сборнике стихов «Тяжелая лира: 4-я кн. стихов» (Берлин и др.: изд. З.И. Гржебина, 1923): «Дорогому Алексею Максимовичу с настоящей любовью на память о хороших вечерах в Saarow'e. *Владислав Ходасевич.* 1923, 9 января» (*ОЛБГ. 2804*).

В первом номере «Журнала журналов» за 1915 г. была опубликована статья Горького «О футуризме». В ней автор писал: «Русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, В. Каменский. Среди них есть несомненно талантливые люди, которые в будущем, отбросив плевелы, вырастут в определенную величину»[35]. Книги упомянутых художников собраны в горьковской библиотеке. «Ясным», «чудесным» и «дорогим» называет Горького Василий Каменский в своих посвящениях. На книге «Полет Васи Каменского на аэроплане в Варшаве» с иллюстрациями Д. Бурлюка надпись: «Ясному Алексею Максимовичу Горькому. *Авторавиатор. В. Каменский*»[36] (*ОЛБГ. 4006*); на романе «Пушкин и Дантес» (*ОЛБГ. 1056*) — «Чудесному на свете Алексею Максимовичу с любовью. *Василий Каменский.* 24/IV — 928.

Тифлис»; на пьесе «Козий загон»: «Дорогому Алексею Максимовичу с любовью и благодарностью. *Василий Каменский.* 8 июня 1926. Каменка» (*ОЛБГ. 1058*). Давид Бурлюк ценил личность и творчество Горького необычайно высоко. В его глазах, «Горький — человек новой России, в нем воплощение ее воли и дерзаний», он «глубоко национален, в прекрасном смысле слова»[37]. Об этом же письмо Бурлюка «глубокочтимому и дорогому Алексею Максимовичу»: «В мои годы сердце человеческое трудно хранит в себе преклонение перед человеком, но Вы для меня были и остались любимым и человеком и творцом»[38] (1927). Отношение знаменитого футуриста к Горькому отражают его автографы, в том числе американские: «Высокочтимому Алексею Максимовичу Пешкову в знак безграничного уважения. *Давид Давидович Бурлюк.* 1927. Ноябрь. Америка» (*ОЛБГ. 2858*); «Алексею Максимовичу Пешкову, в знак глубокого уважения. Автор: *Давид Бурлюк.* С приветом из Америки. 1930 год» (*ОЛБГ. 2864*); «Алексею Максимовичу Пешкову, в знак великого уважения от автора и издательницы сей книжки. *David Burluik.* Мария Никифоровна Бурлюк (издательница), выражая вам свое почтение, благодарит Максима Горького за его неустанную художественным словом защиту Женщины. *Мария Бурлюк.* 1930. March» (*ОЛБГ. 2857*); «Максиму Горькому с глубоким уважением — привет из Америки. Многоуважаемый Алексей Максимович! Получили ли Вы мои книжечки, посланные Вам ранее? Я любовался снимком с в / портрета, написанного Б. Григорьевым. Примите на память эти записи о путешествии и снимки с моих картин, вы ведь были когда-то владельцем моей "лужи". С приветом: *David Burluik*» (*ОЛБГ. 2859*). Упомянутый Бурлюком известный портрет писателя кисти Б.Д. Григорьева (1926) — один из самых удачных в галерее горьковских изображений, постоянный экспонат мемориального музея-квартиры на Малой Никитской. Художник, гордившийся своей работой, писал позднее Горькому: «... Вы сверхчеловек, знаю я Вас, изучил с любовью и с кистями в руке, верю Вам и в Вас, как в единственного настоящего и большого человека»[39].

В воспоминаниях, написанных для московского Музея А.М. Горького, Бурлюк рассказывает об увлечении писателя Владимиром Маяковским. Их знакомство состоялось в 1914 г., после возвращения Горького из Италии, в 1915–1916 гг. встречи были частыми. Горький не только привлек талантливого поэта к работе в «Летописи», но и напечатал его поэму «Война и мир» в издательстве «Парус». В двадцатые годы отношения осложнились, но Горький продолжал следить за творчеством Маяковского. В последний раз они выступали вместе на Втором Всесоюзном съезде Союза безбожников. В библиотеке Горького тридцать книг Маяковского и четыре дарственные надписи. Две из них весьма сдержанны: «Дорогому Алексею Максимовичу. *Маяковский*» (*ОЛБГ; 4034, 2596*); две других более эмоциональны: «Алексею Максимовичу с нежной любовью. *Маяковский*» (*ОЛБГ. 2589*) и «Алексею Максимовичу

Маяковский со всей нежностью» (*ОЛБГ. 2596*). На страницах «Флейты-позвоночника» (1916) строки, запрещенные цензурой, вписаны рукой автора. После трагической кончины поэта Горький не скрывал, что его «... не поразило самоубийство В.В. Маяковского, потому что с первой встречи он вызвал у меня совершенно определенное впечатление: человек надломленный...». Тем не менее, эта смерть «все-таки встала» писателю, по его словам, «поперек горла»[40].

Ранее таким же тяжелым, хотя и предвиденным ударом явилась для Горького смерть Сергея Есенина. 1 января 1926 г. Горький писал И.А. Груздеву: «Очень подавлен смертью Есенина, хотя давно предчувствовал и, пожалуй, даже был уверен, что мальчик этот кончит плохо»[41]. По мнению писателя, судьба Есенина, — «удивительный ценный материал для повести о гибельной жизни русского поэта»[42], а его самоубийство — не признак слабости и не результат душевного заболевания. То, как Есенин ушел из жизни, «еще более цветисто окрасило его в моих глазах», — признался Горький, оценив поступок поэта как «редкий случай спокойной ярости, с коей — иногда — воля человека к самоуничтожению борется с инстинктом жизни и преодолевает его»[43]. Горький ценил дарование Есенина («Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии»[44]), печатал его стихи в «Летописи»; после гибели поэта по просьбе С. Толстой написал воспоминания. В *ЛБГ* сохранилось пять книг Есенина и исследования о нем с горьковскими пометами. Поэт подарил Горькому «Радуницу» (Пг., 1916) и «Пугачева» (М., 1922) с дарственными надписями («Максиму Горькому, писателю земли и человеку от баяшника соломенных суемов *Сергея Есенина* на добрую память. 1916 г. 10 февр. Пт.» (*ОЛБГ. 2474*) и «Дорогому Алексею Максимовичу от любящего *Есенина*. 1922 май 17 Берлин» (*ОЛБГ. 2473*)).

В послереволюционные годы молодые литераторы находились под обаянием личности Горького — писателя и человека. К. Федин в книге «Горький среди нас» отмечает: «Горький обладал многими средствами влияния. Главным из них была его личность»[45]. Их переписка началась в 1920 г. и продолжалась до конца жизни Горького, для которого Федин, прежде всего, — «настоящий, отлично родившийся человек»[46]. В *ЛБГ* двенадцать книг Федина, на девяти — дарственные надписи автора: первая сделана в 1922 г. («Дорогому Алексею Максимовичу, душевному вниманию которого я бесконечно обязан. *Конст. Федин*. Петерб. 1922 г.» (*ОЛБГ. 1586*); последняя — в январе 1936 г. («Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову по старому — с любовью и преданностью. *Конст. Федин*. Ленинград, январь 1936» (*ОЛБГ. 8424*)).

Весной 1936 г. одним из последних гостей, побывавших у Горького в Тессели, стал Сергей Николаевич Сергеев-Ценский. В свое время Горький написал предисловие к заграничному изданию эпопеи «Преображение», сообщив в письме автору, что сделал это: «... не “из любезности”, а по чувству

искреннейшего восхищения пред Вами, художником; и по убеждению моему»[47]. В Личной библиотеке Горького много автографов Сергеева-Ценского: из шестнадцати книг — на одиннадцати. Последняя дарственная надпись сделана за два месяца до смерти Горького: «Дорогому Алексею Максимовичу привет из Алушты от *автора*. 13 апр. 36 г.» (Искать, всегда искать!: Повесть. М.: Худож. лит., 1935. — *ОЛБГ. 8389*).

В письме К. Федину Горький всячески рекомендовал С. Сергеева-Ценского и М. Пришвина: «Почему бы Вам не привлечь Сергеева-Ценского, если не в качестве редактора, то участником издательства, сотрудником? И Пришвина? Это писатели более талантливые, чем я, и люди более тонкого литературного вкуса, — они оба умеют брать литератора чисто, как такового, а мне за рукописью всегда виден человек, и это мешает правильной оценке его работы»[48]. «... М.М. Пришвин, художник, которого я весьма высоко ставлю, и человек насквозь русский. Даже слишком, пожалуй»[49], — говорил Горький о писателе, чьи автографы также можно найти в его последней библиотеке, например, на Собрании сочинений: «Алексею Максимовичу Пешкову с любовью и благодарностью от чистого сердца. *Михаил Пришвин*. 25/IX — 27. Сергиев» (*ОЛБГ. 1361*). Надписаны книги «Жень-шень: Корень жизни. Повесть» — «Максиму Горькому от чистого сердца. *Михаил Пришвин*. Загорск. 3/III — 34» (*ОЛБГ. 1363*); «Золотой рог» — «Книгу свою посылаю Вам, дорогой Алексей Максимович, на здоровье, чтобы за ней отдохнуть бы Вам хоть немного... *Михаил Пришвин*. 16/IV — 1934. Загорск» (*ОЛБГ. 1364*); «Родники Берендея: Записки фенолога» — «Максиму Горькому с глубоким уважением и братской любовью. *Михаил Пришвин*. 8/IX — 26. г. Сергиев» (*ОЛБГ. 1366*). На некоторых томах сохранились горьковские пометы.

В переписке Горького с Константином Фединым часто упоминается объединение «Серапионовы братья», появившееся в Петрограде в 1921 г. Творчество молодых талантливых литераторов интересовало Горького. «Ваша дружба — это, действительно, оригинальное, и ценное, и небывалое явление в литературе. Таланты столь разнообразные, так резко различимые — вы связаны не «тенденцией эпохи», не общностью философии, не «школой», наконец, а — видимо — чувством крепкой дружбы, углубленным — как мне хочется думать, и как это, вероятно, и есть — чувством искренней дружбы, углубленным общим для всех вас серьезным и любовным отношением к священному делу искусства»[50], — писал он Федину. В ответных письмах Константин Александрович делился сомнениями и радостями; сообщал Горькому о жизни и творчестве своих литературных братьев, чьи книги понемногу появлялись в Личной библиотеке писателя.

С постоянным вниманием Горький следил за творчеством Михаила Михайловича Зощенко: «С трепетным нетерпением жду книжку Зощенко»[51]; «Очень обрадован тем, что Зощенко написал хорошую вещь»[52], «вы "инте-

ресный" человек, талантливый писатель и мне приятно, что я вас знаю, что вы — есть»[53]. Книги Зощенко, в том числе с пометами Горького, хранятся в его библиотеке. Одна из них — «Голубая книга» (1935) — интересна не только пометами, но и автографом, напоминающим письмо: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович, посылаю книгу, которую Вы позволили мне посвятить Вам. Сознаю, что тут имеются недостатки и прошу у Вас за это извинения. Я рассчитываю, что новая книга, над которой я сейчас работаю, будет лучше и сильнее этой. Желаю Вам, дорогой Алексей Максимович, здоровья и радости! Мне лично удалось вернуть (полностью) потерянное было здоровье. И я каждый день сейчас в хорошем и радостном состоянии. Еще раз прошу у Вас прощенья за все погрешности, какие, вероятно, найдутся в этой книге. *Мих.Зощенко.* 17/II — 36. Ленинград» (*ОЛБГ. 1001*). Прочитав «Голубую книгу», Горький написал автору: «в этой работе своеобразный талант ваш обнаружен еще более уверенно и светло, чем в прежних. Оригинальность книги, вероятно, не сразу будет оценена так высоко, как она заслуживает, но это не должно смущать вас»[54].

Другой «серапион» — Всеволод Иванов приехал в Петроград к Горькому из Сибири в 1921 г. Ранее, в 1916, он прислал Горькому рассказ, одобренный и напечатанный во втором сборнике пролетарских писателей. Впоследствии Всеволод Вячеславович бывал у Горького в Сорренто, Тессели и Горках; подарил ему необычные часы-луковицу в черепаховой оправе (в дальнейшем — экспонат музея писателя). В *ЛБГ* тринадцать книг Иванова с пометами Горького, три дарственные надписи (26/III-26 г., 2/II-28 г., и 1/II-34 г.). На книге «Похождения факира» (1935), о которой Горький писал: «"Похождения факира" прочитал жадно... Какая прекрасная, глубокая искренность горит и звучит на каждой странице и какая душевная бодрость, ясность. Именно так и должен наш писатель беседовать с читателем...»[55] посвящение: «М. Горькому — с почтением ученика и любовью брата. — *Вс. Иванов* 1/II — 1934» (*ОЛБГ. 7512*).

В горьковской библиотеке четырнадцать книг Н.Тихонова, в том числе четыре с дарственными надписями («Дорогому Алексею Максимовичу на строжайшую критику. *Н.Тихонов.* 1931 г.» (*ОЛБГ. 1505*); «Дорогому Алексею Максимовичу искренне любящий *Н. Тихонов.* 31/XII 1924» (*ОЛБГ. 2766*); «Дорогому Алексею Максимовичу — эту первую книгу стихов, как юношески-зеленый дар просит принять *автор*» (*ОЛБГ. 2769*); «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому от искренне любящего его *Ник.Тихонова.* 1927. Ленинград» (*ОЛБГ. 2770*).

Автографы «серапионов» отражают отношение начинающих литераторов к общепризнанному мастеру — уважение, любовь и почтение. Понимая эти чувства, Горький пишет Федину: «Вам, молодым, надобно читать нас, стариков, очень внимательно, очень придирчиво. Очень. Не упуская из виду

некоторых достоинств наших, вы все же ищите — где, в чем недостатки?»[56] В горьковских письмах Федину наряду с «профессиональными» советами — как писать и у кого учиться — содержится множество ярких и метких наблюдений о творческом «почерке» разных писателей. К примеру, по мнению Горького, А. Ремизов — «человек, совершенно отравленный русскими словами, он каждое слово воспринимает как образ, и потому его словопись безóбразна, не живопись, а именно словопись. Он пишет не рассказы, а псалмы, акафисты»[57]. В *ЛБГ* сохранились автографы Ремизова, «который, — полагал Горький, — видимо, пишет, держа перед собою раскрытым Далев словарь»[58]. Вот два из них: «Максиму Горькому. Много я Вашим "дном" мучился, соблазнялся, Лукой — бездонным "дном" — руки подымал, вон хотел, просился, падал в холодный угол и жил там, холодный, отупелый от боли. Ищу окна, не хочу больше жить так. А без "дна" не могу представить жизни; думаю, что всякому надлежит пройти через "дно". Впрочем, если возможно... С глубоким уважением *Алексей Ремизов*. СПб., 3 января 1906» (Пруд: [Роман] // Вопр. жизни. 1905. № 4–5–11. — *ОЛБГ. 1379*) и «Алексею Максимовичу Горькому эту книжку сибирскую память мечты моей покорить Сибирь. Такую создать книгу Великая Сибирь, где бы собрано было самое заветное и сама мудрость сибирская, сказанная сказкою народами живущими (книгу живую) и народами погибшими (книгу мертвую), *Алексей Ремизов*. Вербная суббота, 12.IV 1919» (Сибирский пряник: Большим и для малых ребят. Сказки. Пб.: Алконост, 1919. — *ОЛБГ. 1383*).

26 декабря 1927 г. в Ленинграде состоялся «спектакль писателей». После заседания Академии наук, Союза писателей и Клуба научных работников, посвященного 35-летию литературной деятельности Горького, зрители увидели сцены из пьесы «На дне». В необычной постановке участвовали С.Я. Маршак (Сатин); Е.И. Замятин (Барон); А.Н. Толстой (Лука); К.А. Федин (Васька Пепел); М.Э. Козаков (Клещ); В.А. Каверин (Бубнов); А.П. Чапыгин (М.И. Костылев); Н.С. Тихонов (Татарин); А.Д. Радлова (Василиса Карповна). Книги с автографами артистов-литераторов хранятся в библиотеке. Свои переводы шекспировских трагедий надписала А. Радлова: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Горькому почтительно дарю свою работу. *Анна Радлова*. Осень 1935 г. Москва» (*ОЛБГ. 2873*); сборник сказок, песен и загадок — С. Маршак: «Моему дорогому Алексею Максимовичу с любовью. *С. Маршак*» (*ОЛБГ. 4038*); книгу «Жизнь моя» — А. Чапыгин: «Ленинград, 11 — VI — 30. Дорогому другу моему и всегдашнему доброжелателю Алексею Максимовичу Пешкову (М. Горькому) на добрую память. *А. Чапыгин*» (*ОЛБГ. 1626*) и др.

Автографы Личной библиотеки писателя свидетельствуют об интересе к Горькому с самых неожиданных сторон. Вот надписи на серьезном исследовании В.Н. Половцовой «К методологии изучения философии Спинозы» (1913) — «Глубокоуважаемому Товарищу и Гражданину Алексею Максимови-

чу Пешкову-Горькому в память его глубоко ценной лекции и радости, которую он доставил нам посещением нашего дома. От *автора*. 7 июня, 1917 г.» (*ОЛБГ. 158*); на издании Э. Левина «Так сказала мысль ...: Загадки мира в новом освещении» (1927, *ОЛБГ. 79*) — «Максиму Горькому от автора, который был бы счастлив услышать мнение великого русского писателя и мыслителя. *Эм. Левин*. 30/X — 27 г.»; «Искренно уважаемому Алексею Максимовичу от *автора*. Москва, 27 сент. 1908 года» (*ОЛБГ. 67*) — на труде Н.Г. Котика «Непосредственная передача мыслей: (экспериментальное исследование)» (1908); на книге с любопытным названием «База курносых: Пионеры о себе» (1934. — *ОЛБГ. 729*) — «Дорогому Алексею Максимовичу от авторов книги». История последнего автографа имела свое продолжение. В Музее А.М. Горького хранится серия фотографий, сделанных М. Ошурковым летом 1934 г., по его воспоминаниям, «в перерывах между заседаниями Первого Всесоюзного съезда советских писателей»[59]. На снимках (в столовой, в саду, на ступенях террасы дома на М. Никитской) писатель с гостями — иркутскими пионерами — авторами «Базы курносых». Позднее он получил еще один экземпляр книги (*ОЛБГ. 7770*) с весьма необычным «коллективным» автографом: «Алексей Максимович, вам новая — только что испеченная. Помните о нас, таежных ребятах, а мы вас крепко любим и никогда, никогда не забудем. *Соня Животовская*.

Алексей Максимович!!! Прорабатываем советских писателей. Обязуюсь сдавать все последующие четверти не ниже хорошо. Прямо не знаю, что писать, не могу собраться с мыслями. *Гриня*.

Алексей Максимович!!! Я бы очень хотел видеть вас, но мне не удалось. Я читаю ваши произведения, и они мне очень нравятся. *Або Шаракшанэ*.

Алексей Максимович! Вы меня не знаете, потому что я новый им. *Шурик Брянчуков*.

Алексей Максимович! Жалею очень, что опоздал. Многое потерял. Прорабатываем вашу биографию. *Баир Шаракшанэ*.

Первый экземпляр книги, даже и второго издания — большая радость. Единогласно решили послать Вам, Алексей Максимович. После бесед с Вами ребята критически относятся к этой книге. Над второй начинают работать больше. Все занялись "прорабатыванием" советских писателей. Крепко жму руку. *Дядя Ваня*. 28/XII. Иркутск.

Алексей Максимович! Эта книжка самая первая вышла из типографии. 28/XII-34 г. *Женя Безуглова* (*Доктор Джек*).

Алексей Максимович! Написать хотелось бы... ну... ну во весь лист, но нас 15, поэтому ограничиваюсь тем, что крепко-крепко жму руку и за всех и за себя. *Ара*.

Привет от "больных"!!! Алексей Максимович! Хочется написать что-нибудь хорошее. Да ничего не придумаешь. Мы поправились и сейчас себя очень хорошо чувствуем. *Алла Каншина*.

Алексей Максимович, мы, больные, уже занимаемся и догоняем, а сейчас во время каникул обещаем догнать в учебе и хорошо работать. *Аня Х.*

Алексею Максимовичу, о котором мы всегда вспоминаем с любовью. *Ада.*

Алексей Максимович! Написала бы вам много, много слов, но я их еще очень мало знаю. Самый вы лучший в мире человек, которого зовут Алексей Максимович! *Шура Ростовщикова.*

Прорабатываем советских писателей. Обещаю сдать вам на очень хорошо, а "Челкаш" мне, Алексей Максимович, здорово понравился. *Рафка Буйчишвилли.*

Ясно, что встреча с вами — один из лучших дней в нашей жизни. И любим мы вас, как миллионы людей земли. Часто кажется, что я люблю Вас больше из всех людей. Но это, ясно, не верно. Вас все очень любят. *Ваша Галя*».

Сохранились дарственные надписи («Глубокоуважаемой Екатерине Павловне Пешковой от автора. *Галант.* Москва. 23.1.1927» (*ОЛБГ. 7795*) и «М. Горькому от автора. *Галант.* 9/X — 28» (*ОЛБГ. 4036*)) Ивана Борисовича Галанта — талантливого ученого-психиатра на его трудах с «говорящими» названиями: «Психозы в творчестве Максима Горького» (1928) и «Генеалогия Максима Горького, а также общая характеристика личности Горького в связи с его наследственностью и с переживаниями детства» (1925). Из переписки с доктором Галантом, продолжавшейся десять лет (1925–1935), видно, как привлекала молодого ученого личность Горького. В одном из писем, именуя его своим учителем, Галант поясняет: «...я никогда не оставляю ни одной писанной Вами странички, чтобы не научиться чему-нибудь новому»[60], другое заключает словами: «Жму Вашу столько чудес сотворившую руку!»[61] В письме от 12 января 1925 г. он даже назвал Горького «героем» своего «романа», добавив при этом: «Вы уж меня простите, Алексей Максимович, за мое несколько странное "признание в любви"»[62]. Изучив доступные сведения и горьковские тексты, Галант пришел к выводу, что в юности писатель пережил серьезное заболевание: «Вы все годы своей юности, может быть с 17 лет, были душевно больны, скажем до 1894 г. Те болезненные состояния из этого периода Вашей жизни, которые Вы описываете в Ваших произведениях, были вспышки латентной, все время продолжающейся душевной болезни»[63]. Горький писал об этом Груздеву: «Вам, я думаю, надобно знать, что психиатр Ив<ан> Борис<ович> Галант весьма забавно уличает меня в целом ряде душевных болезней. Например, "в субцидомании" — наклонности к самоубийству, пориомании — страсти к бродяжничеству, пиромании — страсти к огню и, наконец, нашел новую болезнь: Delirium febrile Gorkii. ... Очень любопытно»[64].

Большое число горьковских помет содержат книги по фольклору. Раздел фольклора, этнографии и языкознания последней библиотеки насчитывает более пятисот томов. Интерес к фольклору сформировался у писателя очень

рано. Странствуя по Руси, Алексей Пешков старательно собирал произведения народного творчества. В течение многих лет его библиотека пополнялась трудами по этой теме. Собранными исследованиями по фольклору и этнографии — П.В. Киреевского, А.Н. Афанасьева, И.П. Сахарова, А.Ф. Гильфердинга, В.Г. Варенцова и др. — Горький особенно дорожил; никогда с ними не расставаясь и никому не даря. В предисловии к «Сборнику песен Самарского края» Варенцова Горький написал: «...Много есть в народе поэтических мотивов, которые настойчиво требуют нашего внимания, тем более, что эти мотивы мало-помалу умирают вместе со стариками, которые знали их и дорожили ими». Между страницами книги вложены листы с вариантами песни «Как брат сестру нежил», записанными рукой неустановленного лица. Эту песню исполнял для Горького и Михаила Шолохова (в *ЛБГ* сохранился автограф Шолохова на «Поднятой целине» (*ОЛБГ. 1673*) — «Дорогой Алексей Максимович! Жму Вашу руку и крепко хочу, чтобы ветры не дули, чтобы Ваши кости не ныли, чтобы кашель Вас не одолевал, чтобы все было у Вас там хорошо. *М. Шолохов.* 24/XII — 32)» А.А. Фадеев, а потом по просьбе хозяина слова были записаны и вложены в сборник.

В «фольклорных и этнографических» шкафах немало книг с дарственными надписями. М. Азадовский сделал посвящение «Глубокоуважаемому и дорогому Алексею Максимовичу Горькому — позвольте явиться предстателем перед Вами творчества одной из Ваших сестер. Собиратель *М. Азадовский*, Иркутск, 7 — III — 1928» (*ОЛБГ. 222*) на издании «Сказки Верхнеленского края»; Г. Вяткин на сборнике «Алтайские сказки: Для детей мл. и сред. возраста» — «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову с чувством глубочайшего уважения. *Автор.* Ново-Сибирск. 12/II — 926» (*ОЛБГ. 275*); О.Е. Озаровская на книге «Бабушкины старины: Сказительница былин М.Д. Кривополенова» — «Алексею Максимовичу Пешкову с благодарностью и любовью от любительницы "бабушек на Руси"» (*ОЛБГ. 372*); Н. Маторин на исследовании «Православный культ и производство» (*ОЛБГ. 5209*) — «Глубокоуважаемому и дорогому учителю и другу Алексею Максимовичу от автора. Этнографию и фольклор можно поставить на службу культурной революции и антирелигиозной пропаганде. *Н. Маторин.* 26/IX — 31» и др.

В этом разделе хранятся «Сказки и предания Северного края» (*ОЛБГ. 4974*), записанные И. Карнауховой («Защитнику фольклора Алексею Максимовичу ответный дар от девочки "Иры", которой Вы прислали свои книги "Сказки" и "Лето" в г. Киев зимой 1916. С глубоким уважением *И. Карнаухова.* Л-д., 1934 г.»); «Поверья и обычаи Сургутского края» (*ОЛБГ. 363*) И.Я. Некленаева с посвящением «Дорогому учителю и другу Алексею Максимовичу Пешкову от *автора.* 10/IX — 934 г.»; две книги А. Затаевича с автографами «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову — Максиму Горькому, от восторженно его почитающего и душевно преданного *автора.* Гор. Москва,

1928, 21/II. *А. Затаевич*» (1000 песен киргизского народа: (напевы и мелодии) — *ОЛБГ. 336*) и «Глубокоуважаемому и дорогому Алексею Максимовичу Пешкову-Максиму Горькому на добрую память от *автора*. Гор. Москва. 1931. 15/IX. *А.Затаевич*» («Собрание 500 казахских песен» — *ОЛБГ. 335*); труды Н. Сумцова, в том числе на украинском языке «Славнозвісному росіському письменнику М. Горькому від проф. Н. Сумцова в ознаку ідідого повидання. *Н. Сумцов*» (*ОЛБГ. 468*). Два своих труда подарил Горькому знаменитый исследователь Дальнего Востока и путешественник В.К. Арсеньев: «Лесные люди — удэхейцы» («Алексею Максимовичу Пешкову от глубокоуважающего его автора. *В. Арсеньев*. 2/III — 1928 г. Владивосток» — *ОЛБГ. 229*) и «Быт и характер народностей Дальневосточного края» («Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову от поклонника автора. *В. Арсеньев*. 28/II — 1928. Владивосток» — *ОЛБГ. 230*); сборник «Василий Иванович Калашников, как человек: (Личные воспоминания)». Нижний Новгород, 1909 издатель и редактор А.А. Калашникова — «Глубокоуважаемому и дорогому Алексею Максимовичу Горькому на добрую память от Вяч. Вас. Калашникова. Москва, проездом из Нижнего в Новгород 17 июня 1928 г.» (*ОЛБГ. 318*).

В книжной коллекции Горького немало томов, подаренных издателями, составителями, редакторами, авторами предисловий, переводчиками. Первые иллюстраторы романа «Жизнь Клима Самгина» преподнесли «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова — «Дорогому Алексею Максимовичу с большой любовью Кукрыниксы: *М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов*. 1/VIII — 33» (*ОЛБГ. 1027*); брат П.И. Чайковского — В. Шекспира «Трагедия о короле Ричарде 2-м» (Пер. М. Чайковского): «Одному из лучших писателей и людей Руси, Алексею Максимовичу Пешкову, *Модест Чайковский*. Рим 1910 г.» (*ОЛБГ. 2278*); А.Н. Чеботаревская — свой перевод Стендаля «Красное и черное: Хроника 1830 года Стендаля (Генриха Бейля)»: «Милому, очаровательному Алексею Максимовичу на память об 1915 г. *Анастасия Чеботаревская*» (*ОЛБГ. 2194*); один из близких и очень дорогих Горькому людей — Мария Игнатьевна Будберг — Собрание сочинений К. Гамсуна: «Дорогому моему другу. *Мария Закревская*. Декабрь 1924 г.» (*ОЛБГ. 1827*); сын — книгу «Остроумно-изобретательный Идальго Дон Кихот Ламанчский: Соч. М. де Сервантеса»: «Дорогому моему папе. *Максим*. 1911 г. 14 марта» (*ОЛБГ. 2167*); Ю.А. Желябужский (сын М.Ф. Андреевой) — свое сочинение «Искусство оператора: Технология худож. работы кинооператора»: «Алеше — с великой благодарностью, ибо я прекрасно сознаю, что в основе всей моей художественной работы лежит то, что ты мне дал. *Юрий*. 1932 г.» (*ОЛБГ. 7817*).

Несколько «чужих» книг надписаны литератором и краеведом Алексеем Алексеевичем Золотаревым, часто бывавшим у Горького на Капри и оставившим воспоминания «Горький-каприец» и «Горьковский период на Капри»: «Ламарк. Философия зоологии» — «Алексею Максимовичу в день рожде-

ния 27 марта 1912 г. "Я понял, что природа, вынужденная вначале заимствовать от окружающей среды возбудительную силу для жизненных движений и действий несовершенных животных путем все большего и большего усложнения организации, сумела перевести эту силу внутрь этих существ и, наконец всецело отдать ее на распоряжение особи". Ламарк» (*ОЛБГ. 72*); «Пентикостарион, сиречь пятидесятница: (Триодь цветная)» — «Максимычу Горькому от Алексеича празднолюбца. Равноденственная седмица Весны 1912 КирIо-Пасхального Года. Море Средиземное. Остров Капри» (*ОЛБГ. 5240*); «Бруно Джордано. Изгнание торжествующего зверя» (Пер., [предисл.] и примеч. А. Золотарева) — «Любимому Алексею Максимовичу от Алексейча. Рыбинск, 20 мая 1914 г... Ибо и мы Звезды и Небо Луне и любой Звезде ничуть не меньше, нежели все оне — нам... Речь Бруно в Париже в день Пятидесятницы 1586 года от Р. Х.» (*ОЛБГ. 25*). Остался памятный автограф «Учителю за Любовь и Огонь Сердца — Любовью и Огнем Сердца. "Миру больше всего нужны странствующие рыцари". О. Капри. 17 февраля 1913 г.» на собственном сочинении Золотарева — «Во едину от суббот: Роман» (*ОЛБГ. 7826*). Об этом романе Горький писал К.П. Пятницкому: «Алексей Алексеевич написал вещь, глубоко значительную, страшно волнующую и — хорошо написал! Очень хорошо!»[65]

После Февральской революции в цикле «Несвоевременные мысли» Горький писал о необходимости развития «культуры европейской — опытной науки, свободного искусства, технически мощной промышленности»[66]. Просветительские идеи писателя получили широкий отклик в научной и культурной среде, о чем свидетельствует письмо Николая Ивановича Вавилова: «Ровно 14 лет назад, 11-го мая, в зале Большого театра в Москве Вы выступили с Вашей прекрасной вдохновенной речью на тему "Наука и демократия", с речью которая памятна многим из нас и в том числе пишущему эти строки. В ней со всей силой, с присущим Вам даром слова Вы очертили значение науки; Вы подняли голос в защиту необходимости организации науки, научного творчества; Вы нарисовали нам картину города науки с рядом прекрасно обставленных технических лабораторий, клиник, библиотек, музеев, — "где изо дня в день зорко, бесстрашно глаза ученого заглядывают во тьму грозных тайн"»[67]. В объемном разделе библиотеки, отведенном научным изданиям, среди трудов крупнейших отечественных ученых есть работы академика Вавилова. На исследовании Н.И. Вавилова и Д.Д. Букинича «Землевладельческий Афганистан» (с 318 фотогр., табл. и 6 карт. — Л.: изд. Всесоюз. ин-та приклад. ботаники и новых культур при СНК СССР, 1929) сохранилась дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Горькому от *Н. Вавилова*. Ленинград. 12/II — 1929» (*ОЛБГ. 4266*).

Авторитет и репутация Горького были таковы, что по исследовательским трудам, в течение многих лет пополнявшим его библиотеку, можно судить о

развитии отечественной научной мысли во всем ее тематическом разнообразии. Здесь можно увидеть знаменитую книгу биофизика и основоположника гелиобиологии и аэроионификации Александра Леонидовича Чижевского «Физические факторы исторического процесса» с автографом «...Алексею Максимовичу на добрую память от автора 12.VI.28. Москва» <Часть текста надписи отрезана при переплетении> (*ОЛБГ. 5802*).

Два труда надписаны художником и теоретиком архитектуры Яковом Черниховым «Конституции архитектурных и машинных форм» («Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову "Горькому" от автора. *Я. Чернихов.* 7/VI — 1931» — *ОЛБГ. 5803*) и «Основы современной архитектуры: Эксперим.-исслед. работы» («Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Горькому от Автора. *Я. Чернихов.* 7/VI — 1931 г.» — *ОЛБГ. 7942*).

Две дарственные надписи оставил Ю.А. Филипченко на брошюре «Евгеника» (*ОЛБГ. 5754*) с речью, произнесенной им 2 февраля 1917 г. в Психоневрологическом институте: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову от автора» и на втором экземпляре: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову от искренне преданного автора». Авторы весьма специализированного исследования «Газогенераторы на автомобилях и тракторах» преподнесли свой труд Горькому с посвящением: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович, в Вашей многогранной деятельности Вы часто останавливались на вопросе о значении природных богатств и о привлечении их на службу человеку. Вы говорили, что надо больше писать, больше знакомить нашу общественность с богатствами страны и способами их использования. В своих беседах Вы высказывали мысль, что местное топливо является мощным фактором развития нашего колхозно-совхозного строя. Настоящий коллективный труд является попыткой проведения в жизнь высказанных Вами мыслей. Примите, Алексей Максимович, эту книгу в знак глубокого к Вам уважения авторов. *И. Карачан. А. Введенский.* 5/VIII 34 г.» (*ОЛБГ. 7841*).

Сохранились автографы, имеющие отношение к любимому детищу Горького — образованному с целью всестороннего изучения человеческого организма на основе использования новейших достижений Всесоюзному институту экспериментальной медицины им. М. Горького (ВИЭМ; 1932–1944): «Алексею Максимовичу Горькому, создавшему ВИЭМ для изучения Человека, с приветом автор. М. 26.11.35.» на книге Р.А. Лурия «Внутренняя картина болезни и патрогенные заболевания» (*ОЛБГ. 5615*); «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Горькому благодетелю дома сего. *ВИЭМ*» на сборнике статей «Нервная трофика в теории и практике медицины» (*ОЛБГ. 5647*). «Романисты будущего..., — писал Горький из Сорренто в 1933 г. редактору сборника А.Д. Сперанскому — должны ввести в круг своих тем героизм научной работы и трагизм научного мышления, — вот что я думаю»[68]. В библиотеке писателя хранится несколько книг Сперанского, в

том числе с посвящениями Горькому («Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Горькому с почтительным приветом и любовью от автора 19 9/X 32» — (*ОЛБГ. 7922*) и «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому от преданного автора. 14/IV — 1935» — (*ОЛБГ. 7280*)) и Е.П. Пешковой («Глубокоуважаемой Екатерине Павловне Пешковой с почтительным приветом от автора. 10/V — 1935 г.» — (*ОЛБГ. 9100*)).

Специализированные научные труды присылал Горькому крупнейший морфолог, профессор Казанского университета В.Н. Терновский. Среди них «Пособие к практическим занятиям по нормальной анатомии человека: (Мышцы, связки и внутренности)» (1926) с надписью: «Дорогой Алексей Максимович шлю Вам образец нашего казанского издания, по которому пролет. студенчество препарирует в здешн. анатомич. театре. Сердечно Ваш *автор*. Казань, 23 — XII — 30» (*ОЛБГ. 8729*); «Сборник работ кафедры нормальной анатомии человека, посвященный 100-летнему юбилею анатомического института (директор проф. *В.Н. Терновский*)» (1934) с посвящением: «Дорогому другу — учителю Алексею Максимовичу Горькому от почитающих его Казанских анатомов с сердечным приветом шлет *В. Терновский*. Казань. Анатом. театр 20/XII-35 г.» (*ОЛБГ. 7914*); издание «Учебный музей Казанского анатомического института» с автографом «Дорогому Алексею Максимовичу, один из образцов Казанского издания, подносит на память об анатомическом театре и университете благодарный и сердцем преданный *В. Терновский*. Казань, 20.XII.30» (*ОЛБГ. 5498*).

В революционном 1917 г. вышла книга С. Метальникова «Рефлекс как творческий акт» с уважительно-восторженным посвящением «Творцу новой жизни в России Алексею Максимовичу Горькому от искренне любящего автора» (*ОЛБГ. 5626*). А через десять лет Горький получил научную работу «От вымирания к возрождению: Повторное исследование бывших "вымирающих" селений с. Ново-Животинского и д. Моховатки Воронежской губернии и уезда» (*ОЛБГ. 5821*), сопровождавшуюся подробным автографом-письмом молодого ученого К.В. Шуваева: «Максиму Горькому»:

«Дорогой Алексей Максимович!

Пять лет назад, будучи еще рабфаковцем, я собирался Вам послать свой рабфаковский журнал из родного Вам города. Особенно мне хотелось тогда послать Вам юбилейный № 5–6, в котором мы, рабфаковцы, написали много о себе, как могли, и один из них не забыл Вас. Он написал: "Кое-что о М. Горьком". Сейчас у меня явилось желание послать на отзыв и как материал для использования свою дипломную работу по Тимирязевской сел.-хоз. Академии.

Я знаю, что Вы очень интересуетесь советской деревней. Заодно посылаю рабфаковский журнал № 5–6, который должен бы быть в Ваших руках еще в 1923 году.

Очень буду рад и счастлив за ответ о получении моей книги. *Автор.*
10/I — 28 г. г. Москва, 55. Новослободская, ул., д. 50, кв. 4».

Вот еще несколько примеров «научных» автографов: на издании с диаграммами и картами «Электроэнергетика», подаренном Г.М. Кржижановским: «Дорогому и любимому писателю, неоднократно вдохновлявшему и автора настоящей книги. С энергетическим приветом! 2/VI- 33. *Г. Кржижановский*» (*ОЛБГ. 7731*); на трудах В. Войтинского «Весь мир в цифрах» (Кн. 1. Земля. Население. Народное богатство): «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу от автора. Берлин, 11 февраля, 1925» (*ОЛБГ. 5515*); К.Я. Грота «Братья П.А. и Н.А. Лавровские как деятели науки и просвещения, к столетним годовщинам их рождения: Доклад в Слав. комис. Акад. наук 10 мая 1927»: «Глубокочтимому Алексею Максимовичу Горькому. *Автор*» (*ОЛБГ. 5540*); Б. Завадовского «Очерки внутренней секреции»: «Глубокоуважаемому Максиму Горькому от искреннего поклонника и почитателя. *Б. Завадовский.* 6/VI — 28 год» (*ОЛБГ. 5565*) и т.д.

Об арзамасской ссылке писателя напоминает посвящение Федора Ивановича Владимирского «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову от благодарного автора. 30 сент. 1915 г.» на книге «Записка об устройстве водосбора из источников "Мокрого" оврага в г. Арзамасе» (*ОЛБГ. 4058*). С Владимирским писатель познакомился в июле 1902 г. в Арзамасе, высоко оценив его качества общественного деятеля, священника и члена II Государственной Думы от Нижнего Новгорода. Об этом Горький писал в 1927 г.: «Очерк, посланный вами, напомнил мне историю самоотверженного труда вашего на благо людей, напомнил жизнь мою в Арзамасе и все то, поистине прекрасное, чем наградило меня знакомство с вами»[69].

Владимирский был отстранен от церковной службы за выступления в защиту евреев. В этом вопросе его взгляды совпадали с горьковскими. В драматичную эпоху революций и войн позиция Горького не вызывала сомнений. Он — активный противник антисемитской политики царского правительства и находящегося под его покровительством черносотенного Союза русского народа; инициатор создания общества по изучению жизни евреев; автор многочисленных статей против еврейских погромов. В Личной библиотеке писателя большой массив книг связан с еврейской темой. Среди них немало с посвящениями Горькому. «Алексею Максимовичу Горькому — одному из первых, кто знал об этой работе. Искренне жалею, что книга не украшена и несколькими словами Вашего к ней предисловия. *А.С. Тагер.* Москва, сентябрь, 1933», — читаем на книге А.С. Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса: К истории антисемитизма. Исследование по неопубликованным архивным документам» (*ОЛБГ. 6617*). В 1914 г. вышел сборник «Парламентские речи по еврейскому вопросу» под редакцией С.В. Познера, надписавшего его: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову от С. Познера

12/XII — 914» (*ОЛБГ. 6996*). Тридцать лет разделяют момент выхода книги «Еврейская нищета в Одессе» (1902) и дату весьма пространного автографа-послания И. Бродовского: «Величайшему и благороднейшему в эпоху "Диктатуры Пролетариата в СССР" писателю земного шара Максиму Горькому, беллетристу-художнику и гражданину-писателю-революционеру от автора, провинциального журналиста-публициста, участника тайной, подпольной антицарской организации в Одессе 1891–1895-й годы, именуемой теперь историками "первые в Одессе марксисты", Одесса. 1932-й год июня 23-го.

Подготовка к этой работе продолжалась 3 года. Сама работа писалась 2 года по ночам. Над многими страницами молодой автор 23–24-х лет плакал. Но зато теперь некоторые взрослые люди с душой и сердцем плачут, читая ее.

Поплачет немного и Максим Горький. А затем, с новой силой и бодрой энергией начнет позорить, дискредитировать и громить всемирный капитализм и его звереныша милитаризм. *Исидор Бродовский* 23 июня 1932-го года. Одесса на Украине. Извиняюсь за обложку. Это — мой последний экземпляр. Сама книжка — библиографическая редкость — автор. 1932-й год июнь» (*ОЛБГ. 8159*).

Свою книгу «Что такое Талмуд?» (В 2-х ч. Вильна: тип. «Артель печ. дела», 1909. Переплет и пометы Горького. — *ОЛБГ. 5124*) посвятил Горькому Л.М. Гордин: «Защитнику человечества. Воителю правды Максиму Горькому посвящает автор Духовный раввин *Л.М. Гордин*».

Важнейшим источником изучения специфики общественно-культурных процессов 1920–1930-х годов прошлого столетия является значительное число материалов «советского» периода. Надписи на книгах, в огромных количествах присылаемых издательствами и самими авторами «писателю номер один», — свидетельства эпохи. Уважение, восхищение, желание быть «услышанными» Горьким прочитываются в автографах самых разных писателей — заслуженных и неопытных, малограмотных и маститых, искренних и сомневающихся, наивных и восторженных. На полках горьковской библиотеки соседствует тома, подписанные известными впоследствии литераторами, профессорами, специалистами в различных областях знания и начинающими, никому неведомыми сочинителями, делающими свои первые творческие шаги.

Многие могли бы оставить дарственную надпись, сделанную Леонидом Леоновым на собрании сочинений: «Алексею Максимовичу, дорогому учителю и современнику» (*ОЛБГ. 1164*). Молодой автор не только переписывался с Горьким, но и дважды гостил у него в Сорренто. Помимо книг в музее-квартире на Никитской хранятся две работы Леонова, увлекавшегося резьбой по дереву — персонажи его ранних рассказов: Бурыга и Яков Пигунок. Горький, очень тепло относившийся к молодому коллеге, в предисловии к французскому изданию романа «Барсуки» написал: «Он — один из наиболее крупных

представителей той группы современных советских литераторов, которые продолжают дело классической русской литературы — дело Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Льва Толстого»[70]. В *ЛБГ* есть и книги Леонова; и посвящения — пять Горькому, два — Е.П. Пешковой.

Столько же памятных надписей — две Е.П. Пешковой («Милой Екатерине Павловне Пешковой с глубоким уважением и преданностью. *А. Толстой.* 5 янв. 1930 г. Детское Село» (*ОЛБГ. 9117*); «Екатерине Павловне Пешковой с глубоким поклоном. *Алексей Толстой.* 23 янв. 1931 г.» — *ОЛБГ. 9117*) и пять — хозяину библиотеки (последняя на «Золотом ключике»: «Милому другу, горячо любимому Алексею Максимовичу *автор.* 19.IV.1936» — *ОЛБГ. 7925*) оставил Алексей Николаевич Толстой. Их переписка с Горьким началась еще до революции, личное знакомство состоялось в 1922 г. в Берлине, позднее Толстой приезжал в Сорренто, участвовал в работе 1-го Всесоюзного съезда писателей. Внимательно наблюдая за творчеством Толстого, Горький выделял «Хождение по мукам» и «Петра I». Эти книги, собрания сочинений и сборники сегодня в мемориальной библиотеке на Никитской, где по соседству расположен и музей-квартира А.Н. Толстого.

Другой мемориальный писательский дом — музей Марины Ивановны Цветаевой — находится совсем рядом, в Борисоглебском переулке. Сестры Цветаевы были знакомы с Екатериной Павловной, Максимом и Катюшей. Зиму 1905–1906 гг. девочки проводили в Ялте с тяжело больной матерью. Дружеское общение с женой «маминого любимого современного писателя»[71] и их детьми запомнилось сестрам на всю жизнь. Трагическая смерть Катюши Пешковой запечатлена в стихотворении «У гробика» из первого сборника восемнадцатилетней Марины Цветаевой. Оно начинается строкой «Мама светло разукрасила гробик»[72] и имеет посвящение — «Екатерине Павловне Пешковой». «Прелестная, молодая и такая всегда серьезная!» — такой запомнили жену Горького девочки Цветаевы, которым она, по их просьбе, написала на память в альбомы: «В борьбе обретешь ты право свое! — Марусе Цветаевой — *Е. Пешкова*»; «Лишь тот достоин жизни, кто ежедневно ее завоевывает! — Асе Цветаевой — *Е. Пешкова*»[73].

Позднее Анастасия Ивановна познакомилась с Горьким, гостила у него в Сорренто, о чем напоминают дарственные надписи библиотеки. Это два «соррентийских» автографа Анастасии — «Дорогому Алексею Максимовичу с просьбой о неосуждении — мою давнюю книжку. *А.Ц.* 12 авг. 192[6] Сорренто» на «Королевских размышлениях» (*ОЛБГ. 1621*); «Дорогому Алексею Максимовичу — мою дурную книжку, которую и не люблю, и люблю. На добрую память. *А.Ц.* Sorrento. 23.VIII.2<7>» на книге «Дым, дым и дым» (*ОЛБГ. 2814*) и благодарственный Марины: «Дорогому Алексею Максимовичу с благодарностью за Асю. *Марина Цветаева.* Медона, сентябрь 1927 г.» (*ОЛБГ. 2815*) на поэме-сказке «Царь-девица». Еще одна надпись сделана

Мариной Ивановной на трагедии «Тезей»: «Дорогому Алексею Максимовичу — первую часть замысла. *М.Ц.* Медона, сентябрь 1927 г.» (*ОЛБГ. 2811*).

О том, что Горький всегда — и до, и после революции — старался поддерживать молодых авторов, свидетельствует надпись на книге Святогора[74] «Стихеты о вертикали» (М.: И.Н. Кузнецова, 1916. — *ОЛБГ. 2720*): «1916 г. Декабрь. Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Горькому. Как и первый сборник Святогора "Взмахи" (1910), так и эту книжку критика встретила очень недоброжелательно. Материально Святогор беден, как церковная мышь, что очень мешает ему проявить свое оригинальнейшее творчество печатно. Но Святогор бодр. Он идет своим путем. Для него было бы огромной ценностью получить хоть маленький отклик доброжелательства Вашего его творчеству, отклик души. *Издатель*». Здесь же несколько послереволюционных автографов писателей-дебютантов: «Дорогой Алексей Максимович. Первая книжка моя — волнующая меня не по выполнению — слабое оно, нечем похвастать: так за три года вынужденного изгнания опустела душа и притупился глаз — не приемлющий ни жизни чужой, ни чуждого неба, а по теме. Первый я затрагиваю ее — приспело время затронуть ее, только это и служит мне оправданием ее написания. С искренней любовью. *Глеб Алексеев.* 5 января 1923 года. Берлин» (*ОЛБГ. 684*); «Максиму Горькому. Первый литературный блин. 5/V — 28 г. *Марк Долинин.* Рязань» (*ОЛБГ. 2459*); «Алексею Максимовичу Горькому мой первый труд. *И. Ерошин.* Москва, 26/IX — 1929» (*ОЛБГ. 2470*); «Свою первую книжку посвящаю дорогому любимому Алексею Максимовичу Горькому. *Ник. Васенев*» (*ОЛБГ. 791*); «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому. В минуты творческих сомнений я не раз мысленно выносила свою работу на Ваш строгий суд. Свою первую книгу приношу на этот суд с волнением, надеждой. *Евгения Немирова.* 15/1-35 г.» (*ОЛБГ. 7636*).

Вот довольно типичная надпись начинающего автора (*Уксусов И.* Двадцатый век: Роман), для которого важно мнение «мастера»: «Алексей Максимович, я очень прошу прочитать этот роман. Глубокоуваж. Вас. *И. Уксусов*, Ленинград, 20.V.33 г.» (*ОЛБГ. 7646*); а эти два отличаются краткостью, эмоциональной насыщенностью и настойчивостью: «Дорогой Горький, дайте отзыв. *Арский*» (*Арский П.* Штурм неба: Социальная драма в 5-ти акт. (*ОЛБГ. 720*) и *Арский П.* Атаман Булак-Балахович: Пьеса в 5-ти д. — (*ОЛБГ. 719*).

Встречаются в мемориальном библиотечном хранении книги, надписанные бывшими «босяками»: В. Кузьмич «Крылья: Роман в пяти ч.» — «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому — мировому исполину, герою Сов. Союза. От молодого пролет. писателя большевика, воспитанного Сов. государством и партией, от бывш. воспитанника детских интернатов, соседа т. Макаренко по Полтаве, воспитанника, ставшего писателем. С любовью. *В. Кузьмич.* 19/V — 34 г.» (*ОЛБГ. 7686*); «Песни народов Дальнего севера», собранные и обработанные Ф. Дудоровым, с интересным посланием «Алек-

сею Максимовичу Горькому. Примите, Великий мой учитель, первую книгу бывшего бродяги и люмпенпролетария, будущего человека. Пусть это коряво и неуклюже, но просто и искренно. Вы первый напечатали в "Колхознике" одну из песен этого сборника и Вам первому эта книга. Примите, Алексей Максимович. С большой благодарностью. *Фил.Дудоров.* 1/VII — 1935 г.» (*ОЛБГ. 299*); Н. Брыкин «В новой деревне: Очерки дерев. быта» — «Алексей Максимович. С волнением послав эту книгу Вам, я, неизвестный Вам читатель и ученик, верю, что наш Максим Горький не забудет нас.

До революции я был пастухом, затем поваром, сейчас, окончив ун-т им. тов. Зиновьева, могу, хоть и коряво, излагать свои мысли. Эта книга о деревне нашей красной, советской деревне. Хочется Вам что-то еще сказать, не знаю, как приступить. Одно скажу — неужели Вас не тянет к нам? *Н.Брыкин.* 15/11 — 26 г. Ленинград» (*ОЛБГ. 8161*); М. Абашкина, А. Илюшина, Ф. Карпухин «Повесть о трех» — «Дорогой Алексей Максимович! Не раз мы читали о твоей тяжелой жизни в твоих произведениях. И наша жизнь была сходна с твоей, но все же дожили мы до прекрасного времени — торжества пролетариата. От всей души дарим тебе эту книгу. 13/V — 35 года. *Абашкина, Илюшина, Ф.Карпухин*» (*ОЛБГ. 674*); Тан. «Чукотские рассказы» (*ОЛБГ. 7924*) — «Максиму Зоркому. Русскому бродяге от Чукотского бродяги». На обороте титульного листа рукой автора стихотворение, посвященное Горькому:

Там, где торг ведут доходный
И Россия и Сибирь,
Над рекою судоходной
Поселился богатырь.
Не Добрыня то боярин.
Не заморский чванный Дюк,
Не Касимовский татарин.
То Ильи последний внук.
Он ходил золоторотцем.
И удалый вышел хват.
Даже с Васькой Новгородцем
Он крестовый был бы брат.
Как его Микула вотчим
Из деревни вышел вон
Лет пятнадцати работник
Угодил на Волгу он.
С той поры по волжским тесам
Он гулял немало лет,
По пескам и по утесам
Он везде оставил след.
Щеголял в цветной одежде,

Щеголял в мороз босым.
Назывался Стенькой прежде,
А теперь зовут Максим.
Он веселым был бродягой,
Без штанов и без забот.
Так пускай живет с отвагой.
Никому челом не бьет.
Что пред ним любой чиновник,
Либеральный крохобор,
Добродетельный сановник,
И педант, несущий вздор?
Что пред ним любой алтынник.
Живодер и дерзкий плут.
Самозванный именинник
Наших бед и наших смут?..
И повытчик и лабазник
По одной идут цене, –
Верь, Максим! Настанет праздник,
И на нашей стороне.
Пусть они разводят копоть,
Пусть плодят везде разврат!
Не удастся все им слопать!
И по темени отхлопать
Постарайся их, мой брат!

Тан.

Встречаются автографы, напоминающие о важных датах и событиях. Например, с приездом Горького в Советский Союз в 1928 г. связаны «приветственные» надписи: Ф.А. Желтова — «Уважаемому Алексею Максимовичу Пешкову (Максиму Горькому) в знак привета в приезд его на родину 19 июня 1928 г. *Ф.Желтов*» («Кость и золото: Древнее сказание», *ОЛБГ. 305*); Е.И. Хлебцевича «С приездом! Дорогому Алексею Максимовичу Горькому от автора. 28/V — 1928 г.» («Массовый читатель и антирелигиозная пропаганда: Опыт изучения читат. интересов и формы и методы антирелигиозной пропаганды и руководства чтением» — *ОЛБГ. 8437*); Н.Ф. Калинина «Дорогому Алексею Максимовичу от кружка краеведения при казанской школе № 3 девятилетки в день приезда, на казанских пристанях. 3-го августа 1928 года» («Горький в Казани: Опыт лит.-биогр. экскурсии» — *ОЛБГ. 7838*). Посвящение «Маститому юбиляру, отважному борцу и честному человеку Максиму Горькому. По случаю празднования сорокалетней деятельности от соратника Атриета 25 августа 1932 г. Ленинакан — Армения» на историческом исследовании «Имамат: Страна поклонников имамов (персидское ду-

ховенство)» (*ОЛБГ. 6761*) возвращают к юбилею первой горьковской публикации.

Зарождающаяся и крепнущая «новая» литература широко представлена в библиотеке Горького. Оригинальные автографы на книгах молодых советских авторов интересны своей непосредственностью, искренностью и особой задушевностью: «Максиму Горькому — портрет Сивки и описание горок, которые ее укатывали. 1 января (ст. ст.) 1923 года *Виктор Шкловский*» («Сентиментальное путешествие: Воспоминания, 1917–1922» — *ОЛБГ. 3356*) и «Конь этот пьяница: он ходит по всем улицам и пьет из всех колодцев (смотри "Заветные сказки"). Кроме того, он сентиментален. Сейчас он болен совестью. Люблю Максима Горького за то, что бродяга, до сего дня, и тоже косится на чужие колодцы. *Виктор Шкловский.* Январь. 6 ч. 1922. Люблю. Очень хотел бы играть с Вами в городки, хотя бы Вы меня и обыграли» («Ход коня: Сб. статей» — *ОЛБГ. 3358*); «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу, великому художнику жизни и чуткому человеку, вдали от России сумевшему понять и оценить культурную работу русских краеведов. *Ник. Дорогутин.* Москва, 26.XI — 1927 г.» на сборнике «Первые шаги краеведа» (*ОЛБГ. 8623*); «Далекому другу Максиму Горькому с тоской и любовью *Л. Войтоловский.* 12/XI — 25. Ленинград улица Красных Зорь, д. № 8, кв. 6.» (*Войтоловский Л.* «По следам войны: Походные записки» — *ОЛБГ. 820*) и «Перу и сердцу Максима Горького с глубокой признательностью. *Л. Войтоловский.* 18/XII — 26. Ленинград. Улица Красных Зорь, д. № 8, кв. 6» — (*ОЛБГ. 820*); «Дорогой Алексей Максимович! Не откажите принять мою первую работу, которую я посылаю Вам со всей искренностью, как сын любимому отцу. Знаю я, что книжка получилась сырая, однако допечь ее мне было нечем. В моем костре не хватило углей, достать же нужную охапку дров было негде. Долгие годы меня окружала голая, как бабья щека, заполярная тундра. Мой скудный очаг впервые заметил В.Я. Зазубрин и помог мне на сороковом году жизни тронуться в литературный аргиш. Живая встреча с Вами, Ваши сердечные указания и советы — внутренне организовали меня, согрели во мне веру, закрепили волю, и я, вернувшись в Сибирь, повел свой кочевой аргиш дальше. За все человеческое шлю Вам издалека привет. *М. Ошаров.* 3/XI — 35 г. Новосибирск. P. S. В книге полно опечаток, не принимайте их в расчет» («Большой аргиш: Роман» — *ОЛБГ. 1304*); «Дорогой Алексей Максимович! С любовью и грустью посылаю Вам этот сборничек. Грустно мне оттого, что нет у меня ничего лучшего, чтобы показать Вам. Попал я в какую-то мертвую зыбь и стою на месте. Не нравлюсь сам себе, сомневаюсь в себе. Вы когда-то надеялись, что из меня "выйдет толк". Не знаю, оправдаю ли эти слова Ваши. Пустота во мне. Тяжело. Впрочем, многим тяжело теперь, и Вам нелегко, наверно. Какое-то впечатление произведет на Вас эта книжечка, если она дойдет до Вас! Я не хочу просить Вас, чтобы Вы написали мне (думаю, что Вам не до стихов

и не до меня), но было бы большой радостью получить от Вас хоть маленькое, краткое письмо. Я все — в Иваново-Вознесенском "Рабочем крае". Ваш *Д. Семеновский.* 26 дек. 1922 г.» (Д. Семеновский «Благовещение: Стихи» — *ОЛБГ. 2725*); «Алексею Максимовичу Горькому: ... Когда-то давно, давно я прочитал первую книгу, которая глубоко поразила меня. Это было Ваше Детство. С тех пор прошло много дней и много прочитал я хороших книг, но я никогда больше не испытывал того счастья, которое испытал, читая Вашу повесть. И вот Вам я дарю первую свою книгу — «Повесть о людях моего детства», напечатанную в этом альманахе. Я хотел бы, чтобы она дошла до Вас и чтоб она была у Вас, чтоб она рассказала Вам о моей любви и преданности Вам — Великому писателю и простому прекрасному человеку, чей образ, чье дело, книги толкали меня в жизни к работе, к творчеству. *Аркадий Северный.* Москва. 3/II — 36 г.» («Молодость: Лит.-худож. альманах. № 2» — *ОЛБГ. 1233*); «Север, 3 июня 1933 года. А.М. Горькому, который так помог автору этой книги, как литератору — находить свой путь в попытках изобразить, жизнь, так как он ее видит и чувствует, на строгий суд. Сергей Марков. Архангельск, "Правда Севера"» (С. Марков «Соленый колодец» — *ОЛБГ. 1210*); «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому — учителю и человеку, которому сия книга, а равно и ее автор обязаны своим существованием в советской литературе, в знак глубочайшего уважения и признательности. *Автор* 2/VIII. 1934. Москва» (В. Зазубрин «Горы» — *ОЛБГ. 961*); «"Клянусь, человек стоит того, чтобы его рассматривали с большим любопытством, чем фабрику или развалину" (Н.В. Гоголь). — Я вступил на этот путь. Укрепите меня в моей вере, дорогой Алексей Максимович! Крепкая любовь моя Вам. *Мих. Козаков.* Питер, 1926. Сентябрь» (М. Козаков «Повесть о карлике Максе, балаганном актере» (*ОЛБГ. 1210*); «Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович! С большой тревогой посылаю Вам первый экземпляр моей новой работы. Прошу Вас, если будете читать ее, поделиться со мной своими критическими замечаниями. Этой книгой я только начинаю изучение сложнейшей области художественного творчества. Недочетов в книге, вероятно, очень много. Совет и указания, в особенности Ваши, для меня крайне нужны, необходимы. Только этот момент — особенная важность Вашего слова и мнения для дальнейшего построения марксистской теории художественного творчества — хоть несколько извиняет и оправдывает то беспокойство, которое причиняю я Вам своим обращением. Простите. Ваш *Павел Медведев.* 24.IX.33. Ленинград» (П. Медведев «В лаборатории писателя» — *ОЛБГ. 3146*).

Особого внимания заслуживают стихотворные автографы: «Дорогому Алексею Максимовичу. Учителю сердечных строчек, искреннему, истинному человеку, настоящему товарищу. *П. Беспощадный.* От души желаю самого драгоценного — здоровья.

Этот образ близкий
Не пройти мне мимо,
В наши трудовые.
Заревые дни.
Самому родному
Из моих любимых,
Самому любимому
Из моей родни»

на сборнике (П. Беспощадный «Каменная книга: Стихи» — *ОЛБГ. 2369*);

«Буревестник, буревестник,
Песня, молния и птица —
Ты со старым кочегаром
Всей своей повадкой схож.
Нашей юности ровесник,
Знаю, сызнова пуститься
Хочешь в море: ты недаром
Возле синего живешь.
По седой равнине моря —
Той что с детства полюбилась —
Я плыву и слышу голос
Вещей птицы грозовой.
И всегда, со штормом споря,
Я хочу, чтоб сердце билось,
Чтобы жизнь моя боролась —
Как направит голос твой

10/II — 36 г. *Павел Панченко*» (П. Панченко «Отцовское солнце: Стихи» — *ОЛБГ. 2639*);

«Алексею Максимовичу

Не мне греметь с крутых высот Парнаса,
Эстетское не мне бросать копье...
Я лишь солдат воспрянувшего класса,
И бодрый стих — оружие мое!
Пусть ясен день, шумят покоем травы,
И рощи манят в полдень отдохнуть —
Мой путь через пикеты и заставы,
Под вражескими пулями мой путь.
И если, пролетая над пикетом,
Я к вам приду за лекарским советом,
В вас я найду и друга и врача!

Ив. Молчанов. 7/VIII — 30» (И. Молчанов «Военная молодость: Стихи» — *ОЛБГ. 2606*);

«О, не судите слишком строго
Плодов незрелого пера.
Улыбок раннего утра:
Еще темна моя дорога
И не пришла моя пора.
Но час пробьет и день настанет,
Исчезнут хмары юных лет
И Вашу доброту помянет
Стоящий у пути поэт.

С глубоким уважением *В. Князев.* 8/IV – 15. СПб.»

(В. Князев «Двуногие без перьев: Сатира и юмор» – *ОЛБГ. 2526*);

«Алексею Максимовичу, мастеру подмастерок. *Яков Шведов.* 7 VIII. 33 г.

Алексею Максимовичу Пешкову от автора сию книжицу. Кому дарю, о ком мне пел еще в детстве отец:

– Есть у нас писатель
Горький Максим,
Тот нашу Хитровку
Давно протащил.
Хитровка. Хитровка,
Дом Кулаков,
А вот и Ярошенков.
Бывший Орлов.
Есть у нас на Хитровке
Брыкин ресторан,
Юликина, Булыкина
Веселый балаган.
Хитровка, Хитровка

и т.д.

Пел отец, а его сын видел Горького на собрании. Видел, но не говорил.

Нет "Хитровки", нет "Юр-воруга"

"веселой деревни" "дна"» (Я. Шведов «Ровесник: Повесть» – *ОЛБГ. 8454*) и др.

Можно понять чувства авторов, в разное время присылавших свои произведения, адресуя их «Защитнику человечества. Воителю правды» (1909 – *ОЛБГ. 5124*); «Дорогому нашему соратнику по борьбе с самодержавием» (1932 – *ОЛБГ. 3731*); «Адмиралу пролетарской литературы» (1934 – *ОЛБГ. 7365*); «красе русской литературы» (1930 – *ОЛБГ. 3227*); «мастеру цеха прозы» (1931 – *ОЛБГ. 3238*) и т.п. Таковы, к примеру, дарственные надписи на книге «Партизанское движение в Горном Алтае 1919 г.» – «Великому Пролетарскому писателю. Дорогой Алексей Максимович! Вы своей неустанной работой и энергией вдохновили многих, в том числе и меня, написать об

истории и о тех [путях], пройденных в жестоких, классовых боях великой, освободительной борьбы пролетариата, в союзе с беднейшим крестьянством, с врагами революции, с врагами диктатуры пролетариата. Примите от всего сердца мою книгу. Автор: *И. Третьяк.* 15/11-34 г. Гор. Бийск.» (*ОЛБГ. 7927*); «Дорогой товарищ Максим Горький! Посылаю тебе, как пролетарскому писателю — бойцу за [дело] рабочего класса свою первую рабочую книжку — на память. *Александр Шеин.* 5/II-31 г. Москва» на издании «Именем рабочей общественности: Товарищеский суд в борьбе за промфинплан» (*ОЛБГ. 7947*); «Любимому писателю-человеку, дорогому Алексею Максимовичу от искренне и глубоко уважающего автора. 28.X.27. Ленинград. — *П. Безруких*» на брошюре «Советский транспорт за десять лет» (*ОЛБГ. 7774*); «Большому другу и учителю, любимому и неустанному борцу за Человеческую Справедливость Алексею Максимовичу Горькому. *Барков.* 27/X — 34 г.» на пьесе «Волгари» (*ОЛБГ. 7772*) и др.

Помимо общественно значимых заслуг Горького авторские надписи на книгах его библиотеки содержат много личного. «Алексею Максимовичу Горькому — этот свод невыполненных намерений и тучу молодых ошибок — смущенный автор. 18/IX-27. Москва» (С. Буданцев «Командарм: (Мятеж)» — *ОЛБГ. 768*); «Алексею Максимовичу Горькому — от сибиряка, который неоднократно был согрет Вами... *Ис. Гольдберг.* Иркутск» (И. Гольдберг «Люди и дни: Повести и рассказы разных лет» — *ОЛБГ. 875*); «Алексею Максимовичу с сыновней любовью и преданностью. *В. Князев.* 15/IV-20 г. Проспект 25 Окт. 24 кв. 152» (В. Князев «Первая книга стихов (1905–1916)» — *ОЛБГ. 2529*); «Писателю и человеку, дорогому Алексею Максимовичу Горькому, с любовью и уважением мой сборничек стихов о выстраданном, пережитом. Я знаю, что стихи мои далеко несовершенны. В них немало промахов, ошибок, срывов. Но тем более мне хочется показать их Вам, Алексей Максимович, как художнику, который в далеком глухом прошлом произвел на меня, неграмотного, забитого тяжелым трудом и бесправием парня, неизгладимое впечатление. Здоровья, бодрости и долголетия! *Макар Пасынок.* Москва, 1 февраля 1930 г.» (М. Пасынок «Сердце и порох: Стихи» — *ОЛБГ. 2652*); «Глубоколюбимому Алексею Максимовичу Горькому от по гроб жизни признательного *Василия Краснова.* Москва. 10 мая 926 г. *P.S.* Прошу позволения следующее издание посвятить Вам» (В. Краснов «Ходынка: Рассказ не до смерти растоптанного» — *ОЛБГ. 6400*); «А.М. Горькому. Отцу родному Алексею Максимовичу от "пасынка". *Я. Ганзбург.* Москва, апреля 15. с / 31 г.» (Я. Ганзбург «Кусты и зайцы: Роман» — *ОЛБГ. 838*); «А.М. Пешкову. Жизнь наша российская так велика, заманчива и в то же время беспорядочна, что не укладывается ни в какие партийные рамки. И Вам — маститому писателю и мне — юнцу литературы — раскрывает она свои объятия: — Прими меня и дай мне кусочек и твоей радости! И мы должны, и мы обязаны отдать ей все

тепло и ласку, что таятся в нас. Так руку же, старый учитель: нам по пути! С любовью *Б. Тимофеев*. 8/II — 919. Москва» (Б. Тимофеев «Чаша скорбная» — *ОЛБГ. 1501*).

В последней библиотеке Горького есть большой раздел книг Екатерины Павловны Пешковой, поступивших в Музей после ее смерти. Предположительно эти тома, в начале 1900-х годов входившие в горьковское собрание, позднее были перевезены из Нижнего Новгорода в Москву. В 1920-е годы библиотеку Екатерины Павловны пополнял сам Горький. На полках этого раздела немало книг с дарственными надписями. Среди авторов посвящений Екатерине Павловне — Л.М. Леонов, А.И. Народоволец, А. Новиков-Прибой, И.А. Бунин, В.В. Стасов, Л.А. Сулержицкий, А.Н. Толстой, В. Фигнер, О.Л. Книппер-Чехова, И.А. Груздев, С.Я. Елпатьевский, В.Н. Золотницкий, Н.Ф. Калинин и др. Вот некоторые из надписей: «Дорогой Екатерине Павловне Пешковой с неизменной любовью, в память дней прожитых. *Ольга Книппер-Чехова*. 1935» (*Чехов А.П.* Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер. Т. 1. 16 июня 1899 — 15 сент. 1901; *О.Л. Книппер-Чехова*. Несколько слов об А.П. Чехове» — *ОЛБГ. 9143*); «Дорогому милому другу Екатерине Павловне, от уважающего всей душей Сулера, в знак любви и почитания. *Сулер*. 18/IV — 1906. Ялта» (Л.А. Сулержицкий. «В Америку с духоборами: (Из записной книжки)» — *ОЛБГ. 9107*); «Одной красивой и притягивающей, с прекрасными ресницами и восточными глазами. *В. С.* 22 февр. 1906» (В.В. Стасов. Собрание сочинений. Т. IV. — *ОЛБГ. 9101*); «Дорогой Катерине Павловне *автор*» («Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи, 1912–1913 г.» — *ОЛБГ. 8809*) и «Дорогому моему сотруднику Екатерине Павловне. *Ив. Бунин*. 28/15 марта 1913 г. Капри» («Суходол: Повести и рассказы, 1911–1912 г.» — *ОЛБГ. 8814*). Есть в библиотеке и автограф самой Екатерины Павловны. Это поздравление Горькому на книге Г. Штадена «О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника»: «Имяниннику 17–30 марта. Машков пер. 1, кв. 16, Москва, 1925 г.» — (*ОЛБГ. 6680*).

Несколько десятилетий библиотека в доме Горького на Малой Никитской привлекает внимание посетителей и специалистов. Очень часто можно услышать вопросы, задаваемые экскурсоводам: прочитал ли писатель все эти книги и есть ли здесь произведения самого Горького? Безусловно, горьковские тома в личной библиотеке есть, сохранились и его автографы.

Один из первых томов своего собрания — А. Шопенгауэр «Афоризмы и максимы» Горький подписал: «*А. Пешков*. Самара, 1895» — (*ОЛБГ. 200*); книгу Г. Ольденберга «Будда, его жизнь, учение и община» (*ОЛБГ. 5231*) — «*Пешков*». Сохранились дарственные надписи Горького родным и близким. К примеру, автографы на книгах, в разное время подаренных сыну: на иллюстрированном атласе Н.А. Холодковского и А.А. Силантьева «Птицы Европы» (*ОЛБГ. 5420*): «Милому моему сыну Максиму. *Алексей*»; на книге С. Уоркера

«Завоевание воздуха = (Aviation) (1914)» — (*ОЛБГ. 4322*) — «А.М. Горького сыну М.А. Пешкову: Посылаю тебе сию книгу, может быть годится? *Отец Алексий Пустомяцкий*»; на сборнике С. Тромгольта «Игры со спичками: Задачи и развлечения» (1907) — (*ОЛБГ. 4041*) — «Сынище! Вот хорошая книжка для вечерних занятий. Если ты будешь решать задачи не заглядывая в решения — молодчиной назову! *А.*»; «Милому сыну, сердечному другу — Максиму. *Отец*», — на немецком издании Schulz Ph.W. «Die persischislamische Miniaturmalerei» (1914) — (*ОЛБГ. 8769*).

Несколько посвящений писателя адресованы Надежде Алексеевне Пешковой (домашнее прозвище — Тимоша). На книге М.Е. Салтыкова-Щедрина «Тетушка Анфиса Порфирьевна: Эпизод из пошехонской старины» с 12 иллюстрациями Бориса Григорьева (Мюнхен. 1923. — *ОЛБГ. 6717*) читаем: «Тимоше. *М. Горький*»; на избранных рассказах М. Горького — «Надежде Алексеевне милому человеку. *М. Горький.* 25/XII — 22.» — (*ОЛБГ. 8664*); на «Жизни Клима Самгина» — «Тимоше с большой нежностью. *Автор.* 24.VII. 34» (*ОЛБГ. 8663*); на «Песнях и поэмах» Х.Н. Бялика — «Очень милому умному Тимоше отец *Алексей Пешков.* 25.XII. 22. Saarow» (*ОЛБГ. 8650*); на трех томах горьковских избранных произведений («Наде на память. 25.XII.22. Saarow. *М. Горький*»; «Наде, он же — Тимофей. *Автор*»; «Наде. *М. Горький.* 25.XII. 22») — (*ОЛБГ. 8666*).

Личная библиотека, хранящаяся в музее-квартире А.М. Горького, может многое рассказать о своем владельце и его эпохе. Знакомство с дарственными надписями на книгах мемориального собрания писателя позволяет оценить масштаб его личности. За посвящениями Горькому — череда общественно-значимых явлений: искания рубежа веков, первая русская революция, октябрьские события, послереволюционные годы; галерея лиц, в разное время влиявших на судьбы страны. Сотни автографов, почти в каждом — сжатая история отечественной литературы, искусства и науки; история творчества и человека. В этом многообразии фигура Горького воспринимается как ключевая, связывающая царскую Россию и Советский Союз; Чехова и Короленко с Маяковским и Зощенко; «слишком раннюю предтечу слишком медленной весны»[75] с «диалектикой жизненной правды»[76]. Исчерпывающим и часто цитируемым впоследствии стал автограф Бориса Пастернака на издании «Девятьсот пятый год» (М.; Л.: Госиздат, 1927. — *ОЛБГ. 2647*) — «Алексею Максимовичу Горькому, величайшему выраженью и оправданью эпохи с почтительной и глубокой любовью *Б. Пастернак.* 20/IX — 27. Москва».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Номера описания даются по изданию: Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание: В 2 т. М.: Наука, 1981.

[2] *Чехов А.П.* Собр. сочинений: В 10 т. Т. 1.: Рассказы. СПб.: изд. А.Ф. Маркса, [б. г.].

[3] *Байрон.* Манфред: Драм. поэма // Пер. с англ. И.А. Бунина. СПб.: Знание, 1904.

[4] *Блок А.А.* Стихотворения. М.: Мусагет, 1916.

[5] *Орлов-Скоморовский Ф.М.* Из цикла: К человечеству. Кн. 1. Голгофа ребенка. [М.]: Госиздат, 1921.

[6] *Филиппов А.М.* Рядовой: Повесть. Л.: Прибой, 1928.

[7] *Набоков В.В.* Максим Горький // *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. М.: «Независимая газета», 1996. С. 374.

[8] *Чуковская Л.К.* Памяти детства // *Чуковская Л.К.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. Повести. Воспоминания. М.: Гудьял-Пресс, 2000. С. 190.

[9] *Г-30.* Т. 24. С. 140.

[10] О Личной библиотеке А.М. Горького в Москве, ее авторах, горьковских пометах и дарственных надписях см.: *Смирнова А.Д.* Последняя библиотека А.М. Горького // В доме на Малой Никитской. М., 2005; *Смирнова А.Д.* «Великий читатель земли русской...» Последняя библиотека А.М. Горького. М., 2008; *Островская С.Д.* Рукой Горького. М.: Советский писатель, 1985; *Иокар Л.Н.* Критика о Горьком в личной библиотеке писателя (дореволюционный период) // *Горький и его эпоха. Вып. 4.* С. 86–90; *Демкина С.М.* Il ritorno a Mosca: peliguie italiane nella casa moscovita di Cor'kij (Возвращение в Москву: итальянские реликвии в московском доме Горького) // Uno scrittore 'Amaro' nel paese 'dolce' Maksim Cor'kij fra Capri, Sorrento e Mosca. Oebalus. Capri, 2006; *Демкина С.М.* Сборник И. Шмелева «Забавное приключение»: по материалам Личной библиотеки А.М. Горького // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания. Сб. материалов международных научных конференций 2003 и 2005 гг. М., 2007; *Г-30, ЛЖТ; Горький. Сочинения; Горький. Письма; Описание.* 1997, 2002.

[11] *Горький. Сочинения.* Т. 16. С. 426.

[12] Там же. С. 258.

[13] *Горький. Письма.* Т. 1. С. 283.

[14] М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. М.: ГИХЛ, 1951. С. 26.

[15] *Горький. Письма.* Т. 2. С. 10.

[16] *Горький. Сочинения.* Т. 16. С. 357.

[17] *Горький. Письма.* Т. 2. С. 55.

[18] *ЛН. Т. 95.* С. 146.

[19] Вопр. литературы. 1989. № 10. С. 155.

[20] *Горький. Письма.* Т. 10. С. 10.

[21] *Горький. Письма.* Т. 9. С. 126.

[22] *Горький М.* Статьи 1905–1916 гг. Пг., 1916. С. 196.

[23] *Горький. Письма.* Т. 9. С. 125.

[24] *Горький. Письма.* Т. 13. С. 9.

[25] *ЛН. Т. 70.* С. 625.

[26] *Блок А.А.* Собр. соч.: В 9 т. Л., 1960–1965. Т. 6. С. 92.

[27] *Горький. Сочинения.* Т. 17. С. 221–229.

[28] Переписка Горького с К.И. Чуковским // *Горький и его эпоха.* Вып. 3. С. 246.

[29] Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка: 1912–1969. М.: НЛО, 2004. С. 161.

[30] Там же. С. 162.

[31] *Чуковская Л.К.* Собр. соч.: В 2 т. М.: Гудьял-Пресс, 2000. Т. 2. С. 435.

[32] «Чукоккала»: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. С. 224–225.

[33] *Федин К.А.* Горький среди нас. М.: Советский писатель, 1968. С. 238.

[34] *Белый А.* Новая русская книга. Берлин: Изд-во Ладыжникова, 1922. С. 3.

[35] Цит. по: Горький и художники. М.: Искусство, 1964. С. 53–54.

[36] Василий Васильевич Каменский (1884–1961), поэт-футурист, один из первых русских авиаторов.

[37] *Бурлюк Д.* Воспоминания // Горький и художники. С. 53.

[38] Там же. С. 209.

[39] *АГ.* КГ-ДИ-3-11-20.

[40] *Архив Г. 11.* С. 227–228.

[41] Там же. С. 29.

[42] Там же. С. 30.

[43] Там же. С. 40.

[44] *Горький. Сочинения.* Т. 20. С. 67.

[45] *Федин К.А.* Горький среди нас. С. 20.

[46] *ЛН. Т. 70.* С. 461.

[47] *Г-30.* Т. 29. С. 485.

[48] *Федин К.А.* Горький среди нас. С. 306.

[49] Там же. С. 295.

[50] Там же. С. 238.

[51] Там же. С. 239.

[52] Там же. С. 267.

[53] *ЛН. Т. 70.* С. 165.

[54] Там же. С. 166.

[55] *Иванов Вс.* Переписка с А.М. Горьким. М., 1969. С. 70.

[56] *Федин К.А.* Горький среди нас. С. 290.

[57] *ЛН. Т. 70.* С. 469.

[58] Там же. С. 634.

[59] *Ошурков М.* Как это было... // Пионерская правда. 1968. 26 марта.

[60] *АГ.* КГ-уч-4-2-9.

[61] *АГ.* КГ-уч-4-2-14.

[62] *АГ.* КГ-уч-4-2-4.

[63] Там же.

[64] *Архив Г. 11.* С. 67.

[65] *Архив Г. 4.* С. 275.

[66] *Горький М.* Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. С. 122.

[67] *Горький и наука.* С. 129.

[68] *Г-30.* Т. 30. С. 280.

[69] *ЛН. Т. 72.* С. 398.

[70] *ЛН. Т. 70.* С. 262.

[71] *Цветаева А.И.* Воспоминания. М., 1995. С. 223.

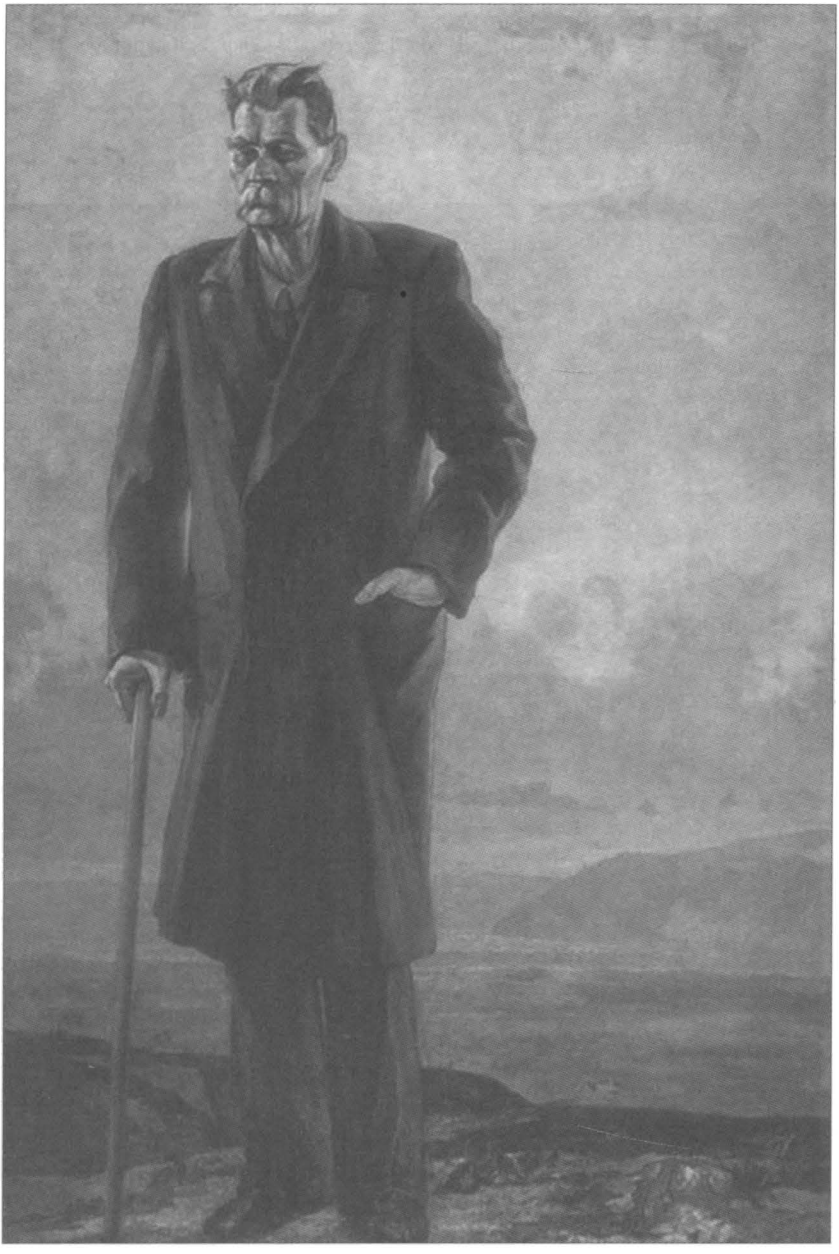
[72] *Цветаева М.И.* Соч.: В 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 72.

[73] *Цветаева А.И.* Воспоминания. С. 223.

[74] Псевдоним Александра Федоровича Агиенко (1889–?) — философа, поэта, возглавлявшего московское отделение биокосмистов.

[75] Гильгамеш: Вавилон, эпос / Пер. Н. Гумилева, введ. В. Шилейко. СПб.: Изд. З.И. Гржебина, 1919.

[76] Диалектический и исторический материализм: В 2 ч. Дарственная надпись: «Алексею Максимовичу Горькому — величайшему мастеру социалистической культуры, мастеру диалектики жизненной правды. От коллектива молодых авторов. От имени коллектива *Митин.* 15.II.1934 г.».

М. Горький (худ. П. Корин)

На первом плане И.М. Кошенков

Н.К. Крупская

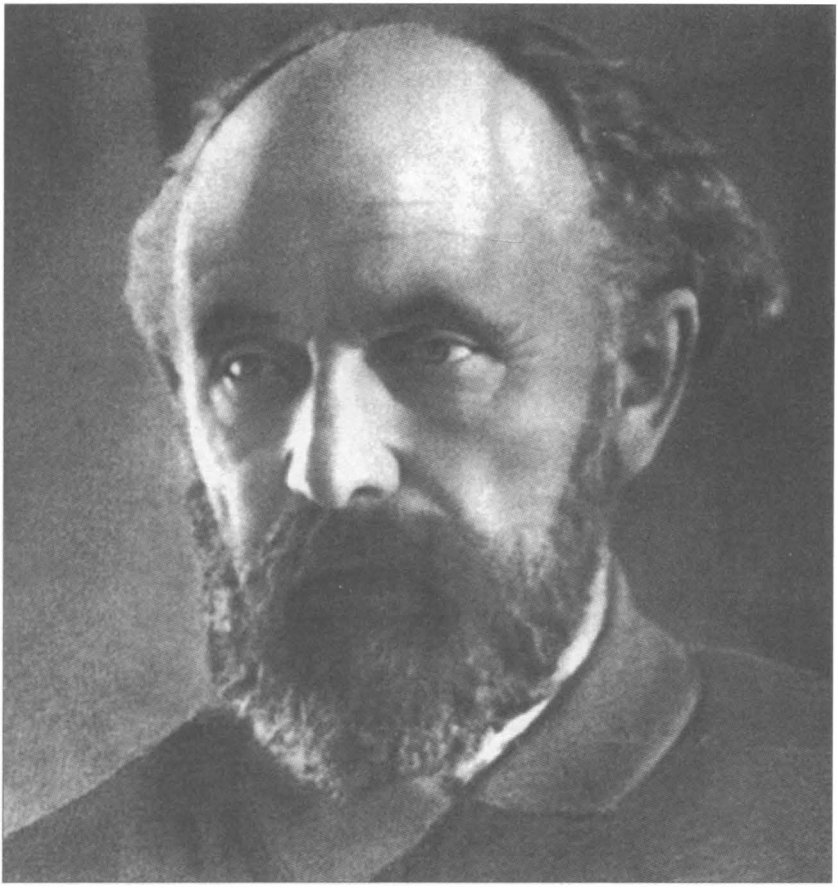
М.П. Томский

Е.Д. Кускова

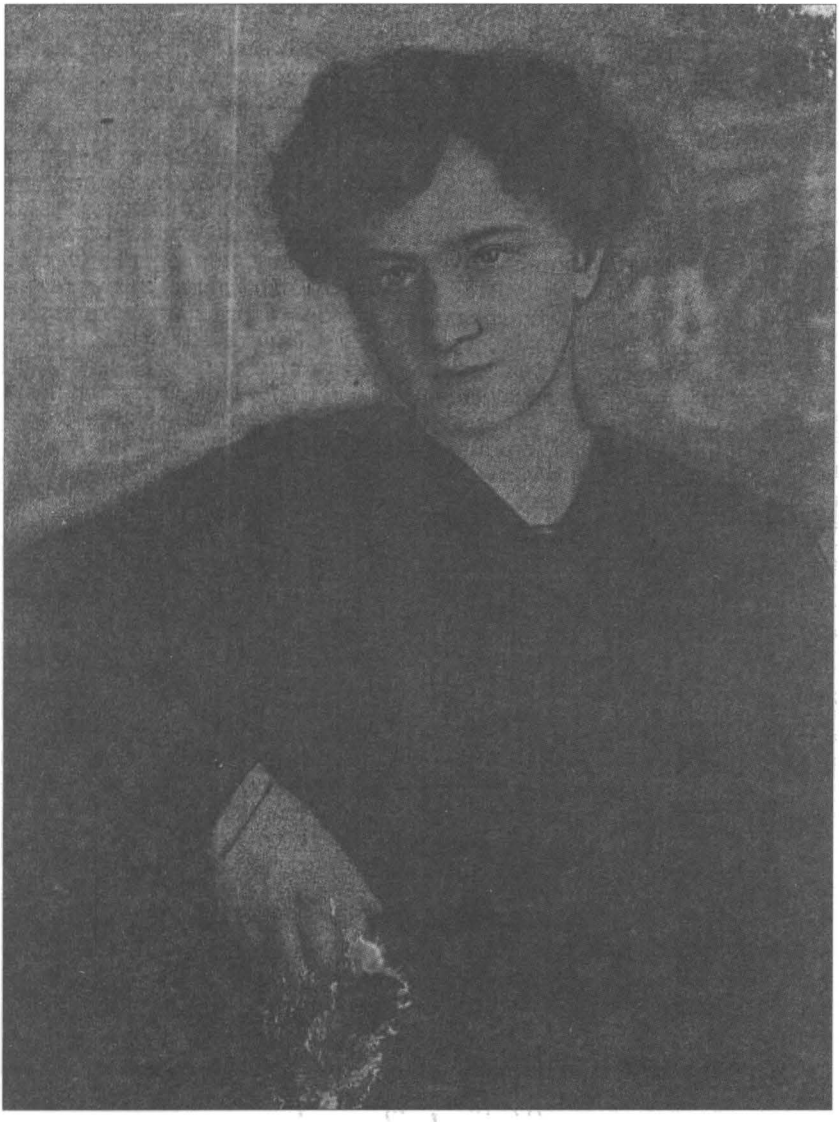
А.Н. Тихонов

М.М. Пришвин

В.Я. Зазубрин

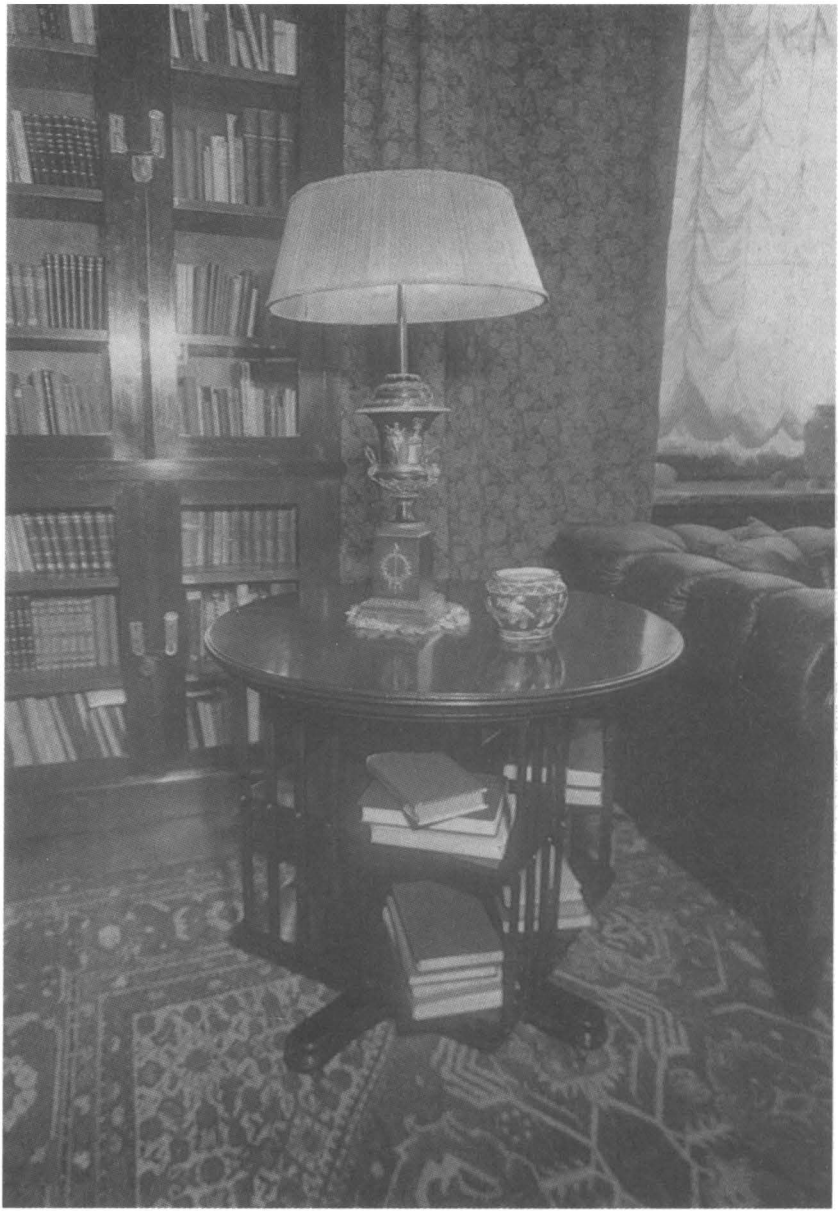
М.Е. Лёвберг

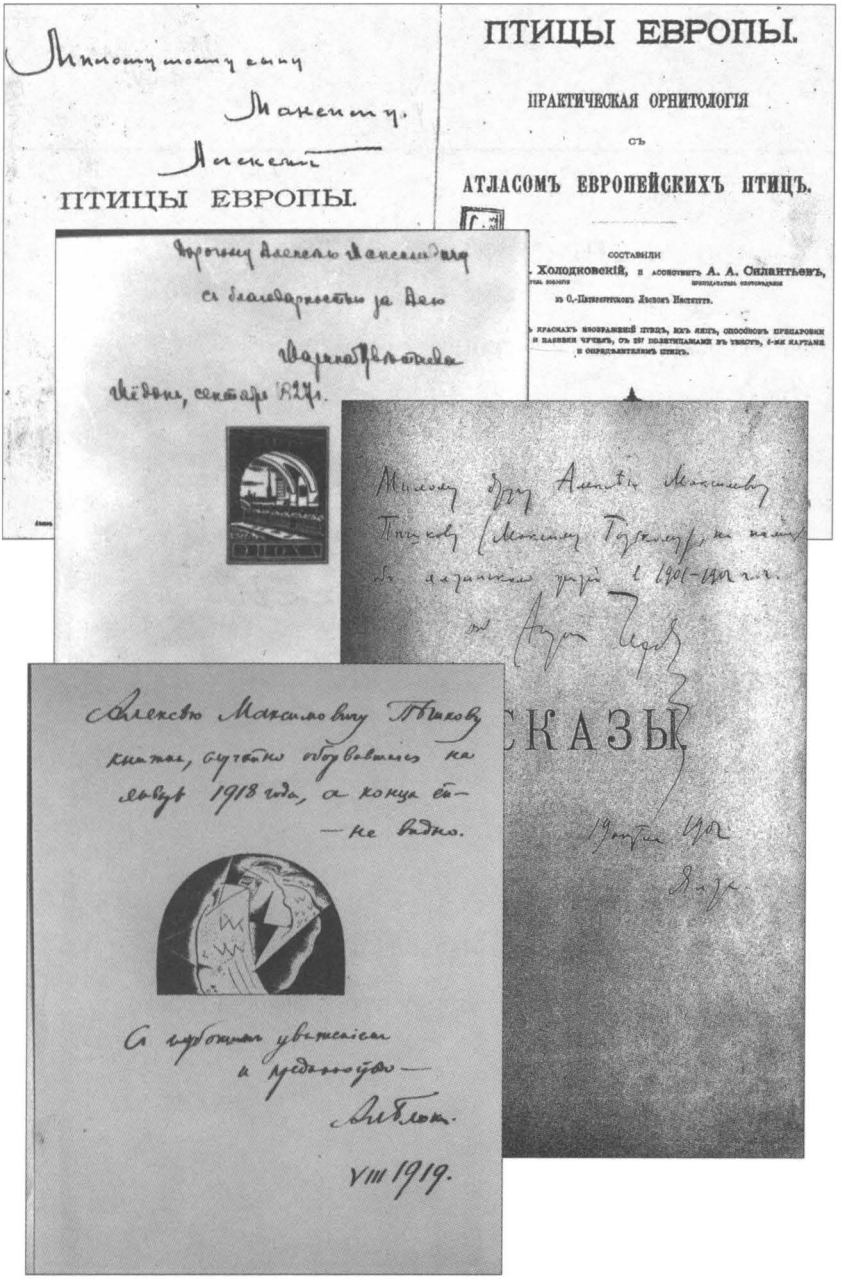
И.С. Шкапа. Фотография публикуется впервые (КМГ. В 6040(1))

М. Горький и Р. Роллан

Библиотека Горького на Малой Никитской

Дарственные надписи на книгах из библиотеки Горького

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

М. Горький (худ. П. Корин)

И.М. Кошенков

Н.К. Крупская

М.П. Томский

Е.Д. Кускова

А.Н. Тихонов

М.М. Пришвин

В.Я. Зазубрин

М.Е. Лёвберг

И.С. Шкапа

М. Горький и Р. Роллан

Библиотека Горького на Малой Никитской

Дарственные надписи на книгах из библиотеки Горького

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Андреева — М.Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Искусство, 1968

Архив Г. 1–16 — Архив А.М. Горького. Т. 1: История русской литературы. М., 1939 — Т. 16: А.М. Горький и М.И. Будберг. М., 2001

Вокруг смерти Горького — Вокруг смерти Горького: Документы, факты, версии. М.: ИМЛИ РАН, 2001

ВС — Максим Горький в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1981

Г-30 — Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949–1953

Горький в зеркале эпохи — Горький в зеркале эпохи: (Неизданная переписка). М.: ИМЛИ РАН, 2010. (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 10)

Горький и его эпоха. Вып. 1, 2 — Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1, 2

Горький и корреспонденты — Горький и его корреспонденты. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 7

Горький и наука — Горький и наука: Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964

Горький. Варианты. Т. 1–11 — Горький М. Полн. собр. соч.: Варианты: В 11 т. М., 1974–1984

Горький. Несвоевременные мысли — Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918). М., МСП «Интерконтакт», 1990

Горький. Письма. Т. 1–24 — Горький М. Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. М., 1996–2014. Т. 1–16

Горький. Сборник — Сборник статей и воспоминаний о Горьком / Под ред. И.А. Груздева. М., 1928

Горький. Сочинения. Т. 1–25 — Горький М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения: В 25 т. М., 1958–1976

Горьковские чтения. 1940–1968 — Горьковские чтения. 1938, 1939. М., 1940 — Горьковские чтения. 1968. М., 1968

ЛБГ — Личная библиотека М. Горького в Москве

Ленин и Горький — В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма. Документы. Воспоминания. Изд. 3-е, доп. М., 1969

Ленин. ПСС. Т. 1–55 — Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1965

ЛЖТ. 1–4 — Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М., 1958–1960. Вып. 1–4

Литературная жизнь России — Литературная жизнь России 1920-х годов: В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2005

ЛН Сибири. Т. 1–8 — Литературное наследство Сибири: В 8 т. Новосибирск, 1969

ЛН. Т. 1–95 — Литературное наследство. М., 1935–1995. Т. 1–95.

Минувшее. 1–25 — Минувшее: Исторический альманах: 1–25. М.; СПб.: Прогресс–Феникс; Atheneum, Феникс, 1990–1999; репр. изд.: Atheneum, 1986–1991, Paris

Неизвестный Горький — Горький и его эпоха: Материалы и исследования. М., 1994–1996. Вып. 1–4

Неизданная переписка — М. Горький: Неизданная переписка. Материалы и исследования. М., 1998. Вып. 5

ОЛГБ. 1–9176 — Личная библиотека М. Горького в Москве: Описание: В 2 кн. М., 1981

Описание. 1997 — А.М. Горький и его современники. Фотодокументы: Описание. М., 1997

Описание. 2002 — Современники А.М. Горького: Фотодокументы: Описание. М., 2002

Публицистика Горького — Публицистика М. Горького в контексте истории. М.: ИМЛИ РАН, 2007.

Русский Берлин — Русский Берлин. 1921–1923 / Сост., вступ. ст. и коммент. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. Paris: YMCA-PRESS; М.: Русский путь, 2003

С двух берегов — С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

АГ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Архив А.М. Горького (Москва)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

КМГ — Литературно-мемориальный музей А.М. Горького (Казань)

ОР ИМЛИ — Отдел рукописных и книжных фондов Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (Москва)

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

А — автограф

АМ — авторизованная машинопись (подпись, правка текста или приписка Горького)

МК — машинописная копия

ФК — фотокопия письма

ЧА — черновой автограф

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В указатель включены все имена, встречающиеся в тексте коллективного труда «Горький. Неизвестные страницы истории». Фамилии исторических лиц печатаются обычным шрифтом, фамилии исследователей — курсивом.

Лица, упомянутые в тексте без инициалов, вносятся в указатель с краткой аннотацией (напр., *Мальченко, рабочий-двадцатипятитысячник*).

Литературные персонажи в указатель не включены.

Аввакум Петрович 387

Авенариус Р. 364, 390

Авербах Л.Л. 17, 19, 23, 107, 158, 182, 361, 381, 387, 415, 416, 418, 482, 484, 508, 509

Авербах М.И. 72, 98, 99

Аверченко А.Т. 327

Аврамов Р.П. 11, 642, 644

Авсаркисов М.П. 211, 242

Агапов Б.Н. 416

Агапов, делегат 5 съезда РСДРП 105

Агол И.И. 507

Адамович Г. 662

Адлер Б.Ф. 389

Адоратский В.В. 54

Айхенвальд Ю. 434

Аксельрод П.Б. 136, 209

Алафузовы, казанские фабриканты 74, 102

Алданов М.А. 251

Александр, король Югославии 254

Александр II 199

Александр III 101

Александров И.Г. 126

Алексеев В.М. 311

Алексеев Г. 678

Алексеев Е. 596

Алексеев И.И. 194

Алексей Михайлович 544

Алексин А.Н. 56, 71, 98

Алексинский А. *см.* Романов А.С.

Алексинский Г. 7

Алексинский М.А. 132, 134

Аллилуева Н.С. 22

Алпатов-Пришвин Л.М. 351, 356, 367, 370, 389, 391, 392, 394, 400, 410

Алымов С.Я. 416

Амфитеатров А.В. 464, 647, 652, 658

Андерсен-Нексе М. 176

Андреев А.А. 237, 261, 548

Андреев Л.Н. 11, 230, 274, 276, 279, 297, 318, 339, 389, 655, 657

Андреева (урожд. Юрковская, в 1 браке Желябужская) М.Ф. 7, 18, 51, 52, 63–65, 206, 265, 266, 324, 332, 333, 522, 523, 527, 542, 642, 671

Андреюшкин П.И. 55

Андроникашвили К.Б. 316

Андроникашвили-Пильняк Б.Б. 315

Анненков Ю.Н. 305, 315, 329

Анненский Н.Ф. 199

Анов Н. (наст. фам. Иванов) 427, 431, 450, 456, 497, 574, 599, 600

Анохин А.К. 564
Ансон А.А. 437
Антокольский П.А. 283
Антонов А.С. 442
Антонов Г.М. 358
Ариас-Вихиль М.А. 630, 631, 633
Арманд И. 98
Аронсон Г.Я. 198, 208
Аросев А.Я. 631, 633
Арсеньев А.М. 67
Арсеньев В.К. 146, 154, 179, 374, 377, 405, 406, 410, 412, 671
Арцыбашев М.П. 234, 257
Асеев Н.А. 264, 273, 391, 458, 492, 493
Аскарханов Н.С. 230, 256
Асторы, политики 618
Атаров Н.С. 584, 610
Ауэзов М. 600
Афанасьев А.Н. 402, 670
Афиногенов А.В. 19, 23, 516
Ахматова (наст. фам. Горенко) А.А. 271, 296, 409

Бабель И.Э. 57, 58, 66, 106, 264, 274, 275, 277, 296, 316, 323, 324, 334, 433
Бадаев А.Е. 95, 96
Бадмаев Н.Н. 505
Бажов П.П. 600
Базаров (наст. фам. Руднев) В.А. 82, 112, 239, 262, 263, 312, 337, 349, 353
Балика Д.А. 67
Балтрушайтис Ю.К. 409
Балухатый С.Д. 66
Бальзак О. де 178, 231
Бальмонт К.Д. 633
Баранова Н.Д. 358
Барбюс А. 176, 500
Барков Н.П. 14, 34, 47, 566, 582, 608
Бебель А. 400
Бедный Д. (наст. фам. и имя Придворов Е.А.) 390
Безбородов С.К. 130, 133
Безыменский А.И. 444
Белова Л.Б. 565
Белоконский И.П. 250
Белоконь А. 450, 504
Белоус В.Г. 402
Белый А. (наст. фам. и имя Бугаев Б.Н.) 403, 661, 662, 689
Белых Г.Г. 85, 114, 115
Беляева Л. 566
Бенеш Э. 255
Бенуа А.Н. 281, 359, 404
Берберова Н.Н. 209, 252, 362
Бергсон А. 364, 390
Бережецкая Т. *см.* Шкапа Т.
Березин И.И. 517
Березин М.Е. 74, 102
Березовский Ф. 430, 439, 443, 454, 513
Берзинь А.А. 416
Берман М.Д. 448
Берсенев (наст. фам. Павлищев) И.Н. 533, 543
Бехер И. 176
Бианки (наст. фам. Бьянки) В.В. 22, 131, 133, 346, 374, 376, 406
Бирман А.Л. 416
Благин Н. 23
Блиновы, фабриканты 201
Блок А.А. 11, 267, 274, 277, 279, 280, 299, 317, 321, 354, 384, 387, 419–421, 522, 523, 545, 654, 655, 659–661, 668
Блок Г.П. 277
Блюм А.В. 500
Бобрышев В.Т. 34, 35, 47, 48
Богданов (наст. фам. Малиновский) А.А. 52, 54, 64, 76, 82, 104, 105, 112, 125, 126, 137, 148, 349, 358
Богучарский В.Я. 201, 243
Болотников А.А. 44, 50, 512
Бонч *см.* Бонч-Бруевич В.Д.
Бонч-Бруевич В.Д. 54, 356, 419
Боткин С.П. 113
Бочарова И.А. 104, 196, 319, 500
Браун Ф.А. 312, 389
Бренна В.Ф. 117
Бродский Н.Л. 318

Бройдо М.И. 105
Бронштейн П.А. 105
Брос С. Де 117
Бруни Л. 179
Брусон Ж.-Ж. 553
Брэм А.Э. 405, 410, 560
Брюсов В.Я. 187, 275
Бубнов А.С. 163, 185, 186, 562, 614
Бугровы, фабриканты 201
Буданцев С.Ф. 416, 685
Будберг М.И. 59, 65, 162, 164, 184, 288, 300, 309, 318, 320–323, 352, 534, 543, 544, 661, 671
Будда 372, 403
Буденный С.М. 57, 78, 106, 193
Булатов С. 416
Булгаков М.А. 23
Булгаков С.Н. 338
Булганин Н.А. 508
Бульвер-Литтон Э. 178
Бунин И.А. 11, 206, 221, 228, 234, 251, 256, 338, 346, 654, 655, 658, 659, 686, 688
Бурдуков А.В. 431, 438, 441, 443, 447, 457, 514, 517
Буренин Н.И. 18, 64
Бурже П. 178
Бурлюк Д. 662, 663
Бурлюк М.Н. 663, 689
Бурмистров, комсомолец 89, 119
Бурцев В.Л. 257
Бухарин Н.И. 5, 6, 9, 17–19, 22, 51, 56, 58, 60, 68, 72–74, 100, 101, 103, 139, 141, 149, 233, 255, 257, 282, 383, 418, 428, 429, 459, 479, 494, 502, 505, 506, 558, 559, 564, 599, 621
Бушевиц А. 105
Бушмакин Н.Д. 435, 453
Быков Д.Л. 630, 633
Быковцева Л.П. 45, 47
Быстрова О.В. 51, 361, 416
Быстрянский В.А. 614
В.И. *см.* Ленин В.И.
Вавилов Н.И. 382, 417, 672
Вагнер Р. 61
Вайнберг И.И. 287, 312, 313
Вайсберг Ф. 393
Вайян-Кутюрье П. 99
Ваксберг А.И. 630, 633
Валентинов (наст. фам. *Вольский*) *Н.В.* 343, 360, 375, 406
Валера Х. 178
Валлес Ж. 146, 152, 177, 178
Ванцетти Б. 219, 250
Варейкис И.М. 438, 439
Варламов А.Н. 336, 344, 348, 358, 360, 361, 394, 400, 416, 417
Варский А.С. 105
Васильевский В.Н. 101, 408
Васильев П.Н. 361, 444, 445, 456, 554
Васюков, рабочий-двадцатипятитысячник 607
Вегман В.Д. 430, 513
Величкин В.А. 633
Верн Ж. 88, 118
Вернадский Г.В. 249
Вершинин И. 105, 572, 598
Веселый А. 23, 565,
Вилонов Н.Е. 7, 56, 73, 84, 100, 101, 114
Вильом М. 177
Вильямс В.Р. 417, 566
Винавер М.Л. 209, 219, 247, 250, 258
Винглер К. 622
Виноградов А. 18, 20, 50
Винокур Г. 283
Витковский Е.В. 362
Витте С.Ю. 414
Вихирев Н.А. 638
Войтинский В.С. 675
Войткевич А.Ф. 54, 64
Войтоловский Л.Н. 681
Волин Б.М. 435, 437, 455, 472, 473, 484, 486, 500, 502, 509, 510
Волкогонов Д.А. 142, 149
Волошин М.А. 633

Волынский А.Л. 311, 331, 407
Вольский Н.В. *см.* Валентинов Н.В.
Вольтер 328
Воровский В.В. 108, 242, 267, 608
Воронин В.И. 382, 418
Воронская Г.А. 451
Воронский А.К. (псевд. Анисимов Л.) 72, 73, 100, 101, 308, 334, 365, 371, 376, 390, 391, 395, 398, 408, 409, 426, 427, 433, 434, 452, 460
Ворошилов К.Е. 21, 453, 505, 614
Вульф Де 601
Высоцкий А.В. 432, 437, 512, 513
Вяземский П. 274

Г.Г. *см.* Ягода Г.Г.
Габрилович Е.И. 416
Гаврилова М.Ф. 565
Гаврилов С. 314
Гавриш Т.Р. 187, 625
Гайдар (наст. фам. Голиков) А.П. 130, 131, 133
Галифакс Д. 418
Гамарник Я.Б. (наст. фам. и имя Пудикович Яков) 22, 614
Гамсун (наст. фам. Педерсен) К. 345, 395, 403, 487, 671
Ган В.Ю. 576, 602
Ганецкий Я.С. 56, 105
Гарин-Михайловский Н.Г. 219, 249
Гарнич Н.Ф. 416
Гартвуд А. 618
Гаузнер Г.О. 416
Гауптман Г. 245
Ге Н.Н. 17
Геббельс Й. 618
Гейне Г. 449
Генералов В.Д. 55
Гернет М.Н. 102
Гершензон М.А. 164, 186, 404
Гершунин П. 393
Гете И.В. 178, 231
Гефдинг Г. 60
Гехт С.Г. 130, 133, 416
Гиллер Э. 608
Гильбо А. 72, 99
Гиляровский В.М. 117
Гимельфарб Б.В. 178
Гинис В. 255
Гиппиус З.Н. 206, 251, 375, 403, 404, 407
Гитлер А. 591, 618–620
Гладков Ф.В. 100
Глебов-Авилов Н.П. 601
Глозус Н. 586, 612
Гобино Ж. 620
Говошвили Я.В. 36, 37, 49
Гоголь Н.В. 8, 369, 395, 562, 563, 612, 677, 682
Голиков И.И. 147, 164
Голсуорси Дж. 175
Гольденберг И.П. 105, 359
Гольцман А.З. 176, 556, 557, 566, 578, 604
Гончаров И.А. 119
Горбачев В.А. 400
Горбунов К.Я. 416
Горев Б.И. 105
Горелов А.Е. 114, 115
Горелов О.И. 149, 182, 186, 188, 193
Горшков М.А. 481, 507
Горячева А.Ю. 413
Грановская Е.М. 533, 544
Графтио Г.О. 126
Грекова Т.И. 453, 505, 506
Гржебин З.И. 65, 206, 213, 244, 245, 262, 285, 312, 661, 662, 690
Григорьев А.А. 660
Григорьев Б. 224, 253, 663, 687
Григорьев М.Г. 74, 102
Григорьев М.С. 392
Григорьев (наст. фам. Патрашкин) С.Т. 129, 133, 346, 351, 370, 379, 380, 400, 413, 414
Гриневский И. *см.* Шкапа И.С.
Гринфельд Т.Я. 358
Гринько Г.Ф. 482, 507
Гришин В.Ю. 358–360, 389, 411

Гришина Я.З. 358–360, 362, 387–389, 394, 411, 412
Гришунин А.Л. 387
Громан В.Г. 239, 262, 263
Гронский И.М. 183, 383, 418, 437, 444, 486, 510
Груздев И.А. 113, 285, 286, 325, 351, 361, 497, 633, 664, 669, 686
Гувер Г.К. 243
Гудериан Г. 618
Гудок-Еремеев К.А. 175, 579, 580, 583, 584, 606, 607, 609, 610
Гукашевич *см.* Лукашевич Ю.
Гуль Р.Б. 198, 206, 208, 210
Гумилев Н.С. 11
Гусев С.И. 54
Гусев (наст. фам. Драбкин) С.И. 100
Гусев-Оренбургский С.И. 490, 517, 518
Гутман С. 551
Гэцци Ф. 22
Гюго В. 10

Далецкий П.Л. 480, 485, 507
Данзас Ю.Н. 22
Данилевский А.А. 395, 409
Данилов С. 596
Данишевский К.Х. 105
Дантон Ж.Ж. 10, 522–525, 536, 540, 545, 547, 549
Декарт Р. 60
Дементьев А.Г. 113
Деникин А.И. 112, 441, 625
Деренков А.С. 74, 102
Десницкий В.А. 54, 65, 105, 108, 312, 644, 651
Джавахишвили М. (Адамашвили М.С.) 176, 177
Джемс В. 60
Джерманетто Д. 176
Дзержинский Ф.Э. 51, 105, 123, 126, 129, 212, 243, 598
Диатроптов П.Н. 211, 243
Диккенс Ч. 146, 154, 180
Диковский С.В. 416
Диманштейн С.М. 589, 616
Динерштейн Е.А. 101, 193, 194, 408
Дмитриев Н.К. 416
Добролюбов А.М. 338
Добычин Л.И. 283
Долгополов Н.И. 411
Долгоруков Павел Д. 218–220, 247, 248, 250
Долгоруков Петр Д. 220, 247, 248
Долецкий Л.Г. 614
Должанская Л.А. 413
Дорохов П.Н. 461, 496
Достоевский М.М. 318
Достоевский Ф.М. 11, 61, 114, 115, 230, 273–276, 296, 299, 318, 326, 342, 501, 654, 659, 677
Доценко С.Н. 395, 409
Дридзо В.С. 67
Дубинская-Джалилова Т.И. 452, 453
Дубровинский И.Ф. 105
Дудоров Ф. 444, 678, 679
Думнов В.В. 230, 256
Д'Эспарбес Ж. 177
Дюамель Ж. 633
Дюртен Л. 633

Евдокимов А.В. 362
Евдокимов И.В. 378, 396, 397, 410
Евстафьев К. 85, 114, 115
Егорова Ю.М. 10, 567, 640
Ежов Н.И. 141, 146, 168, 191
Ек. Пав. *см.* Пешкова Е.П.
Екат. Павл. *см.* Пешкова Е.П.
Екат. Павловна *см.* Пешкова Е.П.
Екатерина Дмитриевна *см.* Кускова Е.Д.
Екатерина Павловна *см.* Пешкова Е.П.
Елизаров М.Т. 64, 127
Елизаров С.С. 411
Елизарова-Ульянова А.И. 7, 31, 54–56, 62–64, 75, 87, 101, 103, 117, 125, 127, 208
Елпатьевский С.Я. 199, 686
Енукидзе А.С. 51, 151, 177, 203, 631

Еремеев А.И. *см.* Пантелеев Л.

Еремеев К.А. *см.* Гудок-Еремеев К.А.

Ермилов В.В. 63, 100, 387

Ермолаев К.М. 105

Есенин С.А. 264, 276, 277, 296, 317, 329, 361, 201, 420, 664

Есипова *см.* Кускова Е.Д.

Ефремов И.Н. 251

Жакова В.Т. 490, 517

Жданов А.А. 146, 168, 189, 191, 438, 439, 614

Желябужская Е.А. 333

Желябужский Ю.А. 671

Жена *см.* Крупская Н.К.

Жига И. 611

Жиганова Н.И. 565, 567

Житков Б.С. 129, 131, 133

Жихарева (Шишкова) К.М. 395, 487, 512

Жордания Н.Н. 105

Заворотный 569, 570, 596

Зазубрин В.Я. 9, 10, 147, 161, 382, 386, 391, 417, 424–520, 681, 682, 698

Зазубрина-Теряева В.П. 446, 457, 508

Зак Л.М. 180

Закс-Гладнев С.М. 293, 313

Залка М. 439

Замошкин Н.И. 347, 348, 351, 352, 361, 394, 356, 398, 401, 489, 490, 516

Замятин Е.И. 22, 237, 258, 259, 264, 267, 268, 271–285, 289, 291, 296, 302, 303, 311, 313–315, 327, 329, 525, 545, 546, 667

Заславский Д.И. 176, 489, 515

Заяицкий С.С. 219, 249

Зегерс А. 176

Зелинский К.Л. 416, 453, 503

Зензинов В.М. 251

Зефир *см.* Моисеев С.И.

Зимина С.С. 180, 411

Зиновьев Г.Е. 18, 96, 103, 105, 137, 141, 142, 283, 284, 332, 428, 679

Золотарев А.А. 22, 648, 671, 672

Золотницкий В.Н. 411, 686

Золотухин 132

Зонин А.И. 433

Зорге Ф.А. 232, 257

Зорич А. 74, 103, 605, 610

Зощенко М.М. 11, 296, 303, 317, 325, 327, 416, 604, 665, 666, 687

Зубков А.И. 187

Зубков В.М. 308, 334

Зубцов И.В. 434, 440, 449, 480, 485, 491, 503, 507

Зубцов В.Я. *см.* Зазубрин В.Я.

Зубцов Я.Н. 424, 501

И.З. 258

Иванов В.В. 357

Иванов Вс.В. 23, 275, 279, 303, 327, 334, 416, 460, 485, 548, 666, 689

Иванов Вяч.И. 662

Иванов И. 501

Иванова (урожд. Оттенберг) В.Н. 384, 420

Иванова А. 536, 543

Иванова Г. 328

Иванова Е.В. 357, 419

Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов) Р.В. 179, 346, 361, 371, 384, 401, 402, 409, 419–421

Игорь, делегат 5 съезда РСДРП 105

Измалкова В.П. 363, 387

Ильин Н.В. 637, 639

Ильин М. (наст. фам. и инициалы Маршак И.Я.) 130, 131–133

Ильин И.А. 407

Ильич *см.* Ленин В.И.

Инбер В.М. 416

Иогихес Л. 105

Иокар Л.Н. 104, 269, 286, 688

Ионин Г.И. 546

Ионов И.И. 158, 164, 182, 283, 284, 293, 310, 313, 330, 331, 333, 529, 542

Иорданская М.К. 399

Иорданский Н.И. 640

Иосиф Виссарионович *см.* Сталин

Иофан Б.М. 117
Истмен М. 62
Исув И.А. 105
Итин В.А. 10, 427, 439, 450, 454, 513

Каботова Н.Я. 503
Каверин В.А. 276, 297, 303, 319, 325–328, 334, 360, 667
Каврайский В.А. 432
Каганович Л.М. 9, 146, 167, 191, 435, 438, 444, 454, 469, 470, 472, 475, 499, 508
Калашников А.А. 671
Калашников В.В. 671
Календаров Г.С. 435, 453, 505
Калинин М.И. 55, 117, 203, 595
Калинин Н.Ф. 680, 686
Каллиников И.Ф. 396
Каменев Л.Б. 5, 6, 18, 19, 22, 60, 96, 111, 123, 139, 141, 142, 151, 155, 177, 180, 203, 242, 243, 282, 285, 334, 355, 428
Канатчиков С.И. 176, 566
Канель А.Ю. 81, 110
Кант И. 59, 60, 316, 372, 402
Каншина А. 668
Каплун (наст. фам. Сумский) С.Г. 312
Караваева А.А. 459, 494
Карасев В.В. 411
Карасев В.С. 346, 378, 410, 411
Карасева М.С. 411
Карасева С.С. 411
Карачан И. 673
Кардовский Д.Н. 164, 187
Карепина В.М. 318
Карлейль Т. 60
Кармин, революционер 644
Карнаухова И. 670
Карпов П.И. 410
Карпович М.М. 198, 208
Карпухин Ф. 679
Касаткин И.М. 396, 397
Каскина Ю.У. 134, 135
Кассиль Л.А. 176, 637, 639,
Катаев В.П. 416
Катаев И. 175, 580, 581, 583, 607, 608
Катя *см.* Кускова Е.Д.
Катюша *см.* Пешкова Е.А.
Кашин Н.И. 411
Кашен М. 99
Кащенко В.П. 91, 119
Кекишева А.М. 411
Кельс З. 613
Керенский А.Ф. 409
Керженцев П.М. 100, 176, 566
Кестнер Э. 146, 157, 159, 181, 183
Ким Р. 602
Кин (наст. фам. Суровикин) В.П. 222, 252
Кирдецов Г.Л. 244, 563
Кирилл Владимирович, великий князь 248
Киров С.М. 22, 23, 121, 564, 614
Кирпичев В. 621
Киршон В.М. 19, 444, 566
Киселев Л.А. 358
Киселева А.В. 362
Киш Г. 557
Кишкин Н.М. 82, 112, 198, 202, 206, 211, 242, 243
Клейн 105
Клейст Г. 660
Клеточников Н.В. 473, 501
Клычков С.А. 358, 361, 391, 410, 554
Клюев Л.Л. 193
Клюев Н.А. 264, 273, 361, 554
Ключников Ю. 244
Книппер-Чехова О. 686
Ковалевская С.В. 197
Коган А.Г. 126
Коган Л.А. 243
Коган П.С. 376, 377, 408, 410, 633
Когтева Н.А. 582, 608
Кожамкулов С. 600
Кожевников А.В. 131, 133
Козаков М.Э. 416, 667, 682
Козырев М. 7
Коллонтай А.М. 565

Колоколов Н.И. 564, 578, 605,
Колотов М.Г. 117
Колчак А.В. 112, 406, 425, 430, 450
Колчин С. 192
Кольцов (наст. фам. Фридлянд) М.Е. 74, 103, 175, 176, 548, 554, 556, 564, 566, 611
Кольцов Н.К. 175, 176, 219, 248, 249, 557, 566,
Коляда Е.Г. 357
Комиссаржевская В.Ф. 266
Конар Ф.М. 175,
Кондратьев Н.Д. 239, 261, 263
Кондрашин В.В. 362
Кондурушкин С.С. 647
Коновалова С.А. 565, 567
Констан Б. 177
Копель А.Ю. *см.* Канель А.Ю.
Коптелов А.Л. 10, 426–428, 431, 458, 465, 493, 498, 509, 513
Копылова Л.Ф. 78, 107
Корабельников Г.М. 381, 415, 416
Корин А.Д. 23
Корин П.Д. 23, 25, 691
Корнюшин Ф. 121
Короленко В.Г. 11, 72, 99, 199, 200, 203, 230, 344, 607, 655, 656, 687
Косарев А.В. 192
Костер Ш. де 511
Костерин А.Е. 621
Костров Т. (наст. фам. и инициалы Мартыновский А.М.) 604
Кох Р. 478, 505
Кочетов В.П. 362
Кошенков И.М. 5, 13–50, 443, 448, 457, 463, 692
Кравченко А.Г. 67
Красин Л.Б. 105, 161, 191
Краснов В. 685
Краснов П.Н. 118
Кржижановский Г.М. 125, 126
Крицман Л.Н. 589, 614, 615
Крог А.В. 512
Крумин Г.И. 566
Крупская Н.К. 7, 51, 52, 53, 56–64, 66–72, 76–99, 107, 108, 110, 111, 113, 115–122, 124, 132, 197, 661, 693
Крыленко Н.В. 259, 589, 613–615
Крылов П.Н. 188, 671
Крымов В.П. 391
Крючков П.П. 5, 14–20, 24–26, 29–31, 33–47, 49, 50, 60, 78, 91, 106, 136, 151, 156, 158, 159, 161, 163, 169, 177, 182, 184, 186, 188, 192, 193, 284, 323, 325, 333, 381, 386, 411, 415, 417, 421, 430, 431, 434, 437, 443, 445–447, 453, 462, 463, 465, 466, 482, 485, 490, 491, 497, 499, 500, 502, 506, 511, 516, 517, 518, 544, 550, 552–554, 556, 557, 560, 562–565, 568, 572–576, 584, 587, 588, 593, 595, 597, 598, 600, 601, 605, 606, 609, 611–613, 622, 636, 638, 639, 649
Крючкова (урожд. Медведовская) Е.З. 5, 16, 37, 38, 39, 49, 440, 445, 446
Ксеркс 619
Кубанин М.И. 589, 614, 616
Кудашев В.М. 583, 608, 609
Кудашев И.И. 621
Кузин Н.П. 186
Кузмин М.А. 267, 329
Кузнецов И.Н. 678
Кузьмин Г. 619
Куйбышев В.В. 14, 22, 489, 516, 574, 599
Кукиани К. 234, 257
Кукрыниксы [Куприянов М.В., Крылов П.Н., Соколов Н.А.] 671
Куликова И.С. 68
Куманев В.А. 68
Купер Ф. 410
Куприн А.И. 11, 206, 230, 251
Куприянов М.В. 188, 671
Куприяновский П.А. 606
Курелла А. 176
Курс А.Л. 426, 427, 431–433, 450, 455, 488, 513, 514
Курский Д.И. 156
Кусков П.И. 197
Кускова Е.Д. 10, 82, 112, 196–263, 349, 361, 695
Кускова-Прокопович *см.* Кускова Е.Д.

Кутейников В.П. 400
Кутинов А.Е. 31–33, 46
Кутырин М.Д. 45
Кушнер Б. 236, 237, 258

Лавров А.В. 419
Ладыжников И.П. 11, 18, 33, 44, 47, 133, 161, 317, 333, 626, 644, 649, 689
Лазо О.А. 620
Лазо С. 620,
Лапин Б.М. 416
Ларионова Н.Г. 324
Ласки Г. 157
Лебедев В.В. 129, 133
Лебедев-Полянский П.И. 66
Лебеденко А.Г. 416
Лебединский 525, 526
Левин Л.Г. (наст. имя Ушер-Лейб Гершевич Левин) 25, 81, 110, 634
Левинсон А.Я. 284
Левитан И.И. 372, 404
Левицкий А.П. 211, 243
Левкин А.С. 18, 31–33, 39, 45
Лейтейзен Г.Д. 105
Лелевич Г. (наст. фам. и инициалы Калмансон Л.Г.) 281
Ленин (наст. фам. Ульянов) В.И. 7, 51–55, 58–60, 62, 63–69, 71–84, 92, 95–99, 101, 105–114, 116–120, 122–126, 136, 138, 197, 205, 208, 227, 230, 232, 237, 242, 254, 255, 257, 260, 268–271, 273–275, 278, 284, 285, 295, 302, 310, 313–315, 320, 321, 323, 343, 360, 374, 377, 386, 409, 411, 414, 422, 427, 443, 461, 468, 471, 494–495, 502, 560, 561, 608, 615, 617, 630, 651
Леонид, царь 619
Леонов Л.М. 21, 23, 275–277, 296, 303, 324, 487, 512, 676, 677
Леонтьев К.Н. 404, 405
Лермонтов М.Ю. 113, 178, 230
Лернер Н.О. 311
Лесков Н.С. 59, 61, 230, 346, 382, 415, 417
Лесючевский Н.В. 564
Лёва *см.* Пришвин Л.М.
Лёвберг (урожд. Купфер, по мужу Ратькова) М.Е. 10, 521–549, 699
Лианозов С.Г. 112
Либединский Ю.Н. 525, 526, 548
Лидин (наст. фам. Гомберг) В.Г. 396, 397
Линдов, участник V съезда РСДРП 105
Липа *см.* Черткова О.Д.
Литвинов М.М. 66, 186
Лифшиц И. 443, 456
Лобова В.Н. 96
Логановский А.В. 117
Лозгачев-Елизаров Г.Я. 125, 127
Лойтер Н.Б. 87, 118
Локоть В.Т. *см.* Зорич А.
Ломинадзе В.В. 22, 432
Лосский Н.О. 372, 402
Лукашевич Ю. 75, 103
Лукьянов М. 572, 599
Луначарский А.В. 11, 56, 82, 112, 154, 232, 257, 274, 283, 494, 495
Лунц Л.Н. 326
Луппол И.К. 132, 134, 193, 507
Лутохин Д.А. 249
Львов В.П. 102
Львов-Рогачевский В.Л. 11, 641–644, 652
Ляк В. 586, 611
Ляпидевский А.В. 382, 418
Ляс М. 613

М.Ф. *см.* Андреева М.Ф.
Магарам Н.И. 268, 271, 281, 286, 291, 301, 309, 311, 355
Майков А.Н. 274, 275, 318
Макаренко А.С. 115, 116, 404, 678
Макаров Н.П. 239, 261–263
Максим Алексеевич *см.* Пешков М.А.
Максимов Н. 586, 611
Максимов П. 597
Максимов Ю.Н. 205, 210
Максимова В.А. 113, 312
Малецкий А.М. 105
Маликов А. 193
Малиновская Е.К. 64, 65

Малиновский Р.В. 69, 95, 96
Мальмстад Д.Е. 317
Мальченко, рабочий-двадцатипятитысячник 607
Мамин-Сибиряк Д.Н. 230, 491, 518
Мандельштам О.Э. 276,
Манизер А. 152, 177,
Мануильский Д.З. 562, 589, 614, 617
Манухин И.И. 215, 245,
Мария Игнатьевна, Мурик (*см.* Будберг М.И.)
Марков С.Н. 35, 48, 431, 447, 464, 497, 519, 600, 682
Маркс А.Ф. 659, 688
Маркс К. 70, 90, 97, 110, 111, 113, 119, 200, 220, 232, 239, 257, 262, 363, 388, 473
Маркушевич А.И. 119
Мартемьянов И. 121
Мартенс Л.К. 566, 627
Мартов (наст. фам. Цедербаум) Ю.О. 197, 213, 244, 245
Мартынов (наст. фам. Пикер) А.С. 70, 97, 105
Мартынов Л.Н. 600
Марфа *см.* Пешкова М.М.
Мархлевский Ю.Ю. 105
Марченков А.М. 45
Маршак С.Я. 24, 25, 67, 131–133, 374, 406, 411, 512, 667
Мах Э. 60
Махов, священник 371, 401
Махно Н.И. 442, 616
Маяковский В.В. 11, 276, 329, 662–664, 887
Медведев П. 682
Медведев С.П. 96
Медичи М. 117
Межлаук В.И. 489, 516
Мельгунов С.П. 257
Менделевич Г. 97
Менжинский В.Р. 202, 214, 502, 507
Мережковский Д.С. 206, 251, 356, 361, 395, 661
Меринг Ф. 400
Метальников С. 674
Метерлинк М. 60
Миклашевский К.М. 354
Милиция *см.* Станчик М.К.
Миллер Р.Ф. 272, 300, 320, 322,
Милюков П.Н. 251, 260, 341,
Милютин В.П. 589, 614, 615
Минский Н.М. 164, 186
Минц И.И. 158, 171, 173, 182, 193, 589, 614–616, 619, 620
Мирбо О. 60
Мирзина Ф.Ф. 565
Миролюбов В.С. 339
Миронов Ф.К. 488, 514
Мирский (Святополк-Мирский) Д.П. 416
Миттельман М. 540, 541, 548
Михаил *см.* Вилонов Н.Е.
Михайлов О.Н. 259
Михайловский Б. 640, 651
Михайлов-Шеллер А.К. 61
Мицкевич А. 61
Мичурин И.В. 583, 608, 609
Могилянский М.М. 22
Моисеев С.И. 69, 96
Мокульский С. 328
Молотов (наст. фам. Скрябин) В.М. 6, 14, 19, 51, 124, 126, 131, 146, 191, 500, 502, 504, 562, 614, 631, 650, 653
Молчанов В. 553
Молчанов И.Н. 683
Монахов Н.Ф. 524, 533, 535, 536, 544, 545
Мопассан Г. де 607
Мосешвили Г.И. 362
Москаленко Г. 596
Москвин И.М. 21
Мошкова Т. 26, 31, 32, 34, 46
Муралов А.И. 121, 243,
Муралов Н.И. 211
Муранов М.К. 95, 470, 475, 500, 504
Муратова К.Д. 618, 640, 651
Мурин Ю. 67

Муссинак Л. 10
Муссолини Б. 503, 613
Мухина В.И. 40, 49
МХАТ 491, 535, 543
Мюссе А. 178
Мясков К. 504

Н.К. *см.* Крупская Н.К.
Надсон С. 61
Назаров А.С. 423
Назипова Г.Р. 565
Накоряков Н.Н. 8, 164, 174, 178, 179, 184, 187, 188, 356, 385, 422, 625–639
Нансен Ф. 243, 405
Наседкин В.Ф. 445, 449
Натансон М.А. 197
Нейман П.С. 178
Некленаев И.Я. 670
Некрасов К.Ф. 660
Некрасов Н.А. 60, 67, 230, 318, 551, 661
Нелидов Н. 99
Нечаев С.Г. 473, 501
Никандров (Шевцов) Н.Н. 72, 100
Ника М. 247
Никитин А.М. 347, 398 401
Никитин Е.Н. 104, 262, 309, 311, 336, 358, 359, 362, 410, 417, 421
Никитин И. 272
Никитин Н.Н. 274, 303, 325–327, 391
Никитина Е.Ф. 347, 370, 398, 400, 401
Никифор, делегат 5 съезда РСДРП 105
Николаева М.А. 286
Николаевский Б.И. 244
Николай II 235, 414, 475
Никольков, корреспондент 559
Николюкин А.Н. 66, 404
Никонов В. 653
Никулин (наст. фам. Ольконицкий) Л.В. 44, 50, 176, 416, 597, 608
Нинов А. 108, 114
Ницше Ф. 20, 59, 60
Новиков Н.И. 15
Новиков-Прибой А.С. 565, 621, 686
Новицкий С.А. 281
Ногин В.П. 105
Носач В.И. 148, 149
Носик Б.М. 630, 533
Нусинов И.С. 432
Обатнина Е.Р. 387
Оболенская А.А. 521
Оболенский В.В. (псевд. Осинский Н.) 425
Огнев Н. 132, 134
Одоев-Гришин Н. 559
Ожешко Л. 61
Озерский А. 608
Оленич-Гнененко А.П. 430
Олеша Ю.К. 21, 438
Ольденберг Г. 686
Ольденбург С.Ф. 175, 246, 306, 313, 331, 566
Ольминский М.С. 54, 179
Ольховский П.Г. 85, 114, 115
Омулевский И.В. 61
Оношкович-Яцына А.И. 625
Орджоникидзе С. 22, 191
Ордин-Нащокин А.Л. 544
Орешин П.В. 410
Орлов-Скоморовский Ф.М. 688
Орлова В.Я. 411
Орлова Е.Н. 433, 434, 453
Осипанов В.С. 55, 73, 74, 75, 101
Осипов, председатель Союза зерновых совхозов 121
Осипова И.И. 413
Осоргин М.А. 246, 275, 319
Острецов И.А. 282
Островская С.Д. 358, 688
Островский А.Н. 11, 230, 654
Острогорский Н. 456
Ошурков М.Ф. 638, 639, 668, 689

П.П. (*см.* Крючков П.П.)
Павленко П.А. 487, 512, 516
Павлов И.П. 332, 435, 436, 503, 505, 611,
Павлович М.Л. 52

Пакалн П.П. 23, 36, 40, 41, 49
Панкратова А.М. 194, 548
Панкрушин А.А. 431, 513
Пантелеев Л. 85, 114, 115, 131
Панферов Ф.И. 9, 10, 438, 441, 442, 455, 488, 489, 514, 617
Панченко П. 683
Парнок С. 273, 274, 275
Парунин В. 559, 567
Парфенов П.С. 593, 621, 622
Пастер Л. 248, 478, 505
Пастернак Б.Л. 11, 264, 276, 277, 281, 296, 316, 317, 438, 633, 655, 687
Пастернак Е. 316, 317
Паустовский К. 175, 597
Переверзев В.Ф. 387
Перцов В.О. 416, 442
Песков Д.И. 122
Петр I 117, 392, 677
Петрищев А.Б. 221, 250
Петров Н.В. 545
Петров П.П. 147, 162, 184
Петров-Грумант М. 608, 621
Петровский Г.И. 95, 96
Пешехонов А.В. 196, 216–218, 246, 247, 249Пеширов Г.А. 16
Пешков З.А. 305, 329, 330
Пешков М.А. 5, 15–20, 23, 25, 26, 30, 33, 36–43, 45, 46, 49, 50, 147, 187, 206, 330, 362, 429, 494, 498, 585, 610, 641, 671, 686, 687
Пешкова (урожд. Волжина) Е.П. 14, 16, 20, 23, 33, 39, 43, 44, 47, 50, 100, 200, 201, 203, 209, 211–213, 217–220, 236, 241, 243, 244, 247, 248, 250, 258, 275, 285, 308, 319, 333, 334, 339, 352, 362, 406, 413, 429, 510, 553, 564, 612, 630, 645, 656, 659, 669, 674, 677, 686
Пешкова Д.М. 25, 28, 30, 46, 218, 485, 503, 610
Пешкова Е.А. 641, 677
Пешкова Е.З. 330, 565
Пешкова М.М. 25, 28, 30, 46, 217, 247, 480, 485, 503, 507, 610
Пешкова (Тимоша) Н.А. 16, 20, 30, 33, 43, 46, 49, 50, 330, 429, 454, 485, 494, 510, 610, 687
Пиксанов Н.К. 67
Пильняк (наст. фам. Вогау) Б.А. 23, 72, 100, 237, 258, 259, 264, 273, 274, 275, 277–279, 280, 296, 303, 304, 314–316, 326, 327, 329, 334, 361, 432, 494, 602
Пинкевич А.П. 65, 132, 134, 648
Пельт В.Д. 106
Платон 59, 60,
Платонов (наст. фам. Климентов) А.П. 18, 219, 361, 564
Плеве В.К. 343
Плетнев Г.А. 74, 102, 651
Плетнев Д.Д. 56, 71, 98, 217, 247
Плеханов Г.В. 136, 197, 200, 209, 337, 359, 387, 400
Плеханова Р.М. 209, 387
Плещеев А.Н. 61
Плотникова А.Г. 134, 135
Погребинский М.С. 19, 22, 28
Познанский И.Н. 231, 257
Познер С.В. 221, 251, 675
Покровский А.П. 409
Покровский М.Н. 54, 56, 61, 85, 116, 616
Поливанов К.М. 334
Поликарпов М.А. 324
Поливка Й. 221
Полонский (наст. фам. Гусин) В.П. 350, 351, 369, 371, 391, 395, 396, 465
Полтавцева Н.Г. 360, 388
Помяловский Н.Г. 113, 178, 607
Попов Н.С. 98
Попова А.С. 426
Поповский А. 510
Потапов М. 121
Правдухин В.П. 449, 494
Примочкина Н.Н. 244, 259, 264, 286, 314, 361, 452, 456, 466
Пришвин М.М. 8, 56, 129, 133, 336–423, 665
Пришвин П.М. 364, 389
Пришвина (урожд. Лиорко, в первом браке Лебедева) В.Д. 387

Прокопович С.Н. 82, 112, 197, 198, 200, 202, 203, 205, 206, 217, 241–247, 261
Проскуряков В.М. 445, 570, 597, 649
Птоломей К. 372, 402
Пугачев Е.И. 341, 343, 664
Пузиков А.И. 387
Пунин Н. 274
Пушкин А.С. 11, 230, 276, 281, 282, 297, 318, 330, 422, 604, 654, 662, 677
Пэнежко Н.Л. 45
Пяст (наст. фам. Пестовский) В.А. 277, 281
Пятаков Г.Л. 141, 175, 425
Пятницкий К.П. 11, 51, 54, 105, 209, 328, 642, 644, 646, 657, 672
Пятницкий О.А. 614

Рабичев (наст. фам. Зайденшнер) Н.Н. 132, 134
Радек (наст. фам. Собельсон) К.Б. 22, 589, 616, 620
Радзишевский А.Ф. 110
Радич С. 254
Радищев А.Н. 447, 490, 518
Радлов Н.Э. 188
Радлова А.Д. 667
Радченко А.И. 53, 61, 64, 66, 67, 111, 116
Раевская-Хьюз О. 706
Разин И.М. 132, 134, 557, 612
Райхель Е. 274, 318
Ракицкий И.Н. 330, 485, 491, 510, 636, 638, 639
Рамзин Л.К. 239, 262, 263
Рамишвили Н.В. 105
Раскольников (наст. фам. Ильин) Ф.Ф. 101, 259, 408, 409, 614
Рафаил М.А. 574, 599
Ревякина И.А. 148
Резенко, редактор «Молодой гвардии» 164
Резников Б. 427, 432, 451
Резниченко Е. 192
Рейнбот А.А. 116
Ремизов А.М. 280, 329, 339, 363, 369, 387, 395, 522, 667
Ремизова Е.С. 409
Репин И.Е. 394
Реформатская Н.В. 357, 410, 413
Рёскин Д. 59
Ржаной М. 606, 607
Ржевская Н.Ф. 633
Рид Т.М. 10, 88, 92, 118, 131, 377, 410, 537
Рикар де Монферан А.Л.О. 117
Ринальди А. 117
Рогачевский В.Л. *см.* Львов-Рогачевский В.Л.
Роговин В.З. 149, 567
Родзянко М.М. 112
Родов С. 275, 281, 282
Рожков Н.А. 105
Розанов В.В. 11, 198, 208, 339, 367, 374–376, 378, 393, 398, 403, 404, 405, 655, 659
Розанов В.Н. 83, 113
Розанова Т.В. 374, 403, 404
Розенберг А. 591, 619, 620
Розенгольц А.П. 191
Розенталь К. 281, 305, 307, 330
Розмирович Е.Ф. 96, 121
Роллан М.П. (урожд. Михайлова, по матери Кювилье, в первом замужестве Кудашева, во втором Роллан) 631, 633, 635–638
Роллан Р. 5, 8, 59, 60, 175, 245, 450, 467, 499, 523, 549, 629–639, 655, 701
Романов А.С. 69, 96
Романов П.С. 338, 397
Романов Р.П. 650
Ромась М.А. 343
Руднев Д. 148
Руднев П.В. 61, 67
Рыбаков М.В. 195
Рыкачев Я.С. 416
Рыков А.И. 6, 14, 19, 22, 60, 105, 139, 141, 149, 211, 242, 250, 255, 259, 285, 332, 334, 343, 353, 428, 502, 559
Рылеев К.Ф. 61

Рысс П.Я. 257
Рютин М.Н. 22, 180, 605
Рябушинский Д.П. 47
Рябушинский М.Я. 47
Рябушинский С.П. 27, 29, 34, 45, 46, 47
Рязанов (наст. фам. Гольдендах) Д.Б. 111, 137, 138
Рязанова Л.А. 338, 358, 360, 362, 387–389, 394, 411, 412
Ряховский В. 236, 237, 258

С.Б., Семен Борисович (*см.* Урицкий)
С.Н.: *см.* Прокопович С.Н.
Савин Л. 597
Савицкий П.Н. 221, 250, 251
Садырин П.А. 211, 242, 262, 263
Сако Н.
Сакья Муни (Сакьямуни) см. Будда
Салаев Ф.И. 256
Салтанов С.А. 132, 134
Салтыков-Щедрин (наст. фам. Салтыков) М.Е. 179, 230, 384, 419, 421, 607, 687
Саммер И.А. 105
Самойлов Ф.Н. 95
Сандомирский Г.Б. 496
Сапронов Т.В. 22
Сахаров Д. 586, 611
Свидерский А.И. 176, 566
Свирский А.И. 391, 392
Сейфуллина Л.Н. 10, 221, 251, 429, 433, 448, 457, 459, 494, 495, 548
Селих Я. 49, 552, 567, 594, 595
Семашкина М.А. 521
Семашко Н.А. 114, 154, 156, 180, 211, 242, 337, 378, 400, 410, 411, 627
Семенов А.А. 22
Семенов Г. 245
Семенов С.А. 497
Семенов-Тяньшанский В.П. 648
Семеновский Д. 444, 682
Сенкевич Г. 178
Сер. Ник.: см. Прокопович С.Н.
Серафимович (наст. фам. Попов) А.С. 617
Сергеев-Ценский (наст. фам. Сергеев) С.Н. 114
Сергиевский Н.Л. 102
Сергий Радонежский 400
Серж (наст. фам. Кибальчич) В. 22
Серошевский В.Л. 61
Сестры см. Елизарова-Ульянова А.И., Ульянова М.И.
Сетон-Томпсон Э. 131, 133
Сидоров А.Л. 615
Симор Р. 180
Синклер М. 533
Скворцов-Степанов И.И. 54, 56, 262
Скиталец (наст. фам. Петров) С.Г. 61
Скороходов Г.А. 113
Скрыпник Н.А. 22, 218, 248
Скуратов М.М. 459, 494
Славин Л.И. 416
Слепков 621
Слепцов В.А. 178, 607
Слонимский М.Л. 303, 325, 327, 497
Смидович С.Н. 56, 403, 574, 599
Смирнов Н. 438, 456, 516
Смирнов В.М. 22
Смирнов А.П. 69, 96, 141
Смирнов Н.П. 397
Смирнова А.Д. 688
Смирнова Л.Н. 99, 177, 180
Смит А. 342
Смогалева (урожд. Бадыкина) Е.П. 370, 389
Смушкова М. 66
Снетков 121
Соболев Ю.В. 391, 392
Соболь А. (Ю.М.) 401
Соколов Н.А. 188, 671
Соколов Ю.М. 512
Соколов-Страхов К.И. 621
Сокольников М.П. 187
Соловьев Вл. С. 59
Соловьев Е.А. (псевд. Андреевич Е.) 499

Соловьев Л.В. 382, 417, 418, 445, 456
Соловьев С. 187
Сологуб (наст. фам. Тетерников) Ф.К. 61, 264, 273, 275, 281, 296, 317, 329, 339, 406
Сольц А.А. 9, 431, 459, 465, 470, 494
Сомс К.П. 121
Сорока-Росинский В.Н. 115
Сосновский Л.С. 390
Сохряков Ю.И. 358
Спенсер Э. 60
Сперанский А.Д. 18, 21, 24, 25, 435, 436, 479, 480, 485, 491, 505, 506, 510, 520, 673
Сперанский М. 59
Спиридонова (урожд. Евстигнеева) Л.А. 13, 48, 50, 65, 104, 149, 177, 180, 358, 360, 453, 500, 562, 563, 567, 633, 652
Сребрянский А.П. 496
Ставский В. 356, 438
Сталин (наст. фам. Джугашвили) И.В. 5, 9, 14, 15, 19–22, 45, 62, 67, 68, 96, 122, 125, 138–142, 145, 146, 148, 149, 181, 188, 192–196, 254, 255, 348, 352–355, 362, 409, 412, 416, 417, 428, 432–434, 438–440, 443, 449, 451–454, 469, 473, 503–505, 558–564, 601, 614–616, 619, 630, 631, 639
Стальский (наст. фам. Жайворонков) Н.П. 598
Станиславский К.С. 266, 524, 534, 535, 544, 545
Станчик М.К. 14, 28
Стеклов (наст. фам. Нахамкис) Ю.М. 359, 574, 599
Стендаль (наст. фам. и имя Бейль Анри Мария) 10, 177, 231, 526, 671
Степанов см. Скворцов-Степанов И.И.
Степанов В. 67
Стецкий А.И. 44, 50, 87, 118, 439, 562, 614
Столыпин П.А. 343
Страхов Н. 274, 275, 318
Строев-Десницкий В.А. см. Десницкий В.А.
Строкин А. 586, 612
Струве П.Б. 216, 246
Стрэчи Д. 157, 181
Суворин А.С. 422
Сукач В.Г. 405
Сулержицкий Л.А. 686
Сулимов Д.Е. 173, 195
Суматохина Л.В. 251, 424, 453, 496
Сумцов Н. 671
Сурков А. 617
Суханов (наст. фам. Гиммер) Н.Н. 239, 244, 262, 263, 312, 341, 359
Сырцов С.И. 22, 426, 427–430, 432, 433, 450–452, 460, 488, 495, 514
Сытин И.Д. 189, 268, 289, 291, 311

Табидзе Т. 438
Таль Б.М. 614
Тальников (наст. фам. Шпитальников) Д.Л. 396
Тарасевич Л.А. 218, 221, 248, 251
Тарасов-Родионов А.И. 488, 514
Таратута В.К. 105
Тарле Е.В. 22
Телетова Н.К. 625
Теодорович И.А. 105, 242
Тимирязев К.А. 507, 611
Тимофеев Б. 686
Тимофеев И. 644, 645
Тиойн С.А. 400
Тихменев Ф. 519
Тихон, патриарх 204
Тихонов А.Н. (Серебров) 8, 9, 80, 110, 264–335, 365, 390, 527, 604, 696
Тихонов В.В. 615
Тихонов Н. 666
Толстая А.Л. 205
Толстая С.А. 307, 332
Толстой А.К. 275
Толстой А.Н. 21, 161, 277, 303, 304, 316, 324, 325, 328, 403, 677
Толстой Л.Н. 11, 52, 59, 60, 162, 230, 231, 233, 256, 273, 276, 299, 326, 340, 347, 351, 363, 368, 377, 388, 394, 408, 467, 551, 629, 677

Толстуха М.П. 614
Томасова Е. 122
Томашевский Б. 264, 330, 604
Томилин А.О. 102
Томский М.П. 6, 19, 22, 56, 116, 132, 134–195, 255, 428, 502, 559
Томский Ю.М. 139, 142, 163
Тон К.А. 117
Топоров А.М. 493, 512
Торошелидзе М. 176, 177
Тотавников П.М. 36, 49
Тренев К.А. 23
Триоле Э. 277, 279, 633
Троицкий А.Н. 132, 134, 162, 164, 185
Тройницкий С.Н. 231, 256
Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Л.Д. 9, 62, 101, 103
Трояновский А.А. 96
Тулайков А. 569, 570, 597
Туманов, сын 236, 258
Туманов, князь 236, 258
Туполев А.Н. 175
Тур П.М. 411
Тургенев И.С. 11, 178, 230, 326, 607, 643, 654, 677
Турчанинов Л. 596
Тынянов Ю.Н. 264, 274, 283
Тэн И. 59, 60
Тютчев Ф.И. 274, 275

Угаров А.Ж. 614
Уилсон Эд. 175
Ульрих В.Д. 400
Ульянов А.И. 7, 54, 55, 73, 75, 101, 103
Ульянов Д.И. 117
Ульянова М.И. 7, 51–53, 55–58, 62–66, 71–73, 75–78, 80, 82, 83, 91, 97, 100, 105, 109, 111, 113, 117
Ульянова-Елизарова А.И. см. Елизарова-Ульянова А.И.
Уманский Д.А. 300, 320, 322
Унгерн Р.Ф. 429, 430, 442
Уншлихт И.С. 121
Урицкий С.Б. 175, 176, 178, 382, 417, 444, 446, 447, 553, 555, 556, 566, 573, 574, 577, 582, 599, 604, 611
Успенский Г. 230, 607
Успенский Н. 518, 519
Устимович П.М. 22
Уткин И.П. 459, 494
Уханов К.В. 38, 49
Ухов И. 315
Уэллс Г. 175, 245, 303

Фаворов А. 596
Фадеев А.А. 183, 219, 385, 422, 454, 460, 566, 670
Фатеев В.А. 399, 400, 404
Федин К.А. 56, 183, 276, 283, 303, 323–328, 332, 334, 397, 497, 525, 526, 549, 604, 664–667, 689
Федор Алексеевич 387
Федоров А. 661
Федоров Г. 450, 504
Федоров Л.Н. 435, 453, 479, 491, 504–506
Федоров М.М. 257
Федорченко С. 276, 277
Федосеев Г.С. 437, 441
Федосеев Н.Е. 74, 102
Федосьев Н.Е. см. Федосеев Н.Е.
Фельдман-Конрад Н.И. 91, 120, 562
Фельштинский Ю.Г. 185, 360
Ферсман А.Е. 175, 248, 557, 566
Фет А.А. 61
Фигнер В.Н. 378, 410, 686
Физ (Браун Х.) 180
Финн (наст. фам. Финн-Хальфин) К.Я. 416
Фирин С.Г. 19, 416
Флейшман Л.С. 630, 633, 706
Флобер Г. 231
Флоренский П.А. 372, 402
Фома Питерский см. Смирнов А.П.
Форш О.Д. 219, 249, 544
Фосколо У. 178
Франс А. 222, 231, 245, 252, 280, 343, 553

Фридберг К.Н. 529, 542
Фриче В.М. 101, 390, 408
Фурманов Д.А. 147, 161

Хайлов А.И. 106
Халабаев К. 179
Халатов А.Б. 33, 46, 52, 56, 61, 85, 107, 113, 114, 116, 132, 134, 151, 174–176, 185, 413, 414, 429–431, 452, 459–462, 493, 496, 500, 538, 554–557, 564, 566, 568, 595, 596, 603, 605, 608, 610, 612
Халтурин И. 179
Ханин Д.М. 414
Хацревич З.Л. 416
Хвылевой М. (наст фам. и инициалы Фитилев Н.Г.) 22
Хлебников В. 283, 329
Ходасевич А.И. 333
Ходасевич В.Ф. 9, 59, 275, 276, 280, 283–285, 297, 306, 307, 312, 317, 318, 324, 329, 330, 333, 389, 403, 404, 662, 681
Холодова З.Я. 358
Холтман 88, 119
Христос (Иисус Христос) 14, 55, 117, 354, 374, 404
Хувер см. Гувер Г.К.
Хук С. 175
Хьюз Р. 706

Цвейг С. 494
Цветаева А.И. 11, 655, 677, 690
Цветаева М.И. 11, 277, 655, 677, 690
Це-Це см. Крючкова Е.З.
Цингер А.В. 147, 163, 164, 186
Цингер В.Н. 185
Цинговатов А.Я. 660

Чапаев В.И. 161, 442
Чапек К. 324, 325,
Чапыгин А.П. 667
Чарская (наст. фам. Чурилова) Л.А. 92, 120
Чарушин Е.А. 131, 133
Чаянов А.В. 211, 242, 261–263
Чемберлен Н. 618
Чернев А. 181, 452, 453,
Чернихов Я. 673
Чернов В.М. 206
Чернов О.И. 560, 561
Чернова З. 362
Чернухина В.Н. 45, 258
Черный С. (наст. фам. и имя Гликберг А.М.) 327,
Чернышевский Н.Г. 61, 196
Черткова О.Д. 17, 28, 43, 50, 506, 510
Чертова Н.В. 431, 449, 451, 457, 497
Черчилль У. 619
Чехов А.П. 11, 230, 245, 266, 346, 382, 417, 654–658, 686–688
Чуковская Е.Ц. 360
Чуковская Л.К. 688, 689
Чуковский (наст. фам. Корнейчуков) К.И. 23, 60, 61, 67, 89, 119, 129, 133, 267, 268, 271, 273–275, 283–285, 287–289, 291, 296, 302, 311, 313. 316, 322, 25, 328–333, 339, 360, 660, 661, 689
Чулков Г.И. 396, 397

Шагин И.М. 638
Шагинян М.О. 62, 63
Шагов Н.Р. 95, 96
Шайкевич В.В. 334, 542
Шаляпин Ф.И. 266
Шанцер В.Л. 105
Шателен М.А. 126
Шатобриан Ф.-Р. 177, 178
Шацкий 430
Шварц Д.В. 121
Шведов Я.З. 684
Шверник Н.М. 548
Швецова Л.К. 387
Шевырев П.Я. 55, 103
Шейнман А.Л. 227, 255
Шекспир В. 231, 275, 303, 325, 671
Шелли П.Б. 229
Шелюбский И. 192
Шенталинский В.А. 243, 258, 457
Шенхофер Ф. 622
Шервинский С. 107
Шергин Б.В. 10, 445, 449, 452, 486, 487, 511, 512
Шестаков П.Д. 102

Шестов (наст. фам. Шварцман) Л.И. 409
Шефлер М.Е. 557, 569, 574, 596
Шехтель Ф.О. 27, 45, 46
Шилейко В.К. 267, 661, 690
Ширяев Б. 554
Шитиков А. 566, 567, 622
Шишков В.Я. 409, 455, 512
Шкапа И.С. (псевд. Гриневский И.) 5, 7, 8, 14, 15, 17, 26–28, 34–37, 47–49, 136, 148, 176, 550–622, 700
Шкапа (урожд. Бережецкая) Т. 35, 48, 563, 564
Шкапская М.М. 525, 526, 549
Шкловский В.Б. 264, 274, 276–281, 296, 298, 316, 320, 327, 329, 348, 397, 416, 681
Шмидт О.Ю. 176, 293, 294, 307, 313, 320, 321, 557, 566, 627
Шнеерсон А.А. 105
Шолохов М.А. 21, 23, 147, 161, 483, 509, 564, 621, 670
Шопенгауэр А. 59, 60, 686
Шостакович Д.Д. 23
Шоу Б. 146, 159, 175, 181, 245
Шохин А.П. 132, 134
Шошин М. 570, 597
Шпенглер О. 387, 388
Шпет Г. 180
Штейнман З. 440–443, 455
Шторм Г. 187, 518
Шуб Д.Н. 625
Шуваев К.В. 674
Шугаев А.П. 445
Шуган О.В. 108, 134, 135, 256, 550, 567
Шулеман В. 622
Шульгин В.Н. 63, 125
Шульц К.Я. 105
Шумихин С.В. 361
Шухов И.П. 147, 161, 448, 457

Щеголев П.Е. 409
Щепкин М.С. 251
Щепкин Н.Н. 221, 251
Щербаков А.С. 439, 631, 635, 638

Эйдеман Р.Н. 614
Эйнштейн А. 314
Эйхе Р.И. 437, 454, 488, 513
Эйхенбаум Б.М. 179, 264, 274, 277
Энгельс Ф. 97, 110, 111, 113, 119, 220, 257
Энгельгардт А.Н. 386, 422
Эпштейн М.О. 132, 134, 566
Эпштейн М.С. 120
Эрлих А.И. 416
Эфрос А.М. 178, 267, 268, 271, 273, 273, 289, 291, 302, 311, 313

Ювеналиев И.П. 199, 200
Ювеналиев Н.П. 200
Ювеналиева Е.Д. см. Кускова Е.Д.
Югов А.К. 585, 611
Юдин П.Ф. 20, 438
Юнг О. 237, 260
Юргин (наст. фам. Юренский) Н.Н. 416
Юркин Г. 586, 612
Юровский Л.Н. 239, 240, 262, 263

Яблоновский А.А. 251
Яглинг Б.Л. 486, 510
Ягода Г.Г. 5, 13, 15, 16, 18–20, 22, 24, 26–28, 32, 45, 46, 49, 50, 168, 191, 406, 453, 476, 477, 479, 480, 505, 507, 561, 622
Яковлев (наст. фам. Трифонов-Яковлев) А.С. 194, 410, 566
Яковлев Я.А. 176, 557
Янгиров Р.М. 261, 263
Яновский Н.Н. 501
Яновский С.Д. 318
Янсон Я.Д. 154, 156, 180
Яранцев В.Н. 430, 451, 454, 457, 501, 504
Ярков П.Г. 512, 560
Ярославский Е.М. 9, 176, 461, 465, 470, 495, 504
Ясенский Б. (наст. инициалы В.Я.) 416
Ясинский Я.Я. 59

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

ГОРЬКИЙ.
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
(МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ)
Выпуск 12

Верстка А.З. Бернштейн
Корректор Е.Н. Сченснович

Подписано в печать 18.11.2014
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$
Усл.-печ. л. 45,5
Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 2038

ISBN 978-5-9208-0444-0

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М.ГОРЬКОГО РАН

2014

МОСКВА